СОЧИНЕНІЯ

А. П. ЩАПОВА

ВЪ 3 ТОМАХЪ (СЪ ПОРТРЕТОМЪ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА
1906

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ)
Вознесенскій пр. 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ

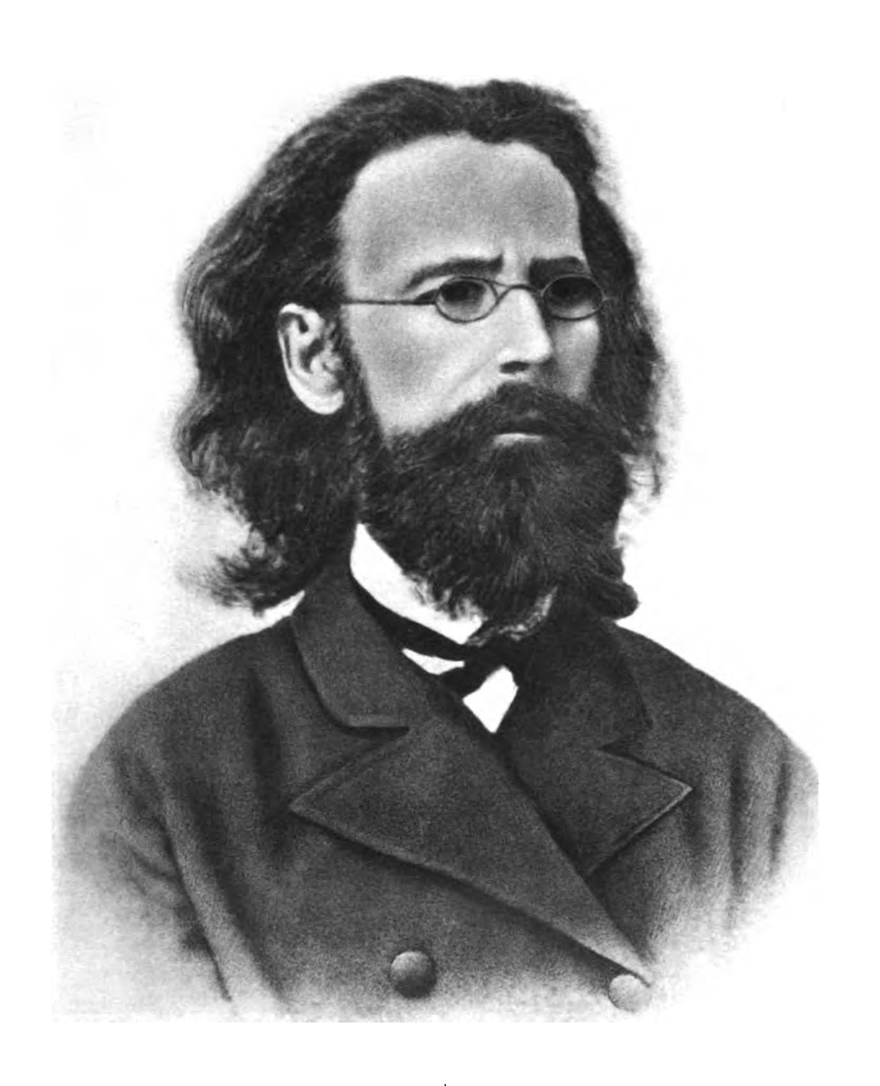
Главнѣйшія неточности

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
			I
451	2 св.	I	I
505	4 сн.	за	а
540	7 „	говорили»: то	говорили: «то
723	1 „	потому, изза-	потому изза-
745	2 „	по службы	службы по
765	23 св.	другіе, –	другіе –
783	1 сн.	Елисеева	Елисеева

ю, са-
нества.
мпера-
быта
нство
стная,
всѣмъ
общаго
въ ли-
когда
вель-
ликую,
величія
она бу-
совре-
анства;
, но и
іанской
благѣ
овъ, съ
зъ Рос-
сочув-
а людей
тить, и
—выслу-

ей исто-
лѣса по-
о на сѣ-
цъ-кочев-

859, in 8-vo
зурное доз-



[illegible]ъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей [1]

М. Г.

[illegible] время Россія занята великою, всенародною думою, [illegible] вопросомъ изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ отечества. [illegible] года, когда благодушный государь нашъ императоръ [illegible] Николаевичъ возвѣстилъ [illegible] объ улучшеніи быта [illegible] несвободнаго сельскаго населенія и [illegible] [illegible]нію объ этомъ дѣлѣ, быстро пронеслась эта [illegible] [illegible] радостная вѣсть по всей широкой землѣ русской, [illegible] [illegible] дѣло это теперь составляетъ предметъ [illegible] [illegible] толковъ и сужденій — и въ живомъ словѣ, и въ [illegible] [illegible] занимать въ исторіи [illegible] такую эпоху, когда [illegible] начиная отъ дворца царскаго, отъ палаты [illegible] [illegible] хижины, такъ живо думали [illegible] думу великую, [illegible] этой думы будетъ великое [illegible] [illegible] украшеніе юбилея тысячелѣтія, который [illegible] 1862 году. Это плодъ и торжество [illegible] [illegible] и [illegible], но и плодъ и торжество христианства [illegible] не только для государства русскаго [illegible] [illegible] Это великій [illegible] [illegible] [illegible] минуту, м. г., изъ глубины [illegible] [illegible], когда только-что [illegible] [illegible] [illegible] древней русской церкви, съ [illegible] сочув[illegible] на современный вопросъ объ улучшеніи быта [illegible] [illegible] древнюю русскую церковь [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] здѣсь древней [illegible] церкви.

[illegible] на минуту [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] безпрестанно [illegible] [illegible]кочев-

[1] [illegible] брошюрѣ [illegible] Казань 1859, in 8-vo [illegible] губернскаго [illegible] Ценсуры [illegible] 1858 г.

Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей [1)]

М. Г.

Въ настоящее время Россія занята великою, всенародною думою, самымъ важнымъ вопросомъ изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ отечества. Съ 20 ноября прошлаго года, когда благодушный государь нашъ императоръ Александръ Николаевичъ возвѣстилъ волю свою объ улучшеніи быта 25 милліоновъ несвободнаго сельскаго населенія и призвалъ дворянство къ общему разсужденію объ этомъ дѣлѣ, быстро пронеслась эта радостная, цѣлые вѣка вожделѣнная вѣсть по всей широкой землѣ русской, по всѣмъ городамъ и селеніямъ: дѣло это теперь составляетъ предметъ всеобщаго вниманія, всеобщихъ толковъ и сужденій—и въ живомъ словѣ, и въ литературѣ. Россія немного запомнитъ въ исторіи своей такихъ эпохъ, когда весь народъ русскій, всѣ, начиная отъ дворца царскаго, отъ палаты вельможи и до послѣдней хижины, такъ живо думали одну думу великую, народную. Осуществленіе этой думы будетъ великое, достойное величія Россіи, событіе, лучшее украшеніе юбилея тысящелѣтія, который она будетъ праздновать въ 1862 году. Это плодъ и торжество не одного современнаго просвѣщенія и цивилизаціи, но и плодъ и торжество христіанства; это—*лѣто Господне пріятное*—не только для государства русскаго, но и для церкви русской. Это высокій нравственный подвигъ христіанской любви, христіанскихъ идей о нравственномъ достоинствѣ, правахъ и благѣ человѣчества. Въ эту минуту, м. г., изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ, съ того конца исторіи нашей, когда только-что развивалось рабство въ Россіи, намъ слышится голосъ древней русской церкви, съ живымъ сочувствіемъ отзывающійся на современный вопросъ объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, и призывающій современную русскую церковь обратить, и съ своей стороны, на него живѣйшее вниманіе. Просимъ вниманія—выслушать вкратцѣ этотъ голосъ древней нашей церкви.

Перенесемся мыслью на минуту въ темные средніе вѣка нашей исторіи, когда только-что еще возникало у насъ рабство. Дремучіе лѣса покрывали тогда еще самую большую часть русской земли, особенно на сѣверо-востокѣ, куда безпрестанно шелъ древній русскій земледѣлецъ-кочев-

[1)] Напечатано въ брошюрѣ подъ такимъ же заглавіемъ. Казань. 1859, in 8-vo Стр., 40. Въ типографіи губернскаго правленія. Изданіе И. Дубровина. Цензурное дозволеніе отъ 18 декабря 1858 г.

никъ, съ своей завѣтной «сохой и косой», убѣгая отъ поработительнаго насилія сильныхъ—землевладѣльцевъ, и ища труда легкаго и льготнаго. За дремучими дебрями рѣдко виднѣются города, главные исходные пункты рабства и крѣпостного права. Бѣлокаменная Москва, откуда, по слову царя нашего, должна была прежде всего возсіять свобода несвободнаго народа, тогда только еще чуть возвышалась, росла. Кругомъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, виднѣлись однѣ деревни, деревни, да *починки*. При преобладаніи лѣса надъ полемъ, при постоянномъ стремленіи и углубленіи народа въ лѣса съ топоромъ, косой и плугомъ, при этомъ постоянномъ «*посаженьи и поставленьи деревень на лѣсѣхъ*», о которомъ говорятъ древніе наши акты,—деревня преобладала надъ городомъ и не знала еще крѣпостныхъ отношеній къ городу, къ городскимъ землевладѣльцамъ.—Но возрастаетъ городъ за городомъ, а въ городѣ возвышается боярскій теремъ, высокій домъ съ гридницей, сѣнями, переходами и высокимъ крыльцомъ, съ дымникомъ наверху, огороженный зубчатой стѣной или заборомъ: и вотъ—слышится изъ этого дома плачь и рыданіе и вопль. Это что такое? Это,—отвѣчаетъ намъ голосъ древней церкви,—рабы, *боярскіе холопы*, претерпѣвающіе отъ господъ своихъ насиліе и побои, моримые голодомъ, томящіеся въ наготѣ и всякаго рода лишеніяхъ. Какъ же эти несчастные попали въ рабство и откуда это насиліе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ гражданское состояніе русскаго общества въ тѣ вѣка и положеніе рабовъ. Юный народъ русскій, полный кипучей энергіи, свѣжести, силъ и страстей, въ то время находился еще только на второй ступени своего общественнаго развитія, на переходѣ къ *гражданскому быту*, когда въ обществѣ сильны бываютъ стремленія владѣльческія, когда личность, только-что вышедшая изъ роду—племени, изъ родового быта, отказавшись отъ общаго родового владѣнья и имущества, жаждетъ, ищетъ частнаго, личнаго владѣнія, господства и собственности, и, при отсутствіи или слабости закона, въ этомъ стремленіи своемъ не знаетъ никакихъ границъ и сдержекъ, когда, слѣдовательно, сильная личность преобладаетъ, или иначе сказать, въ обществѣ господствуетъ частное право, право сильнаго. Въ эту-то эпоху у насъ особенно развилось, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ пріобрѣтенію имущества, стремленіе къ порабощенію свободныхъ людей. Сильно, необузданно было это стремленіе при сильномъ кипѣніи страстей юнаго народа, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни. При отсутствіи или слабости закона, каждая сильная личность, движимая ничѣмъ неукротимой жаждой владѣнія, господства, стремилась, такъ сказать, поглотить, поработить всѣ другія, менѣе сильныя личности. Богатые и сильные, по выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка, епископа Серапіона, «акы звѣрье» въ ненасытномъ стремленіи къ пріобрѣтенію и порабощенію, «жаждали абы всѣхъ погубити, несытьствомъ имѣнья порабощали, не миловали сиротъ, не знали человѣческаго естества [1]); друзіи же, имѣнія не насыще-

[1]) „Прибав. къ Тв. св. отц." за 1843 г. ч. 2. стр. 195.

шася и свободные сироты порабощаютъ и продаютъ» [1]). Вотъ *тіунъ*, судья, мучимый ненасытимой жаждой кунъ, богатыхъ пировъ и обѣдовъ, несправедливо осуждаетъ невиннаго, и продаетъ бѣднаго въ рабство богатому и сильному. Вотъ *рѣзоимецъ* или ростовщикъ даетъ въ займы деньги бѣдному за безбожные проценты: приходитъ срокъ, и, если бѣдный не уплачиваетъ всего долга и роста,—онъ дѣлается *вѣчнымъ холопомъ* рѣзоимца. Тамъ *ябедникъ*, сутяга подкупаетъ многихъ послуховъ—лжесвидѣтелей на свободнаго человѣка,—и судъ отдаетъ ему въ холопство этого сироту, кругомъ опутаннаго несправедливой клеветой. А вотъ шайки *ушкуйниковъ* нарочито устремляются по дорогамъ на добычу рабовъ, хватаютъ по селамъ крестьянъ и продаютъ ихъ въ рабство бусурманамъ... Такими и многими другими способами совершалось порабощеніе свободныхъ людей. И жалка, грустна была участь этихъ несчастныхъ жертвъ насилія! Ихъ, какъ вещь, какъ имущество, можно было продать, заложить, украсть уничтожить. Ихъ можно было убить:—и холопъ не смѣй искать правосудія на господина: права иска на господина холопъ лишенъ былъ *русской правдой* и *уставной грамотой* [2]). Холопъ не имѣлъ права семейной жизни, не имѣлъ права собственности: все, что онъ могъ пріобрѣсть собственнымъ трудомъ, было собственностію господина, а холопъ оставался нагъ, босъ и голоденъ. Холопъ лишался даже возможности быть истиннымъ христіаниномъ, исправлять дѣла благочестія, ходить въ церковь, получать христіанское воспитаніе и нерѣдко умиралъ даже безъ крещенія. Вотъ отъ этихъ-то несчастныхъ и слышится тотъ горькій плачь, рыданіе и вопль на немилостивыхъ старѣйшинъ и бояръ, о которомъ говорятъ наши лѣтописи и древніе пастыри церкви. Такъ доносится до насъ вѣковой горькій плачь жалкаго *заточника*—несчастнаго холопа, отъ XIII вѣка, съ дикихъ береговъ олонецкаго озера Лача; слышится плачевный голосъ Даніила заточника, разнесшійся по всей древней Россіи, съ сочувствіемъ повторяемый всѣмъ русскимъ народомъ въ древнее время. Горькое недовольство угнетающею дѣйствительностью, желаніе выйти изъ безотраднаго положенія вѣчнаго холопства, насилія и неправды; горечь въ самомъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, никѣмъ не признаннаго, смѣлый протестъ противъ безмысленнаго оскорбленія, наносимаго нѣжнѣйшимъ, благороднѣйшимъ и самымъ возвышеннымъ чувствамъ и правамъ человѣка, каковы семейная любовь и благочестіе; желаніе хоть въ монастырѣ, хоть въ пустынѣ дикой возвыситься надъ рабскимъ положеніемъ въ мірѣ, почувствовать себя человѣкомъ, сознать свою нравственно-разумную свободу, вотъ что слышится въ плачѣ горькаго *заточника*,—порабощеннаго человѣка. Какая-то горькая насмѣшка, что-то въ родѣ сатирическаго озлобленія слышится въ голосѣ заточника, когда онъ вспоминаетъ состояніе холопа. Онъ лучше хочетъ всего себя предать главному, верховному власти-

[1]) „Прав. Собесѣд.“ за 1858 г. іюль: новыя поученія Серапіона.

Эти „Новыя поученія“ изданы самимъ Щаповымъ.—*В. Сторожевъ.*

[2]) *Акт. арх. эксп.* т. 1. № 13. См. также *русскую правду* по позднѣйшимъ спискамъ ст. 58, 68, 82, 84, 108, 111 и мног. др.

телю—князю, лучше хочетъ отказаться отъ всѣхъ матеріальныхъ благъ въ домѣ своего поработителя боярина, чѣмъ жить безъ отраднаго, живительнаго внутренняго чувства нравственной свободы. «Лучше мнѣ видѣть,— вопіетъ онъ къ князю изъ далекой пустыни,—свою ногу въ лапти, нежели въ красномъ сапогѣ, въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну его не избыть своей черноты: такъ и холопу. Сколько ни гордись онъ, но укора своего ему не избыть— холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ... Говорится въ мирскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ» [1]).

Вотъ въ отвѣтъ на этотъ-то горькій плачь заточника--древняго русскаго раба, и раздался не медля спасительный, утѣшительный голосъ церкви, голосъ христіанства объ улучшеніи участи рабовъ. Великая будущность ждетъ тотъ народъ, полно жизни и силы то общество, въ которомъ и посреди общественной неправды, среди сильнаго стремленія къ порабощенію, громко раздается могущественный голосъ разумнаго сознанія правды, и противопоставляется сильное стремленіе къ нравственной свободѣ человѣческаго достоинства,—въ которомъ подлѣ грубой матеріальной силы, подлѣ господства сильной личности, стремящейся поработить себѣ слабыя личности, выступаетъ могущественная духовная сила, воздвигаются личности, облеченныя силою духа и правды, какъ пророки, защищающіе вдовъ и сиротъ и во имя христіанства возвѣщающіе отраду несправедливо порабощаемымъ людямъ. Церковь русская, въ эпоху первоначальнаго развитія въ Россіи рабства, уже явилась такой крѣпкой духовной силой, единственной, которая могущественно сдерживала стремленіе матеріальной силы къ порабощенію, и этому стремленію противополагала стремленіе къ улучшенію участи порабощенныхъ. Изъ церкви, съ каѳедры храма, изъ монастыря, изъ келліи подвижника, въ бесѣдахъ съ рабовладѣльцами, въ посланіяхъ къ князьямъ и боярамъ, неумолчно раздавался пастырскій голосъ въ защиту людей несвободныхъ, голосъ, требовавшій или освобожденія ихъ, или по крайней мѣрѣ улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Вотъ немилосердый поработитель человѣка, богатый, но жестокосердый рабовладѣлецъ думаетъ успокоить свою совѣсть: идетъ въ церковь и ставитъ множество свѣчъ предъ алтаремъ, подаетъ милостыню нищимъ отъ имѣнья, пріобрѣтеннаго трудами рабовъ, лишними накладами на порабощенныхъ, отъ доходовъ селъ, принадлежавшихъ другимъ и отнятыхъ имъ. Надъ нимъ тотчасъ гремитъ слово церкви «богачъ! ты зажегъ на свѣтильникахъ церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли обидимые тобой рабы, сироты и вдовы съ воздыханіями къ

[1]) Слово Даніила заточника, изд. въ „Памятн. росс. словесн. XII в.“ стр. 227—240. Издано также и въ 1 кн. „Русской бесѣды“ за 1857 годъ. Оно весьма уважалось въ древней Россіи, такъ что даже лѣтописцы при имени Лача-озера замѣчали: „идѣже бѣ Данило заточеникъ“. (П. с. лѣт. подъ 1378 г.).

Богу на тебя. Они слезами своими погасятъ твою свѣчу. О лицемѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣщать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты изобидѣлъ. Это лютость, а не милостыня—рабовъ обидѣть, а другихъ миловать; однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлять. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои, пасущіе стада, потравили нивы сиротины, а другіе рабы твои муками и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишенные и ограбленные,—тѣ всѣ съ плачемъ вопіютъ на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, неправедный судія! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить неправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда даетъ» [1]): Вмѣстѣ съ симъ пастыри древней нашей Церкви постоянно и строго наказываютъ и священникамъ отнюдь не принимать въ храмъ даровъ «отъ злого господина, который челядь свою муками и ранами томитъ, налагаетъ на нихъ работу не по силѣ, моритъ голодомъ, томитъ наготою [2]). Вотъ идетъ на исповѣдь жестокосердый господинъ, безжалостно отвергающій слезы и челобитныя угнетеннаго раба, испрашивающаго позволеніе откупиться на волю, и, наконецъ, только за безбожную цѣну возвращающій ему личную свободу. Прежде, чѣмъ этотъ господинъ приходитъ на исповѣдь, церковь уже строго наказала священникамъ такъ поучать подобныхъ господъ—рабовладѣльцевъ: «о горѣе всего тѣмъ, которые берутъ *изгойство* (лишнія деньги съ выкупающихся отъ рабства): не увидятъ милости непомиловавшіе равнаго себѣ, созданнаго рукою Божіею человѣка, ненасыщающіеся, недовольные урочною цѣною за свободу, и полагающіе цѣну *не по закону Божію*. Еще горе на горе прилагаютъ душѣ своей, когда при этомъ не только свои души губятъ, но и поставляютъ *послуховъ*—свидѣтелей по себѣ и по своей злобѣ, которыхъ влекутъ къ своимъ же злымъ судьямъ большими дарами и мздами. Также, *если кто продаетъ челядина, пусть столько же беретъ за него, сколько самъ далъ*: если же беретъ лишнее, то значитъ, беретъ наклады и торгуетъ живыми душами, съ которыми предстанетъ и на судъ Божій. Также, *если кто выкупается на свободу, пусть столько же даетъ за себя, сколько дали за него*. Потомъ, *если онъ будетъ свободенъ, то уже и дѣти его свободны*; а если кто станетъ дѣтей его брать въ рабство, и съ нихъ потомъ взыскивать *изгойство* (лишніе деньги за свободу),—тѣ обрящутся кровь неповинную продающими, и взыщется отъ руки ихъ кровь та предъ Богомъ на страшномъ судѣ: лучше бы имъ не родиться. Свидѣтель сему самъ Богъ Іисусъ Христосъ, который самъ искупилъ насъ своею кровію отъ рабства діавола и отъ человѣческой неправды и злобы. И самъ Господь сказалъ: нѣтъ милости не сотворивше-

[1]) *Измарагдъ* рукп. солов. библ. XV вѣка. № 270. л. 187: „слово о немилостивыхъ богатыхъ“.

[2]) *А. И. т.* 1. № 109.—*Сборн.* солов. библ. № 826. л. 311: „поученіе иже во святыхъ отца нашего Евфимія, архіепископа великаго Новгорода“.—Также *кормчая* сол. библ. № 858.

му милости» [1]). — Такъ по суду древней русской церкви, одно взиманіе *изгойства*, т. е. лишнихъ денегъ съ выкупающихся отъ рабства на свободу, считалось уже самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Оно приводило въ страхъ благочестивыхъ пастырей. Между прочимъ вотъ еще толкованіе на молитву Господню; слова молитвы Господней: *избави насъ отъ лукаваго*—напоминаютъ толкователю изгойство, и у него тотчасъ невольно исторгается грозный судъ противъ изгойства: «горче всего, говоритъ онъ, брать изгойство: изгойство—безконечная бѣда, непрестающія слезы, немолчное воздыханіе, неусыпающій червь, несогрѣемая зима, неугасающій огонь» [2]). Или вотъ, приближаясь къ гробу, немилостивый поработитель свободныхъ людей заказываетъ, чтобъ его погребли близь церкви: погребеніемъ близь церкви надѣялся онъ умилостивить Бога за свой тяжкій грѣхъ изгойства и порабощенія. Но церковь такому отвѣчала: «если кто—рѣзоимецъ, обидникъ и грабитель положенъ въ церкви, ежели онъ кого поработилъ въ жизни, тѣ, пришедши ко гробу его,. возопіютъ на него со слезами къ Богу: Господи Боже! Ты местникъ обиднику нашему: о горе таковымъ, хотя и въ церкви положены будутъ» [3]).

Обличая жестокосердыхъ рабовладѣльцевъ за ихъ нечеловѣколюбивое обхожденіе съ рабами, за то, что они не отпускали на свободу выкупающихся отъ рабства, или брали слишкомъ большую цѣну за свободу,—Церковь поучала всѣхъ вообще рабовладѣльцевъ обращаться съ рабами, какъ съ своими чадами, заботиться отечески объ ихъ матеріальномъ и духовномъ благѣ. Вотъ напр. одно изъ многихъ—«*слово церкви къ тѣмъ, которые имѣютъ челядь*»: «если кто изъ васъ имѣетъ рабовъ и рабынь, учите ихъ и побуждайте къ крещенію и покаянію и наставляйте на законъ Божій и грозою, и ласкою. Ты игуменъ въ своемъ дому. Если не учишь ихъ, то отвѣтъ дашь за нихъ предъ Богомъ. И корми ихъ довольно, снабжай одеждами и яствами,—и что имѣете и чего они попросятъ, давайте, да не въ скорби ходятъ. А не безчествуйте ихъ: ибо они такіе же люди, только вамъ въ услуженіе даны Богомъ. Если же вы имъ не дадите одежны и пищи, а они, не стерпя голоду и наготы, начнутъ красть и разбивать, вы дадите отвѣтъ предъ Богомъ за то... Позаботимся, братіе, о спасеніи нашихъ слугъ, чтобы они были добры и знали страхъ Божій... Если рабы наставлены будутъ на страхъ Божій, то будутъ тебѣ пособниками въ добрѣ. Не оставляй своихъ рабовъ и рабынь праздными: ибо праздность ведетъ ко многому злу. Но и не отягчай чрезъ силу раба и рабыню, чтобы они въ горести не воздохнули на тебя къ Богу. Богъ услышитъ вопль ихъ, и проліетъ на тебя гнѣвъ свой... Господа! удовлетворяйте рабовъ своихъ, да не опечаливаются душами своими и да не скорбятъ изъ-за тѣлесной скудности; всѣхъ дѣлайте довольными. Учите ихъ закону; если кто не послушаетъ тебя, ты накажи его, но не чрезъ силу: такъ спасешь его душу,

[1]) Это замѣчательное поученіе находится въ *сборной кормчей* солов. библ., писанной въ 1493 г. при Геннадіи архіеп. новгородскомъ. № 858. л. 382—383.

[2]) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи. кн. 2. пол. 2.

[3]) *Измарагдъ* рукп. сол. библ. № 270. л. 171: „*слово о кладущихся въ церкви*“.

и тѣмъ его предохранишь отъ человѣческихъ пороковъ. Если же имѣешь добраго раба то имѣй его не только какъ брата, а какъ сына. А если озлобишь его, когда онъ хорошо работаетъ на тебя, то онъ убѣжитъ на другую землю отъ тебя» [1]). Обличаемый и поучаемый такимъ образомъ въ церкви, вотъ идетъ богатый рабовладѣлецъ въ монастырь: за нимъ везутъ изъ его житницъ цѣлый возъ хлѣба на братію. Тутъ выходитъ къ нему старецъ, подвижникъ монастыря, и тихо, кротко отвѣчаетъ на его предложеніе: «сынъ мой! что ты нынѣ приготовилъ для насъ, то отнеси назадъ домой: у тебя въ дому есть работники, напитай напередъ рабовъ своихъ, только остатки, какіе останутся отъ нихъ, принеси нашей нищетѣ, и тогда будешь истинный милостивецъ» [2]). «Это великій подвижникъ (Димиртій вологодскій) сказалъ господину для того,—замѣчаетъ жизнеописатель,—чтобы онъ не былъ золъ къ своимъ рабамъ, и такъ поучалъ преподобный не одного этого господина, но и всѣхъ». А мы, на основаніи многихъ историческихъ свидѣтельствъ, прибавимъ: такъ поучалъ рабовладѣльцевъ не одинъ этотъ великій подвижникъ, слова котораго мы привели, но и другіе и вообще всѣ: рѣдкое жизнеописаніе великаго подвижника древней руской церки не украшается такими поученіями. Такъ напр. великій просвѣтитель сѣвернаго поморья—Зосима самъ терпѣлъ жестокія притѣсненія отъ боярскихъ рабовъ, промышлявшихъ на новгородскихъ бояръ въ сѣверномъ поморьи, такъ что принужденъ былъ лично идти въ Новгородъ—испрашивать у бояръ защиты отъ ихъ рабовъ, но тамъ съ презрѣніемъ встрѣчаетъ его богатая сѣверо-поморская помѣщица, знаменитая новгородская боярыня Марѳа посадница. А чрезъ нѣсколько времени приходитъ изъ Новгорода къ тому же преп. Зосимѣ въ Соловецкій монастырь богатый рабовладѣлецъ съ богатыми дарами. Чтожъ? Зосима забываетъ всѣ обиды, какія терпѣлъ отъ рабовъ новгородскихъ бояръ, не беретъ даровъ отъ рабовладѣльца, а прежде всего поучаетъ его самого—человѣколюбиво обходиться съ рабами, не морить ихъ голодомъ и наготою, а держать въ любви. Или: доходитъ слухъ объ извѣстномъ рабовладѣльцѣ до великаго подвижника древней русской церкви, до Кирилла бѣлозерскаго, до Іосифа волоколамскаго, или до другого какого либо подвижника, что такой-то рабовладѣлецъ жестого обращается съ своими рабами, лишаетъ ихъ пищи и одежды, нисколько не печется объ нихъ. Человѣколюбивый подвижникъ тотчасъ пишетъ ему посланіе, не взирая на то, кто былъ этотъ рабовладѣлецъ—князь или бояринъ. «Слухъ до меня доходитъ про твое благородство,—пишетъ напр. Іосифъ волоколамскій одному боярину,—что де немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ; тѣснота и скудность велика имъ въ тѣлесныхъ потребахъ; пищей и одеждой не только не довольны, но и съ голоду истаеваютъ, и отъ наготы страдаютъ. А посему я грѣшный осмѣливаюсь напомянуть тебѣ, моему господину, вспомнивъ твою вѣру къ пречистой Богородицѣ, и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ. Хотя и неприлично

---

[1]) *Измарагдъ* солов. библ. № 270. л. 97.

[2]) Сборн. сол. библ. № 805. л. 150—151: „житіе Димитрія вологодскаго".

мнѣ грѣшному, господинъ, писать тебѣ о семъ, и посылать тебѣ наставленіе къ пользѣ и принимать на себя учительскую власть, не имѣя ни ума, ни разсудка очищеннаго; однакожъ, да знаетъ твое боголюбіе, что не мои мысли эти, а я слышалъ ихъ отъ божественнаго писанія. Оно повелѣваетъ рабовъ своихъ имѣть не какъ рабовъ, но какъ братьевъ миловать, питать и одѣвать довольно, пещись о спасеніи душъ ихъ, наставлять ихъ всегда на добрыя дѣла, т. е. не творить убійства, не грабить, не красть, не творить прелюбодѣйства, отъ достатковъ своихъ подавать милостыню нищимъ. Такъ господину всегда должно учить ихъ со смиреніемъ многимъ, усердно заботиться о душахъ ихъ и представить ихъ предъ Богомъ чистыми и непорочными. И только, сынъ мой, будетъ такъ, какъ слухъ доходитъ до меня грѣшнаго про твое благородство, что въ каковой тѣснотѣ у тебя нынѣ твои рабы и сироты, право, имъ не только нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ и имѣть къ другимъ милостыню, когда сами съ голоду истаеваютъ, но и отъ худыхъ обычаевъ не удержатся, если не будутъ имѣть пищи и одежды для тѣла и претерпѣвать скудность во всякихъ необходимыхъ потребностяхъ. И ты, господинъ, смотри, какъ божественное писаніе страшно угрожаетъ и говоритъ: бѣда великая, страшная и мученіе безконечное тѣмъ, которые не пекутся, не имѣютъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, а только работами изнуряютъ и ранами казнятъ, одежды и пищи не даютъ, а голодомъ морятъ; о душахъ ихъ не пекутся, но гордятся и желаютъ суетной и тщетной жизни—прелести свѣта сего, не имѣя той мысли и забывая, что всѣ—созданіе Господне, всѣ—плоть одна, всѣ помазаны однимъ мvромъ, всѣ—въ рукѣ Господа, который кого хочетъ, дѣлаетъ нищимъ; забывая, что всѣ станемъ предъ единымъ страшнымъ Царемъ на безстрастномъ его суду, что таковые властелины будутъ сами преданы въ вѣчную муку. И ты, господинъ, Бога ради побереги себя: ибо и малое небреженіе, господинъ, великія бѣды навлекаетъ; а тѣмъ болѣе бояться должно этого грознаго прещенія къ немилостивымъ и немилосерднымъ, и всегда должно помнить Христову евангельскую заповѣдь: якоже хощете да творятъ вамъ человѣцы, творите и вы имъ такожде благая; и блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ. И вотъ, господинъ, Богъ на тебѣ свою милость показалъ, и государь великій князь тебя пожаловалъ: такъ вотъ и тебѣ, господинъ, слѣдуетъ пожаловать своихъ клевретовъ и показать къ нимъ молость, пищей и одеждой удоволить и другими всякими нужными потребами успокоить, и на добрыя дѣла Господни должно всегда поучать... Прости меня, господинъ, что твое жалованіе и любовь сдѣлали меня смѣлымъ и дерзновеннымъ; со умиленіемъ прошу тебя показать тщательный подвигъ въ попеченіи о рабахъ; а писалъ я тебѣ, господинъ, отъ слуха, да и самъ видѣлъ нужду ихъ» [1]. Такъ для древнихъ великихъ мужей нашей церкви дружба дружбой была, а правда правдой, кого бы она ни касалась — князя или боярина. Не приводимъ еще подобнаго посланія къ князю преп. Кирилла бѣлозерскаго и другихъ многихъ.

И не словомъ только поучали подвижники древней русской церкви рабовладѣльцевъ, а и примѣромъ. Эти святые мужи были какъ-бы проро-

[1]) Дополн. съ акт. истор. т. 1. № 213.

ками и, если можно такъ сказать, прообразователями грядущей свободы чадъ Божіихъ. Въ то время, какъ толпы земледѣльцевъ и рабовъ бѣгутъ изъ селъ мірскихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ отъ поработительнаго насилія сильныхъ, углубляются все далѣе и далѣе въ дремучіе лѣса и тундры огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣверо-восточной Россіи и населяютъ пустыни,—въ то же время, всегда впереди ихъ, идутъ ходатаи рабовъ, защитники порабощаемыхъ и угнетаемыхъ земледѣльцевъ и рабовъ—св. отшельники. Дѣти богатыхъ рабовладѣльцевъ—Зосима соловецкій, Антоній сійскій, Кириллъ бѣлозерскій, Александръ свирскій, Савва вишерскій, Корнилій вологодскій и цѣлый сонмъ подобныхъ отшельниковъ изъ рода богатыхъ бояръ—рабовладѣльцевъ, измлада напитавшись высокимъ ученіемъ церкви о рабахъ, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ, по смерти родителей своихъ оставляютъ свои богатыя имѣнья, возвѣщаютъ свободу всѣмъ своимъ рабамъ; а сами уходятъ въ лѣса и дебри отдаленныхъ краевъ Россіи, чтобы тамъ насаждать сѣмена новой жизни, и тамъ еще даютъ льготы многочисленнымъ колоніямъ земледѣльценъ. И за ними идутъ тысячи народонаселенія, идутъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ непрерывнымъ, стремительнымъ движеніемъ, въ чаяніи чрезъ нихъ защиты, освобожденія, избавленія отъ поработительнаго деспотизма сильныхъ. И вотъ около монастырей и пустынь отшельниковъ, среди дремучихъ дебрей, насаждается множество селъ, деревень и починокъ. Великіе отшельники, однажды навсегда отказавшіеся отъ своихъ селъ и рабовъ, еще далѣе уходятъ отъ наплыва стремящагося къ нимъ народонаселенія въ невѣдомые, непроходимые лѣса сѣвера, куда, выражаясь языкомъ древняго русскаго земледѣльца, ни топоръ, ни коса, ни соха не ходили; но земледѣльцы русскіе, повсюду ходившіе съ своимъ завѣтнымъ топоромъ, косою и сохой, находили и тамъ своихъ покровителей, отшельниковъ, и населяли около нихъ новыя села, деревни и новые починки. Не напрасно, а многозначительно было въ исторіи русской церкви и гражданственности это всеобщее, непрерывное стремленіе народа за великими подвижниками, къ ихъ обителямъ, это постоянное примыканіе къ нимъ отовсюду стекавшагося народонаселенія. Ибо оттуда, изъ этихъ обителей, слышался отрадный для угнетаемаго народа голосъ о нравственно-христіанской свободѣ раба и земледѣльца, такъ безпристрастно, неумолчно и гласно обличавшій жестокосердіе и несправедливость господъ. Около этихъ обителей, и только около нихъ однихъ, находила спасеніе, огражденіе, мирный пріютъ личность, въ обществѣ не признанная, подавляемая, гонимая всеобщимъ стремленіемъ къ порабощенію; ради ихъ и отъ нихъ давались земледѣльцамъ льготы, облегченія въ податяхъ и повинностяхъ и большая свобода труда. О всѣхъ почти великихъ подвижникахъ древніе памятники говорятъ: «должникамъ освобожденіе и искупъ подавалъ, и самъ отпускалъ долги; обидимымъ отъ насилующихъ и немилостивыхъ судей заступникъ бысть предивный, многихъ плѣнныхъ искупилъ и въ своихъ мѣстахъ паки посадилъ» [1]).

[1]) „Житіе Кирилла бѣлозерскаго", сбор. солов библ. № 219; также „житіе Димитрія прилуцкаго". Сборн. сол. библ. № 805; и тоже во многихъ другихъ житіяхъ.

Такъ сіяла въ древней русской церкви идея лучшей участи людей несвободныхъ, и — свѣтъ во тьмѣ свѣтился. Смотря на общественную жизнь народа съ точки христіанства, съ книгою Евангелія, церковь возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства, *гуманности*, задолго прежде, чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ и даже сильныхъ потрясеній въ жизни общественной.

Но вотъ фактъ, котораго мы не минуемъ: церковь сама владѣла крестьянами. Послушаемъ же, что говоритъ и тутъ правда историческая. Во-первыхъ: древніе русскіе князья и цари, не давая церкви другого матеріальнаго обезпеченія, сами давали ей земли и крестьянъ; бояре и другіе зажиточные люди передавали церкви своихъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ; вступавшіе въ монастыри владѣльцы приписывали своихъ рабовъ къ монастырямъ, отказываясь отъ своихъ личныхъ надъ рабами правъ. Наконецъ, самъ народъ охотнѣе шелъ жить по договорнымъ граматамъ на земли церковныя и монастырскія, чѣмъ на земли боярскія, охотнѣе подчинялся игуменамъ монастырей, чѣмъ сильнымъ міра-сего — боярамъ, потому что ему тамъ большею частію было жить лучше, — льготнѣе, обезпеченнѣе. Словомъ, основанія духовныхъ владѣній были совсѣмъ другія, чѣмъ у мірскихъ владѣльцевъ: не насиліе, не порабощеніе, не обращеніе въ холопство лихоимствомъ, сутяжничествомъ и всѣми неправдами. А между тѣмъ достаточно прочитать любую монастырскую уставную грамату, чтобы видѣть, какъ заботилась церковь о своихъ крестьянахъ. Въ уставныхъ граматахъ обыкновенно строго наказывалось монастырскимъ приказчикамъ: «а прилучится нашему крестьянину монастырскому каково дѣло до иныхъ волостей крестьянъ, и пойдутъ къ сроку въ городъ на судъ, — и нашему прикащику и доводчику съ ними за дѣлы итти, и *крестьянъ въ судѣ беречи накрѣпко, и отъ того отъ крестьянъ ни поминка, и ни ѣзду не имать доводчику ничего* . . . А если старецъ нашъ или прикащикъ или доводчикъ коего крестьянина изобидитъ чѣмъ нибудь, или не по сей нашей граматѣ что на нихъ возмутъ, и *имъ отъ насъ быть въ пользѣ и смиреніи, и кого чѣмъ обидятъ, и намъ велѣть на нихъ доправить вдвое*»[1]). Пастыри церкви увѣщевали игуменовъ монастырей и прикащиковъ своихъ вотчинъ оберегать крестьянъ: «Бога ради, будь милостивъ ко крестьяномъ», пишатъ напр. Никонъ игумену Иверскаго монастыря въ граматѣ объ устройствѣ монастырскихъ зданій[2]). Во-вторыхъ: крестьяне принадлежали не *лицамъ* духовнымъ, на правахъ личной собственности, какъ было у бояръ, а *учрежденіямъ* духовнымъ: церквамъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ. Это далеко не одно и тоже — и духовныя владѣнія подлежатъ совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія. Въ-третьихъ: кто прежде всѣхъ выразилъ мысль — отказаться отъ крестьянъ? Кто прежде всѣхъ поднялъ вопросъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть крестьянами? — Сама же церковь, — по крайней мѣрѣ лучшіе и передовые въ ней люди. Извѣстно, какъ напр.

[1]) См. въ Акт. ист. уставныя граматы Филиппа игум. соловецкаго, также Кирилло-бѣлоозерскаго монастыря, и мн. др.

[2]) А. И. т. IV, стр. 192.

разсуждалъ объ этомъ еще митрополитъ Кипріанъ, какъ сильно спорилъ знаменитый отшельникъ Нилъ сорскій съ Іосифомъ волоколамскимъ о томъ, что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть крестьянами, какъ на сторонѣ преп. Нила были пустынники бѣлозерскіе. Отъ времени до времени, почти черезъ весь періодъ владѣнія крестьянами, изъ среды духовенства не переставали возникать голоса противъ этого владѣнія. Если же при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III духовенство на соборѣ торжественно не согласилось отказаться отъ владѣнія крестьянами: то вѣдь тогда вопросъ былъ только о передачѣ духовныхъ крестьянъ боярамъ и служилымъ людямъ, а не о томъ, чтобы дать крестьянамъ свободу: слѣдовательно предметомъ спора былъ только *фактъ* владѣнія ими, а не *право*; права же духовенства, если не въ гражданскомъ, то въ нравственномъ смыслѣ были тѣ же, по этому предмету, что у бояръ, и даже чище и нравственнѣе, потому что духовенство пріобрѣтало крестьянъ не насиліемъ, порабощеніемъ, сутяжничествомъ, а добровольными жертвами мірскихъ владѣльцевъ и самыхъ князей, не менѣе добровольнымъ поселеніемъ крестьянъ на духовныхъ земляхъ и только отчасти -- покупкою. А если бы дѣло шло объ освобожденіи крестьянъ, едвали можно сомнѣваться въ томъ, что церковь не постояла бы за свои владѣнія. Опять не надо забывать, что духовные крестьяне принадлежали не лицамъ, а учрежденіямъ церковнымъ: а при этомъ отказъ духовенства великому князю Іоанну III получаетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ — если бы отказывали лица, отстаивая свои личныя преимущества и выгоды: отдѣльныя же духовныя лица показывали и въ этомъ отношеніи примѣры поучительные. Знаменитый московскій священникъ XVI вѣка, Сильвестръ въ своемъ «Домостроѣ» говоритъ сыну: «работныхъ своихъ я всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупилъ изъ рабства и на свободу попускалъ. И всѣ тѣ работные наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ ты видишь, и молятъ за насъ Бога и доброхотствуютъ всегда. И домочадцы наши нынѣ всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ» [1]).

Церковь даже русскимъ царямъ излагала основанія для благоустройства крестьянъ. Такъ въ «*словѣ о правдѣ*», приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «если поискать въ нынѣшнее время благовѣрнаго царя, то не знаемъ во всѣхъ народахъ, кромѣ русскаго народа, правовѣрующаго царя. И если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣностно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ — до самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы*; отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а *хлѣбъ главизна всѣхъ благъ*... Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена, то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа

[1]) *Временникъ* Имп. моск. общ. истор. кн. 1. матер. стр. 31—33. 49. 97. 109. 111.

и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ, также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; *на ямскія расходы много серебра выходитъ.* Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры — писари ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то *отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врозь,* и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. *Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію — отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами*; ибо владѣютъ большими прибытками. *Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ.* Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится, и *писари уменьшатся, сборы прекратятся и взятокъ не будетъ*» [1]). Такъ церковь заботилась объ улучшеніи быта крестьянъ, когда и сама владѣла ими, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ.

Что же? Внимало ли древнее русское общество голосу церкви? Слушались ли его древніе рабовладѣльцы? Внимали и слушались, но только поздно и не вполнѣ. Плодомъ вѣкового ученія церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей — былъ вѣковой же обычай въ древней Россіи только при смерти отпускать на волю своихъ рабовъ. При смерти и князья освобождали своихъ рабовъ. Про одного волынскаго князя XIII вѣка лѣтопись говоритъ, что, когда онъ, при одномъ предпріятіи, по обычаю того времени, раскрылъ книгу св. Писанія, ему открылись слова Христовы: «Духъ Господенъ на мнѣ, егоже ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя, отпустити сокрушенныя во отраду» и проч., — и онъ при смерти всѣхъ «работныхъ освободилъ» [2]). Но вотъ умираетъ и тотъ жестокосердый рабовладѣлецъ, который всю жизнь свою провелъ въ порабощеніи людей, и котораго всю жизнь обличала церковь, — и тутъ-то, при видѣ гроба, при воплѣ и терзаніяхъ совѣсти, вспоминался ему голосъ церкви, — и онъ въ своей духовной изрекалъ: «всѣмъ моимъ кабальнымъ людямъ воля; которые мои люди полные, и докладные и кабальные и всякіе люди, прикащикамъ моимъ тѣхъ всѣхъ людей отпустить на свободу, дать имъ отпускные и надѣлить ихъ изъ моего живота деньгами и хлѣбомъ». Теперь-то рабовладѣлецъ, доселѣ безчеловѣчно издѣвавшійся надъ своими рабами и рабынями, теперь-то слышалъ упрекающій, вопіющій голосъ совѣсти и церкви, — и самъ на одрѣ смертномъ просилъ прощенія у всѣхъ своихъ рабовъ: «сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ въ своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ, и къ женамъ ихъ и вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣніемъ, а иныхъ есьми грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, — согрѣшилъ во всемъ и передъ ними виноватъ: простите меня грѣшнаго и благосло-

---

[1]) Архивъ историко-юрид. свѣдѣній о Россіи, кн. 2, пол. 1.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 206—219.

вите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ» [1]). Но въ томъ же умирающемъ рабовладѣльцѣ происходила еще тяжкая, предсмертная борьба двухъ противоположныхъ стремленій, господствовавшихъ и во всемъ тогдашнемъ обществѣ, съ одной стороны — земного, грубаго - стремленія къ порабощенію, съ другой стороны — духовнаго, нравственно-христіанскаго стремленія къ освобожденію; тотъ же самый рабовладѣлецъ, который, умирая, дрожащей рукой писалъ духовную — отпускную своимъ рабамъ, молится о своемъ сынѣ: «умножь, Господи, имѣніе его и распространи села его, да разбогатѣетъ домъ его рабы и рабынями и всякими скоты». Тотъ же рабовладѣлецъ, который, по господствующему обычаю, половину рабовъ отпускаетъ, остальныхъ рабовъ удерживаетъ въ холопствѣ, и у гроба пишетъ завѣщаніе: «благословляю свою жену и сына своего своими холопами и полными людьми» [2]).

Такъ древне-русское общество съ трудомъ мирилось съ высокою идеею христіанской, нравственной свободы и не созрѣло еще для полнаго осущественія ея. Въ XVII в. совершилось укрѣпленіе несвободныхъ людей къ землѣ. Въ XVIII вѣкѣ это укрѣпленіе возведено въ крѣпостное право и, если можно такъ сказать, въ душевладѣніе. Вѣкъ этотъ, столько же, если еще не болѣе, мрачный, сколько и великій въ нашей исторіи, вѣкъ узурпаторства, преобладанія сильныхъ, разрозненія сословій, вѣкъ матеріализма и чувственныхъ нравовъ, едвали не былъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ вѣковъ для нашего народа, для его низшихъ классовъ. Такъ нынѣ объ этомъ вѣкѣ уже прямо говорятъ и пишутъ; намъ можно объ немъ еще одну правду сказать. По идеѣ гражданственности, впрочемъ плохо понятой, и по иноземному вліянію, тогда унижено было въ обществѣ духовенство, которое вслѣдствіе этого униженія стало и нравственно слабѣть, упадать, утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ, закоснѣло въ школьной рутинѣ, какъ-бы замкнулось въ своей кастѣ. Въ тоже время, какъ духовенство было унижено, по той же идеѣ, непомѣрно было возвышено, привиллегировано, въ ущербъ другимъ сословіямъ, землевладѣтельное сословіе. XVIII вѣкъ былъ въ исторіи нашей почти исключительно вѣкомъ развитія аристократизма, а не развитія народа, всего народа. Но каковъ былъ этотъ аристократизмъ XVIII вѣка? Достаточно вспомнить, какъ описалъ его Фонъ-Визинъ, и какъ изображается онъ въ мемуарахъ XVIII вѣка. Дворянство считало своимъ исключительнымъ гербомъ *честь*, а низшимъ классамъ, даже въ печати и въ публичныхъ актахъ, усвоено было названіе *подлаго народа*. Тогда утверждено и крѣпостное право на цѣлыя поколѣнія, милліоны народа. Но непріятные случаи, возникавшіе изъ отношеній между крестьянъ и помѣщиковъ во второй половинѣ XVIII вѣка, движенія крестьянъ при Пугачевѣ, можно сказать, были первыми плодами крѣпостного права.

Что же? Ужели та великая идея разумночеловѣческой, нравственной свободы, которая, прямо истекая изъ духа христіанства, составляетъ одно

---

1) *Акт. юридич.*, изд. Калачевымъ. т. 1. № 86.

2) Акт. юрид. т. 1. стр. 558 и слѣд.

изъ самыхъ жизненныхъ началъ истиннаго прогресса человѣчества, ужели она должна была только блеснуть для несвободныхъ людей изъ древней нашей церкви, и потомъ исчезнуть навсегда? Нѣтъ! *Ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ; и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно ... сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ.* «Не умираютъ тѣ идеи, скажемъ словами одного нашего писателя, которымъ опредѣлено быть вѣчными; умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и выѣтрившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, затѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру. Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-русскаго и что освящено христіанствомъ». Не даромъ простой народъ нашъ доселѣ помнитъ и съ живымъ сочувствіемъ разсказываетъ про древнихъ благочестивыхъ пастырей и подвижниковъ русской церкви, которые защищали его отъ угнетенія и неправды, и всегда выражаетъ при этомъ желаніе — нынѣ имѣть такихъ пастырей и учителей, прилагавшихъ ученіе Христово къ самой жизни ихъ, къ насущнымъ, нравственнымъ потребностямъ народа. И древній горькій заточникъ въ своемъ уныніи не доходилъ до отчаянія, а и на дикихъ берегахъ Лача-озера также чаялъ освобожденія. И всѣ древніе русскіе люди, съ какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ перечитывавшіе краснорѣчивый плачь горемычнаго заточника, были вполнѣ увѣрены, что рано или поздно осуществится идея церкви объ улучшеніи быта народнаго, правда восторжествуетъ, и заточникъ будетъ помилованъ и освобожденъ. Въ народѣ русскомъ въ древнее время сложилась даже замысловатая повѣсть о томъ, какъ заточникъ запечаталъ свое «моленіе» въ воскъ, бросилъ завощеный свитокъ въ озеро; свитокъ поглотила рыба; рыбакъ поймалъ рыбу, и, нашедши въ ней свитокъ, принесъ къ князю; князь прочелъ и повелѣлъ заточника освободить отъ горькаго заточенія. — Вотъ, благодареніе Богу! мы дожили, мы живемъ въ ту великую эпоху, когда царь нашъ возвѣстилъ лучшую участь вѣковому, бѣдному заточнику — крѣпостному народу русскому.

М. Г.! Къ чему, — быть можетъ, подумаете вы, — вспоминать голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, когда нынѣ уже живой, громогласный и дѣйственный голосъ разнесся по Россіи. — Къ тому, что современная русская церковь, свидѣтельница улучшенія жизни крестьянъ, какъ непосредственная преемница древней русской церкви, есть вмѣстѣ съ тѣмъ преемница и всѣхъ ея высокихъ, христіанскихъ идей. Если древняя наша церковь сѣяла *голое зерно*, возвѣщала только идею улучшенія быта несвободныхъ людей, то современная церковь наша призывается голосомъ древней церкви возрастить, воспитать *будущее тѣло*, раскрыть, уяснить народу высокое нравственное значеніе свободы, развивать, воспитывать въ духѣ истинной, нравственно-христіанской свободы духовно-нравственную жизнь народа, раскрывать, вырабатывать и приводить въ дѣйствіе начала нравственнаго улучшенія быта народнаго. Свобода не принесетъ всей пользы народу, если не будетъ имѣть нравственнаго направленія, нравственныхъ основаній: иначе она можетъ быть даже вредна

для него, будетъ не лучше средневѣковаго разгула матеріальной силы и произвола. Вотъ къ чему призываются нынѣ современные пастыри русскаго народа, современная духовная наука и литература, чтобы быть вѣрными живымъ преданіямъ древней нашей церкви, развить, провести въ жизнь общества и оплодотворить ея высокія и прекрасныя идеи [1]).

---

[1]) Напечатанная выше рѣчь была произнесена А. П. Щаповымъ 8 ноября 1858 г.; ѣются свѣдѣнія, что 8 ноября 1857 г. Щаповъ также читалъ на актѣ казанской ховной академіи рѣчь подъ заглавіемъ „Религія и русская народность"; текста по- ѣдней, кажется, не сохранилось. — *В. С—въ.*

Памяти М. В. Ломоносова

Рѣчь [1])

Отрадный фактъ, что и мы, русскіе, стали наконецъ торжественно воспоминать не одни какіе-нибудь военные подвиги, но и умственныя заслуги нашихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, двигателей нашего просвѣщенія, хотя исторія умственной жизни нашей не приготовила намъ ни юбилея своего Кеплера или Галилея, ни юбилея своего Шекспира. Радостно и то, что общество русское какъ нельзя болѣе кстати празднуетъ въ настоящій годъ юбилей нашего Декарта или Бэкона — безсмертнаго Ломоносова — преобразователя нашей умственной жизни и начинателя нашего реальнаго образованія. Намъ, сибирякамъ, нельзя было не от-

---

[1]) Напечатано въ брошюрѣ: „Двѣ рѣчи, произнесенныя при празднованіи въ Иркутскѣ юбилея М. В. Ломоносова". Иркутскъ. Въ типографіи штаба войскъ, in 16. стр. 20. ц. 1 руб. Цензурное дозволеніе отъ 26 мая 1865 г. На оборотѣ сорочки значится слѣдующее: „Несвоевременное полученіе въ Иркутскѣ столичныхъ газетъ лишило иркутянъ возможности праздновать одновременно съ Россіею юбилей Ломоносова. Это празднованіе состоялось 26 мая. Оно ограничилось отслуженіемъ заупокойной литургіи панихиды въ Михаило-архангельской (Харлампіевской) церкви — и завтракомъ, на которомъ были произнесены между прочимъ двѣ прилагаемыя рѣчи о Ломоносовѣ. Въ ознаменованіе юбилея предположено учреждаемое въ ремесленной слободѣ училище наименовать Ломоносовскимъ, и кромѣ того открыть подписку на составленіе такого капитала, процѣнтовъ съ котораго было бы достаточно на полное образованіе одного или нѣсколькихъ крестьянскихъ мальчиковъ Восточной Сибири. Заявленія по этому поводу могутъ быть присылаемы въ Редакціи Сибирскаго Вѣстника и Губернскихъ Вѣдомостей".

На стр. 1—9 напечатана рѣчь старшаго учителя Иркутской гимназіи Н. И. Попова, о которомъ А. Щаповъ упоминаетъ въ очеркѣ, посвященномъ О. И. Жемчужниковой (Щаповой), а на стр. 10—19 напечатана рѣчь самого Щапова съ такимъ примѣчаніемъ: „За отсутствіемъ г. Щапова, рѣчь эта была прочитана Б. А. Милютинымъ". Въ рѣчи Н. И. Попова, между прочимъ говорится, что Ломоносовъ „по складу ума своего, съ особенною любовью занимался науками естественными, и ихъ особенно старался провести въ сознаніе общества" (стр. 7), что „реализмъ Ломоносова, мм. гг., фактъ многознаменательный: здѣсь Ломоносовъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ современниковъ, далеко опередилъ схоластическій свой вѣкъ и сѣялъ то, что только нынѣ, черезъ сто лѣтъ, такъ настойчиво сознается и такъ горячо чувствуется всѣми". Рѣчь Н. Попова заканчивается призывомъ „на составленіе капитала для образованія крестьянскихъ мальчиковъ", вѣдь изъ нихъ, подобно Ломоносову „выходцу изъ среды простого народа", могутъ выходить „такіе же полезные и благородные дѣятели". Изъ пособій своихъ авторъ рѣчи цитируетъ только одного Бокля. Рѣчь А. Щапова напечатана въ брошюрѣ безъ всякаго заглавія, просто подъ цифрою II, такъ что заголовокъ „Памяти М. В. Ломоносова" данъ здѣсь редакторомъ собранія сочиненій Щапова. *В. С—въ.*

кликнуться на этотъ истинно-народный праздникъ, между прочимъ и потому, что всѣ первые пролагатели путей колонизаціи и культуры Сибири, всѣ первые поселенцы ея — наши предки были земляки Ломоносова, и въ насъ есть значительная доля крови и нарѣчія поморцевъ, холмогорцевъ, архангельцевъ. И память объ Ломоносовѣ въ настоящее время особенно назидательна для всего русскаго общества и, въ частности, для насъ — сибиряковъ.

При одномъ воспоминаніи имени Ломоносова затрагиваются самыя живѣйшія струны нашей соціальной жизни, затрагиваются всѣ высочайшія, первѣйшія умственныя потребности нашего времени, насущнѣйшіе вопросы о народномъ образованіи.

Ломоносовъ былъ преобразователемъ нашей умственной жизни. Вспомните, что такое была древняя допетровская Россія, боявшаяся естественныхъ наукъ, какъ ереси и волшебства, создавшая суевѣрнѣйшій расколъ изъ-за бороды, изъ-за сложенія перстовъ, изъ-за буквъ *і* и *и* и проч., и теперь еще доживающая свой вѣкъ въ огромныхъ массахъ народа? Это была полнѣйшая невѣжественная и суевѣрная раба природы. Отъ незнанія природы, она не знала никакой интеллектуальной, разумной культуры, никакихъ раціональныхъ искусствъ, ремеслъ и промысловъ, никакихъ фабрикъ и заводовъ. Отъ незнанія, напримѣръ, горной природы — богатой экономіи минеральнаго царства Урала и Сибири, — она не знала горныхъ промысловъ, и вслѣдствіе того, была не только бѣдна, безденежна, но и безоружна, отъ чего долго не могла свергнуть съ себя тяготѣвшее надъ нею иго азіятскихъ ордъ и сразу проложить себѣ морской и территоріальный путь къ Западу. Отъ незнанія горной, полезной производительности, древняя Россія была крайне бѣдна даже самыми простыми земледѣльческими орудіями. такъ что московскіе цари должны были въ XVII вѣкѣ разсылать по областямъ сохи, сошники, серпы и проч. А какое міросозерцаніе тогда господствовало не только въ массахъ народа, но и въ высшихъ классахъ общества? «Вѣкъ тогдашній, — говоритъ Болтинъ, — благовременень былъ пустосвятству, обману и подлогамъ; ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою въ томъ обрѣтали; народъ вѣрилъ и обманщиковъ обогащалъ. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значущихъ, принято было за святыню». Даже дворъ царицы Параскевы Ѳеодоровны, по словамъ Татищева, «отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, ханжей, въ родѣ сумасброднаго подъячаго Тимоѳея Архиповича, котораго суевѣры почитали за святого и пророка». И въ то время, когда Ломоносовъ, увлеченный въ расколъ, съ жаждой знанія, бѣжалъ за рыбнымъ обозомъ въ Москву, слушалъ тамъ схоластическія науки у заиконоспасскихъ монаховъ и потомъ отправился за границу изучать физику и философію у Вольфа, — и въ то время было множество фанатиковъ Капитоновъ, которые «съ чотками въ рукахъ, читали часословъ и ворчали — кричали, что сѣмя наукъ вредно, что ѣхать за границу учиться — значитъ погублять свою душу, что физика, математика и геометрія — богоотреченныя книги, что грѣхъ испытывать природу — тайны Божіи» и т. п. И вотъ, въ такое-то время, въ этой темной тучѣ облегшихъ народъ

суевѣрій, прогремѣло очистительное, просвѣтительное слово Петра Великаго о западной наукѣ. И Ломоносовъ, восторженно благоговѣвшій передъ геніемъ Петра, воспѣвавшій его въ поэмахъ, превозносившій почти на каждой лекціи, въ каждомъ словѣ о природѣ, о физикѣ, о химіи, — Ломоносовъ былъ единственнымъ, неутомимо-энергическимъ продолжателемъ его просвѣтительной реформы и дѣятельности, всю жизнь свою посвятившій спеціально на просвѣщеніе сыновъ россійскихъ, на наставленіе молодыхъ людей. Онъ, во-первыхъ, во всю жизнь свою старался разбивать народныя суевѣрія и предубѣжденія относительно природы и естествознанія и пропагандировалъ идею реальнаго образованія. Снисходя къ умственнымъ слабостямъ большинства массы — общественной. — онъ старался помирить народную вѣру съ природой, великую книгу природы съ книгой откровенія. «Природа и вѣра, — говорилъ онъ, — суть двѣ сестры родныя, и никогда не могутъ придти въ распрю между собою. Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая книга — видимый сей міръ. Въ этой книгѣ сложенія видимаго міра, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть тоже, что въ книгѣ священнаго писанія пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркулемъ. Также не здраво разсудителенъ и учитель богословія, если онъ думаетъ, что по псалтыри можно научиться астрономіи или химіи». Какое бы явленіе природы ни разсматривалъ Ломоносовъ, говорилъ ли, напримѣръ, о прохожденіи Венеры черезъ солнце, какое наблюдали въ С.-Петербургской академіи наукъ 26 мая 1761 года, онъ прямо мѣтилъ, между прочимъ, на то, чтобы разсѣять народныя заблужденія и распространить истинное естественно-научное понятіе. «Такое рѣдко случающееся явленіе, — говорилъ онъ, — требуетъ двоякаго объясненія. Во первыхъ, должно отводить отъ людей непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ всякія неосновательныя сомнѣнія и страхи, которыя бываютъ иногда причиною нарушенія общаго покоя. Не рѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при такихъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, которыя не только во весь свой долгій вѣкъ о имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь... Второе объясненіе должно простираться до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей православія: кое дѣло само собою похвально, если бы иногда излишествомъ своимъ не препятствовало приращенію высокихъ наукъ». Всецѣло проникнутый глубокою любовью и восторженнымъ энтузіазмомъ къ природѣ, самъ испытавши высокое умственное наслажденіе и великую пользу отъ естествознанія, употреблявшій, по собственнымъ словамъ его, — каждый досужный часъ, вмѣсто бильярда, на физическіе и химическіе опыты, и считавшій ихъ «движеніемъ вмѣсто лекарства», — Ломоносовъ всячески старался вселить и въ обществѣ любовь къ природѣ, къ естествознанію. Каждое его слово о природѣ, о физикѣ, о химіи, о металлургіи и проч. начиналось энергическимъ и вдохновенно-убѣдительнымъ призывомъ —

полюбить природу, полюбить изученіе. Приступая къ публичному чтенію физики въ 1750 году, и въ программѣ изобразивши высокое этическое, нравственное значеніе и великую реальную пользу естествознанія,—Ломоносовъ публично призывалъ «желающихъ учиться натуральной философіи въ физическія камеры Академіи на публичные физическіе опыты, ничего иного отъ нихъ не желая, какъ только постояннаго слушанія». «И смотрѣть только на роскошь преизобилующей натуры,—говорилъ онъ,— есть чудное и восхищающее духъ увеселеніе, и пріятно, и вождѣленно, и полезно, и свято. Но это блаженство можетъ быть приведено въ несравненно высшее достоинство при подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей. Кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы, натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся передъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ, видитъ, какъ она почти умерщвленныя отъ зимняго холода деревья весною опять оживляетъ, какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовитъ сѣмена къ будущему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умаляетъ и умножаетъ, движетъ и удерживаетъ вѣтры, дождь ниспускаетъ, зажигаетъ молніи и громомъ смертныхъ устрашаетъ, управляетъ теченіе водъ, и прочія удивительныя дѣйствія производитъ,—сколь высшее наслажденіе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только почти на внѣшній видъ вещей смотритъ, и вмѣсто самихъ, почти одну тѣнь ихъ видитъ. Кто такія мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ приводитъ въ дѣйствіе въ гражданскихъ или домостроительныхъ предпріятіяхъ,—того надежда на окончаніе его дѣлъ тѣмъ тверже и увеселительнѣе, и по окончаніи ихъ удовольствіе тѣмъ полнѣе и безопаснѣе, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительной природы въ произведеніи своихъ предпріятій. Отсюда ясно, что блаженства человѣческія могутъ быть увеличены и приведены въ высшее достоинство только яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ физики». «Испытаніе натуры трудно, однако полезно, свято»— такъ началъ Ломоносовъ слово о происхожденіи свѣта. Въ высшей степени драгоцѣнно и многозначительно то, что Ломоносовъ дѣятельнѣйшимъ образомъ старался ввести въ народное образованіе великую науку—химію, вполнѣ понявши ея громадное значеніе для народной культуры. Съ этою цѣлію онъ произнесъ 6 сентября 1751 г. свое замѣчательное слово о пользѣ химіи. Къ сожалѣнію, время не позволяетъ намъ привести на память замѣчательнѣйшихъ мѣстъ изъ этого слова.

И не словами только, но и своими физическими и химическими опытами и металлургическими изслѣдованіями Ломоносовъ пролагалъ путь къ новому, реальному образованію русскаго общества. Мы такъ близоруки были доселѣ, что по настоящее время не оцѣнили надлежащимъ образомъ естественно-научныхъ работъ и заслугъ Ломоносова. Между тѣмъ лучшіе знаменитые западные натуралисты того времени поняли и достойно оцѣнили и геній, и труды Ломоносова. Знаменитый математикъ Эйлеръ, о которомъ Екатерина Великая говорила, призывая его вторично въ Россію: «я увѣрена, что Академія моя возродится изъ пепла отъ такого

важнаго пріобрѣтенія, какъ Эйлеръ, и заранѣе поздравляю себя съ тѣмъ, что возвратила Россіи великаго человѣка»—этотъ Эйлеръ писалъ Ломоносову отъ 23 марта 1748 года: «удивляюсь я многопроницательности и глубинѣ вашего остроумія въ изъясненіи крайне-трудныхъ химическихъ вопросовъ. Изъ сочиненій вашихъ съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я, что вы въ истолкованіи химическихъ дѣйствій далеко отступили отъ принятаго у химиковъ порядка, и съ обширнымъ искусствомъ въ практикѣ соединяете высокое знаніе. Поэтому не сомнѣваюсь, что вы доведете до совершенной достовѣрности не твердыя еще и сомнительныя основанія этой науки, такъ что ей послѣ и по справедливости дано будетъ мѣсто въ ряду физическихъ наукъ». Тотъ же Эйлеръ писалъ президенту Академіи Разумовскому: «всѣ диссертаціи Ломоносова не только хороши, но и весьма превосходны; ибо онъ пишетъ о самыхъ необходимыхъ предметахъ физическихъ и химическихъ, которые по нынѣ не знали и не могли объяснить самые остроумные люди. При этомъ случаѣ я долженъ отдать справедливость Ломоносову, что онъ имѣетъ превосходный геній къ объясненію физическихъ и химическихъ явленій. Желательно, чтобъ и другія академіи въ состояніи были сдѣлать такія открытія, какія показывалъ Ломоносовъ». Въ самомъ дѣлѣ, Ломоносовъ, при самыхъ ничтожныхъ тогдашнихъ средствахъ, единственно силой своего генія и неутомимыми, раціонально направленными опытами при помощи инструментовъ, большею частью имъ самимъ изобрѣтенныхъ, доходилъ до такихъ важнѣйшихъ физическихъ и химическихъ открытій, которыя послѣ прославили знаменитыя имена Лавуазье, Тиндаля, Грове и другихъ. Прочитайте, напримѣръ, его слово о воздушныхъ явленіяхъ, происходящихъ отъ электрической силы, сказанное 26 ноября 1753 года;—изъ него увидите, что Ломоносовъ совершенно независимо отъ Франклина и раньше его открылъ воздушное электричество и объяснилъ явленіе грома. Тутъ же онъ высказалъ много такихъ мыслей, которыя мы теперь встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Тиндаля и Грове, какъ новость. Напримѣръ, Ломоносовъ рѣшительно отрицаетъ существованіе особыхъ, какъ онъ самъ называетъ, теплотворныхъ и всякихъ чудотворныхъ матерій, а видитъ только разныя формы измѣненія въ состояніяхъ матеріи и прямо говоритъ о законѣ соотношенія и превращенія и о происхожденіи отсюда новыхъ силъ. И электрической силы—замѣчаетъ онъ—суть тѣ же причины: движеніе, треніе или теплота. Прочитайте его слово о происхожденіи свѣта, вы увидите, что и здѣсь геній его возвышается до тѣхъ выводовъ, какіе послѣ уже развивали Тиндаль и Грове. «Доказано мною, — говоритъ онъ, въ разсужденіи о причинѣ теплоты и стужи, что теплота происходитъ отъ коловратнаго движенія частицъ, составляющихъ самыя тѣла». Не то же ли это, что, по ученію новѣйшихъ химиковъ и физиковъ, молекулярное движеніе частичекъ вещества. «Теплотворныя и всякія чудотворныя матеріи,—замѣчаетъ Ломоносовъ, приняты произвольно. Неоспоримо, что разныя движенія суть причины теплоты и свѣта, свѣтъ есть зыблющееся движеніе». Не такъ ли же разсуждаетъ Грове въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о соотношеніи физическихъ

силъ? А сколько новыхъ и въ высшей степени полезныхъ въ то время мыслей высказалъ Ломоносовъ въ своемъ словѣ о происхожденiи металловъ, въ разсужденiи о мореплаванiи, о магнитной теорiи и земномъ магнитизмѣ, о теорiи морскихъ теченiй, о метеорологiи и предсказанiи погоды и т. п.—все это излагать въ настоящiя минуты, къ сожалѣнiю, и не время, и не мѣсто, и я отлагаю это до особой статьи въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Теперь же спѣшу выразить хоть одно или два изъ тѣхъ желанiй, какiя невольно внушаетъ воспоминанiе о безсмертномъ Ломоносовѣ, и которыя, надѣюсь, сочувственно раздѣлитъ со мною всякiй мыслящiй.

Чѣмъ бы лучше всего можно было ознаменовать и увѣковѣчить память безсмертнаго Ломоносова? Думаю, тѣмъ, что всего болѣе желалъ, къ чему всю жизнь свою стремился и Ломоносовъ. Ломоносовъ вопервыхъ возбудилъ мысль о первомъ русскомъ университетѣ, и его не даромъ называютъ *родителемъ* Московскаго университета. Шувалову онъ однажды писалъ: «принимаю смѣлость, для общей пользы наукъ въ отечествѣ, докучать, чтобы вашимъ сильнымъ ходатайствомъ данъ былъ изъ высокой канцелярiи формуляръ университетской привиллегiи для ускоренiя инавгурацiи и порядочнаго теченiя ученiй. Сiе будетъ конецъ моего попеченiя объ успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россiйскихъ». При воспоминанiи одной этой великой энергiи и настойчивости Ломоносова въ дѣлѣ основанiя перваго русскаго университета,—чего бы лучшаго, какой пирамиды намъ, сибирякамъ, желать, въ увѣковѣченiе памяти Ломоносова, какъ не *университета въ Сибири*. Да, университета ждутъ всѣ молодыя поколѣнiя сибирскiя, не только русскiя, но и инородческiя, въ массѣ которыхъ гибнетъ множество Ломоносовыхъ, Банзаровыхъ [1]). Университета ждетъ, въ университетѣ крайне нуждается наша мягкая, бездумная, обѣдная, нарядолюбивая, карто-игривая, китайско-монгольская общественная жизнь сибирская; ибо, по крайне йудаленности отъ всепросвѣщающаго Запада, по крайней невыгодной заброшенности и замкнутости почти въ самомъ полярномъ углу Азiи, среди полудикихъ звѣроловов и номадовъ въ холодномъ климатѣ, среди дикой, неизученной и некультированной экономiи природы,—умственная жизнь сибирскаго общества требуетъ живѣйшихъ импульсовъ, самыхъ могучихъ, динамически двигательныхъ силъ европейской науки, интеллигенцiи и мысли, какiя могутъ развиваться и воспитываться только въ университетѣ. Университета требуетъ, наконецъ —скажу смѣло, самая природа громадной и разнообразной сибирской земли, привлекавшая и занимавшая Палласовъ, Гумбольдта, Риттера и множество натуралистовъ, ибо ждетъ и требуетъ университетски развитыхъ естествоиспытателей, требуетъ, для изслѣдованiя каждой мѣстности, каждой природной формы, каждаго физическаго типа. всякой области и всякаго предмета своей естественной экономiи неотложно требуетъ своихъ Шварцовъ, Бэровъ, Миддендорфовъ, Врангелей, Радде, своихъ Гумбольдтовъ, Розе,

[1]) Банзарову Щаповъ посвятилъ статью „Этнографическая организацiя русскаго народонаселенiя“. *В. Стор.*

Ермановъ и проч. Безъ университета ни Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, ни Статистическіе Комитеты, ни гимназіи и прогимназіи не могутъ имѣть живѣйшей и сильной помощи и поддержки, высшаго руководства и правильнаго корректива или регулятора въ своей ученой и народообразовательной дѣятельности, лишаются живѣйшихъ импульсовъ и многихъ вспомогательныхъ силъ и средствъ. Но знаю, что грифы, стерегущіе злато сибирское, крезы сибирскіе, непонимающіе или не цѣнящіе невещественныхъ благъ наукъ—предпочтутъ лукулловскіе и всепокорнѣйшіе обѣды наукамъ университета, а обюрократившееся и исповѣсничавшееся поколѣніе сибиряковъ, преуспѣвающее въ картофиліи и прочихъ подобныхъ гражданскихъ доблестяхъ и ограничивающееся модными припадками либеральнаго бултыхо-болтанія, свысока скажетъ: pia desideria. Ломоносовъ старался разсѣивать народныя суевѣрія и предразсудки и опопуляризировать естественныя истины, и желалъ поучительныхъ для народа изданій. Но мы, и въ этомъ отношеніи, не можемъ почтить память его изданіемъ, напримѣръ, для народа Ломоносовскаго естественно-научнаго сборника, и т. п. Такъ пусть же, по крайней мѣрѣ, исполнится хоть одно желаніе Ломоносова — распространеніе реальныхъ знаній въ дѣтяхъ бѣднаго рабочаго населенія. Пусть, во имя Ломоносова — хоть одинъ или два сибирскихъ самородка, подобно ему, по крайней мѣрѣ, изъ ремесленной школы или прогимназіи проложатъ себѣ путь въ университетъ или другое какое-нибудь высшее реально-образовательное заведеніе, дабы, — скажемъ стихомъ Ломоносова,

Что въ отечествѣ оставлено презрѣнно,
Пріобрѣло ему сокровище безцѣнно,
И чтобъ изъ тяжкаго для общества числа
Воздвигнуть съ правами похвальны *ремесла*,
Внемлите съ радостью *полезному питомству*,
Рачители добра грядущему потомству!
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для *пользы воспитать:*
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра...
И божественныхъ платоновъ
И великихъ, славныхъ истинно Невтоновъ
Можетъ и россійская земля рождать.

Можетъ,— прибавимъ,— и сибирская земля рождать. Дадимъ возможность, средства, стипендіи.

Древніе пустыни и пустынножители на сѣверо-востокѣ Россіи[1]).

Въ XIV и XV столѣтіяхъ въ сѣверо-восточной Руси пустынныхъ пространствъ было еще болѣе, чѣмъ заселенныхъ земель. Пустыня преобладала надъ поселеніями, также какъ лѣсъ преобладалъ надъ полемъ. Даже въ самой населенной московской области, еще въ XVI вѣкѣ, пни огромныхъ деревьевъ напоминали Герберштейну, что не такъ давно вся эта страна была покрыта лѣсомъ [2]). Въ тверской и новгородской области, не смотря на быстрые успѣхи населенія, долго еще заблуждались цѣлыя рати среди непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и озеръ [3]). А чѣмъ далѣе на сѣверо-востокъ углублялся путешественникъ, тѣмъ болѣе поражали его непроходимые, необитаемые лѣса и болота. Область бѣлозерская, рано начавшая заселяться и непрерывно и быстро потомъ заселявшаяся, особенно по старанію игуменовъ и старцовъ Кирилло-бѣлоезерскаго монастыря, и въ XVI вѣкѣ еще во многихъ мѣстностяхъ представляла сплошныя пустыни. Propter crebras paludes, sylvas ac undique concurrentes fluvios, говоритъ Герберштейнъ, loca inculta sind, nullisque civitatibus frequentata [4]). При отсутствіи городовъ, изрѣдка только виднѣлись въ лѣсахъ разбросанные *починки*, которыхъ нигдѣ, кажется, и небыло столько, какъ въ бѣлозерско-вологодскомъ краѣ. Эти «починки на лѣсѣхъ» уже сами по себѣ характеризуютъ страну пустынную, лѣсную, «гдѣ еще только начиналось заселеніе». Изъ Бѣлозерщины на Вологду, по словамъ одного акта XVI вѣка, пошелъ лѣсъ большій». Герберштейнъ такъ описываетъ пустынность этой и донынѣ малонаселенной страны: «Regio tota palustris et sylvestris est, unde fit, ut exactam itineris rationem propter crebras paludes et fluviorum antractus, hoc quoque in loco viatores observare non possint. Quo enim magisprogrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac sylvae occurrunt» [5]). Далѣе на сѣверо-востокѣ, по словамъ Герберштейна, тянулись безпредѣльные лѣса и болота.

---

1) Напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ" за 1860 г., часть III, стр. 196—221 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 10 августа 1860 года).

2) Totam regionem non ita diu admodum sylvosam fuisse, et magnarum arborum truncis, qui etiam nunc exstant, apparet. Rerum Moscovitar. Commentarii, p. 61.

3) Полн. собр. р. лѣт. т. V., стр. 206.

4) Rer. Moscov. Comment. p. 77.

5) Ib. p. 79.

Какъ много пустынныхъ пространствъ видѣлъ въ сѣверо-восточной Руси иностранный путешественникъ XVI вѣка, такъ изображается эта страна и въ житіяхъ русскихъ святыхъ. И подвижническія пустыни большею частію были самыми первыми обителями, *починками* заселенія необитаемыхъ лѣсовъ сѣвера и проводниками дальнѣйшей *колонизаціи* сѣверовосточнаго края. Мы не намѣрены здѣсь входить въ подробности исторіи монастырскаго разселенія, но нелишнимъ считаемъ указать хоть два примѣра. Пустынею были еще въ первой половинѣ XIV стол. большія пространства въ самой московской области. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ лѣсахъ радонежскихъ преподобный Сергій основалъ свою пустыню, процвѣтшую потомъ въ знаменитую лавру,—съ тѣхъ поръ быстро заселились лѣса радонежскія и другія окрестныя московскія земли. «Пустыня тогда была непроходимая, писалъ въ половинѣ XVII вѣка троицкій келарь Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ списанію о чудесахъ Сергія,—нынѣ же всѣмъ зримы окрестъ обители поля мірскіе и села и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда, и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дороги велія и проѣзды всякаго чину людемъ, днемъ и нощію безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ зміевъ являхуся ему на устрашеніе безстрастному его житію; нынѣ же окрестъ обители его, за 10 поприщь и вящше ползущихъ зміевъ и ужевъ не бываетъ.... И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множашеся, толико по премногу вода и всякая потреба изобиловавшеся. Тогда въ рощахъ тѣхъ и древесъ толико не бысть, елико нынѣ многолюдственное число человѣкъ въ слободахъ на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велиціи быша»[1]). Точно также, когда другъ и собесѣдникъ преподобнаго Сергія, св. Кириллъ бѣлоезерскій поселился около Бѣлоозера, — «пусто и скудно было мѣсто то, по словамъ жизнеописателя его: «боръ бяше велій и чаща и никому же отъ человѣкъ живущу». А когда пустыня преподобнаго Кирилла стала знаменитою обителью, — въ окрестностяхъ ея стало на лѣсѣхъ и на пустошахъ до 393 поселеній: «монастырскія села и деревни и починки въ бѣлозерскомъ и вологодскомъ уѣздѣ стали на лѣсѣхъ и на пустошахъ, которые лѣса и пустоши, при Кириллѣ чудотворцѣ и послѣ Кирилла чудотворца, въ ихъ монастырь давали великіе князья и великія княжны и удѣльные князья»[2]). Особенно много деревень «посажали на лѣсѣ» игумены Христофоръ, Трифонъ и Касьянъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ послѣ преподобнаго Кирилла[3]).

Въ пустынной, лѣсной странѣ удобно было процвѣтать такому множеству отшельническихъ пустыней, какое представляетъ исторія русской церкви. Тѣмъ болѣе это было удобно, что къ тому-же по многимъ причинамъ располагалъ благочестивыхъ людей средневѣковой разладъ общественной жизни въ населенныхъ мѣстахъ, въ многолюдныхъ городахъ и селахъ. При полномъ господствѣ въ обществѣ права сильнаго, при гру-

---

1) Временникъ кн. X. Смѣсь, стр. 7 и 8.
2) А. и. 1. стр. 209.
3) А. э. 1, стр. 474.

бости, неразвитости гражданскихъ, общественныхъ правъ и отношеній, при частыхъ тяжбахъ и спорахъ изъ-за земель и имѣній, при всеобщемъ почти стремленіи къ несправедливому пріобрѣтенію имѣнья грабежами и убійствами и къ безчеловѣчному порабощенію свободныхъ людей, наконецъ, при грубости семейной и домашней жизни, — пустыня лѣсная для людей, въ стремленіи къ высшей нравственной жизни недовольныхъ общественнымъ порядкомъ вещей, не мирившихся съ грубою, угнетающею дѣйствительностію, какую представлялъ міръ, — пустыня казалась отраднѣе, успокоительнѣе, вожделеннѣе, чѣмъ богатыя палаты въ многолюдномъ городѣ, въ мірѣ, обществѣ. Для нихъ лучше было жить въ пустынѣ, въ сосѣдствѣ со звѣрями лѣсными, чѣмъ жить въ обществѣ съ людьми, которые, по словамъ Серапіона, епископа владимірскаго, были «аки звѣрье» и которые посему могли препятствовать ревностному ихъ стремленію къ святой жизни. Разладъ средневѣковыхъ силъ и стремленій русскаго общества достигли полнаго развитія въ XIV и XV вѣкахъ: далѣе, въ слѣдующія два столѣтія, началось уже ихъ государственное сосредоточеніе, уравновѣшеніе и примиреніе. Поэтому никогда такъ не развивалось, не усиливалось въ древней Россіи и нравственное противодѣйстіе этимъ грубымъ силамъ и стремленіямъ, какъ въ XIV и XV вѣкахъ, никогда такъ не усиливалось въ русскомъ обществѣ, какъ въ эти столѣтія, противоположное господствующему средневѣковому общественному направленію, стремившееся къ нравственному усовершенствованію, выразившееся въ пустынножительномъ отшельничествѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, XIV и XV вѣка были вѣками преимущественнаго развитія и процвѣтанія подвижничества, пустынножительства, развитія монашества, воспитанія святыхъ русской церкви. Въ тѣ вѣка полнаго господства вѣры, преобладанія благочестиваго чувства надъ другими стремленіями духа человѣческаго, и надъ силою мысли и познанія, и надъ силою чувства эстетическаго, и надъ попеченіями житейскими, въ такое время, — очевидно, — возможно было такое явленіе, что, казалось, отреченіе отъ міра было идеаломъ людей, начиная отъ великихъ князей до послѣднихъ простолюдиновъ. Было же такое время земного торжества русской Церкви, когда менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе, предстаетъ предъ нами многочисленный сонмъ святыхъ и потомъ въ другое столѣтіе, непрестанно возрастаетъ, умножается новыми ликами святыхъ, когда являлись и на землѣ уже были ублажаемы Варлаамъ хутынскій, Сергій радонежскій, Кириллъ бѣлоозерскій, Димитрій вологодскій, Савва вишерскій, Александръ свирскій, Павелъ обнорскій, Зосима и Савватій соловецкіе, Антоній сійскій, Діонисій глушицкій, Макарій колязинскій, Стефанъ пермскій, — и трудно перечислить всѣхъ, — и притомъ являлись не одни, а съ цѣлыми сонмами своихъ учениковъ, также святыхъ. Почти каждая область, каждый городъ имѣли своего святого, имъ славились, украшались. Въ одномъ рукописномъ житіи XVI вѣка говорится объ этомъ такъ: «московское царство блажитъ Петра и Алексѣя и Іону и Максима и инѣхъ множество; Псковъ же и великій Новгородъ блажатъ Варламія и Михаила юродиваго Христа ради; Смоленскъ бла-

житъ князя Өедора; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію и Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія: кояждо страна своихъ блажитъ. И мы же тебѣ (Прокопія устюжскаго) блажимъ сѣверная страна по Двинѣ рѣкѣ; Вага рѣка, на нейже градъ Шенкурія и то блажитъ уродиваго Христа ради. Соловецкій же островъ и все поморье блажитъ Савватія и Зосиму. Мы же (устюжане) тебе, яко стража и хранителя имѣемъ отчины града нашего Устюга» и пр. [1]). Со второй половины X вѣка и до половины XV Церковь русская воспитала, сколько намъ извѣстно, до 110 святыхъ. И монастыри и пустыни, какъ главныя мѣста, гдѣ воспитывались святые, умножались въ числѣ, постепенно возрастающемъ: тогда какъ съ XI до XIV вѣка, въ три столѣтія, въ Россіи возникло до 87 монастырей и пустыней, въ XIV и первой половинѣ XV, слѣдовательно въ полтора столѣтія, ихъ возникло вновь до 150, изъ коихъ въ XIV вѣкѣ возникло до 80, въ первой половинѣ XV до 70 монастырей. И здѣсь-то, въ этихъ пустыняхъ и монастыряхъ, преимущественно развилось христіанское духовное міросозерцаніе. Неудержимое, ревностное стремленіе къ пустынножительному міросозерцанію, или лучше сказать самоотреченному христіанскому богосозерцанію, было господствующею мыслію, господствующимъ чувствомъ и стремленіемъ всѣхъ людей, всѣмъ сердцемъ принявшихъ вѣру христіанскую. Пустыня съ ея природою, находившаяся въ непроходимыхъ дебряхъ сѣвера, полная, и страшныхъ силъ, и явленій природы, и нерѣдко дивныхъ красотъ, подъ вліяніемъ глубокорелигіознаго настроенія души, привлекала и воображеніе, и чувство, восторгала созерцателей — любителей ея, — отшельниковъ. Всѣ эти святые отшельники проникнуты живымъ, теплымъ сочувствіемъ къ природѣ, къ ея красотамъ, силамъ и явленіямъ. Всѣ они любятъ углубляться въ лѣса и тундры, чтобы тамъ въ тишинѣ, въ невозмутимомъ самоуглубленіи созерцать совершенства и творенія Божіи. Коль скоро находятъ прекрасное мѣстоположеніе, видятъ въ немъ образъ рая, домъ Божій и съ восторгомъ восклицаютъ псаломскою пѣснію: коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ! желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни. Ибо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя. Изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, нежели жити ми въ домахъ грѣшныхъ. Сей покой мой, здѣ вселюся, яко возлюби душа моя» [2]). Избирали они обыкновенно такія мѣста, которыя отовсюду окружены лѣсами, рѣками, озерами, какъ стѣнами. Въ древнихъ жизнеописаніяхъ обыкновенно такими чертами изображается мѣстность ихъ пустыней: «мѣсто оно, идѣже вселися святый, боръ бяше велій и чаща, мѣсто зѣло красно, всюду яко стѣною окружено водами и бѣ видѣніе онаго мѣста зѣло умиленно, промежу дву езеръ, водою, аки стѣнами окружено», и. т. п. Они любятъ такія мѣстоположенія, которыя возбуждаютъ въ душѣ чувство высо-

---

1) Сборн. Солов. № 826, л. 505.

2) Въ рѣдкомъ жизнеописаніи не сказано, чтобъ св. отшельникъ, обрѣтши пустыню по сердцу, не произнесъ этихъ псаломскихъ словъ.

каго, чувство присутствія Бога. Уединенная глушь лѣсная, лежащая гдѣ-нибудь въ ровной долинѣ, окаймленная дремучимъ лѣсомъ, или величественно обставленная двумя грядами горъ, обросшихъ лѣсомъ, полная невозмутимой людьми тишины, а нарушаемой только нестройными криками лѣсныхъ звѣрей и пѣньемъ птицъ, — такая пустыня лѣсная приводила отшельниковъ въ чувство глубокаго умиленія, погружала ихъ въ тихое самоуглубленіе и богосозерцаніе, и возбуждала въ нихъ слезы покаянія. Съ этою цѣлію св. отшельники выбирали такую лѣсную глушь, и часто долго искали ея, переходя съ мѣста на мѣсто. «Мѣсто второй пустыни сійской (гдѣ подвизался Антоній сійскій) говоритъ жизнеописатель его, въ горахъ бяше, горами яко стѣнами окружено, въ долу же горъ тѣхъ бяше езеро, Падунъ глаголемое. На горахъ же тѣхъ лѣсъ, великій зѣло видѣти. Въ подгоріи же горъ онѣхъ стояше келлія святого. Окрестъ же ея дванадесять березъ, яко снѣгъ бѣлѣюще. Плачевно же есть мѣсто се вельми, яко же кому пришедши посмотрѣти сію пустыню, зѣло умилитися имать, яко самозрѣніе мѣста того въ чувство привести можетъ зрящихъ его» [1]). Увлекаясь красотами пустынныхъ мѣстоположеній, отшельники иногда испытывали и естественныя производительныя силы тѣхъ мѣстностей, гдѣ селились, дознавали, удобны ли онѣ для поселенія или нѣтъ. «Слышавъ отъ живущихъ на островѣ Валаамѣ объ островѣ, называемомъ Соловки, говоритъ жизнеописатель пр. Савватія, въ морѣ океанѣ сказываютъ, а отстоитъ отъ земли на два дни шествія: а вокругъ его, говорятъ, поприщъ сто. И озера имѣетъ посреди себя многіи и рыбы въ нихъ множество по родомъ имъ, а не морская: а которая въ мори, та морская. И вокругъ его ловища рыбныя. Островъ же тотъ деревьями разными цвѣтетъ, и боромъ верхи горъ покрыты, и по раздольямъ всякія деревья имѣетъ, ягоды различныя и сосны превеликія къ построенію храмовъ и на всякія потребы благопристойныя: а есть добръ и благоугоденъ для житья людямъ, желающимъ поселиться тамъ» [2]). Вообще же отшельники любятъ ходить по лѣсамъ, безбоязненно и долго странствуютъ по дикой лѣсной пустынѣ, ища въ ней мѣста для духовнаго успокоенія, для уединенныхъ подвиговъ въ постѣ и молитвѣ, для уединеннаго богосозерцанія. «Вотъ тотъ же Антоній сійскій, говоритъ жизнеописатель его, шелъ въ сѣверныя страны, прилежащія двинской области, и проходивши непроходимыя лѣсы, дебри и дрязги, иже прилежатъ студенаго моря окіана и мхи и блата непостоянныя и езера многія, ищуще благопотребна мѣста, идѣже Богъ наставитъ, и пришедъ на дальнее езеро, зовомое Михайлово, въ негоже течетъ рѣка, глаголемая Сія, изо многихъ езеръ протече. Мѣсто же оно непроходимыя дебри и лѣсы темныя, и чащи и дрязги великія имать, и мхи и блата непостоянныя, въ нихъ же живяху дивіи звѣріе, медвѣди и волцы, елени и заяцы и лисицы, множество много ихъ, яко скота бяше ихъ. Езера имать многи окрестъ себя и глубоки зѣло. Водами же всюду яко стѣнами окружено. Стези же, проводящія стопы человѣчи, не многи

---

[1]) Сборн. № 230; житіе Антонія Сійскаго.

[2]) Рук. Сол. житіе Зосимы и Савватія соловец.

имать, по единымъ путемъ прійти или отыти. Понеже бо многимъ езеромъ окрестъ святой обители всюду обшедшимъ, изъ нихъ же рѣка Сія протече изъ езера въ езеро, якоже нѣкіимъ соузомъ связаннымъ имъ быти рѣкою Сіею, яко пришедшихъ кому увидѣти, удивится имать неизреченной премудрости Божіей». Когда преподобный Сергій поселился въ лѣсахъ радонежскихъ,—по словамъ жизнеописателя его, пустыня тогда была непроходимая, стези не было, и непроходимо было стопами человѣческими: много тогда гадовъ и ползающихъ змѣй являлось ему, къ келліи его разные звѣри подходили во множествѣ не только ночью, но и днемъ, стада волковъ выли и ревѣли вокругъ его кельи, иногда же являлись медвѣди, приближались къ нему безвредно, окружали его. «Обычай имяше преподобный Макарій колязинскій, говоритъ жизнеописатель его, обходити мѣста пустынныя: аще бо и звѣріе дивіи насельницы быша пустыни той, но яко кротчайшіи овчата съ нимъ хождаху, паче же рещи, яко же и повиновахуся ему, многажды и пищу пріимаху отъ него» [1]). Однажды игуменъ кожеезерскаго монастыря, — повѣствуется въ жизнеописаніи преподобнаго Никодима кожеезерскаго, — «влѣзе въ корабль съ однимъ инокомъ, и плывяху по рѣцѣ (Хозюгѣ) вверхъ для досмотрѣнія новоросчисныхъ сѣнныхъ покосовъ. Егда же вспять возвратихомся, и пловущимъ намъ внизъ по рѣцѣ, и узрѣхомъ преподобнаго въ лѣсѣ ходяща близь рѣки, окрестъ же его дивіи звѣріе хождаху, глаголеміи елени, и не бояхуся его. Егда же нашъ гласъ услышаша и побѣгоша по пустыни. Игуменъ же вопроси преподобнаго о еленѣхъ: сіи звѣріе часто приходятъ сѣмо? Преподобный глагола намъ. Игуменъ же о семъ вельми удивися, како елени близь преподобнаго хождаху и не бояхуся его» [2]). А это пустынное странствованіе, шествіе преподобнаго Макарія желтоводскаго съ народомъ изъ плѣна татарскаго, напоминаетъ странствованіе евреевъ съ Моисеемъ по пустынѣ аравійской. Возвращаясь изъ плѣну татарскаго, съ толпой народа, Макарій, говоритъ жизнеописатель его, совѣщался съ сущими съ нимъ христіанами, яко да преселитися имъ на рѣку на Уньжу: бѣ бо тогда мало отъ живущихъ ту по весямъ, но малъ градъ единъ, и сотвори тако, Богъ же помогалъ ему къ путному шествію, а народъ за нимъ шелъ, яко присная чада отца своего: шествіе же пути съ нимъ продолжашеся, занеже мѣсто то, Уньжа отстояніе имать отъ Желтыхъ водъ глаголютъ не мало, яко двѣсти четыредесять или множае поприщъ, идяху же внутреннею пустынею и непроходными блаты. Бысть же имъ оскудѣніе хлѣбомъ, и не обрѣтаху, что ясти, тающе голодомъ. Господь же прославлялъ угодника своего, и абіе Божіимъ мановеніемъ обрѣтоша народи дивіе животно, глаголемое лось, и яша его жива молитвами преподобнаго. Бѣже тогда постъ Петра и Павла, оставалось еще три дня. Святый же возбраняше имъ, глаголя: чадца моя, потерпите Господа ради, и не разрѣшайте святаго поста дней: Господь же препитаетъ васъ въ пустыни сей. И повелѣ имъ отрѣшити ухо лосю и отпустити его, и яко же хощетъ Богъ, въ день той животное

---

1) Сборн. 826, л. 509 и сл.

2) Сборн. № 182.

се будетъ вамъ. Людіе отрѣшиша ухо лосю, и отпустиша его, и отойде въ пустыню. Преподобный же, видя ихъ томимыхъ гладомъ, и зѣло печашеся о нихъ: народи же моляху святаго, да молитву сотворитъ о нихъ, да не злѣ гладомъ погибнутъ въ пустыни. Святый же утѣшая ихъ глаголя: «не скорбите чада моя, но паче уповайте на благость Божію, яко прекормивый Богъ израильтянъ четыредесятъ лѣтъ въ пустынѣ манною, той можетъ и насъ препитати въ пустыни сей. Когда приспѣлъ день святыхъ верховныхъ апостолъ, преподобный же уклонися мало въ пустыню, и воздѣвъ на небо руцѣ свои и рече: хвалю Тя, Господи Іисусе Христе, благословенный Боже призри съ высоты святыя Твоея, всяко дыханіе благословитъ Тя, всяка тварь славитъ Тя. Милостивый Боже царю, призри на люди своя въ пустыни сей. И абіе молитвами святаго внезапу во утріи праздника святыхъ апостолъ урани животное то дивій лось, и обрѣтеся въ народѣ и познаста его яко той же лось бѣ, ухо имый отрешено, и ведоша его къ блаженному, святый же благослови его и повелѣ заклати народу на пищу. Не токмо же сіе единою сотвори святый народу, но и по вся дни обрѣтаху пищу молитвами святаго, овогда лося, иногда же еленя» [1]).

Вѣрованіе, что человѣкъ возстановленный, — искупленный, святой долженъ и имѣетъ силу снова покорять себѣ природу, владычество надъ которою утратилъ грѣхопаденіемъ, столь живое у древнихъ подвижниковъ христіанства, часто высказывается и въ жизнеописаніяхъ святыхъ нашей церкви. Напримѣръ, жизнеописатель преподобнаго Трифона печенгскаго, приступая къ разсказу «о звѣри, сотворшемъ преподобному пакость и о повиновеніи ему гнѣвливаго звѣря», такъ разсуждаетъ: «Богъ и премудрый Создатель сотвори человѣка, и постави его надъ всемъ властелина, яко читаемъ въ книгѣ Бытіи: обладати рыбами морскими и звѣрями, но по преступленіи Адамли отъ послушанія его звѣри отторгошася, и оттолѣ начаху повиноватися токмо избраннымъ святымъ, любящимъ Бога. Ибо праведному Ною о повиновеніи звѣревъ извѣствуется въ исторіи: всякъ звѣрь пріиде и иде къ Ною въ ковчегъ. Читаемъ и о Сампсонѣ: и се львичищъ ревый противу ему и снидс нанъ Духъ Господень и восхити льва и растерза й яко козлищъ. А въ книгѣ царствъ отъ глаголъ Давыдовыхъ повѣствуется. Егда пасохъ азъ овцы отца моего стада, и егда прихождаху левъ или медвѣдица и восхищаше отъ стада овцу едину, и азъ возлѣ его хождахъ и поражахъ ихъ, и исторгахъ изъ устъ ихъ взятое, и аще сопротивляшеся мнѣ, то емъ за гортань его и разбивахъ... И такъ далѣе разсказываетъ, какъ пророку Елисею, пророку Даніилу и въ новой благодати многимъ праведникамъ повиновались и служили звѣри. Предпославъ также общее библейско-христіанское разсужденіе о покореніи звѣрей угодникамъ Божіимъ, жизнеописатель далѣе разсказываетъ слѣдующее о повиновеніи гнѣвливаго звѣря св. Трифону печенгскому: «преподобному Трифону въ келліи своей устроившу квашню ко испеченію хлѣбовъ, и нѣкія ради потребы изыде изъ келліи; тогда въ келлію его пріиде

---

[1]) Сборн. № 826.

великій медвѣдь, опроверже квашню и начатъ уготованное тѣсто ясти; святый же пріиде къ келліи и видѣ звѣря, глагола ему: Іисусъ Христосъ Сынъ Божій и Богъ мой повелѣваетъ ти, изыди изъ келліи и стани сѣмо кротокъ; звѣрь же изыде предъ ногами преподобнаго ста недвижимъ; преподобный же взя веліе древо, біяше звѣря, рече: во имя Іисусъ—Христово даю ти многи раны, яко грѣшному, и наказавъ завѣща звѣрю близь келліи и лавры впредь не пакостити, отсла въ пустыню. Отъ того же времени, въ славу святыя Троицы и во знамени преподобнаго чудеси, окрестъ лавры и келліи его монастырскимъ скотомъ и еленемъ въ пустыни безстражно пасущимся, и доселѣ звѣри не пакостиша».

Дивное, умилительное зрѣлище представляли эти одинокія пустыни въ глуши лѣсовъ сѣверо-восточныхъ. Это былъ особенный, сокрытый отъ людей, тайный міръ богосозерцанія, подвиговъ и чудесъ. Вотъ стоитъ въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ старецъ съ воздѣтыми къ небу руками: ему виднѣются кругомъ только высокія, вѣковыя деревья, да синева небесъ и водъ озерныхъ. — На деревьяхъ онъ видитъ цѣлые хоры птичекъ Божіихъ, и слышитъ, какъ они разнообразными, но дружными откликами на разные лады, поютъ пѣснь Творцу,—съ любовью онъ слушаетъ ихъ пѣнье,— и мысль его возносится горѣ, сердце наполняется восторгомъ духовнымъ и онъ самъ воспѣваетъ пѣснь Богу: «Слава Тебѣ, Владыко Святый! Слава Тебѣ! Како Тя воспою Создателя моего, или кія духовныя пѣсни воспою Тебѣ, о Творче мой!» и проч. Мѣсто, гдѣ вселился преподобный Пафнутій боровскій, — говоритъ жизнеописатель его знаменитый Вассіанъ, епископъ ростовскій, — «частостію лѣса остѣнено, въ немъ же множество птицъ населено, жилище себѣ водружаху, гаврани черноперіи и многоязычніи, блаженный же яко нѣчто велико имый, о зрѣніи тѣхъ зѣло веселяшеся, полагашеся же отъ него заповѣдь, еже никтоже тѣхъ птицъ, или птенцовъ ихъ руками емъ или инымъ орудіемъ да погубитъ»[1]). Часто родомъ простые поселяне, неграмотные, св. отшельники въ пустыняхъ поучались изъ обильной уроками книги природы. Такъ особенно было въ отдаленномъ сѣверномъ Поморьи. «Сіи суть поселяне, — говоритъ инокъ Пантократоровой обители на соловецкомъ островѣ — Сергій о яренгскихъ чудотворцахъ Іоаннѣ и Логгинѣ, — сіи суть поселяне, извыкоша добродѣтель исправити мудростію, не иному тѣхъ учащу, смысломъ бо научаются мудрости: зряху бо солнце, познаваютъ присносущнаго свѣта; видяху небеса, разумѣваютъ Творцу славу; землю зряху, внимаютъ владычню величеству; море видяху, познаваютъ силу владѣющаго; пріемля измѣненіе доброчинное временъ, чюдятся лѣпотѣ строящаго міръ; взирающе звѣзднаго теченія, взимаются къ добротѣ сочетавающаго; смотряще луну, удивляются положившаго ю, — и тако возращаютъ вѣру, и отсюду разумѣваютъ Бога»[2]). Видя въ природѣ вездѣ присутствіе Божіе и созданія Божіи, — отшельникъ хочетъ совершенно мириться съ природой, не коснется и насѣкомаго, жалящаго его тѣло. «Обнажи главу и плещи своя и до пояса, гово-

[1]) Сборн. № 806.
[2]) Рук. Солов. №№ 183 и 189.

ритъ жизнеописатель объ Антоніѣ сійскомъ, и прилеташе множество оводовъ и комаровъ, обсѣдаху все лице, и шею и плещи, и піяху кровь святаго нещадно: преподобный же ни единымъ перстомъ касашеся ихъ». Зимой отъ великой бури занесетъ всю келлію отшельника сѣверной пустыни снѣгомъ, а онъ «живетъ подъ тѣмъ снѣгомъ, аки въ пещерѣ, и къ Богу теплыя своя молитвы съ теплыми слезами возсылаетъ». Онъ силою благодати Божіей торжествовалъ надъ природой, — и теплота живой, горячей вѣры, теплота горячихъ покаянныхъ слезъ согрѣвала, умѣряла для него суровый сѣверный климатъ. При богосозерцательномъ настроеніи духа, были дивныя явленія въ пустыни взору пустынниковъ. «Нѣкогда видѣхъ азъ грѣшный умныма очима, говоритъ Елеазаръ анзерскій, облакъ теменъ, и начатъ быти красенъ, и сниде и начатъ гремѣти, обхождаше около то мѣсто, попаляя и очищая островъ [1]). «Нѣкогда видѣхъ знаменіе: стоящу ми на полѣ чистѣмъ, и видѣхъ, показуетъ ми нѣкто незнаемъ перстомъ на небо: зри, — и видѣхъ чрезъ небо свѣтлу лучу свѣтовидну, яко радуга; и мало помедля, паки глаголаше: воззри на небо, и видѣхъ образъ Христа Бога нашего и пречистую Богородицу и св. пророка Ивана съ ними. Мнѣ же чудящуся о семъ, и паки слышахъ: зри на небо, и видѣхъ второе нерукотворенный образъ Христа Бога нашего, великъ зѣло, во все небо»: и такъ до трехъ разъ было видѣніе. Задолго прежде Елеазара анзорскаго Зосима соловецкій видѣлъ также чудесныя явленія въ воздухѣ. «Едва озарялось утро, говоритъ инокъ Зиновій объ немъ, — исходитъ таинственный сынъ кущи, весь прозраченъ и свѣтелъ душею.... и внезапно осіявается свыше лучемъ свѣта, и все мѣсто вокругъ него. Ужаснулся Зосима отъ блистанія необычнаго свѣта, ибо никогда еще прежде не видѣлъ такого сіянія. И, увидѣвъ свѣтоявленіе, съ ужасомъ взираетъ на востокъ, и видитъ церковь велію и прекрасную образомъ, висящую и превознесенную на воздухѣ»....

Въ пустынѣ, въ глуши сѣверныхъ лѣсовъ, гдѣ неизвѣданная человѣкомъ природа, не покоренная еще человѣческому искусству и наукѣ, часто со всѣмъ могуществомъ своихъ силъ производила страшныя, разрушительныя явленія, отшельникъ — и такія явленія, нарушавшія тишину ничѣмъ невозмутимой его жизни, побѣждалъ силою вѣры и молитвы. «Такъ въ одинъ день, — говоритъ жизнеописатель Никодима кожеезерскаго, — въ рѣкѣ Хозюрѣ, вода поднялась и такъ возвысилась надъ землею, что разлилась по всѣмъ берегамъ и потопила всю окрестность ихъ; потомъ обошла и всю келлію преподобнаго, ибо она стояла неподалеку отъ рѣки, и такъ потопила ее, что ее едва стало видно; показывалась одна только кровля. Преподобный Никодимъ взялъ владимірскую икону пресвятой Владычицы нашея Богородицы, которою благославилъ его отецъ келейный и учитель его преосвященный Пафнутій, митрополитъ крутицкій, и вошелъ на самый верхъ своей келліи, и какъ на столпѣ стоялъ и молился со слезами, поя пѣсни псаломскія. Такъ молился онъ со слезами до тѣхъ

---

[1]) № 925, л. 148.

поръ, пока вода убыла, вступила въ свои предѣлы и по прежнему потекла»[1]).

Исполненная такой благодатной силы духовнаго и тѣлеснаго подвижничества, пустыня была предметомъ духовныхъ пѣснопѣній. Эти пѣснопѣнія, сложенныя древними иноками-пѣснотворцами въ честь святыхъ пустынножителей, воспѣвающія ихъ пустынныя странствованія, богосозерцаніе и подвижничество, ихъ тяжкую борьбу съ «страхованіями» и стихіями суровыхъ пустыней сѣверо-востока, — эти пѣснопѣнія часто содержатъ въ себѣ хвалы и самымъ пустынямъ, освященнымъ стопами и молитвами святыхъ отшельниковъ, орошеннымъ слезами ихъ покаянными. Пустыня изображается здѣсь не только проповѣдницею подвиговъ святыхъ отшельниковъ, но и прекраснымъ садомъ, возращеннымъ и оплодотвореннымъ ихъ святыми трудами. «Аще убо и тѣлесный языкъ умолче, — воспѣваетъ напримѣръ духовный пѣснопѣвецъ въ честь преподобнаго Германа соловецкаго, но пустыня проповѣдая хвалится, имѣя въ себѣ неотъемлемо сокровище.... Слезъ твоихъ источники пустыни безплодной напоилъ еси, и еже изъ глубины воздыханьми, и труды уплодоносилъ еси»[2]). Пѣснопѣвецъ преподобнаго Антонія, восвпѣвая прогнаніе бѣсовъ изъ пустыни Сійской, представляетъ ее веселящеюся и глаголющею хвалебную пѣснь преподобному Антонію: «пустыня, прежде не плодствующи, нынѣ же веселится, зрящи въ себѣ стадо инокъ, обстоящихъ всечестный гробъ праведнаго отца сего, и духовно веселующися, празднованіи торжествующи, хвалящеся сице глаголетъ: радуйся свѣтильниче пресвѣтлый, иже чудесы сіяя, озаряеши души вѣрныхъ, радуйся отче всеблагій, умноживый чада въ пустыни духовныхъ желаній»[3]). — «Пустыня, — слышимъ въ пѣснопѣніяхъ на память преподобнаго Кирилла бѣлоезерскаго,—пустыня, иже иногда бѣсомъ жилище имущи, нынѣ же ученикъ твоихъ, Кириле, множествомъ наполняема украшается, храмъ въ себѣ пречестный Матери Божія имущи».

Пустыня съ деревьями и птицами иногда составляла между прочимъ предметъ иконной живописи. Такъ напримѣръ въ одномъ иконописномъ *подлинникѣ*, въ числѣ предметовъ, окружающихъ соборъ пречистыя Богородицы, представляется и пустыня съ птицами и деревьями: «направо — ангели, лѣво — пѣніе, солнце, луна, звѣзды, небо, а подъ небомъ подпись: небеса. Подъ Богородицею твердь пишетъ, землю —вертепъ, далѣе *пустыню*, а надъ пустынею подпись: *пустыни*.... и птицы, а надъ птицами пишетъ: благодареніе приносятъ: отъ птицъ голубь, сего жь вообразися Духъ Святый Господень во образѣ голубинѣ; а надъ древесы пишетъ: древеса процвѣтоша, крестъ Господень прорастиша»[4]).

---

[1]) № 182.
[2]) Сборн. № 183 стихіра.
[3]) Сборн. № 230.
[4]) Сборн. № 861, № 206.

Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ[1].

Древнія ѳеогоническія и космогоническія преданія словяно-русскаго язычества, встрѣтившись въ началѣ христіанской эпохи съ церковно-библейскимъ ученіемъ о Богѣ и мірѣ, не скоро исчезли, а частію сохранили старое, миѳологическое значеніе, частію приняли оттѣнокъ апокрифически-христіанскій, или, частнѣе, гностико-богомильскій. Въ такомъ видѣ выразились первыя простонародныя понятія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ въ двухъ древнѣйшихъ памятникахъ народной письменности—въ апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей и въ стихѣ о голубиной книгѣ. Мы здѣсь разсмотримъ первую.

Апокрифическая бесѣда трехъ святителей извѣстна намъ въ двухъ редакціяхъ. Въ одномъ, болѣе обширномъ спискѣ, находящемся въ сборникѣ академической, бывшей соловецкой, библіотеки подъ № 925, преобладаетъ элементъ миѳологическій, съ нѣкоторыми оттѣнками гностико-манихейскаго ученія. Миѳологическія начала бесѣды коренятся большею частію не на одной славяно-русской, даже не на одной обще-славянской, почвѣ, а восходятъ и до общаго индо-европейскаго начала. Предлагаемъ вполнѣ эту бесѣду по списку соловецкаго сборника.

«Бесѣда трехъ святителей, Григорія Богослова, Ивана Златоустаго, Василія великаго, съ толкомъ отъ патерика римскаго. Григорій рече: кто первѣе Бога нарече? Иванъ рече: сатана, иже сверженъ бысть съ небеси преже созданія адамля, за гордость наречеся сатана дьяволъ. Василій рече: что есть высота небесная, широта земная, глубина морская?[2]) И рече: Петръ приникъ видѣ ризы едины лежаща и сударь, иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежитъ, но особь свитъ на единомъ мѣстѣ. Григорій рече: сударь бѣ два плата служебныя на блюдѣ, а ризы его верхные небеса, преисподняя бездна стоитъ яко риза, стихарь шестаго неба его[3]), а поясъ желѣзное стояніе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ и исходъ, а подъ поясомъ земля. Толстота ея яко отъ востока и до запада. И повелѣ его Господень ангеломъ согнати пену морскую и сотворити землю[4]) на трехъ китехъ великихъ, на тридцати

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ за 1861 г., часть I, апрѣль, стр. 249—283 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 12 декабря 1860 г.).

[2]) Здѣсь пропущенъ отвѣтъ, находящійся въ другомъ спискѣ бесѣды, въ сборн. подъ № 1138: „Иванъ рече: „Троица Отецъ и Сынъ и Святый Духъ свѣтъ есть и другій свѣтъ огнь есть“.

[3]) Въ другомъ спискѣ: „а ризы его верхнее небо въ преисподней безднѣ стоитъ яко риза, стихарь небесъ“.

[4]) Эта мысль напоминаетъ гностическое, сатурниново ученіе объ ангелахъ міротворителяхъ и міродержателяхъ (ἄγγελοι κοσμοποιοί, ἄγγελοι κοσμοκράτορες).

малыхъ китовъ заляжетъ 30 околъ [1]) морскихъ, а душа ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бываютъ, а глубина жь того моря великаго ͞є ротогъ [2]) толщина какъ земля толста, дно же подъ тѣмъ моремъ великимъ ровно къ желѣзному столпію, того же моря дно стоитъ на семи тысещахъ столпѣхъ, туто же есть и адово жилище: тутожь и антихристъ связанъ, ангели подвержаетъ его [3]), тоже столпіе его возвышено стоитъ, яко того моря тожь столпіе стоитъ на огнѣ неугасимомъ, подъ тѣмъ огнемъ туто же есть денница, яже прежь солнца сотворена. И ту есть людіе крилати летаютъ яко паутина мыслію, а смерти нѣту имъ. Тоже иного ничего, но воздухъ Божій и свѣтъ держитъ, то ти есть звѣзда яко риза. Василій рече: гдѣ первѣе Богъ былъ, иже не бѣ свѣта? Иванъ рече: три комары на небесѣхъ, въ тѣхъ комарехъ, агнецемъ, туто есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Григорій: протолкуй ми троицу. Иванъ рече: въ тѣхъ комарехъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, свѣтъ есть, а другій свѣтъ огонь есть [4]). Василій рече: отъ чего суть ангелы сотворены? Григорій рече: отъ духа Господня и отъ свѣта и отъ огня. Иванъ рече: отъ чего солнце сотворено есть? Василій рече: отъ нутреннія ризы Господня. Григорій рече: отъ чего луна сотворена бысть? Василій рече: отъ аера, отъ престола Господня и отъ воздуха. Василій рече: еста ангела громная на не еленскій старецъ Перунъ. Нахоръ [5]) есть жидовинъ, а два еста ангела молніина. Григорій рече: кольки вѣтровъ. Василій рече: ͞кі. Василій рече: что четыре рози на землѣ, Григорій рече: востокъ, западъ. югъ, сѣверъ. Василій рече: протолкуй ми отвѣтъ: на востоцѣ Лука человѣчимъ образомъ, на сѣверѣ Иванъ орлимъ образомъ, на юзѣ Матѳей тельчимъ образомъ, на западѣ Маркъ львинымъ, а вси суть крилати [6]). Василій рече: посла Господь ангела и взя единаго на востоцѣ ͞а, на западѣ ͞д, на севѣрѣ ͞а, на юзѣ ͞м: то есть адамъ [7]). Григорій рече: отъ ко-

---

1) Въ сборн. № 1138: „тридесять морскихъ оконецъ“.

2) Въ сборн. № 1138: „с трое того“.

3) Въ сборн. № 1138: „а Михаилъ архангелъ утверждаетъ его“.

4) Кромѣ миѳологическаго оттѣнка, это мѣсто намъ напоминаетъ манихейское ученіе: по ученію манихеевъ, Троица живетъ въ трехъ отдѣлахъ воздуха и свѣта Отецъ въ высшемъ свѣтѣ, Христосъ (υἱὸς τοῦ ἀιδίου φωτός, θεὸς τοῦ ἡλίου)—въ видимомъ свѣтѣ, (какъ сила солнца, какъ мудрость луны), Духъ св.—въ чистѣйшемъ эфирѣ (ἀήρ τέλειος).

5) Въ другихъ спискахъ: „Хорсъ“.

6) О подобномъ представленіи 4-хъ странъ свѣта въ образѣ 4-хъ роговъ и о христіанско-мистическомъ сближеніи съ ними 4-хъ евангелистовъ у другихъ народовъ см. у Зеппа Kosmische Theologie.

7) Сличи у Фабриція (Codic. pseudepigraphi veter testam t. 1. p. 39) апокрифъ. Adami nomen. Здѣсь указывается подобное сказаніе:

Ut mundi partes designat quatuor Adam,
sic anni partes quatuor Hera notat.

Ἀνατολή	Hiems
Δύσις	Aestas
Ἄρκτος	Ver
Μεσημβρία	Autumnus.

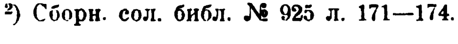
ликихъ частей адамъ сотворенъ бысть. Василій рече: отъ осьми частей первое: отъ земли, второе отъ моря, третье отъ солнца, четвертое отъ камени, пятое отъ облака, шестое отъ огня, седьмое отъ вѣтра, восьмое отъ свѣта: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ камени кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта свѣтъ, а духъ самъ Господь вдохнулъ [1]). Иванъ рече: кольки великнхъ горъ и моръ и рѣкъ великихъ? Григорій рече: д҃і горъ великихъ аравитскихъ, а моръ великихъ к҃і сквозе землю идутъ, а рѣкъ тридесять великихъ, изъ рая идутъ д҃ рѣки. Иванъ рече: кольки острововъ великихъ? Василій рече: ѿк а въ тѣхъ островѣхъ ѿк языка различныхъ имянъ, а костей въ человѣкѣ полтретья ста л҃є а составовъ только же» [2]).

Изъ всей этой бесѣды видно, что, кромѣ апокрифовъ, на народное міросозерцаніе, т. е. на богословскія и космогоническія понятія первыхъ русскихъ грамотниковъ, имѣли еще сильное вліяніе старыя начала, преданія языческой миѳологіи. Изъ бесѣдъ видимъ напр., что народъ помнилъ еще о Перунѣ, хотя уже только какъ о «старцѣ еллинскомъ», а не богѣ. Богъ, въ Троицѣ возвѣщаемый христіанствомъ, еще представляется въ бесѣдѣ, какъ стихійный свѣтъ и огонь, что указываетъ на суевѣріе тѣхъ двоевѣрно жившихъ христіанъ, которые еще въ XII в., по слову Христолюбца, «огневи молились, звали его огнемъ сварожичемъ». Кромѣ того, у Бога на небесахъ представляются «агнецы», что̀ намекаетъ на древнѣйшія языческія преданія, восходящія до индійской миѳологіи. Сказаніе о космогоническомъ значеніи великаго моря, окіяна, о сотвореніи земли изъ пѣны морской явно проистекаетъ изъ общей индо-европейской миѳологической космогоніи. Ангелы, духи небесные, также миѳологически представляются созданіями стихійнаго неба, воздуха, вѣтра. Человѣкъ еще производится не всецѣло отъ Бога, какъ учитъ св. писаніе, а отъ осьми стихійныхъ физическихъ частей или элементовъ, согласно съ другими индо-европейскими миѳологическими преданіями. Христіанство еще не по-

---

[1]) Историко-филологическое объясненіе миѳологическаго значенія этого сказанія о твореніи и составѣ человѣка см. у Буслаева „о вліяніи христ. на слав. яз.“. Приведемъ здѣсь слѣдующія два аналогическія свидѣтельства. Въ латинской припискѣ къ одной рукописи X в. подобнымъ образомъ представляется твореніе и составъ природы человѣческой: octo pondera, de quibus factus est Adam. pondus limi, inde factus est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis“. Въ нѣмецкой поэмѣ очетвероевангеліи XII в. также изображается составъ человѣческой природы:

Von den wiscen gab er ime (Богъ человѣку) di âdven
von dem grase gab er ime daz hâr,
von den wolchen daz mut
dü habet er ime begunnen
der ougen von der sunnen...
Von dem steine gab er ime daz pein...
Von dem mere gab er ime daz plut.
(Бусл. о вліян. христ. на слав. яз. стр. 77—85).


[2]) Сборн. сол. библ. № 925 л. 171—174.

нято въ его возвышенномъ ученіи. И обрядность христіанской восточной церкви толкуется такъ же миѳологически. Не въ христіанскомъ разумѣ, а въ обрядовыхъ учрежденіяхъ церкви народная мыслительность доискивается разгадки міровыхъ вопросовъ. Таинственный символизмъ церковной обрядности возбуждаетъ мысль народныхъ грамотниковъ,—и они въ нее облекаютъ свои миѳологическія представленія.

Въ другихъ космогоническихъ сказаніяхъ, кромѣ миѳологическихъ образовъ, есть довольно явственные слѣды гностико-богомильскаго дуализма. Чтобы яснѣе видѣть эти слѣды,—нужно сказать напередъ нѣсколько словъ о главныхъ гностическихъ и богомильскихъ началахъ, выразившихся въ космогоническихъ сказаніяхъ русскаго народа. По сирско-гностическому ученію, имѣвшему большое сходство съ богомильскимъ ученіемъ, Богъ Отецъ, первоначальное существо (πατὴρ ἄγνωσος, по гелленскому гносису—ἡ μόνας, θεὸς ἄρρητος, по египетскому гносису—βυθὸς, προπάτωρ, προαρχή), высшій Богъ сотворилъ разныя степени, чины ангеловъ и архангеловъ (δείναμεις, ἀρχαὶ ἄξουσίαι); высшему существу, непостижимому Богу противоположно злое начало—сатана (ὁ σατανᾶς). Ангелы, духи 7 планетъ, (ἄγγελοι χοσμοποιοί, ἄγγελοι χοσμοχράτορες) сотворили міръ и человѣка: высшій Богъ вложилъ въ него душу. Въ противоположность свѣтлому роду людей, одушевленныхъ, одаренныхъ душой отъ высшаго Бога, сатана сотворилъ міръ темныхъ существъ, сообразныхъ съ своей природой. Богомилы, принявшіе основные элементы этого гностическаго и манихейскаго ученія, нѣсколько иначе развили ихъ, образовали свое гностико-дуалистическое ученіе. Сатанаилъ, мощный духъ (πνεῦμα δείνατον), за возмущеніе низверженный съ высоты небесной, изъ соревнованія Богу, создалъ второе небо, вторую землю и избралъ ее въ жилище себѣ и соучастникамъ своего паденія. Онъ покушался было создать и человѣка, и создалъ тѣло, но не могъ дать ему жизни и души; просилъ о томъ Бога, и Богъ послалъ въ тѣло дыханіе свое. Противъ Бога у сатанаила была постоянная вражда. Наконецъ, Богъ отрыгнулъ отъ сердца своего, чрезъ 5500 лѣтъ отъ созданія міра, Слово,—великаго совѣта ангела, архангела Михаила, явившагося потомъ во плоти въ лицѣ Іисуса Христа. Этотъ архангелъ Михаилъ или Христосъ побѣдилъ сатанаила, заключилъ его въ бездну, отнялъ отъ его имени священное окончаніе илъ и присоединилъ къ своему первоначальному имени Миха. Духъ св. также изшелъ изъ Отца въ одно время съ Сыномъ.

Теперь сличимъ эти гностическія и богомильскія начала ученія съ богословскими и космогоническими сказаніями, находящимися въ нашихъ древнихъ рукописяхъ. Въ одномъ соловецкомъ сборникѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «сказаніе о 7 планитахъ» читаемъ: «надъ твердью поясы, 7 планетъ, а не всѣхъ поясѣхъ стоятъ ангелы, а по поясамъ стоятъ звѣзды, и которая планита ниже стоитъ, тѣ звѣзды свѣтлѣе... Въ Д҃ день Богъ солнце и луну и звѣзды, и въ той день испаде отъ славы сатана. И видѣ сатанаилъ небо и землю украшену, и помысли себѣ: сотворю престолъ на облацѣхъ себѣ, и буду подобенъ вышнему, да славитъ мя чинъ мой. И сотворилъ себѣ престолъ на облацѣхъ сѣверныхъ, и вознесеся и бысть

тогда воевода чину ангельскому. И видѣ Богъ противника себѣ, и посла Богъ Михаила архангела и повелѣ сатанаила свержити долу. Пріиде же Михаилъ къ сатанаилу, и видѣ на немъ божество велико, и не смѣ на него и зрѣти. И пріиде Михаилъ къ Богу и рече: Господи! велико есть на немъ божество твое. Господь же снятъ съ него божество и рече: иди и сверзи его долу. И пріиде Михаилъ, и видѣ сатанаила, яко проста человѣка, и удари его скипетромъ, и спадеся престолъ его, и пойде сатана долу, и со всѣми силами, и отнялъ отъ него Господь божество, и снятъ отъ него илъ, и да Господь илъ ангеломъ и архангеломъ, и нарече имя Михѣ Михаилъ, и дастъ ему надо всѣми небесными силами старѣйшинство, и нарече отступнику имя сатана дьяволъ, и бысть помраченъ, и съ своими силами пойде сатана верху и пошибе землю, и хотѣша небеса пáстися. И рече Михаилъ: Господи, хощетъ небо двигнутися. И рече ему Господь: запрети словомъ. И рече Михаилъ: Господи, чтò повелиши глаголати? И рече Господь: изорцы: вонмемъ, святая святыхъ. Скоро изглагола тако. И тогда воспѣша вся силы небесныя: единъ святъ, единъ Іисусъ Христосъ. И тогда утвердишися небеса, сатана же тогда пройде землю, и услыша гласъ Михаиловъ, и ста во адѣ на безднѣ подъ землею, а подъ нимъ вода, а подъ водою огнь негасимъ... А друзіи падоша на землю и слышаша гласъ Михаиловъ, и остася на земли, и ходятъ по поднебеснѣй, и все злое творятъ роду человѣческому, и претворишася въ бѣсы. Иніи же не доидоша до земли, и слыша гласъ Михаиловъ, и обиташа на воздусѣ... И всѣ тѣ бѣсы сатаны преобразуютъ себе во ангела и человѣка, и въ животину, и во всякую гадину, смущая человѣка».

Гностико-богомильскія начала этого сказанія и связь его съ вышеизложеннымъ ученіемъ богомиловъ очевидны и не требуютъ подробнаго аналогическаго сближенія. Довольно указать на то, что, какъ по сатурнинову гносису, были особые ангелы, духи... семи планетъ, такъ и въ изложенномъ сейчасъ сказаніи о «седьми планетахъ» представляются такъ же ангелы по поясамъ, у седьми планетъ. Какъ по богомильскому ученію, Михаилъ является побѣдителемъ, низложителемъ сатанаила, и за то, по волѣ верховнаго Бога, отнимаетъ отъ него эпитетъ илъ: такъ точно разказывается и въ приведенномъ сказаніи соловецкой рукописи.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, приведемъ здѣсь еще одно космогоническое преданіе, записанное въ одной рукописи пермской семинаріи, извѣстной также у томскихъ старообрядцевъ, подъ названіемъ «Христовъ дневникъ». Тогда сатанаилъ здѣсь является въ образѣ птицы—гоголя. Вотъ какъ намъ сообщено это преданіе: «когда не было ни неба, ни земли, было одно море тиверіадское. На этомъ морѣ плавалъ гоголь. Богъ велѣлъ гоголю достать со дна моря два камня. Гоголь досталъ, Богъ началъ бить камень о камень: отъ искръ вылетѣвшихъ изъ камня явились ангелы. Гоголь также ударилъ камень о камень, и у него явились свои ангелы—десятый чинъ, его собственный. Далѣе гоголь этотъ снесъ яйцо, на этомъ яйцѣ отразился Богъ—второе лицо. Богъ велѣлъ гоголю принести пять земель, гоголь принесъ, и изъ нихъ Богъ сотворилъ человѣка. Сотворивши человѣка, Богъ скрылся; дьяволъ воспользовался этимъ слу-

чаемъ и сотворилъ людей уродливыхъ. Богъ прогнѣвался на сатанаила. Между Богомъ, сатанаиломъ и ихъ ангелами была постоянная вражда. Наконецъ Богъ побѣдилъ сатанаила, отнялъ у него илъ и отдалъ его вождю своего небеснаго воинства Михѣ. Такимъ образомъ стали двѣ враждебныя силы—сатана и Михаилъ».

Въ спискѣ апокрифической бесѣды трехъ святителей, сообщенномъ намъ профессоромъ каз. университета В. И. Григоровичемъ, такъ же находимъ довольно ясные оттѣнки гностико-богомильскаго космогоническаго міросозерцанія. Вотъ эта бесѣда, подъ заглавіемъ «сказаніе трудолюбивыхъ мужей—списано отъ божественныхъ книгъ Василія великаго, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина о преславныхъ прежнихъ невѣдомыхъ вещехъ, о безначальномъ Господѣ Богѣ нашемъ, какъ бысть Господь Саваовъ прежде всея видимыя и невидимыя твари. Прежь земли бысть Господь Саваовъ—въ трехъ комарехъ на воздусѣхъ.—И помысли себѣ Господь Саваовъ безначальный отецъ, тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго Сына Божія Господа нашего Іисуса Христа; изъ устъ своихъ Духъ свой святой испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на седьмидесяти тьмахъ тысящъ, и будите езера и облака и звѣзды и свѣтъ, и вѣтръ издуну изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади, мразъ отъ лица Господня, а громъ гласъ Господень въ колесницѣ огненнѣй утвержденъ, а молнія слово Господне изъ устъ Божіихъ исходитъ, а солнце отъ внутреннія ризы Господней, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди на земли море тиверіадское, вода соленая. И сниде Господь по воздуху на морѣ тиверіадское, и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему: гоголе, ты кто еси. И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ: понурися въ море и вынь земли и камень и преломи на двое, изъ лѣвыя руки дастъ сатанѣ половину камени, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Господь отъ искръ огненныхъ Михаила архангела и Гавріила—взлетѣли ангели. Сатана жь изсѣче изъ камени бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите тридесять три кита на морѣ тиверіадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля».—Сюда же должно отнести и слѣдующее «сказаніе о созданіи міра»—русской варіантъ предъидущихъ сказаній: «Егда не бысть неба на земли, тогда бысть едино море тиверіадское, береговъ у него не было. И сниде Господь по воздуху на море теверіацкое, и видѣ на морѣ гоголя плавающаго, а тотъ гоголь сатанаилъ, зародился въ пѣнѣ морстѣй. И рече Господь сатанаилу: а мене не вѣдая, ты кто еси! И рече сатанаилъ: азъ есмь Богъ.—А мене како нарицаешь? И рече сатанаилъ: а ты Богъ богомъ и Господь господѣмъ. Аще бы не ты, сатанаилъ, рекъ Господь, азъ бы туже искоренилъ на морѣ тиверіатскомъ, а сатанаилъ понырился въ море. И рече Господь сатанаилу: вынеси мнѣ земли, песку, кремень. То сатанаилъ, послушавъ Господа и понырился въ море, и вынесе земли, песку, кремень. И взя Господь у сатанаила земли и разсѣя по морю тиверіяцкому, и буди на мори земля толста и пространна. И взя у сатанаила кремень, и преломи его наполъ, и въ правой руцѣ остави Господь у себя, изъ лѣвыя руки даде сатанаилу, и взя Господь песокъ и нача

бити въ кремень, и рече: изъ сего кремна вылетайте ангели и архангели, по образу моему и по подобію, сильніи и безплотніи;—и нача вылетати изъ того кремня искры огненныя: у сотвори Господь ангелы и архангелы и всѣ девять чиновъ. И видя сатанаилъ что сотвори Господь, и началъ тожде дѣлать; изъ лѣвыя руки нача у сатанаила вылетати ангелы его, и сотвори сатанаилъ себѣ силу великую чинами ангельскими и чинъ сатанаиловъ причти въ девять чинъ. И видѣ сатанаилъ, яко отъ Бога почтенъ и ото всѣхъ ангеловъ славимъ, и помысли въ сердцѣ своемъ радость: поставлю престолъ свой на облацѣхъ и Богу подобенъ высшее ему. И видѣ Господь мысль его лукаваую, и восхотѣ сего свергнути съ небесъ на землю со всею силою лукавою. И пріиде Миха къ сатанаилу, и попали Миху отъ сатанаила огнь. Пріиде Миха ко Господу и рече Миха: Господи! не могу еже мнѣ заповѣда: огнь мене палитъ отъ сатанаила. Миху постриже въ чернецы и нарече имя Михаилъ, а сатанаила нарече сатана, понеже отъятъ отъ сатанаила чинъ: дастъ Господь чинъ Михаилѣ и наречется архангелъ Михаилъ, а сатанаилъ,– сатана. И посла Господь Михаила къ сатанѣ, и еще Михаила поскимни. И пріиде архангелъ, удари сатану скипетромъ и порази его со всею силою лукавою, и шла его сила на землю три дни и три нощи, яко каплей дождевой. И въ третій день сотвориша Ангелы соборъ и постави Господь надъ всѣми силами ангельскими начальникомъ Михаила архангела, и рекоша: аминь аминь, аминь».

Сличая содержаніе этого апокрифо-космогоническаго сказанія съ вышесказаннымъ ученіемъ гностиковъ и богомилевъ, мы замѣчаемъ въ немъ, сквозь миѳологическіе образы, довольно явственные оттѣнки гностико-богомильскаго ученія. Такъ это сказаніе о безначальномъ Богѣ Отцѣ, пребывавшемъ прежь земли въ трехъ камарехъ на воздусѣхъ, отрыгнувшемъ отъ сердца своего Сына Божія, испустившаго изъ устъ своихъ Духа святаго, особенно это представленіе сатаны соучастникомъ Бога въ твореніи міра, въ родѣ димiурга, и творцемъ особаго, сатанинскаго царства существъ,—все это довольно ясные слѣды гностико-манихейскаго и гностико-богомильскаго дуализма и эманатизма. А представленіе сатаны въ образѣ птицы, гоголя,—это извѣстный образъ миѳологической космогоніи.

Такъ отъ временъ первоначальнаго грубаго двоевѣрія народъ всегда высказывалъ и высказываетъ свои теологическія и космогоническія понятія, съ одной стороны—въ миѳологическихъ образахъ, съ другой—по апокрифамъ, отзывающимся гностико-богомильскимъ ученіемъ. Мы увидимъ далѣе, что даже кудесники сѣверо-восточной Руси, поднимавшіе общую народную, вооруженную вражду противъ христіанскаго духовенства, даже эти кудесники, откуда-то успѣвшіе усвоить христіанскія понятія о Богѣ, сатанѣ и объ ангелахъ, высказали тоже дуалистическое ученіе, подобное гностическому, манихейскому и богомильскому. «Богъ, — говорили они,—мывая въ мовницѣ и вспотилъ себя, отерся ветошью, и бросилъ ее съ неба на землю: и распрѣся сатана съ Богомъ, кому изъ нихъ сотворить человѣка? И сотворилъ дьяволъ человѣка; а Богъ душу въ него вложилъ». И эти понятія донынѣ повторяетъ нашъ народъ въ нѣкоторыхъ областяхъ на разные лады. Вспомнимъ, наприм., народное сказаніе о происхожденіи горъ

отъ сатаны, во время творенія міра Богомъ, и сибирское сказаніе о происхожденіи мошекъ отъ сатаны, или вспомнимъ народное сказаніе о собраніи Богомъ птицъ, для содѣйствія ему въ твореніи рѣкъ и озеръ,—сказаніе, очевидно, напоминающее космогоническое значеніе тѣхъ или другихъ птицъ въ миѳологическомъ міросозерцаніи разныхъ народовъ [1]). Все это не отрывки ли одного же и того же частію апокрифическаго гностико-богомильскаго, а частію миѳологическаго міросозерцанія? А гдѣ ни послушайте, почти вездѣ некнижный народъ скажетъ вамъ подобныя космогоническія преданія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно услышать даже чисто гностико-богомильское понятіе о Богѣ Саваовѣ, какъ старшемъ Богѣ, и объ Іисусѣ Христѣ какъ молодомъ Богѣ [2]). Наконецъ замѣтимъ, что гностико-богомильскій дуализмъ такъ глубоко вкоренился въ народныя понятія, что донынѣ составляетъ даже нравственно-догматическую основу міровоззрѣнія нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ. Напр. секта бѣгуновъ или странниковъ, возникшая около половины XVIII в., весь міръ раздѣляетъ на два царства: Божіе и сатанино. Въ «разглагольствіи тюменскаго странника», сочиненномъ бѣгуномъ Василіемъ Москвинымъ (около 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія), такъ изображаются эти два царства:

въ мірѣ Божіемъ:

1. Богъ истинный, творецъ всея твари, зиждитель, вседержитель, пастырь, руководитель и всему міру хранитель и спаситель.

2. Духъ святый, истинный и животворящій.

3. Градъ небесный, Сіонъ, вышній Іерусалимъ, и райскія обители въ немъ, и проч.

въ мірѣ сатанином:

1. Противникъ Божій, антихристъ, дьяволъ, сынъ погибельный, седмиглавый змій, древній клеветникъ, судія сатанинъ, титанъ, преисподній бѣсъ.

2. Духъ ложный, противный, погибельный и убивательный.

3. Великій градъ адскій, темный вавилонъ и адовы темницы въ немъ, и проч.

Откуда, спрашивается, заимствовалъ народъ такія двоевѣрныя понятія? Какія были причины этого двойственнаго характера народнаго міросозерцанія, частію миѳологическаго, частію христіанско-апокриѳическаго, и въ частности — дуалистическаго?

Причина вліянія миѳологіи на христіанское народное міросозерцаніе понятна. Не могъ же вдругъ весь народъ, тотчасъ послѣ крещенія, познать все христіанское ученіе. Простая, младенческая вѣра, безъ знанія, и донынѣ еще составляетъ господствующую, отличительную черту религіознаго сознанія нашего простого народа. А въ древней Россіи еще менѣе развито было отчетливое, разумное знаніе христіанскихъ истинъ. Въ повѣсти о печерскомъ псковскомъ монастырѣ, о печерской чудотворной иконѣ Богоматери, писанной въ второй половинѣ XVI в., еп. псковскій Геннадій такъ характеризовалъ вѣру предковъ нашихъ: «людіе же прости

---

[1]) Бытъ рус. народ. Терещенки. V. 44—47.

[2]) Напр. въ Нижегород. губ., въ селѣ Павловѣ.

поселяне, на Господа Бога надежду возлагающе и на пресв. Богородицу... ово просто со вздыханіемъ сердца, тайно въ себѣ, горѣ умъ простирающе: прости человѣцы, не умѣюще писанія, еже навыкли звати и сперва, егда крести великій князь Владиміръ въ Херсунѣ, тогда бывшіи съ нимъ самовидцы народи, и корсунскій глаголъ по гречески навыкоша звати: киріе лиейсонъ, по словенски же: Господи помилуй: прости человѣцы, мужи и жены, и иніи прости людіе всякъ возврастъ, послѣдствующе сему въ себѣ тайно, елико чего кто умѣюще, молящеся глаголютъ»[1]). При такой простотѣ ума и сердца, эти младенцы во Христѣ—простые русскіе люди, крестившись въ водахъ Почайны, или Волхова, или Шексны, естественно, съ самаго начала, «послѣдствующе себѣ тайно, елико чего кто умѣюще, молящеся», вовсе не считали несовмѣстнымъ съ христіанствомъ молиться «въ рощеніи», подъ овиномъ, у воды; или, строя уже христіанскіе храмы, думали сохранять, наряду съ ними, у алтаря церковнаго «камень да березу»[2]). Попрежнему, «овъ требу творилъ на студенци, дъжда исквы отъ него, забывъ яко Богъ съ небеси дождь даетъ; овъ рѣку богыню нарицалъ и звѣрь, живущъ въ ней, яко Бога нарицалъ» и проч.[3]). Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ извѣстныхъ свидѣтельствъ о первоначальномъ грубомъ двоевѣріи народномъ. Оставляемъ также до другого мѣста изложеніе географическихъ и историко-этнографическихъ причинъ особеннаго долговременнаго господства двоевѣрныхъ понятій на финскомъ сѣверовостокѣ, гдѣ христіанство распространялось среди финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ славяно-русской колонизаціей. Припомнимъ здѣсь только слѣдующее свидѣтельство изъ извѣстнаго слова Христолюбца, который обличаетъ въ двоевѣріи не только невѣжей-народъ, но и вѣжей-поповъ: «сій не могый терпѣти крестьянъ двоевѣрно живущихъ, иже суть крестьяне, а вѣруютъ въ Перуна и въ Хорса и въ Мокошь и въ Сима и въ Регла и въ вилы, ихже числомъ тридевять сестреницъ глаголютъ окаянки невѣгласи, то всѣ мнятъ богы и богинями... и огневи молятся, зовутъ е Сварожицемъ и чесновитокъ богомъ же творятъ, егда же будетъ у него пиръ, тогда же кладутъ въ ведра и въ чашу и тако піютъ о долѣхъ своихъ. Не только невѣжи, но и вѣжи то творятъ, попове и книжницы... Огневи молятся подъ овиномъ и виламъ и Мокоши и Симу и Реглу и Перуну и роду и рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна»[4]).

---

[1]) Сборн. соловецк. библ. № 857. л. 151 об.

[2]) „На Бѣлоозерѣ жили люди невѣрные, гласитъ одно древнее сказаніе, да какъ учали креститься и вѣру христіанскую познавать, и они поставили церковь, а не вѣдаютъ, котораго святаго нарещи; а на утро собрались, да и пошли церковь святщати, и какъ пришли къ церкви, аже въ рѣчки подъ церковію стоитъ челнокъ, а въ челноку стулецъ, а на стульцѣ икона Василій великій, и они икону взяли въ церковь, и нарекли церковь во имя Василія великаго... И они церковь святили, да учали обѣднѣ пѣти, да какъ начали евангеліе чести, и грянуло не по обычаю, кабы страшный великій громъ грянулъ и вси людіе уполомились, ино въ прежнее лѣто туто было мольбище идольское за олтаремъ, береза да камень, и ту березу вырвало, и камень взяло отъ земли, да снесло въ Шексну и потопило". Сборн. № 925 л. 117 и 118.

[3]) Библ. листы Кеппена № 7.

[4]) Опис. Рум. муз. стр. 228.

Изъ этого слова Христолюбца видно, что точка зрѣнія на міръ, въ массахъ народныхъ, до XIII или даже XIV столѣтія, была всецѣло миѳологическая, полиѳеистически-религіозная! Созерцая и олицетворяя стихіи и явленія природы въ образахъ Перуновъ, Хорсовъ, Дажьбоговъ, вилъ и т. п., народъ, очевидно, еще вполнѣ вѣрилъ въ миѳическую олицетворенность, въ зооморфизмъ и антропоформизмъ силъ, стихій и явленій природы. И съ этимъ-то религіозно-полиѳеистическимъ міросозерцаніемъ, съ этой миѳологической ѳеогоніей и космогоніей должно было встрѣтиться христіанское ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. При стеченіи, сближенію своемъ съ миѳологическимъ міросозерцаніемъ народа, — оно, естественно, не могло не исказиться въ понятіяхъ народныхъ, не могло иначе выразиться въ первыхъ произведеніяхъ народной мыслительности, какъ съ примѣсью, на половину, миѳологическихъ элементовъ. Къ тому-же старыя преданія и понятія ѳеогоническія и космогоническія сильно поддерживали въ народѣ, даже открыто, вооруженнымъ сопротивленіемъ отстаивали волхвы и кудесники, — эти вѣдуны и хранители таинъ миѳологическаго міросозерцанія. Въ ученіи вѣдуновъ вполнѣ высказалось преобладаніе въ первые два или три столѣтія понятій языческаго, полиѳеистически-религіознаго міровоззрѣнія надъ ученіемъ церковно-библейскимъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ показать здѣсь, какъ вѣдуны миѳологіи противопоставляли христіанскому міросозерцанію старыя начала религіозно языческой ѳеогоніи и космогоніи. Дѣйствуя во имя естественной религіи, во имя боговъ природы, волхвы, какъ вѣдуны миѳологическихъ таинъ природы, возмущали народъ предсказаніями чудесныхъ знаменій, превращеній и потрясеній въ порядкѣ природы. И народъ, живо сохраняя вѣру въ олицетворенность силъ природы, въ физическія, стихійныя божества, живущія въ воздухѣ, въ водахъ, на землѣ, приписывая природѣ всемогущую волю и силу, народъ вѣрилъ всякимъ невозможнымъ чудесамъ и превращеніямъ въ природѣ. Такъ въ лѣтописи читаемъ: «въ си времени (т. е. въ 1071 г.), приде волхвъ, пришедъ Кіеву глаголаше сице повѣдая: явилимися пять боговъ, глаголюще сице: повѣдай людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступити на иня мѣста, яко стати греческой земли на русской, а русской на греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, егоже невѣгласи послушаху». Чтобы успѣшнѣе поддержать въ народѣ свой авторитетъ, волхвы большею частію возставали по случаю какого либо необычайнаго физическаго явленія на небѣ или на землѣ. «Въ лѣто 1091, — говоритъ лѣтописецъ, — бысть знаменье въ солнцѣ, яко погибнути ему и мало ся его оста, аки мѣсяцъ бысть, въ часъ 2 дне, мѣсяца маія въ 21 день. Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій съ небесе, ужасошася вси людіе. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша въ се же лѣто волхвъ явися въ Ростовѣ». Всего чаще волхвы возставали и возмущали народъ по случаю физическихъ бѣдствій, особенно ощутительно касавшихся быта народнаго, и при этомъ всегда объясняли физическія причины бѣдствій, по своимъ темнымъ языческимъ представленіямъ, признавая напр., причиною ихъ женщинъ, да старую чадь. Поборники хри-

стіанской истины, усмиряя бунтующій по наущенію волхвовъ народъ, противополагали съ своей стороны языческому ученію вѣдуновъ христіанское ученіе о высшей небесной силѣ въ управленіи физическихъ бѣдствій и о высшей нравственной цѣли ихъ. «Въ лѣто 6532 (1024 г.), — читаемъ въ лѣтописи, — встали волхвы въ Суздалѣ, избивали старую чадь по дьяволю наученью и бѣсованью, говоря, что они держатъ гобино». Услышавъ о такомъ суевѣрномъ образѣ мыслей вѣдуновъ, Ярославъ, въ противоположность имъ, по словамъ лѣтописи, «рекъ сице: Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, ли ведромъ, или иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже». Еще яснѣе высказалась борьба христіанскихъ понятій о Богѣ, природѣ и человѣкѣ съ языческимъ міросозерцаніемъ, по случаю возстанія волхвовъ въ ярославской и ростовской области. Волхвы опять возстали по случаю физическаго бѣдствія,— неурожая и голода, и опять высказывали свой суевѣрный взглядъ на причины неурожая. Когда они схвачены были, по повелѣнію воеводы Яна, и приведены къ нему на Бѣлоозеро, тутъ у нихъ завязался съ Яномъ споръ о причинѣ голода, о сотвореніи человѣка и о составѣ его физической и духовной природы. «Янъ, — говоритъ лѣтопись, — спросилъ волхвовъ: зачѣмъ вы погубили столько людей?» Кудесники отвѣчали: «тѣ люди держатъ плодородіе: если мы всѣхъ ихъ перебьемъ, то будетъ обиліе: хочешь, передъ тобой мы вынемъ изъ нихъ жито, или рыбу?» Это темное, суевѣрное представленіе о зависимости, или происхожденіи отъ извѣстнаго человѣка такого внѣшняго, физическаго явленія, каково напр., долговременное ведро, или большой дождь, ненастье, неурожай и т. п., — это представленіе господствовало въ народѣ еще и въ половинѣ XIII вѣка. Такъ въ 1228 г., по случаю слишкомъ долговременнаго дождя, въ Новгородѣ простая чадь, собравшись на вѣче, возмутилась противъ архіепископа Арсенія, пошла на владычнь дворъ съ криками: «того дѣля стоитъ тепло долго», — и выпроводила архіепископа изъ города. Такъ точно и Яну волхвы высказывали это же самое убѣжденіе относительно неурожая. Янъ началъ опровергать ихъ суевѣрное понятіе тѣмъ, что неестественно быть житу въ человѣкѣ, въ составѣ человѣческой природы и физически невозможно, чтобы онъ — скрывалъ его въ себѣ. «Богъ, — говорилъ онъ, — сотворилъ человѣка отъ земли, составилъ его изъ костей, жилъ и крови, нѣтъ въ немъ ничего, а одинъ Богъ знаетъ», т. е. почему неурожай и голодъ. Волхвы, вѣдуны миѳологической космогоніи, возразили: «а знаете ли вы, какъ человѣкъ сотворенъ?» «Какъ?» спросилъ Янъ. «Богъ мылся въ мовницѣ,—отвѣчали кудесники,—вспотѣлъ, отерся ветошью и бросилъ ее съ неба на землю: тутъ поднялся споръ у сатаны съ Богомъ, — кому изъ нихъ сотворить человѣка; и сотворилъ дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ него вложилъ; потому, если умретъ какой человѣкъ, тѣло идетъ въ землю, а душа къ Богу». Янъ спросилъ ихъ: «а какому вы Богу вѣруете?» Антихристу, — отвѣчали они. — «А гдѣ онъ?»— спросилъ Янъ. «Сидитъ въ безднѣ», отвѣчали кудесники. Янъ на это сказалъ имъ: «какой то̀ Богъ, сидитъ въ безднѣ; то бѣсъ, а Богъ на небеси, сидитъ на престолѣ, славимый ангелами, которые предстоятъ ему со страхомъ; а тотъ изъ ангеловъ сверженъ, котораго вы называете антихри-

стомъ, за гордость сверженъ съ неба, и сидитъ въ безднѣ, какъ вы сами говорите».

Какъ въ космогоническихъ, такъ и въ ѳеогоническихъ понятіяхъ вѣдуновъ господствовалъ дуализмъ, элементы котораго, быть можетъ, такъ же отразились и въ апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей, особенно въ первомъ приведенномъ нами спискѣ. Такъ въ XI вѣкѣ одинъ двоевѣрный новгородецъ, пришедши разъ къ чудскому кудеснику, для волхвованія, далъ ему вопросъ: «какіе ваши боги? гдѣ живутъ?» Кудесникъ отвѣчалъ: «въ безднахъ: суть же образомъ черны, крылаты, съ хвостами, поднимаются и подъ небо слушать вашихъ боговъ; ваши боги ангелы на небѣ; если кто умретъ изъ вашихъ людей, то возносится на небо; а если кто изъ нашихъ умираетъ, то уносится къ нашимъ богамъ въ бездну».

При такомъ преобладаніи въ народномъ міросозерцаніи миѳологическихъ элементовъ, при этой упорной борьбѣ миѳологически настроенной мыслительности народной, старыхъ политеистически-ѳеогоническихъ и космогоническихъ понятій съ новымъ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, понятно вполнѣ, какъ естественно и возможно было вліяніе миѳологіи на первыя христіанскія начала народнаго міросозерцанія, на первыя выраженія младенческой христіанской народной мыслительности.

Точно такъ же, возможно было и вліяніе апокрифовъ, и въ частности, началъ гностико-богомильскаго міросозерцанія. Причина вліянія апокрифическихъ и преимущественно гностико-богомильскихъ идей на первоначальныя христіанскія богословскія и космогоническія понятія народа заключается въ большомъ приливѣ и распространеніи на Руси византійскихъ и сербо-болгарскихъ апокрифовъ, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси до XV вѣка, и послѣ того. Извѣстно, что въ то время, когда Византія начинала намъ сообщать свою церковною письменность, и когда болгарскій царь Симеонъ, по свидѣтельству якимовской лѣтописи, такъ же послалъ къ намъ «іереи учены и книги довольны и дьяконовъ и демественниковъ, въ то время въ Византіи скопилось множество апокрифовъ, сочиненныхъ разными еретиками, особенно гностиками[1]), а въ Болгаріи, и даже на Руси, по берегамъ Чернаго моря, рядомъ со многими другими сектами, сильно распространялась секта павликіянъ и богомиловъ — отрасли гностиковъ, манихеевъ, мессаліанъ (εὐχεῖται)[2]). Эти сектанты почерпали

[1]) Evseb. Hist. eccl. III, 25. Фотій, современникъ обращенія въ христіанство славянъ, съ радостію отзывавшійся объ обращеніи въ христіанство и руссовъ, писалъ о распространеніи апокрифовъ (biblioth. codex, 114). Точно также Фотій писалъ о Манихеѣ Агапіѣ (codex. 179). (См. у Тишендорфа Acta Apostol. apocr.). Что апокрифы сочинены большею частью гностиками, объ этомъ свидѣтельствуетъ Тертулліанъ (de praescr. haeret).

[2]) Императоръ Іоаннъ Цимисхій переселилъ на границы Болгаріи цѣлую колонію павликіанъ (Zonar. 1. XVIII. p. 209), откуда они не замедлили распространиться по всей Болгаріи. Въ первой половинѣ XII-го вѣка въ болгарскомъ городѣ Меглинѣ почти всѣ жители приняли ученіе павликіанъ, и едва самъ царь не отступилъ отъ православія (Ник. лт. 11, 45. Кирилл. книга). О богомилахъ см. Michel. Pselli περὶ ἐνεργείας δαιμόνων διάλογος, ed Hasenmüller. Kil. 688. Anal, Comn. Alex. XV, p. 486. Ихъ ученіе въ сочиненіи Евѳимія Зигабена: „πανοπλία.“ Evthumii Sigabeni narratio de Bogomilis

основныя начала своего ученія изъ гностическихъ и манихейскихъ апокрифовъ. Болгарскіе послѣдователи ихъ и сами сочиняли новые апокрифы, особенно апокрифическія молитвы. Такъ въ спискѣ апокрифическихъ книгъ, между прочимъ, сказано: «кануновъ много лживыхъ, и молитвы составлены лживые отъ трясавицы, Еремея попа болгарскаго басни, глаголетъ бо окаянный, седящу святому отцу Сисѣнію на горѣ синайстѣй, и видѣ седьмь ангелъ исходящихъ изъ моря и ангела Сахаила именуема, и иная изыдоша седьмь ангелъ, седьмь свѣщь держаще, седьмь ножевъ остряще: корасторъ (о 70) именъ Богу, все то еретицы списали; суть между божественными писаніями лживыя писанія, насѣяны отъ еретикъ, льстивіе соборники сельскіе, худые мануканунцы, по молитвенникамъ у неразсудныхъ поповъ, лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ» и проч. Такимъ образомъ, какъ непосредственно изъ Византіи, такъ въ особенности изъ Болгаріи, рано стали переходить къ намъ апокрифы византійскіе и болгарскіе. Уже Авраамій Смоленскій, жившій въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка, читалъ глубинныя книги, т. е. апокрифическую книгу «глубина». Въ XIII и XIV вѣкѣ эти книги оказали такое сильное вліяніе на народную мыслительность, что грамотники народные и сами сочиняли апокрифическія статьи, съ примѣсью миѳологическихъ элементовъ. Въ концѣ XIV вѣка и началѣ XV апокрифы византійскіе, сербо-болгарскіе и славяно-русскіе уже до такой степени умножились, что митрополитъ Кипріанъ, сербъ родомъ, призналъ необходимымъ составить списокъ какъ истинныхъ, признанныхъ церковію книгъ, такъ и отреченныхъ, и въ немъ подробно изчислилъ и византійскія и сербо-болгарскія и русскія апокрифическія сочиненія или статьи. Съ этихъ поръ, списокъ отреченныхъ книгъ, такъ какъ и истинныхъ, въ русской церкви получилъ какъ-бы каноническое значеніе, потому, что вносился въ церковныя книги, напр., въ молитвенники и уставы, съ той цѣлью, чтобы духовенство знало, что должно читать, и чего не должно читать, и предохраняло народъ отъ чтенія апокрифическихъ книгъ[1]). Несмотря на то, не только народные, мірскіе грамотники, но и священнослужители съ особеннымъ сочувствіемъ читали апокрифическія книги и сочиняли новыя отреченныя статьи, предпочитая ихъ византійскимъ источникамъ знанія. Курбскій жаловался: «нынѣшняго вѣка мнящіеся учители больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, про-

primum in serm. ed. Cieseler, p. 1, 4. Cöett. 841. см. также у Wolf. hist. Bogomilor. diss. III, vit. 712. Engelhart, die Bogomilien. Названіе и болгарское происхожденіе богомиловъ Евѳимій Зигабенъ объясняетъ такъ: Βόγ μὲν γὰρ ἡ τῶν βουλγάρων γλῶσσα καλεῖ τὸν Θεόν, μίλουι δετὸ ἐλίησον.

[1]) См. напр. Опис. Рум. муз. № CCCCXLIX, стр. 716 и 717. Въ сборн. подъ № 925 читаемъ такую заповѣдь: „святыя книги почитати и вѣровати писанію тѣхъ, а отреченныхъ книгъ бѣгати; аки жена Лотова преступи заповѣдь ангельскую, обратися видѣти Содомъ, и бысть столпъ сланъ и до днесь: такожъ и нынѣ кто Божію заповѣдь преступитъ, а иметъ еретическая писанія у себя держати, еже есть врагъ Божій, и волхвованію ихъ вѣровати, съ тѣми со всѣми еретиками да будетъ проклятъ. Аще который отецъ духовный вѣдая у себя въ сынѣхъ, а вѣдая то въ покаяніи его иметъ въ томъ потаки дѣяти, или имемъ творити самъ прожереченная сія еретическая волхвованія, да извержется сана“.

читаютъ и похваляютъ, неже въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются». Дьяки церковные, въ родѣ Семейки Григорьева, держали у себя книги недобрыя, ересныя, да приговоры и рафли, тетради гадательныя. Сборники XVI и XVII вѣка наполнены апокрифическими статьями, рядомъ съ статьями принятыми церковью, только иногда подъ другими заглавіями. Напр., въ сборникѣ соловецкой библіотеки есть апокрифическое евангеліе Іакова (№ 807), отрывокъ изъ апокрифическаго евангелія Никодима (№ 889), апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ, сказаніе о камняхъ и о ефудѣ Аарона, указанныя въ кодексѣ апокрифовъ Фабриція, епистолія апостола Павла — отрывокъ изъ 10 апокрифическихъ посланій апостола Павла (ὁ Ἀπόσολος) сказанія о рахманехъ, разныя апокрифическія сказанія объ ангелахъ, о именахъ ангельскихъ; «божественнаго Иліи и Елисея дѣйствія въ дусѣ: Илія убо седьмь дѣйствъ сотвори» и проч. (сборн. № 844, л. 237—239 и др.). Изъ славянскихъ, сербо-болгарскихъ апокрифовъ, въ сборникѣ соловецкомъ находятся довольно значительные отрывки изъ громовника, напр., статьи: сказаніе о громѣ, окруженіе солнцу и лунѣ, изъ зелейника — довольно большой отрывокъ, находящійся въ сборникѣ подъ № 988. Наконецъ апокрифы, особенно нравственнаго содержанія, иногда безсознательно вносились въ сборники церковныхъ, назидательныхъ, свято-отеческихъ твореній, въ изморагды, златоусты, соборники и торжественники, имѣвшіе церковное значеніе и употребленіе. Напр., въ измарагдѣ соловецкой библіотеки подъ № 270, писанномъ въ XV вѣкѣ, находится, между прочимъ, евангеліе отъ Матѳея, слово апостола Іакова о недѣлѣ, видѣніе Исаіи, Павлово видѣніе и другіе.

Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія [1].

(православнаго и старообрядческаго).

При современномъ сознаніи крайней необходимости просвѣщенія темныхъ массъ народа, при теперешней заботѣ объ устройствѣ народныхъ училищъ, крайне необходимо, между прочимъ, предварительное изученіе историческаго развитія и склада той простонародной умственной почвы, которую предстоитъ нравственно обработывать. Этимъ изученіемъ опредѣлятся настоящіе умственные недостатки и потребности народа и укажутся характеръ и пріемы самой умственной культуры или сущность и направленіе народно-образовательной системы.

По преобладающей практичности, реальности русскаго народнаго ума, ему, при гуманистическомъ просвѣщеніи, преимущественно необходимо реальное — естество-познавательное и жизненно-практическое образованіе. Уже Мордвиновъ, въ свое время, доказывалъ всю необходимость распространенія въ народѣ, особенно въ сельскомъ, знаній естественныхъ — физики, ботаники, зоологіи, минералогіи, химіи, технологіи и т. п., и въ этомъ полагалъ главный предметъ правительственной заботы. Естественно-реальнаго образованія требуютъ, наконецъ, не только послѣдніе выводы, интересы и направленіе общеевропейскаго просвѣщенія, характеризующагося преимущественно естественными открытіями и изобрѣтеніями, но и, въ особенности, исторически-развившіеся и теперь обнаруживающіеся крайніе умственные недостатки нашего простого народа — незнаніе природы и суевѣріе. Въ виду совершающагося преобразованія быта огромной и самой важной массы нашего народонаселенія—крестьянства, въ виду новыхъ потребностей сельскаго хозяйства — главнаго жизненнаго элемента нашего экономическаго быта, потребность реально-естественнаго образованія сельскихъ массъ является особенно ощутительною и настоятельною.

Крайне необходимо и въ высшей степени желательно, чтобъ наши ученые, занимающіеся физикой, и вообще естественными науками, а также сельскимъ хозяйствомъ и медициной, позаботились, наконецъ, по примѣру западныхъ естествоиспытателей, объ изданіи для темныхъ массъ простого народа популярныхъ этюдовъ или чтеній по разнымъ отраслямъ естествознанія. Это святой долгъ ихъ. Съ этою цѣлью, для наибольшей популяр

---

[1] Напечатано въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1863 г., № 1, стр. 1—73; № 3, стр. 75—92; № 4, стр. 1—20; № 6, стр. 47—76 и № 7, стр. 1—28;— по отдѣлу IV-му „Науки“.

ности и удобопримѣнимости такихъ естествознательныхъ очерковъ или чтеній къ умственному уровню или пониманью простого народа, — весьма полезно и даже нужно нашимъ естествовѣдамъ знакомиться съ исторіей народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Не даромъ такіе западные ученые, какъ, напр., Кювье, Араго, Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, Шлейденъ и другіе, издавая свои популярныя естественныя книги или чтенія, прибѣгали къ исторіи естествовѣденія и суевѣрія и даже сами излагали ее. Для нашихъ ученыхъ естественниковъ представляютъ весьма важный и обильный матеріалъ для изученія народныхъ естественныхъ заблужденій и суевѣрій такіе, изстари распространенные въ народѣ, книги и сборники, какъ напр., астрономіи, географіи, космографіи, громовники, лечебники, травники, зелейники, цвѣтники, словари XVI и XVII столѣтій и проч. Всѣ эти и подобные старинные источники народнаго естествовѣденія ждутъ критическаго разбора спеціалистовъ-естествоиспытателей.

Для того, чтобы знать, какія умственныя и нравственныя болѣзни лечить въ народѣ посредствомъ просвѣщенія, занимающіеся исторіей русской жизни и литературы, съ своей стороны, также должны, во первыхъ, приводить въ ясность ту сумму разнообразныхъ понятій о природѣ и физической жизни человѣка, какую накопилъ нашъ народъ въ своемъ міросозерцаніи, въ теченіи тысячелѣтней жизни; во вторыхъ — указывать въ исторіи и литературѣ тѣ источники, изъ которыхъ народъ заимствовалъ свои понятія, вѣрованія или суевѣрія и предразсудки; въ третьихъ — исторически раскрывать удобства или неудобства, плодотворность или безплодность, пользу или вредъ тѣхъ или другихъ, извѣданныхъ въ нашей исторіи, способовъ и источниковъ народнаго образованія; и, наконецъ, исторически опредѣлять вліяніе изстариннаго, вѣкового міросозерцанія народнаго на современное состояніе народной умственной жизни, а отсюда отчасти — и характеръ, и потребности такъ насущно-необходимаго теперь народнаго просвѣщенія, и проч. Съ такою мыслію мы, еще въ 1859 году, занялись собраніемъ матеріаловъ для историческихъ очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Къ сожалѣнію, работа наша неожиданно была прервана. Только два очерка, и то въ отрывкахъ, были напечатаны въ Православномъ Собесѣдникѣ, именно: очеркъ народнаго христіански-космогоническаго міросозерцанія и взглядъ древне-русскихъ, преимущественно простонародныхъ, пустынножителей на природу. Самый первый очеркъ, составляющій введеніе, именно очеркъ религіозно-языческаго или миѳологическаго славяно-русскаго міросозерцанія остался въ рукописи у студентовъ казанскаго университета. Остальные, готовые очерки, какіе сохранились подъ руками, теперь считаемъ небезполезнымъ постепенно напечатать, не придерживаясь строго систематическаго порядка. Не имѣя подъ руками прежнихъ источниковъ, какіе представляла въ Казани соловецкая рукописная библіотека, и не имѣя прежней возможности свободно заняться обработкою всѣхъ добытыхъ тогда матеріаловъ, предлагаемъ очерки въ томъ видѣ, какъ они были первоначально составлены.

На первый разъ предлагаемъ краткій очеркъ вліянія библейско-византійской санктологіи и пневматологіи на народное міросозерцаніе. Въ

ряду другихъ очерковъ, въ полномъ циклѣ народнаго міросозерцанія, этотъ очеркъ необходимъ. Затѣмъ слѣдуютъ очерки мистико-символическаго народнаго міросозерцанія, особенно укоренившагося у нѣкоторыхъ сектъ народныхъ, напр., у людей божіихъ, очерки земледѣльческаго міросозерцанія, очерки народныхъ громовниковъ, травниковъ, зелейниковъ и проч.

I.

Вліяніе библейско-византійскаго ученія объ ангелахъ и святыхъ на народное міросозерцаніе.

Извѣстно, что церковные учители древней Руси строго преслѣдовали народныя миѳологическія воззрѣнія на природу, какъ *„бѣсовскія мечтанья“*, искореняли всѣ эти живые эпическіе образы народнаго міросозерцанія — естественныя выраженія младенческой фантазіи народа. На мѣсто того, они вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, библейскую физику, или мнѣнія и воззрѣнія отцовъ и учителей восточно-византійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно-византійской школы, учились христіанскому міросозерцанію вполнѣ по библейскимъ и византійскимъ источникамъ. Древне-русскіе книжники, писатели и учители почерпали понятія о мірѣ, во первыхъ, изъ книги бытія, псалмовъ Давида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во вторыхъ, изъ разныхъ греко-восточныхъ толкованій на книгу бытія и на псалмы, особенно изъ толкованія на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василія Великаго, изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна Экзарха Болгарскаго, изъ толкованія Аѳанасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія Богослова, изъ книги «Небеса» Іоанна Дамаскина; въ третьихъ, изъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ вполнѣ выразилось восточно-библейское міросозерцаніе; въ четвертыхъ, изъ византійскихъ космографій, хронографовъ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибавляли къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальные источники. Такъ, напр., Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1384 году (Татищ. Ист. IV, 313) Димитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писиды: «похвала Творцу міра», книгу весьма обильную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и понятіями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ. Около половины XVI вѣка встрѣчается въ рукописяхъ восточно-византійское землеописаніе Козмы Индикоплавта, подъ заглавіемъ: «книга, нарицаемая Козма Индикопловъ, избранная отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славнымъ Киръ Козмою» [1]). Изъ этихъ и подобныхъ источниковъ

[1]) Въ предисловіи ея сказано, по списку Макарьевской четьи-минеи: „Въ лѣто 7010 (т. е. 1542 г.) генваря въ 19-й день написаны быша книги сія Козма Индикопловъ повелѣніемъ... архіепископа великаго Пскова и Новгорода, владыки Макарія“. Бу-

древне-русскіе книжники-учители заимствовали понятія о природѣ, преимущественно изъ книгъ библейскихъ и свято-отеческихъ, и на основаніи ихъ старались искоренить миѳологическія начала народнаго міросозерцанія и поучать народъ библейско-византійскому міровоззрѣнію. Не раскрывая въ подробности борьбу и смѣшеніе народныхъ миѳологическихъ понятій съ библейско-византійскимъ ученіемъ, мы въ настоящемъ очеркѣ разсмотримъ только, какъ встрѣтились старыя зооморфическія и антропоморфическія олицетворенія силъ и стихій природы съ церковнымъ ученіемъ объ ангелахъ, святыхъ, и въ какую форму, подъ вліяніемъ этого ученія, видоизмѣнились. Въ этомъ отношеніи, византизмъ особенно выпукло отразился на умственной жизни нашего простого народа и навѣялъ цѣлую массу своеобразныхъ понятій и суевѣрій.

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учители внушили народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія. Такъ напр., читаемъ въ Солов. Сборн. подъ № 993: «Епифанія Кипрскаго архіепископа сказаніе, какъ Богъ сотвори отъ начала до седьмаго дни: въ первый день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащіи предъ ними суть сіи ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ, и осени, и всѣмъ духомъ, ангелъ земли, тьмѣ» и проч. [1]). Мысль эта, развитая учителями грековосточными и сообщенная въ ихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою записалъ въ своей лѣтописи слѣдующее событіе, и по поводу его высказалъ свое убѣжденіе въ дѣйствительности присутствія ангеловъ въ природѣ: «въ лѣто 6618 было знаменіе въ печерскомъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явился столпъ огненный отъ земли до небеси и молнія освѣтила всю землю и въ небеси громъ погремѣлъ въ первый часъ ночи, и весь міръ видѣлъ: а столпъ этотъ сперва сталъ на трапезницѣ каменной, такъ

слаева, Историч. очерки русск. словесн. II, 325. Греческій текстъ изд. и перевед. на латинскій и французскій языки. (Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum. Edit. Montfaucon, 1706. Parisiis, t. 2).

[1]) Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ грековосточныхъ учителей, признавалъ также особыхъ ангеловъ, геніевъ народныхъ: τὰ γὰρ ἔθνη ὑπὸ ἀγγέλλους τεταγμένα ἔισιν, ὡς ἐπιμαρτυρεῖ μοι Μοῦσης ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ θεράπων..... κὰι γὰρ κινόυμενοι δι ἄγγελοι, κινόισι τὰ ἔθνη ἐις ὁρμὴν ἐκδικίας. Advers. haeres. t. I lib. 2, cap. 34, pag. 456—457.

что не видно было креста, и постоявъ мало, спустился на церковь и сталъ надъ гробомъ Θеодосьевымъ, и потомъ ступилъ на верхъ какъ бы къ востоку лицемъ, и потомъ невидимъ былъ. А это былъ не огненный столпъ, ни огонь, но видъ ангельскій: ибо ангелъ такъ является, иногда столпомъ огненнымъ, иногда же пламенемъ, какъ сказалъ Давидъ: творяй ангелы своя духи и слуги своя огнь пламенъ, и посылаются они повелѣніемъ божіимъ, куда хочетъ Владыка и Творецъ всѣхъ ангеловъ и человѣковъ: ибо ангелъ приходитъ, гдѣ добрыя мѣста и молитвенные домы, то огненнымъ образомъ, то столпомъ, то другимъ видѣніемъ, какъ можно видѣть людямъ: ибо нельзя людямъ зрѣть естества ангельскаго, какъ и Моисей великій не возмогъ видѣть ангельскаго естества, ибо водилъ ихъ днемъ столпъ облачный, а ночью столпъ огненный: то это не столпъ водилъ ихъ, но ангелъ шелъ передъ ними ночью и днемъ. Такъ и это явленіе показывало нѣчто, чему было быть и было: ибо на второе лѣто, не ангелъ ли былъ вождемъ на иноплеменниковъ и супостатовъ, какъ сказано: ангелъ предъ тобою предъидетъ, и опять: ангелъ твой буди съ тобою, какъ пророкъ Давидъ говоритъ: яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ. *Какъ пишетъ премудрый Епифаній*: къ каждой твари приставленъ ангелъ: ангелъ облаковъ, и мглы, и у снѣга и града, и у мороза, ангелы въ звукахъ и громахъ, ангелъ зимы и зноя, и осени, и весны, и лѣта, и всему духу твари его на землѣ, и у преисподней тмы и у сущей въ безднахъ, бывшей древле вверху земли, ангелъ вѣтра и ночи и свѣта и дня, ко всѣмъ тварямъ ангелы приставлены», и проч. [1]).

Въ древне-русской письменности, въ книжной литературѣ подаются любопытныя умствованія о явленіяхъ природы, въ которыхъ представляются дѣйствующими ангелы. Напр., въ концѣ житія Кирилла Бѣлозерскаго, по Солов. рукоп. подъ № 219, читаемъ такую бесѣду Епифанія съ св. Андреемъ «о водахъ, и о дожди, и о грому, и о молніи». «Вода, яже изъ облака исходитъ дождьми, съ небеси ли исходитъ *ци* (новгород. вопросительное *ли?*) отъ инудъ въ облаки входитъ? Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ. Да и дуга бо повелѣніемъ Божіимъ собираетъ морскую воду, какъ въ мѣхи; и наливаетъ облачной воды: да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужной, а той духъ есть буренъ вельми и смущаяся; да какъ духъ начнетъ раздирати облаки, уготовати путь водѣ и проливати ю въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ сотворится: сей скрежетъ человѣцы навыкли называти громомъ; понеже скрежетъ облакы, готовя путь, да быша пріяли воду, да егда пріидетъ духъ правый громный и отпуститъ облаки, тогда паки входитъ другій духъ воду кропя, скрежеща и гремя, наполняя облаки водой, яко же и губу. И посемъ отверзается другое сокровище одержащее ихъ и воду, и прежь пойдетъ духъ сущій въ немъ съ громомъ пути творя водамъ, хотящимъ пріяти на облацѣхъ, да тако пущаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно: служба бываетъ, громови громятъ; громъ бо приходитъ предъ водою, множицею же и безъ

[1]) Лѣтоп. Нестора, стр. 121.

грома бываетъ дождь. *Но не о себѣ сами ти облацы дожди даютъ, а владыка Богъ ангелъ къ нимъ приставилъ есть, (ангеловъ приставилъ) да ихъ направляютъ и на всю тварь небесную.* Епифаній рече: откуду исходитъ молнія? Андрей рече: трубы облачные собираютъ отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и напивше восходя избываютъ изъ себя воду въ сокровенныя бездны: да егда наполнятъ вся, отходятъ на страну на мѣста своя и пребываютъ недвигующеся, потомъ же молнія утвержденіе е(сть) сокровище тмѣ и содержитъ въ себѣ воду ту, и подаетъ ю всю соль искренну (sic), аще есть морская вода та; *таже исходитъ ангелъ Господень явѣ, древомъ честнаго креста разслажаетъ воды ты,* таже потомъ молнія та приходитъ предъ громомъ сущая во облацѣхъ на низъ и прежь очищаетъ и приготовляетъ. Пророкъ бо глаголетъ: молнія, рече, вождь сотворилъ есть Богъ; и паки другій пророкъ глаголетъ: молнія направляя воды и погреманіемъ разсѣвая капля по облакомъ», и проч.

Такія статейки читали народные грамотники, и подчасъ прочитывали и пересказывали ихъ народу. Самъ народъ нерѣдко могъ слышать подобное ученіе о духахъ или ангелахъ грома, молніи, дождя и проч. въ церкви, гдѣ читалось подобное толкованіе Епифанія; могъ слышать его и отъ монаховъ-грамотниковъ, которые толпами бродили тогда по деревнямъ, особенно отъ старцевъ посельскихъ, могъ слышать въ столь обычной въ древней Россіи бесѣдѣ съ подвижниками, которые, какъ напр., Кириллъ Бѣлозерскій, любили иногда заниматься такими библейско-физическими созерцаніями. И вотъ неудивительно, что грамотникъ народный, и даже сельскіе колдуны и колдуньи стали вѣрить, что повсюду въ природѣ пребываютъ и дѣйствуютъ особые духи-ангелы; не подозрѣвая невидимыхъ силъ и законовъ физическихъ, стали видѣть ангеловъ въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ прежде видѣли Перуновъ, Хорсовъ, Горцуковъ и т. д. Византійская апокрифическая бесѣда трехъ святителей, передѣланная на славяно-русскій ладъ, подкрѣпляла это вѣрованье. Въ ней народные граматники читали такое толкованіе о духахъ грома и молніи: «Иванъ рече: отъ чего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная есть; елленскій старецъ Перунъ, и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молніина. Вопросъ: что есть громъ и молнія? Толкъ: ангелъ господень летяя біетъ крилома и гонитъ дьавола. Молнія суть свиты ангельскія. И егда идетъ дождь, тогда дьяволъ станетъ. И егда молнія ходитъ, стрекаются, то со гнѣвомъ ангелъ господень зритъ на дьявола»[1]). Какъ по ученію гностиковъ, были особые ἄγγελοι κοσμοκράτορες, былъ ἄγγελος τοῦ ἡλίου (ангелъ солнца), такъ и по русскимъ апокрифическимъ сказаніямъ, имѣющимъ связь съ византійско-гностическими апокрифами, во всѣхъ явленіяхъ и силахъ природы представляются

[1]) Сборн. № 1138. Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ такъ же читаемъ о *молніи* и *громѣ*: „*девять ангеловъ*, обравшись на небеси, радуются о славѣ божественной и трепещутъ своими крыльями; и отъ ударенія крыльями облака идутъ *по аеру, гремятъ и дождятъ,* а *отъ силы ангельской* исходитъ *огонь и молнія* съ великимъ громомъ на проклятаго змѣя“. Ркп. проф. Григоровича. У Буслаева Историч. очерки русск. словесн. 1, 501.

дѣйствующими духи Божіи ангелы, напр., былъ особый *«ангелъ въ солнцѣ»*. Непросвѣщенные грамотники еще болѣе утверждались въ такомъ убѣжденіи, если читали апокрифическую книгу *«о всей твари чтеніе, гдѣ сказано, какъ 300 ангелъ солнце воротятъ»*. Въ глубокой древности образовалось и доселѣ существуетъ между нашими поселянами повѣрье, что *каждое свѣтило имѣетъ своего ангела: одинъ ангелъ носитъ по небу солнце, другіе луну и звѣзды*. Вечеромъ каждый ангелъ *зажигаетъ свою звѣзду, какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее*. (Отеч. Зап., 1842 г., № 6. Ст. Мельникова, стр. 51. Архивъ историкоюридич. свѣд. о Россіи. Кн. 1. 1854, отдѣлъ VI, стр. 8). И сочинилась такимъ образомъ въ народномъ міросозерцаніи, если можно такъ выразиться, физіократія ангельская. Придумано было много ангеловъ лишнихъ, небывалыхъ, вовсе невѣдомыхъ и до третьяго небеси восхищеннымъ. Стихъ изъ любимаго народомъ псалма: «Живый въ помощи Вышняго» которымъ и доселѣ заговариваются простолюдины «отъ вещи во тмѣ преходящей, отъ зрящаго и бѣса полуденнаго», который въ сельскихъ мануканунцахъ или сборникахъ заговоровъ и наговоровъ замѣнялъ древнее языческое «прославленье», стихъ этого псалма: «яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ» утверждалъ народъ въ вѣрѣ, что точно во всѣхъ путяхъ есть ангелы-хранители. Древнерусскіе народные грамотники вѣрили въ бытіе особыхъ ангеловъ въ каждой области природы. Они знали, какое проявленіе, или какой случай физической жизни человѣка отъ какого именно ангела зависитъ. Они представляли особаго ангела въ горахъ и въ пустыняхъ, особаго ангела на рѣкахъ и моряхъ, особаго ангела во тмѣ ночной, вѣрили въ особаго ангела физическаго здоровья, въ ангела утверждающаго домъ, въ ангела, невидимо осѣняющаго питье и пищу, пиво и хмѣль и всякое употребляемое человѣкомъ произведеніе природы. Въ старинныхъ сборникахъ находятся особыя статьи о такихъ физическихъ разрядахъ или раздѣленіяхъ ангеловъ. Наприм., въ Сборникѣ солов. библ. подъ № 889 читаемъ такую статью, «Азъ, Григорій рече, пріидохъ ко ангелу и рѣхъ ему сія: скажи ми Господи ангеле[1])! Аще плаваеши въ лодіи, помяни святаго ангела Гавріила: и избавитъ тя отъ всякаго зла, аще хощеши итти по горамъ, или по пустынямъ, помяни св. ангела Раила, соблюдетъ тя, аще воду піеши, помяни св. ангела Ноила, во дни и въ нощи... егда ложися спать, помяни святаго ангела Помаила, той бо есть ночный стражъ намъ спящимъ; егда будеши въ печали, помяни ангела Аѳонаила, той бо есть утѣшитель ангеламъ и человѣкамъ; егда стяжеши домъ, или храмъ ставиши, помяни святаго ангела Мисаила, той бо есть утвержденіе храму; возставая изъ утрія, помяни святаго ангела Михаила, тогда веселъ день имаши; егда наліеши пиво или медъ, или иное что, помяни святаго ангела Рахваила, споро ти будетъ; егда идеши тягатися, помяни святаго ангела Уріила, скоро потяжеши; егда идеши на путь, помяни святаго ангела Ру-

[1]) Здѣсь въ рукописи чего-то, кажется, не достаетъ по ходу рѣчи.

саила — супротивникъ не будетъ; егда идеши въ пиръ — помяни святаго ангела Панѳараона»[1]).

Вѣря въ ангельское міроправленіе, въ живое участіе ихъ въ жизни природы, народное эпическое міросозерцаніе представляло ихъ духами или силами, борющимися съ враждебными началами и силами миѳологическаго міросозерцанія. Это, по народному представленію, были добрые духи или начала, поборающія зловредныя силы и начала физической жизни[2]). Въ такомъ значеніи, они, вмѣстѣ съ святыми, изображаются въ народныхъ суевѣрныхъ наговорахъ или заговорахъ и заклятіяхъ новаго, христіанскаго цикла. Какъ въ языческихъ заговорахъ или наговорахъ и заклятіяхъ являются дѣйствующими исключительно религіозно-миѳическія олицетворенія Перуна, Дажьбога, Стрибога, солнце, луна, громъ, молнія, вѣтры, огонь, вода, роса утренняя и вечерняя, звѣзды и проч.; такъ въ переходныхъ отъ язычества къ христіанству заговорахъ или наговорахъ новаго, *двоевѣрнаго*, миѳически христіанскаго склада или цикла являются дѣйствующими силами главнымъ образомъ ангелы и святые. Старые язычески-миѳологическіе оттѣнки только подкрашиваютъ эти новые христіански-языческіе или *двоевѣрные* заговоры. Въ такомъ видѣ изображаются въ этихъ послѣднихъ заговорахъ и ангелы, и святые. Ангелы, напр., разгоняютъ злыхъ духовъ, удаляютъ, въ образѣ миѳическаго Нежита, враждебную жизни силу, въ пустыя горы и въ звѣрей. Такъ въ одной сербской молитвѣ Нежиту, распространенной и въ древней Руси, читаемъ: «поиде 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь носеще, 7 ножь остреще и срете ихъ архангелъ Гавріилъ и рече имъ: камо идете 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь несеще, 7 ножь остреще, и рѣше ему і: идемъ Нежита осѣщи изьгнати». Или въ другой молитвѣ тому же Нежиту, читаемъ: «седмь десятъ ангелъ, семдесять архангель, и срѣте и святый Михаиль и Гавріиль и святый Козма и Доміяне. И рекоша емоу: камо идеши Нежите. И рече имь Не-

[1]) Эта статья отчасти напоминаетъ намъ извѣстную апокрифическую четвертую книгу Эздры, гдѣ также Эздра вопрошаетъ сначала какого-то не названнаго по имени ангела, потомъ ангела Уріила, за тѣмъ архангела Іереміила о различныхъ тайнахъ бытія міра и человѣка, обращаясь къ нимъ обыкновенно съ такимъ вопросомъ: Loquere mihi dominus meus. Спрашиваетъ напр. о томъ: quare modici et mali anni nostri и т. п. Изъ отвѣтовъ ангеловъ на такіе вопросы о таинственномъ или конечномъ значеніи для человѣка разныхъ предметовъ и явленій міра состоитъ большая часть второй главы и третья и четвертая главы. Fabricii, Codex apocriphor. Volum. II, p. 202—237.

[2]) Какъ у древнихъ грековъ были особые поднебесные, воздушные духи, δαίμωνες, πνέυματα, ἀγαθὸς δαίμων, κακὸς или πονηρός δαίμων, νύμφαι, μοῖραι, κῆρες и проч. у нѣмцевъ и скандинавовъ свои elfen, vätten, döckälfur (dunkelelbe, genii obscuri) и liosälfar (lichtelbe) и проч., — такъ и у славянъ были особые духи воздушные, поднебесные, дивы, русалки, вилы, *градъ градившія отъ облака*. Подъ вліяніемъ христіанскихъ апографическихъ книгъ, всѣ эти демоны стали признаваться *подлунными воздушными злыми демонами* и *подсолнечными ангелами*, такъ же какъ у германцевъ, по словамъ Гримма, an sich gleichen liosälfar und svartälfar (döckälfan) hinreichend den christlichen *Engeln* und *Teufeln*. (D. M. 415). Такъ въ Луцидаріусѣ читаемъ: „*отъ земли даже до луны лукавіи дуси, демони* тѣ суть поставлени, человѣки отъ воздуха прельщающе, а *отъ луны даже до звѣздъ пребываютъ святіи ангели;* сіи суть поставлени, да человѣки хранятъ отъ лукавыхъ бѣсовъ“. (Лѣтоп. р. литер. I, II, стр. 44, 1859).

жить. Идоу человѣчу главу кости преломити, мозьга срьцати. Рекоша емоу: Иди въ поустоую гору и вышедъ въ Еленю (оленью) главу и останися раба божія имрекъ и тоу клетву да имаши, и иже смѣшаеть водu, подобне и есть егда станешь добрѣ. Станешь страхомъ тако да станетъ съ Нежить». Въ третьей молитвѣ святый Михаилъ-Гавріилъ такъ заклинаетъ и побораетъ злое начало небытія и смерти: «Святый Михаилъ-Гавріилъ гредите възьмь желѣзьнь зоукь желѣзнь стрѣлы стрѣлати хоте елена и еленоу и не обрѣте тоу елена и еленоу и обрѣте Нежита, иже сидеше на мырацѣпивъ (sic) и вьпроси его: что ты еси иже сѣдиши на мырацѣпивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь Нежить, иже человѣче глава расцѣплю и мозьгь исрьчу кръвь емоу пролею. И рече ему Михаиль Гавріиль. проклеты проклеты Нежите. не мозьга срьчи. ни главы расцѣпи, нь иди въ пустую горoу вълѣзи въ еленоу главоу. та ти есть трьпѣлива трьпѣти те. аще ли же по семь дни обрѣщоу. любо же посѣкноу. любо же прострѣлю. И взмолися Нежить непосѣци и не прострѣли мнѣ. да бѣжоу въ гору и въ еленю главу егда имать по три земле» [1]). Особенно у старообрядцевъ сохранилось множество такихъ заговоровъ или заклятій, въ которыхъ являются дѣйствующими ангелы, архангелы, преимущественно Гавріилъ-архангелъ, Михаилъ-архангелъ, вмѣстѣ съ разными святыми и пророками. Представляя въ духовно-нравственномъ развитіи массы народной самобытный, свободный переходъ народной мыслительности или народнаго духа отъ чисто-миѳологическаго, языческаго міросозерцанія къ свободному, своеобразному міросозерцанію христіанскому, церковно-библейскому, — русское старообрядство преимущественно создавало заговоры или заклятія, такъ же какъ разныя эпическія пѣсни, новаго цикла, новаго духовно-христіанскаго содержанія, сохраняя въ то же время и старую, религіозно-языческую тканъ или перво-основу ихъ. Въ приложеніи къ этой статьѣ присовокупляемъ нѣсколько старообрядческихъ заговоровъ новаго христіанско-миѳологическаго цикла, въ которыхъ въ миѳическихъ образахъ представляются ангелы, вмѣстѣ съ святыми.

Наконецъ, въ своемъ поэтическомъ міросозерцаніи народъ видѣлъ ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. Такъ напр., въ народномъ травникѣ читаемъ: «есть трава *именемъ архангелъ*, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ, тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь

[1]) За сообщеніе этихъ „молитвъ Нежиту“ приношу искреннюю благодарность В. И. Григоровичу. Въ нѣмецкихъ эпическихъ заговорахъ и заклятіяхъ ангелы также представляются дѣйствующими лицами. См. Grimm, D. M. Beschwörungen. IX и XLVII. Напр. Spruch gegen Diebe начинается: Wie Maria im Kindbette lag *drei Engel* ihr da pflagen: der erste hiess *S. Michael*, der andere *S. Gabriel*, der dritte hiess *Rafael* и проч. S. CXLVI. Въ заклятіи gegen vendsel (gicht, gliedschmerz) также упоминаются 12 gudds engle. S. CXLVIII. Заклятіе подъ № VIII *reisesegen* начинается: ic dir nach sihe, ic dir nach sendi mit minen funf fingirin *funvi undi funfzic engili*. Въ заклятіи подъ № IX: Herre *Sce Michahel* hinte wistu N. sin schilt und sin sper и проч. Заклятіе *feuersegen* читается: mein haus das sei mir umbeschwaifen *mit engelischen vaifen*, mein haus *sei mir bedeckt mit einer englischen deck.*“ S. CXL.

златую или серебряную гривну, и та трава носитъ и тотъ человѣкъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго человѣка», и проч. Въ полѣ, на цвѣтахъ, вмѣстѣ съ птицами, народная поэзія созерцала ангеловъ, и слышала гласы архангельскіе. Пѣсни *людей Божіихъ* исполнены такими образами.

На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія;
Воспѣваютъ онѣ пѣсни архангельскія.
А съ ними поютъ всѣ ангелы,
Всѣ ангелы со архангелами,
Съ Серафимами, съ Херувимами.
И со всею силою небесною,
Воспѣваютъ они пѣсню: Христосъ воскресе! [1])

«Была быль, говоритъ одна народная легенда [2]), на крышѣ одного бѣднаго дома сидѣли три голубя: проходитъ мимо этого дома проѣзжій: что такое, говоритъ, сидятъ три голубя на этомъ домѣ, и порываются порхнуть вверхъ къ небесамъ. Заходитъ въ домъ, и узнаетъ, что тутъ бѣдная мать умертвила своихъ трехъ маленькихъ дѣтей, не имѣя никакихъ способовъ и никакой надежды прокормить ихъ. Вотъ эти голуби, сказываетъ легенда,—это три ангела Божіихъ прилетѣли за душами младенцевъ и хотятъ унести ихъ на нéбеса».

Святые еще болѣе важную роль играли въ средневѣковомъ міросозерцаніи, чѣмъ ангелы. Они замѣнили въ народномъ міровоззрѣніи языческихъ героевъ и полубоговъ. Какъ въ западномъ средневѣковомъ міросозерцаніи пророкъ Илія, святые Георгій и Хризостомъ играли роль языческихъ героевъ, полубоговъ, побѣдителей и умертвителей дракона, другіе святые замѣнили языческихъ боговъ и богинь, напр. Frau Lutz (Sancta Lucia) замѣнила Берту, Норвежскій св. Olaf—Тора, Славянскій Sanct Vitus—Святовида, и проч., такъ и въ нашемъ міросозерцаніи и поэзіи съ такимъ же полумиѳическимъ характеромъ и значеніемъ является пророкъ Илія, Георгій храбрый, Василій и другіе святые [3]).

Извѣстно, какъ народъ нашъ донынѣ еще объясняетъ явленіе грома, молніи и дождя: то Илья пророкъ, говоритъ онъ, ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, разгоняетъ нечистую силу и проливаетъ дождь на землю. Такая христіанско-миѳологическая персонификація грома въ образѣ пророка Иліи, очевидно, стоитъ въ тѣсной, преемственной связи съ древне-языческимъ олицетвореніемъ грома и молніи въ образѣ Перуна громовержца. Отъ чего же, въ народно-христіанскомъ міросозерцаніи, именно Илья пророкъ является персонификаціей или производителемъ грома, молніи и

[1]) Подобное представленіе находимъ и въ древне-нѣмецкой поэзіи:
Da hört man süss erklingen
Der Vögelein Getön,
Und auch die Engel singen
Ihr Melodie gar schön. — Geschich. d. deutsch. Kirchenlied., стр. 111—112.

[2]) Записана въ Казани, отъ крестьянина изъ села Кавалей (русскихъ).

[3]) Гриммъ подробно раскрываетъ это, и вообще замѣчаетъ: Eine gewisse Analogie hat die Übertragung der heidnischen Mythe von Göttinnen und Göttern auf Maria und Heilige von Elben auf Engel. D. M. 5. 10, (Einleitung).

дождя? Откуда могло взяться такое представленіе? Вникая въ духовно-литературное происхожденіе и развитіе народныхъ понятій, кажется, несомнѣнно можемъ сказать, что поводъ къ такому объясненію грома, молніи и дождя подала отчасти наша древняя церковная литература. Во первыхъ, въ сборникахъ [1]) помѣщались такія объясненія молніи: «Молнія есть сіяніе огня, сущаго вверху на тверди; небесно же огнь, то ты разумѣй *огнь* сущій, *его же Илія молитвою сведе* на полѣна и на всесожженіе: *сего огня сіяніе есть молнія*». Во вторыхъ, на иконѣ пророка Иліи, на свиткѣ, наши иконописцы писали обыкновенно слѣдующій стихъ изъ книги царствъ, гдѣ говорится о пророкѣ Иліѣ, понимая подъ «огнемъ и гласомъ свѣта по огни» громъ и молнію: «се духъ великъ и крѣпокъ расточая горы и сокрушая каменія, и не въ дусѣ Господь и въ дусѣ трусъ, и не въ трусѣ Господь, и по трусѣ огнь, и ни во огни Господь, и по огни гласъ свѣта, и ту Господь» [2]). Въ третьихъ, въ канонахъ церковныхъ въ честь русскихъ святыхъ часто встрѣчались выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „*возгремѣвый Илія на колесницѣ*.... яко *на огненной колесницѣ* чистотою востече въ небесная жилища.... Февзитянину Иліи поревноваvъ, якоже *сей огненною колесницею къ небеси востекъ*“ и т. п. [3]). Въ канонѣ послѣдованія во время бездождія, въ 8-й пѣснѣ народъ слышалъ такую молитву: „*Илія* словомъ *дождь* держитъ на земли, и паки словомъ съ *небеси низводитъ*“ и проч. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ поученіяхъ церковныхъ, предлагавшихся народу въ церкви, въ день пророка Иліи, встрѣчаются такіе образы въ похвалахъ пророку Иліѣ, которые простолюдина невольно наводили на его извѣстное представленіе. Напр. одно поученіе на праздникъ пророка Иліи [4]) такъ начинается: «Нынѣ свѣтозорное солнце небеснаго круга шествія *огненныхъ конь* свѣтлостію просвѣщается радостію пресвѣтлыя памяти *огненоноснаго пророка Иліи*.... *Илія огненоносный* Христову пришествію вторый предтеча, *Илія тученосный облакъ, Илія небопарный орелъ*» [5]) и т. п. Слыша такимъ образомъ въ церкви, что Илія огненоносный и тученосный на огненныхъ коняхъ шествіемъ по небесному кругу просвѣщается, что Илія Ѳесвитянинъ возгремѣлъ на огненной колесницѣ, что Илія тученосный облакъ дождь на землю низводитъ и проч.,—народъ, настроенный къ миѳической персонификаціи явленій природы, легко могъ понять буквально

[1]) Напр. въ вышеупомянутомъ сборникѣ подъ № 219, въ статьѣ *о громѣ и о молніи*.

[2]) Сборн. № 861.

[3]) Сборн. № 823: канонъ Макарію Желтоводскому ирм. пѣснь 5. Также въ рукоп. жит. Ант. Сійск. въ канонѣ.

[4]) Сборникъ, № 804.

[5]) Могъ отчасти имѣть вліяніе на образованіе народнаго понятія о пророкѣ Иліи, какъ производителѣ молніи и дождя, слѣдующій апокрифъ, находящійся въ Сборн. Солов. библ. № 844, л. 237 об.: „Илія седмь дѣйствъ сотвори, яже суть сія: три лѣта и шесть мѣсяцъ бездождіе наведе, огнь съ небеси сведе, дождь сведе, огнемъ пятдесятные старѣйшины съ области попали“. Въ греческомъ подлинникѣ этотъ апокрифъ читается такъ: τίνα ἔστι τὰ διὰ ἡλιοῦ γενόντα θαύμασα σημεῖα... πῦρ ἐξ ὀρανοῦ ἐπὶ τὰ ἱερεῖα κατήγαγε, ὑετὸν ἐξ ἀνομβρίας προειπῶν ἔσεσθαι, εὐθέως ἐπήγαγε πεντηκόταρχον ἐπ αὐτον ἐλθόντα, παρασάσεως ἕνεκα τῆς πρότον βασιλέα, καὶ τοὺς πεντήκοντα αὐτοῦ, φορᾶ πυρὸς Οὐρανίου ἐνέπρησε, и проч. Fabric. codex Apocryph. t. I., Hypamnesticum. s. 193.

всѣ эти образныя выраженія церковныхъ книгъ, принять ихъ за физическую дѣйствительность. И такимъ образомъ Илья пророкъ сталъ въ его міросозерцаніи тѣмъ, чѣмъ прежде былъ Перунъ, огненоносный и тученосный громовержецъ, небопарный орелъ, метавшій кремни и кремницы, Перунъ, также разъѣзжавшій по небесному кругу на огненныхъ коняхъ и гремѣвшій своей огненной колесницей. Сохранилось свидѣтельство отъ XV в., что народъ нашъ давно уже держится того вѣрованія, будто Илья пророкъ гремитъ, ѣздя по небу на колесницѣ, пущаетъ молнію по облакамъ и гонитъ змія огненнаго—языческое олицетвореніе молніи, зооморфическій прообразъ Перуна въ послѣдовательномъ развитіи миѳологическаго міросозерцанія. Такъ въ вышеупомянутой бесѣдѣ Епифанія съ Андреемъ читаемъ: «Епифаній рече: по праву ли сіе глаголютъ, яко Илья пророкъ есть на колесницѣ ѣздя гремитъ, молнія пущаетъ по облакамъ и гонитъ змія? Святый же рече: не буди то чадо, ему тако быти, велико бо безуміе есть, еже слухомъ пріимати: человѣцы бо умовредни суть, да по своему безумію написали. Илья бо на небеса не взыде, ни на колесницѣ сидитъ благодать имѣя на дожди, да ся молитъ Богу, да въ годину бездождія дабы Богъ далъ на землю дождь. А на небо не вшелъ есть никтоже, но единъ сынъ человѣчь, иже есть на небеси. Илья живъ есть, и есть на земли во плоти своей, и никто же его не знаетъ. Живъ и Енохъ посреди людей ходитъ и никтожъ его не вѣсть. Живъ есть и Іоаннъ Богословъ, и есть въ мірѣ семъ якожъ жемчюгъ посреди калу оставленъ, да будетъ на земли вмѣсто во плоти Іисуса Христа, да ся молитъ за грѣхи наша» [1]).

Въ старину, какъ видно изъ церковнаго новгородскаго чиновника, въ Ильинъ день и послѣ Ильина дня, въ теченіи недѣли, были *по завѣту* крестные ходы въ *Ильинскую* церковь на Славнѣ улицѣ съ молебнами *о дождѣ или о ведрѣ пророку Иліи*. Такимъ образомъ церковь новгородская утверждала народное вѣрованіе и придавала ему санкцію. (Чтен. Моск. общ. истор. кн. 1 за 1861 г. ч. III, ст. 21). Въ замѣчат. стихѣ о 12 пятницахъ, сообщенномъ изъ села Шельбово Юрьевскаго уѣзда, читаемъ:

Шестая великая пятница
Противъ *Иліи пророка божія.*
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу взятъ былъ Илья въ живѣ на небеса.
Кто станетъ той пятницей поститься,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ *отъ грома.*

(Этногр. сборн. V, смѣсь 34).

Что касается до олицетворенія грома и молніи съ дождемъ въ образѣ пророка Иліи, то надобно замѣтить, что онъ представляется молніеноснымъ и тученоснымъ громовержцемъ не у насъ только, но и у прочихъ славянъ и у нѣмцевъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ пророкъ Илія называется *громовитымъ*: «Удъри громом громовит Илија». По одной пѣснѣ, молнія, олицетворявшаяся прежде въ Перунѣ, передала свои аттрибуты Ильѣ:

[1]) Сборн. Сол. библ. № 219.

Стаде Муне даре дијелити:
даде Богу небесне висине,
святомъ Петру петровске врутине,
а Іовану леда и снијега,
а Николи на води слободу.
а *Иліи муніе и стријеле.*

Въ нѣмецкой средневѣковой поэзіи господствовали точно такія же представленія, какъ видно напр. изъ слѣдующаго стиха, приведеннаго Гриммомъ:

Quedent sum giwâro,
Helias sîs ther mâro,
ther thiz lant sô *tharta,*
then *Himil sô bisparta.*
ther iu'ni *Liaz* in nôtin *regonon* then liutin,
thuangta si giwâro harto filu suâro.

Григорій Турскій въ предисловіи къ своей второй книгѣ тоже говоритъ: «meminerit (lector) sub Heliae tempore, qui pluvias cum voluit abstulit, et cum libuit aventibus terris infudit. По скандинавской средневѣковой сагѣ о явленіи антихриста, пророкъ Илія въ концѣ міра снова будетъ сѣвернымъ Богомъ грома [1]).

По другому народному сказанію, громъ происходитъ отъ колесницы Божіей, когда высокій царь самъ носится на ней по воздуху, или движетъ ее духомъ своимъ святымъ и разгоняетъ нечистую силу. Въ Сборн. Соловецк., подъ № 923 встрѣчаемъ такое, темное впрочемъ, мѣсто: «Богословъ, съ небеси жъ страсти, громи и тресканіе з мол (молнія?). Егда громъ гремитъ, высокій царь ходяй по земли въ грому, обладая молніями и призывая воду морскую, проливая на лице всея земли дождь,—о великій и страшный Боже, самъ суди врагу діаволу! Должны убо есьмы плакати горько, понеже очищеніе безъ плача не бываетъ: видѣхъ бо малы капля, яко кровь со болѣзнію изливаемы, и видѣхъ источники безъ болѣзни происходяща». Мысль, что громъ прогоняетъ нечистыхъ духовъ и призываетъ людей на молитву, мысль общая въ древней Руси, повела къ сочиненію особой народной молитвы грому. «Сія молитвы глаголати, егда громъ возгремитъ: святъ, святъ, святъ! Сѣдый въ грому, обладывый молніями, проливый источники на лице земли, о владыка страшный и грозный! Самъ суди окаянному діаволу съ бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Умъ преподобенъ, самоизволенъ, честь отъ Бога, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». Другая молитва къ тому же грому: «Боже страшный, Боже чудный, живый въ высшихъ, сѣдяй на херувимѣхъ, ходяй въ громѣ, обладая молніями! призывая воду морскую и проливая на лице всея земли. Боже страшный! Боже чудный! самъ казни врага своего діавола, всегда и нынѣ и присно

[1]) Grimm. D. M. S. 117. Точно также и полухристіанскіе кавказскіе народы почитаютъ Илію Богомъ грома; осетинцы почитаютъ огненнаго, молніеноснаго змія и также сближаютъ его съ Иліей, представляя Илію олицетвореніемъ, воплощеніемъ молненаго змія. Klaproths Reise in den Kaukasus 2, 601, 606.

и во вѣки вѣковъ, аминь». Молитвы эти уже существовали въ началѣ XV вѣка, и, какъ видно, извѣстны были новгородскому лѣтописцу начала XV вѣка.

Какъ Илья пророкъ сталъ, на взглядъ народный, олицетвореніемъ грома, молніи и дождя, въ замѣнъ Перуна громовержца, такъ Іоаннъ креститель сталъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи олицетвореніемъ миѳическаго лѣтняго *огненнаго солноворота*, на мѣсто двухъ языческихъ *варожичей—солнца и огня*. Такъ какъ солнце въ іюнѣ, въ славянскій мѣсяцъ *кресникъ*, въ мѣсяцъ *огня и жизни*, достигши высшаго проявленія въ развитіи растительности, въ оплодотвореніи всякой лѣтней жизни, въ нагрѣваніи водъ, въ жгучихъ жарахъ, солнопекахъ лѣта, поворачиваетъ съ этого времени, по народному міропредставленію, съ лѣта на зиму, какъ огненное колесо, и такъ какъ около 23-го іюня славяне, во время язычества, праздновали лѣтній солноворотъ, въ образѣ купалы,—то со времени христіанскаго, церковнаго мѣсяцеслова, празднованіе *Креса*, іюньскаго солноворота, Купалы пало на 23-й день іюня, на день Іоанна предтечи. Такое соединеніе древне-языческаго представленія о лѣтнемъ солноворотѣ съ днемъ Іоанна предтечи, кромѣ совпаденія древне-языческаго праздника Купалы съ днемъ Іоанна крестителя, могло также утвердиться подъ вліяніемъ своеобразно-понятыхъ народомъ церковно-книжныхъ названій Іоанна предтечи *денницей солнца, предтечей солнца*. Народъ представлялъ и до нынѣ представляетъ, что въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебряномъ, золотомъ и бриліянтовомъ, на встрѣчу мѣсяцу. И вотъ Іоаннъ креститель, какъ предтеча солнца, представился ему, по его непосредственно-натуральному, антропоморфическому міросозерцанію, предтечей солнца на поворотномъ пути къ зимѣ. Къ тому же, и сами благочестивые книжники древней Руси называли Іоанна предтечу *пресвѣтлымъ солнцемъ*. Въ древней повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ *како игры творили*, читаемъ: «множество дѣвъ и женъ стеклись на бѣсовское сборище, въ ночь, въ которую родился *пресвѣтлое солнце*—великій Іоаннъ креститель, его же ради вся тварь неизрѣченно возрадовалась [1]).

[1]) Истор. оч. рус. нар. словесн. Буслаева, 11. 14. Западные теологи среднихъ вѣковъ также представляли Іоанна предтечу подъ образомъ свѣта (lumen et lucerna), предшествовавшаго солнцу. Joh. Beleth, парижскій теологъ, около 1162 года такъ писалъ въ своемъ сочиненіи Summa de divinis officiis: feruntur quoque (in festo Johannis bapt.) brandae sev faces ardentes, et fiunt ignes, qui significant sanctum Johannem, qui fuit lumen et lucerna ardens, praecedens et praecursor verae lucis...; rota in quibusdam locis volvitur, ad significandum, quod sicut sol ad altiora sui circuli pervenit, nec altius potest progredi, sed tunc sol descendit in circulo, sic et fama Johannis, qui putabatur Christus, descendit secundum quod ipse testimonium perhibet dicens: me oportet minui illum autem crescere (ed. 1572, cap. 137. †. 256).

Въ древне-русскомъ книжномъ ученіи съ именемъ Іоанна предтечи соединялась также надежда на довольство и достатокъ. Такъ въ одномъ сказаніи о 12-ти пятницахъ сказано: „пятница предъ Іоанномъ предтечею: кто сію пятницу поститься будетъ, тотъ человѣкъ отъ великаго недостатка и скудости сохраненъ будетъ“. (Историч. оч. слов. Буслаева, I, 504). А во времена язычества, такое же представленіе о сохраненіи отъ недостатка и скудости соединялось и съ купальскими гаданьями. И теперь народъ гадаетъ по Иванову дню: „сильная роса на Ивана къ урожаю огур-

Итакъ, съ именемъ Іоанна предтечи, подъ миѳологическимъ образомъ *Ивана-Купалы*, народное міросозерцаніе соединяло, во-первыхъ, религіозно-миѳическую идею и санкцію высшаго, окончательнаго лѣтняго проявленія все-возбуждающаго, все-оплодотворяющаго вліянія солнца на природу, идею и санкцію возбужденія и дѣйствія, во время такъ называемаго лѣтняго солнцестоянія, (solstitium древненѣм. sunewende—sunnewende) всѣхъ силъ и стихій природы—воды, огня, силы растительной, и проч. Оттого, ночь на Ивановъ день сопровождалась 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганьемъ черезъ нихъ. Всѣ эти обряды отчасти сохранились и до нынѣ. Въ пословицахъ, собранныхъ Далемъ, они такъ исчисляются: «въ ночь Ивана купалы собираютъ лечебныя и знахарскія коренья и травы; Ивана купалы—костры, прыгаютъ черезъ купальницкіе огни, въ Ивановъ день купаются въ водѣ и росѣ, пляшутъ вокругъ дерева Марины (символическаго чучела зимы); вѣдьмы собираются на Лысой горѣ (Кіевъ); день вѣдьмъ, оборотней, колдуновъ и проч.; на рождество крестителя собираютъ лекарственныя травы; папоротникъ расцвѣтаетъ въ полночь на Ивана купала и проч. [1]). Въ старину всѣ эти вѣрованія и обряды соблюдались съ особеннымъ энтузіазмомъ и торжественностью, какъ видно изъ посланія игумена Елизаровой обители Памфила, писаннаго въ 1505 году [2]). Представляя Ивановъ день какъ бы послѣднимъ, окончательнымъ и самымъ полнымъ проявленіемъ лѣтняго животворнаго вліянія солнца на земную природу,—спѣшили запастись знахарскими и лечебными травами и кореньями, спѣшили очиститься лѣтней водой, освященной Іоанномъ крестителемъ и солнцемъ, et habuerunt, по словамъ Нарбута, *baptismam per ignem*, scilicet *purificationem elementariam* [3]).

Особенно любопытно то, что къ ночи и къ дню Іоанна предтечи народъ нашъ изстари пріурочивалъ собираніе травъ лечебныхъ и знахарскихъ

цовъ; на Иванову ночь звѣздно—много грибовъ будетъ: корми меня до Ивана, сдѣлаю изъ тебя пана—говоритъ пчела, обѣщая обиліе меда.

[1]) Сборн. послов. чт. Москов. общ. истор. кн. 4, за 1862 г. стр. 986—987.

[2]) Дополн. къ акт. истор. т. I, № 22. Подробности объ Иванѣ купалѣ см. у Снегирева рус. прост. праздн. 1, у Терещенко—бытъ рус. народа V въ Чт. моск. общ истор. № 4, 1846 г. Архивъ Калачева, 1850 г. кн. 1, стр. 33—34. кн. 2 пол. 1, стр. XV и проч.

[3]) Надобно замѣтить, что день Іоанна крестителя, въ средніе вѣка, и во всей Европѣ сопровождался почти совершенно одинаковыми съ нашими обрядами. Гриммъ подробно описываетъ его подъ словомъ *Iohannisfeuer*. D. Myth. S. 583—593. Martinus de Arles, каноникъ Пампелунскій, въ своемъ сочин. de superstitionibus (tract. tractatuum, 1544. 9, 133) такъ писалъ: cum in *die s. Ioannis* prorter jucunditatem multa pie aguntur a fidelibus, puta pulsatio campanarum et *ignes jucunditatis*, similiter summo mane exeunt *ad colligendas herbas odoriferas et optimas et medicinales ex sua natura et ex plenitudine virtutum propter tempus*... quidam *ignes accendunt* in compitis viarum, in agris, ne inde sortilegae et maleficae illa nocte transitum faciant, ut ego oculis propriis vidi. Alii *herbas collectas in die s. Iohannis* incindentes contra fulgura, tonitra et tempestates credunt suis fumigationibus arcere daemmones et tempestates. На востокѣ также было въ обычаѣ очищаться огнемъ въ день Іоанна крестителя. Въ 65 канонѣ собора 680 г. сказано: τὰς ἐν ταῖς νουμηνίαις ὑπό τινῶν πρό τῶν δικείων ἐργαστηρίων ἢ δικων ἀναπτομένας πυρκαιάς, ἃς καὶ ὑπεράλλεσθαί τινες κατὰ τὸ ἔθος αρχαῖον, επιχειροῦσιν, ἀπὸ παροντος καταργηθῆναι πρόςτάττομεν. На подобный обычай указываетъ Ѳеодоритъ кирскій († 458) (αποτρόπιασμός καὶ κάθαρσις διὰ πυρὰ). Толк. на IV Цар. 16, 3.

Онъ вѣритъ, что только та трава и цѣлительна, и дѣйственна вообще, которая набирается въ Ивановъ день. До Петра великаго даже цари вѣрили, что рождество Іоанна крестителя придаетъ нужныя свойства или силы травамъ и цвѣтамъ, и потому, сокласно съ народнымъ обычаемъ, также на рождество Іоанна предтечи запасались разными травами и цвѣтами. Такъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1657 году писалъ къ московскому ловчему-стольнику Матюшкину: «которыя волости у тебя въ конюшенномъ приказѣ вѣдомы, и ты бъ вѣлѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобылямъ *на рождество Іоанна предтечи*, іюня въ 23-й день, набрать цвѣту сереборинного, да травъ имперiковой и мятной съ цвѣтомъ, и дягилю и дягильнаго коренья, по 5 пудъ» [1]. Въ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года читаемъ: «въ *Ивановскую ночь* кладовъ стерегутъ, и на травахъ парятся въ баняхъ, и травы рвутъ, и коренья копаютъ, еще березки подвязываютъ, вѣтви сплетаютъ—живъ будетъ того лѣта человѣкъ» [2]. Въ травникахъ, съ особеннымъ вѣрованьемъ, съ особенною обязательностію собираніе травъ, кореньевъ и цвѣтовъ пріурочивается къ Иванову дню. Напр. о папоротникѣ въ одномъ травникѣ сказано: «есть трава черная попороть: ростетъ въ лѣсахъ около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, и съиспода большіе листы... А цвѣтетъ она наканунѣ *Иванова дня* въ полночь.... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хощетъ богатъ и мудръ быти. А брать тотъ цвѣтъ не просто—съ надобностьми: въ *Иванову ночь* итти къ тому мѣсту, гдѣ ростетъ трава папороть... и очертясь кругомъ говорить: таланъ божій, судъ твой, да воскреснетъ богъ» [3]. Еще примѣръ [4]: «въ травахъ царь есть симтаримъ трава, о шести листахъ: первый синь, другой червленъ, третій жолтъ, четвертый багровъ, а брать вечеромъ на *Ивановъ день* сквозь золотую гривну или серебрянную» [5]. Мистико-символическая пѣсня людей божіихъ представляетъ Іоанна предтечу ходящимъ по полю и указывающимъ Богородицѣ деревья и цвѣты: «ходила дѣва по чистому полю, искала Богородица Іисуса Христа, на встрѣчу Богородицѣ Иванъ предтечь, какъ возговоритъ Иванъ предтечь, Христовъ пророкъ: ты поди дѣва Богородица во чисто поле, во чистомъ полѣ три древа стоятъ, что первое древо кипарисовое, а другое древо анисовое, а третье древо барбарисовое» и проч.

[1]) Доп. къ акт. истор. III, стр. 253.

[2]) Истор. оч. русск. литер. Буслаева 1, 482.

[3]) Лѣтоп. русс. литер. IV, смѣсь 73.

[4]) Буслаевъ, истор. оч. русс. лит. 11. 38. Травники будутъ разсмотрѣны подробно въ слѣдующихъ очеркахъ.

[5]) Такое пріуроченіе разныхъ представленій о травахъ и цвѣтахъ ко дню Іоанна предтечи обычно было и на западѣ. Напр. у Гримма читаемъ: ein Kräuterbuch sagt: *Farnkraut* ist auf dem Felde schwer zu tilgen, ausser man reisse es um auf *den Tag Iohannis* Enthauptung. *Pipöz* artemisia: wer Beifuss im Hause hat, dem mag der Teufel nicht schaden. *Iohannistag* gürtet man sich mit Beifuss und wirft ihn, unter Sprüchen und Reimen ins Feuer, daher die Namen *Iohannis-gürtel*, Sonnenwendgürtel, franz. *herbe de s. Jean*. s. 1160. 1161.

Другой миѳическій оттѣнокъ, сообщенный народнымъ міросозерцаніемъ Іоанну предтечѣ,—это религіозно-миѳическая санкція въ лицѣ его и пріуроченіе къ дню его древне-языческаго праздника и культа *лѣтняго солноворота—купалы*. Поэтому онъ въ простонародьи и названъ *Иваномъ купаломъ*. Въ Ивановъ день, по сказаніямъ русскаго народа, солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебрянномъ, золотомъ и брилліантовомъ, на встрѣчу мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненныя искры [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи существуетъ обычай—на праздникъ Ивана купалы откатывать отъ зажженнаго костра колесо, выражая такимъ символическимъ знакомъ поворотъ солнца на зиму (солноворотъ) [2]). И хороводно, *коло,* символъ тоже солноворота, напоминаетъ уже про чучело или образъ зимы—Мару:

Ходыли дивочки около Мареночки,
Коло мое водила *купала*,
Гратыми *сонечко на Ивана*, и проч.

Съ Иванова дня, по народному представленію, какъ бы уже наступалъ совершенно другой порядокъ вещей въ природѣ. И дожди, такъ вожделѣнные для крестьянина до Иванова дня, теперь становились излишними и ненужными. Пословицы народныя гласятъ: «вымолите попы дождя *до Ивана*, а *послѣ* и мы грѣшные умолимъ». *До Ивана* просите дѣтки дождя у Бога, а послѣ Ивана я и самъ упрошу. «Корми меня *до Ивана*, сдѣлаю изъ тебя пана (говоритъ пчела). Коли *до Ивана* просо въ ложку, то послѣ Ивана будетъ ужь и въ ложкѣ». Какъ у насъ Ивановъ день считался *огненнымъ поворотомъ солнца*, такъ и у германцевъ Iohannistag назывался *sunwentsfeuer*, *sant Johas sunewende tag*, и просто—*sunnewende* и т. п.

Какъ пророкъ Илія замѣнилъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи Перуна, а Іоанъ предтеча обоихъ сварожичей—солнце и огонь, такъ Георгій храбрый въ народной эпической поэзіиноситъ миѳическій характеръ героя-полубога, устроителя земли русской. Церковь, введши праздникъ въ честь его 23-го апрѣля, предлагала въ этотъ день житіе его, повѣствовала о чудѣ, какъ онъ умертвилъ змія, дракона, и избавилъ отъ него дѣвицу, царскую дочь [3]). Народъ, усвоивъ это церковное сказаніе, перенесъ его въ свою поэзію и передѣлалъ сообразно съ своими понятіями въ извѣстномъ духовномъ стихѣ «о Елисаветѣ прекрасной». Въ самобытной народной поэзіи, именно въ *стихѣ о Егоріи храбромъ*, герой землеустроитель изображается въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны, миѳическій образъ его, какъ героя полубога носитъ ясные оттѣнки отдаленнаго миѳологическаго «юнацкаго» эпоса; съ другой стороны, сквозь миѳическій ликъ Егорія храбраго проглядываютъ и нѣкоторыя черты историческаго народ-

---

[1]) Терещенко, бытъ р. народа, V, 39.

[2]) О представленіяхъ солнца и вообще о народныхъ астрономическихъ понятіяхъ будетъ особый очеркъ.

[3]) Повѣсть эта часто встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ, какъ мы видѣли въ Соловецк. библіотекѣ, напр. въ Сборн. подъ № 17 или 18.

наго эпоса и земскаго міроустройства [1]). Читатели извинятъ насъ, если мы повторимъ этотъ стихъ по изданію Сахарова, для того, чтобы потомъ высказать свой взглядъ на него. Мы оставимъ византійское происхожденіе Георгія храбраго, начнемъ читать прямо о его подвигахъ на свѣтлорусской землѣ.

Ѣдетъ онъ, Георгій храбрый,
Къ той землѣ свѣтлорусской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи;
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храбрый,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы лѣса, лѣса темные!
Ой вы лѣса. лѣса дремучіе!
Заroститеся лѣса темные
По всей землѣ свѣтло-русской,
Раскиньтеся лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ по высокіимъ.
По божьему все велѣнью
По георгіеву все моленью.

По его слову георгіеву, по его, храбраго, моленью, заростали лѣса темные, раскидались по всей землѣ свѣтлорусской, по крутымъ горамъ по высокіимъ.

Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкія;
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы горы, горы высокія!
Ой вы холмы, холмы широкія!
Разсыпьтеся горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становитесь холмы широкіе
По степямъ-полямъ зеленымъ.

По божьему все велѣнью, по георгіеву все моленью, разсыпались горы высокія по всей землѣ свѣтлорусской, становилися холмы широкія по степямъ, полямъ зеленымъ.

[1]) Вслѣдствіе этой миѳологической двуличности, въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ богатырскаго эпоса, напр. въ записанной нами въ Казани, *святый Егорій* характеристично смѣшивается съ *Свято-горомъ* богатыремъ. *Свято-горъ*, вѣроятно, искаженное имя—*святый Егорій*. См. о Святогорѣ въ Сборникѣ Рыбникова.

Наѣзжаетъ Егорій храбрый
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкія.
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы моря, моря глубокія,
Ой вы рѣки, рѣки широкія!
Потеките моря глубокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Побѣгите рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
По Божьему все велѣнью
По егорьеву все моленью,
По его слову ли георгіеву,
По его ли храбраго моленью,
Протекали моря глубокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Протекали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,
На тѣхъ звѣрей на рогатыихъ.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы звѣри, звѣри могучіе!
Ой вы звѣри, звѣри рогатые!
Заселитеся звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-русской,
Плодитеся звѣри рогатые
По степямъ полямъ безъ числа,
По Божьему все велѣнью,
По георгіеву все моленью!
И онъ Георгій храбрый заповѣдаетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ
Всѣмъ волкамъ рыскучіимъ:
А и есть про васъ на съедомое,
Въ поляхъ трава муравчата,
А и есть про васъ на пойлице
Въ рѣкахъ вода студеная.

По его ли слову георгіеву, по его ли храбраго моленью, заселялися звѣри могучіе по всей землѣ свѣтло-русской, плодилися звѣри могучіе, по полямъ-степямъ безъ числа. Они пьютъ ѣдятъ повелѣнное, повелѣнное зап овѣданное.

Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На то стадо на змінное,
На то стадо на лютое.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,

Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
И стадо зміиное возговоритъ:
Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
Али ты, храбрый, не знаешь,
Что та земля словомъ заказана.
Словомъ заказана заповѣдана.
По той землѣ заповѣданной
Тамъ человѣкъ не прохаживалъ,
На конѣ никто не проѣзживалъ.
Уйми ты Георгій своего коня ретиваго,
Воротися ты, храбрый, самъ назадъ.
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ храбрый на стадо зміиное
Ровно три дня и три ночи.
Рубитъ, колетъ стадо зміиное,
А на третій день ко вечеру
Посѣкъ порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій, храбрый
На ту землю свѣтло-русскую
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
Какъ и тутъ ли ему Георгію,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему храброму проглаголуютъ:
А тебя ли мы, Георгій, дожидаючись,
Тридцать три года не вступаючи
Съ высока терема златоверхаго,
А тебя ли мы, храбраго, дожидаючись,
Держимъ народу великъ обѣтъ:
Отдать землю свѣтло-русскую,
Принять отъ тебя вѣру крещеную.
Пріимлетъ онъ, Георгій, храбрый
Ту землю свѣтло-русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-русской.

Во всемъ этимъ стихѣ, сквозь миѳическій ликъ Георгія храбраго, сквозь миѳическія черты его богатырской, героическо-полубожеской дѣятельности, проглядываютъ, какъ мы сказали, нѣкоторые смутные отттѣнки историческіе. Егорій храбрый является намъ, въ народномъ изображеніи, героемъ-полубогомъ, могучимъ воздѣлывателемъ русской земли, начинателемъ, основателемъ ея физической культуры, земскаго устроенья [1]). Для такого объясненія стиха мы имѣемъ нѣкоторыя историческія основанія. Изъ исторіи колонизаціи видимъ, что на обоихъ путяхъ первоначальнаго движенія и разселенія славянскаго племени по финскому сѣверовостоку, на системѣ волжско-камской или ростовско-суздальской и на системѣ полярно-балтійской или новгородской колонизаціи,—Егорій храбрый былъ

[1]) По переводу азбуковниковъ XVII вѣка, Георгій значитъ *воздѣланный*.

признаваемъ русскими колонистами спутникомъ и помощникомъ въ борьбѣ съ суровой сѣверо-восточной природой, съ Чудью, съ финскимъ язычествомъ, а потомъ, съ XIII вѣка, и съ бусурманствомъ. Побѣдоносный Юрій Долгорукій, недаромъ носившій имя храбраго побѣдоносца, первый неутомимый устроитель сѣверо-восточной, волжской страны Великой Руси,— Юрій Долгорукій, именно, какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій храбрый, героически носился по русской землѣ, вдоль и поперекъ исходилъ ее, въ теченіе своихъ 22 лѣтнихъ походовъ, отъ приднѣпровья до Новгорода, отъ верховьевъ и до низовьевъ Волги, вдоль и поперекъ извѣдалъ свою *лѣсную* и *польскую* землю. Раздѣляя въ ней лѣсъ и поле, онъ рубилъ лѣса, средоточія звѣрей и звѣроловной Чуди-Мери, и строилъ въ *полѣ* свои знаменитые *польскіе* и *залѣсскіе* города — начатки гражданственной культуры—Москву, Юрьевъ Польскій, Юрьевъ Повольскій, Дмитровъ, Переяславль Залѣсскій, Коснятинъ, Кострому, Галичь Мерскій, а по Татищевой лѣтописи, и Ярославль, и еще нѣкоторые другіе города. Строя города и ставя въ уѣздахъ ихъ села, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанской вѣры на финскомъ сѣверѣ, Юрій Долгорукій признавалъ своимъ сподвижникомъ въ борьбѣ съ дикой, непочатой почти природой и съ невѣрными финскими и другими племенами сѣверной Руси, св. Георгія храбраго. Потому онъ любилъ въ городахъ и селахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія храбраго. По свидѣтельству никоновской лѣтописи, онъ не только въ городахъ, но и въ нѣсколькихъ селахъ построилъ церкви во имя Георгія побѣдоносца [1]). Точно также новгородцы, колонизуя сѣверовосточную финскую страну русской земли за увалами, въ другой, полярно-балтійской рѣчной системѣ, также большую часть погостовъ назвали *георгіевскими* отъ церквей во имя св. Георгія храбраго. Въ этомъ всякій можетъ удостовѣриться изъ писцовыхъ книгъ пятинъ и погостовъ новгородскихъ. Мало того: путь новгородской колонизаціи среди дремучихъ лѣсовъ въ сѣверовосточныхъ земляхъ *«Бѣлоглазой Чуди»*, по р. Сухонѣ и ея притокамъ, ознаменованъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ даже особыми легендами о Георгіи побѣдоносцѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ сказаній. Около половины XII в., когда новгородцы, подвигаясь по рѣкѣ Сухонѣ и ея притокамъ, положили основаніе Вологдѣ и дошедши до устья Юга, основали Устюгъ, нѣкоторые изъ новгородскихъ повольниковъ-гостей, пользуясь свободою переходить съ одного мѣста на другое, явились и далѣе на берегахъ рѣки Юга. Здѣсь, въ 27 верстахъ ниже нынѣшняго города Никольска, при впаденіи рѣки Молоковицы въ Югъ, они нашли чудское селеніе. Прекрасная мѣстность плѣнила пришельцевъ, и они, поселившись на лѣвой сторонѣ Юга, противъ самыхъ жилищъ Чуди, на горѣ, построили молитвенный храмъ или часовню во имя Георгія храбраго. Водвореніе новгородскихъ пришлецовъ было непріятно туземцамъ и они не замедлили напасть на новыя обиталища. Дружнымъ отпоромъ встрѣтили поселенцы враговъ многочисленныхъ, скатывали на нихъ съ горы бревна и камни, лили кипящую воду,

[1]) Никон. лѣтоп. 11, 135 и слѣд.

наконецъ, когда ничто не помогало, отверзли храмъ молитвенный и предъ образомъ Георгія побѣдоносца просили себѣ небесной помощи. Враги отступили. Чрезъ нѣсколько времени они сдѣлали новое нападеніе, столь же безуспѣшное, послѣ котораго навсегда удалились отъ этого мѣста, а нѣкоторые изъ нихъ тогда же приняли христіанскую вѣру. Егорій храбрый, какъ гласитъ легенда, внялъ молитвѣ храбрыхъ «молодцовъ» новгородскихъ и явилъ Чуди два чудныхъ видѣнія, о которыхъ послѣ разсказывали сами враги, обратившіеся въ христіанство. Мѣстность эта, гдѣ на отлогой сторонѣ горы сдѣланъ былъ новгородскими выходцами ровъ для защиты отъ нападеній Чуди, съ тѣхъ поръ названа была *у Егорья въ полугорѣ*. Происхожденіе такого названія объясняется преданіемъ, что при первомъ нападеніи Чуди, когда новгородцы молились въ часовнѣ св. Георгія, на ея кровлѣ явился воинъ, который сидѣлъ на бѣломъ конѣ и копьемъ своимъ грозилъ осаждавшимъ. При второмъ нападеніи тотъ же воинъ съ копьемъ явился стоявшимъ въ Полугорѣ. Въ благодарность Георгію побѣдоносцу, храброму сподвижнику новгородской колонизаціи, церкви въ новыхъ приходахъ новгородскихъ выходцевъ построены были во имя его. Такъ образовались напр. приходы старо-георгіевскій, холежскій и ново-георгіевскій [1]).

На основаніи такихъ историческихъ фактовъ, мы позволяемъ себѣ догадку, что въ стихѣ о Егоріи храбромъ народный эпосъ выразилъ идею первоначальнаго *«земскаго строенья»*, физической культуры русской земли, идею могучей богатырской силы славянскаго племени въ борьбѣ съ лѣсами непроходимыми, дремучими, съ цѣлыми стадами звѣрей рыскучихъ и рогатыхъ, да съ Чудью языческой, а съ XIII вѣка и съ татарами-бесерменами. Какъ Егорій храбрый проторялъ себѣ путь до перваго жилья, поселенія человѣческаго, черезъ темные, дремучіе лѣса, черезъ широкія рѣки, черезъ болота топучія, черезъ стада лютыхъ звѣрей и волковъ рыскучихъ, черезъ лютыя стада змѣиныя, такъ и славяно-русское племя проторяло себѣ пути колонизаціи на финскомъ сѣверовостокѣ сквозь темные, дремучіе лѣса, черезъ зыбучія болота и толкучіе холмы, по широкимъ рѣкамъ пробираясь, съ одной стороны, въ слѣдъ за удалыми новгородскими *молодьцами, ушкуйниками и гостями*—устроителями сѣверо-поморской земли, съ другой—по слѣдамъ храбраго Юрія Долгорукаго, неутомимаго устроителя волжской земли. На пути своемъ славяно-русскій народъ раздѣлялъ лѣсъ и поле, поставлялъ на пути гостьбы, торговъ, рядковъ *«погосты въ Чуди, въ Лопи, Корѣлѣ»* и проч. *«посажалъ деревни и починки на лѣсѣхъ» на пашенныхъ, бортныхъ* и другихъ хозяйственно-промышленныхъ *путяхъ* и *ухожаяхъ*. Неутомимо двигался онъ по рѣкамъ волжско-камской и ильменско-двинской системы, расширяя свои колоніи по рѣчнымъ системамъ, по землѣ и по водѣ, въ уѣзды, станы, волости и проч. и боролся съ дикими звѣрями, встрѣчаясь въ непроходимыхъ дебряхъ съ цѣлыми стадами волковъ, медвѣдей, оленей и другихъ звѣрей, какъ гласятъ житія

[1]) Архангельская лѣтопись издан. Моск. 1819 г. стр. 132 и 193. Прибавленіе къ Вологодскимъ губернскимъ вѣдомостямъ, 1845 г. № 11.

сѣверо-восточныхъ отшельниковъ русскихъ—Трифона Печенгскаго, Никодима Кожеезерскаго, Антонія Сійскаго, Павла Обнорскаго, Макарія Унженскаго и другихъ, которые въ тоже время, по слѣдамъ колонизаціи, распространяли христіанство среди чудскихъ и бесерменскихъ племенъ [1]). И когда народъ русскій, призывая на помощь Георгія храбраго, въ основныхъ частяхъ, совершилъ первоначальную, подготовительную физическую культуру, архитектоническую обстройку и пограничную территоріальную установку русской земли путемъ покоренія и собранія всей земли, путемъ вольно-народнаго перехода и колонизаціоннаго самоустройства среди лѣсовъ непроходимыхъ, среди финскихъ и частію бесерменскихъ племенъ,—тогда для него наступилъ многознаменательный въ нашихъ юридическихъ актахъ *Юрьевъ-день*,—памятный доселѣ и въ народной земледѣльческой исторіи и въ народномъ физическомъ или сельско-хозяйственномъ дневникѣ—день Георгія храбраго.

Позволяя себѣ такую догадку объ исторической основѣ народнаго стиха о Георгіи храбромъ, мы тѣмъ не менѣе должны признать въ немъ, особенно по другой редакціи его, и миѳологическіе оттѣнки, восходящіе къ глубокой древности. По духовному народному стиху, изданному Кирѣевскимъ, Егорій храбрый наѣзжалъ на свѣтло-русскую землю еще въ эпоху пастушескаго быта нашихъ предковъ, въ эпоху до-историческую. Вмѣсто людей, наѣзжалъ онъ на стада чудовищныхъ, миѳическихъ животныхъ, на стада летучихъ зміевъ, да рыскучихъ волковъ. Только пастухи этого послѣдняго стада носятъ на себѣ обличье человѣческое; но ихъ чудовищный, сверхъ-естественный видъ, напоминающій миѳическія, стихійныя существа, въ родѣ вилъ, русалокъ, лѣшихъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Егорій храбрый наѣзжалъ еще въ языческія мѣста свѣтло-русской земли и притомъ въ жилища миѳическихъ пастуховъ.

И пастятъ стада три пастыря,
Три пастыря, да три дѣвицы . . .
На нихъ тѣла, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава [2]).

Какъ Илья пророкъ, подъ вліяніемъ церковно-библейскихъ изображеній и миѳологическихъ народныхъ воспоминаній, является въ христіанскомъ народномъ міросозерцаніи громовержцемъ, небеснымъ возбудителемъ

---

[1]) Изображаемое въ стихѣ избіеніе змѣинаго стада указываетъ на легенды народныя о взятіи различныхъ городовъ и царствъ татарскихъ, напр. на казанскую легенду, по которой змѣй лежалъ на крѣпости города Казани, когда ее брали русскіе, и защищалъ, а также указываетъ на легенды о миѳическихъ змѣяхъ на сѣверѣ въ чудской землѣ и въ низовьяхъ Волги, о змѣевыхъ горахъ и т. п. Покореніе и обращеніе въ христіанство дѣвицъ намекаетъ, повидимому, на тотъ историческій фактъ, что русскіе, покоряя новыя чудскія или бесерменскія земли, имѣли обычай уводить въ полонъ преимущественно женщинъ и дѣтей, крестили ихъ и на крещеныхъ нерѣдко женились. По слѣдамъ христіанства, шла обыкновенно славяно-русская колонизація, и совершалось постепенное обрусѣніе чудскихъ и бесерменскихъ земель.

[2]) Миѳологическое значеніе стиха объяснено Буслаевымъ въ рѣчи о народной поэзіи.

и оживителемъ природы, а Георгій храбрый, подъ вліяніемъ смутныхъ миѳологическихъ и историческихъ воспоминаній народа, представляется *земскимъ устроителемъ*, основоположителемъ физической и земледѣльческой культуры русской земли; такъ другіе святые, особенно русскіе, въ народномъ эпическомъ міросозерцаніи являются противоборцами прежнимъ языческо-миѳологическимъ силамъ или духамъ. Обозрѣвая въ житіяхъ русскихъ святыхъ всю совокупность фактовъ средневѣковаго народнаго міросозерцанія, вращавшагося въ сферѣ природы и христіанства, мы примѣчаемъ въ немъ двѣ главныя господствующія идеи, порожденныя вѣрой въ ученіе церкви о святыхъ. Во первыхъ — миѳическое народное представленіе о борьбѣ силъ небесныхъ, высшихъ, олицетворявшихся и проявлявшихся въ святыхъ, съ силами бѣсовскими, демоническими, олицетворявшимися въ миѳологически-естественныхъ народныхъ образахъ, напр. въ образѣ демона лѣсного, или лѣшаго, въ образѣ духа воднаго и т. п. Во вторыхъ, замѣчаемъ народную вѣру во владычество міра супранатуральнаго надъ силами міра видимаго, физическаго, силъ сверхъ-естественныхъ, надъ силами и стихіями природы. Безотчетная, христіански-миѳологическая вѣра народная всецѣло преобладала надъ раціональнымъ знаніемъ силъ и законовъ природы [1]). Теперь мы предлагаемъ тѣ факты, въ которыхъ выражается первое народное вѣрованье--вѣрованье въ борьбу силъ небесныхъ, святыхъ съ силами демоновъ лѣсныхъ и водяныхъ.

Перенесемся мыслью въ средневѣковыя сѣверныя поселенія русскаго народа. Большею частію лѣсную глушь представляли эти починки колонизаціи и культуры. Много было лѣсовъ и во всей Россіи въ XV и XVI вѣкахъ, если, судя по судебникамъ, та деревня признавалась уже безлѣсною, *въ поляхъ*, отъ которой лѣсъ былъ хоть верстою дальше 10. Но огромныя простронства сѣверо-восточной Руси еще больше покрыты были неизвѣданными лѣсами съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей. Не только деревни, но и города здѣсь стояли большею частію въ лѣсахъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверо-восточныхъ святыхъ XV и XIV вѣка. При лѣсномъ мѣстожительствѣ, и промышленныя угодья и урочища жителей сѣверныхъ находились большею частію въ лѣсахъ и назывались *лѣшими*, напр. *лѣшія озера*, *лѣшія рѣки*, *полѣшіе лѣса*, пашенные лѣса и т. п. Оби-

---

[1]) Многочисленны, разнообразны и часто не лишены поэзіи народныя легенды этого рода. Если бы какой-нибудь древній грамотникъ народный собралъ въ одно цѣлое всѣ эти собственно народныя сказанія, легенды о чудесахъ святыхъ, часто буквально, со всею наивностью народной эпической поэзіи записанныя со словъ народныхъ въ житіе святыхъ, то мы имѣли бы свою „Legenda aurea“ подобную той, какую на западѣ въ XIII вѣкѣ сложилъ доминиканецъ Jakob de Voragine († 1298), и нашли бы въ нихъ богатый матеріалъ для исторіи народнаго просвѣщенія. Мы нашли бы въ этихъ народныхъ легендахъ сколько свѣжихъ цвѣтовъ средневѣковой народной поэзіи, такъ же,—какъ западные изслѣдователи средневѣковой старины находили въ своихъ легендахъ „Purpurviolen der Heiligen, oder Poesie und Kunst im Katholicismus“—столько же раскрыли бы въ нихъ самыхъ мрачныхъ, темныхъ недостатковъ религіозной и умственной жизни нашего народа, въ которыхъ большею частію нестолько онъ самъ виноватъ, сколько виноваты держащіе бразды его руководительства и просвѣщенія.

ліе лѣсовъ, мховъ и «блатъ непостоянныхъ» и близость океана условливали на сѣверѣ русской земли обиліе рѣкъ и озеръ. Герберштейнъ, котораго вобще поражало обиліе лѣсовъ и водъ въ сѣверной Руси, замѣтилъ о сѣверо-востокѣ: «Regio tota palustris et silvestris est... Quo etiam magis progrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac silvae occurrunt» [1]). Въ этой то лѣсной и водной странѣ разсказывались въ древней Руси любопытныя легенды о борьбѣ святыхъ съ демонами лѣсными и водяными. И вѣра въ лѣшихъ и водяныхъ и донынѣ нигдѣ, кажется, такъ не господствуетъ, какъ въ лѣсныхъ и озерно-рѣчныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ. А въ XVI и XVII вѣкахъ здѣсь не только міряне, но и священники вполнѣ вѣрили, что волхвы, которыхъ на финскомъ сѣверѣ было чрезвычайно много, и въ числѣ приверженцевъ которыхъ встрѣчаемъ даже священниковъ и дьяконовъ,—волхвы могли наводить и наводили на людей лѣшихъ и водяныхъ. Духи эти, «по захожденіи солнечномъ» являлись будто бы въ домахъ, то въ видѣ «пламени синяго и сильнаго вихря», то звѣрскимъ образомъ, «мохнатыми съ хвостами и кохтями», «кликали человѣчьимъ гласомъ, яко всѣмъ людямъ слышати» и уносили дѣвицъ въ воду, въ лѣса и на холмы. Иногда сами матери еще «на рожденіи» какъ то отдавали своихъ дѣтей водянымъ и лѣшимъ. Иногда «попъ крестилъ кого либо пьяный, и половины св. крещенія не исполнилъ», и оттого дѣти дѣлались «полоняниками» этихъ «чернородныхъ демоновъ». При такой вѣрѣ въ лѣшихъ и водяныхъ, вѣрно, не разъ охотнику въ самомъ дѣлѣ чудилось въ лѣсу то, что онъ говорилъ въ заговорѣ: «встаю я за свѣтло, иду въ чисто поле къ лѣсу дремучему, а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу 20 сатанаиловъ, *двадцать лѣшихъ*». Въ тѣ вѣка, вѣрно, каждый владѣлецъ полѣшихъ лѣсовъ, каждый бортникъ, входя въ свой бортный лѣсъ или въ зеленую дубраву, со страхомъ читалъ этотъ заговоръ: «въ мою бы зелену дубраву не заходилъ ни звѣрь, ни лихъ человѣкъ, ни лѣшій, ни водяной, ни вихрь». И горемычная мать отъ тоски въ разлукѣ съ милымъ дитяткомъ, вѣрно, не разъ разрыдавшись, причитала: «пошла я въ чисто поле, стала среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною и возговорила зычнымъ голосомъ: отвожу я отъ своего дитятки черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ злого водяного». Но не помогали и заговоры и заклятія. Лѣшій все таки уводилъ дѣтей у родителей. На закатѣ солнца, собирая стадо, разсѣявшееся по лѣсу, пастухъ «видалъ предъ собою яко человѣка привидѣніемъ, въ сѣромъ одѣяніи, съ колокольчикомъ въ рукѣ, въ онь же бряцаше», и на зовъ лѣсного незнакомца шелъ и попадался въ руки лѣшему. Родители плакали объ немъ неутѣшно и призывали святыхъ для освобожденія ихъ сына изъ плѣна лѣшаго.

И вотъ, по легендарному представленію, на встрѣчу «лѣсному демону» идетъ издалека, по дремучимъ дебрямъ, съ псаломскими пѣснями, съ крестомъ въ рукахъ святой старецъ-пустынникъ. Долго ходитъ по лѣсамъ, проходитъ неутомимо и безбоязненно дрязги, болота и глухія чащи лѣсныя,

[1]) Rerum Moscovit. p. 79.

и наконецъ водружаетъ крестъ, ставитъ маленькую келью между деревъ на полянѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной озерами,—и ударъ колокола возвѣщаетъ о поселеніи въ пустынѣ лѣсной отшельника. А окрестные жители лѣсныхъ деревень, по словамъ легендъ, еще задолго до его прихода, слышатъ изъ лѣсной глуши чудесный, таинственный звонъ и чудное пѣніе. То уже не зловѣщіе, обольстительные звуки колокольца лѣшаго, а призывный звонъ къ пустынножительству... Характеристично это средневѣковое представленіе нашего народа о таинственномъ звонѣ и пѣньи въ лѣсахъ, раздавшемся задолго до поселенія въ нихъ пустынника. «Мѣсто оно, идеже вселися святый,—такъ обыкновенно говорятъ объ немъ почти всѣ жизнеописатели,— непроходимыя дебри и лѣсы темныя, и чащи и дрязги великія имать, и мхи и блата непостоянныя, въ нихъ же живяху дивіи звѣріе, медвѣди и волцы, елени и заяцы и лисицы множество много ихъ, яко скота бяше, езера имать многи окрестъ себѣ и глубоки зѣло. И отъ созданія міра никтоже живяше отъ человѣкъ на мѣстѣ томъ, дондеже преподобный вселися. Жители же въ окрестныхъ весѣхъ живущіи, иже ловитву на езерахъ сихъ творящіе, повѣдаша: яко за долго время, и преже многихъ лѣтъ, до пришествія блаженнаго, звонъ велій слышаша отъ мѣста того, а иногда пѣніе слышати имъ. Сіе же не единому, но и многимъ, окрестъ лѣса того живущимъ, звони и гласы слышахуся и видѣнія много являхуся. Тѣмже и мнози прихождаху во время звона и видѣній, хотяху увидѣти, откуда звони и пѣсни суть, но токмо издалеча ушесы слышаху сія, очима же ничтоже можаху видѣти, близь пришедше, ничтоже обрѣтаху, но токмо дивяшеся отхождаху въ домы своя, въ сердцахъ своихъ назнаменующе видѣнія сія, ожидаху сбывающагося времени, другъ другу повѣдающе, и непросту вещь сію быти разумѣваху» [1]). Иногда какой нибудь звѣроловъ вдругъ, неожиданно, слышалъ въ пустынѣ лѣсной этотъ чудесный звонъ и сладкогласное пѣніе. «Человѣкъ нѣкто именемъ Селиша, старь сы, Изборьскаго града, повѣда сицеву вѣсть, глаголя: нѣкогда ми, рече, ходящу со отцемъ моимъ на ловы звѣрины въ пустыню, яже бысть около святаго мѣста печерскаго: бѣ бо тогда пустыня велика и лѣсъ прилежаше въ томъ мѣстѣ, и случися намъ притти къ потоку, на край горы, и слышахомъ во время часа церковнаго пѣнія гласы прекрасны поющихъ и благочинны, гласы убо слышахомъ, а поющихъ не видѣхомъ» [2]).

И съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ лѣсу пустынникъ, устроялась обитель, и проносилась въ народѣ молва про чудотворенія лѣсного отшельника-пустынножителя,—съ тѣхъ поръ не такъ страшными представлялись взорамъ народа и темные лѣса сѣверные. И лѣсные бѣсы все болѣе и болѣе изъ нихъ изгонялись, удалялись въ болѣе пустынные лѣса. «Прежде мѣсто сіе, на немъ же обитель твоя,—восхваляетъ напр. Антонія Сійскаго жизнеописатель его,—никто же знаяше е, и никимъ же именовано бысть,

---

[1]) Рукоп. Житіе Антонія Сійскаго. № 230.

[2]) Повѣсть списана о Печерскомъ монастырѣ, иже во „Псковской землѣ“. Сборн. № 857, л. 120 об.

точію звѣремъ и бѣсомъ жилище тогда обрѣташеся. Нынѣ же егда благоволи Богъ призрѣти на нь; тогда обитель твоя тобою красуется и твоимъ именемъ именуется, и оттолѣ обычай отъ всѣхъ человѣкъ именоватися Живоначальныя Троицы Антоніева пустыня, отъ нея же пустыни святыми ти молитвами бѣси далече прогнани суть и безвѣстни быша; вмѣсто же сихъ Богомъ спасаема, святыми ангелы призираема и честными иноки населяема, въ ней же Богъ въ Троицѣ присно славится и божественныя пѣсни непрестанно воспѣваются. О пустыня святая и приснобложенная, спасаемая Богомъ, ангеломъ превозлюбленная, всѣмъ человѣкомъ превожделѣнная!» [1]) Теперь въ лѣсахъ представляются народу разные чудеса, разныя видѣнія пустынниковъ чудотворцевъ. Люди всѣхъ чиновъ разсказываютъ про разныя чудесныя явленія лѣсныхъ отшельниковъ. И горемычные родители, плачущіе о потерѣ сына, уведеннаго лѣснымъ демономъ, съ утѣшительными надеждами и вѣрой даютъ обѣтъ прославившемуся уже многими чудотвореніями и побѣдами надъ бѣсами лѣсному пустынножителю—идти въ его пустынь, сослужить молебенъ о возвращеніи погибшаго сына. Вотъ какое напр. передается въ одной легентѣ XVII вѣка «чудо преподобнаго Никодима Кожеезерскаго о нѣкоемъ отроцѣ пастырѣ како его избави отъ лѣснаго демона», чудо, которое записано было со словъ самого этого пастуха: [2]) «Было въ лѣто 7196 (1688) марта въ 15-й день сотворилось чудо сіе такъ: на Онегѣ рѣкѣ есть село Кожеезерскаго монастыря, именуемо Кирнешки, и въ томъ селѣ, по обычаю, въ то лѣто пасся скотъ; пастухъ былъ изъ того села, именемъ Григорій, сынъ Васильевъ, пасъ скотъ: въ одинъ день пасъ онъ по обычаю, день преклонился къ вечеру, и было поздно; пастухъ тотъ Григорій отошелъ за рѣку Кирнешку собрать скотъ, и какъ то потерялъ дорогу, самъ не зналъ, куда шелъ, и вдругъ видитъ передъ собой какъ будто человѣка привидѣніемъ, въ сѣромъ одѣяніи и колоколецъ малъ у него въ рукѣ, колокольцемъ онъ звонитъ, а самъ идетъ впередъ его и пастуха Григорія зоветъ за собой, а этотъ шелъ за нимъ, и немного опомнившись, началъ многихъ святыхъ призывать себѣ на помощь, призывалъ и преподобнаго отца Никодима (Кожеезерскаго). А родители между тѣмъ плакали и тоже молились преподобному, обѣты полагали, чтобы идти въ обитель и молебствовать. И вскорѣ потомъ, тому бѣдному пастуху въ лѣсу предсталъ преподобный. Григорій чувственно видитъ какъ бы нѣкій старецъ послѣдуетъ за нимъ. Когда Григорій пѣлъ подъ деревомъ пѣсни, видитъ онъ—старецъ зоветъ его къ себѣ и велитъ ему перекреститься знаменіемъ честного креста. И когда онъ знаменался крестомъ, тогда демонъ лѣсной не видимъ былъ, а старецъ оный приближался къ нему; когда же забывался, тогда опять демонъ показывался, и долго онъ страдалъ, но святой не оставлялъ его, шелъ за нимъ и пришелъ къ рѣкѣ называемой Сыртуга и оттуда пришелъ на рѣку Кирнешку къ верхотину, и тутъ видитъ храмину, а въ ней мечтается ему

[1]) Сборн. № 230.
[2]) Сборн. № 182.

какъ бы дерево великое и малое [1]), и нѣкоего старца знакомаго ему, лежащаго на вершинѣ деревьевъ, и юношей нѣкіихъ, знаемыхъ ему; одни спятъ, а другіе приносятъ ему ѣсть, а иные одежду и обувь снимаютъ съ него. И того же мѣсяца въ 18-й день, милостію всещедраго Бога и молитвами преподобнаго, по утру пастухъ увидѣлъ себя въ селѣ Кирнешкахъ у монастырскаго двора: увидѣли его тутъ служители, стоитъ Григорій—руки къ сердцу согнулъ, дрожитъ весь, руки и ноги избиты сильно и кровь течетъ изъ ранъ,—и такъ приняли его и хвалу воздали Богу и преподобному Никодиму благодареніе. Сія вся, заключаетъ повѣствователь, самъ вышеупомянутый пастухъ о себѣ намъ повѣда, мы сія слышавшіе предахомъ писанію во славу Христу Богу и Никодиму Чудотворцу» [2]).

Простосердечная вѣра древнихъ русскихъ людей вызывала чудотворцевъ русскихъ съ того свѣта на борьбу съ лѣсными, горными и водяными духами и на помощь русскимъ святымъ призывала святыхъ греко-восточной церкви и саму Богородицу. Весьма любопытна и характеристична одна повѣсть XVII вѣка о женѣ Соломоніи. Здѣсь во всей полнотѣ обнаруживается и умственное развитіе нашихъ древнихъ поповъ и народа, и въ особенности—народныя представленія о лѣсныхъ, горныхъ и водяныхъ демонахъ, народная вѣра въ чудесную побѣду надъ ними христіанскихъ чудотворцевъ. Основная мысль всей повѣсти такая: одна женщина—крестьянка, родомъ поповна, долго страдала отъ черногодныхъ демоновъ *водныхъ и лѣсныхъ*, которые являлись ей въ разныхъ зооморфическихъ, чудовищныхъ образахъ, и то уносили ее въ воду, то въ лѣсъ и горы.

[1]) Это „дерево великое и малое“ напоминаетъ намъ такъ-называемое въ финской миѳологіи *Tapion puu—дерево лѣшаго*, или *Tapion kanto, пень лѣшаго*. См. „Путешествіе въ русскую Корелію“ Кастрена. Этногр. сборн. вып. IV. 1859 г. стр. 252. Въ житіи Іоанна и Логина Яренгскихъ чудотворцевъ также разсказывается въ одномъ чудѣ, какъ заблудившійся въ лѣсу человѣкъ видѣлъ предъ собою „яко человѣка привидѣніемъ, *аки древо слонящееся*“; этотъ образъ тоже напоминаетъ лѣшаго.

[2]) Это старинное преданіе, равно какъ и то, которое въ приложеніи будетъ изложено, напоминаетъ намъ подобное народное сказаніе *о лѣсакѣ*, записанное со словъ казанскаго крестьянина изъ села Кавалей. „Лѣсакъ увелъ дѣвицу изъ деревни къ себѣ въ лѣсъ, жилъ съ ней долго, прижилъ дѣтей. Дѣвица захотѣла уйти отъ него и стала выпытывать, какими премудрствами выбраться изъ лѣсу. Лѣсакъ не сказывалъ. Дѣвица такъ жила у него долго, лѣтъ пять, а все выспрашивала, какъ уйти: „нельзя ли уйти святыми молитвами“? Нѣтъ, нельзя, говоритъ лѣсакъ, а есть такіе *свѣтки* которые выводятъ изъ лѣса. Дѣвица нашла эти свѣтки, нарвала ихъ и отыкала ими себя кругомъ. Лѣсакъ-отъ и не могъ къ ней подойти: свѣтки-те огнемъ жгутъ его. Дѣвица пошла перенадѣла рубаху на лѣвую сторону, переобулась съ правой ноги на лѣвую и пришла домой, а лѣсакъ-отъ все шелъ за ней и пришелъ къ избѣ. Дѣвица не догадалась свѣтковъ-то натыкать на избу. Лѣсакъ ночью и разворотилъ всю избу, какъ вихремъ, и бревна разметалъ. Такъ дѣвица и осталась не причемъ“. Подобныя сказанія о лѣшемъ были и у финновъ. Кастренъ въ своемъ путешествіи въ русскую Корелію записалъ слѣдующее финское преданіе объ одномъ исполинскомъ народѣ подъ названіемъ Naikkolaiset, или Naikon Kansa: „о происхожденіи этого народа есть преданіе, что лѣшій (metsänhpaa) похитилъ одну женщину (христіанку), увелъ ее въ лѣсъ, и она родила отъ него мальчика и дѣвочку, которые въ послѣдствіи произвели на свѣтъ это богомерзкое поколѣніе, названное Naikkolaiset“. Этнограф. сборн. вып. IV, стр. 261.

Борьба съ ними, физическая и нравственная, была страшная. Наконецъ, чудотворецъ Устюжскій Прокопій, вмѣстѣ съ пречистою Богородицею, побѣдили демоновъ водныхъ и лѣсныхъ, молнія съ громомъ поражала ихъ, и водные и лѣсные демоны изгнаны были изъ несчастной женщины. Общая основа всей этой христіанско-миѳологической легенды, очевидно, апокрифическая и древняя, общенародная. Подобныя сказанія существовали у евреевъ, у восточныхъ и западныхъ сектантовъ—павликіанъ, богумиловъ, катарровъ, альбигойцевъ. Подробныя же черты демоновъ водныхъ и лѣсныхъ носятъ окраску славяно-русской миѳологической демонологіи.

Изображая однихъ святыхъ героями полубогами, побарающими силы демоническія, миѳическія, демоновъ водныхъ, лѣсныхъ—звѣрообразныхъ и т. п., дѣятельности другихъ святыхъ народное міросозерцаніе усвояло дѣйствія разныхъ производительныхъ силъ природы. Вѣра народная сближала ихъ съ жизнью природы, представляла ихъ непосредственными устроителями, управителями жизни физической, напр. произрастителями плодовъ земныхъ, хранителями скота, птицъ, пчелъ и пр. Богородица, напр. помогала землю обработывать: «мѣсто неровное, гдѣ ино горы, ино жъ ровъ бысть, и лѣсъ прилежаще великъ, все жъ сіе помощію Богородицы изравнивали» [1]). Одно явленіе иконы Богородицы, по народному вѣрованью, было причиною обильнаго урожая хлѣба и всякаго овоща, хорошаго лѣта, ведряной погоды, плодовитости скота, здоровья народнаго. «Лѣта, коего явися икона Пречистыя Богородицы на Оковцѣ, въ лѣсу частомъ, на соснѣ на сучку, говоритъ повѣствователь о чудесныхъ благодѣяніяхъ оковской Божіей матери, — хлѣбъ бысть дешевъ, кадь ржи купили по 4 московки, а лѣто было весьма ведрено и красно, а не засушливо, и всякимъ овощемъ плодовито, а отъ поля тишина была, а людямъ здравіе было и всякому скоту плодъ [2]).

Точно также, въ повѣсти о выдропусскомъ образѣ богородицы, по случаю чудеснаго перемѣщенія этого образа изъ Мурома въ село Выдропускъ, сказано: «и оттолѣ въ веси той, прочее же и во всей Новгородской области, начаша людіе богатѣти духовнымъ богатствомъ, паче же и тѣлесными потребами, вся земля обиліемъ кипя въ сѣменныхъ приплодѣхъ и въ скотскихъ родѣхъ паче первыхъ лѣтъ: сіе Богъ дарова и пречистая Богородица». (Лѣтоп. русской литературы VII, 26). Богородица являла разныя чудесныя физическія знаменія. Если люди оскорбляли Бога дѣлами своими, напр. пашню пахали, хлѣбъ жали, сѣно косили по праздникамъ, если употребляли запрещенныя произрастенія земли, какъ наприм. въ XVII в. табакъ, то пречистая Богородица являлась вмѣстѣ со всемилостивымъ Спасомъ даже сельскимъ женщинамъ и угрожала испустить съ неба на землю «каменіе много, молніе огненное, произвести въ страдное время сильный морозъ и ледъ на скотъ и хлѣбъ и страшное землетрясеніе». Такъ въ Сборникѣ Солов. библ. подъ № 925 разсказывается нѣсколько

1) Сборникъ № 857, л. 122—125.

2) Сборникъ 857, л. 176.

чудесъ, случившихся будто бы въ 1641 г., какъ пречистая Богородица и самъ всемилостивый Спасъ явились разнымъ сѣверно-поморскимъ сельскимъ женщинамъ, и Богородица сначала заступалась за людей, а потомъ сама угрожала произвести страшныя физическія знаменія и бѣдствія. Мы выпишемъ здѣсь вполнѣ одно чудо, имѣющее нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ народнымъ стихомъ о заступничествѣ Богородицы за людей передъ Спасителемъ: «августа въ 16 день за заутреней было чудо на красной горѣ надъ нѣкой женою, именемъ Ѳеклою, Спиридоновою дочерью [1]). И почало тружати ея при всемъ народѣ. Явился въ то время всемилостивый Спасъ и пречистая Богородица Тиѳинская съ Паче озера и почалъ ей въ то время наказывати, наказывалъ той женѣ: сказывай ты жена во всемъ народѣ, чтобы всякихъ чиновъ люди молилися со слезами, стоя, всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ безпрестани, и стоя, ничего не говорили, и *отъ того де нынѣ вся земля трясется*; а Богородица у Христа стоитъ со слезами, чтобы Господь пощадилъ православныхъ христіанъ и отвратилъ свой праведный гнѣвъ, а табакъ бы отнюдь не пили и . . . . . не бранилися и хмѣльные бы люди въ церковь не ходили; а кто де ихъ піетъ не подобное, что они піютъ въ носъ, и то святые отцы на вселенскомъ соборѣ прокляли; а въ которое время хто . . . . . избранитъ, и въ то время *небо и земля потрясется* и Богородица стоя вострепещетъ о таковомъ зломъ словеси, а уста его того дня кровью воскипятъ, и тѣми устами не подобаетъ таинъ Господнихъ вкушати, ни креста цѣловати; а во церкви бы стояли со страхомъ и трепетомъ на молитвѣ безпрестани и молились бы со слезами и другъ на друга сердца бы не имѣли со гнѣвомъ и жили бы по святыхъ отецъ правилу. И пречистыя Богородицы бысть гласъ въ то время отъ нея: а язъ де Богородица стою у Христа и безпрестани у своего царя небеснаго милости прошаю о всемъ народѣ, чтобъ пощадилъ Господъ и помиловалъ всѣхъ православныхъ христіанъ; и вся воя небесная со страхомъ предстоитъ, а вы христіане своимъ безуміемъ уклоняетеся и со страхомъ во церкви часу не постоите. И не христіаномъ бы въ праздники Господскіе никакой работы не работати и травъ не косили бы, и хлѣба не жали, а будетъ что и выжнутъ, все съ грязью станетъ, а молились бы всемилостивому Спасу на Красной горѣ и пречистой Богородицѣ, и росписи росписывали и розсылали бы по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы вѣсно было про все наказанье и христіане обратились бы ко Господу Богу и грѣховъ своихъ покаялись бы, и Господь дастъ всякаго изобилія многое множество болѣе и прежнего; а будетъ христіане сему явленію и наказанію моему не повѣрятъ и ко Господу Богу моему не обратятся, и не почнутъ молитися всемилостивому Спасу, приходити на Красную гору, и почнутъ пити табакъ и хмѣльные люди во храмъ ходить и въ храму почнутъ другъ съ другомъ глаголати, и поставятъ се явленіе воплошно и за ихъ непослушаніе *будетъ на землю каменіе много испущу съ небесъ, молніе огненное* и лица своего воображен-

[1]) Надъ этою женою было еще другое чудо, тутъ же описанное. Здѣсь объ ней сказано: „нѣкія веси Юрьева Наволока, именемъ Ѳекла Спиридонова дочь, а Нехорошова жена Клементьева“ и проч.

наго и храмовъ не пощажу и *ледъ и мразъ лютый спущу на страдное время на скотъ и на хлѣбъ вашъ и на все живущее, и по вся годы хлѣба не будетъ, и каменіе горящее съ небесъ спадетъ и молніе огненное и хлѣбъ и трава озябнетъ и скоты ваши голодомъ погибнутъ,* и тотъ де трусъ, что нынѣ на тебѣ, то и на всѣхъ христіанехъ будетъ съ велика и до мала за ихъ непослушаніе и за ихъ неправду. А се явленіе писалъ на Красной горѣ при священницѣхъ и при всемъ народѣ Петруха Ивановъ Поповъ 7149 августа въ 27-й день» [1]). Подобныхъ явлений святыхъ, предсказывавшихъ разныя физическія знаменія и неестественныя явленія, намъ доводилось встрѣчать въ рукописяхъ много. Особенно любопытны изъ нихъ сказанія въ житіи Прокопія Устюжскаго, «объ огненной тучѣ и бурѣ», въ житіи Иринарха Соловецкаго «о тучѣ снѣжной велiей и о мразѣ отъ Яковыхъ до Ильина дня» и проч. Но мы не будемъ обременять читателей подобными сказаніями.

Какъ изъ приведенныхъ, такъ изъ другихъ подобныхъ легендъ очевидно, что народъ русскій, при своемъ практическомъ характерѣ, смотрѣлъ на святыхъ большею частію съ натурально-практической точки зрѣнія. Онъ представлялъ, что святые назначены быть ему помощниками въ борьбѣ съ стихіями природы, поддерживать его физическое, матеріальное благосостояніе, и ждалъ отъ ихъ чудесъ существенной, матеріальной, житейской пользы. И эта практическая вѣра преимущественно замѣчается на финскомъ сѣверо-востокѣ, гдѣ и кудесничество было болѣе распространено. Какъ въ финскомъ язычествѣ, кудесникъ, Кебунъ Тадибъ испрашивалъ у Нума блага, счастія, оленей, лисицъ и богатства, вопрошалъ Тадебцiевъ объ излеченіи болѣзни, о сыскѣ потерявшагося оленя и проч.; такъ вмѣсто того, во времена христіанства, жители сѣверо-восточной Руси испрашивали всѣхъ такихъ физическихъ предметовъ и благъ у святыхъ, преимущественно прославляемыхъ въ ихъ мѣстностяхъ. Больной испрашивалъ у святого своей страны зелія, врачества отъ болѣзни: святой являлся ему во снѣ, давалъ въ руку цѣлебную траву и говорилъ: «держи ю у себе, и въ дому своемъ въ чистомъ мѣстѣ». Проснувшись, больной «видѣлъ у себя траву въ рукѣ, и абіе отъ того часа здравъ бысть» [2]). Пастухъ или скотникъ призывалъ святого своей страны, когда у него мало было корму для скота [3]), чтобы «подати помощь ему въ прекормленіи скота сѣнною кормлею, еже бы ему препитати скотъ безгладно». Потерялась ли лошадь у сѣверно-поморскаго жителя, владѣлецъ ея обращался съ молитвою къ Зосимѣ и Савватію соловецкимъ объ отысканіи его лошади [4]). Сѣверно-поморскіе *юровщики* или весновальники, отправлявшіеся артелями на Сѣверное море для ловли морскихъ звѣрей, сами разсказываютъ въ житіяхъ святыхъ любопытныя и разнообразныя легенды о чудесахъ сѣверно-поморскихъ святыхъ на морѣ-океанѣ: какъ чудотворцы, словно геніи, духи

---

[1]) Сборникъ № 925, л. 41—43.
[2]) Сборникъ № 182, житіе Сильвестра Вологодскаго.
[3]) Житіе Пертоминскихъ чудотворцевъ, рукоп. Сол.
[4]) Ркп. Солов. житіе Зосимы и Савв.

морскіе, носились по морю, укрощали волны и бури морскія, вызывали изъ глубины океана множество звѣрей на добычу ловцамъ [1]).

И были причины такого практическаго народнаго вѣрованія. Во-первыхъ, вѣра въ чудеса святыхъ, какъ въ силы и дѣйствія превозмогающія и покоряющія человѣку природу, замѣняла языческую вѣру въ вѣдуновъ—волхвовъ. Не имѣя мѣста распространяться здѣсь о происхожденіи и значеніи вѣдунства въ миѳологическомъ міросозерцаніи, мы считаемъ не лишнимъ однакожъ указать по крайней мѣрѣ общій источникъ вѣдунства, волшебства, по объясненію Розенкранца и Гримма. «Слабое, едва пробуждающееся въ человѣкѣ чувство собственнаго бытія, говоритъ Розенкранцъ въ своемъ сочиненіи Naturreligion, не есть, какъ духъ безсознательный, вмѣстѣ объектъ и субъектъ, но оно живетъ въ различіи объективности и субъективности. Когда человѣкъ сознаетъ свою свободу въ противоположность міру, и старается выразить это сознаніе, то этотъ актъ его духа является въ естественной религіи преимущественно какъ *волшебство* (Zauberei). Первобытные народы, правда, превозмогаютъ природу по толику, по колику этого требуетъ поддержаніе ихъ существованія: они ловятъ звѣрей, занимаются рыболовствомъ, пасутъ стада, воздѣлываютъ землю; но въ этихъ занятіяхъ своихъ они впервые сосредоточиваются въ самихъ себя, впервые приходятъ къ сознанію духовной свободы лишь тогда, когда природа противопоставляетъ ихъ цѣлямъ такія рѣзкія противодѣйствія, что обыкновенная дѣятельность становится недостаточной. Тогда, если небо не изливаетъ дождя, если буря волнъ дѣйствуетъ разрушительно, если стада подвергаются мору, если въ умирающемъ жизнь начинаетъ уступать смерти, тогда возбужденное въ человѣкѣ чувство собственнаго бытія возмущается, приходитъ въ волненіе и выражается въ заговорѣ противъ природы. Она не смѣетъ противодѣйствовать духу, она ему подчинена. Онъ ея владыка. Его слово можетъ заставить ее возвратиться въ назначенныя отъ него ей границы. Облака должны излить задержанныя воды, волны должны утихнуть, моръ долженъ прекратиться, смерть исчезнуть, если онъ этого хочетъ. Такъ чувство свободы есть первоначальный источникъ, принципъ всякаго волшебства» [2]). Какъ ни естественно было въ языческомъ міросозерцаніи явленіе вѣдунства, какъ ни отраденъ былъ этотъ энергическій протестъ впервые пробуждавшейся мысли младенческаго разума, это выраженіе естественной потребности первобытнаго человѣка знать и покорять себѣ силы природы, все же вѣдунство, кудесничество было не свѣтлымъ, не разумно сознательнымъ, а темнымъ, суевѣрнымъ явленіемъ въ исторіи народнаго міросозерцанія. «Auf die gütigen vermöge ihrer Naturwunder thuenden Götter geht der Begriff der Zauberei nicht, скажемъ словами Гримма; erst den Gesunkenen, Verachteten hat man Zauberei zugeschrieben. Mittelwesen, zwischen Göttern und Menschen, altkluge, vielkundige Riesen, böse Riesinnen, listige Elfen und Zwerge zaubern; nur scheint ihre Fertigkeit mehr angeboren, stillstehend, keine er-

---

1) Нѣкоторыя указанія приведены въ приложеніяхъ.
2) Hanusch, Wissensch. d. Slavisch. Mythus.

rungene Kunst. Eigentlicher Zauberkünstler ist der *emporstrebende* Mensch»[1]). Вслѣдствіе такого языческаго, нерѣдко вреднаго въ жизни народной значенія, волшебство, кудесничество,—хотя и не вдругъ, но мало по малу теряло свою силу въ христіанскомъ народномъ міросозерцаніи, подъ вліяніемъ преслѣдованій церкви; никло предъ ликами безчисленныхъ христіанскихъ чудотворцевъ; по ученію церковныхъ іерарховъ и монастырскихъ властей, замѣнялось вѣрою въ чудеса святыхъ. Отъ миѳологіи языческой, вѣдунской народъ переходилъ къ миѳологіи христіанской, книжно-легендарной. Онъ большею частью такъ же миѳически, дѣтски вѣрилъ въ чудеса святыхъ, какъ прежде вѣрилъ въ кудеса вѣдуновъ. Почему волхвы, кебуны, чародѣи, ревнуя о своихъ выгодахъ, отстаивая свое вѣдунство, всячески старались отвлекать народъ отъ вѣры во святыхъ, чудесамъ ихъ пытались противопоставлять кудеса, какъ напр. Зырянскій Пама Стефану Пермскому, Лопарскіе Кебуны—Трифану Печенгскому. Но благочестивые іерархи, монахи и священники, при помощи церковныхъ книгъ, при содѣйствіи, впослѣдствіи, гражданской власти, мало по малу отучали народъ отъ вѣры въ кудеса. Не приводя всѣмъ извѣстныхъ, многочисленныхъ, обличительныхъ поученій церкви, направленныхъ противъ прибѣгавшихъ къ волхвамъ, и обходившихъ святыхъ[2]), мы укажемъ для примѣра два факта изъ житій святыхъ: «Есть на Поморіи наволокъ Унежма,—читаемъ напр. въ житіи Зосимы и Савватія Соловецкихъ,—въ мѣстѣ же томъ человѣкъ нѣкій именемъ Никонъ. Сему Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прю нѣкую межю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати. Единому ихъ угоди, а другаго оскорби; оскорбленный же онъ зѣльнѣ огорчися нань. Кудесникъ же онъ бѣсовскимъ ухищреніемъ, якоже обычай имъ укоренился въ нихъ злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесъ бити, таже насылаетъ бѣса на Никона. Посылаетъ же Никонъ сына своего къ другому кудеснику, ему же добро сотвори, дабы помоглъ ему». Старецъ Соловецкаго монастыря, прилучившійся въ томъ селѣ, отклонилъ Никона отъ кудесъ и научилъ его прибѣгнуть къ чудесной помощи Зосимы и Савватія Соловецкихъ. «Въ Новгородѣ былъ нѣкто гость Алексѣй Курнековъ, читаемъ въ томъ же житіи: у него сынъ заболѣлъ опасно. Алексѣй же онъ, яко препростый человѣкъ, не разумѣ прежде твердаго пристанища, еже прибѣгнути къ Богу и къ святымъ его плотстіи бо, рече, духовная мудрствовати не могутъ. Пристави къ нему нѣкоего кудесника. Онъ же по волхвамъ ношаше его, и ничто же успѣше». Опять старецъ Соловецкій научилъ больного прибѣгнуть къ чуду Соловецкихъ чудотворцевъ.

Своеобразное практически-миѳологическое воззрѣніе древне-русскаго человѣка на чудеса святыхъ условливалось отчасти и его матеріальнымъ

[1]) Grimm, D. M. S. 579.

[2]) Такихъ поученій довольно напечатано въ актахъ историческихъ. Нѣсколько ихъ находится въ рукописи. Измарагд. Соловецк. подъ № 270. Почти всѣ они нигдѣ не изданы.

бытомъ, совершеннымъ незнаніемъ силъ и законовъ природы, неумѣньемъ пользоваться ими для своихъ практическихъ нуждъ, направлять ихъ къ собственному матеріальному благу.

Ни рафли, аристотелевы врата, зодѣи, астрономы XVI и XVII вѣка, ни космографы, луцидаріусы и географіи, ни громовники, ни цвѣтники, травники и зелейники, ни бестіаріи, ни лечебники не распространяли въ народѣ истиннаго естествознанія. Народъ не зналъ, по словамъ западныхъ путешественниковъ, ни земли, ни воды [1]). Природа въ его воображеніи еще исполнена была чудесъ и миѳовъ. Онъ съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣлъ на метеоръ. Взорамъ его мерещились «не былинныя зраки». Онъ вѣрилъ въ баснословную силу камней, травъ, цвѣтовъ, видѣлъ чудеса на деревьяхъ, разсказывалъ про миѳическихъ чудовищныхъ змѣй на сѣверѣ и въ низовьяхъ Волги, про каменныхъ людей и каменныхъ дѣвокъ близь Самары и т. п. При этой настроенности къ чудесности въ природѣ, — народъ читалъ въ церковныхъ книгахъ, слышалъ отъ граматниковъ, повѣствователей, отъ священниковъ, дьячковъ и монаховъ разныя сказанія о чудесахъ святыхъ. А тутъ еще и собственная матеріальная жизнь его представляла много превратностей неожиданныхъ, непонятныхъ и страшныхъ. Много страдалъ древній русскій человѣкъ отъ стихій природы, отъ звѣрей, страдалъ разными физическими болѣзнями. Страдалъ, а не зналъ, какъ пособить горю, какъ прекратить, уничтожить зловредныя дѣйствія природы, покорить физическія силы и стихіи своему благу: ибо не зналъ таинъ природы, ея силъ и законовъ. Къ тому же, на долю русскаго народа выпалъ жребій совершить особенно великую, сильную борьбу съ природой. Колонизуя и разработывая огромныя пустынныя пространства сѣверо-востока, онъ проторгался сквозь лѣса непроходимые, сквозь тундры и болота, гдѣ почти на каждомъ шагу спотыкался и изнемогалъ, встрѣчался и боролся съ звѣрями, страдалъ отъ мороза, утопалъ въ рѣкахъ, въ большихъ озерахъ и проч. [2]). Онъ на льдахъ сѣвернаго океана искалъ добычи, отправлялся артелями на веснованье: тутъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверно-поморскихъ святыхъ, онъ постоянно и страшно страдалъ отъ бурь морскихъ. Въ житіяхъ поморскихъ святыхъ про это самъ народъ разсказываетъ любопытныя былины и легенды. Проторгаясь сквозь лѣса, вслѣдъ за отшельниками-чудотворцами, народъ нашъ много работалъ, ставилъ города, деревни и починки въ лѣсахъ, вновь распахивалъ пашни, расчищалъ луга и пожни, устроялъ по рѣкамъ и озерамъ ловли, тони,— и эту работу свою, по всей справедливости, назвалъ *страдой*, также какъ по своему живому сочувствію съ природой, онъ назвалъ *страдомыми* и

[1]) Das Land, — писалъ напр. Петрей о русской землѣ и о русскомъ народѣ — das Land ist überaus schön, gut und fruchtbar; das Volk aber grob, bäuerisch, tölpisch, und fang weder zu Wasser noch zu Lande dazu sie selbst Ursach seyn.

[2]) Въ древнихъ уставныхъ граматахъ постоянно говорится объ этомъ: „а кто въ деревняхъ въ водѣ утонетъ, или кого въ лѣсѣ деревомъ заразитъ, или съ дерева убьется, или звѣрь съѣстъ, или громъ убьетъ, или кто съ студени умретъ, или кого возомъ сотретъ, или кто водою къ деревнямъ приплыветъ убитый человѣкъ" и проч. См. напр. А. И. II, № 77, 86 и мн. др.

лѣса, которые рубилъ, и деревни, которые ставилъ «на лѣсѣхъ», и рѣчныя и озерныя и т. п. угодья. Страдалъ онъ и отъ непогодъ и суроваго сѣвернаго климата, «морозомъ побивавшаго его посѣвы (по свидѣтельству историческихъ актовъ) почти во всякое лѣто» и проч. и проч. Слѣдовательно, нужны были, судя по его необыкновенной, богатырской, страдальческой работѣ въ борьбѣ съ природой, такія могучія силы, которыя бы сдерживали для него препятствія и вредныя дѣйствія природы. И вотъ, не зная силъ природы и не умѣя покорять ихъ, какъ покоряетъ теперь разумъ, онъ вѣрилъ въ силу чудесъ, въ помощь христіанскихъ чудотворцевъ. Вѣра въ чудотворное могущество святого покорять силы природы, останавливать зловредныя дѣйствія ея стихій и явленій имѣла такимъ образомъ практическое основаніе. Чудо святого въ области природы замѣняло для древняго русскаго человѣка разумное, научное покореніе въ пользу человѣка физическихъ силъ, явленій, стихій природы. Въ жизнеописаніяхъ чудотворцы представляются именно поборниками народа противъ стихій природы, противъ всякихъ физическихъ бѣдствій. Вотъ какъ, напр., начинается житіе Антонія Сійскаго: «Бысть сице: отъ сотворенія міра, въ лѣто 7180, отъ дождевныя мокроты и отъ великихъ бурь и отъ облачныя толстоты на много солнца не видѣти, и земнымъ плодомъ замедленіе бысть веліе, и ржаные плоды отъ того дождя и бури излегли и не исправилися, и цвѣту въ нихъ не бысть, яко протягнулись іюля мѣсяца до 7-го числа, и иному всякому плоду не растущу, человѣкомъ же и всякому роду зѣло о семъ скорбящимъ, паче же въ скудости пребывающимъ. Но человѣколюбивый Господь Богъ, не хотя своего созданія до конца погубити, но полезное о всѣхъ промышляя, *посылаетъ* милостивнымъ явленіемъ заступника нашей странѣ и общаго предстателя, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія чудотворца Сійскаго» [1]). Такимъ образомъ почти каждая область, каждый городъ, рознясь между собою во многихъ мѣстностяхъ этнографическимъ составомъ населенія, изстари стремясь къ земской, территоріальной особности, самостоятельности, по *рѣчнымъ передѣламъ,* или по *раздѣламъ земли и воды,* а также и къ мѣстному земскому самоуправленію,—и въ религіозномъ отношеніи, признавали своихъ особенныхъ мѣстныхъ покровителей и стражей своей страны. «Псковъ и великій Новгородъ (читаемъ въ одномъ русскомъ житіи) блажитъ Варлаама и

[1]) Рукоп. житіе Антонія Сійскаго. Точно также въ случаѣ эпидемическихъ болѣзней простой народъ нашъ уповалъ на помощь даже образовъ святыхъ. Не приводя многочисленныхъ фактовъ изъ исторіи древней Россіи, вспомнимъ одинъ фактъ изъ XVIII столѣтія, изъ времени Екатерины II. Англійскій министръ, лордъ Cathcart писалъ слѣдующее въ своей депешѣ отъ 8-го октября 1771: Les nouvelles que l'on vient de recevoir de Moscou, où il y a la peste, sont bien tristes, la population de cette capitale, abandonnée par les autorités et pousée au désespoir par le danger qui croit de jour et par les absurdes mesures de la police, n'a trouvé d'autres ressources que de placer sa confiance dans les miracles que l'on attribue à certaines images. L'archevêque, un homme de bonne naissance et d'esprit, s'apercevant du péril qu'il y avait á donner la communion a un grand nombre d'individus déjà attaqués par l'épidémie,… enfin a donné l'ordre d'enlever quelques unes des images miraculeuses autour desquelles se pressait la foule, afin d'éviter la contagion".

Михаила юродиваго Христа ради, Смоленскъ блажитъ князя Өеодора, московское же царство блажитъ Петра и Алексея и Іону и Максима и инѣхъ множество; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіяна и Ефрема; Вологда бо блажитъ преподобнаго Димитрія и иныя тамо сущія многія: кяяждо страна своихъ блажитъ. И мы же (Устюжане) тебе, Прокопіе, сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага рѣка, на ней же градъ Сенкурія, и та блажитъ Георгія Христа ради юродиваго. Соловецкій же островъ и все поморіе блажатъ Савватія и Зосиму. Мы жь тобя, яко же стража и хранителя, имѣемъ отчины града нашего Устюга». Народныя легенды о чудесахъ святыхъ той или другой области, записанныя со словъ всякихъ чиновъ людей въ рукописныхъ житіяхъ древне - русскихъ святыхъ, характеристично выражаютъ съ многоразличныхъ сторонъ эту натурально-практическую основу народнаго вѣрованія въ чудеса святыхъ, и притомъ со всѣми мѣстными, областными, географическими и часто даже этнографическими особенностями народнаго быта: въ чудесахъ каждаго мѣстнаго, областнаго святого вполнѣ отражаются мѣстныя физическія условія областнаго населенія и особенности областей географическія и физическія. Особенно обильны характеристичными выраженіями практической, непосредственно натуральной вѣры народа въ чудотворныя силы святыхъ сѣверно-поморскія легенды.

Наконецъ, эта вѣра, это благоговѣнье къ чудотворцамъ сѣверо-восточнымъ были отчасти безсознательнымъ, младенческимъ выраженіемъ народной благодарности за вспомогательные подвиги ихъ въ борьбѣ съ незавоеванной еще тогда вполнѣ русскимъ народомъ сѣверо-восточной природой. Отшельники нерѣдко первые пролагали дорогу колонизаціи и культуры, считаемъ, однакожъ, не лишнимъ указать хоть два-три факта. «Пустыня была непроходная (большая часть московской области въ XIV в.), писалъ напр. въ половинѣ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ Сергія Радонежскаго,—нынѣ же всѣмъ зримы окрестъ обители поля мірскія, села и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дороги велія и проѣзды всякаго чина людямъ, днемъ и нощію безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ зміевъ являхуся ему на устрашеніе безстрастному его житію, нынѣ же окрестъ обители его, за 10 поприщъ и вящшее ползущихъ зміевъ и ужевъ не бываетъ. И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множашеся, толико по премногу вода и всякая потреба изобиловашеся. Тогда въ рощахъ тѣхъ и древесъ только не бысть, елико нынѣ многолюдственное число человѣкъ въ свободахъ на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велицы быша» [1]). Точно также, когда другъ и собесѣдникъ Сергія Кириллъ Бѣлозерскій поселился около Бѣлоозера, «пусто и скудно было мѣсто то, по словамъ жизнеописателя его, боръ бяше велій и чаща, и никому же отъ человѣкъ живущу». А когда пустыня св. Кирилла стала знаменитою обителью, въ предѣлахъ Бѣлозерско-вологодскаго края, стало на лѣсѣхъ и на пустошахъ до 398 посе-

[1]) Времен. кн. X, смѣсь стр. 7 и 8.

леній [1]). Точно также народная память чтила заслуги чудотворцевъ русскихъ для культуры. Приведемъ хоть одинъ примѣръ. Въ окрестностяхъ Соловецкаго монастыря до XV в. жили дикіе лопари. «Древле быша сіи родове, (сказано о нихъ въ Соловецкой рукописи «Садъ спасенія») яко звѣріе дикіи живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни иного потребнаго къ жительству человѣческому; но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же—кожа еленей тѣмъ бяше. Отнюдь Бога истиннаго единаго и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати ни разумѣти хотяху; но имъ же кто когда чрево насытитъ, тогда оно и Бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убіетъ—камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ» и пр. А когда поселились между ними, на Соловецкомъ островѣ, Зосима и Савватій и устроили обитель, то принесли въ поморье не только сѣмена христіанства, но и начатки матеріальной культуры. Обитель ихъ стала училищемъ лучшей матеріальной жизни. Тамъ, гдѣ прежде финскіе полудикари вовсе не умѣли направлять силъ и стихій природы къ улучшенію матеріальнаго быта человѣка, вполнѣ подчиняясь физическимъ неудобствамъ страны, тамъ появились кое-какія искуственныя улучшенія, весьма рѣдкія въ древней Руси. Озера, которыхъ въ Поморьи почти безчисленное множество, и которыя часто препятствовали сообщенію людей, на Соловецкомъ островѣ соединяемы были прорытыми каналами. Равнымъ образомъ тамъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ монастырскихъ земляхъ, чистили и дѣлали хорошія дороги на мѣстахъ, дотолѣ покрытыхъ непроходимыми болотами и мхами. Увеличивали приливъ воды въ мелководныхъ рѣкахъ. Сотни поморскихъ работниковъ строили каменныя водяныя мельницы, въ которыя посредствомъ каналовъ проводилась вода изъ отдаленныхъ озеръ. Тамъ, гдѣ прежде не знали первыхъ началъ культуры, простыхъ орудій для наливанія и выливанія воды, тамъ финскіе полудикари, жившіе вокругъ Соловецкаго острова, видѣли искусственные проводники воды и другихъ жидкостей, черезъ которыя жидкость, по словамъ соловецкаго лѣтописца, «сама сливалась со всѣхъ чановъ: чрезъ трубу подымется на верхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется». «До Филиппа Игумена, продолжаетъ соловецкій лѣтописецъ, рожь на сушило носили многіе, а игуменъ Филиппъ нарядилъ телѣгу, сама насыплется и привезется сама и высыплется рожь на сушило. Прежде рожь подсѣвали многіе, а игуменъ доспѣлъ сѣвальню съ 10 рѣшетами, сѣетъ одинъ человѣкъ, при немъ же доспѣли рѣшето, само насыпаетъ и вѣетъ, отруби и муку и высѣвки разводитъ розно. Прежде многія братія носили рожь на гумно вѣять, а игуменъ нарядилъ вѣтеръ, мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ». Тамъ, гдѣ не знали никакого употребленія глины, кромѣ выкапыванія пещеръ и ямъ, тамъ устроены были кирпичные заводы съ лучшими способами копанія глины: «преже игумена Филиппа на варакѣ

[1]) А. И. I, стр. 299. А. Э. 1, стр. 474.

глину на кирпичь копали людьми, а нынѣ воломъ орютъ однимъ, что многіе люди копали, и на кирпичъ ту глину мяли людьми же, а нынѣ мнутъ конми». Тамъ гдѣ не умѣли строить домовъ деревянныхъ, жили въ пещерахъ и разсѣлинахъ, тамъ полудикіе обитатели финскаго поморья видѣли «каменныя палаты съ стекольчатыми окнами и книгохранительныя каменныя палаты», и проч. [1]) Какъ на западѣ въ средніе вѣка, архитектура, развиваясь подъ вліяніемъ обителей святыхъ, имѣла свои отдѣльныя корпораціи, напр. Bernardus valles, montes Benedictus amabat, oppida Franciscus, celebres Ignatius urbes, такъ и по нашимъ народнымъ сказаніямъ— нѣкоторые изъ знаменитыхъ древне-русскихъ святыхъ представляются чѣмъ либо замѣчательными въ матеріальной культурѣ русской земли.

Древне-русскій человѣкъ, представляя, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыхъ, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый исцѣляетъ болѣзни и что одинъ святой особенно исцѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и проч.,—древне-русскій простолюдинъ иногда наивно вопрошалъ явившагося ему во снѣ святого: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого-либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, кого когда призывать. И такъ мало по малу составились особыя народныя, такъ сказать, святцы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что̀ у какого святого просить. Такъ народъ нашъ доселѣ поетъ въ одномъ своемъ духовномъ стихѣ:

Мати Божья Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница!
Заступи, спаси и помилуй
Сего дому господина
Отъ огненной пожоги,
Отъ водяной потопи!
Попаси же ему, Господь Богъ,
Хлоръ, Лавёръ лошадокъ,
Власій коровокъ,
Настасій овечекъ,
Василій свинокъ,
Мамонтій козокъ,
Терентій курокъ,
Зосимъ Соловецкій пчелокъ,
Стаями, роями,
Густыми медами.

У старообрядцевъ, равно какъ и православныхъ, въ домахъ, на стѣнахъ, привѣшиваются полныя росписанія, какой святой чѣмъ обладаетъ въ области природы и физической жизни человѣка.

Не вдаваясь въ подробное объясненіе, почему, напр., Хлоръ-Лавёръ признаются нашимъ народомъ пастырями лошадокъ, — Власій коровокъ,

---

[1]) Рукоп. Солов. лѣтоп. № 484.

Настасій овечекъ и проч., мы ограничимся историческимъ объясненіемъ религіозной санкціи пчеловодства въ лицѣ Зосимы и Савватія Соловецкихъ. Напередъ нужно сказать нѣсколько словъ о значеніи пчеловодства или бортничества въ древней Руси. Было время, когда не только земледѣліе и рыболовство, но, при изобиліи богатыхъ разною производительностію, большею частію еще непочатыхъ лѣсовъ, и бортничество или пчеловодство составляло одинъ изъ первыхъ путей для колонизаціи и первоначальной культуры финскаго сѣверовостока лѣсного, полудикаго. Въ «*Польской*» ли *землѣ*[1]) ставился городъ, напр. Москва, Переяславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Польскій или «*на лѣсѣхъ*» посажались, поставлялись починки и деревни, — во всякомъ случаѣ первые поселенцы ихъ высылали слугъ своихъ «*работныхъ людей*», либо выѣзжали сами изъ города или изъ деревни во всѣ четыре или пять сторонъ, каждый по своему промышленному *уѣзду*, «*пути и ухожаю*». У кого были *работные люди*, напр. у князей, у бояръ, у церковныхъ властей, тѣ населяли, при своихъ хозяйственно-промышленныхъ *ухожаяхъ* или угодьяхъ «работными людьми страдомыя деревни», напр. при рыбныхъ рѣкахъ и озерахъ, «по стольничему пути», ставились *деревни рыболовли*[2]), «по ухожаямъ бобровымъ» — *деревни бобровниковъ*[3]), при соляныхъ озерахъ и варницахъ населялись «соловарами, водоливами и дрововозами» *деревни соловаровъ*, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались нѣкоторые города, наприм. соль галическая, соль вычегодская, соль тотемская и проч. Такимъ же путемъ возникали въ древней Руси и *деревни бортничи*, населявшіяся пчеловодами и бортниками. Въ старину, лѣса русской земли изобиловали бортями и пчелами. Иностранные путешественники удивлялись безчисленному множеству попадавшихся въ лѣсахъ цѣлыхъ роевъ дикихъ пчелъ, которыя не рѣдко нападали на пчелъ домашнихъ. Къ числу главныхъ произведеній Московіи западные путешественники относили медъ и воскъ[4]). Вслѣдствіе такого изобилія пчелъ и «*бортничихъ и медвяныхъ ухожаевъ*», естественно было выводить особыя промышленныя поселенія по этимъ ухожаямъ, и вотъ всѣ землевладѣльцы, князья, бояре, церковныя власти и своеземцы посажаютъ бортничи деревни на своихъ бортныхъ путяхъ. Въ московскомъ напр. уѣздѣ, въ XIV и XV вѣкахъ, изъ поселеній на княжескихъ бортныхъ ухожаяхъ и путяхъ образовался цѣлый *бортный станъ*[5]). Радонежское село, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями, также населено было бортниками[6]), на *старѣйшемъ пути* московскихъ князей населено было село Добрятинское при *добрятинской борти*[7]). Таковы же деревни и слободы: «Смоляныя съ

[1]) *Польскою землею*, по никоновской лѣтописи, въ XII вѣкѣ называлась не только Украйна за-Окская, Рязанская, Степная, Саратовская и Астраханская, но и Ростовско-Суздальская.

[2]) А. Э. I. № 143, 66, 83.

[3]) А. Э. I, № 12.

[4]) Географ. извѣст. о древн. Рос. Отеч. Зап. 1853.

[5]) А. Э. I № 72.

[6]) Собр. Г. Гр. т. 1 стр. 77.

[7]) Ibid. № 34.

бортью, Кропивна съ бортники съ кропивинскими, съ исменскими, съ гордошевскими и съ рудьскими бортниками, Желѣзкова слободка съ бортью» и проч. Бортники, селясь такимъ образомъ на бортныхъ ухожаяхъ разныхъ землевладѣльцевъ, или сами заводя себѣ борти, въ эпоху средневѣковаго господства частнаго права, права сильнаго, въ эпоху сильнаго стремленія къ похищенію чужого имѣнія, частныхъ вторженій за чужую межу и въ чужой лѣсъ, — бортники, естественно, постоянно должны были опасаться похитителей и разорителей пчелъ въ своихъ бортныхъ лѣсныхъ ухожаяхъ [1]). Въ эпоху языческую, бортники заговаривались отъ похитителей пчелъ: заговоры религіозно-языческіе сохранились и донынѣ. Въ эпоху христіанскую, средневѣковую, при господствовавшемъ тогда представленіи особыхъ святыхъ въ каждой области физической жизни, когда древне-языческіе заговоры передѣлывались въ христіанскіе заговоры и заклятія, бортникъ — простолюдинъ легко могъ придти къ вѣрѣ въ особыхъ христіанскихъ святыхъ, покровителей и хранителей ихъ пчелъ и бортей. И Зосимъ и Савватій Соловецкіе, которые, по преданію, первые ввели пчеловодство даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составился особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника такой: «Сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на вербное и свѣтлое Христово воскресеніе, между заутренями и обѣднями въ мшеникѣ или на пчельникѣ. И высѣки изъ громовой стрѣлы огня и положи въ чистый сосудъ и въ тотъ сосудъ положить ростнаго ладону и окружить на пчельникѣ или во мшеникѣ и поставить свѣчу Изосима и Савватія соловецкимъ чудотворцамъ, и помолиться имъ съ вѣрою и держать сей свитокъ въ самой чистотѣ. Три раза аминь». Въ молитвенникѣ этомъ, послѣ «прославленья благости Господа къ уповающимъ на него», состоящаго изъ псалма: «Живый въ помощи Вышняго, и проч., читается дважды молитва *къ пчеламъ*: «Господи Исусе Христе Сыну Божій, помилуй меня грѣшнаго раба своего (имя рекъ)! Господи благослови, аминь». Затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы. Ихъ всѣхъ 7. Мы приводимъ здѣсь одну первую, какъ болѣе идущую къ нашей статьѣ: «На морьѣ-океанѣ, на островѣ-курганѣ лежитъ камень алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и спасъ образъ съ ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею Божію дѣво-владыцею Матерью Маріею, и вышніе помощники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ Нарименскія горы за силою пчелиною поймати крапчика и матку и посадити въ зезлъ свой: подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте зезлъ свой въ правую сторону. То они посланники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Гаріиломъ, по Божію велѣнію, пойдоша за силою пчелиною въ Папа Рымскія земли, въ Рымскія горы, и пойдоша путьемъ къ западу и

[1]) О физической или естественной обстановкѣ пчеловодства будетъ подробнѣе сказано въ очеркѣ земледѣльческаго міросозерцанія.

до востоку, и дошедъ они посланники въ ту землю, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, поймали крапчика и матку и посадиша въ зезлъ свой и пойдоша путьемъ къ западу и до востоку. Архангелъ Гавріилъ поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную. Какъ востокъ имай, облацы подымаются, тако бы подымалася сила пчелиная и пошла за Изосимомъ и Саватіемъ Соловецкими чудотворцами силою небесною и Духомъ Святымъ. Идоша по надлежащимъ путьямъ и по тропамъ, то учинилася погоня изъ невѣрныя земли, тогда архангелъ Гавріилъ повелѣлъ Изосиму и Савватію бросить въ правую сторону зезлъ и крапчика и матку возгнаніе дороги. То учинилася погоня, невѣрные догнаша и обыскаша по надлежащимъ путьямъ и тропамъ. И рече святый отецъ: милостивые посланники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, возмите зезлъ свой, благословите и оградите путь сей и дорогу крестомъ и зезломъ съ востоку и до западу и со западу до востоку. И приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною и къ тому жъ собору Божію и ко Престолу Господню къ ножіямъ Святителю. И рече святый отецъ Изосимъ и Савватій: Господи! пришедъ еси по вашей седмицѣ по твоему повелѣнью, сохраненъ и помилованъ вашими святыми молитвами. Ты еси Богъ нашъ и Спаситель, ты еси насъ спаслъ во всякой часъ и во всякое время. И приведоша къ нозѣмъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, Господи, дѣвать и сажать? Господь же, благословивъ и освятивъ духомъ своимъ святымъ, и преда и Господь Изосиму и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ, и велѣлъ пустита отъ востока и до запада во всю россійскую землю, въ тюмныя лѣса въ угодныя древа, православнымъ христіанамъ и ко мнѣ рабу Божіему (имяреку). Создай Господи милость свою, посли и надѣли мнѣ рабу Божію во дворѣ, въ лѣсу и на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами праведныхъ отцовъ Изосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ. Какъ приведено по повелѣнію твоему Господи изъ невѣрной стороны во всю россійскую землю на канонъ и на воскъ, на фимиянъ и на всякую утварь церковную укрѣпленіе и утвержденіе до скончанія вѣка сего, такожди Господи утверди у меня раба Божія (имрекъ), въ пчельникѣ, во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ пчелъ старыхъ и молодыхъ, до скончанія вѣка сего Духомъ Святымъ и преподобныхъ отцевъ. Изосима и Савватей, помилуйте святыми своими молитвами у меня раба Божія во дворѣ или въ лѣсѣ, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выстановкѣ во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверги и полчетверги. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ Святымъ окурю отъ всякаго глаза, отъ мужескаго, отъ женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ чернеца и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдуницы, отъ еретника и отъ еретицы, отъ нечистоты и отъ лихого человѣка и отъ чужихъ налетныхъ пчелъ во граду мою валитися, дабы отъ пчельника моего не отлетали старые и молодые до скончанія вѣка сего. Какъ по повелѣнію твоему, Господи, океану-морью всѣ морья покорны, рѣки и источники и потоки текутъ непрестанно денно и ночно, такъ бы, по повелѣнію Божіему, чужая пчела моей пчелѣ покорна была завсегда, по всякъ день и часъ. Спаси Господи и помилуй меня раба своего (имрекъ),

на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя отъ всякаго звѣря и отъ всякой птицы и отъ водяного потопленья и отъ нечистаго духа и отъ лукаваго человѣка, покажи Господи милость свою, пришли и надѣли своимъ Божіимъ повелѣніемъ и надѣленіемъ моимъ пчеламъ со всякаго дерева, со всякаго цвѣта стараго сухаго и сѣраго, и со всякаго плоду брать на воскъ и на канонъ. Не повели Господи портить моихъ пчелъ и пчельника ни колдуну ни колдуницѣ, ни еретнику ни еретницѣ; ни дьявольскимъ наученіямъ и всякому злому человѣку. Сохрани и помилуй отъ нынѣ и до вѣка (три раза) аминь. Земля-замокъ, небо-ключь 3. Аминь».

II.

Народныя воззрѣнія на міръ и его явленія.

Исторія человѣчества показываетъ, что развитіе человѣческаго самосознанія въ сферѣ Космоса начинается смутнымъ, безсознательнымъ чувствомъ единства и могущества силъ природы, обоготвореніемъ ея, религіей природы (Naturreligion). Перешедши, потомъ, черезъ темный Средній Вѣкъ смѣшенія міровоззрѣній древне-народной космической теологіи, или религіи внѣшней физической природы, съ міросозерцаніемъ теологіи христіанской, или религіи собственно человѣческой природы, переживши періодъ діалектико-метафизической борьбы номинализма и реализма, схоластики и мистики, теологіи, астрологіи и алхиміи, испытавши неудовлетворительность рабскаго возстановленія восточно-классическаго и, въ частности, аристотелевскаго міровоззрѣнія,—съ XVI вѣка, со времени великаго открытія Коперника и реально-эмпирической философіи Бэкона, умственная жизнь человѣчества въ сферѣ природы, или естественное человѣческое самосознаніе начинаетъ озаряться совершенно новымъ, разумно-сознательнымъ, опытно-научнымъ міросозерцаніемъ. Вмѣсто религіи природы, суевѣрій супранатурализма и теологико-схоластической метафизики, начинаетъ просвѣчивать для человѣчества всеозаряющая и всеживотворящая, какъ солнце, истина природы, разумъ натурализма, раціонализмъ опытнаго естествознанія [1]). Въ первый, такъ сказать, архаическій или палеозоическій моментъ развитія естественнаго человѣческаго самосознанія, — міросозерцательное, преимущественно естественно-эпическое творчество принадлежитъ цѣлымъ массамъ народнымъ, и потомъ, ужъ, въ послѣдовательномъ процессѣ развитія естественно-миѳологическаго міровоззрѣнія, дѣлается болѣе или менѣе исключительнымъ достояніемъ отдѣльныхъ кастъ, напр. жрецовъ, волхвовъ - вѣдуновъ таинъ природы, а у народовъ болѣе развитыхъ, какъ напр. у Грековъ, мало по малу возводится въ сознаніе такъ

[1]) Когда Кеплеръ открылъ и изложилъ въ книгѣ простые, или, по его выраженію, *гармоническіе законы* движенія свѣтилъ, — онъ имѣлъ полное право произнести эти восторженныя слова: „Жребій брошенъ; книга моя написана; нѣтъ надобности, кто будетъ читать ее, современники или потомство; она можетъ подождать читателя *природа ожидала же шесть тысячъ лѣтъ созерцателя ея великихъ явленій*“.

называемыхъ *мудрецовъ, философовъ,* подъ которыми разумѣлись и геометры, и астрономы, и физики, и вообще естествоиспытатели. Въ послѣдній, если можно такъ сказать, неозоическій или неологическій моментъ историческаго развитія естественнаго человѣческаго самосознанія, иниціатива новаго, разумно-сознательнаго сближенія человѣка съ природой, иниціатива новаго, раціональнаго, научнаго міросозерцанія принадлежитъ отдѣльнымъ геніальнымъ умамъ, наблюденіямъ и открытіямъ. И отъ нихъ уже свѣтъ истиннаго естествознанія мало по малу долженъ озарить всѣ темныя массы народныя, доселѣ блуждающія во тмѣ суевѣрнаго міросозерцанія. Въ этотъ моментъ, такіе геніи, какъ Коперникъ, Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ, Линней, Бюффонъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Гершель, Пуассонъ, Гумбольдтъ, Араго, Лаверье, Риттеръ, и подобные имъ являются первыми свѣтилами разума природы, провозвѣстниками единой вѣчной и всеобъемлющей истины—естественной, космической [1]).

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, по нашему мнѣнію, общій историческій циклъ человѣческаго міросозерцанія. Къ сожалѣнію, намъ приходится сказать вмѣстѣ съ Шлейденомъ, что «мы еще не имѣемъ этой, столь желанной исторіи постепеннаго развитія міросозерцанія. Исторія астрономіи обращаетъ вниманіе, разумѣется, только на первоклассныхъ дѣятелей, съ которыми связанъ дѣйствительный прогрессъ, оставляя въ сторонѣ массы, которыя осуществляютъ собою дѣйствительную жизнь и опредѣляютъ характеръ вѣка. Исторія философіи полагаетъ необходимымъ держаться развитія мысли и ея движенія; и мы не имѣемъ еще, къ сожалѣнію, истинно-живой и подробной исторіи цивилизаціи. При историческомъ изслѣдованіи этого предмета, мы должны различать три обстоятельства: во-первыхъ, воззрѣнія геніальныхъ умовъ, которые обыкновенно опережаютъ свой вѣкъ на цѣлыя столѣтія; во-вторыхъ, то, что признаетъ за истину образованный классъ общества: и въ-третьихъ то, что постепенно перешло въ массу необразованнаго народа. Тогда мы увидимъ. что въ одно и то же время эти различные классы раздѣлены многими столѣтіями въ своемъ развитіи. Самыми незамѣтными для *своего вѣка* остаются передовые люди духовнаго прогресса, которымъ суждено всегда быть болѣе или менѣе мучениками нравственнаго своего превосходства. Два другіе

[1]) Начавшись на востокѣ фантастической символизаціей и апотеозой явленій *внѣшней природы,* первымъ восходомъ астрологическихъ воззрѣній, скудными астрономическими таблицами Индовъ, эстетически проявившись въ художественной гомерически-гелленской, апотеозѣ *человѣческой природы,* въ миѳологической космологіи гелленизма, въ зачаткахъ аристотельскаго, гиппарховскаго, птоломеевскаго и галенскаго міросозерцанія и естествоиспытанія, да въ проблескахъ новыхъ открытій Герона Александрійскаго,—совершенно новый свѣтъ міросозерцанія открылся ясно въ такихъ новѣйшихъ твореніяхъ, какъ напр. Philosophiae naturalis principia mathematica Ньютона, „изложеніе системы міра“ и „небесная механика“ Лапласа, Systema Naturae Линнея, Histoire naturelle Бюффона, Prodromus Systematis naturalis regni vegetabilis Декандоля, Leçons d'Anatomie comparée Кювье, Philosophie anatomique Жофруа Сентъ-Илера, Химія Лавуазье, Космосъ Гумбольдта, творенія Араго, Леверье, Пуассона, Риттера, Кетле, Циммермана и проч., да въ такихъ открытіяхъ, какъ Дреббеля, Янзена, Уатта и т. д

класса требуютъ, напротивъ, тщательнаго изученія. У обоихъ замѣчаются значительныя разницы, смотря по тому, благопріятствуютъ или нѣтъ внѣшнія условія вліянію великихъ умовъ на образованное общество, вліянію школъ на необразованный классъ народа. Эти разницы, вслѣдствіе которыхъ упомянутые классы то сближаются, то разъединяются, придаютъ данному вѣку то демократическій, то аристократическій характеръ [1]).

Предполагая, главнымъ образомъ, раскрыть дальше земледѣльческое народное міросозерцаніе, я считаю необходимымъ напередъ изложить хоть въ краткихъ историческихъ очеркахъ главныя и важнѣйшія народныя воззрѣнія на міръ и его явленія, насколько позволяютъ находящіеся подъ руками факты и короткій срокъ времени, которымъ покуда могу располагать.

1. Міръ вообще.

«Смутное, ужасающее чувство единства силъ природы, — говоритъ Гумбольдтъ,—сродно и дикому. Внѣшній міръ безсознательно сливается у человѣка съ его внутреннимъ міромъ чудесъ. Но одинъ не есть чистое отраженіе другаго. Что у одного дѣлается основаніемъ натуральной философіи, то у цѣлыхъ племенъ остается плодомъ инстинктивной воспріимчивости. Здѣсь-то въ нѣдрахъ темнаго чувства, заключается и первое побужденіе къ религіи». Обращаясь къ первоначальному міросозерцанію славянскаго народа, мы примѣчаемъ изъ сохранившихся преданій, что первымъ проявленіемъ природной впечатлительности и воспріимчивости славянской натуры было именно это общее смутное, ужасающее чувство единства силъ природы. Оно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первымъ актомъ естественно - религіознаго творчества духа народнаго. Впервые вставши ногой на дѣвственную землю, лѣтомъ покрытую растительностью, зимой--снѣгомъ, ощутивши тепло или холодъ, свѣтъ или тьму, получивъ пищу изъ рукъ матери-природы, или отъ природы же испытавъ неурожай и голодъ, взглянувши на величественныя чудеса звѣзднаго неба, услышавъ первый страшный грохотъ грома, или буйно-могучее, буреломное движеніе воздушнаго океана, — славянинъ, звѣроловъ или пастухъ, вотъ уже невольно весь сталъ и дитя, и рабъ, и ученикъ природы. Всецѣло преданный всѣми живыми чувствами первобытной натуры неотразимо-могучимъ и безконечно-разнообразнымъ впечатлѣніямъ міра, — онъ тотчасъ безсознательно, инстинктивно ощутилъ все величіе и могущество окружающаго его непостижимаго мірозданія, полнаго чудесъ, полнаго могучихъ, вездѣсущихъ, непонятныхъ силъ... «Онъ почувствовалъ, что есть что-то могучее въ окружающемъ его мірѣ, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою,

[1]) Шлейденъ, Этюды, стр. 224.

требующею полнаго и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственною грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто высочайшее и повергся передъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что-нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово «божество», вылетѣвшее изъ устъ человѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая миѳологія начинается съ единобожія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является недѣлимая природа... Въ періодъ своего младенчества, славянинъ былъ погруженъ въ жизнь непосредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ простодушіемъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, сочувствующее человѣку: въ ней видѣлъ онъ родное. Самъ не сознавая того, онъ былъ поэтомъ, жадно всматривался въ картины обновляющейся природы, съ трепетомъ ожидалъ восхода солнца и долго засматривался на старые, но дѣвственные лѣса. Первыя наблюденія, первые опыты его ума принадлежали окружающему физическому міру, къ которому тяготѣли и религія человѣка, и его познанія: и та и другія составляли одно цѣлое, были проникнуты однимъ пластическимъ духомъ поэзіи. Оттого въ наивныхъ повѣрьяхъ славянина столько теплаго, столько изящнаго!» [1])

Съ дальнѣйшими наблюденіями надъ природой, съ постепеннымъ накопленіемъ новыхъ и всѣ болѣе и болѣе разнообразныхъ впечатлѣній, умъ славянина, естественно, вызывался къ мысли, къ работѣ надъ этими данными живой, непосредственной наблюдательности. Отъ новости и разнообразія внѣшнихъ физическихъ впечатлѣній умъ доходилъ до разнообразія новыхъ представленій, до распознаванія многоразличія и особенностей самыхъ явленій природы. Такимъ образомъ, естественно начался анализъ первоначальнаго общаго, религіозно-моноѳеистическаго воззрѣнія на природу. И какъ точка зрѣнія на міръ все-таки сохранялась та же — миѳически-религіозная, по причинѣ невозможности другого образа воззрѣній, при отсутствія раціональнаго познаванія дѣйствительныхъ, сокровенныхъ силъ и законовъ физическаго міра, — то и анализъ общаго понятія о природѣ, какъ единомъ божествѣ, имѣлъ характеръ миѳически-религіозный. Особенно выдающіяся явленія природы, болѣе уловимыя для впечатлѣнія, болѣе ощутительныя въ быту физическія силы отдѣлялись прежде и обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи, общее понятіе о божествѣ, воплощающее въ себѣ всю природу, какъ единую, мало по малу затемнялось, потому что съ нимъ не соединялась опредѣленная субстанція. Могущество, старѣйшинство, благотворное вліяніе,

[1]) Прекрасный взглядъ этотъ высказанъ г. Афанасьевымъ въ Архивѣ Калачова 1855, I—III.

соединявшіяся съ этимъ понятіемъ, переносились на другихъ главныхъ боговъ. И первоначальная религіозно-моноѳеистическая точка зрѣнія на міръ, такимъ образомъ, естественно перемѣнились на религіозно-полиѳеистическую. По вѣрѣ въ одушевленность силъ и явленій природы, по единственно-возможному въ первобытномъ родовомъ состояніи Славянъ пониманію анализа, дѣленія въ формѣ живаго процесса рожденія и родового выдѣленія, раздробленія, — и религіозно-полиѳеистическая точка зрѣнія на міръ была, въ частности, космогонико-ѳеогоническая. По мѣрѣ того, какъ расширялся естество-наблюдательный кругозоръ или взглядъ на явленія природы, распознавалось ихъ многоразличіе, такъ или иначе представлялось ихъ взаимное отношеніе и происхожденіе, ощущалось или подмѣчалось ихъ вліяніе на жизнь природы и человѣка, — по мѣрѣ того, и въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же процессѣ или актѣ мысли и фантазіи, и міръ творился, или составлялась космогонія — одно явленіе міра производилось отъ другаго, и боги рождались, или составлялась ѳеогонія — апотеоза или персонификація явленій и силъ природы въ образѣ живыхъ существъ, боговъ, и наконецъ, творилось природо-подражательное, естественно-изобразительное слово. Такимъ образомъ, и космогонія, и ѳеогонія, и миѳологія или эпосъ, и міросозерцаніе развивались вмѣстѣ. И развитіе природы, и распознаваніе составныхъ частей, стихій и явленій ея, и развитіе или нарожденіе боговъ природы — все это сливалось въ космогонико-ѳеогоническомъ процессѣ религіозно-полиѳеистическаго міросозерцанія [1]). Міръ казался славянамъ-язычникамъ и постепеннымъ откровеніемъ или органическимъ развитіемъ, и вмѣстѣ жилищемъ боговъ, рождавшихся одинъ отъ другого, начиная ab uno deo, отъ единаго божества, олицетворявшаго въ себѣ общее понятіе о природѣ, нисходя, потомъ отъ Сварога — бога неба, небеснаго свѣта вообще до дѣтей Сварога — солнца-царя, огня сварожита и т. д., пока Перунъ, богъ грома и молніи, снова не былъ признанъ верховнымъ господомъ *вселенной* [2]).

[1]) Такъ смотрятъ ученые и на миѳологіи всѣхъ вообще народовъ. Напр. Sepp, въ своемъ сочиненіи Heidenthum und Christenthum, смотритъ на постепенное развитіе языческаго міросозерцанія именно, какъ на космогоническую ѳеогонію, обозрѣвая генераціи боговъ по моментамъ или періодамъ образованія Космоса (creaturlichen Momenten). См. первую часть Kosmische Theologie. Подобное воззрѣніе видно и въ сочиненіи Rink'a, Religion Hellenen. Онъ говоритъ между прочимъ: der Glaube an die Schöpfung, vermöge deren das Weltganze *von Gott dem Geiste* Dasein hat, ist der Naturreligion an sich fremd geblieben, darum dass sie wenigstens zum Theil die *Natur selbst Gott gleich setzte.* Nach Art einzelner Organismen entwickelte sich zufolge heidnischer Anschauungsweise auch das All, *und Natur und Geist* brachen *aus einem gemeinsamen Keime* hervor. Dieser uranfängliche Weltkeim das ist Chaos", и проч.

[2]) Первоначальное понятіе о единомъ Богѣ, какъ апотеозѣ единой, цѣлой природы, сохранялось у Славянъ до позднѣйшихъ временъ язычества. Въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ: „да не имутъ помощи отъ *Бога ни отъ Перуна;* да будетъ клятъ *отъ Бога и отъ Перуна*". Прокопій писалъ: Θεὸν μὲν γὰρ ἕνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι. Гельмольдъ: Inter multiformia vero deorum numina, quibus arva, sylvas, tristitias atque voluptates attribuunt, non diffitentur *unum Deum* in coelis, caeteris imperitantem, illum praepotentem coelestia tantum curare: hoc vero distributis officiis sequentes de sanguine ejus processisse, et unum quemque eo

Въ солнечной системѣ, послѣ тьмы ночной, первобытнаго человѣка, естественно, прежде всего и съ особенною ощутительностью поражалъ *свѣтъ*. Свѣтъ составляетъ не только животворную силу, но и главное обозначающее или оттѣняющее начало и условіе красоты міра и созерцанія этой красоты. Конечно, и дознанная теперь скорость свѣта (77,000 льё въ секунду) едва достаточна для приблизительнаго пониманія громадныхъ, безпредѣльныхъ размѣровъ видимаго міра. Но все же, и для первобытнаго человѣка, ясный солнечный свѣтъ обусловливалъ возможность обзора наибольшаго пространства окружающаго міра. Вслѣдствіе такого впечатлѣнія свѣта на кругозоръ человѣка, Славяне назвали *міръ свѣтомъ, бѣлымъ свѣтомъ*. Какъ греческ. κόσμος опредѣляетъ собственно понятіе о прекрасномъ, гармоническомъ, изящномъ устройствѣ міра, латинское mundus тоже означаетъ чинный, блестящій, стройный порядокъ міра, — такъ и славянское названіе міра *бѣлымъ свѣтомъ* выражаетъ собственно понятіе о свѣтовой матеріи, о блескѣ и красотѣ видимаго, освѣщаемаго небеснымъ свѣтомъ міра. Точно также литовск. swietas, древне-прус. switai, волош. lume, венгер. vilag означаютъ *свѣтъ* и *міръ* [1]).

Затѣмъ, вмѣстѣ съ разселеніемъ славянскихъ племенъ, какъ говорится въ актахъ, *по землѣ и по водѣ, по рѣкамъ, на лѣсѣхъ и въ полѣхъ*, вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ распространеніемъ славянскихъ земскихъ міровъ и съ устройствомъ изъ цѣлаго пространственнаго объема, изъ естественно-земской совокупности ихъ цѣлаго земскаго, географическаго міра, *всего міра*, — въ міросозерцаніи славяно-русскомъ развилось новое, болѣе тѣсное представленіе о физическомъ мірѣ, о вселенной. Тогда народъ еще не могъ разсматривать и понимать внѣшнюю природу въ отвлеченности отъ себя самого, отъ своего земскаго кругозора и быта. Какъ все его земское, бытовое міроустройство было чисто естественно, опредѣлялось непосредственно натуральными условіями и двигателями, шло напр. *по передѣламъ рѣчнымъ*, или *по веревкѣ*, т. е. по измѣренію земель веревкою, или *по ухожаямъ бортнымъ, бобровлимъ, рыболовлимъ* и т. д., или, наконецъ, такъ, *куда шелъ топоръ, шелъ плугъ, шла коса и соха*: такъ и міросозерцаніе славяно-русскихъ племенъ не выходило изъ этой узкой, тѣсной геометрической или географической среды земскаго міроустройства. И въ позднѣйшее время, въ XVII вѣкѣ, поселенцамъ острововъ Бѣлаго моря и сѣвернаго поморья материкъ русской земли казался цѣлой *вселенной*: такъ они называли ее [2]). Точно такимъ же образомъ, и первоначально, въ эпоху своего разселенія по огромнымъ пространствамъ сѣверо-востока и

---

praestantiorem, quo proximiorem illi Deo deorum. Chron. slavor. Объ умноженіи или нарожденіи боговъ, вслѣдствіе начавшагося анализа природы, см. Полн. Собр. Лѣт. 11, 5. Въ словѣ и откров. св. апостолъ читаемъ о славянахъ: „и до сего дне есть въ поганыхъ: глаголютъ бо, ово суть бози *небесніи*, а друзіи *земніи*, а друзіи *польстіи*, а друзіи *водніи*, и проч. Лѣтоп. р. литер. кн. 5, 11, стр. 5.

[1]) Grimm, D. M. 753—755.

[2]) Земля Московскаго государства постоянно называется въ грамотахъ Соловецкому монастырю Аѳонасія архіепископа Холмогорскаго *вселенной*. Рукп. Солов. Сборн. архіер. грам. №№ 19 и 20.

географическаго распространенія міровъ, — Славяне, по своимъ понятіямъ *о вьселеніи* и *мірѣ*, назвали *вселенной, вьсѣмъ міромъ* и все это, исполненное могучихъ силъ, необъятное никакими механическими произведеніями, непостижимое для человѣческаго ума, безконечное космическое пространство. Иначе, и силъ, и средствъ не хватало у первоначальной неразвитой мысли, неспособной къ глубокимъ и обширнымъ отвлеченностямъ, и у первобытнаго природо-подражательнаго языка младенчествующаго народа, чтобъ выразить въ полномъ объемѣ идею космоса. Узкій геометрическій или умственный кругозоръ Славянъ, не простиравшійся далѣе предѣловъ ихъ географическаго, земскаго міроустройства и міросозерцанія, только и могъ выработать для выраженія общаго понятія о мірѣ два такихъ естественно-бытовыхъ слова, какъ *весь міръ* и *вьселенная*, которыя одни во всѣмъ языкѣ наглядно, чувственно-образно выражали представленіе о самомъ наибольшемъ воображаемомъ пространствѣ. И не одни славяне первоначально такъ съуживали въ своихъ воззрѣніяхъ безпредѣльный объемъ міра. Почти во всѣ времена, до великаго открытія Торунскаго каноника, люди считали себя и населенную ими землю центромъ, средоточіемъ міра, пока Коперникъ не разбилъ это невѣжественное самообольщеніе человѣчества. Греки назвали міръ также отъ узкаго района и средоточія своихъ или вообще человѣческихъ поселеній — οἰκουμένη и μεσογαία. Ульфила перевелъ эти слова по готски midj-ungard, а греческ. κόσμος перевелъ manasêps, что означаетъ virorum satus, сѣмя мужей, людей, и родственно греческ. λαός, народъ. Нѣмцы и скандинавы представляли и называли міръ midgardr, mittingard, mediegard и т. п. Такъ точно и Славяне, по пространственному объему и кругозору всего своего земскаго міроустройства и міросозерцанія, какъ по возможно-наибольшей геометрической или географической величинѣ, называли и весь космосъ *вселенной* и *вьсѣмъ міромъ*, отъ умозрительной комбинаціи всѣхъ своихъ земскихъ міровъ и поселеній, взятыхъ въ совокупности. Въ такомъ значеніи, славяно-русское понятіе о мірѣ встрѣтилось съ христіанскимъ греческимъ міровоззрѣніемъ, и въ такомъ смыслѣ употреблено въ первмъ переводѣ на славянскій языкъ евангелія и апостола. Въ древнемъ переводѣ чтеній евангелія и апостола слова *вьсь міръ* употреблены, какъ равнозначительное греческ. κόσμος. Напримѣръ: явися вьсему миру — φανέρωσον σεαυτὸν τῷ κόσμῳ (Іоан. VII, 4); прежде сложенія вьсего мира: πρὸ καταβολῆς κόσμου. (Ефес. I, 4). Въ такомъ же значеніи слово *весь міръ* употреблено въ извѣстныхъ договорахъ съ греками. Русскіе, заключая міръ съ греками, хотѣли сътворити любовь .... съ всѣми людьми греческими на вся лѣта, дондеже сіяеть солнце и *вьсь міръ* стоитъ, т. е. свѣтитъ солнце и существуетъ вселенная. Впрочемъ, слово *міръ* и отдѣльно безъ *вьсь* употреблено въ значеніи κόσμος, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго выраженія втораго договора Олега съ греками: въ лѣто отъ зьдания *міру*, и проч. Греческ. οἰκουμένη переводилось почти однозначительнымъ словомъ *вьселенная* [1]).

[1]) Какъ греч. οἰκουμένη происходитъ отъ οἶκος домъ, мирная обитель, такъ и славян. *миръ* первоначально означало миръ, мирная обитель, кругъ семьи. Равнымъ

Въ то время, когда начался миѳологическій анализъ явленій природы и производимыхъ ими на человѣка впечатлѣній, и когда славяне вели еще звѣроловный или пастушескій бытъ и только что переходили къ земледѣльческому, — необъятная и непонятная громада мірозданія возбуждала въ пытливыхъ умахъ бездну вопросовъ, давала бездну живыхъ образовъ и впечатлѣній живой, пылкой фантазіи славянина, рождала множество новыхъ своеобразныхъ, наивныхъ представленій въ его младенческой мыслительности. Пытливая любознательность все больше возбуждалась. Между тѣмъ, славянинъ, звѣроловъ или пастухъ, ясно, подробно и отчетливо зналъ только то, что онъ ловилъ звѣрей, пасъ скотъ, топилъ очагъ, ходилъ по полямъ, и т. п. А вокругъ, въ необъятномъ пространствѣ вселенной, особенно въ звѣздной природѣ, все было для него изумительно, таинственно, загадочно, непонятно, невыразимо. Зооморфическій эпосъ не успѣвалъ и во всей цѣльности и яркости не могъ комбинировать безконечныя, поразительныя впечатлѣнія природы въ самые разнообразные и причудливые миѳическіе образы самой широкой, игривой, животворческой юной фантазіи. Ни разнообразныя пѣсни, всецѣло посвященныя природѣ, полныя самаго теплаго, самаго живого сочувствія и созвучія съ природой, ни коло хороводное — этотъ весенне-жизненный, естественно-соціальный символъ солнца, — ни обрядовыя игры и забавы, такія наивно простыя, естественно-художественныя и здоровыя увеселенія старыхъ и молодыхъ поколѣній обоихъ половъ въ гостяхъ у природы, на поляхъ, на лугахъ, — вовсе не выражали, въ своихъ символическихъ формахъ и въ эпическихъ изображеніяхъ природы, не только всей широты, высоты, полноты и глубины неба и земли, но и тѣхъ впечатлѣній, образовъ и думъ, какія непрерывно порождала природа въ пробуждавшейся мысли и фантазіи. Впечатлѣнія и представленія, наконецъ, становились для пробужденной пытливой любознательности неотразимыми, невольными, даже мучительными вопросами. И вопросы эти копились, по мѣрѣ накопленія новыхъ впечатлѣній и представленій. Работа анализа совершалась дѣятельно въ любознательномъ, пытливомъ умѣ, начавшемъ различать и обозначать осо-

---

образомъ, и коренной смыслъ слова *вселенная* собственно намекаетъ на самое первое *вселеніе* семьи въ избу, въ домъ. Потомъ уже, постепенно расширившись до болѣе общаго и отвлеченнаго значенія, слова миръ и вселенная стали означать мірозданіе. Отсюда это эпическое сближеніе свѣтилъ космоса съ теремомъ и съ семьей:

Чюдо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря — въ теремѣ заря...
Первый теремъ — свѣтелъ мѣсяцъ
Другой теремъ — красно солнце
Третій теремъ — часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ — хозяинъ самъ,
Красно солнце — хозяюшка,
Часты звѣзды — ихъ дѣтушки.

быми названіями отдѣльныя явленія и части міра. При неразвитости въ мышленіи силы отвлеченія и обобщенія, возникали уподобленія, сравненія, а отсюда — пословицы, притчи (παραβολή, παροιμία. Явилась сродная съ ними загадка — первый актъ рождавшейся потребности познаванія природы, первый смѣлый вопросъ пробужденнаго разума о таинственныхъ силахъ и явленіяхъ міра. Какъ все тяготѣло человѣка къ внѣшнему, окружающему міру, исполненному таинъ и чудесъ — и бытъ и вѣрованія, — такъ и пословица и загадка прежде всего остановились на вопросахъ о мірѣ, о вселенной. Какъ по скандинавскому преданію, извѣстному подъ именемъ Wathfrudnismal, богъ Одинъ, скрывшись подъ видомъ путника (gângrädr), соперничая загадками съ великаномъ изъ рода іотовъ, именемъ Ватфрудниромъ, — задавалъ ему загадки прежде всего о мірѣ, изъ космогоническихъ преданій скандинавовъ: «Откуда произошли въ началѣ земля и небо? Отъ чего у насъ мѣсяцъ, что ходитъ надъ людьми, и отъ чего у насъ солнце? Отъ чего у насъ день, что ходитъ надъ народами, и отъ чего у насъ ночь съ новолуніемъ?» Такъ и по славяно-русскому эпосу, передъ временемъ распространенія на Руси христіанства Владиміромъ, уже занимали пытливые умы народные такія загадки:

Отъ чего у насъ бѣлый свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отъ чего звѣзды частыя?
Отъ чего ночи темныя?
Отъ чего зори утренни?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
Отъ чего у насъ міръ-народъ?

Въ эту то эпоху загадочнаго, приточнаго образа міровоззрѣнія, еще во времена пастушескаго быта нашихъ предковъ — славянъ, образовалось общее образно-пастушеское воззрѣніе на вселенную, и, воспринявъ впослѣдствіи нѣкоторые оттѣнки земледѣльческаго культа, сохранилось въ крестьянствѣ до нынѣ. Когда настала пора міросозерцательнаго анализа и естество-испытательной загадки, — пытливый, но не дальнозоркій умъ пастуховъ - славянъ ясно примѣчалъ на безпредѣльной темноголубой синевѣ звѣзднаго неба разнообразіе свѣтилъ, замѣчалъ особенность или отличіе земли отъ солнца, луны и звѣздъ, но не могъ обобщить все это разнообразіе міровыхъ тѣлъ въ одно общее представленіе о вселенной, не могъ обнять всей безпредѣльной, необъятной цѣлости космоса, не могъ понять внутренняго состава, механизма и движенія мірозданія, и все это выразить въ общемъ, отвлеченномъ опредѣленіи. Доступная, непосредственно ближайшая точка кругозора была одна — пастушески-бытовая. И вотъ, пытливый, любознательный умъ славянъ-пастуховъ, гадая о чудесахъ звѣзднаго и земного міра, бралъ образы для выраженія своихъ впечатлѣній и наблюденій отъ своего пастушескаго, скотоводнаго быта. Но могъ ли такой ничтожный, узкій кругозоръ, какъ первобытно - пастушеская точка зрѣнія, обнять безконечное, необъятное пространство космоса, вдругъ, во

всей его цѣльности, полнотѣ и гармоніи? Могъ ли умъ младенчествующаго народа понять законы и механизмъ мірозданія, для объясненія котораго нужны тысячелѣтніе труды современныхъ геніевъ, могъ ли, слѣдовательно, выразить идею Космоса, — на что нуженъ геній Гумбольдта! По неволѣ, младенчествующій, пастушескій умъ созерцалъ и представлялъ чудеса вселенной такъ, какъ они непосредственно, наглядно казались простому глазу, различалъ и комбинировалъ только отдѣльныя, наиболѣе поразительныя части вселенной, а фантазія облекала эти воззрѣнія и представленія образами пастушескаго быта, заимствуя ихъ изъ земско - бытовой дѣйствительности и наглядности. Недостаточными оказывались образы быта,—ихъ восполняли впослѣдствіи чертами земледѣльческихъ и домашнихъ понятій, а позднѣе, когда стали познавать книжную мудрость, прибѣгали и къ болѣе или менѣе отвлеченнымъ представленіямъ. И все таки, отъ временъ отдаленнаго пастушескаго быта до настоящаго времени, нашъ простой, сельскій народъ почти нисколько не подвинулся дальше первоначальнаго, узкаго, пастушески-земледѣльческаго и домашне - очаговаго воззрѣнія на вселенную. Деревенскій мужикъ нашъ, а также и необразованный купецъ и мѣщанинъ, сколько уменъ, находчивъ, хитеръ ловко изворотливъ въ практикѣ житейской, особенно въ практикѣ мірской, закрѣпленной вѣковымъ смысломъ и опытомъ народнымъ,—столько же, къ прискорбію, близорукъ, невѣжественъ и суевѣренъ въ міросозерцаніи,—въ чемъ, впрочемъ, вовсе не онъ одинъ виноватъ... Весь опутанный, заваленный, задавленный житейскими заботами, коснѣя почти въ первобытномъ состояніи непосредственно натуральнаго сельскаго и городскаго хозяйства, весь погруженный, такъ сказать, въ землю, въ земледѣліе, да въ простое, элементарное ремесло, — простой народъ нашъ едва ли когда и возвышаетъ серьозно, пристально, пытливо свою мысль въ безпредѣльныя высоты мірозданія, едва ли можетъ, при теперешнихъ бытовыхъ и умственныхъ условіяхъ, оторваться отъ земного кругозора и возвыситься до общаго, возможно отчетливаго, разумнаго представленія и обобщенія тѣхъ чудесъ, какія раскрываетъ намъ «Космосъ» Гумбольдта. Онъ и теперь не имѣетъ общаго, разумно сознательнаго понятія о мірѣ, и не мыслитъ иначе объ немъ, какъ въ старой формѣ притчи, загадки, пословицы. Въ своемъ вѣковѣчномъ мірскомъ словѣ, въ загадкѣ и пословицѣ, онъ доселѣ повторяетъ, съ небольшими измѣненіями, то извѣковѣчное общее воззрѣніе на вселенную, какое образовалось во времена пастушескаго быта и отчасти восполнилось въ послѣдующій періодъ земледѣльческой культуры. Привнесены только нѣкоторыя черты изъ средневѣковой исторіи полеводства и скотоводства, напр., представленіе звѣздъ подъ образомъ скота монастырскаго, астраханскаго, или книжное представленіе о стояніи неба и земли, и т. п. Вотъ какія воззрѣнія на вселенную высказываетъ нашъ сельскій народъ, въ формѣ загадокъ, въ своихъ пословицахъ: «Велико поле колыбанское, много на немъ скота астраханскаго, одинъ пастухъ, какъ ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Поле поливанское, много скота Ивановскаго, одинъ пастырь и два яхонта (небо, звѣзды, Богъ, луна и солнце). На морѣ на Коробанскомъ, много скота тараканскаго, одинъ пастухъ Ко-

ролецкій (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Широко поле Карагайское, на немъ много скота тараканскаго, одинъ пастухъ, ровно ягодка (тоже). Есть поле сіянское, въ немъ много скота монастырскаго, одинъ пастухъ, словно ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Полна печь перепечей, середи печи коровай (небо, звѣзды и мѣсяцъ). Разстелю рогожку, насыплю горошку, поставлю квасу кадушку, положу хлѣба краюшку (небо, звѣзды, мѣсяцъ, воздухъ, дождикъ). Два стоящихъ, два ходящихъ и два минующихъ (небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь). Два стоятъ, два ходятъ, двое промежъ ними часы стерегутъ (небо и земля, солнце и луна, день и ночь). Цвѣтетъ безъ цвѣту, стоитъ безъ отвѣту, безъ коренья, выше лѣсу, чаще рощи, безъ умолку, безъ перемѣны (Папоротникъ, конь, камень, свѣтелъ мѣсяцъ, часты звѣзды, рѣки, воля Божья). Поле войлочное, огородъ кожаный, овцы аржанскіе, пастухъ уховскій (небо, земля, лѣсъ, лѣшій). Сколько до неба высоко, по землѣ широко, до мертвыхъ далеко? Если бъ высоко, то тамъ бы гремѣло, а здѣсь бы не слыхать было; если бъ широко, то солнышко въ семичасовой день не обошло бы кругомъ; а умеръ отецъ и дѣдъ—такъ ихъ и нѣтъ. Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся (небо и земля). Стоитъ дубъ стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (міръ, небеса и солнце)» [1]).

Изъ этихъ воззрѣній народныхъ видно, что нѣкоторыя изъ нихъ перешли въ народныя пословицы, черезъ граматниковъ, изъ книжной литературы, изъ азбукъ и прописей, изъ апокрифической бесѣды трехъ святителей, изъ сборниковъ. Старая книжная, особенно апокрифическая литература, сохраняющаяся и теперь въ массѣ народной, не чужда была космологическихъ загадокъ. Напр., въ повѣсти о Дмитріи Кіевскомъ купцѣ и его сынѣ «добромудромъ Смыслѣ» читаемъ: «рече царь (Несмѣянъ Гордяевичъ): тебѣ глаголю, дѣтище, загадку мою: много ли тово, или мало отъ востоку и до западу, — скажи ми? И глагола дѣтище: загадку твою отгадаю: тово, царю, ни мало, ни много—день съ нощію: солнце проидетъ въ кругъ небесный и отъ востоку и до западу единымъ днемъ, а нощію единою солнце проидетъ отъ сѣвера до юга; то тебѣ, царю, моя отгадка». Въ рукописной прописи 1749 года встрѣчаемъ такія общія космологическія загадки: *Вопросъ.* Сколь высоко отъ земли до небесъ, а отъ небесъ до земли, а отъ земли до бездны, сколь глубоко? *Отвѣтъ.* Небесную высоту невозможно человѣку исповѣдать, точію измѣрилъ отъ небесъ до земли и отъ земли до бездны сатана — за гордость сверженъ бысть съ небеси. *Вопросъ.* Два стоятъ и два идутъ и два минуются. *Отвѣтъ.* Два стоятъ — небо и земля; два идутъ солнце и луна, два минуются день и нощь [2]). Въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей: В. что есть дивнѣя всего человѣку?—Толкъ: небо и земля дивно и все дѣло Вышняго. В. рече: что высота небесная, широта земная, глубина морская? Иванъ рече: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ. Въ одномъ Солов. сборникѣ эта космологическая загадка

[1]) Сборн. пословицъ Даля, подъ словомъ: *вселенная.*
[2]) Архивъ Колачева, кн. III, отд. III, 14—17.

рѣшается такъ: В. что есть широта, и долгота, и высота? Толкъ: знаменуетъ убо высотою *небесная*, глубиною же *преисподняя*, широтою же и должиною *послѣдняя концы* всесильною державою содержима. Сибо образъ божественный Давидъ воспѣлъ есть, глаголя: аще взыду на *небо*—се есть высота; аще сниду во адъ—се есть *глубина преисподняя*; аще возму крылѣ мои рамо—се есть *солнечное восхожденіе*, се есть широта; аще вселюся въ послѣднихъ моря—се есть западныя страны, се есть должина [1]). Такими пустыми міросозерцательными загадками занимались древніе книжники, граматники. Сами они ничего не писали о природѣ, и, вотъ, только и переписывали такія отрывочныя и большею частію безсмысленныя замѣтки о физическомъ мірѣ, пропитанныя восточнымъ спиритуализмомъ и догматизмомъ. Настоящаго понятія о мірѣ книжники, грамотѣи, такъ же какъ и безграмотный народъ, не имѣли. А читали, напримѣръ, такія опредѣленія міра: «міръ троякъ: первый міръ невидимый, различные родове ангельскіе, разумные духи свѣтовидные; вторый міръ — небо и земля и вся яже въ нихъ; третій міръ въ грядущемъ вѣцѣ. Сей весь міръ сынъ Божій сотвори» [2]). Или повторяли византійскія уподобленія міра яйцу, возникшія еще на востокѣ изъ миѳовъ о космогоническомъ или міровомъ яйцѣ. Напр.: «о велицѣ дни и о яйцѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина: небо и земля по всему подобны яйцу: скорлупа аки *небо*, плева яко *облацы*, бѣлокъ яко *вода*, желтокъ яко *земля*,» и т. д. [3]).

Своеобразныя и заимствованныя народныя понятія о мірѣ особенно характеристично выразились въ разныхъ сказаніяхъ о началѣ и концѣ міра. Почти всѣ индоевропейскія космогоническія преданія, въ основныхъ началахъ, ведутъ свое происхожденіе отъ пламеннаго восточнаго воображенія. Въ древности не знали современныхъ наукъ геогнозіи и геологіи, которыя, на основаніи опытовъ, раскрываютъ намъ грандіозную картину естественно-историческаго самообразованія міра. Тогда только занимались миѳологической космогоніей и, еще частнѣе, геогоніей, такъ какъ землю считали центромъ мірозданія. При отсутствіи положительныхъ знаній, при пламенности восточной фантазіи, — восточныя космогоніи наплодили множество разныхъ фантастическихъ ученій о мірозданіи. Всѣ эти восточныя сказанія, на разные лады миѳологически варіировавшія ученіе объ образованіи земли изъ яйца разныхъ птицъ, изъ воды, при содѣйствіи огня и проч.—перешли въ началѣ христ. эры къ первоначальному христіанству и, въ смѣшеніи съ еврейскимъ и христіанскимъ космогоническимъ ученіемъ, породили разныя гностическія ученія о мірѣ и его происхожденіи. А изъ этихъ источниковъ, черезъ апокрифы, перешли и къ славянамъ. Древнія космогоническія преданія славянъ, источникъ которыхъ теряется въ общихъ индо-европейскихъ сказаніяхъ, и которыя сохранились до насъ въ обломкахъ, въ отрывочныхъ сказаніяхъ, напр., въ преданіи объ образо-

[1]) Сборн. Солов. библ. № 864.

[2]) Рукоп. В. И. Григоровича. Сборн. начинающ. Симфоніей или своднымъ указателемъ текстовъ св. писанія.

[3]) Сл. Plinii, Histor. Natur., t. I, p. 1; ὅμειον τοῦ ᾠοῦ σχήματι κόσμος и проч.

вательныхъ элементахъ *царь-огнѣ* и *царицѣ-водѣ*, объ островѣ буянѣ на морѣ-океанѣ, о космогоническомъ яйцѣ, о голубяхъ, участвовавшихъ въ творенiи мiра, объ огненномъ морѣ и огненной рѣкѣ или нептуническомъ и вулканическомъ процессѣ земной внутренности, о дубѣ первопосаженномъ, объ участiи въ творенiи мiра черногоговъ и бѣлбоговъ [1]), и т. п.,— всѣ эти смутныя языческiя преданiя смѣшались, въ среднiе вѣка, съ восточно-христiанскими, и, въ частности, съ апокрифическими, манихейскими и гностикобогомильскими сказанiями. Въ новой, христiанско-апокрифической формацiи, они выразились разнообразно. Въ однихъ преобладаетъ апокрифо-космогоническiй, язычески-гностическiй и манихейско-богомильскiй дуализмъ. Мiръ творили, по этимъ сказанiямъ, два начала: предвѣчное, высшее существо Саваофъ (ὁ σαβαωθ) [2]) и противоположное ему темное, злое существо — сатана (ὁ σατανας), по нашимъ народнымъ сказанiямъ, *сатанаилъ* и *чортъ*. Такъ излагается это космогоническое мiровоззрѣнiе въ извѣстной апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей, возникшей подъ влiянiемъ восточно-гностическихъ и манихейски-богомильскихъ ученiй, и занесенной къ намъ первоначально, вѣроятно, изъ Болгарiи или Сербiи. Въ одной редакцiи ея, вѣроятно, сербо-болгарской, сообщенной намъ В. И. Григоровичемъ, такъ изображается творенiе мiра: «прежь земли бысть Господь Саваофъ — въ трехъ комарехъ на воздусѣхъ. И помысли себѣ Господь Саваофъ, безначальный отецъ, и тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго сына Божiя господа нашего Iисуса Христа, изъ устъ своихъ Духъ свой святой испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на седмидесяти тьмахъ тысящь и будите озера и облаки и звѣзды и свѣтъ и вѣтръ, и дуну изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади; мразъ — отъ лица Господня, а громъ — гласъ господень въ колесницѣ огненнѣй утвержденъ, а молнiя — слово господне изъ устъ Божiихъ исходитъ, а солнце — отъ нутреннiя изы господни, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди тма столповъ на воздусѣхъ. И рече Господь: буди на земли море тивирiадское, вода соленая. И сниде господь по воздуху на море тивирiадское и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему: гоголе, ты кто еси? И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ, понурися въ море, и вынь земли и камень, и преломи на двое, изъ лѣвыя руки дасть сатанѣ половину камени, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Богъ отъ искрь огненныхъ Михаила архангела и Гаврiила—взлетѣли ангели. Сатана жъ изъ камени (сотвори) бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите тридесять три кита на морѣ тивирiадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля» [3]). Это сербо-болгар-

[1]) Народныя космогоническiя сказанiя подробно изложены нами въ Правосл. Собесѣдн., въ апрѣльск. кн. за 1861 годъ. См. также объ этомъ: во Временникѣ статью Афанасьева объ островѣ Буянѣ, Буслаева—историч. очерки народн. литер. 1, 143—150.

[2]) Иначе: πατὴρ ἀγνῶστος, по геллинск. гносису ἡ μόνας, θεὸς ἄῤῥητος, по египет. гносису βυθός, προπάτωρ, προαρχή.

[3]) Изъ выписокъ В. И. Григоровича: изъ сборника М. Слѣпче. Въ XII вѣкѣ [illegible] высказывали подобное дуалистическое космогоническое представленiе.

ское воззрѣніе сильно отразилось въ нашемъ народномъ космогоническомъ міросозерцаніи. На разныя варіаціи, оно повторяется почти во всѣхъ концахъ русской земли. Не только крестьянскіе граматники, но и дьячки, особенно старые, доселѣ переписываютъ апокрифич. бесѣду трехъ святителей въ свои сборники и тетрадки. По всѣмъ этимъ сказаніямъ, міръ творили Богъ и сатанаилъ или чортъ вмѣстѣ: сатана все больше портлилъ и творилъ безобразныя созданія — гадовъ, мошекъ или неровности земныя — горы, и т. п.; а Богъ творилъ все высшее и прекрасное, все приводилъ въ порядокъ и гармонію. Міръ производится ими изъ горсти земли, или изъ песка, либо камня, взятаго со дна морского, и проч. Разные варіанты и образчики современной, чисто русской народной редакціи космогонической части апокрифической бесѣды изложены нами въ другомъ мѣстѣ. Не повторая ихъ здѣсь, мы приведемъ простонародный русскій разсказъ *о сотвореніи міра* изъ сборника г. Якушкина: «сталъ господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіянъ: надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господи: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіянъ-море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насѣять!» — «Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый, — никакого толку! — «Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, — на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли». Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли; вынурнулъ: глядь — всю землю водою размыло. Опустился въ другой,—тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и, по Божьему повелѣнью, оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку, и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодьями.—«Будемъ съ тобою, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу:—ты будешь меньшой братъ, я большой!»—Господь усмѣхнулся. «Будемъ, Господи, братьями ровными». — Господи усмѣхнулся опять. — «Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшой!»—Возми, говоритъ Господи, возьми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы». — Лукавый взялъ Господи за ручку выше локотка; жалъ ручку изо всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю.—Люди, да еще святые люди, нарицаются сыны Божіи; а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣсть» [1]). Этою сентенціею заключается русскій разсказъ, соотвѣтствующій извѣстной сербской сказкѣ въ сборникѣ Вука Караджича [2]).

Въ другихъ народныхъ русскихъ сказаніяхъ о мірозданіи, подъ вліяніемъ старыхъ миѳологическихъ и новыхъ, библейско-христіанскихъ представленій, выразился своеобразный антропомофически - космогоническій эманатизмъ. Или, просто, различныя части міра производятся изъ тѣла Божія, а человѣкъ—отъ важнѣйшихъ и существенныхъ составныхъ частей

---

[1]) Лѣтоп. руск. литерат. кн. II (1859), стр. 100.

[2]) Въ сборн. Солов. библ. подъ № 925.

природы. Въ извѣстномъ космогоническомъ стихѣ о Голубиной книгѣ такъ изображается происхожденіе міра и человѣка:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самаго Христа Царя небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господніихъ;
Зори утренни отъ очей Господніихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ Самаго Христа,
Самаго Христа, Царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ;
У насъ міръ—народъ отъ Адамія;
Кости крѣпки отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь руда наша отъ черна моря.

Это космогоническое міровоззрѣніе, особенно преданіе о сотвореніи человѣка изъ составныхъ физическихъ элементовъ, глубоко вкоренилось въ народныя вѣрованія. Въ бесѣдѣ трехъ святителей, съ небольшими отмѣнами, постоянно повторяется такое представленіе: «Г. р. отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ? В. р. отъ осьми частей: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ камени кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта... (по вар.) духъ» [1]). Это космогоническое представленіе о составѣ человѣческой природы доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно какъ догматъ въ расколѣ духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человѣка: человѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ имѣлъ тѣло лучшаго, совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ *мирномъ тѣлѣ*. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Это суевѣріе достойно замѣчанія еще потому, что служитъ дополненіемъ къ стиху о Голубиной книгѣ и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями. Въ нѣмецкой поэмѣ о четвероевангеліи XII вѣка такъ же представляется созданіе жилъ изъ корней, волосъ изъ травы, ума отъ облака и глазъ отъ солнца:

[1]) Сборн. Сол. библ. № 925. Послѣднее слово неразобрано въ рукописи. Надобно замѣтить, что по примѣру Григорія Богослова, наши старинные книжники любили сравнивать микрокосмосъ съ макрокосмосомъ, и въ человѣкѣ видѣли отраженіе космоса. Напр., въ вышеупомянутомъ сборникѣ В. И. Григоровича читаемъ: „Богословцы рѣша, яко человѣкъ есть вторый міръ малъ: есть бо *небо* и *земля*, и яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая: отъ пупа до главы яко *небо*, и паки отъ пупа дольняя его часть яко *земля*; ибо земля имѣетъ силу рождательную и прохожденіе водъ и звѣрей тѣлесоразялительныхъ (sic); тако и въ сей нижней части человѣка сія суть. Паки же въ горней части его, яко на *небеси свѣтила, солнце* и *луна, громъ, вѣтръ*, сице и въ человѣкѣ и во главѣ, очи и гласъ и дыханіе и мгновеніе ока, яко *молнія* скорошественно, наипаче же всѣхъ умъ, вся видяй, видимая и невидимая, и обдержа яко горстію, скорошественъ, проходя невозбранно небо и землю", и т. д.

Von den wrcen gab er ime (Богъ человѣку) di âdren,
Von dem grase gab er ime daz hâr,
Von den wolchen daz müt
Dû habet er ime begunnen
Der ougen von der sunnen [1]).

По одной колядкѣ Карпатскихъ руссовъ, міръ творятъ два голубка, сидящіе на дубовыхъ древахъ, которыя одни только во всемъ свѣтѣ поднимались изъ всемірнаго, необъятнаго океана. И творили они міръ изъ камушка и песочка. Чтобы видѣть, какъ отдаленное преданіе сохраняется въ памяти народа, хотя и въ неясныхъ, неопредѣленныхъ намекахъ, приведемъ ее сполна:

Колись то було зъ початку свѣта,
Подуй же, подуй Господи, зъ Духомъ Святымъ по землѣ!
Втоды не було неба ни земли,
Неба ни земли, нимъ сине море,
А середъ моря та два дубойки:
Сѣли—упали два голубойци,
Два голубойци на два дубойки,
Почали собѣ раду радити,
Раду радити и гурковати:
Якъ мы маемо свѣтъ основати!
Спустиме мы ся на дно до моря:
Вынеме си дрибного писку,
Дрибного писку, синёго каменьце,
Дрибный писочокъ посѣеме мы,
Синей каменецъ подунеме мы,
Зъ дрибного писку—чорна землиця,
Студена водиця, зелена травиця,
Зъ синего каменьця—синьее небо,
Синьее небо, свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ
Ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки [2]).

Эта колядка имѣетъ связь съ цѣлымъ космогоническимъ эпосомъ. Миѳъ о сотвореніи неба и земли отъ птицы ведетъ свое начало съ Востока. По еврейскому преданію, Духъ Святый, въ видѣ голубя, носился надъ міровой матеріей и оживотворялъ ее. По ассирійско-вавилонскому миѳу, въ началѣ положено было въ Евфратъ огромное яйцо Неба, рыба выбросила его на берегъ, *голубь* высидѣлъ это яйцо, и изъ него началъ твориться міръ. По Геродоту, баснословная птица фениксъ, которую нѣкоторые также считаютъ за голубя, юная птица времени, первая образовала изъ мирры

[1]) Въ латинской припискѣ къ одной рукописи X вѣка—такое же представленіе: Octo pondera de quibus factus est Adam: pondus limi, inde factus (sic) est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.

[2]) Сборн. русск. дух. стиховъ, сост. Варенцовымъ, 239.

(смирны) яйцо, положила его къ своему отцу, и скрыла въ святилищѣ Геліоса въ Египтѣ: изъ этого яйца развился міръ [1]). По финскому эпосу, въ началѣ, когда ничего не было, кромѣ моря, орелъ свилъ гнѣздо на колѣнѣ Вэйнэмейнена, и положилъ въ него яйцо: Вэйнэмейненъ, почувствовавъ въ себѣ теплоту, ухватился за колѣно; яйцо упало въ море, и онъ сотворилъ изъ него землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Касательно двухъ дубовъ, упоминаемыхъ въ колядкѣ, должно замѣтить, что дубъ—дерево міровое, священное, принадлежащее преимущественно Перуну. Подъ образомъ дуба-стародуба, народъ нашъ созерцаетъ вселенную. Такъ въ пословицѣ своей онъ гадаетъ о вселенной: «стоитъ *дубъ-стародубъ*, на томъ дубѣ-стародубѣ сидитъ птица-веретеница; никто ее не поймаетъ; ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (міръ, небеса и солнце) [2]). О всеміpномъ дубѣ въ одной выдержкѣ изъ рукописи проф. Григоровича читаемъ: «Вопросъ: Скажи мнѣ, что держитъ землю? Отвѣтъ: Вода высока.—Да что держитъ камень?—Четыре золотые кита.—Да что держитъ золотыхъ китовъ?—Рѣка огненная.—Да что держитъ тотъ огонь?—Другой огонь, еже есть пожечь, того огня двѣ части.—Да что держитъ тотъ огонь?—*Дубъ* желѣзный, *еже есть первопосажденъ отъ всегоже, коренiе на силѣ Божiей стоитъ*». Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ такъ описано *міровое древо жизни*: «А посреди рая *древо животное, еже есть божество.* И приближается верхъ того древа до небесъ. Древо то златовидно, въ огненной красотѣ. Оно покрываетъ вѣтвями весь рай. Имѣетъ же листья отъ всѣхъ деревъ и плоды тоже. Исходитъ отъ него сладкое благоуханье; а отъ корня его текутъ млекомъ и медомъ 12 источниковъ». Этому всеміpному древу соотвѣтствуютъ греческое космическое дерево Μελία, ясень [3]), и особенно скандинавское міровое дерево иггдразиль (Uggdrasil), которое обнимаетъ небо, землю и преисподнюю (Hölle, Flammenwelt, Todtenwelt). Дерево это ясень—fraxinus (askr); вѣтви его простираются на весь міръ и достигаютъ до неба; три корня простираются на три конца: одинъ на небо, по асамъ, другой по hrimpursen, третій по преисподней; подъ каждымъ корнемъ течетъ чудесный источникъ, именно: изъ-подъ небеснаго корня—*Urdarbrunr*, изъ корня ризъ (изъ рода Эльфъ, Норнъ)—*Mimisbrunr*, изъ корня преисподняго—*Hvergelmir*: всѣ эти источники священны. Пѣсня *des Wartburger Krieegs* такъ изображаетъ это всеміpное дерево:

Ein edel *boum* gewachsen ist
In eime garten, der ist gemacht mit hôher list;
Sîn wurzel kan der helle grunt erlangen,

---

[1]) Sepp, Heidenthum und Christenthnm, Kossmische Theologie, s. 45.

[2]) Пословицы—Даля: *Вселенная.*

[3]) Rink. Religion Hellenen I. Виргилій о распространеніи дерева ясени по всему воздуху и до тартара (Georg. 2, 291) писалъ:

Aesculus in primis, quae quantum *vortice ad auras*
Aeterias, tantum *radice in tartara tendit.*

У Іоанна Дамаскина въ его αρλααμ καὶ Ιωασαθ есть подобная басня.

Sîn tolde (für: sol der) *rüeret an den trôn*
Dâ der süeze got bescheidet vriunde lôn
Sîn este breit hânt al die welt bewangen;
Der boum an ganzer zierde stât und ist geloubet schoene,
Dar ufe *sitzent vogelin*
Süezes sanges wîse nâch ir stimme fin
Nâch maniger kunst sô haltents ir gedoene [1]).

Наконецъ, надобно замѣтить относительно образованія міра и то, что не только въ простомъ православномъ народѣ и духовенствѣ, но и въ самой большой части образованнаго класса, и не только у насъ, но и на западѣ, доселѣ еще господствуетъ еврейское космогоническое міровоззрѣніе. Великая новая наука геологія, возникшая только въ концѣ прошлаго столѣтія въ столь короткое время и уже въ своемъ дѣтствѣ сдѣлавшая такіе блистательные, положительные успѣхи, одержавшая такія могущественныя побѣды надъ предразсудкомъ и суевѣріемъ, выказавшая столь поразительное свойство увлекать человѣка до высочайшаго вдохновенія,—эта великая, положительная наука, на основаніи нетлѣннаго *песочнаго* и *каменнаго* архива первобытнаго міра, представила намъ въ новомъ, ясномъ свѣтѣ систему міроздания, раскрыла истинно-чудесный процессъ образованія космоса, развитія міровыхъ тѣлъ, вслѣдствіе дѣйствія могучихъ силъ, неразлучныхъ съ міровымъ веществомъ. Образованіе планетной системы, по великому закону всеобщаго тяготѣнія, изъ газовиднаго шарообразнаго мірового вещества, образованіе земли изъ эфирнаго воздухообразнаго вещества, которое постепенно обратилось въ жидкое, расплавленное и застывающее тѣло, переплавленіе застывшаго, развитіе коры, ея превращеніе водою въ многослоистую скорлупу, проламываніе послѣдней внутреннею жидкою массою, постепенное заселеніе земли и ея преобразованіе въ поверхность, годную для лучшей растительности, выше развитыхъ животныхъ и человѣка,—вотъ что представляетъ дѣйствительно чудесный естественно-историческій процессъ развитія міроздания. Этотъ космическій процессъ, естественно, объемлетъ милліоны лѣтъ, и для означенія его продолжительности недостаточно времени въ тысячу разъ дольше древности исторіи человѣчества.

Знаменитѣйшій изъ астрономовъ—Лапласъ восклицаетъ: «Философъ, покажи мнѣ руку, которая метнула планетами по направленію касательныхъ ихъ круговращеній». Новѣйшая наука указываетъ, что эта рука заключается въ силахъ, которыя неразлучны съ веществомъ и вполнѣ подтверждаютъ, что онѣ обусловливаютъ нынѣшнюю форму міра, не могущаго быть иначе, по ихъ законамъ. До такого убѣжденія въ самодѣятельности силъ космическаго вещества дошелъ теперь человѣческій разумъ. Но что̀ было тогда, когда и не подозрѣвали присутствія подобныхъ сокровенныхъ силъ и законовъ міра? Какихъ дѣятелей предполагали въ сохраненіи и управленіи вселенной? На это отвѣчаетъ ужъ не геологія, астрономія и физика, а народная миѳологія. Какъ Демокритъ, характеризуя

[1]) D. M. Grimm, 757.

гелленскій космологическій политеизмъ, восклицалъ о каждомъ мѣстѣ, войди, и здѣсь боги! такъ и всѣ народы, въ эпоху младенческаго, миѳологическаго міросозерцанія весь міръ наполняли богами и духами. Такое же религіозно-политеистическое, многобожное міровоззрѣніе развивалось и у славянъ передъ временемъ принятія христіанства. Вовсе не зная и не подозрѣвая въ мірѣ дѣятельности силъ, сопряженныхъ съ веществомъ и съ механизмомъ мірозданія, — славяне-язычники повсюду въ природѣ видѣли дѣйствующими боговъ и другихъ высшихъ, сверхъестественныхъ существъ: въ небѣ видѣли напр. Сварога, въ солнцѣ — Хорса Дажьбога, въ громѣ и молніи—Перуна, въ огнѣ—Сварожича, въ водѣ и воздухѣ — вилъ и русалокъ, въ деревьяхъ — дивъ и т. д. Церковь, хотя съ большимъ и продолжительнымъ трудомъ, но мало по малу успѣла привить къ сохранившейся у славянъ вѣрѣ въ единаго верховнаго бога природы вѣру въ библейско - христіанскаго Бога, какъ Владыку и Повелителя міра. Сама церковь вполнѣ усвоила это восточно-библейское міровоззрѣніе. По этому міросозерцанію, весь міръ есть непосредственное проявленіе воли и дѣятельности Господа, грознаго владыки и повелителя вселенной. Не только все на земной планетѣ, но и весь звѣздный міръ представляются существующими для службы человѣку и для безусловнаго исполненія воли вездѣсущаго и всемогущаго владыки мірозданія. Въ такомъ смыслѣ, церковь передавала свое воззрѣніе на міръ массамъ русскаго народа. Такъ напр., въ древнемъ словѣ св. отецъ о постѣ преподавалось такое міровоззрѣніе: «О братія, сестры, отцы и матери! Какъ намъ не бояться Господа своего и не творить волю его! Онъ сотворилъ небо и землю и море и все, что въ нихъ находится; взявъ отъ земли, сотворилъ наше тѣло, и не только тѣло, но и душу вдохнулъ и живыми насъ сдѣлалъ. Онъ сотворилъ также ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, престолы и господствія; сотворилъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды, озера и рѣки и источники, всѣ горы и холмы, вѣтры, снѣги и дожди, скотовъ, и звѣрей, и птицъ и гадовъ, и всякое земное древо. И все это боится Бога и трепещетъ и не преступаетъ его повелѣнія, но все пребываетъ въ своемъ уставѣ. Служа роду человѣческому, не преступая повелѣнія его, земля даетъ плоды свои въ достояніе людямъ: жита, траву, древа, цвѣты, плоды всякаго рода земныхъ овощей, — намъ на потребу и на пищу скотамъ и звѣрямъ, птицамъ и гадамъ и всякому земному дыханію. Свѣтъ, освѣщая землю, исполняетъ повелѣніе Божіе. Солнце, осіяя и грѣя всю землю, восходя и заходя и служа людямъ, также исполняетъ повелѣнія Божіи. А также луна и звѣзды стоятъ на стражѣ всю ночь, восходятъ и заходятъ, даютъ свѣтъ людямъ, показываютъ всѣмъ путешествующимъ путь по морю, по рѣкамъ и по озерамъ. Точно также и море и озера и рѣки и источники служатъ людямъ: переносятъ на корабляхъ, посредствомъ вѣтровъ, по повелѣнію Божію, изъ города въ городъ; служатъ путемъ, лѣтомъ черезъ море перенося въ ладьяхъ и челнахъ, а зимой на возахъ; напоютъ водами, кормятъ всякими рыбами, омываютъ насъ: такъ намъ служатъ, боясь творца своего. Также и огонь творитъ, повинуясь Господу, служа людямъ: грѣетъ, варитъ, печетъ, производитъ жаръ, сушитъ, все

совершая намъ на потребу. Если же чего Господь не повелитъ творить, то все стоитъ въ уставѣ своемъ, не смѣя ничего сотворить; если же чему Господь повелитъ что-либо произвести, то произведетъ по Божію повелѣнію и усмотрѣнію; само по себѣ ничто не смѣетъ производить: ни земля, ни море, ни рѣки, ни озера, ни источники, ни кладези, ни горы, ни пропасти, ни огонь, ни звѣри, ни гады, ни рыбы, ни морозъ, ни снѣгъ, ни вѣтры и никакая тварь. Или, и этому не повѣрите, безумные люди! Такъ помыслите и разсудите, чего нѣтъ въ нашемъ тѣлѣ? Въ нашемъ тѣлѣ— огонь, зима, глисты, черви; но все лежитъ недвижимо, боясь Бога, не смѣя ничего причинить нашему тѣлу; если же Господь повелитъ чему либо въ насъ произвести недугъ, то тяжкую болѣзнь произведетъ въ нашемъ тѣлѣ и, по Божію повелѣнію, причинитъ смерть. Все, братіе, боится Бога и трепещетъ повелѣній его.... А мы Господа Бога своего забываемъ и не исполняемъ волю его. А какъ намъ не чтить его? Ибо самъ говоритъ намъ въ *Пчелѣ*: почему, человѣче, ты меня не умѣешь почитать? А я для тебя свѣтъ сотворилъ, небо простеръ и землю на водахъ основалъ, море налилъ горстью, пескомъ оградилъ; для тебя сотворилъ озера и рѣки и источники; для тебя солнце, луну и звѣзды украсилъ; для тебя всякое древо насадилъ и траву произрастилъ; для тебя огонь соотворилъ, пустилъ дождь и снѣгъ. И все это меня боится, и трепещетъ, и не преступаетъ повелѣній моихъ» [1]).

Такой взглядъ на міроправленіе проникъ и въ памятники народной письменности. Здѣсь вся природа представляется послушною служебницею, покорною рабою Господа вселенной, глубоко сочувствующею правосудію Его, соболѣзнующею о грѣхахъ людскихъ, готовою всѣми силами своими наказать людей—за оскорбленіе Владыки міра. Съ особенною изобразительностью выразился этотъ образъ воззрѣнія на природу въ слѣдующемъ апокрифическомъ «Словѣ отъ видѣнія Павла апостола: «Тако глаголетъ Господь пророкомъ: доколѣ согрѣшаете и прилагаете грѣхи на грѣхи, и прогнѣваете сотворшаго вы.... Вся бо тварь велѣнію Божію повинуется; только человѣцы преступаютъ Божію заповѣдь [2]). *Солнце* многажды бо моляшеся Богу галголя: Господи, вся содержай, и доколѣ неправдѣ человѣчь терпиши и беззаконіи многихъ! Вели, Господи, да ихъ пожгу, да не творятъ зла. И гласъ ему бысть глаголя: азъ вся си свѣдѣхъ, и видитъ око мое, но трьплю имъ, покаянію дая время; аще ли не

[1]) Правосл. Собес. 1858 г. № 1.

[2]) Эта мысль подробно развивается во многихъ старинныхъ поученіяхъ, т. е. что Богъ сначала все въ мірѣ сотворилъ прекраснымъ, и что все въ природѣ исполняетъ волю его—и солнце, и луна, и звѣзды, и моря, и рѣки, и озера, и земля, и горы, и холмы, и вѣтры, и дождь, и свѣтъ, и звѣри, и гады и птицы, и проч.: только одинъ человѣкъ палъ, и нарушаетъ волю Творца. Эта мысль была обычна и въ нѣмецкихъ средневѣковыхъ легендахъ и новеллахъ, напр. въ легендѣ Lobgesang auf dem heiligen Hanno. Dichter, — говоритъ Гервинусъ, beginnt mit der Schöpfung der zweigetheilten Körper- und Geisterwelt, die im Menschen verbunden ist. Gottes Schöpfung war gut; *Mond und Sonne und Sterne, Donner und Wind, und alle seine Werke wandeln ihren angewiesenen Pfad*, nur die zwei edelsten Geschöpfe nicht, Lucifer schied sich von den Frommen und der Mensch sank durch Verführung, и проч. Geschichte d. Deutschen Dichtung I. 157.

покаются, то сужу имъ тогда. *Мѣсяцъ* же и *Звѣзды* молящеся Богу глаголюще: намъ, Господи, далъ еси область свѣтити въ нощь: доколѣ призримъ на беззаконное блудство, и кровь проливаему, и давленіе дѣтей, и разбойство, и татьбы? Повели намъ, да погубимъ зло творящая человѣки. И бысть имъ гласъ глаголющь: видитъ вся око мое, но чаю обращенія ихъ; аще ли не каются, сужю имъ тогда. *Море* же и *рѣки* вопіяху молящеся Богу: рци намъ, Господи, да потопимъ злые человѣки, иже по намъ плавающи, разбиваютъ и творятъ злая. И бысть гласъ къ нимъ: Азъ вся та видѣхъ, но аще не покаются, сужу имъ тогда. И *земля* возопи и просящися на человѣки; азъ, Господи, паче тварей всѣхъ осужена есьми: не могу блудъ, разбоя, татьбы и влъхвованія, клеветы и прочихъ трьпѣти злобъ, яко сынъ досаду родителемъ творитъ, и дщи матери, и братъ брату: много неправды человѣцы творятъ: повели ми, Господи, да не проращу всѣянныхъ за злобъ ихъ, да гладомъ изомрутъ. И бысть гласъ глаголя: азъ убо видѣхъ вся и ничто ся мене не утаитъ, вся бо суть обнажена предъ очима моима; аще кто ся не покаетъ, азъ сужю ему» [1]).

Подъ вліяніемъ такихъ церковныхъ и апокрифическихъ богословскихъ воззрѣній на физическое міроправленіе, мало по малу глубоко укоренилась и въ народномъ міросозерцаніи вѣра въ міровую державу единаго Бога вселенной, вмѣсто владычества многочисленныхъ языческихъ боговъ природы. Солнце, мѣсяцъ, громъ, молнія, дождь, земля, самыя священныя божества въ циклѣ земледѣльческаго міровоззрѣнія, низошли съ высоты религіозно-языческой апотеозы, божественнаго міродержавія, — и уступили мѣсто единому Богу, Творцу вседержителю вселенной. Мысль эта чрезвычайно изобразительно выражена въ одной карпато-русской пѣснѣ, гдѣ свѣтлое солнышко, ясный мѣсячокъ и дробенъ дождичекъ представлены въ гостяхъ у земледѣльца соперничествующими другъ передъ другомъ своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ на жизнь природы, и надъ ними—владычествующій Богъ, повелѣвающій и солнцу, и лунѣ, и дождямъ:

Ци дома бывашь, пане господарь?
Твои рынойки позамѣтаны,
Твои столойки понакрываны,
За твоимъ столомъ три гостейки.
Гостейки трои не еднакіи:
Еденъ гостейко—свѣтле сонейко;
Другій гостейко—ясенъ мѣсячокъ;
Третій гостейко—дробенъ дождейко.
Сонейко гваритъ: нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу горы, долины,
Церкви, костелы и всѣ пристолы.
Ясенъ мѣсячокъ: нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу темну ночейку,
Возрадуются гости въ дорозѣ,
Гости въ дорозѣ, волойки въ возѣ.
Дробенъ дождейко: нѣтъ якъ надъ мене!

[1]) Измарагдъ, рукоп. Солов. № 270 л. 200—201. Сборн. Солов. библ. № 803 л. 30.

Якъ я прейду три разы на ярь,
Три разы на ярь мѣсяца ярьця,
Возрадуются жита, пашници,
Жита пашници, всѣ яриници.
Нѣтъ якъ надъ Тебе, великій нашъ Боже
Ты кажешь мѣсяцю: свѣти всему свѣту!
Ты кажешь сонейку: свѣти всему свѣту!
Ты кажешь дождейку: мочи суху землю!
Роди, боже нашъ, жито, пшеницю,
Жито пшеницю, усяку пашницю!

Богословское воззрѣніе на физическое міроправленіе перешло и въ народныя пословицы, въ этотъ кодексъ своеобразнаго народнаго міросозерцанія. Въ Сборникѣ Даля, подъ словами: *Богъ—вѣра,* множество пословицъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Все отъ Бога, всяческая отъ Творца. У Бога—свѣта сначала свѣта все доспѣто. Божеское не отъ человѣка, а человѣкъ отъ Бога. Велико имя Господне на земли. Въ малѣ Богъ, и въ великѣ Богъ. Божья вода по божьей землѣ бѣжитъ. Божья роса Божью землю кропитъ. Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и пищу. Послѣ стрижки Господь на овецъ тепломъ пахнетъ. Съ Богомъ хоть за море. Не конь везетъ, Богъ несетъ. Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ. Все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а божьимъ судомъ. Грозную тучу Богъ пронесетъ. Безъ Бога и червякъ сгложетъ. Богъ не захочетъ, и пузырь не вскочитъ. Богъ не Макешь (или: Мокошь, языческое божество), чѣмъ-нибудь да потѣшитъ. Коли Богу угодно. Коли Богъ велитъ. Какъ Богъ попуститъ. Умная голова, разбирай Божьи дѣла. Божье тепло, божье и холодно. Богъ вымочитъ (дождемъ), Богъ и высушитъ. Который—Богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ. Власть Господня, воля Божья. Подъ Богомъ ходишь—божью волю носишь. Господня воля—наша доля. Богъ не Никитка, по выломаетъ лытки. Коли Господь не построитъ дома, и человѣкъ не построитъ. Утромъ Богъ, и вечеромъ Богъ, а въ полдень и въ полночь никтоже, кромѣ Его», и проч. Такія благочестивыя представленія нашего народа, къ сожалѣнію, часто доходятъ до авося и розиновщины.

Естественно-историческій процессъ развитія міровыхъ тѣлъ, планетной системы еще не кончился теперь, и съ могучей силой совершается, по извѣстнымъ законамъ космическаго вещества и тяготѣнія, въ разныхъ частяхъ мірозданія. Взглянемъ ли, напримѣръ, на небо? Сквозь новые, большіе телескопы, мы увидимъ тамъ около 4,000 туманныхъ пятенъ, какъ бы слившихся свѣтящихъ точекъ тусклаго блеска. Многія изъ нихъ—однообразны, круглы и эллипсоидальны. Вотъ эти чуть свѣтящія туманныя пятна, по выводамъ современной астрономіи, суть ничто иное, какъ развивающіяся звѣзды и звѣздныя системы—огромныя свѣтовыя массы, которыя въ теченіе сотенъ и тысячъ лѣтъ постепенно сгустятся и обратятся въ міровыя тѣла и системы міровъ. «То, что теперь кажется однимъ туманнымъ пятномъ, современемъ будетъ блестѣть группою звѣздъ, и была пора, когда повсюду существовало ничто иное, какъ безграничная масса

тумана», говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ астрономовъ, Медлеръ. Заглянемъ ли во внутренность земли! Тамъ не прекратилась, напримѣръ, мірообразовательная вулканическая дѣятельность. Внутренняя дѣятельность земли съ гигантскимъ могуществомъ приподымаетъ почву на большемъ или меньшемъ пространствѣ, и эта сила донынѣ преобразуетъ земную поверхность, видъ которой слѣдовательно не установился еще окончательно. Когда закончится этотъ процессъ установленія земной планеты,— нынѣ рѣшительно невозможно опредѣлить. Несмотря, однакожъ, на эту незаконченность мірообразовательнаго процесса, суевѣріе человѣчества, не дознавши еще, въ темный средній вѣкъ, космическихъ законовъ самосохранности міра, давно стало ждать разрушенія и кончины міра. Даже Ньютонъ, великій Ньютонъ, законодатель «всемірнаго тяготѣнія», вычисливъ силы, рождающіяся отъ взаимнаго дѣйствія планетъ и спутниковъ, пришелъ въ недоумѣніе отъ ужасающей сложности этихъ силъ и думалъ, что сложная система не заключаетъ въ себѣ элементовъ самосохраненія, и что рука Всемогущаго должна повременамъ исправлять необходимый безпорядокъ. Въ вѣкъ Лапласа, ученыя общества съ сокрушеніемъ смотрѣли на приближающееся разрушеніе солнечной системы. На такой важный вопросъ Парижская академія наукъ почла обязанностью обратить вниманіе ученыхъ всего свѣта. Знаменитный творецъ «Небесной Механики», Лапласъ открылъ тайну *остойчивости*, самосохраненія солнечной системы, доказавъ, что: 1) всѣ планеты обращаются по одному направленію; 2) орбиты ихъ весьма мало отличаются отъ окружностей, и 3) какъ ихъ взаимныя наклоненія, такъ и наклоненія къ эклиптикѣ имѣютъ незначительныя величины, и проч. Далѣе, и въ самой землѣ, въ самыхъ разрушительныхъ, вулканическихъ ея процессахъ, есть благодѣтельныя условія самосохраненія земной планеты. Напримѣръ, постоянное измѣненіе земной поверхности внутреннею силою необходимо для поддержанія ея обитаемости. Въ противномъ случаѣ, земныя влаги, при своемъ стремленіи уравнивать, современемъ уничтожили бы всѣ неровности, такъ что наконецъ вся поверхность нашей планеты покрылась бы моремъ. Точно также, вулканы составляютъ необходимые ходы, соединяющіе поверхность земли съ ея раскаленною и отчасти расплавленною внутренностью. Если перемѣна формы земной оболочки упругостью паровъ составляетъ необходимость, то существованіе дѣятельныхъ вулкановъ можно назвать благодѣяніемъ. Пока огнедышащая гора дымится, предохранительный клапанъ огромнаго парового котла открытъ, и внутренность нашей планеты, постепенно освобождаясь отъ паровъ, не угрожаетъ повсемѣстными разрушительными землетрясеніями. Несмотря, одкакожъ, на это, суевѣрные люди именно въ землетрясеніяхъ видѣли вѣрный признакъ конца міра и ждали его отъ внутренней вулканической и плутонической дѣятельности земли.

Въ нашемъ народномъ міросозерцаніи суевѣрное ожиданіе кончины міра стоитъ въ связи съ языческими преданіями. Какъ произошелъ міръ, по языческой космогоніи, отъ *царя-огня* и *царицы-воды* и основался на *китахъ*, такъ и будущее разрушеніе его приписывается тому же огню подземному и миѳическому огнеродному чудовищу океана-киту великому. Мы

видѣли, какое представленіе господствовало въ старинной книжной космологіи о подземномъ *огнѣ*, имѣющемъ *пожечь міръ,* и объ *огненной рѣкѣ.* «Вопросъ: скажи мнѣ, что держитъ землю? Отвѣтъ: вода высока.—Да что держитъ воду?—Великій камень.—Да что держитъ камень?—*Четыре золотые кита.*—Да что держитъ золотыхъ китовъ?—*Рѣка огненная.*—Да что держитъ тотъ *огонь?—Другой огонь, еже есть пожечь, того огня двѣ части».* Въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей по Солов. сборн. № 925 также представляется, что «земля плаваетъ на великомъ морѣ и держится *на китахъ,* а вокругъ и на днѣ моря — желѣзное столпіе, стоитъ на *огнѣ негасимомъ».* По другому варіанту, въ огненномъ морѣ или въ огненной рѣкѣ живетъ плутоническое или вулканическое чудовище — *великорыбіе, огнеродный китъ* или *змій* елеафамъ: китъ этотъ, хотя и пребываетъ въ морѣ океанѣ, но изъ устъ его исходятъ *громы пламеннаго огня,* далеко вылетающіе, *яко стрѣлено дѣло,* изъ ноздрей его выходитъ духъ, *яко вѣтръ бурный,* который *раздымаетъ огнь геенскій* [1]). Этотъ-то китъ, на которомъ основана будто бы земля, и который самъ держится *огненною рѣкою,* по народнымъ сказаніямъ, и разрушитъ міръ: если онъ задвижется, заколеблется, то потечетъ рѣка огненная, и настанетъ конецъ міра. Такія миѳологическія понятія перемѣшались потомъ съ христіанскими и даже цѣликомъ удержались въ народѣ. Такъ напр., въ «повѣсти града Іерусалима или о Волотѣ Волотовичѣ» сказано о свѣтопреставленіи отъ кита: «Земля стоитъ на осьмидесяти китахъ рыбахъ меньшихъ, да на трехъ рыбахъ большихъ... А рыба рыбамъ мать китъ рыба великая: какъ та рыба китъ взыграется и пойдетъ во глубину морскую: *тогда будетъ свѣту преставленіе».* Миѳологическое преданіе объ *огненной рѣкѣ* уже въ XVII в. перешло въ духовные народные стихи о кончинѣ міра и страшномъ судѣ, какъ мы знаемъ по одному соловецкому сборнику, и доселѣ повторяется. Напр., въ одномъ стихѣ о страшномъ судѣ читаемъ:

Подымутся съ неба волменскій громъ (молнія и громъ),
Волменскій петры громъ трикающій (молнія, вѣтры).
Приразитъ народу много грѣшнаго ко сырой землѣ,
Росшибетъ мать сыру землю на двѣ полосы.
Роступится мать сыра земля на четыре четверти,
Протечетъ грѣшнымъ рабамъ *рѣка огненна*
Отъ востоку солнца до запада,
Пламя пышетъ отъ земли и до небеси.
Съ небесъ сойдутъ на землю святы ангелы,
Погонятъ грѣшныхъ рабовъ въ рѣку огненну [2]).

Вулканическое существо, миѳическій огнеродный змій, въ христіанскихъ народныхъ сказаніяхъ замѣняется уже антихристомъ, такъ какъ уже въ XII вѣкѣ волхвы, подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, называли своихъ

[1]) Солов. Сборн. Историч. очерки русской литературы Буслаева 1. 462.
[2]) Сборникъ дух. стих. состав. Варенцовымъ, 167.

боговъ бездны антихристами. Въ нѣмецкихъ средневѣковыхъ сагахъ точно также представляется конецъ міра, какъ и въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ. Муспилли (Muspilli) откроется при свѣтопреставленіи: тогда земля и все, что на ней есть, загоритъ огнемъ пламенемъ. По Эддѣ, Суртръ (Surtr), высшее вулканическое существо, возстанетъ со всѣми силами Муспилли, подниметъ брань съ богами и побѣдитъ ихъ, а міръ весь зажжетъ своимъ огнемъ пламенемъ. Въ нѣмецкой поэзіи образъ Суртра ужъ тоже смѣшивается съ христіанскимъ представленіемъ объ антихристѣ, которое первоначально основалось на 11-й главѣ апокалипсиса, и потомъ изъ іудейскихъ идей развилось далѣе. Какъ по нѣмецкой сагѣ о Муспилли, когда наступитъ разрушеніе міра, то снова явится Илья громовержецъ, а по землѣ всей разольется огонь-пламя, и воспламенятся горы, загоритъ небо и земля (prinnit mittilagard), затмится солнце и луна и будетъ землетрясеніе (Landskiälfti, erdbibunga) [1]): такъ точно, и по нашимъ народнымъ стихамъ о свѣто-преставленіи и страшномъ судѣ, при концѣ міра, явится во плоти молніеносный Илія, потечетъ рѣка огненная отъ востоку солнца до запада, и пламя запышетъ отъ земли до небеси, солнце и мѣсяцъ померкнутъ, звѣзды спадутъ съ неба, и міръ кончится [2]).

Суевѣрныя ожиданія кончины міра, въ средніе вѣка, сильно смущали духъ народный. какъ у насъ, такъ и на западѣ. Возникши вмѣстѣ съ ученіемъ хиліазма, предсказанія конца міра усилились подъ вліяніемъ астрологіи. Къ намъ они проникли частію изъ Византіи, частію съ запада, и усилились подъ вліяніемъ церковныхъ и политическихъ событій русской исторіи съ XV до XVIII столѣтія. На западѣ въ то время, особенно начиная съ IX и X столѣтія, эти предсказанія связывались исключительно съ астрологическими комбинаціями. Такъ напр., въ 1179 году астрологи разослали во всѣ страны письма, въ которыхъ предвозвѣщали на 1186 годъ кончину міра и человѣческаго рода, и тѣмъ навели на всѣхъ паническій страхъ. Еще большій ужасъ возбудило предсказаніе Іоанна Stoffler'а, что въ 1524 году міръ погибнетъ отъ новаго потопа. Ужасъ проникъ во всѣ сословія въ Германіи, Франціи, Испаніи, Италіи, Голландіи, Англіи и Скандинавіи. Люди дѣлали нелѣпѣйшія приготовленія для своей безопасности, строили ковчеги и т. п. Правители потребовали мнѣнія объ этомъ у своихъ придворныхъ астрологовъ и священниковъ; между тѣми и другими возникла самая ожесточенная письменная война. Потомъ, новый ужасъ возбудилъ Cyprianus Leovitius, придворный математикъ курфюрста Отто Генриха пфальцскаго, по звѣздамъ предсказавшій кончину міра на 1584 годъ. Столько же шума надѣлалъ ректоръ Paul Nagel въ Torgau, предсказавъ на 1624 годъ наступленіе тысячелѣтняго царства. Многіе предрекали кончину міра на 1643 годъ. Въ этомъ году, именно 2-го марта (н. с.) должно было быть такъ называемое наибольшее, осьмое и послѣднее соединеніе Юпитера съ Сатурномъ въ головѣ Овна. По смыслу одного древняго астрологическаго преданія, міръ былъ сотворенъ при этомъ

---

1) Grimm, Д. М. 771—772.

2) Сборникъ дух. стиховъ Варенцова, 138. См. также Сборникъ Кирѣевскаго.

соединеніи; потому при немъ же долженъ былъ и разрушиться. Изъ лютеранъ, одни (напр. Раймеръ) полагали конецъ міра въ 1673 году; другіе, напр., Меланхтонъ—въ 1680 году; третьи—въ 1688. А нѣкоторые, принимая въ основаніе своихъ гаданій то же самое апокалипсическое пророчество, которымъ руководился напр. и нашъ писатель книги о вѣрѣ въ своихъ гаданіяхъ, годъ кончины міра относили на тотъ же самый 1666 годъ, когда и наши суевѣры ждали конца міра [1]).

Латино-нѣмецкія астрологическія предсказанія конца міра проникли и къ намъ, особенно съ XVI вѣка. Въ Россіи ужъ и безъ того настроены были къ ожиданію конца міра. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси, переведено было и въ высшей степени распространилось извѣстное слово Ипполита *о кончинѣ міра* [2]). Въ XVI и XVII вѣкѣ его постоянно читали въ многочисленныхъ сборникахъ. Въ это время, самая большая часть памятниковъ церковной письменности наполнена была сказаніями о кончинѣ міра [3]). Къ тому же, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на русскихъ паденіемъ Константинополя, сопровождавшимся будто бы, по хронографамъ, необыкновенными явленіями на небѣ, помраченіемъ солнца и т. п., потомъ подошедшій въ тотъ же вѣкъ конецъ «седьмой тысящи лѣтъ отъ созданія міра», а съ нимъ вмѣстѣ—и окончаніе стараго міротворнаго круга—все это сильно настроило невѣжественные умы къ суевѣрнымъ предположеніемъ о кончинѣ міра [4]). А тутъ какъ разъ явился среди русскаго на-

[1]) Шлейдена, Этюды, 216. Diatriba de signo filii hominis, Matheri, lib. III, p. 83. Cornelii a Lapide in Math. 24, 36. Павловъ—о происхожд. раскольнич. ученія объ антихристѣ. Правосл. Собес. 1858, іюнь.

[2]) Λόγος περὶ τῆς συντελίας του κόσμου καὶ περὶ τοῦ ἀντιχρίστου.

[3]) Таковы: слово Ефрема Сирина объ антихристѣ и кончинѣ міра (опис. рук. Царскаго стр. 33. 40); Андрея Константинопольскаго — о послѣдемъ времени и о пришествіи отъ бездны антихриста (Толст. стр. 291); Ипполита, папы римскаго — о кончинѣ міра и объ антихристѣ; въ одномъ сборникѣ XVI вѣка, находящемся въ Солов. библіотекѣ, оно помѣщено въ сокращеніи и съ слѣдующимъ русскимъ послѣсловіемъ: „аще кто имать умиленіе и слезы въ молитвахъ и молитца Господеви, да избавитъ отъ скорби тоя великія (кончины міра), хотящія пріити на землю, да не увидитъ отнюдь, ни паки же да слышитъ страшныхъ, на всѣхъ мѣстѣхъ бывающихъ: трусъ, гладъ смерти различны“, и проч. Сборникъ Солов. библ. № 818 и 230.

[4]) Еще въ концѣ XV в., въ Новгор. Пасхаліи противъ послѣдняго года (1492) написано было: *„здѣ страхъ, здѣ скорбь,* аки и въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и *на концѣ (міра) явися*, въ немъ же чаемъ и *всемірное твое пришествіе“*. По случаю этой приписки, по словамъ новгор. архіеп. Геннадія, „ино о томъ молва была въ людяхъ, не токмо въ простыхъ, но и въ преимущихъ, о семъ многымъ сумнѣніе бысть“, т. е. всѣ пришли въ страшное смущеніе. Геннадію поручено было составить новый міротворный кругъ или пасхалію. Онъ писалъ по этому случаю: „повелѣно бысть отъ господина отца нашего Зосимы митрополита всея Русіи мнѣ учинити пасхалія на осьмую тысящу, понеже седьмьтысящное время прейде, да и пасхалія рядовая съ толкомъ изошла, *и нѣцыи мнѣша, яко скончаваемѣ седьмой тысящи быти и скончанію міру, якоже и преже скончаваемѣ шестой тысящи сицевое же мнѣніе одержаша людіе*... Да и о семъ явлено сътворимъ, яко пасхалія не ново составлена бысть, ниже имать скончатися, *донележе благоволитъ Богъ міру скончаніе пріяти*, понеже Алфа и *кругы солнечныя и лунныя* и рукамъ обхоженіе, отъ нихъ же високосъ и пасхалія исходитъ, *сіе уставлено коловратно а конца не иматъ, того ради, что скончаніе міру будетъ безвѣстно*... Да сіе (пасхалію на осьмую тысячу) написали есьмя простыхъ дѣле людей мнѣніе държащихъ о сконча-

рода, для распространенія латинскихъ заблужденій, извѣстный «Николай Нѣмчинъ родомъ, латинянинъ вѣрою». На основаніи астрологическихъ наблюденій, онъ предсказывалъ «о лѣтѣ 32, что будетъ въ то лѣто вселенныя странамъ и царствамъ и областемъ и градомъ и обычаямъ и достоинствамъ и скотомъ и бѣлугамъ морскимъ вкупѣ всѣмъ земнороднымъ несумнѣнное премѣненіе и измѣненіе: въ то лѣто неузрится солнце, по россійскому счету лѣтъ 7032 отъ начала міра [1]). На такое сочиненіе Николая Нѣмчина писалъ отвѣтъ инокъ Елеазаровой обители Филофей къ Псковскому дьяку Мисюрю Мунехину. Филофей хотя и не вѣрилъ астрологическимъ предсказаніямъ Николая Нѣмчина, но по современнымъ судьбамъ міра и церкви заключалъ, что близко уже кончина міра. «О царствахъ и странахъ, писалъ онъ, премѣненіе не отъ звѣздъ приходитъ, но отъ вседающаго Бога... Да внемли, Господа ради, въ которую звѣзду стали христіанская царства, яже нынѣ попрани отъ невѣрныхъ... Девятдесятъ лѣтъ, какъ греческое царство разорися, и не созиждется... И да вѣси, христолюбче, яко вся христіанская царства пріидоша въ конецъ, и снидошася во едино царство нашего государя», и т. д. Поэтому, царю и народу Московскаго государства Филофей совѣтуетъ «не на звѣзды уповать, а на вседающаго Бога» и усердно молить его о предотвращеніи отъ русской земли послѣдняго времени, скончанія, предреченнаго въ апокалипсисѣ [2]). Затѣмъ, страшныя смуты, ознаменовавшія рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго Московскаго царствія, унія и борьба православія съ папскимъ католицизмомъ, разныя суевѣрныя сказанія о небесныхъ видѣніяхъ, наплывъ иностранцевъ, преобразованія Московскаго государства по иноземнымъ обычаямъ, моры, явленія метеоровъ, безпрестанные народные бунты второй половины XVII в., такія сочиненія, какъ толкованіе XV слова Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ,—Стефана Зизанія и слово объ антихристѣ, напечатанное въ книгѣ о вѣрѣ, исправленіе книгъ Никономъ, соборъ въ роковой для астрологовъ-суевѣровъ 1666 годъ, и, наконецъ, радикальныя реформы Петра Великаго, — все это сильно поддерживало и развивало въ суевѣрныхъ и невѣжественныхъ массахъ бредни о концѣ міра. И вотъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и особенно съ царствованія Петра Великаго, суѣверные люди раскола возвели уже въ догматъ ожиданіе близкой кончины міра, и вездѣ, по городамъ и селамъ, распространяли его. При политическомъ оттѣнкѣ этого ученія, ясно высказалось вѣрованье и въ чувственнаго антихриста, и въ дѣйствительную близость конца міра. Какъ сильно дѣйствовала на суевѣріе народа проповѣдь о кончинѣ міра, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Игнатія Тобольскаго: «Нынѣшніи еретицы — говоритъ онъ, ужасъ сатанинскій падающе: яко уже настоитъ день втораго Христова пришествія и *кончина*

ніи міру, и да и на то плошитися не подобаетъ, но ждати пришествія Христова на всяко время, безвѣстно бо сіе уставлено. *И только благоволитъ Богъ еще міру стояти*, ино то готово обхоженіе временемъ лѣтнымъ, поставлены крузи Алфа, да и солнечныи круги и лунныи", и проч. Архивъ, Калачева, кн. 1, 111, 4.

[1]) Хронографъ Солов. библ. № 53, л. 311.

[2]) Хронографъ Солов. библ. № 53, л. 345—349.

настоящаго вѣка: и годъ отъ года, и день отъ дне смущающе народы, и сказующе: яко въ сій годъ, и въ сій день будетъ кончина вѣка. И сего ради ихъ скверннаго ученія, простой нѣкій народъ и вѣрова словесемъ симъ: и ови убо оставили домы, и бѣгали за ними, яко овцы за волками, и погублени быша отъ нихъ: овіи огнесожженіемъ самовольнымъ душепагубнѣ, овіи же и донынѣ еще бѣсноватіи скитающеся, и помираютъ безъ таинъ божественныхъ» [1]). Въ XVIII вѣкѣ, суевѣрное, мистико-апокалипсическое ожиданіе конца міра дошло до ужасныхъ суевѣрныхъ проявленій: живые ложились въ гробы и со дня на день ждали кончины міра. Суевѣры фанатически вѣрили, что пришелъ уже разрушитель міра — антихристъ и проникъ не только въ гражданскій, но и въ физическій міръ, въ стихіи, огонь, воду, воздухъ и землю. И, къ прискорбію, надо замѣтить, что эти ожиданія конца міра, проистекающія единственно отъ крайняго незнанія системы міра, доселѣ еще волнуютъ суевѣровъ раскола, да и многихъ, весьма многихъ православныхъ [2]).

2. Небо.

Съ самаго начала обществъ, народы стали гадать о чудесахъ небеснаго свода. Но только съ XVI вѣка началось истинное познаваніе Неба. Древніе народы и первые естествонаблюдатели, руководствуясь единственно непосредственными впечатлѣніями, кажущеюся видимостію, представляли, что земля неподвижна, и что весь небесный сводъ съ солнцемъ и звѣздами, въ 24 часа оборачивается около оси міра, въ направленіи отъ востока къ западу. Аристотель въ своемъ сочиненіи *о небѣ*, кажется, первый старался объяснить устройство небеснаго свода и движеніе свѣтилъ. По его міросозерцанію, небо состоитъ изъ семи неподвижныхъ кристальныхъ сферъ, на которыхъ утверждены звѣзды и планеты. Въ кругѣ или центрѣ этихъ сферъ онъ полагалъ землю. Крайняя окружность или осьмая сфера представляла первое подвижное. Всѣ эти восемь сферъ и въ центрѣ ихъ землю, по воззрѣнію Аристотеля, приводилъ въ движеніе вѣчный двига-

[1]) 3-е Посланіе въ Правосл. Собес., стр. 165.

[2]) Приложенія будутъ присовокуплены къ слѣдующему очерку. Если бы кто нибудь изъ нашихъ естествовѣдовъ взялъ на себя истинно-благодѣтельную задачу составить полный „народный учебникъ о природѣ“, самый популярный, изложенный даже народнымъ языкомъ, то, разумѣется, онъ долженъ будетъ обратить преимущественное вниманіе на особенно слабыя, и особенно нужныя въ умственномъ и матеріальномъ быту нашего народа—стороны міросозерцанія, напр., на времена года, на землю, воду, воздухъ, теплоту и ея значеніе на земной поверхности и въ атмосферѣ, на атмосферныя явленія, на растительность земледѣльческую, на травники народные и растенія медицинскія и т. п. Но мы убѣждены, что, ведя по порядку „народный учебникъ о природѣ“, не лишне дать народу самыя главныя и нужныя понятія о мірѣ вообще и о звѣздномъ небѣ; потому что эти понятія могущественно просвѣтляютъ, возвышаютъ и облагороживаютъ умъ человѣка. А у нашего простого народа, какъ показано отчасти въ настоящемъ очеркѣ и особенно увидимъ въ слѣдующемъ — „о звѣздномъ небѣ“, въ этой области міровоззрѣнія, весьма не мало накопилось самыхъ грубыхъ суевѣрій. Достаточно прочитать далеко неполный Великорусскій областной словарь, чтобы видѣть это.

тель, божественный разумъ. Птоломей, жившій въ половинѣ второго вѣка въ Александріи, иначе старался объяснить движеніе планетъ. Въ срединѣ вселенной онъ помѣщалъ землю, около которой должны были вращаться луна, солнце и пять тогда извѣстныхъ планетъ. Расположеніе планетъ въ небесномъ пространствѣ и по отношенію къ землѣ онъ опредѣлялъ по средней видимой ихъ скорости, считая ближайшими къ землѣ тѣ планеты, которыя скорѣе измѣняютъ свое мѣсто относительно неподвижныхъ звѣздъ. Поэтому, начиная отъ земли, планеты, вмѣстѣ съ солнцемъ и луною, слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Другіе астрономы, послѣдователи такъ называемой *египетской* системы, принимали, что только Луна, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ кружатся около земли, а Меркурій и Венера движутся по кругамъ, центръ которыхъ солнце. Въ средніе вѣка вполнѣ господствовало древнее ученіе, что земля неподвижна, и что около нее движется солнце и вращаются всѣ небесныя свѣтила. Даже Тихо-Браге помѣщалъ землю точно также, въ центрѣ вселенной, и заставлялъ луну и солнце кружиться около нея. Такъ было до XVI вѣка. Въ 1543 году, знаменитый польскій каноникъ, Коперникъ ниспровергъ Аристотелеву и Птоломееву небесную систему, указавъ мѣсто солнца въ центрѣ вселенной и поставивъ землю въ ряду съ прочими планетами, окружающими солнце. Самъ онъ объ этомъ говоритъ такъ: «ни при какомъ иномъ устройствѣ не могъ бы я найти столь достойную вселенной, такую гармоническую связь путей, какъ помѣстивъ въ средину прекраснаго храма природы, какъ на царскій тронъ, свѣтило міра, солнце, управляющее цѣлымъ семействомъ вращающихся свѣтилъ». Такимъ образомъ, Коперникъ разсѣялъ большую часть старыхъ и закоренѣлыхъ заблужденій, происходившихъ отъ непониманія того, что представляла чувствамъ видимость неба. Онъ твердо и торжественно возвѣстилъ человѣчеству, что не солнце движется вокругъ земли, а наоборотъ, земля движется вокругъ солнца, составляющаго центръ небесныхъ движеній, и что земля, въ сравненіи со всѣми тѣлами солнечной системы, — не болѣе, какъ песчинка. Черезъ 28 лѣтъ послѣ того дня, въ который торуньскій каноникъ умирающими руками держалъ книгу, распространившую на Польшу чистую и блестящую славу, — родился въ Виттенбергѣ человѣкъ, назначенный для переворота въ наукѣ, еще труднѣйшаго, еще обильнѣйшаго послѣдствіями. Это Кеплеръ. Онъ, путемъ труднѣйшихъ и утомительнѣйшихъ вычисленій, послѣ изумительно-настойчиваго двадцати-двухлѣтняго труда, дошелъ до открытія истиннаго закона движенія планетъ и подтвердилъ движеніе земли около солнца. Такъ называемый законъ Кеплера раскрылъ, что скорость, съ какою земля движется на своемъ пути, такова, что лучъ свѣта, который можно представить себѣ проведеннымъ отъ солнца къ землѣ, въ равныя времена описываетъ равныя пространства. По второму закону Кеплера, путь всѣхъ планетъ, а слѣдовательно и земли — не кругъ, а эллипсисъ, планеты движутся по эллипсамъ, и солнце находится въ одномъ изъ ихъ фокусовъ. За Кеплеромъ, великій Ньютонъ, размышляя о паденіи тѣлъ на поверхности земли или о законѣ тяжести, открылъ законъ *всеобщаго тяготѣнія*, пришелъ къ

идеѣ, что между небесными тѣлами существуетъ взаимное стремленіе, взаимное притяженіе, математически вывелъ законы Кеплера изъ дѣйствія силы, общей всѣмъ частицамъ вещества, и блестящее свое открытіе сдѣлалъ предметомъ книги — philosophiae naturalis principia mathematica, которое до сихъ поръ остается высшимъ произведеніемъ человѣческаго ума. Это міровое открытіе Ньютона сразу разсѣяло всю темную мглу суевѣрій супранатуралистической, астральной пневматологіи. Оно такъ было громадно, что невольно вызвало этотъ восторженный энтузіазмъ Вольтера, выраженный въ слѣдующихъ стихахъ:

Confidens du Trés-Haut, substances eternelles
Qui brûlez de ses feux, qui couvrez de vos ailes
Le trone ou votre maître est assis parmi vous,
Parlez, du grand Newton n'etiez-vous point jaloux?

Въ то время, когда на западѣ астрономія стала такой великой наукой, которой умъ человѣческій по справедливости можетъ гордиться, какъ величайшимъ торжествомъ разума надъ предразсудкомъ и суевѣріемъ, — у насъ на Руси въ XVI и XVII в. и не слыхали объ открытіяхъ Коперника, Галилея, Кеплера и Ньютона. Строгіе ревнители стараго ученія о небѣ, которыхъ мудрость не простиралась дальше книги о небесахъ Іоанна Дамаскина, вооружались даже противъ такихъ невинныхъ и незатѣйливыхъ произведеній, какъ переводныя астрономіи, здѣздотечья, луцидаріусъ и т. п. Суевѣры вели жаркія пренія не о движеніи планетъ вокругъ солнца, а о хожденіи по-солонь, да ждали, вмѣстѣ съ кончиной міра, спаденія звѣздъ съ небеси, помраченія и превращенія въ кровь луны и т. п. *Маѳематійскія* книги, — какъ говоритъ одинъ азбуковникъ, — отреченныя книги, ихъ же есть четыре: ариѳметикія, мусикія, геометрія, *астрономія*». Астрономію, также, какъ вообще естественныя науки, русскіе считали волшебствомъ. «Естественныя науки, пишетъ Олеарій, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удастся что либо перенять изъ нихъ отъ иностранцевъ; такъ астрономію, астрологію считаютъ они за волшебныя науки. Такъ предугадываніе и предсказаніе солнечнаго или луннаго затмѣнія, или движеніе какой либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ. Поэтому самому, когда стало извѣстно въ Москвѣ (по возвращеніи моемъ изъ Персіи), что великій князь назначилъ меня своимъ астрономомъ, то въ народѣ, отъ нѣкоторыхъ, пошла такая молва, что въ Москву скоро-де вернется назадъ волшебникъ, состоящій при Голштинскомъ посольствѣ, который будетъ предсказывать будущее. Нѣкоторые начали уже питать ко мнѣ отвращеніе, что, вмѣстѣ съ другими причинами, заставило меня отказаться отъ этой должности» [1]). И послѣ, въ XVIII вѣкѣ, когда благодаря Петру Великому, въ Россію введены были математическія науки, а при Аннѣ Іоанновнѣ и при Елизаветѣ Петровнѣ заводились уже и астрономическія обсерваторіи, — у насъ не только въ массѣ народной, но и въ учившемся

[1]) Записки Олеарія. Архивъ историч. и практич. свѣд. о Россіи, изданіе Калачова. 1859 г., кн. III.

въ математическихъ школахъ дворянствѣ господствовало старое понятіе о небесномъ мірѣ. Въ то время, какъ на западѣ считались уже передовыми двигателями умственнаго прогресса человѣчества и такіе знаменитые астрономы, какъ Ньютонъ, Галлей, Брадлей, Лакаль, особенно Гершель, еще болѣе Лапласъ и другіе, — у насъ извѣстнаго математика и астронома графа Я. В. Брюса считали величайшимъ чернокнижникомъ, прорицателемъ и, вообще, колдуномъ, дѣлавшимъ чудеса. И доселѣ календарь Брюса для многихъ суевѣровъ служитъ оракуломъ; ученіе Коперника, Кеплера и Ньютона не только не принималось темной массой народной, но и считалось грѣховнымъ и пагубнымъ. «Почитать землю за кругъ или шаръ — грѣшно: такъ думали фарисеи», — вотъ суевѣрное мнѣніе раскола [1]). И теперь много найдется людей, даже и въ образованномъ классѣ, которые не вѣрятъ ученію Коперника о небесномъ движеніи. Множество супранатуралистическихъ суевѣрій и заблужденій затемняютъ и подавляютъ умы нашего поколѣнія, не только 70-милліонной массы народа, но и образованнаго общества, единственно потому, что слишкомъ мало распространено у насъ астрономическое просвѣщеніе. Мгла суевѣрій спиритуализма и пневматологіи, тьма повѣрій о небесныхъ царствахъ и духахъ есть плодъ отсутствія свѣтлаго, разумнаго астрономическаго міросозерцанія. И великая наука астрономія доселѣ, къ сожалѣнію, весьма поверхностно входитъ въ кругъ нашего образованія, и даже вовсе не преподается во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ, по словамъ Бальи, «не только самая астрономія, но даже исторія астрономіи составляетъ могущество и существенную часть исторіи человѣческаго ума, измѣряетъ его силу и показываетъ, къ чему онъ способенъ».

Обозрѣвая полный историческій циклъ русскаго народнаго звѣзднаго міросозерцанія, мы примѣчаемъ въ немъ два отличительныхъ направленія: граматничье, книжное, заимствованное, и собственно-народное, непосредственно-натуральное. Въ книжномъ или граматничьемъ міросозерцаніи преобладаетъ смѣсь еврейски-кабалистическихъ, аристотельскихъ и западныхъ схоластико и физико-теологическихъ воззрѣній на звѣздное небо. Въ собственно-народномъ воззрѣніи преобладаютъ непосредственно-наглядныя и миѳологическія представленія о небѣ и небесныхъ явленіяхъ. Разсмотримъ главныя черты того и другого міросозерцанія.

До половины XVI вѣка, почти въ продолженіе 1500 лѣтъ, во всей образованной части человѣчества господствовало аристотелевское воззрѣніе на устройство небеснаго свода. Черезъ посредство Византіи, это воззрѣніе, съ восточно-кабалистическимъ оттѣнкомъ, сообщено было и русскимъ книжникамъ. По аристотелевскому міросозерцанію, какъ мы уже отчасти видѣли, міръ измѣняемый, эфирный и неподвижный, окружающій землю или міръ подлунный, состоитъ изъ 7 отдѣльныхъ круговъ или сферъ эфира, представляющихъ плотные кристаллическіе пустые шары, на которыхъ утверждены звѣзды и планеты. Кристальнымъ представлялъ Аристотель сводъ небесный потому, что иначе не умѣлъ объяснить его прочности и остойчи-

[1]) Чтенія Московск. общест. истор. 1861 г., кн. 2: пословицы Даля.

вости, не умѣлъ найти причину сохраненія небесной системы въ ея собственныхъ космофизическихъ силахъ, не зналъ закона всеобщаго тяготѣнія. Крайняя окружность или внѣшняя сторона вселенной, по мнѣнію Аристотеля, есть кристаллическая скорлупа со всѣми неподвижными звѣздами, небесная твердь или первое подвижное, быстро вращаемое вѣчнымъ двигателемъ въ 24 часа около центра. Эта осьмая сфера неподвижныхъ звѣздъ движетъ около земного шара всѣ звѣзды и планеты, утвержденныя на 7 отдѣльныхъ сферахъ или полыхъ, внутри кристаллическихъ кругахъ. Общій двигатель единой шарообразной вселенной, со всѣми семью сферами и осьмою подвижною, есть вѣчное неподвижное, все движущее божество, вѣчный совершенный разумъ. Это первоначально-простое аристотелевское міросозерцаніе впослѣдствіи, особенно когда замѣчено было Гиппархомъ въ 150 г. до Р. Х. предвареніе равноденствій, — постепенно измѣнялось, усложнялось искусственнымъ образомъ, особенно приспособленіемъ къ нему такъ называемой птоломеевской системы, которая имѣла, однакожъ, совершенно другое основаніе и построеніе, болѣе физическое, чѣмъ астрономическое. Замѣтивъ дѣйствительное движеніе планетъ, а не простое кругообразное, — для объясненія его принуждены были раздѣлить осьмую сферу неподвижныхъ звѣздъ, и окружили ее еще *девятою сферою знаковъ*. Такимъ образомъ вмѣсто 7 небесныхъ сводовъ стали считать 9. Далѣе, не находя возможности объяснить пустое пространство между планетами и ихъ плотными сферами, прибѣгли къ ученію объ астральныхъ духахъ. Чтобы планета не упала съ небеснаго свода, надобно было дать ей духовнаго путеводителя; а съ тѣмъ вмѣстѣ, и вѣра въ одушевленность планетъ стала необходимостью. Вслѣдствіе этого, въ первые 3 вѣка по Р. Х., въ аристотелевское міросозерцаніе все болѣе и болѣе проникало ученіе объ астральныхъ духахъ, ангелахъ солнца, звѣздъ и проч. Уже Филонъ говорилъ: «звѣзды одушевлены и движутся по собственному усмотрѣнію». Въ твореніяхъ Ермы, Климента александрійскаго, Епифанія Кипрскаго и др. это ученіе находило подтвержденіе. Въ Римѣ, въ St. Maria del popolo, въ часовнѣ Agostino Chigi, на мозаикѣ изображены небесныя тѣла: здѣсь возлѣ каждой планеты помѣщенъ ея астральный духъ. Вмѣстѣ съ ученіемъ объ астральныхъ духахъ, передано было востокомъ Византіи, а отсюда и намъ, искаженное въ сочиненіяхъ кабалистовъ ученіе Аристотеля о 7 сферахъ. Въ періодъ пришествія въ міръ Іисуса Христа, большая часть евреевъ принимала вокругъ неподвижно-стоящей по срединѣ Земли, 7 небесныхъ сводовъ; изъ нихъ второй сводъ «*Ракіа*» заключалъ утвержденныя въ немъ солнце, луну и звѣзды; уже въ третьемъ сводѣ — *Шахакимъ* «облака» — заключались, кажется, эти послѣднія, а въ шестомъ сводѣ — *Маконъ* «пребываніе» — содержались снѣгъ, градъ, роса, дождь и т. п. Согаръ Бешалагъ, согласно съ міросозерцаніемъ Аристотеля, писалъ: «Богъ сотворилъ 7 небесныхъ сводовъ, въ каждомъ изъ нихъ помѣщены неподвижныя звѣзды и блуждающія свѣтила, а надъ всѣми этими сводами находится сводъ *Аработъ* — это perpetuum mobile Аристотеля [1]).

---

[1]) Gfrörer, Geschichte d. Urchristenthums. Abth. 2, 37. Этюды Шлейдена, 225—226.

Въ искаженныхъ варіантахъ восточно-византійскихъ и еврейско-кабалистическихъ, черезъ апокрифы, перешло и къ намъ основное ученіе Аристотеля о 7 небесныхъ кристальныхъ сводахъ. Въ сказаніи о началѣ міра, находящемся въ одной рукописи профессора Григоровича, говорится, что «Господь словомъ сотворилъ *семь небесъ*, и что устроено было «*небо хрустальное* на семидесяти тмахъ тысячъ» [1]). Въ апокрифѣ *о небеси* находимъ смѣсь аристотелевской небесной системы и ея послѣдующихъ дополненій съ системой Птоломеевской. Именно, здѣсь читаемъ: «небо едино убо есть по существу, *девять* же по числу... *Седьмъ же небесъ* суть по образу седьмихъ вѣкъ мира, другоежъ беззвѣздная твердь, седьмь же небесъ имуть и великихъ седьмь звѣздъ, царей иныхъ седьмь звѣздъ. Есть же на семъ долнемъ небеси луна, и на вторѣмъ по сей Ермисъ, на третіемъ есть Афродита, на четвертомъ небеси солнце, на пятомъ Арисъ, на шестомъ Зевсъ, на седьмомъ Кронъ... И сія убо седьмь звѣздъ суть на *седьми небесѣхъ*, на всяко небо едина звѣзда, выше же седьмаго небеси суть другія звѣзды, 12 числомъ, имъ же имени сія: овенъ, юнецъ, близнецъ, ракъ, левъ, дѣва, яремъ, скорпіонъ, стрѣлецъ, козіи рогъ, водоліатель, рыбы» [2]). Изъ этого апокрифа видимъ также, что древней Руси сообщены были уже и восточныя свѣдѣнія о дѣленіи эклиптики, о 12 знакахъ Зодіака.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на небо ночью, весь небесный сводъ представляется усѣяннымъ неодинаково-яркими и неправильно-расположенными звѣздами. За исключеніемъ немногихъ планетъ и кометъ, звѣзды имѣютъ неизмѣнное взаимное положеніе, почему онѣ и получили названіе неподвижныхъ звѣздъ, которыхъ въ средней Европѣ можно видѣть простымъ глазомъ почти до 3,250. Для легчайшаго обозрѣнія, уже въ глубокой древности раздѣлили звѣзды на группы, получившія названіе отъ героевъ, животныхъ и т. п. Эти группы означаются также созвѣздіями. Число созвѣздій, видимыхъ въ средней Европѣ, простирается до 57. Сколько извѣстно, уже инды и египтяне съ самыхъ древнихъ временъ раздѣляли звѣздное небо на нѣсколько созвѣздій. Особливо относится къ глубокой древности раздѣленіе зодіака на 12-ть созвѣздій. До этого дѣленія могли дойти древніе народы путемъ непосредственныхъ наблюденій. При самомъ поверхностномъ наблюденіи кажется, что солнце постоянно измѣняетъ свое положеніе на звѣздномъ небѣ. Въ концѣ марта восходя прямо на востокѣ, лѣтомъ оно восходитъ сѣвернѣе, зимой южнѣе. Лѣтомъ дневная дуга больше, зимой — ночная. Это кажущееся движеніе солнца по звѣздному небу принято было въ древности за дѣйствительное. Казалось, что солнце пробѣгаетъ въ теченіи 365 дней весь кругъ небесный. И на этомъ

---

[1]) Историч. очерки русск. народн. словесн. Буслаева 1, 615.

[2]) Памятн. стар. русск. литерат., вып. 3, стр. 156. Духоборцы, отвергая астрономическое или космическое значеніе 7 небесъ, понимали ихъ мистико-символически. „Седмь небесъ означаютъ у нихъ седмь евангельскихъ добродѣтелей такимъ образомъ: *первое небо* есть смиреніе, *второе небо* — разумѣніе, *третье* — воздержаніе, *четвертое* — братолюбіе, *пятое*—милосердіе, *шестое* — совѣтъ, *седьмое* — любовь.“ Лѣтоп. русск. литер. и древн., т. IV, смѣсь, 14.

годовомъ пути его, созвѣздія, проходимыя имъ, находятся въ слѣдующемъ порядкѣ: Рыбы, Овенъ, Телецъ, Близнецы, Ракъ и Левъ на сѣверномъ: Дѣва, Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ, Козерогъ и Водолей на южнымъ небесномъ полушаріи. Поясъ изъ этихъ 12-ти созвѣздій, пересѣкаемыхъ путемъ солнца, названъ Зодіакомъ. Въ древности, эклиптику раздѣлили сначала на 12-ть равныхъ частей, и потомъ каждую изъ этихъ частей на 30°, такъ что всего получается 360. Эти 12-ть частей назвали *знаками Эклиптики*. Эти знаки получили названіе близлежащихъ созвѣздій Зодіака [1]). Самую древнюю попытку дѣлить Зодіакъ относятъ ко времени появленія Naxatros или отдѣленій эклиптики, которыхъ индѣйцы принимали сперва 27, а потомъ 28. Каждое изъ этихъ отдѣленій они дѣлили опять на 4 части, слѣд. 4. 27 = 108. Эти понятія вскорѣ перешли къ египтянамъ, которые, какъ земледѣльческій народъ, вѣроятно, первые придумали раздѣлить эклиптику на 12-ть знаковъ. Они созвѣздія Зодіака посвятили 12-ти разнымъ божествамъ. Отъ восточныхъ народовъ понятіе о 12-ти созвѣздіяхъ Зодіака перешло къ грекамъ, и къ сѣвернымъ народамъ [2]).

А отъ грековъ оно легко могло сообщиться и славянамъ. Славяне, какъ видно, и сами наблюдали за теченіемъ звѣздъ. Изъ извѣстій, сообщаемыхъ Массуди (950—957 г.) знаемъ, что надъ славянскими храмами были надстройки для наблюденія точекъ восхожденія солнца, такъ же какъ древніе халдеи, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, наблюдали восхожденіе и захожденіе звѣздъ въ высокомъ храмѣ, построенномъ Семирамидою въ честь Ваала (Юпитера). Впослѣдствіи, съ XVI вѣка, свѣдѣнія о 12-ти созвѣздіяхъ Зодіака сообщались русскимъ граматикамъ и въ переводныхъ съ латинскаго или греческаго языка астрономіяхъ. Такъ, напр., въ предисловіи къ *астрономіи*, которое помѣщалось обыкновенно въ словаряхъ и азбуковникахъ, и нерѣдко попадается въ сборникахъ XVII вѣка, сама астрономія представляется говорящею о 12-ти знакахъ Зодіака: «*Овенъ* мой хребтомъ на полнощь, главою же на востокъ, къ солнцу восходитъ и *Левъ*, да восходитъ и заходитъ обращаяся; *Стрѣлецъ* же восходитъ право и заходитъ стремглавъ, яко низверженный, и прочая по чину своего устава» [3]). Въ отреченной книгѣ, подъ заглавіемъ «громникъ дванадесятимъ мѣсяцамъ, събрано Иракліемъ царемъ отъ звѣздозаконія», такъ исчисляются 12-ть знаковъ Зодіака: «Мартъ, животно глаголемое *Овенъ*... Апрѣль *Юнецъ*... Май *Близнецы*... *Ракъ* Іюнь... *Левъ* Іюль... *Дѣва* Августъ... Сентябрь *Яремъ*.. *Скорпіонъ* (октябрь)... *Стрѣлецъ* Ноембрій... *Козорогъ* Декабрь... *Водолей* Январь... Февраль *Рыбы*...» [4]) Заимствовавъ съ

---

[1]) См. Космическую физику Мюллера.

[2]) Преданіе о распространеніи первыхъ астрономическихъ знаній съ Востока было и въ древней Руси: „*Звѣзда чести отъ Вавилона*, земля мѣряти отъ Халдѣевъ“. Сборн. Солов. № 925. Къ исторіи древней астрономіи и въ частности, вопроса о дѣленіи зодіака относятся, между прочимъ, изслѣдованія: Bailly, Histoire de l'astronomie ancienne: Dupuis, Ueber den Ursprung der Sternbilder; Stuhr, Untersuchungen über die Sternkunde unter den Chinensen und Indiern.

[3]) Сборн. Сол. библ. № 861, л. 311—313.

[4]) Памятн. стар. русск. литер., вып. 3.

Востока всѣ эти названія 12-ти знаковъ Зодіака, предки наши, разумѣется, не имѣли точнаго и отчетливаго понятія объ ихъ астрономическомъ значеніи, такъ же какъ и теперь простой народъ не имѣетъ объ нихъ никакихъ свѣдѣній.

Кромѣ общихъ астрономическихъ преданій Востока, сообщавшихся древней Руси и посредствомъ западныхъ, латинскихъ переводныхъ книгъ,— Византія сообщила русскимъ грамотникамъ нѣсколько особенныхъ, своеобразныхъ воззрѣній на звѣздное небо. Во-первыхъ, своимъ ученіемъ о небесныхъ духахъ и, въ частности, объ ангелахъ солнца, луны, звѣздъ,—она укоренила въ нихъ астрально-теологическій взглядъ на небо. Отсюда возникли эти библейски-богословскія пословицы нашего народа: «Небеса повѣдаютъ славу Господню. Небо—риза Господня, небеса—престолъ его, земля—подножіе. Небо—теремъ Божій, звѣзды окна, изъ которыхъ вылетаютъ ангелы» [1]), и т. п. Отсюда проникло въ народъ, посредствомъ византійскихъ апокрифовъ, представленіе объ астральныхъ ангелахъ, напримѣръ, дикое представленіе о томъ, какъ будто бы *300 ангелъ солнце воротятъ*, или доселѣ существующее крестьянское повѣрье, будто ангелы утромъ зажигаютъ звѣзды, а вечеромъ гасятъ, и т. п. Сюда же относится слѣдующее болгарское сказаніе: «вопросъ: какъ поютъ пѣтухи въ ночи? Отвѣтъ: когда возьмутъ ангелы солнце отъ престола Господня и понесутъ на востокъ, а херувимы ударятъ въ крылья свои, того ради на землѣ всякая птица потрепещетъ! тогда и пѣтухъ міру проповѣдуетъ. Въ византійско-русской бесѣдѣ Панагіота съ Азимитомъ любопытно слѣдующее баснословіе о солнцѣ: «Истекаетъ солнце своимъ хожденіемъ, какъ повелѣно ему отъ Бога, и когда исходитъ, блистаетъ своими лучами. И тотчасъ же огненные грипсоси, птицы небѣсныя, нарицаемыя финиксы и халедры, пролетаютъ передъ солнцемъ, и окунаютъ свои крылья по двѣсти разъ въ океянской водѣ и кропятъ крыльями на солнце, да не попалитъ оно лучами весь міръ. И сгораютъ у тѣхъ птицъ перья отъ огня солнечнаго, и становятся голы, будто ощипанныя. А когда зайдетъ солнце, купаются тѣ птицы въ океянской великой рѣкѣ и обновляются, и опять пернатѣютъ крылья ихъ. Того ради и пѣтелъ пророкомъ именуется, имѣетъ подъ своими крыльями знаменіе на перѣ, и когда пойдетъ солнце отъ запада къ востоку, тогдаваскорбнегъ у пѣтела то перо; а когда уготовится солнце къ исхожденію, тогда почуетъ пѣтелъ, и открывъ голову, пробуждаетъ, и, давая знать тѣмъ птицамъ, плещетъ крыльями своими проповѣдуя міру воскресеніе» [2]). Это восточно-византійское сказаніе вполнѣ согласовалось съ русскимъ народнымъ повѣрьемъ о пѣтухѣ, какъ священной птицѣ солнца. Изъ другихъ византійскихъ источниковъ, особенно имѣла вліяніе на міросозерцаніе народныхъ граматниковъ апокрифическая бесѣда трехъ святителей. Такъ какъ, по многочисленности редакцій, она часто дополнялась извлеченіями изъ разныхъ источниковъ, то въ ней къ церковно-византійскимъ созерцаніямъ примѣшивались и воззрѣнія западныя, на-

[1]) Пословицы Даля. Чтен. моск. общ. истор. 1862 г., кн 1, стр. 1029.
[2]) Буслаевъ, т. 1, стр. 501.

примѣръ извлеченія изъ Луцидаріуса. Такого рода вопросы и отвѣты о небесныхъ свѣтилахъ въ ней разсѣяны: Василій рече: отъ чего солнце сотворено бысть? Иванъ р.: отъ выспреннія ризы Господни. В. р.: отъ чего луна сотворена быть? И. р.: отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Господня. Вопросъ: что есть мѣра отъ востока до запада? Толкъ: солнце и луна и звѣзды. В.: Коль велицы планеты? Т.: философи намъ повѣдаютъ, еже луна столь широка, яко всю землю, кромѣ рѣкъ и морей, покрыетъ; а солнце величествомъ вдвое, а планеты якоже луна. В.: Како намъ мнится, яко звѣзды мали суть? Т.: Сія есть тварь земная высота, яко аще бы стояло солнце такъ высоко, что и звѣзды, и намъ бы таковъ видѣлось, что и звѣзды. В.: Нынѣ повѣждь о лунѣ. Т.: Луна есть меньшая планета и течетъ нижеи всѣхъ къ землѣ, того (ради) судится по ней весь міръ» [1]).

Съ XVI вѣка, въ отпоръ византійскимъ источникамъ, стали проникать къ намъ міросозерцательныя произведенія латинскаго запада. Только и тутъ высказались во всей ясности главные недостатки нашихъ предковъ: крайне-ограниченный умственный кругозоръ, невѣжество и безтактность въ выборѣ книгъ. Вмѣсто того, чтобы усвоять геніальныя астрономическія творенія Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона,—наши граматники брали у латинскаго запада старыя, полныя суевѣрій и заблужденій религіозно-міросозерцательныя сочиненія. Одно только то хорошо, что съ XVI вѣка, по крайней мѣрѣ, стали обращаться за книгами къ западу. Какъ ни узокъ и ни теменъ тоже былъ кругозоръ міровоззрѣнія въ этихъ западно-латинскихъ, схоластико-богословскихъ космологическихъ сочиненіяхъ,—все же они нарушали, по крайней мѣрѣ, мутное, темное, безжизненное и пустое однообразіе восточно-византійскаго міросозерцанія. Они возбуждали въ любознательныхъ грамотныхъ поколѣніяхъ потребность хоть какого-нибудь естествознанія, и если не сообщали истиннаго естествознанія, за то хоть завлекали любознательныхъ граматниковъ въ совершенно новую и необъятную сферу знанія, въ область природы и естествознанія. Хотя церковь относила къ списку отреченныхъ книгъ переводныя космологическія произведенія латинскаго запада, однакожъ они съ жаждой усвоялись любознательными грамотными людьми. Такъ въ XVI в. переведенъ былъ на русскій языкъ, какимъ-то Георгіемъ, вѣроятно, Токмачевымъ, псковскимъ намѣстникомъ, теологико-космологическій діалогъ, извѣстный подъ именемъ *Луцидаріуса*. Прототипомъ этой народной западной книги былъ Elucidarium sive dialogus de summa totius christianae theologiae, который приписывается Анзельму Кантерберійскому, Гонорію Отенскому и другимъ (Guillaume de Coventry, Lanfranc) [2]). Впрочемъ, излишнія богословскія толкованія мало по малу были выброшены изъ Луцидаріуса, и онъ, послѣ разныхъ дополненій и передѣлокъ, сталъ главнымъ

[1]) Памятн. стар. русск. литер., вып. 3., стр. 169—178.

[2]) См. подробности о Луцидаріусѣ въ лѣтописи русск. литерат. и старины, изд. Тихонравовымъ, 1859 г., кн. I, отд. II, стр. 33—40. Въ XII в. Луцидаріусъ переведенъ былъ на нѣмецкій языкъ. По изданію 1602 г., онъ такъ озаглавляется: M. Elucidarius von allerhandt Geschöpffen Gottes, den Engeln, den Himmeln, Gestirn, Planeten und wie alle Creaturen geschaffen seynd auf Erden, etc.

образомъ діалогомъ о мірѣ, о небѣ, о звѣздахъ и планетахъ, и проч., сохранивъ только общій физико-теологическій оттѣнокъ. Въ такомъ видѣ Луцидаріусъ переведенъ былъ на русскій языкъ. Какъ произведеніе латинскаго запада, и притомъ не чисто-богословскаго, а космологическаго содержанія, онъ съ самаго появленія у насъ подвергся нападкамъ со стороны церковныхъ писателей. Особенно Максимъ грекъ сильно вооружился противъ Луцидаріуса въ своемъ «посланіи къ нѣкоему мужу поучительномъ на обѣты нѣкоего латынянина мудреца» [1]). Несмотря на эти нападки, Луцидаріусъ, какъ видно, съ большой охотой читался. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя его редакціи, сокращенныя и дополнительныя. Его читали даже монахи Соловецкаго монастыря. Въ Луцидаріусѣ видимъ смѣсь разныхъ древнихъ ученій и сказаній о мірѣ— аристотелевскаго, птоломеевскаго, плиніевскаго, восточно-библейскаго и другихъ. Потому, онъ исполненъ всѣми древними заблужденіями и суевѣріями. Таковы всѣ разсужденія о звѣздномъ небѣ: тутъ примѣшивается и ученіе объ астральныхъ духахъ, и птоломеева астрологическая физика звѣздъ и планетъ, и всѣ средневѣковыя астрологическія суевѣрія и т. п. Выпишемъ для характеристики ученіе Луцидаріуса о звѣздномъ небѣ:» ученикъ вопроси: како есть небо сотворено! Учитель рече: святое писаніе именуетъ небо твердь есть сотворено, и на всяко время течетъ отъ востока на западъ; ему супротивъ течетъ солнце и луна и звѣзды. Ученикъ вопроси: откуду есть, еще мы зримъ, солнце и луна отъ востока къ западу течетъ! учитель рече: сіе бываетъ отъ небеси, понеже небо есть толь сильно, яко солнцу и лунѣ и звѣздамъ съ нощію на западъ тещи, право идетъ на камень противу колесъ. Ученикъ рече: чего ради сотвори Богъ тако! учитель рече: того ради, небесное твореніе да не сокрушится, яко да не сражается солнце и луна и звѣзды супротиву съ небомъ, сице оно течетъ вельми, яже то сокрушити. Ученикъ вопроси: откуду есть сіе, еже небо безпрестанно течетъ? учитель рече: подъ небесемъ есть не едино сотвореніе, идѣже оно на версѣ стоитъ, понеже оно кругло есть, и его всешмачнъ, яко Богъ вельми тако сотворилъ, даже безпрестани тещи иматъ и не можетъ стояти. Ученикъ вопроси: каково есть небо? Учитель рече: небо, еже мы твердь именуемъ, то есть сотворено отъ четырехъ составовъ, и есть подобно зеленѣ водѣ. Ученикъ вопроси: колько суть небесъ? Учитель рече: небеса суть трои: едино есть отъ земли даже до луны, второе отъ луны даже до звѣздъ, третіе надъ твердію, и бѣ именуемо огненное небо: на томъ есть Богъ самъ со всѣми святыми своими. Ученикъ вопроси: и есть ли на двухъ небесѣхъ что сотворено? Учитель рече: отъ земля даже до луны лукавіи души, идѣже именуются и дѣмони, и тѣ суть тамо поставлени, даже человѣки отъ юностныхъ дней отъ воздуха прельщающе души, а отъ луны даже до звѣздъ, воздухъ есть, огнянъ вельми: тамо пребываютъ святіи ангели; сіи суть поставлени, да человѣки хранятъ отъ лукавыхъ бѣсовъ... Ученикъ рече: что есть солнце безпрестани течетъ

[1]) „Не луцидаріусъ, но паче небраріусъ (т. е. тенебраріусъ)", — такъ называлъ его Максимъ Грекъ.

на небеси? Учитель рече: небо есть кругло въ правду, по нему же ходятъ солнце и звѣзды безпрестани текутъ. И сіе разсуди! аще бо текли обоя по единой улици, и приткнулися бы другъ къ другу, еже имъ и сокрушитися. Ученикъ рече: что ради сотвори Богъ тако? Учитель рече: елико отъ земли есть до луны, толико отъ солнца до звѣздъ, и звѣзды имѣютъ пребольшую часть. зане имъ небо ближе есть, а солнце послѣдуетъ звѣздамъ; улицы суть 12-ть на небеси, по нимъ же то солнце преходитъ въ единъ годъ, знаменующе 12-ть мѣсяцевъ въ коейждо улицѣ теченіемъ, еже Богъ сотвори по изволенію, яко текіи солнце въ коемждо знаменіи, сице непремѣняется годъ. Ученикъ рече: колицы есть планиты? Учитель рече: планитъ есть 7, противо дней, иже суть въ недѣли; двѣ же служатъ намъ наипаче, еже есть солнце и луна, прочіи же пять текутъ со звѣздами: едина глаголема Сатарнусъ, гречески же Кроносъ, яже выше всѣхъ течетъ, въ 30 лѣтъ исполняетъ теченіе свое; четвертая планита Венусъ, гречески же Афродитосъ, яже есть вечерняя звѣзда, въ два лѣта свое теченіе совершаетъ, едино лѣто предъ солнцемъ течетъ, а другое послѣ солнца; и егда течетъ предъ солнцемъ, тогда есть утренняя звѣзда, егда же послѣ солнца течетъ, тогда есть она вечерняя звѣзда. Ученикъ рече: коя звѣзда есть утрення, егда-жь Афродитъ, вечерняя звѣзда? Учитель рече: то есть пятая планита, именуема Марсъ, гречески же Ариссъ, подобно Афродиту, и высока на тверди ходитъ, и не могутъ ея познавати: та есть утренняя звѣзда, егда Афродитъ вечерняя звѣзда. Ученикъ рече: повѣждь ми о прочихъ планитахъ? Учитель рече: шестая планита есть Меркуріосъ, по гречески Ермисъ, та течетъ 7 лѣтъ предъ солнцемъ, и содержитъ въ себѣ мудрость. Седьмая планита Петеръ, гречески Зевесъ, та предъ солнцемъ течетъ 12 лѣтъ». Далѣе идутъ вопросы и отвѣты о величинѣ планетъ и звѣздъ, тѣ же самые, которые выше приведены нами въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей. Затѣмъ, совершенно согласно съ ученіемъ Птоломея, идетъ рѣчь о физическихъ свойствахъ звѣздъ и планетъ и о ихъ физическомъ вліяніи на темпераменты людей. «Ученикъ рече: коего естества суть звѣзды? Учитель рече: сіе вѣдомо отъ писанія, еже душа приходитъ отъ Бога преже человѣка вольяна бываетъ: сице естя Богъ надъ всѣми звѣздами, и яко убо душу блюдетъ подъ твердію, и кая убо планита ближайши есть ей, отъ тое пріемлетъ человѣкъ свое рожденіе. Ученикъ: откуду тако сіе? Учитель рече: нѣкія планиты и звѣзды есть студены естествомъ, нѣкія волглы, нѣкія сухи; тѣ же самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго естества и сухаго, той молчаливъ и невѣренъ, а который студенаго и волглаго естества, той глаголивъ и вся борзо выскажетъ; а который сухаго и горячаго естества, то есть дерзъ и храбръ и имать любовь на всякія жены и есть непостояненъ въ любви. И того ради пишетъ: яко планита Марсъ горячаго и сухого естества, та дѣйствуетъ брани и нестроенія, и истезуетъ паче всѣхъ нечистоту; а коя горячего и волглаго естества, та есть проста, милосерда и знатлива, и зѣло похотлива. Ученикъ: како сіе бываетъ? Учитель рече: небесное естество толь крѣпко, ежь земляному одолѣваетъ, и луна пріемлетъ мощь отъ солнца; и не дивися, еже

міръ судится по лунѣ: отъ четырехъ бо составъ сотворена. Ученикъ вопроси: повѣждь ми о лунѣ. Учитель рече: луна есть меньшая планита и течетъ всѣхъ нижайши къ земли. Того ради судится весь міръ по ней. Ученикъ вопроси: что ради луна борзо убываетъ и борзо наполняется? Учитель: егда планиты сотворены бѣша, тогда луна воспріятъ воды многи; яко жь земля отъ солнца имать свѣтъ по себѣ, тако и луна, егда близь солнца темна бываетъ и отрастаетъ до толѣ, доне лѣтъ солнцу начнетъ паки послѣдовати и полна бываетъ. Ученикъ рече: почто ради луна приходитъ въ солнечное знаменіе, а солнце лунѣ послѣдовати не можетъ. Учитель рече: солнце течетъ не прямо, а луна прямо, занежь солнце въ своемъ знаменіи бываетъ и течетъ годъ, луна же въ коемждо мѣсяци премѣняя знаменія. и бываетъ въ солнечномъ знаменіи день единъ. Ученикъ вопроси: что есть темность юже видимъ въ солнци? Учитель: егда сотворено бѣ солнце, воспріятъ водъ много отъ земли, и егда луна бываетъ студена, воспріемлетъ мощь отъ солнца, тогда луна, едина часть во свѣтѣ, и то есть черность въ солнци. Ученикъ рече: что тако луна премѣняется? Учитель: сіе случается часто, едва луна станетъ противъ солнца на коей половинѣ, бѣ бо тогда старостію луна 14 днiй, и солнце убо воспріемлетъ свѣтеніе лунное и бываетъ луна темна, и егда минетъ солнце, паки свѣтла бываетъ. Ученикъ: повѣждь ми о звѣздѣ комитѣ? Учитель: звѣзда Комита даетъ блистаніе отъ себе яко лучь, егда царство премѣниться хощетъ и брани велицы на странѣ той: та жъ звѣзда Комита течетъ съ прочими звѣздами, егда гдѣ божіимъ повелѣніемъ явится и свѣтитъ. Ученикъ рече: что мы видимъ, яко звѣзды спадающе съ небеси? Учитель рече: прежде повѣдахъ ти, яко звѣзда едина падетъ, поразитъ весь міръ: нѣсть се звѣзда, но случается часто, зане на аерѣ бываетъ буря велія отъ вѣтровъ и воздухъ одолѣетъ и въ воздухѣ огнь испущаетъ подъ звѣздами искры, и егда искра отскочитъ долу по воздуху, и людіе мнятъ видяще, яко звѣзда падаетъ».

Въ XVI же вѣкѣ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ запада, стали проникать къ намъ и суевѣрія астрологіи.

Возникши первоначально, вѣроятно, на востокѣ, у Халдеевъ, Персовъ и Египтянъ, астрологія особенно развилась у Аравитянъ. Этотъ умный и чрезвычайно пылкій воображеніемъ народъ искони любилъ наблюдать звѣздное небо, или карауля свои стада по ночамъ, или сопровождая караваны въ ночное время. Подвижныя звѣзды съ солнцемъ и луною вскорѣ показались ему чѣмъ-то особеннымъ, имѣющимъ могущественное вліяніе на судьбу человѣка. И такимъ образомъ у Аравитянъ естественно выработалась, вмѣстѣ съ болѣе опредѣленнымъ сужденіемъ о солнцѣ и планетахъ, вѣра во вліяніе звѣздъ, въ астрологію. Съ этого времени, особенно со времени вымысла аравитяниномъ Мессагалой такъ называемыхъ 12-ти астрологическихъ жилищъ, играющихъ главную роль въ составленіи гороскоповъ, — наступилъ блестящій періодъ для астрологіи. Она овладѣла всѣми умами, опредѣляла всѣ дѣла человѣка, вмѣшивалась во все. Предъ ней рабски преклонялись государственные мужи, и со страхомъ и благоговѣніемъ внимали ея оракульскимъ вѣщаніямъ. Кардиналы и епископы, государи и государственные люди, профессора, врачи и богословы, словомъ,

всѣ представители лучшаго средневѣковаго общества собирались и толпились вокругъ астрологическихъ оракуловъ. Не одинъ разъ, придворные астрологи, по выраженію Шлейдена, какъ настоящіе тайные совѣтники министровъ управляли цѣлыми государствами. Даже знаменитые астрономы, эти, можно сказать, первые колумбы въ области звѣзднаго міра, не могли отрѣшится отъ астрологическихъ предразсудковъ. Тихо Браге (1546—1601 г.), основавшій въ Даніи знаменитую обсерваторію Уранибургъ, вѣрилъ астрологіи. «Повинуясь истинѣ—говоритъ объ немъ Араго, мы съ сожалѣніемъ упоминаемъ, что человѣкъ, принесшій великую пользу наукамъ, не могъ бороться противъ предразсудковъ своего вѣка; онъ вѣрилъ астрологіи и алхиміи. Онъ вѣрилъ даже, что Марсъ предвѣщалъ ему потерю носа. Вотъ на какомъ основаніи Тихо считалъ гороскопы неподлежащими сомнѣнію: «солнце, луна и звѣзды совершенно достаточны для нашихъ нуждъ, и потому планеты, обращающіяся по удивительнымъ законамъ, были бы твореніями безполеѣзными, если бы онѣ не имѣли вліянія на судьбу людей, и если бы астрологія не открыла ихъ силы. На томъ же основаніи Тихо допускалъ, что и кометы тайно дѣйствуютъ на землю, потому что въ натурѣ ничто не существуетъ безъ цѣли. Наконецъ, и звѣзды сотворены для того, чтобы поддерживать и возбуждать силу планетъ. По истинѣ, прибавляетъ Араго, грустно видѣть, что такими нелѣпостями наполнена была голова первокласснаго ученаго,—при томъ такого ученаго, который имѣлъ столько силы ума и духа, что освободился отъ предразсудковъ своего сословія, которое думало, что дворянинъ унизится, если напечатаетъ какое нибудь сочиненіе». Кеплеръ былъ мученикъ науки астрономіи, но и онъ вѣрилъ гороскопамъ, по крайней мѣрѣ высоко ставилъ астрологію. Въ одномъ мѣстѣ онъ написалъ: «свѣтила даютъ намъ одинъ только свѣтъ, и, по формѣ ихъ соединенія при рожденіи ребенка, ребенокъ получаетъ жизнь въ той или другой формѣ. Если лучи гармонируютъ между собою, то новорожденный получаетъ прекрасную форму души». Въ другомъ мѣстѣ онъ защищаетъ астрологію, какъ «дочь астрономіи, питающую свою мать [1]»). Около полутора столѣтія до Кеплера, астрологіей занимались государи. Альфонсъ X Кастильскій, Людовикъ XI, Рудольфъ II, императоръ германскій, были ревностными астрологами и жертвовали большія суммы на успѣхи астрологіи. Какъ нѣкогда у большой части римскихъ и византійскихъ императоровъ астрологи были совѣтчиками и даже часто пользовались особеннымъ, исключительнымъ почетомъ, въ званіи придворныхъ астрологовъ, такъ до конца среднихъ вѣковъ, почти всѣ правители, и даже сколько нибудь значительные люди, имѣли при себѣ своихъ астрологовъ, совѣтуясь съ ними въ важныхъ случаяхъ. Начиная съ XVI-го столѣтія, астрологія перешла въ календари и народную политику. Это, впрочемъ, было первымъ поводомъ къ ея распаденію, потому что въ 1699 г. въ первый разъ, рѣшеніемъ имперскаго сейма, въ календаряхъ были запрещены предсказанія (prognostica) [2]).

---

[1]) См. Біографіи астрономовъ, Араго, Т. 1, стр. 23 и 35.

[2]) Этюды Шлейдена: Валленштейнъ и астрологія. Для характеристики астрологическихъ предсказаній (prognostica), приведемъ одинъ образчикъ—календарь 1632 г.

Проникши въ XVI вѣкѣ въ русскую землю, астрологія и здѣсь имѣла вліяніе на умы, хотя далеко не въ такой степени, какъ на западѣ. Западный выходецъ-астрологъ, нѣкто Николай Нѣмчинъ былъ въ то время извѣстнымъ проводникомъ ея у насъ. И вѣроятно, астрологія значительно овладѣвала у насъ умами многихъ, преимущественно, разумѣется, князей и бояръ. Иначе, строгіе ревнители церкви не находили бы нужнымъ постоянно обличать вѣру во вліяніе звѣздъ и предостерегать русскихъ читателей книгъ отъ «астрологовъ и звѣздочетья». Въ стоглавѣ прямо сказано о современникахъ: въ «Аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планетамъ гадаютъ и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ». Очевидно, что это гоненіе истекало изъ того, что православные русскіе начинали увлекаться этимъ латинскимъ обаяніемъ. Наши церковные учители безъ разбору преслѣдовали и астрологію, и астрономію ,и математику. Припомнимъ Стоглавъ, Домострой и многочисленныя обличенія Максима Грека. Въ многочисленныхъ спискахъ отреченныхъ книгъ постоянно повторялось: «а се мудрованія еретическая, имиже отводятъ отъ Бога и приводятъ бѣсомъ въ пагубу: первая книга Мартолой, рѣкше *Острологъ*, вторая *Острономія*... Книги, въ нихъ же есть писано о часѣхъ злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено... Еще книги суть еретическія, *Звѣздочтецъ, Двѣнадцать звѣздъ*, другій чтецъ, ему же имя шестодневецъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній рожeній своихъ, саномъ полученія, рока житію и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ»[1]) Инокъ псковского Елеазарова монастыря, Филофей такъ писалъ псковскому намѣстнику, дьяку Мисюрю Мунехину (1510—1528 г.) о вліяніи звѣздъ на рожденіе и на часы добрые или худые: «что говорятъ о злыхъ часахъ, и производятъ отъ рожденія человѣка подъ которою либо звѣздою, или въ часъ доброй или худой богатство и нищету,

---

Полное заглавіе его такое: Prognosis Astromantica, das ist: gründlicher Bericht und ausführliche Beschreibung von den himmlischen Constitutionen und contingentischen Sachen, so negst göttlicher Allmacht aus dem Lauf, Stand und Qualität der Planeten und andern Gestirn, auch aus den Finsternissen Wirkungen natürlicher Weise zu gewarten. Auf das Jahr u. s w. 1633. Mit Fleisse gestellet und beschrieben durch Hermann de Werre, Astronom und Medicus zu Norden in Ostfriesland. Hamb. 1632.

Лѣто.

Оно будетъ печальное, кровавое и страшное не только въ верхней и нижней Саксоніи, но и въ другихъ земляхъ, гдѣ люди, живя въ мирѣ и спокойствіи, не вѣрятъ въ возможность этого. Настанетъ страшная суматоха, которой иные будутъ очень не рады. Какъ кому удастся (Мекленбургъ, Валахія, Юлихъ, Клеве). Одному духовному лицу угрожаетъ смерть, по крайней мѣрѣ, онъ едва избѣгнетъ смертельной опасности. Знатная дама сдѣлаетъ свое завѣщаніе. Кому нибудь, можетъ быть, придется сложить корону, а какому нибудь потентату и скипетръ, потому что предстоятъ большіе перевороты. Спаси Господи люди твоя! O Deus, o Deus, Твоя всевышняя воля! d. 27 іюля. Орлу (нѣмецкая имперія) отрубленъ кривой, слишкомъ длинный клювъ. д. 6 августа. Левъ (Швеція) рычитъ. д. 12 августа. Ѣдятъ треску (Финляндія, шведская армія), какъ кому хочется. д. 27 августа. Орелъ помолодѣлъ.

[1]) Сборн. Солов. библ. № 860, л. 28—29.

добродѣтели и пороки, долголѣтство и краткость жизни, то все кощунство и басни, переданныя халдеями еллинамъ, а еллинами христіанамъ... Богъ управляетъ судьбою міра и людей, а не звѣзды: иначе, за что злые люди дѣлающіе зло подъ вліяніемъ звѣздъ, будутъ подвергнуты мукамъ въ вѣчности? Если бы худые часы сотворилъ Богъ, то онъ былъ бы виновенъ, что сотворилъ человѣка злымъ» [1]). Отецъ писалъ сыну въ наставленіи, какъ учиться грамотѣ: «высочайши себе не ищи, а глубочайши тебе не испытуй: высочайши убо себе — *небесное измѣреніе*, а глубочайши тебе — *бѣсовское прорицаніе*. Въ томъ же наставленіи, какъ и въ Домостроѣ, *звѣздочетье* приравнивается, какъ тяжкій грѣхъ, къ блуду, къ скаканію и чудѣнію, конскому уристанію, чарованію и волхвованію [2]). Несмотря, однакожъ, на всѣ такія запрещенія, вѣра во вліяніе звѣздъ и планетъ овладѣвала умами и въ XVII вѣкѣ. По примѣру западныхъ императоровъ и королей, и московскій царь Алексѣй Михайловичъ приглашалъ Олеарія быть его дворцовымъ астрономомъ и вмѣстѣ астрологомъ. По словамъ современниковъ, онъ честію веліею почиталъ альманашниковъ, какъ называли тогда астрологовъ. Московскимъ старовѣрамъ, начитавшимся обличеній противъ звѣздочетья, эта весьма не нравилось. Извѣстный расколоучитель, Ѳедоръ дьяконъ упрекаетъ царя Алексѣя Михаиловича за то, что онъ «альманашниковъ любилъ». А попъ Лазарь взывалъ къ царю въ сочиненіи «о изгубленіи правовѣрныхъ государей власти»: «Царю благородный! како времени сего неиспытуешь: имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, *разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ*: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени неизгадаютъ. Государь! таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши, и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити. Ни ни»!

Извѣстное въ астрологіи соединеніе Сатурна и Юпитера, Conjunctio major и maxima, игравшее чрезвычайно важную роль въ разныхъ предсказаніяхъ западныхъ астрологовъ и обратившее на себя вниманіе даже Иделера, Гумбольдта и др., смутно отразилось и у насъ. Уже Абумассаръ въ сочиненіи de magnis conjunctionibus высказывалъ мечтанія о вліяніи большихъ обращеній Сатурна (изъ которыхъ каждое принимается въ 300 лѣтъ) на судьбу сектъ и государствъ. Пресловутый кардиналъ Pierre d'Ailly, писавшій въ 1414 году и старавшійся примирить астрологію съ богословіемъ и исторіей, по примѣру Абумассара, на основаніи невѣрнаго вычисленія большихъ соединеній Сатурна и Юпитера, предсказывалъ политическіе и міровые перевороты, пришествіе антихриста, и, между прочимъ, будто бы указывалъ на 1693 и 1789 годы. Съ этой поры, по его предсказанію, si mundus usque ad illa tempora duraverit, quod solus Deus novit, multae tunc et magnae et mirabiles alterationes mundi et mutationes futurae sunt et maxime circa leges. Онъ предсказывалъ также, на основаніи тѣхъ же астрологическихъ вычисленій, что антихристъ, cum lege sua damnabile, пришествія котораго Колумбъ ожидалъ уже въ 1656 году, не замедлитъ явиться:

---

[1]) Послан. Филофея. Хроногр. Солов. библ. № 53, л. 343—344.
[2]) Сборн. Солов. библ. № 925, л. 63—68.

это, если не вполнѣ достовѣрно, то verisimilius suspicio per astronomica indicia.

Предсказанія d'Ailly имѣють, если не прямую связь, то большое сходство съ подобными предсказаніями, существовавшими и въ Россіи съ XV вѣка и до XVIII. Подобно d'Ailly и Колумбу, который изъ трактата de Concordia astronomicae veritatis cum narratione historica заимствовалъ идею объ опасности большихъ обращеній Сатурна и 7000 годахъ, и ждалъ антихриста въ 1656 году, и у насъ съ XV вѣка распространялось смутное опасеніе 7000 годовъ, ожиданіе съ началомъ ихъ политическихъ переворотовъ, пришествія антихриста и кончины міра. Астрологъ Николай Нѣмчинъ поддерживалъ это суевѣріе, проявившееся за тѣмъ во всей силѣ въ расколѣ. Потомъ, во второй половинѣ XVII вѣка, нѣкоторые, подобно Pierre d'Ailly, по большому соединенію Сатурна и Юпитера, предсказывали гражданскія смуты и перевороты. Такъ, въ 1665 году, какой то «*мужъ мудрый*», «на вопрошеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича о хотящихъ быти въ гражданствѣ», слѣдующее предсказывалъ «*по великому слученію высочайшихъ небесныхъ планидъ Сатурна и Ювиса*»: «яко въ гражданствѣ имутъ быти тайная скипетровъ похищенія, и смерти, яко естественныя, тако напрасныя людей вельможныхъ, имже послѣдуютъ великія молвы и смущенія и различныя постановленія уряду градскаго, ненавистная и въ поносъ и укоризну висящая законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзкихъ прозябенія, и для того великія будутъ сеймы многонародныя и чувствительныя, Богъ да избавитъ, да нѣкое опредѣленное злое оттуду выскочитъ, симъ вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубно будетъ, гдѣ будетъ судъ и правда, и брани неоскудѣютъ, подданные возстанутъ противъ правителей за то, что сердца ихъ суть опечалены и тоскою наполнены, хотя нѣцы вельможи о упокоеніи уставительномъ и помыслятъ и всяку жилу натянутъ, чѣмъ бы колеблемый оный народъ успокоитися могъ бы, обаче мало помогутъ. Къ симъ будутъ сонмища, казны истощатся, и которые мучители зѣльнѣ возсвирѣпѣютъ, погибнутъ, Бога же чтущіи соблюдутся. *Сіе предусмотрѣніе сотвори онъ* (мужъ мудрый) *отъ великаго слученія высочайшихъ небесныхъ планидъ Сатурна и Ювиса*» [1]).

Обратимся теперь къ собственно-народнымъ воззрѣніямъ на звѣздное небо, которыя развивались большею частію совершенно независимо отъ книжныхъ мудрованій о небесномъ мірѣ, и во многихъ отношеніяхъ совершенно отличны отъ нихъ. Обозрѣвая полный кругозоръ самобытнаго народнаго міросозерцанія вообще, — мы примѣчаемъ въ немъ, во первыхъ, преобладаніе непосредственно-натуральныхъ впечатлѣній, естественно-изобразительныхъ и миѳологическихъ воззрѣній надъ разумнымъ знаніемъ явленій природы, во вторыхъ, примѣчаемъ преобладаніе жизненно-примѣнительнаго, естественно-бытового, или природо-гадательнаго взгляда на физическій міръ надъ міросозерцаніемъ отвлеченно-познавательнымъ или теоретическимъ. Всѣ эти отличительные признаки непосредственно-нату-

[1]) Лѣтописн. сборникъ, принадлеж. профес. Григоровичу, половина 2: извѣщеніе о причинахъ происшествій 1682 и слѣд. годовъ.

ральнаго народнаго міросозерцанія обнаруживаются, въ частности, и въ народныхъ воззрѣніяхъ на звѣздное небо.

Теперь необразованный, простой народъ нашъ большею частію представляетъ небо такъ, какъ оно кажется на видъ, т. е. просто—покровомъ, оболочкой земли, и потому понятіе *небо* и *облако* часто смѣшиваетъ. Церковно-славянскія, библейско-богослужебныя выраженія о небесахъ, какъ облакахъ, подкрѣпляли такое народное представленіе [1]). Въ языческія же времена, предки наши представляли небо въ олицетворенномъ образѣ, въ видѣ божества—Сварога. Сварогъ, индійское coelum indri, отъ санскр. *сваръ* небо и *га* хожденіе, означалъ: 1) небо; 2) небесный свѣтъ, и 3) божество неба, точно такъ же, какъ у древнихъ Финновъ, по словамъ Кастрена, das wort *Jumala* eine dreifache Bedeutung hatte und 1) Himmel; 2) den Gott des Himmels; 3) eine Gottheit im Allgemeinen bezeichnete [2]), или какъ у монголовъ *тэнгри* означаетъ: 1) небо (ciel) и 2) божество неба (génie du ciel) [3]). Поэтому, какъ финнъ взывалъ къ своему Юмалѣ или Укко: ylijumala, taatto vanha taivahinen, — o Gott dort öben, alter Vater in dem Himmel, или какъ Бурятъ доселѣ взываетъ къ тэнгри: «тэнгри чи мэдэ—небо, ты знай: такъ и славянинъ взывалъ нѣкогда въ сохранившихся до-нынѣ заговорахъ народныхъ: «ты, небо, видишь, ты, небо, слышишь»! Пословицы крестьянскія говорятъ: *небо*—отецъ. Сѣй, разсѣвай, да на *небо* взирай. Не земля хлѣбъ родитъ, а *небо*», и. т. п.

Отъ тѣхъ временъ, когда небо представлялось божествомъ, или жилищемъ божества, сохранилось до-нынѣ существующее въ народной поэзіи представленіе свѣтилъ небесныхъ *очами неба*, или *лицами* небеснаго Бога. Эпическое уподобленіе свѣтилъ небесныхъ глазамъ или представленіе ихъ очами неба—общее всѣмъ народамъ. Скандинавскіе поэты солнце, луну и звѣзды называютъ очами неба. Въ образѣ германскаго верховнаго бога—Вуотана олицетворялось дневное небо, съ высоты котораго солнце, словно *громадное всемірное око божества,* озираетъ вселенную (mit diesem Auge überschaut die Gottheit die gesamte Welt, sie durchdringt alles). Тоже представленіе греки соединяли съ солнцемъ (Ἠέλιος). Какъ по пѣсни Wolfram'а 8, 28:

Obe der sunnen drî mit blicke waeren
Sin möhten zwischen si geliuhten;
Alle gestirne blicken auf die menschen hernieder;

Такъ точно, по изображенію Иліады:

Οὐδ' ἄν νῶϊ διαδράκοι Ηελιος περ,
Οὔτε καὶ ὀξύτατον πέλεται φάος εἰσοράασθαι.

---

[1]) Такое простое представленіе такъ естественно было, что одинаково свойственно и другимъ народамъ. Der Himmel, скажемъ словами Гримма, deckt die Erde und das Wort stammt aus der Wurzel *hima* (tego, involvo, vestio; lith. danguscoelum, dengiu-tego. In Westfalen bedeutet hebenscheer umzognen Himmel ohne Regen, ja heben drückt Wolke aus Sanscr. *nabos*, slav. *nebo* (coelum), grec. νέφος, lat. *nubes*, *nebula*, lett. debbes (coelum) debbes (nubes). D. M. 661—662.

[2]) Kastren's Vorlesungen über die Finnische Mythologie. 1853. 24.

[3]) Dictionnaire Mongol-russe-français, t. III, p. 1763.

Или, по изображенію Эсхила: Πρεσβιστον ἄστρων νυκτός ὀφθαλμός (Aesch. Sept. c. Th. 390).

Подобныя воззрѣнія на свѣтила небесныя образовались и въ славяно-русскомъ народѣ во времена миѳологическаго міросозерцанія, и сохраняются отчасти доселѣ. И теперь, напр., въ Восточной Сибири, въ селахъ говорятъ о солнцѣ: *Богъ глядитъ съ неба.* Изстаринное представленіе солнца окомъ или отсвѣтомъ, сіяніемъ лица Божьяго перешло въ народную христіанскую поэзію. Въ извѣстномъ космогоническомъ стихѣ о Голубиной книгѣ представляется:

Солнце красное *отъ лица Божьяго.*

Сербы *восходъ солнца* называютъ *прозоромъ Божіимъ.* Въ одной сербской пѣснѣ поется, что Богъ заповѣдалъ тремъ ангеламъ сойти на землю:

Од Божиjег прозора
Од сунчевог истока.

Какъ древній германецъ, по словамъ Тацита, Solem respiciens et cetera sidera vocans, quasi coram interrogabat, velletne intueri inane solum — такъ нѣкогда и славяне поклонялись *солнцу*, въ образѣ божества Хорса-Дажьбога. Солнце представлялось благодѣтельнымъ, животворнымъ земледѣльческимъ божествомъ природы, царемъ ея. Отсюда сохранились эти наивно-дѣтскія эпическія воззванія народа къ солнцу красному, какія приговариваютъ въ селахъ весной, въ первый день пасхи, и когда облака и тучи заволокутъ небо, и день станетъ пасмурный:

Солнышко, солнышко ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ.... [1]).

Всѣ инородцы, финскіе и тюрко-монгольскіе, какіе доселѣ обитаютъ въ Россіи и въ Сибири, также представляли и большею частію доселѣ представляютъ солнце и другія небесныя тѣла божествами—самостоятельными хозяевами въ своихъ небесныхъ жилищахъ. Такъ монголы воздавали особенное богопочтеніе солнцу; шаманы ихъ, призывая это божество, дѣлаютъ въ честь его обычныя возліянія изъ молока, или арахи. Тунгусы, по словамъ Георги, чтятъ солнце—*Delatscha* или *Tirgani*; мѣсяцъ—*Bega* и звѣзды—

---

[1]) У нѣмцевъ было такое же представленіе о солнцѣ. Sonne—говоритъ Гриммъ, gleich den andern Göttern als *froh*, *lieb* und *gnädig* dargestellt wird. O. IV. 33, 6 nennt ihr „gesiuni *blidaz*, thes sich ioh worolt frewita", und ein Gedicht des 13 Jahr. druckt sich so aus:

Wol dir *frouwe Sunne*
Du bist al der werlt wunne!
Sô ir die Sunnen vrô sehet
Shoenes tages ir jehet
Der êren ir der Sunnen sehet
Swen ir si in liehtem schine sehet. Grimm, 668.

Ositka; преимущественно же поклоняются солнцу и смѣшиваютъ его съ верховнымъ божествомъ—*Buga* [1]). Такое же почитаніе солнца, вмѣстѣ съ луной и звѣздами, господствовало у самоѣдовъ, остяковъ, вогуловъ и даже у татаръ. Финны и эсты поклонялись солнцу, мѣсяцу и прочимъ небеснымъ тѣламъ въ ихъ непосредственномъ, матеріальномъ видѣ. *Kuu* у нихъ означалъ мѣсяцъ и божество мѣсяца, *Päiva*—солнце и божество солнца, *Otäva* — большую медвѣдицу и божество ея, *Tahti* — звѣзды и божество звѣздное [2]). Солнце и у финновъ пользовалось преимущественнымъ почитаніемъ, какъ божество свѣта, тепла и земледѣлія [3]). Мордва и чуваши, говоритъ Лепехинъ въ своихъ путевыхъ запискахъ, солнце и луну не только за божество почитаютъ, но и приносятъ жертву солнцу въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а лунѣ въ новомѣсячіе, и приносятъ имъ въ жертву овецъ, гусей и проч., съ такою молитвою. Мордва молится *солнцу*: «кебеди валюги каубавасъ тряда, ванда шибавасъ кубавасъ; вышнее *солнце* свѣтитъ во все царство: свѣти и намъ и на нашъ міръ!» *Новомѣсячію*: «кебеди валюги шибавасъ тряда, ванда кубавасъ: мѣсяцъ свѣтитъ во все царство; освѣщай насъ и хлѣбъ нашъ» [4])!

Кромѣ миѳологическихъ оттѣнковъ, въ народномъ взглядѣ на солнце, мѣсяцъ и звѣзды господствуетъ еще воззрѣніе символическое, образно-загадочное. Не умѣя астрономически, научно разсматривать такія величественныя явленія неба, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, — народъ нашъ изстари смотрѣлъ и теперь смотритъ на чудеса звѣзднаго неба безъ всякаго разумнаго, отчетливаго пониманія. Не зная, какъ точно описать, обрисовать, изобразить ихъ своимъ словомъ, онъ описывалъ ихъ, въ формѣ загадокъ и пословицъ, образами земными, домашне-бытовыми, земледѣльческими, скотоводными. Иначе, при отсутствіи научныхъ астрономическихъ понятій, умъ и языкъ народный не могъ и выработать отчетливо-выразительныхъ, точныхъ словъ и опредѣленій относительно солнечнаго и звѣзднаго міра, и потому, дѣтски-наивно, такъ сказать, лепеталъ только о солнцѣ и звѣздахъ, въ загадкахъ и пословицахъ. И загадки эти, нѣкогда проистекавшія изъ пытливой любознательности младенческаго ума, теперь большею частію просто служатъ веселой, подъ часъ юмористической забавой—празднаго ума, незнающаго болѣе разумнаго и возвышеннаго наслажденія—просвѣщеннаго, раціональнаго созерцанія и познаванія неба. Въ этомъ младенческомъ состояніи астрономическаго міросозерцанія находится нашъ простой народъ и теперь. Онъ, сквозь земные, домашне-бытовые образы, смотритъ на звѣздное небо, и такъ гадаетъ въ своихъ пословицахъ о солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ: «Что выше лѣсу? Солнышко.

---

[1]) Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Bd. 1, S. 275.

[2]) Kastren's, finnische Mythol. 53 и слѣд. см. подробности о Päiva, Kuu, Otava, Tähti, о сыновьяхъ и дочеряхъ солнца о проч. 5, 53—61.

[3]) Es ist sehr wahrscheinlich,—говоритъ Кастренъ,—dass der Sonnengott von den Finnen der Vorzeit auch wegen seiner wärmenden Eigenschaft im Allgemeinen und besonders wegen seiner ernährenden, die Erde befruchtenden Natur verehrt wurde. Finn. Myth., S. 61.

[4]) Полн. собр. путешеств. по Россіи, т. III, стр. 178.

Что краше свѣта? Красное солнышко. По зарѣ зарянской катится шаръ вертлянской: никому его не обойти, ни объѣхать (солнце). Красная дѣвушка въ окошко глядитъ (солнце). Красная дѣвушка по небу ходитъ (солнце) [1]). Сивый жеребецъ черезъ ворота глядитъ (мѣсяцъ). Лысый меринъ подъ ворота глядитъ (тоже). Бѣлоголовая корова въ подворотню смотритъ (мѣсяцъ). Баранъ въ хлѣвѣ, рога въ стѣнѣ (тоже) [2]). Шелъ я мимо, видѣлъ диво: виситъ котелъ въ девяносто ведръ (мѣсяцъ). Безъ крыльевъ летитъ, безъ кореньевъ растетъ (мѣсяцъ). Надъ бабушкиной избушкой виситъ хлѣба краюшка (тоже). У насъ надъ дворомъ краюха виситъ (луна). Надъ дворомъ-дворомъ, стоитъ чаша съ молокомъ (мѣсяцъ). Идетъ лѣсомъ — не треснетъ; идетъ плесомъ—не плеснетъ (тоже). Поле не мѣрено, овцы не считаны, пастухъ рогатый (звѣзды и мѣсяцъ). Полна печь пироговъ, посреди коровай (звѣзды и мѣсяцъ). Погляжу я въ окошко, стоитъ рѣпы лукошко (небо и звѣзды). Разсыпался стаканъ по всѣмъ городамъ, никому несобрать, ни попамъ, ни дьякамъ, ни дьячкамъ, ни намъ, дуракамъ, ни серебреникамъ (звѣзды). Разсыпался горохъ по всей Москвѣ, по всей Вологдѣ (звѣзды). Вся дорожка осыпана горошкомъ (звѣзды на небѣ). Разсыпался коверъ по всѣмъ сторонамъ: никому не собрать, ни попамъ, ни дьякамъ, ни серебреникамъ (звѣзды). Шли козы по мосту, увидѣли зорю, попрятались въ воду (звѣзды). Катилися каточки по ягнову (ясному?) мосточку, увидѣли зорю, пали въ воду (звѣзды). На избномъ конькѣ пестра подушка лежитъ (звѣзды). Безъ огня горитъ, безъ крылъ летитъ (солнце) [3]).

Не имѣя разумнаго, научно-астрономическаго понятія о солнечной системѣ, о суточномъ движеніи земли около солнца—нашъ простой народъ доселѣ руководствуется своеобразными непосредственными впечатлѣніями и наблюденіями и соединенными съ ними суевѣріями. Представленіе о кажущемся суточномъ теченіи и круговращеніи солнца по небу, надъ землей, такъ вкоренилось въ понятія народа, что проникаетъ ихъ бытъ и вѣрованія. У него свои, совершенно особенныя понятія и выраженія о солнцѣ. Напр., солнце представляется ему *колесомъ* и *шаромъ вертящимся*: «на зарѣ зарянской катится *шаръ вертлянскій*, никому его не обогнать, не объѣхать». О свойствахъ солнца гадаютъ: «Что *безъ огня горитъ?* Солнце. О *солнечномъ*

---

1) Представленіе солнца въ женскомъ родѣ ведетъ свое начало изъ языческой миѳологіи. Самое слово солнце, въ первоначальной, коренной своей формѣ *сълнь* (солонъ), по мнѣнію Буслаева, женскаго рода. Въ слѣдствіе первоначальнаго женскаго значенія, солнце, по народнымъ сказаніямъ, поворачивая на лѣто, наряжается въ праздничный, *дѣвичій сарафанъ*. Въ Ивановъ день, куклу, представляющую солнце, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Точно также германцы представляли solem esse *deam*, vocans eam *sanctam dominam*. См. подробнѣе о женск. полѣ солнца, по древнимъ понятіямъ у Гримма. D. M. 666.

2) Представленіе мѣсяца въ образѣ животныхъ ведетъ свое происхожденіе изъ зооморфической миѳологіи звѣроловнаго и пастушескаго быта, когда свѣтила представлялись подъ образомъ разныхъ животныхъ, и особенно подъ образомъ быка и коровы. См. подробности въ статьѣ г. Афанасьева: о зооморфическихъ божествахъ у славянъ. Отеч. зап. 1852 г. Также, арх. Калачева, книги второй половины 2, стр. 19.

3) Пословицы, собр. Далемъ.

лучъ загадка говоритъ: «изъ окна въ окно золото веретено». О солнцѣ, когда оно близко къ восхожденію и когда горизонтъ уже освѣтился, говорятъ въ нѣкорыхъ мѣстахъ: *солнышко спорыдаетъ,* свои лучи оно *брызжетъ* или *разбрызгиваетъ.* Дѣйствіе восхожденія солнца индѣ выражаютъ безличнымъ глаголомъ: «*вздрало*», «вздрало солнце», *разсвѣло, взошло красно солнышко* и т. п. Съ восходомъ солнца простой народъ нашъ доселѣ безсознательно соединяетъ первобытное представленіе о дѣйствительномъ выходѣ, какъ бы вытеченіи солнца изъ-за горъ, изъ-за лѣсу, изъ-за моря, такъ же какъ и всѣ народы имѣли такое первоначальное понятіе объ этомъ явленіи. Древне-нѣмецкое выраженіе о восходѣ солнца arrinnit такое же понятіе выражаетъ и однозначительно съ латинскимъ manare: diei principium *mane,* quod tum manat dies ab oriente (Varro 6, 4) *manare solem* antiqui dicebant, cum solis orientis radii splendorem jacere coepissent. Восходъ солнца и востокъ имѣли религіозное значеніе въ язычествѣ. Встающій отъ сна обращался къ восходящему солнцу и молился. По эпическимъ пѣснямъ и былинамъ народнымъ, всѣ богатыри и герои имѣли обычай молиться на востокъ: «онъ молодецъ отъ сна пробуждается, утренней росой умывается, бѣлымъ полотномъ утирается, на *востокъ* Богу— молится». (Древн. росс. стихотв., стр. 258). Восходъ солнца давалъ человѣку опознаваться, оріентироваться въ окружающей его природѣ, опредѣлялъ понятіе о правомъ. Отсюда въ одномъ народномъ заклятіи выраженіе: «*солнце деснуетъ*».[1]) Начиная съ восхода, все дневное теченіе солнца по небу имѣло для нашихъ предковъ не только время — опредѣлительное, но и какое-то особенное, священное значеніе. *По солнцу совершались суевѣрные* обряды. И въ церкви должно было ходить непременно *по-солонь,* а отнюдь не противъ солнца. Потому-то старовѣры и подняли такой жаркій споръ *о хожденіи по-солонь,* такъ какъ *солонованіе* было исконнымъ народнымъ обычаемъ, а не греко-восточнымъ установленіемъ. Далѣе, по областнымъ народнымъ нарѣчіямъ, солнце приходитъ на *притинъ,* когда въ полдень подымается до высшей точки на небѣ. Оно *зѣваетъ,* если по временамъ является изъ-за тучекъ, то спрячется, то опять покажется; говорятъ: *солнышко спряталось.* Когда солнце закрывается бѣлыми облаками,—поморцы говорятъ: *солнышко замолодѣло.* О дальнѣйшемъ кажущемся теченіи солнца говорятъ: *солнце съ избы своротило,* т. е. съ лица избы, съ юго-восточнаго угла, гдѣ башница, перешло, значитъ, за полдень. Сворачивая съ полдня и опускаясь къ западу, солнце *косится;* и когда въ дали по горизонту тянутся густые сплошные облака, тогда оно садится въ *стѣну* [2]). О захожденіи солнца говорятъ: «солнышко *закатилось, сѣло*» и т. п. Куда оно *закатилось,* нашъ народъ не даетъ никакого отчета. Старинные наши книжники представляли солнце близь одной изъ самыхъ крайнихъ оконечностей земли: тамъ указывали *солнцевое мѣсто,* откуда оно по-утру восходитъ. Такъ въ космографіи XVII в. писалось: «страна Ѳарматы нагія подъ *самымъ востокомъ солнца,* вѣруютъ же на *небо* и къ Богу... Да туто

[1]) Архивъ Калачова, кн. 2, пол. 2, отд. VI, стр. 73—55.
[2]) Буслаевъ, 1, стр. 184.

жъ подъ *востокомъ солнца* есть мѣсто, гдѣ исходятъ великія 4 рѣки райскія... И ту *подъ востокомъ солнца* человѣкамъ нѣсть жилища» [1]). Въ лѣтописяхъ упоминается какой-то *Солнцевъ градъ* въ индѣйской странѣ. Напр., по случаю мора 1352 г., новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ: «нѣцыи рѣша: той моръ пошелъ изъ индѣйскія страны, отъ *Солнца града*», (Новг. IV, 61). По народнымъ повѣрьямъ, представляется также солнцево мѣсто на морѣ на Океанѣ, на островѣ Буянѣ. По другимъ славянскимъ повѣрьямъ, солнце склоняется вечеромъ въ воду, въ купальню, чтобы очиститься, и утромъ восходитъ оттуда въ чистомъ лучезарномъ блескѣ. Иначе море представляется матерью солнца, которая ночью склоняетъ и успокоиваетъ его въ своихъ объятіяхъ [2]). Такъ-какъ въ языческія времена, солнце почиталось божествомъ жизни, земледѣльческаго богатства и всякаго счастія, вся дневная жизнь нашихъ предковъ, такъ сказать, вращалась по солнцу, по-солонь, — то, съ закатомъ солнца, съ прекращеніемъ его благотворнаго свѣта, дѣлать, или начинать что нибудь, по примѣтамъ нашего народа, значило — какъ бы идти противъ солнца и вредитъ себѣ. Суевѣрныя примѣты говорятъ: «когда солнышко закатилось, не починай новой ковриги: разстроится богатство. Солнышко закатилось, не бросай соръ на улицу: пробросаешься».

Космическія и атмосферныя явленія свѣта небесныхъ тѣлъ доселѣ остаются тайною для темныхъ массъ народныхъ. Простолюдины, да и многіе учившіеся въ среднихъ и высшихъ училищахъ, не только не умѣютъ объяснить такихъ явленій, какъ напр., аберрацію свѣта, образованіе голубого цвѣта неба, или различныя комбинаціи и степени отраженія свѣта въ мельчайшихъ водяныхъ пузырькахъ, плавающихъ въ воздухѣ, рефракцію, сверканіе звѣздъ, миражъ, радугу и другія явленія, производимыя преломленіемъ и отраженіемъ свѣта, но не понимаютъ и не могутъ объяснить и закона распространенія обыкновеннаго дневного свѣта. Они не знаютъ, напримѣръ, что свѣтъ солнечный пробѣгаетъ въ одну секунду около 42,000 миль, что каждая частица воздуха, или водяныхъ паровъ, или частица пыли и дыма въ воздухѣ, задерживая часть падающаго на нее свѣта, производитъ отраженіе и разсѣяніе свѣта, что это отраженіе и разсѣяніе свѣта внутри атмосферы и есть причина обыкновеннаго дневного свѣта, и проч. Простой народъ нашъ довольствуется простымъ представленіемъ, что свѣтъ отъ солнца, что солнце *разбрызгиваетъ* свѣтъ и т. п. Скорость и неуловимость распространенія свѣта онъ представляетъ подъ образомъ тайнаго, невидимаго, неуловимо-быстраго подкрадыванія. Не умѣя ясно и отчетливо представить и объяснить явленій свѣта, онъ выражаетъ понятіе о свѣтѣ и его распространеніи иносказательно, символически, по обычному пріему своего эпическаго міросозерцанія. Таковы, напр., слѣ-

---

[1]) Сборн. Сол. библ. № 861, № 274—275.

[2]) Hanusch, Slavisch. Myth., S. 201, Гриммъ говоритъ: „Wohin aber wendet sich die Abendsonne zur Ruhe, wo ist ihr Gemach gelegen? Nach dem ältesten Ausdruck taucht sie ins Meer, in den kühlen Wogen ihre Glut zu löschen, im ags... *on mere* gange, *under soe* suife“, и проч. По древне-нѣмецк. представленію, божество солнца zu bade geht. D. M. 702—704.

дующія загадки и пословицы о свѣтѣ и его явленіяхъ: «Бѣлая кошка лезетъ въ окошко (свѣтъ). Ни стукъ, ни брякъ, къ окну подошелъ (свѣтъ). Изъ окна въ окно золото веретено (лучь солнечный). Мету не вымету: пора придетъ, самъ уйдетъ (свѣтъ солнца). Чего въ коробейку не спрятать и не запереть? (Свѣта). У тебя есть, у меня есть, у дуба въ полѣ, у рыбы въ морѣ (тѣнь). По утру въ сажень, въ полдень въ пядень, а къ вечеру черезъ поле хватаетъ (тѣнь). Разныя отраженія солнечнаго свѣта на предметахъ областныя нарѣчія наши выражаютъ также просто, по наглядности. Напр. если солнце освѣщаетъ предметъ — это выражаютъ словомъ *освитъ*; если не освѣщаетъ, то говорятъ: *усолонь* или *усолонье*. Дѣйствія атмосферной рефракціи, или разнообразныя странные явленія, производимыя необыкновеннымъ преломленіемъ свѣта въ сосѣднихъ воздушныхъ слояхъ различной плотности, простолюдины выражаютъ по своему, безъ всякаго пониманія и объясненія. Напр., когда предметъ измѣняетъ видъ свой отъ преломленія лучей въ воздухѣ,—поморцы говорятъ: *временитъ*; *острова временятъ*, т. е. измѣняютъ свой видъ отъ дѣйствія рефракціи. Или, когда воздухъ въ дали представляется какъ бы дрожащимъ отъ дѣйствія рефракціи,—тѣже поморцы, необъясняя этого явленія, говорятъ: *мельзитъ*. Въ восточной Сибири, въ приленскихъ селахъ, когда видятъ кажущееся лѣтомъ въ дали, въ поляхъ, безпрерывное и быстрое передвиженіе или дрожаніе воздуха, происходящее отъ дѣйствія рефракціи и отъ безпрестаннаго движенія неодинаково-плотныхъ воздушныхъ слоевъ,— говорятъ, что то начинающіе цвѣсти хлѣба играютъ.

Изъ безчисленныхъ системъ звѣзднаго неба, народное міросозерцаніе подмѣтило весьма немного звѣздныхъ группъ. И тѣ оно подмѣтило крайне поверхностно и представлаетъ баснословно, нисколько не изображая ихъ истинной космической природы. Именно, изъ всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ, которыхъ въ средней Европѣ видно до 3,250, изъ всѣхъ созвѣздій, передъ взорами нашего простого народа, какъ и передъ взглядомъ другихъ народовъ, особенно ярко выступаютъ три: Большая Медвѣдица (Ursa Major), Оріонъ и Плеяды.

Большую Медвѣдицу, которую, на сѣверномъ небѣ, во всякое время легко можно найти по замѣчательному созвѣздію, содержащему шесть звѣздъ второй и одну звѣзду третьей величины, — наши крестьяне называютъ *Коромыслъ* (Оренбургской губ.), также *Лосá* или *Лось* (Олонец. и Вятской). По этому созвѣздію крестьяне узнаютъ полночь[1]). У грековъ Большая Медвѣдица называлась ἄρκτος (ursa) и ἅμαξα, у римлянъ *ursa* и *plaustrum*, также *septentriones*, у нѣмцевъ *Wagen*, у французовъ—*char*, *chariot*, у поляковъ *woz* (plaustrum), у богемцевъ *was* и *ogka*, у иллирійскихъ славянъ *kola* и *kolo*[2]). Финская миѳологія называетъ Большую Медвѣдицу *Otava* и представляетъ ее божестомъ, имѣющимъ дочь *Otavatar*[3]).

Прекрасную группу ярко-блистающихъ звѣздъ, которую греки назы-

---

1) Великорус. областн. словарь, см. означ. слова.

2) Grimm. D. M. s. 688.

3) Kastren, Finnische Mytholog. s. 54. 58.

вали *Оріономъ* (ωρίων), или эти три взаимно-соприкосновенныя звѣзды, образующія поясъ Оріона или жезлъ Іакова, крестьяне наши называютъ *кичаги* и *кичиги*. У славянъ Оріоновъ поясъ называется *kosi*, у богемцевъ — *kosy*, у словаковъ *koszi*, у краинцевъ — *palize*, у босняковъ — shtupka, у другихъ славянъ — *babini sctapi* и kruzilice, и т. д. [1])

Близъ Тельца, видно густо усѣянное, скученное звѣздами мѣсто, въ которомъ распознаются семь большихъ звѣздъ. Это созвѣздіе *Плеядъ* [2]). крестьяне наши называютъ *кучки* (нижегород.), также *утичье гнѣздо* (вятск. и друг.) *ключи петровы* (воронежск.), *баба* и *стожаръ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ созвѣздіе плеядъ служитъ крестьянамъ примѣтой удачнаго промысла за медвѣдями! «Коли звѣздисто и стожаръ (созвѣздіе плеядъ) горитъ — иди смѣло на медвѣдей», — говоритъ одна примѣта. Богемцы называли Плеяды *slepices kuratky,* венгерцы — *fiastik, fiastyuk* отъ *tik, tyuk gallina*, поляки — *baby*, сербы — *wlaschitzi*, *vlaschnitzi*, нѣмцы — *thaz sibunstirri*. Представленіе плеядъ подъ образомъ утинаго гнѣзда или насѣдки съ семью цыплятами, распространено почти во всей Европѣ [3]).

Ни одна изъ планетъ не подходитъ такъ близко къ землѣ, какъ Венера, которая можетъ приближаться къ нашей планетѣ до $5^1/_4$ милліоновъ миль и удаляться отъ нея до 36-ти милліоновъ миль. Кромѣ того, она отличается своей ослѣпительной бѣлизной и яркимъ свѣтомъ отъ всѣхъ прочихъ планетъ. Эта планета можетъ быть уже видна за три часа до восхожденія солнца, или же спустя три часа по захожденіи его, такъ что за явленіями ея можно наблюдать цѣлую ночь. Послѣ верхняго соединенія съ солнцемъ, Венера быстро удаляется отъ него къ востоку, такъ что ея захожденіе происходитъ послѣ захожденія солнца, и, слѣдовательно, планета будетъ видна вечеромъ, почему она въ это время и называется *вечернею звѣздою*. По достиженіи наибольшаго удаленія отъ солнца, Венера сперва медленно, а потомъ быстро приближается къ солнцу. Незадолго передъ нижнимъ соединеніемъ съ солнцемъ, Венера, наблюдаемая въ телескопъ, является узкимъ серпомъ, и потомъ исчезаетъ въ лучахъ солнца, чтобы черезъ нѣсколько времени появиться на западной его сторонѣ. Теперь Венера восходитъ прежде солнца, и потому называется *утреннею звѣздою*. Наши крестьяне вечернюю и утреннюю венеру называютъ *зарницей* (нижегор., оренб.), *зарянкой* (смолен.), *заряницей* (псков. твер.).

---

[1]) Добровск. Slavin p. 425. Скандинавы назвали Оріоновъ поясъ Mariarok, Marirok, отъ дѣвы Маріи. Въ другихъ мѣстахъ Германіи назыв. Оріонъ *Pfluoc* (aratrum) такъ же Iakobsstab, peterstab. Grimm, D. M. 690.

[2]) Греч. Πλειάδες, іонич. Πληϊάδες—семь дочерей Атласа и Плеоны, подобно тому какъ сѣверныя Thiassi, и Orvandill—изъ рода ризъ (Riesengeschlecht).

[3]) D. M. Grimm: Zumeist verbreitet unter dem Volk in Deutschland, fast in ganz Europa ist das Bild einer *Henne mit sieben Küchlein*. S. 691. О происхожденіи плеядъ Гриммъ сообщаетъ такую легенду: Christus gieng an einem Beckerladen vorüber, wo frisches Brot duftete und sandte seine junger hir, ein brot zu erbitten, der becker schlug es ab, doch von ferne stand die beckerfrau mit ihren sechs töchtern und gab das brot heimlich, da für sind sie als *siebengestirn* an den himmel versetzt der becker aber ist zum Kukuk geworden. S. 691.

Въ эпосѣ народномъ, въ пѣсняхъ и даже заговорахъ, вечерняя и утренняя звѣзда играетъ важную роль. Видно, что въ языческія времена ей усвоялась религіозная, божественная санкція[1]).

Если разсматривать небо, говоритъ Мюллеръ, при совершенно прозрачномъ воздухѣ, въ безлунную ночь, то на темно-синемъ фонѣ, усѣянномъ звѣздами, замѣчаютъ слабую, бѣлую, туманную полосу, которая, при неправильномъ очертаніи, увеличиваясь въ ширинѣ, проходитъ черезъ весь рядъ созвѣздій. Эта туманная полоса, извѣстная подъ названіемъ *Млечнаго пути*, образуетъ кольцо, раздѣляющее весь небесный сводъ на двѣ, не совсѣмъ равныя части. Начиная отъ Лебедя до хвоста Скорпіона, млечный путь раздѣляется на двѣ, одна возлѣ другой идущія полосы, окружающія темное пространство, на подобіе острова. Млечный путь относятъ къ разлагающимся туманамъ, на томъ основаніи, что при разсматриваніи его въ хорошую зрительную трубу, онъ является составленнымъ изъ безчисленнаго множества малыхъ, густо расположенныхъ, звѣздочекъ. Видъ, въ которомъ намъ представляется млечный путь, объясняется предположеніемъ, что звѣзды, составляющія его, образуютъ кольцо, и что солнце, вмѣстѣ съ своими планетами, находится въ срединѣ этого кольца[2]). Простой народъ, не умѣя астрономически объяснить млечный путь, какъ явленіе небеснаго свѣта, представляетъ его по своему, миѳологически. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (наприм. нижегородской губерніи) крестьяне называютъ его *мышины тропки*, а голову млечнаго пути—*косари* (тул.)[3]). Въ средніе вѣка, когда вообще въ небесныхъ свѣтилахъ видѣли знаменія земныхъ событій, наши предки назвали млечный путь, по нашествію татаръ, *батыевымъ путемъ*, думая, что на небѣ, именно въ млечномъ пути отобразился страшный путь Батыя. Названіе это сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь. И вообще, у разныхъ европейскихъ народовъ господствовало подобное миѳическое представленіе о млечномъ пути. Напр. венгерцы называли эту группу звѣздъ *путемъ войны*, *via belli* (hadakuttia), потому, будто бы, что переселяясь изъ Азіи, они слѣдовали этому созвѣздію. По эпической сагѣ Видукинда о побѣдѣ саксовъ надъ тюрингами, герой-полубогъ Ирминъ или Иринъ мечомъ проложилъ этотъ небесный путь, viam ferro faciens, почему онъ и назывался iringes wec an dem himmel, iringesstrâza[4]). Кромѣ того, по средневѣковому суевѣрному міросозерцанію, млечный путь представлялся и назывался via Sancti Jakobi, chemin de saint Jacques, Jakobstrass. Западные славяне называли его zesta v'Rim

---

[1]) Нѣмцы называли вечернюю и утреннюю Венеру âpantsterno, tagastesrno, abendstern, morgenstern. Финны утреннюю звѣзду представляли божественнымъ существомъ. По сагѣ эстовъ, *Koit*—утренняя звѣзда зажигала солнце, какъ свѣчу, а вечерняя—*Ämmarik* гасила. Kastren, Finn. Myth. 65.

[2]) Космич. физика, Мюллера, стр. 298.

[3]) Великор. областн. словарь, подъ этими словами.

[4]) Mirari tamen non possumus,—присовокупляетъ Видукиндъ,- in tantum famam praevaluisse, ut Iringi nomine, quem ita vocitant, lacteus coeli circulus usque in praesens sit notatus. Или, по ауерсбергской хроникѣ: famam in tantum praevaluisse, ut lacteus coeli circulus *Iringis nomine Iringesträza* usque in praesens sit vocatus.Grimm, 331.

(путь въ Римъ), отъ путешествій пилигримовъ. Финны представляли млечный путь *птичьимъ путемъ* (linnunrata[1]).

Безъ разумнаго, научнаго знанія звѣзднаго неба, нашъ простой народъ неизбѣжно долженъ былъ, подобно всѣмъ націямъ, чуждымъ астрономическаго просвѣщенія, съ рабскимъ суевѣріемъ предаваться всякимъ предразсудочнымъ и невѣжественнымъ представленіямъ о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на земную природу и организмъ человѣка. Такъ, дѣйствительно, и есть. Скажемъ сначала о вѣрѣ во вліяніе луны.

Наука теперь убѣдила насъ, что мѣсяцъ, по самой природѣ своей и по своему астрономическому положенію, не можетъ имѣть никакого вліянія на землю и организмъ человѣка. «Какъ старый шлаковый шаръ, скажемъ словами Шлейдена, лѣниво вертится онъ вокругъ нашей планеты. Среднее разстояніе его около 52,000 нѣм. миль, вся его орбита простирается не болѣе 326,000 миль, да и это пространство мѣсяцъ проходитъ въ 27 дней и почти 8 часовъ, тогда какъ наша планета пробѣгаетъ въ часъ 14,000 миль. Вся его поверхность заключаетъ 690,330 квад. миль; слѣдовательно, почти столько, сколько содержитъ земля на южномъ нашемъ полушаріи, или около $^1/_{10}$ водяной его поверхности. Орбита мѣсяца дѣлаетъ съ землею уголъ не болѣе какъ въ 5^0; постоянно передвигающіяся точки пересѣченія обѣихъ орбитъ называются узлами луннаго пути. Поэтому, въ извѣстное время, онъ совершенно поворачивается къ солнцу спиною; а такъ какъ мѣсяцъ по преимуществу освѣщается солнцемъ, то онъ и кажется намъ совершенно темнымъ». Составляя $^1/_{80}$ земной массы, луна еще и въ другомъ отношеніи не болѣе, какъ слабое, невліятельное тѣло. Ни слабый свѣтъ, который она заимствуетъ отъ солнца и ниспосылаетъ къ намъ, не составляющій даже $^1/_{20000}$ солнечнаго свѣта, ни самые незначительные теплые лучи, доходящіе до насъ вмѣстѣ съ лунными лучами, по точнымъ опытамъ, рѣшительно не оказываютъ никакого вліянія на земную жизнь и природу. Даже сила, присущая всѣмъ небеснымъ тѣламъ безъ исключенія, сила тяготѣнія, весьма незначительна у мѣсяца; она не превышаетъ $^1/_7$ силы тяготѣнія земли, такъ что камень, падающій на землѣ со скоростью 15′ въ первую секунду, на лунѣ падаетъ въ то же время немного болѣе 2′. Мѣсяцъ не въ состояніи приподнять легчайшаго перушка, и не можетъ испарить малѣйшую каплю воды. Если же онъ оказываетъ вліяніе только на движенія воздушнаго океана и на обширныя моря, производя приливы и отливы, то и это дѣйствіе приходится отчасти насчетъ солнца, по крайней мѣрѣ до $^2/_5$. Какъ космическая сущность луны, такъ и самыя фазы ея не заключаютъ въ себѣ никакихъ таинственныхъ, сверхъестественныхъ силъ, которыя бы имѣли вліяніе на дѣла земныя и человѣческія, на измѣненіе погоды и проч. Это очень простое явленіе: луна сама по себѣ

---

[1]) Grimm. D. M. 331—332. По другимъ сказаніямъ, Weg von Dover nach Cardigan sich erstreckend bildet am Himmel die *milchstrasse*, или—путь проѣзженный нѣкогда поѣздами языческихъ боговъ. Фаетонъ, сынъ божій, когда вздумалъ править солнечнымъ поѣздомъ отца, воспламенилъ полосу на небѣ, и это сталъ путь, который называется млечнымъ путемъ. У всѣхъ восточныхъ народовъ онъ называется то путемъ боговъ, то путемъ душъ. Grimm. D. M. 331.

есть тѣло темное; весь свѣтъ, какой доходитъ отъ нея до насъ, какъ мы сказали, есть отраженный солнечный свѣтъ. Поэтому, когда луна находится въ соединеніи съ солнцемъ, или между землею и солнцемъ, то къ землѣ обращена ея темная сторона, и мы видимъ новолуніе. Затѣмъ, въ среднихъ положеніяхъ луны относительно солнца, мы видимъ, разумѣется, то большія, то меньшія части освѣщенныхъ ея половинъ, начиная отъ серпа до полнаго круга. Когда луна течетъ передъ нашими глазами, насупротивъ находящагося солнца, и къ намъ, слѣдовательно, обращена вся освѣщенная солнцемъ сторона мѣсяца, эта фаза называется *полнолуніемъ*. Всѣ эти измѣненія или фазы луны суть явленія чисто космическія, ничто иное, какъ различныя степени слабаго отраженія солнечнаго свѣта, и потому не могутъ имѣть никакого особеннаго дѣйствія на землю и на земную атмосферу. Новолуніе или полнолуніе, равно какъ и другія фазы луны, не имѣютъ никакого вліянія, напримѣръ, на измѣненіе погоды. Это доказываетъ постоянная неизмѣняемость погоды во всѣхъ четвертяхъ и фазахъ мѣсяца, въ тропическихъ странахъ, для которыхъ эти четверти и фазы луны имѣютъ такое же космическое значеніе, какъ и для всѣхъ другихъ странъ земного шара, и бываютъ въ одинъ и тотъ же моментъ, какъ и вездѣ».

Не зная физической невозможности никакого особеннаго вліянія мѣсяца на земную планету и людей, различные народы издревле вѣрили въ луну и ея могущественныя дѣйствія. У грековъ полнолуніе,—πανσέληνον, и новомѣсячіе —νουμηνία, ἕνη καὶ νέα считались священнымъ временемъ, такъ же какъ у евреевъ; причиной этого было суевѣрное мнѣніе о вліяніи новолунія и полнолунія. Отъ Гезіода, высказавшаго греческія суевѣрія относительно дней въ сочиненіи Ἔργα καὶ ἡμέραι до Варрона и Виргилія, большая часть сельскихъ работъ распредѣлялись по вліянію луны. «Все, что въ сельскомъ хозяйствѣ надобно срѣзывать, срывать, стричь, все это лучше дѣлать во время ущерба мѣсяца, нежели при новолуніи», — говоритъ Плиній въ своей естественной исторіи, «Только то, что наростаетъ снова, говоритъ Варронъ о земледѣліи, можно срѣзывать при новолуніи». «Я слѣдую этому примѣру, говоритъ Agrasius, — не только при стрижкѣ овецъ, но, по наставленію моего отца, даже когда самъ стригусь, чтобы не стать плѣшивымъ, остригшись во время ущерба[1]). Въ темные средніе вѣка особенно сильно вѣрили въ удачу или неудачу полевыхъ и всякихъ другихъ работъ въ новолуніе или полнолуніе. Церковные учители, въ родѣ Елигія, находили нужнымъ въ проповѣди разубѣждать: nec luna nova quidam timeat aliquid operis accipere. Нѣмцы называли новолуніе *holder herr*. Новолуніе они считали лучшимъ, самымъ счастливымъ временемъ для браковъ, для постройки новаго дома и переселенія въ него: novam lunam observasti pro domo facienda aut conjugiis sociendis. Въ новолуніе считали деньги: новый мѣсяцъ умножалъ прибыль. Новолуніе считалось лучшимъ

[1]) И даже теперь, замѣчаетъ Шлейденъ въ своемъ чтеніи о лунѣ, 2,000 лѣтъ спустя, это суевѣріе твердо укоренилось у нашихъ кормилицъ, нянекъ, и даже у многихъ изъ такъ называемаго образованнаго класса. Этюды, 248.

временемъ для приплода скота. Въ новолуніе собирали цѣлебныя травы, потому что вѣрили въ особенное вліяніе новаго мѣсяца на цѣлительные соки травъ[1]). По различнымъ суевѣрнымъ примѣтамъ о лунѣ, производился посѣвъ разныхъ произрастеній. Напримѣръ, полагали за правило — плоды, растущіе надъ землею, сѣять въ новолуніе, а корнеплодныя растенія — въ ущербъ мѣсяца[2]). Полагали далѣе, что луна оказываетъ такое же вліяніе и на организмъ человѣка. Съ новолуніемъ, будто бы, наростаетъ мозгъ, наполняя весь черепъ, и снова уменьшается съ ущербомъ мѣсяца. Съ фазами луны, то увеличивается будто бы, то уменьшается количество крови въ жилахъ. Въ XIII вѣкѣ врачи выдавали это за несомнѣнную истину. Со временъ Иппократа и почти до новѣйшаго времени, фазамъ луны приписывались причины болѣзней, по фазамъ мѣсяца заключали о методѣ леченія, о дѣйствіяхъ лекарства. Какъ остатки этихъ предразсудковъ, встрѣчаются даже во многихъ календаряхъ нашего столѣтія особенные календарные знаки, обозначающіе дни и часы, въ которые можно съ пользою пускать кровь, ставить банки, купаться, или принимать слабительное. Наконецъ, особенно сильно было вѣрованье въ связь различныхъ измѣненій погоды съ фазами луны. Это суевѣріе господство-

---

[1]) Uberall herscht die Vorstellung,—пишетъ Гриммъ,—dass held, ehegluck und haussegen, gleich dem licht des himmels wachsen und zunehmen werden. Nicht anders geschieht haar und nägelschnitt im neumond (franz. abergl. n. 5, Schütze holht id. 3, 68) damit sie wieder nachwachsen; vieh wird im zunehmenden licht entwöhnt (no. 757), im schwindenden würde es abmagern; nach litth, abergl. sollen mädchen in abnehmenden, knaben in vollem licht entwöhnt werden. warscheinlich um jenen schlanke, zierliche, diesen aber starke gestalt zu verschaffen. Heilsame kräuter, reiner thau sind im *neumond* zu sammeln: „tou on des mânen niwi gelesen, weil die dann frisch und lauter sind.... Bei *vollmond* (im gegensatz zu neumond), d. h. bei abnehmenden licht sind geschäfte zu verrichten, die trennung oder auflösung, fällen oder erlegen beabsichtigen. So würde z. b. eine ehe geschieden, ein haus abgebrochen, eine seuche vertrieben werden müssen im abnehmenden mond, falls ich recht vermute. Hierher gehört die vorschrift holz im wald zu fällen wenn wadel ist, gleichsam damit das gefällte holz trockne in einem strassb. 1511 bei Hupaff gedruckten calender: „es ist gut holz anheben abzuhauen mit des mondes wede". (So wird noch in vielen neuerer forst-büchern gelehrt, der vollmond heisst darum *Holzwadel*; bei zunehmendem mond (im bösen wädel) soll man kein holz schlagen.. gras im neulicht nicht zu mähen, sondern im vollmond (litth. abergl. 7) auch schätze sind im vollmond zu heben. Wenn man bei wachsendem mond federn in ein bett füllt, so haften sie nicht; auch dies geschäft fördert abnehmendes licht, gleichsam um die gerupften federn vollends zu ertödten und zur rast zu bringen. Vuk erzählt dass serbinnen im neumond kein hemd waschen, die ganze leinwand, behaupten sie, würde sich im wasser vermonden (omijeniti), d. i. aufbauschen und shnell zerreissen man könnte auch dafür, dass im abnehmenden mond wasche zu halten sei, der grund geltend machen, gleich dem schwindendem licht solle flecken und unreinheit weggenommen werden. Grimm. D. M. 5, 677--678.

[2]) Fruchte, die *über der erde* wachsen, sind in zunehmendem, die *unter der erde*, in abnehmendem licht zu säen. (Jul. Schmidt p. 122), у Вестендорпа p. 129: dat *boven den grand* wast, by toenemende maan, dat *auder den grond* wast, by toenemende maan te zaaien. Gustaf (Wöhhanda s. 49) bemerkt, wenn der mond in der faulzeit (im dritten viertel, kus se kul mäal) stehe, solle man keine winter-saat säen. См. у Гримма, стр. 678 и въ примѣч. 1,220 и слѣд.

вало отъ баснословыхъ временъ Гермеса-Трисмегиста, египтянина, до позднѣйшаго времени.

Такіе предразсудки относительно луны изстари господствовали и доселѣ сохраняются и въ нашемъ народѣ, чуждомъ просвѣщенія. Первоначальнымъ источникомъ ихъ должно полагать языческую вѣру въ мѣсяцъ, какъ въ живое, божественное существо. Въ заговорахъ, отпечатанныхъ г. Сахаровымъ, сохранились остатки языческихъ моленій лунѣ: «мѣсяцъ ты мѣсяцъ, серебрянные рожки, златыя твои ножки! Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою скорбь зубную, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенесть, а твоей силѣ перенесть», и проч. [1]). Отсюда понятно, почему появленіе и различныя фазы мѣсяца имѣли въ глазахъ нашего народа таинственное, сверхъестественное дѣйствіе на судьбу человѣка. Съ другой стороны, русскіе народные граматники много предразсудочныхъ примѣтъ о лунѣ заимствовали изъ общихъ славянскихъ астрологическихъ источниковъ. Напримѣръ, у сербовъ распространены были подробные громовники или «сказанія о животѣ и о гаданіи», въ которыхъ по мѣсяцамъ раскрывается вліяніе луны на землю, на плодородіе, на здоровье людей, на погоду и проч. Эти суевѣрныя сказанія отъ сербовъ перешли и къ русскимъ. Приведу здѣсь отрывокъ изъ одного неизданнаго сборника громовниковъ сербской редакціи, за сообщеніе котораго благодарю В. И. Григоровича: «Тако се начинаетъ мѣсяца сентевріа, рекоміи руянь, иматъ дніи 30 и часовъ 360. Луна ему свѣтитъ 24 дніи, рождается въ 1 часъ дни. Да аще есть луна ему права, то припаси мнози добри, и ведро будетъ; аще ль пологомъ, то слота будеть: аще ли громъ будетъ растуще лунѣ, всѣмъ изобиліе и здравіе человѣкомъ; аще ли оскудѣвающи (лунѣ) возгремитъ, пагуба кажитъ.... Октовріе, рекоміи листопадъ, часъ 300, луна рождается во 2 часъ дне и свѣтитъ 30 дніи. Да аще ему будеть луна право, то зима добра и ведро, будетъ; аще ли пологомъ, то дождиви будеть; аще ли мгла на небо взыдеть, то смерть въ людехъ; аще ли луна право будетъ, то великими мужъ умретъ. Ноемвріе, рекоміи студени: а часъ 300, луна его свѣтитъ 29 дніи рождаетъ 2 часъ нощь; да аще ему будетъ луна право, то дожди; аще ли пологомъ, то слота. Декевріе, рекоміи просеночь: часовъ 371; луна его свѣтитъ 30 дніи, рождается прежде полунощь; да аще ему луна будетъ права, то зима люта; аще ли пологомъ, вѣтры велики будутъ. Генуаріе, рекоміи ловъ заець, а часовъ 300, рождается въ полунощь, да аще ему луна право, то на лѣто плодъ мало. Февруаріе, рекоміи велича, а часовомъ 300; рождается въ полунощь; да аще ему будетъ луна права, то всему добра и ведро будетъ; аще ли пологомъ, то слоти. Мартіе, рекоміи лажу, а часомъ 300; луна его свѣтитъ 30 дніи; рождается прежде пѣтелъ; да аще ему будетъ луна права, то красти многи, и вѣтры различны, и слота будетъ; аще ли пологомъ, то ведрена многа. Априліе, рекоміи травань; а часовъ 307; луна его свѣтитъ 29 дніи; рождается въ первые пѣтели; да аще ему луна будетъ права, то ведро будетъ; аще ли пологомъ, то еза

[1]) Сказан. русс. нар. т. 1, кн. II. Чернокнижіе, № 15.

человѣкомъ и скотомъ, и дождевно. Маіа, рекоміи липань; а часовъ 439; луна его свѣтитъ 30 днiи; рождается въ часъ дне, да аще ему будетъ луна право, то ведро будетъ, аще ли пологомъ, то смерть. Юніе, рекоміи свивань: а часовъ 306; рождается въ 1 часъ дни; да аще ему будетъ луна права, то зима, и дождевна; аще ли пологомъ, то ведро и студено. Іюліе, рекоміи серпань: а часовъ 454; луна его свѣтитъ 30 дний, рождается въ полдни; да аще ему будетъ луна права, то добро повѣдуетъ: въ тотъ мѣсяцъ здравіе въ людехъ, къ сему и изобилiе и ведро будетъ; аще ли пологомъ, то пшеницъ много, и дождей много. Августъ, рекоміи коловозъ: а часовъ 400; луна его свѣтитъ 30 днiи, рождается въ 9 часъ дне; да аще ему будетъ луна права, то изобиліе всему много будетъ; аще ли пологомъ, то еза въ людехъ и скотіяхъ, и дождеве будетъ[1]).

У крестьянъ нашихъ отъ временъ языческаго міросозерцанія сохранилось много суевѣрныхъ примѣтъ относительно вліянія новолунія или полнолунія на разныя земледѣльческія работы. Возникши подъ вліяніемъ языческаго суевѣрнаго воззрѣнія на мѣсяцъ, какъ на живое, божественное существо, предразсудки эти, переходя изъ рода въ родъ, крѣпко держатся между крестьянами, единственно по совершенному незнанію физической сущности луны, вообще естественныхъ наукъ и, въ частности, метеорологіи. Таковы напр. слѣдующія крестьянскія примѣты о вліяніи луны: «Навозу не запахивать въ *новолуніе*, а въ *послѣднюю четверть*. Въ *полнолуніе* назему по полямъ не развозить, сорная трава задушитъ. Посѣвъ *на молодую луну*—къ урожаю. Въ *новолуніе* сѣять—червь поѣстъ. Посѣвъ въ *новолуніе*—червямъ снѣдъ. Яровую рожь и пшеницу сѣять въ *полнолуніе*. овесъ два дня послѣ, или прежде. Ячмень, на свѣжемъ навозѣ, сѣй въ *полнолуніе*. Ленъ сѣй въ *послѣднюю четверть*. Въ первые дни *новолунія* сѣй горохъ. Крутой мѣсяцъ—къ холоду. Рога луны остры и ярки—къ ведру; круты къ морозу. Круты рога мѣсяца— къ ведру; пологи—къ ненастью; тусклый мѣсяцъ—къ мокрети; ясный—къ суху; въ синевѣ—къ дождю; въ краснѣ -къ вѣтру; съ ушами—къ морозу. Ясная, круторогая луна—зимой къ стужѣ, лѣтомъ къ ведру. Красноватый кругъ около луны, скоро пропадающій—къ ведру. Два такихъ круга, или одинъ тусклый—къ морозу; красный кругъ—къ вѣтру, перерванный—къ снѣгу, молодой мѣсяцъ обмывается (о перемѣнѣ пагоды въ новолуніе). Если мѣсяцъ въ три дня обглядится, то весь будетъ ведрый, а когда три дня дождя, то весь ненастный (Воронеж.). Когда мѣсяцъ родится внизъ рогами (на югъ), то зимой будетъ теплый, лѣтомъ жаркій; вверхъ (на сѣверъ), зимой холодный, лѣтомъ вѣтряный; рога кверху, но нижній крутой, верхній отлогій, то первая половина мѣсяца, зимой холодная, лѣтомъ вѣтряная; если же верхній рогъ круче, нижній отложе, то та же примѣта на вторую половину мѣсяца. Ни на новцѣ, ни на ветху, ни на перекроѣ, ни въ полный мѣсяцъ (заговоръ). Во время *новолунія*, не кажи лунѣ пустой мошны—вѣкъ пуста будетъ. Въ

---

[1]) Въ другомъ громовникѣ профессора Григоровича говорится о вліяніи луны на громъ. Но этотъ громовникъ мы приведемъ въ статьѣ объ электрическихъ атмосферныхъ явленіяхъ.

новолуніе дерева не валяютъ (не рубятъ), дрова, лѣсъ, хворостъ рубить въ *полнолуніе* — сгніетъ, червь поточитъ. Въ *полнолуніе* солени не солить, ничего впрокъ не готовить. Строевой лѣсъ руби въ *новолуніе*: вырубленный на ущербѣ сгниваетъ. Печь класть на *новолуніе* — теплѣе будетъ. На *молодомъ мѣсяцѣ* рыба клюетъ [1]). Какъ Егорьевъ день въ *исходѣ* (луны), пускай коня по волѣ; какъ Егорьевъ день въ *молоду*, держи коня въ поводу. Это значитъ: когда Егорьевъ день случится въ исходѣ луннаго теченія, то весна будетъ холодная, а потому и управа съ яровою работою будетъ продолжительна; когда же Егорьевъ день случится въ началѣ луннаго теченія, весна будетъ теплая, а потому управа съ яровыми работами непродолжительна [2]). Въ Ярославской губерніи, въ пошехонскомъ уѣздѣ, «во время *новолунія*, не кажутъ пустого кошелька мѣсячному свѣту, то есть, не вынимаютъ кошелька изъ кармана: иначе не будетъ ни копѣйки во весь мѣсяцъ; при новомъ мѣсяцѣ, почти всегда ожидаютъ перемѣны погоды, особливо сырой, также при ущербѣ и исходѣ луны». (Этнограф. Сборн. кн. II).

Для непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ людей и народовъ, кажется, ничто на небѣ такъ не изумительно и не страшно, какъ затменія солнца или луны. Ужъ самый необычайный видъ этихъ явленій, одно неожиданное нарушеніе въ нихъ обычнаго цвѣта или диска солнца и луны возбуждали ужасъ въ суевѣрныхъ умахъ. Вотъ, напримѣръ, луна вступаетъ въ земную тѣнь, вдругъ часть ея помрачается и принимаетъ сѣрый цвѣтъ; луна болѣе и болѣе погружается въ земную тѣнь: сѣрый цвѣтъ все переходитъ въ красный, наконецъ, наступаетъ полное затменіе, и весь лунный кругъ представляетъ особенный темно-красный цвѣтъ, происходящій отъ того, что разсѣянный свѣтъ освѣщенной земной атмосферы попадаетъ въ тѣнь. Суевѣріе видитъ въ этомъ темно-красномъ цвѣтѣ превращеніе луны въ кровь, и ужасается. Еще въ большій страхъ и изумленіе приходятъ суевѣрныя массы, когда бываютъ полныя затменія солнца, то есть когда земля проходитъ черезъ тѣнь луны, ядро лунной тѣни падаетъ прямо на извѣстныя мѣста земли, и солнечный кругъ совершенно закрывается луною. Тамъ, гдѣ бываетъ полное затменіе, распространяется особенная темнота, небо кажется сѣрымъ и замѣтны нѣкоторыя изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ. Черный лунный кругъ окруженъ широкимъ волнующимся сіяніемъ, отъ котораго распространяются желтые лучи. Во время полнаго солнечнаго затменія все животное царство приходитъ въ тревожное состояніе: птицы кружатся, какъ испуганныя, собаки воютъ, лошади и другія животныя выказываютъ безпокойную боязливость. Неудивительно поэтому, если это чрезвычайно рѣдкое явленіе всегда приво-

[1]) Пословицы, собр. Далемъ. Чтен. общ. истор. и древн. росс. 1862, кн. I стр. 09—1048.

[2]) Этнографическій сборникъ I, стр. 167 и друг. „Увидѣвши новый мѣсяцъ, даванинъ, если при немъ есть деньги, показывая ихъ мѣсяцу, говоритъ: „какимъ я встрѣтилъ, такимъ и оставь“; если же при немъ въ это время нѣтъ денегъ, чить будетъ терпѣть нужду. Если появившійся молодой мѣсяцъ застилаютъ тучи, поселяне опасаются падежа скота“. Матеріалы для географ. и статист. Бессараб. асти. 486.

дило въ ужасъ и людей необразованныхъ и суевѣрныхъ. Тогда какъ мы теперь смотримъ на солнечное затменіе просто какъ на тѣнь, которую бросаетъ на насъ новая луна, если узлы луннаго пути (или постоянно подвигающіяся точки пересѣченія обѣихъ орбитъ — мѣсяца и земли) лежатъ на прямой линіи, соединяющей солнце съ луною или безъ всякаго ужаса видимъ лунное затменіе, если земля бросаетъ тѣнь на полную луну, — всѣ младенчествующіе или непросвѣщенные народы смотрѣли на затменіе, какъ на болѣзни небесныхъ свѣтилъ, или какъ на попытки какого-то дракона, великана или демона — проглотить небесное тѣло. Индѣйцы, напримѣръ, думали, что змѣй пожиралъ солнце и мѣсяцъ во время затменія, или демонъ обвивалъ ихъ [1]). По монгольской сагѣ, затменія солнца и луны причиняетъ миѳическое существо *Aracho*, въ отмщеніе солнцу и мѣсяцу за то, что они открыли богамъ мѣсто его укрывательства отъ ихъ божескаго гнѣва [2]). У финновъ были разныя суевѣрія относительно затменій солнца и луны. По однимъ суевѣріямъ, злая сила, въ родѣ *Louhi* или *Kuumet*, ловитъ эти небесныя тѣла, беретъ въ плѣнъ и заточаетъ въ желѣзныя горы или въ темницы. По другимъ преданіямъ, злое существо *Kapeet* по временамъ пожираетъ небесное тѣло, особенно луну, и отъ того бываетъ затменіе. Доселѣ финскіе инородцы говорятъ: *kuu syödää — мѣсяцъ съѣденъ* [3]). Эсты также говорятъ о затменіяхъ: «sonne mond wird gefressen. По нѣмецкой и скандинавской миѳологіи, два волка, зооморфическія чудовища, изъ рода ризъ, преслѣдуютъ солнце и мѣсяцъ: *sköll*, по шведски solvarg, solulf (sonnenwolf) преслѣдуетъ солнце и производитъ въ немъ затмѣніе, *Hati* или *Mânagarmr* преслѣдуетъ мѣсяцъ, и по временамъ поглощаетъ его [4]). Въ Европѣ, въ средніе вѣка солнечныя и лунныя затмѣнія ужасъ наводили на суевѣрные народы [5]). Въ X вѣкѣ, цѣлая армія Оттона бѣжала внезапно при появленіи солнечнаго затменія, которое страшно перепугало всѣхъ [6]). Рыданья и вопли раздавались при видѣ затменій: слезами и воплями думали возстановить свѣтъ затмившихся свѣтилъ [7]). Ужасъ, возбуждаемый затменіями, исчезъ окончательно не ранѣе XVIII

---

1) Bopp's Glossar 148.

2) Bergmann's nomadischen Streifereien unter den Kalmücken, B. III, S. 41.

3) Kastren's Finnische mitholog. s. 63—65.

4) Grimm, Deutsche myth. s. 224. 668.

5) Nichts war den Heiden fürchterlicher, говоритъ Гриммъ, als die nahende *verfinsterung* der sonne oder des monds, womit sie zerstörung aller dinge und Weltuntergang in verbindung brachten; sie wähnten, das ungeheuer habe schon einem theil des leuchtenden gestirns in seinen rachen gefast und suchten es durch lauten zuruf wegzuschrecken. Daher eifert Eligius: nullus si quando *luna obscuratur, vocificare* praesumat, dieses geschrei *vince luna!* Grimm, D. M. s. 678—669.

6) Sprengel, Hist. de la Medicine II, p. 368.

7) *Clamoribus splendorem lunae* deficientis *restaurare*. Максимъ Турин., церковн. отецъ V столѣтія, проповѣдывалъ въ своей homilia de defectu lunae: cum ante dies plerosque de vestrae avaritiae cupiditate pulsaverim, ipsa die circa vesperam tanta ad coelum, quod eum requirerem, quid sibi clamor hic velit, dixerunt mihi, quod *laboranti lunae* vestra *vociferatio subveniret*, et *defectum ejus suis clamoribus adjuvaret*. Grimm, D. M. s. 669.

вѣка; во второй половинѣ XVII, они еще возбуждали великій страхъ и во Франціи, и въ Англіи.

Такой же суевѣрный взглядъ на солнечныя и лунныя затменія господствовалъ у славянъ и русскихъ. Въ языческія времена, въ эпоху звѣроловнаго и пастушескаго быта, въ періодъ зооморфическаго міровоззрѣнія, суевѣрію славянъ такъ же, какъ и другимъ невѣжественнымъ народамъ, мерещились на небѣ злыя существа — *волкодлаки*, которые будто бы и пожирали солнце и луну, и производили затмѣнія. Въ словарѣ Миклошича находимъ слѣдующее извлеченіе изъ одной Кормчей книги: «облакы гонештеи отъ селянъ влъкодлаци нарицаються. Егда убо погыбнетъ луна или сдъньце, глаголютъ, *влъкодлаци луну изъѣдоша или слъньце*». Это суевѣріе раздѣляли и русскіе. Въ лѣтописи читаемъ: «погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголютъ невѣгласи: *снѣдаемо солнце*» [1]). Лѣтописцамъ, вообще, затмѣнія казались *погибелью* или уничтоженіемъ солнца и луны они постоянно отмѣчаютъ эти явленія такими словами: *погибе солнце, погибе мѣсяцъ весь* или *быть гибель лунѣ* [2]). Христіанское народное суевѣріе то относитъ затменія солнца и луны къ дѣйствіямъ Бога, то приписываетъ ихъ злымъ духамъ. Во всякомъ случаѣ они возбуждали ужасъ въ невѣжественномъ народѣ. «Въ лѣто 6632, читаемъ, напримѣръ, въ лѣтописяхъ, — бысть знаменіе въ солнци, августа 11, въ 9 часъ, передъ вечернею нача убывати солнца бывшю ему яко мѣсяцъ малъ, и мало не смерчеся полуденьи, погибе все. О великъ страхъ! И тма бысть, и звѣзды быша, и мѣсяцъ, и паки нача прибывати въ борзѣ, и наполнися, и ради быша вси по граду». «Въ лѣто 6693 мѣсяца маіа въ 1 день, во звоненіе вечернее бысть знаменіе въ солнци: морочно бысть вельми, яко на часъ и болѣе, и звѣзды видѣть и человѣкамъ во очію яко зелено бяше, а въ солнци учинися аки мѣсяцъ, изъ рогъ его яко огнь жарящь исхождаше, и страшно бѣ человѣкомъ видѣти знаменіе Божіе. Въ лѣто 1380 г., восходящу солнцу бысть тьма велика, по всей земли мгла, небо бяше того отъ утра до третьяго часа, и повелѣ Господь тмѣ уступити, а пришествіе свѣту дарова. Въ лѣто 1471, ноября 27, бысть гибель лунѣ: полунощи на яснѣ бывъ, и аки кровь въ лунѣ, и тма бысть не мало время, и паки помалу просвѣтися» [3]), и т. п. Подобными замѣтками исполнены древнія лѣтописи. И въ настоящее время простой народъ сохраняетъ средневѣковое суевѣрное понятіе о затменіяхъ: вмѣсто языческихъ волкодлаковъ, затменія произ-

---

[1]) Ипат. лѣт. 7.

[2]) Напр. Новгород. IV лѣт. стр. 109, 127, 129 и мног. друг.

[3]) Новгор. лѣт. IV, стр. 1, 2, 16, 50, 52, 79, 127, 129 и мног. друг. Иногда солнечныя затменія производили какъ-бы отъ сочувствія или сострадакія солнца бѣдствіямъ христіанской церкви. Напр. въ той же Новгор. лѣт. IV, 65 читаемъ: разгнѣвася на крестьяны царь египетскій, посла въ Антіохію и въ Іерусалимъ и въ прочіе грады, имѣнія крестьянскія отня, и церкви разграбивъ заградн каменьемъ, и монастыри синайскія запусти и разори, Михаила патріарха и вся митрополиты разсѣя... Сего *не терпя солнце, луча своя скры*, авг. 7, въ часъ 3-й, бысть солнце аки треи дней мѣсяцъ, ущербившуся ему съ сѣверныя страны, мраку зелену отъ запада приходящу, и пребысть часъ, обратися роги на полдень, потомъ къ земли, дондеже наполнися.

водятся либо отъ *скрадыванья злыхъ духовъ,* либо *отъ суда Божія.* Напримѣръ, въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ, крестьяне производятъ солнечное и лунное затменіе отъ скрадыванія свѣта злыми духами, чтобы въ темнотѣ удобнѣе было имъ уловлять христіанъ [1]). Въ Воронежской губерніи затменіе солнца и луны называютъ «Божьею планидою». А какъ затменіе солнца бываетъ замѣтнѣе луннаго, то крестьяне полагаютъ: «не идетъ ли страшный судъ» [2]). Въ сборникѣ пословицъ, изданныхъ Далемъ, находимъ такія повѣрья: «вѣдьмы мѣсяцъ скрали (т. е. затмѣніе, — повѣрье Украйны и сѣверной Россіи). Затменіе бываетъ отъ того, что злой духъ скрадываетъ свѣтъ Божій и въ потьмахъ ловитъ христіанъ въ свои сѣти. На лунѣ Каинъ убиваетъ Авеля, братъ закалываетъ брата вилами», и т. п.

Какъ затменія солнца и луны, такъ и всѣ другія свѣтовыя видоизмѣненія небесныхъ тѣлъ невѣжественнымъ народамъ казались и кажутся непостижимыми, сверхъестественными знаменіями. Въ средніе вѣка всѣ убѣждены были, не только простолюдины, но и церковные книжники, начиная отъ лѣтописца Нестора, что различныя измѣненія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ назначены быть знаменіями къ добру или худу. Тогда и на весь вообще физическій міръ, а на звѣздный въ особенности, смотрѣли, какъ на вѣщаго оракула судебъ земли и людей. Ко всякому звуку въ природѣ съ чуткимъ суевѣріемъ прислушивались, ко всякому явленію зорко и боязливо присматривались. Такое воззрѣніе на природу отчасти наслѣдовано было отъ языческаго, непосредственно-натуральнаго міросозерцанія. И оно особенно относилось къ чудесамъ неба. Необъятный и непонятный сводъ небесный особенно очаровывалъ и изумлялъ суевѣрныя массы своими неуловимо-разнообразными и поразительно-необычайными свѣтовыми явленіями. Иногда вдругъ видѣли на небѣ, подернутомъ легкимъ облачнымъ покровомъ, сіяющіе цвѣтные круги около солнца или луны, которые мы теперь причисляемъ къ явленіямъ интерференціи свѣта. То вдругъ показывались какъ будто два солнца, или виднѣлись около солнца два большихъ свѣтовыхъ кольца краснаго цвѣта внутри, или чаще одно кольцо, пересѣкаемое горизонтальной свѣтлой полосой, которая часто простирается до самаго солнца: это такъ называемыя *ложныя солнца.* То неожиданно появлялись на небѣ новыя звѣзды, которыя недолго блестѣли и опять исчезали: это такъ называемыя *временныя звѣзды,* принадлежащія къ рѣдкимъ явленіямъ, которыхъ въ послѣднія 2,000 лѣтъ съ нѣкоторою точностью насчитываютъ отъ 20 до 22. Всѣ эти и подобныя явленія небесныхъ тѣлъ намъ теперь болѣе или менѣе понятны. Круги и ложныя солнца намъ объяснили Маріотъ, Фрауенгоферъ, Галле и другіе. Временныя звѣзды на западѣ уже въ XVI и XVII вѣкѣ стали раціонально-астрономически изучать Тихо-Браге и Кеплеръ. Но у насъ, на Руси, и въ это время, и раньше, и послѣ всѣ эти свѣтовыя явленія близъ солнца и луны, всѣ эти временныя звѣзды, просто, морочили невѣжественный народъ и

[1]) Этногр. сборн. 1, стр. 60, V, этнограф. 9.

[2]) Воронеж. губ. вѣдом. Очерки, № 32.

возбуждали разныя суевѣрныя и предразсудочныя толкованія. Наши старинные книжники видѣли на небѣ книгу судебъ міра и церкви, откровеніе гнѣва или милосердія небеснаго, отображеніе судебъ земли и земства. Суевѣрное церковно-народное міросозерцаніе придавало свѣтиламъ небеснымъ, ихъ различнымъ явленіямъ и видоизмѣненіямъ, такое могущественное, міроправительное значеніе въ дѣятельности земной природы и въ исторической жизни земства, что всѣ лѣтописи, съ XI до XVI в. и далѣе, были вмѣстѣ лѣтописями физическихъ явленій и, въ частности, явленій звѣзднаго неба, затмѣній солнца и луны, явленій различныхъ новыхъ звѣздъ, кометъ и проч. Какъ мы теперь сознаемъ необходимость въ наукѣ исторіи естественно-прагматическаго или естественно-историческаго, физико-географическаго и физіологико-этнографическаго объясненія историческаго развитія матеріально-умственной жизни или цивилизаціи земства, такъ въ темные средніе вѣка въ лѣтописномъ и народномъ міросозецраніи господствовало какое-то уранологическое, или псевдоастрономическое, астрологическое воззрѣніе на всѣ событія земской народной исторіи.

Такое земско-бытовое, суевѣрно-знаменательное воззрѣніе на звѣздноэ небо, на затменія или свѣтовыя окруженія солнца и луны, впослѣдствіи мало по малу образовало, изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, или независимо отъ нихъ, систематическіе гадательные мѣсяцесловы, подъ общимъ обычнымъ названіемъ *громовниковъ*. Такіе громовники сообщали русскимъ и югозападные славяне. Такъ отъ сербовъ перешелъ къ нимъ слѣдующій громовникъ, заимствованный нами изъ вышеупомянутаго сборника громовниковъ В. И. Григоровича: «А се громовникъ, мѣсяца септевріа аще *солнце померкнетъ*, единъ великъ царь загибнетъ и за его ради много земля на востоцѣ помятется, потомъ другъ царь изыдетъ и много зла сътворить, и болѣри и совѣтници его изневѣрятся, и другы царь убіеть его. *Аще луна померкнетъ*, господарь великымъ добро будетъ и жито и овощіе много. И коли бици много изыдуть, но зла не сотворятъ, но ини вещи зли будутъ, и кровь много пролıется, и зли людіе многы погыбнутъ, и бура много будеть и воды пріидетъ, и всѣ ракы и ихъ много зло будетъ. *Аще солнце оградится,* единъ царь погибнетъ и господа встануть другъ на друга, и кровьпролитіе много, и отъ разбойникъ въ людехъ много зло будеть, и на посрѣдъ лѣта будетъ добро. *Аще ли луна оградится*, рѣки и источници изсохнуть, овощіе много, и корабомь нагруженіе много, и жрѣва много будеть и зутъ и зла не эотворитъ. Аще ли опашати *звѣзда на востоцѣ явится*, въ персѣхъ рать будетъ, и въ людехъ злоба многа будетъ. *Аще ли явится (звѣзда) на западѣ*, царь зло творя изыдуть и земле ему затретъ, послѣди царь возрадуется, и зло творя оного загубеть. *Аще ли звѣзда просиплетъ*, добытку добро будетъ и въ море погружени будетъ аще ли дуга явится на востоцѣ, въ персѣхъ зло будетъ и кровь пролѣется; аще ли на западъ явится, финици и овѣща много и жито. *Ащ копіе явится на востоцѣ*, въ людехъ ненависть и рать; аще ли на западъ явится, дождь будетъ, и гдѣ будетъ дождь, тамо добродѣтель по мѣсту тому и здравія изобильно всему. *Аще ли небо зачрѣвитъ на востокѣ,* на восточныхъ странахъ скупота и кровы пролитіе; *аще ли на западъ зачрѣ-*

витъ небо, сіе болѣзнь на западъ сбудется. *Аще ли на ерехъ или на облацѣхъ чюдно знаменіе явится,* въ людехъ смерть, идѣже покажется то знаменіе, на той странѣ единъ царь загибнетъ, и купцемъ зло и пагуба будетъ»[1]). Въ связи съ этимъ сказаніемъ находится слѣдующій отрывокъ, извлеченный нами изъ сборника Соловец. библіотеки: «*Окруженіе солнцу и лунѣ.* Аще окружится мѣсяцъ мартъ, сильніи князи ратятся отъ востока и до запада. Аще окружится мѣсяцъ апрѣль, плоду много будетъ. Аще окружится мѣсяцъ май, великія грады погибнутъ. Аще окружится мѣсяцъ іюнь, рать будетъ. Аще окружится мѣсяцъ іюль, звѣрямъ смерть будетъ. Аще окружится мѣсяцъ августъ, рыбы и меду много будетъ. Аще окружится мѣсяцъ сентябрь, дождя мало будетъ. Аще окружится мѣсяцъ октябрь, лѣто сухо будетъ. Аще окружится мѣсяцъ ноябрь, рать будетъ. Аще окружится мѣсяцъ декабрь, гладъ будетъ. Аще окружится мѣсяцъ генварь, дожди велицыи будутъ. Аще на небеси аки поломя повиснетъ, вельми въ томъ лѣтѣ рать будетъ. Аще небо черно будетъ аки кровь, дождя не будетъ по всей земли, полоны много погибнутъ. Аще небо небесное черно будетъ, то рѣки отъ исходъ произсохнутъ, но неотнюдь. Аще небо блѣдно будетъ, бояромъ погибель, и домы ихъ разграблены будутъ[2]). Такое воззрѣніе на свѣтовые круги и кольца около солнца и луны проникло въ суевѣрія крестьянъ, и выразилось, напримѣръ, въ слѣдующихъ примѣтахъ: «кольцо вокругъ солнца — къ ненастью. Кольцо вокругъ луны — къ вѣтру. Крутой мѣсяцъ — къ холоду. Рога луны остры и ярки — къ ведру; круги — къ морозу. Круты рога мѣсяца — къ ведру; пологи — къ ненастью; мѣсяцъ въ краснѣ — къ вѣтру, съ ушами — къ морозу. Красноватый кругъ около луны, скоро пропадающій — къ ведру. Два такихъ круга, или одинъ тусклый — къ морозу; красный кругъ — къ вѣтру, перерванный — ко снѣгу. Столбы (солнце съ ушами, пàсолнца) — къ лютымъ морозамъ[3]). Если въ кругѣ луны покажется красный кругъ немного расширяющійся и вскорѣ потомъ исчезающій, то будетъ ясная и ведряная погода. Два такихъ круга или одинъ, но тусклый — предвѣщаютъ морозъ. Если кругъ луны красенъ, будетъ вѣтеръ; если же онъ перерванъ, будетъ снѣгъ. Если около луны будетъ красный кругъ, то скоро будетъ дождь съ вѣтромъ[4]).

Ученіе о зависимости судебъ цѣлыхъ народовъ и отдѣльнаго человѣка отъ небесныхъ свѣтилъ ведетъ свое начало изъ древности. Та великая идея, которую Риттеръ, Кетле и особенно Гумбольдтъ положили въ основаніе особой, новой науки, имѣющей задачей объяснять различныя національности, относительно организаціи, образа жизни и общихъ чертъ характера, изъ физическихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ они развились, — эта великая идея чуть мерещилась геніальному уму одного изъ знаменитѣйшихъ астрономовъ и естествоиспытателей александрійской

[1]) Жалѣю очень, что не успѣлъ выписать изъ сборн. В. И. Григоровича весь этотъ довольно пространный громовникъ. Рукопись хорошая, кажется, XVI вѣка.

[2]) Сборн. Солов. библ. № 182.

[3]) Чтен. общ. ист. 1862 кн. 1. стр. 1020.

[4]) Этнограф. сборн. вып. 2.

школы. Спустя около 100 лѣтъ по Р. Х., Клавдій Птоломей первый пытался изъ физическихъ свойствъ небесныхъ свѣтилъ вывести явленія земной жизни. «Сила солнца, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы согрѣвать и умѣренно сушить, а луны — чтобы увлажать, потому что она всего ближе къ землѣ и къ влажнымъ испареніямъ; Сатурнъ болѣе охлаждаетъ и нѣсколько сушитъ; онъ всего болѣе удаленъ отъ источника теплоты, солнца, и отъ влажныхъ испареній. Марсъ отличается изсушающею силою; онъ жжетъ, какъ уже показываетъ самый цвѣтъ его... Такъ какъ въ первоначально жидкомъ или въ первоначальныхъ элементахъ, два — теплота и влажность—обусловливаютъ плодородіе и жизнь, потому что изъ нихъ все развивается, соединяется между собою и укрѣпляется; напротивъ двѣ другіе — холодъ и сухость—приносятъ вредъ, смерть и оцѣпенѣніе: отъ нихъ все сохнетъ, пропадаетъ; то на основаніи всего этого, и между небесными свѣтилами два дѣйствуютъ благотворно: Юпитеръ согрѣвая и увлажая, а Венера болѣе увлажая, нежели согрѣвая, затѣмъ еще слѣдуетъ луна; два же другія свѣтила, холодный Сатурнъ и сухой Марсъ, дѣйствуютъ разрушительно, непріязненно, зловредно» [1]). Изъ такихъ началъ, путемъ постепеннаго анализа, Птоломей выводитъ изъ физической природы небесныхъ свѣтилъ ихъ вліяніе на земную жизнь. Вотъ изъ элементовъ этой-то, птоломеевой системы, должно полагать, и развились тѣ гадательные мѣсяцесловы, солнечники и лунники, которые, въ разныхъ передѣлкахъ и мѣстныхъ варіантахъ, сохранились до насъ подъ названіемъ громовниковъ.

Вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на земную жизнь въ нашемъ простомъ народѣ ведется съ языческихъ временъ. Въ язычествѣ, напримѣръ, приписывалось звѣздамъ вліяніе на плодородіе овецъ. Еще и теперь, овчары, въ половинѣ февраля, окликаютъ звѣзды, испрашивая обильнаго плодородія овецъ: «засвѣтись, звѣзда ясная, по поднебесью на радость, загорись огнемъ негасимымъ на утѣху. Ты освѣти, звѣзда ясная, огнемъ негасимымъ бѣлоярыхъ овецъ. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣсть числа, такъ бы у раба такого-то уродилось овецъ болѣе того». Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно простиралось не на однѣхъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ народныхъ примѣтахъ яркій блескъ звѣздъ принимается также за предвѣстіе урожая ягодъ, грибовъ, хлѣба, и проч.[2]) Что касается до рожденія и судьбы человѣка, то въ этомъ отношеніи суевѣріе это первоначально проистекло изъ началъ языческаго міросозерцанія, а потомъ подкрѣплялось иноземными астрологическими преданіями. Въ язычествѣ оно соединено было съ почитаніемъ рожаницъ. Вѣрили предки наши, что можно родиться подъ счастливою или несчастливою (доброю или злою) звѣздою, и, на основаніи этого вѣрованья, гадали о будущемъ человѣка по звѣздамъ. То и другое сохранилось у всѣхъ славянъ доселѣ: есть вездѣ и гаданье по звѣздамъ, и знахари-звѣздочеты, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ упомянуто въ чешской думѣ о битвѣ христіанъ съ татарами (hwezdari), и припѣвы заговорные, въ родѣ нашего: «звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную». У

[1]) Шлейденъ.

[2]) Архивъ, Калачева, кн. 2 полов. 2, отд. III, стр. 132—133.

чеховъ rodowestnik-rodowestec называется тотъ, kto stastny aneb nestastny rod z hwezd hada. Польское rodowieszczek переводятъ: *астрологъ*. Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ извѣстно, часто души сближаются съ звѣздами и съ другими небесными свѣтилами и звѣздамъ приписывается вліяніе на рожденіе. Напримѣръ, въ одной пѣснѣ сынъ, жалуясь на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздою породила.
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила.

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: «не даромъ мнѣ *моя счастливая звѣзда* дала силу богатырскую». Вѣра въ таинственное вліяніе звѣздъ на рожденіе была повсюду распространена астрологіею. На западѣ, такъ же какъ и у насъ, противъ нея вооружалась церковная проповѣдь. Гриммъ приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного стариннаго слова: cavete, fratres ab eis, qui mentiuntur, quod quando quis qui *nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur*». Русскимъ граматникамъ астрологическія суевѣрія сообщены были частію изъ Византіи, частію черезъ прочихъ славянъ, но особенно съ запада. По свидѣтельству азбуковниковъ, *рожаницами* «еллинстіи звѣздословцы наричютъ *седьмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты*, и кто *въ кую планиту родится*, то и *по той планитѣ любопрятся* предвозвѣщати *нравъ младенца*, или къ коимъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождьшагось, якоже они мнятъ, въ планиту Аррисъ— предглаголютъ тяжела быти нравомъ, яра же и гнѣвлива и дерзка во бранехъ; а въ планиту Афродиту рождьшагось сластолюбива предглаголютъ быти и удобна на блудное смѣшеніе; сице же и въ прочая планиты рождьшихся предглаголютъ нравы, а не хотятъ окояннии они звѣздомъ законници разумѣти, яко не по естеству въ человѣцѣхъ лежитъ злое, но по произволенію». Подъ словомъ «планиты» въ азбуковникѣ читаемъ: «планиты суть седьмь звѣздъ, иже на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ: 1) Аррисъ, 2) Ермисъ, 3) Зевесъ, 4) Солнце, 5) Афродита, 6) Кронъ, 7) Квати, еже есть луна. *Сими звѣздами* окоянніи звѣздословцы мнятъ *ся угадывати человѣческіе нравы и счастіе*». Въ другомъ мѣстѣ: «Зодіями наричютъ звѣздословцы дванадесятъ звѣздъ, ихъ же глаголютъ суща на седмомъ поясѣ аерномъ. Сими звѣздами и умовредніи астрологи мнятся угадывати счастія и добродѣйственное и злоденственное житіе человѣкомъ» [1]). Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курча и безплодны»[2]).

Какъ неподвижнымъ звѣздамъ народное суевѣрье усвояло вліяніе на рожденіе и характеръ людей, такъ въ *падающихъ звѣздахъ* видѣли знакъ

[1]) Изслѣд. Срезневскаго о родѣ и рожаницѣ. Архивъ Калачова, кн. 2 полов. 2. III, стр. 131—133. Сахарова, сказ. рус. нар. т. I, стр. 205.

[2]) Опис. Румянц. муз. стр. 13.

чьей-либо смерти. Есть народный разсказъ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, которымъ послѣ смерти досталось весь вѣкъ *горѣть на небѣ тремя звѣздами,* близъ млечнаго пути: звѣзды эти называются *дѣвичьи зори.* Падающая звѣзда до сихъ поръ почитается въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ! или: «чья-то душа покатилась» [1]). Многіе простолюдины вѣрятъ также, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, полетѣвшаго за усопшею душею; если успѣешь пожелать что-нибудь этой душѣ, пока еще не погасла звѣзда, то желаніе непремѣнно исполнится. Въ старину, толковали еще, что падающія звѣзды суть мытарства, что, впрочемъ, тогда же опровергали люди, читавшіе хоть Галена. Кирилъ Бѣлозерскій, въ своихъ физическихъ выпискахъ изъ Галена, писалъ *о падающихъ звѣздахъ:* «видимыя и къ земли падаемыя звѣзды, глаголютъ человѣцы, яко звѣзды суть и падаютъ; иніи же глаголютъ, яко мытарства суть лукавая. Но ниже звѣзды суть, ниже мытарства, но отложенія суть огненна небеснаго огня, и падаютъ долу, и елико нисходятъ низу, растопляются и сливаются паки на воздусѣ. Сего ради ниже на земли видѣ кто когда падшаяся отъ нихъ, но всегда на воздусѣ сливаются и разсыпаютъ и глаголются денница, звѣзды же никогда же падаютъ, точію во второе пришествіе Христово... Но якоже рѣхомъ отъ небеснаго круга суть преломленія пламенновидна» [2]). Въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напр. въ Симбирской губерніи, падающія звѣзды почитаютъ также за огненныхъ змѣй или демоновъ, которые будто бы летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся [3]). Въ Тульской губерніи, падающую звѣзду называютъ *маньякомъ* — злымъ духомъ: его видятъ будто бы въ концѣ февраля [4]). Падающія звѣзды слывутъ также въ народѣ за признакъ лишенія дѣвицъ невинности. Надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ, по повѣрью, дѣвица утратила дѣвственность. Наконецъ, одна примѣта или пословица народная гласитъ: «звѣзда падаетъ къ вѣтру» [5]).

Всѣ эти и подобныя суевѣрія относительно падающихъ звѣздъ, а также — болидовъ и аэролитовъ или метеорныхъ камней, очевидно, проистекли отъ непониманія космическаго происхожденія всѣхъ такихъ феноменовъ. Разумъ, просвѣщенный наукой, не достигнувъ пока вполнѣ удавлетворительнаго, аксіоматическаго объясненія этихъ явленій, по крайней мѣрѣ руководствуется тѣмъ научно-раціональнымъ предположеніемъ, что падающія звѣзды, болиды и аэролиты суть массы, вращающіяся около солнца, подобно планетамъ, и упадающія на землю, вслѣдствіе ниспаденія въ сферу земного притяженія, что огненныя и свѣтовыя явленія этихъ небольшихъ небесныхъ тѣлъ происходятъ отъ горючаго газа окружающей

---

[1]) Архивъ Калачова 1855. IV, стр. 128.
[2]) Поѣздка въ Кирилобѣлоз. монастырь — Шевырева стр. 24.
[3]) Этногр. сборн. вып. V, этнографія, 9.
[4]) Областн. великорусск. словарь.
[5]) Сборникъ пословицъ, изд. Далемъ: стихіи—явленія.

ихъ атмосферы, который, вступивъ въ атмосферу земли, содержащую кислородъ, загорается. Наука теперь раскрыла намъ многія подробности относительно природы падающихъ звѣздъ, болидовъ и аеролитовъ. Мы наприм. знаемъ теперь, что вышина падающихъ звѣздъ содержитъ отъ 34 до 35 миль, что движутся онѣ со скоростью отъ 4 до 8 миль въ секунду, что природа аеролитовъ или метеорныхъ камней совершенно отлична отъ всѣхъ земныхъ ископаемыхъ, что величина и вѣсъ аеролитовъ часто очень значительны; напримѣръ, найденная въ Сибири и описанная Палласомъ масса метеорнаго желѣза вышла въ 1,400 фунтовъ, и т. д. Но въ древнее время въ средніе вѣка, всѣ, а массы простого народа и доселѣ, суевѣрно толкуютъ о падающихъ звѣздахъ, болидахъ и аеролитахъ. Въ XVII вѣкѣ, напримѣръ, явленіе метеорныхъ камней приписывали волѣ Богородицы, и считали ихъ ниспосылавшимся свыше наказаніемъ за употребленіе табака и за нарушеніе церковныхъ обрядовъ. Богородица, будто-бы, являлась сельскимъ женщинамъ, и грозила: «будетъ станутъ питъ табаку, много *каменіе огненное* испущу на землю» [1]). Одному нижегородцу, посадскому человѣку являлась будто-бы Богородица съ ангелами (въ 1655 году), подлѣ себя держала камень, и говорила: «въ другой рядъ я де царю вашему много милости своя подала, а ты де для чего въ міръ о преже реченномъ не возвѣстишь: будетъ, да не послушаешь меня, а грѣшные ко мнѣ вѣры не покажутъ, и всеприлежно безъ всякаго прекословія мнѣ молиться не учнутъ, и въ среду и въ пятки постъ не станутъ имѣть, и ты будешь за неизвѣщеніе *каменіемъ* убіенъ, и на весь міръ за безвѣріе будетъ *планида каменная туча*, ожидайте вскорѣ» [2]). Для характеристики народныхъ воззрѣній на физическія явленія, приведемъ описанія двухъ метеоровъ, появившихся въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. Одно описаніе такое: «1662 года ноября въ 22 день было тихо, небо все чисто, а морозъ лютый. Въ селѣ Новой-Ерги и въ деревняхъ, по захожденіи солнца явилось на небѣ многимъ людямъ страшное знаменіе, о какомъ никогда и не слыхивали. Отъ солнечнаго западу явилась будто-бы звѣзда великая, и, какъ молніе, быстро покатилась по небу, раздвоивъ его, и протянулась по небу какъ змѣй, голова въ огнѣ и хоботъ, и такъ стояло съ полчаса. И былъ оттуда свѣтъ необыкновенный, и въ томъ свѣтѣ, вверхъ, прямо въ темя человѣку, показалось будто голова, и очи, и руки, и персты, и ноги разогнуты, точно человѣкъ, и весь огненный. И потомъ облакъ сталъ мутенъ, и небо затворилось, а по дворамъ и по хоромамъ, и по полямъ на землю палъ огонь, будто кужли горѣли; люди отъ огня бѣгали, а онъ, будто гонясь за ними, по землѣ катался, и никого не жегъ, и потомъ поднялся въ тотъ же облакъ. Тогда въ облакѣ стало шумѣть, и пошелъ дымъ, и загремѣло какъ громъ, или какъ великій и страшный голосъ, и долго гремѣло, такъ что земля и хоромы тряслись, и люди отъ ужаса падали. А всякой скотъ къ тому огню сбѣгался въ груду, и рты свои съ кормомъ зажимая и смотря на тотъ огонь, подымая за нимъ свои головы кверху, рычалъ каждый своимъ

[1]) Сборн. Слов. № 925.

[2]) Рѣчь Буслаева о народной поэзіи, прилож. стр. 13.

голосомъ. Потомъ съ великою яростію пало на землю малое и великое каменье горячее, а иное въ жару рвало; а людей Богъ помиловалъ, и скота не било, пало на порожнія мѣста; и снѣгъ около таялъ, а которое большое каменье пало, и то уходило въ мерзлую землю». Другое описаніе: «1663 года августа въ 15 день въ субботу, Бѣлозерскаго уѣзда, Робозерской волости, разныхъ помѣстій и вотчинъ люди стояли у обѣдни въ приходской церкви; и какъ стали пѣть молебенъ, на небѣ учинился великій шумъ; и многіе люди, вышедъ на паперть, увидѣли небывалое зрѣлище: съ сѣверной стороны, отъ свѣтлаго неба, а не изъ облака, вышелъ великій огонь на Робозеро и шелъ на полдень, вдоль озера надъ водою, во всѣ стороны, саженей по 20 и больше, а по сторонамъ того пламени синій дымъ, а впереди его саженей за двадцать, шли два луча огненные-жъ. Потомъ этого пламени не стало, и минувъ малый часъ, опять появилось, и опять померкло. И послѣ того, въ третій разъ подавшись къ западу, явился тотъ же огонь, страшнѣе перваго широтою, и поникнувъ, шелъ на западъ, и стоялъ тотъ огонь надъ Робозеромъ, надъ водою, часа съ полтора, а того озера двѣ версты, а поперекъ съ версту. И какъ тотъ огонь надъ водою шелъ, и за нимъ невѣйгласи (невѣжды, суевѣрные) обстрашились, ѣхали въ лодкѣ крестьяне, и отъ того де огня пламенемъ опаляло, близь не подпустило; а въ озерѣ де и до самаго дна свѣтъ былъ въ большой глубинѣ середи озера сажени четыре до дна; и всѣ они видѣли, какъ рыба отъ пламени къ берегу бѣжитъ; и которымъ де мѣстомъ огонь шелъ, тамъ воду палило какъ ржавецъ поверхъ воды, и потомъ вѣтромъ по озеру разнесло, и вода по прежнему» [1]).

Явленіе кометъ, какъ извѣстно, также всегда было страшнымъ знаменіемъ для суевѣрія. Теперь наука объяснила намъ, что кометы суть ничто иное, какъ свѣтила, движущіяся по такимъ же законамъ около солнца, какъ и планеты; существенно отличаются отъ нихъ только по своему виду и по свойству своего параболическаго пути. Мы знаемъ теперь, что большая часть кометъ есть ничто иное, какъ свѣтлое, круглое ядро, окруженное слабѣе свѣтящеюся туманною оболочкою, которая на сторонѣ, противоположной солнцу, удлиняется въ видѣ хвоста; хвостъ этотъ виденъ намъ подъ угломъ отъ 60 до 90, даже до 100°, такъ что онъ растягивается на значительной части небеснаго свода и достигаетъ иногда отъ 9 до 15 милліоновъ миль длины. Наука показала намъ подробности — различныя видоизмѣненія развѣтвленія хвоста кометъ, объяснила истинный путь ихъ, параболическій, въ фокусѣ котораго лежитъ центръ солнца, открыла періоды обращенія различныхъ кометъ и пріобрѣла разуму неотъемлемое право точно предсказывать время ихъ новаго появленія. Галлей, современникъ Ньютона, первый открылъ періодическое явленіе кометъ, подмѣтивъ одинаковые элементы пути прекрасной кометы 1682 года, обращающейся въ пріодъ времени отъ 75 до 76 лѣтъ. Клеро путемъ трудныхъ вычисленій дошелъ до непреложнаго убѣжденія въ возможности предсказывать появленіе кометъ. Вычисливъ вліяніе тяготѣнія Юпитера и Сатурна

[1]) Акты истр. IV, 330—332.

на движеніе кометы 1682 года, или кометы Галлея, онъ предсказалъ время ея новаго появленія, такъ что ее должно было ожидать только въ срединѣ апрѣля 1759 года. И точно, 19 марта 1759 года галлеева комета прошла черезъ перигелій. «Ни одинъ астономическій вопросъ, — говоритъ Араго, не возбуждалъ такъ сильно и законно общественное любопытство, которое было удовлетворено саксонскимъ крестьяниномъ Паличемъ. Онъ первый увидалъ комету. Съ этой минуты, отъ одного конца Европы до другого, каждую ночь тысячи телескоповъ направлялись къ созвѣздіямъ, лежащимъ на пути кометы, и заключавшимся въ предѣлахъ, назначеныхъ вычисленіями Клеро. Увидали, что предсказаніе Клеро исполнилось и относительно времени, и относительно мѣста; астрономія сдѣлала огромную побѣду и разомъ уничтожила постыдный и закоренѣлый предразсудокъ. Когда увѣрились въ возможности предсказывать возвращеніе кометъ, тогда онѣ потеряли свой характеръ вѣстниковъ несчастій. Самые робкіе умы сдѣлались къ нимъ столько же равнодушными, какъ къ затменіямъ луны и солнца. Исполнившіяся предсказанія Клеро произвели на общество болѣе дѣйствія, нежели всѣ хитрыя доказательства философа Бэля» [1]).

Но пока не изучена и непонятна была космическая природа кометъ, умъ человѣческій страдалъ разными заблужденіями относительно этихъ небесныхъ тѣлъ. Во время Александра великаго, кометы казались греческимъ философамъ атмосферными метеорами. Въ средніе вѣка не заботились о познаніи ихъ натуры, и смотрѣли на нихъ, какъ на вѣстниковъ бѣдственныхъ событій—войны, чумы, голода, неблагопріятныхъ измѣненій погоды, и т. п. Такое же суевѣрное воззрѣніе господствовало и у насъ. Въ древней Руси, невѣжество видѣло въ кометахъ знаменія политическихъ или общественныхъ несчастій. Не зная извѣковѣчныхъ космическихъ законовъ, обусловливающихъ появленіе кометъ и временныхъ звѣздъ, независимо ни отъ чьихъ разсчетовъ, наши невѣжественные книжники думали, что кометы и временныя звѣзды являются по законамъ евангельскимъ. Напримѣръ, въ лѣтописяхъ часто встрѣчаемъ такія сказанія: «Въ лѣто 1382 бысть такое проявленіе: по многія нощи являшеся таковое знаменіе на небеси: на востоцѣ, предъ раннею зарею, *звѣзда* нѣкая, аки *хвостата* и якоже *копѣйнымъ образомъ* овогда вечерней зарѣ, овогда же и во утренней тоже многожды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тохтамышево на русскую землю и горькое поганыхъ татаръ нахожденіе на крестьяны». Или: «въ лѣто 1402, въ великое говѣніе, мѣсяца марта, являшеся нѣкое знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзда не мала, аки копѣйнымъ образомъ, верху же ея аки лучь сіяше, иже на востоцѣ восходящи и на западѣ лѣтнемъ являшеся, ю же видѣхомъ весь той мѣсяцъ тако восходящу. Се же является грѣхъ ради нашихъ, прообразуетъ и претитъ и велитъ намъ покояться отъ грѣхъ нашихъ; убо, смѣю рещи, сбывается слово еуангельское, якоже самъ спасъ въ еуангеліи рече: въ послѣдніе дни будутъ знаменія велика на небеси, въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ. Да еже то въ еуангеліи преже Спасъ нашъ глаголаше, то

[1]) Біографіи знам. астрономовъ и проч. стр. 203.

нынѣ въ послѣднія времена все сбывается, а реченныя знаменія на небеси въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ являются... И се звѣзда, ю же нынѣ видѣхомъ, необычныя и незнаемыя звѣзды, о ней же нынѣ пишемъ и глаголемъ, продолжающе слово [1]). Въ настоящее время простой народъ держится большею частію старинныхъ предрасудковъ и суевѣрій относительно кометъ. Еще и теперь крестьяне говорятъ: «*звѣзда съ хвостомъ—къ войнѣ*», и т. п.

Изъ всего набросаннаго нами краткаго очерка народныхъ воззрѣній на небо открывается, что небо для нашего простого народа — темна вода во облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ. Кромѣ суевѣрій славянской миѳологіи и средневѣкой астрологіи, въ народныхъ астрономическихъ заблужденіяхъ и суевѣріяхъ отразились въ грубыхъ формахъ византизмъ и финскія суевѣрія. Какъ черемисы, напримѣръ, представляютъ небо полнымъ скота и войлоковъ съ кормомъ скотскимъ, такъ и наши крестьяне представляютъ небо полемъ войлочнымъ, на которомъ много всякаго скота. Подобные финницизмы, очевидно, могли быть привнесены въ русское крестьянское міросозерцаніе крещеными, обрусѣлыми крестьянами изъ финскихъ инородцевъ, изъ черемисъ и другихъ. Со временъ Брюса и Ломоносова, стала извѣстна намъ русскимъ наука астраномія. Но и теперь, изъ 73 милліоновъ народонаселенія, едва ли найдется у насъ полмилліона людей, знающихъ основательно небесный сводъ. Каждый день и каждую ночь всѣ мы, земнородные, видимъ грандіозную, неподражаемо-художественную, величественную, безпредѣльную темно-голубою синеву и глубину неба, днемъ освѣщаемую величественнымъ свѣтиломъ—солнцемъ, ночью грандіозно-разсыпчато усѣянную звѣздами, иллюминованную блѣднымъ дискомъ мѣсяца, — и самая большая часть изъ насъ, ежеминутныхъ зрителей неба, не имѣетъ разумнаго, научнаго понятія о небесномъ сводѣ и его явленіяхъ. Мы не читаемъ и не знаемъ самой великой книги мірозданія, которая открыта передъ нами и день и ночь, и вся исполнена великихъ космическихъ истинъ, законовъ и красотъ. Отъ этого незнанія, огромныя массы нашего народа блуждаютъ на земной планетѣ, въ глубокихъ умственныхъ потемкахъ, коснѣютъ въ какомъ-то патологическомъ состояніи супранатуралистической уранологіи, астральной пневматологіи и т. п.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Заговоры, извлеченные изъ рукописей старообрядческихъ.

1. Ложуся я рабъ Божій имракъ—Богу помолюся, встаю рабъ Божій имракъ—крестюся, умываюся я рабъ Божій имракъ— благословлюсь водою бѣлъ, утираются я рабъ Божій имракъ престольною пеленою, иду я рабъ Божій имракъ: далече бѣлая береза, подъ тою бѣлою березою стоитъ бѣлая береза-гробница, въ той гробницѣ лежитъ Афанасій чернецъ, старецъ Ани-

[1]) Новгор. лѣт. IV, 81. 105, 106.

симъ патріархъ и посхимошися именемъ, осташеся каменемъ, и слово неговоритъ; еще въ чистомъ полѣ стоитъ Іоаннъ Предтеча и Спасъ милостивый, Пресвятая Богородица, Никита столпникъ, Гавріилъ архангелъ, Сергій чудотворецъ, Петръ и Павелъ святые апостолы, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ Архангелъ, Георгій храбрый, Николай святитель чудотворецъ, помолюсь я рабъ Божій имракъ 12-ти апостоламъ, Іоанну Предтечи, Спасу милостивому, Пресвятой Богородицѣ, Никитѣ столпнику, Гавріилу архангелу, Сергію чудотворцу, Петру и Павлу святымъ апостоламъ, Михаилу архангелу, Гавріилу архангелу, Георгію храброму, Николаю святому чудотворцу, одѣваюся я рабъ Божій имракъ небомъ; подпояшуся я рабъ Божій имракъ облаками, частыми звѣздами, на главѣ держу крестъ Христовъ, зарею обмываюся, небесною силою очищаюся, Господа Бога на помощь призываю, какъ Афанасій чернецъ, старецъ схимонашъ, постриженъ и посхименен, окамененъ, и осташеся и съ камнемъ въ гробницѣ лежа, также и противникъ мой онѣменъ. Крестъ на мнѣ рабѣ Божіемъ имракѣ, крестомъ я рабъ Божій имракъ ограждаюся отъ сопротивника своего, еретика, еретницы, отъ клеветницы; замыкаюся я рабъ Божій имракъ отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ колдунъ, отъ колдуницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ, кину, кину я рабъ Божій имракъ съ тѣхъ девяносто позалоченныхъ ключей въ окіанъ-море, и одинъ на днѣ лежитъ камень латирь, никому въ кіянѣ не бывать, и ключей моихъ не вынимать.

Во имя Отца и Сына и святаго духа аминь. Отъ земли и до небеси около меня раба Божія имрака стоитъ, стоитъ градъ каменный; въ немъ породила пресвятая Богородица сына своего Господа нашего Іисуса Христа, ангела, архангела и великіе архангеліе грозныхъ силъ воевода святый архангелъ Михаилъ и архангелъ Гавріилъ и святой страстотерпецъ Дмитрій, святый и храбрый Георгій, тѣ меня раба Божія имракъ берегутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ скипетры своими; не даютъ меня раба Божія имрака лихимъ людямъ стрѣлять и рогатиною колоть, ничѣмъ бити, ни копіемъ вергнуть, ни саблею сѣчь, ни ножемъ ни колоть, ни мечемъ лихимъ людямъ сокрушати и ни чѣмъ бити служебника своего ангельскаго, мученическаго раба Божія имрака предъ царемъ Александромъ Македонскимъ, и всякой птицы совершеніемъ и утвержденіемъ святыхъ, вдовицъ умоленіемъ. Стой неходи ко мнѣ рабу Божію имраку умоленіемъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ не ходи ко мнѣ рабу Божію имраку, умоленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала и до сего дни, умоленіемъ вдовицъ, стрѣла стой, не ходи ко мнѣ рабу Божію имраку, черезъ благовѣщеніе пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, умоленіемъ всѣхъ святыхъ молитвами, аминь. Соблюди Господи и помилуй, загради и заступи и защити раба Божія имрака отъ стрѣлъ лѣтящихъ, и отъ всяка желѣза, отъ булату и отъ укладу, и отъ камене, отъ стали, и отъ мѣди зеленой, и отъ разныя проволоки желѣзныя, отъ всякаго древа русскаго и заморскаго, и отъ жимолости, отъ ружья ратнаго и воинскаго и отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пищальки, и отъ самопаловъ, и отъ пушекъ мѣдныхъ и отъ оловянныхъ, и отъ всякаго камени, отъ камен-

ныхъ трескъ и оловянныхъ, и отъ свинцовыхъ, и отъ дроби всякой, и отъ всякаго пороху русскаго и заморскаго, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго погубленія на семъ свѣтѣ отъ востока до запада, отъ земли и до небеси, отъ всѣхъ четырехъ сторонъ, и отъ всякой птицы перья и отъ всякаго погубленія черемисскаго и татарскаго, бухарскаго и крезнискаго (sic), и отъ литовскаго и черкаскаго, и отъ латынскаго и нѣмецкаго, и отъ русскихъ людей не мирныхъ, и отъ всякихъ нечистыхъ родовъ, и отъ всякаго врага и супостата. Аминь. Крестъ хранитель, крестъ всея вселенныя, крестъ креста церковнаго, крестъ царская держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва. О святый великій Іоанне пророче и предтече, крестителю Господень, отгони отъ меня раба Божія имрака Иродовыхъ 12-ти дщерей и сохрани меня грѣшнаго раба своего имрака душу мою и тѣло цѣло и здраво, до окончанія живота моего, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь. *Читать по утрамъ и зарямъ трижды.*

2. Молитва руду унимать. 1841 года. Шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, ручьи, протоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную, ручебную, ножевую, топоровою. Выду я въ чисто поле на чистое море; на чистомъ морѣ чистый камень, на чистомъ камнѣ стоитъ дубъ краколистый, подъ тѣмъ дубомъ краколистымъ сидитъ твердая красная дѣвица, самоцвѣтные шелки мотаетъ, раны зашиваетъ, руду унимаетъ, не своими, Господи, мудростями, твоими Господи, святыми молитвами; на землѣ камень не растетъ, у раба Божія имрака руда нейдетъ, крѣпче крѣпкаго камня, камень мѣсто ключа и замка руду прикладываетъ, вода не канетъ, не каменемъ руда не канетъ. Аминь. Царя небеснаго Господа Іисуса Христа сыне Божій помилуй насъ. Аминь.

3. Лягу я рабъ Божій имракъ помолюся, перекрестясь, умоюся святою водою, утреннею росою, утруся бѣлымъ тканнымъ полотенцемъ; пойду я рабъ Божій имракъ изъ избы дворами, съ двора воротами на улицу на сіонску взирающи, крестомъ себя ограждающи, погляжу я рабъ Божій имракъ въ чистое поле, въ зелено поле, около моря, въ чистомъ полѣ, въ зеленомъ окоморьи стоитъ златая святая лѣстница, и съ той возрачно по святой лѣстницѣ шелъ Божій ангелъ Михаилъ архангелъ; и пойду я рабъ Божій имракъ помолюся и поклонюсь: батюшка Божій ангелъ, Михаилъ архангелъ, заговори мнѣ тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату красной мѣди и укладу, крѣпче свинцоваго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшъ златымъ своимъ святымъ поясомъ, и запри и замкни въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей, и рече ему рабу своему имраку: поди ты на путь на дорогу, на пути на дорогѣ стоитъ святая соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ заступница мати Божія пресвятая владычица Богородица; поди рабъ Божій помолись и поклонись, при семъ рабъ Божій имракъ помолился и поклонился: заступница матушка, пресвятая владычица Богородица, заговори мое тѣло бѣлое, и закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшъ златымъ своимъ поя-

сомъ, и запри и замкни въ тридесять ключей. И рече ему рабу своему, имраку: поди ты рабъ Божій на путь, на дорогу; на пути на дорогѣ стоитъ апостольская, соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ самъ Господь сынъ Божій Іисусъ Христосъ, подойди и поклонись: батюшка истинный Христосъ сынъ Божій, заговори мое тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы и подпояшъ златымъ своимъ поясомъ и запри и замкни въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей. И рече ему рабу Божію имраку своему Господь нашъ Іисусъ Христосъ сынъ Божій: заговорю твое тѣло бѣлое, и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу святымъ своимъ поясомъ, и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ окіанъ-море, и взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя раба Божія не отмыкать, а кто есть ключь достанетъ, тотъ тебя раба Божія отомкнетъ. На синемъ морѣ на большомъ камнѣ сидитъ стратимъ птица, а какъ стратиму птицы покоряются, какъ и льву звѣри всѣ покоряются, такъ бы и тебѣ вси покорятся, покоряются други и недруги, покорялися, что ты говоришъ, тебя бы и слушали, и твою волю творити. Во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

4. Господи благослови! Облекохся въ небеса, одѣяхся въ облако, и помолихъ Бога и свѣтъ Георгія: о святый Георгіе, умягчивый 7 царей какъ овче, а меня раба Божія (имракъ) якоже льва свирѣпа во имя Отца и Сына и святаго духа, и нынѣ и присно и т. п. Аминь.

5. Лягу я рабъ Божій имракъ помолясь, встану я рабъ Божій перекрестясь, умоюся святынею, помолюсь спасу и пречистыя Богоматери; пойду я рабъ Божій изъ избы дверьми, воротами, на встрѣчу мнѣ архистратихъ Михаилъ архангелъ со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюсь я рабъ Божій Михаилу Архангелу: Михаилъ архангелъ, заслони ты меня желѣзною дверью, и запри тридевятью ключами, замками. И глаголетъ мнѣ рабу Божію Михаилъ архангелъ: заслоню я тебя раба Божія желѣзною дверью, и замкну тридевятью замками, ключами, и дамъ ключи звѣздамъ; первый Маріи, второй Прасковьи, третій Ериси (sic), возмите ключи, отнесите на небеса, и кто эти ключи достанетъ, тебя раба Божія отмыкать станетъ. Мати Божія пресвятая Богородице, покрый мя омофоромъ своимъ. Иду я рабъ Божій къ рабу Божію имраку: лежалъ ты у матери своей во чревѣ, тогда у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ, такъ и нынѣ я къ тебѣ иду, чтобы не было у тебя ни думы, ни словъ, ни рѣчей, ни мѣста, а хотя я рабъ Божій хожу и пятами своими топчу, только бы у тебя на меня не было, ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ. Какъ на небѣ мѣсяцъ лазилъ, снѣги мертвы, такъ бы и тѣло твое было мертвое, ты предо мной еси лютый огнь, а я предъ тобой есмь сильная вода; когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залью своею сильною водою, во вѣки вѣковъ. Аминь. Боже очисти мя грѣшнаго, яко николи же благое сотвори предъ тобою,

но избави мя отъ лукаваго, да будетъ воля твоя, да неосужденно яко отвержу уста моя недостойный и восхвалю имя твое, Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

Во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь, аминь, аминь, видѣ идущимъ и сѣдущимъ все святымъ отцемъ Сисаніемъ, на горѣ Синайской стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ сидитъ святой отецъ, селенія имать четыре.

6. Заговоръ крови. Аминь. На мори на акіяне, на островѣ на буянѣ, лежитъ горючь камень; на томъ камнѣ сидѣла пресвятая Богородице, держала въ рукѣ иглу золотую: вдѣвала нитку шолковую, зашивала рану кровавую: тебѣ рана не болѣть, и тебѣ кровь не бѣжать; поговорить: аминь.

7. Стану я рабъ Божій И. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротми въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороной есть окіянъ сине море, на томъ на окіянѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь камень, на томъ бѣлолатырѣ камнѣ стоитъ святая золотая церковь, во той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ богословъ, Иванъ предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ; я пріиду рабъ Божій И. въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о батюшка истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ богословъ, Иванъ предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ, обставьте кругъ меня раба Божія Ивана тынъ желѣзный, верья бѣлатны на 120 верстъ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣть; пропущайте огненную рѣку! Отговариваюсь я рабъ Божій И. отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоеженова, отъ троеженова, отъ двоезубова, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечьнаго, отъ сѣннова, отъ дѣвки пустоволоски, отъ бабы, отъ самокрутки, ото всякаго злаго находа человѣка. Можетъ ли злой лихой человѣкъ заговорить громъ и громову стрѣлу, огненную молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? не можетъ злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица, не можетъ громъ, громову стрѣлу и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человѣка, бралъ бы злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица, своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои зубы, замокъ языкъ; во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

8. Унятіе руды.

Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле въ востокъ, въ восточную сторону подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану-морю; у окіана-моря, на крутомъ берегу лежитъ латырь камень, на латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порезы и посѣки отъ удару

и отъ укладу и булату унимала, и запирала, какъ изъ латыря камня не воды, такожде изъ раба Божія ни руды, ни садѣли, ни болѣзни, изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, не изъ раба Божія имракъ ни руды, какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у раба Божія имрака твердо утвердились, рука заключись въ море, ключи на небесахъ, замки достану, эти ключи и замки святыми молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары во вѣки вѣковъ. Аминь. Дерно вернись, рана въ мѣсто жмись, не отъ кости руды, не отъ камени воды, стань кровь затекись, гуще густаго клею; во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь, аминь, аминь.

9. Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ. Стану я рабъ Божій имракъ благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, въ восточную сторону; есть въ востокѣ въ восточной сторонѣ, стоитъ буевой островъ; на томъ буевомъ островѣ стоитъ святое дерево, изъ подъ того святого дерева выходитъ булатный быкъ, булатными рогами гору бодетъ, ногами скребетъ; и какъ у этого булатнаго быка булатные рога крѣпки не гнутся, и не ломятся, и не плющатся, также бы у меня раба Божія имракъ становая жила не гнулась бы и не ломалась, крѣпко бы стояла, колъ коломъ, рогъ рогомъ стояла бы, столбъ столбомъ, стрѣла стрѣлой, копіе копьемъ, ни задъ бы, ни передъ не ломило, ни щепоты и не ломоты, ни въ денныхъ часахъ, и ни въ нощныхъ часахъ, ни въ полуденныхъ и полунощныхъ, ни на молоду, ни на исходѣ мѣсяца, по моему животу до моей смерти, вѣки по вѣки и во вѣки вѣковъ. Аминь. Во имя Отца и Сына и святаго духа. Какъ громъ грянетъ, и молнія палитъ, такъ бы въ рукахъ моихъ огненное оружіе палило и гремѣло; какъ не можетъ никто тварь Божію, солнце и луну, громъ и молнію постановить, такъ бы не могли въ рукахъ моихъ огненное оружіе постановить. Аминь.

10. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ воротъ въ вороты, въ чистое поле въ востокъ въ восточную сторону, къ окіану морю, и на томъ святомъ окіянѣ-морѣ стоитъ старъ мастеръ мужъ святаго окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и рубитъ тотъ старый мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щепа летитъ, такожде бы и отъ меня имракъ валился на сыру землю борецъ добрый молодецъ, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. Трижды.

И тѣмъ замокъ моимъ словамъ, ключъ въ море, замокъ въ небѣ, отъ нынѣ и до вѣка.

11. Молитва пресвятыя Богородицы.

Спала еси Пресвятая Богородице во святомъ градѣ Вифлеемѣ Іудейскомъ, во святомъ храмѣ по мартъ мѣсяцъ, и видѣлся сонъ ей страшенъ вельми, и пріиде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и рече ей: мати моя возлюбленная пресвятая Богородице Марія, спиши или не спиши, или что видишь; и рече ему пресвятая Богородице: чадо мое возлюбленное, истинный Господь Іисусъ Христосъ, спала есмь во святомъ градѣ во Вифлеемѣ на мартѣ мѣсяцѣ, и видѣлся сонъ мнѣ про тебя вельми страшенъ, что

тебя Игемоны Пилаты взявши и приведоша къ Понтійскому Пилату, и удариша по ланитѣ, и на главу твою святую терновъ вѣнецъ возложенъ, и ребра Твоя святые копіемъ прободены, сице кровь и вода святая изтече на изцѣленіе христіаномъ, и желчию напоиша, тростію по главѣ удариша, и на крестъ пригвожденъ и воскресъ. И рече истинный Іисусъ Христосъ, воистину тако будетъ; аще которой человѣкъ сонъ твой на себѣ носитъ въ чистотѣ, или въ домѣ своемъ держитъ, или по всякъ день прочтетъ, и тотъ человѣкъ избавленъ будетъ муки вѣчныя, отъ діавольскаго навожденія во дни и въ нощи, въ яденіяхъ и питіяхъ избавленъ будетъ; который человѣкъ пойдетъ, при царѣ или при вельможѣ, и сонъ твой съ собою возьметъ или прочитаетъ трижды, и утолится супостатъ отъ васъ аще на службѣ умретъ, или разбойники убьютъ, и того человѣка душу ангели Божіи отъ всякія скверны очистятъ, и возьмутъ душу его ко престолу Господню на небеса, поставятъ у престола Господня съ праведными душами, избавленъ и злыхъ человѣкъ и вѣдуновъ и отъ ведуницъ, отъ трясовицъ летающихъ и отъ всякаго сатанина мечтанія, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Трижды.

12. Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго раба Твоего имракъ, аминь, на мнѣ рабѣ Божіемъ имракъ грамата отъ града Господня, пріидетъ ко мнѣ рабу Божію имракъ, — и ту сію грамоту возьму на лѣвую руку, подыму на свою главу крестъ животворящій, стану я рабъ имракъ на крестъ взирати, грамоту прочитати на всякъ день Господень, на воскресенье, на понедѣльникъ на святый, аще на сію нощь за очи меня сѣкутъ и рубятъ, пластаютъ и вѣшаютъ, а во очи появлюсь я рабъ Божій имракъ предъ князя болярина и предъ судьями и воеводами и предо старымъ и молодымъ, и обо мнѣ рабѣ Божіемъ радуются и веселятся и съ мѣста востаютъ, какъ же станетъ около меня раба Божія тынъ желѣзный и заборъ каменный, отъ юга до сѣвера, отъ земли и до небеси, отъ вѣрующихъ колдуновъ, горѣзовицъ летающихъ, отъ бѣсовскихъ учениць, отъ калика перехоженія, отъ . . . . . . и отъ всякаго злаго человѣка, какъ снидетъ ко мнѣ рабу имракъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ со всѣми евангелистами Матвѣемъ, съ Маркомъ, съ Лукою, и Іоанномъ и со всею силою небесною, и ведетъ меня самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и ту вѣтку сладкую сорветъ около главы моей, трижды обнесетъ отъ князя и болярина, отъ судей, и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ старыхъ и молодыхъ, бабамъ я рабочимъ своимъ паче злыхъ рабовъ и супостатовъ со всѣмъ я рабъ Божій имракъ сердце у нихъ выну, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ своимъ словамъ ключь и замокъ, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Запечаталъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, небесный царь сильными печатями, положи образъ на образъ къ своему сатанѣ, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ словомъ слава тебѣ царю небесному. Аминь. День пройде, ночь настанетъ, ложится спать рабъ Божій имракъ, печать на мнѣ Христова и спасова рука, пресвятыя Богородицы замокъ, крестомъ крещусь, крестомъ облекусь, крестомъ діавола прогоню, крестомъ ограждаюсь отъ врага и супостата, откажись отъ меня, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста, на тебя евангелисты, Михаилъ архангелъ, Петръ и Павелъ верховные апостолы, св. Никита столпникъ

врага прогоняетъ. враги ему заклинаются, мнѣ тутъ не бывать на рабѣ Божіемъ, не стояти, учинили храмины печать Петръ и Павелъ, Константинъ и Елена, у ней архангелы и ангелы Божіи. Аминь. Да воскреснетъ Богъ.

13. Молитва архангелу Михаилу. Аще человѣкъ котораго дни глаголетъ, то непріидетъ на него никакое зло, ниже діаволъ, но вся изчезнетъ яко прахъ; а по смерти того человѣка, душу адъ не приметъ. Господи Іисусе Христе сыне Божій, великій царю безначальный, не видимый, и не созданный, и сидяй на престолѣ со Отцемъ и Сыномъ и со святымъ духомъ, славимый и отъ небесныхъ силъ, безплотныхъ вой, Господи архангела своего Михаила на помощь, мнѣ грѣшному рабу имракъ, избави мя враговъ моихъ видимыхъ и не видимыхъ, великій господине архангеле Михаиле излей море благо на раба твоего имракъ, ты еси демоновъ сокрушителю и бѣсовъ прогонителю, избави мя отъ бѣсовскихъ козней навѣта и стужи, и человѣкъ лукавыхъ, и призри на мя недостойнаго раба твоего имракъ и запрети имъ всѣмъ врагамъ, борющимся со мною, видимыхъ сотвори овецъ и невидимыхъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра и великій святый архангелъ Михаилъ первой княже и воевода ангеломъ и архангеломъ, херувимомъ и серафимомъ и всѣмъ небеснымъ силамъ безплотнымъ, буди помощникъ во всемъ грѣшному рабу твоему, въ бѣдахъ и въ скорбяхъ, и въ печаляхъ, и на расходныхъ и на морѣ, и на рѣкахъ, и на сухомъ пути тихое пристанище буди въ пустынѣ, и сохрани, спути сохрани, укрѣпи у всѣхъ человѣкъ въ чести, избави мя прелести діавольскія и проч.

II. Сказаніе, кіимъ святымъ, каковыя благодати отъ Бога даны, и когда памяти ихъ.

О прозрѣніи ослѣпшихъ очесъ, молитися.	Пресвятой Богородицѣ Казанской. іюля 8-го.
О изцѣленіи болѣзни очныя.	Мученику Минѣ египтянину, ноября 11-го.
О томъ же.	Мученику Лаврентью архидіакону, августа 10-го.
О томъ же.	Мученику Логину сотнику, октября 16-го.
О изцѣленіи отъ главныя болѣзни.	Святому пророку Іоанну Предтечи, августа 29-го.
О изцѣленіи отъ зубныя болѣзни.	Священномученнику Антипѣ, августа 11-го.
О изцѣленіи отъ трясавичныя болѣзни.	Преподобному Марою, февраля 14-го.
О томъ же.	Мученицѣ Фотиніи самарянинѣ, марта 20-го.
О изцѣленіи отъ грызной болѣзни.	Великомученику Артемію, октября 20-го.
О разрѣшеніи неплодства и безчадія.	Преподобному Роману чудотворцу, ноября 27-го.
О томъ же.	Преподобному Игнатію иже въ Руфинѣхъ, марта 31-го.

Объ освобожденіи отъ труднаго рожденія женъ.	Пресвятѣй Богородицѣ Ѳеодоровской, августа 16-го.
О томъ же.	Великомученицѣ Екатеринѣ, ноября 24-го,
Аще возненавидитъ мужъ жену свою неповинно.	Св. мученикамъ Гурію, Симону и Авиву, ноября 15-го.
О сохраненіи здравія младенцевъ.	Пресвятой Богородицѣ Тихвинской, іюня 26-го.
О томъ же.	Праведнику Симеону Богопріимцу, февраля 3-го.
О избавленіи младенцевъ отъ родимца.	Св. великомученику Никитѣ, сентября 15-го.
О исцѣленіи младенцевъ отъ оспы.	Мученнику Конону соврійскому, марта 5-го.
О просвѣщеніи разума къ ученію грамотѣ.	Св. безсребникамъ Косьмѣ у Даміану ноября 1-го.
О изученіи иконнаго писанія.	Св. апостолу Іоанну Богослову, сентября 26-го.
О сохраненіи отъ внезапныя безъ покаянія смерти.	Священномученику Садофу, октября 19-го.
О томъ же.	Великомучен. Варварѣ, декабря 4-го.
О томъ же.	Священномученику Харлампію, февраля 10-го.
О избавленіи отъ муки безъ покаянія.	Преподобному Паисію великому, іюня 19-го.
О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣкъ и скотовъ.	Преподобн. Нифонту, декабря 23-го.
О томъ же.	Святителю Марофу, февраля 16-го.
О избавленіи отъ блудныя страсти.	Преподобн. Мартіану, февраля 13-го.
О томъ же.	Преподобн. Іоанну многострадальному, іюля 18-го.
О томъ же.	Св. мучен. Ѳомаидѣ, апрѣля 14-го.
О избавленіи отъ виннаго запойства.	Мучен. Внифантію, декабря 19-го.
О томъ же.	Преподобн. Моисею Мурину, августа 28-го.
О сохраненіи отъ пожара или молніи.	Пресвятой Богородицѣ неопалимой купинѣ, сентября 4-го.
О томъ же.	Святителю Никитѣ Новгородскому, января 31-го.
О бездожіи и ведрѣ.	Св. пророку Иліи, іюля 20-го.
О избавленіи отъ потопленія на водѣ, и бѣдъ и печаль.	Святителю Николаю чудотворцу, декабря 6-го.
О избавленіи отъ скотскаго падежа.	Святителю Модесту, декабря 18-го.
О томъ же.	Священномученику Власію, февраля 11-го.
О избавленіи отъ падежа конскаго.	Мученикамъ Флору и Лавру, августа 18-го.
О сохраненія скота отъ съѣденія звѣрей.	Св. великомученику Георгію, апрѣля 23-го.
О обрѣт. украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ.	Мученику Ѳеодору Тирону, февраля 17-го.
О томъ же.	Мученику Іоанну воинственнику, іюля 30-го.
О сохраненіи отъ злаго очарованія.	Священномученикамъ Кипріяну и Іеритипіи, октября.

III. Отрывки изъ легендъ, взятые изъ соловецкихъ рукописей.

1. Въ рукописныхъ житіяхъ сѣверо-поморскихъ святыхъ много легендъ о помощи туземныхъ святыхъ поморскихъ весновальникамъ въ морскихъ промыслахъ, въ укрощеніи бушующихъ стихій морскихъ. Напр. въ житіи Иринарха игумена соловецкаго читаемъ: «въ лѣто 7137 весною, пріѣхавъ единою въ соловецкій монастырь помолитися всемилостивому Спасу и препод. отцамъ Засимѣ и Савватію молебная пѣти, Двинской земли жители, иже исповѣдаша повѣсть сицеву: «ходили они въ море на весндванье для промысла морскихъ звѣрей, кожъ и сала, въ другихъ же судахъ по обычаю ихъ были два человѣка нарицаемые юровщики, си есть, въ томъ промыслѣ свѣдущіе и искусные люди, прочіе же въ ромшахъ, и иные вси во всемъ имъ послушны суть. Егда же съ торасу на море спустишася, внезапу возвѣяша вѣтры велицы зѣло, отъ брега ихъ со льдомъ занесе въ морскую пучину далече, и носило въ тѣхъ льдахъ много дни. И начаша святыхъ на помощь призывати. И ночью во снѣ явися одному изъ юровщиковъ нѣкій старецъ, браду имѣя довольну и сѣдинами украшену, во священническомъ подобіи, въ десной своей руцѣ крестъ держай, и глагола: востаните и молитеся Богу и соловецкихъ чудотворцевъ на помощь призывайте, и будетъ вамъ милость всѣмъ вскорѣ. И абіе возвѣя вѣтръ съ моря зѣло крѣпокъ и понесе ихъ ко брегу. Первіи, имъ же явился старецъ, присташа на нѣкоемъ мѣстѣ, глаголемомъ зимняя сторона, и обрѣтоша близъ брега на льду множество звѣрей морскихъ, ихъ же всѣхъ избивше ту, возвратишася во свое си съ корыстію многою». Подобный случай разсказывали варзужскіе весновальники: «ходили они на весованье для добычи морскихъ звѣрей и плавали по морю многое время, и добычи никакой не нашли, и въ отчаяніи пошли было домой, когда льдины уже исчезли и приближалось лѣто; долго плыли они по морю, нашли одну льдину, недалеко отъ берега, длиною съ версту или немного болѣе, перебрались на нее, затащили съ собою суда и, вкусивъ не много хлѣба, легли спать. Ночью одному изъ нихъ явился старецъ (Иринархъ соловецкій) и сказалъ: встаньте! Богъ даетъ вамъ добычу. И на завтра видятъ артельщики многое множество звѣрей: тотчасъ въ однѣхъ рубашкахъ и чулкахъ сходятъ на льдину и начинаютъ бить звѣрей, избили столько, сколько имъ нужно было»! Другіе видѣли на морѣ знаменья отъ святыхъ. Напр. одинъ пятидесятникъ архангельскій, разсказывалъ про чудо, случившееся съ нимъ отъ Никодима кожезерскаго чудотворца: «бывши ми на морѣ, весною въ великій постъ, якоже обычай и до нынѣ поморскихъ странъ людямъ, и ходивши по льду за звѣрьми, и не вѣмъ, како разлучихся отъ дружины моея, не имый съ собою хлѣба ни малого куса, ходящу ми по льду и невѣдущу камо идущу, льды же разно расходящася, несоша мя въ море три дни и три нощи, азъ же отъ глади и отъ многаго хожденія вельми изнемогъ и житія отчаяхся, но токмо ожидахъ смерти и сѣдохъ подъ нѣкую льдину опочинути и молихся всемилостивому Богу и пречистой его Богоматери и всѣмъ святымъ со многими слезами

о избавленіи горькія смерти своея, и мало поклонихся опочити. Солнцу же вельми сіяющу, и абіе внезапу узрѣхъ нѣкоего старца при возглавіи моемъ стояща и церковь на воздусѣ стоящу о пяти главахъ. И рече ми явлейся старецъ: человѣче! обѣщайся идти въ обитель св. Богоявленія Господня, иже есть на Кожеезерѣ—помолиться всемилостивому Спасу. Азъ же рѣкохъ ко старцу: которая есть сія отче церковь, юже азъ вижду на воздусѣ? Старецъ же рече ко мнѣ: сія чадо церковь, юже видиши, св. Богоявленія Господня, иже на Кожеезерѣ. И паки азъ рѣкъ къ старцу: а ты, отче святый, коея обители и что ти есть имя, и како сѣмо пришелъ еси? Онъ же рече: азъ есмь тоеже св. обители, и имя мое Никодимъ. Азъ же паки рекохъ ему: помолися честный отче, о мнѣ грѣшномъ ко Господу Богу, да помилуетъ мя окаяннаго отъ горькой смерти сея. И положихъ обѣщаніе идти во святую оную обитель. И въ томъ часѣ церковь на воздусѣ невидима бысть, и старецъ бысть невидимъ, и въ томъ часѣ пріиде съ моря вѣтръ силенъ зѣло и понесе мя на льду ко брегу, и принесе вскорѣ къ брегу. И тако ходатайствомъ и молитвами препод. отца Никодима избавленъ быхъ отъ горькой смерти». «Сія же той пятидесятникъ повѣда самъ о себѣ»,—замѣчаетъ собиратель повѣстей о чудесахъ Никодима кожезерскаго. Святые поморскіе, по туземному представленію, извергали звѣрей изъ моря, въ случаѣ нужды и молитвы къ нимъ поморцевъ. Такое чудо показали пертоминскіе чудотворцы Вассіанъ и Іона, когда въ пустынѣ былъ голодъ, и трудники монастырскіе стали роптать на игумена за неплатежъ заработанныхъ денегъ: тогда, по молитвамъ общежителей, море извергло большого кита, и «дивишася зѣло о несбыточномъ томъ чудеси, и прославиша Бога и преподобныхъ похвалиша, и измѣривше же звѣря того глаголемаго кита, обрѣтоша саженей осемь великихъ, и пріемши орудіе, разсѣкоша звѣря онаго на части и обрѣтоша жиру 230 п., цѣны же собраша сребра на немъ яко до 500 гривенъ, и тако промысломъ Божіимъ и молитвъ ради преподобныхъ Вассіана и Іоны отъ скудости богатство пріяша и наемникомъ мзду даша довольну». И на сушѣ были такія же матеріальныя чудеса святыхъ. «Бѣ нѣкто трудникъ именемъ Никита, труждашеся въ обители преподобныхъ Вассіана и Іоны пертоминскихъ. Во едино время, молящуся ему, якоже обычай бяше, и призывающу преподобныхъ въ потребѣ своей помощь подати въ прекормленіи скота монастырскаго сѣнною кормлею, еще бы ему препитати оной скотъ безгладно, понеже вельми умалися сѣнная кормля, и печаляшеся о томъ зѣло. Днемъ и нощію молящуся ему преподобнымъ помощь подати въ прекормленіи скота, таже уклоньшуся ему ко сну, и абіе явишася преподобніи отци Вассіянъ и Іона, глаголюще ему: что убо наю желая просилъ еси, не бывшимъ намъ здѣ въ обители своей, быхомъ убо мы въ оной веси, промышляхомъ съ купляющими сѣна на пищу скотамъ нашимъ, и нынѣ же пріидохомъ паки и здѣ есьмы въ своемъ мѣстѣ обрѣтаемся, исполняюще прошеніе твое, дается ти отъ Бога вскорѣ довольное прокормленіе скоту, сѣна, о семъ болѣе не сѣтуй, но паче радуйся; шедъ повѣдай братіи, дабы посланы быша трудники въ оную близь лежавшихъ весей купити сѣна на прокормленіе скоту нашему уже мы купихомъ малою

цѣною.... и егда начаша куповати у жителей веси тоя порицаемыя унскія, бысть чудесно вельми промысломъ и помощію преподобныхъ, яко купиша до девятидесяти возилъ сѣна, цѣною же вельми малою, никогда тако куповашеся кормля скотская о тѣхъ временахъ, зане точію по 6 денежекъ пріеши за возъ продающіи». Множество подобныхъ легендъ въ сѣверо-поморскихъ сказаніяхъ о тамошнихъ чудотворцахъ. Извлеченія наши изъ ркп. солов. библ. № 182. Приведемъ еще одно сказаніе изъ житія Макарія унженскаго: возвращаясь изъ плѣну татарскаго, съ толпой народа, говоритъ жизнеописатель его, совѣщался преподобный съ сущими съ нимъ христіанами, яко до пересилиться ему на рѣку на Уньжу: бѣ бо тогда мало отъ живущихъ ту по весемъ, но малъ градъ единъ, и сотвори тако; Богъ же помогалъ ему къ путному шествію, а народъ за нимъ шелъ, ако присная чада отца своего: шествіе же пути съ нимъ продолжашеся, занеже мѣсто то Уньжа отстояніе имать отъ темныхъ водъ глаголютъ не мало яко двѣсти четыредесятъ или множае поприщь, идеху же внутреннею пустынею и непроходными блаты. Бысть же имъ оскудѣніе хлѣбомъ и не обрѣтаху что ясти, тающе голодомъ. Господь же прослави угодника своего, и абіе божіимъ мановеніемъ обрѣтоша народи дивое животно, глаголемое лось, и яша его жива молитвами преподобнаго. Бяше тогда постъ Петра и Павла, оставалось еще 3 дня. Святый же возбраняше имъ глаголя: чадца моя, потерпите Господа ради, и не разрѣшайте святаго поста дней: Господь же препитаетъ васъ въ пустыни сей. И повелѣ имъ отрѣшити ухо лосю и отпустити его, и яко же хощетъ Богъ, въ день той животное и будетъ вамъ. Людіе отрѣшиша ухо лосю и отпустиша его, и отойдя въ пустыню. Преподобный же видя ихъ томимыхъ гладомъ, и зѣло печашеся о нихъ; народъ же моляху святаго, да молитву сотворитъ о нихъ, да незлѣ гладомъ погибнуть въ пустыни. Святый же утѣшая ихъ глаголя: «не скорбите чада мое, но паче уповайте на благость Божію, яко прекормивый Богъ израильтянъ четыредесятъ лѣтъ въ пустыни манной, той можетъ и насъ препитати въ пустыни сей. Когда приспѣлъ день святыхъ апостолъ верховныхъ, преподобный же уклонися мало въ пустыню и воздѣвъ на небо руцѣ свои и рече: хвалю тя Господи Іисусе Христе, благословенный Боже, призри съ высоты святыя твоея, всяко дыханіе благословитъ тя, всяка тварь славитъ тя, милостивый Боже царю! Призри на люди своя въ пустыни сей. И абіе молитвами святаго внезапу во утріи праздника св. апостолъ урани животное то дивій лось, обрѣтеся въ народѣ, и познася его яко той же бѣ лось, ухо имѣя отрѣшенно, и вѣдоша его къ блаженному, святый же благослови его и повелѣ заклати народу на пищу. Не токмо же сіе единою сотвори святый народу, но и по вся дни обрѣтаху пищу молитвами святаго, овогда лося, иногда же еленя». Сборн. солов. библ. № 826.

Святые считались стражами домашняго скота и вообще всякаго вещественнаго имущества. Въ случаѣ потери чего нибудь, они помогали отыскивать. Напр. въ житіи Зосимы и Савватія соловецкихъ есть повѣсти о томъ, какъ эти чудотворцы отыскивали потерявшихся лошадей. Такое повѣрье существуетъ и теперь. Напр. въ Казани намъ разсказывалъ одинъ

крестьянинъ изъ села Кавалей, какъ другой крестьянинъ — изъ дер. Тарлыши, Ондреянъ Александровъ Сазановъ, по случаю падежа или потери 20 лошадей, ходилъ въ седміозерную пустынь молиться святымъ; строитель пустыни, какъ передавалъ крестьянинъ, говорилъ ему: попостись двѣ недѣли—потинью, «т. е. съ эпитиміей, Господь тебѣ возвратитъ 20 лошадей». Въ старину даже по случаю потери пуговицы, призывали святого. Такъ въ житіи Даніила переяславскаго читаемъ: бысть тогда (ок. 1540 г.) въ Переяславѣ намѣстникъ князь Ондрей Олександровичь, зовомый Оленинъ. Нѣкогда же у сего князя Ондрея изгибе отъ пристѣжія срачицы его златая пуговица съ драгимъ жемчугомъ, и невѣріе имѣя на малыя отроки своя, и хотяху нѣцыи мучими быти, и воспомяну князь святаго Даніила, и призва его въ молитвѣ глаголя: о преподобне Даниле, молитвою си помози намъ и о погибшей пугвицѣ смущеніе мое утоли, да не постраждутъ нѣчто домочадцы мои. Чудотворецъ помогъ найти пуговицу и рабовъ избавилъ отъ побоевъ и пытокъ князя. Сборн. солов. библ. № 182.

Наконецъ, самый даръ грамоты и ученья техническаго и всякаго испрашивали у особыхъ святыхъ. Патронами каллиграфіи и всякаго полезнаго ученія признавались Іоаннъ Богословъ, безсребреники Косма и Доміанъ и особенно пророкъ Наумъ. Въ одномъ азбуковникѣ XVII вѣка сказано: «есть обычай многимъ (учащимся) совершати молебная святымъ безсребникамъ Космѣ и Доміану, и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать». (Чтен. моск. общ. истор. и древн. рос. 1861 кн. IV, стр. 23). Въ прописяхъ азбуковниковъ XVII в. находится такой стихъ:

Святый апостоле и евангелисте *Іоанне богослове*,
На тайной вечери воалегій на персѣ Христовѣ,
Вразуми мя и научи добрѣ писати,
Якоже онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изображати.
Святый пророче Божій, *Науме*, вразуми ми и накажи своею
Милостію и благодатію, добрѣ руководствію навыкати.

Обычай этотъ заимствованъ у грековъ, которые Косму и Доміана также почитали помощниками въ обученіи, и есть свидѣтельство, что для испрошенія этой помощи, приходили именно въ храмъ этихъ святыхъ. Въ сочиненіи Дюканжа: Constantinopolis christiana, lib. III, p. 122 помѣщены слѣдующіе стихи, написанные Іоанномъ епископомъ евхаитскимъ ко храму Космы и Доміана:

Κὰθ ἥν ὁμοῦ σῦνεισιν οἱ γεγραμμένοι
Ἀνάργυρος μεν ὁ τρόπος τοῖς συγγόνοις,
Τέχνη δ᾽ἰατροῖ, θαυματονρηοὶ τε πλέον,
ἥν οὖν θέλεις ἄμισθον ἐξαιτοῦ χάριν.
Θεία γὰσ ἐγγὶς ἐυτυχῆς δε καὶ τέχνη.

Обычай служить молебенъ пророку Науму предъ началомъ ученья дѣтей и доселѣ ведется между крестьянами. Думая научить сына грамотѣ или какой-нибудь механической работѣ, крестьянинъ идетъ спрашивать цер-

ковнаго причетника: когда бываетъ день пророка Наума! Узнавши, онъ служитъ въ тотъ день молебенъ пророку Науму, и потомъ ведетъ сына къ учителю. Отсюда образовалась простонародная поговорка: «одинъ пророкъ Наумъ наводитъ на умъ».

2. Восточно-византійская санктологія напечатлѣлась не только на всемъ житейскомъ міросозерцаніи древне-русскихъ людей, но и на самыхъ именахъ ихъ. До крещенія Руси, имена давали или волхвы, вѣдуны, или какъ хотѣла родители назвать свое дитя, такъ и называли. Имена давались въ родѣ такихъ: Богданъ, Баженъ, Жданъ, Второй, Третьякъ, Мѣсоѣдъ, Подрогъ и другія, которыя послѣ обратились въ прозвища (Опис. рукоп. рум. муз. стр. 2, 6—7). Природныя или самопроизводныя славянорусскія имена большею частію выражали качества и предметы естественные и бытовые. Но со времени крещенія Руси Владиміромъ великимъ, имена стали давать въ честь святыхъ. Впрочемъ, многіе изъ простого народа до позднѣйшаго времени носили дѣтей своихъ къ волхвамъ и чародѣямъ, и тѣ нарекали имъ имена. Такъ особенно было на финскомъ сѣверѣ, гдѣ сельскіе жители, въ XVI в. призывали къ себѣ чудскихъ колдуновъ *арбуевъ*, которые и давали имена новорожденнымъ. Въ казанскомъ краю тоже, въ XVI вѣкѣ и послѣ, новокрещенные чуваши, черемисы и вотяки призывали къ родильницамъ и къ дѣтямъ не поповъ, а бабъ; тоже было въ XVII вѣкѣ въ Сибири. (Доп. къ А. И. т. II, А. А. У. 438, А. И. т. IV. № 35). Противъ всѣхъ этихъ обычаевъ, книжники церковные, на основаніи восточно-византійской санктологіи, возставали. Въ старинныхъ алфавитахъ читаемъ: прежде убо славяне еще суще погани, неимѣяху книгъ, понеже неразумѣху писанія, и того ради и дѣтямъ своимъ даяху имена, якоже восхощетъ отецъ или мати дѣтищу, яже суть сія: Богданъ, Баженъ, Второй, Третьякъ и прочая подобная симъ, яже нынѣ прозвища именуются. Добра суть и та. Но обаче нощи невѣрія ихъ мимошедшей, свѣту же истиннаго богоразумія въ нихъ возсіявшу.., Славяне, пріемше святыя книги, послѣдоваша во всемъ преданію святыя и соборныя и апостольскія церкви, и отъ толѣ любяще и почитающе святыя угодники, начаша и дѣтемъ своимъ даяти имена во имя святаго настоящаго времени, въ неже дѣтищь родится. И того ради неудобь вѣдома намъ нынѣшнихъ именъ нашихъ толкованія, или по коему языку каждо насъ наричется, не бо ни единаго греческаго языка нареченію наричемся, но многихъ языкъ (въ солов. сборн. № 925, л. 25—26 прибавлено: «ова еврейска, ина же египетска, ина римска и прочихъ языкъ, протолкована же взята быше отъ древнихъ святыхъ любомудрецъ, нѣкая же и послѣ отъ Максима грека ради разумѣнія тезоименитствъ хотящимъ въ словянѣхъ составляти тропари и кондаки и каноны новоявленнымъ въ руси святымъ)... сего ради убо потребно есть и съ прочими языкъ рѣчьми здѣ толкованіемъ избразити, да увѣмы, что есть коегождо святаго и праведнаго тезоименная похвала... А *бѣсовская нарицанія* толкованы сего ради, понеже *мнози отъ* человѣкъ *приходяще къ волхвамъ и чародѣямъ*, и пріемлютъ отъ нихъ нѣкая бѣсовская *наюзы* и носятъ ихъ на себѣ» и проч. Въ другомъ спискѣ полнѣе: «мнози отъ человѣкъ приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, и пріемлютъ отъ нихъ

бѣсовская *обонянія и наузы* и носятъ ихъ на себѣ. Иная бѣсовская *имена* призывающе волхвы и чародѣи надъ ѣствами и питіемъ, и та дающе нѣкимъ простымъ (простой чади) вкушати, яко ради здравія, и тѣмъ губятъ души многихъ простыхъ чади. И сего ради та здѣ объяснена, да отъ неразумія пріемлюще таковая, или на харатіяхъ написаны носящи, погубимъ душу своя, вмѣсто божественныхъ именъ пріемлюще *бѣсовкія имена*». Ркп. алфав. солов. № 13, л. 28—29. Сборн. солов. № 925).

3. Любопытна слѣдующая легенда, какъ въ XV вѣкѣ чудотворная икона появилась въ древнѣйшемъ дремучемъ лѣсу Оковскомъ и помѣшала татямъ воровать чужой скотъ — лошадей и коровъ, и какъ отъ нея будто бы произошли разныя благотворныя физическія явленія: «Въ Оковской волости (въ Тверской области) промежду деревень есть деревня Дрепки, а другая Клочки. Имѣ же тѣхъ деревень лѣсъ дичь, а по тому лѣсу течетъ рѣка Пырышка, а на той рѣкѣ есть городище маленько на клочковской сторонѣ рѣки, и была туто боярщина Подадина, жили въ ней два татя, а въ Клочкахъ жили два же татя, Ивашкомъ зовутъ, что пономаремъ прослави, да дядя его родной, Ермолкою зовутъ, а прибѣжали они изъ Рясны. И совѣщались два татя Ивановы боярщины съ клочковскими татьми съ Иваномъ и съ Ермолкою, а совѣтъ у нихъ былъ таковъ: привести имъ съ Клочковъ украдчи двое лошадей, а Ивановы боярщины привести было украдчи коровы, а мѣнѣ было у нихъ быти лошадямъ на коровы по сроку, на томъ на пырыщскомъ городищу. Ивановы боярщины тати покрадчи коровы напередъ поспѣли къ ихъ сроку, клочковскимъ татямъ неулучилося украсти двоя лошадей по ихъ сроку, и прежніе тѣ тати поставили коровы отъ городища того въ верхъ по Пырыщкѣ рѣкѣ за ключемъ въ лѣсѣ, да сами по прежнему ихъ совѣту, гдѣ бѣло мѣнѣ быти лошадей на коровы, взошли на то городище Пыршинское и узрѣли прежь всѣхъ икону, а не знаютъ, что крестъ честный, и рѣкоша другъ ко другу: се на насъ подковъ, побѣжимъ отъ мѣста сего: не чужими намъ животами мѣна, но своими головами пріяти бѣда. И бѣжаша они отъ мѣста того и увидѣ лѣсъ нѣгдѣ того жъ дни съ тѣмъ Ивашкомъ и дядею Ермоломъ, и рекоша: что у васъ на насъ за подковъ — икона стоитъ на городищѣ, а не лошади: то ли ваша правда къ намъ. Они жъ начаша клятися и ротитися, глаголюще: «ничто же на васъ зла помыслихомъ, ниже на городищѣ иконы вѣдаемъ, но токмо мы отъ многихъ людей отъ полѣсовныхъ и отъ мимоходящихъ слыхаемъ, многи де звоны бываютъ на городищѣ томъ, а мы ничего не вѣдаемъ на мѣстѣ томъ, что вы говорите. И турышини разошлися коихъ по себѣ. И учалъ говорити Ермолко ко Ивану: дойдемъ и видимъ, что ся есть на городищѣ томъ и станемъ стеречи, *любо ся клади* на мѣстѣ томъ является, и стерегоша они, и не бысть ничтожь, развѣ единъ крестъ къ соснѣ пригвожденъ стоитъ, и сказали они въ деревни въ Клочкахъ. И шедъ *всею деревнею* досмотрѣли, что есть на томъ мѣстѣ на соснѣ иконѣ, да не знаютъ которая, занежь простые люди, а пречистые чудотворные иконы никтожъ не вѣда на городищѣ томъ занежь лѣсъ часты, и послали они Исидора Ѳедорова сына деревни той Клочковской отъ городища того 10 верстъ къ свѣту на погостъ по попы, а поповъ

дома ся неулучило, въ волость разъѣхалися по конономъ. Исидоръ позвалъ Стефана чернца Крылошанина, Стефанъ пошелъ въ самый Троицынъ день въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, и снялося съ нимъ 4-хъ деревень болѣе 100 душъ, и пошли отъ креста, что на соснѣ по городищу тому смотрѣти, занежъ мѣсто красно и дивно и угодно ко всему, и Стефанъ чернецъ нашелъ предъ многими людьми икону на соснѣ, на сучку, а отъ крестовые сосны до тое 10 саженъ промежу ихъ, а съступилъ съ нею съ колоды на землю... А тогды жилъ въ Клочкахъ нѣкто Мартемьянъ, а прозвище Гребень. А та чудотворная пречистая икона прежь явленья была въ того Мартемьянова имени, стояла у него въ дому, и для тое чудотворные иконы поставили того Мартемьяна пономаремъ, и пономарилъ у пречистые и честнаго креста 6 лѣтъ, и вельми забогатѣлъ, и учалъ воровати, разбой сталъ отъ него великъ, и многажды поимывали его въ разбоѣ, и до Государева слуха дошелъ, Государь же милость надъ нимъ показалъ, велѣлъ его понаказавши отпустить опять на пономарство. Онъ же не оста стараго своего воровства, и въ томъ своемъ воровствѣ и пропалъ неподобною смертію. А та чудотворная икона собою невелика, *воротная*, письмо старинное. Чюдно Богъ человѣколюбецъ показа милость свою, учало людей прощади отъ тѣхъ чудотворныхъ образовъ, отъ пречистые Богородицы Одигитрія и отъ честнаго креста... Лѣта коего явися икона пречистые Богородицы на Оковцѣ и крестъ честной, хлѣбъ былъ дешевъ, кадь ржи купили по 4 московки, а лѣто было весьма ведрено, а не засушливо, и красно и всякимъ овощемъ плодовито, а отъ поля тишина была, а людямъ здравіе было и всякому скоту плодъ». Всѣ эти чисто физическія явленія происходили будто бы именно вслѣдствіе явленія иконы. (Сборн. солов. библ. № 857, л. 176).

Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII.

Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола [1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Расколъ старообрядства составляетъ характеристическое явленіе въ историческомъ развитіи русскаго народа, особенно его низшихъ классовъ. Въ немъ сохранился, такъ сказать, окаменѣлый отколокъ древней Россіи, выразилась русская народность XVII вѣка, въ ея отрѣшенности отъ иноземныхъ элементовъ реформы Петра Великаго и XVIII столѣтія, проявилась преимущественно своеобразная историческая жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная. Старая вѣра, старые обряды, старыя книги раскола — это характеристическій символъ, выраженіе умственной жизни большой части нашего народа, мѣра, заповѣдный, заколдованный кругъ его мыслительности; это такъ сказать, апоѳеоза, освященіе той неподвижной, во вѣки «неминуемой» старины, которая имѣла такое важное значеніе въ народномъ быту древней Россіи, въ обычаяхъ, нравахъ и понятіяхъ народа, о которой онъ изстари говорилъ въ своихъ пословицахъ: «что старо, то свято; что старѣе, то правѣе; что изстари ведется, то неминется, ветхое лучше есть»! Церковно-гражданскій демократизмъ раскола, подъ покровомъ мистико-апокалипсическаго символизма, отрицаніе реформы Петра Великаго, возстаніе противъ иноземныхъ началъ русской жизни, вопль противъ Имперіи и правительства, смѣлый протестъ противъ подушныхъ переписей, податей «и даней многихъ», противъ рекрутства, крѣпостного права, областнаго начальства и т. п. — это многознаменательное выраженіе народнаго взгляда на общественный

---

[1]) Напечатано отдѣльною книгой подъ такимъ же заглавіемъ. Казань. 1859, in 8°, стр. 4 нен. +548+2 нен. Изданіе И. Дубровина. Цензурное дозволеніе на второе изданіе отъ 1 мая 1859 г.

и государственный порядокъ Россіи, проявленіе недовольства низшихъ классовъ народа, плодъ болѣзненнаго, страдательнаго, раздраженнаго состоянія духа народнаго. Поповщина и безпоповщина, подъ общей формой старообрядства — образованіе съ одной стороны ложнаго священства, бѣглопоповщины, съ другой — совершенное отрицаніе священства, ненависть къ духовенству, и обобщеніе той и другой противоположности подъ одной оболочкой мертвой обрядности, — это характеристическое явленіе церковной жизни нашего народа, плодъ и выраженіе взаимныхъ отношеній духовенства и народа; это — особенно многозначительный, характеристическій фактъ въ исторіи нашего духовенства. Наконецъ, эти степановщины, акулиновщины, пастуховы согласы, и множество подобныхъ взаимно-враждебныхъ сектъ раскола, въ которыхъ «что мужикъ, то вѣра, что баба — то толкъ», отрицаніе въ нѣкоторыхъ сектахъ раскола начала общественности, принадлежности къ обществу, отрицаніе нравственныхъ началъ семейной жизни, освященіе такихъ грубыхъ пороковъ, каковы напр., самоубійство, блудъ и т. п. — это темная сторона нравственнаго и общественнаго развитія нашего народа, плодъ и выраженіе крайней недостаточности нравственнаго вліянія духовенства на народъ и отсутствія народнаго просвѣщенія и воспитанія. Вотъ главные пункты, точки, съ которыхъ мы пытались разсмотрѣть русскій расколъ старообрядства, въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII. Основная мысль нашего опыта — раскрыть историческую основу раскола старообрядства, этого многосложнаго явленія въ русской исторіи, показать тѣ элементы въ исторической жизни народа, изъ которыхъ онъ сложился.

Предлагаемое сочиненіе не болѣе, какъ первая попытка — раскрыть историческія причины появленія и распространенія въ Россіи раскола старообрядства. И издается оно собственно не для ученыхъ спеціалистовъ, а больше для неученой публики. Потому, мы желали бы отъ критики не столько строгаго суда о недостаткѣ въ нашемъ сочиненіи новыхъ фактовъ и выводовъ, объ его необработанности и неразвитости высказанныхъ въ немъ мыслей, сколько исправленія ошибокъ, восполненія недостатковъ, указанія опущенныхъ нами сторонъ и фактовъ.

Къ сочиненію будетъ присовокуплено, въ особомъ приложеніи, нѣсколько неизданныхъ рукописныхъ памятниковъ русской жизни и литературы XVII вѣка.

«Насѣялъ небесный Домовладыка плодовитую ниву нашей православной державы пшеницею чистаго благочестія», — съ глубокою скорбію говорилъ царь Алексѣй Михайловичъ на Московскомъ соборѣ въ 1667 году — «но завистливый врагъ, въ то время, какъ мы, поставленные отъ Бога стражами надъ ней, дремали, всѣялъ куколь душевредный. Куколь этотъ — душепагубные нынѣ насѣянные расколы, которыхъ тлѣтворное прозябеніе тщится искоренить чистую пшеницу слова Божія истинной каѳолической вѣры. Вотъ уже богохульное ихъ плодоношеніе не только обносится по различнымъ странамъ, городамъ и весямъ врученнаго намъ отъ Бога царства, но и въ самый сей городъ вомчалось и дошло до нашихъ рукъ въ свиткахъ и коснулось нашихъ ушей словесно. Многіе скудноумные, заразившись симъ душеубійственнымъ злоплодіемъ, какъ-бы внѣ ума были, заблудились отъ церкви въ новопрозябшія сонмища, отвергли крещеніе, грѣховъ своихъ іереямъ Божіимъ не исповѣдали, Тайнамъ животворящимъ не причащались, кратко сказать, весьма отъ церкви и отъ Бога отчуждались» [1]). Эти скорбныя слова царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ по поводу русскаго раскола старообрядства, который съ 1666 года уже ясно и окончательно отпалъ отъ церкви. Съ этого времени и до конца XVII столѣтія, расколъ весьма быстро распространялся, такъ что къ половинѣ XVIII столѣтія проникъ уже почти во всѣ концы Россіи. Еще при жизни расколоначальниковъ, около 1676 года, по словамъ одного изъ нихъ, въ Великороссіи насчитывалось до 100,000 однихъ готовыхъ умереть за расколъ, только скрытыхъ «страха ради властелинска» [2]) На сѣверѣ, изъ небольшихъ пустынь и скитовъ, устроенныхъ Соловецкими выходцами въ Олонецкихъ и Архангельскихъ дебряхъ, плевелы раскола распространились по всему Бѣлому поморью; на рѣкѣ Выгѣ, въ 1694 году, основалось сильное гнѣздо, средоточіе безпоповщинскаго раскола,—скитъ Даниловскій. Въ этомъ скиту сначала было только до 150 братій и сестеръ [3]); потомъ число раскольниковъ умножилось до такой степени, что Выговскій скитъ на одномъ собственномъ иждивеніи содержалъ мужескаго пола ты-

[1]) Дополн. къ Акт. Истор., т. V, № 102, стр. 445, слово великаго Государя Царя къ освященному Собору.

[2]) Щитъ Православія — соч. попа Лазаря, гл. 28.

[3]) Словарь Рус. свѣтскихъ писателей, Митр. Евгенія, ч. I, стр. 162.

сячь до двухъ, да женскаго до тысячи и болѣе душъ[1]). Отъ Выговскаго скита въ 1706 году отдѣлилась секта Ѳедосѣевцевъ. Въ короткое время эта секта, болѣе всѣхъ прочихъ отраслей раскола, размножилась въ нашемъ отечествѣ, пустила корни свои въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, и даже проникла за границу въ Польшу, на берега Дуная, въ Пруссію, Австрію и Турцію. Въ 1675 году бѣжалъ изъ Москвы зараженный раскольническими мыслями попъ Косма съ 20 человѣками и поселился въ Новгородско-сѣверской области, на одномъ небольшомъ Стародубскомъ урочищѣ, Понуровкѣ: здѣсь изъ посѣяннаго имъ сѣмени образовалось 17 слободъ раскольническихъ, и въ нихъ было до 50,000 обоего пола[2]). Изъ Стародубскихъ слободъ нѣкоторые раскольники, преслѣдуемые правительствомъ въ правленіе Софіи Алексѣевны, убѣжали въ Польшу и тамъ поселились на такъ называемомъ островѣ Вѣткѣ; число раскольниковъ здѣсь возросло до 40,000 человѣкъ; за невмѣщеніемъ на Вѣткѣ, они на окружности 20 или 30 верстъ населили болѣе 14 слободъ[3]). — Перейдемъ въ Волжскія страны Россіи. Здѣсь въ Нижегородской епархіи, въ чернораменскихъ лѣсахъ Юрьевскаго и Балахнинскаго округовъ, спустя 35 или 40 лѣтъ послѣ перваго появленія плевелъ раскола, въ 1716 году считалось однихъ записныхъ раскольниковъ до 40,000 душъ[4]). Далѣе къ югу, на р. Иргизѣ, поселились сначала только 60 человѣкъ, выходцевъ изъ Польши, державшихся раскола. Но когда разнеслась по всему приволжью слава знаменитаго Успенскаго монастыря на Иргизѣ, тогда чуть не весь Донъ, Уралъ и почти все приволжье вошли съ нимъ въ сообщеніе по дѣламъ раскола. Всѣ казаки, Елецкіе и Яицкіе, большая часть изъ 20,000 Донскихъ казаковъ заражены были расколомъ и даже ратовали за расколъ, давшій просторъ буйному разгулу ихъ воли[5]). Въ предѣлахъ Астраханскихъ, въ Елисаветградскомъ и Бахмутскомъ уѣздахъ цѣлыя слободы заселены были раскольниками, державшимися Соловецкой челобитной[6]). Въ 1692 году раскольники распространились по рѣкамъ Кумѣ, Сулакѣ, Кубани и Аграхани. Въ 1698 г. многіе поселились за Терекомъ, въ горахъ и ущельяхъ большой и малой Кабарды, а нѣсколько времени спустя, основали 5 станицъ по эту сторону Терека[7]). На востокѣ за Уральскимъ хребтомъ, въ предѣлахъ Сибирскихъ, еще со временъ патріарха Никона, поселилось множество раскольниковъ при желѣзныхъ заводахъ и казенныхъ и частныхъ золотыхъ промыслахъ, гдѣ втайнѣ сохраняли свои повѣрья: здѣсь число ихъ возрасло, въ одно столѣтіе, до 100,000 человѣкъ всякаго зва-

[1]) Истор. Россійск. Іерарх., ч. III, стр. 626.

[2]) Полн. истор. извѣст. о раскол., ч. III, стр. 14, 15.

[3]) Тамъ же, стр. 42. Въ такомъ числѣ нашелъ раскольниковъ на Вѣткѣ полковникъ Сытинъ въ 1735 году. Но тогда еще многихъ не было дома: разошлись, по словамъ Іоаннова, съ проповѣдью о расколѣ по Россіи.

[4]) П. С. З., указъ 1762 г.

[5]) Ист. Пугач. бунта, Пушкина, ч. I., гл. 2. — Ист. о Донскихъ казакахъ, въ Чтен. Моск. Общества исторіи и древн. Россіи. 1846 г., № 4, стр. 83, 95, 109.

[6]) Отвѣты Преосв. Никифора, Архіеп. Слав. и Херсон. Москва, 1854 (предувѣд.) л. 2 и 3. Также см. Словарь о духов. писат. М. Евгенія о Никифорѣ Ѳеотокіи.

[7]) Акт. Ист., т. V, №№ 215, 220, 221, 241, 254.

нія: купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ [1]). Менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе съ 1658 по 1688 годъ, мы видимъ расколъ распространившимся во многихъ мѣстахъ западной и восточной Сибири: въ Екатеринбургѣ, Тюмени, Тобольскѣ, Томскѣ, Енисейскѣ. Однимъ словомъ: расколъ такъ сильно распространялся по Россіи при патріархѣ Никонѣ, и послѣ него, въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, что по всей справедливости можно сказать словами одного раскольническаго писателя: отъ распространенія раскола «звѣропаственныя мѣста населялись и вмѣсто деревъ умножались люди» [2]).

Какія были причины такого быстраго распространенія раскола по Россіи?

Историческія причины происхожденія и распространенія раскола заключались: а) въ духѣ времени, въ которое возникъ и распространился расколъ старообрядства, именно въ томъ, что съ XVI вѣка до патріарха Никона, многіе въ русскомъ народѣ питали суевѣрную привязанность къ одной внѣшней обрядности церковной безъ духа вѣры, и будучи слѣпо привержены ко всему, что имѣло видъ какой бы то ни было, только русской старины, обнаруживали недовольство церковными исправленіями и гражданскими преобразованіями, начавшимися въ царствованіе Алексѣя Михайловича при Никонѣ, и особенно усилившимися въ царствованіе Петра Великаго: здѣсь заключается главный и первоначальный источникъ раскола; б) въ духовно-нравственномъ состояніи русскаго народа во время возникновенія и распространенія раскола: здѣсь находится самая почва, въ которой развился, возросъ и распространился расколъ; в) въ самомъ расколѣ, особенно въ расколоучителяхъ и въ духѣ и въ направленіи раскола: здѣсь заключаются внутреннія силы и способы, посредствомъ которыхъ расколъ самъ собою развивался, возрасталъ и распространялся, какъ опредѣленное общество, отдѣльное отъ православной церкви; г) въ уклоненіяхъ отъ церковнаго или церковноіерархическаго порядка, допускавшихся нѣкоторыми православными лицами, и въ другихъ недостаткахъ относительно благоустройства церковнаго, и д) въ разныхъ гражданскихъ безпорядкахъ и недостаткахъ того времени, когда возникъ и распространился русскій расколъ: это, такъ сказать, была атмосфера, подъ вліяніемъ которой развивался расколъ.

I. Главный, первоначальный источникъ и основныя начала русскаго раскола старообрядства.

Нѣкоторые русскіе писатели XVIII и XIX столѣтій, говоря объ исправленіи церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, выражаютъ мысль, будто это самое исправленіе книгъ было причиною раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, будто «ревностная поспѣшность Никона въ

---

[1]) Расколъ, облич. своею истор., стр. 328. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, если вѣрить показаніямъ самихъ Сибирскихъ раскольниковъ, ихъ было въ губерніяхъ Оренбургской, Пермской и Тобольской болѣе 150,000.

[2]) Истор. о бѣгствующемъ священствѣ, л. 8 на об. (Рукоп. А. А.).

исправленіи книгъ произвела раскольниковъ» [1]). Раскольническіе писатели признаютъ также патріарха Никона единственнымъ виновникомъ раскола въ русской церкви [2]). Оба эти обвиненія, при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, среди которыхъ появился расколъ, оказываются несправедливыми. Исправленіе церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ было не болѣе, какъ только внѣшнимъ поводомъ къ открытію раскола. А главный, первоначальный источникъ раскола, почти при самомъ появленіи принявшаго характеръ не просто церковный, но церковно-гражданскій кроется гораздо глубже и восходитъ гораздо далѣе времени патр. Никона. Русскій расколъ явно сложился изъ двухъ началъ: во-первыхъ, изъ начала собственно церковнаго, какъ секта церковнообрядовая, несогласная съ православною церковію въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядахъ; во-вторыхъ, изъ начала гражданскаго, или противогосударственнаго, какъ секта, возставшая, по собственному выраженію раскольниковъ, противъ новшествъ нетолько церковныхъ, но и гражданскихъ. Потому и источника раскола прежде всего надобно искать въ духѣ и направленіи церковной и гражданской жизни русскаго народа въ тотъ періодъ времени когда расколъ зачался, развился и распространился.

1. Отъ чего въ церкви нашей произошелъ расколъ, во-первыхъ, изъ *за богослужебной обрядности*, именно по поводу исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно и

[1]) Такъ Голиковъ (Дѣян. Петра Великаго т. XIII стр. 40 изд. 1840 г.) говоритъ: „Ревностная поспѣшность Никона въ семъ (исправленіи и изданіи книгъ) произвела раскольниковъ“. „Таковое первопрестольника церкви Россійскія попеченіе по истиннѣ колико было похвально, толико и нужно: но ревностная поспѣшность, съ каковою онъ за сіе принялся ежели, смѣю сказать, не соображена была съ умоначертаніемъ непросвѣщеннаго тогдашняго народа, готоваго за малость, ничего незначущую, оттоpгнуться отъ сообщенія церкви и отъ своихъ единовѣрныхъ соотечественниковъ; и посему надлежало таковый народъ издали пріуготовить къ сему вразумленіемъ о нуждѣ исправленія таковаго“. „Первая книга „Служебникъ“, съ поправленіемъ напечатанная. привела народъ къ отпаденію отъ церкви“. Арцыбышевъ (повѣств. о Россіи т. III кн. VI, стр. 423,) такъ выражается о началѣ раскола: „Онѣ (старописанныя книги, привезенныя Арсеніемъ Сухановымъ съ востока) разсмотрѣны были на соборѣ въ Москвѣ и найдены совершенно сходными съ древними славянскими; въ слѣдствіе чего и опредѣлено соборомъ исправить по нимъ новопечатныя Московскія. Отъ этого произошли расколы, продолжающіеся до нынѣ“.

[2]) Такъ, напримѣръ, извѣстный раскольническій исторіографъ Денисовъ въ своемъ „Виноградѣ Россійскомъ“ говоритъ: „Аще всеподательніи слышателіе всеусердно познати восходятъ, откуду убо таковая всепреужасная и лютая насташа въ Россіи (расколы) и на какая вина всепрезлѣйшихъ схизматосмущеній. И кто сихъ многоплачевныхъ церковныхъ трясеній новосодѣтель; не отъ инуду куду врагъ и непріятель пришедый, не варваръ, ниже скифъ, толь прелютыми скорбми неисцѣльно уязвивый россійская чада: но свой своея Россіи воспитанный неблагодарный многодосадительный членъ (Никонъ глаголю Патріархъ), человѣкъ елико многокозненнаго ума, толико всепредерзостнаго напрасньства, и огнеопальныя ярости, и многоколеблемаго непостоянства, но винамъ и мятежамъ радуяся присно, уготованный отъ издревле на время оное и часъ. . . . Оный всю ризу церковную пребезстудно растерза“ (См. статью о патр. Никонѣ въ Виноградѣ Россійскомъ). Тоже говоритъ Аввакумъ въ своемъ словѣ „о измѣненіи боголѣпоты церковной“. Рукоп. библ. Каз. Акад. Л. 25 ор.

безпристрастно, нужно разсмотрѣть: какое значеніе имѣла издревле въ христіанской жизни нашихъ предковъ церковнобогослужебная обрядность въ послѣднія два или полтора столѣтія предъ патріархомъ Никономъ, и какъ выражалась она въ нравственной, церковной жизни многихъ въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка.

Исторія христіанской жизни русскаго народа показываетъ, что предки наши искони особенно любили богослуженіе христіанской церкви, такъ что и самая христіанская жизнь ихъ искони имѣла характеръ преимущественно церковнообрядовый, какъ у греческихъ христіанъ она преимущественно имѣла характеръ догматическій, духовносозерцательный. Предки наши, по обращеніи къ вѣрѣ и Церкви Христовой, прежде всего плѣнились, вслѣдъ за послами Владиміровыми, внѣшнимъ благолѣпіемъ и обрядностію христіанскаго богослуженія, которая въ то время въ Византіи достигла высшаго развитія.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, въ продолженіе всей древней русской исторіи, вѣра и благочестіе предковъ нашихъ имѣли направленіе преимущественно церковно-богослужебное, обрядовое, какъ и нынѣ оно еще господствуетъ въ русскомъ народѣ. Не занимая ума своего, подобно греческимъ христіанамъ IV—XV вѣковъ, или подобно западнымъ схоластикамъ среднихъ вѣковъ, тонкими ученосозерцательными изслѣдованіями христіанскихъ догматовъ, часто доходившими до сухой, отвлеченной діалектики, древне русскіе христіане большею частію питали свою вѣру и благочестіе посредствомъ церковнаго богослуженія и посредствомъ богослужебныхъ книгъ. Въ храмахъ Божіихъ, во время богослуженія, учились они истинамъ вѣры Христовой и дѣламъ благочестія [1]). Къ священникамъ, своимъ учителямъ, прибѣгали они не за разрѣшеніемъ какихъ либо богословскихъ вопросовъ и недоумѣній, а приходили спрашивать: что намъ ѣсть и пить въ тотъ или другой день поста, какіе поклоны творить и т. п.? [2]) А церковную святыню, въ особенности св. иконы, такъ глубоко любили и чтили благо-

[1]) Храмъ для народа былъ главнымъ, почти единственнымъ училищемъ. „По вся дни,—читаемъ въ одномъ русскомъ поученіи XIII вѣка,—аще умѣеши книги, прави нощные и дневные часы, вечерню и утреню, или литургію, аще ли неумѣетъ кто, да ходите по все дни къ церкви въ годъ пѣнія“ (Измарагдъ, ркп. Соловец. библіот. № 270, поуч. 127). Въ другомъ поученіи, находящемся тамъ же: „Въ церковь вѣрніи приходяще слышати святая, Божественная ученія и прореченная пророки, и отечьская сказанія. Житие же святыхъ и мучение, та вся слышаще Богобоязниви просвѣщаютъ душа своя“ (поуч. 139) „Вонми въ церкви Божественная ученія, читаемъ въ третьемъ поученіи, и внесете въ домъ свой, еже слышасте въ церкви, да домъ вашъ церкви же творится“ (Тамъ же, поуч. 138). См. также въ поученіи Кирилла Туровскаго—Памятн. XII вѣка изд. Калайдовичемъ, стр 53—55, „Якоже дождь раститъ сѣмя,—писалъ еще св. Симонъ, Епископъ Владимірскій, въ посланіи къ черноризцу Поликарпу,—тако и церкви влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо елико творити въ келліи, ни во что же суть, аще и псалтирь чтеши, или обанадесять псалми, поеши ни единому Господи помилуй подобится соборному пѣнію“. Потер. Печер. ркп. Сол. № 629—634. Построеніе храма принадлежало къ важнымъ событіямъ въ древней Руси; лѣтописи наполнены извѣстіями о построеніи или украшеніи храмовъ. А новгородская 3-я лѣтопись вся только изъ этихъ извѣстій и состоитъ. См. П. С. Р. Л. т. III

[2]) См. слово о постѣ, изд. въ „Правосл. Собесѣдн.“ 1858. кн. 1.

честивые русскіе люди, что самые дома свои старались наполнять и украшать ими [1]). Богослужебнымъ книгамъ усвояли почти такое же существенное значеніе въ дѣлѣ спасенія, какъ самому слову Божію и вѣрѣ Христовой [2]). Богослужебныя книги съ благоговѣйнымъ усердіемъ и любовію списывали, переписывали и читали «въ честь и въ слава Отцу и Сыну и Святому Духу, «или» себѣ на здравіе и на спасеніе и поющимъ ихъ» [3]). Нѣкоторые даже всю жизнь свою посвящали перепискѣ церковныхъ книгъ [4]),

---

[1]) Домострой, который, по замѣчанію ученыхъ изслѣдователей русской старины, вѣрно отразилъ въ себѣ нравственно-христіанскій характеръ древняго быта нашего, такъ изображаетъ домъ христіанина: „Въ дому своемъ всякому христіанину, во всякой храминѣ святые и честные образы, написаны на иконахъ по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи, предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи; и по пѣніи погашаютъ; завѣсою закрываются, всякія ради чистоты, и отъ пыли. . . и всегда чистымъ крылышкомъ смѣтати и мягкою губою вытирати ихъ; а къ святымъ образамъ касатися достойнымъ, въ чистѣй совѣсти, и на славословіи Божіи, и на. св. пѣніи, и молитвѣ, свѣчи вжигати“ и пр. Врем. Моск. общ. Ист. и Древ. Росс. кн. I. Домостр. стр. 8. Съ особеннымъ благолѣпіемъ украшались священными изображеніями царскія палаты. См. „Домашній бытъ Русскихъ царей“, Забѣлина, „Отечеств. Зап.“, 1851. № 2 и 3. Маржеретъ: „иконы украшаютъ жилище каждаго русскаго въ весьма большомъ количествѣ“. Сказ. Совр. о Дим. Самозв. т. III, стр. 36.

[2]) „Сицевыми книгами,—говорили предки наши—благоугодили Богу всѣ святые и чудотворцы, просіявшіе отъ начала земли“. Въ нихъ, церковнослужебныхъ книгахъ,—говоритъ Никонъ Патріархъ, возстановитель древняго церковно-богослужебнаго чина,—святіи Божіи человѣцы и велицыи сихъ творцы восточніи богословцы и учители Аѳанасій Великій, Василій Великій и Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинскій, и Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ, Московскіи чудотворцы, и прочіи святіи поучающеся, Богови угодиша, и намъ въ пользу нашу не зазорны оставише и невредны блюсти повелѣша“. Опис. кн. царск. т. II. стр. 156.

[3]) Опис. ркп. Синод. Библ. л. 224, 335.

[4]) Весьма любопытны приписки писцовъ къ списываемымъ ими церковнымъ книгамъ. Изъ нихъ видно, что нѣкоторые писцы всю жизнь свою посвящали перепискѣ церковныхъ книгъ, и съ теплою молитвою къ Господу Богу и Пречистой Богородицѣ совершали это благочестивое дѣло. Такъ, напр., въ Псалтири съ покаянными тропарями и молитвами, писан. нъ 1296 г., читаемъ въ подписи: „Влѣто 1684 въ великъ день бысть благовѣщенія и вісікостъ причтеся, повелѣ собѣ боголюбивая княгыны Марина списати книгы сія, псалтырю съ покаяньны молитвами. Захарія же писецъ о Господѣ Бозѣ вседержители моляся Господеви и пречистѣй Его Матери, имѣя издѣтьска обычая много написавъ богословія святыхъ книгъ уже при старости ему бывшу списа на волоцѣ Еоуангеліе апракос Боголюбивому анътонию игоумену, къ покрову святѣй Богородици, і сию Псалтирю написах много трудився о Господѣ Бозѣ вседержители усердно моляся пречистыя Его Матери яко ми дастъ Богъ даръ свои не... скоростью охулити дѣла, аще кому и медленно сътворило абы по скончаны что видѣти і слышати сладко“. Опис. слав. ркп. М. Синод. Библ. л. 184. Въ нѣкоторыхъ припискахъ съ сердечною простотою высказывается любовь къ церковнымъ книгамъ, желаніе почерпать изъ нихъ назиданіе для ума. Такъ наприм. говоритъ писецъ въ припискѣ къ псалтырю, писан. полууставомъ XVI в., послѣ 10 пѣсни пророка Захарьи отца предтечева: „словеса оубо писанная пріидоша вконецъ. Оумуже да небудетъ когда пріяти конецъ въ любителяхъ душеспасительныхъ словесъ: кое убо когда будетъ благыхъ насыщеніе“. Опис. ркп. Руск. муз. л. 465. Большею же частію писцы въ послѣсловіи смиренно сознавались и просили прощенія, если гдѣ въ чемъ либо описались. См. напр. Опис. ркп. Рум. Муз. л. 721, 725, 727.

и этимъ благочестивымъ трудомъ занимались не только иноки, священники и міряне, но и сами архипастыри и князья [1]). Списывая или покупая церковнобогослужебныя книги, благочестивые люди, князья, архипастыри, вообще всѣ духовные и міряне усердно приносили ихъ въ церкви или монастыри для вклада «во отпущеніе грѣховъ своихъ, за здравіе и спасеніе, или въ память родителей, родственниковъ и друзей»: особенно любили полагать на престолъ Евангеліе [2]). Вообще изъ множества свидѣтельствъ и примѣровъ видимъ, что самымъ главнымъ, высшимъ попеченіемъ древнихъ русскихъ христіанъ, особенно же князей и царей, было попеченіе о распространеніи церковнослужебныхъ книгъ, о устроеніи и благоукрашеніи храмовъ Божіихъ, о снабженіи ихъ священною утварью: это былъ по понятію ихъ «душеполезный путь, возводящій къ Богу» [3]). Лѣтописи наши почти о каждомъ благочестивомъ князѣ русскомъ говорятъ: «церковные уставы любилъ, церкви созидалъ и укращалъ ихъ св. иконами и книгами наполнялъ» [4]). Равнымъ образомъ въ рѣдкомъ послѣсловіи, въ старинныхъ церковно-служебныхъ книгахъ, мы не прочитаемъ такихъ отзывовъ: «святые храмы благовѣрный царь украшаше, честными иконами и святыми книгами и сосуды и ризами и прочими церковными вещами»; или: многу вѣру и любовь ко Христу Богу и Пречистой Его Матери и ко всѣмъ святымъ показа, и вѣру христіанскую исполняя, многія церкви Божія воздвиже, и честными святыми иконами украси, и божественными книгами изнаполни, и всякими лѣпотами преудобри, и еще не преостая распалаяся божественною любовію и ревностію ко всѣмъ святымъ Его, умысли сія пѣснословныя и молебныя книги учинити, въ нихъ же зрятся господскіе праздники полные и съ предъпразднъствы, и богородицыны и животворящаго креста» [5]).

---

[1]) См. Истор. древн. Русск. словесн. Шевырева. Его же обозрѣніе Русс. слов. въ XIII вѣкѣ въ Извѣст. II отд. Импер. Акад. Наукъ т. III стр. 67—105. Таковъ напр. былъ князь Волынскій Владиміръ Васильевичь, собственноручно списавшій апостолъ и Евангеліе апракосъ въ 3-хъ экземплярахъ, прологъ въ 12 мѣсяцахъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, ирмологъ, службу св. Георгію, молитвенникъ съ утренними и вечерними молитвами. Также св. Алексѣй, митрополитъ всероссійскій, въ 1355 г., написалъ собственною рукою Евангеліе, которое хранится до нынѣ въ Чудовѣ монастырѣ.

[2]) Благочестивые князья и княгини, бояре и боярыни и всякаго чина люди дорогою цѣною покупали церковно-богослужебныя книги, или нанимали писцовъ для списыванія ихъ: отцы семействъ покупали богослужебныя книги „съ женою своею и съ богоданными чадами своими за отпущеніе грѣховъ“. Это видно изъ приписокъ и замѣтокъ, часто встрѣчающихся въ древнихъ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ. См. напр. опис. ркп. Рум. Муз. л. 408, 715. 721. Опис. ркп. Синод. Библ. л. 298, 324, 299 и мн. др. Благочестивый князь Галицкій Владиміръ за одинъ молитвенникъ заплатилъ „8 гривенъ кунъ“, т. е. болѣе 11 руб. сер. См. также вкладныя подписи въ Опис. ркп. Рум. Муз. стр. 175, 397, 408, 409, 468. Опис. ркп. Моск. Синод. Библ. стр. 229, 230, 279, 296.

[3]) Лаврент. лѣт, стр. 187.

[4]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 65, 85, 129, 131, 149, 156, 157. Т. П. стр. 111, 112, 154, 155 и мн. др.

[5]) Въ старопечатныхъ книгахъ весьма часто встрѣчаются такіе отзывы въ послѣсловіяхъ. См. напр. опис. кн. Царскаго, Строевымъ.

При такомъ направлеоіи христіанскаго благочестія въ русскомъ народѣ, древніе предки наши, впрочемъ, несмотрѣли такъ на церковно-богослужебную обрядность, какъ смотрятъ на нее мнимые старообрядцы. Полагая сущность христіанскаго богослуженія не въ одной внѣшней обрядности, но и въ его духовномъ знаменованіи, въ сущности вѣры Христовой, древніе русскіе христіане, во-первыхъ вовсе не чуждались внѣшнихъ улучшеній и исправленій въ церковно-богослужебной обрядности, какъ мнимые старообрядцы [1]). Напр. они не думали, какъ мнимые старообрядцы XVII вѣка, будто введеніе въ церквахъ благоустроеннаго, благогласнаго пѣнія противно Православію: мы знаемъ, что кромѣ церковнаго пѣнія, принесеннаго въ землю русскую пѣвцами отъ Славянъ болгарскихъ, съ 1053 года, когда прибыли въ церковь русскую «тріе пѣвцы гречестіи съ роды своими», въ землѣ русской введено было при богослуженіи «изрядное осмогласіе — по 8 гласамъ октоиха, наипаче же и присоставное сладкогласованіе» — пѣніе съ прибавленіемъ верхнихъ и нижнихъ тоновъ, или на три голоса, столько не нравящееся нынѣ мнимымъ старообрядцамъ, и «прекрасное деместенное пѣніе» — пѣніе гармоническое, хоровое, управляемое придворными и патріаршими доместиками — регентами [2]). Древніе русскіе христіане не спорили о количествѣ просфоръ, потребныхъ для евхаристіи, а проникали въ сущность, значеніе божественнаго таинства. Кирикъ спрашивалъ Нифонта, можно ли служить на одной просфорѣ? Нифонтъ отвѣчалъ: «если это будетъ далеко въ селѣ, а взять другой просфоры негдѣ, достоитъ служить; если же будетъ близко торгъ, гдѣ можно купить, то недостоитъ» [3]). Такъ пастырь новгородскій понималъ сущность таинства, т. е., что для евхаристіи необходимъ собственно одинъ хлѣбъ: ибо, по слову апостола «единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы, вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся». Желалъ ли кто построить или украсить храмъ Божій, а этого тогда желали всѣ отъ пастыря и князя до послѣдняго простолюдина, и этимъ собствено тогда выражалась вѣра и благочестіе, — для построенія и украшенія храма Божія не считали за грѣхъ, какъ нынѣ мнимые старообрядцы, призывать иностранныхъ художниковъ — нѣмецкихъ и греческихъ; напротивъ говорили: «приведе Богъ изъ всѣхъ земель мастеры» [4]). Святый крестъ наравнѣ съ Евангеліемъ былъ тогда предметомъ особеннаго благоговѣнія. Но крестъ тогда чтили одинаково и четвероконечный, и шестиконечный, и осьмиконечный; поелику сознавали, что не въ деревѣ и не во внѣшнемъ видѣ креста сила, но въ самомъ крестѣ Христовомъ, или вѣрнѣе, въ самомъ Христѣ, распятомъ на крестномъ древѣ [5]). Евангеліе и другія церковныя книги, какъ мы сказали, списывали съ любовію и благоговѣніемъ. Но списывая Еван-

[1]) П. С. Л. т. I, стр. 57.

[2]) Степен. кн. ркп. л. 178.

[3]) Памят. Русск. словесн. XII в. стр. 194.

[4]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 150.

[5]) См. статью „о видѣ креста на основаніи рукописей Императорской публичной библіотеки XI—XVI вѣковъ“ въ Христ. Чтен. 1855 г. ч. 2. Тамъ въ статьѣ о богослуженіи церкви русской во дни Ярослава-В. стр. 446—448.

геліе и другія церковныя книги, не думали, что замѣнить одно неясное или неточное слово другимъ и болѣе точнымъ означаетъ грѣхъ. «Святославъ, державный владыка», — говоритъ дьякъ Святослава Ярославича, писавшій для него книги, — «возжелавъ сильнымъ желаніемъ открыть сокровенный смыслъ въ глубинѣ сихъ трудныхъ книгъ, (писанныхъ на болгарскомъ языкѣ), повелѣлъ моей немудрости сдѣлать перемѣны въ рѣчахъ съ удержаніемъ того же смысла»[1]). Драгоцѣннымъ памятникомъ глубокаго разумнаго благоговѣнія къ св. Евангелію, состоящаго не въ ревности по буквѣ, но въ любви къ истинѣ Христовой, служитъ Евангеліе святителя Алексія, писанное собственною рукою его въ 1355 году. «Сей подвигъ святителя», говоритъ Филаретъ, митрополитъ московскій, «важенъ между прочимъ потому, что чрезъ него святитель, Богомъ просвѣщаемый, предварительно обличалъ неправое мнѣніе людей, которые даже до нынѣ утверждаютъ, будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ — непозволительно и противно православію... Онъ повѣрялъ и исправлялъ, и потому очевидно не такъ разсуждалъ[2]). Разсмотрѣніе и описаніе древнихъ рукописныхъ книгъ церковныхъ также представляетъ многочисленныя и непререкаемыя доказательства того, что древняя церковь наша никогда не стѣснялась буквою, но всегда дорожила чистымъ смысломъ церковныхъ книгъ и постоянно стремилась къ тому, чтобы имѣть книги въ совершеннѣйшемъ видѣ[3]). Вообще истинные ревнители церковно-богослужебной обрядности старались, по возможности, проникать въ самыя спасительныя истины церковно-богослужебныхъ книгъ и въ духовное знаменованіе церковно-богослужебныхъ обрядовъ, или, если по простотѣ ума своего не проникали въ эти истины и въ знаменованіе обрядовъ вполнѣ съ яснымъ сознаніемъ, то, водясь духомъ смиренія и послушанія церковной власти, усвояли эти истины сердцемъ и жизнію своею. Когда встрѣчались какія либо недоумѣнія относительно богослужебныхъ обрядовъ, или замѣчались неисправности въ церковно-обрядовомъ чинѣ, низшіе изъ клира спрашивали епископовъ, которые рѣшали обрядовые вопросы и исправляли неисправности въ церковно-обрядовомъ чинѣ: раскола изъ-за этого никакого не происходило. Только въ половинѣ XII в. возникъ-было споръ о постѣ въ среду и пятокъ; но и этотъ споръ занесенъ былъ въ Россію изъ Греціи и окончился безъ раскола. Въ XIII в. митрополитъ Кириллъ II, обозрѣвая свою обширную митрополію, хотя и замѣчалъ уже разности въ обрядахъ богослуженія, но, исправляя ихъ, онъ не встрѣчалъ также никакого сопротивленія. Видно, что еще преобладалъ духъ истинной вѣры и жизни христіанской, а не привязанность къ одной буквѣ. Такова была церковно-обрядовая жизнь народа русскаго въ старину, въ

---

[1]) Изборникъ Святослава Калайдовича—объ Іоаннѣ, Экзархѣ болгарскомъ. М. 1820. стр. 102, „повелѣ мнѣ прѣмѣноу сътворити рѣчи инако, набъдяща тожьство разямъ его“.

[2]) Слово въ день обрѣтенія мощей святителя Алексія, говор. въ 1837 г.

[3]) См. доказательство на это въ опис. рук. Синод. библ. сост. Горскимъ и Невоструевымъ.

первые вѣки церкви русской. Итакъ, совершенно несправедливо утверждаютъ раскольники, что они «остальцы древне-церковнаго благочестія, отъ православныхъ праотецъ происшедшіе и научившіеся» [1]); потому что они совсѣмъ не такъ смотрятъ на церковно-богослужебныя книги и обряды, какъ смотрѣли на нихъ древніе русскіе христіане.

Настали времена упадка духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Съ одной стороны постигло его нашествіе монголовъ, на долго остановившее у насъ развитіе просвѣщенія, увеличившее грубость нравовъ, и безъ того сильно распространившуюся въ темныя времена княжескихъ междоусобій. Съ другой стороны съ удѣльною, гражданскою, территоріально-вотчинною раздробленностію Россіи, стало обнаруживаться нѣкоторое разнообразіе въ самой церковной обрядности, какъ напр. въ новгородской и псковской церкви. А при отсутствіи, или крайнемъ недостаткѣ въ народѣ богословскаго, догматико-теологическаго просвѣщенія, всегда оживляющаго и просвѣщающаго церковно-обрядовое направленіе, при постоянномъ, почти исключительномъ, сосредоточеніи вниманія древнихъ русскихъ христіанъ и самихъ русскихъ пастырей-учителей церкви болѣе на обрядовыхъ вопросахъ и предметахъ, чѣмъ на изъясненіи и изложеніи слова Божія и нравственно-догматическаго ученія христіанства [2]), — преобладающее въ русскомъ народѣ церковно-обрядовое направленіе христіан-

[1]) Предисл. къ Поморск. отвѣт. и Винограду Россійскому.

[2]) Церковно-обрядовое содержаніе, какъ извѣстно, преобладаетъ почти во всѣхъ каноническихъ правилахъ русскихъ пастырей, въ посланіяхъ и отвѣтахъ ихъ на вопросы частныхъ лицъ. Въ церковныхъ поученіяхъ главнымъ образомъ предлагались нравственно-обрядовыя наставленія, напр., о постѣ вообще, и въ частности о Филипповомъ, Петровомъ, Успенскомъ и Великомъ, о покаяніи, исповѣди и эпитиміяхъ, о недѣлѣ или воскресномъ днѣ, о благопристойномъ празднованіи праздниковъ, хожденіи въ церковь и благоприличномъ поведеніи въ ней, и т. п.; или же обличались грубые пороки времени въ поученіяхъ подъ общимъ заглавіемъ: слово яже како жити хрестіаномъ, или: слово о спасеніи души, или: слово душеполезно и т. п. Вопросовъ догматическихъ или нравственныхъ, которые бы вызывали къ дѣятельности христіанскую, богословскую мысль, — поученій, въ которыхъ бы раскрывалась теоретическая, созерцательная сторона христіанства, въ древне-русской духовной литературѣ до XVI в. мы почти вовсе не встрѣчаемъ. Что касается до догматическаго ученія вѣры, то пастыри русской церкви считали вполнѣ достаточнымъ сказать русскимъ христіанамъ въ двухъ-трехъ словахъ въ началѣ своего нравственно-обрядоваго или нравственно-назидательнаго поученія о вѣрѣ въ Пресвятую Троицу, въ жизнь вѣчную и проч. большею частію такъ: прежде всего, братіе, вотъ какую заповѣдь всѣ мы христіане должны содержать: вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и Святого Духа, какъ научили апостолы и утвердили св. отцы: вѣрую во единаго Бога (до конца); вотъ и все ученіе вѣры (см. образецъ такихъ поученій въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г. мѣсяцъ Январь, слово о постѣ). Если же кто хотѣлъ подробнѣе знать догматы христіанства, въ такомъ случаѣ вполнѣ довольствовались такими догматическими твореніями св. отцовъ, каковы краткіе вопросы и отвѣты о Св. Троицѣ Кирилла Александрійскаго и „изложеніе о вѣрѣ вкратцѣ св. Максима, еже вопрошаши и отвѣщащи всякому христіанину православному“.—Впрочемъ о характерѣ и направленіи древней церковно-поучительной литературы нашей, особенно въ XVII вѣкѣ, будетъ подробнѣе сказано въ четвертомъ отдѣлѣ настоящаго сочиненія.

ской жизни, въ большей части народа мало по малу неизбѣжно стало переходить въ одностороннее, мертво-обрядовое направленіе. Ибо мало было духа оживляющаго, живой, богословски-просвѣщенной мысли христіанской, разумнаго, болѣе или менѣе глубокаго знанія догматическаго ученія христіанства. Не зная догматическаго христіанскаго ученія, а между тѣмъ постоянно воспитываясь подъ вліяніемъ строгой церковной обрядности, народъ сталъ смотрѣть на самые обряды церкви, какъ на догматы христіанства. На самыя не важныя, даже мелочныя, разности обрядовыя стали обращать слишкомъ большое вниманіе. Лѣтописцы вносили въ лѣтописи, какъ замѣчательные церковные факты, даже самыя мелочныя обрядовыя разногласія, напримѣръ въ родѣ слѣдующаго: «той же зимы (1476 года), говоритъ новгородскій лѣтописецъ, нѣкоторыи философове начаша пѣти: «о Господи помилуй» а друзѣи: «Господи, помилуй» [1]). При такомъ взглядѣ на обрядовыя разности, когда стали обнаруживаться несогласіе или разнообразіе въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и неисправности въ богослужебныхъ книгахъ, то люди, привыкшіе строго соблюдать обряды церковные, но не знавшіе существеннаго, т. е. духа и ученія христіанской вѣры, стали между собою жарко спорить и раздѣляться по поводу самыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей. Въ первый разъ, сколько извѣстно изъ лѣтописей, это открылось въ XV вѣкѣ, по поводу перваго спора о сугубой аллилуіа [2]), и о хожденіи посолонь [3]). Въ спорѣ объ этихъ предметахъ нѣкоторые уже довольно ясно обнаруживали раскольническую привязанность къ буквѣ и обряду: ибо о неважныхъ обрядовыхъ предметахъ спорили много, спорили жарко, и не хотѣли подчиниться голосу пастырей, говорившихъ истину. Какъ ни жарки были споры о хожденіи посолонь, но «истины не обрѣтоша», говоритъ лѣтописецъ. Впрочемъ, такъ какъ новыя мнѣнія еще далеко не были повсемѣстны, то споры утихли, и голосъ истиннаго старообрядства, опредѣлявшаго достоинство обряда достоинствомъ христіанской мысли, до времени восторжествовалъ надъ мнѣніями мнимаго старообрядства [4]).

Съ наступленіемъ XVI вѣка, частію въ слѣдствіе оскудѣнія, съ упадкомъ училищъ, церковнаго просвѣщенія и живой церковной проповѣди, существенно необходимыхъ для уясненія народу истиннаго смысла и зна-

---

[1]) 4 Новгород. лѣт. стр. 130.

[2]) См. Истор. Русск. раскол. стр. 5—12. Истор. ерес. и раскол. стр. 191—216.

[3]) Софійск. Временн. ч. 2 стр. 202 и 224. М. 1821. Также вышеупомян. Истор. ерес. и раскол.

[4]) Архіепископъ Новгородскій Геннадій, обращая вниманіе на значеніе, на смыслъ аллилуіа, а не на двукратное или трикратное произношеніе ея, такъ говорилъ, повторяя слова Димитрія Толмача: о трегубней аллилуіа иные убо единако судятъ; занеже трегубое аллилуіа, а четвертое слава Тебѣ Боже являетъ Тріипостаснаго Божества и нераздѣльнаго; а сугубое аллилуіа являетъ въ двухъ естествахъ едино Божество (единое лице Богочеловѣка). Ино какъ молвитъ человѣкъ тою мыслію, такъ и добро". И. Р. Ц. т. III, стр. 183. А споръ о хожденіи посолонь, порѣшили такъ, „якоже бысть въ старину", т. е. не посолонь, а противъ солнца. Соф. Временн. ч. 2 стр. 224.

ченія церковно-богослужебной обрядности [1]), частію въ вслѣдствіе распространенія въ многочисленныхъ сборникахъ мнѣній суевѣрныхъ, ложныхъ и въ томъ числѣ настоящихъ раскольническихъ, — отъ истиннаго, православно-церковнаго старообрядства видимо и рѣзко начало отдѣляться старообрядство мнимое, невѣжественное, односторонее. По причинѣ «недостатка разумѣнія», какъ говоритъ преп. Максимъ Грекъ, или недосмотра, или забывчивости древнихъ, достойныхъ уваженія переводчиковъ или же отъ грубаго невѣжества и нерадѣнія писцовъ, въ церковно-богослужебныя книги вкралось множество ошибокъ и странностей, часто весьма грубыхъ, даже еретическихъ по смыслу. А своеволіе темнаго, суевѣрнаго смысла только этими странностями и питалось, не обращая вниманія ни на вѣру чистую, ни на обряды лучшіе; оно составляло сборники пѣсней и молитвъ, по чувству набожности, а чаще только по подражанію набожности, но безъ сознанія набожнаго; точно также вводило въ церковное употребленіе сочиненія, не имѣвшія значенія церковнаго и даже недостойныя его [2]). Смотря на церковно-богослужебныя книги, какъ на книги богодуховныя, темные ревнители буквы твердо убѣждены были, что въ нихъ не должно измѣнять или поправлять и самаго поврежденнаго текста. Казалось ужаснымъ что либо загладить въ церковно-богослужебной книгѣ: это значило—«загладить великій догматъ премудрый». «Дрожь великая поимала и ужасъ напалъ на меня», говорилъ писецъ Михаилъ Медоварцевъ, когда преподобный Максимъ Грекъ велѣлъ ему загладить нѣсколько строкъ въ одной церковно-богослужебной книгѣ [3]). Умножилось темное, мнимое благочестіе, думавшее получить спасеніе однимъ пристрастіемъ къ наружной святынѣ. Образовалось много суевѣрныхъ и невѣжественныхъ толковъ о церковно-богослужебныхъ обрядахъ и вещахъ. Одни напр. говорили, что «не быти прочее божественной литургіи, не поспѣвшимъ къ чтенію божественнаго Евангелія» [4]). Другіе слыша во время богослуженія ектенію: «о свышнемъ мірѣ», соединяли съ сими словами значеніе міра ангельскаго и молились за ангеловъ и проч. [5]).

Раздвоеніе и рѣзкая противоположность двухъ направленій, направленія живого, истинно церковно-обрядоваго и направленія мертво-обрядоваго, раскольническаго, уже видимо обнаружилось, какъ въ жизни, такъ и въ церковной письменности. Съ одной стороны мы видимъ людей, которые «живутъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими молитвами преподобныхъ молятся по вся дни, чающе спасенія получити, живутъ въ лихоимствѣ и во всякой злобѣ, а каноны всякими различными пѣсньми

[1]) О состояніи просвѣщенія въ это время см. Акт. Историч. т. I, № 105. Стоглавъ гл. 25, 26.

[2]) Истор. Русск. Церк. пер. III, стр, 155 Востоков. Опис. Рум. Муз. № 438, 440.

[3]) Прѣніе Данила Митроп. Московскаго съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ, стр. 10, М. 1847.

[4]) Восток. ркп. Румянц. Муз. стр. 378.

[5]) Истолковат. слово Максима Грека на слова: о свышнемъ мірѣ. Рук. сборн. его сочин. Солов. Библ.

угождати чають» [1]); или полагая всю силу и все существо спасенія въ болѣе или менѣе точномъ и строгомъ соблюденіи обрядовъ, измѣряютъ временемъ спасительное значеніе, напр., божественной литургіи [2]); либо безпокоятся недоумѣніями, съ чего «пошли неѣсти скоромнаго въ понедѣльникъ день» [3]). Съ другой стороны стоитъ просвѣщеннѣйшій мужъ церкви русской и греческой въ XVI вѣкѣ, строгій блюститель истинно-древняго и истинно-православнаго чина, преподобный Максимъ Грекъ, и сильно обличаетъ такую мертво-обрядовую жизнь, и такой ограничивающійся одною буквою образъ мыслей, пиша то «сказаніе живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молящимся по вся дни, чающимъ спасенія получити», или: «словеса аки отъ Пресвятыя Богородицы и скверными и всякими различными пѣснями угожати чающимъ», то «посланіе къ нѣкоему князю, просившему у него съ чего пошло неѣсти скоромнаго въ понедѣльникъ день», и другіе подобные отвѣты и опроверженія. Съ одной стороны жалкіе ревнители буквы силятся, во чтобы ни стало, возвести на степень божественной тайны сугубую аллилуіа, стараются распространить свое жалкое мудрованіе «о Святѣй Троицѣ, сирѣчь аллилуіа» [4]), разсуждаютъ, спорятъ «о божественной аллилуіа» крайне невѣжественно, даже богохульно, сами того не сознавая [5]). Съ другой стороны архіепископъ новгородскій Макарій обличаетъ такихъ невѣжественныхъ толковниковъ буквы: «иже поютъ мнози по дважды аллилуіа, а не трегубо, говоритъ онъ, на грѣхъ себѣ поютъ и на осужденіе. Тако подобаетъ пѣти: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже,—первое аллилуіа во славу Отца, второе во славу Сына, третіе во славу Духа Святаго; а слава Тебѣ Боже—единосущному Божеству» [6]). Съ одной стороны слышимъ крики темныхъ ревнителей обрядовой внѣшности, которые, всю силу крестнаго знаменія полагая въ двуперстномъ знаменіи его, вопіютъ: «аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія—да будетъ проклятъ, отцы рѣкоша». Съ другой стороны, мужи просвѣщенные, показывая неразумнымъ ревнителямъ внѣшности, какое истинно-древнее и истинно-православное крестное знаменіе, раскрываютъ имъ самый «разумъ» крестнаго знаменія [7]). Или еще: темные приверженцы буквы, находя въ

---

[1]) Восток. Опис. Рум. Муз. стр. 376.

[2]) Опис. ркп. Рум. Муз.

[3]) Тамъ же стр. 378 и др. вышепоказанныя.

[4]) Такъ ктиторъ обители Св. Николая Аѳанасій написалъ посланіе въ соборы священникамъ о Св. Троицѣ, сирѣчь, аллилуіа, гдѣ утверждаетъ, что надобно удвоять аллилуіа.

[5]) Такъ разсуждаетъ клирикъ Василій, сочинитель житія Ефросинова о сугубой аллилуіа.

[6]) Указъ Макарія о сугубой аллилуіа въ его Вел. Мин. за Августъ мѣсяцъ. Бесѣды къ глаголему старообр. стр. 122, 123. Истор. раскол. и ерес. Руднева стр. 198, 199.

[7]) Сице долженъ есть кійждо творити благочестивый христіанинъ крестъ свой, говоритъ знаменитый сочинитель Домостроя, Благовѣщенскій священникъ Сильверстъ: первѣе убо да совокупитъ три персты своя за Святую Троицу: великій перстъ и другіе два, сущіе близъ его. Первѣе убо да положитъ ю на челѣ своемъ, второе на чре-

нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ 8 членѣ сѵмвола вѣры вкравшееся изъ сербскихъ книгъ слово: «истиннаго» вмѣсто: «Господа», почитаютъ его глубокою мудростію самыхъ древнихъ св. отцевъ. Блаженный Зиновій, ученикъ препод. Максима, имъ отвѣчаетъ: «если кто говоритъ (слово: истиннаго или слово: Господа) съ правою вѣрою и нелицемѣрно: не много тутъ разности, хотя слова не одинаковы. Я видѣлъ правила древняго письма, написанныя при кн. Ярославѣ, сынѣ Владиміра, и при епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей страны; тамъ въ изображеніи св. вселенскаго собора не написано: и въ Духа Святаго истиннаго, но написано: Господа». Клирошане симоновскіе возражали, чтъ Василій Великій въ словѣ о вѣрѣ не написалъ: «и въ Духа Святаго Господа», а написалъ: «истиннаго Духа». Зиновій отвѣчаетъ: «для Македоніанъ не написалъ онъ: Духа Св. Господа; иначе они бросили бы книгу его; а онъ хотѣлъ, чтобы прочли ее, и другими словами научились, что Духъ есть Богъ» [1]). И всѣ эти жаркіе споры о неважныхъ обрядовыхъ предметахъ, о различныхъ словахъ и выраженіяхъ въ церковныхъ книгахъ, нисколько не нарушающихъ единства христіанской мысли и вѣры, неразумная горячность и раздраженіе однихъ изъ-за нѣсколькихъ обрядовыхъ мелочей, и слишкомъ горячія обличенія и опроверженія другихъ,—ни къ чему другому не вели, какъ только увеличивали раздвоеніе двухъ направленій и развивали расколъ.

Въ XVII вѣкѣ въ церковныхъ книгахъ оказалось уже «многое нѣкое и преизлишнее разгласіе, еже и къ заповѣдемъ Господнимъ не сличное стихословіе», отъ котораго возникало уже «всякое несогласіе и несостояніе въ церковномъ соединеніи», какъ замѣчали самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичь и патріархъ Филаретъ [2]). А между тѣмъ, по словамъ знаменитаго Епифанія Славеницкаго, до п. Никона, «мысленный камень неявленства, паче же невѣжества въ умѣ многихъ лежалъ и закрывалъ отъ нихъ мысленный таинственныхъ священнодѣйствъ кладязь и препятствовалъ словеснымъ овцамъ Христовымъ чистаго извѣстнаго священнодѣйствительныхъ знаменованій вѣдѣнія водою напоеннымъ быти» [3]). Даже нѣкоторые честные протопопы, по словамъ преподобнаго Діонисія, «служаще въ свя-

въ своемъ, третіе на правомъ рамѣ, и четвертое на лѣвомъ рамѣ. Егда творитъ тако, тогда знаменуетъ истинный крестъ. И слышате кій есть разумъ креста: яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій бѣ, и есть, Богъ; убо нашего ради спасенія и да вѣруемъ мы въ Него, сниде съ небесъ долу, на землю и паки иде дальнѣйше отъ земли, сіи рѣчь: въ муку, и свободи тамошнія мучимыя души. Егда же паки, по сихъ положимъ ю на десномъ рамѣ, таже на лѣвомъ: хощемъ рещи, яко, отнележе свободи души праведныхъ отъ муки, вознесеся на небеса, и сѣде одесную Бога и Отца; и паки имать пріити, судія всего міра, поставити праведныя убо одесную своея страны, грѣшныя же отъ лѣвыя; сего ради молимъ Его, да не поставитъ насъ въ лѣвой странѣ своей; но да поставитъ насъ стати въ десной своей странѣ со святыми. Сіе знаменуетъ крестъ, егда творимъ и на лицѣ нашемъ: и сего ради должны есмы, яко есть лѣпо творити и да дѣйствуетъ и сила его, ино по существу воображенъ крестъ Христовъ". Временн. Моск. Общ. Истор, кн. Л. стр. 19.

[1]) Истины показаніе, слово 45.

[2]) Увѣщ. преосв. Платона м. московскаго стр. 22, 23.

[3]) Опис. кн. Царскаго, Строевымъ стр. 303, 304.

тыхъ церквахъ, по священнымъ книгамъ чтуще и поюще, не добрѣ разумѣли глаголемое и читаемое» [1]). Дѣти получали отъ своихъ родителей чисто внѣшнее, мертво-обрядовое воспитаніе: ихъ учили только земнымъ поклонамъ и двуперстному или трехперстному кресту, а никогда необъясняли, въ чемъ состоитъ духъ христіанскаго поклоненія *духомъ и истиною*, въ чемъ состоитъ искупительное значеніе креста; имъ преподавали подробныя до мэлочности правила, какъ вкушать просфоры, какъ уламывать ихъ на кусочки и проч., а возвышенныхъ истинъ евангельскаго ученія и кратко никогда не преподавали [2]). При такомъ мертво-обрядовомъ направленіи издѣтства, весьма многіе православные жили до глубокой старости безпечно и нераскаянно во грѣхахъ, а надѣялись спастись тѣмъ, что подъ конецъ своей жизни, въ тяжкой болѣзни, изъявляли желаніе, дабы ихъ погребли близь церкви. Погребеніемъ близъ церкви надѣялись спастись такіе люди, которые въ продолженіе 40, 50 и даже болѣе лѣтъ своей жизни, никогда не имѣли у себя отцовъ духовныхъ, не были у исповѣди и св. причастія. Самая жизнь подвижническая, которая въ старину составляла украшеніе церкви русской и сильный нравственный оплотъ для самаго общества, теперь, ко времени раскола, у многихъ обратилась въ одну мертвую внѣшность, въ фарисейство, и даже жалкое, возмутительное для истиннаго чувства благочестія лицемѣріе. «Иные ходятъ», жаловался п. Іоасафъ I въ 1636 году, «въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы» [3]), «иже, дополнимъ словами отцовъ собора 1667 года, — «мнятся благовѣйни быти, не суть же такови, живутъ посреди градовъ и селъ въ образѣ отшельника и затворника, волосаты, и въ монашеской свитцѣ; иные жъ въ желѣзахъ скованы, такожде наги и босы ходятъ по городамъ и селамъ въ мірѣ, тщеславія ради, да воспріимутъ славу отъ народа и да почитаютъ ихъ за святыхъ ко прелести простымъ и невѣждамъ [4]). И люди, увлекаемые внѣшностію, дѣйствительно обольщались мнимою святостію подобныхъ лицемѣровъ [5]).

---

[1]) Посланіе старца Арсенія боярину Борису Михайловичу Салтыкову, бывшу тогда во Дворцѣ Большомъ. Рук. Сол. Библ. № 897.—Суздальскаго собора попъ Никита, не даромъ прозванный пустосвятомъ, бывшій справщикомъ книгъ при п. Іосифѣ, и сдѣлавшійся потомъ, какъ увидимъ, однимъ изъ главныхъ расколоучителей, по словамъ Симеона Полоцкаго, „долгое время священнодѣйствовавъ, не вѣдѣ времене пресуществленія даровъ въ тѣло и кровь Господню и несмысленнѣ вѣровавъ еще въ предложеніи на проскомидіи тѣло быти и кровь Христову дары уготованныя, а хлѣбъ и вино, *твари покланяшеся, аки Творцу Божію честь давше хлѣбу и вину, не самъ токмо, но и прочіихъ тако* наставляше творити. Жезлъ правленія. Ч. I. л. 41, 42, изд. 1.

[2]) Справедливъ слѣдующій отзывъ иностранца, Олеарія, бывшаго въ Россіи въ исходѣ первой половины XVII вѣка, о воспитаніи русскихъ людей того времени: L'ignorance du petit peuple est si grossiére, qu'il fait consister toute la religion dans les honneurs, et la veneration qu'ils rendent à ces images; aussi est-ce la seule instruction qu'ils donnent à leurs enfans, qui pour toute dévotion n' aprennent qu'à se tenir avec grand respect devant ces images pour faire leur priére. Voyages du S. Adam Olearius, traduits par de Wicquefort. Amsterdam. p. 330.

[3]) А. А. Э. т. III, стр. 402.

[4]) Дополн. къ А. Истор. т. VIII, стр. 464, 474.

[5]) Даже многіе священники, впадая въ самые тяжкіе грѣхи, думали загладить

При такихъ обстоятельствахъ открылась явная борьба ревнителей истины въ богослужебныхъ книгахъ и ревнителей мертвой буквы, и при горячности съ той и другой стороны, неизбѣжно сталъ развиваться расколъ. Еще въ первой половинѣ XVI вѣка, когда препод. Максимъ Грекъ, усмотрѣвъ, до чего затемненъ и даже извращенъ былъ смыслъ церковныхъ книгъ неразумною ревностію по буквѣ, призналъ славяно-русскія книги требующими исправленія: тогда темные приверженцы мертвой буквы съ громкимъ воплемъ возстали противъ него. «Велію», кричали они, «велію, о человѣче, досаду тѣмъ дѣломъ (исправленіемъ книгъ) прилагаеши въ земли нашей чудотворцемъ: они бо сицевыми книгами благоугодиша Богови». Напрасно препод. Максимъ говорилъ темнымъ ревнителямъ буквы, что церковь Христова никогда не чуждалась даже исправленія книгъ св. писанія, что «и бывшимъ во времена гоненій святѣйшимъ архіереямъ и мученикамъ ни единъ поносъ или досажденіе прибысть отъ бывшихъ послѣ ихъ различныхъ исправленій св. писанія Ветхаго Завѣта Симмахомъ, Ѳеодотіономъ, Акилою и Лукіаномъ, пресвитеромъ антіохійскимъ, коемужду исправляющу презрѣнное прежде его бывшимъ переводчикомъ» [1]). Темные ревнители буквы не хотѣли допустить никакого исправленія въ церковно-богослужебныхъ книгахъ. «Онъ» говорили, «отмѣняетъ слова по своему разумѣнію, извращаетъ вѣру», — и осудили его какъ «еретика богодухновенныя книги растлѣвающа». Такимъ образомъ препод. Максимъ первый палъ въ борбѣ съ зарождавшимся расколомъ. Съ этихъ поръ начинается въ русской церкви печальная вѣковая борьба двухъ противоположныхъ стремленій: стремленія церкви—исправить церковно-богослужебныя книги и обряды и оживить, возстановить во всемъ народѣ русскомъ истинную церковно-богослужебную жизнь, и стремленія противо-церковнаго, раскольническаго — не допустить исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и такимъ образомъ дать силу и господство мертвой буквѣ и обрядности. Въ 1551 году, на московскомъ Стоглавомъ соборѣ, который, какъ извѣстно, созванъ былъ, между прочимъ, для рѣшенія многихъ обрядовыхъ вопросовъ, тогда такъ сильно занимавшихъ умы, ясно высказалось столкновеніе этихъ двухъ противоположныхъ направленій. Сторона мнимо-старообрядческая явно обнаружила свой духъ противорѣчія и рѣшительной неуступчивости, и если окончательно не превозмогла поборниковъ истины, то и нисколько не уступила имъ, напротивъ, еще больше укрѣпилась въ своей фанатической горячности. Позже (въ 1554 г.) бывшій троицкій игуменъ Артемій свидѣтельствовалъ, что на стоглавомъ соборѣ былъ жар-

ихъ одной легкой епитиміей и, безъ зазрѣнія совѣсти, послѣ тяжкаго грѣхопаденія, приступали къ совершенію божественной литургіи. Патр. Іосифъ, внушая іереямъ, въ своемъ окружномъ поученіи, благоговѣйно совершать литургію, прибавляетъ: „мнози бо невѣгласи іереи падшу въ каковой либо грѣхъ, повелѣваютъ служити, давъ эпитимію“. А грѣхи указаны весьма тяжкіе. (Поученіе Іосифа, патр. московскаго и всія великія русіи, архіереямъ, священноинокамъ и мірскимъ іереямъ и проч. Ркп. В. И. Григоровича).

[1]) Ист. русск. церкви т. III, стр. 167.

кій споръ о крестномъ знаменіи, но окончился тѣмъ, что «не доспѣли ничего» [1]). Такъ уже усилилось это раскольническое, о буквѣ ревновавшее направленіе, когда противъ него ничего не могъ доспѣть даже соборъ пастырей. Послѣ стоглаваго собора пущены были въ ходъ кѣмъ-то изъ поборниковъ раскольническаго направленія, вѣроятно участвовавшимъ въ спорахъ на стоглавомъ соборѣ, черновыя записки подъ именемъ книги Стоглавникъ, и въ этой книгѣ подробно изложены были всѣ, до того времени образовавшіяся и созрѣвшія раскольническія мнѣнія.

По поводу исправленія книгъ препод. Діонисіемъ, архимандритомъ Троицкой Сергіевой лавры, и его незабвенными сподвижниками, опять открыто выступили люди вполнѣ раскольническаго направленія, совершенно подобные Аввакуму, Лазарю, Никитѣ, явные зачинщики раскольническихъ мыслей [2]). Въ борьбѣ съ ними препод. Діонисій и его сподвижники явились, подобно препод. Максиму Греку, исповѣдниками истины церковной. Вотъ какъ характеризуетъ этихъ ревнителей мертвой буквы старецъ Арсеній въ своей челобитной къ боярину Борису Михайловичу Салтыкову: «Есть, государь, Борисъ Михаловичъ, иные таковы, которые на насъ ересь возвели, кои едва азбуку умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ, кои въ азбуцѣ письмена гласныя и согласныя и двоегласныя, а еже осьмочастія слово разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало. Священная же философія и въ рукахъ не была, ея же кто въ искусѣ не былъ, удобь можетъ погрѣшити не точію въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлѣхъ, аще и естествомъ остроуменъ будетъ. Есть, государь, обычай нѣкіихъ сихъ во искусѣ не бывшихъ не точію на едину строку зря, но на едину токмо рѣчь смотря и разсуждати: се есть тако, обрѣтается же то всяко не тако.... Зри, государь, сего, како у насъ славится имя Пресвятыя Троицы безсловеснѣ и неразумнѣ: какъ кому на умъ взбрело, тако концы у молитвъ и совершаютъ... И что мы концы у таковыхъ молитвъ перемѣнивали, и то намъ въ ересь поставили, и наше государь, самъ ты вѣдаешь, дѣло въ міръ не пошло, а дѣлали его мы не своею волею, а царскою властію. Аще бы они добрѣ разумѣли и о благочестіи поистину болѣли, добрѣ бы и судили... Не глаголомъ точію чтущему или поющему подобаетъ внимати, но разума нужда блюсти. А они точію единѣмъ рѣченіемъ вся глаголемая судятъ, и единому глаголу точію внимаютъ и глаголютъ сей глаголъ нагъ [3]) и срамословенъ.... разума не внемлютъ. Не глаголу точію единому достоитъ внимати, ниже единѣмъ рѣченіемъ, судити вся глаголемая, ниже убо чернилу и письменемъ вѣрити, но отвѣту писавшаго письмена паче достоитъ вѣрити. Злословящей же насъ точію черниламъ вѣрятъ, и письменемъ единѣмъ внемлютъ, и тѣхъ въ конецъ добрѣ не свѣдятъ, и красныхъ глаголовъ ищутъ, азъ же

---

[1]) А. А. Э. т. I, № 239, стр. 253.

[2]) Исправленіе богослужебныхъ книгъ при п. Филаретѣ, изслѣд. г. Казанскаго. См. въ чт. моск. общ. ист. 1848.

[3]) Такъ стоитъ въ рукописи.

тебѣ, государю, скажу красные глаголы и риторскій слогъ, но исполнь сущь злаго еретическаго мудрованія. И до нынѣ у насъ сей злый плевелъ во святыхъ церквахъ славится, и якоже здраво нѣкое пріемлется отъ ненаученыхъ подобныхъ мнѣ.... Не смѣю, государь, дерзновенно рещи о глаголющихъ на насъ не правая, что не знаютъ ни православія, ни кривославія точію божественныя писанія, но чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти» [1]). При такомъ крайнемъ ослѣпленіи, при такой фанатической ревности по буквѣ, можно ли было ожидать, чтобы эти неразумные приверженцы буквы образумились, почувствовали потребность исправленія книгъ и уступили голосу и желанію церкви? Напротивъ, случилось такъ, что, когда при п. Іосифѣ предпринято было новое изданіе церковныхъ книгъ, эти самые вожди раскольническаго направленія явились при этомъ дѣлѣ главными и совершенно самоуправными дѣятелями. «И явишася въ та лѣта», пишетъ преосвящ. Игнатій, м. тобольскій, «зліи человѣцы: Аввакумъ протопопъ, Лазарь, суздальскій попъ, Ѳедоръ діаконъ, Григорій Нероновъ, съ ними же и простіи невѣжди: иже попущеніемъ Божіимъ бяще и духовникъ царскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ. И сія злая сонмища веліе въ оно время имяху дерзновеніе къ самодержцамъ: и превсѣяша злобы своея, арменскаго ученія преданіе. Въ та же времена печатный дворъ бяше вѣдомъ въ приказѣ царева дворца, правительствуемъ нѣкіимъ княземъ, по реклу Львовымъ. Святѣйшій же патріархъ московскій, Іосифъ, мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложилъ на совѣтъ вышеупомянутыхъ протопоповъ и поповъ, и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему» [2]). Эти люди, всѣ мыслившіе уже чисто по раскольнически, о томъ только и заботились, чтобы какъ можно скорѣе успѣть внести раскольническія мнѣнія въ печатныя церковныя книги, запечатлѣть ихъ такимъ образомъ церковною печатію и распространить и окончательно утвердить въ народѣ: это была главная мысль, главная цѣль ихъ десятилѣтней дѣятельности на печатномъ дворѣ. Но кромѣ собственно-раскольническихъ заблужденій, они заражены были еще и другими мыслями, противными ученію православія. Напр. въ прологѣ, напечатанномъ при п. Іосифѣ, они съ особенною настойчивостію стараются доказать, будто не должно ходить для молитвы въ церковь, а должно молиться дома; будто «аще намъ грѣшнымъ св. писаніе и муками претитъ, но Господь Богъ милости своея ради, созданія своего не погубитъ» [3]). Здѣсь высказывается мысль о невозможности вѣчныхъ мученій при благости Божіей—мысль противная Евангелію и ученію православія. Въ особенности главный изъ расколо-учителей, протопопъ Аввакумъ, зараженъ былъ противо-христіанскими мыслями, высказывалъ богохульныя мысли о Св. Троицѣ, о воплощеніи, о погребеніи и сошествіи Іисуса Христа во адъ, о душѣ человѣческой и объ ангелахъ [4]). Всѣ они и вели себя

[1]) Ркп. посланіе Арсенія Глухаго Сбор. Солов. библ. № 897, л. 115.

[2]) 3-е посланіе Игнатія, митр. сибирскаго, въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1855 г. кн. 2.

[3]) Книга Кириллова л. 9 въ акростихидѣ (въ началѣ книги).

[4]) Розыскъ ч. I.

на печатномъ дворѣ при п. Іосифѣ какъ люди, уже готовые произвести въ русской церкви и въ русскомъ государствѣ расколъ, питали мысли, противныя духу православной церкви, распространяли въ народѣ суевѣрные, ложные мистико-апокалипсическіе толки о судьбѣ русской церкви, посѣвали въ народѣ сомнѣніе, предубѣжденія относительно церковныхъ исправленій, и даже распоряжались на печатномъ дворѣ самоуправно, противъ воли царской. Вотъ что сообщаетъ объ нихъ, между прочимъ, современникъ и очевидецъ ихъ дѣйствій на печатномъ дворѣ, келарь троицкаго монастыря Симонъ Азарьинъ, ученикъ препод. Діонисія, Архимандрита троицкаго, извѣстный по своей любви къ просвѣщенію и собранію рукописей: «Въ оно время (около 1647 г.) изволеніемъ Самодержца Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, препод. Сергія житіе повелѣно бысть напечатати: сія же, яже отъ насъ быша написана. Самодержецъ туже повелѣ напечатати; печатницы жъ, иже на печатномъ дворѣ, тѣхъ новыхъ чудесъ яко тридесять и пять главизнъ напечаташа въ сергіеву книгу, яже отъ насъ принесена быша, прочая же отъ чудесъ въ небреженіи положиша. И якоже они возгордѣвшеся и небрегоша о чудесѣхъ святого, аще нѣцыи отъ нихъ и сами въ небреженіи животъ свой препроводиша, истину бо глаголаху ложь быти и вмѣняху въ случай, а не въ чудеса, якоже о источницѣ новоявльшагося кладязя, иже у церкви Пречистыя Богородицы у паперти, небрегоша по истинѣ напечатати, и послѣди уже напечаташа съ понужденіемъ, но не по истинѣ, но нѣкую ложь отъ своего вымыслу приложише... яко совѣстію своею зазираеми бяху, и иныя отъ чудесъ святаго изринуша и напечатати небрегоша» [1]).

Такимъ образомъ еще при п. Іосифѣ раскольническія заблужденія распространились по всей Россіи посредствомъ книгъ, напечатанныхъ въ 1642—1652 годахъ, и заразили въ особенности молодое поколѣніе. «И бысть всѣхъ книгъ, говоритъ митрополитъ тобольскій Игнатій, вкупѣ 6000. И всю Россію тако арменскій оный смрадъ надхне и зарази, яко едини точію зѣло престарѣлые люди того ученія не пріяша и едва спасошася, и не внимаху прелести нововводнаго сего армено-подражательнаго двое-перстнаго сложенія, но троичнаго въ перстѣхъ сложенія крѣпцѣ держахуся. Новіи-же секрати сирѣчь младіи начаша на оныхъ книгахъ въ хулѣ арменско велемудрствовати. Ересь же армено-подражательства зѣло воскуряшеся и многихъ попали» [2]). Это предварительное распространеніе раскольническихъ мнѣній приготовило весьма плодотворную почву для послѣдующаго распространенія раскола.

Между тѣмъ, какъ въ невѣжественныхъ умахъ раскольническія заблужденія такимъ образомъ окончательно дозрѣвали и утверждались, въ нравственной жизни людей, зараженныхъ фарисейскою ревностію о буквѣ и внѣшности обрядовъ, расколъ также предварительно развивался самъ собою, путемъ мертвообрядоваго направленія ихъ сердца. Яснѣе это можно

---

[1]) Времен. моск. общ. ист. и древн. росс. кн. X смѣсь, стр. 5, 6. Предисл. троицкаго келаря Симона Азарьина къ сказ. о новоявл. чудесѣхъ препод. Сергія:

[2]) 3-е посланіе Игнатія тобольскаго, въ Прав. Собес. за 1855 г. кн. 8.

видѣть въ примѣрѣ. Вотъ какъ митроп. тобольскій, Игнатій, изображаетъ постепенный внутренній, нравственный переходъ современнаго ему монаха Капитона, одного изъ первыхъ расколо-учителей, отъ фарисейской ревности объ обрядахъ къ фарисейской гордости и презорству, а отсюда къ расколу. «Сперва убо крѣпцѣ нудяшеся (онъ чернецъ Капитонъ) воздержаніи, да ни въ праздникъ рождества Бога Господа и Спаса нашего Іисуса Христа хотяше сыра и масла и рыбы вкушати, ниже на Святую Пасху, ниже въ день св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла, ниже въ день успенія Пресвятыя Богородицы разрѣшаше когда развѣ точію отъ сѣменъ и ягодичія и прочихъ растущихъ земли. На святую же Пасху по обычаю христіанскому ни яицъ обагренныхъ, сирѣчь красныхъ, восхотѣ братіи предлагати, аще и высокоторжественное праздника Пасхи въ семъ красномъ яйцѣ образуется. И таковаго христіанскаго о Христѣ веселія не восхотѣ творити и яицъ братіи взаимъ премѣняти, но вмѣсто того подаде имъ червленаго горькаго цибула, сѣрѣчь луковицы; и вмѣсто яицъ въ премѣну христіанскія любве имѣти. И сіе убо начало ереси отъ развратныя души его нача являтися. Потомъ же діаволъ прельсти его гордостнымъ помысломъ; мня же бо себе уже велика подвижника и совершеннаго постника, и начатъ погордевати освященнымъ чиномъ. Егда убо когда увидѣлъ бы священника мало себѣ въ пищи попустивша и упившася до веселія: тогда и ко оному священнику, аще и православному сущу, потомъ къ благословенію нехождаше, аще и трезва его видяше. И тако мало по малу творяше его діаволъ отступати отъ церкве. Паки же повелѣ нѣкоему изографу, да напишется ему образъ, иже глаголется: предста царица одесную Тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преукрашенна. Иконописцу же, написавшу подобіе святыя иконы, яко же пишется Спасителевъ образъ на престолѣ, яко великій архіерей; Пресвятыя же Богородицы образъ въ царскихъ одѣяніяхъ и въ вѣнцѣ, яко царица небесе и земли, и прочія подобія образа того. Видѣвъ же той земли, и прочія подобія образа того. Видѣвъ же той Капитонъ Пресвятую Богородицу написанну въ царскихъ одеждахъ, начатъ яко невѣжда сый похуляти иконописца глаголя: почто написалъ еси такъ Богородицу яко царицу? на Пресвятой убо Богородицѣ багряницы царскія не бысть никогда же: и того ради и не покланяшеся окаянный Капитонъ образу тому святому. Къ сему же обрѣтъ его діаволъ въ противленіе на святую церковь готова суща, вложи ему мысль: егда бы видѣлъ Пресвятую Богородицу на иконѣ написанную. аще и подписаніе имующую Мати Божія: руце же младенца превѣчнаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа не написана: тогда и той иконѣ не покланяшеся. Видѣвъ же діаволъ готова его суща ко пріятію козней его, вложи ему помыслъ, яко не подобаетъ новописаннымъ иконамъ поклонятися: аще бы Спаса Христа или Пресвятыя Богородицы, или святыхъ; но точію какого ветхаго письма и стараго и зачадѣлаго, аки бы издревле писаны: и егда въ домъ гдѣ вхождаше, аще видяше икону новописану, и сіяющу новописаніемъ, тогда никако же не покланяшеся той святой иконѣ. Христіане же, видѣвше его врага Божія въ житіи жесточество, мняху его свята суща. Егда же стя-

жалъ бѣаше вышеписанныя четыре книги [1]) съ катихизисомъ абіе діаволъ совершенно воспріятъ его себѣ во область: и начатъ отъ того армянскаго сложенія и самъ креститися, и отъ слышанія чтенія и люди учити: и мнози юнѣйшіи послѣдоваша ему. И се убо вашей любви азъ възвѣстихъ, заключаетъ м. Игнатій, каково бяше сквернаго того и проклятаго Капитона Колесникова начало, да увѣсте, откуду начало еретиковъ раскольниковъ и капитоновъ» [2]).

Чтобы очистить церковь русскую отъ возникавшихъ и все болѣе и болѣе умножавшихся плевелъ раскола и пресѣчь дальнѣйшее развитіе его, нужно было, во первыхъ, очистить отъ примѣси раскольническихъ заблужденій самые источники или руководства церковно-обрядовой жизни— церковно-богослужебныя книги, и разсѣять главныхъ вождей и представителей раскольническаго направленія; во вторыхъ, ввести, по возможности, всѣхъ православныхъ чадъ церкви русской въ самый духъ церковно-богослужебной обрядности, объяснить имъ смыслъ, внутреннее значеніе церковно-обрядовой внѣшности. И вотъ въ это время Господь воззвалъ на патріаршій престолъ церкви русской пастыря, которому предназначено было совершить это великое дѣло: явился патріархъ Никонъ.

Приступая къ совершенію своего великаго призванія, п. Никонъ, «яко бодрый Христова всероссійскаго стада пастырь и неусыпный стражъ», по словамъ м. Игнатія, положилъ пресѣчь раскольническое направленіе въ самомъ его источникѣ, равнымъ образомъ и возстановить богослужебно-обрядовый чинъ и церковно-богослужебную жизнь въ ихъ первоначальной чистотѣ. Дѣятельно, съ дальновидною ревностію и истинно-пастырскимъ благоразуміемъ, началъ онъ исправлять церковно-богослужебныя книги, при посредствѣ людей ученыхъ, каковы: Епифаній Славеницкій, Арсеній Грекъ, Дамаскинъ Птицкій и другіе, по древне-славянскимъ и греческимъ подлинникамъ, послѣ предварительнаго совѣщанія съ русскими пастырями на соборѣ 1654 года, съ соизволенія царя Алексѣя Михайловича, по согласію съ патріархомъ константинопольскимъ и при соучастіи антіохійскаго патріарха Макарія и сербскаго Гавріила. Зачинщиковъ раскола, каковы были извѣстные уже намъ справщики книгъ при п. Іосифѣ, онъ устранилъ отъ книгопечатнаго двора, какъ людей не только не способныхъ къ исправленію книгъ, но и явно неправильно-мыслящихъ и зло-

---

[1]) Кириллову книгу,—книгу о правой вѣрѣ,—псалтирь учебную и малый катихизисъ.

[2]) Третіе посланіе бл. Игнатія, м. сибирскаго и тобольскаго, Правосл. Собесѣд. 1855 г. кн. 2 стр. 97—99. Достойно замѣчанія, что и другіе современники признавали первымъ виновникомъ раскола монаха Капитона. Шушеринъ въ жизнеописаніи п. Никона говоритъ: „во оно время насташа раскольницы церковные и умножишася *отъ нѣкоего ересеначальника чернеца Капитона*“. (Ркп. Сол. библ. № 235, л. 33) Такъ возсталъ, по всей вѣроятности, не одинъ Капитонъ, глава раскола, а и весьма многіе другіе. П. Іосифъ съ глубокою горестію жаловался: „возстали лицемѣры, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися“. (Пост. ист. изв. о раскол. протоіер. Іоаннъ ч. 1, стр. 60). Это можно сказать только о людяхъ, подобныхъ Капитону. Митроп. ростовскій Іона, въ 1652 г., въ окружной грамотѣ своей также предостерегалъ уже паству свою отъ раскольниковъ. А. И. т. IV, стр. 174.

намѣренныхъ, насѣявшихъ уже столько плевелъ въ церкви русской. А потомъ, когда встрѣтилъ отъ нихъ пререканіе и противодѣйствіе въ дѣлѣ исправленія книгъ, разсѣялъ ихъ въ ссылку и заточеніе по разнымъ мѣстамъ, какъ «явныхъ, самомудрыхъ, паче же суемудрыхъ безчинія ревнителей, воздвигавшихъ прю, расколъ», и какъ явно показавшихъ уже, по суду п. константинопольскаго Паисія, «знаменія ереси и раздора, чуждыхъ православныя нашея вѣры» [1]). Такимъ образомъ п. Никонъ старался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола совершенно законными, истинно-церковными мѣрами. Всѣ главные зачинщики его были разсѣяны [2]). И издатели «Служебника» 1655 г. имѣли полное право сказать, что благочестивымъ повелѣніемъ п. Никона и царя Алексѣя Михайловича «лукавство изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися, вмѣсто же сихъ истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ» [3]). Въ прекращеніи раскола п. Никономъ сознавались сами зачинщики раскола. Напр. Нероновъ, въ письмѣ къ духовнику Вонифатьеву отъ 27 Февраля 1654 г., писалъ: «увы мнѣ, яко погибе благоговѣйный отъ земли и справляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть», т. е. нѣтъ болѣе зачинщиковъ и защитниковъ раскола [4]). И самъ Нероновъ, безполезно возставлявшій самого царя противъ Никона, наконецъ явясь къ патр. Никону, объявилъ: «если патріархи собственноручно написали, что надобно креститься тремя перстами и непокорныхъ подвергаютъ осужденію, я не желаю быть подъ осужденіемъ вселенскихъ патріарховъ». Патріархъ Никонъ со слезами умиленія принялъ заблудшаго въ лоно церкви. Точно также онъ готовъ былъ съ любовію простить всѣхъ расколо-начальниковъ, находившихся въ ссылкѣ, только ожидалъ, какъ увѣдомлялъ протопопа Неронова духовникъ царскій Стефанъ Вонифатьевъ, «прощенія и истиннаго покаянія» отъ непокорныхъ протопоповъ и поповъ, въ неправдѣ своей грубо упорствовавшихъ и возмущавшихъ народъ, даже готовъ былъ предоставить имъ служить по старымъ книгамъ. Потому несправедливо говорятъ нѣкоторые, будто Никонъ былъ слишкомъ неуступчивъ къ немощи жалкихъ приверженцевъ буквы, не оставлялъ имъ служить по старымъ книгамъ, и отъ того будто бы произошелъ расколъ. Въ раскольнической біографіи протопопа Іоанна Неронова разсказываются слѣдующіе замѣчательные факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ Никонъ, необыкновенно строгій къ упорнымъ противникамъ и возмутителямъ церковнаго порядка, былъ снисходителенъ и уступчивъ въ отношеніи къ расколо-начальникамъ, не возмущавшимъ

[1]) Скрижаль напеч. въ 1655 г. л. 711—713. См. подорбности въ истор. русск. раскола, стр. 138—172.

[2]) Тамъ же стр. 164, 165.

[3]) Опис. книгъ Царскаго, стр. 165, 167.

[4]) Собраніе писемъ Неронова, ркп. библ. казан. акад. Денисовъ, прославляя расколъ, пишетъ: „никто же оная новшества возражающь кромѣ Павла, добляго епископа коломенскаго и великоревностнаго протопопа Аввакума и прочихъ малыхъ“. И эти были разсѣяны: Нероновъ изъ ссылки (въ Вологдѣ) въ письмѣ къ царицѣ отъ 2 Мая 1654 г. писалъ: „ревнителіе благочестія, ихжереку отца епископа Павла и братію Даніила, протопопа костромскаго и Аввакума протопопа юрьевскаго,—изгнаны ради проповѣди закона и ради ученія и за еже понуждати имъ человѣки“.

мира церкви, и какъ онъ готовъ былъ простить всѣхъ расколо-начальниковъ: «во иные дни», говоритъ біографъ Неронова, старецъ Григорій (т. е. Нероновъ) «о юзникахъ патріарху воспоминалъ, чтобъ ихъ разрѣшилъ, страждущихъ его ради. Патріархъ же по всѣмъ повелѣ грамоты послати тотчасъ, и письма, кои на него патріарха писали къ царю и къ протопопу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братіямъ, всѣ старцу Григорію отдалъ, глаголя: возьми старецъ Григорій твои письма, и ярославскаго протопопа Ермила въ то же время простилъ и письма ему отдалъ... Вопроси нѣкогда старецъ Григорій патріарха, рече: иностранныя власти нашихъ служебниковъ не хулятъ, но и не похваляютъ; патріархъ рече: все равно, по какимъ хощешь, по тѣмъ и служишь... И доколѣ старецъ Григорій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа съ братіей въ соборной церкви на клиросахъ, чтобы не четверить аллилуіа; тіиже послушаша старца, говорили аллилуіа по дважды, въ третіе слава Тебѣ Боже: патріархъ же ничто же имъ глагола, точію подъякъ, псалтирь говоря, заповѣданіе патріархово творилъ, четверилъ аллилуіа». Такъ умный пастырь Никонъ, прекративъ расколъ ссылкою въ заточеніе мятежныхъ и упорныхъ расколо-начальниковъ, возмущавшихъ народъ, въ тоже время старался окончательно, внутренно примирить съ церковію находившихся въ Москвѣ расколо-начальниковъ, но не производившихъ мятежа, благоразумнымъ дозволеніемъ имъ оставаться при старыхъ обрядахъ. Сдѣлавши столь успѣшное начало, Никонъ для предупрежденія новаго, дальнѣйшаго развитія раскола, старался возстановить богослужебно-обрядовый чинъ и церковно-богослужебную жизнь русскаго народа, въ ихъ первоначальной чистотѣ. Для сего, какъ только онъ предпринялъ исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и издалъ первую важнѣйшую въ церковномъ богослуженіи книгу «Служебникъ», въ то же время призналъ нужнымъ издать толкованіе церковныхъ обрядовъ и таинствъ, чтобы ввести православныхъ чадъ русской церкви, по возможности, въ самый духъ и смыслъ церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. «Богоизбранный святѣйшій патріархъ московскій Никонъ», говоритъ, Епифаній Славеницкій въ предисловіи къ скрижали, «Богоданный въ свѣтоводительство всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи свѣтоводитель и благотщаливый пастырь словеснаго стада Христова, пастырству его врученнаго, питая оное благовонною евангельскаго ученія пажитіи, напаяя животворными водами богопріятныхъ поученій и на правую стезю богоугоднаго житія наставляя,... благоусердно печется о томъ, чтобы весь священный Россійскій причетъ церковный привести къ ясному знанію, пониманію священнодѣйствій: ибо какъ древле патріархъ Іаковъ, для напоенія овецъ безсловесныхъ, отвалилъ вещественный камень отъ вещественнаго кладезя, такъ онъ нынѣ потщился отвалить мысленный камень непониманія и невѣжества, лежащій въ умахъ многихъ, для того, чтобы словеснымъ овцамъ Христовымъ напоеннымъ быть чистою водою яснаго разумѣнія священнодѣйственныхъ образовъ; ибо по его священноначальническому, богоугодному, ревностному, благопоспѣшному и душеполезному старанію, благополезная книга, содержащая въ себѣ толкованіе божественной литургіи, ясное изъясненіе таинствен-

ныхъ священнодѣйствій и всѣхъ священныхъ вещей знаменованіе, переведена съ греческаго на славянскій языкъ и въ великую духовную пользу всего священнаго причта православной россійской церкви напечатана» [1]). Вслѣдствіе такихъ энергическихъ, умныхъ и благодѣтельныхъ распоряженій п. Никона, можно сказать, что расколъ, вѣроятно, былъ бы совершенно остановленъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ первоначально проявился, какъ секта религіозно-обрядовая и возстаніе немногихъ непокорныхъ протопоповъ и поповъ, или по крайней мѣрѣ не распространился бы въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ это случилось, если бы п. Никону дали до конца довершить его великое дѣло. Но въ это-то время, къ величайшему несчастію, многочисленные и сильные враги Никона при дворѣ, о которыхъ будетъ сказано подробно въ другомъ мѣстѣ, общимъ заговоромъ съ расколоначальниками, возстали лично противъ самого Никона, совершенно лишили его прежней свободы дѣйствованія, даже благорасположенія и содѣйствія царя Алексѣя Михайловича, и принудили удалиться изъ Москвы, а зачинщиковъ раскола, вождей и поборниковъ его возвратили изъ ссылки въ Москву, и подъ видомъ будто ревности къ старой вѣрѣ, а въ самомъ дѣлѣ для успѣшнаго выполненія своихъ замысловъ касательно п. Никона, дали полную свободу и просторъ распространенію раскола. Такимъ образомъ въ продолженіи 8-ми лѣтняго междупатріаршества, мятежные зачинщики раскола успѣли докончить свое дѣло, отторгли отъ церкви суевѣрныхъ ревнителей обрядовъ и образовали особое скопище мнимыхъ старообрядцевъ [2]).

---

[1]) Строева опис. кн. Царскаго, стр. 303—305.

[2]) Нѣкоторые говорятъ, будто Никонъ жестоко обходился съ виновными, и отъ того произошелъ расколъ. Это если въ нѣкоторомъ отношеніи и правда, то отнюдь не такъ, какъ обыкновенно представляютъ, и отнюдь не въ отношеніи къ виновникамъ раскола. Пламенная, высокая любовь Никона къ церкви, точно, до такой степени, если можно такъ выразиться, была ревнива, нетерпѣлива, что онъ не терпѣлъ никакого церковнаго отступленія, и въ пылу ревности, которую лучшіе, просвѣщеннѣйшіе современники сравнивали съ ревностію Иліиною, могъ дать и дѣйствительно давалъ иногда тяжко почувствовать, что значитъ нарушать порядокъ церковный. Но съ другой стороны, сердце его было обильно любовію милующею, отечески-пастырскою. Не приводя другихъ примѣровъ его любви, вспомнимъ, какъ онъ принялъ расколоначальника Неронова, когда тотъ пришелъ къ нему съ раскаяніемъ. Никонъ забылъ всѣ оскорбленія, какія причинялъ ему Нероновъ предъ царемъ; грубый Нероновъ и тогда, какъ явился съ раскаяніемъ, дѣлалъ патріарху жестокія укоризны въ его строгости. Никонъ смиренно просилъ прощенія: „по грѣхамъ моимъ нетерпѣливъ я; прости Господа ради“, отвѣчалъ Никонъ на грубости Неронова. Возвращая Неронова церкви, Никонъ плакалъ. Такъ пишетъ даже одинъ изъ друзей расколоначальниковъ. Другіе обвиняютъ Никона за то, что онъ въ 1656 году велѣлъ отобрать служебники. Говорятъ: это крутая мѣра, раздражившая народъ. Напротивъ, скажемъ словами преосвященнаго Филарета: а) это естественная мѣра; б) п. Филаретъ не только отобралъ уставъ 1649 года, но велѣлъ сжечь его. Вообще, говорятъ, ревностная поспѣшность Никона не соображена была съ умственнымъ состояніемъ тогдашняго непросвѣщеннаго народа: надлежало таковой народъ издали предуготовить къ сему вразумленіемъ о нуждѣ исправленія книгъ. Но народъ русскій и былъ приготовляемъ къ тому при предшествовавшихъ Никону патріархахъ, въ теченіе болѣе, чѣмъ полустолѣтія. И виноватъ ли Никонъ въ томъ, что предшественники его

Итакъ, безпристрастный судъ исторіи, или послѣдовательный историческій ходъ дѣла показываетъ, что вовсе не патріархъ Никонъ былъ виною нашего раскола и не ревностная поспѣшность Никона въ исправленіи книгъ произвела раскольниковъ, а они произошли сами собою, вслѣдствіе предварительнаго, вѣкового развитія въ нѣкоторой части русскаго народа особаго, мнимо-старообряческаго направленія. Ясный свѣтъ исторіи русской церкви показываетъ, что расколъ глаголемаго старообрядства произошелъ вовсе не отъ прямого истинно-древняго и истинно-православнаго направленія нашей церковной жизни, а отъ направленія противо-церковнаго, уклонившагося съ прямаго пути церкви Христовой еще въ XVI вѣкѣ, и показываетъ намъ даже отъ начала до конца самые, такъ сказать, изгибы, самый путь, по которому шло это противо-церковное направленіе, и наконецъ неизбѣжно пришло къ расколу. Какъ нѣкогда мертво-обрядовое, о буквѣ законной только ревновавшее іудейство, въ главѣ котораго стояли книжники и фарисеи, потому отпало отъ церкви Христовой, что остановилось на одной буквѣ законной, не созерцало, не понимало въ обрядовомъ законѣ моисеевомъ истины Христовой: такъ и въ нашей церкви въ XV вѣкѣ возникшее и постепенно возраставшее, мертво-обрядовое, раскольническое направленіе нѣкоторой части русскаго народа, во главѣ котораго стояли, по выраженію Симеона Полоцкаго, «новые книжники и фарисеи», потому отдѣлилось отъ живого единства церкви русской что также остановилось на одной буквѣ церковно-богослужебныхъ книгъ и на одной мертвой внѣшности церковно-богослужебныхъ обрядовъ, и такимъ образомъ ожестѣло, омертвѣло и отпало отъ церкви Христовой, какъ іудейство. Между тѣмъ, что касается заслугъ Никона въ исправленіи книгъ, то по случаю изданія первой исправленной книги — Служебника, благомыслящіе люди, понимавшіе потребности церкви русской, призывали весь народъ благодарить Господа Бога за то, что Онъ даровалъ имъ такого благопопечительнаго архипастыря, каковъ Никонъ патріархъ, и такого помощника его, каковъ царь Алексѣй Михайловичъ. «Должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ православнымъ народомъ, восхвалити же и прославити всѣхъ добрыхъ вину Бога, яко великаго ради и естественнаго своего милосердія избра въ начальство и снабдѣніе людемъ своимъ, сію премудрую и въ заповѣдѣхъ его пребывающую двойцу, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, и великаго государя святѣйшаго Никона,

---

не умѣли, или не успѣли, или не могли предуготовить къ исправленію книгъ, а при патр. Іосифѣ даже допущено было поврежденіе книгъ и распространены были посредствомъ печатныхъ книгъ раскольническія мнѣнія. И ужѣли еще нужно было на полвѣка, или даже на цѣлый вѣкъ отложить исправленіе книгъ, нужду котораго такъ глубоко чувствовала русская церковь, когда книги были уже весьма повреждены, и поврежденіе это и не прекращалось, напротивъ все болѣе и болѣе умножалось, входило въ жизнь народа, въ его вѣрованія? Да и правда ли, что ревностная поспѣшность Никона не соображена была съ состояніемъ народа? Народъ, горячо любившій Никона, по всей вѣроятности, съ безпрекословною покорностью принялъ бы изданныя имъ книги, если бы его не возмутили расколоучители, въ свою очередь бывшіе, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, личными врагами, и также орудіями личныхъ и сильныхъ враговъ п. Никона.

патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя Россіи, иже воистину Богомъ избрани и того въ себѣ исполненіемъ заповѣдей его носяще, законно и преимудро данную имъ отъ Бога власть строити потщашаеся.. Не ко инымъ бо вещемъ прежде тщаніе свое государское приложиша, но точію да церковь Христова, сирѣчь православный христіанскій народъ, въ мирѣ и благоденствіи здравствуя, здѣ многолѣтнее, онамо же безконечное во благихъ себѣ гобзаніе уготовитъ.... Воистину бо ихъ благочестнымъ повелѣніемъ лукавство изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися; вмѣсто же сихъ истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ. Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ Святѣй поемый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый» [1]). Вселенскіе патріархи также всѣ единодушно и единогласно одобрили и утвердили великое дѣло п. Никона, и самого его признали великимъ ревнителемъ церкви православной. Вотъ напр., отзывъ о немъ п. константинопольскаго Іакова: «ни яко осужденъ винъ ради душевныхъ или тѣлесныхъ, и елика отъ архіерейства благодать впредь безъ воззванія ону чуждати, имѣя естества и исцѣленіе невоспріемное творя, ниже надъ божественная догматы благочестій согрѣши; ибо не иде въ совѣтъ нечестивыхъ, ниже ста въ путь грѣшникомъ, ниже на сѣдалищи губителемъ седѣ, пѣснословно рещи, столпъ бо благочестій непоколеблемъ знаемъ бысть, и божественныхъ и священныхъ канонъ оберегатель присноискуснѣйшій, отеческихъ догматъ, повелѣній же и преданій неизреченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій [2]).

2. И такъ первый зародышъ, первый основный элементъ раскола старообрядства заключается собственно въ характерѣ религіозной жизни русскаго народа, въ вѣковомъ, историческомъ развитіи въ большой части народа односторонняго, мертво-обрядоваго направленія, въ преобладаніи внѣшности, обрядности надъ живою христіанскою мыслію, и въ открывшейся съ XVI вѣка борьбѣ этой живой христіанской мысли, духа съ мертвою буквою и обрядностію. Но сущность и сила русскаго раскола старообрядства заключается далеко не въ одной упорной ревности о старыхъ обрядахъ, изъ которой развился только общій, внѣшній характеръ раскола, какъ секты религіозно-обрядовой. Сила русскаго раскола заключается главнымъ образомъ въ его *религіозно-гражданскомъ демократизмѣ*,

[1]) Строева, опис. кн. Царскаго, стр. 165, 167.

[2]) Собр. госуд. грам. ч. IV, стр. 425. Не излишне, думаемъ, напомнить старообрядцамъ, что и единоплеменники наши—православные славяне южные, признавали необходимымъ исправленіе богослужебныхъ книгъ и исправляли. Такъ въ ркп. (XV в.) „словеса вкратцѣ избрана Константина философа костентьскаго, бывшаго учителя срѣбскяго во дни благочестиваго Стефана деспота“ читаемъ: „Се бо писанія вса растлѣлася соуть, не точію въ странѣ единои, но въ романіи всои, и до бѣлграда и солуна. Трънбвстіи бо исправишесе благодатію Христовою, и поспѣшеніемъ державнаго. Се хотять и сърбстіи исправитися“ (ркп. Григоровича). Въ болгарской церкви, присылавшей къ намъ во дни Владиміра и Ярослава „іереи учены и книги довольны и демественники“, особенно два патріарха, подобно патр. Никону, заботились объ исправленіи книгъ: Іоакимъ въ XIII стол. и Евѳимій въ XIV столѣтіи.

въ томъ духѣ и направленіи, какое онъ получилъ во время самаго возстанія раскольниковъ противъ п. Никона, и особенно послѣ Никона, когда онъ перешелъ изъ сферы собственно церковной въ сферу гражданской, народной жизни. Посмотримъ теперь, какъ развился этотъ новый элементъ раскола, всего болѣе оживляющій и поддерживающій его.

Расколъ возникъ въ патріаршество Никона, сначала въ низшемъ духовенствѣ, и возсталъ, во первыхъ, противъ церкви и особенно противъ патріарха Никона; потому что исправленія, нетерпимыя людьми, безразсудно привязанными къ старинѣ, начались, во первыхъ, въ церкви, касались прежде всего духовенства и совершены были п. Никономъ. Патріаршество Никона въ исторіи русской церкви составляетъ ту многознаменательную переходную эпоху, когда, послѣ вѣковыхъ споровъ о древне-церковной старинѣ, послѣ вѣкового сознанія лучшими пастырями необходимости исправленія и улучшенія внутренняго порядка въ русской церкви, — необходимость истиной, основательной повѣрки, исправленія и усовершенія внутренняго церковнаго порядка и устройства сдѣлалась главною, настоятельною потребностію, господствующею, живою мыслію русской церкви, когда должно было положить предѣлъ вѣковой борьбѣ убивающаго духовную жизнь буквализма и мертваго обряда съ живою идеею, оживляющимъ духомъ христіанства, борьбѣ тьмы со свѣтомъ, порядка съ безпорядкомъ, и тьма и безпорядокъ наконецъ должны были или исчезнуть при свѣтѣ просвѣщенія и порядка, или отдѣлиться отъ церкви, какъ совершенно несовмѣстныя съ ея существомъ. Для прекращенія этой вѣковой борьбы въ нѣдрахъ нашей древней церкви, для обновленія, освѣженія внутренней жизни церкви, божественный Промыслъ нарочито воспиталъ и воззвалъ изъ среды народа знаменитаго пастыря, патр. Никона... Но если вообще великіе геніи, далеко опережающіе вѣкъ свой, вездѣ и всегда встрѣчаютъ сильныя противорѣчія и противодѣйствія со стороны отсталыхъ, запоздалыхъ людей, часто даже падаютъ жертвами въ борьбѣ съ ними, то удивительно ли, что и нашъ великій пастырь Никонъ, этотъ истинно замѣчательный геній своего вѣка, «свѣтоводитель богоданный въ свѣтоводительство всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи», какъ называли его лучшіе, просвѣщеннѣйшіе современники, vir prudentia et auctoritate eggregius, какъ отзывались о немъ иностранные наблюдатели внутренней жизни Россіи второй половины XVII вѣка, удивительно ли, что и великій Никонъ долженъ былъ испытать то же, встрѣтить также упорное противорѣчіе и противодѣйствіе со стороны отсталыхъ, запоздалыхъ ревнителей старины? — Разсмотримъ безпристрастно, въ какомъ духѣ и какого рода исправленія совершилъ въ русской церкви п. Никонъ, и по какимъ причинамъ возбудилась противъ него оппозиція раскола. «Намъ должно есть», говорилъ п. Никонъ въ духѣ охраненія истинной христіанской старины, «отъ Спаса нашего и Господа Іисуса Христа преданныя заповѣди и св. апостолами и св. отцами, возсіявшими на святѣмъ никейстѣмъ вселенстѣмъ соборѣ треми сты и осміюнадесятми богоносными отцами, и въ послѣдующихъ вселенскихъ соборѣхъ, даже до седьмаго, второе въ Никеи собравшагося,

також де и между седми вселенскими въ различная времена собравшихся помѣстныхъ православныхъ соборѣхъ хранити; понеже убо совершеніе пріятъ православныхъ церковь не томко по богоразумія и благочестія догматовъ, но и священному церковныхъ вещей уставу, праведно есть и намъ всяку церковныхъ огражденій новину потребляти, видящимъ новины всегда виновнымъ бывати церковнаго смятенія и разлученія, но уставомъ послѣдовати святыхъ отецъ» [1]). Въ такомъ духѣ сохраненія подлинной христіанской старины, началъ п. Никонъ исправлять, благоустроять внѣшній чинъ и порядокъ церкви русской, не столько вновь что либо измышляя и созидая, сколько возстановляя истинно-древнюю церковную старину, завѣщанную св. отцами, или согласную съ ихъ духомъ, и устраняя старину мнимую, имъ противную. Суевѣрные ревнители старины, уже искаженной, къ сожалѣнію, этого не соображали и не соображаютъ: имъ хотѣлось сохранить старину, и притомъ грубую русскую старину. — Патр. Никонъ, глубоко любя христіанское богослуженіе, и по чувству собственнаго сердца, и по ближайшему опыту и наблюденію надъ другими благочестивыми русскими людьми, и изъ безчисленныхъ примѣровъ исторіи русской церкви, можетъ быть, лучше всякаго другого современнаго пастыря русскаго понималъ, какъ важно въ духовно-нравственномъ воспитаніи русскаго народа, особенно простого народа, благоустроенное, благолѣпное церковное богослуженіе. Кромѣ того, возвышаясь своимъ умомъ надъ неподвижностію дряхлой, отжившей старины, онъ ясно сознавалъ всю возможность и необходимость живого развитія христіанскаго богослуженія изъ вѣчно-живой и всеоживляющей идеи христіанства, необходимость развитія христіанскаго духовно-эстетическаго элемента въ благолѣпіи богослуженія, напримѣръ въ пѣніи, въ иконописаніи. И потому прежде всего обратилъ свое вниманіе на исправленіе и усовершеніе церковно-богослужебнаго чина и порядка, разстроеннаго главнымъ образомъ небреженіемъ и невѣжествомъ нерачительнаго къ богослуженію духовенства. Такъ онъ не могъ равнодушно видѣть, въ какомъ упадкѣ находилось въ церкви русской богослужебное пѣніе, которое начало упадать въ Россіи со временъ монгольскаго ига. Привыкши къ знаменному или столповому церковному напѣву и исполняя его весьма неисправно и небрежно, церковно-служители наши до п. Никона почти совершенно забыли и оставили то древнее «ангело-подобное пѣніе, изрядное осьмогласіе, и трисоставное сладкогласованіе, и самое красное демественное пѣніе», какое, послѣ болгарскаго и простого демественнаго напѣва, вновь ввелъ въ церковь русскую Ярославъ Великій [2]), и «совершали пѣніе Божіе зѣло по скору» [3]). Патр. Никонъ, зная изъ примѣровъ церковной исторіи, что развивалось же въ восточной церкви богослужебное пѣніе, что святые отцы съ IV по VIII вѣкъ не считали грѣхомъ слагать новыя духовныя пѣсни, исправлять

[1]) „Воглашенія“ патр. Никона царю Алексѣю Михайловичу и всему священному собору. Печ. Скрижалъ 1655 г. л. 6—7.

[2]) Степ. кн. т. 1, стр. 224. изд. въ москвѣ 1775 г. ст. 2. гл. 2.

[3]) А. А. Э. т. 3, № 264.

древнее пѣніе, — началъ смѣло вводить въ русской церкви новое благогласное пѣснопѣніе, исправляя и возстановляя что было лучшаго изъ древняго пѣнія. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ онъ, по словамъ жизнеописателя его, «первѣе повелѣ — въ соборной церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти.... и превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибравъ крылосы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное паче органа бездушнаго и таковаго пѣнія, яко же у него, ни у кого не бывало» [1]). А когда въ 1652 году онъ возведенъ былъ на патріаршій престолъ, то еще болѣе усовершилъ церковное пѣніе. Вышеупомянутый жизнеописатель его свидѣтельствуетъ, что онъ любилъ разные напѣвы, а особенно греческій и кіевскій. Съ патр. Никона началась въ русской церкви новая эпоха церковнаго пѣнія. Въ тоже время онъ старался ввести въ церкви русской внятное и благоговѣйное чтеніе при богослуженіи, ибо отъ лѣности и небреженія церковно-служителей укоренился обычай — читать въ церкви весьма поспѣшно, невнятно и даже неблагопристойно, вычитывать, голоса въ два или въ три за разъ, кафизмы, каноны и разныя молитвословія и стихословія во время пѣнія, про себя, а не вслухъ для всѣхъ православныхъ [2]). Никонъ ввелъ и благолѣпіе въ священныхъ одѣяніяхъ и утваряхъ, чтобы сдѣлать церковное служеніе достойнымъ высокаго назначенія; пріучалъ священно и церковно-служителей къ сохраненію внѣшняго благоприличія, и самъ божественную службу совершалъ съ отличнымъ благоговѣніемъ [3]). Какъ истинный просвѣщенный пастырь, Никонъ не могъ равнодушно видѣть, что многіе неразумно, даже и не по христіански почитали св. иконы, молились въ церквахъ всякъ своей, изъ дома принесенной, иконѣ, называя ихъ своими богами; и кланялись въ церкви въ разныя стороны. Поэтому онъ велѣлъ снять съ западныхъ стѣнъ въ церквахъ отъ частныхъ людей поставленныя иконы, дабы молящіеся не стояли ни къ нимъ, ни къ алтарю спиною и не производили въ церквахъ безчинія, какъ это было дотолѣ [4]). Для церковнаго благолѣпія и благоукрашенія, патр. Никонъ покровительствовалъ и художествамъ, особенно церковной живописи и архитектурѣ, насколько, разумѣется, это было возможно въ то время, и употреблялъ ихъ какъ средства для благоукрашенія церквей [5]). При дворѣ его, по словамъ алепскаго архидіакона Павла, были

---

[1]) Житіе Никона, — Шушерина, ркп. сол. библ. 235, л. 11. Историч. разсужденіе о древнемъ христіанскомъ богослужеб. пѣніи, и особенно о пѣніи Россійскія церкви съ нужными примѣчаніями на оное. Спб. 1804 г. Въ Генварѣ 1652 приглашены были изъ Кіева въ Москву 12 человѣкъ кіевскихъ пѣвчихъ. Въ Мартѣ того же года прибыли изъ Кіева 8 пѣвчихъ. Въ 1656 г. царь, конечно, по внушенію Никона, вызвалъ изъ Кіева старца братскаго монастыря Іосифа Загвойскаго „для ученья партескаго пѣнья". Въ Ноябрѣ того же года пріѣжалъ въ Москву съ грамотою отъ цареградскаго патріарха іеродіаконъ Мелетій, для ученья греческому пѣнью діаковъ и подъдіаковъ (см. замѣч. для ист. пѣнья въ Россіи. Ундольскаго въ 3 № чтен. Импер. общ. ист. 1846).

[2]) Объ этомъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано подробно.

[3]) Житіе Никона, — Шушерина ркп. Сол. библ. № 235 л. 10 и 11.

[4]) Майербергъ. Словарь о духовн. писател. въ Россіи, II. стр. 120.

[5]) Но въ художествахъ, какъ и во всемъ церковномъ чинѣ, патр. Никонъ строго наблюдалъ духъ православія. Напр. относительно живописи Алепскій архидіаконъ

свои художники и ремесленники по всѣмъ частямъ [1]). Точно также въ Воскресенскій монастырь, для устройства храма, по подобію іерусалимскаго, онъ вызвалъ разныхъ мастеровъ, въ томъ числѣ и иностранныхъ, и завелъ тамъ цѣлыя мастерскія; оттуда же въ 1668 году вызывалъ мастеровъ для себя даже самъ царь Алексѣй Михайловичъ [2]). Символизмъ въ церков. изображеніяхъ Никонъ оживлялъ духовнымъ христіанскимъ смысломъ. Такъ, глубже современниковъ понимая духовное знаменованіе библейскихъ и церковныхъ символовъ, онъ возстановилъ въ церковныхъ изображеніяхъ древніе, но забытые символы евангелистовъ. До него евангелисту Іоанну усвоялся символъ льва, а Марку — орла. Со времени патр. Никона евангелиста Іоанна стали изображать съ орломъ, а Марка со львомъ, какъ это дѣлалось при равноапостольномъ Владимірѣ и Ярославѣ Великомъ [3]); при св. Лукѣ и Матѳеѣ оставлены прежнія знаменія тельца и человѣка. Точно также патр. Никонъ, послѣдуя примѣру свящ. древности, велѣлъ дѣлать на каждой церкви по 5 главъ, въ ознаменованіе среднею Іисуса Христа, а четырьмя боковыми четырехъ евангелистовъ [4]). Въ то же время патр. Никонъ всемѣрно заботился о нравственномъ усовершенствованіи и образованіи духовенства. Отъ глубокаго упадка духовнаго просвѣщенія въ Великороссіи до патр. Никона, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, весьма умножилось число священно и церковно-служителей недостойныхъ, нерачительныхъ, весьма мало просвѣщенныхъ: много было священниковъ почти безграмотныхъ. На все это горько жаловался, какъ извѣстно, еще въ XVI вѣкѣ, Геннадій архіепископъ новгородскій, въ первой половинѣ XVII вѣка старецъ Арсеній Глухой, патріархи: Іоасафъ 1 и Іосифъ. Приведемъ здѣсь только жалобу предшественника Никона, патр. Іосифа: «Видя», говоритъ онъ, «въ себѣ и въ другихъ множество всякихъ пороковъ, чистители іерей, приставницы стражіе, дѣлатели винограда Божія не исправляютъ и не обличаютъ, область пріимше искореняти и насаждати, не лѣчатъ и не исправляютъ, и не пекутся и не постанутъ о Бозѣ ревнуя за истину, и іерейство держитъ кождо, точію временную потребу снабдѣваетъ, не усердуетъ о духовныхъ, чтобы получити мзду вѣчнаго живота, но паче печется о погибающихъ мечтѣхъ и чрева ради все творитъ и глаголетъ» [5]). «По горо-

---

Павелъ пишетъ слѣдующее: „Въ Москвѣ многіе иконописцы переняли было живописать иконы на манеръ Франковъ и Поляковъ. Вельможи покупали иконы новой живописи. Патр. Никонъ, узнавъ объ этомъ, отобралъ оныя и издалъ указъ, что кто впредь будетъ живописать ихъ, тотъ подвергнется строжайшему наказанію. Такія иконы, собранныя по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, зарыты были въ землю, а пишущіе въ духѣ новой школы, преданы анаѳемѣ п. Никономъ и Макаріемъ". П. М. Д. кн. 1 стр. LXVII.

[1]) Пам. моск. древ. кн. 11, стр. 199.

[2]) Истор. обозр. финифтян. и ценин. дѣлъ въ Россіи, соч. Забѣлина.

[3]) Снегирева, памятн. 1. LXIV.

[4]) Тамъ же. LXIV.

[5]) Поученіе къ духовному и мірскому чину. Ркп. Григоровича. Поученіе это, впрочемъ, не сочинено п. Іосифомъ, а только нѣсколько измѣнено, дополнено и предложено имъ, какъ подходившее къ нравственному состоянію духовенства и народа въ его время. Первоначальный составъ поученія — древній.

дамъ и селамъ во множествѣ блуждали священники и діаконы безмѣстные и часто безчинства чинили великіе» [1]). Патр. Никонъ не могъ терпѣть такой безпорядочной жизни въ духовенствѣ. Стараясь привести въ уваженіе священный чинъ, онъ собственнымъ примѣромъ строгой жизни внушалъ всему духовенству имѣть бдительный надзоръ надъ своею нравственностію, а къ нерадивымъ былъ взыскателенъ, къ непослушливымъ и злымъ, по словамъ жизнеописателя его, «яростію являшеся», и всякое нарушеніе церковнаго чина обуздывалъ силою своей власти [2]). Безмѣстныхъ священниковъ онъ не терпѣлъ, строго воспрещалъ имъ бродить по городамъ и селамъ, и старался совершенно прекратить ихъ умноженіе [3]). Чтобы заставить священниковъ быть внимательными къ себѣ и своимъ обязанностямъ, онъ выслушивалъ и безпристрастно удовлетворялъ справедливыя жалобы челобитчиковъ на духовныхъ, принималъ доносы отъ областныхъ управителей о худыхъ поступкахъ духовенства, даже изъ самыхъ отдаленныхъ эпархій, и порочныхъ протопоповъ, поповъ и другихъ священно-служителей строго смирялъ, посылалъ въ монастыри на черныя работы, заключалъ въ темницы. Когда кто либо подавалъ Никону челобитную на священниковъ, доносилъ объ ихъ неисправностяхъ и худомъ поведеніи, то Никонъ велѣлъ такихъ поповъ «брать за приставовъ». Такъ въ Маѣ 1657 года Никонъ писалъ къ костромскому воеводѣ, вслѣдствіе доноса священника костромского собора на своеволіе и безчиніе городскихъ и сельскихъ приходскихъ поповъ костромской области: «которые попы въ городѣ Костромѣ и въ уѣздѣ, и въ костромскихъ пригородкахъ, протопопу костромского собора съ братіею учнутъ быть сильны, вѣнечныхъ знамянъ по указу платить не станутъ, и тыбъ ему протопопу съ братью на тѣхъ поповъ велѣлъ давать приставовъ, сколько человѣкъ пригоже» [4]). По словамъ протопопа Неронова, одна теща на затя своего, попа Лаврентія, подала Никону челобитную о томъ, что зять обокралъ ее. Никонъ за это виновнаго попа сослалъ въ Іосифовъ монастырь. Воевода муромскій донесъ на тамошняго протопопа, Логина, что онъ ругался надъ иконою Спасителя и Богородицы. Никонъ тотчасъ велѣлъ протопопа Логина «отдать за пристава». Черниговскаго протопопа Михаила Рогова, издателя Кириловой книги, онъ проклялъ и снялъ съ него скуфью за то, что тотъ, издавая Кирилову книгу, «въ двоестрочіи не дѣломъ положилъ, что христіанамъ мученія не будетъ». Своеволіе монаховъ, злоупотреблявшихъ своимъ вотчиннымъ управленіемъ,

---

[1]) Грамота о учрежденіи поповскихъ старостъ и о церковномъ благочиніи въ Москвѣ, лѣта 7102 Іюня въ 1-й день. Врем. москов. общ. истор. книга XIV, смѣсь стр. 24

[2]) Житіе Никона—Шушерина. Словарь М. Евгенія: о Никонѣ.

[3]) Чтобы не было лишнихъ и безмѣстныхъ священниковъ, и чтобы въ точности знать число священниковъ, патр. Никонъ ввелъ точную ежегодную запись о ставленникахъ, кто, гдѣ, кѣмъ и куда ставился въ священники. Такъ въ переписной книгѣ домовой казны патр. Никона, между разными переписными книгами, упоминаются: „163 (1655) года книга записная ставленникомъ, что ставилъ въ попы сербскій митрополитъ; 164 (1656) книга записная новоставленнымъ попамъ и діаконамъ; 165 (1657) книга записная новоставленнымъ попамъ и діаконамъ“. Времен. моск. общ. истор. кн. XV, матеріалы, стр. 81.

[4]) А. И. IV, № 159.

онъ также строго обуздывалъ. Такъ въ 1664 году онъ писалъ властямъ иверскаго монастыря: архимандриту Филоѳею, намѣстнику іеромонаху Паисію и строителю іеромонаху Максиму съ братіею: «Впредь отнюдь у васъ жилья къ городовой стѣнѣ не было бы... и на городню ходить впредь не велѣть: стыдно и слышать отъ стороннихъ людей, что всѣ стѣны у города... Да мнѣ же новгородскіе дворяне честные (раненые), ѣдучи изъ полковъ, били челомъ и говорили, что де отъ насильства иверскихъ старцевъ житья не стало, многими де нашими землями завладѣли, а которые де нами старинные крѣпостные крестьяне и полоненики бѣгаютъ, и тѣ живутъ въ ихъ монастырскихъ вотчинахъ, и въ монастырѣ ихъ они, вѣдаючи, держатъ; а кто побьетъ челомъ, не отдаютъ: да мы изъ того кровь свою проливаемъ, а они де старцы живутъ, ни въ какую службу государю не помогаютъ. И буде впредь станете чужихъ крестьянъ или полонениковъ съ Москвы увозить, или бѣглыхъ принимать, а намъ будетъ про то вѣдомо, или кто будетъ челобитчикъ, и впрямь про то сыщется: и вамъ за то будетъ жестокое смиреніе, и всѣхъ головами отошлю къ государю, а онъ великій государь учинитъ вамъ указъ противъ вашего непослушанія и плутовства... А буде нашего указу не послушаетесь и станете въ оплошку ставить, отпишу къ Великому Государю, чтобъ и вамъ какого дворянина добраго послалъ надсматривать всякаго худа» [1]). Желая по крайней мѣрѣ въ Москвѣ окружить себя лучшимъ духовенствомъ, которое бы не противорѣчило его высокимъ пастырскимъ желаніямъ, онъ отрѣшалъ отъ мѣстъ старыхъ протопоповъ и поповъ, и на мѣста ихъ ставилъ новыхъ, по своему усмотрѣнію и выбору. Особенное, строгое вниманіе обратилъ онъ на выборъ ставленниковъ. Въ своей патріаршей области онъ началъ самъ лично и строго испытывать ставленниковъ. Въ то же время (около 1654 г.) онъ издалъ и разослалъ по епархіямъ «указъ о ставленникахъ, кому ставиться въ попы или въ діаконы, чтобы посадскіе люди, или въ волостѣхъ волостные люди приносили выборы и челобитье за руками; а выборы писали бъ, что онъ грамотѣ умѣлъ и смиренъ, и церковному правилу искусенъ, и отъ божественныхъ книгъ сказателенъ и не пьяница и не зерникъ, и не тать, и не разбойникъ и не душегубецъ, и креста на судѣ не цѣловалъ, и въ боярскомъ судѣ въ холопѣхъ и крестьянѣхъ не бывалъ, и женатъ первымъ бракомъ, по закону, на дѣвицѣ съ вѣнчаніемъ, а лѣты бъ былъ въ 30 лѣтъ, а дьяконъ въ 25 лѣтъ; да сверхъ того выбору, чтобъ того дьячка отецъ его духовный свидѣтельствовалъ, что онъ достоинъ священства» [2]). Таковы, по понятію Никона, нужны были на-

---

[1]) А. И. т. 4 № 178. Достоинъ замѣчанія выговоръ Никона властямъ иверскаго монастыря за пристрастный ихъ розыскъ, по дѣлу объ обидѣ иконника Артемья монастырскими крестьянами: „Вы пишете про своихъ лишь, писалъ къ нимъ Никонъ, а его (иконника Артемья) кто билъ, про то никакого сыску нѣтъ, а сами свидѣтельствуете, что битъ и гораздо битъ, а кто билъ того нѣтъ, кромѣ его распросныхъ рѣчей: а знамо то, мужики винноваты, зазвавъ въ гости, да стали подчивать, и несталъ пить и они его начали бить, а вы его жъ сковали безъ ума (Ак. И. IV, № 179).

[2]) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 331.

стыри для Русской церкви. И дѣйствительно Никонъ старался образовать такихъ пастырей. Для того онъ усердно изыскивалъ и умножалъ способы для распространенія духовнаго просвѣщенія. Онъ, можно сказать, первый послѣ препод. Максима Грека раскрылъ богатыя церковныя книгохранильницы наши и библіотеки и привелъ въ движеніе съ XVI вѣка почти совершенно остановившуюся въ великороссійской церкви церковно-письменную дѣятельность. «Егда богоизбранный и христолюбивый и премудрый сей великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ Московскій и всея Великія и Малыя Россіи», читаемъ въ предисловіи къ служебнику 1655 года, «воли Божіей и царскому и всего священнаго собора прошенію повинуся и на престолъ великія и святыя церкве возшедъ, не иныхъ мірскихъ богатыхъ касается разсмотрити, но яже надлежитъ пастыреви, яко же глаголетъ божественный апостолъ: подобаетъ епископу безъ порока быти, яко Божію строителю, пособствующу по вѣрнѣмъ словеси ученія, да силенъ будетъ утѣшити въ здравѣмъ ученіи и противящіяся обличати. И сія внушивъ, упразднися отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрити, и входя въ книгохранильницу, со многимъ трудомъ, многи дни въ разсмотрѣніи положи» [1]). По своему многообъемлющему уму и по своей обширной начитанности нашедши патріаршую книгохранильницу недостаточною для церкви русской, онъ обратился за церковными книгами къ первоначальному источнику нашего церковнаго просвѣщенія, къ церкви греческой. На востокъ посланъ былъ за книгами іеромонахъ Арсеній Сухановъ. И пріобрѣтеніемъ книгъ на востокѣ наша церковная письменность обогатилась множествомъ греческихъ рукопис. книгъ, писанныхъ на пергаменѣ и бумагѣ съ X до XVII вѣка. Въ то же время собраны были въ Москву древніе славянскіе переводы церковныхъ книгъ изъ новгородскихъ монастырей, изъ Кирилло-Бѣлоозерскаго, изъ Троицко-Сергіева, изъ Волоколамскаго, изъ казанскихъ и другихъ, всего изъ 39 монастырей [2]). Между церковными книгами собраны были также и книги необходимыя или полезныя для гражданскаго просвѣщенія Россіи. Никонъ не чуждался и этого [3]). Для изданія и распространенія книгъ, онъ приглашалъ въ Москву достойныхъ дѣятелей церковнаго просвѣщенія—ученыхъ иноковъ юга: на великороссійское духовенство онъ не полагался, потому что въ немъ даже между честными протопопами и архимандритами, по словамъ старца Арсенія Глухого, много было такихъ, «кои едва азбуцѣ умѣли и ничимъ же разнствовали отъ невѣжды и поселянина». Еще при патр. Іосифѣ, по вліянію Никона, какъ ближайшаго и просвѣщеннѣйшаго совѣтника и друга

[1]) Строева, опис. Царскаго, II, стр. 148, 149.

[2]) Снегирева, Памят. М. Др. И. стр. 179. Прежде всего указомъ патр. Никона отъ 11 Января 7161 (1553 г.) вытребована была опись книгамъ степенныхъ монастырей, на тотъ конецъ: „чтобы было вѣдено, гдѣ которыя книги взяты, книгъ печатнова дѣла исправленья ради". По этой описи значится этихъ книгъ 2673. Библіограф. статья—Ундольскаго.

[3]) Въ переписной книгѣ домовой казны п. Никона, въ библіотекѣ его описано болѣе 1000 томовъ, въ томъ числѣ много греческихъ и латинскихъ печатныхъ и письменныхъ, и на бумагѣ и на пергаменѣ.

царя Алексѣя Михайловича, приглашены въ Москву ученые иноки кіево-печерской лавры: Епифаній Славеницкій, мужъ, по тогдашнему времени, весьма ученый, хорошо знакомый съ греческою и латинскою словесностію, старцы Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій. Сдѣлавшись патріархомъ всероссійскимъ, Никонъ не переставалъ призывать просвѣщенныхъ иноковъ юга. Собравши так. обр. около себя просвѣщенныхъ иноковъ, преданныхъ его духовно-ученымъ стремленіямъ, патр. Никонъ устроялъ въ Москвѣ духовныя училища. По свидѣтельству Мейерберга онъ, для искорененія невѣжества, открылъ въ Москвѣ училища языковъ латинскаго и греческаго [1]). Патріаршее училище въ Чудовѣ монастырѣ, основанное прежде него, около 1633 года, — при попеченіи Никона получило новую жизнь и подкрѣпленіе. Главнымъ начальникомъ въ немъ патр. Никонъ сдѣлалъ Епифанія Славеницкаго. Въ то же время онъ поддерживалъ духовное училище св. Андрея, устроенное, по всей вѣроятности, по его же вліянію, другомъ его, бояриномъ Ѳ. М. Ртищевымъ, близъ Москвы. Вмѣстѣ съ симъ патр. Никонъ умножалъ и улучшалъ типографіи для изданія и распространенія духовныхъ книгъ по церквамъ. Такъ, еще будучи новгородскимъ митрополитомъ, онъ въ 1650 году завелъ типографію въ новгородскомъ Хутынѣ-монастырѣ. Потомъ, когда возведенъ былъ въ патріаршество, перевелъ изъ упраздненнаго тогда въ Бѣлоруссіи Оршанскаго кутеинскаго монастыря тамошнюю типографію въ Иверскій монастырь. Первая, напечатанная въ иверскомъ монастырѣ (въ 1658 г.) книга, былъ учебный часословъ; другая въ слѣдующемъ 1659 г., для назидательнаго чтенія — Стефана Святогорца: «мысленный рай», съ присовокупленіемъ исторіи объ основаніи иверскаго монастыря [2]). Но особенно Никонъ улучшилъ и возвысилъ московскую типографію, московскій печатный дворъ, этотъ, можно сказать, главный въ то время разсадникъ церковнаго просвѣщенія. Разсѣявъ невѣжественныхъ справщиковъ книгъ, собравшихся и составившихъ на печатномъ дворѣ при патр. Іосифѣ, по словамъ Игнатія, м. тобольскаго, злое сонмище, насѣявшее столько плевелъ въ нѣдрахъ русской церкви, патр. Никонъ образовалъ на московскомъ печатномъ дворѣ изъ ученыхъ иноковъ юга благонамѣренное и православно-ученое духовно-цензурное общество, подъ начальствомъ Епифанія Славеницкаго. Но Никонъ самъ непосредственно наблюдалъ за всѣмъ на печатномъ дворѣ и каждая книга и назначалась къ изданію и выходила въ свѣтъ по его непосредственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ патр. Никонъ,

[1]) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, изд. Аделуизомъ см. 251.

[2]) М. Евгенія, Словарь о духовн. писателяхъ, въ ст. Іоаннъ Ѳедоровъ, діаконъ гусситск. церкви въ Москвѣ, стр. 271, 272. Ист. Іер. гл. IV, стр. 246. По словамъ архим. Аполлоса, въ иверской типографіи напечатаны были сочиненія самаго Никона: „сказаніе о иверскомъ монастырѣ на св. Аѳонской горѣ и портянской иконѣ; окружное посланіе или поученіе къ духовнымъ и мірскимъ всякаго чина и состоянія людямъ; посланіе или окружная грамота о созданіи онежскаго крестнаго монастыря; канонъ молебенъ о соединеніи вѣры православныя и молебное пѣнія о умиреніи церкви св. восточныя. Аполл. стр. 22. Здѣсь же напечат. была въ 1661 г. псалтырь съ канонами, въ 1662 г. двѣ псалтири брачныя.

можно сказать, первый послѣ препод. Максима Грека ввелъ у насъ благонадежный способъ цензуры или рецензіи церковныхъ книгъ. Главный, существенный недостатокъ рецензіи церковныхъ книгъ, отъ котораго и происходили при прежнихъ патріархахъ неудачи исправленія книгъ, заключался именно въ томъ, что при исправленіи ограничивались однѣми только славянскими рукописями, и то не всегда древними, и весьма неисправными,—съ греческими же рукописями почти никогда не сличали славянскихъ. Патр. Никонъ понялъ, что исправить славянскія церковныя книги иначе и нельзя, какъ сличивши ихъ съ подлинными греческими книгами и съ древнѣйшими славянскими. По сему онъ ввелъ въ московскую типографію рецензію греческую и древле-славянскую. Наконецъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ усовершенствованіи патріарха Никона, именно возобновленіи въ великороссійской церкви живой, церковной проповѣди. До него на сѣверѣ не слышно было живой проповѣди. Еще въ первой половинѣ XVI вѣка Іовій писалъ, что Москвитяне не позволяютъ говорить въ церквахъ проповѣдей [1]). Потомъ въ началѣ XVII вѣка, около 1600 г., Маржеретъ тоже говорилъ, что «въ Россіи въ церквахъ никогда не проповѣдаютъ» [2]). Патр. Никонъ уничтожилъ этотъ обычай. Одаренный отъ природы силою и увлекательностію слова, обладая обширными познаніями священнаго писанія, церковной исторіи и св. отцевъ, п. Никонъ самъ по воскреснымъ днямъ и праздникамъ, при совершеніи божественной литургіи, всегда сказывалъ поученія, слушать которыя охотно стекались многіе, даже изъ самыхъ дальныхъ мѣстъ, и часто слушали со слезами [3]). Онъ благословилъ также произносить проповѣди и просвѣщеннаго Епифанія, и Епифаній произносилъ. Но разрѣшая сказывать проповѣди такимъ благонадежнымъ, просвѣщеннымъ людямъ, каковъ Епифаній, навыкшій къ сочиненію и сказыванію проповѣдей еще на югѣ, гдѣ въ это время была даже особая должность проповѣдника, п. Никонъ не довѣрялъ высокаго дѣла церковной проповѣди духовенству великороссійскому, которое въ то время было весьма мало образовано. Такъ, когда муромскій протопопъ Логинъ, а по примѣру его и другіе муромскіе священники стали говорить проповѣди, не представляя ихъ на разсмотрѣніе, патр. Никонъ запретилъ имъ это и строго наказалъ ихъ за самовольное проповѣданіе, и подтвердилъ въ церквахъ читать народу только поученія св. отцевъ, издревле переведенныя на славянскій языкъ, и нѣкоторыя до того времени уже напечатанныя особыми книгами подъ названіемъ Соборниковъ, Маргаритовъ, Бесѣдъ и проч. [4]).

---

[1]) Библіот. иностран. писат. о Россіи, кн. I, отд. IV, стр. 43. Герберштейнъ: Doctores, quos sequuntur, sunt: Basilius Magnus, Gregorius et Ioannes Chrisostomus: quem dicunt Slatausta, id est. aureum os. Concionatoribus carent. Satis esse putant interfuisse sacris, ac Evangelii, epistolarum, aliorumque doctorum verba, quae vernacula lingua sacrifiens, audivisse: ad hoc, quod varias opiniones ac haereses, quae ex concionibus plerumque oriuntur, sese effugere credunt etc. Ber. Mosc. Comment, p. 42. То же говорятъ и бывшіе въ Россіи въ первой половинѣ XVII в. иностранцы.

[2]) Сказан. соврем. Дим. самозв. III, стр. 26.

[3]) Шушеринъ, Чтен. моск. общ. истор. гл. III. № 5 „Никонъ".

[4]) Логинъ въ словарѣ м. Евгенія.

Такія исправленія и измѣненія совершалъ въ церкви Никонъ въ то время, когда въ большей части духовенства и почти во всемъ народѣ русскомъ господствовало глубокое предубѣжденіе противъ всякаго рода преобразованій и нововведеній, тѣмъ болѣе противъ нововведеній и исправленій въ церкви. Большая часть духовенства убѣждена была, что церковная старина русская ни въ чемъ непогрѣшима и неизмѣнна, «не точію въ вѣрѣ но ни въ малѣйшей, чертицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единаго слова не должно, и что православнымъ должно умирать за едину букву азъ». Самъ престарѣлый патр. Іосифъ былъ ревностный приверженецъ и защитникъ старины. Такъ ему весьма не нравилось, когда Никонъ, будучи еще митрополитомъ въ Новгородѣ, началъ вводить въ тамошнихъ церквахъ партесное пѣніе и внятное, раздѣльное чтеніе, и, часто пріѣзжая въ Москву, всякій разъ служилъ въ придворной церкви, въ присутствіи самого государя, съ своими новыми, кіевскими пѣвчими и по новому порядку пѣнія и чтенія. «На сіе (превеліе прилежаніе Никона до пѣнія и добраго порядка) благочестивый царь зря», говоритъ жизнеописатель Никона, «и нача онъ великій государь о единогласномъ и нарѣчномъ пѣніи въ церквахъ прилежати и учрежденіе творити, ему же въ семъ благоначинаемомъ дѣлѣ великій помощникъ и поборникъ бысть преосвященный Никонъ митрополитъ, а святѣйшій Іосифъ, патр. Московскій за обыкновеніе тому доброму порядку прекословіе творяше, и никако же хотѣ оное древнее неблагочиніе премѣнити» [1]). Престарѣлый патріархъ высказывалъ свое неудовольствіе даже въ слухъ своихъ приверженцевъ—протопоповъ и поповъ, которымъ онъ вполнѣ ввѣрилъ книгопечатный дворъ. Такимъ образомъ эти неблагомыслящіе и неблагонамѣренные протопопы и попы, неблагопріятными отзывами патр. Іосифа о церковныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ Никона еще болѣе и заранѣе предубѣждены были противъ послѣдняго и противъ тѣхъ исправленій и усовершеній, какія Никонъ долженъ былъ ввести въ русской церкви. Потому они заранѣе, еще при патр. Іосифѣ, стали предостерегать народъ отъ всякихъ перемѣнъ и нововведеній въ церкви. Это предубѣжденіе противъ всякихъ церковныхъ исправленій еще болѣе усиливалось тѣмъ, что послѣ смутъ Уніи и самозванства у насъ особенно опасались отпаденія отъ древне-церковнаго православія и вторженія въ церковь русскую латинства, папства. А суевѣры, кромѣ того, какъ-бы смутно, инстинктивно предчувствуя по духу времени приближеніе эпохи совершеннаго преобразованія Россіи,—ждали еще скораго наступленія царства антихристова. Это безотчетное, суевѣрное опасеніе породили частію религіозныя волненія въ Малороссіи во время Уніи и усилившіяся въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка покушенія папы обратить и Великороссію къ католицизму, частію страшныя смуты и потрясенія въ Великороссіи во время самозванства и междуцарствія и почти постоянныя войны съ Польшею и Швеціею, частію умноженіе на сѣверѣ Россіи выходцевъ изъ Польши, Литвы, Швеціи и другихъ западныхъ

[1]) Шумаринъ въ житіи Никона.

странъ и распространеніе вѣрованій и обычаевъ латинскихъ, лютерскихъ и кальвинскихъ. Легкомысленные, неразсудительные русскіе люди видѣли въ этомъ послѣднія времена, признакъ паденія древне-русской православной вѣры и скораго пришествія антихриста. Въ сборникахъ того времени [1]) помѣщались и распространялись статьи объ антихристѣ, гдѣ по апокалипсису вычислялось время пришествія антихриста, и время это, по недальновидному счету суевѣровъ, падало именно на то время, когда должны были начаться въ церкви русской и въ русскомъ государствѣ исправленія. Въ книгѣ о вѣрѣ, напечатанной при патр. Іосифѣ, книжники русскіе читали такое предостереженіе: «по тысящѣ лѣтъ отъ воплощенія Сына Божія Римъ отпаде отъ восточныя церкве; въ 595 лѣто по тысящѣ жителіе Малой Россіи къ римскому костелу приступили. Се второе оторваніе христіанъ отъ церкве. Оберегая сіе пишемъ: егда исполнится 1666 лѣтъ, да чтобы отъ прежнихъ винъ зло нѣкако и намъ не пострадати». Еще до патріаршества Никона и до исправленія имъ книгъ пущена была въ народъ какая-то книга «Орелъ отъ ездриныхъ книгъ, «въ ней же, по словамъ суевѣровъ, писано явно, при которомъ царѣ и патріархѣ превращена будетъ вѣра въ Москвѣ» [2]). Во время самыхъ исправленій патр. Никона суевѣры распространяли разные толки и лжемистическія вычисленія по апокалипсису, дѣлали напр. такія вычисленія: «5733 Христосъ нашего ради спасенія во адъ сошедъ и связа сатану на тысящу лѣтъ и какъ минуло 1733, тогда пущенъ бысть, и тому 837, съ нынѣшнимъ 167, а егда исполнится отъ развѣзанія 666. (не гли) тогда явится власть сына погибели, иже апокалипсисъ указуетъ» [3]). Въ то время, какъ одни предубѣждены были противъ исправленій Никона, съ ложно-религіозной точки зрѣнія, находя ихъ противными древне-церковной православной русской старинѣ, другимъ, особенно духовенству, весьма не нравились исправленія и нововведенія Никона съ практической точки зрѣнія, потому что полагали предѣлъ своеволію, безпечности, и грубому невѣжеству большей части духовенства, привыкшаго въ безпорядкахъ церковныхъ жить по своей волѣ. Въ этомъ отношеніи большая часть духовенства вообще тяготилась образомъ управленія патріарха Никона. Потому что управленіе его по строгости въ отношеніи къ духовенству рѣзко отличалось отъ управленія предшествовавшихъ патріарховъ, особенно патр. Іосифа, также какъ строгій характеръ Никона рѣзко отличался отъ характера прочихъ патріарховъ. Предшествовавшіе патріархи, хотя и сознавали необходимость нравственнаго исправленія духовенства, но никто изъ нихъ не приступалъ рѣшительно, энергически къ самому дѣлу исправленія. Они иногда даже болѣе поблажали духовенству. Такъ одинъ современникъ [4]) говоритъ о патріархѣ Филаретѣ: «болярь же и всякаго сана царскаго синклита зѣло томяше частыми не-

[1]) См. напр. Строева опис. рукоп. Царскаго, по указат. подъ словомъ „антихристъ". Факты на эту мысль будутъ приведены въ другомъ мѣстѣ настоящаго объясненія.

[2]) Письма Нероссова—ркп. библ. Казан. Дух. Академіи.

[3]) Опис. Русск. Муз. стр. 550.

[4]) Въ Хронографѣ митропол. Пахомія 1639 г.

обратными и инѣми наказанми: къ духовному же сану милостивъ былъ». А о патр. Іосифѣ, митроп. тобольскій Игнатій прямо говоритъ, что ему «ввѣрились окружавшіе его протопопы и попы, и самъ онъ ничто же печашеся». Между тѣмъ большая часть духовенства привыкла жить по своей волѣ, бродить съ мѣста на мѣсто, безнаказанно нарушать порядокъ и чинъ церковный: акты XVII вѣка исполнены жалобъ на это. Кромѣ того не малая часть духовенства, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ нашего сочиненія, обнаруживала даже явный духъ противленія и самоуправства и даже явное стремленіе освободиться отъ власти и суда архіерейскаго. Въ XVII вѣкѣ, предъ временемъ раскола, неоднократно случалось, что низшее духовенство иногда цѣлой области или нѣскольких уѣздовъ не хотѣло подчиняться своему архіерею, усиливалось освободиться не только отъ уплаты законныхъ пошлинъ, но и отъ суда митрополичьяго или епископскаго. А иногда являлись, еще до раскола, такіе священники, которые проникнуты были уже явно раскольническимъ духомъ непокорности и самоуправства, питали «гордость—высокую мысль» и презирали архіерейское благословеніе [1]). При такомъ нравственномъ направленіи и самоуправствѣ духовенства, послѣ слабаго надзора за нимъ при предшествовавшихъ Никону патріархахъ, особенно послѣ большой поблажки патр. Іосифа сильной сторонѣ духовенства окружавшаго престарѣлаго святителя, понятно, какъ тяжкимъ казалось необыкновенно—строгое управленіе п. Никона, строгій, внимательный надзоръ его за нравственностію духовенства, строгія, рѣшительныя мѣры его для обузданія своеволія и неблагопристойной жизни духовныхъ. Глубоко проникнутый сознаніемъ высокаго достоинства и значенія патріаршей власти и своего назначенія, имѣя строгій, высоконравственный характеръ, Никонъ не могъ терпѣть грубыхъ пороковъ духовенства, сильно раздражался, когда узнавалъ о проступкѣ какого либо духовнаго лица: «нетерпѣливъ я, не могу терпѣть того, что противно Господу», — такъ сознавался онъ самъ [2]), и потому, при вспыльчивомъ сердцѣ и высоконравственномъ, твердомъ до суровости и непреклонности, характерѣ, иногда въ самомъ дѣлѣ былъ уже слишкомъ строгъ, тяжелъ для духовенства: казался ему вторымъ папою. Это возбуждало въ духовенствѣ страхъ и ропотъ. Имя Никона было грозно, и для многихъ ненавистно. Духовные, подвергавшіеся справедливой строгости его, съ злобой говорили другъ другу: «знаете ли кто Никонъ: звѣрь ли лютой, или левъ, или волкъ». Множество было недовольныхъ въ духовенствѣ строгимъ управленіемъ Никона и желавшихъ свергнуть его. Озлоблены были на него тѣ протопопы и попы, которыхъ онъ отрѣшилъ отъ мѣстъ, и на мѣста которыхъ поставилъ новыхъ. Недовольны были, конечно, и многіе изъ ставленниковъ, потому что Никонъ самъ лично и весьма строго испытывалъ ихъ и недостойныхъ не посвящалъ въ священный санъ. Ненавидѣли Никона и тѣ изъ духовенства, которые строго наказаны были имъ за свои

[1]) См. напр. А. А. Э. т. 3. № 198. № 123. А. И. т. 5. № 75.

[2]) Главинихъ объ немъ говоритъ: Homo vates et a natura callidi ingenii. Прим. 150 въ Аделунговомъ издан. Мейерберга.

проступки и пороки, заключаемы были въ тюрьмы въ цѣпяхъ и колодкахъ, или сосланы въ монастыри на смиреніе и въ заточеніе. Особенно весьма многихъ соблазняла свобода духа, съ какою Никонъ измѣнялъ, уничтожалъ старые суевѣрные обычаи и вводилъ новые, разумно-благочестивые: за это, по словамъ Мейерберга, всѣ ненавидѣли, всѣ желали изгнанія его [1]). Но всѣхъ болѣе озлоблена была на него самая сильная сторона низшаго духовенства, тѣ протопопы и попы, которые, еще при патріархѣ Іосифѣ, какъ мы видѣли, предубѣждены были противъ него, и теперь еще больше озлоблены были на него за то, что онъ съ безчестіемъ согналъ съ книгопечатнаго двора, строго наказалъ за распространеніе въ Россіи раскольническихъ мнѣній и вмѣсто ихъ поставилъ просвѣщенныхъ иноковъ кіевскихъ и старца Арсенія Грека.

При такомъ настроеніи умовъ, при этомъ почти общемъ недовольствѣ духовенства управленіемъ Никона и предварительномъ, фанатически-суевѣрномъ предубѣжденіи почти всего народа противъ церковныхъ исправленій, еще болѣе усиленномъ и распространенномъ неблагонамѣренными справщиками, слѣдовало только возстать кому-либо изъ недовольныхъ Никономъ въ духовенствѣ или въ народѣ,—и расколъ неминуемо долженъ былъ возникнуть. И вотъ прежде всѣхъ возстала сильная сторона низшаго духовенства -- извѣстные уже намъ протопопы и попы, которые ближе всѣхъ стояли къ Никону и прежде всѣхъ испытали на себѣ справедливую строгость его патріаршей власти. За ними возстали многіе изъ низшаго духовенства, сначала въ Москвѣ, а потомъ и по разнымъ городамъ и селамъ. «Мнози отъ священнаго чина, по словамъ историографа раскольническаго Денисова, явственно воспротивишася Никону въ новоперемѣнахъ» [2]). Изъ исторіи первоначальнаго распространенія раскола примѣчаемъ, что почти вездѣ первые, главные расколоначальники были изъ духовенства,— протопопы, попы, архимандриты и простые иноки. За духовенствомъ уже возставалъ народъ. «Имъ же возбужденный и того ради ихъ (первыхъ расколоначальниковъ - протопоповъ) лжесловія», говорили отцы собора 1667 года, «священницы вознерадѣша о всякомъ церковномъ благочестіи и благочиніи, и книгъ новопечатныхъ, яже печаташася при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ и послѣ его отшествія, начаша гнушатися... И таковаго ради священническаго многаго невѣжества и нерадѣнія о врученнѣмъ Христовѣ стадѣ и неприлежанія дѣлъ и непопеченія о церковномъ всякомъ благочиніи и растлѣннаго ради и безчиннаго и запойственнаго житія, мнози христіане отлучишася церковнаго входа и молитвы; могущіи же по

---

[1]) „Народу сказали (враги его), говоритъ Мейербергъ, что введеніемъ во вновь учрежденныхъ имъ школахъ ученія греческаго и латинскаго языковъ, измѣненіемъ разныхъ церковныхъ обрядовъ, строгостію, съ какою возставалъ противъ разныхъ обычаевъ народа и многими другими новизнами онъ старается потрясти православную вѣру. Сими способами умѣли навлечь на него всеобщее негодованіе". Мейерб. въ изд. Аделунга, въ рус. перев. стр. 251. Suspiciosis Moschovitarum animis et priscae consuetudinis tenacibus haud obscura conceptae in religionis dogmatibus innovationis indicia cumulaverat. 16. прим. 151.

[2]) Виноградъ Россійскій.

домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ, безъ благословенія и безъ свидѣтельства архіерейскаго, иніи же изъ тѣхъ священниковъ мнози не патріарши области, но иныхъ епархій, и мнози подъ запрещенными и изверженными оставльше своего архіерея, служатъ по домамъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, угождающе непокорникомъ святыя восточныя церкве и нехотяще слушати въ церквахъ пѣнія» [1]). «Не мы сами разлученіе отъ церкви содѣяхомъ», говоритъ исторіографъ раскольническій Денисовъ, «но преосвященный епископъ Павелъ коломенскій, соборъ отцовъ соловецкія обители, священніи протопопы, пресвитеры и прочіи церковнаго причта, пустынніи иноцы и прочіе многочисленніи крестіане россійскаго царствія, бывшіи во времена Никона, патріарха московскаго, иже въ древлецерковномъ благочестіи устоявшіи».

Что же особенно взволновало духовенство и народъ, какой первоначальный источникъ раскола, и почему прежде всего возстало духовенство? Вслушиваясь терпѣливо, безпристрастно въ признанія самыхъ первыхъ расколоначальниковъ, въ ихъ протесты и жалобы, мы находимъ, что первоначально два главныхъ начала руководили оппозиціей возставшаго противъ патр. Никона духовенства и народа. Первую причину, подвигнувшую къ возстанію собственно духовенство, со всею ясностію раскрылъ одинъ изъ главныхъ расколоначальниковъ, протопопъ Нероновъ. Въ 1654 году онъ писалъ въ письмѣ къ царскому духовнику, протопопу Стефану Вонифатьеву, «своему союзнику», какъ онъ называетъ его, отъ лица своей братіи, прочихъ протопоповъ и поповъ,—своихъ единомышленниковъ: «нѣсть наша брань къ плоти и крови, вѣсть вседержитель, владыка Христосъ, но азъ облазнихся и братія, т. е. прочіе протопопы и попы, о патріархѣ: не вѣры бо отпадохъ, но облазнихся, яко патріархъ мучительскій санъ на ся воспріятъ, и братію церковныя уды мучитъ, поруганія надъ ними творитъ, овыхъ убо остриже, овыхъ прокля... Разсмотри добрѣ, превожделѣнне, себе ли ради то творю? Не буди то: но церкви ради и братіи, и въ лѣпоту ти къ подвигу мя поощряти. А еже намъ быти у него, патріарха, въ послушаніи и безъ разсужденія не прекословити ни въ чемъ, самое беззаконное се дѣло... А ежереклъ еси, яко Никонъ патріархъ ожидаетъ отъ насъ прощенія и истиннаго покаянія, долженъ убо самъ той просити отъ насъ прощенія. А еже реклъ еси, о возлюбленне, яко Царь Государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу, не буди ему Государю тако мудрствовати». Потомъ, по возвращеніи изъ заточенія въ Москву, протопопъ Нероновъ еще яснѣе объяснилъ лично самому патріарху Никону эту же причину своего возстанія: «со вселенскими патріархами», говорилъ онъ Никону, «нѣсмь противенъ, яко же глаголеши ты; но тебѣ единому непокоряюся... мы тебѣ противны въ церковныхъ вещѣхъ. Патріархи тебѣ писали, что креститися тремя перстами подобаетъ, непокорящихся же подъ клятвою и запрещеніемъ устроити заповѣдаша: аще ты съ ними соглашался, азъ сему не противенъ; азъ убо подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быти не хощу: да кая тебѣ честь, владыко святый, что всякому еси стра-

[1]) Дополн. къ А. Ист. т. 5, стр. 459, 460.

шенъ, и другъ другу грозя глаголютъ: знаете ли кто ты, звѣрь ли лютой, левъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюся: государевы-царевы власти уже не слышать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники паче царевыхъ всѣмъ страшны, и никто же съ ними смѣетъ глаголати что; аще силою тѣ озлобляеми кѣмъ, затвержено у нихъ: знаете ли патріарха? Не знаю, который образъ или званіе пріялъ еси. Такъ ты и черниговскаго протопопа Михаила проклялъ дерзостно, и скуфью съ него снялъ за то, что онъ въ книгѣ Кирилла іерусалимскаго не дѣломъ положимъ въ двоестрочіи, что христіанамъ мученія не будетъ». Въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, писанномъ изъ заточенія въ 1654 г., Нероновъ также прямо высказываетъ, что онъ стоитъ за свою братію -- наказанныхъ Никономъ виновныхъ протопоповъ и поповъ, ратуетъ противъ того, что напр. Никонъ слишкомъ строго судитъ и наказываетъ духовенство. Но особенно ясно выразился духъ возстанія, оппозиціи первыхъ расколоначальниковъ духовныхъ противъ п. Никона на соборѣ, созванномъ Никономъ въ 1653 или 1654 году, въ патріаршей крестовой палатѣ, изъ низшихъ духовныхъ властей—архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, по случаю суда надъ муромскимъ протопопомъ Логиномъ, вслѣдствіе доноса на него муромскаго воеводы. Здѣсь протопопъ Нероновъ и другіе его товарищи горячо заступались за Логина и сильно, даже грубо упрекали Никона за то, что онъ слушалъ всѣ доносы на духовенство. Никонъ, какъ передаетъ Нероновъ, предъ лицемъ собора, сказалъ: «я, кромѣ Евангелія, ни почему не сужу». А протопопъ Нероновъ возразилъ ему: «во святомъ Евангеліи написано: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, а тебѣ кто и добра хощетъ, а ты тѣхъ ненавидишь; а кто тебѣ огласитъ кого, хотя за пять сотъ верстъ, или за тысячу, и ты вѣру имешь, послушавъ клеветы: такъ де они дѣлаютъ, такіе де нечестивые, а Стефанъ де протопопъ и Іоаннъ имъ ворамъ потакаютъ. Ты развѣ тамъ самъ былъ, своими очами видѣлъ, что такъ извѣщаешь на соборѣ». Патріархъ на этотъ дерскій упрекъ отвѣчалъ: «я сужу по правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ». Протопопъ Нероновъ возразилъ: «въ правилахъ написано: клеветникамъ вѣры не яти, а сыскавъ истинными свидѣтелями клеветниковъ, наказанье чинити имъ безъ пощаденія. А тебѣ клеветники въ явѣ клевещутъ на добрыхъ людей, а ты имъ вѣру имешь. Вотъ въ то время былъ крестовый протодіяконъ Григорій съ своими совѣтниками, Божій страхъ забывъ, многими укоризнами меня укорялъ, будто жена моя неистова, а сынъ мой будто у чудотворнаго образа казанскія Богородицы серьги укралъ, а тѣ де серьги прикладъ государыни царицы, и ты говоришь: такіе де вы воры. Такіе у тебя нынѣ въ крестовой палатѣ на соборѣ совѣтники». Возставая противъ того, что п. Никонъ слушалъ всякіе доносы о худыхъ поступкахъ духовенства и окружилъ себя особыми надзорщиками надъ его поведеніемъ, Нероновъ возставалъ также и противъ того, что строгій патріархъ отрѣшалъ отъ мѣстъ и почетныхъ должностей прежнихъ протопоповъ и поповъ, и на мѣста ихъ ставилъ новыхъ, и что онъ не уважалъ голоса московскихъ протопоповъ и поповъ, а слушалъ совѣты «чужестранныхъ», какъ онъ выражается, т. е. кіевскихъ иноковъ и Арсенія Грека. Здѣсь высказывается личное оскорбленное самолюбіе

Неронова и его братіи—единомышленниковъ, бывшихъ до того великоименитыми московскими протопопами и занимавшихъ почетныя въ то время должности справщиковъ книгъ на печатномъ дворѣ. «Прежде сего»,—выговаривалъ онъ лично самому Никону,—»ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ, и любезно о всякомъ дѣлѣ совѣтовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, въ архимандритахъ и въ митрополитахъ, а которые боголюбцы посланы государемъ блаженныя памяти къ патр. Іосифу, чтобы ему поставити по его государеву совѣту, овыхъ въ митрополиты и въ архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, игумены и протопопы, а съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ ты тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прекословилъ нигдѣ, и на поставленіи ихъ не говорилъ: анаксіосъ, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали, и протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а друзей его раззоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь: до селѣ ты другъ намъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ. А коихъ ты раззорилъ, на ихъ мѣсто построилъ иныхъ; а коихъ ты отставилъ, вины на нихъ положилъ, что они людей мучатъ, «такъ де ненадобно дѣлать», говоришь. Властемъ зазираешь, а самъ безпрестанно мучишь, потому что государь тебѣ волю далъ». Заступаясь такъ открыто, ясно за братію—отрѣшенныхъ отъ книгопечатнаго двора справщиковъ и вообще за вольность всего низшаго духовенства, Нероновъ, также какъ и прочіе товарищи его, возставалъ въ тоже время противъ новыхъ замѣнившихъ ихъ ученыхъ сотрудниковъ Никона—кіевскихъ иноковъ и ученаго Грека Арсенія. «Ты хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи тѣхъ пріемлешь», говорилъ онъ Никону: «нынѣ у тебя то и святые люди: Гречане и изъ малыя Русіи и порочный Арсеній Грекъ, котораго благочестивый царь сослалъ въ соловецкій монастырь, совѣтовавъ съ бывшимъ прежде тебя патр. Іосифомъ, а ты его взялъ изъ соловецкаго монастыря и устроилъ того, яко учителя, паче же къ тисненію печатному правителя». Напрасно Никонъ говорилъ ему въ защиту просвѣщеннаго старца Арсенія Грека, что на него несправедливо наклеветалъ по ненависти старецъ Арсеній Сухановъ. Неронову досадно было видѣть на прежнемъ своемъ мѣстѣ и на мѣстахъ своихъ товарищей, великороссійскихъ протопоповъ, Арсенія Грека и кіевскихъ иноковъ. Онъ жаловался царю: «нынѣ онъ, Арсеній Грекъ, взятъ къ Москвѣ и живетъ у п. Никона въ келліи, да и Никонъ его свидѣтеля врага поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. чудотворцевъ свидѣтельство отмѣняетъ. Охъ, увы! благочестивый царю! Стани добрѣ, церковное чадо, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И паки молимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай: зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія на лицѣ истиннаго вообразити не хотятъ и сложенію перстовъ блядословно противятся, на колѣни же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ». Точно также и протопопъ Аввакумъ и Ѳеодоръ дьяконъ протестовали противъ Арсенія Грека и кіевскихъ иноковъ, досадуя на то, что Никонъ предпочелъ послѣднихъ имъ. И такъ изъ всѣхъ

этихъ жалобъ и протестовъ первыхъ расколоначальниковъ ясно открывается та печальная, но строгая, безпристрастная историческая истина, что первоначально, при Никонѣ, расколъ возникъ въ духовенствѣ изъ чисто духовно-демократическаго начала, изъ стремленія весьма значительной части низшаго духовенства освободиться главнымъ образомъ изъ подъ власти, суда и управленія, по ихъ мнѣнію слишкомъ строгаго п. Никона, казавшагося низшему духовенству вторымъ папою. Вотъ почему коренной, основной принципъ раскола и особенно его первоначальной проповѣди по городамъ и селамъ составляетъ ненависть къ п. Никону. Духовный клерикальный или религіозный демократизмъ—вотъ первая ближайшая, первоначальная причина происхожденія раскола именно отъ низшаго духовенства.

Другая причина, почему не только духовенство, но и народъ такъ фанатически взволновался и возсталъ противъ новаго церковнаго порядка, введеннаго Никономъ, заключается главнымъ образомъ въ томъ религіозномъ направленіи умовъ и понятій вѣка, которое мы выше показали. Именно—въ томъ мистико-религіозномъ заблужденіи, что реформа Никона есть начало давно ожидаемаго отпаденія великороссійской церкви, въ слѣдъ за Малороссіею и древнимъ Римомъ, отъ православія къ латинству, къ этому, по убѣжденію русскихъ XVI и XVII вѣковъ, антихристову ученію, начало того самаго отпаденія, какое предсказано было въ книгѣ о вѣрѣ, и которое, по лже-апокалипсическимъ вычисленіямъ книжниковъ того вѣка, падало на время между 1660 и 1666 годами. Что именно это ложно-религіозное, суевѣрно-мистическое мнѣніе вѣка главнымъ образомъ воодушевляло первоначально суевѣрный народъ къ возстанію, это опять также видно изъ всѣхъ возгласовъ и фанатическихъ воплей первыхъ раскольниковъ. «Вся сія быша», вопіяли они всѣ единогласно, повторяя одно и тоже, «да сбудется писаніе, яко по тысящѣ лѣтъ Римъ отпаде, яко же книга о вѣрѣ глаголетъ, и по 600 лѣтѣхъ малая Русь отступи къ Риму, а по 60 лѣтѣхъ и великая Русь превратися въ разная нечестія и пестроты многи» [1]). «Никонъ, кричали изувѣры, совершенно остави вѣру христіанскую и возлюби ересь бого-отметную римскую и равенъ есть патріархъ съ папою Петромъ Гугнивымъ еретикомъ, яко христоименитую вѣру во всемъ съ латыною соедини, и явный есть христіанъ гонитель и папежскій ревнитель» [2]). Одно за другимъ появлялись сочиненія объ антихристѣ и прилагались къ Никону и его великимъ дѣламъ, такъ какъ и папу называли антихристомъ, а слугъ и проповѣдниковъ его—проповѣдниками

---

[1]) Собр. соч. и писемъ первыхъ расколонач. ркп. Каз. Д. Акад.

[2]) Допол. къ Акт. истор. V, стр. 449. Въ одной новой повѣсти о Никонѣ тоже утверждается, что онъ „едино точію въ разумѣ имѣлъ—древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное римское нечестіе утвердити“. Эта мысль общая въ расколѣ. Ее развивали Аввакумъ, Денисовъ и другіе расколоучители. Въ книгѣ Собраніе отъ св. писанія сказано: „послѣднее отступленіе третіяго Рима при Никонѣ воздвижеся: тѣмъ же отъ того времени и прореченный антихристъ, отступленіе нареченный, послѣдній уже временствуетъ“. Истинно-древняя и истинно-православная церковь Христова. Изд. 3. ч. II, стр. 3.

антихристовыми [1]). Это-то ложное, мистико-фанатическое воззрѣніе на исправленія Никона, какъ на уклоненіе въ латинство, какъ на новшество римское, антихристіанское, проистекшее единственно отъ непониманія православнаго духа реформы Никона и отъ незнанія латинства, отъ той безотчетной, фанатической ненависти къ латинству, какая развилась въ вѣковой съ нимъ борьбѣ, и сбило съ толку народъ и взволновало, возмутило его религіозное чувство, не просвѣщенное разумнымъ христіанскимъ сознаніемъ, «зане», какъ говорили отцы собора 1667 года, «отъ многихъ отъ народа вниде мнѣніе, яко ересьмы многими и антихристовою скверною осквернены церкви и чины и таинства, и послѣдованія церковныя» [2]). Сбившіеся съ пути здравомыслія суевѣры, утвердившись въ томъ мистико-фанатическомъ убѣжденіи, что исправленія Никона суть уклоненіе отъ православія въ латинство, суть новшество антихристіанское, отсюда начали развивать всю систему раскола и раскольническаго ученія объ антихристѣ, и терялись въ мистико-фантастическихъ гаданіяхъ о послѣдующихъ временахъ русской церкви. Другъ друга съ недоумѣніемъ спрашивали, другъ другу писали о духѣ новаго времени, о имѣющихъ быть большихъ перемѣнахъ въ русской церкви и русскомъ государствѣ. «Вотъ до меня доходятъ слухи», такъ писалъ напр. одинъ суевѣръ изъ числа первыхъ раскольниковъ къ расколоначальнику Неронову въ 1653 или 1654 годахъ,—«что скоро будутъ еще нѣкоторые новые раздоры: мнѣ кажется, что сбудется то, что предсказано въ книгѣ о вѣрѣ, въ которой пишется о отпаденіи запада и объ отступленіи Унитовъ отъ св. восточной церкви къ западному костелу, по числу лѣтъ антихристовыхъ: ибо въ этой книгѣ повелѣно и намъ опасаться того же, кода исполнится отъ воплощенія Сына Божія 1666 лѣтъ. Вотъ это число лѣтъ нынѣ исполняется, а раздоры, какіе предсказаны въ упомянутой книгѣ, вводятся» [3]). Этотъ образъ мыслей проникаетъ рѣшительно всѣ раскольническія сочиненія, начиная отъ Аввакума и до позднѣйшаго времени. Отсюда развивалось то мистико-фанатическое направленіе раскола, тотъ ложно-православный мистико-апокалипсическій образъ мыслей, который съ этого времени, какъ сейчасъ увидимъ, будетъ исходнымъ пунктомъ, оболочкой всего раскольническаго ученія и раскольнической оппозиціи, и который доселѣ проникаетъ расколъ. — Такимъ образомъ религіозный, клерикальный демократизмъ низшаго духовенства и суевѣрный, ложно-апокалипсическій взглядъ на исправленія Никона, какъ на давно предсказанное уклоненіе церкви русской отъ ея древняго православія къ латинству — вотъ два новые основные элемента, выразившіеся въ расколѣ при п. Никонѣ, подъ формой религіозно-обрядовой секты.

3. Но возникши первоначально въ сферѣ религіозной, церковной, расколъ, однакожъ, не остановился на этомъ; потому что духъ времени

[1]) Такъ діаконъ Ѳеодоръ разсылалъ посланія о правой вѣрѣ и объ антихристѣ; монахъ Ѳеоктистъ сочинилъ слово объ антихристѣ.

[2]) Дополн. къ А. И. т. V, стр. 460.

[3]) Письмо одного изъ первыхъ раскольниковъ къ Неронову — въ ркп. Каз. Д. Академіи.

заключалъ въ себѣ много элементовъ для дальнѣйшаго развитія и усиленія его. Вскорѣ послѣ паденія Никона, въ то-же царствованіе Алексѣя Михайловича, особенно съ 1666 года, этого роковаго года, по мистико-апокалипсическимъ понятіямъ суевѣрныхъ русскихъ людей XVII вѣка, расколъ перешелъ въ сферу гражданской, народной жизни, и здѣсь получилъ новую жизнь, силу и направленіе, и принялъ характеръ уже не просто духовно-демократическій и мистико-фанатическій, какой принялъ онъ съ самаго начала при патр. Никонѣ, но уже чисто народно-гражданскій. Послѣ рокового 1666 года, когда на великомъ патріаршемъ соборѣ московскомъ окончательно довершено и утверждено было великое дѣло Никона, начались народные гражданскіе бунты, подъ знаменемъ раскола. Съ этого времени расколоначальники подняли свой мятежный голосъ уже не противъ одного напр. Никона, но и противъ царя Алексѣя Михайловича. И сами раскольническіе писатели съ этого времени полагаютъ вторую, такъ сказать, эпоху въ исторіи раскола. «Отъ лѣтъ по числу 1666-му, говорятъ они, конецъ пріяша пророчествія: егда по тысящи лѣтъ развязанъ бысть сатана отъ темницы своея, нападе на великую монархію Римскую, и поколеба и разруши оныя седмистолпныя утвержденія; и паки на вторый Римъ пріиде въ 1600 году, а въ 66 лѣто и Русія тому же паденію поревновала, и тако исполнися число звѣря 1666 лѣтъ: царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православныя вѣры, и всю церковь Божію отъ всего благолѣпія обнажи и бысть вмѣсто владыки мучитель». Сбившись однажды съ прямого историческаго, истинно-церковнаго пути, утвердившись въ томъ ложномъ мистико-фантастическомъ убѣжденіи, что новый духъ времени, характеризующійся стремленіемъ церковнаго и гражданскаго правительства къ исправленію и улучшенію внутренней жизни Россіи, ознаменовавшійся въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича рѣшительными, церковными исправленіями Никона, утвердившись, говоримъ, въ той ложной мысли, что этотъ новый духъ времени есть духъ не православно-христіанскій, латинскій, антихристіанскій, отсталые, суевѣрные поборники стараго духа времени, и во всемъ дальнѣйшемъ развитіи, усиленіи и проявленіи новаго, преобразовательнаго духа времени видѣли дальнѣйшее развитіе, усиленіе и проявленіе духа антихристіанскаго, латинскаго, противо-церковнаго. И такимъ образомъ все съ большимъ и большимъ фанатизмомъ усиливались и возставали уже не только противъ церкви, но и противъ государства, и не противъ однихъ церковныхъ исправленій Никона, но и противъ гражданскихъ преобразованій и нововведеній. Первыя сѣмена такого направленія раскола положены были также самими первыми расколоначальниками, главными, передовыми зачинщиками многосложной оппозиціи, поднятой расколомъ. Главный расколоучитель протопопъ Аввакумъ съ горестію восклицалъ: «охъ, бѣдная Русь, чего-то тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступокъ». Въ сочиненіи «о паденіи благочестія» онъ вопіетъ противъ ереси и уклоненія отъ древняго благочестія и обличаетъ ее словами священ. писанія: «почти себѣ, говоритъ онъ, пророка Софонію, третію главу: онъ тебѣ возвѣститъ, что случится отъ Бога измѣняющимъ ризы». Въ отвѣт-

номъ посланіи къ Андрею Плещееву онъ возстанетъ противъ иностранныхъ, латинскихъ и греческихъ книгъ, какія пріобрѣлъ Никонъ для расширенія круга духовнаго просвѣщенія въ Россіи, и какія переводимы были въ царствованіе Алексѣя Михайловича для гражданскаго образованія. «Нынѣ, жалуется онъ, расколы творятъ книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ, прочее умолчу до времени». Ѳеодоръ дьяконъ въ «посланіи отъ заточенія о нуждахъ надлежащихъ ко спасенію» также оплакиваетъ конецъ древней Россіи, въ предчувствіи приближавшагося преобразованія Россіи Петромъ Великимъ и его преемниками: «иного отступленія, говоритъ онъ, уже не будетъ: везде бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходити будетъ царьми неблагочестивыми». «О прелесте», восклицаетъ онъ въ «отвѣтномъ посланіи по вопрошенію къ другу нѣкоему о познаніи антихристовой прелести»: «о прелесте! понеже еси пестра: скверные поляки, нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣи пріемлются и честію велію почитаются.... сплелись западные съ восточными». Точно также расколоначальники возставали противъ того, что при дворѣ царя Алексѣя Михайловича нѣкоторые русскіе и иностранцы занимались западными науками; напр. астрономіей, философіей, медициной и даже противъ того, что царскія дѣти, особенно царевичъ Петръ и царевна Софія, воспитывались уже въ новыхъ понятіяхъ, въ понятіяхъ преобразованія, и подъ вліяніемъ иностранцевъ. Ѳеодоръ дьяконъ упрекаетъ царя Алексѣя Михайловича за то, что онъ будто бы «алманашниковъ любитъ». А попъ Лазарь взывалъ къ царю въ сочиненіи «о изгубленіи правовѣрныхъ государей власти»: «царю благородный! како времени сего не испытуешь: имѣеши у себе мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадаютъ. Государь! таковыхъ ли въ чести имаши й различными брашны питаеши и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити! Ни, ни! Ветхій законъ стѣнь благодати есть: егда въ законѣхъ отеческихъ неотступно пребываху, того ради вся благая отъ Бога пріимаху; а егда въ законѣхъ отеческихъ блудствоваху, того ради вся злая бываху имъ. Подобаетъ ти, Царю, заповѣдати благороднымъ чадомъ своимъ, да пребываютъ въ законѣхъ отеческихъ во вѣки неотступно». Такъ ясно; еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при самыхъ первыхъ расколоначальникахъ, расколъ возставалъ уже противъ новаго, западно-преобразовательнаго духа, все болѣе и болѣе обнаруживавшагося въ гражданской жизни Россіи.

Причина такого новаго, гражданскаго направленія раскола въ царствованіе Алексѣя Михайловича, очевидно, заключается въ гражданскомъ состояніи Россіи въ XVII вѣкѣ и особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ XVII вѣкѣ гражданское правительство наше путемъ вѣкового опыта дошло до убѣжденія, что для лучшаго благоустройства и процвѣтанія Россіи въ средѣ другихъ европейскихъ государствъ необходимо ближайшее знакомство и общеніе съ ними, необходимо заимствованіе плодовъ западно-европейской гражданственности для послѣдующаго болѣе

обширнаго, всесторонняго самостоятельнаго развитія умственной, гражданственной, промышленной жизни русскаго народа,—словомъ, необходимо всестороннее духовное и матеріальное развитіе Россіи, только такъ, чтобы коренное начало старинной русской жизни, православно-церковное, оживляло все это, проникало, всему давало свой духъ и силу. Но къ сожалѣнію, эту необходимость всесторонняго просвѣщенія и развитія Россіи, необходимость заимствованія благоустроенной западно-европейской гражданственности въ XVII вѣкѣ сознавало только правительство, мудрые государи московскіе и немногіе лучшіе, передовые люди XVII вѣка. А масса, народъ коснѣлъ въ своей старинной исключительности и односторонности. Въ многозначительное въ исторіи русской царствованіе Бориса Годунова, такъ сказать, прообразовавшее царствованіе Петра Великаго, началось было преобразованіе Россіи, вызывались просвѣщенные европейцы для наученія русскихъ западно-европейской гражданственности, начали вводиться новые, лучшіе обычаи въ жизнь русскую; но русскіе бояре, духовенство и народъ, мыслившіе совершенно въ духѣ старины, составили оппозицію, возопили противъ того, будто бы Борисъ хотѣлъ уничтожить, подавить русскую вѣру и народность иноземными началами [1]). Идея преобразованія, давно сознанная правительствомъ, не была переведена предварительно въ народное сознаніе. Глубокое сознаніе недостатковъ умственной, нравственной, общественной, государственной жизни Россіи въ XVII вѣкѣ, такъ громогласно высказавшееся въ многочисленныхъ правительственныхъ актахъ, далеко не проникало весь народъ. Національное сознаніе массы, народа почти всецѣло проникнуто было духомъ старины и устремлено было не впередъ, а назадъ, къ преданіямъ древней Россіи XV или XVI вѣка. При такихъ обстоятельствахъ, въ многозначительное царствованіе Алексѣя Михайловича, когда при п. Никонѣ и на соборѣ 1667 года окончательно, глубоко сознана и выражена была необходимость полнаго, всесторонняго испоравленія церковнаго порядка, а въ соборномъ уложеніи Алексѣя Михайловича и во могихъ знаменитыхъ актахъ явственно выразилась идея новаго государственнаго порядка и устройства, когда въ слѣдъ за царевичемъ Петромъ, лучшіе люди эпохи воспитывались уже въ началахъ преобразованія, въ это царствованіе начались съ особенною силою съ живою энергіею, нѣкоторыя преобразованія и нововведенія, по образцамъ западно-европейскимъ, вопреки духу русской старины, въ которой коснѣлъ народъ. Такъ, въ первой половинѣ XVII вѣка въ русскомъ народѣ господствовало глубокое предубѣжденіе противъ иностранцевъ; смотря на нихъ, какъ на еретиковъ, «поганыхъ, зловѣрныхъ, русскіе за грѣхъ почитали даже ѣсть и пить съ ними изъ одной посуды [2]); не смотря на то, въ царство-

---

[1]) Буссовъ.

[2]) Иностранцевъ называли зловѣрными, безбожными и т. п. см. патр. П. С. Р. Л. т. III, стр. 283—305; т. V, стр. 52 и 73. Петрей (бывшій въ Россіи въ 1600—1612 г.) говоритъ въ своей Chronic. Moscovitic. p. 311: Die Reusser in ihren Sinn und Herzen so aufgeblasen und hochtrabent seyn, das *sie alle andere Nationen verachten*. Буссовъ (бывшій въ Россіи 1601—1617 г.) говоритъ въ своей хроникѣ. p. 39: Die Reussen *fremde Nationen paganische* heissen. Потому-то бояре, князья и народъ, когда увидѣли вокругъ Бориса и особенно вокругъ

ваніе Алексѣя Михайловича общеніе съ иностранцами, уже значительно развившееся къ предшествовавшія царствованія [1]), все болѣе и болѣе возрастало, и приливъ служилыхъ иноземцевъ: докторовъ. аптекарей, инженеровъ, офицеровъ, фабрикантовъ, увеличивался съ каждымъ годомъ [2]), Иностранцы обучали регулярному европейскому строю возникавшее въ царствованіе Алексѣя Михайловича постоянное русское войско; иностранцамъ давались привиллегіи для учрежденія фабрикъ и заводовъ и проч. По старинному воззрѣнію, русскіе люди знаніе иностранныхъ языковъ поставляли въ тѣсной связи съ вѣрою, такъ что когда царь Борисъ Годуновъ хотѣлъ ввести въ Россіи нетолько училища, но и университеты, для преподаванія разныхъ иностранныхъ языковъ, и съ сею цѣлію приглашалъ въ Москву ученыхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, то духовенство, по словамъ Буссова и Петрея, представило царю, что если въ Россіи настанетъ разноязычіе, то нарушится старое единовѣріе [3]). Въ цар-

Димитрія Самозванца Нѣмцевъ, Поляковъ и другихъ иностранцевъ, возненавидѣли ихъ за это. Палицынъ также съ предубѣжденіемъ говоритъ объ иностранцахъ и о Москвитянахъ, имѣвшихъ съ ними общеніе: „содружничество Москвичанъ *съ антихристовыми проповѣдниками съ Поляками и съ Лютерами* всѣмъ языкомъ на посмѣхъ бысть". Сказаніе Араама Палицына стр. 38. Буссовъ въ своей хроникѣ говоритъ также о предубѣжденіи монаховъ и священниковъ противъ иностранцевъ p. 9. Въ половинѣ XVII вѣка были даже народныя возмущенія противъ проживавшихъ въ Россіи иностранцевъ.

[1]) Приливъ иностранцевъ въ Россію, къ неудовольствію русскихъ, сталъ возрастать въ царствованіе Бориса Годунова. Буссовъ пишетъ о Годуновѣ: „Den Teutschen, (so bey des Iwan Basilowiz Zeiten aus Liefland dahin ins Land gefänglich verführet, und an einem lustigem Orte bald eine halbe teutsche Meile von dem Kayserlichen Schlosse ab zusammen wohneten und gute Nahrung hatten, ihrer viel dem Kayser zu Felde dienten und darum mit guten Landgütern begabet waren), gab Boriz frey ihren Gottes-Dienst in ihren Häusern zu halten. Und damit er unter seinen Unterthanen künftig auch mögte weise und verständige Leute haben, hat er dem ganzen Lande die Gnade und Freiheit angeboten, dass er wollte aus Teutschland, Engeland, Spanien, Frankreich, Italien etc. gelehrte Leute verschreiben und in allerlei Sprachen Schulen halten lassen... Anno 1660 verschreibt der Kayser aus Teutschland etliche Doctores medicinae und Apothecare. Ихъ выписано было числомъ 6. So wurden auch die Herren Doctores von Kayser in hoher Estimation gehalten, als der grösseste Knees und Boyar... 12 Decembr. (1601 Ir.) wird den neuen Teutschen in ihrem besten Habit auf den morgen den Tag kayserliche Augen zu sehen". Борисъ велѣлъ имъ являться къ нему непремѣнно въ ихъ національной одеждѣ. Bey euerm glauben, Religion und Gottes-Dienst wollen wir, говоритъ онъ имъ, euch lassen, so frey als es ihr in euerm Vaterlande gehabt habet". Bussovii Chronicon p. 9, 10. 11, 14. Димитрій Самозванецъ, по словамъ Буссова, также die Teutschen liebte und Heerführer die Fremden liebte mehr, als seine Reussen: Ausländer, замѣчаетъ онъ, allzu viel waren eingelassen p. 6, 33, 44. Русскимъ это весьма не нравилось: они думали, по словамъ Буссова, что подлѣ Нѣмцевъ и Поляковъ, alle Russen müssten verschwinden· Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича все болѣе и болѣе призываемы были въ Россію служилые иноземцы. См. набр. Собр. Госуд. грам. ч. III, № 81. А. И. т. 3 № 225, 226, 228, 236, 242, 244 и др.

[2]) Дополн. къ А. Ист. т. III, № 2, № 49, № 65, № 69, № 121, т. IV № 49. И. С. З. т. III, № 226, 228, 230, 231, 233, 235, 237, 239, 246, 293, 301.

[3]) Die Geistlichen wollten, говоритъ Петрей, es durchaus nicht verstatten und darein verwilligen, sondern brachten vor, ihr Land wäre weit und gross, einig in der Religion, Sitten und Sprachen: würden die Moscowiter andere Sprachen und Zungen

твованіе Алексѣя Михайловича, не смотря на это предубѣжденіе, нѣкоторые начали учиться иностраннымъ языкамъ. Знаменитый бояринъ Аѳанасій Ордынъ-Нащокинъ зналъ языки латинскій, французскій, нѣмецкій и нѣкоторые другіе; у боярина А. С. Матвѣева сынъ, по словамъ Лизека, учился у иностранцевъ языкамъ и разнымъ наукамъ. При п. Никонѣ уже существовали въ Москвѣ училища не только греческаго, но и латинскаго языка. Въ посольскомъ, иноземскомъ и аптекарскомъ приказахъ служили русскіе переводчики, которые также болѣе или менѣе знакомы были съ европейскими языками. По вѣковой русской старинѣ, въ русскихъ домахъ и семействахъ господствовали обычаи и правила Домостроя; и народъ ихъ свято чтилъ, какъ «законъ христіанскаго жительства»; перенимать «иноземскіе извычаи» или «нѣмецкіе скверные обычаи», какъ тогда выражались, считалось противнымъ православію, грѣхомъ; кто перенималъ иностранные обычаи, того называли поганымъ [1]). При Алексѣѣ Михайловичѣ, при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являлись новые, западные обычаи, — напр. украшеніе комнатъ картинами и портретами, театральныя представленія, оркестръ музыки, танцы, бóльшая простота, мягкость и непринужденность свѣтскаго обращенія и угощенія, исключавшаго прежнюю грубую восточную обрядность и формализмъ и т. п.; домъ А. С. Матвѣева былъ въ то время училищемъ новаго европейскаго, велико-свѣтскаго образованія.—Въ XVI и XVII вѣкѣ народъ нашъ ни за что не хотѣлъ промѣнять на нѣмецкія или вообще иноземныя свои старинныя одежды: кафтаны, полукафтаны, кожаны, опашни, сѣрмяги, ферязи, однорядки, кокошники, накидки, повойники и т. п. Русскіе хотѣли отличаться отъ иностранцевъ въ самой одеждѣ, на томъ основаніи, что ихъ вѣра и нравы отличны отъ вѣры и нравовъ «поганыхъ иноземцевъ». Въ одномъ сборникѣ соловецкой библіотеки XVII вѣка находится длинное обличительное поученіе русскимъ людямъ того вѣка, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «братія моя возлюбленная, бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому: отлучився вѣры православныя, измѣнивше благовѣрному царю и государю своему, и возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную латинскую и многихъ ересей вѣру и позавидѣхомъ ихъ иновѣрнымъ ризамъ, отъ главъ и до ногъ, и всего ихъ обычая: и то не разумѣхомъ, чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а послѣ тому со слезами поработимъ; а Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризы и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ взирати и завидѣти: понеже Богу мерзко беззаконное шитье ихъ и обычай ихъ мерзокъ и непріятенъ» [2]). Несмотря на то, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, нѣкоторые московскіе бояре стали «носить платье, кафтаны и шапки съ иноземскихъ образцовъ» [3]). Равнымъ образомъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторые бояре, по примѣру иностранцевъ, начали

lernen, *dürfte grosser Zanck und Uneinigkeit unter ihnen erwachen und dadurch von ihrer alten griechischen Religion abfallen*, und dess Landes Untergang hieraus erfolgen. Petre Chron. Moscowit. x. 156.

[1]) Bussowii Chron. p. 46.

[2]) Сборн. Солов. Библ. № 923 въ концѣ.

[3]) П. С. З. т. I, № 607.

себѣ брить бороды и стричь волосы, также вопреки господствовавшему въ народѣ суевѣрному предубѣжденію противъ брадобритія [1]). Въ XVII вѣкѣ въ большей части русскаго народа еще господствовало отвращеніе отъ употребленія табаку, какъ богомерзской травы: въ сборникахъ того времени помѣщались иногда статьи «о богомерзской и проклятой и бѣсовской табакѣ» [2]); разсказывались повѣсти, какъ самъ всемилостивый Спасъ и святая Богородица являлись будто бы даже женщинамъ и грозно говорили: «будетъ христіане почнутъ пити табакъ, будетъ на землю каменіе много испущу съ небесъ, молніе огненное, ледъ и мразъ лютый спущу на страдное время» [3]). Но въ царствованіе Алексѣя Михайловича, вопреки такому предубѣжденію противъ табака, не смотря даже на строгое запрещеніе сѣянія и продажи табака въ Россіи (послѣдовавшее въ 1661 году), табакъ болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе: куреніе его, по свидѣтельству Гюимьежа, было распространено даже въ простомъ народѣ и служило для него любимымъ развлеченіемъ. А въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича даже дозволялось продавать его [4]). Всѣ эти и подобныя новизны, переходившія къ намъ съ запада, весьма не нравились закоренѣлымъ приверженцамъ русской старины, привыкшимъ жить по вѣковому порядку и смотрѣть на всѣ старинные русскіе обычаи, какъ на освященные вѣрою, казались ересью, признакомъ уклоненія отъ православія. Народъ, по этимъ признакамъ новаго духа времени, предчувствовалъ тотъ переворотъ, который долженъ былъ скоро совершиться во всемъ нашемъ гражданскомъ образованіи, во всемъ нашемъ обществѣ: неразсудительные русскіе люди, привыкшіе жить въ своей національной замкнутости и исключительности, думали, что подлѣ наѣхавшихъ въ Россію иностранцевъ, нѣмцевъ, латиновъ, они не могутъ остаться прежними, православными русскими людьми, что съ новыми иноземными обычаями общежитія должны исчезнуть старые благочестивые, религіозные русскіе нравы и обычаи. Духовенство и глава духовныхъ, престарѣлый святитель, патр. Іосифъ съ болѣзнію сердца смотрѣли на это и предостерегали духовенство и народъ отъ новыхъ чужестранныхъ обычаевъ: «въ коейждо странѣ свои обычаи», писалъ патр. Іосифъ въ окружномъ поученіи духовенству и мірянамъ, не приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держитъ» [5]). Даже весьма умные свѣтскіе люди не совсѣмъ благопріятно смотрѣли на иноземные обычаи. Знаменитый Ординъ-Нащокинъ говорилъ: «что намъ за дѣло до обычаевъ иноземныхъ; ихъ платье не по насъ, а наше не по нихъ». Само правительство, видя неразумное предубѣжденіе народа противъ иноземныхъ обычаевъ и новинъ, останавливало иногда людей, слишкомъ предавшихся западнымъ новизнамъ и обычаямъ: [6])

[1]) Берхъ, царствованіе Алексѣя Михайловича, стр. 289.

[2]) Опис. Рум. Муз. стр. 426.

[3]) Сборн. Солов. Библ. № 925 л. 42 чюдо съ женою Ѳеклы Спиридоновой дочерью, бывшее въ 1641 г.

[4]) Допол. въ А. Ист. т. III, № 10. 38.

[5]) Ркп. В. И. Григоровича.

[6]) П. С. З. т. I, стр. 1007.

только правительство и люди благомыслящіе отвергали не всѣ иноземные новизны, а только нѣкоторыя, излишнія и безполезныя или даже вредныя для народа. Такой общенародный взглядъ на иноземныя новизны сильно располагалъ народъ къ расколу старообрядства, когда расколоначальники громогласно возстали противъ этихъ иноземныхъ нововведеній и объявили ихъ предъ народомъ противными православной вѣрѣ и древле-церковному русскому благочестію. Такимъ образомъ расколъ съ быстрымъ успѣхомъ распространялся, и къ концу XVII вѣка, еще до преобразованія Россіи Петромъ Великимъ, уже составилась многочисленная секта мнимыхъ старообрядцевъ. Въ концѣ XVII вѣка одинъ за другимъ возникали бунты стрѣлецкіе, поджигаемые раскольниками, и въ этихъ бунтахъ мятежные ревнители старины громогласно высказывали, чѣмъ они были недовольны, за что они ратуютъ: «будто бы въ Россіи уставлена новая вѣра, велятъ кланяться болванамъ и носить нѣмецкое платье, брить бороды, выдавать русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ, и проч., за что бы, конечно, стрѣльцамъ вступиться, а паче за вѣру свою православную» [1]).

Наступилъ XVIII вѣкъ. Въ царствованіе Петра Великаго, по поводу его преобразованій въ Россіи, расколъ еще болѣе усилился, осложнился и явно и окончательно принялъ характеръ религіозно-національно-демократическій [2]). Петръ Великій, посланный Провидѣніемъ довершить давно желаемое московскими государями, необходимое для блага Россіи сближеніе ея съ западною Европою, дать народу русскому болѣе живое и обширное образованіе умственное и общественное, началъ рѣшительно и радикально устроять Россію по началамъ и образцамъ западно-европейской гражданственности, и требовалъ, чтобы народъ русскій подражалъ этимъ образцамъ. Но великій преобразователь отнюдь не хотѣлъ чрезъ это поколебать или измѣнить господствующаго начала духовной жизни Россіи— вѣры, христіанства. Онъ оставлялъ это начало неприкосновеннымъ въ своихъ преобразованіяхъ. Но неразумные ревнители старины не обращали на это вниманія, не понимали этого. Они незнали и той непререкаемой истины, что церковь и христіанство отнюдь не исключаютъ ни полезныхъ гражданскихъ преобразованій, ни просвѣщенія, напротивъ еще возвышаютъ, освящаютъ, облагораживаютъ ихъ своимъ животворнымъ вліяніемъ, что христіанскія общества даже должны стремиться къ благоустроенію самой внѣшней, гражданской жизни своей, только все это въ гражданскихъ обществахъ должно быть основано на краеугольномъ камнѣ христіанства—на Евангеліи, только все просвѣщеніе должно быть озарено истиною Христовою. Не зная этой истины, отсталые, запоздалые ревнители старины смотрѣли съ своей ложно-религіозной, мистико-апокалипсической точки зрѣнія. Потому окончательное, всестороннее преобразованіе древняго національнаго порядка и устройства Россіи Петромъ Великимъ возбудило въ нихъ окончательное, рѣшительное, фанатическое

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. Истор. № 7, 1846, стр. 81, и исторія о донскихъ казакахъ.

[2]) Гражданско-демократическій элементъ раскола будетъ раскрытъ съ возможною полнотою въ пятой главѣ настоящаго сочиненія.

упорство и противодѣйствіе, какъ окончательное, по ихъ ложно-апокалипсическому, мистико-фантастическому воззрѣнію, проявленіе новаго, преобразовательнаго, антихристіанскаго духа, начавшаго господствовать въ Россіи со времени Никона. Въ 1700 году въ Москвѣ поднялся ропотъ противъ преобразованій Петра Великаго: раскольники распространили молву, что настало время антихристово, что Москва—Вавилонъ, а жители—Вавилоняне, слуги антихристовы, сыны погибели. Суевѣрные вѣрили такимъ нелѣпымъ раскольническимъ толкамъ, и толпами бѣжали изъ православныхъ городовъ и селъ, какъ изъ царства антихристова, въ скиты и пустыни раскольническія, какъ въ мѣста спасенія, яко бы чуждыя еретическихъ новинъ иноземныхъ, и процвѣтавшія древле-церковнымъ благочестіемъ. Въ 1701 году возсталъ и возбуждалъ народъ къ бунту раскольникъ Талицкій, распространялъ ложныя письма о пришествіи антихристовѣ «съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ» [1]). Въ первые годы царствованія Петра Великаго раскольники постоянно возбуждали бунты противъ Петра между стрѣльцами и донскими казаками, и въ этихъ бунтахъ раздавался крикъ, что Петръ будто бы «увѣровалъ въ нѣмцевъ». Однимъ изъ главныхъ замысловъ ихъ было «нѣмецкую слободу раззорить и иноземцевъ всѣхъ порубить» [2]). Раскольники неоднократно покушались даже на жизнь великаго преобразователя. Вообще, всматриваясь въ дѣйствія раскольниковъ при Петрѣ Великомъ и вслушиваясь въ ихъ протесты противъ реформы Петра, мы находимъ, что при Петрѣ Великомъ расколъ, подъ формой религіозно-обрядовой секты, явно, окончательно принялъ религіозно-мистическій характеръ *національно-гражданскаго демократизма*, религіозно-народной оппозиціи противъ новаго правительства, противъ устроенной по западно-европейскимъ началамъ Имперіи, это послѣдняя фаза его многосложнаго развитія, какой онъ достигъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, съ 1666 года и со времени реформы Петра. Выслушаемъ терпѣливо слѣдующую челобитную раскольниковъ XVIII вѣка противъ реформы Петра Великаго, въ которой ясно высказывается этотъ духъ раскола. «Мы», говорили раскольники XVIII вѣка, «смотряюще не дремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666-му конецъ пріяша пророчествія, а совершенное всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ: егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситися паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови; уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовати, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую, и именовася отецъ отечества и глава

---

[1]) П. С. З. т. VI, стр. 495.
[2]) П. С. З. т. III, № 1648.

церкве Россійскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія; въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ 1-й день Генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: виватъ, виватъ новый годъ! отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повелѣ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ 1-й день Сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріятъ за Императора Августѣйшаго, сирѣчь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ Господніи лѣта истреблени, а сатанины извѣщены, во истинну исполнися здѣсь тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней да поклонятся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна Богослова, во главѣ 12, писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истиніи раби Христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ, тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, и счисля вся мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми велими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребова. Егда же той Императоръ или монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизіею или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за Императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохраняти и вѣру святую блюсти, и таковому лжехристу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есьмы христіане единаго исповѣданія у 7 вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся, и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего Императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есьмы въ книги животныя у Царя Небеснаго; понеже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Русіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичь, Ѳедоръ Ивановичь и Михаилъ Ѳедоровичь и Алексѣй Михайловичь, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мерт-

выхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите человѣцы и вонмите и разсмотрите, по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, яко же свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра великаго: ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра Великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ Первый, и прочіи по немъ такожде именуются, и паки именовася божествомъ Русіи, яко же свидѣтельствуетъ книжка: кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: «изыдите, изыдите, люди моя, изъ Вавилона» [1]).

И вотъ они пошли въ пустыни, затвердивши одно, что новое время — время антихристово, что новый духъ, вдохнутый въ жизнь Россіи Петромъ, духъ антихристовъ, что европейское устройство монархической имперіи, созданное Петромъ, есть противонародное уклоненіе къ римскому владычеству, что русскіе цари со времени Петра стали древле-римскими Императорами, божествами народа. При такомъ мистико-демократическомъ направленіи, расколъ быстро и чрезвычайно умножался и усиливался со времени Петра, потому что, какъ увидимъ подробно въ своемъ мѣстѣ, было множество недовольныхъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, новымъ порядкомъ и устройствомъ Россіи со времени Петра Великаго. Духъ старины, раскольническій, старообрядческій, такъ сказать, образъ мыслей проникалъ еще большую часть духовенства, дворянства и почти весь простой народъ. Онъ такъ былъ силенъ, живучъ, упоренъ, что самъ Петръ Великій не могъ преодолѣть его никакою силою, ни казнями въ срубахъ, ни ссылкою, ни поголовнымъ посѣченіемъ и растрѣляніемъ мятежныхъ защитниковъ старины, и вообще никакими мѣрами, и даже долженъ былъ самъ принести ему тяжкую, горестную жертву — своего сына, наслѣдника, упорнаго приверженца старины, сочувствовавшаго болѣе расколу, чѣмъ преобразованіямъ Петра, и павшаго жертвой за старину [2]). При такомъ упорствѣ духа старины, въ первой половинѣ XVIII вѣка, естественно, оппозиція раскола противъ реформы Петра Великаго и въ защиту старины все болѣе и болѣе усиливалась.

---

[1]) Раскольнич. рукопись, подъ заглавіемъ: „челобитная или исторія Петра Великаго". Списокъ солов. библіот.

[2]) Едва сошелъ съ своего поприща великій преобразователь Россіи, какъ во главѣ даже правительства послышались голоса о возвращеніи Россіи къ старинѣ. При Петрѣ II, одинъ изъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта князь Голицынъ говорилъ: къ чему намъ заморскіе обычаи! дѣды наши обходились и безъ нихъ, а мы развѣ глупѣе своихъ дѣдовъ? А кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій, фельдмаршалъ, ревностный защитникъ старины и правъ наслѣдства Алексѣя Петровича, предложилъ даже избрать на престолъ старицу Евдокію. О придворной партіи противъ иностранцевъ при Петрѣ II см. въ запискахъ Дюка Лирійскаго. Спб. 1845 г., стр. 15, 157 и д. р.

Главная причина такого усиленія и религіозно-національно-демократическаго направленія раскола со времени реформы Петра Великаго заключается въ ложномъ религіозномъ воззрѣніи массы, народа на чуждо-національную, западно-европейскую гражданственность, введенную въ Россіи Петромъ Великимъ, въ превратномъ непониманіи духа и цѣли преобразованій Петра. Отсталые, запоздалые русскіе люди, мыслившіе въ духѣ ограниченныхъ понятій и началъ древней Россіи, привыкшіе жить исключительно-религіозною жизнію, но не тою живою, истинно-религіозною жизнію, какою отличались древніе истинно благочестивые русскіе люди, а мертво - обрядовою религіозною жизнію, эти отсталые ревнители старины, во-первыхъ, не могли вмѣстить въ своихъ неразвитыхъ умахъ идеи Петра отдѣлить въ Государствѣ Русскомъ Божіе отъ кесарева, религіозное отъ гражданскаго, церковное отъ государственнаго, и основать вмѣсто древняго московскаго государства, Всероссійскую Имперію, и потому возстали противъ того, что Петръ Великій „восхити будто бы на себя святительскую и царскую власть, Императоръ наречеся, патріаршество уничтожи" и т. п. Они отстаивали, такъ сказать, древнюю Русь до XV или XVI вѣка, когда церковь была главною, господствующею силою всей общественной жизни Россіи, не только духовно-нравственной, но и самой внѣшней, матеріальной, гражданской, главнымъ, почти единственнымъ народно-соединительнымъ, нравственно-образовательнымъ и просвѣтительнымъ началомъ, когда высокія идеи ея, безмѣрно превышавшія грубыя понятія того времени, проникали, оживляли, просвѣщали бытъ общественный и частный, бытъ юридическій, нравственный, когда церковный Номоканонъ имѣлъ могущественное и обширное вліяніе на развитіе гражданскаго законодательства, когда самое территоріальное, вотчинное владѣніе, самая земля тянула, такъ сказать, главнымъ образомъ къ церкви, въ силу той религіозной идеи времени, что вся земля Господня, когда верховные правители русской земли — князья, часто безпрекословно подчинялись вліянію митрополитовъ и епископовъ. Но отсталые, запоздалые поборники старины не видѣли, не замѣчали въ ходѣ русской исторіи той новой идеи, которая начала развиваться и направлять ходъ исторіи нашей со времени образованія московскаго государства. Они не понимали, что съ XV вѣка, со времени сосредоточія земли русской и образованія московскаго государства, государи московскіе и даже всѣ лучшіе представители церкви русской сознали ту великую идею, что главная, высокая обязанность церкви — заботиться о духовно-нравственномъ христіанскомъ развитіи и совершенствованіи народа, а внѣшнее, гражданское, матеріальное развитіе и совершенствованіе Россіи составляетъ дѣло государства, и стремились къ разграниченію этихъ великихъ задачъ между церковію и государствомъ, къ отдѣленію Божіяго отъ кесарева, религіознаго отъ гражданскаго, церковнаго отъ государственнаго, впрочемъ не раздѣляя ихъ существенно; отсталые, запоздалые русскіе люди XVII и XVIII вѣка не сознавали далѣе того, какъ постепенно, послѣдовательно совершался этотъ великій историческій процессъ, вопервыхъ, въ постепенномъ сосредоточіи и утвержденіи верховной государственной власти и разграниченіи правъ

царя-самодержца московскаго и правъ главы русской церкви — сначала митрополита, потомъ патріарха; во-вторыхъ, въ разграниченіи пространства церковнаго суда и управленія и сферы гражданскаго суда и администраціи, въ третьихъ, въ постепенномъ самостоятельномъ развитіи гражданскаго законодательства, отдѣльно, независимо отъ церковнаго Номоконона; въ четвертыхъ, въ постепенномъ ограниченіи территоріальнаго, вотчиннаго владѣнія и управленія церкви, давно сознаннаго несовмѣстнымъ съ духовнымъ значеніемъ церкви самыми лучшими ея правителями и представителями. И вотъ, при Петрѣ Великомъ, когда окончательно завершился этотъ необходимый, послѣдовательный историческій процессъ отдѣленія Божіяго отъ кесарева, церковнаго отъ государственнаго, эти отсталые русскіе люди, смотрѣвшіе назадъ, а не впередъ, подъ знаменемъ раскола, возстали противъ государственной реформы Петра, противъ строгаго, точнаго разграниченія начала духовнаго, церковнаго, религіознаго, отъ начала чисто гражданскаго, государственнаго, какъ противъ посягательства на права древней церкви. Отсюда развилась вся система раскольническаго воззрѣнія на новый государственный порядокъ и устройство Россіи. Во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни они хотѣли отстаивать древнее преобладаніе церковнаго элемента. Такъ напр. раскольники отстаиваютъ древнее судопроизводство: «Прежде были благочестивые суды», говорятъ они, «и присутственныя мѣста такимъ порядкомъ и по закону судили и распоряжали: какъ придешь въ Приказъ, во первыхъ, узришь на показанномъ мѣстѣ крестъ животворящій или св. икону, а судіи сидятъ въ порядкѣ, хотя и князь, или судія, или бояринъ, а всѣ въ бородахъ, а промежу ихъ законъ Божій, сирѣчь Евангеліе и Кормчая, и прочія богослужебныя книги, св. Кирилла, Іоанна Златоуста, преп. Ефрема Сирина и проч. Такъ судили по закону, сирѣчь по небесному, т. е. по писанію; и аще кто противится сему суду, яко самому Христу противится, и повиненъ будетъ вѣчному суду» [1]).

Во вторыхъ, отсталые запоздалые русскіе люди XVII и XVIII вѣка, заключившіеся въ тѣсной сферѣ національной исключительности, односторонности, и сознававшіе свою народность единственно въ этой своей религіозной исключительности, особности, отчужденности отъ другихъ христіанскихъ націй, эти отсталые, запоздалые ревнители національной русской старины не могли никакъ примириться съ высокой идеей Петра, съ высокимъ стремленіемъ его внести въ сферу древне-русской народной жизни свѣтъ общечеловѣческаго просвѣщенія, заимствовавъ его у западно-европейскихъ націй, гдѣ оно было несравненно болѣе развито, чѣмъ въ древней Россіи, чтобы чрезъ то возбудить и просвѣтить природныя силы и дарованія русской народности, расширить кругъ ея развитія и просвѣщенія, поставить ее на путь общечеловѣческаго совершенствованія. Не понявши этой высокой идеи Петра Великаго, отсталые ревнители національной русской старины возстали, по своему обычному мистико-апокалипсическому образу мыслей, противъ западно-европей-

[1]) Раскольнич. рукопись: „Тюменскій Странникъ“.

ской гражданственности, введенной Петромъ, какъ противъ антихристіанскаго юношества. Чтобы понять это мистико-религіозно-національное возмущеніе раскола противъ европейскаго устройства Россіи, надобно вспомнить, каково было тогда русское національное сознаніе. При преобладающемъ религіозномъ направленіи русской народности въ теченіи всей древней исторіи нашей, національное сознаніе русскаго народа имѣло характеръ исключительно религіозный. Понятія: свое, народное, русское и православное въ сознаніи нашего народа были нераздѣльны, тождественны. Самъ народъ нашъ не давалъ другого отличительнаго свойства своей національности, не зналъ другого національнаго различія, кромѣ вѣры православной. Себя онъ искони называлъ людомъ православнымъ, крещенымъ, и тѣмъ отличалъ себя отъ другихъ европейскихъ націй, не находя въ нихъ той же вѣры, той же церкви. Въ великомъ національномъ движеніи русскаго народа въ началѣ XVII вѣка, во время наводненія Россіи Поляками и Литовцами, русскій народъ возсталъ за свою народность, или, какъ тогда говорили русскіе люди, «за свое прироженье», во имя православныя вѣры, и только спасая свою православную вѣру, спасалъ свое прироженое. Это исключительное религіозное національное сознаніе, при неразвитости вообще народнаго сознанія, при отсутствіи общечеловѣческаго, всесторонняго, живого просвѣщенія, въ большей части русскаго народа доходило до религіозно-фанатической нетерпимости, исключительности, и иногда отзывалось уже почти гордостію, тщеславіемъ своею вѣрою, своимъ православіемъ. Въ Кормчихъ, «въ видѣ заповѣди св. апостолъ и св. отцевъ», постановлено было: «аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, измывши молитва сотворити и у латинской церкве не стояти» [1]). Такой религіозный пуризмъ въ отношеніи къ чуждымъ европейскимъ національностямъ особенно рѣзко сталъ обнаруживаться въ русскихъ людяхъ въ XVI и, особенно, въ первой половинѣ XVII вѣка; въ ту эпоху, когда особенно усилилась борьба русской церкви съ католицизмомъ, и все болѣе и болѣе возрастали столкновенія Россіи съ Западомъ. Мы уже видѣли, что въ это время народъ нашъ иностранцевъ, особенно исповѣдывавшихъ латинскую вѣру, иначе и не называлъ, какъ погаными, зловѣрными, безбожными, антихристовыми проповѣдниками и т. п. Не различая, по своему національно-религіозному, но темному, не просвѣщенному воззрѣнію, европейскія національности отъ ихъ вѣроисповѣданій, смотря на все иностранное, какъ на свое русское, съ православно-религіозной точки зрѣнія, все западно-европейское оцѣнивая по началамъ православной вѣры и церкви, русскіе люди боялись заимствовать у европейскихъ націй даже самые житейскіе, чисто внѣшніе обычаи и общечеловѣческія науки и искусства, считая ихъ противными православію, опасаясь перенять въ западныхъ наукахъ, искусствахъ и обычаяхъ самый религіозный, неправославный духъ европейскихъ націй, и такимъ образомъ искоренить, изгладить свой народный, религіозный духъ, православно-

[1]) Сборн. Кормчей сол. библ. № 858 л. 367.

церковный характеръ своей народности [1]). Это религіозно-національное предубѣжденіе противъ иностранцевъ и всего иноземнаго, западно-европейскаго доходило уже до чистаго суевѣрія. Напр. только съ своей родиной, съ своимъ отечествомъ, съ своею народностію соединяли самую возможность спасенія души и самое христіанство. «Россіяне, особливо знатнаго рода», пишетъ Беръ, «согласятся скорѣе уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли: развѣ царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское, что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, невѣрующіе въ истиннаго Бога, что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ». Тоже говоритъ Кошихинъ. При такомъ одностороннемъ, религіозно-національномъ воззрѣніи русскаго народа, при этой религіозно-національной нетерпимости и пуризмѣ, понятно, почему расколъ, поднявшій знамя защиты, сохраненія всего стараго русскаго народнаго, какъ православнаго, древне-церковнаго, съ такимъ фанатизмомъ и ожесточеніемъ возсталъ противъ всего новаго западно-европейскаго устройства русской гражданственности. Для неразвитаго народнаго религіозно-національнаго сознанія, цѣлые вѣка, такъ сказать, заключеннаго въ тѣсной сферѣ религіозно-національной исключительности и нетерпимости, казалось въ высшей степени неестественнымъ, болѣзненнымъ это внезапное, невольное воспринятіе, внѣдреніе, такъ сказать, въ народную жизнь русскую чуждонаціональныхъ, по понятію народа, неправославныхъ, зловредныхъ антихристіанскихъ элементовъ, вдругъ неудержимымъ приливомъ вторгавшихся въ русскую народность, столько вѣковъ замкнутую въ своей исключительности. Что именно это ложное, религіозно-національное начало руководило народно-демократической оппозиціей раскола во время реформы Петра Великаго, это утверждаютъ сами раскольники. «Не Никонъ», говорятъ даже нѣкоторые изъ нихъ, «былъ причиною нашего отдѣленія отъ прочихъ братій нашихъ русскихъ, но Петръ Великій, по своей безмѣрной любви къ Западу, по своему противонародному, противоотечественному направленію» [2])

Но кромѣ того, что раскольники не понимали духа и цѣли преобразованій Петра Великаго, справедливость требуетъ раскрыть еще другую причину усиленія раскола. Расколъ особенно усилился со времени Петра Великаго отъ того, что въ это время новый, преобразовательный духъ, съ

[1]) Боялись, напримѣръ, принимать иностранную монету, въ той мысли, что другія націи—чуждой вѣры, отличной отъ русской. Петрей говоритъ о русскихъ XVII вѣка: Ihre Müntze hat ein Stempel wie ein Ey, aut dass unter ihrer und anderer Potentaten Müntze sollein unterschied seyn, und dieselben denken sollen, als werer sie so kluge und verstendige Leute, dass ihnen nicht nöthig, einer andern form nach zu folgen, söndern weit sie von allen anderen Nationen in der Religion, Sitten und Gebrauchen abgesondert, so wollen sie gleichfalls auch in der Müntze abgesondert seyn.

[2]) Такъ признавался даже одинъ умный раскольникъ извѣстному путешественнику по Россіи Гакстгаузену: Etudes sur la situation interieure la vie nationale et les instituations rurales de la Russie par le Baron Auguste de Haxthausen, p. 314 1847 г.

особенною силою и неудержимостію внѣдряясь въ жизнь русскаго общества, часто доходилъ до печальной крайности, до злоупотребленія, искоренялъ такое старое, что дѣйствительно тѣсно связано было съ древнимъ духомъ русской христіанской вѣры, и вводилъ новое, иноземное, въ самомъ дѣлѣ противное древнецерковному русскому благочестію. Съ одной стороны иностранцы, призванные Петромъ Великимъ единственно съ тою цѣлію, чтобы возвысить Россію лучшимъ гражданскимъ просвѣщеніемъ, а не безполезными, суетными обычаями и пороками Запада, стали во зло употреблять свое вліяніе на русскій народъ, стали даже колебать въ немъ древнее, коренное устройство церкви. Тогда, по идеѣ управленія, движимаго иноземными началами, въ обществѣ унижено было духовенство, которое вслѣдствіе того стало и нравственно слабѣть, упадать; утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ и закоснѣло въ рутинѣ и въ своей, какъ-бы отдѣльной отъ общества, кастѣ. Это униженіе духовенства народъ, волнуемый расколоучителями, называлъ «восхищеніемъ власти церковной, святительской» гражданскою правительственною властію. Тогда многіе христіанскіе обычаи русскаго народа, обычаи, непротивные просвѣщенію, уничтожались и измѣнялись по иноземнымъ идеямъ, казавшимся чуждыми духу русскаго народа. На это съ глубокою скорбію сердца смотрѣли не одни суевѣрные ревнители старины, но и сами православные пастыри: «Виждьте, о благоразсудные людіе», говорилъ напр. просвѣщенный пастырь, Стефанъ Яворскій, противъ неблагонамѣренныхъ иноземцевъ, «виждь, православный народъ, кіи между вами распространяются, величаются и почествуеми бываютъ, имъ же ниже радоватися рещи подобаетъ. О, дабы отсѣчени были развращающіи васъ (Гал. 5, 12). Азъ же глаголю: о дабы сіи мытари и язычницы, развращающіи православныхъ и неслушающіи церкви божественной, отсѣчени и весьми истреблени были!... Пріидите, припадемъ и восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, преклонимъ колѣна предъ всѣми Его угодниками святыми, да сей вредъ, сія злохульныя плевелы исторгнутся отъ насъ, аще не обратятся и покаются» [1]). Особенно тяжко и возмутительно было для религіозно-національнаго чувства народа вредное вліяніе иностранцевъ по смерти Петра Великаго и Екатерины 1-й, при Минихѣ, Остерманѣ и Биронѣ: когда Дворъ, Коллегіи, Академія наукъ, гвардія, армія, флотъ были въ распоряженіи иностранцевъ—протестантовъ; когда, по словамъ Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, «сіи внутренніе и сокровенные враги Россіи людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили и разоряли и все искореняли, а равныхъ

[1]) Собр. проповѣдей Стеф. Яворск. ч. 1. слово въ недѣлю 7 по Пасхѣ. Подобныя же горькія жалобы и неудовольствія противъ иностранцевъ выражали: Патр. (Дух. п. Іоак. въ Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. III, мѣс. Мартъ 1774 г.) патр. Адріанъ (чтен. моск. общ. ист. и др. росс. объ Адріанѣ). Св. Митрофанъ, еп. воронежскій, въ предсмертной грамотѣ своей завѣщалъ: „Епархіи своей великому числу православныхъ христіанъ съ еретиками и иновѣрцами, съ Латыны, Люторы и Кальвины и злобожными татары, общеніе и содружество не имѣти“. Пам. Моск. Древ. кн. II, стр. 191.

себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей весьма любили, жаловали и награждали; только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали, всѣ сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, изъ Россіи за море выслали и проч.» [1]) «Только и благополучія нашего было», — съ глубокою скорбію говорилъ объ этомъ бурномъ, темномъ времени въ 1741 году архимандритъ Иконоспасскаго монастыря Кириллъ Флоринскій, ректоръ Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ словѣ въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны: «погребли мы преславныхъ монарховъ (Петра Великаго и Екатерину I), погребли и благоденствія наша, по смерти оныхъ за беззаконія и неправды наша наказа насъ Господь частыми перемѣнами; а въ таковыхъ вредительныхъ перемѣнахъ коликая претерпѣхомъ злая, въ коликое было Россія пришла безобразіе, воспомянути болѣзнь утробу пронзаетъ. А таковыя частыя перемѣны видяще, противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себѣ, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они оберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на ѣрныхъ чадъ россійскихъ отрыгнули! Коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру составили! Ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. А во-первыхъ тщалися дражайшее душъ нашихъ сокровище, неоцѣненное спасенія нашего богатство, благочестіе отнять, которое намъ паче тысящей злата и сребра: не златомъ и сребромъ, но честною кровію яко агнца непорочна и пречиста Христа намъ куплено безъ котораго бы мы Содому и Гомору уподобилися, безъ котораго бы мы были горше турокъ, жидовъ, арабовъ! А такъ то они придумали, какъ де благочестіе у нихъ отъимемъ, тогда де и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ насъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельная ученія разсѣевали, толико повредили, что мнози малодушніи, а паче которые возлюбиша тму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую нежели Божію, чада на матерь свою возстали, ихъ же крещеніемъ роди, ихъ же кровію Христовою воспита, ихъ же догматами православными утверди, аки змія порожденія ехиднова утробу ея терзали. И что бѣдственнѣе! догматы христіанскіе, отъ которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли, ходатаицу спасенія нашего, неусыпную христіанскую помощницу, Покровъ и Прибѣжище, на помощь не призывали, и заступленья ея не требовали, святыхъ угодниковъ ея не почитали, иконамъ, святымъ не покланялися, знаменія креста святаго гнушалися, преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали, добрыя дѣла, ими же вѣчная мзда сыскуется, отметали, въ посты святые мяса пожирали а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли, поминовенію усопшихъ смѣялись и гееннѣ быти не вѣрили, не помнили оныхъ Христовыхъ словесъ: «огнь ихъ не угаснетъ, и червь ихъ не скончается». И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели,

[1]) Слово Амвросія въ день рожденія императрицы Елисаветы 18 Декабря 1741 г.

что мнозіи и въ Епикурская мнѣнія впадали: «яждь, пій, веселися, по смерти же никакого утѣшеніе нѣсть». И которые такъ бредили, таковые-то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковые и въ чины производилися. А которые истинныя чада Церкви и истинные Христовы наслѣдницы, такихъ прелестниковъ не слушали, право вѣру непорочную отъ Христа, отъ апостолъ, отъ св. отецъ проповѣданную и утвержденную хранили, коликія имъ руганія, поношенія враги благочестія чинили! мужиками, грубіянами называли. Кто посты хранилъ, о томъ говорили: ханжа; кто въ молитвѣ съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ; кто иконамъ покланяется—суевѣръ; кто языкъ отъ пустословія удерживаетъ—глупъ, говорить не умѣетъ; кто милостыню любве ради ко Христу и ближнему подаетъ неоскудно, тотъ, говорили, не умѣетъ, куда имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталося; кто въ церкви часто ходитъ, въ томъ пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самихъ благочестія защитителей, на самихъ священныхъ таинъ служителей чинъ, глаголю, духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали. Непрестанныя почты водою и сухимъ путемъ куда, за чѣмъ отправлялись! монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ, въ дальные сибирскіе города въ Охотскъ, въ Камчатскъ, въ Оренбургъ отвозятъ, и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали, и устъ не могли о благочестіи отверсти... Что же еще узнали враги наши, что имъ не трудно священника, или монаха, или простого человѣка какъ мушку задавить: принялися они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ видѣли благочестія защитниковъ, многія знатныя фамиліи до конца истребили, многихъ честныхъ, вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубали, языки порѣзали» [1]) и проч. При такомъ гоненіи, воздвигнутомъ иностранными на православную церковь, по смерти Петра Великаго, особенно при Биронѣ, удивительно ли, что расколъ еще болѣе утвердился въ своемъ фанатическомъ убѣжденіи, что со времени Петра Перваго въ Русской церкви и въ русскомъ государствѣ въ самомъ дѣлѣ будто бы временствовалъ, царствовалъ антихристъ, какъ они выражались, что русскіе подружились съ еретиками—латинами, люторами и кальвинами. Удивительно ли, что тогда и весьма многіе православные бѣжали изъ православныхъ городовъ и селъ въ раскольническіе скиты и пустыни, какъ мѣста спасенія древне-русскаго православія. Да, то время было самое благопріятное для усиленія и распространенія раскола. Тогда особенно во время господства грубаго, жестокаго, кровожаднаго временщика Бирона, многія тысячи народа принимали расколъ и бѣжали въ Польшу, Молдавію и Валахію.

Съ другой стороны, сами русскіе особенно въ высшемъ классѣ общества также весьма часто вдавались въ крайность въ усвоеніи западной новизны. Это также сильно отталкивало любителей русской старины отъ православной церкви въ расколъ. Въ нововведеніяхъ русскіе первой половины XVIII вѣка были слишкомъ рьяны, нетерпѣливы, поспѣшны, нераз-

---

[1]) Слово Кирилла Флоринскаго рукописи. Оно, кажется, было тогда же напечатано въ изд. Акад. Наукъ.

борчивы. Не важныя, не необходимыя новизны, напримѣръ: нѣмецкое платье, брадобритіе, заставляли непремѣнно принимать даже крестьянъ, и позорно издѣвались надъ тѣми, кто не хотѣлъ усвоять этихъ новизнъ; противъ воли собирали народъ на общественныя гулянья по барабанному бою и т. п. Вмѣстѣ съ добрыми обычаями перенимали много худыхъ. Вводя новые, европейскіе обычаи, безпощадно и неразумно осмѣивали и искореняли многіе хорошіе старые русскіе обычаи, свято чтимые народомъ, основанные на нравственно-религіозномъ началѣ и нисколько не препятствовавшіе улучшенію и облагороженію внѣшнихъ формъ общежитія. Вообще должно сказать, что главная внутренняя причина, почему въ XVIII вѣкѣ расколъ особенно усиливался и возрасталъ, заключается именно въ чрезвычайно рѣзкомъ и быстромъ переходѣ русскаго общества отъ старинной русской жизни, имѣвшей преимущественно характеръ церковный, къ жизни новой, европейской, имѣющей преимущественно характеръ мірской, внѣшнежитейскій. Напримѣръ: въ XVIII столѣтіи, замѣчаетъ одинъ писатель, по характеру образованности этого столѣтія, плафоны и стѣны во дворцахъ и палатахъ вельможъ покрывались преимущественно миѳологическими изображеніями, гдѣ языческія божества полуобнаженныя, представленныя со всею свободою древняго классическаго искусства, должны были олицетворять мысли и чувства современниковъ. Совершенно иное встрѣчаемъ мы въ жизни нашихъ допетровскихъ предковъ. По характеру своего образованія христіанско-церковнаго, древній русскій человѣкъ любилъ олицетворенныя притчи и церковныя бытія, изображеніями которыхъ и украшалъ свои хоромы; въ нихъ онъ желалъ видѣть болѣе всего назиданіе, поученіе, душевную пользу въ христіанскомъ смыслѣ, а не услажденіе взора прекрасными образами, которые относились къ соблазну и всегда заботливо устранялись. Такимъ образомъ древняя комнатная живопись носила въ себѣ тотъ же характеръ, имѣла ту же цѣль, какъ и церковная стѣнопись, отъ которой она почти ничѣмъ и не отличалась [1]). Въ старину правилами русскаго общежитія требовалось, при входѣ въ чужой домъ сначала «святымъ иконамъ поклонитися и молитва сотворити». Препод. Ѳеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій къ братіи предлагаетъ наставленія о томъ, какъ вести себя въ церкви, сближая предлагаемыя правила съ требованіями общественнаго приличія внѣ храма. «Егда бо и къ другомъ приходимъ, говоритъ онъ, то достоитъ намъ поклоненіе сотворше до земля и связавше руцѣ аки рабоу Божію быти предъ ними. И повелѣно ни е' (есть) другомъ толики чести даяти смиренія ради, имже добродѣтельна вѣнца оукрашаемъ. Еже бо не поклонитися другоу своему и руцѣ долоу повѣсити, то неродивых моужь и лѣнивых и в оумѣ ярящихся» [2]). Въ XVIII же вѣкѣ обычай нетолько стояти съ сложеными руками, но и молиться предъ иконами при входѣ въ чужой домъ или выходѣ изъ него въ тогдашнемъ образованномъ кругу, уже началъ вытѣсняться такъ называемыми свѣтскими

[1]) Забѣлина: Домашн. бытъ русскихъ царей прежняго времени, ст. 2 Отеч. Запис. 1851 г. Сент. № 9.

[2]) Въ пятокъ 3-й недѣли поста, св. Ѳеодосія: о трьпѣніи и смиреніи.

приличіями, основанными, большею частію, на подражаніи французскому обществу иногда доходившими до предосудительной крайности, которую даже осмѣивали нѣкоторые писатели того времени. Въ старину народъ нашъ, воспитываемый въ строгомъ религіозномъ духѣ, свято соблюдалъ посты православной церкви; а въ XVIII вѣкѣ, «въ постъ святый за курочку душу готовы были промѣнивать», какъ говорилъ вышеприведенный нами проповѣдникъ первой половины XVIII вѣка. Вообще, не умѣя совмѣстить, породнить религіозное воспитаніе древняго русскаго человѣка съ потребностями новаго европейскаго образованія, безпощадно, неразумно осмѣивая и искореняя многіе хорошіе старые русскіе обычаи, нисколько не мѣшавшіе новымъ хорошимъ обычаямъ, неразсудительные «новолюбцы», какъ называли тогда раскольники всѣхъ ревнителей иноземной новизны, скосыри, обрившіе себѣ бороды и надѣвшіе нѣмецкое или французское платье, безразсудно и съ жадностію перенимали изъ европейской жизни, большею частію, только дурное, чувственное, суетное. При усилившейся въ то время страсти тщеславно щеголять европейскимъ образованіемъ, пустотой легкаго поверхностнаго свѣтсткаго образованія, призывали изъ западной Европы цѣлыя полчища такъ справедливо осмѣянныхъ Фонъ-Визинымъ, вральмановъ — учителей и гувернеровъ — лакеевъ, парикмахеровъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ. Отъ нихъ думали учиться западнымъ наукамъ и искусствамъ, и только уродовали свое образованіе, на что жаловалась сама императрица Елисавета въ именномъ указѣ 1755 года, которымъ утверждено основаніе Московскаго университета. Вмѣсто просвѣщенія разума и смягченія и облагороженія грубой нравственности, перенимали у парижкихъ расточительныхъ «жантиломовъ» времени Людовика XV безумную роскошь, безмѣрную расточительность на 500 рублевые балы и пиршества, страсть къ издержкамъ по 14000 рублей въ годъ на одинъ столъ, страсть къ картежной игрѣ цѣлыя ночи, за которою часто проматывали всѣ деньги вмѣстѣ съ экипажами и лошадьми, на которыхъ пріѣзжали; перенимали утонченный, прикрытый лоскомъ французской призрачной образованности, развратъ, невѣріе, кощунство и богохульство, въ которомъ, по словамъ Фонъ-Визина, молодые воспитанники Запада находили особенное удовольствіе и полагали лучшее препровожденіе времени; вообще перенимали всю ту грубую чувственность, тотъ индиферентизмъ и глумленіе надъ христіанскимъ благочестіемъ, какія господствовали въ то время при французскомъ дворѣ, въ правленіе Людовика XIV, Регента и Людовика XV [1]). Вмѣсто хорошихъ произведеній литературы, перенимали французскія «соблазнительныя и сладострастныя пѣсенки», да страсть «писать по молодости и по французскому духу»; оставляли свой русскій языкъ, вмѣсто того, чтобы заботиться объ его образо-

[1]) Huth, Kirchengeschichte des 18 Jahrh. Bd. 116, 265. Am Hofe (des sittenlosen Herzogs von Orleans) eine grobe Sinnlichkeit herrschte, die sich von hier aus in weiteren Kreisen verbreitete. Religion wurde am Hofe meist nur in leeren Ceremoniendienste und als Formalität ausgeübt. Auch der beklagenswerthe Ausgang des jansenischen Streites trug dazu bei, das Sinken des Religiosität und den Spott über Frömmigkeit zu befördern и пр. Alzogs Kirchengesch. Bd. III, 6. 902. Auflage 6.

ваніи и развитіи, и, хотя ничего не знали и не могли хорошо и правильно выразить по-русски, однако первымъ качествомъ хорошаго образованія считали умѣнье говорить по-французски, и непремѣнно говорили по-французски, хотя бы безъ всякой нужды и притомъ въ высшей степени уродливо, смѣшивая областныя, простонародныя слова и обороты съ французскими словами и выраженіями, и того, кто не говорилъ по французски, непремѣнно признавали «худо-воспитаннымъ». Вмѣсто изученія наукъ и искусствъ, вмѣсто пріобрѣтенія средствъ къ полезной дѣятельности, къ труду, который считали «подлымъ», перенимали разные перемѣнные французскіе покрои платья, уборы и приборы для украшенія своей наружности, учились завивать кудри буколь въ 20 и болѣе, просиживая за такими занятіями часа по 3 и по 4; вмѣсто хорошихъ книгъ, покупали парики, опахала, душистыя пудры, эссенціи, уксусы, парижскія мази, налѣпныя нимушки и т. п., разнобразные предметы безумной и смѣшной роскоши, замавшіе только пустоту душевную, услаждавшіе только чувственность, тщеславіе и вѣтренность; или перенимали у французовъ, какъ говорить всякія трогающія бездѣлки, какъ при походкѣ ступать ногами плѣнительно, какъ дѣлать сладострастныя движенія глазъ во взглядахъ, какъ дѣлать жесты, мины и движенія рукъ и т. п., и въ этомъ полагали всю науку русскіе петиметры XVIII вѣка. До такой мелочности доходила въ большей части русскаго общества XVIII вѣка безотчетная, вѣтренная подражательность западно-европейской жизни и презрѣніе къ своимъ стариннымъ народнымъ русскимъ обычаямъ. Любителямъ старины, даже разсудительнымъ и достаточно образованнымъ, больно было видѣть такой духъ новаго общества. Даже передовые люди прошлаго столѣтія, вовсе не старовѣры, а люди горячо преданные европейскому образованію, каковы: Фонъ-Визинъ, Сумароковъ, Щербатовъ, Болтинъ, Новиковъ и сама императрица Екатерина признавали такое направленіе русскаго общества нравственнымъ зломъ, уклоненіемъ отъ нормальнаго развитія нравовъ. Что же сказать о темныхъ, суевѣрныхъ ревнителяхъ русской старины, о безусловныхъ противникахъ европейской новизны? Они, въ этомъ духѣ нововведенія, безпощадно изгонявшемъ все старое и безотчетно вносившемъ въ жизнь русскую все иноземное худое, даже противо-христіанское, видѣли прямое, ясное, видимое проявленія духа антихристова. «Седмоглавный змій», читаемъ въ одной раскольнической рукописи XVIII вѣка, «видя въ христіанѣхъ невоздержаніе, *наводитъ иностранные обычаи*, дабы отлучить отъ Бога и отвести во дно адово. Присмотрися, возлюбленне, вси бо христіане одѣются одѣяніемъ страннымъ и необычнымъ: мужи и жены и дѣвицы. Аще хощемъ благочестіе и вѣру содержати непоколебиму, вся иностранные обычаи, сирѣчь, взоры, глаголы, хожденіе, одѣяніе, и прочая вся неподобная христіанамъ отринемъ. Зрите, православніи сущіи душелюбцы, егда исполнится осьмыя тысящи 290 лѣтъ, когда будетъ въ людѣхъ великое невоздержаніе и плѣнятся обычаи невѣдѣніемъ разсужденія, и начнется въ христіанѣхъ *иностранное любленіе*, еже есть: *глаголы*, *взоры*, *хожденіе*, *одѣяніе*, о, горе! [1])

[1]) Сборникъ разныхъ раскольническихъ статей, ркп. библ. Казанской Академіи.

Таково было, въ общихъ чертахъ первоначальное, многосложное историческое развитіе русскаго раскола старообрядства въ XVII вѣкѣ и XVIII, въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности. Обнаружившись еще въ XVI вѣкѣ и особенно въ первой половинѣ въ XVII вѣка, въ видѣ религіозно-обрядовой партіи при московскомъ книгопечатномъ дворѣ, упорно отстаивавшей старыя книги и обряды и не хотѣвшей исправленія ихъ по греческимъ подлинникамъ, — при патріархѣ Никонѣ расколъ открылся явно, окончательно, и съ самаго начала принялъ характеръ не просто религіозно-обрядовый, мнимо-старообрядческій, но главнымъ образомъ религіозно-демократическій, какъ оппозиція большей части низшаго духовенства противъ патр. Никона, казавшагося имъ вторымъ римскимъ папою, противъ его слишкомъ строгой власти, суда и управленія. Потомъ, съ 1666 года, расколъ, сохраняя первоначальный религіозно-обрядовый и духовно-демократическій характеръ, перешелъ изъ сферы церковной въ сферу гражданской народной жизни, и здѣсь, сообразно съ гражданскимъ состояніемъ Россіи, принялъ характеръ народно-демократической оппозиціи противъ преобразованія Россіи въ европейскую Имперію, противъ новаго европейскаго устройства и направленія внутренней жизни Россій. При Петрѣ Великомъ завершилось его религіозно-гражданское развитіе: онъ окончательно принялъ характеръ религіозно-національно-демократическій и, какъ отколокъ древней отжившей Россіи, окончательно отпалъ отъ новой, Петромъ Великимъ устроенной Россіи. «Вездѣ бысть *послѣдняя Русь*. Здѣ бо и отъ сего часа на *горшая измѣненія* будетъ превосходити Русь царьми неблагочестивыми», — такимъ послѣднимъ, предсмертнымъ воплемъ въ устахъ раскольниковъ второй половины XVII вѣка окончилась внутренно изжившая, истощившаяся историческая жизнь древней Россіи. — Разсмотримъ теперь, какъ эти внутренно изжившія, истощившіяся начала исторической жизни древней Россіи сосредоточились въ расколѣ старообрядства, отстаивающемъ древнюю Россію со всѣми ея недостатками.

II. Нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка, благопріятствовавшіе происхожденію, развитію и распространенію раскола.

Господствующій духъ XVII и первой половины XVIII вѣка, характеризующійся рѣзкимъ раздвоеніемъ и борьбой двухъ противоположныхъ началъ въ русской жизни, — начала мертвообрядовой религіозности и закоснѣлой старины и начала церковнаго и гражданскаго исправленія, улучшенія, преобразованія, — этотъ господствующій духъ времени заключалъ въ себѣ главный, первоначальный источникъ и основныя начала русскаго раскола старообрядства. А нравственная жизнь большей части русскаго народа, предъ появленіемъ раскола и во время распространенія его, къ прискорбію, во многихъ отношеніяхъ представляла почву самую благопріятную и удобную для распространенія раскола.

Обыкновенно всего чаще ереси и расколы возникають и распространяются въ церкви тогда, когда народъ, входящій въ составъ ея, находится не совсѣмъ въ благоустроенномъ нравственномъ состояніи, когда въ обществѣ истинный, законный, нравственный порядокъ находится въ борьбѣ съ ложнымъ, превратнымъ нравственнымъ направленіемъ. Общество русское, въ періодъ распространенія въ немъ раскола, находилось именно въ такомъ нравственномъ состояніи. Въ XVII столѣтіи, во внутренней, нравственной жизни русскаго народа совершалась тяжкая, болѣзненная борьба между свѣтомъ возникавшаго просвѣщенія и мракомъ стараго, грубаго невѣжества и лжемудрствованія, между истиннымъ, благоустроеннымъ нравственнымъ порядкомъ, насаждавшимся на почвѣ русской, подъ благотворнымъ вліяніемъ церкви, просвѣщенною благопопечительностію царей Михаила, Алексѣя и Өеодора, и между старымъ, отъ злоупотребленія и неустройствъ укоренившимся нравственнымъ безпорядкомъ. Печаленъ, прискорбенъ этотъ жалобный вопль, съ какимъ пастыри церкви, правительство и всѣ лучшіе люди XVII столѣтія вопіютъ противъ нравственныхъ недостатковъ общества, безпощадно, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, указывая на нравственныя болѣзни, требуя излечить ихъ [1]). Въ самомъ началѣ XVII столѣтія, изъ стана знаменитыхъ борцовъ 1612 года, которые первые провозгласили необходимость нравственнаго очищенія, слышимъ горестный вопль о нравственныхъ болѣзняхъ русскихъ людей: «мы впали, жаловался напримѣръ Авраамій Палицынъ, во всѣ злыя дѣла, въ лихвы и неправды, въ объяденіе и піянство и блудъ. За вся же сія злая и лукавая дѣла, егда наказа насъ Господь, мы не токмо еже къ нему обратитися, но и злѣйше гордостію возвышающеся въ горшая и злѣйшая впадохомъ... Всякъ отъ своего чину выше начаша восходити. Раби убо господіе хотяху быти и невольніи къ свободѣ прескачуще; сильніи же разумомъ отъ тѣхъ въ прахъ вмѣняеми бываху, и ничто же по нихъ несмѣюще рещи. Царемъ же играху яко дѣтищемъ, и всякъ выше мѣры своея жалованія хотяше [2]). Въ исходѣ первой половины XVII вѣка сильно, безпощадно обличали нравственные недостатки духовенства и народа патріархи: Іоасафъ I [3]) Іосифъ [4]), митрополитъ Ростовскій Іона [5]) и многіе другіе. Во второй половинѣ XVII столѣтія, тотъ же горькій, жалобный вопль противъ нравственнаго зла и безпорядка повторяетъ, во имя церкви, великій Никонъ, который положилъ главной задачей своего патріаршества «очищать, просвѣщать, совершать»: «священники и люди»,— писалъ этотъ знаменитый іерархъ въ своей окружной грамотѣ 1665 года,

---

[1]) См. прекрасную общую нравственную характеристику XVII вѣка въ соч. проф. Соловьева: 1) „Древняя Россія“ въ Русскомъ Вѣстникѣ № 1, 1856; 2) Рѣчь о Шуваловѣ, произнесен. по случаю столѣтн. юбилея Моск. университ. 12 Янв. 1855; 3) Взглядъ на исторію установленія въ Россіи государств. порядка до Петра Великаго. Публ. лекц. 3. 1852 г.

[2]) Сказан. объ осадѣ Троицко-Сергіева монаст. стр. 18, 35, 36 1784 г.

[3]) А. А. Э. т. III, № 264.

[4]) Увѣщаніе къ духовному и мірскому чину. Вышеупом. рук. В. И. Григоровича.

[5]) А. И. т. IV. № 62.

по случаю свирѣпствовавшей тогда моровой язвы, — «отступихомъ вкупѣ вси, уклонихомся вкупѣ и нетребѣ быхомъ, нѣсть творяй судъ и правду; о семъ убо мой страхъ и слово, и еще азъ болю къ язвѣ и сицѣ молюся молитвою, юже и приложу реченнымъ: согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ»,—и потомъ послѣ молитвы къ Богу, призываетъ православныхъ чадъ русской церкви къ покаянному, всеобщему нравственному очищенію [1]). Жестка, груба была нравственность въ большей части духовенства и народа въ XVII вѣкѣ: потому жесткія, крутыя иногда и мѣры употреблялъ этотъ высоконравственный архипастырь для исправленія современной нравственности. Единодушно съ пастырями церкви, и гражданское правительство, въ многочисленныхъ государственныхъ грамотахъ, также сильно, безпощадно обличало, поражало нравственные недостатки отсталыхъ людей, несовмѣстные съ нравственнымъ благоустройствомъ государства. Знаменитымъ «Уложеніемъ» царя Алексѣя Михайловича полагалось прочное, незыблемое основаніе нравственнаго порядка. Въ исходѣ XVII столѣтія слышимъ тоже твердое, рѣшительное, глубоко-сознательное требованіе народнаго нравственнаго очищенія, совершенствованія, благоустроенія, въ дѣяніяхъ великаго патріаршаго собора 1667 года, въ соборныхъ отвѣтахъ 1681 года на предложенія царя Өеодора Алексѣевича, въ посланіи патр. Іоакима къ митрополиту Новгородскому Корнилію [2]), въ окружномъ посланіи Аөанасія Холмогорскаго и въ запискахъ частныхъ людей, — Кошихина, Желябужскаго и другихъ. Однимъ словомъ: и церковное и гражданское правительство сильно, безпощадно возставало въ XVII в. противъ нравственныхъ недостатковъ общества, съ лопатою, такъ сказать, въ рукѣ очищало, отребляло гумно Божіе — церковь русскую и православный народъ отъ нравственныхъ плевелъ. И вотъ плевелы эти, вслѣдствіе такого очищенія, отребленія, сами собою отдѣлились отъ пшеницы, и произрастили расколъ. Ибо, при благоустроявшемся все болѣе и болѣе нравственномъ порядкѣ, имъ нельзя было болѣе расти на почвѣ русской церкви и нравственно-благоустроеннаго русскаго общества вмѣстѣ съ пшеницею. Такимъ образомъ расколъ въ нравственномъ отношеніи есть не иное что, какъ плодъ тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые заражали въ XVII вѣкѣ, къ прискорбію, большую часть русскаго народа. И раскольники, поэтому, суть вовсе не «остальцы древне-церковнаго благочестія», какъ они себя называютъ, а большею частію нравственные отверженники общества, отщепенцы, не имѣвшіе доброй христіанской и гражданской нравственности, не хотѣвшіе подчиниться благоустроенному нравственному порядку и слѣдовавшіе своимъ похотямъ и склонностямъ. Такъ смотрѣли на расколъ и лучшіе пастыри русской церкви того времени. «Грѣхъ ради нашихъ, говорили отцы собора 1667 года, мнози невѣжди не точію отъ простыхъ, но отъ священныхъ, ови отъ многаго невѣдѣнія бо-

[1]) Начерт. житія Никона,—Аполлоса, стр. 136, 137.

[2]) Это очень длинное посланіе находится въ Сборн. Солов. библ. № 885. Въ немъ сильно обличаются современные пороки, особенно притѣсненіе сильными слабыхъ, и указывается, какъ на кару гнѣва небеснаго, на нападеніе Турковъ на Малороссію, говорится также о раскольникахъ.

жественныхъ писаній и житія растлѣнна, ови же и во образѣ благоговѣнія и житія мнимаго добродѣтельнаго, являющеся быти постни и добродѣтельни, полни же всякаго несмысльства и самомнѣннаго мудрованія, иже мнящеся быти мудри, объ юродѣша... возмутиша многихъ души неутвержденныхъ [1]). «Отъ стремнинъ горькихъ и язвинъ своихъ изыдоша отступники отъ истинной церкви русской», читаемъ въ настольной грамотѣ, данной митрополиту нижегородскому Филарету въ 1672 году, «насадиша винограды по своимъ похотямъ, услаждающія гортани своя временною сладостію льстиваго ученія, послѣди же въ горесть души обращающіеся» [2]). Чтобы безпристрастнѣе и яснѣе показать внутреннее, нравственное отпаденіе отъ церкви и государства недостойныхъ, нравственно-худыхъ русскихъ людей, разсмотримъ подробнѣе, изъ какихъ именно нравственныхъ недостатковъ развился расколъ, и подъ вліяніемъ какихъ нравственныхъ недостатковъ распространился.

Во-первыхъ, нравственная жизнь русскаго народа, въ разсматриваемое время, представляла весьма обильную почву для возрастанія и размноженія плевелъ раскола потому, что она не оживлена, не *озарена была въ достаточной мѣрѣ животворнымъ свѣтомъ просвѣщенія*. Въ умственной жизни русскаго народа, также какъ и въ жизни церковно-богослужебной, въ XVI в. и въ первой половинѣ XVII вѣка все болѣе и болѣе обнаруживалось видимое раздвоеніе и борьба двухъ направленій: съ одной стороны, направленія истиннаго, просвѣщеннаго, стремившагося къ болѣе разумному и отчетливому познанію христіанскаго ученія и къ развитію духовнаго просвѣщенія; съ другой—направленія невѣжественнаго, умственно-неподвижнаго, противодѣйствовавшаго всякому разумному движенію мысли и развитію просвѣщенія; это былъ періодъ *борьбы тьмы со свѣтомъ*, какъ справедливо замѣтилъ Штраль въ своей исторіи русской церкви [3]). Люди перваго направленія съ жаждой искали просвѣщенія, были «тщаливы къ наукѣ, желали навыкати писанія», и если не имѣли достаточныхъ способовъ для просвѣщенія, съ благороднымъ, искреннимъ смиреніемъ сознавались въ недостаточности своего образованія и глубоко сожалѣли о томъ, что «училища николи же видѣли». А люди темнаго, невѣжественнаго направленія, «мнящіися быти учители», какъ жаловался Курбскій, «говорили прельщающе юношей тщаливыхъ къ наукѣ, хотящихъ навыкати писанія, съ прещеніемъ заповѣдывали имъ глаголюще: не читайте книгъ многихъ» и указывали на тѣхъ, кто «ума изтупилъ, а онсица въ книгахъ зашолся, а онсица въ ересь впалъ». «О бѣда», восклицаетъ Курбскій: «отнимаютъ оружіе, которымъ еретики обличаются, а другіе исправляются и врачевство смертноснымъ ядомъ называютъ» [4]). «Аще кто ни премудръ, ни разуменъ есть нехотяй научитися,—жаловался неизвѣстный русскій писатель хронографа первой половины XVII вѣка на русскихъ людей своего

---

[1]) Дополн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 459.
[2]) Древн. Рус. Библіоѳ. ч. XVIII, стр. 111–113.
[3]) Strahls Beiträge zur russischen Kirchengeschichte.
[4]) Опис. Рум. Муз. стр. 557.

времени, — той нехощетъ отъ тмы и частыя мглы къ свѣту воззрѣти; мнози суть мнящеся умѣюще грамоту и мудры себе глаголющихъ быти малая нѣкая отъ писанія разумѣюще, и не хотятъ научити себе, но егда молвятъ псалмы Давыдовы, или чтутъ святое писаніе, не вѣдятъ убо что глаголютъ и чтутъ, мнящеися мудри быти сбъюродѣша» [1]). Люди благомыслящіе понимали все невѣжество, всю ограниченность пониманія русскихъ грамотниковъ XVII в., мнящихся быти учителями, и стремились къ изученію твореній лучшихъ, знаменитыхъ учителей грековосточной церкви. «Или Логину (головщику, возтававшему противъ исправленія книгъ при патр. Филаретѣ) вѣрити»? говорилъ старецъ Арсеній Глухой, бывшій справщикомъ книгъ при томъ же патріархѣ «не буди сего: ибо паче достоитъ вѣровати Василію Великому и Іоанну Златоусту... Богоносніи отцы и учители, исполнь суще премудрости и разума духовнаго, съ великимъ опасеніемъ блюли (чистоту и неповрежденность текста свящ. книгъ), у насъ же печатныя книги и письменныя отъ неискусныхъ писцовъ перепорчены отъ невѣдѣнія» [2]). Приверженцы умственно-неподвижнаго, невѣжественнаго направленія, напротивъ, коснѣя въ невѣжествѣ, чуждались, отвращались ученія великихъ учителей христіанства. Когда препод. Діонисій, архимандритъ Троицко-Сергіевой лавры, ввелъ читать въ храмѣ Божіемъ бесѣды Златоустаго, Логину это «море сладости, яко лужа негодная вмѣняшеся». Люди, стоявшіе за просвѣщеніе, вникали въ смыслъ церковныхъ книгъ, въ истины ими возвѣщаемыя. «Ибо не глаголомъ единѣмъ», — говорилъ старецъ Арсеній, «достоитъ внимати, ниже чернилу и письменомъ вѣрити, но отвѣту писавшаго паче достоитъ вѣрити». Послѣдователи враждебнаго просвѣщенію направленія были слѣпо привязаны къ одной буквѣ. «Злословящіи насъ, говорилъ тотъ же поборникъ просвѣщенія, точію чернилу вѣрятъ и письменомъ единѣмъ внимаютъ, и тѣхъ въ конецъ добрѣ не свѣдятъ; не знаютъ ни православія, ни кривославія, божественная же писанія точію по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти: священная же философія и въ рукахъ небывала». Наконецъ, люди свѣта, просвѣщенія, стремились къ расширенію круга духовнаго ученія, къ оживленію и просвѣщенію преобладавшаго доселѣ односторонняго церковно-обрядоваго направленія русской жизни и литературы свѣтомъ живой мысли, разумнаго знанія вѣры, стремились ввести въ кругъ русскаго просвѣщенія знаніе не одного часослова, но и языковъ латинскаго и греческаго, и стали пріобрѣтать не однѣ церковныя книги, но и книги необходимыя и полезныя для гражданскаго просвѣщенія, книги греко-латинскія. А люди темные съ ненавистію смотрѣли на всѣ эти новыя знанія и книги, какъ на еретическія противо православныя, и занимающимся греческимъ и латинскимъ языками или, говоря ихъ словами, «хапающимся за чужіе языки», угрожали проклятіемъ вселенскаго собора [3]). *Старыя книги, старыя поня-*

---

[1]) Сборн. начинающейся хронографомъ рукоп. Солов. библ. № 864, л. 12.

[2]) Челобитн. Арсенія Глухого къ боярину Салтыкову. Сборн. Солов. биб. № 897, л. 110, 111.

[3]) Строева — описаніе книгъ Царскаго, стр. 253.

тія, и никакой новой свѣжей мысли, никакой новой книги, даже накакого новаго изданія, а тѣмъ болѣе исправленія старой книги! вотъ жалкій девизъ умственной жизни большей части нашего народа въ XVII вѣкѣ. Старыя книги все болѣе и болѣе оскудѣвали отъ времени, сгнивали: напримѣръ, въ половинѣ XVII вѣка, по словамъ Епифанія Славеницкаго, «былъ велій недостатокъ божественныхъ книгъ слова Божія въ Великороссіи, ниже бо рукописныя отнюдь обрѣтахуся а также егда гдѣ уже печатнымъ Острожскимъ обрѣстися, имъ же отъ многа времени оскудѣти». А между тѣмъ и этихъ, существенно-необходимыхъ христіанскихъ книгъ, нельзя было издать вновь безъ возмущенія народнаго. «Народи же къ сему усомнѣвахуся, говоритъ Епифаній Славеницкій, мняще неистинны быти (вновь изданныя библейскія книги съ греческихъ подлинниковъ), за порабощеніе странъ сихъ. Предпріятіемъ же и обычаемъ паче влекущеся на древнее нрава своего склоняхуся, первыя изданныя книги похваляху, настоящія же презираху, глаголютъ бо: *ветхое лучше есть* [1]). Вообще предубѣжденіе противъ просвѣщенія въ XVII вѣкѣ въ самой большей части русскаго народа было крайне сильное и поражало всѣхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію. « О преблагословеніи россійстіи людіе, — говорили патріархи восточные, бывшіе въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: вы Божіимъ милосердіемъ и благодатію ниже ига работы страждете, ниже дани съ насиліемъ кесареви даете, но свободно жительствуете и велій покой имѣете, обаче ученія чуждаетеся волею, малоцѣняще и мудрость предстоящую Богу, не добрѣ о ней держите, презираете ее» [2]). При такой холодности къ просвѣщенію, невѣжество доходило до крайности. Духовное просвѣщеніе было самое скудное и одностороннее, и то только въ самой небольшой части народа. Книги свящ. писанія, которыя бы могли просвѣщать умы разумнымъ знаніемъ вѣры, весьма рѣдкіе читали: «погибоша поучающіися въ божественныхъ догматахъ», какъ жаловался п. Іосифъ. И изъ тѣхъ, которые читали духовныя книги, большая часть читала безъ всякой пользы и разумѣнія, «нынѣ убо сія, заутра же иная священная писанія читали напрасно! Мнози окаяніи пребываютъ, яко по толицѣмъ прочитаніи ниже имена вѣдаютъ святымъ книгамъ», жаловался въ XVII вѣкѣ одинъ неизвѣстный составитель сборника разныхъ статей XVI и XVII вѣка [3]). Такія жалобы на лѣность къ чтенію книгъ и безпечность о просвѣщеніи весьма часто. встрѣчаются въ сочиненіяхъ и сборникахъ XVII в. Безчисленное

---

[1]) Предисл. къ изд. библіи 1663 г. Солов. библ. № 197.

[2]) Въ словѣ въ день Рождества Христова Прибавл. къ твор. св. отц. 1845 кн, 2 Петрей in chronic Moscovitic. Das russische Volk grob bäurisch, tolpisch und unhöfflich, darzu sie selbst Ursach seyn... Wollen keine Zucht und Ehrbarkeit lernen. 6. 3111. Олеарій писалъ: Ils (Moscovites) n'apprennent point d'art ni de science, et ils n'appliquent point leur esprit à l'étude; au contraire ils sont si ignorens qu'ils croyent qu'il faut être Sorcier pour faire un Almanach, et qu'on ne sauroit prédire les revolutions de la lune, ni les eclipses, que l'on n'ait communication avec le Daimon. Cest pourquoi tous les Moscovites murmurent de la resolution que le Grand Duc avoit prise de m'arreter à son service en qualité d'Astronoms et de Mathemaciens au retour de notre voyage de Perse et ils firent courir le bruit que leur prince alloit etablir un Magicien dans sa cour p. 203.

[3]) Ркп. Солов. библ. № 889.

множество въ народѣ было такихъ, которые нетолько не знали истинъ христіанскаго ученія, не различали, напримѣръ, въ своемъ сознаніи Бога отъ иконы, но и не знали даже краткой молитвы Господней. Самые книжники, вмѣсто того, чтобы уяснять и усвоять высшія истины священнаго писанія, Евангелія, занимались самыми мелочными вопросами, напр. въ родѣ того: како имя древу тому, на немъ же обѣсися Іуда? толкъ: сирнахіи; или: коего мѣсяца сотвори Богъ Адама? толкъ: Марта мѣсяца въ 25 день; и проч. и проч. или: Іоаннъ рече: что суть ризы Господня? Григорій рече: восходъ и исходъ. Василій рече: что есть стихарь? Григорій рече: седьмь небесъ. Іоаннъ рече: что суть патрахель? Василій рече: патрахель есть желѣзные столпіе, на немъ же земля плаваетъ и проч. или рѣшали споры между жизнію и смертію, или истощали свою мудрость въ вымышленіи «азбуки о воскресеніи Христовѣ», «азбуки о воззваніи Божіи», азбукъ покаяльныхъ и т. п. Отсутствіе серьезнаго умственнаго занятія, презрѣніе къ просвѣщенію и исключительное сосредоточеніе мысли на однихъ мелочныхъ обрядовыхъ вопросахъ и предметахъ до такой степени ослабляло самую даже мыслительность, способность пониманія, что весьма многіе не могли понимать простыхъ учительныхъ книгъ, такъ что напр. нравоучительныя бесѣды Златоуста на Евангеліе на посланія Ап. Павла и дѣянія апостольскія казались «неразумительными слушающимъ и читающимъ», казались «иностраннымъ езыкомъ» [1]). А крайняя неразвитость, застой или ослабленіе силы мысли и разумѣнія породили въ умахъ большей части русскихъ людей, особенно невѣжественныхъ грамотниковъ, грубую напыщенность, самоувѣренность въ сужденіяхъ, безотчетное, грубое упрямство въ своихъ мнѣніяхъ, хотя бы то самыхъ нелѣпыхъ, презрѣніе къ словамъ и мнѣніяхъ другихъ, особенно нетерпѣніе противорѣчій, или обличеній, хотя бы то самыхъ полезныхъ и основательныхъ. Къ большей части русскихъ людей XVI и XVII вѣка можетъ быть отнесенъ слѣдующій отзывъ иностранца Ульфельда о русскихъ людяхъ XVI вѣка: «какъ они горды, можно видѣть изъ того, что все, что ни сказали бы они, считаютъ вѣрнымъ и непреложнымъ; мало того, они не терпятъ противорѣчія въ разсужденіяхъ, безъ всякаго порядка, необдуманно выливаютъ все, бросаются туда и сюда, какъ попадетъ на мысль, и не удостоиваютъ выслушать другихъ, перебиваютъ слова» [2]). Точно тоже говорилъ Кошихинъ о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича: «Россійскаго государства люди въ государствѣ своемъ никакого добраго наученія не имѣютъ и не пріемлютъ... и не наученіемъ своимъ говорятъ многія рѣчи къ противности [3]). При такомъ умственномъ состояніи большей части русскаго народа въ XVII вѣкѣ, при такомъ рѣзкомъ вѣковомъ раздвоеніи и борьбѣ людей свѣта, просвѣщенія, и людей тьмы и грубаго невѣжества, можно ли было ожидать, чтобы рѣшительное, энергическое стремленіе къ просвѣщенію людей пер-

[1]) Опис. Руск. муз. стр. 632.
[2]) Ulfeld. p. 17.
[3]) Кошихинъ стр. 71.

ваго направленія, такъ живо и сильно возбужденное духовно-просвѣтительною дѣятельностію Никона и особенно гражданско-просвѣтительною общественно-образовательною реформою Петра Великаго, не возбудило такого же сильнаго, энергическаго противодѣйствія со стороны людей противнаго направленія, и окончилось безъ борьбы и раздѣленія этихъ двухъ существенно-противоположныхъ, несовмѣстныхъ между собою направленій, уже болѣе столѣтія боровшихся между собою? Весьма трудно и даже невозможно было этого ожидать. И вотъ, когда Никонъ, «свѣтоводитель, богоданный въ свѣтоводительство русской церкви» XVII вѣка, сталъ разсѣевать мракъ невѣжества и исправлять книги, испорченныя невѣжествомъ, противники просвѣщенія, по словамъ Епифанія, «омрачившеся дебелаго невѣдѣнія мракомъ, и мысленная очеса своя, еже на свѣтлую лучу исправленій взирати, смѣживше, на первопрестольнаго священно-начальника — свѣтоводителя злокозненно начали роптать» [1]), и произвели расколъ. Сталъ свѣтоводитель Никонъ расширять кругъ духовнаго просвѣщенія въ Россіи, и съ сею цѣлію пріобрѣлъ чрезъ Грека Арсенія до 1000 книгъ греческихъ и латинскихъ, въ томъ числѣ даже твореніе Гомера, Геродота, Гезіода, Софокла, Демосѳена, Фукидида и другихъ древнихъ греческихъ писателей: противники просвѣщенія, подъ знаменемъ раскола, подняли фанатическій крикъ противъ внесенія въ Россію такихъ книгъ, какъ противъ книгъ еретическихъ. Расколоначальникъ Ѳеодоръ—дьяконъ писалъ «къ нѣкоему другу своему Максиму»: «латинцы печатаютъ книги въ трехъ градѣхъ своихъ въ Римѣ, въ Парижѣ и Венеціи, и тѣ прокаженныя книги греко-латинскія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо, и купилъ ихъ на многія тысящи сребра. Арсеній Грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги еретическія: онъ преводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ сотворили во всей русской землѣ, и пагубы навели противными книгами и чужими догматы нововводными» [2]). Тоже самое, какъ мы видѣли, говорилъ Аввакумъ, что «нынѣ расколъ творятъ книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ и другихъ странъ». Такимъ образомъ въ умственномъ отношеніи, въ отношеніи къ просвѣщенію, расколъ былъ не что иное, какъ отрицаніе просвѣщенія, какъ слѣдствіе крайне-ограниченнаго, односторонняго образа мыслей невѣжественныхъ поборниковъ русской народности XVII вѣка. Потому-то раскольники, возставая противъ патр. Никона, сильно, злобно возставали и противъ просвѣщенныхъ сотрудниковъ его—Арсенія Грека и ученыхъ иноковъ кіевскихъ — Епифанія Славеницкаго, Арсенія Сатановскаго и другихъ, дѣятельно занимавшихся при Никонѣ переводомъ и исправленіемъ книгъ. Они подавали даже челобитныя царю, чтобы онъ не давалъ книгъ этимъ, по ихъ выраженію, иностраннымъ инокамъ, ересей вводителямъ и прогналъ бы ихъ изъ Москвы [3]).

---

[1]) Предисл. къ Скрижали 1655 года

[2]) Сочин. Ѳеодора дьякона, ркп. библ. Казан. Дух. Академ.

[3]) Такъ Нероновъ въ 1653 или 54 году писалъ изъ заточенія царю, какъ отчасти мы и выше видѣли, „отнюдь не дерзати святыхъ книгъ таковымъ преводить, ниже вручити, яковъ же оный лукавый чернецъ Арсеній Грекъ... Охъ, увы, благочестивый

А упорство раскола въ своихъ очевидно ложныхъ мнѣніяхъ есть ни что иное, какъ слѣдствіе того мрачнаго умственнаго недостатка русской народности XVI и XVII вѣка, о которомъ говорятъ Ульфельдъ и Кошихинъ, то есть,—грубаго упрямства въ своихъ мнѣніяхъ, нетерпѣнія противорѣчій, презрѣнія къ словамъ другихъ, «говоренія отъ ненаученія многихъ рѣчей къ противности». На расколъ, какъ на слѣдствіе крайне-ограниченнаго и узкаго взгляда русскихъ людей XVII вѣка на книжное ученіе и просвѣщеніе, смотрѣли и просвѣщенные современники его происхожденія и первоначальнаго распространенія. «Понеже, — говоритъ бывшій переводчикомъ посольскаго приказа Авраамій Фирсовъ въ припискѣ къ переведенной имъ въ 1683 году псалтири,—понеже нашъ россійскій народъ грубый и неученый, не только простыя, но духовнаго чина истинныя вѣдомости, и разума, во святомъ писаніи не ищутъ, и ученыхъ людей поносятъ, и укоряютъ и еретиками ихъ называютъ, вѣрятъ токмо тому писанію, которое въ недавныхъ лѣтѣхъ напечатано, лѣтъ около 40, 50 и 70, а болѣе ста лѣтъ—таковымъ книгамъ не вѣрятъ; а которыя новоправленныя книги со старыхъ, истинныхъ, свидѣтельствованныхъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, правлены при нашемъ житіи, аще и лучше гдѣ въ разумѣ и въ нарѣчіи грамматическаго чина, исправлено: обаче за невѣжество свое тому не вѣрятъ, новыми книгами и ересію называютъ ихъ... И такого ради ихъ невѣжества бываютъ нынѣ въ Россійскомъ Государствѣ несогласія, расколы, междоусобія, и въ церкви Божіи великій мятежъ» [1]). Невѣжество породило расколъ, невѣжество и способствовало его распространенію. «Простреся тое ученіе яко же въ Россіи, тако и въ Сибири, говоритъ Игнатій, митроп. тобольскій: понеже нѣцыи невѣдяху истины, что есть православная вѣра, и уклоняхуся въ нечестіе» [2]). Отцы собора 1667 года также говорили, что многіе и сами приняли расколъ и другихъ совратили въ него по причинѣ многаго невѣдѣнія божественныхъ писаній [3]). «Мнози и отъ благочестивыхъ *за скудость ума своего* послѣдовали расколу», замѣчаетъ патріархъ Іоакимъ [4]).

Съ невѣжествомъ всегда находится въ тѣсной связи грубое *легковѣріе и суевѣріе*. Такъ было и въ русскомъ народѣ въ разсматриваемое время. При «гладѣ душевномъ при оскудѣніи пищи духовной, сирѣчь проповѣди слова Божія въ насыщеніе душъ христіанскаго народа», какъ говорили

царю! стани добрѣ церковное чадо. И паки молимъ тя, Государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ непринимай: зримъ бо въ нихъ, Государь, ни едину отъ добродѣтелей". Самого Никона лично Нероновъ упрекалъ: „иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь, и обычаи тѣхъ пріемлешь... А мы прежде сего у тебя же слыхали, что многожды ты говаривалъ намъ: гречане де и малые. Россіи потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ. А нынѣ у тебя то и святые люди и законоучители... порочнаго чернеца Арсенія ты взялъ изъ соловецкаго монастыря на смуту, и устроилъ того яко учителя, паче же къ тисненію печатному правителя".

[1]) Опис. славян. рукоп. москов. синод. библіотеки стр. 191, 192.

[2]) 3 послан. въ Правосл. Собесѣдн. 1855, кн. 2.

[3]) Дополн. къ А. И. т. V, стр. 459.

[4]) Увѣтъ л. 10, об.

нѣкоторые пастыри русской церкви XVII вѣка [1]), духъ народа питался и жилъ большею частію суевѣріями. Вѣра истинная, живая, не имѣя твердой, животворной пищи и разумнаго основанія, при отсутствіи живого богословскаго просвѣщенія, вѣра безъ знанія, истощалась, изживала, мертвѣла, обращалась въ суевѣріе, искала себѣ пищи только въ старыхъ русскихъ повѣрьяхъ, сохранившихся отъ временъ язычества, да въ новыхъ вымыслахъ невѣжества и суевѣрія, какія въ XVI и XVII вѣкѣ распространялись въ многочисленныхъ «толстыхъ сборникахъ». Праздная, суевѣрная мысль, не почерпая изъ слова Божія возвышенныхъ, глубокихъ истинъ христіанства для своего питанія, обогащенія, занятія, не зная болѣе возвышенныхъ предметовъ для размышленія и познанія, занималась мистико-религіозными толками, безотчетной, ни на какомъ разумномъ началѣ не основанной аналогіей отъ предметовъ вѣры и церкви къ явленіямъ физическимъ и житейскимъ. Напримѣръ, занимались такими сближеніями: «аще будетъ рождество Христово въ недѣлю, зима снѣжна и велика, а весна дождева, жатва суха, меду пооскудно, язя скотомъ, и овцамъ пагуба; аще будетъ рождество Христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождева, жатва суха, обиліе всему міру, потомъ дожди велици будутъ, а будетъ язя трясавичная и напрасная смерть многимъ и т. д.» по всѣмъ днямъ, въ какія случится праздникъ рождества Христова, предсказываются разныя хозяйственно-домашнія и физическія явленія или перемѣны [2]). При господоствовавшемъ въ то время въ большей части народа безотчетномъ, мертво-обрядовомъ направленіи христіанскаго благочестія, и при крайнемъ недостаткѣ живого богословскаго просвѣщенія, суевѣрные русскіе люди днями, мѣсяцами и годами измѣряли силу и дѣйственность молитвъ, постовъ. Напримѣръ, въ сборникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчаются такія представленія: «Іоанна Златоустаго молитва Господу нашему Іисусу Христу: Господи Іисусе Христѣ Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго. Аще кто молитву сію требуя ся глаголетъ, яко изъ ноздріи дыханіе,—по первѣмъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій; по второмъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святый; по третьемъ лѣтѣ пріидетъ къ нему Отецъ и вшедъ въ него, обитель въ немъ сотворитъ, и пожретъ молитва сердце, и сердце пожретъ молитву, и начнетъ кликати безпрестанно молитву сію день и нощь» [3]). Или: «мѣсяца Марта аще кто постится человѣкъ 4 дни: недѣлю, понедѣльникъ, среду и пятокъ, да причтется четыремъ на десятъ родомъ Авраамлимъ» [4]). Или: думали избавиться отъ разныхъ непредвидѣнныхъ бѣдствій однимъ произнесеніемъ имени или воспоминаніемъ какого-либо святого, иногда и вымышленнаго, невѣдомаго церкви. И такъ на всякой случай придуманъ былъ какой либо святой: напримѣръ, въ сборникѣ Соловецкой библіотеки подъ № 889 читаемъ такую статью: азъ, Гри-

---

[1]) Древн. Росс. вивліоѳ. ч. XVIII, стр. 111—113. Строева—опис. книгъ Царскаго стр. 248.

[2]) Сборн. Солов. библ. XVII в. № 889.

[3]) Сборн. Солов. библ. № 860.

[4]) Опис. Рум. муз. стр. 514.

горій рече,—пріидохъ ко ангелу, и рѣкъ ему сіе: скажи ми, Господи ангеле: аще плаваеши въ ладіи, помяни святаго ангела Гавріила, и избавитъ тя отъ всякаго зла; аще хощеши идти по горамъ, или по пустынямъ, помяни святаго ангела Разаила, соблюдетъ тя; аще воду піеши, помяни святаго Ноиля; егда ложася спати, помяни святаго ангела Помаила, той бо есть нощный стражъ намъ спящимъ; егда будеши въ печали, помяни ангела Аѳанаяла: той бо есть утѣшитель ангеломъ и человѣкомъ; егда стяжеши домъ и храмъ ставиши, помяни св. ангела Мисаила, той убо есть утвержденіе храму; егда наліеши пиво или медъ или иное что, помяни св. ангела Рахѳаила: споро ти будетъ; егда идеши тягатися, помяни св. ангела Уріила, скоро потяжеши; егда идеши на путь, помяни св. ангела Русаила: супротивникъ не будетъ; егда идеши въ пиръ, помяни св. ангела Панѳараона». Предметы священные, церковные, какъ напр. Евангеліе и крестъ, и имена святыхъ употребляли въ колдовствѣ и заговорахъ [1]); сочиняли «лживыя молитвы о трясовицахъ, о нежитѣхъ и о недузѣхъ, и грамоты трясовичныя писали на просфорахъ и на яблокахъ болѣсти ради» и невѣжи все это заучали, вмѣсто того, чтобы изучать истинныя церковныя молитвы; даже извѣстное апокрифическое посланіе Христово къ Авгарю неразумные носили на шеѣ, и имъ заговаривали больныхъ отъ болѣзней [2]). Въ вышеупомянутомъ сборникѣ солов. библіот. есть такой заговоръ надъ бѣглецомъ или заблудившимся, въ видѣ молитвы тремъ исповѣдникамъ: «Святіи Божіи исповѣдницы: Гуріе и Самоне и Іавиве: якоже есте возвратили дѣвицу погибшую въ градъ свой во Едесъ, тако и сего возвратите погибшаго имрекъ: Аврааме свяжи, Исааче пожени, Іакове путь ему замети и путь ему сотвори теменъ, ангелъ пожени, во имя Отца и Сына и Свят. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь» [3]). Въ этомъ же сборникѣ предлагаются суевѣрнымъ еще слѣдующіе темные мистическіе совѣты, отзывающіеся еще чѣмъ-то миѳологическимъ: «се умолвити: червь въ человѣцѣ или въ винѣ: какъ зайдетъ солнце, плюни на камени, или на рану глаголя: си падма си; или надъ солію, да примолви сице: сѣдла гремятъ, а узды звячутъ, порожныя мѣхи ѣхати (sic)» [4]). И много подобныхъ нелѣпыхъ вымысловъ невѣжества, которыми питалось суевѣріе, можно бы привести изъ однихъ сборниковъ одной соловецкой библіотеки; но достаточно и приведенныхъ, чтобы видѣть, какъ возможно было возникновеніе и развитіе раскола со всѣми его совершенно такими же суевѣріями и нелѣпостями. При недостаткѣ нравственнаго вліянія духовенства, суевѣрія эти въ народѣ особенно поддерживались колдунами и чародѣями, этими вѣковыми хранителями языческихъ суевѣрій. Древнія языческія суевѣрія въ XVII вѣкѣ какъ будто снова оживали въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, и мракъ этихъ суевѣрій до такой степени окружалъ, отемнялъ умственную жизнь народа, что правительство церковное и гражданское находилось

[1]) Архивъ Калачева кн. 2.

[2]) Въ прилож. къ ркп. Солов. библ. Аввы Дороѳея.

[3]) Сборн. Солов. библ. № 889.

[4]) Къ сожалѣнію, въ рукописи недописанъ этотъ наговоръ.

вынужденнымъ дѣйствовать противъ суевѣрій особенно, систематически, указами и граматами. Въ XVII вѣкѣ неоднократно возникали даже процессы о колдовствѣ [1]). Въ одномъ сборникѣ XVIII вѣка сохранилось длинное исчисленіе разныхъ суевѣрій и предразсудковъ, которые омрачали умственную жизнь самой большей части русскаго народа въ XVI, XVII и даже XVIII вѣкѣ, и между прочимъ здѣсь сказано, что многіе «волсви и еретицы и богомерзкія бабы кудесницы и иная множайшая волшебствуютъ и ложная вѣщаютъ, а народъ имъ вѣритъ». Волхвы, чародѣи, сумасброды и лихія бабы прельщали простой народъ ворожбой, гаданьемъ, колдовствомъ и различными суевѣрными наговорами, заговорами и чарами. А легковѣрные любили съ услажденіемъ слушать бредни такихъ суевѣровъ и вѣрили волхвованіямъ чародѣевъ, благоговѣли передъ ними, какъ передъ истинными учителями и пророками. Вотъ что напр. писалъ объ этомъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1649 году: «вѣдомо намъ учинилось, что въ Сибири, въ Тобольскѣ и иныхъ сибирскихъ городахъ и уѣздахъ, мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ и дѣти, въ воскресенье и въ господскіе дни, и великихъ святыхъ, во время святого пѣнія въ церкви Божіи не ходятъ, и умножилось въ людяхъ во всякихъ всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество; и отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ христіанахъ учинилось многое неистовство: многіе люди, забывъ Бога и православно-христіанскую вѣру, тѣмъ прелѣстникомъ скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прельщеніе сходятся.... въ городахъ и уѣздахъ, бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхвованіемъ, а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ къ себѣ призываютъ, и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія всякихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ» [2]). Замѣтимъ, что здѣсь-то именно, въ Сибири, и являлись расколоучители—чародѣи. «Вѣкъ тогдашній, говоритъ Болтинъ о XVII столѣтіи, благовременемъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ; ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою въ томъ обрѣтали; большая часть народа вѣрили и обманьщиковъ обогащали; нѣкоторые, видѣвъ обманъ, говорить не смѣли, и таковыхъ было не много. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значущихъ, принято было за святыню, за предметъ почтенія, уваженія» [3]). Даже дворъ царицы Параскевы Θеодоровны, по словамъ Татищева, отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ: между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичъ, съумазбродный подъячій, котораго суевѣры почитали за святаго и пророка [4]). Въ первой

---

[1]) См. два акта XVII вѣка о волшебствѣ въ архивѣ историко-юрид. свѣдѣній о Россіи кн. 2. пол. 2, отд. VI, стр. 57—61 Дворц. Разряды т. III, стр. 1288. 1428. Акт. юрид. № 30: судн. дѣло о кореньѣ и травахъ. Арцыбаш. повѣсть о Россіи т. III, кн. VI. стр. 445. ст. Аѳанасьева „о колдовствѣ въ старину на Руси". Соврем. 1851. № 4.

[2]) Акт. ист. т. IV. № 35. стр. 124 и 125. А. А.-Э. т. III, № 264.

[3]) Замѣч. на Леклерка. т. I, стр. 550. Дѣян. Петра Великаго, Голикова. т. 13 стр. 148.

[4]) Въ 50 пр. къ XII гл. 1-й кн. своего свода лѣтописей, Татищевъ, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Негровъ, замѣчаетъ: „у насъ многіе и не

половинѣ XVII вѣка бывали примѣры, что даже простыя женщины — поселянки являлись народными учительницами, всенародно объявляя, что имъ были божественныя видѣнія и откровенія, напр. о томъ, чтобы православные «христіане табаки не пили». Простой народъ при грубомъ невѣжествѣ, до того былъ легковѣренъ и суевѣренъ, что готовъ былъ вѣрить всякому нелѣпому слуху, всякой хитросплетенной лжи. Вотъ что, уже въ дни возникающаго раскола, писалъ, напр., Никонъ въ окружной грамотѣ, по случаю мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ Россіи въ 1656 году: «мнози купно и особь собирающеся, о насъ глаголаху неподобная, и грѣхи наша понимающе, ихъ же мы не точію не содѣяхомъ, но ниже во снѣ помыслихомъ.... и ложная отъ лукаваго сердца видѣнія и сонія предъ очи простѣйшихъ предлагаху, простіи же и ненаученіи невѣдуще полезнаго, и внимаютъ баснемъ ихъ крамольнымъ и бѣсовскимъ и ложнымъ ихъ пророчествамъ. Мнози бо тогда не внимающе правому велѣнію и оныхъ крамольныхъ лживыхъ баснословій напившеся клеветаху овъ на сего, овъ же на инаго, яко повинныхъ творяще моровому повѣтрію, и мнози бѣсомъ прельщеніи пророчествоваху ложная, и о нихъ же всѣмъ явно, яко ничто же отъ глаголъ ихъ сбысться, точію себѣ губяще и братію свою, и на Бога хуляще, аки имъ извѣщеніе бысть се и се отъ Бога, лживѣ вопіяху къ людемъ, неутвержденныхъ сердца своимъ лукавымъ помышленіемъ возмущающе и глаголюще: видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ, и извѣщеніе се, и сіе пріяхъ отъ Бога, дабы въ слѣдъ себѣ многихъ отторгнули, и мнози тому послѣдующе по ихъ сказанію погибоша» [1]). Съ XVI вѣка, кромѣ того, въ настроеніи русскихъ умовъ особенно усилилось еще какое-то странное-мистико-апокалипсическое воззрѣніе не только на церковныя, но и на гражданскія событія и перемѣны въ Россіи. Объ немъ мы отчасти уже сказали, и теперь только дополнимъ сказанное нѣсколькими фактами. Это мистико-апокалипсическое воззрѣніе развилось частію вслѣдствіе преобладавшаго въ старину, почти исключительно религіознаго настроенія духа, по которому на все, даже въ самомъ мірскомъ, гражданскомъ быту и во внѣшней, физической природѣ, смотрѣли съ религіозно-мистической точки зрѣнія, но главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка надлежащаго, разумнаго богословскаго просвѣщенія. При религіозно-мистическомъ настроеніи духа, гадая о судьбѣ Россіи, особенно во времена бѣдствій и сильныхъ ея потрясеній, въ таинственной книгѣ— апокалипсисѣ, какъ богооткровенной, пророчественной книгѣ судебъ міра, искали рѣшенія вопросовъ о значеніи того или другого политическаго явленія или переворота въ Россіи. Особенно великое, бѣдственное потрясеніе Россіи въ началѣ XVII вѣка открывало людямъ религіозно-настроен-

---

весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышащіе довольно вѣрили.... Одна баба тоже о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилась. А. И. 1. стр. 192.

[1]) Окружное посланіе патр. Никона по случаю моровой язвы: см. Начерт. житія Никонова—Аполлоса стр. 129- 132.

нымъ, но легкомысленнымъ, непросвѣщеннымъ, широкій просторъ для разныхъ мистико-апокалипсическихъ толковъ и гаданій, которые, распространяясь въ народѣ, возбуждали въ немъ суевѣрныя ожиданія скораго свѣтопреставленія, безотчетныя опасенія за цѣлость и сохранность православной русской вѣры и церкви и древняго порядка и устройства Россіи. Подъ вліяніемъ мистико-апокалипсическихъ воззрѣній, въ каждомъ необыкновенномъ лицѣ, выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ русскихъ людей, или возмущавшемъ старый порядокъ вещей, или вводившемъ что-либо новое, видѣли образъ антихриста. Напр. папу, который въ то время особенно старался обратить Россію къ католицизму, иначе и не называли, какъ *антихристомъ*. Явился самозванецъ, бывшій чернецъ Григорій Отрепьевъ, и въ немъ видѣли воплощеніе антихриста, говорили: «*се образъ антихристовъ*», и мученическою кровію запечатлѣвали такое свое убѣжденіе. Другіе ждали какихъ-то міровыхъ перемѣнъ, скорой кончины міра и втораго пришествія Христова. Еще въ концѣ XV вѣка, въ новгородской пасхаліи противъ послѣдняго года (1492) 7-й тысячи лѣтъ написано было: «здѣ страхъ, здѣ скорбь, въ сіе лѣто чаемъ и всемірное твое пришествіе»: тоже сказано было въ лѣтописи [1]). Роковой 1492 годъ прошелъ, но неразсудительные люди все еще толковали о какихъ-то міровыхъ перемѣнахъ: въ XVI вѣкѣ какой-то Николай пишетъ дьяку великаго князя Мисюрю Мунехину «о лѣтѣ 32, что будетъ въ то лѣто вселенныя странамъ и царствамъ и областемъ и градомъ и обычаемъ и достоинствамъ и скотомъ и бѣлугамъ морскимъ вкупѣ всѣмъ земнороднымъ несумнѣнное премѣненіе и измѣненіе: въ то лѣто не узрится солнце, по россійскому счету лѣта 7032 отъ начала міра» [2]). Въ первой половинѣ XVII вѣка не только суевѣры, но и люди достаточно по тому времени образованные, всматриваясь въ смуты своего времени, въ переворотъ государственный, съ тревожнымъ чувствомъ ожидали исполненія роковыхъ временъ, предреченныхъ въ апокалипсисѣ, и предуготовляли къ тому народъ: «не у еще время временъ и полвремени исполнися, по откровенію Іоанна Богослова, говорили они: того ради намъ зрящимъ подобаетъ внимати» [3]). При такомъ настроеніи умовъ, могъ ли не имѣть успѣха расколъ, который, въ религіозномъ отношеніи, и есть не что иное, какъ окончательное проявленіе, утвержденіе, освященіе всѣхъ мнѣній и суевѣрій XVI и XVII вѣка. Ложно-апокалипсическій взглядъ раскола на церковныя исправленія Никона и гражданскія преобразованія Петра Великаго, главная и существенная проповѣдь его о воцареніи будто-бы въ Россіи антихриста съ 1666 года суть прямое слѣдствіе, окончательное развитіе и выраженіе мистико-апокалипсическихъ мнѣній и ожиданій XVI и первой половины XVII вѣка. И такъ какъ эти мнѣнія сильно, глубоко занимали въ то время духъ народа, то не удивительно, что расколъ, раскрывшій, освятившій эти мнѣнія, встрѣтилъ живое сочувствіе въ большей части народа и сильно распро-

---

[1]) Соф. Врем. II, 65.

[2]) Хронографъ Сол. библ. № 53, л. 341.

[3]) Сказ. Авраамія Палицына.

странялся. Какъ сильно дѣйствовала на духъ народа и совращала въ расколъ проповѣдь расколоучителей о кончинѣ міра и пришествіи антихриста, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Игнатія митрополита тобольскаго: «нынѣшніи еретицы, говоритъ онъ, ужасъ осатанинскій подающе: яко уже настоитъ день втораго Христова пришествія и кончина настоящаго вѣка: и годъ отъ года, и день отъ дне смущающе народы, и въ сій день будетъ кончина вѣка. И сего ради ихъ сквернаго ученія, простой нѣкій народъ и вѣрова словесемъ симъ: и ови убо оставили домы, и бѣгали за ними, яко овцы за волками, и погублени быша отъ нихъ: овіи огнесожженіемъ самовольнымъ душепагубнѣ, овіи же и донынѣ еще бѣсноватіи скитающеся и помираютъ безъ таинъ божественныхъ» [1]). Не говоримъ уже о послѣдующемъ ужасномъ развитіи въ расколѣ мистико-апокалипсическаго представленія о воцареніи въ Россіи антихриста и кончинѣ міра, особенно въ XVIII вѣкѣ, когда суевѣры ложились даже въ гробъ, съ часу на часъ ожидая второго пришествія Христова, неопровержимо будучи убѣждены, что антихристъ проникъ нетолько въ гражданское общество, но и въ самыя стихіи—огонь, воду и землю... Утвердившись и усилившись такимъ образомъ посредствомъ мистико-апокалипсической проповѣди своей объ антихристѣ и кончинѣ міра, совершенно согласовавшейся съ суевѣрными мнѣніями и ожиданіями XVI и XVII вѣка, расколъ, не менѣе того, освятилъ, такъ сказать, и употребилъ въ свою пользу, для своего успѣха, и другія суевѣрія народа. Такъ уже самые первые расколо-начальники, чтобы лучше обмануть простой народъ, представлялись предъ нимъ духовидцами, сподоблявшимися будто-бы свыше божественныхъ откровеній; во время язвы они распускали слухъ, будто въ небесномъ видѣніи велѣно остановить печатаніе исправленныхъ п. Никономъ книгъ. И удивительно ли, что люди суевѣрные на слово вѣрили такимъ, по выраженію п. Никона, «небылиннымъ зракамъ», и приставали къ расколо-учителямъ [2]). Равнымъ образомъ и послѣдующіе расколоучители, чтобы съ большимъ успѣхомъ увлекать въ свои сѣти легковѣрныхъ, нерѣдко выдумывали различныя будто-бы богодухновенныя, сновидѣнія, пророчества и чудеса: «овъ, говоритъ патр. Іоакимъ, глаголетъ посланъ чрезъ явленіе самаго Бога; другій чрезъ явленіе ангела, иные чрезъ иныхъ святыхъ, ради истины проповѣданія» [3]). Нѣкоторые изъ расколо-учителей, для успѣшнѣйшаго совращенія православныхъ въ расколъ, прибѣгали даже и къ чародѣйству, волхвованію и лживымъ чудесамъ, въ которыя народъ сильно вѣрилъ, и такимъ образомъ весьма успѣшно распространяли расколъ [4]). Такъ, напр., въ концѣ XVII столѣтія, на пути отъ

---

[1]) 3 послан. въ Правосл. Собесѣдникѣ, стр. 165.

[2]) Дополн. къ акт. ист., т. III, стр. 446—447.

[3]) Слово благодарств., л. 68.

[4]) Въ 1708 г. св. Димитрій Ростовскій писалъ къ государынѣ царицѣ Параскевіи Ѳедоровнѣ, ходатайствовавшей за попа села Курбая, Давида, что попъ этотъ отставленъ по правиламъ за его неистовство и раскольническое противленіе церкви православной, за хуленіе книгъ православныхъ, за развращеніе людей простыхъ въ прелесть раскольническую и за *лживыя его чудеса* и пр. Древ. Росс. Вивліоѳ., ч. XVII, стр. 67.

города Вологды къ Каргополю, въ одномъ пустынномъ мѣстѣ поселился расколо-учитель, волхвъ и чародѣй, который, между прочимъ, училъ совращать въ расколъ посредствомъ порошка, сдѣланнаго изъ высушеннаго и истолченнаго сердца новорожденнаго младенца. «Слыша о такомъ чародѣѣ, многи»—говоритъ Дмитрій Ростовскій, «пришедши сожительствоваху тому, имуще его себѣ учителя и наставника». Когда этотъ волхвъ-расколоучитель переселился съ своими учениками въ предѣлы великаго Новгорода и поселился въ монастырѣ Палеостровскомъ,—«къ нему и сюда начали собираться послѣдователи со всѣхъ мѣстъ, ученіемъ его лестнымъ прельщаеми, и волшебствомъ привлекаеми» [1]). Такимъ образомъ расколъ потворствовалъ суевѣрію и распространялся по причинѣ суевѣрія, обладавшаго въ XVII и даже въ XVIII стол. умами многихъ православныхъ. И пастыри нашей церкви справедливо называли его прямо суѣверіемъ [2]).

Не менѣе суевѣрія благопріятствовала, какъ происхожденію, такъ и умноженію раскола, и крайняя *холодность и невнимательность къ церкви*, также сильно господствовавшая въ немалой части русскаго народа передъ расколомъ и во время распространенія его. Многіе православные, не имѣя внутренняго чувства благочестія, не чувствуя и не сознавая нравственной потребности и благотворности для души христіанскаго богослуженія и таинствъ вѣры, весьма охладѣли къ церкви, стали жить почти въ совершенномъ отчужденіи отъ нея, стали нерадѣть объ исполненіи существенныхъ христіанскихъ обязанностей, почти вовсе перестали освящаться таинствами церкви, и жили какъ невѣрные. Такъ въ 1650 году царь Алексѣй Михайловичъ писалъ въ грамотѣ, посланной въ Свіяжскъ: «вѣдомо намъ, что въ городахъ и селахъ и въ деревняхъ христіане живутъ безъ отцовъ духовныхъ, многіе и помираютъ безъ покаянія, а о томъ нимало не радѣютъ, чтобъ имъ исповѣдать грѣхи своя, и Тѣлу и Крови Господней причащатися» [3]). О томъ же писалъ Государь, въ 1660 году, въ Новгородъ, но еще сильнѣе: «есть нѣкіе православные, говоритъ онъ, именуются всуе православные христіане, разныхъ всякихъ чиновъ люди, отъ простоты ума своего и своимъ неразуміемъ и нерадѣніемъ, гордости ради о душахъ своихъ нимало попеченія не имѣютъ и безъ покаянія всегда пребываютъ, отцовъ духовныхъ у себя николи не имѣютъ, и неисповѣданіемъ грѣховъ своихъ душами своими погибаютъ и во мнозѣхъ грѣсѣхъ нечувствомъ бываютъ, и многіе въ совершенныхъ лѣтѣхъ, въ тридесять, и въ четыредесятъ и въ пятьдесятъ и выше, а иные долготерпѣніемъ Божіимъ и до старости дошли, а къ покаянію еще не пришли, и отцовъ духовныхъ у себя не имѣютъ никогда, и таковые по писанію горьше невѣрныхъ; а когда таковые въ болѣзни телеснѣ и впадутъ, и тогда они, боящеся Бога, хотятъ, дабы ихъ у церкве погребли, и таковыхъ покаяніе невольное при смерти вмалѣ пріятно Богу, а когда съ одра

[1]) Розыскъ. ч. III, гл. 12. см. также посл. Игнатія тобольскаго во 2 кн. Правосл. Собесѣдн. за 1855 г.

[2]) См. напр. П. С. З., т. VI, стр. 492.

[3]) Полн. Собр. зак., т. I. стр 246.

болѣзни возстаютъ, тогда покаяніе свое забываютъ, а у отцовъ духовныхъ самоизволеніемъ своимъ и до смерти не бываютъ и во многихъ грѣсѣхъ безъ покаянія и до старости пребываютъ, аки чужды вѣры Христовы, а иные многіе просто безъ покаянія помираютъ незапною, скорою смѣртію» [1]. О богослуженіи и соблюденіи нравственно-благотворныхъ постановленій церкви крайне нерадѣли и не заботились. Такъ попы и дьяконы, а по примѣру ихъ и прочіе церковники и всѣ прихожане, дворяне и всякіе служилые люди, не ходили въ церковь не только въ воскресные дни, но и въ большіе Господскіе и Богородичные праздники, и въ великій постъ не говѣли [2]. Холодность къ богослуженію такъ была сильна въ народѣ въ періодъ появленія и распространенія раскола, что не только въ XVII в. цари Михаилъ Өедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, но и въ началѣ XVIII в. Петръ Великій многократными указами своими побуждали народъ ходить къ богослуженію, исповѣдываться и причащаться. «Великому Государю вѣдомо учинилось», читаемъ въ именномъ указѣ Петра Великаго отъ 17 февр. 1718 года, «что многіе разночинцы и посадскіе и поселяне обыкли жить праздны, и нетомко что по воскреснымъ днямъ, но и въ великіе Господскіе праздники николи въ церковь къ службѣ Божіей не ходятъ и не исповѣдываются. Для того указалъ, по именному своему Царскаго Величества указу, подтвердить указомъ и прибить по городамъ и по селамъ и деревнямъ печатные листы, дабы всѣ вышеописанные люди въ Господскіе праздники и воскресные дни ходили въ церковь къ вечернѣ, къ заутренѣ, а паче же къ св. литургіи и по вся годы исповѣдывались; и то надзирать въ приходахъ самимъ священникамъ и прикащикамъ и старостамъ, гдѣ случатся» [3]. Чрезъ эту нравственную холодность къ христіанскому богослуженію сердце такихъ людей дѣлалось жестокимъ, грубымъ; духъ охладѣвалъ къ высокимъ нравственнымъ внушеніямъ церкви, подавлялъ въ себѣ чистыя, возвышенныя, живыя нравственныя чувства и помыслы, подвергался внутренней мертвенности, ожесточенности, не получая въ церкви нравственнаго освѣженія, подкрѣпленія, очищенія и оживленія. Отсюда проистекала холодность ко всему церковному и равнодушіе при совершеніи всякаго рода преступленій, Къ храму многіе не оказывали никакого благоговѣнія: такъ священники «корчемствовали въ церквахъ; вмѣстѣ съ прихожанами торговали церквами и продавали ихъ какъ вотчины» [4]; много было между православными святотатцевъ, которые вторгались въ самое святилище храмовъ — въ алтарь, не только ночью, но и днемъ, и святотатственно похищали сосуды, одежды и другую церковную утварь [5]. Во время богослуженія весьма многіе православные стояли въ храмахъ безъ всякаго чувства благочестія

[1]) Акт. археогр. экспед., т. IV, № 115.

[2]) А. А. Э, т. IV, №№ 188, 321, 324.—Къ таинствамъ церкви оказывали холодность и неблагоговѣніе. П. С. З. т. I, стр. 249, 629.—Опис. староп. кн. Царск., стр. 136.—Доп. къ Ак. Ист., т. V. стр. 47.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. V, № 3169.

[4]) Полн. собр. зак., т. I. стр. 699.

[5]) Тамъ же, стр. 776.

и благоговѣнія; не рѣдко даже ругались и дрались до крови; не чувствуя въ душѣ потребности искренней, теплой, живительной для духа молитвы, «божественныя пѣнія и чтенія и благочиновныхъ священниковъ наказаніе вотще презирали, о благостояніи въ святыхъ Божіихъ церквахъ поученія не принимали, а еще болѣе о томъ самихъ священниковъ поносили и укоряли»: такъ жаловался п. Іосифъ въ 1636 году одному поповскому старостѣ.[1]). Такой духъ охлажденія къ храмамъ, къ богослуженію, очевидно, питалъ, развивалъ въ сердцахъ такихъ православныхъ духъ раскола. Холодность, невнимательность къ церкви, ея постановленіямъ, таинствамъ и богослуженію во многихъ доходила до такой степени, что они сами, по доброй волѣ, не хотѣли соблюдать уставовъ православной церкви и правилъ христіанскаго благочестія, потому что чувство любви къ церкви и духъ христіанскаго благочестія въ нихъ совершенно охладѣли; а когда напоминали имъ объ этомъ заботливые пастыри, побуждая ихъ соблюдать уставы церкви и правила христіанскаго благочинія, они дерзко роптали противъ сихъ пастырей. «Вѣдомо намъ учинилось отъ князь Иванъ грамотокъ Хованскаго», писалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ одномъ письмѣ своемъ къ п. Никону, «что будто онъ пропалъ, а пропасть свою пишетъ, что будто ты его заставливаешь съ собою у правила стоять ежедень... и потомъ и я тебя, Владыко святый, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставливай у правила стоять: добро, Государь Владыко святый, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному мозоліе ему есть» [2]). Другой бояринъ, по имени Василій Отяевъ, писалъ къ друзьямъ свимъ: «лучше бы де намъ на новой землѣ за Сибирью съ князь Иванъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели де съ новгородскмиъ митрополитомъ, какъ де такъ, что сильно заставливаетъ говѣть, никого де силою незаставишь вѣровать» [3]). Многіе, какъ увидимъ еще ниже, любили жить на просторѣ, совершенно независимо отъ благоразумныхъ и благотворныхъ постановленій церкви, которыя для нихъ казались невыносимотяжкимъ бременемъ. Такъ изъ заказной грамоты Маркелла, архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго (данной въ 1658 году) видимъ, что многіе крестьяне жили не по правиламъ церкви, держали у себя наложницъ, безъ молитвы и благословенія церковнаго [4]); «женились въ роду и племени, въ кумовствѣ и сватовствѣ, и въ крестномъ братствѣ и при жизни первыхъ женъ» [5]); и множество другихъ нравственныхъ недостатковъ проистекало отъ невнимательности и холодности къ нравственно-воспитательнымъ постановленямъ церкви [6]). Въ такихъ-то отношеніяхъ находилось безчис-

---

[1]) А. А. Э., т. Ш, № 264. См. также т. IV, № 188 и 321. Ак. Ист., т. IV, № 151, стр. 296, т. V, № 152, стр. 263. Дополн. къ Акт. истор., т. V, стр. 461, 468. А. И., т. V, стр. 115, 117, 413, 465.

[2]) Начертаніе житія Никона, стр. 117.

[3]) Тамъ же стр. 118.

[4]) Акт. Археогр. Экспед., т. IV, № 105, стр. 146.

[5]) Древн. Росс. Вивліоѳ., ч. XV, стр. 384, 385, 386. Грам. и Акт. Ряз. края, стр. 131. Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 42, стр. 62.

[6]) Грам. и Акт. Рязанъ. края, собр. и изд. Пискаревымъ, стр. 132. А. А. Э. т. IV, стр. 498. П. С. З., т. I, стр. 254 и т. п.

ленное множество русскихъ христіанъ къ церкви, когда среди ихъ и изъ среды ихъ же самихъ появились лжеучители и стали проповѣдывать во всеуслышаніе, что на землѣ нѣтъ истинной церкви, что та церковь, которая называется православною, не церковь, таинства ея — не таинства, а скверны, храмы—не храмы, а конскія стоялища, и что потому не должно ходить въ церковь, не должно принимать таинствъ, можно вступать въ бракъ безъ благословенія церкви, не должно покланяться иконамъ и четвероконечному кресту, а слѣдуетъ прервать всякую связь съ церковію [1]). Можно себѣ представить, какъ радостно услышали эту проповѣдь, и съ какою охотою ее приняли всѣ тѣ православные, которые носили только одно имя православныхъ христіанъ, а въ душѣ своей давно готовы были отказаться отъ церкви, которые, еще числясь въ церкви православной, въ числѣ истинно-православныхъ, уже давно въ сердцѣ своемъ отреклись отъ нея, совершенно охладѣли къ ея постановленіямъ, Богослуженію и таинствамъ [2]). Раскольники сами откровенно сознавались, что они удалились въ расколъ, именно отъ церкви. Такъ, когда къ стародубовцамъ перевезена была съ Вѣтки брусяная церковь покровскаго монастыря, они прямо сказали: «на что намъ церкви, вѣдь мы отъ церкви-то и изъ Россіи бѣжали» [3]). А о безпоповщинской сектѣ можно утвердительно сказать, что она чрезвычайно распространилась по Россіи всего болѣе по той причинѣ, что совершенно согласовалась съ духомъ и нравственною настроенностію всѣхъ тѣхъ православныхъ, которые любили жить совершенно независимо отъ вліянія церкви, внѣ всякой связи съ нею. Самое выраженіе, которое мы постоянно встрѣчаемъ въ актахъ историческихъ, въ жалобахъ пастырей на холодность и невнимательность христіанъ къ церкви еще прежде патр. Никона, выраженіе: «христіане живутъ безъ отцовъ духовныхъ»—уже само по себѣ буквально намекало на безпоповщину, чуждающуюся отцовъ духовныхъ. Для образованія настоящей безпоповщины изъ тѣхъ православныхъ, которые жили безъ отцовъ духовныхъ, недоставало только одного слова какого нибудь монаха Капитона или дьячка Данилы Викулина, что священство для христіанъ совершенно не нужно. Сказано было это слово, — и вотъ оно встрѣтило радостный пріемъ, нашло себѣ обильную почву въ душахъ, уже давно охладѣвшихъ, давно отдѣлившихся отъ церкви: сказано было это мятежное слово, — и расколъ распространился.

Холодность къ церкви естественно влекла за собою непослушаніе, противленіе власти церковной и вообще недовѣрчивость и *неуваженіе къ духовенству, и даже стремленіе совершенно освободиться отъ суда и вліянія духовенства:* вотъ еще печальная, по своимъ послѣдствіямъ, черта нравственной жизни нѣкоторыхъ православныхъ русскихъ христіанъ XVII вѣка, составлявшая новую нравственную причину происхожденія и распространенія раскола. Народъ русскій изстари отличался уваженіемъ и привя-

---

[1]) Благодарств. слово п. Іоакима.
[2]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 458.
[3]) Полн. Истор. извѣст. о расколѣ.

занностію къ своему духовенству; это уваженіе къ церковной іерархіи въ немъ глубоко вскоренялось и утверждалось самимъ воспитаніемъ [1]). Но, издавна также, частію худое поведеніе нѣкоторыхъ изъ самихъ духовныхъ, частію еретики, особенно возстававшіе противъ православнаго духовенства, мало-по-малу ослабляли, потрясали въ народѣ русскомъ это уваженіе къ духовной іерархіи. Уже во второй половинѣ XIV столѣтія ересь стригольниковъ сильно потрясла довѣренность къ духовенству не только низшему, но и высшему [2]). Худая, неблагонравная жизнь многихъ духовныхъ, какъ увидимъ въ другомъ мѣстѣ, еще болѣе подкрѣпляла и увеличивала такое неуваженіе къ духовенству. Вслѣдствіе этихъ причинъ въ XVII вѣкѣ противленіе церковной іерархіи и стремленіе освободиться отъ власти и нравственнаго вліянія духовенства обнаруживалось весьма часто и многоразлично. Одни недовольны были, во первыхъ, вотчиннымъ управленіемъ и судомъ церковной власти, и потому стремились освободиться отъ власти духовенства. Злоупотребленія церковнаго вотчиннаго владѣнія и управленія, все чаще и чаще обнаруживавшіяся въ XVI и XVII вѣкахъ, еще болѣе усиливали это стремленіе и неповиновеніе церковной власти. Такъ, напр. псковскій митрополитъ, Маркелъ писалъ къ великимъ государямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу (въ 1685 г.): «въ Псковѣ и Новгородѣ въ уѣздахъ 160 церквей, и надъ тѣми церквами архіереи воли неимѣютъ, владѣютъ мужики, а церкви всѣ вотчинныя, и тѣми вотчинами владѣютъ, и себя полнятъ и корыстуются сами, а архіерею непослушны, о чемъ указъ пошлешь, не слушаютъ и безчестятъ, на счетъ нейдутъ, многая церковная казна за ними пропадаетъ отъ давнихъ лѣтъ» [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Псковѣ и Новгородѣ, иногда возникали даже открытыя возмущенія противъ суда и правительства церковнаго, обнаруживались явныя стремленія освободиться отъ власти церковной. Такъ напр. въ 1689 году новгородскій гость Семенъ Гавриловъ, какъ самъ не повиновался духовному суду митрополита, «преслушалъ указъ великихъ государей, причинилъ многое посягательство дому премудрости Божія, монастырямъ и священному чину упорствомъ своимъ», такъ поощрялъ на такое же упорство и многихъ другихъ градскихъ людей и даже подалъ въ новгородскомъ приказѣ, на имя всѣхъ новгородскихъ посадскихъ людей, челобитную о неподсудимости духовному суду [4]). Другіе тяготились нравственнымъ вліяніемъ духовенства, и потому противились наставленіямъ пастырей и желали освободиться отъ духовной подчиненности имъ. Такъ про Никона, когда онъ былъ еще митрополитомъ новгородскимъ, многіе бояре, тяготившіеся тѣмъ, что онъ заставлялъ ихъ соблюдать церковныя обязанности, перешептывали: «николи де такого

[1]) См. напр. наставленіе отца къ сыну, въ „Московитянинѣ" 1852. № 12; также въ Домостр. Сильвестра: родители постоянно, въ числѣ первыхъ правилъ, внушали дѣтямъ — почитать духовенство.

[2]) Акт. Ист. т. I, стр. 9, 10, 11, 13.

[3]) А. И., т. V, № 122, стр. 200. См. еще Доп. къ Акт. Ист., IV, № 205.

[4]) Акт. Ист., т. V, № 186, стр. 323.

безчестія небыло, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитамъ» [1]). Въ 1649 году дошло до свѣдѣнія самого царя Алексѣя Михайловича, что въ Сибири многіе православные христіане уклоняются «къ бѣсовскимъ прелестямъ и къ пьянству, а отцовъ духовныхъ и приходскихъ священниковъ и учительныхъ людей наказанія (увѣщанія) не слушаютъ, а за наказанье отцомъ духовнымъ, попамъ приходскимъ и учительнымъ людямъ поруганіе и укоризну и безчестіе и налогъ дѣлаютъ» [2]). Въ Новгородѣ и Псковѣ, давно лишенныхъ вѣчевой вольности, но еще не отвыкшихъ отъ духа самоуправства и мятежа, особенно часто обнаруживалось противленіе церковной власти. Здѣсь чернь въ неистовствѣ своемъ не разъ публично и самымъ грубымъ образомъ позорила пастырей, унимавшихъ ее отъ мятежей. Дѣти духовные своихъ духовныхъ отцовъ, а иногда даже самихъ высшихъ пастырей подвергали не только безстыдному поруганію, но и побоямъ и даже умерщвляли [3]). Извѣстно, какъ поступили новгородцы съ митрополитомъ Никономъ, во время бунта 1650 года, когда онъ съ пастырскою кротостію сталъ унимать ихъ отъ мятежа: «вси крикнуша, говоритъ жизнеописатель Никона (Клирикъ Шушеринъ): сей есть заступникъ измѣнничей и хранитель, и начаша его немилостивно бити, овые дреколіемъ, а иные каменіемъ... и многія хотѣша его до смерти убити» [4]). Точно также во Псковѣ въ 1650 году бунтовщики напали на священника Обросима, унимавшаго ихъ отъ мятежа, позорно обругали его, ударами осыпали, по двору его стрѣляли изъ пищалей, домъ его разграбили и совершенно разорили, и самого вмѣстѣ съ женою хотѣли убить. Предъ самымъ временемъ обнаруженія раскола, духъ противленія духовной власти, и поношенія и оскорбленія церковной іерархіи такъ усилился въ народѣ, что епархіальные пастыри, какъ напр. Іона митрополитъ Ростовскій, находились вынужденными «готовиться» дѣйствовать, какъ уже противъ явныхъ раскольниковъ, противъ тѣхъ, «кто гдѣ въ градѣхъ или въ селахъ отъ божественнаго писанія поученію учнетъ соперникъ быти, или кто истиннаго пастыря и учителя, архимандрита или игумена, или попа, или дьякона поносити начнетъ» [5]). При такомъ духѣ противленія церковной власти и іерархіи, при явномъ стремленіи многихъ освободиться отъ церковной власти и суда, могла ли не имѣть успѣха проповѣдь раскола о противленіи церковной власти и іерархіи? Если многіе православные явно противились церковному правительству, презирали пастырское ученіе, если многіе міряне ни во что ставили не только священниковъ, но и епископовъ, митрополитовъ: то неудивительно, что возникъ даже особый расколъ безпоповщинскій, который совершенно отвергъ церковную іерархію и съ презорствомъ отвратился и доселѣ отвращается отъ православныхъ

[1]) Письмо царя Алексѣя Михайловича къ Никону.

[2]) Акт. Истор. т. IV, № 35, стр. 125.

[3]) Въ 1672 г. жители Астрахани убили своего архипастыря, митрополита Іосифа, бросивъ его послѣ многихъ тяжкихъ мукъ съ роскату. Собр. Госуд. Грам. ч. IV, № 77. Здѣсь участвовали уже и раскольники.

[4]) Жит. Никона — ркп. Сол. библ.

[5]) А. И. IV, стр. 174.

священниковъ и іерарховъ. Крайній недостатокъ нравственнаго вліянія духовенства на народъ и порочная жизнь, какъ увидимъ, еще болѣе увеличивали возможность появленія и усиленія безпоповщины. Естественно и то, что расколъ преимущественно утвердился и распространился на сѣверѣ, въ новгородскихъ погостахъ, ибо здѣсь неизгладимо сохранялись еще остатки ереси стригольниковъ, тоже возстававшихъ, какъ извѣстно противъ церковной іерархіи и духовенства; и здѣсь, въ XVII вѣкѣ особенно сильно и часто проявлялся духъ противленія церковной власти и неуваженія къ служителямъ церкви. Вообще, всѣ, нехотѣвшіе повиноваться церковной власти, тѣмъ охотнѣе принимали расколъ, что онъ открыто, прямо проповѣдывалъ противленіе церковной іерархіи и освобождалъ отъ ея вліянія и власти. Потому-то пастыри православной церкви, подвизавшіеся въ борьбѣ съ распространявшимся въ ихъ время расколомъ, большею частію не иначе называли расколъ, какъ «церковною противностію» [1]), а раскольниковъ — «церковными противниками, архипастырскаго повелѣнія преслушниками и презрителями, архипастырскому повелѣнію во всемъ воспротивившимися» [2]). Такія названія раскольниковъ и ихъ послѣдующій образъ дѣйствій по отношенію къ церковной іерархіи вполнѣ подтверждаютъ церковно-демократическое направленіе раскола, особенно безпоповщинскаго.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что на развитіе и направленіе безпоповщинскаго раскола имѣли отчасти вліяніе и нѣкоторые идеи протестантизма, только слишкомъ грубо, безсознательно и односторонне усвоенныя русскими проповѣдниками безпоповщины. Вліяніе протестантизма на русскій народъ, при всемъ предубѣжденіи русскихъ противъ нѣмцевъ, въ XVII вѣкѣ было очень возможно. Извѣстно, что на сѣверѣ Россіи идеи протестантизма стали распространяться еще въ XVI вѣкѣ. Такъ эти идеи ясно высказались въ ереси жидовствующихъ, и еще яснѣе въ ученіи Матѳея Башкина и Ѳеодосія Косаго, ученіи чисто раціоналистическомъ, которое, по словамъ крылошанъ старорусскихъ, «многими было похваляемо, любимо и пріемлемо и отъ многихъ познаваемо яко истинное» [3]). Въ XVII вѣкѣ протестантизмъ и систематически старался, не менѣе папства, распространять свое ученіе въ сѣверной Россіи. Въ Стокгольмѣ заведена была даже славянская типографія, въ которой два раза изданъ былъ Лютеровъ катихизисъ на славянскомъ языкѣ. Въ Москвѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ было уже множество нѣмцевъ-протестантовъ, и русскіе, находясь у нихъ въ услуженіи, по словамъ Майерберга, невольно принимали ихъ обычаи, отвергали напр. духовныхъ отцовъ. Въ высшихъ слояхъ общества, между боярами, являлись уже даже вольнодумцы, глумившіеся напр. надъ свящ. писаніемъ, и чистые протестанты [4]). Пастыри церкви, какъ напр. Іона, митр. ростовскій, и Аѳанасій холмогорскій въ окружныхъ

---

[1]) А. А. Э. VI, (стр. 421), № 284. 1685 г. Апрѣля 7 указныя статьи о раскольникахъ.

[2]) Древ. Росс. Вивліоѳ. ч. VI, стр. 347. Прощальн. грам. патр. Іоасафа.

[3]) Истины показанія ркп. Солов. библ. № 605, л. 19.

[4]) А. А. Э. т. III, № 147. А. И. т. IV, стр. 174, 175 и др.

посланіяхъ своихъ считали нужнымъ предохранять свою паству отъ такихъ вольнодумцевъ, лютеровъ и кальвиновъ, также какъ и отъ латинъ, и прямо указывали на умноженіе ихъ въ Россіи. «Видѣхъ бо нѣкія,— писалъ напр. Аѳанасій холмогорскій въ окружномъ посланіи къ сѣверно-поморской паствѣ—кромѣ закона и заповѣданія и преданія ходящія въ чужестранныя нѣкія обычаи, паче же прелести еретическія, и пріобщаются имъ... Нововводныя чужестранныя обычаи по малу вкрадываются тайно въ святую нашу православную восточную церковь отъ еретичества латинъ и люторовъ и кальвиновъ, и ученіе ихъ всякое» [1]). Замѣтимъ, что это говоритъ архіепископъ холмогорскій своей паствѣ, на сѣверѣ Россіи, гдѣ и возникъ безпоповщинскій расколъ. При такомъ общеніи русскихъ съ протестантами на сѣверѣ, весьма могло быть, что такія начала русскаго раскола, каковы—отрицаніе іерархіи, священства, мысль, что всякій непосвященный во священники христіанинъ можетъ совершать таинства, развились отчасти и подъ вліяніемъ протестантскихъ идей. И есть положительные факты, которые подтверждаютъ эту мысль. Между первыми расколо-учителями безпоповщинской секты были нѣкоторые протестанты. Таковъ, напр. былъ ревностный помощникъ перваго расколо-учителя— монаха Капитона, нѣкто Вавила. О немъ Денисовъ говоритъ: «бысть родомъ иноземецъ, *вѣры лютерскія*, глаголати и писати учився довольно времени въ славнѣй парижстѣй академіи, искусенъ бысть въ реторикѣ, логикѣ, философіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій и славянскій». Этотъ расколо-учитель—лютеранинъ не могъ не передать русскимъ лютеранскаго, протестанскаго ученія объ іерархіи, о священствѣ, о таинствахъ. Впослѣдствіи, между расколо-учителями являлись чистые протестанты по образу мыслей, напримѣръ Денисовцы. И митрополитъ тобольскій, Игнатій, также примѣчалъ въ русскомъ безпоповщинскомъ расколѣ вліяніе протестантовъ. Говоря о сибирскихъ расколо-учителяхъ безпоповщинской секты—венгерскомъ чернецѣ Авраамiѣ, Яковѣ Лепихинѣ и другихъ, онъ замѣчаетъ объ нихъ: «суть проклятіи лютере; чтеніе священнаго писанія все злѣ и растлѣннѣ толкуютъ, и яко же кальвини и лютере вся церковная преданія отмѣтаютъ; мнящеся сами собою, не іереи суще, крестятъ дѣтей: явственнѣ еретицы—кальвины и лютере суть» [2]). И по духу отрицанія безпоповщинскаго раскола, который отрицаетъ почти всю церковность, и по духу свободы, какую онъ проповѣдуетъ, расколъ этотъ, особенно нѣкоторыя секты его, напр. нѣтовщина, отвергающая видимую церковь на землѣ, представляютъ въ себѣ грубое, одностороннее, безсознательное, неосмысленное выраженіе протестантскаго духа отрицанія и свободы. Разумѣется, русскій умъ XVII вѣка, умъ какого либо Данилы Викулина или простого поселянина не могъ вмѣстить въ себѣ и развить раціоналистически-отвлеченной, философской идеи протестантизма,—и вотъ выразилъ ее по своему такъ односторонне и грубо, какъ это мы видимъ въ нашей безпоповщинѣ. Только Денисовы и нѣкоторые образованные

---

[1]) Окружн. послан. Аѳанасія холмогорскаго: ркп. Солов. библ.
[2]) I посл. въ Правосл. Собесѣд за 1855 г. 1 кн. стр. 27, III посл. стр. 61.

раскольники XIX вѣка являются болѣе похожими на протестантовъ, а масса коснѣетъ въ чисто русскомъ старообрядствѣ.

Говоря объ умственныхъ и нравственно-религіозныхъ недостаткахъ русскаго народа въ XVII в., благопріятствовавшихъ развитію раскола, мы не можемъ, наконецъ, умолчать еще объ одномъ мрачномъ недостаткѣ, который впрочемъ свойственъ былъ большей части нашего народа не только въ XVII вѣкѣ, но и всегда. Это *склонность его къ грубой, необузданной свободѣ въ нравственной жизни, къ грубому разврату и праздношатательству* [1]). При недостаткѣ постояннаго, вполнѣ обезпеченнаго, усерднаго труда, особенно же при господствѣ въ XVII вѣкѣ безпорядочнаго бродяжничества народа, необразованный русскій человѣкъ, въ своей праздной, бродячей разгульной жизни, или предавался нелѣпымъ толкамъ, и отсюда легко переходилъ къ расколоученію, къ вымыслу какого-либо раскольническаго толка, или всего чаще предавался грубому разврату, и отъ него также доходилъ до раскола. Исторія показываетъ, что для простого народа нашего самой сильной, почти единственной нравственной сдержкой, главнымъ нравственно-воспитательнымъ средствомъ въ древнее время была церковность, нравственныя постановленія церкви. Забывалъ, оставлялъ онъ эту послѣднюю нравственную сдержку, это послѣднее самое сильное средство нравственнаго самохраненія, что, какъ мы видѣли, и было въ немалой части русскаго народа въ XVII вѣкѣ,—и вотъ его грубыя страсти, плотскіе, чувственные инстинкты его не развитой, не смягченной просвѣщеніемъ природы, проявлялись во всемъ своемъ дикомъ, необузданномъ разгулѣ. Если въ наше время этотъ недостатокъ еще господствуетъ въ народѣ, то въ XVII вѣкѣ, при грубости, жесткости нравовъ, при совершенномъ отсутствіи просвѣщенія, смягчающаго, облагораживающаго народную нравственность, эта склонность къ необузданной свободѣ, разгулу жизни выходила даже изъ границъ общественнаго благочинія и порядка. Грубый русскій человѣкъ, когда уже увлекался потокомъ своихъ плотскихъ наклонностей и предавался разгулу грубыхъ матеріальныхъ силъ, то позволялъ себѣ все, не стѣсняясь ни стыдомъ, ни нравственнымъ закономъ. Среди буйной, разгульной веселости своей, вполнѣ предавался разврату; тутъ совершалось «и мужемъ и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе женамъ замужнымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе». Благочестивые пастыри церкви вопіютъ противъ такого преобладанія въ народѣ грубыхъ чувственныхъ наклонностей—надъ высшими нравственными требованіями. «На праздники Владычни и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ», писалъ патр. Іоасафъ въ 1637 году въ памяти тіуну и благочинному,—«въ праздники, въ нихъ же бо суть подобаетъ православнымъ христіанамъ праздновати и веселитися духовно и приходя къ церкви Божіей молитися и духовная словеса божественныхъ писаній со вниманіемъ послушати; на се бо созываютъ божественніи праздницы и писанія повелѣваютъ духовно веселитися и удивлятися милосердію Божію, отъ невидимыхъ бо существъ сошедъ не приступнаго дому Житель, человѣкъ

[1]) О бродяжничествѣ будетъ особо сказано въ пятой главѣ этого сочиненія.

изволи быти человѣка ради; въ насъ же сія пренебрегома и яко что не истино дѣло презираемо и вся противно творимъ и ругательно праздникомъ Господнимъ; вмѣсто радости духовной, воздѣланіе творятъ радости бѣсовской и воспріимши непразньственные праздники, ходяще по воли сердецъ своихъ, ходяще по улицамъ въ народѣ безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздникамъ святымъ Божіимъ; вмѣсто духовнаго торжества воспріимше игры и кощуны бѣсовскія... и о тѣхъ праздницѣхъ сходящеся многіе люди, нетокмо что младые, но и старые люди, въ толпы ставятся и бываютъ бои кулачные великіе и до смертнаго убійства, и въ тѣхъ играхъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ, и всякаго беззаконнаго дѣла умножалось, еллинскихъ блядословій и кощунъ; да еще другъ друга лаютъ позорною бранію, отца и матерь блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною, самою позорною нечистотою языки своя и души оскверняютъ» [1]). Этотъ грубый, кичливый разгулъ еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ грубымъ развратомъ, который господствовалъ въ XVII вѣкѣ особенно въ тѣхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ впослѣдствіи преимущественно развился расколъ и принялъ также особенно развратный, грубый характеръ: «Вѣдомо намъ учинилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири», писалъ патр. Филаретъ сибирскому архіепископу Кипріану въ 1622 году,—«что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ некрестьянскими обычаи, но по своимъ сквернымъ похотѣмъ; многіе де русскіе люди... съ татарскими и съ остяцкими и съ вагулицкими поганскими женами, смѣшаются и скверная дѣютъ; а иные живутъ съ татарками съ некрещеными, какъ есть съ своими женами, и дѣютъ съ ними противность; а иные и горше того творятъ, поимаютъ за себя въ жены въ сродствѣ сестры свои родныя и двоюродныя и названныя и кумы крестныя, а иные де и на матери своя и на дщери блудомъ посягаютъ и женятся на дщеряхъ и на сестрахъ, еже ни въ поганыхъ и незнающихъ Бога не обрѣтается, о нихъ же не точію писати, и слышати гнусно, и въ такомъ пребеззаконномъ дѣлѣ многіе и дѣти съ ними приживаютъ. А иные де многіе служилые люди посылаютъ къ Москвѣ и въ иные городы для дѣлъ, жены своя въ деньгахъ закладываютъ у своей братьи у служилыхъ же и у всякихъ людей на сроки, и отдаютъ тѣхъ своихъ женъ въ закладъ мужи ихъ сами, и тѣ люди у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, съ ними до сроку, покамѣстъ которыя жены мужъ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно; а какъ тѣхъ жены на сроки не выкупятъ, и они ихъ продаютъ на воровство же (блудное) и въ работу всякимъ людямъ, не боясяправеднаго суда Божія, и тѣ люди, покупая тѣхъ женъ, также съ ними воруютъ и замужъ выдаютъ, а иныхъ бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ для воровства къ себѣ емлютъ сильно, и у мужей убогихъ работныхъ людей жены отнимаютъ и держатъ у себя для воровства, и крѣпости на нихъ емлютъ воровскія за очи. А попы сибирскихъ городовъ тѣмъ ворамъ не запрещаютъ, а иные де попы черные и бѣлые тѣмъ вся-

[1]) А. А. Э. т. III, № 264.

кихъ чиновъ людямъ и молитвы говорятъ, а иныхъ и вѣнчаютъ безъ знаменъ не по хрестьянскому обычаю: а иные многіе люди, мужи и жены въ болѣзнѣхъ постригаются въ иноческій образъ, и потомъ оздравѣвъ живутъ въ домѣхъ своихъ по прежнему, и многія изъ нихъ постригшися жены съ мужи своими и съ наложники блудъ творятъ и дѣтей приживаютъ, а иные многіе и разстригаются и платье чернеческое съ себя сметываютъ; а въ которыхъ де городѣхъ монастыри мужескіе и дѣвичьи устроены, и въ тѣхъ де монастырѣхъ старцы и старицы живутъ съ мірскими людьми съ одного въ однѣхъ домѣхъ и ни чѣмъ отъ мірскихъ людей не рознятся. А которые де сибирскіе служилые люди пріѣзжаютъ къ Москвѣ съ государевою денежною и соболиною казною, и тѣ де служилые люди въ Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ русскихъ подговариваютъ многихъ женокъ и дѣвокъ, и привозятъ ихъ въ сибирскіе городы и держатъ ихъ за женъ вмѣсто, а иныхъ порабощаютъ и крѣпости на нихъ емлютъ сильно, и иныя всякія беззаконныя дѣла дѣлаютъ, чего нетокмо писати, и слышати жалостно и Богу мерзко» [1]). Такой развратъ господствовалъ въ народѣ и внутри Россіи. И даже женщины нисколько не уступали въ развратѣ мужчинамъ. Нравственное состояніе и общественное положеніе женщины въ Россіи XVII и даже первой половины XVIII вѣка до Екатерины великой, служитъ лучшимъ мѣриломъ нравственнаго состоянія всего тогдашняго русскаго общества. Иностранцы, какъ напр. Олеарій и Кемпферъ, самыми мрачными красками изображаютъ нравственный характеръ русской женщины XVII вѣка [2]). Безнаказанное сожительство мужчинъ и женщинъ въ XVII в. распространилось до чрезвычайности. Благочестивые пастыри сильно на это жаловались, и жалобы ихъ не слушались. Не сознавая возможности высшей, чистой нравственной связи съ женщиною, не возвышаясь надъ плотскими, чисто-животными инстинктами, весьма многіе грубые русскіе люди не сознавали и законности и необходимости высшаго нравственнаго, церковнаго освященія союза мужа съ женою посредствомъ таинства брака. И въ концѣ XVII вѣка Желябужскій, оставившій намъ въ своихъ запискахъ мрачную картину нравственнаго растлѣнія русскихъ людей подъ конецъ древней Россіи, и тѣмъ ясно показавшій, какъ необходимо было почти все цѣлое нравственное обновленіе, просвѣщеніе и очищеніе русскаго народа отъ умножившейся нравственной тины, посредствомъ реформы Великаго Петра, Желябужскій записалъ въ своихъ запискахъ и самыя черты грубаго разврата, какой растлѣвалъ русскіе нравы въ послѣднее время древней Россіи: растлѣніе дѣвъ, блудодѣйство замужнихъ женъ и женатыхъ мужчинъ, и проч. [3]). — Когда мы

---

[1]) Собран. Госуд. грам. ч. III, № 60.

[2]) Напр. Олеарій пишетъ: Nous avons vû à Moscou des hommes et des femmes sortir des étuves publiques tout nuds, de s'approcher de notre jeunesse, et sxciter leur passion par des mots sales et lascifs... Ils sont paresseux et abandonnés à la luxure, и проч. p. 214. Нашъ Кошихинъ не менѣе мрачными чертами изображаетъ русскихъ женщинъ XVII вѣка. См. его соч. о Россіи стр. 44. 92.

[3]) Такъ, напр. онъ пишетъ, между прочимъ: въ 7192 году учинено наказаніе Петру Васильеву, сыну Кикину, за то, что онъ дѣвку растлѣлъ; 7262 Іюня приведены

обращаемъ вниманіе на такое нравственное растлѣніе многихъ людей XVII в., пренебрегавшихъ нравственными постановленіями церкви, на эту привычку къ грубой, ничѣмъ не сдерживаемой свободѣ жизни и разврату, на это нравственное отрицаніе необходимости высшаго церковнаго освященіи союза мужчины и женщины,—намъ становится понятнымъ, почему и въ русскомъ расколѣ старообрядства, почему въ скитахъ и монастыряхъ раскольническихъ такъ сильно былъ развитъ развратъ, и такъ приманчивъ былъ для многихъ грубыхъ, русскихъ людей. Расколъ освятилъ и этотъ мрачный недостатокъ народной нравственности русской стараго времени. Протопопъ Аввакумъ училъ: «молю васъ, не прикасайтесь ихъ ересямъ, т. е. ересямъ священниковъ православной церкви... аще вѣнчаеми бываютъ у нихъ, то не браки, а прелюбодѣющіи. Аще кто не имать іереевъ, да живетъ просто, т. е. блудно [1]). И многіе послѣдователи раскола стали жить такъ. Безпоповщина въ главнѣйшихъ своихъ толкахъ расторгаетъ и запрещаетъ бракъ и позволяетъ, какъ въ мірѣ живущимъ, такъ и подвизающимся въ общинахъ или монастыряхъ, блудное сожитіе. Многія секты, какъ напр. стефановщина, филиповщина и другія, блудъ считаютъ любовію. Мы видѣли также, какъ склонны были къ разврату русскія женщины XVII вѣка,—и вотъ даже простыя бабы основываютъ секты, гдѣ блудъ признается любовью: такъ простая баба Акулина основала секту—акулиновщину, гдѣ мужчины и женщины, чернцы и черницы, безъ разбора и стыда живутъ блудно. Мы видѣли, какъ развратъ господствовалъ въ Сибири; и вотъ тамъ, по словамъ Игнатія, митр. тобольскаго даже и жены проповѣдывали блудъ, называя это любовью Христовою. Въ 1694 году новгородскіе раскольники на общемъ сходбищѣ сами говорили о своей жизни, что «въ келліяхъ на уединеніи они жили съ зазорными лицами и съ духовными дочерьми, съ дѣвицами и женами, юноши или мужи брали къ себѣ женъ на сожительство и единокелейное пребываніе и приживали дѣтей съ тѣми женами и дѣвами» [2]).

Доселѣ мы разсматривали главнымъ образомъ нравственное состояніе мірского обществавъ XVII столѣтіи, и нашли въ немъ почву самую благопріятную для распространенія раскола. Теперь посмотримъ ближе на ту часть русскаго духовенства, изъ среды которой вышли расколо-учители, и особенно на нравственную жизнь неблагонравныхъ священниковъ, такъ какъ отъ нихъ прежде всего произошелъ расколъ и изъ нихъ образовалась даже особая секта въ расколѣ—поповщина.

Духовенство наше въ XVII вѣкѣ явно представляло два различныя направленія [3]). Одна часть духовенства проникнута была истиннымъ ду-

---

въ Стрѣлецкій приказъ Трофимъ да Данила Ларіоновы съ дѣвкою въ блудномъ дѣлѣ его жены, въ застѣнокъ; 7205—битъ кнутомъ нещадно Иванъ Петровъ сынъ Бартеневъ за то, что бралъ женокъ и дѣвокъ на постелю, и т. д. Въ другихъ документахъ конца XVII и начала XVIII вѣка также часто встрѣчаемъ подобныя семейныя сцены.

[1]) Сборн. соч. Аввакума.

[2]) Іоаннов. истор. изв. о раскол. стр. 89—97.

[3]) Эти два различныя направленія нашего духовенства въ XVII столѣтіи особенно ясно обнаружились при П. Гермогенѣ, около 1618 года., въ борьбѣ исправителей

хомъ христіанскаго священства, стремленіемъ къ духовному просвѣщенію и ревностію къ точному исполненію каноническихъ законовъ церкви. «Извѣстно сотворися святому собору, говорили отцы собора 1667 года, да яко нынѣ Божіею благодатіею, въ россійскомъ народѣ обрѣтаются священницы и діаконы, имущіи разумъ божественныхъ писаній, еще же вѣдущіи и православныя вины и житіе имущіи чистое» [1]). Въ этой части духовенства постепенно насаждалось въ большей или меньшей мѣрѣ и возрастало церковное просвѣщеніе и развивалась истинно - христіанская жизнь церкви, въ правильномъ чинѣ и благоустройствѣ церковномъ. Представителями этой части духовенства были всѣ тѣ пастыри и учители русской церкви, которые вполнѣ чувствовали нужду въ исправленіи церковнаго чина и обрядности, благонамѣренно и дѣятельно заботились о немъ и даже страдали за истинно-христіанскій порядокъ церкви отъ недостойныхъ братій своихъ, ревновавшихъ за мнимую старину. Въ средѣ этой части духовенства воспитался и великій Никонъ, пастырь, со времени управленія котораго церковь русская, можно сказать, вступила въ новый періодъ своего историческаго, духовно-нравственнаго развитія и преуспѣянія въ духѣ христіанства. Въ сферѣ этой части духовенства возбудилась и къ концу XVII вѣка окончательно созрѣла потребность основанія духовной славяно-греко-латинской академіи — перваго высшаго разсадника просвѣщенія въ Россіи.—Другая, къ прискорбію, самая большая часть русскаго духовенста XVII в. чужда была сознанія высокой важности священства и священнослуженія, проникнута была духомъ противленія высшей церковной власти и каннонической уставамъ церкви, и стремленіемъ къ свободной, праздной, сочувственно-спокойной жизни на счетъ народа. Эта-то часть духовенства представляла нравственную почву, самую благопріятную для развитія и распространенія раскола, особенно поповщины, возрастила сѣмена его и дала первыхъ главныхъ расколо-учителей, и главнымъ образомъ поддерживала и усиливала поповщину. Много въ этой части духовенства было воспріимчивости и склонности къ расколу.

Во первыхъ, весьма благопріятствовалъ распространенію раскола въ этой части духовенства, какъ и въ народѣ, *крайній недостатокъ просвѣщенія*. Высокая ревность къ духовному просвѣщенію, такъ живо одушевлявшая наше древнее духовенство, обильно пользовавшееся плодами греко-восточнаго духовнаго просвѣщенія, теперь давно погасла. Еще митрополитъ Симонъ писалъ о священникахъ около 1499 года: «суть же ини, неученіемъ разума, внѣшними хулити имя Божіе творятъ, въ

книгъ, архимандрита троицко-сергіевскаго монастыря Діонисія, священника клементьевскаго Ивана Насѣдки, старцовъ троицкихъ—Арсенія Глухаго и Антонія Крылова и другихъ, участвовавшихъ съ ними духовныхъ,—съ невѣжественными и злонамѣренными обвинителями ихъ, между которыми, кромѣ ризничаго дьякона Маркелла, уставщика Сергіева монастыря Филарета и головщика Логгина, были нѣкоторые архимандриты и попы, и во главѣ которыхъ стоялъ даже митрополитъ сарскій и подонскій Іона. Чтен. моск. общ. ист. и древн. росс. № 8, отд. 1 Прибавл. къ твор. св. отцовъ ч. III, кн. 2, стр. 153.

[1]) Дополн. къ Акт. истор. V, стр. 493.

пьянствѣ и въ пищахъ и въ мірскихъ вещѣхъ, въ лѣности, въ нерадѣніи, и безстрашіи ученія разумъ погубивше, ини вопросите не хотятъ, ни учатся, о утробнѣмъ гладѣ сѣтуются и вретятся, а о душевнѣмъ гладѣ никакоже не попекущеся, и не понимаютъ апостола глаголюща: «готови будите къ отвѣту благу вопрошающимъ васъ» [1]). Съ наступленіемъ XVI столѣтія, когда въ Россіи изчезли послѣднія доселѣ еще существовавшія по мѣстамъ училища для приготовленія пастырей церкви [2]), мракъ невѣжества почти совершенно подавилъ умственную жизнь и дѣятельность большей части духовенства, особенно въ сѣверо-восточной Россіи, удаленной отъ вліянія западно-европейскаго, грековосточнаго и южно-славянскаго просвѣщенія. Даже въ монастыряхъ, древнихъ разсадникахъ духовнаго просвѣщенія, гдѣ прежде часто являлись старцы умные и весьма образованные, теперь предъ временемъ раскола, иногда въ цѣлой области или уѣздѣ нельзя было найти и одного старца, который-бы зналъ грамоту. «Нынѣ въ софійскомъ дому ризничаго нѣтъ,— писалъ въ половинѣ XVII вѣка митр. новгородскій Аффоній соловецкому игумену Меркеллу,—а взять негдѣ, во всѣхъ монастыряхъ добрые старцы *перевелись*, а которые и есть, и тѣ бражничаютъ, а *грамотѣ не умѣютъ*» [3]). Стали посвящаться въ попы и діаконы «мужики»—совершенные невѣжды, неумѣвшіе ни читать ни пѣть, и не хотѣвшіе даже учиться [4]). А другіе ду-

---

[1]) А. И. т. I, стр. 161.

[2]) О недостаткѣ духовныхъ училищъ въ XVI и XVII в. будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

[3]) Собран. архіерейск. грам. ркп. сборн. Солов. библ. подъ №№ 20, 62 и 64.

[4]) Такъ жаловался около 1500 г. новгородскій архіепископъ Геннадій митрополиту Симону: „вотъ приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова, не можемъ добыть кто бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого-бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они не много поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа недостаетъ ставить такихъ неучей въ священники. Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру каша да гривна денегъ, за утреню тоже, или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ,—едва едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ". Акт. истор. т. I, № 104. Точно также было въ половинѣ XVI столѣтія во дни стоглаваго собора, какъ видно изъ 25 главы стоглава. Такіе же малообразованные и невѣжды поставлялись въ священники и дьяконы въ продолженіи всего XVII столѣтія особенно до патр. Никона. Этотъ незабвенный іерархъ, какъ мы видѣли, издалъ строгій указъ о ставленникахъ, чтобы они „грамотѣ умѣли, и смиренны были, и церковному правилу искусны и отъ божественныхъ писаній сказательни" (акт. экспед. археол. IV, № 331), и даже самъ въ своемъ патріаршемъ домѣ испытывалъ желавшихъ принять священный санъ въ чтеніи. „Въ одну изъ палатъ въ патріаршемъ домѣ, пишетъ Алеппскій діаконъ Павелъ, сопутствовавшій антіохійскому патр. Макарію, являются желающіе быть священниками съ свидѣтельствомъ отъ жителей околотка: они ставятся всѣ въ ряду. Патріархъ даетъ имъ читать книги, каждому по очереди, утверждая того, кто бѣгло читаетъ, и отказывая читающимъ неисправно". Смотр. памятн. моск.

ховные хотя и умѣли хорошо читать и писать, но по невѣжеству, любили лучше заниматься разными нелѣпыми сказаніями, повѣстями и баснями, чѣмъ пріобрѣтеніемъ богословскихъ познаній и обогащеніемъ русской церкви произведеніями святоотеческой письменности. «У насъ, — съ глубокою скорбію жаловались тогда люди благомыслящіе, понимавшіе долгъ духовенства и потребности своего времени — у насъ и ни десятыя части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и нерадѣнія властелей нашихъ, ибо нынѣшняго вѣка мнящіися учители больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются» [1]). Вмѣсто того, чтобъ заниматься изученіемъ Слова Божія, святоотеческихъ твореній и обогащать умъ свой познаніемъ истинъ вѣры, нѣкоторые духовные, особенно праздношатающіяся дѣти священно-церковно служителей занимались чернокнижіемъ, звѣздочетствомъ и волшебствомъ, составляли разныя суевѣрныя тетради, и такимъ образомъ упражнялись въ невѣжествѣ и суевѣріи, и въ простомъ народѣ распространяли невѣжество и суевѣріе и между своими братіями духовными [2]). А между тѣмъ, что особенно нужно было духовнымъ изучать и знать, каковы священныя и церковныя книги и науки, того они почти вовсе не знали и не понимали. Вспомнимъ, какъ отзывался въ этомъ отношеніи сотрудникъ препод. Діонисія, архимандрита троицкаго, старе́цъ Арсеній въ своей челобитной боярину Салтыкову даже «о лучшихъ архимандритахъ и попахъ, которые часто «ничимъ же разнствовали невѣжду и поселянина». Вспомнимъ, каковы были даже отборные книжники XXII вѣка, справщики церковныхъ книгъ до п. Никона, избиравшіеся большею частію изъ духовенства: объ нихъ тотъ же Арсеній говоритъ, что это были люди, «незнавшіе ни православія ни кривославія, и божественная писанія точію по чернилу проходящіе». Эти духовные книжники XVII вѣка не только не въ состояніи были сами сочинять и издавать полезныя книги для духовнаго просвѣщенія русскаго народа, но и не умѣли надлежащимъ образомъ усвоить себѣ и перевести на русскій языкъ, безъ грубыхъ грамматическихъ, а часто и догматическихъ ошибокъ, богословскихъ сочиненій, появлявшихся въ XVI и XVII стол. въ юго-западной Россіи. Они часто по своему невѣжественному, ограниченному мудрованію искажали весьма умныя и здравыя сочиненія просвѣщенныхъ писателей [3]). Въ церковно-богослужебныхъ кни-

---

древн. кн. II, стр. 197. Но мы знаемъ, какой ропотъ подняли противъ Никона невѣжественные духовные за такое нововведеніе.

[1]) Восток. опис. Рум. Муз. № CXCIII, стр. 242.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. 1, № 151; IV, № 99. Арцыбаш. повѣств. о Россіи т. III, кн. VI, прим. CLXXVI: „отъ патріарха Филарета... въ Нижній-Новгородъ, печерскаго монастыря архимандриту Раѳаилу... извѣщалъ тебе старецъ Варсонофей на церковнаго дьячка на семейку Григорьева, что тотъ дьячокъ держитъ у себя книги недобрыя, ересныя, да приговоры... Рафли, тетради гадательныя... и выбъ того дьячка взяли и велѣли его сковати въ ножныя желѣза и быть въ монастырскихъ черныхъ службахъ годъ". Это было въ 1628 г.

[3]) Такъ напр. въ 1649 г. внесены были нашими необразованными духовными издателями книгъ при патр. Іосифѣ грубыя догматическія погрѣшности въ малый

гахъ крайній недостатокъ просвѣщенія нашихъ духовныхъ XVII вѣка оставилъ свои темные слѣды, обнаруживъ въ нихъ незнаніе иногда самыхъ важныхъ истинъ вѣры, самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ событій церковной исторіи, а иногда даже отсутствіе простого здраваго смысла. При крайнемъ недостаткѣ всесторонняго, научнаго, живого богословскаго просвѣщенія, при ограниченномъ, рутинномъ образѣ мыслей и понятій, священники, діаконы и дьячки ничего не знали и не хотѣли знать кромѣ буквы церковной книги, по которой «едва брели», которой не въ состояніи были надлежащимъ образомъ понять и съ толкомъ прочитать. Не углубляясь мыслію своею въ смыслъ церковнаго чтенія и пѣнія, или не понимая его, они безсознательно, безотчетно произносили въ нѣкоторыхъ церковныхъ молитвословіяхъ самыя грубыя, часто безсмысленныя прибавки невѣжественныхъ писцовъ, — искаженныя слова и цѣлыя предложенія, грубыя ошибки догматическія, историческія и грамматическія. Напр. говоря отпуски на праздники Богородичные, священники весьма странно упоминали въ нихъ и самыя празднуемыя событія, какъ бы приписывая и имъ, какъ самой Богородицѣ и святымъ, молитвы за насъ; напр. въ праздникъ введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы говорили: Христосъ истинный Богъ нашъ, *молитвами* пречистыя Его Матери *честнаго и славнаго Ея введенія,* и всѣхъ святыхъ, помилуетъ и спасетъ насъ; такъ же точно въ праздники Благовѣщенія, Рождества Богородицы и др. [1]). Или: нерѣдко въ молитвословіяхъ упоминали вымышленныя имена, читали лишнія, суевѣрныя молитвы, изъ апокрифическихъ сборниковъ—сельскихъ манукануцевъ и молитвенниковъ внесенныя въ церковныя книги. И много подобныхъ грубыхъ и невѣжественныхъ ошибокъ безсознательно, не понимая, произносили невѣжественные попы, діаконы и дьячки, совершая бо-

---

катихизисъ митрополита кіевскаго Петра Могилы, и въ нѣкоторыя другія учительныя книги. Въ составъ сочиненій Максима Грека кто-то изъ духовныхъ же первой половины XVII вѣка внесъ слово о двуперстіи, содержащее въ себѣ такія грубыя погрѣшности и противъ догматики и противъ простого здраваго смысла, какія совершенно недостойны препод. Максима, весьма просвѣщеннаго богослова, и невозможны для его ума.

[1]) Ист. Русск. раск., пр. Мак. стр. 129. Или: а) въ числѣ 5 молитвъ, которыя произноситъ священникъ предъ началомъ проскомидіи, тогдашніе священники читали молитву надъ виномъ, *хотящимъ служити*; б) въ великой эктеніи говорили: о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ... о патріархѣ нашемъ, имя рекъ, честнаго пресвитерства, еже о Христѣ діаконства и всего причта, и о людѣхъ; в) въ эктеніи по Евангеліи: о благовѣрномъ и Богохранимомъ князѣ имя рекъ, о державѣ и побѣдѣ пребыванія мира, здравія, спасенія и оставленія грѣховъ его и т. д. Мы выписали эти неисправности въ церковныхъ книгахъ, чтобы видѣть, до какой степени доходило ослѣпленіе или невниманіе нашихъ священниковъ въ XVII столѣтіи, которые рѣшились еще защищать и оставить навсегда неизгладимыми эти жалкіе слѣды своего невѣжества. Послѣ этого можно понять всю справедливость словъ преп. Діонисія, пострадавшаго за духовное просвѣщеніе въ борьбѣ съ невѣжественнымъ духовенствомъ, что въ его время и лучшіе архимандриты и попы „иные едва и азбуки умѣли, а еже осмь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь, роды, и числа, и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ не всхаживало, священная же философія и въ рукахъ не бывала“.

гослуженіе по книгамъ большей частію ихъ же невѣжествомъ испорченнымъ. Непонимая богослужебныхъ книгъ, многіе священники и діаконы еще менѣе понимали внѣшнюю церковную обрядность. «Что святая, соборная, апостольская одушевленная церковь съ вещественною церковію, въ ней же Божественныя тайны совершаются, говоритъ Епифаній Славеницкій, что божественный жертвенникъ и благословенная трапеза, на ней же безкровная жертва всеблагому Богу приносится; что катапетасма трапезная, литонъ священный, ѳиміатонъ съ ѳиміамы и священно-начальническія съ священническими ризы, въ няже священницы облекшеся таинственнѣ священнодѣйствуютъ; что хлѣбъ и вино, яже въ пречистое Тѣло Христово и въ пречистую кровь Христову пресуществляются дѣйствіемъ Св. Духа; что символъ церковной, алтарь божественный, священные сосуды,— не вси священніи православныя Россійскія церкве причетницы извѣстно вѣждествуютъ» [1]). Это непониманіе предметовъ Богослуженія доходило до крайности. «Попы препростіи, съ глубокою скорбію жаловался святитель Димитрій ростовскій, не знаютъ быти сущаго въ пречистыхъ тайнаго истиннаго Христа Бога, ниже вѣдятъ, нарицати Тѣла Христова Тѣломъ Христовымъ. Случися бо намъ мимошедшаго 1702 г. во градъ Ярославль грядущимъ, внити въ единой веси въ церковь, идѣже по обычномъ моленіи азъ смиренный, хотя обычную почесть и поклоненіе воздати пречистымъ Христовымъ тайнамъ, егда вопросихъ тамошняго попа: гдѣ суть животворящіи Христовы тайны? Попъ той не разумѣ словесе моего, и яко недомысляй, стояше молча. Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? Попъ же ничего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда онъ веземъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велію святыню, на нюже ангели смотрятъ со страхомъ. Удивися о семъ небо, восклицаетъ святитель, и земли ужаснитеся концы. О, окаянніи іереи! аще сами Христа Бога въ пречистыхъ Христовыхъ тайнахъ не знаете: то како простыхъ людей истиннаго богознанія научите» [2]). При такомъ крайнемъ незнаніи церковности, непониманіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, что сказать о богословскихъ познаніяхъ этой невѣжественной, и, къ сожалѣнію, большей части духовенства? «Рѣдко кто изъ духовнаго чина, жаловался тотъ же святитель Димитрій ростовскій, знаетъ порядокъ библейской исторіи, что когда происходило. Одинъ игуменъ спрашивалъ меня: когда жилъ Илія пророкъ, по Рождествѣ ли Христовомъ, или до Рождества Христова? и еще: маккавеи жили послѣ апостоловъ? ибо учитель ихъ Еліазаръ на судищѣ предъ мучителемъ приводилъ слова апостольскія и евангельскія, какъ напечатано въ прологѣ московскомъ въ 1 день Августа? И много слышалъ я другихъ смѣшныхъ рѣчей между духовнымъ чиномъ. Напримѣръ слѣдующее: «которымъ ножемъ св. Петръ усѣкъ Малхово ухо, тѣмъ впослѣдствіи св. Илія перерѣзалъ жрецовъ вааловыхъ» [3]). Даже

[1]) Предисл. къ Скрижали напечат. въ 1655 г.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVII стр. 86, 87.

[3]) Тамъ же стр. 51.

крестьянинъ Посошковъ говорилъ о русскихъ священникахъ своего времени: «нынѣ такихъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія привести, но и того незнаютъ, что то есть реченіе вѣра» [1]). Вотъ на какой степени духовнаго просвѣщенія стояла большая часть нашихъ священно-церковно служителей, пастырей и учителей народа, въ XVII столѣтіи, въ тотъ печальный періодъ исторіи русской церкви, когда возникъ и распространился въ Россіи расколъ! При такомъ крайнемъ невѣжествѣ духовенства, самихъ учителей народа, какъ могъ не распространиться расколъ? если слѣпецъ слѣпца водитъ, очевидно, оба легко могутъ пасть въ яму. И отцы собора 1667 года прямо говорятъ, что расколъ отъ того возникъ и распространился, что *„во священство поставляются сельскіе невѣжды*, иже иніи ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей: *тѣмъ убо бываютъ въ церкви Божіи мятежи и расколы“* [2]). Невѣжество, по суду просвѣщеннѣйшаго современника, Епифанія Славеницкаго, было причиною возстанія московскихъ расколоучителей: Аввакума, Даніила, Логгина и другихъ духовныхъ: «дебелаго невѣжества мракомъ душевреднѣ омрачившеся, говоритъ онъ, дебелымъ невѣжествомъ помраченіи, въ пагубную роптанія злобу устремляются» [3]). Жалкая поповщина есть печальное слѣдствіе нравственнаго паденія и умственнаго невѣжества недостойныхъ поповъ, изверженіе, отдѣленіе, какъ плевелъ отъ пшеницы, худой недостойной половины духовенства отъ лучшей части его и отъ православнаго общества.

Во вторыхъ, въ большей части низшаго духовенства весьма много благопріятствовала распространенію раскола *закоренѣлая лѣность исправлять церковныя службы, холодность къ церкви, невнимательность къ своему званію.* Многіе недостойные священники, діаконы и причетники готовы были промѣнять трудное, благонравное и дѣятельное служеніе церкви на праздную,

---

[1]) Соч. Посошкова.

[2]) Дополн. къ Акт. Истор. V, стр. 473.

[3]) Въ Скрижали 1656 г. И дѣйствительно, первые расколоучители духовные были совершенные невѣжды и по невѣжеству ратовали за расколъ. Вотъ какъ напр. были ложны и невѣжественны понятія главнаго расколоучителя протопопа Аввакума. О Святой Троицѣ онъ лжеумствуетъ: „Зри Игнатій Соловянинъ, и вѣруй трисущную Троицу, несѣкомую сѣки по равенству, не бойся, едино существо на три существа тожде и естества. На-тое течетъ источникъ Божества, не рцы по Арію три естества не равные, а равные три естества или существа добрѣ, не шевели больше того. Комуждо особое сѣдѣніе: Отцу и Сыну и Духу Святому, не спрятався сидятъ три царя небесніи. Христосъ сидитъ на особомъ престолѣ, равно сцарствуя Святой Троицѣ. „Во всѣхъ подобныхъ лжеумствованіяхъ протопопъ Аввакумъ, по замѣчанію св. Димитрія ростовскаго, обличаетъ себя въ жалкомъ невѣжествѣ, показываетъ, что онъ и незналъ догматовъ вѣры, и не читалъ со вниманіемъ и толкомъ церковно-богослужебныхъ книгъ, и не смыслилъ исторіи церковной. Розыскъ. ч. I, гл. 17. Невѣжество попа Никиты вполнѣ обличилъ Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія“, показавъ, „какъ онъ дерзавъ во богословскія глубины умъ свой пущати, на брезѣ грамматическаго разума, и въ мелкости ея утопалъ (ч. I. № 23), и прагомъ богословія ниже малѣйшимъ прикоснуся перстомъ“ (л. 23 об). Не выписываемъ уже невѣжественныхъ лжеумствованій попа Никиты. Такое же-невѣжество обличаетъ въ себѣ и попъ Лазарь своимъ обличеніемъ: напр. облич. 58, 70. см. въ Жезлѣ Правленія.

матеріально-выгодную жизнь раскола, особенно поповщинскаго, съ радостію принимавшаго бѣглаго попа или діакона. Частію по причинѣ матеріальной необезпеченности, о чемъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, но главнымъ образомъ по причинѣ отсутствія или неразвитости живого, нравственнаго сознанія пастырскихъ обязанностей,—стремленія матеріальныя, чувственныя въ самой большей части священниковъ преобладали надъ духовно-нравственными стремленіями, и не только убивали въ нихъ всякую мысль о развитіи и распространеніи духовнаго просвѣщенія, но погружали ихъ въ крайнюю лѣность и безпечность объ исполненіи даже положительныхъ уставовъ церкви — прямыхъ обязанностей ихъ служенія. Вотъ какъ описываетъ лѣность и нерадѣніе о духовныхъ обязанностяхъ даже столичнаго, московскаго духовенства въ памяти, данной въ 1636 году поповскому старостѣ, никольскому попу Панкратію: «Вѣдомо великому господину святѣйшему Іоасафу, патріарху московскому и всея Русіи, отъ многихъ извѣстися, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть въ Китаѣ, и въ бѣломъ городѣ каменномъ, и въ древянномъ, и въ загородныхъ мѣстѣхъ, въ соборныхъ и въ приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинится мятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православныя христіанскія непорочныя вѣры, что во святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло по-скору пѣніе Божіе, не по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ.... Иніи сами священницы суть бесѣдующе и безчинствующе, и мірскія угодія творяще, и вся яже святыхъ апостолъ и св. отецъ преданія вотще презирающе, и мірскимъ людемъ о благочиніи и о укрѣпленіи христіанскаго благопребыванія не наказующе и сами безчинствующе, а обѣдни служатъ безъ часовъ, только отпускомъ начинаютъ; а во святые дни святого великаго поста, въ нихъ же должни суть православніи христіане, яко въ жатвенное время, съ трудомъ великимъ и воздержаніемъ плоды добродѣтельные собирати въ житницу душевную, а въ тѣ великіе дни службы церковныя священницы совершаютъ зѣло по-скору, не по правиломъ, ни по преданію святыхъ отецъ, но по своему умышленію, и лѣностію и нерадѣніемъ великимъ изнуряютъ время постное; а иніи же бо суть, послѣ обѣдни на святой недѣли и вечерни отпѣваютъ, для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣностію содержащеся. Такожде и въ воскресные дни, и во Владычны и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ праздники, завтрени священницы поютъ гораздо по-позду и для поздняго ради времени поютъ зѣло по-скору же, и чтенія, иже учинено прочитати на праздники учительныя народомъ евангелія и иныя св. апостолъ и св. отецъ поученія житія, то все оставляютъ, а православнымъ христіаномъ того ничего не прочитаютъ, а которымъ чести хотящимъ и они такожде возбраняютъ, рекуще поздаго ради времене» [1].... Не рѣдко бывало, что священо-церковно-служители, еще будучи въ православіи, поступали уже чисто по раскольнически. Священники лѣнились служить, и вмѣсто нихъ діаконы, дьячки или пономари, подобно безпоповцамъ, совершали такія службы, которыхъ, по церковному уставу, никто, кромѣ священника, не долженъ совер-

[1]) Акт. Археогр. Эксп. т. III. № 264.

шать, и читали въ послѣдованіяхъ тайно-дѣйствій такія молитвы, которыя также непремѣнно самъ священникъ долженъ читать, и по лѣности не читалъ [1]). Или: многіе священники, которымъ, по закоренѣлой лѣности, тяжело было совершать службу въ церквахъ, въ продолжительное стояніе, вполнѣ по служебнику, обыкновенно или вовсе оставляли положенныя уставомъ богослужебныя послѣдованія и молитвы, или прочитывали ихъ напередъ, дома, съ такою скоростію и сокращеніемъ, съ какою только можно, а въ церквахъ просто стояли у престола, бесѣдовали о мірскихъ дѣлахъ и говорили только одни возгласы [2]). Вообще о чрезвычайной холодности къ церкви немалой части духовенства нашего въ XVII столѣтіи свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, то, что въ это время чрезвычайно много было разстригъ, распопъ, съ другой—то, что благопопечительные архипастыри, при своемъ вступленіи на паству, находились вынужденными умолять духовенство—любить церковь [3]). Если же такъ холодно было къ церкви духовенство, если такъ много было священно-служителей нерадивыхъ, то удивительно ли, что многіе священно и церковно-служители бѣжали отъ православно-церковной службы въ расколъ? Совершенное заглушеніе совѣсти, подавленіе всякаго чувства и сознанія того высокаго священнаго обязательства предъ Богомъ и церковію, какое дается священно-служителямъ при рукоположеніи во священство, оправдывало въ глазахъ такихъ недостойныхъ служителей церкви богопротивную измѣну церкви и бѣгство въ расколъ. А закоренѣлая лѣность, безпечность о церковныхъ обязанностяхъ невольно внушала имъ мысль—какъ нибудь освободиться отъ церковнаго порядка и устава. И вотъ они съ радостью обращались въ расколъ, который обольщалъ ихъ полною свободою отъ строгихъ уставовъ церкви, отъ частыхъ службъ, богатыя вознагражденія, да еще, можетъ быть, обѣщалъ почетное и выгодное мѣсто расколоучителя, большака. А церковь православная такимъ образомъ болѣе и болѣе лишалась чадъ и съ материнскою скорбію сѣтовала объ умноженіи раскола.

Въ третьихъ, весьма многихъ изъ низшаго духовенства, какъ и мірянъ, увлекалъ въ расколъ *духъ непокорности іерархической власти и самоуправленія*. Этотъ духъ свободы и своеволія проявлялся и въ приходскомъ причтѣ и въ монахахъ. Говоря о возстаніи духовенства противъ патр. Никона, мы замѣтили, что въ XVII вѣкѣ низшее духовенство иногда цѣлой области или нѣсколькихъ уѣздовъ неоднократно обнаруживало стремленіе освободиться не только отъ уплаты законныхъ пошлинъ, но и отъ суда митрополичьяго или епископскаго, и даже противилось самому царю. Здѣсь укажемъ нѣсколько фактовъ. Такъ въ 1622 году митрополитъ новгородскій Макарій подалъ царю Михаилу Ѳедоровичу челобитную, въ которой писалъ слѣдующее: «По государскому указу велѣно ему колмо-

---

[1]) Дополн. къ Акт. Истор. V, стр. 469.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVII, стр. 101, 102.

[3]) Акт. Ист. т. IV, стр. 177. Митрополитъ Іона пишетъ къ своему ростовскому духовенству: „Понужаю васъ, пресвитери и діакони и вси церковніи причетницы, любити матерь общую, церковь Божію и яже въ ней“.

горскихъ, и важскихъ, и каргопольскихъ, и тѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ новгородской митрополіи, по монастыремъ архимандритовъ и игуменовъ, и по мірскимъ храмомъ поповъ и діаконовъ и церковныхъ причетниковъ и земскихъ людей судити и вѣдати ему богомольцу государеву и его приказнымъ людемъ и десятильникомъ, кого онъ богомолецъ пошлетъ; и тѣ де колмогорскіе, и важскіе, и каргопольскіе, и тѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ, по монастырямъ архимандриты и игумены, и по мірскимъ храмомъ попы и діаконы, и церковные причетники, и земскіе люди, его государева богомольца и его приказныхъ людей и десятильниковъ ни въ чемъ не слушаютъ и во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ подъ судъ не даются и ставятся сильны, и духовныхъ дѣлъ судными и всякими пошлинами владѣютъ тѣ архимандриты и игумены и попы владѣютъ и корыстуются сами межъ себя, а въ царское богомолье, въ софейскую казну, не платятъ». Также въ 1657 году священникъ костромского собора Андрей съ товарищами жаловался, что попы въ костромскомъ уѣздѣ во всѣхъ странахъ, и въ костромскихъ пригородахъ и уѣздахъ святятъ церкви сами собираяся, а ихъ соборянъ не призываютъ и указныхъ пошлинъ не платятъ; да они же попы на Костромѣ на посадѣ и въ уѣздѣ, и въ костромскихъ пригородахъ и въ уѣздахъ и на Плесѣ на посадѣ и во всей плесской десятинѣ, государева указа не слушаютъ, чинятся сильны; вѣнчаютъ отроковъ и двоеженовъ и троеженцовъ и вѣнечныхъ пошлинъ имъ не платятъ[1]). Многіе приходскіе и сельскіе священники не слушались архіерейскихъ приказаній и презирали ихъ запрещенія, безъ архіерейскаго благословенія и безъ грамотъ служили въ домахъ у всякихъ чиновъ людей, и отказывались платить слѣдовавшія съ нихъ церковныя дани и повинности [2]). Такое своеволіе и самоуправство иногда доходило до того, что высшія власти находились вынужденными прибѣгать къ гражданскимъ мѣрамъ, чтобы своевольныхъ поповъ, діаконовъ и причетниковъ привести къ послушанію [3]). А иногда являлись уже за долго до раскола такіе священники, которые уже явно проникнуты были раскольническимъ духомъ непокорности и самоуправства. Такъ напр. въ 1632 году посланъ былъ въ корельскій никольскій монастырь на смиреніе нижегородскаго воскресенскаго дѣвичьяго монастыря попъ Іоаннъ *за гордость и высокую мысль*, и за то, что людей училъ *безъ архіерейскаго благословенія*, и священниковъ лаялъ и еретиками называлъ [4]). Въ монастыряхъ, какъ и въ бѣломъ духовенствѣ, также очень господствовало своеволіе, непокорство и роптаніе [5]). Простая братья «повыкла жить по своей волѣ». Такъ въ царской грамотѣ, посланной въ соловецкій монастырь въ 1621 г., читаемъ: «Вѣдомо намъ учинилось, въ соловецкомъ монастырѣ нѣкоторые отъ братіи дерзаютъ житіе имѣти не по божественному уставу и не по правиламъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ соборная повелѣнія и преп. отецъ Зо-

---

1) А. А. Э. т. III, № 123.
2) Акт. Ист. т. V, № 75, стр. 114.
3) Акт. Археогр. Эксп. т. III, № 316.
4) А. А. Э. т. III, № 198.
5) Тамъ же, т. IV стр. 461.

симы и Савватія уставъ и преданіе во многихъ мѣрахъ презираютъ: и мы слыша о томъ удивляемся, что въ такой честной лаврѣ и въ чудотворномъ мѣстѣ такое ослабное житіе имѣти начинаютъ и отеческія преданія презираютъ и ни во что полагаютъ» [1]). Въ другой царской грамотѣ, данной соловецкому монастырю въ 1636 году, читаемъ, что «монахи самовольно выбирали себѣ келарей и казначеевъ-потаковниковъ, чтобы жить самоуправно, а старцовъ, постриженниковъ старыхъ и благочестивыхъ безчестили и на соборахъ говорить имъ не давали, и жили монахи отъ того въ раздорѣ, кельями и заговоромъ [2]). Такимъ же своеволіемъ и самоуправствомъ заражены были многіе монахи и въ другихъ монастыряхъ [3]). Вообще, господство духа непокорности и самоуправства, въ XVII столѣтіи, какъ между монахами, такъ и въ бѣломъ духовенствѣ, видно еще, во 1-хъ изъ того, что высшія церковныя власти, архіереи, когда издавали какой нибудь указъ о благочиніи церковномъ, то въ немъ большею частію находили нужнымъ прописывать и мѣры или угрозы противъ непокорныхъ духовныхъ [4]), и во 2-хъ изъ того, что отцы собора 1667 года, заботившіеся, по возможности, объ искорененіи всѣхъ грубыхъ недостатковъ въ духовенствѣ, разсуждали, между прочимъ и «о непокоряющихся священницѣхъ и діаконѣхъ своимъ ихъ архіереемъ, и непокорящихся іеромонасѣхъ своимъ ихъ наставникамъ, архимандритамъ и игуменамъ» [5]). Этотъ то духъ непокорства и самоуправства и побуждалъ теперь, когда въ Москвѣ мятежные игумены и попы возстали противъ патр. Никона, именно по духу самоуправства и противленія патріаршей власти Никона, непокорныхъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ—покидать свои приходы и епархіи, чтобы освободиться отъ епархіальнаго начальства. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ своихъ письменныхъ предложеніяхъ собору, бывшему въ Москвѣ въ ноябрѣ 1681 г., подъ предсѣдательствомъ п. Іоакима, ясно указываетъ на эту побудительную причину принятія раскола монахами: многіе монахи, писалъ онъ, мужеска пола и женска, *не хотя быть у наставниковъ своихъ подъ послушаніемъ*, отходятъ отъ монастырей и начинаютъ жить въ лѣсахъ, и по малу прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушниковъ и устрояютъ часовни» и проч. [6]). Особенно многіе священники и діаконы, по непокорности церковной власти, убѣгали въ поповщинскую секту, потому что тамъ они «жили по своей волѣ», не имѣя надъ собой никакихъ благочинныхъ іереевъ, «кои бы имъ отъ епископовъ были предпоставлены, и сами, кто какъ хотѣлъ, такъ и самовластвовалъ» [7]).

---

[1]) Тамъ же, т. III. № 331.

[2]) Акт. Арх. Эксп. т. III, № 262.

[3]) Тамъ же, т. IV, № 325. „Въ Царицынѣ бунтовщику Стенькѣ Разину былъ любимой приходъ въ троицкомъ монастырѣ къ казначею Аарону, и пилъ и ѣлъ воръ Стенька съ нимъ за одно“ А. И. т. V. стр. 400.

[4]) Акт. Арх. Эксп. т.III. № 264, стр. 405.

[5]) Дополн. къ Акт. Ист. V. стр. 489.

[6]) Акт. Ист. т. V. № 75. стр. 117. Патр. Іоакимъ также говоритъ, что многіе монахи не хотѣли жить подъ монастырскимъ началомъ и хотяще быти въ народѣ законоучительми, сами приняли и другимъ проповѣдывали расколъ.

[7]) Зеркало для старообрядства стр. 60, 1799 г.

Такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ, при п. Никонѣ, такъ и повсюду въ епархіяхъ, возстаніе низшаго духовенства и уклоненіе его въ расколъ проистекало изъ клерикально-демократическаго стремленія освободиться отъ высшей іерархической власти и, главнымъ образомъ, отъ суда и тяжкихъ пошлинъ и даней архіерейскихъ.

Наконецъ, весьма много содѣйствовала распространенію раскола въ духовенствѣ сильно укоренившаяся между духовными *привычка жить невоздержно, по влеченію своихъ страстей и похотей, а не по духу вѣры и христіанской нравственности.* Самою важною болѣзнію въ духовенствѣ нашемъ въ XVII столѣтіи были два порока: корыстолюбіе и пьянство. Недостойные священники, недуговавшіе іудинымъ сребролюбіемъ, за деньги продавали таинства, преподавали Тѣло и кровь Христову недостойнымъ, «мзду нѣкую получивъ», за деньги совершали незаконные браки, воровски утаивали казенный доходъ [1]). Священники и дьяконы «неподобнаго ради пріобрѣтенія» владѣли иногда двумя церквами, и также зачисляли за собою причетническія мѣста [2]). Заботясь только о прибыткахъ и богатствѣ, попы, дьяконы и причетники занимались разными неприличными пастырямъ церкви промыслами, напримѣръ винокуреніемъ [3]), даже чернокнижіемъ и воровствомъ. Но особенно страшную заразу нашего духовенства, въ XVII столѣтіи и послѣ, составляло пьянство. Маржеретъ, бывшій въ Россіи въ 1600—1606 г., писалъ: «духовенство русское въ порокѣ пьянства, самаго неумѣреннаго, не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ» [4]). «Видимъ въ простыхъ человѣцѣхъ, писалъ митрополитъ ростовскій Іона въ 1652 году, но и паче же въ духовыхъ чинѣхъ укоренилась злоба сатанинская, безмѣрнаго хмѣльна упиванья, и таковое сатанинское ухищреніе многихъ человѣкъ отлучаетъ отъ Бога» [5]). Въ монастыряхъ, даже нѣкогда самыхъ знаменитыхъ, прославленныхъ святостію ихъ основателей и подвижниковъ, много было иноковъ, преданныхъ пьянству, плотоугодію, сребролюбію. «Егда мало отдохнуша отъ великихъ бѣдъ,—съ глубокою горестію писалъ Авраамій Палицынъ [6]) объ инокахъ троицко-сергіевой лавры, тогда забыша спасающаго ихъ, часто вхождаху утѣшатися сладкими меды, отъ нихъ же породишася блудныя бѣды, отъ повседневныхъ же вылазокъ всѣхъ, приходящихъ побѣдахъ и по крови «пьянствомъ утѣшахуся, отъ того же вся страсти тѣлесныя возрастаху... еще же и сіе зло приложиша, сребролюбственная въ ровъ убо глубокъ блуда впадоша вси отъ простыхъ чади даже и до священствующихъ». Въ отдаленномъ бѣломъ поморьѣ, въ соловецкой обители, многіе иноки, кажется все болѣе и болѣе удалялись отъ святаго образа жизни Зосимы и Савватія и глубже и глубже повреждались въ нравственности. Въ 1636 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ жаловался, что въ

[1]) А. А. Э. т. II, № 61. Доп. къ А. И. т. V, стр. 463 А. А. Э. т. IV, № 42, стр. 62. также № 105 и Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XV, стр. 395.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 446.

[3]) А. А. Э. т. IV, № 116. Востоков. опис. Рум. Муз. стр. 654.

[4]) Арцыбаш. III примѣч. CXII.

[5]) Акт. Ист. IV, стр. 176.

[6]) Сказан. объ осадѣ троиц. сергіев. монастыря стр. 125, 167.

соловецкій монастырь съ брега привозятъ вино горячее; и монахи, желая необузданно предаваться пьянству и своеволію, нарочно, сами собою, безъ соборнаго совѣта добрыхъ и благочестивыхъ старцевъ, избирали келарей и казначеевъ—потаковниковъ, которые бы имъ молчали, и на погребѣ бы имъ безпрестанно квасъ поддѣльный давали» [1]). Въ 1647 г. послана была въ соловецкій монастырь отъ царя Алексѣя Михайловича грамота о запрещеніи старцамъ держать по кельямъ хмѣльное питье, въ которой напоминалось, что «многіе братья охочи пьянаго питья пить, своихъ мѣръ за столомъ непьютъ, и носятъ по кельямъ и квасятъ въ кельяхъ, и напиваются до пьяна, и отъ того де пьянства бываетъ многая вражда и мятежи, а иные священники и крылошане и простая братья въ томъ обычаѣ закоснѣли, и отъ того нестроенія и игуменомъ бываютъ перемѣны частыя, и безъ игуменовъ въ монастырѣ проходило время многое, и повыкли жить по своей волѣ» [2]). А въ послѣднее время, предъ бунтомъ соловецкимъ, нравственность нѣкоторыхъ недостойныхъ иноковъ сѣверной обители представляется уже въ высшей степени мрачною и грязною [3]). Также своевольно и невоздержно жили иноки и во многихъ другихъ монастыряхъ [4]). Стремленіе къ пустыножительству, проистекавшее въ XIV и XV вѣкахъ изъ живого нравственно-религіознаго начала, служившее могущественнымъ мотивомъ къ распространенію по сѣверо-восточной Россіи, въ слѣдъ за монастырями и пустынями, народонаселенія, гражданственности и просвѣщенія, это стремленіе въ XVII вѣкѣ проистекало только изъ склонности къ бродяжничеству, изъ неуживчивости въ старыхъ монастыряхъ подъ строгими древними монастырскими уставами, изъ стремленія освободиться отъ общественныхъ обязанностей, налагаемыхъ новыми строгими постановленіями Уложенія и церковныхъ правилъ. И между тѣмъ духъ стремленія изъ общества, духъ пустынножительства, противообщественный и противоцерковный, никогда такъ не усиливался, какъ въ XVII вѣкѣ: въ XVII в. вновь возникло до 220 монастырей и пустыней, тогда какъ въ самую цвѣтущую эпоху монашества въ Россіи, въ XIV вѣкѣ, ихъ возникло только до 80, въ XV до 70. Отсюда понятно, почему монастыри въ XVII в. наполнены были людьми порочными, и тамъ господствовали пороки всякаго рода въ высшей степени. Пьянство и съ нимъ тѣсно сопряженные пороки такъ сильно господствовали тогда въ монастыряхъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, постоянно и дѣятельно заботившійся о водвореніи нравственнаго порядка во всѣхъ слояхъ русскаго общества въ самомъ началѣ своего царствованія, «слышавъ таковое о своихъ царскихъ богомольяхъ, въ монастырѣхъ, смятеніе и нерадѣніе, и лѣность, и преизлишнее пьянство и нарушеніе всякаго благочестія и древнихъ святыхъ отецъ преданія и чинъ монастырскій небрегомъ, и о томъ зѣло возжалѣся, указалъ послать во всѣ города, по монастыремъ, свои государевы указныя грамоты, чтобы

1) Акт. Арх. Эксп. т. III, № 202.
2) Ibid. т. IV, № 322.
3) Акт. Ист. т. IV, № 248.
4) Дополн. къ Акт. Ист. т. II, № 64.

во всѣхъ монастырѣхъ хмѣльное всякое питье, вино и медъ, и пиво, хмѣльные квасы, оставили и впредь не держали», также патріарху Іосифу «велѣлъ послать по всѣмъ монастырямъ грамоты таковыжъ, чтобы отнюдь въ монастырѣхъ хмѣльнаго никакого питья небыло и жили бъ по преданію древнихъ св. отецъ и по чину монастырскому и уставу, чтобы отъ такого невоздержанія его царскія богомолья не оскудѣли и запустѣнья бъ монастыремъ не было» [1]). Необузданно предаваясь пьянству, весьма многіе монахи совершенно забывали свои иноческіе обѣты, не ходили на богослуженіе, такъ что церкви въ нѣкоторыхъ монастыряхъ не рѣдко стояли безъ пѣнія,—и предавались такимъ безмѣрнымъ житейскимъ заботамъ, какія предосудительны даже и въ благочестивомъ міряининѣ. «Вѣдомо намъ учинилось, писалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1652 году въ кириллобѣлозерскій монастырь, что въ московскихъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ, въ степенныхъ и въ нестепенныхъ монастыряхъ, архимандриты, и игумены, и келари, и строители, и казначеи и священники, и братья, на монастырскихъ погребахъ и по кельямъ у себя держатъ хмѣльное питье, вино и пиво и медъ, и про монастырскій обиходъ и про себя въ монастырскихъ вотчинахъ вина сидятъ, и пива варятъ, и меды ставятъ, и въ монастыри возятъ, и отъ того хмѣльнаго питья церкви Божіи бываютъ безъ пѣнья; да священники жъ и дьяконы и братья ѣдятъ за трапезою и изъ за трапезы изъ за столовъ носятъ хлѣбъ и колачи и рыбу къ себѣ въ кельи и за монастырь, а когда на братью въ посты и не въ посты, въ понедѣльники и въ среды, трапеза не поставляется, и въ тѣ дни братьямъ участки даютъ; да архимандриты жъ, и игумены, и келари, и казначеи, и соборные старцы, во всѣхъ монастырѣхъ, держатъ у себя дѣтей, и братью, и племянниковъ, и внучатъ своихъ, и даютъ имъ монастырской хлѣбъ и всякой запасъ и изъ монастырскіе казны деньги; да они жъ власти отпущаютъ монастырскихъ слугъ въ монастырскія вотчины на жалованье, и какъ тѣ слуги съ жалованья въ монастырь пріѣзжаютъ, и съ нихъ емлютъ власти, и дѣти и племянники и внучата, посулъ и поминки, деньгами и виномъ, и медомъ, и куницами, и всякими гостинцы, а кто ихъ не почтитъ, и къ нимъ приметываясь для мзды чинятъ побои и изгони большія, также и съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ, отъ дѣлъ и не отъ дѣлъ, посулы и поминки емлютъ же, и тѣмъ крестьяномъ изгоню и напрасные убытки чинятъ» [2]) Это мало: многіе монахи, вслѣдствіе нетрезвой жизни и невнимательности къ своимъ обѣтамъ, совершенно отвыкали отъ иноческаго уединенія, не хотѣли жить въ монастырскихъ стѣнахъ, пускались въ міръ и бродили по улицамъ въ городахъ и селахъ, входили въ худые дома, къ соблазну православныхъ. Такъ въ 1639 году писалъ вологодскій архіепископъ Варлаамъ: «бываютъ на Вологдѣ пришлые и въ Вологодскихъ монастыряхъ безчинные старцы, живутъ въ мірскихъ домахъ и по кабакамъ пьютъ и бражничаютъ, и бродятъ въ мірѣ съ великимъ безчинствомъ, а иные старцы ѣдятъ, покупая въ харчевняхъ пироги

[1]) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 325.
[2]) Ibid.

съ мясомъ и всякія мясныя яствы; а продаютъ имъ не вѣдая, для того, что бродятъ безъ чернеческаго платья» [1]). На Москвѣ и въ городахъ, писалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1652 г. въ грамотѣ кирилло-бѣлозерскому монастырю, священники и простые старцы по торгамъ и по улицамъ ходятъ и на крестцахъ сидятъ, и въ томъ иноческому чину поруганіе чинятъ» [2]) Точно такъ же онъ писалъ въ одной грамотѣ въ 1660 году, что «въ монастыряхъ старцы, забывъ страхъ Божій и свое обѣщаніе, живутъ безчинно, по вся дни по мірскимъ дворамъ ходятъ, а иные на дворахъ и ночуютъ, и съ дѣтьми своими и съ братьями и съ сродники и съ иными мірскими людьми въ кельяхъ пьютъ до-пьяна, и изъ монастыря питье, медъ и пиво и квасъ, и съѣстное выдаютъ, а иные и продаютъ, для того, что ѣствы въ монастыряхъ плохи, недопечены и недоварены, и продавъ изъ монастыря такіе ѣствы, покупаютъ себѣ потребнѣе тѣхъ ѣствъ, и отъ того безчинія и нерадѣнія имя Божіе хулится и монастырь и иноческій чинъ отъ многихъ иноземцевъ въ поносѣ и въ укоризнѣ» [3]). Черные попы и дьяконы переходили изъ однихъ монастырей въ другіе безъ вѣдома своихъ епископовъ и безъ грамотъ архіерейскихъ [4]). Въ келліи монашествующихъ иногда свободно входили женщины, а въ женскихъ монастыряхъ держались лица мужескаго пола [5]). Многіе монахи, совершенно забывая обѣтъ нестяжательности, оставляли попеченіе о своей душѣ и заботились только о пріобрѣтеніи и увеличеніи собственнаго имущества, и нерѣдко для пріобрѣтенія денегъ и вообще для удовлетворенія своихъ чувственныхъ и своекорыстныхъ потребностей рѣшались даже на низкіе и богопротивные поступки. «Нынѣ, писалъ митрополитъ суздальскій Иларіонъ въ 1694 году въ грамотѣ Флорищевой пустыни, нестяжательное жительство по преданію св. апостолъ и св. отецъ стало у васъ изгублятися, многіе отъ братіи стали особое имѣніе держать и предпочитаеми стали быть, тщетная совѣтующіи себѣ и хотящіи развратити прежнее общежительство... Нынѣ у васъ есть многіе памятухи тому прежнему общежительству, да и то помнятъ же, которые восхотѣли то общежительство разрушить при мнѣ грѣшнемъ, и я тѣхъ имѣнія огню предавалъ, отъ нихъ же сіи суть: Іосифъ бѣлоградскій, Филонъ швецъ, Илія пономарь, и иные многіе; также и то помните, Филарета инока Янушевскаго, какъ онъ тайно держалъ сребро, и того ради бѣсъ въ него вошелъ и наусти его на убивство отца своего духовнаго» [6]). Иногда обнаруживались даже въ монастыряхъ предательство и измѣна [7]). Казначеи монастырскіе принимали къ себѣ въ монастыри разбойниковъ и измѣнниковъ государственныхъ. Худые монахи нерѣдко дѣйствовали за-одно съ разбойниками, точно также, какъ

---

1) Акт. Арх. Эксп. т. III, № 285.
2) Тамъ же т. IV, стр. 490.
3) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 116.
4) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 466.
5) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 313, стр. 463.
6) Ibid.
7) Акт. Ист. т. IV, № 178, стр. 339.

и недостойные попы и поповскіе дѣти [1]). Вотъ какова была не малая часть духовенства нашего въ то время, когда возникъ расколъ и распространялся по Россіи! Какая обильная почва для возращенія и распространенія раскола! Мы видимъ въ духовенствѣ невоздержность, которая, по словамъ м. ростовскаго Іоны, подавляла въ духовныхъ все доброе; удивительно ли послѣ этого, что многіе монахи и священники убѣгали въ расколъ для свободной, невоздержной жизни. Такъ въ 1668 году многіе монахи, не хотя жить въ монастырѣ, но хотя пить хмѣльное питье, выбѣгали изъ Ниловой столбенской пустыни къ раскольникамъ, унося съ собою платье и правильныя книги [2]). У раскольниковъ же, въ скитахъ и монастыряхъ, по собственному ихъ сознанію, пьянство, вмѣстѣ съ развратомъ, было весьма обыкновенно, особенно въ XVIII вѣкѣ. Извѣстно также, что первые расколоучители—попы Никита и Лазарь—были весьма заражены страстію къ пьянству и даже въ пьяномъ видѣ ратовали за расколъ [3]). Мы видимъ, далѣе, въ духовенствѣ бродяжничество; попы и монахи бродятъ по улицамъ въ городахъ и селахъ: а кто прежде всѣхъ принялъ расколъ, кто были большею частію расколоучители?—«Чернцы—бродяги, и ростриги, отвѣчаетъ намъ патр. Іоакимъ, вси по мірскихъ дворѣхъ волочащіися, и по многихъ монастырѣхъ бродящіи своевольно, иже отнюдь не видятъ, что есть монашество или отсѣченіе своея воли, яко подъ началомъ въ монастырѣ нигдѣ не живяху» [4]). При стремленіи къ пустынножительству и бродяжничеству монаховъ, неоднократно являлись еще за долго до раскола Капитоны, Данилы Викулины, люди съ явнымъ раскольническимъ духомъ. Такой предтеча раскольниковъ явился напр. въ сѣверномъ поморьи, около 1630 года. Въ житіи преп. Никодима кожеезерскаго читаемъ: «нѣкій іеромонахъ именемъ Ѳеодосій поживе съ преподобнымъ отцемъ Никодимомъ въ пустыни два лѣта, и потомъ же много моляше преп. отца Никодима, яко да благословитъ его итти во внутреннюю далечайшую пустыню, и жити бы тамо единому въ уединеніи. Преподобный же возбраняше ему о томъ многократно и не благословляше его на такое дѣло дерзати выше мѣры своея, понеже бо вѣдый преподобный извѣстно жестоту житія сего пустыннаго. Той же іеромонахъ Ѳеодосій не послушалъ наказанія преп. отца, аще же хотя и не благословилъ его въ такомъ намѣреніи ему быти, обаче же онъ невоздержнымъ своимъ и нравомъ своевольнымъ произволеніемъ отъиде въ пустыню, и вселися тамо при той же рѣцѣ Хозегѣ: и потомъ абіе не по мноземъ времени вскорѣ прельщенъ бысть отъ діавола и впаде въ вещи не удобь постижныя: созда убо себѣ жертвенникъ и начатъ въ немъ литургисати единъ божественную службу въ томъ неосвященномъ храмѣ» [5]). При появленіи на сѣверѣ такихъ пустынножителей—

---

1) Тамъ же, т. IV, № 202, стр. 401.

2) Акт. Ист. № 178, стр. 339.

3) Увѣтъ, Жезлъ правленія.

4) Увѣтъ духовный. „Если бы не было бѣглыхъ поповъ, не было бы и поповщины, и не умножалась бы она“. Замѣч. преосвящ. Игнатія Воронежскаго въ одномъ словѣ противъ поповщины.

5) Сборн. житій святыхъ соловецкихъ и поморскихъ, ркп. Сол. библ. № 182.

безпоповцевъ за долго до открытія раскола, въ первой половинѣ XVII вѣка, удивительно ли, что здѣсь именно, на сѣверѣ образовалось главное гнѣздо безпоповщины въ концѣ XVII вѣка? Наконецъ, мы видимъ, что въ духовенствѣ сильно господствовало корыстолюбіе: а что побуждало большею частію приходскихъ поповъ и діаконовъ, особенно бѣдныхъ, убѣгать къ раскольникамъ?—«Не для старообрядства, отвѣчаетъ намъ одинъ обратившійся отъ старообрядства, развѣ очень немногіе, но наипаче ради прибытка бѣглые попы къ онымъ прилѣпилися. Ибо имѣя приходы малые и бѣдные, и зная, что старообрядцы щедро платятся за требы, то, подъ видомъ привязанности своей къ старымъ обрядамъ, прибѣгаютъ къ онымъ, оставя свою паству» [1]).

Таковы были внутреннія качества той нравственной почвы, на которой въ XVII вѣкѣ возникъ и распространился расколъ [2]). Излишне повторять, что на такой худой нравственной почвѣ, которая по словамъ самихъ уважаемыхъ мнимыми старообрядцами исправителей книгъ при п. Іосифѣ, была бы яко Содомъ и яко же Гомору уподобилась бы, если бы Господь не далъ Россіи мудраго царя Алексѣя Михайловича [3]), излишне повторять, что на такой почвѣ сами собой могли произрасти и умножиться плевелы раскола, этотъ мнимый виноградъ Россійскій, который такъ восхваляетъ исторіографъ раскольническій Денисовъ, а отнюдь не древлецерковный, истинно-православный виноградъ церкви русской. *Не можетъ древо злое плоды добры творити*, также какъ доброе древо не можетъ приносить худыхъ плодовъ. И такъ, хотя рѣзко, но справедливо говорили русскіе пастыри XVII вѣка, что «отъ стремнинъ горькихъ и язвинъ своихъ изыдоша отступники православной церкви русской, насадиша винограды по своимъ похотямъ, услаждающія гортани своя временною сладостію льстиваго ученія». Больно, прискорбно было намъ разоблачать нравственныя болѣзни и грѣхи нашихъ предковъ, по естественному ходу событій, за насъ болѣвшихъ и страдавшихъ. Пастыри церкви, правительство и всѣ лучшіе люди XVII вѣка, какъ въ мірскомъ обществѣ, такъ и въ духовенствѣ, вполнѣ сознавали ихъ и громко объявляли о нихъ, дѣятельно ища въ то же время средствъ для ихъ излеченія. Только одни отсталые, запоздалые люди не сознавали, не чувствовали своихъ нравственныхъ болѣзней и хотѣли жить въ старыхъ порокахъ. Не порицать бы мы должны XVII вѣкъ за упадокъ нравственности; напротивъ, съ живымъ участіемъ обязаны мы слѣдить за этимъ напряженіемъ нравственныхъ силъ церкви русской и государства русскаго въ борьбѣ съ многочисленными препятствіями, которыя они встрѣчали при водвореніи общественнаго нравственнаго порядка [4]). Но пусть же устыдятся наши заблуждающіе братія—потомки тѣхъ же предковъ на-

---

[1]) Зеркало для старообрядцевъ, стр. 27, 23.

[2]) Другіе нравственно-гражданскіе недостатки русскаго общества XVII вѣка и первой половины XVIII, благопріятствовавшіе развитію раскола, будутъ показаны въ послѣднихъ двухъ главахъ настоящаго сочиненія.

[3]) Въ послѣсл. къ Сборнику, издан. въ Москвѣ въ 1647 г. Строева—опис. книгъ Царскаго, стр. 248.

[4]) Соловьевъ въ рѣчи о Шуваловѣ.

шихъ XVII вѣка глаголемые старообрядцы, — пусть устыдятся, что они, сами не понимая, доселѣ еще хотятъ намѣренно, упорно болѣть тою нравственною болѣзнію, которою болѣли наши предки невольно, по духу и обстоятельствамъ времени, и отъ которой искренно желали избавиться всѣ лучшіе, коренные русскіе люди, какъ видно изъ единодушнаго, сердечнаго стремленія всѣхъ такихъ людей XVII вѣка. Пусть вникнутъ они въ исторію безпристрастно, благонамѣренно; — они узнаютъ, что внѣшнее отдаленіе ихъ отъ православной церкви произошло и распространилось большею частію отъ нравственнаго зла и безпорядка, отъ предварительнаго внутренняго, нравственнаго отпаденія отъ церкви, а не отъ древле-церковнаго благочинія и благочестія.

III. Внутреннее развитіе раскольнической общины.

Нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка заключали въ себѣ начала, элементы, изъ которыхъ организовался, сложился расколъ. Какія же были орудія, силы и способы въ самомъ расколѣ, послѣ окончательнаго отдѣленія его отъ церкви, посредствомъ которыхъ онъ развился въ такую сильную и многочисленную общину? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, обратимся теперь къ исторіи самаго раскола, прослѣдимъ его собственное, внутреннее общинное развитіе.

Главными орудіями образованія и распространенія раскола, очевидно, прежде всего были расколо-учители. Это были люди, стоявшіе во главѣ оппозиціи, недовольной новымъ порядкомъ вещей, люди, къ которымъ примыкали всѣ недовольные въ томъ или другомъ отношеніи церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ, которые развивали и проводили въ народъ демократическія идеи раскола. Если бы расколо-начальники не возстали и не возмутили народъ, раскола въ церкви русской, по всей вѣроятности, не было бы. По крайней мѣрѣ не было бы раскола, какъ секты церковно-обрядовой, ревнующей только о буквѣ и мертвой обрядности [1]). Истинная церковная жизнь, все болѣе и болѣе развивавшаяся въ церкви русской, и животворный свѣтъ просвѣщенія, начавшій озарять русскій народъ съ половины XVII вѣка, послѣ вѣковой умственной тьмы, рано или поздно, можетъ быть, еще оживили бы это мертвообрядовое направленіе большей части русскаго народа, особенно при такой дѣятельной и благотворной попечительности, какую оказывали п. Никонъ и нѣкоторые другіе наши архипастыри XVII вѣка. Но, мятежное движеніе, произведенное первоначально расколо-учителями въ сферѣ собственно-церковной, скоро перенесено было ими въ сферу гражданской, народной жизни, и во главѣ его стали являться и дѣйствовать уже, чисто въ духѣ демократическомъ,

[1]) Раскольники сами говорятъ; „не мы сами разлученіе отъ церкви содѣяхомъ, но преосвященный епископъ Павелъ коломенскій, соборъ отецъ соловецкія обители, священніи протопопи, пресвитери и прочіи церковнаго причта, пустынніи иноцы, и прочіи многочисленные крестіане всероссійскаго царствія, бывшіи во времена Никона патріарха московскаго, иже въ древле-церковнѣмъ благочестіи устоявшіи“. Поморск. отвѣты отв. 102.

возмутители народные, партизаны противо-государственные, каковы напр. Хованской, Стенька Разинъ, Денисовы и другіе. Расколо-учители стали являться изъ всѣхъ сословій и пошли проповѣдывать по Россіи расколъ по тѣмъ разнымъ нравственнымъ и народно-демократическимъ побужденіямъ, которыя мы видѣли и еще увидимъ господствующими во внутренней жизни большей части русскаго народа XVII и первой половины XVIII вѣка: расколо-учители изъ духовенства — по своимъ религіозно-демократическимъ побужденіямъ и стремленіямъ, расколо-учители изъ стрѣльцовъ и солдатъ—по своимъ стремленіямъ къ старинной вольности и т. д. Общее начало было одно—противленіе, во имя старой вѣры, новому государственному порядку, демократическое недовольство церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ въ разныхъ отношеніяхъ, и преимущественно недовольство новымъ порядкомъ и направленіемъ внутренней жизни Россіи, послѣ исправленій Никона и преобразованій Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. На сколько было справедливо это народное недовольство — это мы покажемъ въ слѣдующихъ главахъ нашего сочиненія.

Со стороны расколо-учителей, первою и непосредственною причиною быстраго распространенія раскола почти по всей Россіи была уже эта *самая чрезвычайная многочисленность ихъ, быстрое разсѣяніе съ проповѣдью о расколѣ по всей Россіи и постоянное, неусыпное проповѣданіе раскола.* Уже въ продолженіи 8 лѣтъ, пока п. Никонъ находился въ удаленіи отъ дѣлъ церковныхъ, и церковь русская оставалась безъ патріарха, расколъ успѣлъ распространиться въ Россіи почти повсюду. Судъ надъ Никономъ, осужденіе и паденіе его въ глазахъ людей неразсудительныхъ и суевѣрныхъ служили очевиднымъ доказательствомъ мнимой правоты раскола и неправды Никона. Расколо-начальники торжествовали, и расколъ быстро, успѣшно распространялся. Объ этомъ свидѣтельствуетъ современное «объявленіе о низложеніи п. Никона», гдѣ прямо сказано объ удаленіи Никона отъ патріаршества: «яко оставленіемъ престола сотвори церковь святую вдовствовати осьмь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, въ неже между — патріаршества время блазнишася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятежницы православно-россійскія церкве, лестными ученми своими многихъ души людей погубивши» [1]). Въ какой мѣрѣ справедливо это обвиненіе Никона, мы это увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ; но то несомнѣнно, что именно въ этотъ періодъ времени расколо-учители успѣли разсѣяться по всѣмъ краямъ Россіи и вездѣ положить начало раскола. Съ 1667 года, когда расколъ окончательно осужденъ и отсѣченъ былъ отъ церкви на московскомъ соборѣ, расколо-учители еще болѣе умножились, и съ тѣхъ поръ ученіе старообрядства непрерывно распространялось. «Овіи крыяхуся, овіи же покаявшеся, писалъ п. Іоакимъ, паки послѣжди своя ученія разсѣваша, и оттуду вся злоба сія урасте, изъ нихъ же овіи умроша, овіи же и доселѣ пребываютъ» [2]). Открывшіеся въ слѣдъ за соборомъ 1667 года бунты—соловецкій (1666—1677 г.) и стрѣлецкій (1682 г.), въ которыхъ

---

1) Древн. Россійск. Вивл. ч. III, 404.
2) А. И. V, стр. 340.

принимали живѣйшее, почти главное участіе раскольники, весьма благопріятствовали умноженію расколо-учителей и распространенію раскола. Во время соловецкаго бунта многіе чернецы бѣжали изъ соловецкаго монастыря въ олонецкое поморье и въ нижегородскіе предѣлы и тамъ основали раскольническіе скиты. Семенъ Денисовъ, написавшій «исторію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», восхваливъ многихъ мятежныхъ чернецовъ, разсѣявшихся во время соловецкаго бунта по сѣверному поморью, заключаетъ: «прочіи же отецъ соловецкихъ, ови во время раззоренія по странамъ Россійскимъ во оземствія, овіи же и прежде изшедше странствованіемъ разсѣяшася и идѣже аще во градѣхъ и вѣсѣхъ, аще въ пустынныхъ скитахъ многи на стези древле-благочестивыхъ церковныхъ законовъ навратиша» [1]). Также возникшій въ 1682 г. стрѣлецкій бунтъ представлялъ благопріятное, удобное время для усиленія и распространенія раскола. «Тогда объявилися въ стрѣльцахъ, пишетъ Матвѣевъ въ своихъ запискахъ, многіе раскольники, *получа своему зломыслію удобное время,* начали совѣтывать: какъ бы имъ расколъ свой паки вновь утвердить и православную церковь, ихъ еретичеству противную, раззорить и правовѣрныхъ побить. Того ради избрали они себѣ предводителемъ князя Хованскаго и въ туже злополучную пору явившагося Никиту распопа, прозваніемъ пустосвята, и чернецевъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ» [2]). «Изверженный попъ Никита пустосвятъ, пишетъ м. тобольскій Игнатій, *обрѣте время смущенія* на святую церковь, и началъ паки ядъ свой изрыгати (онъ принесъ-было покаяніе, но лицемѣрное) и собравъ себѣ поборниковъ, нѣкоторыхъ черньцевъ, нѣкую шестерицу, и прочихъ съ ними: понеже *въ народѣ того лѣта зѣльное бяше колебаніе,* о нѣкіихъ вещехъ воинства, сирѣчь, безчиніе въ пѣшіихъ полцѣхъ» [3]). Пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, или, какъ говоритъ Крекшинъ въ своихъ запискахъ «улуча своему зломыслію время», раскольники подъ предводительствомъ Хованскаго и Никиты пустосвята, «подговорили въ свой совѣтъ многъ народъ, купцовъ и промышленниковъ и чернь, и тако утвердили твердо въ ономъ возмутительномъ народѣ расколъ, что готовы на смерть и на вся мученія, и возжеся едва не весь народъ» [4]). Бунтъ стрѣлецкій былъ усмиренъ, но раскольники, какъ замѣчаетъ Матвѣевъ, «изъ сердецъ злобы своей отнюдь не искоренили» [5]). А по свидѣтельству патр. Іокима, «многіе, по окон-

---

[1]) Ист. объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецк. ркп.

[2]) Записки Матвѣева, изд. Сахаровымъ, стр. 38, Спб. 1841.

[3]) III посл. стр. 148, 149, Правосл. Собесѣд. 1855 г. кн. 2.

[4]) Записки Крекшина, стр. 41, изд. Сахаровымъ. „Видя стрѣлецкую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, пишетъ Медвѣдевъ, враги св. церкви раскольники, нарицаемые Капитоны, начаша на св. церковь ратовати, народъ простой возмущати, присовокупиша лестными глаголаніи къ тому своему начинанію многихъ служилыхъ людей, грамотѣ неумѣющихъ, къ нимъ же и изъ посадскихъ людей, нѣцыи неискусные, паче же и прельщенные присташа... Еще они раскольники такое дерзновеніе взяли, невѣжди, ничтоже знающіи и грамотѣ неумѣющіи, по улицамъ и по площадямъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, яко нѣкіи проповѣдники ходяще, людей простыхъ учили“. Записки Медвѣдева. стр. 17, 18.

[5]) Записки Матвѣева, стр. 40.

чаніи бунта, разбѣжались» [1]). Эти бѣглецы въ пылу мятежнаго фанатизма и ожесточенія, разумѣется, въ мѣстахъ убѣжища не молчали, а еще съ большею энергіею продолжали проповѣдывать расколъ. Вообще, пользуясь смутами во время суда надъ п. Никономъ, во время соловецкаго и стрѣлецкаго бунтовъ, когда вниманіе церковнаго и гражданскаго правительства занято было главнымъ образомъ возстановленіемъ нарушеннаго мира и спокойствія, расколо-учители повсюду въ Россіи ходили и проповѣдывали расколъ. «Какъ пламень при бурномъ вѣтрѣ, по выраженію протоіерея Іоаннова, всюду разливались они и ядъ своего нечестія сообщали: они разсыпались по городамъ, куда кто могъ и вездѣ простой народъ смущали и къ своему единомыслію приводили» [2]). Расколъ такъ много обязанъ своимъ существованіемъ и распространеніемъ расколо-учителямъ, во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка его проповѣдывавшимъ, что послѣдователи его доселѣ ублажаютъ память этихъ расколоучителей, какъ своихъ апостоловъ, первоучителей, мучениковъ, отцевъ и страдальцевъ. Поморскій исторіографъ Андрей Денисовъ сохранилъ намъ память главныхъ дѣятелей безпоповщинскаго раскола. Въ 1755 году раскольникъ Иванъ Алексѣевъ написалъ «исторію о бѣгствующемъ священствѣ» и исчислилъ главныхъ насадителей раскола поповщинской секты. Изчислимъ имена первыхъ и главныхъ сѣятелей старообрядческаго ученія въ разныхъ краяхъ Россіи, какъ поповщинскаго, такъ и безпоповщинскаго, такъ какъ они были главными, непосредственными орудіями и виновниками распространенія раскола.

Въ предѣлахъ владимірскихъ, въ уѣздахъ костромскомъ, вязниковскомъ и кинешемскомъ проповѣдывалъ расколъ извѣстный уже намъ самый первый расколоначальникъ Капитонъ. Онъ началъ проповѣдывать расколъ еще съ тѣхъ поръ, какъ вышли книги, изданныя при патр. Іосифѣ извѣстными единомышлениками его—протопопомъ Аввакумомъ, Стефаномъ Вонифатьевымъ, Іоанномъ Нероновымъ и другими ихъ сообщниками, и проповѣдывалъ расколъ болѣе 20 лѣтъ. Онъ такъ много содѣйствовалъ умноженію и усиленію раскольническаго общества, что во 2-й половинѣ XVII вѣка и даже въ началѣ XVIII послѣдователи его составляли особую общину и назывались по его имени Капитонами [3]). Капитону ревностно помогали распространять расколъ ученики его: Прохоръ, Вавила, родомъ иноземецъ, люторскія вѣры, искусный въ логикѣ, философіи и богословіи, Леонидъ и другіе [4]). А одинъ изъ послѣдователей его, поселянинъ Подрѣшетниковъ основалъ неподалеку отъ Костромы, въ предѣлахъ кинешемскихъ особое раскольническое общество [5]). Въ самомъ посадѣ Вязникахъ съ особен-

---

[1]) Увѣтъ духовный.

[2]) Полн. истор. извѣстіе о раскольникахъ, ч. I, стр. 72.

[3]) Денисовъ пишетъ о Капитонѣ; „тому мнози ученицы бяху. . . Егда новинъ буря окружи церковь, смяте грады, поколеба села и веси: тогда сей Капитонъ всеясенъ проповѣдникъ благочестія и всеревностнѣйшій обличитель Никоновыхъ новшествъ показуется, свободно древнее заступаше благочестіе, свободно и новины потязаше". Вин. Росс. л. 135.

[4]) Тамъ же, л. 141.

[5]) Игнат. Ш посл. стр. 112. 113. Правосл. Собесѣд.

ною ревностью насаждалъ расколъ ново-поставленный священникъ Симеонъ [1]). Въ Муромѣ при Окѣ свободно проповѣдывалъ расколъ архимандритъ спасскаго монастыря Антоній;—во Владимірѣ залѣсскомъ нѣкто о. Іоаннъ, бывшій наборщикомъ печатныхъ книгъ при патр. Іосифѣ, и первый писарь въ канцеляріи города Владиміра—Никита [2]).—Въ предѣлахъ новгородскихъ и псковскихъ съ большимъ успѣхомъ распространялъ расколъ старецъ Варлаамъ, бывшій протопопъ псковскаго собора, а потомъ постригшійся въ монашество въ псковскомъ печерскомъ монастырѣ. «Онъ, по словамъ Денисова, странствовалъ съ проповѣдью о расколѣ по многимъ мѣстамъ, доходилъ до предѣловъ велико-новгородскихъ, былъ въ самомъ Новгородѣ, и вездѣ свободно старопечатныхъ книгъ проповѣдывалъ догматы, и многихъ огласилъ, многихъ утвердилъ въ своемъ ученіи» [3]). Вмѣстѣ съ Варлаамомъ распространяли расколъ въ новгородскомъ краю ученики его: Іоаннъ Дементьевъ, великолуцкій купецъ, который, «во градѣ и въ селахъ и въ весѣхъ и во всѣхъ предѣлахъ новгородскихъ, по выраженію поморскаго ритора, нелѣностно простираше слово» [4]); дворянинъ Димитрій, изъ рода Хвостовыхъ, съ двумя родными сестрами [5]); Василій Лисицынъ, поселянинъ изъ села Крестецкаго; Григорій, бывшій казначей Антоніева новгородскаго монастыря; Сампсонъ поповичъ, сынъ священника крестецкаго села Иліи и братъ его Кириллъ [6]); Лаврентій, купецъ, торговавшій харчевыми припасами; Василій и Симеонъ псковскіе, Андрей и Ефимій, Евсевій Простой, по выраженію Денисова, невѣжда въ человѣкахъ, о. Іоасафъ Чаплинъ и многіе другіе [7]). Въ предѣлахъ олонецкихъ и архангельскихъ еще, кажется, болѣе было расколо-учителей: сначала тамъ проповѣдывалъ еп. коломенскій Павелъ, сосланный въ монастырь Палеостровскій: онъ, по словамъ Денисова, яснымъ гласомъ свободно проповѣдывалъ [8]). Потомъ проповѣдывали расколъ въ сѣверномъ поморьѣ: Досиѳей, бывшій игуменъ Никольскаго Бесѣдовскаго монастыря, неподалеку отъ Тихвина, скитавшійся съ проповѣдью о расколѣ по разнымъ мѣстамъ; въ городѣ Олонцѣ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, и клирикъ Елеазаръ; въ Каргополѣ безграмотный поселянинъ Леонтій, его дѣти Авраамій и Андрей въ сообществѣ со многими другими; также Іоаннъ Іуліанинъ [9]), и особенно пи-

---

[1]) Виногр. Росс. л. 150.

[2]) Тамъ же, л. 155, об. 156, 158—172.

[3]) Тамъ же л. 172—174.

[4]) Тамъ же л. 180 об. 181.

[5]) Тамъ же л. 191, 194, 200, 202, 205.

[6]) Виногр. Росс.

[7]) О Лаврентіи купцѣ Денисовъ писалъ л. 199: „иже харчевыми припасами куплю дѣяше . . . Аще и неученъ бяше книгамъ, но книги въ дому имѣя и отвсюду собираше человѣки на книгочтеніе и спасит. о словесѣхъ Божіихъ бесѣды“. О Андреѣ и Ефиміи л. 203 об. и 204: „не токмо сами древле-церковное православіе крѣпце и благоревностно сохраняша, но и прочія сосѣды и окрестножители всежелательно и братолюбно научающа добро-ревностно совѣтоваша, еже новинъ и Никоновыхъ новоправленій весьма отбѣгати.

[8]) Денисовъ о Павлѣ Колом.

[9]) Объ Іуліанин. л. 311—319: „свободнымъ языкомъ и устнами древлецерк. по-

сарь прикупной палаты въ городѣ, Козма Прокопьевъ [1]), и многіе другіе. Кромѣ того, въ олонецкой области распространяли расколъ еще вышедшіе изъ соловецкаго монастыря иноки: Епифаній, Савватій, Германъ, Іосифъ, по прозванію Сухой,—діаконъ Игнатій и нѣкоторые другіе [2]). Здѣсь же, въ заонежскомъ поморьѣ скитался по пустынямъ съ нѣкоторою братіею бывшій шумскаго погоста дьячекъ Данила Викулинъ, и повсюду проповѣдывалъ расколъ «мѣсто отъ мѣста перемѣняя, и наконецъ около 1694 года поселился съ товарищами своими на Выгѣ рѣкѣ и здѣсь основалъ скитъ, извѣстный подъ именемъ анилова, поморскаго, выгорѣцкаго, дѣлавшійся вскорѣ средоточіемъ безпоДповщины. Далѣе на сѣверѣ, въ соловецкой обители и ея окрестностяхъ, распространяли расколъ, кромѣ сосланныхъ туда съ княземъ Львовымъ, іеромонахъ Ѳеоктистъ, старецъ Герасимъ Фирсовъ, старецъ Епифаній. Въ окрестностяхъ соловецкихъ бродили съ проповѣдью о расколѣ соловецкіе выходцы, каковъ напр. Іоаннъ по прозванію Пахабный. Въ предѣлахъ архангельскихъ, холмогорскихъ, кандалашскихъ распространяли расколъ при п. Никонѣ старцы Сила, Алексѣй и Ѳеодоръ: на проповѣдь ихъ стекалось множество народа. Вообще въ Бѣломъ Поморьѣ расколоучителей было чрезвычайно много, и успѣхъ ихъ проповѣди былъ необыкновенный. Здѣсь уловленъ былъ на нѣсколько времени въ сѣти раскола даже знаменитый Ломоносовъ [3]).

Въ предѣлахъ нижегородскихъ распространяли расколъ: монахъ Арсеній, бѣжавшій изъ осажденнаго царскими войсками соловецкаго монастыря и, по прибытіи въ семеновскій уѣздъ, положившій начало въ керженскихъ лѣсахъ скиту шарпанскому; игуменъ Бизюковскаго монастыря Сергій Салтыковъ; постриженникъ того же монастыря монахъ Ефремъ Потемкинъ, который, по словамъ отцевъ собора 1667 года, «многія христіаны, живя въ пустыни въ нижегородскомъ и ветлужскомъ уѣздахъ, на козлецкихъ блатахъ, прельстилъ бяше и отъ церкви отлучилъ» [4]); іеромонахъ Авраамій изъ монастыря казанскія Божія матери села Лыскова [5]); того же имени старецъ, постриженникъ Іосифова волоколамскаго монастыря. Здѣсь же распространяли расколъ: монахъ соловецкаго монастыря Софонтій, бѣжавшій оттуда во время осады и потомъ посвятившійся въ попы, ученіе котораго распространилось въ скитахъ оленевскомъ, ростовскомъ, рахилиномъ, фотіиномъ и другихъ; Онуфрій, преемникъ бѣжавшаго изъ соловецкаго монастыря Арсенія, основавшій скитъ близь города Семенова и деревни Хвостиновой и распространявшій расколъ съ 1682 г., если еще не ранѣе, по 1735 годъ.

Въ южной украйнѣ Россіи, внизъ по Волгѣ, по рѣкамъ Дону, Кубани, Медвѣдицѣ, за Астраханью, въ глубокой степи, по рѣкамъ Сулакѣ и

хваляше благочестіе, аще на бесѣдахъ, аще на торжищахъ, аще во градѣ или гдѣ случашеся, ясно разглагольствоваше.

1) Тамъ же.

2) Истор. о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ.

3) Рѣчь Погодина о Ломоносовѣ, по случаю юбилея моск. univer.

4) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 452—453.

5) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 458.

Кумѣ, близъ Черкасовъ, также близъ Тамбова и Козлова распространяли расколъ, увлекая за собою цѣлыя шайки бѣглыхъ и вольницъ, преимущественно два старца: Іовъ, шляхетскаго рода, котораго вывезъ съ собою изъ плѣна п. Филаретъ, въ качествѣ келейника, и потомъ посвятилъ въ іеромонахи, и Досиѳей, Тихвинскій игуменъ, съ двумя священниками Пафнутіемъ и Ѳеодосіемъ, пришедшій изъ сѣвернаго поморья [1]).

Въ предѣлахъ калужскихъ, въ городѣ Боровскѣ особенно дѣятельно и успѣшно распространялъ расколъ священникъ Поліевктъ. «Егда Никоновыхъ нововведенныхъ догматовъ, повѣствуетъ поморскій риторъ съ обычнымъ напыщеннымъ преувеличеніемъ, многосмущенный мятежъ Россійскую колебати нача церковь, и архіереи и ереи преослабѣвше, трепетомъ объяти омрачишася: тогда дивный Божій священникъ стадо свое, яко добрый пастырь, всегдашними поученьми присно и всебодро утвержаше; да въ древле-отеческомъ православіи непоколебимо пребываютъ, да новопрозябшихъ многосмущенныхъ новинъ стрегутся. И не токмо до сихъ Поліевктова языка всекрасный умножается плодъ, но еще сугубо доброплодствуетъ, и по смерти яко розга процвѣтаетъ: по того бо блаж. скончаніи, того стада овцы паки ревностію православія утвердившеся, познавше гласъ добраго пастыря, ко инымъ пастыремъ чуждая и новая учащимъ послѣдовати или прибѣгнути весьма не восхотѣша» [2]). Были и многіе другіе расколоучители въ калужскихъ предѣлахъ, которые основали нѣсколько скитовъ въ калужскихъ лѣсахъ.

Въ предѣлахъ черниговскихъ, около Стародубскихъ казачьихъ слободъ, распространилъ расколъ попъ Козма, бѣжавшій (послѣ собора 1667 г.) изъ московской церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишахъ, съ 20 человѣками [3]).

На востокѣ, въ Сибири, распространяли ученіе старообрядства: Аввакумъ, во время проѣзда своего въ заточеніе за Байкалъ; лже-чернецъ Іосифъ Истоминъ, который, проѣзжая черезъ сибирскіе города Верхотурье, Туринскъ и Тюмень, дорогою вездѣ проповѣдывалъ свое ложное ученіе и вездѣ успѣлъ увлечь многихъ простыхъ людей, и сѣялъ расколъ въ продолженіи 24 лѣтъ; попъ Домитіанъ, увлекавшій народъ изъ городовъ и селъ въ тюменскіе лѣса и горы; Яковъ Лепехинъ, бывшій въ Верхотурьѣ служилымъ атаманомъ и преимущественно распространявшій расколъ въ верхотурскомъ уѣздѣ, и Василій Шапошниковъ, сѣявшій плевелы раскола въ тюменскомъ уѣздѣ. «И не бысть мѣста, прибавляетъ преосв. Игнатій тобольскій, идѣ же бы арменоподражатель не вселился, и уже и жены скверныя учаху, и дѣвы видѣніемъ, такожде и скверныя блудодѣйцы».

Мы представили этотъ краткій перечень первыхъ расколо-учителей съ тою цѣлію, чтобы видѣть, какъ неминуемо расколъ долженъ былъ повсюду распространиться съ чрезвычайнымъ успѣхомъ уже вслѣдствіе того одного, что почти съ самаго начала его вдругъ вездѣ проповѣдывали многочисленные

---

[1]) Полн. собр. зак. т. II, № 1310.
[2]) Виногр. Росс. л. 131—133.
[3]) III посл. м. Игнатія, стр. 130, въ Правосл. Собесѣдн. 1855 кн. 2.

расколо-учители, и проповѣдывали непрестанно. Мы перечислили еще только нѣкоторыхъ, болѣе извѣстныхъ, — и то большею частію только первыхъ расколо-учителей; но сколько было неизвѣстныхъ! Самъ исторіографъ раскольническій Денисовъ сознается, что онъ въ своемъ Росс. Виногр. умолчалъ еще о весьма многихъ расколо-учителяхъ. Чрезвычайное умноженіе проповѣдниковъ старообрядства и почти повсюдное разсѣяніе ихъ съ проповѣдью о расколѣ, естественно, какъ мы сказали, сопровождалось и сильнымъ умноженіемъ и распространеніемъ по России раскола. Гдѣ не было расколо-учителей, куда не проникала ихъ проповѣдь, тамъ, само собою разумѣется, не могло быть и небыло раскола. Но гдѣ появлялся хотя одинъ расколо-учитель, тамъ очень легко могъ распространяться и распространялся расколъ. Надобно замѣтить и то, что успѣхъ первоначальной раскольнической проповѣди весьма много зависѣлъ еще отъ того, что первые расколо-учители распространяли свое ученіе съ особеннымъ фанатическимъ жаромъ и энтузіазмомъ. «Для распространенія раскола они не щадили ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни» [1]). Нѣкоторые расколоучители съ умиленіемъ, со слезами и съ рыданіемъ преподавали ученіе раскола и умоляли православныхъ спасать свои души принятіемъ его [2]). Эта горячность, одушевленность и сила проповѣди, соединенная съ религіознымъ фанатизмомъ, который на первой порѣ во всякомъ сектантѣ или схизматикѣ всегда бываетъ чрезвычайно пламененъ, силенъ, неудержимостремителенъ, много содѣйствовали успѣху расколоучителей. Ложно-религіозное воодушевленіе, пылавшее фанатическою ревностію будто бы къ древне-церковному благочестію, а въ самомъ дѣлѣ бывшее, по рѣзкому, но характеристическому выраженію православныхъ пастырей русской церкви, боровшихся тогда съ расколомъ, «шептаніемъ сатаны, бѣснованіемъ» [3]), напыщенно-восторженный учительный, либо мнимо-исповѣдническій тонъ, который принимали на себя первые расколоучители, привлекали къ нимъ вниманіе и сочувствіе толпы, неумѣвшей различить духа истины отъ духовъ лестчихъ, воодушевленія истиннаго, возвышеннаго, отъ воодушевленія ложнаго, изувѣрнаго. Фанатическая горячность и ревность легко переливались, такъ сказать, отъ расколоучителей въ воспріимчивыя, мягкія по природѣ своей сердца русскихъ простолюдиновъ, особенно благочестивыхъ, простодушно-набожныхъ, но неразсудительныхъ. «Таковымъ своимъ бѣснованіемъ, говорилъ Питиримъ, епископъ нижегородскій о расколоучителяхъ, веліе въ благочестивыхъ содѣлали смущеніе и мятежъ, паче же простѣйшихъ и ненаученыхъ множайшихъ и въ слѣдъ себѣ до ада отведоша» [4]). Самосожигательство — естественный плодъ этой фанатической горячности. Далѣе, страсть къ учительству, которая по словамъ патр. Іоакима [5]), и

[1]) Полн. истор. извѣст. о раскольн. ч. I, стр. 83.

[2]) Таковъ, напр. расколоучитель Іоаннъ Дементьевъ, купецъ великолуцкій, распространявшій расколъ въ предѣлахъ новгородскихъ. Дек. л. 180.

[3]) Дополн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 483. Пращица л. 2. Ш послѣ Игнатія тобольскаго въ Правосл. Собесѣдн. стр. 137 и др.

[4]) Пращица л. 2 об. печ. 1725 г.

[5]) Слово благодарственное: во многихъ мѣстахъ.

побуждала главнымъ образомъ многихъ книжниковъ, грамотѣевъ быть расколоучителями, возжигала въ проповѣдникахъ раскола огнь фанатической ревности—проповѣдывать, учить простой народъ, а равносильная этой страсти жажда многихъ набожныхъ простолюдиновъ послушать слово духовнаго утѣшенія, назиданія или душевнаго спасенія въ минуту глубоко-возчувствованной грѣховности, въ глубокой старости, или во дни болѣзни, скорби, бѣдствія отверзали для ихъ проповѣди свободный входъ въ сердца людей набожныхъ, простодушныхъ, мягкосердечныхъ. Русскій грамотѣй, начетчикъ, книжникъ, выдающійся надъ толпой своими знаніями, своею мудростію, любитъ поучить другихъ, сказать имъ что-либо отъ божественнаго; а русскіе простолюдины, съ своей стороны, по своей мягкой, простодушной природѣ, по своей природной, простосердечной расположенности послушать на досугѣ «что-нибудь о божественномъ отъ писанія», съ удовольствіемъ и съ живымъ участіемъ слушаютъ ихъ и потому всегда высоко цѣнятъ, уважаютъ тѣхъ людей, которые учатъ ихъ «темныхъ людей», называютъ ихъ не иначе, какъ «учителями, законниками» [1]). Что удивительнаго, если расколоучители, особенно книжные, начитанные, даровитые, нравились простому народу, казались истинными учителями, радящими о его спасеніи. Они расколоучители, въ фанатической ревности и горячности своей, предлагали свое ученіе, повидимому, съ самымъ горячимъ и искреннимъ сочувствіемъ къ душевному спасенію ближнихъ, съ глубокими вздохами сокрушенія о грѣховности міра, часто со слезами умиленія, почти всегда съ старою церковною книгою въ рукахъ, говорили о предметахъ самыхъ трогательныхъ для простодушно-набожнаго сердца, глубоко потрясающихъ душу вѣрующаго, какъ-то: о наступленіи послѣднихъ временъ, о близкой кончинѣ міра, о пришествіи антихриста, о приближеніи второго пришествія Христова, и страшномъ судѣ и т. п. Простолюдины, особенно благочестивые, простодушно-набожные, невольно умилялись, умягчались сердцемъ, какъ воскъ, отъ такой проповѣди, и совращались въ расколъ. Рѣзко, но выразительно сравнивали тогдашніе пастыри русской церкви фанатическую горячность и ревность расколо-учителей въ уловленіи православныхъ въ сѣти раскола съ алчностью хищныхъ звѣрей, жадно поглощающихъ свою добычу. Они, какъ «дивыя звѣри», по словамъ отцевъ собора 1667 года, «пшеницу ненасытными зубами пожати и пожрати хотѣли» [2]). При такой горячности и

[1]) Какимъ почетомъ пользовались въ народѣ въ XVII вѣкѣ люди книжные, знавшіе писанное ученіе, это можно видѣть отчасти изъ слѣд. словъ русской повѣсти о горѣ и злосчастіи, писан. въ XVII в., если не ранѣе:

А что видятъ молодца люди добрые,
что гораздъ онъ креститися,
ведетъ онъ все *по писанному ученію*,
емлютъ его люди добрые подъ руки,
садятъ его за дубовый столъ и пр. (Совр. 1856 г. № 3 (Мартъ).

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 446. Также III посл. Игнатія тобольскаго въ Правосл. Собесѣдн. стр. 156 и др.

энергической, неусыпной дѣятельности проповѣдниковъ старообрядства могъ ли не распространиться расколъ» [1]).

Кромѣ этого общаго свойства—фанатической горячности, одушевленности и силы проповѣди первыхъ расколо-учителей, многіе изъ нихъ имѣли большой успѣхъ въ дѣлѣ распространенія раскола, по своимъ особеннымъ, *личнымъ свойствамъ*. Одни изъ нихъ, напримѣръ, внушали къ себѣ полное довѣріе своимъ высокимъ священнымъ саномъ и авторитетомъ. Таковъ напр. былъ епископъ коломенскій Павелъ, котораго Денисовъ съ гордостію называетъ «священно-начальникомъ своего добраго воинства, т. е. общества раскольническаго, сравнивая его съ Моисеемъ и Аарономъ. Онъ, когда былъ сосланъ въ заточеніе въ палеостровскій монастырь въ олонецкомъ уѣздѣ, то, по словамъ Денисова, «тамо не малое время препроводилъ, и яснымъ гласомъ древле-церковнаго благочестія свѣтлость свободно проповѣдывалъ» и, разумѣется, его, какъ епископа, народъ съ благоговѣніемъ и полнымъ довѣріемъ слушалъ и принималъ его ученіе. Раскольники его авторитетомъ подтверждали свое ученіе о перекрещиваніи, о совершеніи таинствъ людьми неосвященными, о непринятіи отъ русской церкви никакихъ таинствъ и священнодѣйствій, равно какъ и новопоставленныхъ въ ней священниковъ [2]); а послѣдователи поповской секты отъ него производили благословеніе своихъ бѣглыхъ поповъ и благословеніе это признавали непреходящимъ, непрерывно продолжающимся, всегда дѣйственнымъ [3]). Въ одной раскольнической рукописи сказано даже, будто коломенскій епископъ Павелъ имѣлъ въ Куроженской обители съ бѣжавшими изъ соловецкаго монастыря соборъ, на которомъ читаны были грамоты Макарія 3-го, митроп. новгородскаго, Маркелла, епископа вологодскаго, и Александра, епископа вятскаго, «о томъ, что отъ великороссійской церкви точно должно отдѣлиться, и что всѣхъ, отступающихъ отъ нея въ старообрядство, должно перекрещивать». Не смотря на всю ложность [4]) этого сказанія, расколъ однакоже вѣритъ ему и въ немъ находитъ для себя подкрѣпленіе. Не меньшимъ почетомъ, по своему сану и званію, и слѣд. довѣріемъ пользовались въ народѣ и совѣтники Павла епископа, бывшіе справщики книгъ при патр. Іосифѣ, каковы: придворный протопопъ и духовникъ царскій Стефанъ Вонифатьевъ, протопопъ Аввакумъ, протопопъ Іоаннъ Нероновъ, протопопъ Лонгинъ, протопопъ Даніилъ, попы Лазарь и Никита,—все протопопы [5]), да священники, и при-

[1]) Въ сѣверномъ поморьи, расколоучитель Васька Заяцъ въ одинъ день крестилъ до 77 человѣкъ. Многихъ насильно обратилъ въ расколъ. А. И. V, стр. 391, 392.

[2]) Сказаніе о страданіи и скончаніи Павла колом. соч. раскольнич.

[3]) Напр. сочинитель исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, о первомъ бѣгломъ попѣ, Софонтій, поставл. уже по исправл. книгъ, такъ говоритъ: „благословеніе происходитъ и по нынѣ отъ правосл. прежде бывшаго еписк. Павла коломенскаго, который бысть въ заточеніе за правосл. христ. вѣру во дни гоненія отъ Никона сосланъ. И такъ пречестнѣйшіе отцы приняли оттого правосл. епископа благословеніе“.

[4]) Истинно-древн. и ист. правосл. церковь Христова, ч. I, стр. 260, изд. 3.

[5]) Надобно замѣтить, что въ прежнія времена званіе протопопа пользовалось особеннымъ почетомъ. Донынѣ сохранилось въ простомъ сельскомъ народѣ мнѣніе, что городскій соборный протопопъ даже не ниже будто архіерея.

томъ еще справщики книгъ. Справщики книгъ, какъ мы уже замѣчали, тогда считались въ народѣ самыми высшими мудрецами, богословами, законниками. И потому можно себѣ представить, какимъ довѣріемъ пользовались въ народѣ и какое вліяніе могли имѣть на народъ всѣ эти расколо-учители. Раскольники называютъ ихъ «мудрыми наставниками, благоговѣйными справщиками» [1]). Вообще расколо-учители — протопопы, священники, архимандриты, игумены не могли не имѣть большого вліянія на народъ, потому что простой народъ у насъ искони отличался особеннымъ довѣріемъ къ духовнымъ особамъ, къ своимъ пастырямъ, особенно такимъ высокостепеннымъ по сану пастырямъ, каковы протопопы, архимандриты, игумены. Когда протопопъ Іоаннъ Нероновъ, одинъ изъ самыхъ энергическихъ поборниковъ раскола, убѣжалъ изъ заточенія и явился въ Москву: «христолюбцы, по словамъ жизнеописателя его, яко зѣницу ока или яко отца, Іоанна храняху, и въ домѣхъ своихъ яко Божія ангела держаху и любезно въ сладость послушаху; егда вниде въ царствующій градъ Москву, всѣми духовными братію въ царствующемъ градѣ любезно пріемлемъ, яко отецъ предпочитаемъ всѣми» [2]). Другіе расколо-учители имѣли большой вѣсъ въ народѣ по своей близости ко двору и по своимъ связямъ съ высшими сановниками, князьями и боярами. Сами главные ересіархи — протопопы Аввакумъ, Логгинъ, Даніилъ, попы Лазарь и Никита, по свидѣтельству Игнатія, митр. тобольскаго, при патр. Іосифѣ «имяху дерзновеніе къ самодержцемъ» [3]). Аввакума ласкали князья и бояре [4]). Таковъ же былъ ученикъ Аввакумовъ, расколоучитель Исаія, дворецкій слуга боярина Салтыкова. «Сей, пишетъ Денисовъ, за множество разума и за доброе ревности дворомъ всѣмъ, помѣстьями всѣми господина своего обладаніе, любезный своему господину и присный совѣтникъ бяше, и не сіе токмо, но и самому царскому величеству за благоразуміе познаваемъ бяше». Пользуясь такимъ вліяніемъ, этотъ учитель старообрядства совратилъ въ свою общину и своего господина, и многихъ изъ своихъ родственниковъ и близкихъ, а управляя помѣстьями боярина Салтыкова полновластно, легко могъ совращать въ расколъ и крестьянъ его. Когда его судили за упорство въ старообрядствѣ гражданскимъ судомъ, то, по словамъ Денисова, «многочеловѣчное множество слезоплачевно провожало его», и онъ, какъ исповѣдникъ старообрядства, ограждая сопровождавшихъ его людей двуперстнымъ крестомъ, умолялъ ихъ «крѣпцѣ и безбоязненно стояти въ исповѣдуемомъ ими древне-церковномъ благочестіи» [5]). Таковъ былъ Спиридонъ, архимандритъ покровскій, происходившій изъ боярскаго рода Потемкиныхъ: «онъ, по словамъ Денисова, анепсея (помощника — покровителя) имяше въ царскихъ палатахъ водворяю-

[1]) Денисовъ, Виногр. Росс. № 23, и др.

[2]) Жизнеоп. Неронова — соч. раскольническое.

[3]) Ш посл. стр. 91. въ Правосл. Собесѣдн. 1855 г. кн. 2.

[4]) О содѣйствіи многихъ придворныхъ бояръ раскольникамъ мы скажемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

[5]) Виногр. Росс. л. 104 — 108.

щася и сродники имяше многомогущія у монарха» [1]). Такіе проповѣдники старообрядческаго ученія, знавшіеся съ князьями да боярами, чего не могли сдѣлать, особенно когда враги п. Никона — бояре, имѣли нужду во врагахъ его; уже и санъ первыхъ расколоучителей, большею частію протопоповъ, архимандритовъ, игуменовъ, самъ по себѣ внушалъ къ нимъ довѣріе въ простомъ народѣ, а содружество ихъ съ придворными князьями и боярами еще больше располагало въ ихъ пользу людей легкомысленныхъ, особенно искательныхъ. — Многіе завлекали народъ въ старообрядческую общину своимъ богатствомъ. Таковъ напр. былъ велико-луцкій купецъ Іоаннъ Дементьевъ, ученикъ главнаго расколоучителя псковскаго и новгородскаго, протопопа Варлаама. Разъѣзжая по торговымъ дѣламъ по новгородскому краю, купецъ этотъ, по словамъ Денисова, «всебогатый, преизобильный плодъ усугубилъ не въ тридесять токмо и шестдесятъ, но и во сто прозябаемый, яко и во градѣ и въ селѣхъ и въ весѣхъ и во всѣхъ предѣлѣхъ новгородскихъ нелѣностно слово простираше. Откуду убо пребогато показа подвизаніе свое. Колики убо утверди въ древлеправославномъ стояти благочестіи! Колики научи новопреданныхъ блюстися догматъ! И не простіи токмо люди, но и честныя и благородныя персоны и фамильная и славная лица, въ древнемъ благочестіи всекрѣпко утверди быти» [2]). Таковъ же былъ въ Олонцѣ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, имѣніемъ, по словамъ Денисова, изобильный [3]), и многіе другіе. Такіе богатые расколоучители могли весьма многихъ обольщать и преклонять къ принятію своего ученія однимъ своимъ богатствомъ. Бѣдные люди, не имѣвшіе чѣмъ кормить и одѣвать свое семейство, иной разъ по неволѣ соглашались на убѣжденія богатаго расколоучителя, чтобы сходно, а можетъ быть и даромъ, получить отъ него удовлетвореніе своихъ необходимыхъ, насущныхъ домашнихъ потребностей. Равнымъ образомъ и люди богатые, знатные и благородные иногда потому соглашались въ образѣ мыслей съ богатыми старообрядцами, чтобы прочнѣе были ихъ взаимныя связи, представлявшія много матеріальныхъ выгодъ.—Были и такіе расколоучители, которые уловляли въ сѣти раскола своимъ гражданскимъ, юридическимъ вліяніемъ на народъ. Таковы были особенно расколо-учители изъ писарей, приказныхъ—докладчиковъ, разкащиковъ или стряпчихъ, дьяковъ, подъячихъ и т. п. Извѣстно, какое большое, какое важное значеніе имѣли въ народѣ всѣ эти приказные люди въ то время, когда грамотность между частными лицами была еще слишкомъ мало распространена. Эти приказные люди, занимавшіеся дѣловодствомъ, были въ то время единственные дѣловые люди, которые имѣли возможность усвоить себѣ нѣкоторыя познанія въ законахъ, пріобрѣтали умѣнье сочинять дѣловыя бумаги и акты и ходить по дѣламъ въ судахъ. Эта

---

[1]) Тамъ же л. 113.

[2]) Виногр. Росс. л. 180.

[3]) Когда онъ возвѣщалъ расколъ, то, пишетъ Денисовъ, утверждахуся мнози въ благочестіи и ревноваху его усердно... Откуда слава о онаго ревности происхождаше, л. 243.

исключительность знанія давала имъ значительныя выгоды и преимущества: они пріобрѣли рѣшительное вліяніе на ходъ административныхъ и судебныхъ дѣлъ; они также пользовались большимъ почетомъ между частными лицами, которыя ежечасно должны были прибѣгать къ ихъ познаніямъ и помощи. Къ сожалѣнію, эти подкупные и хитрые законоискусники часто употребляли во зло свое вліяніе [1]). Вотъ таковъ именно былъ, напримѣръ, расколо-учитель Никита, писарь Владимірскій. «Это, пишетъ Денисовъ, въ канцеляріи града Владиміра бяше первый отъ писарей, почтенный отъ гражданъ, почтенный отъ народа, почтенный отъ воеводъ, искусенъ былъ зѣло, аще въ народныхъ, аще въ гражданскихъ, аще въ приказныхъ обхожденіяхъ». Имѣя такую силу и пользуясь такимъ почетомъ въ обществѣ, онъ съ полною свободою и съ большимъ успѣхомъ распространялъ весьма выгодный для него расколъ. Денисовъ же пишетъ про него: что «онъ вездѣ, есть ли въ канцеляріи, есть ли въ дому, есть ли на гражданстѣмъ позорищи, всюду всекрасно разглагольствовавше о предметахъ старообрядства. Глаголющу тому мнози честніи мужіе, и изрядніи купцы, и отъ простаго народа сладостно послушаша, всеприлежно глаголемыхъ внимаху, и яко самаго добляго честна и премудра въ гражданскихъ совѣтѣхъ имѣяху, тако и словеса его и совѣты о древле-церковномъ благочестіи честны и вожделѣнны вмѣняху» [2]). Съ такимъ же успѣхомъ пользовался для распространенія раскола своимъ юридическимъ или гражданскимъ вліяніемъ на народъ въ городѣ Каргополѣ писарь прикупной палаты Козма Прокопьевъ: и онъ, по словамъ Денисова, «вся къ себѣ народы паче магнита привлекалъ, понеже всѣмъ приходящимъ къ нему сладокъ и полезенъ бяше совѣтникъ и наставитель, коегождо нужды божественныхъ и градскихъ законовъ пресвѣтлыми рѣшая словесы. Откуду любимъ и честенъ всѣмъ познавашеся и бываше, яко воеводамъ, приказнымъ и благороднымъ, тако градожителямъ и селообитателямъ: понеже вси по премногу пользовахуся дивнымъ того благоразуміемъ»[3]). Онъ тѣмъ болѣе имѣлъ вліянія, что былъ большой начетчикъ въ старыхъ церковныхъ книгахъ. Таковъ же былъ приказный писарь Іоаннъ Красоулинъ, первый отъ писарей, изъ города Свіяжска [4]). Преимущественно же расколоучители обольщали простаковъ и невѣждъ своимъ учительскимъ высокомудрствованіемъ, своею грамотностію и начитанностію въ старыхъ церковныхъ книгахъ и рукописяхъ. Эти расколоучители, проповѣдавшіе расколъ большею частію по страсти къ учительству, по преимуществу были книжники, которые твердо стояли за букву старопечатныхъ книгъ, и странствовали съ проповѣдію о расколѣ съ книгами. Таковъ напр. былъ

---

1) „Журн. мин. нар. просв." 1853 г. отд. II, о ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи—рѣчь Станиславскаго, стр. 20—22.

2) Виногр. Росс. л. 158 об. 160.

3) Когда онъ ушелъ изъ Каргополя въ деревню, сюда къ нему, по словамъ Денисова, мнози стекахуся людіе богатыя разума сладости словесъ древа поучиться, ревнители тому показывахуся. Отсюда и слова далече исхождаше, яко до самаго града Чаронды дойде и проч. л. 323, 324.

4) Тамъ же л. 332.

во Владимірѣ Залѣсскомъ о. Іоаннъ, бывшій еще наборщикомъ печатнаго двора при Іосифѣ. Исправляя столь почетную въ то время должность, онъ уже этимъ самымъ пріобрѣлъ себѣ въ народѣ, вмѣстѣ съ справщиками книгъ при п. Іосифѣ, извѣстность ученаго, знатока Божественныхъ писаній, богослова. И потому, когда злобясь на то, что п. Никонъ устранилъ его отъ этой должности, поставивъ на мѣсто его ученаго старца Арсенія Грека, онъ пустился странствовать съ проповѣдью о расколѣ: его весьма многіе слушали съ удовольствіемъ и полнымъ довѣріемъ, какъ мудреца, который ужъ непременно древле-церковную истину проповѣдуетъ, потому что начитался старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ на печатномъ дворѣ. «Понеже мужъ вѣдѣнія довольна и книгочтенія многа бяше, и яко древо многоплодно при спасительныхъ источницѣхъ книжныхъ напоенъ бяше, всюду благочестія древняго, т. е. раскола, сѣмена сѣяше, вездѣ утверждаше православныя въ древнемъ благочестіи незыблемо стояти. Откуду и слава постоянства его и ученія въ окрестныя народы и до архіерейскихъ сѣдалищъ происхождаше» [1]). Подобныхъ книжниковъ, начетчиковъ между расколо-учителями было весьма много, и часто встрѣчались между ними люди весьма умные, даровитые, надѣленные богатымъ даромъ слова и способностію хорошо сочинять. Такіе книжники, начетчики тѣмъ съ большимъ успѣхомъ распространяли расколъ, что они своею мудростію, начитанностію въ книгахъ ослѣпляли, изумляли простой народъ. При тогдашнемъ отсутствіи народнаго просвѣщенія, при крайней малораспространенности грамотности [2]), всякой книжникъ, грамотей, какъ мы уже выше замѣтили, слылъ въ народѣ мудрецомъ, законникомъ, оракуломъ, которому безмолвно внимали простаки и легковѣрные. А начетчикъ въ книгахъ церковныхъ, старопечатныхъ, душеспасительныхъ, учитель, читавшій народу старинныя церковныя книги, по которымъ спаслись, какъ говорилъ онъ, предки и всѣ святые русской церкви до патр. Никона, пріобрѣталъ въ народѣ безграничное довѣріе.—Многіе расколо-учители обольщали народъ еще своею наружною святостію, своимъ строгимъ выполненіемъ обрядовыхъ правилъ церкви. Въ то время, когда живая вѣра и христіанское благочестіе у многихъ перешли въ одну мертвую обрядность, внѣшность, — любили нѣкоторые и «власы ростить, ризы черныя носить, босыми ходить, носить вериги», чтобы прослыаь въ народѣ за святыхъ, благоговѣли предъ пустынножителями, не разбирая того, истинные ли то были подвижники пустыни. Расколоучители большею частію принимали на себя именно такой видъ святошей, лицемѣровъ — пустынниковъ, и обманывали простой народъ своею мнимою святостію и своимъ наружнымъ подвижничествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно самообольщены были своею святостію; отъ того и являлись строгими ревнителями, проповѣдниками мертвообрядоваго благочестія. Таковъ напр. былъ уже неоднократно упомянутый нами расколоучитель Капитонъ: онъ славою своего мнимаго подвижничества, кажется, тысячи народу увлекъ

---

[1]) Виногр. Росс. л. 156 об.
[2]) О чемъ будетъ еще сказано подробно въ другомъ мѣстѣ.

въ лѣса вязниковскіе. Таковъ же былъ одинъ изъ московскихъ расколоучителей, Кипріянъ «юродивый». «Сей, повѣствуетъ Денисовъ, толь святаго и великаго житія бяше, яко и самому монарху того знати, и за премногую добродѣтель зѣло любити. Многажды ѣздящу царю на царстѣй колесницѣ съ царскимъ дароношеніемъ, дивный Кипріянъ, во единой ризѣ ходяй, прибѣгъ на колесницу востекая съ царемъ ѣздяше, мужъ конечнаго безстрастія и пророческаго дарованія исполненъ». Когда патр. Никонъ сталъ издавать новоисправленныя книги, тогда по сказанію Денисова, этотъ юродивый будто бы смѣло востекалъ, при проѣздѣ государя, на его колесницу и умолялъ его твердо держать старообрядство. А какъ государь отвергалъ его неразумный совѣтъ, то онъ началъ ходить по улицамъ Москвы, и по торжищамъ всюду свободнымъ языкомъ возвѣщая ученіе старообрядства и «дерзновенно новины Никоновы потязая» [1]). Можно понять, съ какимъ легковѣріемъ простой народъ слушалъ проповѣдь о расколѣ изъ устъ такого, повимому, святаго, Христа ради юродиваго мужа, исполненнаго духа премудрости и прозорливости. Точно также когда попъ Дометіанъ убѣжалъ изъ Тюмени въ горы и лѣса; тогда, пишетъ Игнатій м. тобольскій, «собравшася къ нему мнози отъ поселянъ, еже есть слобожанъ, аки къ пустыннику, и мужи и жены и дѣти, яко тысяща и семьсотъ» [2]). Въ пути нѣкоемъ отъ града именуемаго Вологда, въ Каргополи, къ морю, — пишетъ тотъ же историкъ раскола, — аки бы учитель нѣкій врагъ Божій, волхвъ и чародѣй промысли себѣ имя пустынника,—и нѣціи поселяне изъ домовъ своихъ изшедше послѣдоваша ему, яко мняху его въ добродѣтеляхъ изрядна» [3]). Такъ внѣшность ослѣпляла умы и обольщала сердца людей, приковавшихъ живой духъ христіанскаго благочестія къ одной мертвой внѣшности, и такъ наружное подвижничество обольщало суевѣрныхъ.

Вообще же, расколоучители потому весьма успѣшно проповѣдывали расколъ, что *всегда умѣли искусно дѣйствовать на умы и сердца слушателей и приспособляться къ ихъ умственному и нравственному, а иногда и къ физическому состоянію. Хитрость, ловкость* въ обращеніи, находчивость и изобрѣтательность въ средствахъ, приспособительность къ обстоятельствамъ мѣста и времени и къ нравственнымъ потребностямъ тѣхъ лицъ, которыхъ они желали совратить въ расколъ, наконецъ необыкновенное терпѣніе и неутомимость въ проповѣди,—вотъ характеристическія и почти общія черты дѣйствованія старообрядческихъ учителей на поприщѣ распространенія раскола. Патріархъ Іоакимъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ изображаетъ образъ дѣйствованія расколо-учителей: «не престая прелестникъ, лукавый діаволъ чрезъ рабовъ своихъ лукавыхъ человѣкъ, яко чрезъ нѣкое ему орудіе къ его служенію угодное, на св. церковь Божію ратовати, не спитъ, но присно яко левъ рыкая ходитъ. Вıну рабы своими и служители ему угодными церковными раскольники простый и ихъ прелестей

[1]) Виногр. Росс. л. 117.
[2]) III посл. м. Игнатія.
[3]) Тамъ же.

не могущій познати многъ народъ не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, но и въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ, чрезъ ихъ ложная и прелестная словеса и писанія и многоковарная разная прельщенія умышляетъ. Иже его послушницы лжеименніи христіане, и душъ христіанскихъ губители, ходяще въ селѣхъ и во градѣхъ, тайно по домамъ, являются человѣкомъ яко бы истинные христіаны постниками великими, сокровища и сребра нестяжательными, хмѣльнаго питія не піющими, мало спящими и много молящимися; а въ нихъ прелестницѣхъ, ни вѣры, ни любве, но все только лесть, лукавство и лицемѣріе: яко же таковыхъ нелицемѣрный праведный Судія Христосъ Богъ нашъ, во святомъ своемъ благовѣстіи обличая, глаголетъ: Горе вамъ книжники, фарисеи и лицемѣри... Тако и они... Еще же мнози отъ нихъ прелестниковъ нѣкоимъ человѣкомъ на вящшую прелесть и душъ ихъ погибель, яко бы за совѣсть, о своемъ трудолюбнемъ, великомъ жительствѣ проповѣдываютъ: но при томъ и о семъ имъ извѣствуютъ: яко бы они отъ Бога въ міръ нарочно посланніи: овъ глаголетъ посланъ чрезъ явленіе самаго Бога, другій—чрезъ явленіе ангела; иный чрезъ иныя святыя, ради истины проповѣданія, и на спасеніе душъ правовѣрныхъ отъ новыя вѣры: ея же въ Россіи нѣсть и не было, но точію едина православно-христіанская восточная, издревле пріятая вѣра яже и нынѣ во всякой цѣлости крѣпцѣ хранится. Нѣцыи же отъ нихъ прелестниковъ притворяющеся, во еще бы имъ неискусныхъ удобно увѣрити, и со многими слезами, и съ великимъ воздыханіемъ къ нимъ глаголютъ: дабы они ихъ, яко Божьихъ рабовъ посланныхъ на спасеніе ихъ душъ, послушали, и глаголютъ имъ неискуснымъ, яко аще не хощутъ они своихъ душъ погубити, то дабы отъ святыя соборныя и апостольскія церкве, въ ней же и истинная есть древняя вѣра, а не новая, отступили, и съ нею имущею извѣстное спасеніе, аки съ неимущею того, не сообщалися, и таинъ святыхъ, отъ Господа Бога на спасеніе душъ христіанскихъ въ ней установленныхъ, и іереевъ не пріимали. И на большую прелесть человѣкомъ и усумнѣніе глаголютъ они бѣсовстіи спослѣшницы: яко аще кто ихъ въ томъ нынѣ, яко бы отъ Бога посланныхъ не послушаетъ, и отъ церкве святыя соборныя и апостольскія и отъ архіереевъ и іереевъ, церкви Божіей покоряющихся, тѣ тайны и иныя святыни и благословеніе будетъ пріимати: и того душа погибнетъ, и будетъ со антихристомъ вѣчно во огни мучитися. И то свое прелестное проповѣданіе простому народу утверждаютъ: чтобы онъ имъ въ томъ, убояся отъ слышанія ихъ словесъ, конечно, вѣрилъ, глаголюще: яко уже нынѣ въ церкви правыя вѣры нѣтъ, а вмѣсто той правой вѣры въ церкви нынѣ вѣра антихристова: и все въ ней скверны, церкви не церкви, и тайны уже людемъ не суть на освѣщеніе, но на оскверненіе. И приводятъ неискуснымъ на большое утвержденіе тоя своея прелести свидѣтельства отъ божественнаго писанія, и отъ святыхъ отецъ многая, все ложно: ово не въ томъ разумѣ, въ которомъ Духъ Святый написалъ, полагаютъ, ово точію слова начало емлютъ, ово средину, ово конецъ, ово на святое писаніе и на святыхъ отецъ, яко бы тако писано, лгутъ. И всячески о томъ безпрестанно прелестницы тщатся, како бы имъ возмощи невинныхъ людей прельстити. Къ тому же

и се они окаяніи прелестницы народу на злѣйшую прелесть повѣдуютъ: яко бы они и се все дѣлаютъ и правую вѣру старую проповѣдуютъ, не для славы или каковы либо своея отъ человѣкъ корысти, но ради себѣ за то отъ Бога милости, и народу ради душевнаго спасенія: «тѣмъ же и бѣды, гоненія и страданія они терпятъ. И то себѣ за великое спасеніе они прелестницы полагаютъ: аще кто изъ нихъ кого отъ святыя соборныя церкви отъ послушанія како-нибудь, хотя волхваніями, отторгнетъ, а непослушныхъ имъ и смерти предати не сомнѣваются, и въ грѣхъ того себѣ не вмѣняютъ, но паче во спасеніе. Иніи же изъ нихъ, яко бы злѣйшіи дуси, нѣкакими волхвами прельстивше невинныя простыя души, сжигати самихъ себѣ повелѣваютъ, и глаголютъ имъ таковую злокварную лесть на ихъ погибель: яко уже нынѣ антихристъ въ мірѣ; друзіи же глаголютъ, яко уже и царствуетъ: иніи глаголютъ яко вскорѣ имать правовѣрныхъ рабовъ Христовыхъ мучити. И простой народъ, увѣря имъ прелестникомъ, душъ христіанскихъ губителямъ, яко бы истиннымъ Христовымъ рабомъ и вѣчнаго спасенія имъ желателямъ, желающе себѣ со Христомъ и со всѣми святыми вѣчное царствіе небесное наслѣдити, и надѣющеся, что то имъ прелестницы говорятъ правду, ихъ прелестниковъ многоковарною лестію прельщени бывше, тако яко же они губители душъ ихъ повелѣваютъ имъ, тако они и творятъ, и мнози сами себе предаютъ мучительнѣй смерти добровольнѣ. И не токмо таковыя, и ина безчисленная они, губители душъ христіанскихъ, на прелестное душъ человѣческихъ погубленіе непрестающе вымышляютъ, и яко словесы, тако и лестными писаніи, и многообразными волхваніи несмысленныхъ прельщаютъ» [1]). Или, вотъ какъ изображаетъ образъ дѣйствованія расколоучителей въ домахъ православныхъ св. Димитрій ростовскій: «во первыхъ они усматриваютъ домовъ нескудныхъ, богатыхъ: въ убогія же и нищія домы не входятъ... Еще не усматриваютъ и лицъ удобопреклоняемыхъ къ прелести ихъ, каковы суть простолюдины, а наипаче полъ женскій. Таже, всельшеся въ кой домъ, являютъ благоговѣинство веліе, и словомъ и нравомъ показующеся быти Божія рабы, святи, праведни и преподобни. Приносятъ съ собою свой хлѣбъ, и ничтоже хотятъ вкусити отъ предлагаемыхъ имъ снѣдей, дондеже прельстятъ на зловѣріе свое жителей дому того. Не вкушаютъ убо брашенъ ихъ, ово аки скверннами гнушающеся, ово же постничество свое являюще, и постятся до вечера, или чрезъ день и болѣе, мало вкушающе отъ принесеннаго съ собою хлѣба. Продолжаютъ молитву свою прилежную къ Богу со умиленіемъ, да видими будутъ человѣки... Предлагаютъ чтеніе книжное, и оттого простираютъ ученіе свое, не да спасенному пути научаютъ, но да на свое единомысліе прельстятъ. Бесѣдуютъ же къ слушающимъ ихъ со вздыханіемъ и умиленіемъ и слезами... Людіе же, препрости суще, ни разумѣюще ихъ коварства, удивляются таковому оныхъ житію, пощенію, молитвамъ, кроткому нраву, и почитаютъ ихъ яко великихъ Божіихъ угодниковъ, и отверстыми устами слушаютъ ученія ихъ въ сладость. Тогда они, углажденъ уже путь къ человѣчес-

[1]) Слово благодарственное л. 64—80.

кимъ невѣжествующимъ сердцамъ имуще, начинаютъ своя еретическія всѣвати плевелы. И тако прельщаютъ незлобныя души, и отъ церкве Христовы отдѣлаютъ я, въ свое же зловѣріе приводятъ» [1]).

Самое географическое положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно сильно распространяли свои мысли старообрядческие учители, представляло имъ не мало удобствъ для успѣшнаго распространенія и усиленія старообрядческой общины. Они преимущественно распространяли свое ученіе въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ географическія условія мѣстности благопріятствовали успѣшному и безпрепятственному распространенію ихъ мыслей. Въ сѣверномъ поморьѣ, въ предѣлахъ олонецкихъ и каргопольскихъ, безпрепятственному и успѣшному распространенію раскола весьма много благопріятствовали частію лѣсистость, пустынность и малонаселенность этихъ мѣстъ, частію малодоступность ихъ для правительственнаго надзора, частію торговыя пути сообщенія, которыя изъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ поморскихъ городовъ и селъ пролегали въ южные и внутренніе города Россіи. Большіе, непроходимые лѣса представляли самыя удобныя мѣста для укрывательства и поселенія расколо-учителей и ихъ многочисленныхъ послѣдователей: болота и озера ограждали ихъ отъ городовъ, откуда имъ угрожала опасность. Въ обонежскомъ поморьѣ погостъ отъ погоста отстоялъ большею частію весьма далеко, верстъ въ 60, 80 и даже въ 100; между многими погостами простирались обширные, непроходимые лѣса, верстъ 80, 90, 100 и болѣе; сёленія также разбросаны были на далекомъ одно отъ другого разстояніи [2]). Расколоучители обыкновенно поселялись въ этихъ лѣсахъ, и отсюда ходили въ близлежащія православныя села и погосты для уловленія православныхъ въ свою общину. Такъ, напр., въ олонецкомъ уѣздѣ расколоучитель Емельянъ Ивановъ собралъ свое сборище «за озеромъ Онегою, промежъ челможскаго погоста и повѣнецкаго рядку, на лѣсу, въ пустыхъ мѣстахъ, отъ озера Онеги верстахъ въ 30; и отсюда въ 1687 г. многія христіанскія души отъ церкви Божія прельстилъ и отлучилъ»; а въ 1689 году поучалъ народъ расколу въ толвуйскомъ и иныхъ погостахъ, и весьма многихъ прельстилъ и изъ домовъ, подговаривая, уводилъ въ свое сборище [3]). Лѣса тѣмъ удобнѣе наполнялись раскольниками, что здѣсь и посланные отъ правительства сыщики не могли ихъ отыскивать. Когда въ 1689 году для сыска и поимки раскольниковъ посланы были въ олонецкій уѣздъ, въ заонежскіе погосты и волости, въ кижскую половину, прапорщикъ Аникій Портновскій, да приказной избы подъячій Семенъ Ананьинъ съ стрѣльцами: то ходя по лѣсу, съ трудомъ сыскали въ дикихъ непроходимыхъ лѣсахъ, у озеръ, отъ волости верстъ за 80 три пристаница, а людей въ нихъ

---

[1]) Розыскъ стр. 559—560. 1847.

[2]) Село тогда, и не въ поморскомъ краю только, обыкновенно состояло изъ весьма ограниченнаго числа дворовъ, а деревня, составлявшая большею частію отдѣльный жеребій, заключала въ себѣ 1, 2, 3, и рѣдко болѣе 4 дворовъ. См. напр. Новгор. оклад. кн. времен. М. общ. ч. 1851, т. II, А. И. т. III, № 149. Доп. къ А. И. т. I, № 160. О сельской общинѣ въ Россіи Чичерина „Русс. Вѣстн." кн. III, стр. 392.

[3]) А. И. V, № 151.

никого не сыскали: всѣ до ихъ приходу разбѣжались по лѣсамъ» [1]). Кромѣ того, въ поморскомъ краю и вообще въ сѣверо-восточной области благопріятствовали распространенію раскола торговые и транспортные пути сообщенія и съѣзды изъ всѣхъ городовъ московскаго государства. Такъ напр. въ чарондскомъ округѣ, гдѣ, по писцовымъ книгамъ 1624 года, было лѣсу и болоту поверстнаго вдоль на 271 версту, поперегъ на 150 вер., слѣд. было гдѣ укрыться расколоучителямъ и ихъ послѣдователямъ; кромѣ того въ кортецкой волости искони была судовая пристань на Ухтомѣ р., «изъ поморск. городовъ пріѣздъ судовой и приходъ соляной изо всѣхъ усолей и сухимъ путемъ къ морю изо всѣхъ городовъ московскаго государства къ той судовой пристани приставали и пріѣзжали, и многіе товарные анбары по той пристани подлѣ Ухтомы рѣчяки стояли, больше 100 анбаровъ, и для промысловъ на той пристани стояли промышленныхъ людей дворы» [2]). Слѣд., въ чарондскій округъ расколъ легко могъ быть занесенъ или выходцами изъ соловецкаго монастыря, или изъ какого-либо поморскаго города, погоста или села, или даже изъ внутреннихъ городовъ Россіи. Поэтому неудивительно, что въ чарондскомъ округѣ были многочисленные проповѣдники старообрядства, и молва о расколоучителяхъ поморскихъ, каргопольскихъ доходила до Чаронды [3]). Равнымъ образомъ и наоборотъ, изъ чарондскаго округа и изъ всего поморья съ обратнымъ торговымъ транспортомъ, съ торговцами возвращавшимися изъ кортецкой волости въ разные города, расколоучители легко могли проникать и въ другіе города и села московскаго государства: даже между самыми купцами и ихъ прикащиками могли быть расколоучители; ибо купцовъ—раскольниковъ уже во второй половинѣ XVII вѣка было много, какъ это мы отчасти видѣли. Въ предѣлахъ владимірскихъ, вологодскихъ и ярославскихъ также мѣстныя условія представляли раскольникамъ много удобства для распространенія раскола. Вологодскій край въ XVI и XVII вѣкахъ покрытъ былъ большими дремучими лѣсами: здѣсь и нынѣ еще лѣсныя и ненаселенныя мѣста простираются верстъ на 160 и болѣе, и изъ всего пространства 35,113,680 десятинъ занято лѣсами 32,000,000 десятинъ. Селенія въ древней Россіи здѣсь разбросаны были на весьма далекомъ разстояніи одно отъ другаго. Слѣдов., и здѣсь было гдѣ укрываться раскольникамъ, было куда уводить народъ изъ городовъ и селъ.—Во владимірскомъ округѣ, за р. Клязьмою, въ предѣлахъ вязниковскихъ, гдѣ, какъ извѣстно жилъ и распространялъ расколъ Капитонъ, въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII, также тянулся большой, непроходимой лѣсъ на далекомъ протяженіи, болѣе чѣмъ на 70 верстъ: и въ этомъ-то лѣсу чернецъ Капитонъ устроилъ свою пустыню, и къ нему стекалось безчисленное множество бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованія правительства. «Во оно время Никонова смущенія, пишетъ Денисовъ, наипаче отъ градовъ и монастырей

[1]) Тамъ же стр. 256.

[2]) Москвит. 1854 г. № 8, стр. 158.

[3]) Какъ говоритъ Денисовъ въ своемъ Росс. Вингоградн. въ главѣ о чарондскихъ учителяхъ старой вѣры.

бѣгающе мнози иноцы и мірстіи, въ пустыняхъ крыяхуся, въ горахъ и въ пропастяхъ земныхъ, откуду и оная пустыня паче жителями наполняшеся» [1]). Въ пустыни, окруженной со всѣхъ сторонъ большимъ лѣсомъ, вдали отъ православныхъ городовъ и селъ, расколоучитель Капитонъ и его многочисленные послѣдователи жили безопасно, удобно и привольно. Худокачественность почвы вязниковскаго, ковровскаго и частію шуйскаго уѣздовъ владимірской губерніи и также нѣкоторыхъ уѣздовъ ярославской была причиною происхожденія въ этомъ краю особеннаго класса торговцевъ, издавна извѣстныхъ офеней или ходебщиковъ, которые круглый годъ, также какъ и нынѣ, бродили съ коробкой за спиною почти по всей Россіи. Въ первой половинѣ XVIII вѣка очень часто было, что эти ходебщики, съ одной стороны, сами гдѣ нибудь во время странствованія заражались расколомъ, съ другой стороны, расколоучители представлялись такими офенями или ходебщиками, а иногда и дѣйствительно были ими, и такимъ образомъ странствовали по Россіи съ проповѣдью о расколѣ [2]). Такъ, напр., сочинитель «Историческаго собранія о градѣ Суждалѣ», ключарь Ананія Ѳедоровъ, въ половинѣ XVIII вѣка писалъ о жителяхъ дорской десятины суздальскаго уѣзда; «въ той десятинѣ обыватели, иные торговые, торгъ отъѣздомъ и не токмо въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и за границею въ Персіи, въ Польшѣ и въ поморскихъ странахъ имѣющіи; другіи же работные, сіи есть коновалы, шерстобиты, отъ труда рукъ своихъ питающіеся, года по два и по три въ домахъ своихъ не бываютъ, но по многимъ странамъ съ пашпортами странствуютъ, люди безпечальны, но какъ о нихъ на родинѣ обносится, болѣе упрямства въ себѣ содержаще, и нѣкоторые изъ нихъ старовѣрцы называющіеся, но самымъ дѣломъ суевѣрцы, и болѣе въ нихъ вкореняется сіе злочестіе душевредное отъ времени до времени отъ странствованія и отъ домовъ отлученія; странствующе бо по различнымъ мѣстамъ, какъ-то въ Сибири, въ Польшѣ, въ Вяткѣ, и Керженцѣ гдѣ лжеучителей раскольническихъ не мало, съ тѣми лжеучителями имѣютъ сообщеніе, и въ благочестіи аки листъ древесный колеблются» [3]). Эта же странническая, бродячая жизнь, круглый годъ, вѣроятно, была одною изъ причинъ того, что здѣсь именно, во владимірской, ярославской и частію костромской губерніяхъ получила начало и особенно усилилась секта такъ называемыхъ странниковъ, которые въ бродяжничествѣ полагаютъ христіанскій спасительный подвигъ. Кромѣ того, распространенію раскола въ предѣлахъ ярославскихъ, владимірскихъ, а также и вологодскихъ весьма много могъ способствовать чрезвычайный наплывъ въ эти края торговаго и промышленнаго народонаселенія, начиная съ 1649 по 1684 годъ: въ этотъ періодъ времени во множествѣ стекались сюда со всѣхъ сторонъ крестьяне помѣщичьи и вотчинные съ отпускными и безъ отпускныхъ, и «здѣсь всякими торговыми и рукодѣльными промыслы промышляли и торговали» [4]). Въ городѣ Вологдѣ въ XVII в. была ярмарка; на эту ярмарку

[1]) Виногр. Росс. л. 134, 135.
[2]) П. С. З. т. X. № 9155.
[3]) Времен. Имп. Москов. Общ. Ист. кн. 22. стр. 102.
[4]) А. И. т. V. № 226.

съѣзжались торговые люди съ разными товарами изъ отдаленныхъ городовъ и селъ, не только сѣверныхъ, напр. Холмогоръ, Архангельска и подвинскихъ селъ рѣками Двиною и Сухоною, но даже и изъ южныхъ, напр. изъ Воронежа [1]). Этотъ наплывъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи торговаго и промышленнаго народонаселенія въ такомъ краю, гдѣ расколъ былъ въ большой силѣ, представлялъ для расколоучителей обильную жатву, обширное поприще для распространенія ихъ ученія и одинъ изъ самыхъ удобныхъ способовъ для распространенія его по разнымъ городамъ и селамъ Россіи. Весьма могъ способствовать распространенію раскола также торгъ, учрежденный въ 1657 году близъ Суздаля, гдѣ проповѣдывалъ расколъ извѣстный расколоучитель попъ Никита пустосвятъ въ селѣ Ковровѣ, на большой дорогѣ изъ Суздаля въ казанскіе города [2]). Расколоучители, которыхъ въ это время въ сѣверо-восточной Россіи вездѣ было множество, не могли не воспользоваться стеченіемъ на этотъ торгъ народа въ такое время, когда они съ жаромъ и всемѣрно старались распространять расколъ. А по большой доргѣ изъ Суздаля въ казанскіе города, вмѣстѣ съ торговымъ транспортомъ, или другимъ какимъ либо способомъ, расколъ весьма легко могъ распространяться и въ суздальскомъ краю, и на пути въ казанскіе города, и въ казанскихъ предѣлахъ,—и расколоучители, съ одной стороны, владимірскіе и суздальскіе, съ другой, нижегородскіе весьма удобно могли распространять расколъ по этому пути. Посему неудивительно, что еще въ XVII вѣкѣ въ поморскихъ предѣлахъ мы встрѣчаемъ расколоучителей изъ какого-либо казанскаго города, напр. изъ Свіяжска, и наоборотъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Казани видимъ расколоучителей поморскихъ или выходцевъ соловецкихъ. На югѣ, и во первыхъ, въ предѣлахъ нижегородскихъ, кажется, еще болѣе было географическихъ удобствъ для укрывательства расколоучителей и распространенія раскола. Здѣсь, особенно въ Заволжьи, въ то время тянулись огромные, непроходимые лѣса. Въ обширныхъ лѣсистыхъ пространствахъ Заволжья, еще и нынѣ простирающихся верстъ на 150 въ длину и верстъ на 100 въ ширину, есть, какъ говорятъ, такія мѣста, куда чрезъ трясины и болота еще никто никогда не пробирался. Здѣсь простирались глухіе никѣмъ не посѣщаемые лѣса салавирскіе (въ ардатов. и горбатов. уѣздахъ), отрасль знаменитыхъ муромскихъ лѣсовъ, лѣса поломскіе (въ семенов. уѣздѣ), лысковскіе (въ томъ же), керженскіе (въ макарьев. уѣздѣ), каменскіе (тамъ же), дорогучинскіе и ветлужскіе (на границахъ макарьев. и васильев. уѣздовъ), гнилицкіе (балахнинск. уѣзда) и другіе. Въ этихъ лѣсахъ раскольники и нашли себѣ притонъ, и доселѣ еще гнѣздятся. По раскольническимъ преданіямъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича прибылъ въ керженскіе лѣса соловецкій выходецъ монахъ Арсеній и основалъ здѣсь на болотистомъ глухомъ мѣстѣ скитъ шарпанскій: отъ этого скита произошло множество новыхъ скитовъ въ заволжскихъ лѣсахъ, въ глухихъ, непроходимыхъ лѣсахъ керженскихъ,

[1]) Древн. Грам. Воронеж. губерніи. Изъ Воронежа торговые, люди отправлялись также для промысловъ на Донъ, гдѣ также, какъ мы видѣли, были расколоучители.
[2]) А. А. Э. т. IV, № 96.

чернораменскихъ, салавирскихъ, поломскихъ, лысковскихъ и другихъ. Изъ этихъ лѣсовъ расколоучители пробирались въ близь лежащія села, и множество народа увлекали въ свои лѣсныя обиталища: къ нимъ туда укрывались всякаго рода бѣглые, толпами стекавшіеся со всѣхъ концовъ; келліи находились «въ великихъ болотахъ и топяхъ, гдѣ и пѣшему ходить съ нуждою: оттого сыскать никакъ невозможно было» [1]). Раскольническія сказанія о невидимыхъ монастыряхъ, населенныхъ пустынниками, здѣсь оправдываются дѣйствительностію. Приливу и умноженію раскольниковъ въ нижегородской области, а также успѣху проповѣди расколоучителей, много способствовали еще макарьевская ярмарка и географическое положеніе нижегородскаго края, находящагося на перепутьи изъ внутренней Россіи въ восточныя края и въ Сибирь. На макарьевскую ярмарку въ XVII вѣкѣ «съѣзжались торговые люди въ первыхъ числахъ іюля, а иные и ранѣе того, со всякими товарами и съ деньгами со всего московскаго государства и иныхъ государствъ иноземцы и торговали двѣ недѣли [2]). Какъ нынѣ нижегородская ярмарка весьма способствуетъ наплыву и умноженію раскольниковъ въ нижегородской губерніи и распространенію раскола по другимъ губерніямъ: такъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ XVII вѣкѣ макарьевская ярмарка, при большомъ стеченіи народа изъ разныхъ областей и городовъ, благопріятствовала расколо-учителямъ нижегородскимъ распространять расколъ, и способствовала распространенію его по разнымъ другимъ мѣстамъ, внѣ нижегородской губерніи. Кромѣ того «изъ Нижняго-Новгорода ходили въ Астрахань паузки, струги со всякимъ хлѣбнымъ запасомъ и на тѣ суда наймывались всякіе рабочіе люди, и изъ Астрахани шли вверхъ на судахъ, со учугомъ, съ рыбою и съ икрою, и со всякими рыбными обиходы и съ солью» [3]). На этихъ судахъ, иногда въ числѣ рабочихъ, расколоучители нижегородскіе могли проникнуть въ Саратовъ, въ Астрахань и другіе приволжскіе города и села, а съ половины XVIII столѣтія раскольники сами приняли дѣятельное участіе въ этой мѣновой торговлѣ Нижняго съ Саратовымъ и Астраханью, и пользовались этимъ для распространенія раскола. Южная, степная Украйна Русскаго царства въ XVII вѣкѣ представляла также широкое поприще не только для убѣжища и населенія раскольниковъ, но и для буйнаго разгула ихъ мятежныхъ стремленій и дѣйствій. Это была страна малонаселенная и пустынная; обширныя степи ея служили притономъ для бѣглыхъ людей различнаго званія: холопей, солдатъ, казаковъ, бездомовныхъ бобылей и вообще всѣхъ такъ называемыхъ въ актахъ «гулящихъ людей», бродягъ, которые тамъ обыкновенно занимались разбоями и грабежами. «Около Саратова, — читаемъ въ соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка, въ отрывкѣ изъ чьего-то описанья Поволжья, — пошла степь во всѣ стороны, отъ Саратова на 200 верстъ до Камышенки рѣчки; а надъ рѣчкою стоитъ высокій острожекъ: тутъ стоитъ по 500 и по 700 стрѣльцовъ казанскихъ при-

---

[1]) П. С. З. т. XI. № 8175.
[2]) А. А. Э. т. VI, № 157.
[3]) П. С. З. т. I, № 93.

городныхъ съ весны до осени; а какъ осенью пойдутъ съ осеннимъ астраханскимъ товаромъ, тогда острожекъ сожгутъ: а тою рѣчкою Камышенкою ходятъ на Донъ, а ходу Камышенкою рѣчкою 3 версты въ степь, а тамъ волоку 20 верстъ, казаки струги волочатъ, а тамъ рѣчка Илавла потекла въ степь, и вышла въ Донъ» [1]). По этому пути, отдѣльно и вмѣстѣ съ стрѣльцами и казаками, между которыми также много было раскольниковъ, расколоучители пробирались изъ саратовскихъ степей — одного изъ главнѣйшихъ притоновъ бѣглыхъ раскольниковъ въ XVII вѣкѣ, на Донъ, и тамъ съ большимъ успѣхомъ распространяли расколъ. Съ Дона проникали въ Воронежъ и обратно. Здѣсь, отъ Воронежа, по московскимъ дорогамъ, въ степяхъ и по приточнымъ мѣстамъ, какъ и въ другихъ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, также еще незначительно было народонаселеніе и не былъ водворенъ строгій государственный порядокъ, а господствовали еще остатки стараго безнарядья, противогосударственнаго своеволія. Въ этомъ краю и расколъ принялъ характеръ по преимуществу буйный, мятежный, и нашелъ себѣ привольный, просторный притонъ въ разбойничьихъ шайкахъ, наполнявшихся отъ постояннаго наплыва сюда всякаго рода вольницъ, не хотѣвшихъ подчиниться законному гражданскому порядку. Въ сѣверо-западной Россіи, расколъ особенно распространился на Вѣткѣ, за границею, въ польской области, въ дачахъ польскихъ пановъ. Здѣсь расколъ совершенно свободно распространялся уже по тому одному, что Вѣтка тогда не принадлежала Россіи. «Сосѣдственная на малороссійскихъ земляхъ граница, говоритъ протоіерей Іоанновъ, не токмо не препятствовала, но и весьма къ тому способствовала. Малороссійскіе паны, ни мало не предвидя потери своей, наперерывъ одинъ передъ другимъ старались бѣглецамъ нашимъ благопріятствовать, дѣлать выгоды и отводить лучшую землю, дабы чрезъ то приманить ихъ, въ чаяніи со временемъ сдѣлаться надъ ними вѣчными владѣльцами» [2]). Въ черниговскихъ предѣлахъ расколъ особенно сильно умножался въ стародубскихъ лѣсахъ, и также бѣглецами всякаго рода. По лѣсамъ, по калужской и тульской дорогамъ, пробирались раскольники въ Малороссію, въ стародубскіе лѣса [3]). Дѣйствительно было гдѣ укрываться бѣглымъ, и было къ чему бѣжать: стародубскіе лѣса, по свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI вѣкѣ, изобиловали горностаями, бѣлками, куницами и медомъ. Въ новгородско-сѣверскомъ намѣстничествѣ находился дремучій лѣсъ, простиравшійся верстъ на 160 слишкомъ; слѣдоват. раскольникамъ, любившимъ лѣсное уединеніе, можно было здѣсь укрываться. Наконецъ, о географическихъ удобствахъ распространенія раскола, на востокѣ, въ Сибири, излишне и говорить: здѣсь былъ полный просторъ расколу.

[1]) Сборн. Солов. библ. № 905. Отрывокъ изъ какого-то путевого описанія заволжскаго края, весьма интересный въ географическомъ отношеніи: только къ сожалѣнію, неизвѣстно чье это описаніе. Рукоп. безъ начала.

[2]) Полн. истор. изв. о раскольн. ч. III, стр. 18.

[3]) П. С. З. т. III, № 1053.

Когда такимъ образомъ расколъ распространился по всѣмъ краямъ Россіи, вслѣдствіе неусыпной и энергической дѣятельности многочисленныхъ расколоучителей, когда онъ сыскалъ для себя удобныя въ географическомъ отношеніи мѣста и утвердился на нихъ въ многочисленныхъ пустыняхъ, скитахъ, монастыряхъ и слободахъ: то почувствовалъ въ себѣ еще больше силъ и стремленій. Для его дальнѣйшаго усиленія, развитія и распространенія представились новыя, внутреннія, домашнія средства и способы. Начало этого новаго періода развитія раскола приблизительно можно отнести къ послѣднему десятилѣтію XVII столѣтія, когда на сѣверѣ, въ поморьѣ, основанъ былъ безпоповщинскій скитъ выгорѣцкій, на югѣ въ нижегородскихъ лѣсахъ поповщинскій скитъ Онуфріевъ, въ черниговскихъ лѣсахъ старообрядческія слободы мглинскаго, новозыбковскаго и стародубскаго уѣздовъ. Съ этого времени расколъ окончательно и явно получилъ характеръ церковно-гражданской общины, стремившейся не только отстоять свой образъ мыслей, но и, если можно, сдѣлать его господствующимъ во всей Россіи. Съ этого времени въ немъ ясно обнаружилась внутренняя, самостоятельная общинная жизнь и послѣдовательное, органическое развитіе его чрезъ развѣтвленіе и раздѣленіе, посредствомъ своихъ внутреннихъ, весьма многоразличныхъ силъ, средствъ и способовъ. Отторгшись отъ цѣлаго, всенароднаго, всеобъемлющаго единства церкви, связуемаго христіанскою всепримиряющею любовію, и начавши свою особенную жизнь, въ совершенной отрѣшенности отъ общей жизни русской церкви, раскольническая община, неизбѣжно скоро почувствовала и испытала въ себѣ признаки разложенія, раздѣленія, оскудѣніе внутренняго всецѣлаго единства и умноженіе отдѣльныхъ, разрозненныхъ частей. Отчужденіе раскола отъ церковной іерархіи, отсутствіе этого церковно-соединительнаго начала въ нѣдрахъ самой раскольнической общины, оскудѣніе въ послѣдователяхъ старообрядства истиннаго, разумно-сознательнаго знанія христіанства и истинной церковной жизни, вслѣдствіе всецѣлаго, исключительнаго сосредоточенія ихъ на одной безжизненной, мертвой буквѣ и обрядности, — вотъ прямыя, естественныя внутреннія причины распаденія раскола сначала на безпоповщину и бѣглопоповщину, а потомъ на многочисленныя частныя секты [1]). А это постоянное внутреннее

[1]) Ни одна секта не доказала собою такъ ясно, какъ доказала секта русскихъ раскольниковъ той истины, что ложь вводитъ съ собою только раздоръ и раздѣленія. Не прошло и 25 лѣтъ послѣ 1665 года, какъ русскій расколъ раздробился на толки. Это и естественно. Опустивъ изъ вниманія евангельское ученіе христіанства, русское своеволіе обратилось къ одной внѣшности, къ однимъ обрядамъ; а здѣсь, при недостаткѣ умѣнья вникать въ смыслъ обряда, мысли зрителя волнуются только впечатлѣніями случайными и вліяніями чувства, и отселѣ одинъ выбираетъ то, другой другое, одинъ хвалитъ то, что другой бранитъ: разнообразіе предметовъ, представляемыхъ обрядностію, еще болѣе умножаетъ несходство въ выборѣ предметовъ уваженія. И. Р. Ц. IV, стр. 220. Протоіерей Іоанновъ, самъ бывшій нѣкогда въ расколѣ, открывая, по его словамъ, хаосъ разныхъ сектъ раскольн. въ чернорам. лѣсахъ и на Керженцѣ замѣчаетъ: „злоба и ожесточеніе ввергли ихъ въ сію бездну; а отвращеніе отъ власти церковной всему тому есть главною причиною“. Ч. III, стр. 2. Замѣчательно сужденіе самихъ раскольниковъ о причинѣ раздоровъ и раздѣленій въ старообряд-

раздѣленіе, распаденіе раскола на разные толки, какъ естественный плодъ и въ тоже время новый, неизсякаемый источникъ внутренней борьбы, внутренняго несогласія и безпорядка, естественно, порождало и усиливало одну только борьбу, несогласіе и раздоръ, именно борьбу и раздоръ съ господствующею церковію, и слѣд. еще болѣе усиливало расколъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Съ другой стороны, общность главнаго первоначальнаго стремленія раскола — національнаго церковно-гражданскаго демократизма, была существенною причиною живучести и постояннаго развитія раскола въ одну упорную русскую демократически-старообрядскую общину. Какъ одна опредѣленная община, одушевляемая однимъ, общимъ недовольствомъ новымъ порядкомъ въ Россіи, движимая единодушнымъ противленіемъ церковной и государственной власти, расколъ, не смотря на разрозненность своихъ частей, употреблялъ теперь всѣ свои общинныя силы и средства къ тому, чтобы еще болѣе усилиться и умножиться и расширить кругъ своего господства. Получивъ постоянную осѣдлость, послѣ первоначальной неустановленности и бурнаго, хаотическаго волненія и броженія, раскольники чрезъ это укрѣпленіе и сосредоточеніе по мѣстамъ, въ слободахъ, монастыряхъ и пустыняхъ, пріобрѣли свои собственныя, домашнія, такъ сказать, средства и способы къ распространенію раскола. Обратимъ же теперь вниманіе на эти способы.

Первымъ такимъ средствомъ распространенія раскола *было уже самое построеніе и умноженіе въ разныхъ мѣстахъ раскольническихъ пустыней, скитовъ, монастырей и слободъ.* Какъ на причину усиленія и возрастанія раскола, на умноженіе лѣсныхъ скитовъ и монастырей указывалъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отцамъ собора 1681 года. «Многіе монахи, говорилъ онъ, мужеска пола и женска, нехотя быть у настоятелей своихъ подъ послушаніемъ, отходятъ отъ монастырей и начинаютъ жить въ лѣсахъ, и помалу прибираютъ къ себѣ такихъ же непослужниковъ, и устрояютъ часовни, и служатъ молебны.., и именуютъ тѣ мѣста пустынями, и въ тѣхъ новоустроенныхъ пустыняхъ церковное пѣніе отправляютъ не по исправнымъ книгамъ, и для того приходятъ къ нимъ многіе люди и селятся близко ихъ, и имѣютъ ихъ за страдальцевъ, и отъ того урастаетъ на святую церковь противленіе» [1]. И дѣйствительно, исторія распространенія раскола показываетъ, какъ сильно способствовали распространенію раскола устроявшіеся въ лѣсахъ скиты и монастыри. Они имѣли какую-то

ствѣ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ: „сице убо явственно плоды расколовъ древлероссійскихъ христіанъ испыташася. Нѣсть убо того христіанина, не обрѣтается благовѣрна мужа, не сыщется благоговѣйныя жены, которая бы съ горестію не произносила вздохи свои о сей раздорной бурѣ, и способствовать же кому и чѣмъ невозмогаемо учинись. Понеже нѣсть нынѣ высочайшихъ духовныхъ властей, — нѣсть спомогательныхъ государей нашей истинѣ, не имѣется удобныхъ мѣстъ. Къ симъ же и устыла вся теплота къ ревности благочестію и добродѣтелей и всѣхъ Россійскихъ христіанъ, только единымъ духомъ братоненавистныхъ наполнилися тѣхъ сердца убо и не можетъ во иныхъ покоиться духъ соединенія!“ О началѣ раздора Ѳедосѣева съ выгорѣцкимъ общежительствомъ и о причинѣ того, чего ради оный бысть. Ркп. л. 60 и об.

[1]) А. И. т. V, № 75, стр. 117.

особенную, могучую притягательную силу. Едва устроялся гдѣ-либо въ глуши лѣсовъ раскольническій скитъ какимъ либо расколо-учителемъ, какъ тотчасъ же разносилась объ немъ молва по окрестностямъ,—и сотни, тысячи суевѣрныхъ стремились въ эти пустыни, думая обрѣсти тамъ успокоеніе или спасеніе своей души, а бродяги и гулящіе люди, люди бездомовные, празднопіатающіеся, не хотѣвшіе трудиться, работать, служить обществу, коковыхъ тогда было множество по всей Россіи, расчитывали найти здѣсь безопасный притонъ, даровую, готовую хлѣбъ-соль. Лѣсныя чащи наполнялись такимъ образомъ хижинами и шалашами такихъ отщепенцевъ. Поселялся гдѣ-либо въ лѣсной пустынѣ расколо-учитель—инокъ, старецъ съ нѣсколькими людьми, устроялъ небольшую часовню, заводилъ колоколъ». Жители окрестныхъ мѣстъ слышали вдругъ, въ необитаемомъ дотолѣ мѣстѣ, звонъ колокола, спѣшили на этотъ призывный звукъ, встрѣчали старца, молящагося въ чащѣ дебри, съ участіемъ внимали его разсказамъ о преслѣдованіяхъ, которымъ будто бы подвергалась вѣра праотцевъ, о пришествіи антихриста, о близкомъ концѣ міра. Имена Никона и Никоніанцевъ произносимы были съ проклятіями, сѣтованія объ утратѣ православія сопровождались слезами, и простодушные поселяне съ благоговѣніемъ взирали на отшельника, потомъ возвращались къ нему, чтобы слушать его поученія, приносили ему посильные дары, требуя за нихъ только его благословенія, и понемногу совращались въ расколъ. Иные поселялись вокругъ своего учителя, оставляя вмѣстѣ съ жилищами своими семейства, имущества, всѣ обольщенія житейскія» [1]). Такъ наполнялись народомъ во многихъ мѣстахъ монастыри или скиты раскольническіе, центры ученій, направленныхъ противъ православной церкви. Такъ, когда бѣглый дьячекъ Шумскаго погоста Данило Викулинъ основалъ первый безпоповщинскій скитъ на Выгѣ рѣкѣ въ олонецкомъ уѣздѣ и разнеслась о немъ молва по заонежскому поморью, къ нему сначала набралось до 49 человѣкъ, потомъ начали стекаться цѣлыми семействами мужи, жены и дѣти всякаго возраста, и вскорѣ число отшельниковъ возрасло болѣе 150, не считая около нихъ жившихъ еще въ отшельничествѣ и другихъ скитахъ. Вотъ сюда же поступаетъ съ отцемъ, матерью, братьями и сестрами знатный молодой человѣкъ, по имени Андрей Денисовъ, [2]). происходившій изъ рода Новгородскихъ князей Мышецкихъ, которому съ братомъ Семеномъ суждено было болѣе четверти столѣтія быть самою могущественною опорою раскола и славою своею наполнить всѣ раскольническіе скиты, разсѣянные во всѣхъ концахъ Россіи [3]). Слава Даниловскаго скита еще болѣе умножилась и распространилась по Обонежскимъ окрестностямъ. Народу еще болѣе стремилось сюда. Прошло 7 или 8 лѣтъ; въ Даниловскомъ скиту стало тѣсно. Съ 1703 года, по рѣкѣ Выгѣ и другимъ рѣкамъ и озерамъ, основалось уже множество другихъ, частныхъ скитовъ, державшихся ученія Даниловскаго, гдѣ селились нѣкоторые по одиночкѣ,

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1856 г. кн. 8 Правленіе Царевны Софіи.

[2]) Ему тогда было не болѣе 17 лѣтъ.

[3]) Словарь Рус. свѣтск. писателей м. Евгенія о Денисовѣ.

другіе цѣлыми семействами, и устрояли часовни. Въ половинѣ XVIII столѣтія Выгорѣцкій монастырь уже на одномъ собственномъ иждивеніи содержалъ до 2000 человѣкъ мужескаго пола и болѣе 2000 женскаго. Близъ Волги, въ нижегородскихъ предѣлахъ, въ керженскихъ лѣсахъ поселился, какъ мы видѣли, выходецъ изъ Соловецкаго монастыря, монахъ Арсеній, и основалъ здѣсь въ лѣсной чащѣ, на болотистомъ глухомъ мѣстѣ скитъ шарпанскій. Лишь только разнеслась молва въ Семеновскомъ уѣздѣ и по другимъ окрестностямъ, что въ пустынной глуши, въ глубокой чащѣ керженскихъ лѣсовъ, живетъ подвижникъ, инокъ изъ знаменитаго соловецкаго монастыря, какъ тотчасъ же къ нему потекли сотни, тысячи людей со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ въ 30 или 40 лѣтъ столько стеклось сюда народу, что вмѣсто одного шарпанскаго монастыря въ предѣлахъ нынѣшней нижегородской и сопредѣльной съ нею костромской губерніи появилось до 94 скитовъ, и большая часть изъ нихъ произошла отъ первоначальнаго, Арсеніева скита. Въ началѣ XVIII столѣтія въ однихъ нынѣшнихъ балахнинскомъ, семеновскомъ и макарьевскомъ уѣздахъ считалось около 30,000 раскольниковъ, что составляетъ гораздо болѣе трети тогдашняго общаго населенія; въ 1719 году считалось раскольниковъ въ предѣлахъ нижегородской епархіи уже 86,000 об. пола, слѣд. на каждую тысячу жителей приходилось 283 раскольника. Въ Сибири лѣсныя пустыни раскольническія увлекали изъ городовъ и селъ также тысячи православныхъ. Въ 1682 году верхотурскій воевода Иларіонъ Лопухинъ писалъ къ краснопольскому прикащику: «въ нынѣшнемъ—де въ 191 г. (1683) вѣдомо ему въ Тобольску учинилось, что выѣзжаютъ изъ городовъ и изъ слободъ многіе всякихъ чиновъ люди, покиня дворы и животы свои, и скотъ и хлѣбъ, на Тоболь въ Утецкую слободу къ слободчику Ѳедькѣ иноземцеву, и заводится де пустыня такаяжъ, что и прежъ сего сбирывались вверхъ по Тоболу рѣкѣ, на Березовѣ рѣчкѣ на прелесть православнымъ христіанамъ» [1]). Тоже самое было на Вѣткѣ и въ стародубскихъ лѣсахъ: на Вѣткѣ отъ одной или двухъ слободъ произошло до 14-ти, а въ Стародубьи до 17 слободъ. Такое множество народа привлекали раскольническіе монастыри, пустыни и слободы! И не только къ себѣ они привлекали народъ, но и заражали окружающіе ихъ православные города и села. И чѣмъ ближе находились города и села къ раскольническимъ монастырямъ и пустынямъ, тѣмъ сильнѣе въ нихъ распространялся расколъ. Такъ въ олонецкомъ уѣздѣ, въ близлежащихъ къ выгорѣцкому скиту деревняхъ, весьма многіе дома и семейства наполнены были раскольниками. Въ пудожскомъ и другихъ погостахъ, гдѣ въ лѣсахъ находились раскольническія пристанища и пустыни, расколомъ заражены были весьма многіе дома въ деревняхъ и волостяхъ: въ деревнѣ Строкиной разъ заперлись раскольники въ 4-хъ избахъ, въ числѣ 800 человѣкъ, и, когда ихъ начало отыскивать правительство, сожглись [2]). Въ деревнѣ Коловской заражено было расколомъ до 15 домовъ, въ Ножевской до 12-ти. Въ другихъ до 10 или

[1]) А. И. т. № 101, стр. 162.
[2]) А. И. №№ 223, стр. 387.

больше, и между прочимъ домъ старосты. Въ деревнѣ Коловской расколоучитель Василій Емельяновъ съ товарищемъ своимъ Ильею Өедоровымъ въ 1693 г. въ Петровъ постъ и послѣ Петрова дня каждый день служилъ по найму въ часовнѣ Николая Чудотворца вечерню, заутреню и часы, и крестьянъ «воровскому прелестному богомерзкому ученію непрестанно училъ» [1]). Когда надменный своею святостію Капитонъ поселился въ пустынѣ, въ лѣсахъ вязниковскихъ, то «отсюду, повѣтствуетъ Денисовъ, градъ Вязники сіяше пресвѣтлаго древняго благочестія догматами, т. е. старообрядствомъ, отсюду ближнія веси и села утверждахуся въ отеческихъ законѣхъ непоколебимо пребывати и вся вязниковскія предѣлы древлеотеческаго православія свѣтъ осіяваше толико, елико во окрестныя слуху о семъ велегласно пронестися, и до самаго царствующаго града, до архіерейскихъ сѣдалищъ» [2]). Тоже было и въ Малороссіи вокругъ раскольническихъ слободъ. Въ 1728 г. въ бывшемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ Гетманъ Апостолъ съ старшинами и съ полковыми представлялъ, что «раскольническаго суевѣрія люди, въ малой Россіи не малыми слободами поселившіеся, ересей своихъ сѣютъ плевелы и прельщаютъ народъ малороссійскій,—гдѣ между сущимъ православіемъ таковаго суевѣрія не бывало» [3]). Подобное распространеніе раскола изъ раскольническихъ селеній, монастырей и пустыней въ близлежащіе православные города и села замѣчалось и въ недавнее еще время. Такъ напр. чѣмъ ближе города и селенія къ иргизскимъ монастырямъ, недавно бывшимъ раскольническими, тѣмъ болѣе было въ нихъ раскольниковъ, а чѣмъ отдаленнѣе, тѣмъ менѣе. Въ Волгскѣ, ближайшемъ къ Иргизу, находилось 5,123 раскольника, въ Саратовѣ 3,183, въ Камышинѣ 261, въ Царицынѣ 46. Волгскъ отъ нижнеиргизскаго монастыря отстоитъ въ 60 вер., Саратовъ въ 197, Камышинъ въ 376, Царицынъ въ 562 верстахъ [4]). Отсюда, обратно, можно заключать и о прежнемъ, первоначальномъ распространеніи раскола по окрестностямъ раскольническихъ слободъ, скитовъ и монастырей.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему раскольническіе скиты, монастыри и церкви привлекали къ себѣ множество православныхъ изъ простого народа, заключается въ томъ, что въ нихъ необыкновенно строго соблюдалось внѣшнее церковно-обрядовое благочиніе. «Главная причина, скажемъ словами преосвящ. Митр. Григорія,—главная причина сохраненія и распространенія раскола въ самомъ расколѣ состоитъ въ строгомъ соблюденіи въ немъ собственно внѣшности вѣры, что и почитается достаточнымъ для спасенія. А какъ соблюденіе внѣшности вѣры не требуетъ большихъ и тяжкихъ пожертвованій, особливо не требуетъ глубокаго наблюденія за состояніемъ души и за разными склонностями ея и плоти: то она очень внимательно вездѣ и держится» [5]). Выдавая себя за старую

[1]) А. И. V, № 223, стр. 387.
[2]) Виногр. Россійск. № л. 136 об.
[3]) П. С. З. т. XI, стр. 398.
[4]) Рукопись о Саратов. раскольникахъ библ. Каз. Дух. Акад.
[5]) Истинно-древняя и Истинно-православная церковь Христова. II стр. 311, 1855 г.

вѣру, за древне-церковное благочестіе, твердо стоя за старые обряды и уставы, расколъ всегда всемѣрно старался поддержать въ своихъ скитахъ и монастыряхъ весь блескъ, всю внѣшность старинной церковной обрядности, чтобы доказать православнымъ, что онъ дѣйствительно есть подлинная старая вѣра, подлинное старообрядство. Если православные входили въ раскольническій монастырь, или въ раскольническую часовню, моленную, въ какомъ-либо богатомъ скиту,—ихъ кругомъ поражало благолѣпіе внѣшности. Они видѣли множество иноковъ, чинно одѣтыхъ въ древнее монашеское одѣяніе, съ степенно-суровымъ видомъ, низко кланяющихся, выставляющихъ впередъ иноковъ-стариковъ, покрытыхъ сѣдинами, нерѣдко уважаемыхъ ими схимниковъ, часто весьма привѣтливыхъ, ласково-разговорчивыхъ. Если они ходили въ раскольническую часовню или моленную во время богослуженія, и особенно всенощнаго, — чувство благоговѣнія обнимало ихъ: предъ ними открывался богатый иконостасъ, украшенный старинными, часто драгоцѣнными иконами, десятки горящихъ лампъ и сотни возженныхъ свѣчъ сіяли, по выраженію раскольниковъ «какъ лице Божіе»; въ алтарѣ іерей или наставникъ дѣйствовалъ смиренно, стройно, степенно; на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по десятку, по два и болѣе громогласныхъ пѣвцовъ чинно, тихо, большею частію протяжно-заунывно пѣли церковныя пѣсни по старинному столповому напѣву; сотни иноковъ по правую и лѣвую сторону стояли степенно, на вытяжку, всѣ съ четками въ рукахъ, дряхлые старцы впереди ихъ съ костылями, всѣ въ бородахъ; никто во время службы съ мѣста на мѣсто не переходилъ, по сторонамъ и назадъ не оглядывался, другъ съ другомъ не разговаривалъ, тѣмъ болѣе не смѣялся, взоръ всѣхъ обращенъ былъ наиболѣе къ землѣ. Чтецы читали не спѣшно, внятно, благоговѣйно. Служба совершалась по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго опущенія. Все общество молящихся крестилось одинъ въ одинъ и въ одно время, тихимъ, полнымъ и неспѣшнымъ двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, съ усиленнымъ удареніемъ на челѣ, на раменахъ и на чреслахъ, съ возведеніемъ очей горѣ, поклоны или метанія тоже клали одинъ въ одинъ, и въ одно время, стройно, чинно, правильно. Богослуженіе продолжалось 4 и 5 часовъ сряду. Что при видѣ такой благолѣпной церковно-богослужебной внѣшности долженъ былъ чувствовать въ душѣ набожный, благочестивый русскій простолюдинъ, и вообще нашъ простой народъ, большею частію только въ однихъ благочестивыхъ обрядахъ и обычаяхъ и выражающій свою вѣру и благочестіе? Безъ сомнѣнія, уваженіе, привязанность къ старообрядству. Глубоко дѣйствовало на сердце благочестивыхъ, набожныхъ русскихъ людей такое церковное благолѣпіе старообрядческихъ часовенъ, и вотъ они охотно причислялись къ монастырямъ и общинамъ раскольническимъ. Удивительно ли послѣ этого, что когда на Вѣткѣ построена была новая, Покровская церковь и великолѣпно украшена по старинному, то народъ со всѣхъ концовъ толпами устремился на Вѣтку. «На толикую убо славу новоосвященныя церкви, пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ исторіи о Вѣткѣ, вси народи со всѣхъ странъ радости исполнишася, на нюже отвсюду приходяще людіе, оставляху домы, и въ толикій путь труды

пріимаху. Господіе честніи о зданіяхъ вознерадиша, и госпожи честніи течаху на оное жительство; дѣвы отхождаху родителей своихъ... Откуду безчисленными народы наполнися вѣтковское жительство, и аки градъ великъ въ населеніи тѣхъ явися» [1]). Кромѣ благолѣпія часовенной обрядности, расколъ многихъ обольщалъ еще наружностью благочестія и мнимою богоугодностію и спасительностію своею. Люди набожные, видя въ раскольническихъ пустыняхъ старцевъ отшельниковъ, изможденныхъ, по-видимому, подвигами и постомъ, исхудалыхъ, блѣдныхъ на видъ, думали, что въ скитахъ раскольническихъ господствуетъ древній суровый, строгій духъ истиннаго подвижничества и отшельничества, и сокрушаясь о грѣхахъ своихъ, удалялись въ нихъ для подвиговъ поста и покаянія. Въ подтвержденіе этого замѣчательный случай разсказываетъ преосвященный Игнатій, митр. тобольскій. «Въ пути нѣкоемъ отъ града, именуемаго Вологды, къ Каргополѣ, къ морю, говоритъ онъ, аки бы учитель нѣкій, врагъ Божій, волхвъ и чародѣй, примысли себѣ пустынника имя. И нѣцыи поселяне, изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему, яко мняху въ добродѣтелѣхъ изрядному... нѣкій же человѣкъ отъ града Вологды, отягченъ сый многими грѣхи, и вшедъ въ совѣсть свою каяшеся предъ Богомъ: и положи обѣтъ Господеви Богу, во еже пожити въ чистотѣ, и итти въ пустынная мѣста: яко да въ безмолвіи поживъ, получитъ отъ Бога прощеніе грѣховъ. Слышавъ же о оной пустыни, како у того пустынника людіе собравшеся живутъ, восхотѣ тамо поити. Пришедшу же ему ко оному, иже мняшеся пустынникъ быти, молитъ его, да повелитъ ему при себѣ жити въ пустыни, яко же и прочимъ. Онъ же глагола ему: брате любимый, добре пришелъ еси бѣгая въ пустыню: нынѣ бо убо на земли нѣсть церкве Божія, вси бо уклонишася и непотребни быша: понеже бо въ церквахъ поютъ и чтутъ по новому, а у насъ еще здѣсь милость Божія покрываетъ, новости никакой не пріемлемъ, и крестимся по преданію блаж. Ѳеодорита: ты же добрѣ сотворилъ еси, избѣжавъ отъ антихриста. Той же умиленный человѣкъ слышавъ сіе, рече ему: азъ, честный отче, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія: и сего ради слышахъ житіе твое по Бозѣ, пріидохъ къ святыни твоей по Бозѣ, во еже спастися. Отвѣщавъ же той пустынникъ: чадо, рече, доброе, подобаетъ тебѣ прежде постомъ искуситися, да не яси, ниже піеши дни нѣкія, дондеже намъ извѣститъ о тебѣ Господь Богъ, и тогда тя пріимемъ съ радостію. Онъ же обѣщася вся поселенная имъ безъ сумнѣнія творити, своего ради душевнаго спасенія. Пустынникъ же повелѣ его ввести во внутреннюю едину отъ келлій своихъ храмину, яже бяше присовокуплена къ келліи его идѣже самъ живяше, и скверная своя мольбища творяше» [2]). Съ другой стороны, раскольническіе скиты, пустыни, монастыри и слободы льстили свободой въ мірской жизни, давали полный просторъ буйному своеволію и чувственности, укрывали виновныхъ отъ отвѣтственности за разныя преступленія. «Держащіеся раскола, скажемъ словами митроп.

[1]) Полн. Истор. Извѣст. о раскольн. ч. Ш, стр. 8.
[2]) Ш Посл. въ „Правосл. Собесѣд." стр. 116—118.

Платона, еще въ томъ нашли свои выгоды: строя сами себѣ служебные домы и выбирая бѣглыхъ поповъ, и отрѣшая ихъ по своему изволенію и распоряжая всѣмъ, имѣли удовольствіе въ томъ, что они сдѣлались самовластители по церковнымъ дѣламъ, не завися ни отъ какого духовнаго правительства» [1]). Многіе бѣжали въ раскольническіе слободы, скиты и монастыри изъ шляхетства, или изъ знатнаго московскаго и другихъ городовъ купечества, или изъ подрядчиковъ, забравъ государственной казны въ подряды большую сумму [2]). Бѣглыми преступниками наполнены были скиты нижегородскіе, стародубскіе лѣса и Вѣтка. Расколъ давалъ свободу и убѣжище отъ рекрутчины, какъ увидимъ еще въ другомъ мѣстѣ. Такъ въ началѣ XVIII столѣтія (около 1723 г.) на однихъ, заводахъ Демидова, бывшихъ, можно сказать, гнѣздомъ и разсадникомъ раскола для своего края, найдено было до 150 бѣглыхъ рекрутъ [3]). Во многихъ раскольническихъ монастыряхъ расколъ льстилъ и своимъ ученіемъ и своею жизнію даже грубому плотоугодію и чувственности, какъ это мы видѣли уже. Наконецъ, какъ сейчасъ увидимъ, присоединеніе къ раскольническимъ слободамъ и монастырямъ, льстило корыстолюбію и доставляло разныя матеріальныя, житейскія выгоды.

Во вторыхъ, самое *раздѣленіе, распаденіе раскола на многочисленныя* секты, повидимому, долженствовало содѣйствовать къ ослабленію и упадку раскола при разныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ мы замѣтили выше, усиливало расколъ, способствовало его распространенію. Раздѣлившись сначала на двѣ главныя секты, поповщину и безпоповщину, раскольники какъ бы раздѣлили между собою жребій распространенія раскола по частямъ: поповщина преимущественно осѣлась, утвердилась и начала распространять свое ученіе на юговостокѣ и югозападѣ отъ Москвы, безпоповщина преимущественно на сѣверовостокѣ, разсылая, впрочемъ, въ тоже время повсюду своихъ расколоучителей. Каждая часть раскола, каждая секта наперерывъ одна передъ другою, усиливалась какъ можно болѣе пріобрѣсти себѣ послѣдователей, разсылала своихъ многочисленныхъ проповѣдниковъ, придумывала, гдѣ успѣшнѣе и удобнѣе можно было посѣять и укоренить мнѣніе безпоповщины, или мысли поповщинскаго ученія, изобрѣтала разные способы для уловленія православныхъ въ свою общину. А когда и эти двѣ главныя секты распались на безчисленное множество частныхъ толковъ, усилія раскола—распространить свое господство еще болѣе, увеличились, миссіи раскольническія и расколоучители еще болѣе умножились, происки продѣлки раскольниковъ еще болѣе утончились и оразнообразились. По свидѣтельству одного изъ старообрядцевъ, обратившихся къ православной церкви, всѣхъ толковъ, несогласныхъ съ православною церковію и между собою, въ русскомъ государствѣ образовалось болѣе 100: если положить на каждый толкъ по одному расколоучителю, то и тогда, при фанатической ревности раскольниковъ, удобно было весьма

---

[1]) Церковная Исторія ч. II, стр. 238, С. П. 1823.
[2]) П. С. З. т. XI. № 8845.
[3]) Историч. Обозр. Сибири Словцова, ч. I стр. 394.

успѣшно и далеко распространить расколъ. Но ихъ приходилось на каждый толкъ не по одному, не по два, а по десятку и болѣе. Духъ соревнованія и взаимной непріязненности побуждалъ каждый толкъ умножать свою общину, чтобы дать ей болѣе нераздѣльности и прочности, а, если можно, и перевѣсъ надъ другими толками. Духъ фанатизма, столь свойственный сектамъ всякаго рода, особенно въ началѣ ихъ распространенія, а въ нашихъ раскольникахъ доходившій иногда до безумнаго, неукротимаго изступленія, возбуждалъ въ каждомъ сектантѣ, особенно въ началѣ распространенія секты, какую-то особенно-энергическую, изступленную горячность, жажду, ревность—распространять свое ученіе [1]). Отъ того каждый раскольническій толкъ или согласъ, въ началѣ своего существованія, всегда имѣлъ особенно ревностныхъ и многочисленныхъ распространителей своего ученія. Такъ, когда въ 1706 году отдѣлился отъ выгорѣцкаго согласа ѳедосѣевскій толкъ, ученіе этого послѣдняго толка, распространяли 26 расколоучителей въ однихъ новгородскихъ и псковскихъ предѣлахъ [2]). По смерти Ѳедосѣя, ученики его, по указу, получили для жительства мѣсто Ряпино, и жительство ихъ, какъ говоритъ сочинитель статьи о началѣ раздора Ѳедосѣевцовъ съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ, «многолюдствомъ обоего пола распространено бысть» [3]). Или, когда одинъ мужикъ выдумалъ христовщину, у него было, по словамъ св. Дмитрія Ростовскаго, «12 лжеапостоловъ, иже ходяще по селамъ и деревнямъ, проповѣдывали Христа, аки истиннаго, простымъ мужикамъ и бабамъ, и кого прельщали, приводили къ нему на поклоненіе» [4]). Обыкновенно сначала каждый новоизмышленный толкъ расширялся, распространялся въ окружности своей, и вездѣ главнымъ образомъ дѣйствовалъ на простой народъ. «Толки,—пишетъ святитель Дмитрій Ростовскій о разныхъ мелкихъ сектахъ русскаго раскола,—того ради зовутся, яко всякъ въ себѣ Божественная писанія по своему злоумному мудрствованію толкуетъ инако, несогласно инѣмъ, и во окрестныхъ селѣхъ и деревняхъ толки своя распространяютъ, каждо своея вѣры людей препростыхъ учаще, и къ своимъ толкамъ преклоняюще» [5]). Такимъ образомъ расколъ посредствомъ

---

[1]) Умъ русскаго сектанта, простолюдина, не имѣвшій твердой точки опоры - положительныхъ, точныхъ знаній христіанства, во тьмѣ заблужденія, не управляемый авторитетомъ церковной власти, между тѣмъ, хотя безотчетно, смутно сознававшій потребность истины, успокоивался на такихъ мысляхъ, какія самъ выдумывалъ, въ слѣпотѣ заблужденія принимая ихъ за настоящую истину. А сердце, искавшее сочувствія, согласія въ мысляхъ и вѣрованіяхъ съ другими (ибо истина должна быть одна у всѣхъ), чувствовало потребность раздѣлить съ кѣмъ-либо возникшія въ умѣ мысли. И вотъ сектантъ, въ головѣ котораго родилась новая мысль, казавшаяся ему подлинною искомою истиною, съ жаромъ пускался распространять эту мысль. А желаніе учительства, желаніе стоять во главѣ послѣдователей, очень естественное въ сектантахъ—фанатикахъ, подстрекало, воспламеняло еще болѣе огнь фанатич. ревности распространять свое новоизобрѣтенное ученіе.

[2]) Полн. Истор. Извѣст. о раскольн. ч. 17, стр. 21.

[3]) Рукоп. о началѣ раздора Ѳедос. съ Выгор. общежит. л. 66 об.

[4]) Розыскъ 1847 г. стр. 599.

[5]) Розыскъ, стр. 598.

распаденія на разные толки и ученія только развѣтвлялся, дѣлался многосложнѣе, а не ослабѣвалъ, и по мѣрѣ развѣтвленія, осложненія своего, все болѣе и болѣе увеличивался, разростался чрезъ постепенное наращеніе и возрастаніе каждой отдѣльной вѣтви; отъ каждой вѣтви происходило нѣсколько новыхъ вѣтвей: эти вѣтви въ свою очередь чрезъ постепенное наращеніе увеличивались, росли и пускали новые отростки: каждая вѣтвь стремилась одна другой шире, дальше раскинуться, и такъ далѣе. Новые сектанты, новые учители изыскивали и привлекали новыхъ послѣдователей, и произошло такимъ образомъ многовѣтвистое, многообъемлющее дерево раскола, которое, развившись изъ незначительнаго, небольшого сѣмени, разрослось и распространило вѣтви свои по всей Россіи. Вѣрно, выразительно изобразилъ этотъ внутренній, органическій способъ развитія и распространенія раскола преосв. Ѳеофилактъ Тверской, представивъ исчисленные имъ 37 толковъ раскола подъ образомъ дерева, корень котораго, по его словамъ, скрывается въ началѣ всякаго зла—древнемъ зміѣ, и вѣтви котораго все болѣе и болѣе умножались и расширялись, по мѣрѣ развитія самаго дерева раскола. «Всѣ сіи плоды злобы,—заключаетъ онъ свою перечень раскольническихъ толковъ,—противницы церкви Христовы, пепеломъ посыпанные злобы, израстоша отъ лѣта 666 до лѣта 725, и иныхъ еще ихъ много, что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ: въ нынѣшнее де время, приговаривая такую рѣчь, овца овцу паси, сама себя овца паси» [1]).

Причина, почему самое внѣшнее распаденіе раскола, раздорбленіе его на множество толковъ не препятствовало, а еще способствовало распространенію раскола, заключается главнымъ образомъ во *внутренней, органической связи, общности всего раскола*. Не смотря на всю раздробленность раскола, онъ составлялъ одно цѣлое, органическое; его одушевляла и развивала одна сила, у него было одно коренное, исходное начало, только проявившееся въ разнообразныхъ видахъ. Это—общность вражды раскольническихъ сектъ къ правительству и Церкви, которыя онѣ назвали Никоніанскими, или растлѣнными Никоніанскою ересью. Этимъ-то внутреннимъ, основнымъ единствомъ раскола скрѣплялась и держалась его общность, единичность, совокупность. И здѣсь-то, въ этой внутренней общности раскола, заключается новая причина его быстраго, успѣшнаго распространенія. Съ самаго начала недовольные патр. Никономъ протопопы и попы образовали союзъ, партію, называя себя «братіею, союзниками», будучи одушевлены однимъ духовно-демократическимъ чувствомъ или стремленіемъ — единодушною личною ненавистію къ п. Никону. Общими силами, дружнымъ единодушнымъ заговоромъ, при помощи сильныхъ покровителей при дворѣ, стремились они свергнуть п. Никона; находясь въ заточеніи, тайной перепиской поддерживали другъ друга и поощряли на возстаніе и возмущеніе низшаго духовенства и народа. И, благодаря неразрывному единодушію и общности своей ненависти къ п. Никону, какъ нельзя болѣе, успѣшно достигли своей цѣли: п. Никонъ, бывшій

[1]) Облич. неправды раскольнич., послѣдній листъ. См. также на предыдущихъ листахъ рисунокъ, изображающій расколъ въ видѣ многовѣтвистаго дерева.

камнемъ преткновенія для нихъ, уроненъ, низвергнутъ; первые расколоучители, пользуясь его паденіемъ, какъ мы видѣли, успѣли насадить всюду начатки раскольническаго демократизма. Изъ первоначальной, малочисленной партіи раскольниковъ въ Москвѣ мало по малу образовалась къ концу XVII вѣка сильная, многолюдная община, составившаяся изъ чрезвычайной многочисленности приверженцевъ въ разныхъ городахъ и селахъ Россіи. Съ увеличеніемъ раскольнической общины, въ ней увеличились, расширились и замыслы и стремленія, осложнились и разнообразились способы дѣйствія: личная вражда къ Никону первыхъ расколоучителей перешла въ наслѣдственную, общую вражду раскольническихъ сектъ къ гражданскому Правительству и Церкви. Вновь устроились и еще болѣе расширились связи съ подкупными властями, при помощи хитрыхъ происковъ и продѣлокъ, какъ это мы увидимъ. Съ увлеченіемъ въ свои сѣти богатыхъ купцовъ, раскольническая община пріобрѣла матеріальныя средства, мало по малу образовала свои капиталы, богатства. Такъ было уже въ концѣ XVII столѣтія. Раскольники не остановились на этомъ; напротивъ, продолжали еще болѣе усиливать и распространять свою общину, употребляя всѣ возможныя мѣры, не щадя никакихъ находившихся у нихъ подъ руками средствъ. Общность вражды раскольническихъ сектъ къ православному Правительству и православной церкви связала всѣхъ вообще раскольниковъ, не смотря на различіе ихъ толковъ, въ одно братство, которое хотя и представлялось какъ будто-бы распавшимся на части, но всегда единодушно стремилось къ одной общей цѣли—къ большему расширенію, и если можно, къ господству въ Россіи. Отъ того чуть только представлялся какой нибудь удобный случай расширить кругъ своей общины, увеличить ее, дать ей силу и господство,—раскольники забывали различіе сектъ и толковъ, собирались въ одинъ союзъ. Такъ было уже отчасти въ концѣ XVII вѣка, въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Уже въ теченіе первыхъ 47 лѣтъ, по отдѣленіи или отсѣченіи своемъ отъ церкви православной, старообрядческая община успѣла весьма сильно умножиться, увеличиться и окрѣпнуть, вслѣдствіе своей внутренней, постоянной самососредоточенности, благодаря общности всѣхъ своихъ демократическихъ дѣйствій и стремленій. Но съ 1714 года, когда изданъ былъ указъ о записи всѣхъ раскольниковъ въ двойной окладъ, съ обезпеченіемъ ихъ свободнаго гражданскаго существованія, общинѣ раскольниковъ открылось еще больше возможности увеличиваться и возрастать [1]). Получивъ теперь осѣдлость, свободное, безпрепятственное гражданское бытіе, раскольники, для большаго увеличенія и усиленія своей общины, начали устроивать и развивать свой внутренній, торговый, коммерческій союзъ, начали своими происками, особенно при помощи своего богатства, еще болѣе, чѣмъ прежде заводить связи съ лицами чиновными, правительственными, вообще со всѣми лицами, которыя могли имѣть и имѣли какое нибудь вліяніе на расколъ. Губернаторы, воеводы, началь-

[1]) Нѣкоторые раскольники сами просили о записи ихъ въ расколъ подъ двойной окладъ. П. С. З. т. VII, № 4981, и 5.

ники волостного правленія—старосты и прикащики, какъ видно изъ жалобъ и указовъ Правительства и какъ это мы увидимъ въ главѣ о гражданскомъ состояніи Россіи въ разсматриваемое время, были легко подкупаемы богатыми раскольниками, или ловко, искусно обманываемы хитрыми предводителями раскола. Освобожденіе раскольниковъ отъ разныхъ общественныхъ повинностей еще болѣе способствовало увеличенію и укрѣпленію раскольнической общины въ первой половинѣ XVII вѣка. «Хотя раскольники и положены были въ двойной окладъ, — сказано въ указѣ 1738 г. декабря 11, но отъ прочаго всего освобождены; а купечество и крестьяне, сверхъ положеннаго на нихъ подушнаго платежа, по нарядамъ рекрутъ, и лошадей и работниковъ конныхъ и пѣшихъ ставятъ и подводы подъ всякіе казенные припасы даютъ, что имъ противъ раскольниковъ весьма тягостно; иные же раскольники великіе промыслы и торги имѣютъ и богатятся и постоевъ въ домахъ своихъ не содержатъ, потому что чрезъ тѣ мѣста полкамъ маршевъ и другимъ служилымъ людямъ проѣзда не бываетъ; и видя ихъ такую льготу, многіе купцы и крестьяне въ ихъ раскольническія жилища бѣгутъ и къ ихъ собраніямъ пристаютъ, иные не для обученія ихъ суевѣрія, но для того, что ихъ оттуда въ городовую службу и въ рекруты не возьмутъ, и ничего иного, кромѣ двойного оклада, съ нихъ требовать не могутъ» [1]). Пользуясь такими льготами, раскольники быстро обогащались. Скиты, расположенные въ лѣсахъ олонецкихъ, нижегородскихъ и стародубскихъ, вырубали лѣса, обработывали пашни, заводили многочисленный скотъ, строили мельницы, содержали рыбныя ловли, вели торговлю [2]). Богатые раскольники, съ одной стороны, чтобы задобрить Правительство мнимымъ усердіемъ своимъ къ общественному благу, а главное — чтобы обезпечить свое положеніе и свои матеріальныя выгоды и усилить свою общину, занялись городскою и заводскою промышленностію. На многихъ заводахъ промышленники и ихъ приказчики были одни раскольники. Въ 1736 году тайный совѣтникъ Татищевъ доносилъ Правительству о старообрядцахъ на уральскихъ заводахъ: «что раскольниковъ де въ тѣхъ мѣстахъ умножилось, а наипаче, что на партикулярныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ прикащики едва не всѣ, да и сами промышленники нѣкоторые раскольники, и ежели оныхъ выслать, то конечно имъ заводовъ содержать некѣмъ и въ заводахъ Ея Императорскаго Величества будетъ не безъ вреда; ибо тамъ при многихъ мануфактурахъ, яко жестянной, проволочной, стальной, укладной, и почитай всѣ харчами и прочими потребностями торгуютъ Олончане, Туляне и Керженцы... Увѣдомился же онъ, что у Демидова въ лѣсу есть пустыня, и гдѣ корень онаго суевѣрія находится» [3]). Съ 1762 года раскольнической общинѣ еще болѣе представилось удобства для развитія и усиленія. Въ это время изданы были постановленія: 1) о вызовѣ раскольниковъ изъ-за границы, и объ отмѣнѣ указа

[1]) П. С. З. т. X, № 7702.

[2]) Полн. Истор. Изв. о раскольн. А. И. т. V, № 151, стр. 256. Даже въ незначительныхъ лѣсныхъ пристанищахъ раскольниковъ въ пудожскомъ погостѣ было значительное имущество, всякая рухлядь, и припасы, скотъ и хлѣбъ. А. И. V, № 223.

[3]) П. С. З. т. X. № 7663, стр. 625.

Петра Великаго о бородахъ и указномъ платьѣ [1]); 2) объ уничтоженіи раскольнической конторы, при чемъ повелѣно вѣдать раскольниковъ въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ [2]); 3) объ уничтоженіи двойного оклада, который платили раскольники [3]); о дарованіи раскольникамъ права судебнаго свидѣтельства [4]); 5) о дозволеніи выбирать ихъ въ должности [5]). Эта гражданская свобода, дарованная раскольникамъ Екатериной II, сильно способствовала увеличенію числа раскольниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличенію раскольнической общины, особенно въ нижегородской и саратовской губерніяхъ и въ новороссійскомъ краѣ. Въ нижегородской, напримѣръ, губерніи съ этого времени раскольники начали устроятся въ городахъ и слободахъ, при судоходныхъ рѣкахъ Окѣ и Волгѣ и по торговымъ дорогамъ, и мало по малу прибрали въ свои руки мѣстную издѣльную промышленность и торговлю. Начались торговыя сношенія раскольниковъ нижегородскихъ съ губерніями саратовскою, астраханскою, симбирскою, костромскою, владимірскою, ярославскою, калужскою, смоленскою, съ Сибирью и многими отдаленными краями Россіи. Такимъ образомъ богачи раскольническіе еще начали богатѣть, союзъ коммерческій между ними еще болѣе расширился и крѣпче завязался, а съ тѣмъ вмѣстѣ еще удобнѣе, чѣмъ прежде, стало опутывать разными происками и подкупами гражданское начальство и духовенство [6]). Такъ знаменитый предводитель раскольниковъ ѳедосѣевской секты, московской купецъ Илья Алексѣевъ Ковылинъ, какъ извѣстно, имѣлъ большіе кирпичные заводы въ окрестностяхъ столицы, поставлялъ кирпичъ въ Москву на многія постройки, и чрезъ это вошелъ въ обширное знакомство съ людьми почетными, начальствующими. Товарищемъ его былъ тоже извѣстный раскольникъ — богатый купецъ Ѳедоръ Зенковъ, который завелъ первыя суконныя фабрики въ Москвѣ: онъ помогалъ Ковылину денежными средствами. Оба они были самыми ревностными и сильными помощниками раскола и, при посредствѣ своихъ обширныхъ, сильныхъ связей, весьма успѣшно содѣйствовали къ усиленію старообрядческой общины. Съ ними за-одно дѣйствовалъ третій московскій купецъ Петръ Юрьевъ, хотя онъ былъ толка поповщинскаго, а тѣ — безпоповщины. При частыхъ своихъ поѣздкахъ въ Петербургъ умѣлъ Ковылинъ и здѣсь привлечь къ себѣ зажиточныхъ посредниковъ и купцевъ, чтобъ умножить общія силы для пользы раскола. Записные раскольники изъ купечества умножились въ весьма многихъ городахъ, особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ расколъ преимущественно утвердился [7]). Такъ образовалась и постепенно усилилась раскольническая община.

---

1) Ук. 1762 г. Окт. 11 и Дек. 14, 1763 Янв. 20.

2) Маниф. 1763 Дек. 15.

3) Ук. 1782 г. Нояб. 8.

4) Ук. 1769 г. Февр. 17.

5) Ук. 1785 Окт. 11.

6) Разумѣется тѣхъ въ гражданскомъ начальствѣ и духовенствѣ, для которыхъ частныя, личныя выгоды были дороже общественнаго благосостоянія и порядка.

7) П. С. З. т. VIII, № 6149.

Образованіе и усиленіе старообрядческой общины во время существованія раскола въ высшей степени способствовало распространенію его. Во-первыхъ въ высшей степени способствовало распространенію раскола это общее, дружное, совокупное сосредоточеніе въ общинѣ всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ для поддержанія и распространенія раскола. Не смотря на все различіе сектъ, раскольники, какъ мы выше замѣтили, всегда единодушно и общими силами старались какъ можно болѣе распространять и поддерживать расколъ. Болѣе сильная и многолюдная секта въ раскольнической общинѣ дѣлилась своими средствами и способами для поддержанія и распространенія слабѣйшей, малочисленной секты. Нуждалась ли какая либо секта въ вождѣ, учителѣ и проповѣдникѣ раскола, или въ церковныхъ книгахъ, инокахъ, сосудахъ, или въ другомъ чемъ либо, къ ней съ радостію присылали ихъ прочіе толки. Такъ въ Выговской пустыни, школа искусныхъ писцовъ распространяла раскольническія книги для пользованія всѣхъ сектъ и для распространенія раскола; школа пѣвцовъ снабжала ими раскольническія часовни и молитвенные дома; школа живописцевъ приготовляла иконы стариннаго изображенія и снабжала проповѣдниковъ раскола, какого бы они толка ни были, разными раскольническими книгами, картинами для удобнѣйшаго прельщенія простого народа. Такими же средствами для распространенія и усиленія раскола снабжалъ раскольниковъ разныхъ сектъ московскій купецъ Ковылинъ. Выгорѣцкій монастырь далъ уставъ московскому преображенскому кладбищу, не смотря на всю непріязненность взаимныхъ отношеній между выгорѣцкими раскольниками и ѳедосѣевцами. Представитель выгорѣцкихъ, поморскихъ скитовъ, Андрей Денисовъ, во время частыхъ, почти постоянныхъ странствованій своихъ по Россіи, былъ едва ли не во всѣхъ мѣстахъ жительства раскольниковъ и въ монастыряхъ поповщинскихъ и безпоповщинскихъ, и вездѣ имѣлъ авторитетъ, поддерживалъ расколъ, давалъ способы для поддержанія и распространенія его. Будучи представителемъ безпоповщины, онъ составилъ для керженскихъ раскольниковъ — послѣдователей бѣглопоповщины отвѣты для состязанія съ епископомъ нижегородскимъ Питиримомъ. Для большаго распространенія раскола, раскольники всѣхъ сектъ привозили иногда на ярмарки предметы, относящіеся къ расколу, какъ напр. старыя книги, лубочныя картины и т. п. и тутъ продавали. Угрожала ли какому нибудь сектанту старообрядческой общины опасность, раскольники другъ друга укрывали, утаивали. Богатые, или зажиточные изъ нихъ содержали у себя въ домахъ постоялые дворы для раскольническихъ странниковъ. Таковы, напр. были въ олонецкомъ поморьѣ нѣкто Іероѳей и жена его Евдокія: «домъ ихъ, по словамъ Денисова, былъ открытъ всѣмъ пришельцамъ близкимъ и дальнимъ, сосѣдямъ и незнаемымъ, убогимъ и странникамъ» [1]). Таковъ же былъ, при жизни Андрея Денисова, въ Москвѣ купецъ Ковуровъ; къ нему иногда издалека приходили раскольническіе странники—старцы, иногда въ одинъ разъ человѣкъ по 20 и болѣе

[1]) Виногр. Росс. л. 282.

и онъ принималъ послѣдователей всѣхъ сектъ [1]). Подобное взаимное вспомоществованіе раскольниковъ, очевидно, не могло не способствовать усиленію и умноженію раскола. Еще болѣе содѣйствовало укрѣпленію и умноженію его взаимное вспомоществованіе старообрядцевъ способами матеріальными—деньгами, имуществомъ. Какъ ни различны были между собою раскольническіе толки и секты, не смотря на то, послѣдователи ихъ весьма охотно, дружно помогали другъ другу деньгами, милостынею, и т. п. Когда въ 1735 году полковникъ Сытинъ разсѣялъ Вѣтковское гнѣздо раскольниковъ, — раскольники восточной Россіи общею помощью чрезъ годъ или два помогли снова распространить расколъ на Вѣткѣ. «Россійскіе суевѣры», говоритъ протоіерей Іоанновъ,—«слѣпо привязанные въ Вѣтковцамъ своею любовію, изъ всѣхъ мѣстъ бѣглецамъ симъ, яко гоненія претерпѣвшимъ, великое подаяніе и милостыню присылали, чѣмъ больше новыхъ своевольныхъ къ населенію Вѣтки пріучили... Вседневныя присылки денегъ изъ всѣхъ мѣстъ на милостыню богомоламъ симъ умножили ихъ доходы, а своевольство и безопасность рождали въ нихъ прихоти и пороки» [2]). Такимъ образомъ, вслѣдствіе радушнаго содѣйствія Великорусскихъ старообрядцевъ, Вѣтка, совсѣмъ было опустѣвшая, снова сдѣлалась и убѣжищемъ и разсадникомъ раскола: въ ней скоро набралось раскольниковъ до 20,000, и въ томъ числѣ однихъ монаховъ до 1,200, кромѣ непостриженныхъ бѣльцовъ и послушниковъ. Когда Вѣтковцы задумали имѣть своего архіерея, чтобы еще болѣе упрочить, усилить, увеличить раскольническую общину, московскіе купцы—старовѣры и въ этомъ случаѣ опять съ радостію помогали ихъ такому предпріятію. Весьма многихъ изъ православныхъ увлекала въ расколъ зажиточность членовъ раскольническаго общества. Богачи раскольники, захватившіе въ свои руки, особенно со второй половины XVIII столѣтія, многія отрасли торговли и промышленности и завладѣвшіе торговлею и предметами мѣстной промышленной производительности, чрезъ то держали въ своихъ рукахъ значительную часть мѣстнаго народонаселенія. Бѣдные крестьяне, поставленные въ такую неизбѣжную зависимость отъ торговыхъ раскольниковъ, иногда по неволѣ принимали расколъ, чтобы не лишиться средствъ безбѣднаго существованія; они или нанимались къ богатымъ раскольникамъ въ работники, или продавали имъ свои произведенія, и чтобы въ томъ и другомъ случаѣ пользоваться выгодами, одинаковыми съ раскольниками, всегда предпочитаемыми у нихъ православнымъ, соглашались на расколъ. Такъ московскія и около-московскія фабрики сдѣлались училищами и разсадниками раскола. Такъ уральскіе желѣзные заводы, гдѣ, какъ мы видѣли, сами промышленники и особенно ихъ приказчики почти всѣ были раскольники, распространяли расколъ между приходившими сюда со всѣхъ сторонъ рабочими [3]).

---

[1]) Рукоп. о началѣ раздора Ѳедосѣев. съ Выгорѣцк. общежит. и о причинѣ того, чего ради оный бысть л. 70 об. 11.

[2]) Полн. истор. изв. о разскол. ч. III.

[3]) П. С. З. т. X, № 7663. Слыша, что богатые промышленные раскольники на заводахъ уральскихъ, пермскихъ и другихъ дорого платятъ рабочимъ изъ раскольниковъ, многіе изъ православныхъ приходили туда даже изъ дальнихъ мѣстъ, изъ

Въ нижегородской губерніи, горбатовскія прядильни, прирѣчное судостроеніе по Волгѣ и Окѣ и другіе промыслы также представляли много удобствъ для распространенія раскола. А сильное зараженіе расколомъ народа въ каждомъ нижегородскомъ уѣздѣ, отличающемся многочисленностію раскольниковъ, объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что предметы тамошней производительности, съ усиленіемъ раскола, начали скупаться для оптовой торговли раскольниками. Наконецъ общинное сосредоточеніе, братство, общинная связь раскола тѣмъ еще способствовали его развитію, что если когда-либо случались какія нибудь невзгоды, неудачи въ дѣлахъ раскола, раскольники общими силами устраняли ихъ. На это у нихъ всегда было вѣрное средство: подкупъ, протекція, запасная сумма, а въ послѣднее время особый оброкъ, назначаемый для полиціи. Такимъ образомъ расколъ неоднократно устранялъ благотворныя дѣйствія миссіонеровъ и правительства, и продолжалъ распространяться.

Здѣсь нужно правду сказать, что при большей свободѣ и обезпеченности труда, при большемъ развитіи общиннаго кредита у раскольниковъ и по другимъ причинамъ, почти вездѣ въ Россіи лучшее и даже богатое гражданское состояніе болѣе замѣчается въ старообрядческихъ общежительствахъ, чѣмъ въ православныхъ селеніяхъ. Это преимущественное сосредоточеніе у нихъ богатства и матеріальнаго благосостоянія сильно склоняло и донынѣ склоняетъ православный народъ къ вступленію въ ихъ общину. Куда мы не взглянемъ, почти вездѣ раскольники съ полов. XVIII вѣка занимаютъ лучшія мѣста. Такъ, замкнувшись еще въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII въ олонецкой губерніи, въ Выгорѣцкомъ скиту, они мало-по-малу распространили отсюда свои владѣнія далеко во всѣ стороны, и донынѣ пользуются всякими хорошими угодьями; по ихъ землѣ протекаютъ рѣки, судоходный Выгъ и сплавная Лекса, съ разными ручьями; эти рѣки и нѣсколько озеръ снабжаютъ имъ достаточно рыбою. Около даниловскаго общежительства издавна находятся три прекрасно-обработанныя поля, посѣвомъ каждое, по показанію жителей, отъ 60 до 80 четв. Тутъ же видны и обширные луга. Около Лексинскаго также большое хозяйство, хотя поля больше песчаны, и у каждаго другого, менѣе значительнаго жительства, называемаго скитомъ, какихъ устроено около 10 въ разныхъ мѣстахъ, обработываются также обширныя поля, которыя въ урожайные годы приносятъ много хлѣба не только для самихъ старообрядцевъ, но и для продажи. Впрочемъ и въ неурожаи они легче другихъ олонецкихъ жителей достаютъ хлѣбъ, имѣя капиталъ, свою пристань при заливѣ онежскаго озера, свои суда и хорошія дороги. Скотоводство, по показанію, простирается у нихъ въ рогатомъ скотѣ до 300 головъ и въ лошадяхъ до 100. Небольшіе заводы, кирпичный, кожевенный, лѣсопильный и мучная мельница обезпечиваютъ всѣ хозяйственныя нужды общежителей [1]). Во владимірской губерніи старообрядцы также еще съ

внутреннихъ губерній Россіи и нанимались въ рабочіе, и здѣсь заражались расколомъ П. С. З. т. VIII, № 4699.

[1]) Опытъ опис. олонец. губерніи — Бергштрессера. С.П.Б. 1838 г. стр. 49.

первой половины XVIII вѣка, живя въ промышленныхъ мѣстахъ, стали богатѣть и богатствомъ своимъ завлекали другихъ въ расколъ. Напримѣръ, о старообрядцахъ города Шуи вышеупомянутый составитель истор. собранія о градѣ Суздалѣ говоритъ: «городъ Шуя не весьма великъ, только жительми доволенъ, купечество торгомъ славно, а наипаче заводами мыльными, которыхъ заводовъ есть довольно. Обыватели нѣкоторые въ вѣрѣ не весьма тверды, но многіе изъ нихъ держатся раскольническихъ обычаевъ, двуперстнаго сложенія, старопечатныхъ неисправныхъ книгъ и прочихъ суевѣрныхъ мнѣній. Того ради нѣсколько и въ двойномъ числятся окладѣ и погребаются близь города въ рощѣ безъ церковнаго пѣнія» [1]. Въ нижегородской губерніи до 20-тыхъ годовъ XVIII в., раскольники занимали лучшія для промышленности и торговли мѣста, въ числѣ 86,000 душъ. Потомъ, хотя и уменьшилось это число до 5,000 душъ, въ слѣдствіе употребленныхъ противъ нихъ мѣръ правительства и особенно епископа нижегородскаго Питирима, но со второй половины XVIII в. они опять заняли лучшія торговыя и промышленныя мѣста нижегородской губерніи. Занявъ, по обѣимъ сторонамъ, берега Волги, на пространствѣ 265 верстъ, и берега Оки, на пространствѣ 170 верстъ, въ числѣ болѣе 46,000 душъ,— раскольники завладѣли судоходствомъ по этимъ рѣкамъ, мѣстною торговлею и издѣльною промышленностію, каковы: судостроеніе, дѣланье посуды, пряденіе льна и т. п., и важнѣйшими пунктами нижегородской торговли и промышленности, каковы: Городецъ въ Балахнинскомъ уѣздѣ главнѣйшая пристань верховаго нижегородскаго судоходства по Волгѣ, откуда вверхъ по Волгѣ отправляются хлѣбъ и другіе запасы, а внизъ разныя лѣсныя издѣлія, куда раскольники саратовскіе зимою привозятъ огромный запасъ соленой рыбы для мѣстнаго потребленія и дальнѣйшаго развоза по разнымъ верхне-волжскимъ губерніямъ, гдѣ, однимъ словомъ, в. значительно развита торговая и промышленная дѣятельность; Горбатовъ, торговый уѣздный городъ съ прядильными заводами; знаменитыя торговыя и промышленныя села Павлово, Лысково и другія. Кромѣ того, раскольники заняли всѣ главнѣйшія торговыя дороги, идущія по нижегородской губерніи въ окружныя губерніи: по торговымъ дорогамъ ихъ нынѣ живетъ болѣе 64,000 душъ.—Жители великорусскихъ старообрядческихъ слободъ мглинскаго, новозыбковскаго и стародубскаго уѣздовъ черниговской губерніи, извѣстные подъ именемъ *слобожанъ*, поселившіеся тамъ еще въ концѣ XVII вѣка, также знамениты своею промышленностію и торговлею. Они завели у себя въ посадѣ Клинцахъ до 22 суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрикъ, изъ которыхъ семь дѣйствуютъ парами. Они же ведутъ торгъ пенькою и разнымъ прасольскимъ товаромъ, который отпускаютъ даже за границу, и который собираютъ по всей Украйнѣ и новороссійскому краю. Способъ ихъ торговли изстари былъ преимущественно прасольскій. У одного хозяина обыкновенно ходятъ по Россіи съ товаромъ до 100 и болѣе коробейниковъ или коробочниковъ. Слободскіе прасола ходятъ далѣе всѣхъ, въ земли войска азовскаго и черномор-

[1]) Времен. кн. 22 стр. 111.

скаго, до самой кавказской-линіи, откуда, между прочимъ, привозятъ щетину и заячьи и русачьи шкуры. Слободскіе старообрядцы принимаютъ дѣятельное участіе въ украинскихъ ярмаркахъ, каковы: кролевецкая въ черниговской губерніи, крещенская въ харьковской' маслянская и вознесенская въ Ромнахъ, полтавской губеніи и другія [1]). Такъ почти во всѣхъ мѣстахъ Россіи раскольники издавна, особенно съ половины XVIII вѣка, дѣятельно занимались торговлею и промышленностію и, сравнительно, были большею частію зажиточнѣе и богаче православныхъ. Это-то весьма многихъ старообрядцевъ и удерживаетъ въ расколѣ и православныхъ побуждаетъ обращаться въ расколъ. Раскольники сами говорятъ: «Держащіеся старой вѣры живутъ гораздо богатѣе держащихся вѣры новой, а это показываетъ, что Богъ благословляетъ не новую, а старую вѣру» [2]).

Весьма много способствовало также распространенію раскола предводительство сильныхъ по своему вліянію на простой народъ вождей или «заводчиковъ» раскольнической общины [3]). Не имѣя высшаго церковно-соединительнаго начала, законной іерархической власти, раскольническая община, въ замѣнъ того, весьма сильно возрастала, усиливалась и увеличивалась подъ вліяніемъ этихъ вождей раскольнической-оппозиціи. Не много можно насчитать въ XVII и XVIII вѣкѣ сильныхъ, замѣчательныхъ заводчиковъ раскола, но за то нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно много сдѣлали для усиленія и распространенія раскола. Уже при п. Никонѣ нѣкоторые изъ придворныхъ бояръ и боярынь, сдѣлавшись жаркими учениками и последователями раскольниковъ, стали во главѣ раскола, и, своимъ вліяніемъ при Дворѣ оказывая значительную помощь ему, съ большою силою содѣйствовали его распространенію. Таковъ напр. былъ вышеупомянутый нами бояринъ Салтыковъ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ, или, какъ называетъ его раскольническій исторіографъ Денисовъ, «сигклитикъ царя Алексѣя Михайловича». Онъ столько былъ смѣлъ, что даже въ присутствіи самого царя торжественно защищалъ двуперстный крестъ. Во дворѣ своемъ онъ держалъ самыхъ жаркихъ защитниковъ и распространителей раскола, каковы: вышеупомянутый нами дворецкій и любимецъ Салтыкова Исаія, Авраамій, ученикъ Аввакума и другіе [4]). Этотъ бояринъ и нѣкоторые другіе «вѣрные» Аввакуму придворные вельможи столько силы имѣли при дворѣ, что съумѣли представить на нѣсколько времени дѣло Аввакума правымъ, возвратили его изъ ссылки и даже снискали къ нему благорасположеніе и ласковость кроткаго царя. А это и помогло въ началѣ распространенію раскола. Подъ полнымъ покровительствомъ боярина Салтыкова и другихъ «вѣрныхъ своихъ» при Дворѣ, протопопъ Аввакумъ и другіе расколоучители довольно долго находились въ Москвѣ и, какъ мы видѣли, весьма дѣятельно распространяли

---

[1]) Украинскія ярмарки — статья И. Аксакова въ „Русской Бесѣдѣ" за 1858 г. II. ч. I. стр. 147.

[2]) Истинно-древняя и истинно-православная церковь ч. II стр, 277.

[3]) П. С. З. II, стр. 943. Подъ предводителями раскола мы разумѣемъ однѣ свѣтскія лица, управлявшія раскольническими общинами.

[4]) Виногр. Русс. л. 105 об.

расколъ и успѣли распространить его. Они тѣмъ смѣлѣе и спѣшнѣе проповѣдывали расколъ, что въ то же время имъ покровительствовали нѣкоторыя, также сильныя при дворѣ, боярыни. Таковы были ревностныя ученицы Аввакума, Авраамія, Лазаря и Никиты-Пустосвята боярыни: Ѳеодосія Морозова, вдова извѣстнаго боярина Глѣба Морозова, урожденная Соковнина, сестра ея Екатерина, княгиня Евдокія Урусова, Марія Данилова, также родная тетка царицы Наталіи Кириловны, Евдокія, жена думнаго дворянина Ѳедора Полуевктовича Нарышкина. О первой Денисовъ пишетъ: «что она была великая въ ревности благочестія, великая въ сигклитіяхъ, яже богатствомъ премногимъ тако кипящая, яко крестьянъ до 8,000, двора до 400 слугъ имущи; славою толь премногою сіяющи, яко кравчая царскія державы бяше и повседневно въ царскихъ дворѣхъ бывающи, присно водворяшеся въ домѣ монаршестѣмъ» [1]). Понятно, что такая знатная суевѣрная ревнительница раскола употребляла въ пользу его и свое богатство. «Сія вдова,—пишетъ преосв. Игнатій, м. тобольскій, тако возбѣснѣ, яко никого же почиташе, ниже самого того святѣйшаго патріарха: бѣ же тогда святѣйшій патріархъ Киръ Іоакимъ» [2]). Отсюда видно, что боярыня Морозова была ревностною покровительницею раскола не только при п. Никонѣ, но и при п. Іоакимѣ, а можетъ быть даже и до самаго стрѣлецкаго бунта, когда явился новый предводитель раскола—князь Хованскій. Покровительствуя и содѣйствуя такимъ образомъ расколу, первые сильные предводители раскола, придворные бояре и боярыни, успѣли сдѣлать въ пользу его, въ 1-хъ то, что, при содѣйствіи другихъ придворныхъ князей и бояръ—нераскольниковъ, но тоже враговъ Никона [3]), свергли и удалили послѣдняго, и такимъ образомъ устранили самаго сильнаго поборника православія, который почти только и могъ въ то время пресѣчь расколъ; во 2-хъ то, что возвратили въ Москву расколоучителей, развѣянныхъ Никономъ, для новаго распространенія раскола, и такимъ образомъ съ новою силою возстановили, возобновили совсѣмъ было уже пресѣченный п. Никономъ расколъ. Въ теченіе 8 или 9 лѣтъ, до собора 1667 года, вслѣдствіе такого содѣйствія придворныхъ бояръ и боярынь, расколъ быстро развился въ сильную многочисленную общину.

Прошло 15 лѣтъ послѣ собора 1667 года, расколъ нашелъ для себя новую опору, новаго вождя въ лицѣ предводителя стрѣлецкаго бунта князя Хованскаго. Стрѣльцы, представители стараго полугражданскаго быта древней Руси, предводительствуемые княземъ Хованскимъ, представителемъ стараго противо-государственнаго начала боярщины [4]), во имя старины церковной, подъ знаменемъ раскола, подняли бунтъ. И раскольники, тоже ратовавшіе за старину церковную и вмѣстѣ гражданскую, съ фанатическимъ буйствомъ стали въ ряды мятежныхъ стрѣльцевъ, подъ знаме

[1]) Денисов. Виногр. Росс. съ 108—113.

[2]) III посл. въ Правосл. Собесѣд. стр. 136.

[3]) О которыхъ мы еще будемъ имѣть случай сказать подробнѣе.

[4]) См. соч. Павлова: историч. знач. царств. Бориса Годунова и соч. Медовикова — о значеніи царствован. Алексѣя Михайловича.

немъ Никиты Пустосвята, въ надеждѣ водворить въ Россіи мнимое старообрядство. Князь Хованскій явился главнымъ вождемъ, предводителемъ, заводчикомъ раскольническаго движенія. Онъ тѣмъ смѣлѣе поддерживалъ расколъ, тѣмъ сильнѣе утверждалъ, усиливалъ его, что подстрекаемъ былъ къ тому честолюбивыми замыслами царевны Софіи, которая сама, какъ положительно можно сказать, покровительствовала расколу изъ своихъ честолюбивыхъ видовъ [1]). О помощи расколу князя Хованскаго Матвѣевъ пишетъ: «содержалъ онъ князь Хованскій тайно у себя капитонскаго еретическаго раскола старыхъ раскольниковъ Аввакума, бывшаго протопопа казанскаго собора Пресвятыя Богородицы, что въ Китаѣ городѣ въ Москвѣ» [2]). Другой современникъ, Медвѣдевъ, пишетъ: «помогаше въ то время тѣмъ раскольникамъ, бывый въ Стрѣлецкомъ Приказѣ бояринъ, князь Иванъ Хованскій. Отступники надѣялись на него князя Ивана, яко на крѣпкаго имъ въ томъ помощника» [3]). Безъ всякаго сомнѣнія эта помощь расколу князя Хованскаго не осталась безъ дѣйствія. По его наущенію, въ пылу мятежнаго духа, расколоучители вездѣ стали съ новою энергіею и фанатизмомъ возмущать народъ противъ Правительства и Церкви. Онъ оживилъ, съ новою силою возбудилъ и утвердилъ въ расколѣ духъ злобы противъ православной церкви и православнаго правительства; а этотъ духъ неукротимой злобы далъ новую силу и крѣпость расколу, и всегда былъ самымъ сильнымъ побужденіемъ для него—во что бы то ни стало твердо стоять на своемъ, стремиться впередъ, все болѣе и болѣе, распространять свою силу и господство. Внутреннее усиленіе раскола, усиленіе его основного начала, злобы противъ православной церкви и православнаго правительства, естественно способствовало и внѣшнему усиленію и распространенію раскола.

Прошло еще 10 или немного болѣе лѣтъ послѣ стрѣлецкаго бунта, въ сѣверномъ поморьѣ, въ выгорѣцкомъ скиту явились двое еще болѣе сильныхъ предводителей раскола. Это—два брата Андрей и Семенъ Денисовы, происходившіе, какъ мы выше уже сказали, изъ рода князей новгородскихъ, Мышецкихъ. Эти предводители раскола болѣе 40 лѣтъ подвизались для пользы и распространенія раскола. И никто столько не сдѣлалъ для него въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в., никто столько не содѣйствовалъ его усиленію и распространенію, какъ эти два знаменитые вожди раскола. Оба они одарены были отъ природы богатыми способностями, проницательнымъ умомъ и хорошимъ даромъ слова, и пріобрѣли прилежною начитанностію книгъ довольно обширныя свѣдѣнія въ древностяхъ Россійской церкви. Во время странствованій своихъ по Россіи, они разными хитростями успѣли даже пріобрѣсти нѣкоторыя научныя познанія: Андрей, подъ видомъ купца, «грамматическому и риторическому разуму учился» частію въ кіевскихъ школахъ, частію въ Москвѣ; Семенъ также «грамматику, риторику, піитику и часть философіи довольно изу-

---

[1]) „Рус. Вѣстн.“, 1856 г. № 7, о царевнѣ Софіи.

[2]) Записки Медвѣдева.

[3]) Ibid.

чилъ». Кромѣ того, при своихъ дарованіяхъ, отъ частыхъ сношеній съ людьми въ разныхъ мѣстахъ Россіи, они пріобрѣли много житейской опытности, хитрости, изворотливости. И все это — и способности, и всѣ способы, какіе находили, Денисовы употребляли въ пользу раскола, для поддержанія и распространенія своего общества. Они содѣйствовали распространенію раскола и своимъ словомъ и дѣломъ, и разными хитрыми происками, и для большаго успѣха прибрали себѣ многочисленныхъ дѣятельныхъ и ловкихъ помощниковъ [1]). Андрей Денисовъ странствовалъ съ проповѣдью о расколѣ не по одному поморскому краю, но и по всей Россіи восточной и западной: въ однихъ мѣстахъ онъ вновь насаждалъ расколъ, въ другихъ поддерживалъ, укрѣплялъ его, всюду собиралъ подаянія въ пользу Выгорѣцкихъ скитовъ, закупалъ старыя книги, досматривалъ старыя иконы, кресты, мощи и ихъ перстосложенія въ доказательство раскола. И такимъ образомъ безчисленное множество душъ уловлялъ въ свою секту, и самъ обогащался, и расколу, особенно безпоповщинскому, доставлялъ прочныя силы и средства для дальнѣйшаго существованія и распространенія. Странствуя по Россіи, Андрей Денисовъ вездѣ знакомился съ богатыми купцами, раскольниками, поощрялъ ихъ способствовать общей пользѣ раскола, обуздывалъ, пресѣкалъ по возможности самый раздоръ и несогласія между различными сектами, чтобы разрозненность и борьба не довели ихъ до отпаденія отъ раскола, давалъ совѣты своимъ братіямъ, особенно когда дѣло касалось общихъ выгодъ раскола. «Нѣкогда отцу Андрею Діонисовичу пріѣхавшу въ царствующій градъ Москву, ради нѣкіихъ орудій, - пишетъ сочинитель раскольническаго сказанія о началѣ раздора Ѳеодосѣевцевъ съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ, а вставшу въ Красномъ селѣ, бяше съ нимъ и согласуяй и весьма говѣяй къ нему купецъ прозваніемъ Ковуровъ, къ нему же изъ Старой Руси пріѣха Евстратъ Ѳедосѣевъ съ двадесятію стариками и со онымъ Ковуровымъ не нача общатися, за то, что онъ единственъ бѣ со отцемъ Андреемъ. Отецъ же великодушный вопрошаше онаго, что обществуетъ ли съ нимъ Евстратъ,

[1]) Въ одномъ мѣстѣ исторіи Выговской обители исчислены слѣдующіе пособники настоятелей Данила Викулина, Андрея и Семена Денисовыхъ: „предреченнымъ настоятелемъ пособствоваху въ общежительствѣ благоревностніи мужіи: Исакій, Ефимій, Захарій Стефановъ, Леонтій Ѳеодосіевъ, Трифонъ Петровъ, Гавріилъ и Никифоръ Семеновы, Лука Ѳедоровъ, Яковъ Повѣнецкій, Иванъ Германовъ, Маркъ Ѳеофиловъ, Михаилъ Павловъ; да иноцы: Пафнутій Колской, Прокопій Нижегородскій, Серапіонъ Русской, Ѳеодосій Устюжскій; Антоній, Симеонъ и Гавріилъ; сіи три старцы отъ самыхъ первыхъ лѣтъ пришедшіи, двое съ Тылвуйскаго села, а третій съ Фоймогубы, и Давидъ и Іосифъ поморскія пустынно-жители... И въ скитахъ же духовному сему правленію сильніи бяху помощницы иноцы: Сергій помянованный, и Серапіонъ Московскій, Варлаамъ и Павелъ Торжевскій и Питиримъ помянованный; и бѣльцы Петръ Ануфріевъ, Іосифъ и Иванъ Давыдовы Тихвинцы, Леонидъ Чертопорожской инокъ, дворянинъ Евстафій Яковлевъ, и Ладоженинъ, Мосѣй Ивановъ Толвуйскій, Даніилъ Ивановъ, Семенъ Ефремовъ, Олончанинъ Захарій Меѳодіевъ съ сыномъ итомъ, Иванъ Анкидиновъ, Симонъ Іовлевъ, Иванъ Бѣлоустовъ, Гавріилъ Ефремовъ съ братіями, Михаилъ Шелеховъ, Иванъ Дмитріевъ Сумлянинъ въ Ладожскомъ скитѣ, инокъ Ѳеодосій“.

онъ же объяви Евстратово, пріѣхавши съ нимъ на общество. Андрей же рече ему: аще онъ не общается и ты съ нимъ не общайся, аще ли въ томъ неразньствуетъ, и ты неразньствуй. Сицевый бяше,—заключаетъ сочинитель сказанія, — въ богомудромъ отцѣ каѳолич. церкви учителѣ каѳолическій духъ, таковое великодушное творяше къ раздорствующимъ снисхожденіе» [1]). Никто, кажется, такъ ловко не умѣлъ обольщать простаковъ и обращать въ расколъ, никто такъ не управлялъ толпами простаковъ, какъ Андрей Денисовъ съ своимъ братомъ Сименомъ. Изобрѣтательность ихъ на способы обезпеченія, укрѣпленія и распространенія раскола — изумительна. Андрей Денисовъ, кажется, внимательно слѣдилъ за всѣмъ въ государствѣ и умѣлъ вкрадываться, можно сказать, въ самыя темныя мысли и побужденія людей, стоящихъ во главѣ государства. Почти можно положительно сказать, что онъ угадалъ честолюбивыя стремленія царевны Софіи, и умѣлъ сблизиться съ нею, чтобы, при помощи раскольнической общины, служить ея видамъ и чрезъ то еще болѣе усилить, умножить расколъ. Протоіерей Іоанновъ, хорошо знавшій тайны раскольническія, говоритъ, что Андрей Денисовъ имѣлъ даже переписку съ царевною Софіею, и что письма ея сохранились въ цѣлости у Выгорѣцкихъ раскольниковъ, и раскольники хвалятся ими [2]). Весьма вѣроятно поэтому, что Денисовъ чрезъ эту переписку уполномоченъ былъ царевною поддерживать и распространять расколъ, въ видахъ ея политическихъ замысловъ. Не даромъ онъ такъ свободно странствовалъ по Россіи. Въ 1703 году, въ бытность Петра Великаго въ Олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ, Денисовы успѣли хитрыми происками своими выхлопотать себѣ у Государя указъ свободно отправлять свое богослуженіе въ выговской пустыни. Слѣдствіемъ этой льготы было то, что по рѣкѣ Выгѣ и другимъ рѣкамъ и озерамъ въ короткое время появилось нѣсколько новыхъ частныхъ скитовъ. Въ томъ же 1703 г. выговскіе раскольники причислены были къ рабочимъ на новозаводившихся тогда повѣнецкихъ желѣзныхъ заводахъ подъ вѣдомствомъ олонецкихъ петровскихъ. Денисовы употребили всѣ мѣры, чтобы если не свергнуть совершенно, то по крайней мѣрѣ облегчить иго, положенное на поморцевъ, и имъ удалось это, какъ нельзя лучше. Во время переписи чиновники разными продѣлками почтенныхъ скитниковъ до того были напуганы, что «капитанъ Герасимовъ отъ страха не смѣяше никуда съ монастыря въ скиты ѣздити». И скиты остались безъ переписи, а въ монастырѣ записаны были тѣ, которыхъ хотѣли записать Денисовы. Слѣдствіемъ этой продѣлки было то, что бродяги еще охотнѣе стали стекаться къ Денисовымъ и записываться въ число раскольниковъ, гдѣ имъ льготно было жить. Прошло три года, и этихъ бродягъ столько набралось въ выговскіе скиты, что для поселенія ихъ нужна стала земля. Денисовы и тутъ опять успѣли было обмануть Правительство: на ихъ имя утверждена была покупка земли въ каргопольскомъ уѣздѣ на 16 верстъ во всѣ сто-

---

[1]) О началѣ раздора Ѳедосѣев. съ Вѣгор. общежит. по причинѣ того, чего ради оной бысть, ркп. л. 70, об. 71.

[2]) Полн. истор. изв. о раскольникахъ.

роны, и уже заготовлялся лѣсъ для постройки скитовъ на новой землѣ. По этому случаю, кажется, въ первый разъ постигла было неудача хитрыхъ предводителей безпоповщинскаго раскола. Но не на долго: черезъ 4 года Денисовы обработали и это дѣло. Нѣмецъ Геймангъ, завѣдывавшій заводами, отправилъ нарочнаго къ Петру I съ великолѣпною похвалою бродягамъ, и Государь приказалъ прекратить дѣло. Въ 1722 г. Святѣйшій Синодъ послалъ въ олонецкіе петрозаводскіе заводы для увѣщанія раскольниковъ іеромонаха Неофита, съ инструкціею въ 17 пунктахъ. Хитрые Денисовы, хорошо знавшіе, что разговоры керженскихъ раскольниковъ съ епископомъ нижегородскимъ Питиримомъ сильно потрясли расколъ, и что другихъ слѣдствій нельзя ожидать, если кто нибудь изъ поморцевъ допущенъ будетъ до бесѣды съ Неофитомъ, не допустили своихъ подчиненныхъ къ собесѣдованію съ посланнымъ къ нимъ миссіонеромъ, а вмѣсто того написали отъ себя, съ общаго совѣта своихъ братій, отвѣты на 100 вопросовъ Неофита [1]). И эти отвѣты, пущенные съ того времени въ народъ, послужили, какъ мы увидимъ, еще новымъ орудіемъ къ уловленію простаковъ въ сѣти раскола и у самихъ раскольниковъ сдѣлались какъ бы классическою книгою, такъ же какъ и многія другія сочиненныя ими и ихъ учениками расколоучительныя тетрадки, разсылавшіяся къ единомышленникамъ по всей Россіи. Кромѣ того, какъ мы и выше имѣли уже случай замѣтить, они заботились объ умноженіи и улучшеніи способовъ для распространенія раскола по всей Россіи и снабжали ими всѣ раскольническіе толки: образовали въ Выговскомъ монастырѣ школу искусныхъ писцовъ для списыванія и распространенія раскольническихъ книгъ, школу пѣвцовъ для снабженія ими раскольническихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ, школу иконописцевъ для приготовленія иконъ въ раскольническомъ духѣ. Во время странствованія по Россіи, посредствомъ покупки и обмѣна и чрезъ подарки они насбирали въ свои скиты въ короткое время множество старыхъ рукописныхъ книгъ, лѣтописей, иконъ, крестовъ напрестольныхъ, Евангелій стариныхъ съ надписями лѣтъ, богатой утвари, какимъ, по замѣчанію протоіерея Іоаннова, не можно индѣ быть, какъ въ знаменитыхъ мѣстахъ, изъ коихъ иныя были сдѣланы царями, иныя иждивеніемъ знатныхъ, благочестивыхъ бояръ [2]). Наружнымъ видомъ и блескомъ такихъ вещей и ложными притомъ разсказами, будто бы оныя вещи нынѣ въ Великороссійской церкви не почитаются и вовсе отвержены, всякаго новоприходящаго невѣжду легко прельщали, и въ свою пагубу приводили. «Поелику же скитъ ихъ, скажемъ словами митрополита Евгенія, имѣлъ по своему умствованію искусныхъ живописцевъ, книгописцевъ, писцовъ, пѣвцовъ, знатоковъ древняго устава церковнаго и богатое собраніе старыхъ, письменныхъ и печатныхъ, церковныхъ, учительныхъ и историческихъ книгъ, лѣтописей, стариныхъ иконъ, церковныхъ утварей, и прочихъ древностей, похищенныхъ и выкупленныхъ изъ разныхъ мѣстъ, то гнѣздо сіе было, такъ сказать, главнымъ разсадникомъ

---

[1]) И. Р. Ц. пер. V, стр. 140, 141.
[2]) Полн. Истор. изв. о раскольн.

раскола» [1]). Такъ способствовали обезпеченію, усиленію и умноженію раскола поморскіе предводители Денисовы, и особенно Андрей Денисовъ, и столько сдѣлали они въ пользу раскола! Не даромъ раскольники безмѣрно ублажаютъ и восхваляютъ память ихъ, особенно Андрея Денисова [2]).

Таковы были извѣстные намъ вожди, предводители или заводчики раскольнической общины въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII. Сознаемъ, что мы весьма недостаточно, далеко невполнѣ изобразили продѣлки и уловки этихъ управителей раскола. Но и изъ нашего краткаго очерка можно отчасти видѣть, какъ неизбѣжно община раскольническая должна была возрастать и усиливаться въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII, когда ею всегда управляли люди ловкіе, искусные, сильные, всю свою жизнь, всѣ свои средства и умственныя и матеріальныя посвящавшіе на пользу раскола. Не даромъ раскольники, нехотѣвшіе подчиниться никакой законной власти, охотно предавались на волю этихъ предводителей раскола. Они составляли душу раскольнической партіи. Ихъ управленіе и неусыпная, энергическая заботливость объ успѣхахъ раскола были весьма полезны для раскольнической общины. Хитрые, ловкіе, необыкновенно изворотливые, пронырливые, весьма опытные въ житейскихъ дѣлахъ, они часто, подобно іезуитамъ, взыскивали всѣ возможные способы къ расширенію своей власти и къ увеличенію своей общины, и умѣли находить ихъ: не щадили для сего своего богатства, заводили связи съ другими богатыми раскольниками, связи съ людьми чиновными; всячески

---

[1]) Митр. Евгенія словарь свѣтск. писат. объ Андреѣ Денисовѣ.

[2]) Они сравниваютъ его съ Іоанномъ Златоустомъ и т. п. Приведемъ здѣсь слѣдующее раскольническое стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Стихи воспоминательны о киновіарсѣ выгорѣцкаго общежительства Андреѣ Денисіевичѣ“.

Европа ты славнѣйшая,
Мужа сего изнесшая,
Въ Россійскомъ царствѣ хранящи,
Возрастивши его млада
Въ предѣлѣ Олонца града
Рождшася въ селѣ посадскомъ,
Въ славномъ рядкѣ Повѣнецкомъ,
Иже домъ оставль юностнѣ,
Шедъ въ пустыню ревностнѣ,
Вселися въ ней младолѣтенъ,
Сей седминадесятилѣтенъ.
Тогда, тогда проявися,
Пустыня выговска открыся,
Во всю бо Русь произыде
И концы ея обыде,
Еже и многъ народъ собра
Зря въ себѣ пастыря добра,
Отъ всѣхъ Богомъ предъизбрана
И во всѣхъ имъ одаренна.
Сего отца пречестнаго,
Учителя всеблагаго,
Поморію пресладчайша,
Выгорѣцкимъ же дражайша
Горы и холмы въ ней чистилъ,
Храмы молитвѣ тамъ ставилъ,
Киновіи двѣ сограде,
Аки красны вертограды,
Многія скорби, многи бѣды,
Сперва подъя многолѣтны:
Гладъ, наготу съ нищетою,
Во всемъ и всего скудотою;
Сего ради во страны ходя,
Христолюбцевъ сонмы водя,
Въ пустыни населяя,
Въ древней вѣрѣ наставляя,
Тѣмъ же вездѣ объявися
Учительствомъ уяснися
По всѣмъ краямъ пронесеся,
Во всякій слухъ внесеся,
И въ царскихъ устнѣхъ вѣщаемъ,
И въ синодскихъ обношаемъ,
Яко церковный рачитель
Старовѣрцевъ всѣхъ учитель *)

*) Ркп. библ. Каз. Дух. Акад.

разузнавали дѣла гражданскія, происками, ласкательствомъ и т. п. средствами снискивали себѣ расположеніе лицъ, имѣющихъ власть. И такимъ образомъ, то подкупами и ласкательствомъ, то хитрыми уловками и обманомъ, то лицемѣріемъ и пронырствомъ, то другими какими либо происками распространяли и усиливали свою общину.

Не менѣе дѣйствительнымъ способомъ распространенія раскола были *раскольническія миссіи*, особенно усилившіяся въ концѣ XVII и въ теченіе VIII столѣтія, когда раскольники, съ основаніемъ скитовъ, пустыней и слободъ, получили осѣдлость. Первые расколоучители, которыхъ раскольники называютъ своими апостолами, святыми отцами и страдальцами, въ началѣ XVIII столѣтія почти всѣ уже перемерли, и только немногіе доживали еще остатокъ дней своихъ. По слѣдамъ ихъ теперь ходили по всей Россіи съ проповѣдью о расколѣ раскольническіе миссіонеры, наставники и учители. Главными исходными пунктами раскольническихъ миссій были: выгорѣцкій монастырь, московскіе монастыри—Рогожскій и преображенскій, керженскіе скиты, иргизскіе монастыри, Вѣтка и стародубскія слободы. Всѣ эти раскольническія общежительства служили какъ бы пропагандой, откуда въ безчисленномъ множествѣ выходили расколоучители и странствовали по разнымъ городамъ, селамъ и деревнямъ съ проповѣдью о расколѣ. Въ выговскомъ скиту самъ Андрей Денисовъ, который въ свою очередь съ Семеномъ также странствовалъ по Россіи съ проповѣдью о расколѣ, образовалъ для распространенія раскола нарочитыхъ многочисленныхъ миссіонеровъ, раскрывъ имъ ученіе раскола во всей подробности, до самыхъ послѣднихъ основаній. И эти миссіонеры, особенно нѣкто Трифонъ Петровъ, Мануилъ Петровъ, и иконники Даніилъ и Никифоръ Самсоновы, по примѣру своихъ наставниковъ странствовали по разнымъ мѣстамъ съ проповѣдью о расколѣ, и насадили сѣмена своей секты во многихъ городахъ Россіи. Изъ выгорѣцкаго монастыря особенно много выходило раскольническихъ проповѣдниковъ въ XVIII столѣтіи. «Изъ того монастыря,—писалъ въ половинѣ XVIII столѣтія обратившійся къ православію выговскій историкъ Алексѣй Родіоновъ,—всегда выходили и донынѣ выходятъ лжепророки и лжеапостолы, преобразующеся въ апостоловъ Христовыхъ, учаще яже не подобаетъ, сквернаго ради прибытка». Первый изъ таковыхъ учителей былъ самъ строитель того монастыря Даніилъ Викулинъ, бывшій шумскаго погоста церковный дьячекъ; онъ «ходя по погостамъ и волостямъ, всѣ домы развратилъ ученіемъ бѣсовскимъ, весь олонецкій уѣздъ уловилъ и поглотилъ и много богатства собралъ» [1]). Въ сенатскомъ указѣ 1745 г., данномъ вмѣстѣ съ синодскимъ, читаемъ: «чрезъ принесенныя святѣйшему правительствующему сvноду представленія оказуется, что раскольниковъ изъ выгорѣцкаго называемаго ими Данилова и изъ другихъ скитовъ будто бы для промысловъ и прокормленія въ разныя мѣста не мало распустили, съ данными отъ старостъ паспортами, изъ которыхъ одинъ пой-

[1]) Ист. Росс. іерарх. ч. III, стр. 623 о выгор. монастырѣ. См. также о семъ монастырѣ у протоіерея Іоаннова.

манъ, и при осмотрѣ явились у него въ сумкѣ раскольническія книжицы и тетрадки и раскольническое причастіе, и ножницы со стриженными волосами, да въ домѣ крестьянскомъ сыскали панагію съ причастіемъ и притомъ уставъ ихъ, какъ они по раскольнически причащаютъ; а по слѣдствію то причастіе получено изъ раскольническаго жилища, изъ онаго Данилова скита, и вышедшіе де изъ погостовъ обыватели въ расколъ изъ домовъ своихъ бѣжали въ недавнихъ годахъ, и приняты нынѣшними содержателями раскольническими» [1]). Изъ Керженскихъ скитовъ еще въ концѣ XVII в. ходили миссіонеры съ проповѣдью раскола по нынѣшнимъ губерніямъ нижегородской, пермской, оренбургской и другимъ восточнымъ губерніямъ и здѣсь распространили свой расколъ, отъ чего раскольниковъ въ этомъ краю до нынѣ называютъ «керженцами, кержаками». Изъ Брынскихъ лѣсовъ также выходили многіе раскольническіе миссіонеры. «Якоже змій во апокалипсіи видѣнный, говоритъ Димитрій Ростовскій, хоботомъ своимъ отторже третію часть звѣздъ небесныхъ и повержеся на землю, такъ и брынская пустыня, какъ хвосты свои распростираетъ, посылая учители во грады и веси, отторгаетъ отъ церковнаго неба, яко звѣзды, души людей православныхъ, и повергаетъ въ свою пропасть» [2]). Еще болѣе, кажется, высылала миссіонеровъ въ Россію для проповѣди раскола Вѣтка, которая почти вся наполнена была людьми бѣглыми, слѣд. привыкшими къ странничеству и бродяжничеству. «Прелести ея, говоритъ протоіерей Іоанновъ отъ часу болѣе распространялись повсюду, такъ что самые отдаленные города, уѣзды и селенія Россіи не избѣжали заразы ея. Бѣглецы, черные попы: Іовъ, Игнатій, Варсонофій, Макарій муромскій, Іосифъ Боровской, Иванъ изъ Бѣлева, Димитрій изъ Мурома, и бѣлые: Василій, Мардарій Донской, Лаврентій, въ постриженіи Лазарь, Іоакимъ, въ монашествѣ Іаковъ, и другіе волокиты—монахи и монахини отъ Вѣтки разсыпались повсюду и простой народъ вездѣ развращали, и по всѣмъ мѣстамъ отъ Вѣтковской церкви таинство причащенія разносили, такъ что купля сія главнымъ промысломъ у сихъ бродягъ учинилась. Грамотные чернцы и черницы отъѣзжали часто въ Россію, развозили отъ церкви своей тайну причащенія, просфоры, благословленные хлѣбы, и освященную воду,—чѣмъ вездѣ простаковъ обольщали. Къ сему еще простые монахи и старухи черницы тайну исповѣди и причащенія вездѣ по городамъ и деревнямъ подъ видомъ нужды отправляли, и оное таинство на смертный случай всякому мужу и женѣ оставляли. Сіи же самые бродяги въ мірскихъ домахъ новорожденнымъ молитвы чистительныя давали, младенцевъ крестили, и умершихъ по ночамъ отпѣвали. Такимъ всякую святыню отъ Вѣтковской церкви разнося, съ довольною добычею на Вѣтку возвращались» [3]). Вообще надобно сказать, что раскольническіе проповѣдники и учители всегда бродили по Россіи въ безчисленномъ множествѣ, особенно въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII. Въ городахъ, селахъ и де-

[1]) П. С. З. т. XII, № 9155.
[2]) Розыскъ, стр. 69.
[3]) Полн. Ист. Изв. о раскольн. ч. III, стр. 16 и др.

ревняхъ «являлись раскольническіе чернецы, и жили въ мірскихъ домахъ, и христіанъ отъ православной вѣры своимъ злохитрствомъ и ученіемъ отвращали» [1]). Всего болѣе миссіонеры раскольническіе ходили по деревнямъ, и «людей, которыя въ совершенныхъ и въ малыхъ лѣтахъ, перекрещивали» [2]). Они, какъ видно изъ синодскаго указа 1722 г. Апрѣля 3 дня, тайно содержались по домамъ, раскольническимъ и лживымъ своимъ ученіемъ прельщали простой народъ, съ великою святѣй церкви тщетою, и предъ такими прельщенными и прельщающимися показывали себя мудрыми, и въ знаніи и толкаваніи священнаго писанія довольными, весьма невѣжди суще» [3]). Раскольническіе учители были двухъ родовъ: явные и потаенные [4]). Чтобы свободнѣе и безопаснѣе странствовать по городамъ и селамъ съ проповѣдію о расколѣ, хитрые раскольническіе миссіонеры принимали на себя различныя личины: иногда ходили подъ образомъ нищихъ, съ котомкою на спинѣ, въ которой между подаяніемъ часто скрывались раскольническія книги и тетрадки; иногда принимали видъ странниковъ, богомольцевъ; иногда странствовали, какъ офени или ходебщики съ ящиками на спинѣ, въ которыхъ также не рѣдко скрывались расколоучительныя книжки и тетрадки. Скрытно, незамѣтно вкрадывались въ деревню и обольщали простой народъ: «якоже нетопири, пишетъ св. Димитрій Ростовскій, отъ свѣта дневного по щелямъ, сице они въ тайныхъ мѣстѣхъ отъ насъ хоронящеся, учатъ или паче рещи прельщаютъ простой народъ» [5]). Притворяясь такимъ образомъ, они входили въ домы православныхъ простолюдиновъ и при всякомъ удобномъ случаѣ предлагали слово ученія въ духѣ раскола. Чтобы сильнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать на сердца своихъ слушателей, особенно безграмотныхъ и поселянъ, они, по примѣру первыхъ расколоучителей, употребляли разныя хитрости: особенно часто указывали въ подтвержденіе своихъ словъ на старинныя церковныя книги, тетради и картины. «Простіи же и малоумѣющіи божественныхъ писаній, чтенію же и истинному разумѣнію, говоритъ преосв. Игнатій тобольскій, видяще яко въ печатныхъ книгахъ показуютъ имъ, мняху истину быти, не вѣдуще ихъ арменскаго еретичества, но тако просту вѣру емлюще, яко не злобиви суще» [6]). Проповѣдь странствующихъ миссіонеровъ раскольническихъ такъ много способствовала умноженію и распространенію раскола, что архипастыри наши въ XVIII вѣкѣ особенно настаивали на поимку и искорененіе расколоучителей, какъ главныхъ виновниковъ умноженія раскола. Такъ напр. святѣйшій синодъ докладывалъ государю Петру I въ 1721 г. Ноября 19: «къ поимкѣ раскольническихъ учителей, которые ходя тайно по домамъ, а индѣ и долговременное пребываніе имѣя, раскольническую свою прелесть размножаютъ, и простонародныхъ отъ церквей отвращаютъ, потребенъ зѣло видится такой указъ, дабы посылаемыхъ отъ

[1]) П. С. З. т. III, № 1612, стр. 410.
[2]) А. А. Э. т. IV, № 284, п. 4.
[3]) П. С. З. т. VI, стр. 3225.
[4]) Тамъ же, № 3870, п. 10.
[5]) Розыскъ, стр. 100.
[6]) 3 посл. въ „Правосл. Собесѣд.“ за 1855 г. кн. стр. 158.

духовнаго правительства и отъ раскольныхъ дѣлъ людямъ, къ выимкѣ оныхъ чинено было безпрепятственное послушаніе, и не требовалися бы свѣтскими послушные отъ командировъ ихъ указы... И ежели къ поимкѣ оныхъ лжеучителей такой вольности синоду дано не будетъ: то не токмо оныхъ изыскать и искоренить будетъ неудобно, но и вящше подъ укрывательствомъ и защищеніемъ безъ боязни пріумножатся, и многихъ къ своей прелести привращать могутъ, что будетъ съ великою святѣй церкви тщетою: ибо по вѣдомостямъ изъ Москвы, такое оныхъ раскольниковъ значится размноженіе, что въ нѣкоторыхъ приходахъ и никого, кромѣ раскольниковъ не обрѣтается, но всѣ по запискѣ подъ двойнымъ окладомъ явствуются въ раскольщикахъ» [1]).

Равнымъ образомъ весьма много способствовало распространенію раскола умноженіе раскольнической письменности и *распространеніе въ народѣ разныхъ раскольническихъ книгъ и сочиненій.* Едва только открылся расколъ въ Москвѣ, какъ тотчасъ же расколоучители начали писать и распространять въ народѣ различныя сочиненія и посланія, посредствомъ которыхъ, съ одной стороны, разсѣявали въ народѣ свои заблужденія, съ другой—возбуждали ненависть къ патріарху Никону и православной церкви. «Мнози невѣжди не точію отъ простыхъ, но и отъ освященныхъ, говорили отцы собора 1667 года, ови устно, ови же письменно, возмутиша многихъ души неутвержденныхъ, глаголюще и пишуще, яко же имъ возшепта сатана» [2]), Протопопъ Аввакумъ написалъ нѣсколько посланій и статей, исполненныхъ самаго жалкаго невѣжества и самой злобной ненависти къ п. Никону [3]). Сочиненія его имѣли большой успѣхъ [4]). И не только при п. Никонѣ сочиненія его были въ ходу и способствовали распространенію раскола, но и послѣ него. Съ 1682 г. по 1735 годъ, по причинѣ распространенія въ нижегородской губерніи Аввакумовыхъ писемъ, основалось здѣсь даже нѣсколько новыхъ скитовъ поповщинскихъ. Именно старецъ Онуфрій, преемникъ бѣглаго соловецкаго монаха Арсенія, какъ то случайно получилъ отъ другого старца Сергія нѣкоторыя догматическія письма Аввакумовы. Перечитывая ихъ со всѣмъ своимъ братствомъ, Онуфрій увлекся мыслями Аввакума, и другихъ за собою увлекъ и распространилъ это Аввакумово ученіе не только близь города Семенова и деревни Хвостиновой, гдѣ устроенъ былъ особый скитъ онуфріевскій, но и въ скитахъ шарпанскомъ, голендухиномъ, оленевскомъ и другихъ. Точно также ученіе Аввакума, распространявшееся посредствомъ его сочиненій, произвело особую секту, извѣстную подъ именемъ Аввакумовщины. Сочиненія Аввакума тѣмъ болѣе имѣли успѣха, что особенно приходились по вкусу простому народу: написаны были простонароднымъ мужицкимъ и отчасти шутливымъ языкомъ. Кромѣ Аввакума, при п. Никонѣ рзсѣявали мысли раскола посредствомъ писанія и многія другія лица: діаконъ Ѳеодоръ разсы-

[1]) П. С. З. т. VI, № 3854, докл. 13.
[2]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 483.
[3]) Сборникъ сочин. его въ библ. Каз. Дух. Акад.
[4]) Доп. къ Акт. Ист. т. V, стр. 448.

лалъ посланія о правой вѣрѣ и объ антихристѣ; монахъ Ѳеоктистъ сочинилъ слово объ антихристѣ; большую извѣстность въ народѣ получила книга о правой вѣрѣ московскаго архимандрита Спиридона (1665 г.) съ полемикою на поправки въ церковныхъ книгахъ. Попы Лазарь и Никита прислали изъ своихъ приходовъ, одинъ въ 30, другой въ 70 пунктахъ, челобитныя, также излагавшія ученіе раскола. Всѣ эти сочиненія, пущенныя въ народъ, ходили по рукамъ, читались, а нѣкоторыя изъ нихъ даже были изучаемы всѣми, ревностно принимавшими расколъ, какъ книги символическія. Когда расколъ проникъ въ соловецкій монастырь, тамошніе предводители его, келарь Азарій и черный попъ Геронтій написали отъ себя челобитную, въ которой также подробно изложили мысли раскола, и одинъ экземпляръ послали къ царю, а нѣсколько экземпляровъ пустили въ народъ. И эта челобитная впослѣдствіи далеко распространилась и сдѣлалась у раскольниковъ символическою книгою. Въ XVIII стол. соловецкая челобитная распространилась даже въ южной Россіи, особенно въ елисаветградскихъ и бахмутскихъ слободахъ, и служила здѣсь основаніемъ раскола [1]). Вездѣ, гдѣ только появлялись грамотные расколоучители, они не только устно проповѣдывали расколъ, но и для большаго успѣха распространяли свои писанія. «Не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, говоритъ п. Іоакимъ, но и въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ чрезъ ихъ ложная и прелестная словеса и писанія простый и ихъ прелести не могущій познати многъ народъ прельщали, яко словесы, тако и злолукавными лестными писаніи» [2]). Въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII раскольническая письменность такъ умножилась и сдѣлалась столь вѣрнымъ способомъ распространенія раскола, что у раскольниковъ открылась даже своя книжная продажа, образовались свои книжныя лавки и библіотеки, особенно въ выгорѣцкомъ скиту, гдѣ жили два знаменитыхъ раскольническихъ писателя Андрей и Семенъ Денисовы. Уже въ 1681 году, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ созванъ былъ соборъ русскихъ пастырей въ Москвѣ, благочестивый царь Ѳедоръ Алексѣевичъ обратилъ вниманіе отцовъ сего собора на распространеніе и продажу раскольническихъ сочиненій, какъ на одну изъ причинъ усиленія и распространенія раскола. «Въ Москвѣ всякихъ чиновъ люди,—говорилъ онъ собору,—пишутъ въ тетрадяхъ, и на мѣстахъ и въ столбцахъ выписки, именуя изъ книгъ божественнаго писанія, и продаютъ у спасскихъ вратъ и въ иныхъ мѣстѣхъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданныя святѣй церкви книги является многая ложъ; а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, паче же выростаетъ изъ того на святую церковь противленіе» [3]). Особенно въ XVIII вѣкѣ начала сильно умножаться и распространяться раскольническая письменность, направленная въ защиту раскола и противъ православной церкви. Изъ сочиненій безпоповщинской секты этого времени особенно имѣли большое вліяніе на распространеніе

[1]) Истина соловец. обители, на первыхъ страницахъ.
[2]) Слово благодарств. № 65, 80 и др.
[3]) А. И. т. V.

и утвержденіе раскольническихъ мыслей сочиненія выгорѣцкихъ писателей—братьевъ Денисовыхъ, и изъ нихъ преимущественно отвѣты поморскіе. Съ 1722 года главные лжеучители выгорѣцкихъ скитовъ, какъ читаемъ въ одномъ указѣ 1740 года, похваляя свои «отвѣты, въ народъ пустили, и оными малоразсудныхъ колеблютъ, и къ своей прелести развращаютъ» [1]). Сочиненія Денисовыхъ, по своему тону и направленію, не могли не имѣть сильнаго вліянія на необразованныхъ, особенно неразсудительныхъ и легкомысленныхъ читателей. Напыщенно-восторженный тонъ, цвѣтистая, образная, иногда дѣйствительно не лишенная нѣкоторой красоты и изящности рѣчь, чрезвычайно ловкая поддѣлка и обиліе хитросплетенныхъ доказательствъ—все это сильно дѣйствовало на умы и сердца не разсудительныхъ читателей. Читая, напримѣръ, въ «россійскомъ виноградѣ», или въ «исторіи отцевъ и страдальцевъ соловецкихъ» напыщенно-восторженное, хитросплетенное описаніе мнимыхъ подвиговъ и чудесъ расколоучителей, которые въ этихъ сочиненіяхъ не иначе называются, какъ священно-мучениками, всечестными страдальцами, святыми отцами и т. п., полуграмотный, легковѣрный и не разсудительный простолюдинъ вѣрилъ такимъ баснямъ такъ же, какъ четіямъ-минеямъ, или стариннымъ соборникамъ, торжественникамъ, гдѣ въ старину обыкновенно помѣщались житія святыхъ: ибо хитрый и, надобно сказать, весьма даровитый сочинитель этихъ раскольническихъ исторій умѣлъ поддѣлаться во внѣшнемъ ихъ видѣ подъ тонъ четій-миней, старинныхъ соборниковъ и торжественниковъ, только отъ себя прибавилъ нѣсколько учености и риторическихъ прикрасъ. Другаго рода раскольническія сочиненія, распространявшіяся въ народѣ особенно въ XVIII столѣтіи, направлены были главнымъ образомъ противъ правительства не только церковнаго, но и гражданскаго. Такъ напр. въ 1701 году раскольникъ Талицкой, «ради возмущенія людемъ, писалъ письма плевельныя и ложныя о пришествіи антихристовѣ съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, каковому его ученію многіе послѣдовали» [2]). «Многія являются подметныя письма, писалъ Петръ Великій въ именномъ указѣ Генваря 25, 1715 г.,—въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольническихъ вымышленій, которыми подъ видомъ добродѣтели ядъ свой изливаютъ» [3]). И подобныя сочиненія раскольническія также сильно дѣйствовали на народъ. Извѣстно, что въ народѣ русскомъ въ то время, особенно при Петрѣ Великомъ, множество было недовольныхъ гражданскими и церковными преобразованіями, какія производило Правительство. Многіе до того одержимы были духомъ злобнаго негодованія на Правительство за нарушеніе старины, что осмѣливались на дерзкіе, мятежническіе поступки. Раскольники съ своей стороны еще болѣе поддерживали, возбуждали этотъ мятежный духъ своими противо-правительственными сочиненіями, и такимъ образомъ усиливали и умножали расколъ [4]).

---

[1]) П. С. З. т. XII, № 9046.

[2]) П. С. З. т. VI, стр. 495.

[3]) П. С. З. т. V, № 2877.

[4]) Раскольническія книги такъ сильно распространялись и такъ вредны были

Не мало способствовало распространенію раскола также рожденіе и воспитаніе дѣтей въ расколѣ, усыновленіе и запись въ расколъ подъ двойной окладъ дѣтей бѣдныхъ, сиротъ безпріютныхъ. Чрезъ постоянное нарожденіе и воспитаніе въ расколѣ дѣтей, община раскольническая естественно все болѣе и болѣе пріобрѣтала себѣ новыхъ членовъ: ибо постоянно нарождалось и воспитывалось въ расколѣ молодое поколѣніе. Равнымъ образомъ и усыновленіе и запись въ расколъ подъ двойной окладъ чужихъ дѣтей бѣдныхъ, несостоятельныхъ православныхъ родителей также естественно способствовали умноженію раскольнической общины. Это въ XVIII вѣкѣ между раскольниками такъ было обычно, что церковное и гражданское правительство находилось вынужденнымъ неоднократно издавать противъ этого запретительные указы [1]). «Нынѣ, — читаемъ въ указѣ, данномъ по сему случаю въ 1732 году, въ докладныхъ отъ раскольнической конторы пунктахъ показано, что у раскольниковъ имѣются многія въ расколѣ дѣти малолѣтныя, которыя записаны ими подъ платежъ окладу, въ бывшемъ приказѣ церковныхъ дѣлъ въ 720 году, изъ которыхъ де въ Москвѣ въ контору раскольническую сысканъ былъ малыхъ лужниковъ Ѳедора Никитина пасынокъ Иванъ Ивановъ, и показалъ отъ роду себѣ 16 лѣтъ, а расколу наученъ и записанъ въ двойной платежъ обще отъ онаго вотчима своего, съ братьями своими и сестрою въ малыхъ лѣтахъ, которымъ де отъ роду нынѣ одному 14, другому 13, сестрѣ 15 лѣтъ» [2]).

Наконецъ, весьма много способствовало распространенію раскола *бѣгство и бродяжничество раскольничество изъ одного мѣста въ другое*. Бѣгство и скитальчество раскольниковъ особенно сильно было во второй половинѣ XVII вѣка и долго не прекращалось въ XVIII столѣтіи. Бѣглыми иноками соловецкими, какъ мы уже и выше видѣли, расколъ насажденъ былъ по всему сѣверному поморью и даже въ странахъ волжскихъ. «Егда воинство осадити и разорити киновію готовляшеся, пишетъ Денисовъ, тогда отъ отецъ киновійскихъ обще соборнымъ совѣтомъ мнози на брегъ моря отъѣхавше иноцы и бѣльцы, по пустынямъ поселишася: и яко авраамле сѣмя многоплодни, и многожительни и во благочестіи древле-церковномъ и житіи отечестѣмъ крѣпкожительни показашася, и не токмо пустыни, дебри и блата, но и окрестъ прилежащіи грады и веси благочестія свѣтомъ научивше и просвѣтивше, сториченъ плодъ принесоша» [3]). Когда въ Москвѣ (послѣ бунта 1682 года) послѣдовала законная расправа съ буйными, мятежными стрѣльцами и раскольниками; то, какъ замѣчаетъ п. Іоакимъ, «мужики грубіи и воры мятежники расбѣгошася». «Многіе раскольники притворствомъ своимъ и лукавымъ обращеніемъ выманивались и уходя изъ монастырей, куда были сосланы за упорство въ расколѣ, въ иныя мѣста, чинили противности горше перваго» [4]). Въ 1684 и 1685 годахъ «изъ

для народа, что въ 1724 году указомъ Свят. Синода предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольнич. рукописныя книги. П. С. З. VII № 4578.

[1]) Таковы напр. указы 1722 года Мая 15, 1728 Іюля 14.

[2]) П. С. З. т. VIII, № 6149.

[3]) Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ.

[4]) А. А. Э. т. IV, № 284.

разныхъ волостей и погостовъ разныхъ помѣщиковъ крестьяне и бобыли въ расколѣ бѣжали, безвѣстно, за свѣйскій рубежъ» [1]). «Многіе раскольники, читаемъ въ сенатскомъ указѣ 1722 года, не хотя объявить, кроются, и переходя живутъ по городамъ и селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ сколько тѣмъ укрывательствомъ прожить возможно. И для того укрывательства наймуютъ земли и дворцы и прочія жилища, дабы познаваемы не были; и такими способы не то́чію отъ двойного оклада отбываютъ, но и лживымъ раскольнической прелести ученіемъ нѣкоторыхъ простого народа людей приводятъ къ подобному себѣ заблужденію» [2]). Особенно, одною изъ главныхъ причинъ размноженія раскола въ предѣлахъ заволжскихъ, уральскихъ и въ Сибири было именно бѣгство туда раскольниковъ. Сюда бѣжали раскольники со всѣхъ сторонъ: изъ Москвы, изъ соловецкаго монастыря, Поморья, Твери, Ярославля, Новгорода и другихъ мѣстъ. Въ Сибирь особенно во множествѣ пробирались раскольники послѣ 1682 и 1683 годовъ, чрезъ предѣлы верхотурскаго и тобольскаго уѣздовъ. Въ указѣ 1722 года октября 15 сказано, что, по свидѣтельству епископа нижегородскаго Питирима, раскольники описные и неописные бѣгутъ и селятся въ сибирскихъ городахъ [3]). Дорога, по которой раскольники пробирались въ Сибирь и за Уралъ, черезъ степь, до сихъ поръ слыветъ «сироткою». Изъ Великороссіи расколъ занесенъ былъ бѣглыми раскольниками въ Малороссію. «Когда въ Великороссіи елико день, толико умножишася на старовѣрцы гоненія, — пишетъ сочинитель исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, — тогда многія народы, оставляюще своя природныя мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область и тамо пустыни поселяюще: откуду населися Бѣлый кладязь, и Синій, Замшнево, Шеломы слободы» [4]). Изъ стародубскихъ лѣсовъ изъ Великороссіи раскольники бѣжали на Вѣтку, и тамъ расплодили расколъ. Это было въ правленіе Софіи, когда стародубскому полковнику приказано было бѣглыхъ раскольниковъ въ Стародубьи обращать къ православію. «Таковому указу разгласившуся, повѣствуетъ историкъ бѣглопоповщинскій, ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разльяшася. Гоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствіе, оземствованіе, паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ, и сицевыми народы пустая мѣста и звѣропаственная населяхуся, и вмѣсто деревъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущія въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашася населеніемъ человѣкъ, ими же населишася Косецкая, Романово, Леонтіево» [5]). Когда старцы Іовъ и Досифей посѣяли плевелы раскола по рѣкѣ Дону, то отсюда онъ чрезъ бѣгство и бродяжничество раскольниковъ распространился по р. Кумѣ, Сулакѣ, Кубани и

[1]) А. И. т. V, № 127, стр. 220.
[2]) П. С. З. т. VI, № 4052.
[3]) П. С. З. т. VI, № 4109.
[4]) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ л. 7.
[5]) Тамъ же, л. 8 об.

Аграхани и проникъ даже за границу, въ Крымъ. Изъ 100 станицъ донскихъ казаковъ, большая часть которыхъ заражена была расколомъ, въ концѣ XVII столѣтія, по случаю разныхъ политическихъ движеній, цѣлыя станицы раскольниковъ, разбѣжавшись въ разныя стороны, образовали цѣлыя раскольническія общины, которыя еще болѣе умножились въ числѣ отъ наплыва бѣглецовъ изъ внутри Россіи. Такъ между гребенскими казаками, по р. Тереку, въ большой и малой Кабардѣ, въ урочищахъ Голаго Гребня, въ ущельѣ Павловомъ, при гребнѣ и ущельѣ Кошлаковомъ и при Пимоновомъ Дубѣ распространяли расколъ старообрядцы, бѣжавшіе съ Дону въ 1688 и 1698 г. Когда казачій атаманъ Некрасовъ съ товарищами своими, Гавриломъ чернецомъ, Иваномъ Дранымъ, Козьмою и Савельемъ Вориновыми, набравъ на Дону воровъ и разграбя селенія около Царицына, Дмитріевска и Саратова, ушелъ съ оными на Кубань, отдавшись въ подданство Крымское въ 1708 году, — то раскольники толпами побѣжали туда изъ Россіи и съ Дону, изъ голубинской, чирской и другихъ станицъ и иныхъ разныхъ мѣстъ, и поселились цѣлыми слободами между станицъ казачьихъ [1]). Такъ вездѣ разносили и распространяли расколъ бѣглые раскольники.

Таково было, въ главныхъ чертахъ, внутреннее развитіе раскольнической общины. Какъ, впрочемъ, ни разнообразны и ни сильны были внутреннія средства и способы развитія раскольнической общины, но она кажется, не усилилась бы, не развилась бы въ огромныхъ размѣрахъ, если бы въ самомъ православномъ обществѣ не было обстоятельствъ и условій, благопріятствовавшихъ ея развитію. Разсмотримъ теперь, что благопріятствовало развитію раскола въ самомъ православномъ обществѣ, во-первыхъ, въ состояніи церковнаго благочинія и управленія, во-вторыхъ, въ гражданскомъ состояніи Россіи.

IV. Состояніе управленія и благочинія въ русской церкви во время появленія и распространенія раскола.

Какъ оппозиція ложной старины противъ новаго, лучшаго устройства русской церкви, введеннаго п. Никономъ, соборомъ 1667 года и Духовнымъ Регламентомъ, расколъ въ старыхъ церковныхъ безпорядкахъ находилъ для себя и начала жизни, силы, подкрѣпленія и развитія. Церковь русская, также какъ и общество гражданское, въ XVII вѣкѣ, подъ благотворнымъ управленіемъ патріарховъ, при попеченіи дѣятельныхъ царей — Михаила Θедоровича, Алексѣя Михайловича и Θедора Алексѣевича, постепенно благоустроялась въ управленіи и въ іерархіи. Но, при этомъ благоустроеніи своемъ, она должна была еще бороться со многими старыми безпорядками. Недостатки эти, къ прискорбію, были еще весьма значительны; ибо невозможно было вдругъ исправить и искоренить того, что вѣками укоренилось. Между тѣмъ расколъ, какъ начало противо-церков-

[1]) См. Истор. о донскихъ казакахъ въ Чтен. Моск. Общ. Истор.

ное, враждебное внутреннему благоустроенному порядку православной церкви, этими-то старыми недостатками и несовершенствами церковно-правительственнаго устройства и пользовался для своего подкрѣпленія, развитія и распространенія. Онъ извлекалъ для своего развитія изъ современнаго состоянія русской церкви не тѣ животворныя начала лучшей и совершеннѣйшей церковной жизни, каковы были, напримѣръ, начала, вводившіяся въ церковь русскую соборами 1654, 1655, 1667 годовъ, или какія изложены были въ Духовномъ Регламентѣ: расколъ все это отвергалъ, какъ противное ему новшество. Но онъ извлекалъ изъ тогдашней церковной жизни для своего подкрѣпленія и развитія одни безпорядочныя, противо-церковныя начала мнимой церковной старины — старыхъ церковныхъ безпорядковъ, и подъ вліяніемъ ихъ развивался. Къ сожалѣнію, умноженіе въ православной церкви такихъ неустройствъ, особенно въ XVII вѣкѣ, представляло для него атмосферу, во многихъ отношеніяхъ обильную необходимыми для его существованія и развитія средствами, просторную для его свободнаго и обширнаго распространенія. По этой причинѣ, онъ тамъ преимущественно и искалъ себѣ убѣжища, силы и подкрѣпленія, и тамъ дѣйствительно находилъ все это, гдѣ сильнѣе преобладалъ старый церковный безпорядокъ надъ вновь-водворявшимся во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка порядкомъ. Разсмотримъ безпристрастно всѣ тѣ старые недостатки и несовершенства внутренняго іерархическаго и духовно-правительственнаго быта русской церкви въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ которыхъ расколъ развивался, возрасталъ и умножался.

Въ церковно-правительственномъ отношеніи, во первыхъ, происхожденію и распространенію раскола при п. Никонѣ весьма много содѣйствовало *возстаніе вмѣстѣ съ расколоначальниками бояръ противъ Никона,* главнаго благоустроителя внутренняго порядка русской церкви въ XVII вѣкѣ, и низложеніе его [1]). Церковь русская никогда, кажется, не имѣла столько

[1]) Думаемъ, здѣсь неизлишне будетъ сказать подробнѣе объ этомъ, важномъ въ дѣлѣ раскола, событіи. Извѣстно, что въ XVII вѣкѣ, когда, по мысли п. Филарета и по примѣру гражданскихъ приказовъ, учреждены были на патріаршемъ дворѣ духовные приказы, въ нихъ главными производителями духовныхъ дѣлъ поставлены были гражданскіе чиновники: бояре, окольничіе, думные, стольники, тіуны, стряпчіе, боярскія дѣти, дворяне, дьяки и подъячіе. Такихъ чиновниковъ въ патріаршихъ приказахъ, по сказанію Алеппскаго діакона Павла, находилось „великое множество". Нѣтъ сомнѣнія, что при тогдашней обширности и многосложности дѣлъ въ патріашей области и въ епархіяхъ, эти свѣтскіе чиновники были весьма полезны и даже необходимы для облегченія многотруднаго дѣлопроизводства въ духовныхъ приказахъ. Но нельзя, по всей справедливости, не пожалѣть о томъ, что они часто забывали свое настоящее назначеніе и преступали границы позволеннаго для нихъ участія въ дѣлахъ церковнаго управленія. До собора 1667 г., который, предположивъ, по возможности, искоренить въ русской церкви все, что благопріятствовало усиленію раскола, между прочимъ, обратилъ вниманіе и на этотъ предметъ, — свѣтскій судъ въ патріаршихъ приказахъ, кажется, совершенно преобладалъ надъ духовнымъ. Въ самомъ высшемъ духовномъ приказѣ, въ патріаршемъ Разрядѣ, прежде патр. Никона не видно, чтоб былъ кто-нибудь изъ духовныхъ лицъ, кромѣ патріаршаго боярина съ дьяками и подъячими. См. грам. 1628, 1632 и 1633 г. А. Э. Ш. стр. 260, 284, 337. Въ самыхъ пат-

нужды въ единствѣ и согласіи дѣйствій церковнаго и гражданскаго правительства, какъ при п. Никонѣ, когда она совершала весьма важное и даже, можно сказать, послѣ принятія христіанства, самое великое дѣло исправленія церковнаго порядка и богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и когда, между тѣмъ, противъ нее возстали противники церковнаго порядка и власти, ревновавшіе за старый церковный безпорядокъ. Къ несчастію, въ это-то самое время бояре монастырскаго Приказа, за одно со многими членами боярской думы, напрягали почти всѣ усилія къ тому, чтобы огра-

ріаршихъ грамотахъ до п. Никона боярамъ патріаршимъ усвоялась распорядительность, какъ бы совершенно равная съ патріархомъ, или распорядительная власть патріаршихъ бояръ сопоставлялась съ распорядительною властію самого патріарха: „а кто сторонніе люди учнутъ бить челомъ того монастыря на игумена и на братію и на слугъ, и на служебниковъ и на крестьянъ, о *судѣ намъ патріарху или боярамъ нашимъ*, и того монастыря игуменъ и братья и слуги и крестьяне учнутъ на нихъ встрѣшно искать, и сторонніе всякіе люди отвѣчаютъ тутъ же *передъ нашими бояры и передъ приказными людьми*". А. Э. Ш, № 178. Завѣдываніе духовными дѣлами въ патріаршихъ грамотахъ до п. Никона приписывается однимъ только боярамъ, о духовныхъ властяхъ не упоминается, какъ будто онѣ вовсе не участвовали въ духовныхъ приказахъ. Такъ въ 1628 г. исправляющими духовныя дѣла въ патріаршемъ Разрядѣ показываются только: князь Андрей Васильев. Хилковъ, бояринъ Ив. Алексѣев. Колтовскій, да дьяки Ѳ. Рогозинъ и Гавр. Леонтьевъ. (А. Э. Ш, № 177): въ 1632 г. тотъ же князь Хилковъ и тѣ же дьяки, да еще бояринъ Семенъ Васильев. Колтовскій. Такъ и въ друг. патріаршихъ приказахъ, напр. въ дворцовомъ--завѣдывалъ дѣлами дворецкій съ дьяками. (А. Э. IV, № 304). — Патріаршіе дворяне и дѣти боярскія, завѣдывая въ городахъ и уѣздахъ патріаршей области духовными дѣлами и сборомъ духовной дани, такъ много производили безпорядковъ и безчинія, что въ 1675 г. соборнымъ опредѣленіемъ найдено было нужнымъ постановить слѣдующее: „въ патріаршую епархію, въ городы и уѣзды, управленія ради церковнаго и всякихъ духовныхъ дѣлъ и ради церковныхъ даней и вѣнечныхъ пошлинъ и всякихъ патріаршихъ сборовъ, патріаршіе дворяне и дѣти боярскія да не въѣзжаютъ, для того, что великому государю царю Алексѣю Михайловичу и святѣйшему патріарху вѣдомо учинилось, что отъ владычныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ объявилося всякое безчиніе, ко освященному чину налоги и обругательство и убытки". (А. А. Э. IV, № 204, п. 4). Усиліе бояръ къ преобладанію въ духовныхъ приказахъ, къ независимому отъ высшей церковной власти управленію церквами и монастырями съ особенною силою обнаружилось при п. Іосифѣ. Въ это время своеволіе бояръ въ отношеніи къ духовной власти возрасло уже до такой степени, что они въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ слухъ перешептывали: „николи де такого безчинія не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитомъ, что лучше де на новой землѣ за Сибирью пропасть, чѣмъ покориться какому нибудь новгородскому митрополиту". (Письмо Алексѣя Михайловича къ Никону. А. Аполлоса — житіе Никона стр. 117 и 118). При слабомъ и удрученномъ старостію п. Іосифѣ, когда, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, составлена была коммиссія для сочиненія Уложенія, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и городовыя дѣти боярскія подали государю челобитье объ учрежденіи особаго монастырскаго приказа съ правомъ разсматривать жалобы на духовныхъ и даже съ правомъ полнаго завѣдыванія монастырями и церквами селъ монастырскихъ. И князь Одоевскій внесъ въ Уложеніе 7 статей о монастырскомъ приказѣ, который составленъ былъ изъ бояръ, дьяковъ и подъячихъ, и „вѣдалъ всего Московскаго государства всякій духовный чинъ, митрополиты и архіепископы, и епископы, и монастыри, и попы,—во всякихъ дѣлахъ, и со властелинскихъ, и съ монастырскихъ крестьянъ подати". Кошихинъ, гл. VII, ст. 24: „Монастырскій приказъ; а въ немъ сидитъ окольничей, да два дьяка. А вѣдомо въ томъ приказѣ всего Московскаго госу-

ничить власть церковнаго правительства и низвергнуть п. Никона. Боярамъ, желавшимъ совершенной независимости отъ патріаршей власти, господства надъ духовенствомъ и обладанія церковными и монастырскими имѣніями, нужно было, во что бы то ни стало, низложить сильнаго защитника правъ и величія высшей церковной власти, п. Никона, по примѣру п. Филарета, безпощадно преслѣдовавшаго и обуздывавшаго ихъ своеволіе, особенно противное канонамъ церковнымъ вмѣшательство въ дѣла чисто духовнаго вѣдомства. Монастырскій приказъ служилъ для нихъ въ этомъ отношеніи лучшимъ орудіемъ. Виновникъ учрежденія монастырскаго Приказа, кн. Одоевскій былъ личнымъ врагомъ Никона; потомъ въ 1660 году мы видимъ въ монастырскомъ Приказѣ окольничаго Ивана Өедоровича большаго Стрѣшнева [1]); а это тоже, по всей вѣроятности, былъ врагъ Никона, какъ и прочіе Стрѣшневы, Семенъ и Родіонъ; въ 1665 году въ монастырскомъ Приказѣ бояриномъ былъ кн. Иванъ Андреичъ Хилковъ [2]); и этотъ бояринъ, когда былъ при дворѣ, также толпился около враговъ Никона, а въ 1669 году, за свою слабость и неисправность по гражданской службѣ, заслужилъ опалу царя Алексѣя Михайловича [3]). Кромѣ того, между завѣдывавшими духовными дѣлами въ монастырскомъ Приказѣ находились еще люди не совсѣмъ добросовѣстные, дѣйствовавшіе не по правдѣ и не по закону, какъ видно изъ «челобитной монастырскаго приказа подъячаго Евтихея Алексѣева на дьяка Ивана Калитина въ неправыхъ дѣлахъ» [4]). Жаль, что намъ неизвѣстенъ ближе и обстоятельнѣе личный составъ монастырскаго Приказа. Но кто бы и каковы, впрочемъ, ни были бояре, дьяки и подъячіе монастырскаго Приказа при п. Никонѣ, несомнѣнно то, что образъ мыслей и дѣйствій монастырскаго приказа при Никонѣ, по причинѣ злоупотребленій бояръ, казался довольно опаснымъ для внутренняго мира церкви русской, не сообразнымъ съ духомъ древняго каноническаго устройства русской церкви, близкимъ къ протестантскому образу управленія, который на западѣ почти въ это же самое время утверждался германскими князьями, принимавшими протестантизмъ. Бояре монастырскаго приказа, дѣйствуя за одно съ враждебными Никону боярами царской думы, которые, по словамъ умнаго современника Богдана Хмѣльницкаго, «ничего путнаго Его Царскому Величеству не присовѣтывали», напротивъ еще, по словамъ другого очевидца

дарства всякой духовный чинъ, митрополиты и архіепископы, и епископы, и монастыри, и попы, во всякихъ дѣлахъ, и съ властелинскихъ, и съ монастырскихъ крестьянъ подати; и соберется тѣхъ податей въ годъ больше 20,000 рублевъ; а расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ куды понадобится, что и изъ иныхъ приказовъ“ Это весьма стѣснило кругъ дѣйствій патріаршаго суднаго приказа или разряда, а при злоупотребленіяхъ бояръ, возставшихъ противъ Никона, произвело жалкій безпорядокъ, который и былъ едва ли не главною причиной паденія Никона и полнаго успѣха раскола.

[1]) А. А. Э. IV, стр. 115.

[2]) Дворцов. разряды, т. III, стр. 604.

[3]) Ригельмана истор. о донскихъ казак. стр. 60, въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. год. 2, № 3.

[4]) Акт. Ист. V. № 263, стр. 481.

врача Алексѣя Михайловича Коллинса, «самыя добрыя его намѣренія направляли ко злу» [1]); эти бояре «причиняли церковной власти всякія обиды, закона Божія не исполняли и въ духовныя дѣла и во святительскіе суды вступалися, церковными и монастырскими имѣніями распоряжались, какъ хотѣли и дѣлали всякія дѣла въ монастырскомъ приказѣ, а церковное правительство дѣлали для себя орудіемъ, патріарха заставляли служить себѣ». [2]). Образъ правленія, похожій на протестантскій [3]). Никонъ, строгій, жаркій ревнитель правъ русской церкви, видѣлъ такой порядокъ церковнаго управленія не соотвѣтственнымъ съ древнимъ каноническимъ устройствомъ русской церкви, и потому не утерпѣлъ, съ твердостію и энергіею жаркаго защитника правъ церкви возсталъ противъ монастырскаго приказа, возсталъ особенно противъ непомѣрнаго самоуправства бояръ въ непринадлежавшей имъ сферѣ церковнаго правленія [4]). Но, къ прискорбію,

---

[1]) Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. № 1. ст. 13. И. Р. Ц. IV. стр. 41.

[2]) Собр. госуд. грам. IV стр. 128.

[3]) Слич. напр: у Альцога, ученика знаменитаго Мёллера, въ его Universalgeschichte der christlichen Kirche II, s. 807 (Mainz, 1855).

[4]) Никонъ особенно сильно выразилъ свое неудовольствіе противъ монастырскаго приказа въ 26 и 27 возраженіи своемъ на 30 вопросовъ, предложенныхъ бояриномъ Борисомъ Сем. Стрѣшневымъ Паисію Лигариду (Слов. дух. пис. II, 139). Также говорилъ онъ противъ монастырскаго приказа боярамъ, посланнымъ къ нему въ 1663 г. въ Воскресенскій монастырь для допросовъ, по поводу доноса стольника Романа Бабарыкина (Собр. гос. грам. IV, стр. 128). Татищевъ (въ примѣч. своихъ на судебникъ царя Ив. Васильевича), за нимъ Голиковъ (Дѣян. Петра В. ч. XIII. стр. 71, 144, 339), Берхъ (Царств. Алекс. Михайл. 1, 399 и д.) и нѣкоторые другіе выставляютъ Никона, какъ мятежника, весьма опаснаго для самодержавія, высокомѣрно возставшаго противъ царской власти и хотѣвшаго поколебать ее. Это намъ кажется преувеличеніемъ, основаннымъ на преувеличенномъ, неблагонамѣренномъ судѣ враговъ Никона—бояръ, судѣ, къ сожалѣнію, еще до нынѣ не раскрытомъ въ настоящемъ свѣтѣ. Безпристрастные современники Никона всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, и мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что бояре давно уже злобною ненавистію дышали къ Никону, по многимъ причинамъ и, между прочимъ, за то, что царь допустилъ Никона къ боярской думѣ обуздывать произволъ боярскій, и далъ ему право называться „Государемъ" и самъ называлъ его „своимъ возлюбленникомъ, собиннымъ содружебникомъ и другомъ". И вотъ по этой-то ненависти бояре взялись за козни, общимъ заговоромъ задумали представить Никона въ глазахъ царя преступникомъ, злоумышляющимъ противъ самодержавной власти, и такимъ образомъ низвергнуть его. Для скорѣйшаго достиженія этой цѣли, они желали, какъ сами высказывались, и даже покушались убить Никона; но это не удалось. И потому лучшимъ признали постепенно чернить Никона въ глазахъ царя, какъ противника царской власти, и на это употребили, по словамъ самого Никона, 9 лѣтъ. Бояринъ Стрѣшневъ (Семенъ), злобный врагъ Никона, вмѣстѣ съ Паисіемъ Лигаридомъ, обласканнымъ боярами, сочинилъ 25 вопросовъ о власти царской, патріаршей и правилахъ, по коимъ патріархъ можетъ быть судимъ и низложенъ. Стольникъ Бабарыкинъ, подкупленный боярами чрезъ монастырскій приказъ, отдавшій ему землю, купленную патріархомъ для воскресенскаго монастыря, наклеветалъ царю на Никона, что будто онъ проклиналъ его царское величество въ церкви и дома. Чрезъ такія-то и подобныя козни образовался клеветливый, недобросовѣстный судъ боярскій о Никонѣ, какъ посягателѣ на права самодержавной власти! Самый вѣрный судъ исторіи о томъ, что сдѣлалъ или высказалъ Никонъ предосудительнаго въ отношеніи къ самодержавной власти, должно приписать соборному опредѣленію, хотя и противъ этого Никонъ оправдывался. А въ

тѣмъ еще болѣе вооружилъ противъ себя бояръ. «Бояре, скажемъ словами преосвященнаго Филарета, бояре чрезъ монастырскій приказъ мало по малу стали дѣлать распоряженія не только мимо патріарха, но и съ открытымъ намѣреніемъ оскорблять Никона; отъ духовныхъ имѣній переходили къ духовнымъ лицамъ, опредѣляли священниковъ и игумновъ именемъ царя, безъ всякаго сношенія съ пастыремъ церкви. Никонъ показывалъ несправедливость въ новомъ порядкѣ дѣлъ; восточные патріархи впослѣдствіи тоже самое говорили царю, и несчастный приказъ былъ за-

этомъ опредѣленіи только сказано: „досаждалъ государю“ (Слов. дух. писат. II, стр. 125). Но какъ досаждалъ? По безпристрастномъ и внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что вся вина Никона въ отношеніи къ государю состояла въ томъ, что онъ, по сильной вспыльчивости и горячности своего сердца, раздраженнаго самоуправствомъ бояръ, и по необыкновенно-пламенной, иногда уже слишкомъ горячей ревности своей къ правамъ церкви и къ достоинству высшей церковной власти, сильно досадовалъ и гнѣвался на царя за то, что онъ допустилъ бояръ до такого необузданнаго самоуправства въ дѣлахъ церкви и государства. Гнѣвъ непростительный, потому что гнѣвъ на кроткаго государя; но гнѣвъ отчасти справедливый, благородный, потому что гнѣвъ пастыря, ревнующаго за право церкви, беззаконно нарушаемое произволомъ бояръ! Это — не гнѣвъ злобы высокомѣрной противъ государя, а невольная досада души сильной, пламенной, горячей, желавшей добра и зломъ уязвленной. Это — отнюдь не возстаніе подданнаго противъ государя, а недовольство „возлюбленника, собиннаго друга“ государева тѣмъ, что козни бояръ, вредныя и церкви и государству, охладили къ нему сердце царя — друга его, какъ самъ царь называлъ себя въ письмахъ своихъ къ п. Никону. Здѣсь вполнѣ высказалась слабость великой души Никона! Но и только. Какъ ни сильно Никонъ досадовалъ на царя за беззаконное самоуправство бояръ, но онъ самъ, какъ подданный, боялся гнѣва царскаго. Никонъ самъ сознавался, что для него грозенъ, страшенъ гнѣвъ царя, хотя онъ несправедливо возбужденъ былъ боярами: „се вижу, писалъ онъ въ письмѣ къ царю, на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и того ради и соборовъ во св. церкви лишаемы. Азъ же пришлецъ есмь на земли. И се нынѣ, понимая заповѣдь, дая мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего“. Какъ ни сильно прогнѣвали его бояре, онъ однако же былъ гораздо осмотрительнѣе, гораздо болѣе дорожилъ честію царя, чѣмъ враги его — бояре. Бояре нѣкогда въ слухъ роптали на царя и словъ его не слушались, какъ сознавался самъ Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ къ Никону; а Никонъ и въ гнѣвѣ на царя сохранилъ къ нему подобающее уваженіе. Такъ, когда царь послалъ кн. Трубецкого спросить Никона,—зачѣмъ онъ оставилъ церковь и удалился въ Воскресенскій монастырь, Никонъ отвѣчалъ, что ради спасенія душевнаго ищетъ безмолвія, и смиренно въ письмѣ своемъ просилъ у царя прощенія за скорый свой отъѣздъ изъ Москвы. Еще прямѣе и искреннѣе высказалъ Никонъ свои вѣрно-подданническія чувства и благоговѣніе къ власти царя въ 1663 г. и гнѣвъ только на бояръ, когда, по проискамъ бояръ, стольникъ Бабарыкинъ ложно донесъ царю, будто Никонъ проклиналъ его словами псалмовъ въ церкви и дома, и когда отъ царя посланы были по сему случаю слѣдователи. Никонъ отвѣчалъ на допросъ посланныхъ, что онъ точно, Іюля 25 дня, на литургіи, по заамвонной молитвѣ, со всѣмъ соборомъ молебствовалъ и государеву жалованную грамоту прочиталъ всѣмъ, и подъ крестъ и подъ образъ пресвятыя Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго, на стольника Бабарыкина, а отнюдь не на великаго государя, а за великаго государя на эктеніяхъ Бога молилъ“. На такой же, повторенный ему боярами, допросъ, Никонъ клятвенно свидѣтельствовался: „буду я анаѳема, если относилъ псаломъ къ царю!“ Прибывъ въ Москву въ 1664 г., въ надеждѣ увидѣться и помириться съ царемъ, Никонъ хотя и не допущенъ былъ къ царю боярами, но сказалъ чрезъ кн. Одоевскаго, что принесъ миръ и благословеніе великому государю и паствѣ. Гдѣ же высокомѣрное воз-

крытъ. Но мысли Никона выставляли то сомнительными, то несправедливыми потому, что предлагалъ ихъ Никонъ; а рѣзкія выраженія, въ какихъ отзывался о приказѣ Никонъ, только радовали бояръ, враговъ Никона, которые умѣли понять протестантскій порядокъ правленія, но не хотѣли знать порядка православной церкви. Мало по малу бояре дошли уже до того, что стали открыто ругаться надъ патріархомъ. Стрѣшневъ столько былъ наглъ, что назвалъ именемъ Никона свою собаку и ненависть къ Никону доводилъ до открытаго кощунства надъ благословеніемъ святительскимъ» [1]). Явное и открытое неуваженіе и противленіе патріаршей власти придворные бояре начали выражать въ грубыхъ оскорбленіяхъ патріаршихъ бояръ и чиновниковъ [2]). Никонъ видѣлъ въ этомъ несомнѣнный знакъ общаго заговора и возстанія противъ него царскихъ бояръ, видѣлъ возстаніе боярскаго самоуправства противъ высшаго церковнаго правительства, видѣлъ явное преступленіе клятвы, какую дали ему бояре торжественно въ храмѣ при избраніи его въ патріархи — «почитать его какъ

станіе Никона противъ самодержавной власти? И, кажется, никто кромѣ бояръ и единомышленниковъ ихъ, враговъ Никона не думалъ, чтобы Никонъ имѣлъ виды, противные единодержавію. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, несмотря на всѣ клеветы бояръ, до конца жизни пребылъ внутренно благосклоннымъ къ Никону: посылалъ ему подарки, а передъ смертію своею даже самъ просилъ у него прощенія и разрѣшенія, называя его „отцомъ своимъ духовнымъ, великимъ господиномъ, святѣйшимъ Никономъ, іерархомъ и блаженнымъ пастыремъ“. Сынъ Алексѣя Михайловича, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, когда уже не было козней боярскихъ противъ Никона, когда ненависть ихъ и злоба успокоились, и правда Никона стала яснѣе, — еще болѣе былъ расположенъ къ Никону, и хотѣлъ даже снова возвести его на патріаршій престолъ. Могло ли бы это быть, если бы Никонъ былъ опасенъ для самодержавной власти? Восточные патріархи, приславъ въ 1682 году разрѣшительныя грамоты патр. Никону, причиною неудовольствія между патр. Никономъ и царемъ признавали также не высокомѣрное возстаніе его противъ царской власти, но то, что онъ „человѣческимъ нѣкимъ малодушіемъ и гнѣвомъ побѣжденъ бысть, и оставль паству свою и патріаршеское достоинство презрѣвъ, далеко отшедши живе, не хотя возвратитись, которыхъ ради винъ явися тяжекъ и безпріятенъ бысть“, и вполнѣ признали его заслуги и законность образа мыслей. Наконецъ, такіе просвѣщенные мужи, каковы епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, знаменитый ученый сотрудникъ Никона Епифаній Славеницкій, умный архимандритъ полоцкій Игнатій Іовлевичъ и нѣкоторые другіе, не осмѣлились бы подать царю голосъ въ защиту Никона, и царь не внялъ бы ихъ голосу, если бы Никонъ въ самомъ дѣлѣ опасенъ былъ для самодержавія и виновенъ въ высокомѣрномъ возстаніи противъ царской власти. — Замѣтимъ наконецъ: если Никонъ и ошибся въ своихъ отношеніяхъ къ царю, то вся ошибка его — есть ошибка невольная, историческая: она развилась изъ не совсѣмъ вѣрнаго постановленія и пониманія въ древней Россіи вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Не изъ личнаго властолюбія Никона, а изъ его идеи званія патріаршаго, идеи, исторически развившейся, проистекли и его отношенія къ боярамъ и непріятности съ царемъ.

[1]) Ист. Русск. цер. IV, стр. 40, 41.

[2]) Извѣстно, какъ придворные бояре поступили съ бояриномъ Никона, княз. Димитріемъ, во время встрѣчи Теймураза. Дѣло съ Теймуразомъ, царемъ Грузинскимъ, имѣло не только государственный, но и церковный интересъ, и потому Никону необходимо было участіе въ немъ; однакожъ патріархъ, по ковамъ бояръ, не допущенъ былъ къ совѣщанію; да, кромѣ того, бояринъ его еще грубо оскорбленъ былъ боярами царскими.

архипастыря и отца и не препятствовать ему устроять церковныя дѣла» [1]),— и потому самъ отказался отъ дѣлъ церковнаго управленія. Такимъ образомъ, въ церкви русской, въ то самое время, когда возникли плевелы раскола и не разумные ревнители мнимой церковной старины ужё начинали раздоръ съ церковію, произошелъ бѣдственный разрывъ между патріархомъ и боярами, возникла открытая борьба высшей церковной власти съ боярскимъ своеволіемъ, и продолжалась цѣлыя 8 лѣтъ. И вотъ, во время этого-то жалкаго раздора, расколъ, поднятый другою, духовно-демократическою оппозиціею протопоповъ и поповъ также лично противъ п. Никона, строгаго въ церковномъ судѣ и управленіи духовенствомъ, въ это-то время расколъ особенно усилился и распространился, принявъ сторону боярской оппозиціи п. Никона, строгаго ревнителя правды и законности, и въ царской думѣ безпристрастно и открыто обличавшаго несправедливости и злоупотребленія бояръ. Объ этомъ впослѣдствіи свидѣтельствовали сами бояре, когда должны были дать отчетъ народу, оставшемуся вѣрнымъ церкви и Никону, о причинахъ осужденія Никона. Они въ свое оправданіе передъ народомъ, любившимъ Никона, такъ обвиняли его: «яко оставленіемъ престола, сотвори церковь святую вдовствовати осьмь лѣтъ и 6 мѣсяцевъ: въ неже междупатріаршества время блазнишася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятежницы православныя Россійскія церкви, лестными ученми своими погубивши многія души» [2]). Такъ говорили бояре,

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. Ист. № 3, въ ст. о Никонѣ.

[2]) Древн. Россійск. Вивліоѳ. ч. III. 404. Также въ Собран. госуд. грам. IV, № 63 стр. 182—185. Это объявленіе, изъ котораго мы привели слова, признавши его рѣшительно за боярское объявленіе, по справедливому мнѣнію митроп. Платона (Цер. Ист. 2, 239), митроп. Евгенія (Слов. дух. писат. II, стр. 125) и преосвященнаго Филарета (Ист. Русс. Церк. IV, стр. 53), должно различать отъ опредѣленія, найденнаго митроп. Платономъ въ одной рукописи съ именемъ соборнаго опредѣленія. „Это послѣднее, соборное опредѣленіе, замѣчаетъ митроп. Евгеній, должно признать самымъ вѣрнѣйшимъ для насъ историческимъ свидѣтельствомъ о винахъ Никона, но въ немъ Никонъ не обвиняется въ томъ, яко бы удаленіемъ своимъ отъ престола открылъ широкую дверь расколу и былъ виною его усиленія". „Митр. Платонъ справедливо замѣтилъ, говоритъ преосвященный Филаретъ, что другое, найденное имъ пространное обвиненіе Никона (изъ котораго мы привели слова и которое напечатано въ Вивліоѳ. и въ Собр. Грам.), не было собственно опредѣленіемъ собора, а только манифестомъ гражданскимъ. Причина послѣднему была въ обстоятельствахъ. Народъ уважалъ Никона, не смотря на происки бояръ, и послѣдніе боялись—не сдѣлалось бы волненія за Никона въ народѣ. Посему-то когда послѣ собора удалили Никона изъ Москвы, окружили его многочисленною стражею. По той же причинѣ сочли нужнымъ объясниться съ народомъ о Никонѣ, какъ можно пространнѣе и рѣзче. Самое содержаніе боярской грамоты показываетъ тоже. Ибо въ ней къ винамъ Никона отнесено не мало такого, въ чемъ Никонъ принесъ справедливое оправданіе и въ чемъ не могъ его обвинить патріаршій соборъ". Не выписываемъ этихъ обвиненій боярскихъ и оправданій Никона: объ нихъ въ Слов. дух. пис. II, 125—128 и въ Церк. Ист. Филар. IV, примѣч. 86. Прибавимъ къ этому, что пространное обвиненіе Никона, которое удаленіе его поставляетъ причиною распространенія раскола, и которое мы признаемъ боярскою грамотою, по самому духу своему, только боярами и могло быть составлено: оно исполнено злобною ненавистію и бранью противъ Никона, совершенно недостойною патріаршаго опредѣленія. Обвиненіе это какъ бы не находитъ даже и словъ, какими бы очернить

въ свое оправданіе предъ народомъ тогда, когда они достигли уже своей цѣли—низложили Никона, и когда слѣдовательно имъ болѣе почти не нужна была помощь раскольнической партіи. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Вовсе не Никонъ былъ виноватъ въ томъ, что, во время осьмилѣтней борьбы его съ боярскимъ самоуправствомъ, особенно усилился и распространился расколъ, а виноваты всего болѣе сами бояре. Они, во первыхъ, стѣснивъ чрезъ монастырскій приказъ дѣятельность патріаршаго суднаго разряда, которому принадлежали дѣла по отношенію къ преступленіямъ противъ вѣры и къ расколу, не дали Никону докончить его великое дѣло очищенія церкви отъ плевелъ раскола, заставивъ его невольно отречься отъ церковнаго управленія своимъ дерзкимъ, грубымъ поруганіемъ надъ патріаршимъ саномъ Никона, своими кознями и клеветами при дворѣ и своимъ недобросовѣстнымъ преступленіемъ добровольно, даже вопреки воли Никона, данной ему клятвы—не препятствовать ему исправлять церковныя дѣла; во-вторыхъ, положивъ главною цѣлію низвергнуть Никона, безпощаднаго обличителя ихъ въ царской думѣ и въ монастырскомъ приказѣ, приняли сторону возставшихъ противъ него протопоповъ и поповъ [1]). Раскольники, по крайней мѣрѣ главные и опаснѣйшіе изъ нихъ, были уже, какъ мы видѣли, совершенно усмирены силою ума и воли Никона, пока онъ дѣйствовалъ единодушно съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: бояре опять дали имъ полную возможность дѣйствовать и распространять расколъ. Такъ, по ходатайству бояръ, возвращенъ былъ осужденный Никономъ и сосланный въ Сибирь главный протопопъ — личный врагъ Никона, Аввакумъ. «И егда въ царствующій градъ пріиде, пишетъ исторіографъ раскольническій, *князи и бояре тако любезно его пріяша, яко ангела Божія, и самому царю возвѣстиша, вси царскія крове превысочайшія персоны*, князи и бояре преизобильно того имѣніемъ награждаху». По проискамъ бояръ, чрезъ боярина Иродіона Стрѣшнева, ему даже предоставлено было право—*о себѣ яко хощетъ, да содѣваетъ*, т. е. право свободнаго распространенія своихъ мыслей [2]). При такомъ покровительствѣ боярскомъ, чего

Никона предъ народомъ, что свойственно было только злобѣ боярской, а не суду патріаршаго собора. Оно приписываетъ, напр., Никону глумленіе надъ святыней, ругательство надъ божественнымъ, злодѣйство, коварство и лукавство, продерзость, священнокрадство и несытство, и къ неправдамъ пригвожденъ и въ хищеніяхъ упражнився, и мучительствами содержащеся и пр. Такое бранное обвиненіе патріарха недостойно патріаршаго собора, и совершенно противорѣчитъ истинному суду о Никонѣ восточныхъ патріарховъ, произнесенному въ 1682 г. Патріархи прямо говорятъ, что Никонъ осужденъ „не винъ ради каковыхъ либо душевныхъ и тѣлесныхъ", и называли его „столпомъ благочестія непоколебимымъ и божественныхъ и священныхъ канонъ сберегателемъ присно-искуснѣйшимъ и отеческихъ догматовъ и повелѣній и преданій неизреченнымъ ревнителемъ и заступникомъ достойнѣйшимъ". Собр. гр. IV, стр. 425.

[1]) Сюда вполнѣ можно отнесть отзывъ современнаго Украинскаго лѣтописца о боярахъ при Никонѣ: „аже жадной ереси по патріарху не показалось, только съ ненависти тое учинили бояре, и послѣ того великая стала мѣщанина на Москвѣ". См. въ Истор. Русск. Церк. пер. 4-й о Никонѣ.

[2]) Денисовъ, Виногр. Росс. л. 50—55.

не могъ сдѣлать изступленный расколоначальникъ Аввакумъ для успѣха своей поповской оппозиціи противъ патріарха? Онъ, упоенный боярскими ласками, подкрѣпленный ихъ вельможнымъ авторитетомъ, до того теперь былъ смѣлъ въ дѣлѣ раскола, что подалъ «чрезъ вѣрныхъ своихъ при дворѣ» просьбу самому царю, чтобы Никонъ врагъ его и братіи его—прочихъ протопоповъ и поповъ раскольниковъ—скорѣе былъ низложенъ [1]). Бояре того же требовали. И Никонъ низложенъ: паденіе Никона, поборника истины, было вожделѣннѣйшимъ торжествомъ раскола! Въ то время, какъ многочисленные князья и бояре ласкали Аввакума, кн. Хованскій, который, можетъ, быть, не могъ еще простить Никону того, какъ онъ, во время поѣздки въ 1652 году въ соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа митр. Всероссійскаго, заставлялъ его исполнять христіанскій долгъ говѣнія [2]), содержалъ у себя въ домѣ Аввакума и его сообщниковъ распопъ [3]), какъ уже было сказано нами выше. У стольника Салтыкова, какъ тоже мы видѣли, во дворѣ жили самые изступленные распространители суевѣрія: дворецкій и любимецъ Салтыкова Исаія, Авраамій, ученикъ Аввакума и другіе [4]). Расколоучитель Спиридонъ Потемкинъ, происходившій изъ боярскаго рода Потемкиныхъ, имѣлъ между боярами *сродники многомогущія у монарха*, и эти то сродники бояре защищали его отъ власти архіерейской, когда онъ распространялъ плевелы раскола [5]). Въ числѣ ревностныхъ покровительницъ раскола были еще, какъ тоже мы выше сказали, нѣкоторыя придворныя боярыни, духовныя дщери протопопа Аввакума, изъ рода Морозовыхъ, Соковниныхъ, Урусовыхъ [6]), и съ ними вмѣстѣ, вѣроятно, сочувствовали и содѣйствовали раскольникамъ изъ ненависти къ Никону и сами бояре этихъ фамилій, особенно Морозовы [7]). Такимъ образомъ ясно, что въ продолженіе осьмилѣтнихъ козней бояръ противъ Никона, раскольники помогали боярамъ, а бояре помогали раскольникамъ, и оттого расколъ особенно въ это время усилился и распространился. Участію, виновности бояръ въ дѣлѣ раскола при Никонѣ удивляться не должно. Исторія русская, въ XVI и XVII столѣтіи, не разъ обличаетъ бояръ въ народныхъ возмущеніяхъ и бунтахъ, и именно тогда, когда у нихъ были какіе либо замыслы, напр. хоть во время самозванцевъ. При Никонѣ у бояръ былъ одинъ общій замыслъ низвергнуть Никона, строго преслѣдовавшаго ихъ произволъ и самоуправство въ думѣ царской и въ дѣлахъ церковныхъ и нарушеніе обрядовъ православной церкви. Изыскивая чрезъ монастырскій приказъ все, что только могло служить къ осужденію и низложенію Никона, бояре не посовѣстились и изъ раскольни-

---

[1]) Денисовъ, Виногр. Росс. л. 55.

[2]) Если только мы не ошибаемся, что это тотъ самый князь Иванъ Хованскій.

[3]) Записки гр. Матвѣева, стр. 38. Изд. Сахарова 1841 г.

[4]) Денисовъ, Виногр. Росс. гл. 7. л. 104, 105.

[5]) Онъ же и тамъ же л. 113—116.

[6]) Тамъ же гл. 8.; о болярынѣ Θеодосіи Морозовой и княгинѣ Евдокіи Урусовой съ прочими см. выше л. 108—113.

[7]) Бояръ изъ фамиліи Морозовыхъ, Урусовыхъ, Соковниныхъ при дворѣ тогда было много. См. Дв. разр. III, стр. 515—760.

ковъ образовать себѣ партію, тѣмъ болѣе, что многія фамиліи ихъ заражены были сами расколомъ. У бояръ была борьба съ высшею церковною властію, борьба вельможной боярской гордости съ авторитетомъ высшей церковной власти—патріарха. Слѣдовательно, чтобы восторжествовать надъ Никономъ, боярамъ нужно было образовать для себя партію церковную, которая бы возстала противъ власти Никона и противъ новоучреждаемаго имъ церковнаго порядка. И вотъ, когда Никонъ приступилъ къ исправленію книгъ и обрядовъ, они внушили простолюдинамъ, будтобы онъ подрываетъ православіе, разрушаетъ старый церковный порядокъ, старую вѣру. И тѣ самые, которые почитали сокровищемъ книги, исправленныя п. Іосифомъ, возстали противъ Никона, какъ противъ врага церкви. При Іосифѣ любили они нововведеніе; при Никонѣ объявили себя старообрядцами. Видно, что не своимъ умомъ они дѣйствовали, но увлекались внушеніями навѣтниковъ, и навѣтниковъ—враговъ Никона, каковы именно и были бояре. И не даромъ же расколоначальникъ Аввакумъ называлъ бояръ, покровительствовавшихъ расколу, *вѣрными своими, Никодимами* [1]). Не напрасно исторіографъ раскольническій такъ восхваляетъ «князей и бояръ», которые были *добрыми и преполезными клевретами* Аввакума. Не напрасно, наконецъ, и самый достовѣрный историкъ раскола, современникъ и очевидецъ первоначальныхъ смутъ его, Игнатій, митр. тобольскій, замѣтилъ, говоря о началѣ раскола: «ксему же *и отъ царева двора нѣцыи пристали*» [2]).

Во вторыхъ, въ церковно-іерархическомъ отношеніи не мало благопріятствовалъ, какъ происхожденію, такъ и распространенію раскола примѣчаемый *во многихъ частяхъ церковнаго управленія въ XVII вѣкѣ недостатокъ церковно-правительственнаго надзора*. Исторія отечественной церкви, замѣчая всѣ неоцѣненныя заслуги и благодѣянія нашей іерархіи въ періодъ патріаршій, и вполнѣ оцѣнивая ихъ, замѣчаетъ также, къ сожалѣнію, и недостатокъ общаго, единодушнаго и вполнѣ внимательнаго попеченія пастырей русскихъ объ удовлетвореніи общимъ тогдашнимъ нуждамъ и потребностямъ русской церкви. А это и было, по свидѣтельству безпристрастныхъ свидѣтелей-современниковъ, одною изъ причинъ происхожденія и распространенія раскола. Царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ на соборѣ 1667 г., предъ лицемъ пастырей русской церкви: «врагъ завистный, *спящимъ намъ*, имъ же Богомъ вручися стражъ ея, всѣя куколь душевредный [3]). Отцы сего собора тоже прямо указывали, какъ на причину происхожденія и распространенія въ русской церкви раскола, на то, что пастыри русскіе не имѣли общаго, единодушнаго попеченія о благочиніи и порядкѣ своей церкви, не собирались на соборы для совѣщанія объ общихъ нуждахъ и потребностяхъ народно-церковной жизни, о поведеніи и исправленіи духовенства. «Подобаетъ, говорили они, якоже повелѣваютъ правила св.

---

[1]) Письма Аввакума. Денисовъ, Вин. Росс. л. 55.

[2]) 3-е посл. въ Правосл. Собесѣдн. 1855 г., кн. 2-я, стр. 108.

[3]) Допол. къ Ак. Ист. т. V, стр. 445: это, очевидно, всего болѣе идетъ къ пастырямъ церкви, главнымъ стражамъ ея.

апостоловъ, и вси вселенстіи и помѣстніи св. соборы, яко да въ коейждо странѣ и епархіи творити архіереомъ соборы дважды въ лѣто, или нужды ради поединощи, церковныхъ ради вещей исправленія [1]). Обаче, за еже въ здѣшнихъ странахъ Великороссійскаго Государства не обыкоша архіереи собиратися часто и соборы творити и исправляти священническія распри и прочія, учинишася толки раскольники и мятежники и возмутиша во всемъ Государство, и многія души погибоша, и въмалѣ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили къ безмѣстнымъ дѣломъ и еретическимъ мудрованіямъ» [2]).

Особенно епархіальное управленіе русской церкви, въ періодъ распространенія раскола, представляло много неустройства и недостатковъ, которые были очень благопріятны для успѣха раскола. Исторія отдаетъ полную справедливость такимъ благопопечительнымъ епархіальнымъ архипастырямъ, каковы были наприм. во 2-й половинѣ XVII столѣтія и отчасти въ началѣ XVIII: Іона, митроп. ростовскій и ярославскій, Іона архіепископъ вятскій и великопермскій, «имѣвшій, по словамъ Любарскаго, такія свойства, какія пастырское званіе и тогдашнее состояніе какъ времени, такъ и новоучрежденной епархіи отъ него требовали, и, хотя, кромѣ славяно-россійской грамоты, ничему болѣе неученый, однако къ собранію хорошихъ печатныхъ и письменныхъ книгъ, какія токмо сыскать тогда можно было, имѣвшій усердное раченіе, установившій такой изрядный въ причтѣ и чинѣ монашескомъ порядокъ, который соблюдался и въ XVIII вѣкѣ и заслужившій общую любовь и память въ народѣ вятскомъ»; Аѳанасій холмогорскій, Игнатій тобольскій, святитель Димитрій ростовскій, Питиримъ нижегородскій, ревностно заботившіеся объ обращеніи раскольниковъ къ православной церкви, въ 1-й половинѣ XVIII вѣка; Іовъ новгородскій, первый основатель въ своей епархіи духовныхъ училищъ и богоугодныхъ заведеній для призрѣнія бѣдныхъ и незаконно-рожденныхъ дѣтей; Маркеллъ псковскій и изборскій, потомъ казанскій, «кромѣ ревности пастырской, по словамъ Любарскаго, весьма ученый, разговоръ умѣвшій греческій, латинскій и нѣмецкій»; Иларіонъ и Лука, архіепископы казанскіе, которыхъ ревность о духовномъ просвѣщеніи и благочиніи мы далѣе увидимъ, и многіе другіе архипастыри, незабвенные въ исторіи русской церкви. Съ другой стороны, исторія свидѣтельствуетъ также, что, въ это время, были и такіе архипастыри, которые, къ сожалѣнію, мало заботились о спасеніи душъ своей паствы и объ удовлетвореніи самымъ важнымъ потребностямъ своихъ епархій. Такъ въ 1739 г. Императрица Анна Іоанновна жаловалась, какъ на закоренѣлый недостатокъ въ епархіальномъ управленіи, на то, что нѣкоторые епархіальные архіереи «безъ продолженія времени не поставляли, гдѣ нужно было, священниковъ, и сіе важное и человѣче-

[1]) Да и въ самой церкви русск. въ концѣ XV в. было правило, чтобы архіереи собирались къ главному іерарху Россійскому ежегодно для соборнаго разсужденія о дѣлахъ церкви (А. И. т. 1, № 101). Но это правило не соблюдалось, равно какъ и правило, тоже издавна существовавшее, чтобъ духовныя лица по временамъ собирались къ своему епархіальному архіерею для совѣщаній съ нимъ (А. И. т. I. 1499 г.).

[2]) П. С. З. т. I, стр, 700.

скому спасенію потребное дѣло весьма забвенію предавали, а между тѣмъ, люди безъ покаянія и безъ причастія св. таинъ помирали» [1]). Такая медленность въ поставленіи священниковъ въ праздные приходы, очевидно, была весьма благопріятна для распространенія раскола. Если архипастыри долго не поставляли священниковъ, гдѣ было нужно: то туда приходили раскольническіе наставники и учители, или бѣдные раскольническіе попы, — и совращали православныхъ. Съ другой стороны, были въ нѣкоторыхъ епархіяхъ такіе архипастыри, которые хотя и нелѣностно поставляли священниковъ, куда нужно было, но посвящали иногда уже слишкомъ много, сверхъ потребности. Такъ наприм. «въ извѣстіи о Вятской епархіи» преосвящ. Платона Любарскаго читаемъ про 3-го тамошняго архіепископа Діонисія, что «какъ самъ онъ, кромѣ россійскія грамоты, ничему не ученъ былъ, такъ и отъ епархіальныхъ своихъ учености и дальней въ чтеніи славяно-россійскихъ книгъ исправности не требовалъ; умѣющіе какъ-нибудь прочитать псалмы Давидовы, по его разсужденію, къ произведенію на всѣ степени священства и въ другіе духовные чины были достойными; исполненія правилъ благочинія, воздержанія, трезвости въ подчиненныхъ взыскивалъ не строго, а трудолюбія и раченія въ пріумноженіи оныхъ по себѣ не оставилъ ни малѣйшихъ знаковъ» [1]). Отцы собора 1667 года также жаловались, что епархіальные архіереи не рѣдко посвящали во священники безъ разбору людей всякаго рода: «бѣглыхъ изъ рабства, изъ крестьянства, безъ отпускныхъ и безъ свидѣтельствъ» [2]). «Прежнее архіерейское слушаніе ставленниковъ, говоритъ Посошковъ, вельми ми непонравилось; понеже архіерейскіе служителіе у новоставленниковъ пріемлютъ дары, и, принявъ дары, дадутъ ему затвердить по псалтири нѣкоторые псалмы, и заложа дадутъ при архіереѣ тому ставленику прочести. Архіерей, видя твердо читающа псалтирь, возмнитъ яко-бы и во всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство [3]). Это опять тоже для церкви вредно было, а для раскола, напротивъ, благопріятно. Мало-способные, безграмотные и недостойные священники и діаконы сами легко совращались въ расколъ, да и другихъ за собою увлекали, а многіе, безмѣстные, какъ это мы увидимъ, часто потому одному принуждены были бѣжать въ расколъ, что были безъ мѣста и не имѣли чѣмъ пропитываться. Исторія свидѣтельствуетъ еще, что нѣкоторые архипастыри, вмѣсто того, чтобы все свое вниманіе обращать на благоустроеніе своихъ епархій, иногда вмѣшивались въ дѣла гражданской власти, и въ то самое время, когда въ ихъ епархіяхъ сильно распространялся расколъ, заводили ссоры съ гражданскими лицами. Такъ напр. было въ нижегородской епархіи въ по-

---

[1]) П. С. З. т. X, № 7734.

[2]) Чт. М. Общ. Ист. и Др. Росс. гл. Ш, № 7, отд. IV, стр. 50. Любарскій же говоритъ про вятскаго еписк. Александра, бывшаго, какъ извѣстно, нѣсколько времени въ расколѣ, что онъ „знаковъ никакихъ трудолюбія и никакихъ по своей должности въ Вятской епархіи учрежденій не оставилъ, и былъ мало ученъ славяно-россійской грамотѣ, и ничему болѣе не ученъ“.

[3]) Дополн. къ Ак. Ист. стр. 490, V-го т.

[4]) Соч. Посошкова, стр. 18.

слѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка (около 1699 г.)[1], т. е. въ то самое время, когда здѣсь сильно распространялъ расколъ извѣстный расколоучитель здѣшняго края Онуфрій съ многочисленными учениками. Подобное обстоятельство случилось и въ нижегородской епархіи, при Петрѣ Великомъ, при архіеп. Ѳеодосіи[2]), и это было въ такое время, когда въ новгородской епархіи весьма сильно распространялась Ѳедосѣевщина. Такія соблазнительныя для народа ссоры и тяжбы епархіальныхъ архіереевъ съ губернаторами въ XVIII в. случались, къ прискорбію, весьма часто. Вспомнимъ, наконецъ, еще то, что до Петра Великаго епархіальные архіереи, кажется, вовсе не представляли никакихъ отчетовъ о состояніи своихъ епархій. Да и послѣ того, какъ предписано было[3]) представлять эти отчеты, они не всегда представлялись исправно и благовременно[4]). Оттого внутреннее состояніе многихъ епархій, поведеніе въ нихъ духовенства, нравственный бытъ православныхъ—все это было весьма мало извѣстно. А для раскола какъ это было благопріятно! При неизвѣстности или малоизвѣстности внутренняго состоянія епархій, онъ, какъ червь, втайнѣ язвилъ и подтачивалъ православную паству русской церкви. И тѣмъ успѣшнѣе онъ распространялся въ такихъ епархіяхъ, особенно въ дальнихъ уѣздахъ, гдѣ благочинные-старосты поповскіе, десятскіе священники, или ихъ закащики не всегда также были добрые, благонамѣренные и благопопечительные; напротивъ, почти всегда многое утаивали и не обращали надлежащаго вниманія на состояніе своихъ благочиній или округовъ[5]). Архимандриты и игумены, которымъ, по силѣ опредѣленія стоглаваго собора, также иногда поручалось наблюденіе за приходскими церквами въ городахъ и селахъ, часто не имѣли возможности смотрѣть за своими монастырями и вотчинами монастырскими, не только что за другими городскими и сельскими приходами[6]). Притомъ, бывали случаи, что архимандриты, вмѣстѣ съ свѣтскими чиновниками-десятильниками архіерейскими, за взятки прикрывали раскольниковъ. Такъ напр. когда донесли нѣкоторые православные о хулахъ томскаго расколоучителя Васьки Шапошникова архимандриту

---

1) Ист. Росс. Іерарх. ч. 1, стр. 167.

2) П. С. З. VII, № 4717, стр. 473.

3) П. С. З. X, № 7450.

4) П. С. З. VI, № 3914.

5) О нерачительности благочинныхъ въ XVII в. свидѣтельствуетъ, напр., то, что въ 1605 г. тіунъ патріаршій извѣщалъ п. Іова; „по государеву де и цареву и великаго князя Бориса Ѳедоровича всея Руси указу по соборному уложенію велѣно въ поповской избѣ сидѣти старостамъ поповскимъ для церковнаго всякаго благочинія и поповъ и діаконовъ отъ всякаго безчинія унимати, а *старосты де и десятскіе поповскіе въ избу не приходятъ и поповъ и діаконовъ отъ безчинства не унимаютъ*“ (Времен. Моск. Общ. Ист. кн. XIV, смѣсь, стр. 24; Грамоты о учрежденіи поповскихъ старостъ и церков. благочин. въ Москвѣ). Тоже можно видѣть и изъ инструкціи старостамъ поповскимъ или благочиннымъ смотрителямъ отъ п. московскаго Адріана. П. С. З. т. II, № 1612 Неблагопопечительные благочинные тѣмъ чаще должны было встрѣчаться, что выборъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предоставлялся самимъ священникамъ изъ среды ихъ же самихъ, П. С. З., № 1612, стр. 35—49.

6) А. А. Э. III, № 331. IV, №№ 19, 37, 121, 161, 163—165, 225, 253, 281, 311, 324 326—328, 331, 335, А. И. VI, № 151, 178, 203; V, № 65, 171, 177, 244, стр. 112.

тамошняго Алексѣевскаго монастыря Варлааму и десятильнику сибирскаго митрополита, «нѣкоему мірянину»: то архимандритъ тотъ, говоритъ Игнатій митр. тобольскій, призвавъ расколоучителя и вопросивъ, обрѣтаетъ его потаившася въ ереси своей, якобы клеветная ему на ня возвѣщена быша, и моли его отпустити себе свободна, давъ ему нѣкій отъ сребреницъ подарокъ: той же окаянный лжеархимандритъ, яко сребролюбецъ сый, воспріятъ подарованіе, и согласися съ подобнымъ себѣ десятильникомъ отпустивъ его свободна, и возвѣстившимъ же на него пристрастиша, во еже къ тому на него Ваську ничего же да повѣдаютъ: се же сотвориша мздоиманія ради [1]). Духовные фискалы, которые при Петрѣ Великомъ посылались въ епархіи для изслѣдованія, нѣтъ ли гдѣ какихъ безпорядковъ, также, какъ сказано въ духовномъ регламентѣ, «дружа своимъ благодѣтелямъ, или мзду емля, много утаивали [2]). Явно, что при такихъ благочинныхъ расколъ весьма удобно могъ распространяться, легко могъ пользоваться утайкой и покровительствомъ.

Въ-третьихъ, въ церковно-іерахическомъ отношеніи весьма много благопріятствовали распространенію раскола—*малочисленность и обширность епархій, отсутствіе епископскихъ каѳедръ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, были совершенно необходимы* [3]). Расколъ особенно свободно и успѣшно распространялся въ самыхъ большихъ епархіяхъ, которыя, по чрезмѣрной обширности своей, весьма неудобны были для епископскихъ обозрѣній. И преимущественнымъ поприщемъ его распространенія здѣсь были отдаленнѣйшіе, крайніе предѣлы, которые почти совершенно лишены были епископскаго надзора, и въ которыхъ, по ихъ обширности и отдаленности, слѣдовало быть особымъ епархіямъ. Такова напр. была сибирская епархія и нѣкоторыя Великороссійскія. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ объ этомъ такъ говорилъ собору 1681 года: «архіерейское вновь прибавленіе потребно и нужно, для того, что сибирская страна пространна и въ ней множество народа Христа незнающаго, такожде и иные грады отъ архіерейскаго пребыванія имѣютъ дальнее разстояніе, и именно въ сибирстѣй странѣ отъ столичнаго града той епархіи до Даурскихъ и Нерчинскихъ и Албазинскихъ остроговъ и до иныхъ тѣмъ же подобныхъ мѣстъ во едино лѣто, и въ полтора, и въ два едва преходятъ, и въ тѣхъ дальнихъ мѣстахъ христіанская вѣра не расширяется, развратники же святыя церкви тамъ умножаются [4]), да не токмо въ такой дальней и про-

---

[1]) См. 3-е посл. Игн. въ Прав. Собесѣд. 1855 г. кн. 2, стр. 131, 132.

[2]) Полн. Собр. Зак. Дух. регл. ч. II. п. 17.

[3]) При вступленіи Никона на патріар. престолъ, въ Великороссійской церкви, кромѣ патріаршей области, считалось только 15 епархій, въ коихъ было 4 митрополита, 9 архіепископовъ, 2 епископа. Въ 1656 г. учреждена была еще вятская епархія. Ист. Росс. Іер. ч. 1, стр. 33. Послѣ 1700 г. было 23 епархіи.

[4]) Предѣлы тобольской епархіи въ XVII в. и въ началѣ XVIII столѣтія простирались: на сѣверѣ до Ледовитаго моря, на востокѣ до Восточнаго океана, на югѣ до земель подвластныхъ китайскому императору, т. е. до Дауріи и Киргиз-кайсацкихъ степей, а на западѣ до Урала, и далѣе его, внутрь европейской Россіи, или до крѣпостей Бисерской и Ачинской, словомъ: тобольская епархія тогда простиралась на

странной странѣ, но и въ иныхъ многихъ градѣхъ, именно въ Путивлѣ и въ Сѣвскѣ, въ Галичѣ, въ Костромѣ, и въ иныхъ многихъ мѣстѣхъ противники умножилися, за неимѣніемъ себѣ возбраненія, за разстояніемъ дальнимъ, понеже въ епархіяхъ градъ отъ града и мѣсто отъ мѣста имѣютъ разстоянія не малая» [1]). Города Путивль, Сѣвскъ, Галичъ, Кострома и Нижній-Новгородъ принадлежали къ московской патріаршей епархіи. Эта епархія, послѣ сибирской, была самая обширная: она заключала въ себѣ въ началѣ распространенія раскола нынѣшнія епархіи—московскую (исключая коломенской области), костромскую, вятскую, нижегородскую, курскую и орловскую, нѣкоторые приходы и цѣлые уѣзды въ епархіяхъ—архангельской, владимірской, новгородской и тамбовской [2]). По описи 1702 года, въ патіаршей епархіи считалось 3750 церквей. Очевидно, что одному патріарху весьма трудно было усмотрѣть за всѣмъ въ такой обширной епархіи, тѣмъ болѣе, что онъ, въ то же время, занятъ былъ дѣлами всей русской церкви и управленіемъ монастырями своей патріаршей епархіи, и многочисленными записными домовыми монастырями, разсѣянными по разнымъ епархіямъ, но изъятыми изъ вѣдомства и управленія мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ. И потому неудивительно, если въ московской епархіи расколъ весьма сильно распространялся и особенно въ дальнихъ ея предѣлахъ, владимірскихъ, нижегородскихъ, мезенскихъ, холмогорскихъ и архангельскихъ. Причиною сильнаго распространенія раскола въ нижегородскомъ краю, въ настольной грамотѣ, данной въ 1672 году первому митрополиту нижегородскому Филарету, прямо признается отсутствіе въ этой странѣ епископской каѳедры, епископскаго надзора. Такъ читаемъ въ этой грамотѣ: «таковые прелестники развратники умножались наипаче въ великомъ княженіи низовскія земли, въ преименитомъ и начальнѣйшемъ тоя страны градѣ, именуемомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ окрестными его грады и весьми. *Не сущу бо тамо пастырю*, оскудѣша овцы отъ пищи сущія тамо, неимущія скотопажитнаго пропитанія, сирѣчь духовныя пищи, проповѣди слова Божія, въ насыщеніе душъ христіанскаго народа. Окрестъ же непрестанно навѣтующимъ злохищнымъ волкомъ и расторгнути стадо Христово велетщательно подвизающимся. Убо избранное стадо словесныхъ овецъ начало малитися, волки же злохищныя умножилися» [3]). Послѣ патріаршей, московской епархіи весьма обширная епархія была новгородская: она до 1682 года обнимала, безъ малаго, нынѣшнія епархіи—с.-петербургскую, олонецкую, архангельскую, нѣкоторые уѣзды и приходы изъ вологодской и другихъ сѣверо-восточныхъ епархій. По описи 1702 года

пространствѣ слишкомъ 300,000 кв. миль, на пространствѣ нынѣшнихъ 6 епархій: тобольской, иркутской, томской, значительной части камчатской, оренбургской и пермской (Врем. Моск. Общ. Ист. кн. XX., статья священника Сулоцкаго; „Филоѳей Лещинскій, митрополитъ тобольскій и сибирскій").

[1]) А. И. т. V, № 75, стр. 109, 110.

[2]) Снѣгиревъ. Пам. Моск. Древн. стр. 197, 198. П. С. З. 1. № 201. Здѣсь подробно исчислены десятины, волости и города, входящіе въ составъ патріарш. епархіи съ 1626 по 1656 г.

[3]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVIII, стр. 111—113.

въ ней считалось 1017 церквей [1]). Слѣдовательно, опять очень естественно, если и въ новгородской епархіи расколъ нашелъ для себя большой просторъ. Не удивительно, что олонецкіе и бѣломорскіе предѣлы, вообще все Поморье, вся обонежская пятина, до 1682 г. почти совершенно лишенные епископскаго надзора, сдѣлались главнымъ и самымъ сильнымъ гнѣздомъ безпоповщины. Точно также было отчасти и въ епархіяхъ казанской и астраханской, которыя обнимали тогда всю южную, заволжскую страну Россіи [2]). Монастыри и пустыни казанской епархіи въ XVII и 1-й половинѣ XVIII вѣка, находились не только въ отдаленныхъ предѣлахъ казанской епархіи, но и въ предѣлахъ нынѣшней вятской епархіи: въ Елабугѣ, Сарапулѣ, Уржумѣ, въ Кукарской Слободѣ, въ Яранскѣ, въ Царевосанчурскѣ; въ предѣлахъ нынѣшней пермской губерніи—въ г. Осѣ, въ предѣлахъ костромской губерніи—въ гор. Варнавинѣ; въ Нижнемъ-Новгородѣ въ Василь-городѣ, въ Самарѣ, въ предѣлахъ нынѣшней симбирской губерніи—въ Сызрани и Каширѣ. Отдаленнѣйшіе изъ этихъ монастырей и пустыней, не подлежавшіе вѣдомству мѣстныхъ архипастырей, оставались почти безъ всякаго надзора: иноки жили, какъ хотѣли, и бродили, куда хотѣли и нерѣдко обращались въ расколоучителей. Кромѣ обширности епархій, весьма важное неудобство въ управленіи ими заключалось еще въ томъ, что часто предѣлы ихъ были весьма перепутаны: не было точной писцовой разграниченности [3]). Отсюда нерѣдко возникали между архіереями споры изъ-за предѣловъ епархій и вмѣшательства одного архіерея въ епархію другаго. А духовенство пользовалось этими случаями и не хотѣло повиноваться ни тому, ни другому изъ спорящихъ архіереевъ; даже въ это время обнаруживало духъ вольности и стремленія къ совершенному освобожденію отъ суда, расправы и пошлинъ архіерейскихъ. Такъ напр. въ 1622 г., когда шли споры за границы епархій новгородскаго и вологодскаго архіереевъ, именно изъ-за уѣздовъ Двины, Каргополя, Холмогоръ, Турчасова, Ваги, которыя изстари принадлежали новгородской архіепископіи,—м. новгородскій Макарій жаловался въ челобитной къ царю Михаилу Ѳедоровичу, что «тѣ де колмогорскіе и важскіе и каргопольскіе, и тѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ, по монастырямъ архимандриты и игумены, а по мирскимъ храмамъ попы и діаконы и церковные причетники, и земскіе люди, его (митрополита) и его приказныхъ людей и десятильниковъ ни въ чемъ не слушаютъ и во всякихъ духовныхъ дѣлахъ подъ судъ не даются и ставятся сильны, и духовныхъ дѣлъ судными и всякими пошлинами тѣ архимандриты и игумены и попы владѣютъ и корыстуются сами межь себя, а въ софѣйскую казну всякихъ нашихъ пошлинъ не платятъ [4]).

---

[1]) По чрезмѣрной обширности этой епархіи, въ ней въ 1681 г. предполагалось дать митрополиту новгородскому 5 епископовъ, каѳедры которыхъ долженствовали быть: въ Великихъ Лукахъ, въ Городцѣ, въ Холмогорахъ, на Олонцѣ и на Вагѣ. П. С. З. т. II, стр. 363.

[2]) Казанская епархія заключала въ себѣ нынѣшнія епархіи казанскую, симбирскую и уфимскую: астраханская—астраханскую и саратовскую. П. С. З. П. стр. 363.

[3]) См. напр. А. А. Э. т. IV, № 204, стр. 263. А. И. т. V, 243, 225.

[4]) А. Э. т. Ш, стр. 171.

Точно также въ 1675 году, по неопредѣленности, по неразграниченности предѣловъ рязанской и коломенской епархіи, архіереи этихъ епархій спорили между собою о новопостроенномъ городѣ Богородицкѣ въ епифанскомъ уѣздѣ, и священники этого города не подчинялись рязанскому митрополиту, хотя епифанскій уѣздъ причисленъ былъ къ рязанской епархіи [1]). Вообще надобно замѣтить, что недостатокъ епархій и епископскаго надзора, а также споры за границы епархій, дававшіе просторъ вольности духовенства, столько благопріятствовали распространенію раскола, что церковное и гражданское правительство наше во 2-й половинѣ XVII столѣтія весьма заботилось, по возможности, устранить то и другое, чтобы воспрепятствовать распространенію раскола. На этомъ основаніи, именно съ цѣлію воспрепятствовать распространенію раскола, отцы собора 1667 г. назначили епископовъ для Холмогоръ, Томска, Енисейска, Устюга, Воронежа, Тамбова, Углича, Каргополя, Бѣлоозера, Дмитрова, Ржева [2]). Потомъ въ 1681 г. царь Өедоръ Алексѣевичъ и патріархъ Іоакимъ предлагали ввести степени между пастырями, съ тѣмъ, чтобы въ вѣдѣніи 13 митрополитовъ было 25 архіепископовъ и епископовъ, именно 6 архіепископовъ и 19 епископовъ [3]). Но къ сожалѣнію, въ оба раза затрудненія въ содержаніи каөедръ были причиною того, что новыхъ епархій было открыто гораздо менѣе, чѣмъ признавали нужнымъ [4]). И потому многія мѣста, гдѣ не было каөедръ епископскихъ, и куда почти вовсе не простирался епископскій надзоръ, по-прежнему оставались поприщемъ безпрепятственнымъ и просторнымъ для распространенія раскола. Такимъ образомъ расколъ свободно и безпрепятственно распространялся «за неимѣніемъ возбраненія себѣ», или за отсутствіемъ епископскаго надзора: въ нижегородскихъ предѣлахъ до 1672 года, въ холмогорскомъ, важскомъ, устюжскомъ и тотемскомъ, также въ тамбовскомъ и воронежскомъ краю до 1682 года, во владимірскомъ до 1742 года, въ Галичѣ и Костромѣ до 1745 г., въ словенскихъ и херсонскихъ предѣлахъ до 1775 г., въ саратовскомъ краю до 1799 года [5]).

Къ сожалѣнію, и тѣ епархіи, какія существовали во 2-й половинѣ XVII и 1-й половинѣ XVIII столѣтія, во время распространенія раскола нерѣдко оставались безъ архипастырей, «вдовствовали». Это вдовство иногда продолжалось довольно долгое время и также было благопріятно для распространенія раскола. Здѣсь опять съ сожалѣніемъ должно вспомнить печальную участь п. Никона и послѣдовавшее за нею 8-лѣтнее вдовство русской церкви. «Яко оставленіемъ престола сотвори церковь святую вдовствовати 8 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ», какъ сказано въ извѣстномъ уже намъ объявленіи о винахъ Никона: «въ неже между-патріаршества время блаз-

---

[1]) А. Ряз. края стр. 105.

[2]) П. Соб. Зак. т. I, № 412, 707 и 708.

[3]) П. С. З. т. II, № 898.

[4]) Только соборнымъ опредѣленіемъ 1675 г. опредѣлены были нѣсколько точнѣе границы епархій новгородской, ростовской, коломенской и рязанской, также запрещено было вмѣшательство одного архіерея въ дѣла епархіи другого архіерея; и предписано было владѣть церквами и приходами по писцовымъ книгамъ.

[5]) Истор. Росс. Іерар. ч. 1. стр. 22—25 и др.

нишася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятежницы православно-россійскія церкве, лестными ученми своими многихъ души людей погубившіи» [1]). Во время 8-лѣтняго вдовства церкви русской, по удаленіи Никона, расколъ тѣмъ успѣшнѣе распространялся, что въ это время и церковное и гражданское правительство занято было дѣломъ Никона, а дѣлами патріаршими, скажемъ словами преосв. Филарета, «самовольно взялся управлять неспособный ими м. крутицкій Питиримъ» [2]). Потомъ, когда расколъ распространялся по разнымъ епархіямъ, успѣхъ его здѣсь также нерѣдко зависѣлъ отъ того, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, во время его распространенія, не было архипастырей, и потому не кому было предостеречь православныхъ отъ раскола. Такъ въ корельской епархіи, учрежденной въ 1593 г., по смерти перваго епископа Сильвестра, не было преемниковъ болѣе полстолѣтія, т. е. съ 1616 по 1685 годъ. Въ вологодской епархіи, во время самаго сильнаго, первоначальнаго распространенія раскола, не было архипастыря въ продолженіе 9 лѣтъ, именно съ 1656 г., когда скончался здѣшній архіепископъ Маркеллъ, и до 1665 года [3]). Въ то же самое время, когда открылся расколъ въ епархіи рязанской и муромской, откуда произошелъ и куда за расколъ сосланъ былъ Никономъ извѣстный расколоучитель протоп. Логгинъ, но было архипастыря въ продолженіе 2 лѣтъ, по убіеніи тамошняго архіепископа Мисаила въ Мордвѣ за проповѣдь Евангелія. Не напрасно п. Никонъ, по этому случаю, сильно опасался, чтобы православные тамошніе не заблудились и не повредились душевно. «Нынѣ же святѣйшая архіепископія, писалъ онъ въ настольной грамотѣ м. Иларіону, законнаго лишается пастыря и архіерея. Не мало убо попеченіе имъ смиреніе наше обрѣсти тояжде предстательство и пастырскій священный чинъ воспріяти хотящаго безъ предстателя пребыти и церковнымъ ея службамъ нерадивѣ и всуе носитися и тамошнимъ господиномъ христоименитымъ людямъ душевно вредитися» [4]). Епархія архангельская и холмогорская, въ предѣлахъ которой расколъ успѣлъ пустить глубокіе корни еще тогда, когда здѣсь не было вовсе архипастырской каѳедры, въ 1702 г. лишилась своего перваго архіепископа Аѳанасія, извѣстнаго поборника православія, и послѣ того оставалась безъ архипастыря до 1705 года [5]); а въ это время, надобно замѣтить, расколъ здѣсь со дня на день возрасталъ и вообще такъ быстро и сильно размножился въ сѣверномъ поморьѣ, что въ слѣдующемъ, 1706 году, возникла тамъ еще новая, опаснѣйшая секта—Ѳедосѣевщина и быстро распространялась по всему сѣверу [6]). Въ астраханской епархіи въ 1655 году архіеп. Пахомій скончался въ моровое повѣтріе, а новый архіеп. Іосифъ поставленъ былъ уже въ 1663 г., т. е. чрезъ 8 лѣтъ [7]); между тѣмъ въ это время раскольники

---

1) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. III, стр. 404.
2) Ист. Русс. Цер. преосв. Филар. (о Никонѣ прим. 86).
3) Ист. Росс. Іерархіи ч. 1, стр. 186.
4) Грам. рязан. края, стр. 81.
5) Ист. Росс. Іерарх. ч. 1, стр. 193.
6) Полн. Истор. извѣст. о раскол. ч. 1.
7) Ист. Росс. Іерарх. 1, стр. 105.

проникли и сюда, и скоро до такой степени усилились въ астраханскомъ краю, что въ 1671 г., вмѣшавшись въ шайку буйныхъ мятежниковъ-казаковъ, также большею частію раскольниковъ, произвели кровопролитный мятежъ въ Астрахани и умертвили самаго архіеп. Іосифа [1]). Въ новгородской епархіи, послѣ 19-лѣтняго епископствованія здѣсь просвѣщеннаго и благопопечительнаго архипастыря Іова, скончавшагося въ 1716 году, не было архипастыря въ продолженіи 5 лѣтъ, до 1721 года; между тѣмъ учители секты Ѳедосѣевской въ это время непрестанно ходили по городамъ и селамъ съ проповѣдью ученія Ѳедосѣева. Въ 1721 г, на Новгородскую каѳедру поступилъ архіеп. Ѳеодосій Яновскій, но чрезъ 4 года этотъ архіепископъ лишенъ былъ сана и посланъ въ заточеніе въ никольскій корельскій архангельскій монастырь, въ то самое время, когда весьма сильно распространялась въ новгородской епархіи Ѳедосѣевщина. На его мѣсто поступилъ знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ и управлялъ новгородскою паствою 10-ть лѣтъ, но послѣ его смерти (въ 1736 г.) въ Новгородѣ опять цѣлые 4 года не было мѣстнаго архіерея [2]). Такимъ образомъ, въ то время, какъ преемственный рядъ православныхъ архипастырей въ новгородской епархіи неоднократно пресѣкался въ началѣ XVIII столѣтія, и иногда довольно на долгое время, Ѳедосѣевщина и другіе толки безпоповщины здѣсь непрестанно продолжали умножаться и распространяться. Въ воронежской и елецкой епархіи, по смерти архіеп. Арсенія въ 1712 г. Іюля 8 дня, новый архипастырь, м. Пахомій прибылъ уже въ 1714 г. Апрѣля 25 дня. А когда этотъ скончался въ 1723 г. Сентября 23, новый прибылъ опять чрезъ два года, въ 1725 г. Октября 31; между тѣмъ и въ этой епархіи расколъ также очень сильно распространялся, особенно между казаками Елецкими [3]). Въ Сибири, въ то самое время, какъ сосланъ былъ туда со всѣмъ своимъ семействомъ главный расколоучитель Аввакумъ и разсѣевалъ тамъ плевелы раскола съ 1656—1662 г., архіеп. тобольскій Симеонъ, въ 1658 г., неизвѣстно за что, былъ подъ запрещеніемъ цѣлый годъ, и не велѣно было ему служить даже литургіи [4]). Потомъ, въ началѣ XVIII столѣтія, когда въ Сибири расколъ чрезвычайно сильно распространялся, не смотря даже на сильное противодѣйствіе архипастырей послѣ кончины м. Игнатія, сочинителя 3 посланій противъ раскольниковъ, въ Тобольскѣ архіерея не было болѣе 2 лѣтъ [5]). Вообще надо замѣтить, что въ то время, когда въ церкви русской особенно сильно распространялся расколъ, на бѣду, многія епархіи нерѣдко довольно долгое время оставались безъ пастырей,

---

[1]) Собр. госуд. грам. и указ. ч. IV.

[2]) Ист. Росс. Іерарх. 1, 8 П. С. З. VII, 4717, стр. 473.

[3]) Опис. жизн. и подвиг. Тихона, еп. ворон. и елецк. стр. 5, изд. 7. 1843.

[4]) Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Сибири: Ж. М. Н. Пр. за 1854 г., Февраль, стр. 30.

[5]) Тамъ же, Мартъ, стр. 40. Между тѣмъ, по причинѣ даже такого недолговременнаго отсутствія архипастыря, возникли здѣсь большіе безпорядки. М. Филоѳей Лещинскій, вскорѣ по прибытіи въ Сибирь (въ 1702 г.), писалъ къ Петру I въ челобитной: „пришедъ въ сибирскія страны, въ церквахъ Божіихъ усмотрялъ я великое нестроеніе. (Врем. М. Общ. Ис. кн. XX. Филоѳ. о Лещин.).

или имѣли такихъ, которые по дряхлости своей уже почти неспособны были управлять епархіями. «Во многихъ епархіяхъ, доносилъ государю Петру I Ноября 20 д. 1718 г., м. рязанскій Стефанъ, архіереевъ нѣтъ: въ кіевской, въ новгородской, въ тобольской, въ смоленской, въ коломенской, а престарѣлые на Устюжнѣ, на Вяткѣ, и отъ вдовствующихъ епархій присылаютъ ко мнѣ всякія дѣла съ великою трудностію, дальняго ради разстоянія и стужаютъ мнѣ, прося о рѣшеніи дѣлъ, и я на тѣхъ дѣлахъ помѣчаю: ждать своего архіерея, и нынѣ у нихъ премногое множество накопилося дѣлъ, и ставленниковъ и нестроеній церковныхъ много, и безъ архіереевъ пробыть у нихъ не возможно» [1]). Если такимъ образомъ въ праздныхъ епархіяхъ, за небытіемъ архипастырей, возникла во множествѣ всякаго рода безпорядки: то очень естественно если и расколъ, этотъ главный безпорядокъ русской церкви въ то время, находилъ для себя во время совершеннаго отсутствія епископскаго надзора особенно безпрепятственный пріютъ и просторъ: ибо расколоучителямъ легко было расхищать овецъ православнаго церковнаго стада, гдѣ не было пастырей. Какъ легко и удобно было расколоучителямъ распространять расколъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ не было главныхъ пастырей—блюстителей единовѣрія, это можно видѣть уже изъ того опасенія, какое высказывали въ это время патріархи въ настольныхъ грамотахъ, которыя давали новымъ архіереямъ, поступавшимъ на праздныя каѳедры. Такъ напр. въ настольной грамотѣ, данной п. Адріаномъ м. Стефану Яворскому, при поступленіи его на каѳедру рязанскую и муромскую, читаемъ: «сущая тамо церковь остася вдовственна, не имѣющи свойственнаго пастыря, и людъ насущій тамо руководительства никоего же стяжеваетъ. О семъ мѣрность наша презельнѣ потчавшися, да не похитится оная паства коимъ злаго плевосѣятельства вредомъ и пороку блазненну подпадетъ кромѣ пастыря» [2]).

Еще болѣе благопріятствовала распространенію раскола *малочисленность храмовъ*. По описи 1702 г. всѣхъ храмовъ въ Великороссійской церкви

[1]) П. С. З. т. V, № 3239 2, 5. Кромѣ того, при Петрѣ В. архіереи нерѣдко должны были отлучаться изъ своихъ епархій и пріѣзжать по очередно въ Петербургъ, а нѣкоторые и долго проживали въ столицѣ, управляя отсюда дѣлами своей епархіи. Понимая, какъ это неудобно и даже вредно для порядка церковнаго, м. рязанскій Стефанъ такъ доносилъ объ этомъ Петру I: „буде здѣсь въ С. Петербургѣ жить вовсе, у какихъ дѣлъ быть, какъ епархію рязанскую въ толикомъ разстояніи управлять, какъ запасы изъ такой дальности возить, кому епархію патріаршую и церковь соборную и духовныя дѣла вѣдать, кому ставленниковъ обѣихъ епархій ставить, кому школьные порядки вручить“.

[2]) Грам. ряз. края, стр. 162. Какъ скоро и сильно вкрадывались безпорядки, когда не было въ церкви верховныхъ пастырей—блюстителей порядка, доказательствомъ этого служатъ также слова изъ письма ц. Алекс. Михайловича къ Никону, послѣ смерти Іосифа: „Мати наша, соборная и апостольская церкви, вдовствуетъ, зѣло слезно и вельми сѣтуетъ по женихѣ своемъ, и какъ въ нее войти и посмотрѣть, и она, мати наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имущи подружія: такъ же и она, не имый жениха своего, печалуетъ; и все перемѣнилось не токмо въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ, духовнымъ дѣламъ зѣло разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтемъ жить“. Аполлос. стр. 11.

считалось 12,076. а по вѣдомости 1739 г. 16,000 [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что этого числа церквей было бы вполнѣ достаточно для русской церкви во 2-й половинѣ XVII вѣка, когда всего русскаго народонаселенія было не болѣе 11,000,000, и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда народонаселеніе возрасло до 15,000,000 [2]), если бы только это число храмовъ распредѣлено было правильно, сообразно съ мѣстными нуждами и обстоятельствами русской церкви. Потому что даже въ настоящее время, когда православнаго народонаселенія въ Россіи болѣе 48,539,510,—церковь русская, кажется, довольствуется 35,838 храмами [3]). Но, къ сожалѣнію, въ прежнее время, когда въ Россіи распространялся расколъ, приходы по епархіямъ большею частію такъ неудобно были распредѣлены, что во многихъ мѣстахъ церквей или вовсе не было, или было крайне недостаточно, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ ихъ было слишкомъ много, такъ что правительство находило нужнымъ ограничивать построеніе новыхъ храмовъ. Недостатокъ храмовъ преимущественно замѣтенъ, опять, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно сильно распространялся расколъ. Такъ, въ поморскомъ краю, въ олонецкомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ извѣстно, особенно сильно распространялась безпоповщина, и гдѣ утвердилось первое гнѣздо ея—выгорѣцкій скитъ, по писцовымъ книгамъ конца XVI столѣтія, было около 35 приходовъ [4]). Между тѣмъ этотъ уѣздъ обнималъ кругомъ около 5895 верстъ [5]), по 1473 версты въ каждую сторону. Слѣдовательно, на каждый приходъ приходилось среднимъ числомъ больше 672 кв. верстъ, по 168 верстъ съ лишнимъ въ каждую сторону. Очевидно, что православнымъ, жившимъ отъ своихъ приходовъ за 168 верстъ, пріѣзжать въ церковь было неудобно, а приходить совершенно невозможно. Если число посадскихъ и уѣздныхъ олонецкихъ дворовъ 9984, показанное въ выпискѣ изъ окладной книги 1681 г. полное, что, впрочемъ, не вполнѣ вѣроятно [6]), то и въ этомъ количествѣ дворовъ въ олонецкомъ уѣздѣ приходилось среднимъ числомъ на 285 дворовъ, или на 1120 (если положить среднимъ числомъ по 4 души въ каждомъ дворѣ), по 1 церкви. Конечно, одной церкви на 285 дворовъ или для 1120 душъ, можетъ быть, и достаточно. Но надобно замѣтить,

[1]) П. С. З. т. X. № 7734.

[2]) Голиков. Дѣян. Петра В. т. XII, стр. 661.

[3]) Отчетъ оберъ-прок. св. синода за 1853 годъ.

[4]) Неволинъ „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ Прилож. VI: книга обонежскія пятины, за-онежскія половины, письма Ондрея Васил. Плещеева и подъячаго Семейки Кузьмина, 7091 (1501—1583 г.). Въ XVII стол. едва ли увеличилось это число храмовъ въ олонецкомъ уѣздѣ, послѣ частыхъ и опустошительныхъ нападеній на этотъ край поляковъ и шведовъ.

[5]) Полагая среднимъ числомъ на каждый погостъ заонежск. пятины, по расчисленію Неволина, по 1310 37/81 кв. верстъ. А всѣхъ погостовъ въ олонецк. уѣздѣ, по росписанію 1649 г. считалось 18. Слѣд. на всѣ 18 погост. приходилось около 23, 680 кв. верстъ.

[6]) А. А. Э. т. IV. № 250, стр. 347. Здѣсь означено, кажется, только число окладныхъ дворовъ, съ поторыхъ слѣдовали данныя и оброчныя и полоняничныя деньги. Кромѣ того, надобно и то замѣтить, что писцы часто скрывали, не записывали нѣкоторыхъ дворовъ, какъ это мы увидимъ далѣе.

что тогда деревни въ сѣверномъ поморьи, вообще, большею частію были не большія, состояли изъ 1, 2, рѣдко 10 дворовъ, и разбросаны были по окрестностямъ погоста, или главнаго селенія, гдѣ находилась приходская церковь, иногда на весьма большое пространство [1]), а къ погостскому приходу иногда причислялось 100, 150, даже 200 и болѣе деревень [2]). Кромѣ того, сообщенія съ главнымъ селеніемъ или погостомъ, гдѣ была церковь, въ олонецкомъ краю для многихъ деревень, какъ и вообще во всемъ поморьи, были крайне неудобныя, по лѣсистости и болотистости тѣхъ мѣстъ. «Дороги съ Олонца во всѣ погосты, пѣшія и конныя, какъ сказано, въ воеводской отпискѣ 1649 г., зашли мхи, и озера и перевозы чрезъ озера многія, а тѣлежныхъ дорогъ нѣтъ [3]). Точно также, игуменъ соловецкій Макарій писалъ около 1629 года митроп. новгородскому Кипріану: «что живутъ на ихъ монастырской землѣ на рѣкѣ на Выгѣ надъ порогомъ Воецкимъ ихъ (соловецкаго) монастыря крестьяне, а то мѣсто пришло впустѣ, отъ иныхъ монастырскихъ волостей, въ которыхъ церкви Божіи есть, поудалѣло верстъ по 70 и по 80 и больши; а мѣста пришли непроходимыя зимою и лѣтомъ, дороги и проѣзду никогда не живетъ, и многіе крестьяне въ болѣсти безъ покаянія, и младенцы безъ крещенія помирали, и неотпѣвъ, погребали, потому что вскорѣ священниковъ для бездорожицы добыть немочно» [4]). Въ нѣкоторыхъ погостахъ, напр. въ пудожскомъ, были «лѣса не проходимые» [5]). Слѣдоват. изъ нѣкоторыхъ дальнихъ селъ не только приходить пѣшкомъ, но и пріѣзжать въ тѣ погосты, гдѣ были приходскія церкви, было неудобно. Потому весьма могло быть, что многіе православные въ олонецкой области весьма долго, а нѣкоторые, можетъ быть, даже и никогда не бывали въ храмахъ. Между тѣмъ, когда въ олонецкихъ лѣсахъ, вблизи тѣхъ православныхъ селъ, которыя далеко находились отъ своихъ приходскихъ церквей, появились раскольническіе монастыри и часовни,—православные этихъ селъ, за неимѣніемъ или отдаленностію своихъ православныхъ храмовъ стали входить въ общеніе съ раскольническими монастырями и часовнями, и такимъ образомъ чрезвычайно легко были совращаемы въ расколъ; другіе же, долго не бывая въ церквахъ, до

---

[1]) Неволина—О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ. И вообще на сѣверѣ Россіи населенность деревень была самая малая. Такъ напр. въ 3-хъ уѣздахъ Вотской пятины—Ладожскомъ, Орѣховскомъ и Корельскомъ изъ 2710 деревень въ 1419 деревняхъ было по 1 двору, а отъ 10 до 30 дворовъ въ 58 деревняхъ, отъ 30 же, до 45 дворовъ только въ 4-хъ селахъ, и наконецъ—только въ двухъ селахъ свыше 50 дворовъ. Окладн. Новгород. книга въ 11 и 12 кн. Времен. за 1852 г.

[2]) Напр. по писцовымъ книгамъ 7091 г. въ воскресенскомъ важскомъ погостѣ олон. уѣзда было 202 деревни живущихъ, да 28 пустыхъ, а въ рождественскомъ погостѣ на Олонцѣ 2 сельца, да 354 деревни живущихъ, да 22 деревни пустыхъ, въ мегорскомъ погостѣ того же уѣзда 160 дер. и проч. А церкви, кромѣ главной погостской, находились въ рѣдкихъ селахъ.

[3]) Дополн. къ Акт. Ист. т. Ш, № 64, стр. 230. Неволинъ „О пятинахъ и погостахъ новгород.“ Прилож. VI стр. 154.

[4]) Сборн. архіер. грам. Сол. монаст. ркп. Сол. библ. подъ № 20, 40.

[5]) А. И. т. V, стр. 256.

того охладѣвали къ церкви и православной вѣрѣ, что сами охотно принимали расколъ [1]). Нѣкоторые погосты, или церковные приходы обнимали

---

[1]) Въ главномъ олонецкомъ погостѣ, рождественскомъ, до 1649 г. не видно, чтобы была церковь; по крайней мѣрѣ, въ писцовой книгѣ 1582—1583 г., здѣсь въ государевой отчинѣ, заключавшей въ себѣ до 156 деревень живущихъ, означены пустыя мѣста церковныя и сказано, что церкви пожжены нѣмцами. Неволина. — О пятин. и погост. новгор. Прилож. VI, стр. 154: „погостъ рождественскій на Олонцѣ на усть р. Олонца и на уст. р. Инемы. А на погостѣ отъ острова вверхъ р. по Олонцѣ и по р. Инемѣ на правой сторонѣ на матеромъ берегу мѣсто церковное, что была церковь теплая Рождество Пречистые; да на острову м. церковное, что была церковь теплая Николы чудотворца А церкви пожгли нѣмецкіе люди въ 87 году". Въ 1649 году (въ этомъ же году на Олонцѣ построенъ былъ городъ) былъ здѣсь одинъ приходъ при 2-хъ церквахъ, изъ коихъ одна Троицкая деревянная, клѣтцки, съ 2 предѣлами сооружена была въ 1649 г. въ самомъ городѣ Олонцѣ, другая,—во имя Одигитр. Пресв. Богородицы, находилась ниже города, усть рѣчки Мегречи, на островкѣ, въ 200 саженяхъ отъ города. (Доп. къ Акт. Ист. т. III, № 64, стр. 228 и 230). Приходъ этотъ, какъ видно изъ отписки воеводы князя Ѳедора Волконскаго, заключалъ въ себѣ, по близости, до 800 дворовъ, (Доп. къ А. И. III, № 64, стр. 230) въ которыхъ было, если не до 3,200 душъ, полагая по 4 души на дворъ, то по крайней мѣрѣ никакъ не менѣе 2,400 душъ, если положить, по меньшей мѣрѣ, по 3 души на дворъ. Именно, солдаты и крестьяне олонецкаго погоста отъ гор. Олонца „сидѣли розными мелкими деревнями", въ двѣ стороны на протяженіи 15 верстъ, а прочіи стороны отъ 3 до 7 верстъ. (Доп. къ А. И. т. III, стр. 230). Это были ближніе прихожане олонецкой погостской церкви. Но кромѣ этого, за олонецкимъ погостомъ числились еще „Алонецкаго погоста выставки", въ которыхъ невидно, чтобы были особыя церкви. А эти выставки, по отпискѣ воеводы кн. Волконскаго, „отъ города такъ удалѣли, что въ случаѣ повѣстки въ осадное время поспѣетъ ли кто въ городъ, или нѣтъ, того вѣдать было немочно". Слѣд. онѣ находились отъ олонецкой приходской церкви не близко. Эти выставки „Алонецкаго погоста сидѣли по разнымъ мелкимъ озерамъ отъ города въ верстахъ 70 и болѣе". (Доп. къ А. И. т. III, стр. 230, 231). По писцовой книгѣ 1582—1583 г. въ рождественскомъ погостѣ на Олонцѣ, въ отчинѣ государевой, гдѣ тогда не было ни одной церкви, было 156 деревень живущихъ, а съ вотчиной владыки новгородскаго, гдѣ было, кажется, 2 церкви, считалось 2 сельца, да 354 деревни живущихъ (О пят. и погост. новгор. прилож. VI, стр. 154). Изъ всѣхъ этихъ показаній и соображеній можно заключить, что и въ самомъ олонецкомъ погостѣ не всѣ православные могли съ полною удобностію и легкостію посѣщать храмы; потому что нѣкоторые изъ нихъ, особенно жители тѣхъ выставокъ, въ которыхъ не было своихъ особыхъ церквей, жили очень далеко отъ церквей олонецкаго погоста, къ которому они были причислены. А потому неудивительно, если и въ Олонецкомъ рождественскомъ погостѣ нѣкоторые православные, живя вдали отъ своихъ погостскихъ церквей и не исполняя необходимыхъ христіанскихъ требъ, мало по малу до того охладѣли къ церкви, что, по внушенію расколоучителей, отверглись отъ нея и уклонялись въ расколъ. Другой погостъ въ олонецкомъ уѣздѣ, Пудожской, во время происходившихъ въ немъ во 2-й половинѣ XVII столѣтія мятежей раскольническихъ, тоже былъ съ однимъ приходомъ, при 2 церквахъ, какъ видно изъ дѣла о Пудожскихъ раскольникахъ (А. И. V, № 223). Между тѣмъ въ этомъ погостѣ, по крайней мѣрѣ по писцовымъ книгамъ конца XVI столѣтія, считалось до 145 деревень живущихъ (О пят. и погост. новгор. Прилож. VI, стр. 171 и 172), и отстоялъ отъ другихъ сосѣднихъ погостовъ довольно далеко: отъ Шальскаго въ 28 верстахъ, отъ Водлоозерскаго въ 60, отъ Челможскаго въ 60 же (Доп. къ Ак. Ист. т. III, № 64, стр. 231). Въ этомъ погостѣ сообщеніе дальнихъ православныхъ селъ съ погостскою церковію тѣмъ было труднѣе, что между нѣкоторыми деревнями были, какъ сказано въ Актахъ, „лѣса непроходимые". (А. И. т. V, стр. 256, также № 222), гдѣ и скрывались во 2-й половинѣ XVII

цѣлую волость или станъ [1]). Не лучше, даже, быть можетъ, еще хуже было положеніе православныхъ приходовъ во многихъ погостахъ другихъ новгородскихъ пятинъ. Нѣкоторые погосты и церквей своихъ вовсе не имѣли, а между тѣмъ отъ другихъ погостовъ, гдѣ были церкви, и куда бы могли православные обращаться, за неимѣніемъ своихъ приходовъ, отстояли иногда весьма далеко, верстъ за 60, за 100 и даже болѣе. Таковы напр. были по писцовымъ книгамъ конца XVI столѣтія, въ Вотской пятинѣ: Заверяжье, Малая Лопца, также, вѣроятно, погосты Паозерскій и Каргальскій [2]). Если были погосты безъ церквей въ концѣ XVI столѣтія: то, по всей вѣроятности, были такіе погосты и въ XVII столѣтіи, во время распространенія раскола. Кромѣ того, должно замѣтить и то, что во многихъ погостахъ въ концѣ XVI столѣтія и въ 1-й половинѣ XVII храмы были «позжены нѣмцами или литовскими людьми», какъ не рѣдко замѣчается въ писцовыхъ книгахъ этого времени [3]). Здѣсь нельзя не вспомнить еще слѣдующаго извѣстія Авраамія Палицына, писавшаго въ началѣ XVII столѣтія о смутахъ междуцарствія: «тогда святыя Божіи церкви, говоритъ онъ, огнемъ истреблены быша. Бысть же тогда разореніе свят. Божіимъ церквамъ и отъ самѣхъ православныхъ, якоже капищамъ идольскимъ прежде отъ великаго Владиміра, тогда на славу Божію, нынѣ же на утѣху бѣсомъ съ лютори злѣйшими того содѣяша внуци ихъ, мы и братія наша» [4]). Если еще въ началѣ XVII столѣтія были такіе православные, которые уже до того охладѣли къ храмамъ Божіимъ, что вмѣстѣ съ лютеранами раззоряли ихъ и чрезъ то лишали церковнаго богослуженія прочихъ праправославныхъ: то удивительно ли, что такіе православные, послѣ раззоренія храмовъ Божіихъ, еще болѣе охладѣли къ православному церковному богослуженію, и наконецъ дошли до того, что начали открыто ругаться надъ нимъ и надъ православными храмами, называя ихъ не храмами, а стойлами и т. п. На югѣ Россіи, преимущественно мало было храмовъ въ заволжскихъ предѣлахъ, опять именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ весьма сильно распространялся расколъ. Здѣсь и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ заволжской части нижегородской епархіи, народъ живетъ въ небольшихъ деревняхъ, заключающихъ въ себѣ отъ одного до 10 дворовъ, большею же частію по 5 или 6 дворовъ. Отъ того къ приходу причислено бываетъ иногда по 60, по 70 и даже по 80 деревень, и это замѣчается особенно тамъ, гдѣ рас-

стол. раскольники, производившіе грабежи въ православныхъ селахъ и гдѣ были ихъ пристанища и часовни. Раскольническіе наставники тѣмъ легче уловляли въ свои пристанища правосл. Пудожскихъ христіанъ, что въ это время въ пудожскомъ погостѣ священники были безпечные.

[1]) А. И. л. III, № 151: Обонежскія пятины Выгозерскаго стану Егорьевскаго погосту". А. А. Э. т. III, № 293 и др.

[2]) О пятинахъ и погостахъ новгор. стр. 96, 105.

[3]) Кромѣ того, надобно замѣтить еще, что тогда церкви строились большею частію деревянныя; оттого онѣ скоро ветшали и разваливались и часто сгорали, — о чемъ въ писцовыхъ книгахъ также весьма часто замѣчается. А постройка новыхъ храмовъ часто долго не разрѣшалась правительствомъ и не предпринималась за недостаткомъ средствъ.

[4]) Палицынъ. Сказаніе объ осадѣ Троицкой-Серг. лавры и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, стр. 39, 40.

колъ болѣе распространенъ. Въ такихъ приходахъ деревни отъ церквей отстоятъ иногда на 20 и болѣе верстъ, а въ приходѣ считается иногда по 3, по 4 и даже по 5000 душъ. Что же сказать о прежнемъ времени, когда здѣсь только что распространялся расколъ? Тогда тѣмъ менѣе здѣсь было храмовъ, что крестьяне въ то время только-что селились въ этихъ мѣстахъ, во множествѣ переселяясь изъ дворцовыхъ вотчинъ, изъ подъ Москвы, изъ владимірскихъ предѣловъ и изъ другихъ мѣстъ. Слѣдовательно, пока эти переселенцы сами обзаводились домами на новыхъ мѣстахъ, они, конечно, не могли построить себѣ церквей въ достаточномъ количествѣ. А помѣщики, къ сожалѣнію, заботясь больше объ оброкѣ и объ умноженіи народонаселенія въ своихъ помѣстьяхъ, не всегда заботились сооружать для новосельцовъ церкви. Настоятели же раскольническихъ скитовъ и монастырей нелѣностно приходили къ нимъ и записывали ихъ въ свое согласіе. Въ Казанскій край, во 2-й половинѣ XVII вѣка, постоянно прибывали новые переселенцы изъ Нижняго и другихъ мѣстъ и селились цѣлыми деревнями подлѣ казанскихъ монастырей и пустыней [1]); а между тѣмъ эти бѣдныя пустыни часто не имѣли чѣмъ построить и содержать даже въ своихъ стѣнахъ церквей. Такъ напр. въ 1689 г. архимандритъ козмодемьянскаго спасо-юнгинскаго монастыря Мисаилъ билъ челомъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, что «у нихъ церкви стали ветхи и сгнили, а построить имъ новыхъ церквей за скудость нечѣмъ, потому что отъ города стало въ дальнемъ разстояніи, и къ монастырю де у нихъ никакихъ угодій и рыбныхъ ловель нѣтъ». Въ 1695 г. и эти церкви «погорѣли безъ остатку», и архим. Мелетій билъ челомъ ц. Петру Алексѣевичу, «что крестьяне ихъ оскудѣли и многіе разбрелись врознь, и нынѣ де имъ святыхъ церквей, иконъ и книгъ и всякихъ утварей по-

[1]) Не указывая на изданные акты, мы приведемъ здѣсь слѣдующее свидѣтельство о переселеніи крестьянъ въ заволжскія страны въ нынѣшнюю Казанскую губернію изъ челобитной иноковъ Раиѳской пустыни Петру Великому, хранящейся въ архивѣ этой пустыни: „дано къ той Раиѳской пустынѣ (цар. Алексѣемъ Михайловичемъ) для всякихъ потребъ земли по Казанской дорогѣ до Осиновой поляны до долгаго боярака, а отъ долгаго боярака къ Волгѣ рѣкѣ до матераго кряжу, а матерымъ кряжемъ чрезъ Сумку рѣчку вкругъ до того же долгаго бояраку и съ новоросчисною землею, на которой поселились пришлые русскіе люди на ясаки, и учинены по межѣ грани и ямы и всякіе познаки, и въ тѣхъ де ихъ межахъ и урочищахъ на отводной новоросчисной землѣ не въ давнихъ лѣтѣхъ утѣсня ихъ схожіе русскіе люди изселилися дворами вновь, и монастырскую ихъ землю распахиваютъ“. Въ 1670 г. иноки Раиѳской же пустыни писали царю Алексѣю Михайловичу: „по Зюрейской дорогѣ новая пустошь надъ Камою рѣкою урочище свиные горы поросли дикимъ лѣсомъ отъ устья Вятки рѣки по Камѣ рѣкѣ до рѣчки Кострѣевки, и отъ тое рѣчки въ гору прямо до Костреневскаго озера по татарскія пустоши верхняя межа къ Вяткѣ рѣкѣ по черемисскіе лѣса, по Мамашевскія луга, а на томъ мѣстѣ вново поселились пришлые люди крестьяне на дикомъ черномъ лѣсу, лѣсъ росчищали и распахивали“. Такимъ образомъ образовались деревни: Свиныя горы, село Костренѣево съ ясачными новокрещенными, деревня Яковлева и другія. А храмовъ во всѣхъ этихъ новыхъ селахъ не было (списки съ актовъ изъ архива Раиѳ. пуст. находящ. въ библ. Каз. Дух. Академіи).

строить нечѣмъ» [1]). Въ Свіяжскомъ писцовомъ перечневомъ спискѣ 7159 (1651) года замѣчено, что послѣ писцоваго перечневаго списка 155 года (1647), слѣдов. въ 3 или 4 года, вновь населили пришлые крестьяне на монастырскомъ поверстномъ лѣсу 3 деревни, въ числѣ 382 душъ одного мужескаго пола: деревню Курочкина на ключѣ—180 душъ, деревню Ломовку—81 душа, деревьню Гоголиху—121 душа; всѣ эти новонаселенныя деревни оставались безъ церкви, да къ нимъ еще примыкало до 20 старыхъ починковъ и деревень также безъ церквей [2]). О недостаткѣ храмовъ въ Казанской епархіи въ 1719 г. доносилъ святѣйшему Синоду іером. Алексѣй, казначей Казанскаго митрополита и управитель духовныхъ дѣлъ по отношенію къ обращенію инородцевъ Казанской епархіи: «новокрещенцы жительство имѣютъ отъ церквей разстояніемъ верстъ по 20 и больше, и между иновѣрными, просятъ, чтобы въ близости селъ церкви вновь построить. Которыя малолюдныя новокрещенныя деревни, въ дальнемъ разстояніи отъ церквей, верстъ по 30 и больше, а за неудобнымъ путемъ лѣтнимъ временемъ для крещенія и усопшихъ погребенія къ церкви ѣздить имъ бываетъ весьма нужно, просятъ, чтобы для того построить въ удобныхъ мѣстахъ въ близости часовни»... [3]). При такомъ недостаткѣ храмовъ во многихъ мѣстахъ Казанской епархіи, особенно въ деревняхъ, вновь населенныхъ пришлыми крестянами во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, неудивительно, что расколоучители успѣли здѣсь записать въ свои скиты многихъ поселянъ: во многихъ деревняхъ казанскихъ, такимъ образомъ населявшихся во второй половинѣ XVII вѣка бѣглыми и пришлыми изъ Нижняго-Новгорода, изъ-подъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ, въ числѣ выходцевъ приходили и селились и раскольники, бѣжавшіе отъ православныхъ храмовъ въ мѣста, гдѣ не было ихъ. Точно также распространялся расколъ въ Саратовской губерніи, на луговой сторонѣ Волги по берегамъ рѣки большаго Иргиза, послѣ того какъ сюда прибыли въ 1762 году раскольники изъ Польши. Въ то время и сюда также во множествѣ переселялись крестьяне изъ разныхъ губерній, а храмовъ на новонаселенныхъ мѣстахъ не было. Православные, за неимѣніемъ православныхъ церквей, иногда, обращались для исправленія необходимыхъ христіанскихъ требъ къ раскольническимъ монастырямъ, иногда по внушенію раскольническихъ настоятелей, а иногда даже и насильно были принуждаемы къ тому раскольниками. Такимъ образомъ весьма многіе совращались въ расколъ [4]). Наконецъ, въ третьей мѣстности особенно сильнаго распространенія раскола, въ Сибирской епархіи, храмовъ, судя по обширному пространству, было также весьма недостаточно для православныхъ, хотя, по числу тогдашней населенности Сибири, ихъ, повидимому, и довольно было. Именно, по описи 1702 года, въ Сибирской епархіи считалось

[1]) Списки съ актовъ изъ архива спасо-юнгин. монастыря, принадлежащ. Каз. Дух. Академіи.

[2]) Выписка изъ свіяжскихъ писцовыхъ книгъ, находящаяся въ числѣ другихъ выписокъ изъ архивовъ казанск. монастырей и пустыней въ библ. Каз. Дух. Академіи.

[3]) Свѣдѣнія о монаст. Каз. епархіи, рукопись Каз. Дух. Акад.

[4]) Рукоп. о Саратов. раскольникахъ, л. 193, 394.

160 церквей [1]), а народонаселеніе православное къ іюлю 1709 г. простиралось до 229,227 душъ [2]), исключая впрочемъ новокрещенныхъ изъ туземныхъ народовъ, которыхъ, вѣроятно, было не менѣе 15-ти или 20,000 душъ. Слѣдовательно приходилось на 1432 души однихъ русскихъ переселенцевъ по 1 церкви. Конечно, для такого числа душъ одной церкви, можетъ быть, и достаточно при сосредоточенномъ народонаселеніи. Но надобно замѣтить, что въ Сибири тогда народонаселеніе умножалось, а главное—разсѣяно было на пространствѣ болѣе 300,000 квадр. миль (2,100,000 кв. верстъ.) Безъ всякаго сомнѣнія, многіе приходы простирались на нѣсколько сотъ верстъ [3]); потому деревни отъ церквей часто отстояли чрезмѣрно далеко, и притомъ нерѣдко отдѣлялись отъ нихъ лѣсами, озерами и большими рѣками. Если нынѣ есть еще въ Сибири много такихъ приходовъ, въ которыхъ православные живутъ отъ церквей своихъ верстъ за 30, за 50 и даже за 100; то въ XVII столѣтіи такіе приходы должны были еще чаще встрѣчаться. Тогда православные русскіе только что селились тамъ и селились малыми деревнями, въ разныхъ мѣстахъ, смотря по удобству мѣста для жительства. Оттого деревни были, большею частью, разрознены между собою, разбросаны на обширномъ протяженіи привольной Сибирской земли. Очевидно, что во всѣхъ этихъ деревняхъ нельзя было вдругъ построить церквей. Къ тому же, въ то время, когда въ тобольской епархіи особенно сильно распространялся расколъ, тамъ многія церкви часто сгорали. Такъ въ 1677 г. въ Тобольскѣ отъ молніи сгорѣли соборная церковь со всею утварью и 7 приходскихъ церквей, да въ знаменскомъ монастырѣ 3 церкви. Въ 1680 г. въ Тобольскѣ же сгорѣла Вознесенская церковь и церковь Живоначальныя Троицы. Въ 1681 г. въ Абалацкомъ селѣ сгорѣли отъ молніи двѣ деревянныя церкви [4]). Въ 1693 г. сгорѣла въ Верхотурьѣ соборная церковь Живоначальныя Троицы [5]). Иногда, по злобѣ, раскольники сожигали православныя церкви. Такъ, въ 1636 г. въ 1-й день Пасхи, во время заутрени, въ селѣ Каменкѣ (тюменскаго уѣзда) сгорѣла Покровская церковь съ людьми, и въ то же время старая, пустая церковь, отъ пороха, подложеннаго раскольниками. Въ томъ же году, 25 апрѣля, вмѣстѣ съ гор. Тюменью сгорѣли отъ поджога раскольниковъ 2 соборн. церкви, также церкви Иліи Пророка, Спасская, Знаменская [6]). А на мѣсто сгорѣвшихъ новыя церкви иногда весьма долго не строились. До 1726 года и нельзя было построить церкви безъ разрѣшенія высшаго церковнаго Правительства, или даже самого царя. Только съ этого года, св. Сѵнодъ, видя крайнюю нужду скорѣйшаго построенія церквей во многихъ мѣстахъ, разрѣшилъ: «просителямъ о построеніи церквей, обязывая ихъ въ надлежа-

---

1) Матеріалы для истор. христіанск. просв. Сибири. Ж. М. Н. Пр. 1854 г. Мартъ отд. V, стр. 40.

2) Словцовъ, истор. обозрѣніе Сибири. стр. 323, 1838 г.

3) Временникъ Моск. Общ. Ист. кн. XX свящ. Сулоцкаго о Филоѳеѣ Лещинскомъ.

4) Матеріалы для истор. христіан. просв. Сибири. Ж. М. Н. Пр. 1854 г.

5) А. И. т. V, № 121.

6) Матеріалы для истор. христіан. просв. Сибири. Ж. М. Н. Просв. 1854 г. Февраль.

щемъ письменно съ рукоприкладываніемъ, не отписываяся въ св. Сvнодъ, о строеніи церквей давать позволеніе сvнодальной области въ Духовной Дикастеріи, а въ епархіяхъ архіереямъ, чтобъ отъ нестроенія, гдѣ конечная въ томъ имѣется нужда, и долговременно за письменною о позволеніи того пересылкою, во всякихъ церковныхъ исправленіяхъ по закону христіанскому въ тѣхъ мѣстахъ обывателями, никакой нужды не происходило» [1]). Между тѣмъ православные, живя долго безъ храмовъ и безъ церковнаго богослуженія, невольно дѣлались холодными къ православной церкви и наконецъ отпадали отъ нея. Вообще, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православныхъ церквей было весьма мало, или даже вовсе не было, а между тѣмъ вблизи находились раскольническіе монастыри и часовни,— расколъ весьма сильно распространялся. Расколоучители, коль скоро примѣчали, что гдѣ нибудь нѣтъ церкви, или она по какому-либо случаю упразднялась, тотчасъ являлись въ такихъ приходахъ и дѣйствовали на народъ. Православные, въ которыхъ еще не погасло чувство благочестія, не охладѣло желаніе ходитъ въ церковь молиться Богу и исполнять необходимыя христіанскія требы, за неимѣніемъ вблизи православной церкви, охотно соглашались посѣщать хоть эти раскольническіе монастыри и часовни. А тамъ легко совращались и въ расколъ: часовенная или монастырская служба раскольниковъ невольно завлекала ихъ, плѣняла простое, вѣрующее сердце русскихъ простолюдиновъ своимъ внѣшнимъ, обрядовымъ благолѣпіемъ, сладостію тихаго стариннаго, столповаго пѣнія, иногда заунывнаго, проникнутаго чувствомъ покаянной грусти, и пріятностію внятнаго, раздѣльнаго, нѣсколько даже на распѣвъ совершаемаго чтенія. А тѣ изъ провославныхъ, въ которыхъ не было чувства благочестія, и совершенно охладѣло желаніе посѣщать храмъ Божій, охотно принимали расколъ, потому что онъ поблажалъ лѣности ходить въ церковь, и даже прямо училъ не ходить въ церковь.

Подобнымъ образомъ расколъ уловлялъ въ свои сѣти многихъ православныхъ и въ тѣхъ приходахъ, гдѣ хотя храмы и были, но *не было священниковъ, или ихъ было мало, не соразмѣрно съ числомъ душъ въ приходѣ*. Такихъ приходовъ въ русской церкви, въ XVII и въ 1-й половинѣ XVIII столѣтія, было не мало, и опять, къ сожалѣнію, они были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расколъ особенно былъ развитъ. Въ писцовыхъ книгахъ пятинъ и погостовъ новгородскихъ многократно замѣчается, что тамъ во многихъ погостахъ и часто «церкви стояли безъ пѣнья пусты, или дворы поповы были пусты» [2]). Изъ актовъ историческихъ видно также, что у

---

[1]) П. С. З. т. VII, № 4988.

[2]) Такъ напр. въ писцовой книгѣ Обонежской пятины, заонежской половины 7091 г. (1583) читаемъ: „погостъ Ондреевскій Грузинскій, село Грузино, а въ немъ церкви Ондрей первозванный, каменная, да въ предѣлѣ Покровъ пресв. Богородицы, стоятъ *безъ пѣнья пусты* (Невол. О пят. новг. Прилож. VI, стр. 140); погостъ Васильевскій на Волховѣ, на погостѣ церкви Василій Кесарѣйскій стоитъ *безъ пѣнья* (стр. 147); погостъ Богоявленскій на Сяси, а на погостѣ церковь Богоявленіе Господне стоитъ *безъ пѣнья*, въ томъ же погостѣ на никольской землѣ Медвѣжицкаго монастыря на р. на Сяси стоитъ церковь пресв. Богородицы *безъ пѣнья* (стр. 144); погостъ

нѣкоторыхъ церквей въ пятинахъ новгородскихъ, во время самаго сильнаго распространенія тамъ раскола, не было священниковъ [1]). «Въ погостахъ Вотской и Шелонской пятинъ, читаемъ въ актахъ историческихъ, въ близости границъ Польши и Швеціи, *скудости ради iереевъ*, церкви искореняются... тѣхъ градовъ архіереи въ тѣ зарубежныя мѣста іереевъ не поставляютъ, и оттого и достальные христіане, будучи за рубежемъ, искореняются» [2]). И это, надобно замѣтить, было въ томъ краю, гдѣ еще скрывались остатки древней ереси стригольниковъ, предтечи мнимыхъ старообрядцевъ безпоповщинской секты. Въ другихъ епархіяхъ, гдѣ также весьма сильно распространялся расколъ, также во многихъ мѣстахъ ощутителенъ былъ недостатокъ въ священникахъ. Въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ, равно и въ селахъ, многіе приходы лишились священниковъ въ 1656 г., по случаю мороваго повѣтрія. «Мнози, писалъ тогда патр. Никонъ, *за умаленіе іереевъ*, ниже спутника добраго нашего, Пречистаго Тѣла и Крови Христовы сподобишася» [3]): а въ это же время, какъ извѣстно, и расколъ началъ распространяться. Вологодскій архіепископъ Маркеллъ доносилъ царю въ 1650 г., что въ Капитоновской Княгинин-

Рождественскій на Сяси, Ладожской присудѣ (уѣздъ), на погостѣ церковь Рождество Христово, другая церковь Рождество Іоанна Предтечи, стоятъ *безъ пѣнья;* погостъ Никольскій на р. на Пшогжѣ, а на погостѣ церковь Никола чудотворецъ, да на погостѣ же *дворъ поповъ пустъ*, дьячка церковнаго (дворъ) пустъ. (Времен. М. Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. VI, стр. 58, 59): въ Никольскомъ же погостѣ на Пшогжѣ на порогѣ церкви великія Христовы мученицы Парасковіи деревянная стоитъ *безъ пѣнья*, да *дворъ пустъ поповъ*, да дворъ дьячковъ пустъ, да дворъ пономаревъ пустъ (16 стр. 61). въ Никольскомъ же погостѣ на Пшогжѣ въ монастырѣ Середокоротномъ двѣ деревянныя церкви стояли *пустыя безъ пѣнья* (ib. стр. 61); погостъ Кожельскій, а на погостѣ церковь Егорей страстотерпецъ, да церковь теплая Покровъ пресвятыя Богородицы, да церковь Живоначальная Троица стоятъ *безъ пѣнья*, да двѣнадцать дворовъ пусты церковнаго причету (стр. 69); погостъ Никольскій на Явоймѣ рѣкѣ, а на погостѣ церковь деревянная Никола чудотворецъ, да другая церковь деревянная же съ трапезою Бориса и Глѣба стоятъ *безъ пѣнья* (стр. 75); погостъ Спасскій на Шугозеро, а на погостѣ церковь Преображенья Спасова деревянная, да на погостѣ дворъ поповъ пустъ, дьячка пустъ (стр. 77); погостъ Егорьевскій въ Кайвушахъ, а на погостѣ церковь деревянная страстотерпца Христова Георгія, стоитъ безъ пѣнья, погостъ Михайловскій въ озерахъ, а на погостѣ Михайло Архангелъ безъ пѣнья, да на погостѣ жъ дворы церковнаго причета пусты“ (стр. 85). Равнымъ образомъ изъ дозорныхъ книгъ Деревской пятины 128 г. (1620), г. видно, что стояли безъ пѣнья: на погостѣ Лажинскомъ два храма деревянные Борисъ и Глѣбъ, на погостѣ Модвяжинекомъ храмъ Егорей страстотерпецъ, на погостѣ Полиновскомъ—Никола чудотворецъ, каменной“. (О пятин. и погост. новгор. Прил. VIII). Если въ концѣ XVI и въ 1-й половинѣ XVII стол. во многихъ погостахъ Новгородскихъ церкви стояли пусты, безъ пѣнья, дворы поповъ были пусты, а православные жили безъ отцовъ духовныхъ, безъ церковнаго богослуженія и назиданія: то, по всей вѣроятности, много было такихъ погостовъ въ пятинахъ Новгор. и во 2-й половинѣ XVII стол., когда тамъ распространялся расколъ, какъ это отчасти и показываютъ акты историч. Весьма жаль, что мы не имѣемъ подъ руками самыхъ писцовыхъ книгъ, во всей ихъ полнотѣ. Особенно хорошо бы пересмотрѣть эти книги XVII столѣтія.

[1]) А. И. т. V, № 244, стр. 451.

[2]) А. И. т. V, № 75, стр. 114.

[3]) Аполлоса, жит. п. Ник. стр. 129. Окружн. посл. п. Никона.

ской пустыни Вологодскаго уѣзда 3 церкви, а *попа* де чернаго въ той пустыни *нѣтъ*, а братья у нихъ многія помираютъ безъ даровъ и безъ покаянія, *и тѣ церкви стоятъ безъ пѣнья, впустѣ, десять лѣтъ*» [1]). Въ XVII стол. священники еще часто «высылались изъ своихъ приходовъ къ суду къ Москвѣ, въ приказы на патріаршъ дворъ»: здѣсь они, какъ сказано въ соборномъ опредѣленіи 1675 г., волочилися иногда долгое время, а «у приходскихъ церквей, между тѣмъ, въ городѣхъ и уѣздѣхъ, *безъ священниковъ происходило всякое церковное неисправленіе*, а православные христіане оставались *безъ всякаго церковнаго просвѣщенія* [2]). Въ началѣ XVIII стол., въ Ростовской епархіи, по описи 1702 г., считалось 731 церковь, но приходы этихъ церквей, по числу душъ, въ нихъ числившихся, были чрезвычайно неравномѣрны: священниковъ было мало. «Нѣкоторые іереи, жаловался св. Димитрій Ростовскій, имѣли подъ собою многую душъ человѣческихъ паству, и *немогли досмотрѣти всѣхъ*» [3]). Въ 1711 г. билъ челомъ м. Рязанскому и Муромскому Стефану кн. Василій Лукинъ, сынъ Долгоруковъ, «что де въ его новоселебной вотчинѣ въ сельцѣ Никольскомъ въ приходѣ у крестьянъ его приходскаго попа нѣтъ, и безъ приходскаго попа они крестьяне его бываютъ въ великихъ нуждахъ по многое время, и о новой церкви Божіей о строеніи ходить и радѣть не кому, потому что крестьянамъ такое дѣло не заобыкность» [4]). Въ нижегородской епархіи, съ 1736 по 1738 годъ, по случаю вызова духовныхъ въ нижегородскія училища, при градскихъ и уѣздныхъ соборныхъ и приходскихъ церквахъ, оказалось въ недостаткѣ 3 протопопа, 135 поповъ, 187 діаконовъ, 972 дьячка и пономаря, всего 1297 священно-церковно-служителей. Недостатокъ этотъ опредѣлено было замѣнить 473 духовными воспитанниками,—окончившими ученіе и еще учившимися въ школахъ: остальныхъ 824 священно-церковно-служителей не доставало [5]). Въ указѣ св. Сѵнода Ноября 23, 1725 г. сказано: «многія уѣздныхъ церковныхъ приходовъ деревни обрѣтаются отъ церквей въ дальномъ разстояніи, и одному священнику въ надлежащихъ со священными потребами дѣйствовать и справиться весьма невозможно, а приходскимъ людямъ конечная приключается нужда, и можетъ быть, что нѣкоторые и помираютъ безъ покаянія и безъ причастія» [6]). Въ 1739 году Императрица Анна Іоанновна, въ указѣ своемъ отъ 8 января, писала св. Сѵноду: «нынѣ де извѣстно Ея Императорскому Величеству есть, что не токмо учительныхъ священниковъ, но *при многихъ церквахъ, а наипаче въ уѣздахъ, и никакихъ нѣтъ*, и многія церкви стоятъ праздны, понеже бывшіе при церквахъ священники померли, а другіе за вины и непорядочное жи-

---

1) А. И. т. IV, № 37, стр. 127.

2) А. А. Э. IV, № 204, п. 6.

3) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVII, стр. 83

4) Грам. Рязан. края, стр. 167.

5) Времен. М. Общ. Ист. кн. XVII: 1738 г. дек. 24 инструкція, данная по именному указу, изъ нижегород. архіерейской домовой консисторіи славяно-греко-граматическихъ школъ изучившимся ученикамъ.

6) П. С. З. т. VII, № 4804.

тіе отлучены, вмѣсто которыхъ надлежало тогда же архіереямъ, въ епархіяхъ своихъ выбравъ, достойныхъ опредѣлить безъ продолженія времени, однакожъ сіе важное и человѣческому спасенію потребное дѣло весьма забвенію предано, а между тѣмъ люди безъ покаянія и безъ причастія святыхъ таинъ помираютъ, слѣдственно того надлежитъ и тому быть, что въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ люди принуждены жить безъ принятія отъ церкви брака, и тако многія души погибаютъ напрасно»[1]). Если такимъ образомъ во многихъ приходахъ православные въ то время, какъ между ними распространялся расколъ, жили безъ пастырей, слѣдовательно не только безъ поученія, но и безъ требъ, и жили такъ иногда долгое время: то кто же могъ предохранить ихъ отъ раскола? И долго ли было при такомъ долговременномъ, а иногда можетъ быть и постоянномъ житьѣ православныхъ безъ священниковъ, долго ли было возникнуть безпоповщинѣ? Мы видѣли выше, что въ Княгининской пустыни братія 10 лѣтъ жили безъ священниковъ, и церкви у нихъ въ продолженіе этого времени стояли впустѣ, безъ пѣнья. Удивительно ли послѣ этого, что въ этой-то именно пустыни и получила свое начало безпоповщина отъ монаха Капитона, по имени котораго сначала нѣсколько времени и самый расколъ назывался капитоновскою ересью, а раскольники—капитоновцами, и именно въ то самое время, какъ въ этой пустыни 10 лѣтъ не было священниковъ? Отъ долговременнаго пребыванія православныхъ безъ священниковъ, отъ привычки жить и обходиться въ духовной жизни безъ поповъ былъ весьма недалекій и легкій переходъ къ совершенной безпоповщинѣ, какъ это мы отчасти видѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ.

Какъ недостатокъ священниковъ въ однихъ приходахъ особенно благопріятствовалъ происхожденію и умноженію безпоповщины, такъ *излишекъ ихъ въ другихъ приходахъ и множество священниковъ безмѣстныхъ, бродячихъ и запрещенныхъ особенно благопріятствовали умноженію бѣглопоповщины.* Въ XVII столѣтіи и въ 1-й половинѣ XVIII штатъ священно-церковно-служителей при соборныхъ и приходскихъ церквахъ былъ весьма неопредѣленный. Часто въ небольшихъ приходахъ священниковъ было много, отъ 3 до 6 и даже до 8, а въ большихъ не болѣе одного, а иногда и того не было. Такъ напр. во Владимірскомъ уѣздѣ, въ Ярополчевской волости у церквей поповъ было по 8, по 6, и по 4 и по 3,—и тѣ лѣнились совершать Богослуженіе[2]). Въ 1711 г. попъ Шатскаго уѣзда села Ласина Рязанской епархіи Аѳанасій Михайловъ при допросѣ сказывалъ, что въ томъ приходѣ, гдѣ онъ служилъ, было только 15 дворовъ, а поповъ въ нихъ было 2, и «двумъ де имъ попамъ у такого малаго приходу кормиться нечѣмъ»[3]). Въ прибавленіи къ Духовному Регламенту читаемъ: «въ Россіи хотя не ставятся священники и діаконы просто (безъ назначенія къ какому либо приходу), однакожъ многіе ставятся къ единой церкви, свыше потребы, и многіе, оставивъ свою церковь, въ которой по-

---

[1]) П. С. З. т. X, № 7734: между тѣмъ какъ въ друг. мѣстахъ иногда церкви были лишнія. П. С. З т. V, 2985.

[2]) А. И. т. IV, № 326.

[3]) Грам. Ряз. края стр. 168.

ставлены были, волочатся сѣмо и овамо» [1]). Излишекъ священниковъ часто происходилъ оттого, что при выборѣ и посвященіи ставленниковъ не обращали строгаго вниманія на достоинства ставленниковъ и на нужды церквей. «Нѣкоторые ставленники, какъ видно изъ грамоты м. новгородскаго Макарія (1654 г.), приходили въ архіерейскій домъ и пролыгались, а сказывали, что попа у церкви нѣтъ; а они скупали прихожанъ немногихъ, да архіерею о поставленіи и били челомъ, и о томъ у нихъ вражда многая бываетъ, а у того храму попъ есть» [2]). Оттого много было священниковъ недостойныхъ; всякаго рода люди облекались въ священный санъ. «Умножися, говорили отцы Собора 1667 г., бѣглыхъ изъ рабства, изъ крестьянства, ставятся въ попы и діаконы не священства ради, постригаютъ ся не духовнаго ради спасенія, но не хотя въ рабѣхъ и крестьяне въ крестьянствѣ быть» [3]). И въ самомъ духовенствѣ, обыкновенно, священно-служительскія мѣста переходили по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ, а отцы между тѣмъ весьма мало заботились о должномъ приготовленіи своихъ дѣтей къ священно-служенію: они иногда «оставляли ихъ, по словамъ отцовъ Собора 1667 г., наслѣдниками мамонѣ, а церковь Христову корчемствовали» [4]). «При многихъ церквахъ, читаемъ въ прибавленіи къ Духовному Регламенту, попъ не припускаетъ въ церковники чужихъ, но своими сынами или сродниками мѣсто того служенія занимаетъ, иногда и вящше потребы, и не смотря, угодны ли суть и грамотѣ искусніи. Сіе, кромѣ иныхъ благословныхъ винъ, и для того наипаче вредно есть, что тако удобнѣе попу неистовствовать, о служеніи и порядкѣ нерадѣть, и раскольщиковъ покрывать» [5]). Въ царствованіе Петра Великаго, многіе посвящались во священники и діаконы для избѣжанія военной службы. «Освященному Собору и Правительствующему Сенату вѣдомо учинилось, — читаемъ въ указѣ 1711 года Апрѣля 25, — отнележе начася по указу Великаго Государя, брать на службу Его Государеву людей молодыхъ (въ томъ числѣ и лишнихъ дѣтей духовнаго чина) къ воинскому дѣлу годныхъ; и о томъ услышавше дьячки, пономари и сынове поповскіе и діаконскіе, различными коварными образами и лжесоставными челобитными, похищаютъ себѣ чинъ священства и діаконства неправильно, и неправедно, овогда лѣтъ, подобающихъ таковому чину неимуще, овогда въ прибыль въ другіе попы, либо въ діаконы посвящающеся, которымъ умноженіемъ веліе бываетъ несогласіе, вражда и соблазнъ между священ-

---

[1]) П. С. З. т. VI, стр. 706.

[2]) А. А. Э. т. IV, № 331.

[3]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 490. „Мнози читаемъ въ прибавленіи къ Духовн. Регламенту, въ священническій чинъ вдираются не для чего инаго, только для большей свободы и пропитанія, а никакого званію своему должнаго искусства не имѣютъ...“ „Многіе ставились въ попы и въ причетъ причислялись, бѣжа со службы“ (П. С. З. VI, стр. 699, 706).

[4]) Дополн. къ Акт. Истор. V, стр. 473.—Отцы не учили своихъ дѣтей: оттого дѣти ихъ занимались воровствомъ, чернокнижествомъ и другими неподобными дѣлами. П. С. З. т. I, № 291.

[5]) П. С. З. т. VI, стр. 701.

нымъ чиномъ» [1]). При такомъ множествѣ лишнихъ священно-церковнослужителей, естественно, много было разстригъ, запрещенныхъ, безмѣстныхъ, бѣглыхъ поповъ, діаконовъ и другихъ церковныхъ причетниковъ. Всѣ эти отверженные, недостойные священники и діаконы, не имѣя приходовъ своихъ, бродили по городамъ и селамъ, или, какъ сказано въ прибавленіи къ Духовному Регламенту, «оставивъ свою церковь, къ которой поставлены были, волочилися сѣмо и овамо». Обычай нѣкоторыхъ мірянъ, особенно вельможъ, держать у себя въ домахъ священниковъ, происшедшій частію изъ суевѣрія, частію отъ вельможной гордости, весьма много также благопріятствовалъ умноженію лишнихъ и бѣглыхъ священниковъ. «Бываютъ же по многимъ дворамъ попы бѣглецы, порочніи и отъ архіереевъ своихъ запрещенніи, самозванцы; и иныхъ же вдовы держатъ подъ образомъ потребъ церковныхъ не безъ подозрѣнія, яково неоднократно явилось въ духовныхъ дѣлахъ: отъ таковыхъ поповъ, скрыто живущихъ по дворамъ, многая дѣются беззаконія, браки безправильныя вѣнчаются и прочая» [2]). Если же такъ много было священниковъ лишнихъ, запрещенныхъ, безмѣстныхъ, бѣглыхъ: то удивительно ли послѣ этого, что такъ сильно умножилась бѣгло-поповщина? Всѣ эти безмѣстные, запрещенные, лишніе священники, не находя себѣ мѣстъ въ православныхъ приходахъ, охотно бѣжали къ раскольникамъ, которые принимали ихъ съ честію и платили имъ большія деньги. «Если бы не было бѣглыхъ поповъ, скажемъ словами преосв. Игнатія Воронежскаго, не было бы и бѣгло-поповщины».

Впрочемъ, многіе священники, діаконы и причетники бѣжали отъ православной церкви въ расколъ отъ того, что въ православныхъ приходахъ имъ иногда *было весьма тяжко жить.* Они находились въ слишкомъ большей зависимости отъ мірскихъ лицъ, отъ свѣтскихъ чиновниковъ архіерейскихъ приказовъ, отъ гражданскихъ областныхъ управителей, иногда даже отъ своихъ прихожанъ. Особенно часто притѣсняли ихъ архіерейскіе чиновники [3]). Такъ при поставленіи ихъ во священники и діаконы,

---

[1]) П. С. З. т. IV, № 2352.

[2]) П. С. З. VI, стр. 705. Вообще должно замѣтить, что духовное сословіе въ XVII в. и въ началѣ XVIII в. слишкомъ умножилось. Какъ ни старался Петръ В. сократить число его записью низшихъ церковно-служителей въ подушный окладъ, въ военную и гражданскую службу, размѣщеніемъ въ служители архіерейскихъ домовъ, въ прикащики помѣщикамъ,—не смотря на то въ 1739 г., послѣ генеральной переписи, оказалось, что число лишнихъ духовныхъ, какъ сказано въ указѣ, „не токмо не умалилось, но и прибыло слишкомъ 57,000 человѣкъ". П. С. З. X, № 7734.

[3]) Духовенство давно начало тяготиться стѣсненіемъ со стороны мірскихъ лицъ. Еще м. Кипріанъ въ посланіи своемъ къ Псковичамъ писалъ (1359 г. Мая 12): „что есмь слышалъ, ажь въ Пьсковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещахъ, ино то есть кромѣ хрестьянскаго закона" (А. И. т. I, № 9). Туже мысль выразилъ позже и м. Фотій въ посланіи своемъ въ Святогорскій монастырь, 1418 г. Іюня 27 дня (ib., № 26). Калачева о Кормчей. Чт. М. Общ. Ист. и древн. Росс. г. III. № 3, стр. 97. Въ началѣ XVI столѣтія само низшее духовенство жаловалось на то, что оно подчинено полной волѣ свѣтскихъ лицъ. Такова напр. жалоба Ростовскаго іерея Георгія (Ист. Русс. Цер. Филар. пер. III, 26). „Господа священноначальницы! не благословно надсматриваете за вѣрными людьми... назираете церковь по царскому сану земнаго царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, подводщиками, для своихъ

подъячіе казеннаго приказа и другія свѣтскія лица, принимавшія со ставленниковъ пошлинныя деньги, вмѣстѣ «съ иподіаконами брали съ нихъ сверхъ надлежащаго большія денежныя взятки, истязали ихъ и доводили до крайняго разоренія» [1]). Поступали они въ приходъ: здѣсь архіерейскіе чиновники, управлявшіе въ епархіяхъ финансовою и полицейскою частію, съ нихъ строго взыскивали оброкъ [2]), при чемъ нерѣдко поступали съ ними весьма жестоко и несправедливо. Изъ соборнаго постановленія 1675 г. видно, что «ко освященному чину часто объявлялось всякое безчиніе, налоги, обругательство и убытки отъ архіерейскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [3])». Архіерейскіе сборщики дани часто »на поповъ и церковныхъ причетниковъ дань накладывали и вѣнечныя пошлины и всякіе окладные и неокладные доходы сбирали съ прибавкою, не противъ того, какъ дань накладывается и неокладные всякіе денежные доходы сбирались святѣйшаго патріарха въ казенномъ приказѣ, и оттого неравенства церковному чину чинились убытки лишніе» [4]). Эти сборы и расправа, съ ними соединенная, были весьма тягостны для приходскаго духовенства, особенно въ бѣдныхъ приходахъ [5]), а отъ него простирались и на прихожанъ, и конечно, поставляли его въ непріязненное отношеніе къ паствѣ. Тѣмъ болѣе тягостны они были, что тогда сельскіе священно-церковно-служители во многихъ мѣстахъ не имѣли ни особо отведенныхъ пахатныхъ земель, ни сѣнныхъ покосовъ, ни другихъ какихъ-либо угодій, равно не получали и руги отъ своихъ прихожанъ. Если кто-нибудь изъ духовныхъ хотѣлъ заниматься землепашествомъ, то долженъ былъ платить съ своихъ полей въ казну пятую часть добытаго хлѣба [6]). Матеріальное обезпеченіе священно-церковно-

---

прибытковъ, а не по достоинству святительскому. Апостолъ пишетъ: служащіе олтарю съ олтаремъ содѣляются. И вамъ достоитъ пасти церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ“ Соборы 1551 и 1667 г. старались прекратить стѣсненія духовныхъ со стороны мірскихъ лицъ (А. И. т. I, № 155, стр. 272. П. С. З. т. I, № 412, стр. 672, 673 и 677. Калач. о Кормч. въ Чт. Ист. стр. 98, 99), но они все-таки продолжались.

[1]) П. С. З. т. IX, стр. 503. О пошлинахъ со ставленниковъ см. напр. А. И. 1, 276, 278; А. А. Э. 1, №№ 95, 103, 176, 233, 287, 382. Древн. Росс. Вивл. XV, 214, 215. См. также устав. грам. п. Адріана. Врем. Моск. Общ. Ист. кн. XI.

[2]) Извѣстно, что тогда приходское духовенство, равно какъ и монастыри, платили архіерейскій оброкъ 3 раза въ годъ,—на Рождество Христово, Великъ день и Николинъ день весенній. Поэтому приходскія церкви раздѣлялись на „тяглыя“ и „нетяглыя“, также и бѣлое духовенство: упоминается напр. „тяглый попъ“. Оброкъ этотъ собирали особые архіерейскіе свѣтскіе чиновники, служившіе въ духовномъ казенномъ приказѣ, каковы были до 1675 г. десятильники—дворяне и дѣти боярскіе. См. подробности въ статьѣ Лохвицкаго: „очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи“. Русс. Вѣстн. за 1857 г. кн. 2.

[3]) А. А. Э. т. IV, № 204.

[4]) А. И. т. V, № 172, стр. 303.

[5]) Бывали примѣры, что архіерейскихъ чиновниковъ били и даже убивали.

[6]) П. С. З. т. т. III, № 1594, п. 23, № 1670, п. 14, Врем. Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс. кн. XX, Ст. священ. Сулоцкаго о Филоѳеѣ Лещинскомъ,—Изъ царской грамоты Псковскому воеводѣ Петру Головину видимъ что въ Псковской епархіи „посадскіе люди священниковъ и діаконовъ у церквей держали и ружили собою, сколько хотѣли, малою ругою“. А. И. V, № 172.

служителей «церквей мірскаго поставленья» всегда находилось въ большой зависимости отъ міра, отъ прихожанъ, съ которыми они заключали «порядную» или контрактъ, предъ которыми часто вынуждены бывали постыдно унижаться, чтобы получить деньги или ругу, и которые часто обидѣли ихъ. Отсюда въ корыстолюбивыхъ священникахъ и причетникахъ развивалось стремленіе—переходить отъ одной церкви къ другой,—искать болѣе выгоднаго мѣста, какое многіе изъ нихъ рѣшались искать и въ раскольническихъ скитахъ. Не обезпечиваемые въ содержаніи ни отъ своихъ прихожанъ, ни отъ правительства, священники часто должны были слишкомъ погружаться въ матеріальныя хлопоты, чтобы пріобрѣтать содержаніе, а это часто отвлекало ихъ отъ духовныхъ обязанностей и обременяло ихъ самихъ. «Жалованья Государева имъ нѣтъ, говоритъ умный Посошковъ,—отъ міра никакого подаянья имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться—Богъ вѣсть: ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнены: мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ» [1]. Кромѣ того, еще вмѣшивались въ дѣла духовнаго вѣдомства воеводы съ товарищами, и также причиняли духовнымъ обиды и притѣсненія, налагали на нихъ, по своему произволу, «для своей корысти, большіе сборы» [2]. Случалось, что духовенство со всей епархіи общимъ голосомъ, архимандриты и игумены съ братіею, строители и старцы съ крестьянами, попы съ причетниками принуждены были жаловаться на притѣсненія воеводъ и ихъ товарищей своимъ епархіальнымъ архіереямъ, а эти доносили царю [3]. Нерѣдко священники жаловались даже на своихъ архіереевъ,—будто они отнимали у нихъ вѣнечныя пошлины и доходы. Такъ, когда въ 1618 году по челобитной Свіяжскаго соборнаго протопопа Владиміра съ братіею объ отнятіи у нихъ вѣнечныхъ пошлинъ м. казанскимъ Матѳеемъ произведенъ былъ сыскъ, то архимандритъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря, всѣ соборные старцы и иноки и бѣлое духовенство въ числѣ 13 священниковъ и 4 діаконовъ, единогласно жаловались при изслѣдованіи дѣла: «то мы вѣдаемъ, что при прежнихъ казанскихъ архіепископѣхъ и митрополитѣхъ свіяжской протопопъ съ братьею на соборъ вѣнечную пошлину со всякихъ людейималъ по Государеву указу, а казанскіе архіепископы и митрополиты въ Свіяжскомъ свою вѣнечную пошлину имали по Государеву жъ указу со всякихъ людей, а у Свіяжскаго протопопа съ братьею ихъ вѣнечныхъ пошлинъ не отъимывали и не вступалися, и то мы вѣдаемъ, что въ прошломъ въ 124 г., Матвѣй митрополитъ Казанскій и Свіяжскій у соборныя церкви и у протопопа Володимера съ братьею ихъ вѣнечную пошлину, что они имали по Государеву указу, отнялъ, а велѣлъ сбирати на себя десятильнику своему въ Свіяжскѣ» [4]. Такой же случай былъ въ Псковѣ. Доводилось ли кому изъ священно и церковно-служителей подвергаться суду—

---

[1]) Соч. Посошкова о скудости и богатствѣ гл. I.

[2]) А. А. Э. т. III, стр. 159.

[3]) А. А. Э. т. IV, № 176.

[4]) Списокъ съ наказу сыщику Нехорошему Губастому о годовой Свіяжскихъ соборянъ ругѣ и о вѣнечныхъ деньгахъ, и подлинной обыскъ его сторонними людьми по сему наказу хранится въ арх. Свіяж. Рождеств. собора.

судебная расправа съ ними была весьма тяжкая. Вспомнимъ, что до Собора 1667 г. священниковъ, діаконовъ и вообще всѣхъ духовныхъ «волочили въ мірскія судилища и одни мірскіе люди судили освященнаго монашескаго чина и всякаго церковнаго причта» [1]). Вспомнимъ, что иногда сами воеводы, мимо Государевы жалованныя грамоты, «сильно судили духовенство для своей корысти, и причиняли имъ убытки великіе» [2]). Во время суда или тяжбы съ боярами, окольничими, думными, стольниками, стряпчими и другими мірскими чиновниками, духовные терпѣли отъ нихъ большія притѣсненія, обиды, протори и исторы. Прежде сего времени, сказано въ соборномъ опредѣленіи 1675 г., при прежнихъ Святѣйшихъ Патріарсѣхъ бивали челомъ на Москвѣ Святѣйшимъ Патріархомъ и имали зазывныя грамоты съ Патріаршаго двора изъ Приказовъ боляре, и окольничіе, и думные, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе и жильцы, и всякаго чину люди во всякихъ дѣлѣхъ, по архимандритовъ, и по игуменовъ, и по строителей, и всякаго монашескаго и священическаго чина, и по церковныхъ причетниковъ, къ суду къ Москвѣ, въ Приказы на Патріаршъ дворъ, и тѣ люди всякаго духовнаго чину по грамотамъ къ суду къ Москвѣ высылалися, и волочася долгое время, проѣдалися и протори подымали съ великими убытками, а челобитчики имывали грамоты въ большихъ искѣхъ и многое время не искали, а иные многое время волоча чинивали сдѣлки въ маломъ въ чемъ непротивъ иску, и оттого всякаго духовнаго чина людямъ бывало утѣсненіе великое, а душевредство, и убытки, и волокита напрасная» [3]). Наконецъ, даже мужики,— посадскіе люди иногда обходились съ священниками и причетниками «какъ съ рабами, и священники говорить противъ нихъ ничего не смѣли» [4]). При такой стѣсненности низшаго духовенства, удивительно ли, что весьма многіе священники, діаконы и причетники бѣжали изъ православныхъ приходовъ къ раскольникамъ? Удивительно ли, что такъ сильно умножилась бѣглопоповщина? Слишкомъ большая зависимость низшаго духовенства отъ архіерейскихъ свѣтскихъ чиновниковъ въ отношеніи къ суду и управленію, и отъ народа въ отношеніи къ матеріальнымъ средствамъ жизни, тяжкая расправа отъ мірскихъ судей, въ архіерейскихъ приказахъ, въ случаѣ суда или тяжбы духовныхъ; притѣсненія со стороны нѣкоторыхъ воеводъ, излишніе налоги и сборы архіерейскихъ сборщиковъ, дани, особенно тягостныя для бѣдныхъ тяглыхъ поповъ и причетниковъ, служившихъ въ бѣдныхъ приходахъ,—все это невольно иногда вынуждало нѣкоторыхъ церковно-служителей оставлять православную церковь и бѣжать въ раскольническіе скиты и монастыри.

Съ другой стороны, къ уклоненію православныхъ въ расколъ, особенно въ безпоповщину, и къ упорству въ расколѣ, къ несчастію, иногда подавали поводъ многіе изъ служителей православной церкви тѣмъ, что не научали народа вѣрѣ и благочестію. Многіе православные священники почти

---

1) П. С. З. т. I, № 412, стр. 672.
2) А. А. Э. т. III, № 130.
3) А. А. Э. т. IV, № 204, п. 6.
4) А. И. V, № 122.

вовсе *не имѣли благотворнаго нравственнаго вліянія на свою паству*, и оттого ихъ прихожане уклонялись въ расколъ. Чтобы предохранить православныхъ отъ раскола и поддержать въ нихъ единомысліе въ вѣрѣ,—для этого нужно было, во-первыхъ постоянно поучать ихъ истинамъ христіанской вѣры, просвѣщать ихъ мысли здравыми религіозными понятіями и познаніями, отучать ихъ отъ суевѣрій и предразсудковъ. Умственное состояніе православнаго Русскаго народа въ то время, когда въ немъ особенно сильно распространялся расколъ, требовало особеннаго духовно-нравственнаго просвѣщенія и руководства, требовало особеннаго поученія со стороны пастырей. Всѣ лучшіе, благомыслящіе Русскіе люди того времени глубоко чувствовали и ясно выражали эту существенную нравственную потребность Русскаго народа [1]). Многіе православные, по свидѣтельству п. Іоасафа I, «какъ гладные приходили въ церковь Божію съ жаждою духовнаго назиданія и наученія» [2]). Прихожане Московской церкви Іоанна Богослова, движимые этимъ благочестивымъ желаніемъ познанія истинъ вѣры и благочестія, принуждены были сами просить у Восточныхъ Патріарховъ священниковъ «учительныхъ, могущихъ учить народъ» [3]). Простой народъ съ простосердечнымъ довѣріемъ, готовъ былъ принимать и слушать всякаго учителя, приходившаго къ нему съ словомъ Божіимъ и во имя Христово. Посошковъ

[1]) Особенно живо и глубоко чувствовали эту потребность нравственно-религіознаго просвѣщенія народа нѣкоторые просвѣщенные архипастыри Русской церкви. Вполнѣ постигая, какъ необходимо было для народа познаніе истинъ вѣры и благочестія, они умоляли православныхъ читать или слушать слово Божіе, а священникамъ внушали какъ можно прилежнѣе и чаще учить народъ. Такъ напр. м. Ростовскій Іона писалъ своей паствѣ и духовенству въ 1652 г. въ своемъ окружномъ посланіи „*молю любовь вашу украшайтесь духовнаго свѣта образомъ: аще ли же обогатѣете отъ Божественныхъ словесъ поученіемъ*, не токмо безгрѣшни будете, но и паче прехвальни сотворите себѣ судьбы. Люто есть еже отемнѣти не наученіемъ въ Божественномъ писаніи... *А вамъ бы* со служебникомъ нашего смиренія, *архимандритомъ и игуменомъ, протопопу и попомъ* и діакономъ, о томъ о всемъ, съ Божіею помощію потщатись въ своихъ духовныхъ оградѣхъ, надъ своими стады, гдѣ кто нарекся пастыремъ: *учили бы есте люди Божія*, кто ни прилучится у церкви Божія, на всякъ день съ прилежаніемъ. А какъ прилучится вамъ прочитать отъ Божественнаго Писанія поученіе, тогда бъ единъ почиталъ, а другой за нимъ толковалъ, или кто можетъ чести, да и толкуетъ самъ, чтобъ простымъ людемъ было что пріяти отъ васъ" (А. И. IV, № 62). М. Новгородскій Іовъ писалъ въ 1710 г. Февраля 23 къ Римскому-Корсакову: „*азъ ничего инаго желаю и прошу о сихъ точію*, да будетъ у насъ вѣрному народу сѣмя церковнаго согласія и *плодъ Богоугоднаго богословія*" (С. П. В. Вѣд. 1855 г. № 215). Были и между свѣтскими такіе умные люди, которые сильно желали христіанскаго просвѣщенія народа и, по возможности, заботились о немъ. Таковъ напр. былъ великоименитый помѣщикъ Пермскій Димитрій Строгоновъ, „зѣльный благочестія рачитель, который бысть всѣмъ россійскимъ вельможамъ и многоименнымъ богатинамъ ясное свѣтило къ благочестію, якоже годе слышати во всѣ концы россійскія". Онъ-то убѣдилъ Пермскаго священника въ городѣ Орлѣ предлагать народу въ церкви поученія воскресныя и другія чрезъ весь годъ: „убѣди мя, говоритъ этотъ священникъ, невѣжу сущаго въ церкви Бжіи люди учити, зѣло бо онъ любяше поученія Божественнаго закона слушати, азъ же по его Богоумному изволенію и любительному раченію началъ проповѣдывать" и пр. (Опис. Рум. Муз. стр. 631).

[2]) А. А. Э. т. III, № 264.

[3]) Ист. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 240.

отъ лица простого народа настоятельно высказывалъ Петру В. и просвѣщенному пастырю Стефану Яворскому, что для ученія народа нужны священники просвѣщенные, кассически образованные [1]). Такъ ощутительна и настоятельна была потребность церковнаго духовно-назидательнаго ученія народа въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII, когда въ церкви Русской распространялся расколъ! Къ прискорбію, главные, ближайшіе учители народа Русскаго, поставленные нарочито учить его истинамъ христіанства, священники весьма мало удовлетворяли, или даже почти вовсе не удовлетворяли этой существенной духовной потребности православнаго народа. Въ то печальное время, когда повсюду ходили расколоучители съ неумолчною проповѣдію о расколѣ, многіе православные священники, какъ сами не имѣли надлежащаго богословскаго образованія, такъ и паству свою оставляли въ совершенномъ невѣдѣніи истинъ вѣры. Живая проповѣдь церковная замолкла на сѣверѣ Россіи еще въ XVI столѣтіи. Въ XVII в. многіе священники не только сами не составляли и не предлагали народу церковныхъ поученій, но оставляли и тѣ, которыя положено было предлагать въ храмахъ народу церковнымъ уставомъ. На это такъ жаловался п. Іоасафъ въ 1636 году: «чтенія, какія учинены прочитати на праздники учительныя народомъ Евангелія и иныя святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ писанія, то все попы оставляютъ, а православнымъ христіаномъ того ничего не прочитаютъ, а которымъ чести хотящимъ и они также возбраняютъ, рекуще позднаго ради времени: и таковыя ради лѣности на воскресные дни и на праздники учительныя Евангелія и святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ поученія и житія отъ лѣнивыхъ священниковъ на заутреняхъ вотще оставляеми бываютъ, но приходящіе бо людіе православные христіане, исходяще отъ церкви Божія яко гладни, иже бо слова Божія прочитаемаго и св. Апостолъ и св. отецъ поученія и житія не слышаще и заповѣдей Божіихъ и св. Апостолъ и св. отецъ преданія не доумѣвающе творити; и видя то православные христіане въ церквахъ Божіихъ и въ наставницѣхъ неисправленіе, *и оттого имъ смущается умъ и скудѣетъ вѣра»* [2]). Во 2-й половинѣ XVII столѣтія, благодаря попеченіямъ великаго Никона, начала, правда, возобновляться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проповѣдь церковная [3]). Такъ около 1684 года явился учительный священникъ въ городкѣ Орлѣ, Пермской губерніи, который по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сказывалъ въ церкви поученія народу и составилъ рядъ такихъ поученій подъ названіемъ: «статиръ». Онъ свидѣтельствовалъ еще, что «слышалъ, яко въ Россіи по многихъ градѣхъ премудріи священницы отъ устъ поученія читаютъ, а не съ книгъ, и людіе зѣло любезно послушаютъ ихъ» [4]). Но всѣ эти полезныя предначинанія, къ сожалѣнію, были

---

[1]) Сочин. Посошкова, изд. Погодинымъ, гл. I, о духовности и въ концѣ: доношеніе Ивана Посошкова митропол. Стефану Яворскому.

[2]) А. А. Э. т. III, № 264.

[3]) Примѣръ церковной проповѣди священникамъ подавали п. Никонъ, Епифаній Славеницкій и, особенно, Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій.

[4]) Опис. Рум. Муз. № CCCCXI, стр. 629—632.

весьма недостаточны и далеко не повсемѣстны. Тогда какъ немногіе благомыслящіе священники постигали всю важность и необходимость живой проповѣди, и, по возможности, старались преподавать народу истины вѣры и благочестія, большая часть священниковъ оставались въ совершенномъ безмолвіи, и оставляли народъ коснѣть въ невѣдѣніи спасительныхъ истинъ христіанскаго ученія, «мірскимъ людемъ о благочиніи и о укрѣпленіи христіанскаго благопребыванія не наказывали и ко всякому благому дѣлу ихъ не научали» [1]). Въ томъ же самомъ городкѣ Орлѣ, когда вышеупомянутый священникъ началъ сказывать церковныя поученія, и нѣкоторые неразумные прихожане стали роптать,—«откуда онъ неудобная вводитъ»,—собратія его священники, вмѣсто того, чтобы поддерживать и защищать его истинно-пастырское начинаніе, молчали и оставляли его одного бороться съ невѣжествомъ [2]). Свят. Дмитрій Ростовскій, видя, въ какомъ упадкѣ было церковное поученіе народа священниками, и какъ оттого въ самомъ народѣ охладѣвала даже любовь и пріемлемость къ церковнымъ поученіямъ, съ глубокою горестію восклицалъ въ одномъ изъ поученій своихъ: «оле окаянному времени нашему, яко отнюдь пренебрежно сѣяніе слова Божія, весьма оставися слово Божіе: сѣятели не сѣютъ, а земля не пріемлетъ, іереи не брегутъ, а людіе заблуждаютъ; іереи не учатъ, а людіе невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдаютъ, а людіе не слушаютъ, ниже слушати хотятъ» [3]). При такомъ крайнемъ оскудѣніи церковнаго ученія и проповѣдыванія народу слова Божія, долго ли было возникнуть и распространиться расколу? Православные священники не учили народа истинамъ вѣры и нравственности, не приводили его въ познаніе истинъ ученія церкви,—и вотъ онъ волновался всякимъ вѣтромъ ученія, скитался во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія, и слушалъ всякихъ расколоучителей. Мы видѣли, что народъ крайне нуждался въ христіанскомъ просвѣщеніи, по крайней мѣрѣ весьма многіе православные чувствовали глубокую потребность въ церковномъ ученіи и назиданіи, весьма желали познанія истинъ вѣры и благочестія, а между тѣмъ православные священники не удовлетворяли этой благороднѣйшей, духовно-нравственной потребности ихъ, даже иногда возбраняли «хотящимъ чести». Удивительно ли, что многіе изъ этихъ православныхъ, не получая желаемаго назиданія и наставленія въ истинахъ вѣры отъ своихъ настоящихъ учителей—священниковъ, обращались къ учителямъ и наставникамъ раскольническимъ? А хитрые, ловкіе расколоучители, между которыми часто были люди весьма начитанные и даровитые, уже умѣли совратить такихъ въ расколъ, умѣли завлечь ихъ своимъ обольстительнымъ сладкоглаголаніемъ. Православные священники не всегда прилежно посѣщали домы своихъ прихожанъ, чтобы не только въ церкви, но и дома поучать ихъ спасительнымъ истинамъ вѣры и благочестія, а раскольническіе наставники непрестанно ходили по домамъ и оглашали православныхъ своею пропо-

---

[1]) А. И. т. IV, № 151. А. А. Э. III, № 264.
[2]) Востокова, опис. Румянц. Муз. стр. 632.
[3]) Сочин. св. Димитрія ч. II, стр. 389, 390.

вѣдію о расколѣ. Люди преклонныхъ лѣтъ, день ото-дня все болѣе и болѣе приближавшіеся къ гробу, больные, находившіеся на одрѣ смертномъ, несчастные, удрученные какимъ-либо горемъ, бѣдствіемъ, превратностями житейскими, тщетно ожидая посѣщенія, утѣшенія и назиданія отъ своего пастыря-священника, охотно приглашали въ свой домъ раскольническаго наставника и рады были его посѣщенію и утѣшенію: ибо въ минуты тяжкаго бѣдствія, глубокой скорби, или сильной болѣзни, душа благочестиваго христіанина жаждетъ, ищетъ, проситъ одного утѣшенія, которое только и можетъ удовлетворить ея духовной природѣ, именно утѣшенія въ словѣ Божіемъ, въ словѣ Христовомъ. Исторія сказываетъ, что раскольническіе наставники много душъ уловили въ свои сѣти именно въ такія тяжкія минуты жизни. Наконецъ, многіе православные священники вовсе не заботились увѣщевать, вразумлять словомъ истины заблудшихъ въ расколѣ чадъ своихъ и нисколько не имѣли живого, дѣйственнаго нравственно-просвѣтительнаго вліянія на ихъ умы и сердца, чтобы смягчить, просвѣтить и обратить ихъ къ истинѣ. А расколоучители между тѣмъ десятки, сотни, тысячи православныхъ обольщали своимъ ученіемъ и совращали въ расколъ. Такъ напр. мы знаемъ, что на Демидовскихъ заводахъ почти всѣ рабочіе заражены были расколомъ, а отъ чего? «*Отъ того*, отвѣчаетъ намъ прикащикъ сихъ заводовъ Гладиловъ въ своемъ докладѣ правительству, что по силѣ указа *никакого увѣщанія отъ духовныхъ персонъ имъ не было;* а ежели бы оные люди отъ духовнаго чина, по силѣ указа, увѣщеваны были, тобъ уповаемо было, многое бы число людей къ познанію истинной вѣры возвратилось отъ того заблужденія, и спасеніе себѣ получили, и двойнаго платежа не платилибъ, къ тому же де и толикаго множественнаго числа людей, впадшихъ въ расколы, при тѣхъ заводахъ не уповаемо, ибо де изъ Сибирской Губернской Канцеляріи въ 727 г. декабря 17 дня въ контору раскольническую отвѣтствовано, что при тѣхъ заводахъ раскольниковъ нѣтъ, и такъ въ краткое время онаго множественнаго числа впасть въ расколъ не уповаемо быть» [1]). Посошковъ говоритъ: «Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось: большая бо часть уклонилась въ погибельный путь; въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается: ибо въ Великомъ Новгородѣ едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестія держащихся... А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ лютеранъ или отъ латинянъ ереси, но и отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, и ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти адскія како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или не смѣютъ, или на пенязи склоняются, не брегутъ о семъ... Аще бы попы, яко градскіе, тако и сельскіе, были разумительны, то никоими дѣлы раскольникомъ въ простомъ народѣ множитися бъ было не возможно, и нимало возникнути былобъ некако» [2]).—Во вторыхъ, чтобы предохранить

[1]) Н. С. З. т. X. № 7663.
[2]) Соч. Посошкова, стр. 4—10.

православныхъ отъ раскола, надобно было утверждать ихъ въ теснѣйшемъ общеніи и единеніи съ церковію чрезъ Богослуженіе, чрезъ таинства и другія церковныя средства; также заботиться о поддержаніи въ нихъ живой вѣры и благочестія и наблюдать за ихъ нравственною жизнію. А священники, на которыхъ лежало это высокое дѣло, къ несчастію, большею частію не имѣли никакого попеченія объ этомъ. Многіе изъ нихъ совершенно не наблюдали за своими прихожанами, не знали и не старались узнавать ихъ душевнаго состоянія, не заботились объ ихъ христіанской жизни; напротивъ, иногда даже еще сами потворствовали своимъ прихожанамъ жить противно духу православной церкви. Такъ п. Никонъ, когда еще былъ митрополитомъ Новгородскимъ (именно въ 1650 г.), жаловался царю Алексѣю Михайловичу, что «въ Лопскихъ погостахъ крестьяне межь собою женятся въ роду и въ племени, и въ кумовствѣ, и въ сватовствѣ и крестномъ братствѣ, а попы на нихъ не извѣщаютъ ему» [1]). Весьма многіе священники нисколько не заботились о нравственно-христіанскомъ настроеніи и воспитаніи душъ своихъ прихожанъ, о поддержаніи и утвержденіи въ нихъ христіанской вѣры и доброй нравственности; не внушали имъ ходить по праздникамъ въ церковь, въ установленные посты говѣть, очищать свою совѣсть и нравственность покаяніемъ и исповѣдью, и пріобщаться Св. Таинъ. Напротивъ, священники сами часто оставляли своихъ прихожанъ безъ Богослуженія, опуская церковныя службы даже по воскресеньямъ, по Господскимъ и Богородичнымъ праздникамъ, и не исправляли христіанскихъ требъ. Такъ въ 1659 г. «вѣдомо учинилось святѣйшему п. Іосифу, въ Володимірскомъ уѣздѣ, въ Ярополческой волости, у церквей поповъ по осми, и по шести, и по четыре, и по три и по два, и что тѣ попы на свѣтлой недѣлѣ служатъ въ одно Свѣтлое Воскресенье, а въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли и во всю недѣлю и во Владычны праздники и въ Богородичны праздники службы не бываетъ» [2]). Въ 1661 г. донесено было м. Новгородскому Макарію, что «на Тихфинѣ на посадѣ и около Тихфина въ нагорной десятинѣ, въ монастырѣхъ у игуменовъ и у строителей и у черныхъ поповъ, а въ погостѣхъ Георгіевскомъ на Кожелѣ, въ Дмитровскомъ, въ Капецкомъ, въ Спасскомъ на Шизнѣ, на Явосмѣ въ Озеревскомъ, въ Пашезерскомъ, въ Шюгозерскомъ, въ Лучиньскомъ, въ Волоцкомъ, въ Пелушскомъ, въ Койчушскомъ, въ Георгіевскомъ на Пашѣ, и тѣхъ погостовъ въ выставкахъ, у поповъ и у діаконовъ и у причетниковъ церковныхъ по праздникамъ Господьскимъ и по воскресеніямъ, для ихъ лѣности, молебны не поются, а индѣ въ тѣ дни по святымъ Божьимъ церквамъ и Божественныя службы не бываетъ; и православные христіане по Господьскимъ праздникамъ и по воскресеніямъ къ церквѣ Божіи не приходятъ; во святые великіе посты, въ четыредесятницу, мужи и жены ко отцомъ своимъ духовнымъ не приходятъ и Божественныхъ и Пречистыхъ таинъ Тѣла и Крови Христовы не причащаются, и *отцы ихъ духовные ихъ православныхъ*

---

[1]) А. А. Э. IV, № 42, стр. 62.

[2]) А. А. Э. IV, № 326.

христіанъ, а своихъ дѣтей духовныхъ ко всякому благому дѣлу не поучаютъ, и которые дѣти духовные не слушаютъ, и отцы духовные на нихъ не пишутъ къ нему, митрополиту» [1]). Въ 1672 г. дошло до свѣдѣнія Новгородскаго же митрополита Питирима, что «на Вагѣ въ Шенкурскомъ острогѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ, по монастырямъ игумены и строители и черные попы съ братіею, а по погостамъ и по выставкамъ попы и діаконы и церковные причетники по Господьскимъ праздникамъ и на Государскіе ангелы и въ воскресные дни молебновъ не пѣли, а индѣ, въ тѣ дни вовсе и Божественной службы не было, а православные христіане по Господскимъ праздникамъ, и въ воскресные дни къ церквѣ не приходили, во святую четыредесятницу и въ другіе посты не постились, не приходили къ отцамъ духовнымъ на исповѣдь, не причащались Тѣла и Крови Христовой, а священники не поучали, и ко всякому благому дѣлу не приводили» [2]). Въ 1685 г. Псковскій архіеп. Маркеллъ, жалуясь царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ на самоуправство и безпечность старостъ церковныхъ—посадскихъ людей, писалъ также, что въ его епархіи «у піяныхъ поповъ на Господскія праздники и на Государскіе ангелы многожды церкви стоятъ пусты безъ пѣнья» [3]). Правственное вліяніе сельскаго духовенства на народъ тѣмъ было слабѣе, что сельскіе священнослужители, необезпеченные въ матеріальной жизни, заняты были болѣе житейскими хлопотами, чѣмъ попеченіемъ о паствѣ. «У насъ сельскіе попы обременены земледѣльствомъ, говоритъ Посошковъ, и того ради нетако пекутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быти, и того ради многое множество христіанъ православныхъ умираетъ безъ покаянія и безъ причащенія Тѣла Христова; сельскіе бо пресвитеры люди самые простые: взростетъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ... Нынѣ вси сельскіе попы, аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ... даже на святой недѣли больше одной обѣдни не бывало... А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка другаго не отслужитъ: понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было итти въ церковь на словословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить; и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотитъ, а православные христіане умираютъ ничѣмъ же отмѣнно отъ скота» [4]). Такое небреженіе нѣкоторыхъ православныхъ священниковъ о совершеніи Богослуженія въ воскресные и праздничные

---

[1]) А. И. т. IV, № 151.

[2]) А. А. Э. IV, № 188.

[3]) Въ началѣ XVIII в. св. Димитрій Ростовскій жаловался: „еще же и сіе вѣстно сотворися, яко нѣцыи отъ нерадивыхъ не малую подъ собою паству душъ человѣческихъ имуще, не пекутся, якоже пещися подобаетъ о спасеніи, и лѣнятся ходити къ больнымъ, еже исповѣдывати и причащати ихъ, а наипаче къ людямъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходити, токмо къ больнымъ ходятъ, а убогихъ и нищихъ презираютъ и многіе нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причащенія Божественныхъ таинъ умираютъ". (Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVII, стр. 82).

[4]) Сочин. Посошкова стр. 25, 27, 28.

дни, о говѣніи, исповѣданіи и причащеніи православныхъ въ четыредесятницу или въ другіе посты и объ исполненіи христіанскихъ требъ, весьма вредно было для православныхъ, невольно доводило ихъ до отчужденія отъ церкви и склонности къ расколу. Во всѣ времена ничто такъ не поддерживало вѣры и благочестія въ народѣ русскомъ, особенно въ простомъ народѣ, ничто такъ не прикрѣпляло его къ церкви, какъ усердное хожденіе въ воскресные, Господскіе, Богородичные и другіе праздники въ храмы къ Богослуженію и постоянное, живое участіе въ священно-дѣйствіяхъ Богослуженія. Но теперь, если въ нѣкоторыхъ православныхъ приходахъ не только въ простые дни, но въ праздники Господни и Богородичны и по воскресеніямъ часто не было богослуженія; если священники по лѣности, или по невоздержной жизни, или по другимъ какимъ-либо причинамъ не служили; то удивительно ли, что въ такихъ приходахъ у православныхъ чувство вѣры и благочестія мало-по-малу охладѣвало, и наконецъ многіе изъ нихъ дѣлались вовсе холодными къ церкви. Посошковъ, глубоко понимавшій нравственныя потребности и духъ русскаго народа, справедливо разсуждаетъ о томъ, какъ вредно для нашего народа въ нравственномъ отношеніи отчужденіе отъ богослуженія, отъ храмовъ. «Пресвитеровъ аще и много, говоритъ онъ, обаче не пекутся о томъ, они бы отъ таковыя (раскольнической) погибели народъ отвратити и на правый путь направити; но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ, и того ради церкви всѣ уже запустѣли, и такъ было до нынѣшняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ необрѣталося. А нынѣ архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинаютъ ходить ко св. церкви. Гдѣ бывало человѣка по два-три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольническая ересь. А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ» [1]). По нерадѣнію неблагопопечительныхъ священниковъ православные, не ходя въ церковь, не исповѣдываясь во грѣхахъ своихъ, не пріобщаясь Божественнаго Тѣла и Крови Христовой, чрезъ то неизбѣжно отчуждались отъ духа церкви Христовой, постепенно прерывали внутреннее тѣснѣйшее общеніе и живую связь съ духовнымъ тѣломъ Христовымъ-церковію, а чрезъ отчужденіе отъ жизни церковной, особенно чрезъ лишеніе себя Божественной пищи, св. Тѣла и Крови Христовой, естественно, неизбѣжно доходили, наконецъ, до такого нравственно-духовнаго омертвѣнія, чро неминуемо отпадали отъ Тѣла Христова—церкви, какъ мертвые члены, неимѣвшіе въ себѣ жизни Христовой. «Многіе, не радя о своемъ спасеніи, угождая же лѣности своей,—читаемъ въ Сенатскомъ указѣ 1737 года Апрѣля 16, не имѣя душеспасительнаго въ себѣ дара, т. е. сообщенія Тѣла и Крови Христовы, и впадающе въ грѣхи различные, отходятъ въ крайнее заблужденіе *и оттого же происходитъ склонность и раждается самое раскольнической прелести преум-*

---

[1]) Сочин. Посошкова, стр. 10.

ноженіе, а тому виною можетъ быть нечто иное, точію пастырей о паствахъ своихъ небреженіе» [1]). «Въ 1693 году Августа 1 дня въ олонецкой Приказной избѣ явился изъ пудожскаго погоста крестьянинъ раскольникъ Ѳедоръ Алексѣевъ и подалъ мірскую челобитную, за руками старосты пудожскаго погоста Семена Леонтьева раскольника же, и мірскихъ людей, имяномъ 212 человѣкъ, того же пудожскаго погоста на поповъ на Семена Петрова, да на Онтипа Михеева, а въ той ихъ челобитной, между прочимъ, написано: что они попы къ нимъ мірскимъ людямъ, къ болящимъ, для исповѣди и причащенія не приходятъ и не исповѣдываютъ и не причащаютъ, и многіе де болящіе и родильницы безъ покаянія и безъ причащенія помираютъ; а какъ они мірскіе люди приходили ихъ поповъ звать къ родильницамъ молитвы давать, и они де попы ихъ мірскихъ людей не слушали, и забывъ страхъ Божій пили и бражничали, и многія родильницы умирали безъ молитвы и безъ покаянія» [2]). Такъ жаловались прихожане пудожскаго погоста, гдѣ цѣлыя деревни заражены были расколомъ и гдѣ самые лѣса наполнены были раскольническими пристанищами. Какъ больно слышать подобныя жалобы на пастырей отъ ихъ же и по ихъ же допущенію заблудившихъ пасомыхъ! Еще больнѣе, прискорбнѣе то, что нѣкоторые священники не только не предотвращали своихъ прихожанъ отъ раскола ни церковными наставленіями, ни пастырскимъ попеченіемъ о ихъ духовнонравственной жизни, но еще сами потворствовали расколу. «И нынѣ, — съ тяжкою болѣзнію сердца жаловался св. Дмитрій Ростовскій, — суть мнози таковіи, отъ нихъ же нѣцыи попы оставивше церкви своя и домы, идутъ въ раскольническія жилища: друзіи же, аще и при церквахъ своихъ живутъ, и правовѣрными быти лицемѣрно сказуются: обаче съ раскольники мудрствуютъ и согласуются онымъ, и прихожанъ своихъ, кіи отъ раскольниковъ прельщены, укрываютъ и потакаютъ имъ» [3]). «Попы нѣкіи,— читаемъ въ прибавленіи къ Духовному Регламенту, — утаявая раскольниковъ, притворяютъ, будто они больнаго сообщаютъ св. тайнамъ наединѣ, дабы раскольникъ, таковымъ причастія притворомъ утаенъ былъ» [4]). «Попы, накупленные отъ раскольниковъ, сказано также въ прав. 17, пріемлютъ ихъ младенцевъ къ крещенію, и не крестивъ отсылаютъ» [5]).

Нѣкоторые пастыри православной церкви обходились съ православными *иногда жестоко, не по отечески и не по пастырски, и тѣмъ удаляли, отталкивали православныхъ отъ себя и отъ церкви въ расколъ.* Вмѣсто того, чтобы съ отеческою любовію и кротостію обращаться съ своими прихожанами, и съ пастырскою попечительностію и безкорыстною благожелательностію заботиться объ ихъ душевномъ благѣ, нѣкоторые недостойные священники притѣсняли своихъ прихожанъ, обижали, оскорбляли ихъ своею неблагопристойною притязательностію, и излишнею, непомѣрною требовательностію, истязывали у своихъ прихожанъ большія платы за требы

[1]) П. С. З. X, № 7226.
[2]) А. И. т. V, № 223, стр. 384.
[3]) Розыскъ ч. 2, гл. 16.
[4]) П. С. З. т. IV, № 4022, п. 15.
[5]) П. С. З. VI, № 409, п. 25, 26.

и только деньги брали, а требъ не исполняли. Это весьма многихъ православныхъ отчуждало отъ православной церкви и располагало ихъ къ принятію безпоповскаго раскола. По этой причинѣ совратились въ расколъ многіе жители пудожскаго погоста, какъ видно изъ дѣла о пудожскихъ раскольникахъ. Вотъ какую жалобу они приносили на своихъ священниковъ Семена Петрова и Онтипа Михеева въ вышеупомянутой нами челобитной (если только вѣрить ихъ свидѣтельству): «которыхъ тѣла умершихъ мірскіе люди къ церкви привозили, они попы съ тѣмъ умершихъ имали по два и по три и по пяти рублевъ, а съ иныхъ де просили и пятнадцати рублевъ, а дать де было нечего, и тѣ умершихъ тѣла лежатъ безъ погребенія, а что молитву давали родильницамъ, и свадьбы вѣнчали и младенцевъ крестили, и которые младенцы умирали, и они де попы имали отъ молитвы, и отъ вѣнчанія, и отъ крещенья, и отъ погребенья, все передъ прежнимъ вчетверо; а какъ мірскіе люди приходили ихъ звать къ родильницамъ молитвы давать, и они попы ихъ мірскихъ людей не слушали, и забывъ страхъ Божій, пили и бражничали и многія родильницы умирали безъ молитвы и безъ покаянія; а ругу де они попы съ нихъ мірскихъ людей емлютъ накладную передъ прежнимъ втрое, да какъ попъ Семенъ тягался съ пономаремъ съ Иваномъ Матвѣевымъ, и взялъ съ мірскихъ людей угрозами денегъ десять рублевъ» [1]). При такой неблагопристойной притязательности пудожскихъ священниковъ, неудивительно, что во 2-й половинѣ XVII вѣка въ пудожскомъ погостѣ весьма многіе, совратившись въ росколъ, бѣжали въ непроходимые пудожскіе лѣса, тамъ устроили себѣ пристаница и оттуда дѣлали нападенія на православныя церкви пудожскаго погоста и на самихъ священниковъ, которыми были недовольны [2]). Если прихожане пудожскаго погоста во 2-й половинѣ XVII вѣка весьма недовольны были, между прочимъ, тѣмъ, что священники не отпѣвали у нихъ умершихъ и за отпѣванье требовали слишкомъ большую плату, то не менѣе возбуждали противъ себя неудовольствія въ своихъ прихожанахъ и тѣ священники, которые брали съ православныхъ большія платы за поминовеніе ихъ усопшихъ родственниковъ и ближнихъ, а заупокойныхъ службъ и сорокоустовъ не

---

[1]) „Подателя этой челобитной въ олонецкой приказной избѣ распрашивали стольникъ и воевода Леонтій Стрѣшневъ и дьякъ Ивановъ, и въ распросѣ онъ сказалъ слѣдующее: „въ прошломъ де 201 году (1693) по лѣту Божіимъ изволеніемъ, въ ихъ пудожскомъ погостѣ учалъ скотъ пасть и люди умирать скорою смертію и для де исповѣди людей и для причащенія Христовыхъ Таинъ поповъ Семена и Антипа пудожскаго погоста жители въ домы призывали, и они де попы для исповѣди и причащенія Христовыхъ Таинъ къ тѣмъ людямъ не приходили и не исповѣдывали и не причащали, а иныхъ въ землю не погребали, и такихъ де умершихъ тѣла есть не отпѣты, а прошали де они попы за исповѣдь, и за причащеніе, и за отпѣваніе и за погребеніе, съ такихъ людей съ человѣка по 15 рублевъ и меньши, а съ иныхъ людей имали за отпѣванье съ человѣка по пяти и по три и по два рубли; а умершаго де крестьянина Матюшки Козмина у братьи его просили они попы за отпѣванье 15 рублевъ, и онъ де Матюшка не отпѣтъ, да за отпѣванье же де они попы взяли умершаго Якимки Яковлева у братьи у Терешки да у Гришки Яковлевыхъ пять рублевъ... у дѣтей за отпѣванье же его Аврамки взяли три рубля“.

[2]) А. И. V, № 223, стр. 378 и дал.

исправляли. Такъ напр. читаемъ въ Духовномъ Регламентѣ: «за сорокоусты великія цѣны попы домогаются, хотя бы ихъ не прошено о томъ, но и сами они часто сорокоустовъ служить не думаютъ, и насильно платы, будто пошлины, за смерть истязуютъ [1])». А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ростовской епархіи были даже такіе недостойные священники, которые тщеславно превозносились предъ прихожанами своимъ священствомъ и съ гордостію угрожали Богомъ данною имъ властію вязать и рѣшить [2]). Такой вовсе не свойственный пастырямъ церкви духъ превозношенія, гордости, корыстной и высокомѣрной требовательности, очевидно, весьма неблагопріятно дѣйствовалъ на духъ православныхъ и невольно заставлялъ ихъ чуждаться такихъ священниковъ, которые заражены были имъ. Прихожане боялись ихъ, и лучше соглашались быть безъ священниковъ, чѣмъ жить подъ руководствомъ такихъ лжепастырей, и вотъ многіе бѣжали отъ такихъ поповъ, нетерпимыхъ и православною церковію, и причислялись къ сектѣ безпоповщинской.

Неблагопристойное поведеніе нѣкоторыхъ церковно-служителей и православныхъ во время богослуженія, и безпорядки въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ еще болѣе подавали повода къ уклоненію многихъ православныхъ въ расколъ. Прискорбно читать въ увѣщательныхъ грамотахъ попечительныхъ архипастырей жалобы, въ коихъ они вопіютъ противъ господствовавшихъ тогда въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ безпорядковъ и злоупотребленій. Такъ п. Іосафъ въ памяти, данной въ 1636 г. тіуну Манойлову и поповскому старостѣ, Никольскому попу Панкратію о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребленій, пишетъ: «вѣдомо убо великому господину, святѣйшему Іоасафу, патріарху московскому и всея Русіи, отъ многихъ извѣстися, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть въ Китаѣ, и въ бѣломъ городѣ Каменномъ, и въ Древяномъ, и въ загородныхъ мѣстѣхъ, въ соборныхъ и приходскихъ святыхъ Божьихъ церквахъ чинится мятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православныя христіанскія непорочныя вѣры, что во святыхъ Божьихъ церквахъ зѣло поскору пѣніе Божіе, не по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ; а православные христіане, иже суть мірстіи людіе, приходяще ко святымъ Божіимъ церквамъ, стоятъ въ церквѣ Божіи съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во время святаго пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ, а божественныя пѣнія и св. апостолъ и св. отецъ преда-

[1]) П. С. З. т. VI. стр. 706.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVI, стр. 73. Св. Димитрій Ростовскій жаловался: „доносится слухъ нашему о нѣкіихъ попахъ неискусныхъ и злонравныхъ, иже дѣтей своихъ духовныхъ исповѣданныя грѣхи изъявляютъ, обличаютъ и въ прилучающихся между людьми бесѣдахъ, егда бываютъ пьяніи, хвастаютъ тщеславно дѣтьми духовными, сказующе, которые лица къ нимъ на исповѣдь приходятъ. Егда же за что разгнѣваются на духовныхъ дѣтей, абіе съ укоризною поносятъ имъ, глаголюще: „ты мнѣ духовный сынъ (или духов. дочь), не вѣси ли, яко вѣмъ грѣхи твоя сія, абіе обличу тя предъ всѣми, и прочіе безумные глаголы“.

нія, еже суть поученія, вотще презирающе и благочиновныхъ священницъ наказанія, иже во святыхъ Божіихъ церквахъ о благосостояніи поученія не пріемлюще, но и паки же о томъ и самимъ священникомъ поношающе и ихъ укоряюще; а иніи же бо священницы и сами суть бесѣдующе, и безчинствующе, и мірскія угодія творяще; а обѣдни служатъ безъ часовъ, только отпустомъ начинаютъ; а во святые дни святаго великаго поста въ нихъ же должни суть православніи христіане, яко въ жатвенное время съ трудомъ великимъ и воздержаніемъ плоды добродѣтельные собирати въ житницу душевную, а въ тѣ великіе дни службы церковныя священницы совершаютъ зѣло по-скору, не по правиломъ, ни по преданію св. отецъ, но по своему умышленію, и лѣностію и нерадѣніемъ великимъ изнуряютъ время постное; а иніи же бо суть, послѣ обѣдни на свѣтлой недѣли и вечерни отпѣваютъ, для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣностію содержащеся. Такожде и въ воскресные дни, и во Владычни и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ праздники, заутрени священницы поютъ гораздо по позду и для поздаго ради времени поютъ зѣло по-скору же... и видя то православни христіане иже въ церквахъ Божіихъ и въ наставницѣхъ неисправленіе и оттого имъ смущается умъ и скудѣетъ вѣра, потому что вожди ослѣпоша лѣностію и нерадѣніемъ исправленіемъ исправленія церковная погасиша. А пономари по церквамъ молодые, безъ жонъ, да такожде по церквамъ поповы, купно же и мірскихъ людей дѣти, во время святыя службы во олтари безчинствуютъ; и во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и больши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся; а иніи полагаютъ полены на блюдѣхъ и свѣчи и собираютъ, рекуще, на созиданіе церквамъ; иніи же творятся малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ; а иніи ходятъ въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы; а иніи во время святаго пѣнія въ церквахъ ползаютъ, пискъ творяще и великъ соблазнъ полагаютъ въ простыхъ человѣцѣхъ» [1]). Въ 1646 г. разосланъ былъ по церквамъ окружный патріаршій наказъ духовному чину о соблюденіи поста и церковнаго благочинія, и изъ него видимъ, что «нѣкоторые протопопы и попы начинали вечерни и заутрени безъ ризъ, а по церквамъ во время Божественнаго пѣнія въ вечернію и въ заутреню и въ литургію ходили иноки и прокураты съ образами и съ блюдьями и съ пеленами и всякихъ чиновъ люди милостыни просили, и отъ ихъ крику и писку православнымъ христіаномъ Божественнаго пѣнья и чтенья не слышно было, да тѣмъ въ церкви Божіи приходили аки разбойники съ палками, а подъ тѣми палками у нихъ были копѣйца желѣзныя, и бывала у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная» [2]). Епархіальные архіереи также почти повсюду и постоянно вопіяли противъ разныхъ злоупотребленій и безпорядковъ въ церквахъ. «Въ прошлыхъ годѣхъ посыланы наши грамоты,—писалъ м. Ростовскій Іона въ Кирилло-

[1]) А. А. Э. т. III, № 264.
[2]) А. А. Э. т. IV, № 321.

бѣлозерскій монастырь въ 1657 г.—нашея Ростовскія митрополіи въ городы къ протопопомъ и къ попомъ и къ діакономъ, а въ уѣзды по селамъ памяти, не по одно время, чтобы они попы и діаконы пѣли и говорили въ церквахъ Божіихъ единогласно, и часы говорили передъ обѣднею..., и нынѣ намъ вѣдомо учинилось, въ нашей митрополіи въ городѣхъ и уѣздѣхъ по селамъ попы и діаконы заутрени говорятъ и поютъ поздно, и правило говорятъ въ заутреннее пѣніе, зашедъ въ олтарь, не слышавъ церковнаго пѣнія, и часы говорятъ послѣ заутрени, не выходя изъ церкви, и не единогласно, и обѣдни начинаютъ пѣть рано, на первомъ часу дни» [1]). Въ 1661 г. Новгородскій м. Макарій писалъ Тихвинскаго монастыря архимандриту Іосифу: «вѣдомо учинилось намъ великому господину Преосвященному Макарію, Митрополиту Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, что на Тихфинѣ на посадѣ, и около Тихфина въ Нагорной десятинѣ, въ монастырѣхъ у игуменовъ и у строителей и у черныхъ поповъ, а въ погостѣхъ въ Георгіевскомъ на Кожелѣ, въ Дмитровскомъ, въ Капецкомъ, въ Спасскомъ на Шизнѣ, на Явосмѣ въ Озеревскомъ, въ Пашезерскомъ, въ Шюгозерскомъ, въ Лучаньскомъ, въ Волоцкомъ, въ Пелушскомъ, въ Койгушскомъ, въ Георгіевскомъ на Пашѣ, и тѣхъ погостовъ въ выставкахъ, у поповъ и у діаконовъ и у причетниковъ церковныхъ, по святымъ Божіимъ церквамъ, многое церковное неисправленіе: поютъ и говорятъ не единогласно; православные христіане въ церковь пришедъ, во время святаго пѣнія въ церквахъ стоятъ несмирно, межъ собою говорятъ и смѣются, и жены ихъ въ церковь приходятъ въ бѣлилахъ» [2]). Изъ памяти, данной въ 1672 г. Августа 11, по указу новгородскаго же м. Питирима верховажскаго стана пречистенскимъ успенскимъ попамъ Максиму Иванову и Ѳедору Ѳедорову и діакону Якову Иванову съ причтомъ, объ искорененіи вкравшихся безпорядковъ по церковному благочинію, видно, что такое же точно «многое церковное неисправленіе было въ церквахъ на Вагѣ въ шенкурскомъ острогѣ и во всей важской десятинѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ» [3]). Въ грамотѣ м. рязанскаго и муромскаго Павла, данной въ 1683 г. архимандриту богословскаго и келарю солотчинскаго монастырей «о исправленіи церковныхъ блогочинныхъ дѣлъ и о согласіи во священнослуженіи» читаемъ, что когда сей архипастырь объѣзжалъ свою епархію, то усмотрѣлъ «въ рязанскомъ округѣ въ монастыряхъ и въ селахъ во святыхъ Божіихъ церквахъ у архимандритовъ и у игуменовъ и у священниковъ и у діаконовъ божественную службу и всякіе церковные обряды и благолѣпіе не состоящими съ соборной и апостольскою церковію и съ новоизданными московскаго государства книгами» [4]). И не только архипастыри жаловались на такіе безпорядки въ церквахъ, но вмѣстѣ съ ними и багочестивые Государи. Такъ въ 1651 г. самъ царь Алексѣй Михайловичъ составилъ соборъ и особое «уложеніе о благочиніи церковномъ,

---

[1]) А. А. Э. т. IV, № 335.
[2]) А. И. т. IV, № 151.
[3]) А. А. Э. IV, № 188.
[4]) Грам. Рязан. края, стр. 127.

совѣтовавъ съ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы и съ архимандриты, и со всѣмъ своимъ синклитомъ, что въ его московскомъ государствѣ, на Москвѣ и въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ соборныхъ церквахъ и въ монастырѣхъ и въ приходскихъ церквахъ, ввелося отъ небреженія многогласное пѣніе, поютъ и говорятъ голоса въ два, и три, и въ четыре»[1]). Изъ уложенія этого собора видно, какъ, напримѣръ, дьячки читали на вечерняхъ и утреняхъ псалмы, борзо, вдругъ въ нѣсколько голосовъ, рѣшительно безъ всякаго вниманія, и при чтеніи стояли неблагопристойно, лицомъ не къ царскимъ дверямъ, а назадъ, или на сторону, или, какъ пѣвцы пѣли, псаломщики читали, діаконы говорили эктеніи, а священники—возгласы, не выслушивая и не дожидаясь другъ друга, всѣ въ одинъ голосъ. Коснѣя въ закоренѣлой лѣности и помышляя только о своемъ тѣлесномъ покоѣ, нерадивые служители олтаря дѣлили службу Божію на части, чтобы скорѣе кончить ее. Въ Духовномъ Регламентѣ читаемъ объ этомъ слѣдующее: «худый и вредный и весьма богопротивный обычай вшелъ службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утреня или вечерня на части разобрана, вдругъ отъ многихъ поется и два или три молебна вдругъ отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ совершаются. Сіе сдѣлалось отъ лѣности клира, и вошло во обычай, и конечно должно есть перевести таковое богомоленіе»[2]). Нарушая уставъ и порядокъ церковнаго богослуженія, недостойные священники и діаконы нерѣдко дерзали совершать божественную литургію и прочія церковныя службы въ нетрезвомъ видѣ, и во время богослуженія въ олтарѣ производили всякаго рода безчиніе и соблазнъ, ссорились, бранились сквернословно. Такъ въ соборномъ отвѣтѣ (1681 г.) на третье предложеніе царя Ѳеодора Алексѣевича читаемъ: «въ нынѣшнее время многіе попы и діаконы живутъ безчинно, упиваются безмѣрнымъ піанствомъ, и дерзаютъ безстрашіемъ неизтрезвився служить божественную литургію и прочія церковныя службы, утрени, вечерни, молебны, панихиды, такожде и церковныя тайны, св. крещеніе, мνропомазаніе, и благословеніе брака, и исповѣданіе, св. причащеніе, и надъ болящими елеосвященіе, дѣйствуютъ пьяные, и отъ такого безчиннаго піанства въ покаяніе не приходятъ и не престаютъ, и божественнаго писанія не внимаютъ, а архіерейскія запрещенія презираютъ»[3]). Такіе безпорядки господствовали въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII, во время сильнаго распространенія раскола въ церкви русской, и такъ неблагоговѣйно вели себя многіе церковнослу-

---

[1]) А. А. Э. т. IV, № 327.

[2]) П. С. З. VI, стр. 320. Дух. Реглам.

[3]) А. И. т. V, № 75, стр. 114. „Болѣзную сердцемъ, писалъ св. Димитрій Ростовскій въ одномъ увѣщаніи къ своимъ іереямъ, яко о нѣкіихъ попахъ (по достовѣрному намъ доношенію) слышу, что по вчерашнемъ пьянствованіи, не протрезвившися, не пріуготовившеся къ служенію, дерзаютъ литургисати, еже людемъ есть на соблазны, а самѣмъ таковымъ іереямъ на погибель. Друзіи же злонравіи священницы въ церкви и святомъ олтарѣ сквернословятъ, (матерно бранящеся), и творятъ домъ Божій вертепомъ разбойниковъ“. Др. Рос. Вивліоѳ. XVII. стр. 103.

жители и православные при церковномъ богослуженіи. Понятно, какъ возмутительно-прискорбно было для благочестиваго чувства ищущихъ духовнаго назиданія въ дому Божіемъ видѣть такія безчинія въ храмахъ Божіихъ. Въ воскресеніе Христово, или въ какой-либо Господскій, либо Богородичный праздникъ шелъ напр. благочестивый простолюдинъ въ храмъ Божій къ литургіи, съ благочестивымъ настроеніемъ духа, съ однимъ искреннимъ желаніемъ, затепливъ свѣчу предъ иконою, теплою молитвою помолиться Господу Богу, шелъ въ церковь, истинно какъ въ домъ Божій, съ полною вѣрою, что тамъ Самъ Господь Богъ присутствуетъ. Какъ же больно было его сердцу, когда онъ находилъ здѣсь совершенно не то, чего жаждала и ожидала его душа, когда, входя въ храмъ Божій, онъ слышалъ здѣсь одно грубое пѣніе святыхъ пѣсней литургіи, пѣніе, заглушавшее глубоко-поучительные и трогательные для души набожнаго христіанина священническіе возгласы, вѣщавшіе иногда глаголы Христовы, глаголы слова Божія; слышалъ грубое, необыкновенно-поспѣшное, совершенно невнятное чтеніе Евангелія, апостола, блаженствъ, съ пропусками; видѣлъ потомъ соблазнительныя безчинства церковно-служителей въ олтарѣ и на клиросѣ; видѣлъ, какъ многіе православные переходили съ мѣста на мѣсто, громко разговаривали, смѣялись, а иногда вдругъ врывались въ церковь нищіе, иноки и прокураты, безчинно ходили по церкви съ блюдьями и съ пеленами, такъ что отъ ихъ крику и писку православнымъ христіанамъ вовсе не слышно было божественнаго чтенія и пѣнія, и происходила между ними драка до крови и лая смрадная! При видѣ въ храмѣ Божіемъ такого непристойнаго поведенія неблагонравныхъ церковно-служителей и православныхъ, при видѣ богопротивнаго, святотатственнаго искаженія, или сокращенія лѣнивыми церковно-служителями Божественной литургіи (или другого какого-либо Богослуженія), смущалась душа этого богобоязненнаго простолюдина, и въ другой разъ въ немъ уже не было желанія— итти въ тотъ храмъ, гдѣ въ прошедшій праздникъ онъ видѣлъ одно пренебреженіе святыни, превращеніе дома Божія въ богопротивный вертепъ. Между тѣмъ примѣчали это раскольническіе наставники и приглашали его въ свою моленную. И вотъ простосердечный поселянинъ шелъ въ раскольническую часовню, плѣнялся ея внѣшнимъ благолѣпіемъ, плѣнялся внѣшнимъ благоговѣніемъ предстоящихъ и молящихся, и охотно посѣщалъ раскольническую часовню въ другой, третій, четвертый разъ, и наконецъ совершенно уклонялся въ расколъ. Такъ совратились въ расколъ весьма многіе изъ православныхъ [1]).

Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на домашнее поведеніе православныхъ священниковъ, на образъ жизни ихъ въ мірѣ, между прихожанами: то здѣсь еще болѣе увидимъ такого, что отталкивало многихъ православныхъ отъ общенія съ православными священниками и побуж-

[1]) Не удивительно послѣ этого и то, что, какъ свидѣтельствовали отцы собора 1667 г., „во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко ересьми многими и антихристовою скверною осквернены православныя церкви, чины и таинства, и послѣдованія церковная". Допол. къ А. И. V, стр. 484.

дало принимать расколъ безпоповщинскій. Не сознавая ни достоинства священнаго сана, ни духовныхъ обязанностей, не зная часто ни чести, ни стыда, коснѣя въ грубыхъ наклонностяхъ, ничѣмъ не отличаясь отъ невѣждъ поселянъ,—многіе священно и церковно-служители русскіе не стыдились публично, предъ народомъ выставлять себя въ самомъ грязномъ видѣ, и унижать самое священство. Такую напр. жалобу на священниковъ приносили въ XVII вѣкѣ патріарху Іову: «садятся безмѣстные попы и діаконы у Фроловскаго моста (въ Москвѣ) и безчинства чинятъ великія, межъ себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя, а иныя межъ себя играютъ и борются и кулачки бьются; а которые наймуются обѣдни служить и они съ своею братьею, съ которыми бранилися, не простясь Божію литургію служили» [1]). Такой публичный соблазнъ производило столичное, московское духовенство не только въ XVII в., но и въ теченіи почти всего XVIII столѣтія, пока не обратилъ на него вниманіе митрополитъ московскій Платонъ. Прискорбно читать въ актахъ историческихъ многочисленныя жалобы на то, какъ весьма многіе священники необузданно предавались невоздержанію «чревоугодію своему послѣдовали, пьяные бродили по улицамъ, валялись въ кабакахъ [2]); по улицамъ бродя, безчинно шумѣли, ложились спать на дорогѣ, на обѣдахъ у своихъ прихожанъ ссорились «по мужичью» истязали въ домахъ ихъ подчиванья, въ гостяхъ являлись сильны и храбры къ питью [3]), кощунствовали, церкви Божіи продавали и корчемствовали [4]), дрались, убивали другъ друга и впадали во всякія другія уголовныя преступленія [5]). Нельзя также безъ прискорбія вспомнить, какъ иногда провинившіеся священники въ XVII вѣкѣ по зазывнымъ грамотамъ всякаго чина людей, высылались изъ ихъ приходовъ на судъ въ Москву, въ Приказы на патріаршъ дворъ, и здѣсь влачили ихъ изъ палаты въ палату, изъ одного суда въ другой иногда долгое время [6]). Какое впечатлѣніе производили на православныхъ такіе священники, что объ нихъ говорили ихъ прихожане! Или: могъ ли народъ любить и уважать такихъ священно-служителей, которые вмѣсто того, чтобы водворять между своими прихожанами миръ, любовь и согласіе, какъ свойственно духовнымъ отцамъ и пастырямъ, сами заводили съ своимъ причтомъ и прихожанами ссоры,

---

[1]) Памятн. Моск. Древн. ч. II, стр. 335.

[2]) А. И. IV, № 62, стр. 176; № 151 V, № 186. — А. А. Э. III, № 264; IV, № 328.

[3]) П. С. З. VI, стр. 707.

[4]) Дополн. къ А. И. V, стр. 462, 473.

[5]) Въ церковныхъ приказахъ много было дѣлъ о самыхъ мрачныхъ, недостойныхъ поступкахъ духовенства. Такъ напр. думный разрядный дьякъ В. Г. Семеоновъ писалъ къ кн. Вас. Вас. Голицыну: „въ розрядъ ни откуды вѣстовыхъ писемъ нѣтъ. Только есть отписка съ Коширы *о чудесахъ* попа Савы, и тое отписку для вѣдома послалъ къ тебѣ Государю моему. А въ отвѣтъ кн. Голицынъ: отписку о Савѣ попѣ посылаю къ тебѣ и ты пошли объ указѣ стой отписки на патріаршъ дворъ память, чтобъ указъ ему учинили *за то воровство* на патріаршѣ дворѣ“. Врем. М. Ист. Общ. кн. 4, стр. 65.

[6]) А. А. Э. IV, № 204, п. 6.

тяжбы и даже драки, доходившія до рѣзни [1]). Не смягчили, не улучшили нравовъ духовенства и государственныя мѣры XVII вѣка: ни реформы Петра Великаго, ни постоянныя заботы Правительства о разборѣ, переписи и распредѣленіи по церквамъ священно и церковно-служителей, ни отнятіе у нихъ недвижимыхъ имѣній, ни жестокія тѣлесныя наказанія, ни схоластическія училища и семинаріи XVIII вѣка. Напротивъ, въ XVIII вѣкѣ духовенство подверглось еще большей деморализаціи, сдѣлалось раболѣпнымъ, обратилось въ касту, почти приравнялось къ *подлому народу* [2]), какъ тогда говорили, унизилось предъ аристократизмомъ XVIII вѣка, на который тогда изливались милости и привилегіи, отнимаемыя у духовенства, и, въ чувствѣ этого самоуниженія и раболѣпства предъ обществомъ, при отсутствіи средствъ и силъ подняться на высоту общественнаго положенія, стало нравственно слабѣть, упадать, закоснѣло въ безсознательности своего общественнаго назначенія, и, свыкшись съ худымъ мнѣніемъ объ немъ общества, особенно высшихъ классовъ, свыклось и съ грубымъ образомъ жизни, и часто безъ зазрѣнія совѣсти стало позволять себѣ безчинія всякаго рода. Эта деморализація духовенства въ XVIII вѣкѣ, особенно въ первой половинѣ его, до того дошла, что послѣ этого уже и гуманныя мѣры, какія Правительство мало-по-малу стало употреблять для исправленія и улучшенія нравственнаго быта духовенства и возстановленія его общественнаго положенія къ концу XVIII вѣка, оказывались почти недѣйствительными. Такъ въ указѣ 1772 г. Ноября 19 читаемъ: «Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, имѣя разсужденіе, что указами его 1767 г. Мая 21 (Іюня 7) и 1780 года Мая 13 (20) въ духовныхъ командахъ не велѣно чинить священникамъ, іеромонахамъ, протодіаконамъ, іеродіаконамъ и діаконамъ никакихъ тѣлесныхъ наказаній по тому резону, дабы они чрезъ то не могли терять должнаго по характеру своему отъ общества почтенія, и не было бы отъ того паствѣ ихъ соблазна и причины къ презрѣнію, и исправлять бы ихъ приличными духовными трудами и отрѣшеніемъ отъ дохода и отъ прихода по разсмотрѣнію. Каковое Св. Синода къ священно-служителямъ снисхожденіе и уваженіе сана ихъ и подавало Св. Сѵноду надежду, что священнослужители, тому соотвѣтствуя, будутъ вести себя исправнѣе, сходственно съ должностію ихъ пастырскою. Но при всемъ томъ изъ дѣлъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ усматривается, что нѣкоторые священно-служители ведутъ себя непорядочно, а особливо пьянствуя, во многія впадаютъ безчинія, и тѣмъ на чинъ духовный наводятъ нареканіе, а паствѣ своей бываютъ не примѣромъ добрымъ, но однимъ соблазномъ» [3]). При такомъ нравственномъ состояніи и общественномъ положеніи духовенства русской церкви, когда въ ней распространялась секта старообрядцевъ, возмущавшихъ народъ

---

[1]) Допол. къ А. И. т. II. № 70. А. И. V, стр. 384. См. также одинъ изъ любопыт. документ. церкви св. Филиппа въ Новгородѣ С. Петерб. Вѣдомост. 1856 г. № 93. Указъ Бориса Θедоровича: о ссорѣ поповъ съ прихожанами и объ обидахъ ихъ прихожанамъ. Или: Акт. Юрид. № 70.

[2]) П. С. З. т. XVIII. № 12909, XXIV, 17, 624.

[3]) П. С. З. т. XIX. № 13. 905.

противъ духовенства, какъ же могъ не распространяться расколъ, особенно безпоповщинскій! Могли ли эти священники, предъ всѣми чернившіе свое поведеніе самыми мрачными дѣлами, заслужить уваженіе отъ всѣхъ своихъ прихожанъ? Очевидно, нѣтъ! Православные, которые желали видѣть въ своихъ пастыряхъ живой образъ благочестивой христіанской жизни, желали учиться изъ ихъ примѣра всему нравственно доброму и благоприличному, невольно чуждались такихъ неблагонравныхъ пастырей, даже гнушались ими, съ презрѣніемъ отвращались отъ нихъ и уклонялись въ безпоповщину. А расколоучители безпоповщинскіе еще болѣе поддерживали и распространяли въ народѣ предубѣжденіе противъ такихъ неблагонравныхъ священниковъ, а изъ-за нихъ и противъ всего православнаго священства: они ходили по православнымъ приходамъ и, на основаніи какого-нибудь мнимаго Ипполитова предсказанія, распространяли въ народѣ нелѣпую молву,—будто всѣ уже православные священники возлюбили тьму, будто они суть яко волцы, а молитвы ихъ суть мерзость предъ Богомъ». «Такимъ лжеумствованіемъ своимъ, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, въ его епархіи отъ пустынь брынскихъ волцы исходящіи овцы Христовы прельщали и похищали [1])».

Были, впрочемъ, важныя причины, почему духовенство въ XVIII вѣкѣ до такой степени было доморализировано, что не имѣло почти никакого нравственнаго вліянія на народъ, и даже отталкивало отъ себя многихъ православныхъ въ расколъ. Мы не будемъ раскрывать того, какъ въ XVIII вѣкѣ духовенство непомѣрно подчинено было свѣтской власти, какъ, при Остерманѣ и Биронѣ, «не щадили духовныхъ персонъ, жестокимъ и нестерпимымъ мученіямъ и экзекуціямъ подвергали» [2]), или, выражаясь словами одного современника, «священниковъ и монаховъ, какъ мушекъ давили»; какъ священнослужителей наказывали жестокими побоями, плетьми и кнутомъ [3]); какъ «въ губерніяхъ губернаторы, а въ городахъ воеводы духовныхъ персонъ били, тиранили, и увѣчили, или издѣвались надъ ними [4])»; какъ «помѣщики священно и церковно-служителей не только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляли, а обиженные иные отъ свѣтскихъ командъ удовлетворенія не получали, а другіе по причинѣ своего неимущества отъ суднаго по формѣ процесса отрицались» [5]); какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже долго во второй, священники, «по силѣ полицемейстерской инструкціи, должны были дневать и ночевать въ съѣзжихъ дворахъ, являться къ офицерамъ въ дома для работъ и посылокъ, ходить на караулы къ рогаткамъ и на пожары» [6]); какъ священно-церковно-служители, не получая жалованья, лишались и помѣщиками положенной Правительствомъ пропорціи земли и претерпѣвали нищету, а

[1]) Розыскъ, стр. 233, 234, 259.

[2]) П. С. З. т. XI, № 8506, XVII, 12, 618.

[3]) П. С. З. т. XVIII, № 12. 303, XXIV, 17, 624. Священниковъ наказывали смертною казнію не за уголовныя преступленія. IV, № 1860.

[4]) П. С. З. т. XII, № 9079, XIV, 10, 750. XV, 10, 988.

[5]) П. С. З. т. XVIII, № 13, 286.

[6]) П. С. З. т. IX, № 6957, XI, № 8546.

между тѣмъ долго должны были еще нести повинности постоялыя, рекрутскія, госпитальныя, подможныя для полковыхъ поповъ [1]) и проч. Не раскрывая всѣхъ этихъ важныхъ причинъ нравственнаго ослабленія и несостоятельности духовенства удержать, спасти народъ отъ раскола, мы обратимъ вниманіе на внутреннюю причину—на способы и систему воспитанія и просвѣщенія духовенства нашего, въ періодъ распространенія раскола. Извѣстно, что училищъ духовныхъ, также какъ и свѣтскихъ, отъ начала XVI столѣтія и до половины XVII в., въ Великой Россіи вовсе не было. Пастыри народа, избиравшіеся въ древней Россіи изъ людей всѣхъ состояній, и всего чаще изъ крестьянъ, а не рѣдко изъ холоповъ, большею частію сами почти совершенно лишены были просвѣщенія, или имѣли весьма скудное образованіе, какъ это мы видѣли. Приготовленіе къ священному служенію было самое недостаточное, особенно до п. Никона. Отцы, желавшіе посвятить дѣтей своихъ во священники или діаконы на свое мѣсто, обыкновенно, или сами учили ихъ грамотѣ, или нанимали для сего особыхъ, такъ называемыхъ, «мастеровъ»; а отцы эти и мастера, какъ справедливо замѣтили еще пастыри Стоглаваго собора, часто и сами «мало умѣли, и силы въ Божественномъ Писаніи не знали [2])». И все ученье, все приготовленіе къ священству состояло только лишь въ томъ, чтобы умѣть читать церковныя книги и писать. Лучшіе просвѣщеннѣйшіе архипастыри русской церкви давно начали чувствовать всю недостаточность такого приготовленія пастырей и необходимость духовныхъ училищъ для образованія просвѣщенныхъ, учительныхъ священно-служителей [3]). Но только съ 30-хъ годовъ XVII вѣка начали появляться въ сѣверо-восточной Россіи духовныя училища, и то въ одной только Москвѣ: и, до паденія патр. Никона, ихъ было не болѣе двухъ [4]). При томъ, какія это были училища? Чему въ нихъ учили? Справедливое свидѣтельство даетъ Олеарій: «Les Moscovites, говоритъ онъ, n'apprennent dans leurs écoles qu'à lire et à écrire en leur langue, et ils n'en apprennent point d'autre; mais depuis quelques années on a établi une école publique à Moscou, du consentement du Patriarche, où l'on enseigne le grec et le latin» [5]). И такъ, умѣнье читать и писать по-славянски, и греческій и латинскій языкъ—вотъ все, что на первый разъ изучали весьма немногіе воспитанники первыхъ московскихъ училищъ. А по удаленіи п. Никона отъ церковно-просвѣтительной дѣятельности, и эти училища пали. Между тѣмъ, при отсутствіи духовныхъ училищъ, разсадниковъ въ народѣ истиннаго церковнаго ученія, и при недостаткѣ священниковъ учительныхъ, просвѣщенныхъ, расколъ все болѣе и болѣе усиливался. Отсутствіе училищъ, по свидѣтельству просвѣщенныхъ современ-

---

[1]) XVIII, 12, 925, XX, 14, 377 XIII, 9314, X, 7169.

[2]) Стогл. гл. 25.

[3]) Извѣстно, какъ глубоко сознавалъ необходимость училищъ Геннадій, архіепископъ новгородскій, и какъ настоятельно побуждалъ митр. Симона просить Государей московскихъ, чтобъ велѣли училища устроить для образованія ставленниковъ.

[4]) См. „о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи“ въ прибавл. къ тв. св. отц. годъ 3 кн. 2.

[5]) Voyages du Adam Olearius, par Vicquefort. 1727, p. 333.

никовъ, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ происхожденія и распространенія раскола. Бывшій въ Москвѣ (съ 1660 г.) Паисій Лигаридъ, митр. Газскій, получившій образованіе въ Греческой Коллегіи въ Римѣ, занимаясь, по порученію царя Алексѣя Михайловича, опроверженіемъ извѣстной челобитной Соловецкой, въ заключеніи своего обширнаго труда обратилъ вниманіе на причины смятеній, производимыхъ въ Россійской церкви расколомъ и на средства къ уврачеванію сего недуга, и вотъ что выразилъ: «искахъ и азъ корене сего духовнаго недуга, происходящаго нынѣ въ семъ христоименитомъ царствѣ, и тщахся обрѣсти, *откуду бы сіе ересей наводненіе истекало и возрастало,* на толику нашу общую пагубу? Напослѣдокъ, умомъ обращая, *обрѣтохъ изъ двою истекшее, си еже есть: отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ,* такожде отъ скудости и недостаточества святыя книгохранительницы» [1]). Восточные патріархи, Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, приходившіе въ Москву въ 1666 г. для устроенія дѣлъ русской церкви (въ словѣ предложенномъ отъ лица ихъ въ день Рождества Христова) также съ особенною настоятельностію призывали пастырей церкви Русской къ устроенію духовныхъ училищъ для образованія просвѣщенныхъ и учительныхъ священниковъ, и въ учрежденіи духовныхъ училищъ полагали надежду искорененія раскола и залогъ торжества истины. «Видимъ,—говорили они,—яко во мнозѣхъ отъ васъ не имѣетъ премудрость мѣста, идѣже главу приклонити. Сотворитеся дѣлатели въ виноградѣ Христовѣ, искореняюще терніе, и куколь душевредный извергающе. *Можете бо отъ плевелъ очистити гумно, аще точію восхощете,* за неже бо имѣете всяко благополученіе и довольство изобильное въ рукахъ вашихъ. Сотворите вамъ вмѣсто сокровища тлѣннаго, души божественныя сокровиществовавъ. Обѣщаемъ бо яко сіи не малую пользу сотворятъ вашимъ монастыремъ и епархіямъ и митрополіямъ, егда спудеи и питомцы, паче и паче растуще въ премудрости, достигнутъ высшей премудрости, спасающе себе и прочія» [2]). Чрезъ 19 лѣтъ, дѣйствительно, въ Москвѣ основана была учеными Греками братьями Лихудами знаменитая славяно-греко-латинская академія. Но очевидно, что въ концѣ XVII в. и въ 1-й половинѣ XVIII одной Московской академіи было весьма недостаточно для того, чтобы приготовить учительныхъ, просвѣщенныхъ пастырей на всю церковь русскую, болѣе чѣмъ для 12,000 церквей, распространить въ народѣ русскомъ свѣтъ истиннаго ученія церкви и разсѣять заблужденія и предразсудки, посѣеваемые расколомъ. Притомъ, и кругъ наукъ, какія тогда преподавались въ московской академіи, далеко не соотвѣтствовалъ потребностямъ духовнаго и народнаго просвѣщенія. Ибо до 1701 г. обученіе въ московской славяно-греко-латинской академіи ограничивалось преподаваніемъ грамматики, піитики (на греч. языкѣ), риторики и философіи (на греч. и латин. язык.), а богословія, самаго главнаго и самаго необходимаго въ духовномъ образованіи предмета, еще не было.

---

[1]) Прибавл. къ твор. св. отц. г. III, кн. 2, стр. 160.

[2]) Прибавл. къ твор. св. от. стр. 163—165.

Съ наступленіемъ XVIII столѣтія, когда пастыри русской церкви, при видѣ большаго и большаго усиленія и распространенія раскола, еще глубже и живѣе возчувствовали потребность духовнаго образованія, начали появляться духовныя училища и внѣ Москвы, въ другихъ епархіяхъ, при архіерейскихъ домахъ [1]). Въ 1721 г. Духовнымъ Регламентомъ вмѣнено было въ обязанность каждому епархіальному архіерею имѣть при домѣ своемъ школу для обученія дѣтей, въ надежду священства [2]), предначертаны были правила для духовныхъ семинарій и положено было заводить семинаріи по епархіямъ. Съ этого времени, дѣйствительно, начали мало-помалу появляться въ разныхъ городахъ при архіерейскихъ домахъ духовныя училища и семинаріи. Но устроеніе этихъ епархіальныхъ духовно-учебныхъ заведеній, частію по недостатку средствъ, а частію и по недостатку усердія, шло весьма медленно, такъ что часто выходили подтвердительные указы объ учрежденіи духовныхъ училищъ и семинарій. «Хотя объ учрежденіи семинарій многіе указы изъ Святѣйшаго Сѵнода въ епархіи посланы были,—читаемъ въ Сѵнодскомъ указѣ, данномъ 8 Февраля 1739 года,—однако раченіе въ нѣкіихъ мѣстахъ является быть не токмо слабое, но почти и мало нѣтъ; а чего ради такое небреженіе чинится, неизвѣстно, что все относится наипаче на главную духовную команду, а тому виновные, хотя то и явственно видятъ, обаче толь отважно и нечувственно пребываютъ, какъ бы собственнаго ихъ долга въ томъ ни мало не зависитъ» [3]). Только нѣкоторые, весьма немногіе изъ епархіальныхъ архипастырей первой половины XVII вѣка незабвенны своимъ попеченіемъ объ учрежденіи семинарій и училищъ, о пріисканіи способовъ для обученія духовнаго юношества [4]). Но, съ другой стороны, были такіе архипастыри

[1]) Такъ, около 1700 г. основаны были славяно-латинскія духовныя школы въ Черниговѣ. Въ 1706 г., въ то время, когда въ новгород. епархіи расколъ до такой степени усилился, что возникла (въ этомъ году) новая секта Ѳедосѣевцовъ, митр. новгор. Іовъ, вызвавъ изъ заточенія грековъ Лихудовъ къ себѣ въ Новгородъ, завелъ при помощи ихъ. при архіерейск. домѣ двѣ школы, одну грекославянскую, другую латинскую, а потомъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ своей епархіи основалъ до 14 училищъ. Въ то-же время св. Димитрій Ростовскій заводилъ духовныя училища въ своей епархіи.

[2]) Дух. Регл. ч. II, (объ епископахъ) п. 9, 10 и дал.

[3]) Большихъ трудовъ стоило собирать духовныхъ дѣтей въ училища: родители весьма неохотно отдавали ихъ, роптали на учителей, на великій коштъ по содержанію своихъ дѣтей, также на покупку книгъ, на пропитаніе своихъ дѣтей, далеко отъ домовъ ихъ учившихся. Многіе церковно-служители не отдавали своихъ дѣтей въ училища духовныя, а отдавали ихъ въ поддячіе по канцеляріямъ и въ другіе чины. Ученики постоянно разбѣгались. „Изъ губерній и провинцій рапортами объявили, сказано въ указѣ 1276 г. Окт. 31, что въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 1722 годъ 1389, изъ того числа выучено 93 человѣка, за тѣмъ оставшіе едва не всѣ синодальной команды бѣжали". (П. С. З. т. VII, № 4975.)

[4]) Такъ архіеп. казанскій Иларіонъ (1732—1735 г.), по словамъ Любарскаго, заложивъ каменную семинарію въ Казани, требовалъ въ 1732 г. изъ кіевской академіи людей, способныхъ для заведенія въ своей епархіи училищъ: по этому требованію прибылъ въ Казань просвѣщенный Веніаминъ, впослѣдствіи бывшій архіепископомъ казанскимъ, воспитанникъ кіевской академіи, изучившій тамъ богословскія науки,

которые замедляли устройство семинарій и училищъ и даже не сочувствовали учрежденію ихъ, распускали по домамъ учениковъ, собранныхъ ихъ предшественниками—заботливыми архипастырями. Такъ наприм. безпристрастный и правдивый историкъ казанской и вятской іерархіи архимандритъ Платонъ Любарскій говоритъ объ архіепископѣ казанскомъ Гавріилѣ (1735—1738 г.): «сказываютъ объ немъ, что какъ къ содержанію семинаріи и ученыхъ людей, такъ и къ строенію по введенному въ нынѣшнее время размѣру всякихъ въ епархіи своей зданій не имѣлъ склонности, почему и все до него такимъ образомъ заведенное уничтожить велѣлъ, хотя бы то и великой суммы стоило, вмѣняя въ добродѣтель все прежде въ Россіи небывалое истреблять безъ остатку» [1]). Такіе архипастыри, неблаговолившіе учрежденію семинаріи, были въ XVIII вѣкѣ и въ другихъ епархіяхъ: но не будемъ упоминать имена ихъ.—Между тѣмъ недостатокъ въ священникахъ учительныхъ, просвѣщенныхъ такъ былъ

языки греческій, латинскій и польскій и математику; и съ 1733 г. по 1746 годъ, по словамъ Любарскаго, „обучалъ духовныхъ дѣтей въ Казани, производя учениковъ по порядку изъ самаго низшаго класса до богословіи съ изряднымъ успѣхомъ, трудился усердно, обучая между тѣмъ греческому языку и нѣкоторымъ частямъ математики, а въ учрежденные дни, какъ ученикамъ, такъ и народу публично толковалъ катихизисъ и сказывалъ проповѣди“. Приведемъ слова Любарскаго о другомъ, еще болѣе незабвенномъ архипастырѣ казанскомъ Лукѣ (1738—1755 г.) воспитанникѣ кіевской академіи, бывшемъ учителѣ въ московской академіи: „при семъ преосвященномъ, говоритъ Любарскій, построена на зачатомъ при преосвященномъ Иларіонѣ Рогалевскомъ фунтаментѣ каменная семинарія о двухъ опартаментахъ, учреждена не малая библіотека, и снабжена многими знатныхъ авторовъ разноязычными, а особливо латинскими книгами: имъ же построены не безъ усилія въ татарской слободѣ при церкви Захаріи и Елисаветы школы деревянныя новокрещенскихъ учениковъ. Въ семинаріи своей учредилъ онъ хорошій порядокъ, снабдивъ оную изрядными и разумными учителями, кои кромѣ обыкновеннаго на славяно-латинскомъ діалектѣ преподаванія, обучали другимъ языкамъ и нужнѣйшимъ частямъ математики; щедротою и раченіемъ своимъ до такого училища свои довелъ цвѣтущаго состоянія, что какъ кіевскимъ, такъ и московскимъ ни мало не уступали“. (Истор. казан. іерарх.—Любарскаго ркп. казан. библ.). Въ вятской епархіи ревностно заботился объ учрежденіи семинаріи и распространеніи духовнаго просвѣщенія просвѣщенный еп. Лаврентій Горка (1733—1737 г.), воспитанникъ кіевской академіи: „онъ первый, говоритъ Любарскій, вызвавъ изъ кіевской академіи учителя именемъ Михаила Евстафѣева Финитскаго, завелъ славяно-латинскія училищы, въ кои способныхъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей набиралъ почти не безусильно, къ искорененію прежняго суевѣрія и грубости, омерзенія къ наукамъ и къ вкорененію истиннаго благочестія, вѣжливости и просвѣщенія такое прилагалъ стараніе, что самъ первоначально, почти ежедневно посѣщалъ училища, поощрялъ, обнадеживалъ учениковъ, учреждалъ для нихъ въ облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества, выписывалъ состоящую изъ весьма полезныхъ и знатныхъ авторовъ книгъ библіотеку; неученыхъ и по крайней мѣрѣ чтеніемъ книгъ непросвѣтившихся, какогобъ они званія ни были, чина и состоянія, гнушался, обхожденія съ ними не имѣлъ; таковыхъ изъ своихъ подчиненныхъ не только въ священство и на другія степени, но ниже даже въ причтъ церковный не производилъ; свящ. писаніе, исторію, хронологію и хорошее чиноположеніе публично самъ изъяснялъ, ревностно желая вліять просвѣщеніе“. (Жизн. преосвящ. архіереевъ вятскихъ и велико-пермскихъ, Плат. Любарскаго. Ркп. Каз. Д. Академ.).

[1]) Истор. Казан. Іерарх. Ркп. Каз. Дух. Акад. Въ дѣлахъ казанской семинаріи есть дѣло о роспускѣ учениковъ архіеп. казанск. Гавріиломъ.

ощутителенъ; необходимость церковнаго наученія народа, при сильномъ умноженіи раскола, такъ была настоятельна, что для удовлетворенія этой потребности въ 1739 году нужно было прибѣгнуть къ слѣдующей мѣрѣ: «понеже того долго ждать,—сказано въ сѵнодскомъ указѣ 1739 г. Генваря 16,— доколѣ семинаріи по всѣмъ епархіямъ заведены и въ доброе состояніе приведены будутъ, а между тѣмъ впредь, чтобы церкви не опустошить, а и недостойныхъ поповъ, чтобы по прежнему не наставить: и того ради имѣетъ Сѵнодъ во всѣ епархіи къ архіереямъ изъ учительныхъ священниковъ или изъ іеромонаховъ по 1 или по 2 учителями опредѣлить съ надлежащимъ жалованьемъ, выбравъ изъ вышнихъ наукъ и чтобъ были добродѣтельнаго сами житія; должность же ихъ въ томъ состоитъ, чтобъ они ставленниковъ и прочихъ поповскихъ и діаконскихъ и причетническихъ дѣтей съ крайнимъ прилежаніемъ обучали, приводя къ совершенному познанію должности священнической, выбирая изъ священнаго писанія, такожъ и изъ вселенскихъ соборовъ и прочая, что долженъ священникъ знать, и какъ имѣетъ правильно по своему званію поступать, однакожъ притомъ имѣетъ Сѵнодъ и о томъ наиприлежнѣйшее и ревностное попеченіе имѣть, дабы во всѣхъ епархіяхъ впредь неотмѣнно настоящія учреждены были семинаріи» [1]).

Со второй четверти XVIII вѣка, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ мало по малу учреждались духовныя училища и семинаріи. Съ 1721 г. по 1765 г. основано было до 28 духовно-учебныхъ заведеній, и въ нихъ въ 1765 году считалось около 6,000 учениковъ [2]); въ 1784 г. число семинаристовъ возрасло до 11,329 человѣкъ [3]). Но внутреннее устройство духовныхъ семинарій и училищъ и система духовнаго образованія были самыя безпорядочныя: во многихъ изъ нихъ со всей епархіи было не больше 20 или 30 учениковъ; въ другихъ учениковъ было много, но не было способныхъ учителей; въ нѣкоторыхъ, за недостаткомъ учителей и содержанія, а иногда и по нерадѣнію епархіальнаго начальства, для избѣжанія хлопотъ, учениковъ распускали по домамъ. Въ ученьи господствовала схоластика и латинь. Весь курсъ ученья большею частію ограничивался букваремъ, славянской, латинской и греческой грамматиками, да какими-нибудь латинскими, риторическими и пiитическими экзерциціями и оккупаціями de loco, de pane, de calceis и т. п.; въ немногихъ семинаріяхъ присовокуплялось еще къ этому объясненіе блаженствъ, десятословія, седьми таинствъ церкви, да часословъ, псалтырь и нотное пѣніе. Ученики проходили «по степенямъ» инфиму или информаторію, фару, грамматику, синтаксиму, съ которыми иногда соединялась еще ариѳметика и наконецъ — риторику и пiитику; «затверживали на-изустъ букварi, толкованіе грамматики, орѳографіи, этимологіи, просодіи и осьмь частей грамматики, склоненія и спряженія». Знаніе латинскаго языка во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ считалось первою необходимостію, а богословіе, составляющее

[1]) П. С. З. т. X, № 7734.
[2]) Истор. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 448.
[3]) П. С. З. т. XVIII, № 15,978.

первую и существенную потребность въ образованіи пастырей церкви, во многихъ семинаріяхъ вовсе не было преподаваемо. Недостаточность, односторонность такого училищнаго образованія духовныхъ дѣтей, готовившихся быть пастырями и учителями народными, сознавали лучшіе архипастыри XVIII в. «Нынѣшнее ученіе,—говоритъ просвѣщенный архіепископъ казанскій Лука,—далѣе реторики не происходитъ, а необходимая нужда требуетъ, а паче тѣмъ, которые впредь изъ оныхъ школьниковъ въ священный чинъ по достоинству производимы быть могутъ, дабы оные въ наукахъ высшихъ школъ философіи и богословіи довольное обученіе имѣли, а безъ онаго тѣ школьники достаточнаго совершенства въ своемъ ученіи имѣть и въ состояніи быть не могутъ преподать слово Божіе съ надлежащимъ успѣхомъ» [1]). И въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ съ половины XVIII вѣка введено было въ курсъ преподаванія богословіе, приняты были за норму схоластическія системы западныхъ богослововъ среднихъ вѣковъ, которыя возбудили тамъ противъ себя справедливую реакцію въ XV и XVI вѣкахъ, а у насъ утвердились, и дали схоластическое направленіе нашему духовному образованію. Всѣ эти наши богословскія системы XVIII вѣка, commentariis et disputationibus scholasticis illustratae, didactico-polemice per theoremata et quaestiones expositae, disputationibus theologicis speculative et controverse illustratae, in varios tractatus et paragraphos divisae и т. п.,—почти нисколько не раскрывали духовнымъ воспитанникамъ — будущимъ пастырямъ народа высокаго ученія христіанства, какъ *живого и дѣйственнаго слова Божія*, для живого и дѣйственнаго преподаванія народу, а только давали юнымъ умамъ одностороннее холодно-разсудочное, безжизненное, утонченно-схоластическое направленіе, убійственное для живой богословской мысли и живаго нравственнаго христіанскаго чувства. Своими почти безчисленными, до мелочности утонченными квестіонами, въ родѣ, напр., такихъ: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? въ чемъ состоитъ сущность свѣта славы въ будущей жизни, и т. п. вопросами, наши богословскія системы XVIII в. только отвлекали мысли воспитанниковъ отъ прямого и нравственно-назидательнаго и умственно-просвѣтительнаго ученія христіанства — самаго существеннаго въ богословіи, и доводили ихъ до мелочности въ мышленіи. Своими схоластическими рубриками догматовъ, параграфами, этими сухими схоластическими богословскими силлогизмами, диспутаціями, пунктами, вопросами, да пустыми латинскими терминами, въ родѣ напримѣръ: ubicatio, entitas, quidditas, tuturitio, aseitas, essentia Dei physica et metaphisica и т. п.,—богословскія системы прошедшаго столѣтія только затемняли и обременяли юные умы. Наконецъ, своими полемическими диспутаціями и контроверзіями, тезисами и антитезисами, по справедливому замѣчанію Ѳеофана Прокоповича, питали въ ученикахъ духъ пустого любопрѣнія и

[1]) Донесеніе архіеп. каз. Луки въ кабинетъ Имп. Анны Іоанновны въ 1739 г. Списокъ съ подлин. въ библ. Каз. Академ.

поселяли въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости [1]). «Разныя системы богословскія,—справедливо также говорилъ митроп. Платонъ, — нынѣ въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ школою и мудрованіемъ человѣческимъ; а богословіе Христово, по Павлову ученію, состоитъ не въ препрѣтельныхъ словесѣхъ, но въ явленіи силы и духа» [2]). При такомъ направленіи воспитанія въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ XVIII в., могли ли изъ нихъ выходить пастыри церкви, съ полнымъ нравственно-дѣйственнымъ и духовно-просвѣтительнымъ вліяніемъ на народъ. Очевидно, нѣтъ. Императрица Екатерина Великая вполнѣ справедливо изобразила несовершенство и недостаточность духовныхъ семинарій и училищъ XVIII вѣка для духовнаго и народнаго просвѣщенія: «хотя до сего времени въ нѣкоторыхъ эпархіяхъ и заведены школы и семинаріи, писала она въ инструкціи, данной 29 Ноября 1762 г. коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ: но оныя своими учрежденіями весьма различествуютъ отъ того установленія, которое предписано въ Духовномъ Регламентѣ. Премудрый Государь, дѣдъ нашъ, Императоръ Петръ Великій, по согласію со всѣмъ духовенствомъ, тако написалъ въ Духовномъ Регламентѣ: разумѣть де надобно о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, то нельзя быть и церквѣ доброму поведенію и нельзя не быть и нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ. А мы еще къ тому дополняемъ, когда нѣтъ добраго учрежденія къ воспитанію и приготовленію молодыхъ людей, изъ которыхъ бы ко всѣмъ церквамъ добрые пастыри и учители опредѣляемы были, то и нынѣ въ простомъ народѣ никакого руководства къ отвращенію отъ пагубныхъ дѣлъ, нѣтъ исправленія нравовъ и добраго сожитія въ обществѣ... По сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи, семинаристы нынѣшніе обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучительныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ, живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцовъ и матерей больше неволею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую повседневную должность отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ, не взирая на то, что науки требуютъ человѣка по выбору способнаго, и себѣ однимъ во всѣ дни и часы житія своего преданнаго и посвященнаго» [3]).— При такомъ состояніи духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, неудивительно, что священники не имѣли столько нравственнаго и просвѣтительнаго вліянія на народъ, чтобъ просвѣщать его свѣтомъ истины

[1]) Epist. Theoph. Procopov. Mosq. 1776. Epist. VI, p. 21.
[2]) Жизнь моск. митроп. Платона—соч. Снегирева. Москва 1856 г. стр. 52.
[3]) П. С. З. т. XVI, стр. 121.

и разсѣевать заблужденія раскола. Неудивительно, что нѣкоторые священники не только не въ состояніи были отвергнуть нелѣпыхъ мнѣній раскола, но и сами сдавались на доводы расколоучителей. Такъ напр. въ 1736 г. тайн. совѣт. Татищевъ, производившій перепись раскольниковъ въ сибир. заводахъ Демидова, доносилъ правительству, что на частныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ «расколъ произошелъ и сильно умножился отъ незнанія законовъ; *учителей, кои бы ихъ, раскольниковъ,* проживавшихъ на этихъ заводахъ, *исправить могли, не достаетъ*; но которые и есть попы, тѣ непорядными поступки своими ихъ паче отгоняютъ, или *сами не умѣя лжи той разсудить, согласуютъ* и тайно утверждаютъ», и потому просилъ, «чтобы прислать туда *хотя одного священника искуснаго*, чтобъ ученіемъ могъ отъ суевѣрія отвратить и на путь истины наставить, поучая какъ въ церкви старыхъ, такъ въ школахъ младенцевъ, дабы отъ младенчества безумію не допускать вкореняться» [1]).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о церковной литературѣ русской XVII вѣка, объ отношеніи ея къ народнымъ понятіямъ и народной литературѣ. И здѣсь мы примѣчаемъ предварительный разладъ, раздвоеніе между книжной церковной литературою и рукописной — народной литературой, разладъ, который также не остался безъ вліянія на развитіе раскола. Главный недостатокъ нашей древней духовной литературы, какъ мы уже прежде замѣтили, составляетъ почти совершенное отсутствіе богословскаго догматическаго изложенія ученія христіанскаго и народо-поучительныхъ, катихизическихъ книгъ, въ то время особенно необходимыхъ для сельскаго духовенства и народа. Ученіе о церкви, о таинствахъ, о священствѣ, составляющее камень преткновенія для раскола, народу почти совершенно было неизвѣстно и никогда не было преподаваемо въ церквахъ. Народъ крайне нуждался въ назидательныхъ книгахъ. «Мнози отъ благочестивыхъ, говорилъ Варлаамъ Ясинскій, съ воздыханіемъ желаху, дабы когда сподобитися такихъ книгъ свойственнымъ съ славяно-россійскимъ языкомъ православно и достовѣрно изданныхъ дождати» [2]). Чрезвычайно мало было въ Великороссіи даже самыхъ главныхъ книгъ духовнаго христіанскаго просвѣщенія — книгъ священнаго писанія; между тѣмъ, по словамъ Епифанія Славеницкаго, «были въ Велицѣй Россіи имущіи и хотящіи имѣти я» [3]). Творенія св. отцовъ, которыя могли бы въ достаточной мѣрѣ сообщать народу истины христіанскія, въ XVII вѣкѣ, какъ мы видѣли выше, священниками не читались въ церквахъ, хотя и положены были уставныя чтенія изъ нихъ. Московскій книгопечатный дворъ при п. Іосифѣ сталъ-было издавать и распространять учительныя книги по церквамъ, какъ напр. малый катихизисъ, кириллову книгу и другія. Но эти книги изданы были расколо-учителями, искажены были ихъ заблужденіями, и, вмѣстѣ съ истиннымъ ученіемъ церкви, распространили ученіе

---

[1]) П. С. З. т. X, № 7663. Такъ было въ Сибири, въ тобольской епархіи. См. ст. свящ. Сулоцкаго во Времен. кн. XX о Филофеѣ Лещинскомъ, митр. сибир. и тобольск.

[2]) Предисл. къ библіи 1663 г. въ Солов. библ. № 197.

[3]) Описан. книгъ Царскаго стр.

раскольническое. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда расколъ вынуждалъ пастырей церкви обращать особенное вниманіе на народное ученіе, и необходимость поученія народа глубже сознана была, пастыри церкви начали издавать полемическія сочиненія противъ раскола. Но горячіе споры, почти одинаково раздражительные съ той и другой стороны, только раздражали фанатическія головы расколоучителей. Спокойнаго, тихаго увѣщанія, поученія, убѣжденія, прямого, положительнаго изложенія истины, отъ незнанія которой и проистекали ложныя религіозныя убѣжденія расколоучителей, — такого изложенія истины, которое бы, не раздражая расколоучителей за мелочныя ихъ убѣжденія и понятія, въ самомъ корнѣ подрывало ихъ убѣжденія, не было. Не было у народа твердыхъ, вѣрныхъ руководствъ для познанія истины, и не было систематическаго, церковно-правительственнаго изданія и распространенія общепоучительныхъ духовныхъ книгъ. Рѣдко, и то случайно, попадались дѣльныя, поучительныя книги въ нѣкоторыя церкви и къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Такъ во 2-й половинѣ XVII вѣка проповѣди Симеона Полоцкаго и учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона попались пермскому священнику въ въ городѣ Орлѣ, и онъ сталъ, по словамъ его, «многотрудіемъ составляти на каяждо недѣльная Евангелія бесѣды съ нравоученіемъ, ово въ мысли сограждалъ, ово же писалъ на малыя тетрадки и на свитки, вельми присѣдѣ книзѣ Кирилла Транквелліона, много же словеса отъ поученій его устно навыкъ и зѣло любезно читалъ; и нѣцыи жители, — прибавляетъ онъ,—въ дому ея имѣша читающе». Но такія книги были даже еще и не по понятіямъ народа. «Обѣдъ душевный и вечеря душевная люботруднаго и мудраго мужа отца Симіона Полоцкаго слогъ, говоритъ тотъ же священникъ, и тая простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ невнимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе на Евангеліе и на Павлова посланія и на дѣянія святыхъ апостолъ зѣло неразумительно, не точію слышащимъ, но и чтущимъ, вельми бо препрости страны сея жители, въ ней же мы обитати, не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ, иностраннымъ языкомъ та Златоустаго писанія нарицаху» [1]). Очевидно, простому народу нужно было простое, удобопоятное катихизическое изложеніе истинъ вѣры и нравственности. За отсутствіемъ такихъ книгъ, народные грамотники, книжники только и читали старые рукописные сборники. И эти сборники всего болѣе были распространены въ народѣ. Но что заключалось въ нихъ? — За исключеніемъ немногихъ отрывковъ изъ твореній святыхъ отцовъ, и то большею частію въ искаженномъ переводѣ, и разныхъ церковно-историческихъ статей, также не всегда вѣрныхъ, въ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣка большею частію заключались такія статьи, которыя или благопріятствовали развитію раскола, или цѣликомъ впослѣдствіи вошли въ составъ ученія его. При совершенномъ отсутствіи богословскаго, догматическаго ученія, рукописные сборники XVI и XVII вѣковъ во первыхъ наполнены были статейками обрядоваго содержанія, въ которыхъ ревность

[1]) Описан. Рум. Муз. стр. 632.

объ обрядахъ доходитъ до мелочности, даже въ ущербъ истинной вѣрѣ и христіанской мысли. Наприм. мы весьма часто встрѣчаемъ въ сборникахъ XVI и XVII вѣка статейки въ родѣ слѣдующихъ: 1., подробныя правила о томъ, что ѣсть въ тотъ или другой день того или другого поста; 2., наставленіе о томъ, чтобъ св. воду Богоявленія соблюдати честнѣе самихъ пречистыхъ св. таинъ, чтобы если уканетъ или пролiется, — мѣсто то изжещи угліемъ горящимъ, или истесать и въ воду вметать, или, если на ризу уканетъ, ризу изрѣзать [1]) и проч.; 3., или причту о кадилѣ, еже како подобаетъ кадити предъ Богомъ [2]), и разныя мелочныя обрядовыя истолкованія. При постоянномъ чтеніи такихъ статеекъ, естественно, должна была развиваться въ Русскихъ людяхъ XVI и XVII вѣка такая неразсудительная, мелочная ревность объ обрядахъ, какая выразилась въ расколѣ. Да и самыя мнѣнія раскольническія, еще за долго до открытія раскола, уже изучались, усвоялись русскими людьми, какъ догматы вѣры: потому что они занесены были уже въ сборники того времени [3]). Кромѣ обрядовыхъ статеекъ рукописная, народная литература особенно наводнена была такъ называемыми «отреченными книгами». Не имѣя истинныхъ книгъ, грамотные люди брались за эти книги. Эти книги еще болѣе отчуждали понятія и духъ простыхъ грамотниковъ отъ истиннаго ученія. Вотъ какія ложныя, апокрифическія книги тога распространялись въ народѣ, по сборнику Соловецкой библіотеки XVII вѣка: «съставленіи миротіи псалмы, грядите вси вѣрніи, другіе грядите кресту твоему въ друждешуся на земли, Адамъ, о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси, и исписалъ 300 книгъ, Ламеховы книги, патріарси, Сиѳова молитва, Адамль завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ, Асенеѳъ, Елдадъ, Молдадъ, Соломани псалмы, Ильино обавленіе, Исаино видѣніе, Іаковля повѣсть, апостольстіи обходи, что приходили къ граду, обрѣтоша человѣка орюща волы и просиша хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше, и пріидѣ съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу; Варнавино посланіе, Петрово обавленіе, Павлово дѣяніе лжею складено, Павлово обавленіе, Евангеліе отъ Варънавы, Евангеліе отъ Ѳомы, Иорахманехъ, Зосимохожение, паралипомены что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Еремию пророку. Суть же и ина многа отъ лжесловесникъ сложена, еже есть сіе, Івана Богослова въспросы еже на Елеонстѣй горѣ, Авраама праотца въспросы, тогоже Ивана богослова въспросы къ Господу, еже рече къ нему Господь: слыши праведный Иване Варѳоломѣевы вспросы къ Богородицы, како роди Христа. Епистолья о недѣле, О дрѣве крестнемъ лжею списано, что Христа въ попы ставили, и что Христосъ плугомъ оралъ, еже Еремия попъ болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ навѣрзилошкому; Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта, и хожение Петрово по вознесении Господни, что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратиха Михаила крести, и что рабы по суху ходили; Дѣтьство Христово, хождение Богородици по мукамъ; о Адамове лбѣ что

[1]) Сборн. Сол. библ. № 813, и. 542.
[2]) Опис. Рум. Муз. стр. 521.
[3]) См. напр. опис. Рум. Муз. стр. 521, 569, 707.

седмь церквъ въ немъ седѣло; Павлово хожение по мукамъ, имена ангеломъ, о службе таинъ Христовъ что опоздятъ служити обѣдню, врата небесная затворяются, и ангели попа кленутъ; и еже съ Христомъ діаволе прѣние, о пустынницѣ о Макаріе римъстемъ, что три черньци нашли его, что двадесять поприщъ отъ него рай; о Соломанѣ цари и о китоврасе притчи, басни и кощуны, все лгано, не бывалъ китоврскъ на земли, но еллиньстіи ѳилосоѳи ввели; Авгарево посланіе на шеи носятъ неразумніи; о двоюнадесяти іаковличахъ глаголемая лѣствица. Суть же и о мученицехъ словеса криво складена, а не тако, яко же истинна ихъ писанна въ чтениехъ и въ минѣяхъ и въ пролозѣхъ,—Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана царя мученъ, Никитино мучение, нарицающе его сына Максимъ—янова царева, иже бѣ самъ мучилъ, все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаетъ; и Евпатиево мучение, что седьмыжди умре и оживе, Климента анкирьскаго мучение, и инѣхъ многихъ; единою убо вси святіи спасени умроша, помногихъ мукахъ, ли мечемъ посѣчени, ли копиемъ прободени, ли ножемъ заклани, ли огнемъ сожжени, ту конецъ прияша; многажъ и иная сложена чтения ложная, Давидови пѣсни, Соѳониино обавленіе, о Василіе кесарійскомъ, и о Иване златоусте, і о Григоріе богосълове, въспросы и отвѣты о всемъ лгано; о всей твари чтеніе, куръ стоитъ въ мори, 300 ангелъ солнце воротятъ; о двоюнадесяти пятницахъ споръ Тарсѣя жидовина съ Елѳеріемъ; слово Меѳодія епископа паторимъскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что запечатани цари Александромъ царемъ Македонскымъ; Гогъ и Магогъ, и Исакъ сонъ видѣ столпъ посреди двора, архангелъ Михаилъ Авраама возносилъ на небо, и далъ ему видѣти что дѣютъ и судилъ имъ, но лгано суть не бывало того; и кануновъ много лживыхъ, и молитвы составливая лживыя отъ трясавицы, Еремия попа болгарскаго басни, глаголетъ бо окаанный, седящу святому отцу Сисѣнию на горѣ синайстѣй, и видѣ седмь жонъ исходящи отъ моря и ангела Сихаила именуетъ, и иная изыдоша седмь ангелъ, седмь свѣщь дерѫжаще, седмь ножевъ острящи; карастар о (70) имянъ Богу все то еретици списали. Суть же между божественными писании ложная насѣена отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, попомъ и диякономъ лстивые соборники сельскыи, худыи манаканунци по молитвенникомъ у неразсудныхъ поповъ; лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ, и грамоты трясавъскыя пишутъ на просѳирахъ и на яблоцехъ болѣсти ради, все убо то невѣжди дѣютъ, и дерѫжатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ безумніи гинутъ. А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же себѣ отлучають о Бога, и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибають: книга Мартолой рекше острологъ, остроумія, землемѣрія, чаровникъ въ нихъ же суть, 12, вся главизны стихи двоюнадесяти опромѣтныхъ лицъ звѣринъ и птичь, еже есть тѣло свое хранитъ мертво, и лѣтаетъ орломъ, и ястребомъ, и враномъ, и дятломъ, и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, лѣтаетъ змиемъ, рысью и медвѣдемъ, есть громникъ, молъникъ, мъсяць окружится, колядникъ, метания, мысленикъ, сонникъ, волховникъ, волхвующе птицами, и звѣрьми, еже есть се, стѣнотрѣскъ, ухозвонъ, вранограй, курокликъ, окомигъ, огнь-бучитъ, песъ-выетъ, мышеписк, мышь порты-

изгрызетъ, жаба вокоче, кошка вокоче, мышца подражатъ, сонъ страшенъ, слѣпица-стряцетъ, изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, валъ на валъ, птичникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы, трава шумитъ, дрѣво, съ дрѣву листъ шумитъ, сорока пощекочетъ, дятелъ, жона, волкъ выетъ, гость приѣдетъ, стѣнощелкъ, полатничикъ, волхвованіа разноличная,—путникъ книгъ и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ и коби всяческая еретическая о часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено, днехъ о лунныхъ, что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть еретики написано, а не въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама; понеже сотвори Богъ солнце и мѣсяць и звѣзды небесныа. Адама сотвори Богъ въ пятый день; како хощеши навѣгласе въ единъ день рожденіе адамле съ луною исповѣдати, почто неразумне вѣруеши еретическымъ лжамъ, а оставя Божіе писание, на лжу убо писаше всю, дній луны. Такожъ и прочая коби, еже суть книги еретическая, звѣздочтецъ, звѣздъ, и другій звѣздочтецъ, ему же имя стоднецъ, въ нихъ же безумніи людие вѣрующе волхвуютъ, ищуще дніи рожденій своихъ, саномъ полученія, урока-житияя, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей, и казней, и въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безумиемъ, а оставя Божию помощь, и призыватъ бѣсовъ на помощъ, а невѣдуще Божіихъ судебъ» [1]). Одно перечисленіе этихъ книгъ, которыя распространялись въ народѣ въ XVI и XVII в. въ толстыхъ сборникахъ, уже достаточно показываетъ, какой мракъ невѣжества, суевѣрій и заблужденій распространялся въ нашемъ народѣ въ то время. Для примѣра выпишемъ еще нѣсколько строкъ изъ апокрифической «бесѣды трехъ святителей Григорія Богослова, Ивана Златоуста и Василія Великаго»: «Григорій рече; кто первѣе Бога нарече?—Иванъ рече: сатана, иже сверженъ бысть съ небеси, прежe созданія адамля за гордость наречеся сатана дьяволъ. Василій рече: что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? И, рече: Петръ приникъ видѣ ризы едины лежаща и сударь иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежитъ, но особь свитъ на единомъ мѣстѣ. Г. рече: сударь бѣ два плата служебныя на блюдѣ, а ризы его верхніе небо и преисподняя, вездѣ стоитъ яко риза стихарь шестаго неба его, а поясъ—желѣзное столпіе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ и исходъ, а подъ поясомъ земля: толстота ея яко отъ востока и до запада, и повелѣ его Господень ангелъ согнати пену морскую и сотворити землю на трехъ китехъ великихъ, на тридцати малыхъ китѣхъ заляжетъ тридцать околъ морскихъ, а душа ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бываютъ, а глубина жь того моря великаго 5 ротогъ, толщина какъ земля толста, дно же подъ тѣмъ моремъ великимъ ровно къ желѣзному столпію, того же моря дно стоитъ на семи тысящехъ столпехъ: туто же есть и адово жилище, туто жь и антихристъ связанъ... того моря столпіе стоитъ на огнѣ не угасимомъ, подъ тѣмъ огнемъ тутожь есть денница, яже прежъ солнца сотворена, и ту есть людіе крилаты, летаютъ яко паутина мыслію, а смерт:

[1]) Сборн. Солов. библ. № 913.

нѣту имъ: то же иного ничего, но воздухъ Божій и свѣтъ держить, то ти есть звѣзда яко риза. В. рече: гдѣ первѣе Богъ бысть, иже не бѣ свѣта? И. рече: три комары на небесѣхъ, въ тѣхъ комарехъ агнецемъ туто есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Г. Протолкуй ми Троицу. И. рече: въ тѣхъ комарехъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ свѣтъ есть, а другій свѣтъ огнь есть. В. рече: отъ чего суть ангели сотворени? Г. рече: отъ Духа Господня, отъ свѣта и отъ огня. И. рече: отъ чего солнце сотворено есть? В. рече: отъ внутренія ризы Господни. Г. рече: отъ чего луна сотворена бысть? В. рече: отъ аера и отъ Престола Господня и отъ воздуха. В. рече: еста ангела громная еленскии (sic) старецъ Перунъ. Нахоръ есть жидовинъ; а два еста ангела молниина... В. рече: посла Господь ангела и взя единою на востоцѣ *а*, на западе *д*, на сѣверѣ *а*, на юзѣ *м*: то есть адамъ», и проч. [1]). Такія догматическія и космогоническія понятія распространялись въ нашемъ народѣ изъ ложныхъ книгъ. Замѣтимъ, что большую часть такихъ понятій освящаетъ расколъ, и въ простомъ народѣ и донынѣ передаются такія сказанія—о происхождени міра и человѣка. Вообще, читая въ сборникахъ XVI и XVII вѣка разные разсказы и толкованія русскихъ грамотниковъ старой Россіи, читая напр. эти апокрифическія повѣсти о томъ, какъ изгнанная изъ рая Евва по случаю впаденія Адама въ чревную болѣзнь, разсказываетъ предъ 6000 домочадцевъ о паденіи своемъ и о похожденіяхъ, по изгнаніи изъ рая, или «разговоры Адама со Христомъ,» или «Христа съ Іосифомъ благообразнымъ», или Іоанна Θеолога съ Авраамомъ «о кончинѣ лѣта и живота», или эти «толкованія о Исусѣхъ, и повѣсти о 12 пятницахъ» и т. п., или эти мистическія загадки и «притчи толкованныя», въ формѣ которыхъ большею частію излагается вся сумма знаній древнихъ нашихъ грамотниковъ, эти чрезвычайно-произвольныя мистическія толкованія библейскихъ текстовъ, событій и даже лицъ [2]), мы выносимъ изъ всего этого самую грустную мысль: какъ скудно, даже во многихъ отношеніяхъ невѣрно было христіанское умственное развитіе нашего простого народа въ древней Россіи, какъ мало онъ зналъ истинное ученіе христіанства, и подлинныя сказанія св. писанія, и какъ между тѣмъ много усвоилъ понятій ложныхъ, превратныхъ. Напримѣръ, въ сборникахъ XVII вѣка почти постоянно встрѣчаемъ толкованія въ родѣ слѣдующихъ: «вопросъ: что есть милоть Илиина? Толкъ: не пощадѣ Авраамъ сына своего Исаака, хотя заклати Богу на жертву, и веемъ ножъ отъ Авраама и сына его Исаака и вдаде ему овенъ мѣсто сына его Исаака: то есть милоть Иліина. Вопросъ: что есть внукъ рече бабе положи мя у себѣ, и рече ему баба, како тя положу у себе, ты ми отецъ. Толкъ: внукъ есть Христосъ, а баба земля» [3]). Или еще вопросъ: «егда распятся Господь, и Іосифъ снемъ со Креста тѣло Христово и ко гробу несоша, что ему глаголаше Христосъ? Толкъ: Христосъ рече: Іосифу, пой Святый Боже» [4]).

---

[1]) Сборн. Солов. библ. № 925.
[2]) Сборн. Сол. библ. №№ 861, 889, 923 и др.
[3]) Сборн. Солов. библ. № 925, л. 169.
[4]) Сборн. № 923.

Въ этихъ толкованныхъ притчахъ, которыми исполнены Сборники XVII вѣка, часто встрѣчаются самыя нелѣпыя мысли, напр. въ родѣ слѣдующей: «Афродита Пирсянина богородицино подобіе и т. п. [1]). Множество было вопросовъ самыхъ пустыхъ, мелочныхъ, которые излагались въ тогдашней народной письменности. Напримѣръ, силы ума испытывали такими загадками: «аще творишися мудръ, скажи ми слову сему силу: неродивыйся умре, а родивыйся не умре, умершій не истлѣ, Моусей въ торзѣ, Павелъ въ Делвахъ, Соломонъ на войну пошелъ, Давидъ ся женитъ, Адамъ въ сватѣхъ; рѣка среди моря течетъ, животъ во огни скачетъ, адъ отъ смерти погиблъ, а смерть отъ дьявола, а дьяволъ безъ вести попранъ бысть; рѣка подъ землею, среди моря крестъ, верху горы градъ, возсія солнце, на горѣ мертвіи возсташа, а живи падоша, ядоми отъ ядомаго». Или: «тѣло ли есть въ образѣ, или образъ въ тѣлѣ? Толкъ: образъ въ тѣлѣ. Паки: премудрость ли есть въ челѣ, или душа въ мудрости. Т. мудрость есть въ души» и т. п. [2]). Не говоримъ уже объ особомъ разрядѣ суевѣрныхъ статей въ древне-русской народной литературѣ: это цѣлый циклъ произведеній, въ родѣ чародѣйскаго травника или зелейника и т. п. Любимая форма загадки, вопросовъ, въ которыхъ русскіе книжники древняго времени большею частью излагали свои богословскія понятія, есть какъ-бы еще самый первый, младенческій лепетъ въ богословско-христіанскомъ ученіи, выраженіе той умственной жажды, той пытливости, съ какою они искали, желали духовнаго просвѣщенія полнаго, разумнаго, всесторонняго, истиннаго знанія. И, не находя его истинныхъ источниковъ, творили свой міръ идей, почерпая часто ихъ изъ ложныхъ книгъ. И удивительно ли, что при такомъ наплывѣ въ умственной жизни нашего народа въ XVII в. всѣхъ суевѣрій и заблужденій, какими наводняли Россію эти ложныя книги; удивительно ли, что вся эта мгла, весь этотъ хаосъ суевѣрій и заблужденій, когда началъ озарять Россію первый лучъ про-

[1]) Сборн. Сол. библ. № 925, л. 105.

[2]) Тамъ же. За то,—замѣтимъ мимоходомъ,—часто встрѣчаются въ сборн. XVI и XVII в. „притчи толкованныя", нелишенныя поэзіи. Напр. слѣдующія: „Стоитъ гора на дву холмѣхъ, среди горы кладязь глубокъ, на верху горы лежатъ два камени самоцвѣтные, а надъ ними два лютые льва. Толкъ: Гора—человѣкъ на двухъ ногахъ стоитъ, а каменіе очи ясныя, а львы лютые—брови черныя, а кладязь гортань и чрево". В: „Стоитъ древо злато, а на немъ листвие златое, подъ тѣмъ древомъ стоитъ лоханя; прилетаетъ голубь, листвицє щиплетъ, да мечетъ въ лоханю: лоханя не полна и листвие не убываетъ. Т. древо злато—небо, а листвіе люди, а голубь—смерть, а лоханя земля. „Стоитъ градъ, а въ градѣ гора стоитъ на четырехъ холмѣхъ, а верху горы поле чистое, а на полѣ цвѣты прекрасные, а около ихъ пчелы ярые. Толкъ: Градъ—изба, а гора—столъ, а поле—скатерть, а цвѣты—яди различные, а пчелы—люди". Или: „въ тепломъ царствѣ стоитъ пещера каменная, а въ пещерѣ лютый змій лежитъ, а какъ бываетъ въ царствѣ томъ стужа, змій роскручинится, и начнетъ у него и зо рта пламень огненный исходити, и изъ ушей—кудрявъ дымъ метатися, а изъ очей—искры сыплются. Толкъ: теплое царство изба, а пещера каменная печь кирпичная, а земля—дрова горятъ изутри до вечера. Вопросъ: Сѣятели два, десять жителей, угобзися нива и сотвори три коблы. Толкъ: 4 Евангелиста, 12 Апостолъ, три коблы—Троица, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ". Или еще: „рябь попищитъ, зоветъ дѣти, ихъ же не родилъ. Толкъ: во второе Христово пришествіе вострубятъ ангели, и востанутъ мертвіи отъ гробовъ". (Сборн. Сол. библ. № 923.)

свѣщенія, скопились въ одну темную массу и выразились въ расколѣ? Въ немъ всецѣло сохранился и утвердился тотъ ложно-библейскій, или частнѣе, ложно-апокалипсическій мистицизмъ, который господствовалъ въ рукописной духовной литературѣ русской XVII в., особенно въ статьяхъ апокрифическихъ. Мысль объ антихристѣ, о кончинѣ міра, о страшномъ судѣ въ сборникахъ XVII вѣка почти также часто встрѣчается, какъ и въ сочиненіяхъ раскольническихъ, и большею частію почти совершенно въ такомъ же видѣ, какъ и у раскольниковъ. Расколъ только довелъ ее до окончательнаго развитія, и далъ ей особенное направленіе, первоначальный источникъ котораго, какъ мы видѣли, также заключался въ религіозномъ духѣ XVI и XVII в. Русскіе книжники XVII в., также какъ и раскольники, находили эту мысль въ такихъ мѣстахъ св. писанія, гдѣ она вовсе не заключалась. Напр. въ сборникѣ начала XVII вѣка читаемъ такое толкованіе текстовъ: «вопросъ: престолъ его на земли поверженъ, и умалилъ еси дни времени его, и облиялъ еси его студомъ. Толкъ: егда будетъ антихристово царство три лѣта, а три лѣта яко три мѣсяцы, а три мѣсяцы аки три недѣли, а три недѣли аки три дни, а три дни аки три часа... Вопросъ: окропиши мя уссопомъ и очищуся, омыеши мя и паче снѣга убѣлюся. Толкъ: егда земля начнетъ горѣти и выгоритъ 1000 лакоть въ глубину, и не будетъ горъ, и будутъ четыре вѣтры сошлетъ Богъ: востокъ, сѣверъ, югъ, западъ, и развѣютъ всю скверну на земли, и будетъ земля чиста, яко дѣвица нескверная, и убѣлится яко трапеза и возопіетъ земля къ Богу» и проч.[1]). Подобныя толкованія текстовъ и самыя мысли точь-въ-точь повторяются въ раскольническихъ рукописяхъ. Въ другомъ сборникѣ находимъ длинное мистико-пророчественное изображеніе послѣднихъ временъ и царства антихристова. Здѣсь сначала предсказываются различныя беззаконныя царствованія предъ пришествіемъ антихриста, въ томъ числѣ царствованіе жены блудницы, при которой будетъ господствовать развратъ въ высшей степени, богохульство, иконоборство и всѣ грѣхи: потомъ предсказывается явленіе отъ Бога архистратига Михаила, который «посѣчетъ эту львицу серпомъ, обернетъ аки жерновомъ, ударитъ скипетромъ и тако погрузитъ ее въ глубину морскую». За тѣмъ родится антихристъ отъ черницы: «черница дѣвою сѣдѣ въ келліи своей, услыша потку (птицу) поющу во градѣ своемъ тако, яко ни умъ человѣчь не иметъ, не смыслитъ: она жъ уклонитъ оконца, хощетъ узрѣти потки тоя, потκажь возлетѣвъ зашибется въ лицѣ черницы тоя, въ томъ часѣ зачнется сынъ пагубы, антисотона». «Тогда царь Михаилъ воздвигнетъ руки на небо, и воздастъ царство христіанское Богу и Отцу... Тогда обличится сынъ погибели, родивыйся отъ племени Данова, по пророчеству Іакова патріарха, иже рече: видѣхъ змія, имающа коня за пяту, сѣдѣ конь на ногу заднюю... Что есть конь? Послѣдній день... тогда антихристъ начнетъ храпти... сядетъ въ церкви, яко Богъ, человѣкъ сый отъ колѣна Данова: будетъ же царства ему три лѣта, а три лѣта аки три

[1]) Сборн. Сол. библ. № 913.

мѣсяцы, а три мѣсяцы аки три недѣли» и проч. [1]). Подобныя мистико-апокалипсическія толкованія о послѣднихъ временахъ міра, о пришествіи и царствѣ антихриста, часто встрѣчающіяся въ сборникахъ соловецкихъ XVI и XVII в., читавшіяся тогда съ живымъ увлеченіемъ, съ трепетнымъ ожиданіемъ предсказываемыхъ послѣднихъ временъ, безъ сомнѣнія, не мало благопріятствовали развитію раскольнической мысли объ антихристѣ развитію того ложно-апокалипсическаго направленія, или мистическаго символизма, который лежитъ въ основаніи раскольническаго міровоззрѣнія. Наконецъ, въ рукописной литературѣ XVII вѣка, задолго до появленія раскола, распространялись и другія суевѣрныя понятія раскола, наприм. «о бѣсовской и проклятой табакѣ». Такъ въ сборникѣ Соловецкой библіотеки подъ № 925 расказывается нѣсколько чудесъ, случившихся будто бы въ 1641 году, какъ самъ Всемилостивый Спасъ и Пречистая Богородица явились разнымъ сѣверно-поморскимъ сельскимъ женщинамъ и велѣли «росписи росписывать и разсылать и по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы православные христіане отнюдь табаки не пили; а будетъ станутъ пить табаку, за ихъ непослушаніе будетъ на землю каменіе много испущено огненное» и проч. [2]).

Такимъ образомъ въ самой рукописной литературѣ русской XVII вѣка, которая всего болѣе была доступна народу, заключались элементы для развитія раскола. Отчужденность, отрѣшенность народной духовной литературы отъ живого, истиннаго ученія церкви, отсутствіе богословскаго, догматико-теологическаго элемента, преобладаніе обрядовыхъ вопросовъ, и наконецъ развитіе раскольническихъ идей, вотъ недостатки рукописной, народной литературы XVI и XVII вѣка, благопріятствовавшіе развитію раскола!

Въ XVIII вѣкѣ, когда ясно обнаружились недостатки старой церковной литературы и односторонность чисто внѣшне-обрядоваго направленія христіанской жизни народа, глубоко сознана была необходимость изданія поучительныхъ, нравственно-догматическихъ книгъ для распространенія въ народѣ возвышенныхъ, нравственныхъ и догматическихъ истинъ христіанства. Въ Духовномъ Регламентѣ положено было слѣдующее: «Понеже мало есть, противо толикаго Россійскія церкве многонародія, таковыхъ пресвитерей, которые бы наизустъ могли проповѣдать догматы и законы Священнаго Писанія: то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія краткія и простымъ человѣкамъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть; и тыя книжицы прочитовать по частямъ въ недѣльные и праздничные дни въ церкви предъ народомъ. А хотя и есть таковыхъ книгъ довольное число, сія есть, Омологія или Исповѣданіе Православное, также и нѣкіихъ великихъ учителей святыхъ толковательныя бесѣды и слова нравоучительныя; обаче се есть неудобное всему, наипаче простому народу ученіе. Ибо книга Исповѣданія Православнаго не малая есть, и для того въ памяти

[1]) Сборн. Сол. библ. № 889.
[2]) Сборн. Сол. библ. № 925, гл. 35—45.

простыхъ человѣкъ неудобь вмѣщаема и писано не просторѣчно, и для того простымъ не вельми внятна. Такожъ и книги великихъ учителей, Златоустаго, Ѳеофилакта и прочихъ писаны суть еллинскимъ языкомъ, и въ томъ токмо языкѣ внятны суть, а переводъ ихъ славянскій сталъ теменъ и сь трудностію разумѣется отъ человѣкъ и обученныхъ, а простымъ невѣжамъ отнюдь непостизаемый есть. И сверхъ того толковательныя бесѣды учительскія много имѣють высокихъ богословскихъ таинъ; тако же и не мало сказують, что тогда сказовать подобало по приклонности разныхъ народовъ, и по обстоятельству оныхъ временъ, чего нынѣ невѣжливый человѣкъ къ пользѣ своей употребить не умѣетъ. А простому народу внушать часто подобаетъ то, что самое есть всѣмъ обще, и всякому собственно, по своему званію должное... И таковое приходитъ разсужденіе, аще бы вѣдали вси самыя главнѣйшія вѣры нашея догматы, и кое есть устроенное отъ Бога спасенія нашего смотрѣнія; и аще бы вѣдали заповѣди Божія, еже уклонитися отъ зла и творити благое: то довольное бы имъ было наставленіе. (А если бы кто и при таковомъ вѣдѣніи развращенъ пребылъ)... И того ради нужно есть сочинить три книжицы небольшія. Первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ Вѣры нашея, тако жъ и о заповѣдяхъ Божіихъ, въ Десятословіи заключенныхъ. Вторую о собственныхъ всякаго чина должностяхъ. Третію таковую, къ которой собранныя будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о должностяхъ всякаго чина. Первая и вторая книжица имѣть будетъ доводы своя отъ самаго священнаго писанія, но внятныя всѣмъ и краткія. Третія жъ отъ святыхъ отецъ то сежъ, что въ первой и во второй поучающая. Чтеніе же книжицъ оныхъ таковымъ порядкомъ пойдетъ изрядно. Въ день воскресный или праздничный на утрени прочесть часть малую отъ первой, а въ другой рядъ часть отъ второй книжицы, а въ тотъ же день по обѣдни прочесть слово отъ третей книжицы о томъ же самомъ о чемъ чтеніе было и на утрени. И такое единое и тоеже ученіе, слышанное на утрени и подтвержденное на обѣдни можетъ лучше въ памяти слышащихъ затвердиться. А такъ вся оныя чтомыя части раздѣлить, чтобъ всѣ три книжицы могли быть прочтены въ четверть года. Ибо тако услышитъ народъ вся нужная своя наставленія четырежды въ годъ, и возможетъ слышанная добрѣ памятовать» [1]). Къ сожалѣнію, духовная литература русская XVIII вѣка, чуждая живого, яснаго, общенароднаго изложенія христіанскаго ученія, пропитанная схоластицизмомъ, облеченная въ грубыя и тяжелыя формы латини, особенно нетерпимой нашимъ народомъ, особенно старообрядцами, была почти нисколько недоступна для народа. И потому онъ оставался съ преданіями своей завѣтной, старинной рукописной литературы.

---

[1]) П. С. З, т. VI, стр. 321—322.

V. Гражданское состоянiе Россiи во время появленiя и распространенiя раскола.

Гражданское состоянiе Россiи во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, не менѣе церковнаго состоянiя ея, заключало въ себѣ элементовъ, благопрiятствовавшихъ развитiю раскола. И въ государствѣ Московскомъ, въ ту переходную эпоху, когда оно преобразовывалось въ *Имперiю Всероссiйскую*, совершалась борьба разрозненныхъ силъ—началъ старой и новой Россiи. Въ народномъ бытѣ, въ гражданскомъ устройствѣ русскаго общества много было внутреннихъ противорѣчiй, разрозненности, разлада, питавшихъ разъединенiе въ духѣ народномъ. Соединительная, централизующая сила государства стремится сосредоточить, примирить разрозненные народные элементы въ государственномъ единствѣ, въ крѣпости общественной, въ единствѣ законодательства и управленiя, уничтожаетъ старую подвижность, расходчивость, расплывчивость народонаселенiя, укрѣпляетъ его къ государственной землѣ, короче—стремится *собрать разсыпанныя храмины*, по выраженiю Великаго Петра; а большинство народа, масса, движимая еще средневѣковыми стремленiями къ разобщенiю, не сознающая государственныхъ идей правительства, не покоряется этой соединительной силѣ государства, упруго стремится удержать старое положенiе, или по характеристическому выраженiю актовъ, *бредетъ врознь*. Правительство, укрѣпивъ народонаселенiе, стремится дать ему надлежащее государственное разграниченiе, распредѣленiе, стремится раздѣлить смѣшанныя, соединить разрозненныя однородныя части народонаселенiя; изъ прежнихъ, исключительно поземельныхъ, раздробленныхъ хаотическихъ общинъ, неимѣвшихъ ни внутренней крѣпости и общиннаго, союзнаго единства, ни юридической опредѣленности общинныхъ правъ и общинной дѣятельности, образуетъ общины сословныя, союзныя, основанныя уже не на поземельномъ или земскомъ тяглѣ только, а на юридическихъ началахъ общинныхъ правъ и обязанностей, на государственномъ разграниченiи общественной дѣятельности, на развитiи государственно-союзнаго духа. Между тѣмъ разные члены русскихъ общинъ XVII вѣка, привыкшiе жить въ общинахъ только до поры до времени, отъ Юрьева да до Юрьева дня, привыкшiе жить особняками, своими особенными огороженными участками, во многихъ мѣстахъ даже совершенно отдѣльными дворами, удаленными отъ другихъ дворовъ, привыкшiе «брести врознь»—люди русскихъ общинъ XVII вѣка были еще, по самому характеру своему, чужды этого союзнаго духа; вѣковое внѣшнее поземельное разобщенiе питало, развивало въ немъ и разобщенiе, разъединенiе внутреннее, нравственное; въ самыхъ сословныхъ общинахъ, уже разграниченныхъ, обозначенныхъ правительствомъ, нѣтъ еще внутренняго согласiя, союзнаго духа: раздоръ часто раздѣляетъ членовъ сословныхъ общинъ, еще не сжившихся внутренно, послѣ вѣковой разрозненности и хаотической запутанности общинныхъ интересовъ и стремленiй, послѣ вѣкового отсутствiя

союзнаго духа [1]). Разграничивая сословія, образуя стройные государственные союзы въ народонаселеніи, правительство, далѣе, обращаетъ строгое вниманіе на наличныя рабочія, производительныя силы народонаселенія: для этого, вмѣсто прежней писцовой переписи земли и дворовъ, вводитъ перепись подушную, ревизію душъ, и государственное тягло и государственную службу переноситъ съ земли на лицо, каждому назначаетъ службу, работу въ своемъ опредѣленномъ общинномъ кругѣ, съ каждаго требуетъ также опредѣленной подушной подати: такимъ образомъ каждый членъ той или другой сословной общины строго, окончательно подчиняется, укрѣпляется къ государству. Тяжкимъ казалось большей части народа, воспитаннаго въ средневѣковой вольности, это строгое личное подчиненіе и служба государству, эта личная, подушная зависимость отъ него. И вотъ множество было недовольныхъ этимъ, такъ сказать, личнымъ тяготѣніемъ къ государству, личнымъ укрѣпленіемъ къ общинамъ, невозможностію по прежнему исключиться изъ списка податныхъ и служилыхъ. Наконецъ, правительство, ясно сознавшее потребность государственнаго благоустройства и управленія народонаселенія, издаетъ новые законы для водворенія общественнаго порядка, полагаетъ предѣлъ старому беззаконію и своеволію, уничтожаетъ жалованныя грамоты, исключенія, изъятія изъ общаго правила и издаетъ общіе указы и законы, проводитъ въ жизнь народа законъ, какъ зиждительное и благоустроительное начало государственнаго порядка. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича открываетъ собой періодъ новаго законодательства, составляетъ введеніе уже въ кодексъ новыхъ законовъ, которые суть «органическое порожденіе уложенія» [2]). 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій Петра Великаго и извѣстные намъ 2902 указа его съ 1700 по 1725 годъ суть зиждительное начало новой Россіи, выраженіе той творческой идеи Петра, по которой онъ созидалъ европейское устройство Россіи. Но понималъ ли народъ эти законы? Отсталые люди, привыкшіе жить не по законамъ, а по жалованнымъ и т. п. грамотамъ, по старинѣ, по земскимъ обычаямъ, упорно противятся новымъ законамъ: многіе законы не исполняются, какъ часто жаловался самъ Петръ Великій. Это неисполненіе и постоянное нарушеніе новыхъ законовъ, особенно законовъ Петра Великаго, было не частнымъ, случайнымъ исключеніемъ, какое всегда бываетъ въ большой или меньшей степени и въ благоустроенныхъ государствахъ, но рѣшительное упорство народнаго духа, непримиреніе съ новыми законами народнаго умопредставленія, разладъ народныхъ понятій и стремленій съ законодательными идеями Петра Великаго. «Се бо нынѣ,—говоритъ Посошковъ, колико новыхъ статей издано, а не много въ нихъ дѣйства: ибо всѣхъ ихъ *древностная неправда* одолѣваетъ» [3]). При такомъ гражданскомъ состояніи Россіи, во второй половинѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII, при этомъ хаосѣ ста-

---

[1]) Напримѣръ, о купечествѣ Посошковъ говоритъ: „купечество у насъ... между собою *союзства* ни малаго не имѣетъ, другъ друга ѣдятъ“. О скудости и богатствѣ.

[2]) По выраженію извѣстнаго юриста—Морошкина.

[3]) Сочин. Посошкова, стр. 96.

рыхъ и новыхъ началъ и стремленій, понятно, какъ много было благопріятнаго для развитія раскола. Расколъ жилъ, развивался подъ вліяніемъ стараго духа, старыхъ началъ, и былъ главной, самой сильной оппозиціей народнаго духа противъ новаго порядка и устройства Россіи. Онъ открылся и развился въ самый разгаръ борьбы старой и новой Россіи, и возсталъ противъ самыхъ коренныхъ началъ новаго устройства. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича расколъ призналъ и до нынѣ признаетъ противнымъ вѣрѣ Христовой. До 160 человѣкъ, недовольныхъ Уложеніемъ, сосланы были въ Соловецкій монастырь, и тамъ, вмѣстѣ съ государственными мятежниками—донскими казаками, произвели раскольническій бунтъ. Расколъ отвергъ также законы и регламенты Петра Великаго: противъ Великаго Преобразователя раскольники XVIII вѣка съ злобой вопіяли за то, что онъ «новыя законоположенія полагая *по духовному и по гражданскому расположенію, состави многіе регламенты, разосла многіе указы съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, устави сенатъ*» и проч. На площади кремлевской, гдѣ окончательно рѣшался въ концѣ XVII в. споръ между древней и новой Россіей, между государствомъ и полугражданскимъ бытомъ древней Россіи, между государями, твердо рѣшившимися на реформу государственную, и мужиками горланами, кричавшими о сохраненіи старины и народной вольности, между истинными пастырями церкви и бѣглыми попами,—на кремлевской площади, во главѣ стрѣлецкаго бунта, стояли раскольники и громогласно, окончательно высказали свое противогосударственное направленіе. И съ тѣхъ поръ расколъ образовалъ противогосударственную общину, въ которой скоплялись всѣ недовольные въ какомъ-либо отношеніи правительствомъ. Въ антипатіи раскола правительству, въ оппозиціи его противъ новаго государственнаго порядка и устройства Россіи сходились всѣ частныя противогосударственныя и демократическія антипатіи и стремленія: и недовольство деспотизмомъ власти и преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство крѣпостнымъ состояніемъ, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стѣсненіе свободы и своеволія законами, и тягость податного состоянія, и проч. Демократическая раскольническая община всѣмъ открывала и давала убѣжище и чрезъ то сама росла. И нужно сказать, что XVIII вѣкъ, особенно первая половина его, эта тяжкая година народнаго стенанія отъ податей и повинностей, година преобладанія сильныхъ иностранцевъ-тирановъ и варварства публичныхъ казней, эпоха взяточничества живыми душами, развитія аристократическаго барства въ ущербъ другимъ сословіямъ и проч.,—это было время едва ли не самое тяжкое для нашего народа, особенно для его низшихъ классовъ. «Когда мысленно воззримъ на минувшее время—говорили въ 1767 г. депутаты, избранные отъ всего народа, для сочиненія новаго уложенія, въ рѣчи Императрицѣ Екатеринѣ Великой,—духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе Имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы православную нашу вѣру, священный источникъ всѣхъ благъ, союзъ общаго блаженства, единомыслія и добронравія, подверженную презрѣнію и ругательству, яснымъ двумъ предзнаменованіямъ ея истребленія. Видѣли мы законы, общее житіе утверждающіе

и сохраняющіе, приведенные въ замѣшательство, противорѣчіе и неисполненіе, правосудіе изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Не столпы только правленія колебались, но и самое онаго основаніе потряслося. Государственные доходы истощились, потеряна была довѣренность и угнетена торговля. Грабительство, лакомство, корысть, насильство и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ людей ободренные, возрастали съ гибелью для народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего и наконецъ, вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку» [1]). При такихъ обстоятельствахъ, понятно, почему много народа присоединялось къ демократической партіи раскольниковъ.

Во-первыхъ, раскольническая община принимала всѣхъ тѣхъ, кто одержимъ былъ еще старымъ противо-государственнымъ духомъ противленія гражданской власти, личнаго произвола и необузданной свободы. А такихъ людей въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII было много. Какъ строгій, систематическій государственный порядокъ въ XVII вѣкѣ не проникъ еще весь многосложный организмъ, все устройство Московскаго государства, такъ и идея государственнаго порядка далеко не проникла еще въ сознаніе народное, во всѣ части народонаселенія. Какъ въ государственномъ устройствѣ повсюду были еще исключенія изъ общаго правила, рядомъ съ чисто-государственными правительственными учрежденіями господствовало еще мѣстное, земское самоуправленіе, гдѣ члены общины жили и управлялись по средневѣковому, *«межи себя»*, а не правительственными, государственными органами и законами: такъ и въ духѣ народномъ сильно, глубоко коренились еще противо-государственныя стремленія къ исключенію изъ общаго, государственнаго порядка, къ освобожденію отъ строгаго подчиненія единой государственной власти, къ своеволію и самоустройству. Самая идея верховной власти, самодержавія, достигшая своего полнаго развитія въ Имперіи, не проникла еще во всю массу народную. Народъ сколько благоговѣлъ предъ своимъ царемъ, сколько любилъ его, столько же любовь эта въ большей части народонаселенія была непостоянна, нетверда. Не даромъ возможно было появленіе 14 самозванцевъ въ XVII вѣкѣ и въ томъ числѣ 4 въ одно царствованіе Алексѣя Михайловича. Не даромъ они являлись и въ XVIII вѣкѣ. Въ народѣ много было такихъ людей, которые дотолѣ только были послушны и преданы царю, пока онъ жаловалъ ихъ, снисходилъ ихъ желаніямъ и челобитнымъ, не касался ихъ внутренняго быта. Но если онъ являлся строгимъ, дѣлалъ что-либо не по нраву народному, издавалъ новые, ощутительно касавшіеся вольности и старыхъ обычаевъ народныхъ, законы; то тотчасъ же поднимали ропотъ, даже бунтъ, и «чинились непослушны государеву указу». Царь Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, пока благодѣтельствовалъ народу и не касался его внутренняго быта, былъ любимъ; но когда сталъ вводить новые порядки и обычаи, то, по словамъ Авраамія Палицына, «въ ненавѣсть бысть всему міру ради таковыхъ нововводныхъ

---

[1]) П. С. З. т. XVIII, № 12,978.

дѣлъ». Когда царь издавалъ какое-либо распоряженіе или указъ не по нраву черни, то чернь возмущалась, бунтовала, не понимая благихъ намѣреній правительства. Напр., царь Алексѣй Михайловичъ предписалъ—въ Псковѣ закупать хлѣбъ для Швеціи: псковитяне взбунтовались, «государеву указу и повелѣнію учинились противны, и преступя его крестное государево цѣлованіе, про него Великаго Государя износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали» [1]). Въ актахъ историческихъ весьма часто говорится о томъ, какъ многіе «чинились сильны и непослушны государеву указу» [2]). Чернь съ буйнымъ неистовствомъ требовала у царя, чего хотѣла, и Государь долженъ былъ иногда уступать ея своеволію, чтобы избѣжать мятежа и кровопролитія [3]). Духъ мятежа до такой степени овладѣлъ чернью, что каждая безпокойная, буйная голова способна была взбунтовать народъ, всякій нелѣпый толкъ о правительствѣ разъярялъ чернь. Это показали бунты, многократно бывшіе въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ [4]). Послѣ этого понятно, какъ возмутительные толки и письма раскольниковъ о правительствѣ сильны были къ возмущенію народа противъ правительства. Тѣ же самые люди, которые до 1666 года были преданы царю, называли его «христолюбивымъ и благочестивымъ царемъ, самимъ Христосомъ почетнымъ и превознесеннымъ, паче же и соблюдаемымъ, управляющимъ царство свое благочестіемъ и правдою», которые въ своихъ челобитныхъ, испрашивая у царя позволенія сдѣлать по своему, а не по опредѣленію всей русской церкви и царя, клонившемуся ко благу всего государства, льстиво говорили царю: «егда изволи Господь Богъ воспріяти тебѣ царствіе, и церковь воспріять свою лѣпоту и единогласное пѣніе и всякое благочиніе строяшеся тобою—Государемъ» и проч.,—эти же самые люди, не получивъ отвѣта на свои челобитныя, возстали противъ царя, и распространили въ народѣ клевету, «яко царь Алексѣй Михайловичъ отступи отъ церкви и бысть врагъ Божій». И суевѣрная чернь повѣрила и взбунтовалась.

Но особенно развитію раскола благопріятствовалъ духъ противо-государственной вольности и самоуправства, господствовавшій въ стрѣльцахъ

---

[1]) Дополн. къ А. И. т. Ш, № 74; стр. 271.

[2]) А. И. т. IV, № 171. А. А. Э. т. IV, № 202, № 206 и друг.

[3]) Дворцовые разряды: т. Ш, стр. 93: „7156 (1648) мѣсяца Мая въ 26 день грѣхъ ради нашихъ учинилося междусобство отъ земскихъ людей, просили у государя земскаго приказа судью Леонтья Степапова сына Плещеева, и Государь указалъ имъ Леонтья Плещеева по ихъ по прошенію отдать, и они межусобствомъ учинились быть въ непослушаньѣ, а Леонтья Плещеева убили, и посольскаго приказа думнаго дьяка Назарья чистаго убили, и домы ихъ разграбили, и иные многіе боярскіе домы и стольниковъ и гостиные разграбили. И назавтрея Мая въ день учинилась большая смута, и учали всею землею просить у государя убить окольничаго Петра Траханіотова. И Петра Траханіотова велѣлъ Государь имъ отдать, и они на площади Петра казнили“. См. также у Кошихина. VII, стр. 81. Собран. госуд. грам. IV, 76.

[4]) Кошихинъ, VII, стр. 79—82. А. А. Э. т. Ш, № 43: „въ нынѣшнемъ во 156 г. Іюня во 2 день учинилась на Москвѣ и по городамъ брань междуусобная и до нынѣ по городамъ мятежъ“. Доп. къ А. И. т. Ш, № 74: О псковскомъ бунтѣ. Собр. Государ. грам. и договор. ч. IV, стр. 76: О коломенскомъ бунтѣ.

и казакахъ, преимущественно по украйнамъ Россіи. Стрѣльцы по городамъ были главными зачинщиками мятежей [1]). Солдаты и особенно казаки, жившіе безъ строгаго надзора, также необузданно предавались своеволію и буйству, по уѣздамъ опустошали и раззоряли храмы, мучили, сожигали и убивали народъ и причиняли вредъ государству, задерживая государственную казну [2]). Извѣстно, что донскіе казаки, которыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича считалось до 20.000 ч., въ расколѣ принимали дѣятельное участіе. А объ нихъ вотъ что говоритъ Кошихинъ: «люди они породой Москвичи и иныхъ городовъ и новокрещенные Татары, и запорожскіе казаки, и Поляки и Ляхи, и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ, и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и въ татиныхъ и въ иныхъ дѣлахъ, и покрадчи и пограбя бояръ своихъ уходятъ на Донъ, и бывъ на Дону, хотя одну недѣлю или мѣсяцъ, а лучится имъ съ чѣмъ-нибудь пріѣхать къ Москвѣ, и до нихъ впредь дѣла никакого ни въ чемъ не бываетъ никому, что кто ни своровалъ, потому что Доломъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются. И дана имъ на Дону жить воля своя» [3]). Эти-то Донцы избрали себѣ въ атаманы государственнаго мятежника Стеньку Разина, и подъ его предводительствомъ волновали всю юго-восточную Россію. «И стало у казаковъ непостоянство большое и Великаго Государя указу учинились непослушны» [4]). Бунтъ Стеньки Разина, бунтъ Булавина и другихъ мятежниковъ, тысячи буйныхъ казаковъ и всякой вольницы, разбойничавшихъ вмѣстѣ съ ними на Дону и Волгѣ, это было буйное проявленіе всѣхъ старыхъ анархическихъ, противогосударственныхъ элементовъ, къ концу XVII в. все болѣе и болѣе вытѣснявшихся изъ средины Россіи, скопившихся на Украйнѣ, куда еще не проникли благоустроительныя начала государства, и подъ конецъ древней Россіи, такъ сказать, всплывшихъ наверхъ, для того, чтобы показать весь хаосъ старыхъ, отжившихъ, противогосударственныхъ началъ и всю необходимость государственнаго возрожденія и обновленія Россіи. Тутъ были и бѣглые дворяне, оставившіе службу, и бѣглые попы и монахи, которыхъ преслѣдовала церковь за порочную жизнь, тутъ были и приказные, писавшіе переметныя письма измѣнникамъ для своей корысти, тутъ были и боярскіе люди и холопы, и крестьяне, нехотѣвшіе служить своимъ по-

---

[1]) Дополн. къ А. И., т. III, стр. 274; также № 16. А. И., т. IV, стр. 200 Дополн. къ А. И. т. IV, № 74.

[2]) А. А. Э., т. III, № 44. Въ хронографѣ начала XVII в., находящемся въ сборникѣ соловецкой библ. подъ № 878, читаемъ о казакахъ: „казацкаго чина тогда бысть воинство многочисленное, и впадоша въ прелесть велику, вдавшеся блуду, питію и зерни, пропивше же и проигравше вся своя имѣнія, и насилующе въ воинствѣ многимъ, паче же православному христіанству, исходяще изъ царствующаго града во вся грады, села и деревни на пути грабяще и мучаще немилостивно сугубѣйше перваго десятерицею... И бысть во всей Россіи мятежъ великъ и нестроеніе злѣйшее. Боляре же и воеводы невѣдуще, что сотворити, зане зѣло ихъ множество бѣ и самовольны быша и блядяху паче нечестивыхъ.

[3]) Кошихинъ IX, 7.

[4]) А. И., т. IV., стр. 393.

мѣщикамъ; и всякаго рода люди, одержимые противогосударственнымъ духомъ, бѣжали туда, къ взбунтовавшимся донскимъ казакамъ. И вотъ, среди этой-то толпы противогосударственныхъ людей расколъ нашелъ подкрѣпленіе, и они, подъ его знаменіемъ, ратовали противъ Государства. Всѣ бунты донскихъ казаковъ въ концѣ XVII вѣка были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Съ Дону буйные казаки—раскольники откликались на мятежный зовъ поморскихъ раскольниковъ и шли возмущать соловецкихъ монаховъ противъ Правительства. Такъ пишетъ м. Тобольскій Игнатій въ своемъ 3-мъ посланіи о соловецкихъ мятежникахъ: «прибѣгоша въ тую же обитель донского казака и атамана Стеньки Разина съ помощники воры изъ Астрахани; и егда въ обитель внидоша, тогда бо уже и братству, инокомъ и бѣльцемъ волю всю отъяша, и поставиша себѣ начальникомъ Ѳадейка Кожевника да Ивашка Сарафанова, и начаша быти во всемъ противны, не только св. церкви хулами, но и благочестиваго царя не восхотѣша себѣ въ Государя имѣти. Тіи же отступницы, донскіе казаки подтверждаху ихъ, льстиво глаголюще: постойте, братіе, за истинную вѣру, и не креститеся тремя персты: то есть, рѣкоша, печать антихристова» [1]). И тутъ вполнѣ высказался противогосударственный духъ раскола: «воры сотники съ товарищи, читаемъ въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ, про Великаго Государя говорили такія слова, что не только написать но и помыслить страшно» [2]). Стрѣльцы, нехотѣвшие разстаться съ своимъ старымъ полугражданскимъ бытомъ, стали подъ знамя Никиты Пустосвята также не изъ-за сугубой аллилуіа и не за двуперстный крестъ: «се явно, говоритъ п. Іоакимъ, что ради возмущенія противъ Государя сія сотвориша». Движимые противо-государственными замыслами Хованскаго и другихъ расколоводителей,—они замышляли основать старообрядческое государство или раскольническую демократію [3]). Петръ Великій казнилъ и разсѣялъ большую часть этихъ мятежныхъ стрѣльцовъ и донскихъ казаковъ, подымавшихъ буйныя головы подъ знаменемъ раскола; но никакою силою, никакими мѣрами онъ не искоренилъ гнѣздившихся въ народѣ демократическихъ движеній. Даже Посошковъ помышлялъ о *народо-совѣтіи*. Но раскольники шли далѣе въ своихъ демократическихъ замыслахъ: они при Петрѣ Великомъ неоднократно подкидывали пасквили противъ монархической власти Петра. По поводу такихъ писемъ въ 1722 году издана была особая книга: «Правда воли монаршей», которою утверждалась Имперія и Монархическая власть въ Россіи. Несмотря на то, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго опять появились демократическія подметныя письма, направленныя противъ Верховной власти и Имперіи [4]). И раскольники въ теченіе всего XVII вѣка упорно стояли на своемъ, и съ злобнымъ ропотомъ вопіяли противъ того, что Петръ Великій «Императоръ наречеся»; «Устави Сенатъ, говорили они, и тако нача той глаго-

[1]) 3-е посланіе Игнатія, стр. 139, 140.
[2]) А. И., т. IV, стр. 532, 533.
[3]) Записки Медвѣева у Сахарова, стр. 21.
[4]) П. С. З. т. VII, № 4870.

лемый богъ наче мѣры возвышатися, Императоръ или Монархъ наречеся сирѣчь единоначальникъ или единовластитель, и паки именовася божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуетъ книжка кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія». Опираясь на этотъ основный пунктъ своего противогосударственнаго ученія, расколъ возсталъ противъ всѣхъ законовъ, указовъ и преобразованій Петра Великаго, особенно относившихся къ народному быту. Тягость обременительной на первый разъ для народа реформы Петра Великаго, смуты общества отъ рѣзкихъ мѣръ, отъ крутого переворота,— еще болѣе способствовали усиленію народно-демократической оппозиціи, раскола.

Петръ I, великій строитель государственнаго порядка Россіи, призванъ былъ Провидѣніемъ дать европейское значеніе Россіи, довершить окончательно, въ одно свое царствованіе то, что отчасти начато было прежде, только созидалось медленно, вѣками, перестроить, преобразовать то, что было въ древней Россіи внутренно неустроено, нетвердо, или совершенно неправильно, несостоятельно само въ себѣ, вновь построить, создать то, чего вовсо не было въ древней Россіи. Слѣдователоно ему нужны были великія рабочія силы и огромныя матеріальныя средства. И вотъ, онъ исчисляетъ народъ, чтобы узнать рабочія производительныя и вспомогательныя силы государства, въ видахъ подушной подати и образованія войскъ, предпринимаются точныя народныя переписи, подушныя, вмѣсто прежнихъ писцовыхъ или посошныхъ и подворныхъ переписей, производившихся чрезъ долгое время и не дававшихъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ дѣятельныхъ и полезныхъ въ государствѣ силъ. Напередъ исчислены были всѣ чиновники: бояре, окольничіе, думные, ближніе люди, стольники, стряпчіе, дворяне и проч. Въ 1710 г. (6 марта) Петръ Великій велѣлъ по губерніямъ переписать всѣхъ дворянъ, и которые окажутся негодными въ драгунскую и солдатскую службу, тѣхъ обложить денежными окладами [1]). Въ 1718 г. ноября 26 вышелъ именный указъ: 1) «взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку), чтобы правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола, объявя имъ о томъ, что кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ; 2) росписать, на сколько душъ солдатъ рядовой съ долею на него роты и полковаго штаба, положа средній окладъ, или чего болѣе невозможно и чего меньше не надлежитъ» [2]). Въ слѣдующемъ 1719 году именнымъ указомъ отъ 22 Генваря, наряжена была цѣлая экспедиція, подъ начальствомъ бригадира Зотова, которой поручено было «ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства, брать во всѣхъ губерніяхъ сказки съ такимъ опредѣленіемъ о дворцовыхъ и прочихъ государевыхъ, патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и вотчинниковыхъ селахъ и деревняхъ, такожъ однодворцамъ, татарамъ и ясачнымъ, безъ всякой утайки, не взирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписки, но учиня самимъ переписки правдивыя, сколько гдѣ, въ которой волости, въ селѣ или деревнѣ

---

[1]) П. С. З., т. IV, № 2257.
[2]) П. С. З., т. V, № 3245.

крестьянъ, бобылей и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню) по именамъ есть мужеска пола, всѣхъ, необходя отъ стараго до малаго послѣдняго младенца, съ лѣтами ихъ, и подавать тѣ сказки въ губерніяхъ» [1]. Въ то же время земскимъ камерирамъ въ губерніяхъ и провинціяхъ данъ былъ «наказъ», которымъ предписывалось «исправливать и свидѣтельствовать *переписную книгу*»: «и якоже, сказано по сему случаю въ указѣ, вѣрная и исправная переписная книга всѣмъ деревнямъ, дворамъ и въ нихъ людямъ, такожъ землямъ и надлежащимъ угодьямъ, съ которыхъ государевы подати берутся, въ началѣ главнѣйшее есть основаніе, на которое всѣхъ земскихъ коммисаровъ счеты и потомъ земская книга основатися имать: того ради повиненъ впредь земскій камериръ по вся годы переписную такую книгу, купно съ земскою же своею книгою въ Камеръ-Коллегіумъ отдавать, на крѣпко усматривая, чтобъ ничего того, съ чего податямъ быть надлежитъ проронено изъ оной переписной книги не было, но всѣхъ, какого бы званія оные ни были, въ оную книгу вносить, и такимъ образомъ вышеписанную переписную книгу и съ подлиннымъ извѣстіемъ вѣрно учинить, понеже оную держать вмѣсто основанія, на которую всѣ коммиссарскіе счеты и всѣ предыдущіе окладные и не окладные сборы и подати впредь основатися имѣютъ» [2]. Такимъ образомъ, Великій Строитель государства Русскаго, Петръ полагалъ предѣлъ прежнему укрывательству отъ государственной службы, податей и повинностей старинными жалованными грамотами и привиллегіями и разными другими способами. Въ переписныя книги записано было поименно до 6,000,000 душъ мужескаго пола податного сословія; неподатныхъ состояній считалось до 2 милліоновъ душъ м. п., въ томъ числѣ до 500 тысячъ дворянъ, а всего съ женскимъ поломъ около 20,000,000. Не понравилось большой части русскаго народа это строгое, точное государственное росписаніе народонаселенія, какого доселѣ не бывало. Люди, помышлявшіе о государственныхъ и народно-экономическихъ интересахъ, объ умноженіи народнаго богатства и благосостоянія, съ этой точки зрѣнія возставали противъ ревизіи душъ. Такъ Посошковъ пишетъ: «во исчисленіи душевномъ не чаю жь я проку быть; душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая, и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю тысячь десятка два-три истощилось, обаче чаю я, что она вся пропала» [3]. Крестьяне, никогда доселѣ не подвергавшіеся подушной переписи, еще совершенно неотвыкшіе переходить съ мѣста на мѣсто, привыкшіе къ описи пахатной и сѣнокосной земли и жилыхъ дворовъ, а не къ ревизіи душъ, привыкшіе къ личной свободѣ во время господства поземельнаго устройства сельскихъ общинъ, — крестьяне изъ опасенія новыхъ государственныхъ налоговъ и повинностей устрашились переписной книги: цѣлыми десятками

[1] П. С. З., т. V, № 3287.

[2] П. С. З., т. V, № 3296, п. 3, о переписной книгѣ.

[3] Посошковъ, стр. 185. Волынскій, въ инструкціи данной крестьянамъ 1724, также возстаетъ противъ „поголовщины“, отстаивая систему писцовыхъ, окладныхъ книгъ.

тысячъ укрывались, убѣгали или откупались отъ подушной переписи. Цѣлые разряды людей, доселѣ привиллегированные изъятые отъ общаго государ. тягла и службы, также недовольны были подушною переписью, отнятіемъ прежнихъ жалованныхъ, исключительныхъ правъ, и причисленіемъ къ податнымъ или служебнымъ классамъ населенія. Дѣти духовнаго чина, которыхъ было чрезвычайное множество, привыкли жить въ праздности, безъ ученія, безъ службы и дѣла, — и также уклонялись отъ переписи, подтвержденной указами Святѣйшаго Сѵнода. Такимъ образомъ, множество было недовольныхъ подушною переписью или ревизіею душъ. И вотъ это недовольство въ низшихъ классахъ народа выразилось въ расколѣ. Расколъ объявилъ подушную перепись, ревизію душъ «антихристіанскою», и училъ народъ не записываться въ переписныя книги. «Егда той Императоръ или Монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель, — говорили раскольники XVIII вѣка, — *народное описаніе учини,* называя то *ревизіею или исчисленіемъ душъ человѣческихъ*, которыя приняли его за Императора и за единовластнаго Правителя, мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди его сохраняти и вѣру святую блюсти, и таковому лжехристу въ послушество отдатися нехощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есьмы христіане единаго исповѣданія вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ Соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся, и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего Императора и его законоположенія о ревизіи не пишемся; ибо мы отъ крещенія записаны есьмы въ книги животныя у царя небеснаго; понеже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Руссіи благочестиви цари Иванъ Васильевичь, Ѳедоръ Ивановичь и Михаилъ Ѳеодоровичь и Алексѣй Михайловичь, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика, мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего обще человѣчества не творили и оставляли то въ судьбу Правительства Всемогущаго Бога. Зрите, человѣцы, и вонмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами»! И народъ съ радостію внималъ этому ученію раскола, и во множествѣ бѣжалъ отъ переписи въ скиты раскольническіе, въ лѣса, гдѣ избавлялись отъ всякой переписи.

Подушная перепись введена была Петромъ Великимъ главнымъ образомъ съ тою цѣлію, чтобы вѣрнѣе получать государственныя подати, необходимыя для устройства арміи и флота. До Петра Великаго въ Россіи взимались подати поземельныя и подворныя, и платились большею частію общинной раскладкой: извѣстная община платила за все количество земли и дворовъ, принадлежащихъ ея округу, хотя бы много земли было незанятой, много дворовъ, было пустыхъ. Это было весьма тягостно для общинъ; потому что, при чрезвычайной подвижности, расходчивости народонаселенія, поземельная община весьма часто должна была раздѣлываться податями и повинностями за множество пустыхъ участковъ и дворовъ. Далѣе, подати были чрезвычайно неравномѣрно разлагаемы на народона-

селеніе: цѣлые разряды людей, цѣлыя общины жалованными грамотами освобождены были отъ платежа весьма многихъ, или даже всѣхъ податей и повинностей. И послѣ того, какъ государственными указами и, окончательно, Уложеніемъ крестьяне укрѣплены были къ землѣ, и вмѣсто поземельной, введена была подворная податная система, народъ по прежнему продолжалъ уклоняться и отъ этой дворовой подати, умножились бобыли, бездомовые люди,—и весьма многіе, чтобы не платить податей, уходили въ тѣ общины, которыя, по привиллегіямъ, ихъ не платили, уходили въ монастыри и на монастырскую службу и въ вотчины церковныя. Оттого монастыри наполнены были монахами изъ крестьянъ «тунеядцами, какъ говорилъ Петръ Великій, бѣжавшими отъ тройной дани: т. е. дому своему, Государству и помѣщику» [1]). Въ концѣ XVII в. въ нѣкоторыя церковныя вотчины, въ нѣкоторые приписные архіерейскіе и другіе монастыри, послѣ переписныхъ книгъ 186 (1678 г.) и 187 годовъ по 194 годъ, вновь прибыло 4.179 дворовъ, въ томъ числѣ за одними монастырями зачислилось 3.337 дворовъ: [2]) и всѣ эти пришлые люди, проживая въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ дворами, не платили подворной подати, пользуясь жалованными грамотами, данными этимъ вотчинамъ. Точно также многіе купцы, торговые и промысленные люди, чернослободцы и пріѣзжіе изъ городовъ, живя въ слободахъ и у бѣломѣстцевъ, податей никакихъ не платили [3]). Уже царь Алексѣй Михайловичъ сознавалъ всю несовмѣстность, несообразность съ государственной системой такой старинной, средневѣковой особности, исключительности цѣлыхъ общинъ и разрядовъ изъ податного состоянія, во вредъ или въ тягость другимъ общинамъ. Петръ Великій окончательно полагалъ предѣлъ этому исключенію, изъятію большей части народонаселенія изъ податного состоянія. Въ 1705 г. онъ указомъ повелѣлъ, «смотря по состоянію», брать личную пошлину съ торговыхъ людей, большихъ и малыхъ, доселѣ укрывавшихся отъ общихъ пошлинъ [4]). Въ 1722 году онъ установилъ всенародную подушную подать на содержаніе войска съ дворовыхъ людей и крестьянъ казенныхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ, по 8 гривенъ съ души, съ посадскихъ пошлинную подать по 40 алтынъ съ души. Въ 1723 году, Петръ Великій предписалъ для сбора съ крестьянъ подушныхъ денегъ выбирать каждогодно земскихъ коммиссаровъ изъ лучшихъ помѣщиковъ самимъ помѣщикамъ, на общемъ съѣздѣ [5]). Этимъ же земскимъ коммиссарамъ предписано было сбирать недоимки, росписавъ по частямъ на 4 года, такъ чтобы въ каждомъ году при платежѣ подушныхъ денегъ платили опредѣленную часть и изъ недоимки [6]). Когда началась, въ слѣдъ за переписью душъ, раскладка подушныхъ податей и повинностей, народъ, сильно тяготившійся и прежде, особенно въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича,

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 4450, стр. 230.
[2]) П. С. З., т. II, № 1206.
[3]) П. С. З., т. III, № 1697.
[4]) Тамъ же, т. IV, № 2084.
[5]) Тамъ же, т. VII, № 4224.
[6]) П. С. З., т. VII, № 4339.

многочисленными и разнообразными сборами, устрашился новой податной системы, тѣмъ болѣе, что при ней труднѣе было уклоняться отъ уплаты податей, чѣмъ прежде при подвижности народонаселенія. Петръ Великій видѣлъ это, а также предвидѣлъ и то, что тягость податей еще болѣе увеличится отъ злоупотребленій сборщиковъ, еще неотвыкшихъ отъ кормленія. Потому указы о сборѣ подушной подати, раздѣленной по третямъ, предписалъ публиковать въ городахъ и уѣздахъ и разсылать по селамъ священникамъ для прочтенія ихъ «во всенародное свѣдѣніе священникамъ по церквамъ, чтобъ всякъ о томъ сборѣ подлинно былъ свѣдомъ, и никому бы нельзя было ничего прибавить, или убавить» [1]). Потомъ положивъ, по крайней необходимости, въ 1723 году, пока не окончена была перепись въ подушной окладъ, собирать на содержаніе армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ подушныя деньги за двѣ трети, вдругъ со всѣхъ тѣхъ, которые уже положены были въ подушный окладъ, и кромѣ того еще собрать къ провіантному и фуражному сбору по 35 к. съ души — въ то же время, для успокоенія народа, велѣлъ «печатными указами публиковать въ народъ, что въ слѣдующемъ 1724 году, возмется съ крестьянъ еще только послѣдняя треть въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, а кромѣ того другихъ никакихъ сборовъ съ нихъ брать и въ лѣтнее время, чтобы въ работѣ помѣшательства не было, посылать къ нимъ не будутъ, а если явится переплата, и тѣ переплатныя деньги зачтены будутъ имъ на послѣднюю треть того 724 года неотмѣнно» [2]). Такъ отечески старался великій отецъ отечества, по возможности, соразмѣрять и уменьшать обременительные народные налоги. Но не такъ, къ сожалѣнію, дѣлали исполнители его воли. Злоупотребленія и притѣсненія народа при сборѣ податей были чрезвычайны, особенно послѣ смерти Великаго Петра. Еще въ 1717 году онъ писалъ въ именномъ указѣ Сенату: «господа Сенатъ! понеже, какъ я слышу по стороннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ несносныя правежа чинятся, въ чемъ мнѣ за такою дальностію, а въ своемъ государствѣ будучи, за настоящею тяжкою войною, усмотрѣть не можно, отъ чего неточію разореніе Государству, но отъ Бога не безъ гнѣва» [3]). Не такъ совершался самый сборъ подушныхъ податей, какъ хотѣлъ Петръ. Полковники, штабъ-офицеры и гренадеры, приставленные къ земскимъ коммиссарамъ, какъ сказано въ указѣ, «токмо для новости дѣла», разъѣзжали, однакожъ, своевольно по селамъ и деревнямъ и сильно правили съ крестьянъ подушныя деньги» [4]). Земскіе коммиссары и подьячіе часто болѣе сбирали на себя, чѣмъ въ казну. Такъ, напримѣръ, было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно народъ бѣжалъ изъ селъ въ раскольническіе скиты и лѣса. Въ обонежской, напримѣръ, пятинѣ, въ 1724 году коммиссары Арцыбашевъ и Баровъ и подьячій Волоцкій, у сбору денежной казны, какъ сказано въ сенатскомъ указѣ 1725 г. (Генваря 24), «явились въ презрѣніи

---

[1]) Тамъ же, т. VII, № 4311.
[2]) П. С. З. т. VII, № 4390.
[3]) Тамъ же т. V, № 3080.
[4]) Тамъ же т. VII, № 4729.

указовъ и въ похищеніи казны и въ излишнихъ сборахъ и во взяткахъ: имъ велѣно было брать на первыя двѣ трети 1724 года по 38 к. съ души, а они брали по 54 коп. Такимъ образомъ коммиссаръ Арцыбашевъ набралъ себѣ подушныхъ денегъ 2,039 рублей съ лишнимъ, другой коммиссаръ Баровъ 607 руб. 43 коп., подъячій Волоцкій 132 руб. 42 коп.: это въ одной обонежской пятинѣ. Кромѣ того, они насильно брали у крестьянъ подводы для разъѣзду по селамъ и деревнямъ»[1]). Въ 1719 г. Петръ писалъ въ инструкціи или наказѣ земскимъ камерирамъ: «понеже его подданные, при долговременной сей войнѣ (съ Швеціей и Турціей), тяжкія по се время многія тягости носили, которыя еще многимъ тягчае стали отъ того, что нѣкоторые подданные, изыскивая себѣ прибыль, подарками и подлогами себя отъ общихъ тягостей весьма или отчасти освобождали, и тако большія отягощенія на другихъ свою братію неправдиво налагали, такожъ и отъ того, что обрѣтались многие невѣрные сборщики и управители»[2]). Если великій отецъ и попечитель отечества, самъ для него работавшій, самъ вникавшій въ сборъ податей, жаловался на притѣсненія народа сборщиками: то послѣ него еще болѣе было такихъ притѣсненій. «Партикулярные люди, какъ жаловалась Императрица Екатерина I, государственными деньгами корыстовались, а бѣдное крестьянство и народъ за нихъ претерпѣвали»[3]). Особенно жестокими экзекуціями истязались недоимки по податямъ. Недоимокъ этихъ было множество; уже по смерти Петра, ихъ считалось болѣе милліона. При Императрицѣ Екатеринѣ I учреждена была особая доимочная канцелярія, завѣдывавшая взысканіями недоборовъ. Милостивая Императрица сострадала тягостямъ народнымъ, и была снисходительна къ подушнымъ недоборамъ, запрещала строго взыскивать ихъ. Не смотря на то, воеводы и камериры посылали въ уѣзды солдатъ для правежа недоимокъ, и солдаты часто поступали съ крестьянами чрезвычайно грубо, и заставляли бѣжать ихъ изъ селъ[4]). Но особенно жестоко взыскивались недоимки при временщикѣ Биронѣ. Въ началѣ царствованія Анны, казна считала въ недоимкѣ до 7 милліоновъ тогдашнихъ, или до 40 милліоновъ по нынѣшнему. При Биронѣ учрежденъ Доимочный Приказъ, и всѣ эти недоимки взыскивались безчеловѣчно,—потому что по взысканіи, всѣ они обращались въ пользу временщика, хотя и выставлялись въ расходъ на содержаніе двора. Если воеводы неуспѣшно взыскивали недоимки, то посылались гвардейскіе офицеры, которые заковывали воеводъ въ кандалы, ставили крестьянъ голыми ногами на снѣгъ, били ихъ палками по пятамъ и т. под, пытками истязали ихъ; помѣщиковъ и старостъ ихъ держали въ городахъ подъ стражею по нѣскольку мѣсяцевъ, такъ что многіе умирали съ голода и отъ тѣсноты въ жилищахъ. Такое жестокое взысканіе недоимокъ еще болѣе отягощало народъ. Послѣ этого понятно, съ какою радостью многіе изъ людей податного состоянія услы-

[1]) П. С. З. т. VII, № 4826.
[2]) Тамъ же т. V, № 3296 п. 4.
[3]) П. С. З. т. VII, № 5017.
[4]) Тамъ же — № 4674.

шали возгласы раскола противъ податей, и бѣжали въ лѣса, гдѣ укрывались раскольники. Фанатики расколоучители не замедлили распространить въ народѣ превратное, фанатическое толкованіе о подушной подати, и взносили хулы на установителя ее. Раскольники XVIII вѣка, сказавъ въ своей исторіи Петра Великаго или «челобитной» о переписи душъ, далѣе злобно отзываются и о податяхъ: «Петръ, говорятъ они, исчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ даньми веліими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ, тако тиранство учини, и съ мертвыхъ дани востребова... Говоритъ: отдай подушное съ новаго года, и еще нѣтъ ли иныхъ недоимокъ: ибо на моей землѣ живешъ. О яма глубока погибели рода человѣча! удалятися и бѣгати намъ подобаетъ во антихристово время». И вотъ тысячи народа, слушая это ученіе, бѣжали отъ податей при Петрѣ Великомъ, и послѣ него, особенно по причинѣ жестокосердаго взысканія податей и недоимокъ при Биронѣ. Множество народа бѣжало въ Польшу, Молдавію и Валахію: отъ мучительства Биронова, какъ полагаетъ Болтинъ, бѣжало за границу не менѣе 250,000 душъ мужеска пола. По всей вѣроятности, тогда-то особенно и умножалось число раскольниковъ въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи.

Много нужно было великому благоустроителю Россіи средствъ, много нужно было рабочихъ силъ, чтобы устроить ее. Для того, чтобы образовать регулярное войско во 180,000, какое оставилъ Петръ, нужно было до 3,180,770 рублей на содержаніе его; чтобы создать флотъ изъ 32 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ военныхъ судовъ, кромѣ галернаго флота, нужно было по крайней мѣрѣ около $1^1/_2$ милліона. Далѣе нужно было устроить до 200 фабрикъ и заводовъ, которые съ самаго начала большею частію и содержались также казной[1]). Нужно было построить крѣпости Кронштадтскую, Азовскую и др.; нужно было соединить Балтійское море съ Каспійскимъ посредствомъ вышневолоцкой системы и провести ладожскій каналъ. На все нужны были рабочія силы и средства. И вотъ Петръ Великій заставилъ, такъ сказать, весь народъ работать и налагалъ различные сборы. Народомъ совершались, во-первыхъ всѣ государственныя работы. Для постройки Петербурга приходили ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ сряду, изъ самыхъ дальнихъ областей до 40,000 работниковъ, изъ коихъ многіе погибали отъ трудовъ и болѣзней [2]). Для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ также тысячи народа вызывались изъ губерній: указомъ Генваря 16, 1712 года требовалось 3,000 работниковъ [3]); въ 1714 году требовалось въ Петербургъ и на островъ Котлинъ «къ городовымъ дѣламъ» со всѣхъ губерній 34,000 человѣкъ [4]). Вызывались каменщики въ Азовъ изъ самыхъ отдаленыхъ, противоположныхъ краевъ, напр. изъ архангелогородской, сибирской и другихъ губерній [5]). Въ 1719 году вышелъ указъ о на-

---

[1]) П. С. З. т. V, №3294, п 9.
[2]) П. С. З. т. IV, № 2488.
[3]) Тамъ же, № 2467, п. 13, № 2479.
[4]) Тамъ же, т. V, № 2744.
[5]) Тамъ же, т. IV, № 2380.

чатіи прорытія ладожскаго канала на 104 версты, и собрались работники со всего Государства, даже съ своимъ провіантомъ и съ своими орудіями[1]). Однимъ словомъ отъ русскаго народа Петръ требовалъ такой работы, какой прежде сего онъ никогда не испытывалъ и не представлялъ. «Вся Россія представлялась тогда, скажемъ словами одного иностранца, какъ бы однимъ заводомъ; повсюду извлекались изъ нѣдръ земныхъ сокрытыя до того сокровища; повсюду слышны были стуки молотовъ и сѣкиръ, ковавшихъ мечи, якори и всякія орудія и сооружались корабли военные и всякаго рода морскія и рѣчныя суда; повсюду лились пушки, мортиры, бомбы, ядра; повсюду ткались сукна, всякаго рода полотна, и при всѣхъ такихъ работахъ видѣнъ былъ самъ Монархъ, какъ мастеръ и указатель». Воззваніе къ такому всеобщему труду, къ работѣ для Государства устрашило большую часть русскаго народа, привыкшаго жить или въ совершенной лѣности и праздношатательствѣ, или нести трудъ самый умѣренный, обезпечивавшій только насущное пропитаніе. Оставлять невольно, по требованію Начальства, домы, семейства, и идти за нѣсколько сотъ или даже тысячъ верстъ на казенную работу, куда-нибудь на островъ Котлинъ или подъ Азовъ, и при томъ безъ надежды возвратиться домой,—это было ужасно для русскихъ крестьянъ, привыкшихъ сидѣть дома и обработывать только свою пашню. Другіе, которые не ходили на работу, тяготились частыми сборами на государственныя потребности. Кромѣ подушной подати, съ народа собирался провіантъ для содержанія войска [2]), лошади для образованія конной милиціи и фуражъ [3]), деньги на изготовленіе аммуниціи; по домамъ крестьянскимъ размѣщались полки во всѣхъ губерніяхъ, и крестьяне должны были ихъ продовольствовать дровами и проч. [4]). Городскіе обыватели также были обложены разными сборами. Всѣ эти сборы, какъ бы ни были они часты при Петрѣ Великомъ, были бы, можетъ быть, не слишкомъ тягостны для народа, еслибы они правильно налагались и собирались. Но та бѣда, что сборщики и областные управители злоупотребляли сборами и тѣмъ сильно отягощали народъ. Иногда они неровно раскладывали налоги по дворамъ по прежнимъ переписнымъ книгамъ, взыскивая сборныя доли за опустѣвшіе дворы, съ жилыхъ дворовъ, и приметывая еще кромѣ того другія доли [5]). Сборы часто налагались неравномѣрно съ состояніемъ: на богатыхъ меньше, на бѣдныхъ больше. Самъ Петръ Великій писалъ въ 1706 году надзирателямъ и бурмистрамъ посадскимъ:

---

[1]) П. С. З. т. V, №№ 3228, 3233, 3235.

[2]) П. С. З. т. IV, № 2376 и 2465, т. V, № 2631.

[3]) Тамъ же, т. V, № 2634 и 2707.

[4]) — т. VII, № 4299.

[5]) Такъ напр. въ нижегородской губерніи, какъ сказано въ указѣ 1717 года, „по отдѣленіи и по роспискѣ отъ казанской губерніи доль, учинено противъ онаго неравенство такое, что по переписи 1710 года явилась въ той губерніи противъ старыхъ переписныхъ 186 года книгъ не малая пустота: а въ доли не только одно дворовое число русскихъ положено по тѣмъ переписнымъ книгамъ, а не по новымъ, но еще къ тому и ясачныхъ иновѣрцевъ, ясаки въ тѣхъ доли приложены, и отъ такого неравнаго расположенія оная нижегородская губернія противъ казанской во всемъ многія понесла трудности, излишнія съ отягощеніемъ“. П. С. З. т. V, № 3106.

«Вѣдомо ему Великому Государю учинилось, что едва не во всѣхъ городахъ, въ окладныхъ тяглахъ и въ случающихся неокладныхъ и на мірскіе расходы поборахъ, налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякаго скудости ихъ убогихъ разсмотрѣнія), платежи тяжкіе, яко бы забывъ Его Государевы приказы, которые указы повелѣваютъ имъ всегдашнее во всякихъ поборахъ съ размотрѣніемъ промысловъ и торговъ и пожитковъ имѣти уравненіе: въ иныхъ же городахъ то объявленное въ указахъ по разсмотрѣнію пожитковъ предлагаютъ они пожиточные (чиня тѣмъ указамъ противленіе) въ новое убогимъ же тягчайшее уравненіе, именно оставя имущество пожитковъ, равняютъ въ равныя съ собою подати числомъ дворовымъ а такія числами дворовъ къ нимъ убогимъ явныя обиды случалось имъ чинить и во времена солдатъ у работниковъ и подводныхъ поборовъ» [1]). Эта обременительность, неравномѣрность и тягость сборовъ часто, особенно до подушной раскладки податей и повинностей, проистекала отъ укрывательства многихъ отъ сборовъ и налоговъ. «Которые слободскіе и посадскіе люди, не хотя въ слободахъ жить и съ посадскими службу служить и податей платить, вышли изъ слободъ и написались въ приказъ артиллеріи въ извощики, въ кузнецы и въ другія службы и въ села Покровское, Тотемское, Измайлово и другія мѣста, подобныя тому, такъ же за архіереи и высшихъ и низшихъ всякихъ чиновъ за людей, вымысломъ своимъ, о чемъ значитъ въ доношеніи изъ Московской губерніи, яко бы за долги, во крестьянство, а иные и просто въ закладчики, и живутъ въ помянутыхъ селахъ, а иные и въ прежнихъ слободахъ, и живучи съ слободскими людьми, никакихъ податей не платили и нынѣ не платятъ, отъ чего на оставшихъ слободскихъ людяхъ умножились положенныхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ многія доимки» [2]). Но всего болѣе обременительность, тягость сборовъ увеличивалась грабительствомъ и неправдами приставленныхъ къ нимъ чиновниковъ и выборныхъ. Эти отягощенія были «въ сборахъ и отпускахъ рекрутскихъ, въ пріемѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ, въ сборахъ провіантскихъ, въ сборахъ денежныхъ съ Государства, съ дворовъ купецкихъ людей и иныхъ чиновъ и крестьянъ, въ сборахъ таможенныхъ и кабацкихъ и во всякихъ откупахъ; въ сборахъ лошадиныхъ и фуражныхъ, въ сборахъ и наймѣ подводъ и на учрежденіе ратей и на строеніе мундирное» и проч. Въ именномъ указѣ 25 Августа 1713 года о пресѣченіи грабительствъ въ народныхъ сборахъ читаемъ: «Великій Государь, милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости и похищенія лукавыя государственныя казны, понеже извѣстно Ему Великому Государю учинилось, что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительство; а тѣмъ многіе всякихъ чиновъ людей, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность» [3]). Множество было сборовъ

[1]) П. С. З. т. IV, № 2127.
[2]) Тамъ же, т. V, № 2812.
[3]) П. С. З. т. V, № 2707.

незаконныхъ, вымышленныхъ. «Нынѣ многіе вымышленники, жалуется Посошковъ, хотя сборы пополнить, вымыслили поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольныя съ судовъ водяныхъ, посаженныя, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ десятыя, и называютъ то собраніе мелочными сборы: обаче ни тѣми поторжными сборы наполниться казна можетъ, только людямъ трубацыя великая. Нынѣ отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ въ оскудѣніе; потому что колико разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особливые; и кои люди въ службу выбраны, тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли, и кормятся тѣми же государевыми деньгами. И того ради никакіе сборы и неспоры, а люди всѣ тонѣютъ» [1]). Если при Петрѣ Великомъ, который самъ во все вникалъ и строго каралъ неправду и грабительство, такъ тягостно было положеніе посадскихъ людей и крестьянъ: то еще тягостнѣе было оно, когда, по смерти Петра, многіе законы его не исполнялись, даже отмѣнялись. По указамъ Петра напр., по крайней мѣрѣ строго расчислено было по душамъ размѣщеніе и продовольствіе полковъ въ губерніяхъ на крестьянскихъ квартирахъ. И тутъ, однакожъ, солдаты съ своими офицерами часто притѣсняли крестьянъ. «На квартирахъ солдаты и драгуны, говоритъ Посошковъ, такъ несмирно стоятъ и обиды страшныя чинятъ, что исчислить ихъ не можно, а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, такъ того горше чинятъ... И того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его; понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей» [2]). А при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, во время жестокаго господства Бирона, полки напущены были на села безъ всякихъ правилъ и инструкцій; каждому изъ нихъ назначена была деревня, и предоставлено было самимъ править себѣ съ крестьянъ продовольствіе, и солдаты брали что хотѣли и могли. Такимъ образомъ очень естественно, что отъ такого отягощенія и разорѣнія множество народу бѣжало изъ селъ и деревень. Повергаемые въ нищету частыми и разнообразными сборами, обремененные недоимками, угрожаемые безпощадными наказаніями за недодачу податей и повинностей, притѣсняемые солдатами, многіе, по словамъ сочиненія: Das veränderte Russland, въ отчаяніи оставляли свои дома и уходили въ лѣса, гдѣ приставали къ раскольникамъ, а раскольники своимъ ропотомъ противъ «даней многихъ» еще болѣе привлекали такихъ обремененныхъ множествомъ и тягостію сборовъ людей. Императрица Анна въ одномъ своимъ указѣ писала: «купечество и крестьянство великіе тягости несутъ, а именно: все войско на своемъ囲 коштѣ содержатъ, работниковъ и подводы ставятъ, а сверхъ того и своихъ собственныхъ господъ довольствуютъ» [3]). Неудивительно поэтому, что изъ купечества и крестьянства всего болѣе было людей, — съ ропотомъ на Правительство, оставлявшихъ православное общество и записавшихся

[1]) Соч. Посошкова, стр. 219, 221.

[2]) Соч. Посошкова гл. II о воинскихъ дѣлахъ

[3]) П. С. З. т. X, № 7364.

въ раскольническую общину [1]): весьма многіе купцы и крестьяне бѣжали даже къ раскольникамъ въ стародубскія слободы, въ Польшу и Литву. Тамъ, свободные отъ податей и поборовъ, они разживались и богатѣли. «Оные раскольники тамъ живутъ въ 14 слободахъ,—сказано въ Сенатскомъ указѣ 1761 г. о стародубскихъ раскольникахъ, — и тѣ слободы разселены, какъ превеликіе города, гдѣ премногое число изъ разныхъ городовъ бѣглые богатые купцы, называя себя раскольниками, укрываются отъ положенныхъ на нихъ податей и рекрутскихъ поборовъ» [2]).

Наконецъ, Петръ Великій—учитель и просвѣтитель народа русскаго, требовалъ отъ него ученія и службы. Для ученія дворянъ, духовенства и всякаго чина людей заведены были школы въ обѣихъ столицахъ, въ провинціальныхъ городахъ, при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. Въ Петербургъ и Москву постоянно набирались дворянскія дѣти и вызывались люди всякаго чина для изученія наукъ и искусствъ. Въ 1714 году Петръ объявилъ Сенату именнымъ указомъ: «во всѣхъ губерніяхъ дворянскихъ и приказнаго чина, дьячихъ и подьячихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цифири и нѣкоторой части геометріи, и для того ученья послать математическихъ школъ учениковъ по нѣскольку человѣкъ въ губерніи къ архіереямъ и въ знатные монастыри, и въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ отвесть имъ школы» [3]). Этотъ указъ неоднократно былъ подтверждаемъ [4]). Въ 1715 году Петръ указомъ предписалъ: «которые есть въ Россіи знатныхъ особъ дѣти, тѣхъ всѣхъ отъ 10 лѣтъ и выше выслать въ школу въ Санктпетербургъ, и чтобы оные недоросли высланы были нынѣшнею зимою» [5]). Въ 1713 году велѣно было набрать учениковъ въ инженерную школу [6]). «Въ 1720 году предписано было выслать изъ городовъ приказно-служительскихъ дѣтей для ученія ариѳметикѣ и геометріи [7]). Въ тоже время, Петръ Великій однихъ вызывалъ въ школы, другихъ посылалъ учиться за границу. Въ 1716 году велѣно было выслать молодыхъ подъячихъ въ Кенигсбергъ для наученія нѣмецкому языку [8]). Другихъ дворянскихъ дѣтей посылалъ въ Венецію, Францію, Англію для изученія морской службы [9]) и проч. Такъ великій учитель народа русскаго заботился о просвѣщеніи его, призывалъ русское юношество къ изученію необходимыхъ въ гражданской жизни наукъ. Но охотно ли шли учиться русскіе люди, по зову своего великаго учителя—Государя? Нѣтъ. Они по прежнимъ, стариннымъ своимъ предубѣжденіямъ, по старой привязанности къ беззаботному, праздному невѣжеству, боялись просвѣщенія и бѣжали отъ наукъ. Кантеміръ оставилъ намъ въ своихъ

---

1) П. С. З. т. X, № 7702, XI, № 8845.
2) Тамъ же. т. XV, № 11.205, 11.179.
3) П. С. З. т. V, № 2778.
4) Тамъ же, № 2971.
5) Тамъ же, № 2968.
6) Тамъ же, № 9739.
7) Тамъ же, т. IV, № 3703.
8) Тамъ же, т. V, № 2997.
9) Тамъ же, № 2999.

сатирахъ самую мрачную, но вѣрную характеристику тѣхъ старыхъ русскихъ невѣждъ времени Петра Великаго, которые непоколебимо убѣждены были, что «сѣмя наукъ вредно». Старые русскіе дворяне сочувствовали болѣе суевѣріямъ раскола, чѣмъ свѣту наукъ. И не удивительно, послѣ этого, что при Петрѣ Великомъ не мало дворянъ бѣжало отъ грамоты къ раскольникамъ и скрывались въ скитахъ нижегородскихъ, поморскихъ и слободахъ стародубскихъ. Люди, которые, кромѣ часослова, ничему не учились и твердо убѣждены были, что ѣхать за границу учиться—значитъ погублять свою душу и лишаться вѣчнаго спасенія, что математика и геометрія, которымъ предписывалъ учиться Петръ,—суть книги «отрѣченныя», ложныя, — такіе люди никакъ не могли примириться съ свѣтомъ распространяемаго Петромъ Великимъ ученія. И вотъ бѣжали туда, гдѣ какой-либо Капитонъ, фанатикъ-расколоучитель «съ чотками въ рукахъ» читалъ часословъ и «ворчалъ и кричалъ, что сѣмя наукъ вредно».

Заставляя однихъ учиться, отъ другихъ Петръ Великій требовалъ дѣятельной службы государству. Онъ требовалъ службы во первыхъ отъ дворянъ. Въ старину, дворяне и ихъ дѣти привыкли уклоняться отъ службы: дѣти, братья, племянники и другіе родственники стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, достигши полнаго возраста, преспокойно жили у своихъ отцовъ и родственниковъ, «а государевой службы не служили, родители ихъ укрывали, въ чины не приписывали и въ полковую службу не писали» [1]). Петръ потребовалъ ихъ всѣхъ на смотръ въ Петербургъ, чтобы, смотря по способностямъ, опредѣлить въ военную или гражданскую службу; указъ за указомъ выходилъ о высылкѣ въ Петербургъ недорослей, дворянскихъ дѣтей на смотръ или на службу. Дворяне упорствовали: какъ сами часто не являлись на службу, по нарядамъ «лѣнью и огурствомъ» [2]), такъ и дѣтей своихъ укрывали, убавляя имъ лѣта, только бы избавить ихъ отъ службы [3]). Напрасно царь угрожалъ отписывать у нихъ въ казну вотчины и помѣстья [4]); они упорно уклонялись отъ службы [5]), не являлись на смотръ [6]). «Се, говоритъ Посошковъ, колико послано указовъ во всѣ городы о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и хотя коего дворянина и на имя указано выслать, то и того не скоро высылаютъ. И въ такомъ ослушаніи и указовъ Царскаго Величества въ презрѣніи иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали. Въ устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Мокеевъ, сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ никакой и одною ногою не бывалъ; и какія посылки по него жестокія не бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на

[1]) П. С. З. т. I, № 297, т. II, № 747.
[2]) П. С. З. т. III, № 1555.
[3]) Тамъ же, т. III, № 1702, т. IV, № 1960.
[4]) Тамъ же, т. IV № 1960.
[5]) Тамъ же, IV, № 2497.
[6]) Тамъ же, т. V, № 2652.

себя юродство и въ озерѣ по бородѣ попуститъ; а домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ! И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ такъ вѣкъ проживаютъ» [1]). При осмотрѣ явившихся на службу дворянъ, множество оказывалось «нѣтчиковъ», и тѣ, которые являлись на смотръ, часто убѣгали изъ Москвы или Петербурга [2]). Купцы также тяготились службой, въ какую ихъ выбирали. До 1714 г. они выбирались въ счетчики въ канцеляріяхъ и въ губерніяхъ при пріемѣ и расходахъ всякихъ государственныхъ податей и доходовъ. Это особенно тяготило ихъ; потому что «какъ отъ выбору въ счетчики, такъ и отъ многихъ недочетовъ» они терпѣли большіе убытки [3]). Началъ Петръ Великій устроять регулярное войско, и 20 Февраля 1705 г. издалъ первый указъ о наборѣ рекрутъ съ 20 дворовъ по человѣку [4]), и встрѣтилъ въ народѣ еще болѣе сильное, непреклонное упорство. Правда, при Петрѣ Великомъ весьма часты и обременительны были для народа рекрутскіе наборы: всѣхъ ихъ, мѣстныхъ и общихъ наборовъ, если не ошибаемся, было до 40, въ томъ числѣ однихъ общихъ со всего Государства 5. Но главная причина, почему рекруты и солдаты постоянно уклонялись отъ службы, заключалась сколько въ народномъ предубѣжденіи противъ войны и солдатчины, столько же и въ дурномъ обращеніи командировъ и военныхъ начальниковъ съ рекрутами и солдатами. Вотъ что напр. читаемъ въ указѣ, данномъ изъ Военной Коллегіи 20 Октября 1719 года: «Его Царскаго Величества указы (въ 1711 и 1716 году данные) по большой части не исполняются и, какъ въ сборахъ по губерніямъ, такъ и во отправленіи и въ приводѣ рекрутъ всякіе непорядки и понынѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ продолжаются, отъ чего происходитъ немалое Государству раззореніе и въ полкахъ неисправность, а именно: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ соберутъ, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведчи въ городъ, держатъ въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не помалу времени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ, и потомъ отправятъ, не разсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ и то негоднымъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человѣкъ была, и съ нужнымъ пропитаніемъ, къ томужъ поведетъ, упуская удобное время, жестокою распутицею, отъ чего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни, и помираютъ безвременно, а всего злѣе, что многіе безъ покаянія, другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ домахъ, пристаютъ къ воровскимъ компаніямъ... Отъ чего такія великія въ государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ такихъ бѣглецовъ. Другіе, хотя бъ и съ охотою хотѣли въ службу идти, но видя сначала такой надъ своею братіею непорядокъ, въ великой страхъ приходятъ» [5]). По такимъ причинамъ оказалось множество бѣглыхъ, уклонявшихся отъ рекрутчины. Никакія строгія мѣры не могли прекратить

[1]) Сочин. Посошкова, стр. 90.
[2]) П. С. З. т. V, № 2805.
[3]) Тамъ же, т. V, № 2652.
[4]) Тамъ же, т. IV, № 2036.
[5]) П. С. З. т. V, № 3443.

бѣгство отъ рекрутскаго набора и солдатской службы. Пойманныхъ бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ жестоко наказывали, въ примѣръ другимъ, при полкахъ вѣшали, били кнутомъ нещадно и ссылали въ вѣчную каторгу [1]); бѣглымъ рекрутамъ накалывали на лѣвой рукѣ крестъ съ порохомъ [2]); обязывали взятыхъ въ рекруты круговой порукой въ томъ, чтобы никому изъ нихъ не бѣгать, взыскивали за побѣгъ одного со всѣхъ прочихъ [3]). Въ 1710 году выбраны были нарочные сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе для наблюденія, чтобы бѣглые солдаты и всякіе пришлые люди и недоросли нигдѣ не укрывались, и сыщикамъ этимъ велѣно было брать у поповъ приходскихъ церквей за руками сказки помѣсячно, что въ приходахъ ихъ такихъ бѣглыхъ солдатъ и недорослей нѣтъ [4]). Никакъ не могли удержать отъ бѣгства и переловить бѣглыхъ солдатъ, рекрутъ, матросовъ и недорослей. Они бѣжали къ украйнамъ Россіи и за границу: внутри Россіи они присоединялись къ шайкамъ воровъ и разбойниковъ: «по многимъ мѣстамъ, какъ сказано въ указѣ 1719 года, явились многолюдныя и вооруженныя станицы бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ, которые разбойничали вмѣстѣ съ ворами и разбойниками и съ отправленными противъ нихъ полевыхъ и гарнизонныхъ командъ офицерами вступали въ бой» [5]). Милостивый Царь пытался и кроткими мѣрами привлечь къ службѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ. Съ 1711 по 1719 годъ каждогодно назначались сроки для добровольной явки бѣглыхъ безъ всякаго опасенія казни, съ полнымъ обѣщаніемъ прощенія. Ничто не дѣйствовало: явились весьма немногіе. Наконецъ, Царь принужденъ былъ явить всю строгость, далъ чрезъ Военную Коллегію Окт. 30, 1719 года указъ, которымъ предписывалось «отправить во всѣ губерніи знатныя партіи для искорененія всѣхъ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, матросовъ и рекрутъ, яко злодѣевъ отечеству, и гдѣ пойманы будутъ, въ томъ мѣстѣ казнить ихъ разными казнями безъ всякаго милосердія» [6]). «Понеже Его Царское Величество, какъ сказано въ указѣ, милосердуя о народѣ своемъ, многими своими милостивыми указами въ предшедшихъ годахъ въ народъ публикованными, отечески призывалъ къ обращенію всѣхъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ съ такимъ обнадеживаніемъ, дабы только обратились и вины свои принесли, то во всемъ будутъ прощены безъ всякаго наказанія, что и прямымъ дѣломъ показано (надъ тѣми, которые явились)... Другіе же, не смотря на такое Его Царскаго Величества отеческое милосердіе, паче же не ужасаяся прещенія Божія, тѣмъ Его Царскаго Величества милостивымъ указомъ весьма непослушны чинятся, но еще того злѣе чинятъ, бояся являться въ домахъ своихъ, вѣдая, что гдѣ ни будутъ пойманы, яко злодѣи будутъ перевѣшаны, вящшее зло умножаютъ, приставая къ воровскимъ и разбойническимъ компаніямъ, и вмѣстѣ

[1]) П. С. З. т. IV, № 2079.
[2]) Тамъ же. т. IV, № 2467, п. 8.
[3]) — № 2281.
[4]) — № 2271.
[5]) — № 3477.
[6]) П. С. З. т. V, № 3445.

честнаго солдатскаго званія, съ охотою пріемлютъ на себя воровское имя, и тѣмъ чинятся, вмѣсто Его Царскаго Величества вѣрныхъ подданныхъ и честныхъ солдатъ, злодѣи своему Государству и отечеству, и кроются у такихъ же себѣ подобныхъ воровъ» и проч. [1]). При такомъ множествѣ упорныхъ противниковъ государственной службы, бѣглыхъ недорослей, купцовъ, уклонявшихся отъ городовой службы, солдатъ, матросовъ и рекрутъ, можно себѣ представить, сколько новыхъ послѣдователей съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ должно было присоединиться къ общинѣ раскольнической! И гдѣ всего лучше было укрываться этой церковно-государственной вольницѣ, какъ не въ противогосударственной общинѣ раскольнической? И вотъ многіе бѣглые солдаты, рекруты, недоросли и купцы, нехотѣвшіе нести городовую службу, укрывались въ лѣсахъ, гдѣ жили раскольники, и въ скитахъ, монастыряхъ и слободахъ раскольническихъ [2]). Этотъ духъ раскольническаго противленія Правительству еще болѣе поддерживали въ бѣглыхъ рекрутахъ и солдатахъ бradатые стрѣльцы, съ злобой въ сердцѣ во множествѣ разбѣжавшіеся, какъ извѣстно, по разнымъ мѣстамъ Россіи послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ. Изъ бѣглыхъ солдатъ являлись даже расколоучители. Такъ бѣглый солдатъ Филиппъ основалъ особую секту филипповщину въ то самое время, когда начались первые рекрутскіе наборы, и училъ главнымъ образомъ тому, чтобы противиться Государю и не молиться за него. Нѣтъ сомнѣнія, что къ его сектѣ присовокупилось много другихъ бѣглыхъ стрѣльцовъ, солдатъ и рекрутовъ. Бѣглые солдаты и рекруты, движимые духомъ раскольнической оппозиціи противъ православныхъ церквей, также вмѣстѣ съ раскольниками и по ихъ наущенію нападали на православныя церкви, «Ибо чрезъ многіе случаи явилось,—сказано въ указѣ 30 Октября 1719 года о поимкѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ,—что отъ нихъ нетокмо чинятся всякія разорѣнія и смертныя тиранскія или мучительскія убійства, но и святыя церкви въ ничто обращаются безстрашнымъ, наглымъ воровскимъ нападеніемъ, не токмо обнаженіемъ всего церковнаго сокровища, но и пустыя стѣны не оставляются». Бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ было чрезвычайно много на Вѣткѣ, въ нижегородскихъ лѣсахъ, въ стародубскихъ слободахъ и другихъ раскольническихъ пристанищахъ. «Живущіе въ стародубскихъ слободахъ раскольники, доносилъ въ 1761 г. тамошній управитель Халкидонскій,—яко при самой Польской границѣ, не имѣя, (за отдаленіемъ волостнаго правленія) никакого страха, Россійскихъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и другихъ всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми семьями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу: эти бѣглые солдаты, живши тамъ малое время, возвращаются къ границѣ въ раскольническія слободы, называясь раскольники» [3]).

---

[1]) П. С. З. т. V, № 3445.

[2]) П. С. З. т. VII, № 3701, п. 3. Т. X, № 7702: „многіе купцы и крестьяне въ раскольническія жилища бѣгутъ и къ ихъ собраніямъ пристаютъ для того, что ихъ оттуда въ городовую службу и въ рекруты не возьмутъ“.

[3]) П. С. З. XV, стр. 651.

Видя въ подданныхъ своихъ упорное уклоненіе и бѣгство отъ подушной переписи и податей, отъ государственной службы, работы и ученія, и желая дать русскому обществу болѣе правильную и крѣпкую государственную организацію, Петръ Великій всемѣрно заботился искоренить въ русскомъ народѣ бродяжничество—остатокъ древняго быта народнаго. Въ 1719 г. онъ издалъ указъ, чтобы всѣмъ отлучающимся изъ города въ городъ и изъ села въ село имѣть отъ начальниковъ своихъ паспорты, или проѣзжія письма [1]). Воеводамъ данъ былъ наказъ, чтобъ гуляющихъ людей безъ проѣзжихъ писемъ по провинціямъ не пропускать [2]). Въ плакатѣ (1724 г. іюня 26) предписано было неиначе отпускать крестьянъ на работу въ другіе уѣзды, какъ съ выдачей паспортовъ отъ помѣщиковъ за рукой приходскихъ священниковъ, и отъ земскихъ коммиссаровъ и полковниковъ и при томъ отпускать крестьянъ съ такими паспортами не далѣе, какъ за 30 верстъ отъ ихъ мѣста [3]). Между тѣмъ склонность, страсть къ переходу изстари глубоко вкоренилась въ духѣ русскаго народа, по характеру народнаго хозяйственнаго быта въ древней Россіи и по другимъ важнымъ историческимъ причинамъ. Не смотря на то, что переходъ крестьянъ изъ одного мѣста жительства въ другое при Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ и Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ рѣшительно былъ воспрещенъ, и они окончательно были закрѣплены за землевладѣльцами,—склонность къ переходу, къ бродяжничеству господствовала въ народѣ въ высшей степени и во время распространенія раскола. Пересматривая государственныя грамоты и указы второй половины XVII в., мы весьма часто встрѣчаемъ между ними царскія грамоты городскимъ воеводамъ и общіе наказы всякихъ чиновъ людямъ, то о наказаніи за пріемъ и передержательство бѣглыхъ людей и крестьянъ [4]), то о сыскѣ бѣглыхъ людей и крестьянъ [5]), то о посылкѣ дворянъ для сыску бѣглыхъ и о повелѣніи бирючамъ кликать по уѣздамъ и торгамъ, по многіе дни, о крестьянскихъ приходцахъ бѣглыхъ людяхъ [6]), то о поимкѣ бѣжавшихъ со службы [7]). Склонность къ бродяжничеству до того была сильна въ русскомъ народѣ во время распространенія раскола, что по всей Россіи было чрезвычайное множество всякаго рода бродягъ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людей. Крестьяне и разные даточные люди, не хотя платить тягла и податей, своевольно перебѣгали изъ одного помѣстья въ другое, переходили изъ вотчины въ вотчину, разбродились врознь [8]). Боярскіе холопы, обокравши своихъ господъ, убѣгали

[1]) П. С. З. т. VII, № 3445 и 3477 п. 8.

[2]) Тамъ же, т. V, № 3294 Воен. Инстр. п. 19.

[3]) Тамъ же, т. VII, № 3533, отд. I, о полков. п. 12, 13, 14, 16, № 4827.

[4]) Тамъ же, т. I, стр. 556.

[5]) Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 82, 1651—1654, Акты о сыскѣ и выводѣ на прежніе участки бѣглыхъ крестьянъ заонежск. и лопскихъ погостовъ. П. С. З. т. I № 333, стр. 577, т. II, № 997 и др.

[6]) П. С. З. т. I, стр. 551.

[7]) Тамъ же, стр. 593.

[8]) А. А. Э. т. IV, № 158. А. И. т. IV, стр. 66 и 67, т. V, № 60, стр. 155 и 1 Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 32, стр. 113, № 65, стр. 238. Выраженіе „разбрели

отъ нихъ и скитались по разнымъ мѣстамъ [1]); иногда разомъ сбѣгало холопей съ боярскаго двора человѣкъ 20 или 30 [2]). И въ XVII вѣкѣ, также какъ и при Петрѣ Великомъ, весьма многіе убѣгали отъ службы, особенно отъ военной, и потомъ бродили по городамъ и по селамъ, занимаясь воровствомъ и грабежемъ [3]). Съ Дону въ 1645 или 1646 г. много бѣжало служилыхъ и вольныхъ людей польскихъ и украинскихъ городовъ въ заонежскіе погосты [4]). Въ 1660 году бѣглые солдаты укрывались въ погостахъ: никольскомъ шуйскомъ, въ спасскомъ кижскомъ, въ никольскомъ шунскомъ, въ спасскомъ выгозерскомъ, въ главномъ притонѣ безпоповщинскаго раскола [5]). Кромѣ того по разнымъ мѣстамъ Россіи бродили такъ называемые офени или ходебщики, мелочные торговцы, преимущественно изъ крестьянъ Владимірской губерніи Вязниковскаго, Ковровскаго и частію Шуйскаго уѣздовъ, люди гулящіе, нетяглые, составлявшіе также особое званіе, бобыли или бездомные, неосѣдлые крестьяне. Кромѣ своевольныхъ бѣглыхъ и бродягъ, многіе перебѣгали съ одного мѣста на другое, вынуждаемые физическими бѣдствіями [6]). При господствѣ празднаго бродяжничества, множество скиталось повсюду нищихъ. Однихъ московскихъ нищихъ бродило по міру, по словамъ англичанина Флетчера, *неисчетное множество*: въ концѣ XVII в. ихъ насчитывается отъ 500 до 1000 [7]). Такимъ образомъ, въ то время, когда въ Россіи распространялся расколъ, почти во всѣхъ концахъ ея, среди коренного туземнаго народонаселенія, находилось множество людей пришлыхъ, бѣглыхъ, гулящихъ. Особенно много было такихъ людей въ сѣверной области Россіи, въ пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, гдѣ онъ преимущественно распространился. Въ новгородской области и въ нѣкоторыхъ псковскихъ уѣздахъ по сыску, произведенному въ 1651 — 1654 г., оказалось до 690 семействъ бѣглыхъ или сошлыхъ изъ однихъ онежскихъ или лопскихъ погостовъ [8]). Въ 1664 году дана была грамота Новгород-

---

врозь" сдѣлалось какъ бы техническимъ терминомъ въ актахъ. О сыскѣ даточныхъ людей царск. грам. 1661. А. А. Э. т. IV, № 128

[1]) А. А. Э. т. IV, № 70. П. С. З. т. I, стр. 340, 359.

[2]) П. С. З. т. I, стр. 360.

[3]) А. И. т. V, № 36, стр. 56, т. IV. № 6, стр. 30. А. А. Э. т. IV, № 10. Доп. къ А. Э. И. т. III, № 21, IV. № 160.

[4]) Такъ въ 1646 в. донесено было царю: „что вольные люди, которые посланы были на Донъ, и на дорогу получили казенное денежное жалованье, начали убѣгать съ Дону, а вольные люди прибору ключника Василія Угрюмова побѣжали мало не всѣ и на тѣхъ бѣглецовъ смотря бѣгутъ и иные вольные люди разныхъ городовъ безпрестанно.... да съ Дону же побѣжали шацкіе и танбовскіе новоприборные люди съ сотниками и съ товарищами, а сговорясь между собою, поднявъ знамена, съ Дону отъ войска пошли". (Допол. къ Акт. Ист. т. № IV, № 90).

[5]) П. С. З. т. I, стр. 487. А. А. Э. т. IV, № 106. А. И. т. IV, № 6.

[6]) Допол. къ А. И. т. III, № 67, стр. 247 т. IV, № 34. А. И. т. V, № 60, стр. 166.

[7]) И. Г. Росс. т. X, 283 „Истор. Царст. Ѳеодора Алексѣевича", Берха. Спб. 1835, I, 86 и дал.

[8]) Роспись сошлыхъ Заонежскихъ Лопскихъ Государевыхъ крестьянъ: въ Новгородѣ и въ новгородскомъ уѣздѣ ихъ было 267 сем. въ Старорусѣ и въ старорусскомъ уѣздѣ 50 сем.; въ Городецкомъ уѣздѣ и въ Бѣжецкомъ Верху 22 сем., въ Осташковѣ 2 сем., въ Псковѣ и Гдовѣ 5 сем.. на Устюжки желѣзномъ, за дѣви-

скому воеводѣ князю Рѣпнину о посылкѣ дворянъ въ Новгородскія пятины для сыску бѣглыхъ людей и крестьянъ [1]). Въ Соловецкихъ «соляныхъ промыслахъ, въ служкахъ и служебникахъ, и во всякихъ монастырскихъ трудникахъ жили люди всѣ пришлые Государевы державы со всея земли разныхъ городовъ» [2]). Много также было людей въ средней Россіи, въ Московскомъ, Нижегородскомъ и Казанскомъ уѣздахъ. Въ Москвѣ, въ дворцовыхъ, черныхъ и ямскихъ слободахъ, въ харчевняхъ, квасняхъ и торговыхъ баняхъ жили пришлые и гулящіе люди безъ порукъ и безъ поручныхъ записей [3]). Изъ Московскихъ предѣловъ множество бѣжало народу въ понизовые города и въ заволжье. Такъ въ 1658 году Царь Алексѣй Михайловичъ писалъ воеводѣ нижегородскому Бутурлину, что «Замосковныхъ разныхъ городовъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей люди и ихъ крестьяне разоряютъ, животы ихъ грабятъ, и ихъ домы пожигаютъ, а иныхъ и самихъ, и женъ и дѣтей до смерти побиваютъ, а разоря помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, бѣгаютъ и живутъ въ бѣгахъ въ Нижнемъ и въ Арзамасѣ, и на Курмышѣ и на Алаторѣ, также и Нижегородцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ люди ихъ крестьяне разоряютъ, и отбѣгая отъ нихъ живутъ въ Казани и въ иныхъ понизовыхъ городахъ за всякихъ чиновъ людьми» [4]). Поэтому [5]) съ 1658 по 1661 годъ дано было нѣсколько наказовъ сыщику Плещееву о сыскѣ бѣглыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и нижегородскомъ и балахнинскомъ уѣздахъ [6]), гдѣ, какъ извѣстно, образовалось изъ этихъ бѣглыхъ сильное гнѣздо раскольниковъ. Изъ сенатскаго указа 1723 года видно, что «въ казанскомъ уѣздѣ явилось сходцевъ изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ посадскихъ и дворцовыхъ и синодальнаго вѣдѣнія и помѣщиковыхъ крестьянъ и бобылей и гулящихъ 954 двора» [7]). Наконецъ, множество бѣглыхъ было въ Сибири, въ третьей мѣстности особеннаго сосредоточенія и размноженія раскольниковъ [8]). Изъ поморскихъ городовъ переходили въ сибирскія слободы многіе тяглые и крѣпостные люди, вольные и гулящіе безъ

чьимъ монастыремъ, что на Тихвинѣ, 2 сем., въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ 23 сем., въ Вологод. уѣздѣ 14 сем., въ Каргополѣ и въ каргопол. уѣздѣ 28 сем., въ Сумскомъ и Комскомъ острогахъ и въ Усольяхъ 13 сем., въ Углицкомъ уѣздѣ 1 крестьянинъ, въ Олонецкомъ уѣздѣ въ разныхъ заонежскихъ погостахъ 26 сем. Всего заонежскихъ государственныхъ сошлыхъ крестьянъ въ разныхъ городахъ, которые въ писцовыхъ книгахъ написаны, опричь еще безвѣстныхъ крестьянъ, которые сошли безвѣстно, 580 семействъ. Да Лопскихъ бѣглыхъ государственныхъ крестьянъ, которые бѣжали изъ Лопскихъ погостовъ въ разныя другія мѣста, 110 семействъ. Такимъ образомъ выходитъ всего 690 сем., не считая еще тѣхъ, которые безвѣстно сошли и неизвѣстно куда дѣвались. Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 82, стр. 291, № 67.

[1]) П. С. З. т. I, стр. 593.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 33, стр. 114.

[3]) А. А. Э. т. IV, № 307.

[4]) П. С. З. т. I стр. 445. А надобно замѣтить, что въ нижегородской и казанской области расколъ также чрезвычайно распространялся и размножался.

[5]) Дополн. къ Акт. Ист. т. IV, № 48.

[6]) Акт. Ист. т. V, № 271,

[7]) П. С. З. т. VII, № 4307; смотр. также № 4162, п. 2.

[8]) Акт. Ист. т. IV, № 3, стр. 19.

царскаго указу, безъ подлиннаго сыску [1]). Хотя Петръ Великій строго предписалъ досматривать у гулящихъ и пришлыхъ людей паспорты, однако множество было бродягъ безпаспортныхъ и съ «ложными паспортами, писанными гулящими же людьми» [2]). Вотъ въ какомъ броженіи находилось русское народонаселеніе въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ! При такомъ бродяжничествѣ, трудно ли было распространиться ему? Удивительно ли, что сначала расколъ, прикрываясь именемъ пустынничества, самъ принялъ характеръ бродяжничества, потворствовалъ склонности и страсти къ бродяжничеству. Поучая, что паспортъ есть печать антихристова, раскольники отрекаются отъ принадлежности своей обществу, говоря: «града настоящаго неимамы, но грядущаго взыскуемъ». По ихъ преданію, слова эти въ первый разъ сказаны были будто бы какими то бродягами Петромъ и Евдокимомъ еще царю Алексѣю Михайловичу. Слова эти повторяются и въ сочиненіяхъ Аввакума: «отвѣты заключеннаго отъ старцевъ архіереевъ новаго израиля за имя Исусъ Христово». Можно себѣ представить, какъ нравилось такое ученіе тѣмъ русскимъ людямъ, которые любили бродить по бѣлому свѣту, и которыхъ было такое множество въ періодъ самаго сильнаго распространенія раскола. Въ половинѣ XVIII вѣка возникла въ расколѣ, какъ извѣстно, даже особая секта *странниковъ*, которая бродяжничество признавала спасительнымъ подвигомъ и учила, что паспортъ есть печать антихристова.

Доселѣ мы разсматривали, какъ развились главныя народно-демократическія и противогосударственныя начала раскола въ противоположность государственнымъ началамъ, и въ особенности государственнымъ идеямъ и учрежденіямъ Петра Великаго. Теперь посмотримъ, не было ли чего благопріятствовавшаго развитію раскола въ самомъ новоустроенномъ государствѣ русскомъ, въ самыхъ гражданскихъ отношеніяхъ общества, и укажемъ коротко только главныя черты.

Какъ оппозиція чисто народная, демократическая, расколъ возставалъ и противъ самаго устройства и состоянія государственнаго управленія, начиная съ Сената и до областного начальства, вездѣ въ управленіи указывалъ стороны, противныя благу народа, и неустройствами, какія примѣчалъ въ областяхъ, пользовался для своего подкрѣпленія и распространенія. Таковы были: злоупотребленія гражданскаго начальства, притѣсненія народа помѣщиками, слабый надзоръ и корысное потворство областного начальства, помѣщиковъ, фабрикантовъ и частныхъ лицъ и т. п. Гражданское начальство Россіи въ періодъ распространенія раскола во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в., въ нѣкоторомъ отношеніи само было причиною усиленія народной, раскольнической оппозиціи противъ правительства и начальства. Ибо гражданскіе правители большею частью не столько заботились о благѣ народа, сколько угнетали его. Во первыхъ народъ часто не находилъ правды на судѣ, и страдалъ невинно. «Хотя на посулы положено наказаніе, говорилъ еще Кошихинъ, и судьи (бояре, окольничіе, стольники,

---

[1]) А. А. Э. т. IV, № 159.
[2]) П. С. З. т. VII, № 4827.

дворяне и дьяки) чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ неимати и дѣлати въ правду, по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. Однако чрезъ такую ихъ прелесть приводитъ душа ихъ, злоиманіемъ, въ пучину огня негасимаго, и токмо враждаютъ своими душами, но и царскою, взявъ посулы облыгаютъ другихъ людей злыми словами, и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходити къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей?» [1]). Умный крестьянинъ Посошковъ, хорошо знавшій бытъ и положеніе своей братіи — крестьянъ, также говорилъ: «до судьи дойти худосильному (челобитчику) немочи... Насажаютъ колодниковъ множество, а рѣшенія имъ нечинятъ, да перековавъ, распустятъ по улицамъ милостыню просить... Безъ взятокъ нельзя ничего сдѣлать, и за гривенное дѣло полтину берутъ» [2])... «Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей, и дѣла прямого еще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а иному и рублевъ десять учинятъ убытку, и тѣмъ людей божіихъ весьма убытчатъ. Хотя малая какая справка приказная, но нехотятъ подождать до иного времени, но какъ сдумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно; и того отнюдь не чинятъ, чтобъ послать о томъ, еже взять письменное вѣдѣніе или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ исповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И хотя кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шести случится, то и съ десятью рублями врядъ изняться. А приказные люди людскихъ убытковъ неисчисляютъ: они только свою тягость исчисляютъ, а людская ни вочто. А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; и отъ таковыхъ посылокъ весьма много и людямъ пакости чинится, а судьи о семъ попеченія ни мало не имѣютъ, чтобы имъ людей Государевыхъ въ чемъ поберечь и до убытка какого недопустить. А и сіе здраво ли господа судьи разуждаютъ, еже изъ-за Санктпетербурга изъ губернской канцеляріи по три и по четыре присылки были жестокія по Новгородскихъ служителей, кои были въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ у денежныхъ сборовъ, чтобы ѣхать по отчетъ; и ѣздили года по три и по четыре и больше. А пріѣхавъ, да тамъ поживутъ недѣли десятокъ, и денегъ десятка по два-три всякой изсоритъ, да и назадъ. И кои лѣтъ пять-шесть ѣздили, то я вѣдаю, что рублевъ по сотницѣ проѣздили кромѣ гостинцевъ. А съ гостинцами будетъ и по другому сту. И отъ

[1]) Кошихинъ стр. 93.

[2]) Соч. Посошкова гл. 3: о правосудіи.

того людемъ чинится великое разореніе и народное оскудѣніе... Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нимало людей неберегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ: ибо въ коемъ царствѣ люди будутъ богаты, то царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то и царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу познать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству непрочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочатъ, что ни за что многія тысячи рублевъ теряютъ» и проч. Горькія жалобы народа на притѣсненія областного начальства раздавались во все время первоначальнаго сильнаго распространенія раскола. И жалобы эти такъ многочисленны и разнообразны, что мы затрудняемся даже, которыя изъ нихъ выбрать для примѣра. Такъ напр. крестьяне Сумерской волости жаловались въ 1649 году на прикащика Димитрія Мякинина, который бралъ съ нихъ кормы. «Да онъ же Димитрій посылалъ по нихъ крестьянъ съ приставы людей своихъ, а иные люди его для своей корысти ѣздятъ по нихъ и безъ приставовъ и ихъ крестьянъ грабятъ, ходятъ во дворехъ ихъ по клѣтямъ и емлютъ насильствомъ платья и иное, что попадетъ, и какъ они въ томъ насильствѣ на людей его ему Димитрію били челомъ о управѣ, и онъ ихъ за то челобитье сажалъ въ тюрьму и держалъ въ тюрьмѣ денъ по пяти и по шести и по недѣли, и они изъ тюрьмы выкупались; да въ прошломъ де 157 году послѣ Ильина дни, Димитрій ѣздилъ съ людьми своими для своей корысти по деревнямъ, и ихъ крестьянъ билъ и мучилъ и по дворомъ и по лѣсомъ за ними гонялся, и вымучилъ на нихъ немѣрною мукою на человѣкѣ рублевъ по пяти и больши; да онъ же де Димитрій звалъ ихъ къ себѣ на пиръ, и которые крестьяне у него на пиру были, и онъ съ тѣхъ поклонно взялъ, сажалъ въ тюрьму, и они изъ тюрьмы у него выкупались, а давали рубли по два и больши, а которые у него на пиру не были, для того, что люди не достаточные поклоннаго дати нечего, и онъ по тѣхъ посылалъ съ пристава людей своихъ и правили на нихъ поклоннаго съ человѣка по два алтына по двѣ деньги и по гривнѣ и больши, да онъ же Димитрій умысля и стакався съ совѣтники своими, а съ ихъ горланы и съ ябедники, въ дѣловую работную пору, для своей корысти, загнавъ ихъ къ себѣ на дворъ просилъ у нихъ поровенной — и они ему били челомъ, чтобы онъ далъ имъ сроку, покамѣсть дѣловая пора минется, а какъ дѣловая пора минется, и они межь себя поровняются и поровенную къ ниму принесутъ, и Димитрій доправилъ на нихъ отъ поровенной 15 р.; да онъ же де Димитрій старосту Аникейка Семенова билъ ослопомъ до полусмерти, и въ тюрьмѣ держалъ и морилъ голодомъ и доправилъ съ него 10 рублевъ; и отъ того де Димитріева насильства они Сумерскіе волости крестьяне въ конецъ погибаютъ и совсѣмъ до основанія разорены, бредутъ врознь и у многихъ изъ нихъ пашня залегла» [1]). Въ 1676 году крестьяне

[1]) Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 65, стр. 237, А. А. Э. т IV № 94.

Вѣницкаго погоста, разоренные Шведами и обремененные налогами, жаловались Царю на начальныхъ людей и подъячихъ: «что для Великаго Государя данныхъ о оброчныхъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ прiѣзжаютъ къ нимъ въ погосты съ Олонца начальные люди и подъячie, со многими стрѣльцами, на многихъ подводахъ, и ихъ достальныхъ бѣдныхъ сиротъ бьютъ смертнымъ боемъ, многими правежи и мукою мучатъ... И для тѣхъ лишнихъ окладовъ и кабацкихъ и таможенныхъ новыхъ сборовъ и олонецкихъ расходовъ, и праветчиковъ, начальныхъ людей и подъячихъ, многie деревенскie участки запустѣли... и отъ тѣхъ обидъ и многихъ сборовъ мы сироты и достальные, въ конецъ разорилися и деревенскихъ своихъ участковъ отбыли». Посадскie люди и купцы также со стороны гражданскаго начальства чрезвычайно много терпѣли притѣсненiй и несправедливостей. Еще на Азовскомъ соборѣ въ 1642 году купцы говорили: «а въ городѣхъ всякie люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанiя и насильства въ проѣздахъ вѣдали губные старосты, а посадскie люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было [1]). А между тѣмъ, Государевы дьяки и подъячie, какъ сказали на томъ же соборѣ дворяне и дѣти боярскiя разныхъ городовъ,—обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ и покупили многiя вотчины и домы свои состроили многie, палаты каменныя такiя, что неудобь сказаемыя». Въ 1662 году жители г. Шуи жаловались на воеводу Трегубова, что онъ «имъ чинитъ тѣсноту и налогу большую, стакався съ подговорщиками и ябедниками, и примѣтывается къ старостамъ и къ выборнымъ и ко всякимъ посадскимъ людямъ для своей бездѣльной корысти и бьетъ насъ сиротъ твоихъ и посадскихъ людей и продаетъ напрасно» [2]). Въ 1665 году они же жаловались на воеводу Боркова: «будучи онъ воевода началъ намъ сиротамъ твоимъ посацкимъ людямъ чинить тѣсноту и налогу большую и напрасные продажи и убытки; бьетъ насъ, сиротъ твоихъ посацкихъ людей безъ сыску и безъ вины, и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и вымая изъ тюрьмы бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины, и въ прошломъ въ 172 году убилъ онъ воевода, заперши у себя на дворѣ, таможеннаго ларешнаго цѣловальника Володьку Селиванова до полусмерти. Многихъ прiѣзжихъ торговыхъ людей,—соляныхъ и рыбныхъ промышленниковъ примѣшивается къ нимъ для своихъ корыстей, убытчалъ и разорилъ, и въ тюрьму сажалъ; и многихъ прiѣзжихъ торговыхъ людей разогналъ и торги разбилъ; а насъ сиротъ твоихъ, выборныхъ людей, въ конецъ погубилъ, своею великою тѣснотою и налогою и продажей и убойствомъ, и въ нынѣшнемъ, Государь, во 173 году онъ же воевода убилъ, заперши у себя на дворѣ, выборнаго посацкаго человѣка до полусмерти, и нынѣ тотъ го-

[1]) Собр. госуд. грам. т. III, № 113. Какъ воеводскie люди поступали въ уѣздахъ послѣ Петра Великаго въ первой половинѣ XVIII вѣка см. Записки маiора артиллерi М. В. Данилова, стр. 45.

[2]) Описанiе Шуи, № 35.

лова отъ его воевоцкихъ побой изувѣченъ», и проч. [1]). А Енисейскій воевода Голохвастовъ, какъ видно изъ челобитной, поданной на него въ 1665 году, не только грабилъ, мучилъ и въ тюрьму сажалъ посадскихъ людей, «да онъ же для своихъ пожитковъ отдавалъ на откупъ помѣсячно зернь и корчму и безмужныхъ женъ на блудъ, и отъ того бралъ себѣ откупу рублевъ по 100 и больши, и тѣмъ блуднымъ женкамъ велѣлъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, для взятки.., а которыхъ служилыхъ и посадскихъ людей оставались въ домахъ жоны, во время отъѣзда мужей, воевода, свѣдавъ ихъ пожитки, жонъ ихъ бралъ въ застѣнокъ ночью, и пыталъ и спрашивалъ серебряныхъ денегъ, и тѣмъ примѣтами и мученіемъ разорялъ ихъ до конца» [2]). Не лучше было посадскимъ, торговымъ и промышленнымъ людямъ отъ приказныхъ чиновниковъ и при Петрѣ Великомъ. «Вѣдомы они гости и купецкіе, и промышленные люди, читаемъ въ именномъ указѣ Генваря 30, 1699 года, и купецкими расправными и всякими дѣлами и Его Величества Государя окладными доходами и иными сборами въ разныхъ приказахъ, и извѣстно Ему Вел. Государю учинилось, что имъ гостямъ и гостиныя сотни и всѣмъ посацкимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ и разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разореніе, и иные отъ того торговъ и промысловъ своихъ отбыли и оскудали» [3]). Не прекратились притѣсненія посадскихъ людей и купцовъ чиновниками и послѣ того, какъ въ 1699 году учреждена была особая бурмистрская палата для самостоятельнаго вѣдомства всякихъ расправныхъ дѣлъ между купецкими и посадскими людьми, и во всѣхъ городахъ учреждены были для нихъ земскія избы «по причинѣ многихъ къ нимъ воеводскихъ и приказныхъ людей обидъ и налоговъ и поборовъ и взятокъ». Напр. въ 1716 г. Двинскіе посадскіе люди приносили жалобу Царю: «у архангельскаго города канцелярскіе и таможенные подъячіе, которые есть не изъ тамошнихъ жителей, стоятъ на посадскихъ дворахъ безъ найма и займуютъ подъ себя многія особыя избы, и дрова берутъ мірскаго съ земскаго двора, въ чемъ есть посадскимъ людямъ тѣснота и немалое разореніе, а мочно тѣмъ подъячимъ купить свои домы, или нанимать повольно, понеже канцелярскіе опредѣлены Вашимъ Царскаго Величества жалованіемъ, а таможенные берутъ съ купецкихъ людей за работу денегъ немалое число» [4]). Въ Уставѣ Главнаго Магистрата [5]) читаемъ: «хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ въ смотрѣніи и въ вѣдѣніи подлежатъ въ Юстицъ Коллегіи, однакожъ понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются нетокмо въ какомъ призрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній неслышанныхъ едва не всѣ разорены, отъ чего оныхъ весьма умалилось, и

---

[1]) Тамъ же, № 39.
[2]) А. И. т. IV, № 182.
[3]) П. С. З. т. III, № 1674.
[4]) П. С. З. т. V, № 3037.
[5]) 1721 г. Генв. 16.

уже то есть не безъ важнаго государственнаго вреда» [1]). Губернаторы первой половины XVII в., какъ видно изъ жалобъ Петра Великаго, были не лучше воеводъ и приказныхъ XVII вѣка [2]). Были изъ нихъ даже такіе, которые только издѣвались надъ народомъ. Напр. въ 1728 г. митрополитъ Казанскій Сильверстъ въ своей длинной запискѣ о дѣйствіяхъ Казанскаго губернатора Волынскаго, писалъ между прочимъ; «оный губернаторъ, ѣхавъ изъ Москвы въ Казань Волгою рѣкою, и пріѣхавъ въ городъ Чебоксары и вышедъ изъ струговъ своихъ на берегъ, и по согласію съ чебоксарскимъ воеводою Алексѣемъ Заборовскимъ велѣли изъ пушекъ палить и въ то время отъ потѣхъ ихъ пушку разорвало и побило мужеска и женска пола человѣкъ съ пятнадцать... Оной же губернаторъ лѣтомъ и зимою со псовою охотою многолюдствомъ ѣздитъ по полямъ и сѣннымъ покосамъ, и посѣянной яровой и озимой хлѣбъ архіерейскаго дома и монастырскій лошадьми и собаками и людьми своими толочетъ необычно, и въ деревняхъ съ боемъ и неволею съ крестьянъ архіерейскихъ и монастырскихъ берутъ конямъ сѣна и овса и про людей всякой живности и хлѣба, сколько похотятъ, и тѣмъ несносную крестьянамъ обиду чинятъ напрасно.... Священники, діаконы, пѣвчіе и церковные причетники и градскіе жители, богатые и нищіе, всѣ безъ исключенія принуждены по улицамъ со излишнимъ отягченіемъ чрезъ 4 сажени поставить столбъ и ель, и въ день Василія Великаго и Богоявленія Господня и въ прочія церемоніи не по указу, но по прихотямъ его губернаторскимъ, во всякое праздненство, по три дня сряду на каждый столбъ навѣшивали по три фонаря въ которыхъ свѣчи горятъ зимою по 8 часовъ ночи непремѣнно, а непротивъ московскаго дѣйствія чрезъ 10 саженъ столбъ учиненъ, и на немъ только по одному фонарю: нѣкоторые люди отъ посланныхъ чрезъ нестерпимые побои, занимая въ долги, по тому размѣру ставили фонари и столбы. И оттого священнослужителямъ и неимущимъ великое разореніе нанесъ. Да въ прошломъ 729 году, по приказу его Волынскаго, ходили со многимъ людствомъ солдаты съ дубьемъ не малое время по дворамъ служителей нашихъ и прочихъ казанскихъ жителей, и ловили баграми собакъ дворныхъ и побивали многихъ до смерти, а хозяевамъ велѣно тѣхъ мертвыхъ собакъ за городъ возить, невѣдая для чего», и т. д. исчисляются разные тираннические поступки и потѣхи губернатора Волынскаго въ Казани [3]). Весьма тяжко также обходились для уѣздныхъ жителей проѣзды и постои чиновниковъ. «Извѣстно Правительствующему Сенату учинилось, такъ читаемъ напр. въ указѣ 1716 года (Іюня 1), что въ губерніяхъ ландраты, которые опредѣлены въ доли, ѣздятъ по уѣздамъ, и ставятся въ селахъ и деревняхъ на крестьянскихъ дворахъ, и берутъ подводы, также и себѣ и при нихъ общимъ людямъ кормъ, а лошадямъ фуражъ, и живутъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ по недѣлѣ и больше, отъ чего крестьянамъ чинится

---

[1]) П. С. З. т. IV, стр. 296.

[2]) Тамъ же, т. IV, №№ 2483, 2493, 2467, т. V, № 3078.

[3]) Донош. митр. Сильвестра Св. Синоду въ рукопис. Казан. Духов. Акад.

разореніе и убытки великіе» [1]). При такомъ отношеніи къ народу гражданскаго начальства, понятно, какъ много должна была усилиться народная оппозиція, поднятая расколомъ противъ правительства. Не даромъ чернь до того озлоблена была противъ бояръ, окольничихъ и другихъ чиновниковъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича неоднократно поднимала бунты противъ нихъ и неистово требовала у царя позволенія избивать виновниковъ народныхъ бѣдствій. Не даромъ тотъ же неистовый вопль раздавался въ бунтѣ стрѣлецкомъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтахъ Донскихъ казаковъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, раскольники принимали самое дѣятельное участіе. Наконецъ, не безъ причинъ раскольники доселѣ питаютъ злобную вражду къ начальству, чиновникамъ, и нападаютъ даже на внѣшніе знаки, отличающіе чиновника отъ другихъ разрядовъ людей. Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ не рѣдко встрѣчаются жалобы на неправду судей, на притѣсненія, причиняемыя народу чиновниками, какъ на прямые знаки господства антихристова. Купцы и крестьяне всего болѣе страдали отъ чиновниковъ въ періодъ распространенія раскола: потому въ купцахъ и крестьянахъ всего болѣе замѣтна донынѣ раскольническая злоба противъ начальства. Поэтому основателей раскольническихъ сектъ, послѣ бѣглыхъ поповъ, діаконовъ и дьячковъ, всего болѣе было изъ купцовъ и поселянъ. Такъ и на Вѣткѣ между раскольниками всѣхъ болѣе было купцовъ и посадскихъ.

Бѣдные крестьяне страдали не отъ одного областнаго управленія, но также и отъ крѣпостного состоянія. Ревизіями первой половины XVII вѣка крестьяне окончательно укрѣплены были за помѣщиками. И это крѣпостное положеніе ихъ было самое тяжкое. Кромѣ подушныхъ податей, рекрутчины и разныхъ указныхъ сборовъ, они должны были платить оброкъ помѣщикамъ и отправлять разныя работы, при чемъ требованія помѣщиковъ часто не имѣли никакихъ границъ и контроля [2]). При худомъ устройствѣ и неразвитости сельскаго хозяйства, помѣщичьи крестьяне бѣдствовали и во множествѣ скитались по міру, особенно въ неурожайные годы. Хотя помѣщикамъ неоднократно предписывалось указами вспомоществовать бѣднымъ крестьянамъ и прокармливать ихъ во время хлѣбнаго недорода, но они большею частію объ этомъ нимало не заботились. Пашни крестьянскія оставались незасѣянными, за неимѣніемъ сѣмянъ, и за нессудою ими отъ помѣщиковъ, крестьяне бродили по міру [3]). Много страдали помѣщичьи крестьяне еще отъ слишкомъ дробнаго раздѣленія имѣній отцами дѣтямъ: ибо, по разсужденію Петра, на мелкія имѣнія падали большія подати и оброки, и отъ такого раздѣленія, какъ говорилъ Петръ, казнѣ государственной великій есть вредъ, а людямъ простымъ разореніе [4]). Но всего болѣе страдали крестьяне отъ несправедливости и

[1]) П. С. З. т. V, № 3025.

[2]) П. С. З. т. VII, № 4566. Т. IX, № 6453 XV, № 11,205.

[3]) Тамъ же, т. IX, №№ 6570. 6653, 6682.

[4]) П. С. З. т. V, № 2789. То же говоритъ Посошковъ. См. гл. VIII: о дворянѣхъ, о крестьянѣхъ и о земляныхъ дѣлахъ.

угнетенія помѣщиковъ. Когда напр. предписывалось помѣщикамъ платить извѣстную сумму въ казну изъ своихъ пожитковъ—они, хотя имѣли полную возможность заплатить эти деньги, однакожъ брали ихъ съ крестьянъ своихъ [1]). «Есть нѣкоторые непотребные люди, жаловался Петръ Великій на помѣщиковъ, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго житья, вотчины свои не токмо не снабдѣваютъ и не защищаютъ ни въ чемъ, но разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка» [2]). «А и сіе не весьма право зрится, говоритъ Посошковъ, что помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобьносимая: ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, чтобы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору; и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету повергаютъ; и который крестьянинъ начинаетъ маломало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатитися не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до года. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ пустошатъ, что у инаго и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды крестьяне домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иныя жъ и въ Украйнныя, а иныя — и Зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. Крестьянамъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Не говоримъ уже о томъ, какъ часто совершенно безчеловѣчно обращались помѣщики съ крестьянами, какъ напр., по словамъ Кошихина: «надъ подданными своими крестьянскими женами и дочерьми творили блудныя дѣла, или у женки выбивали ребенка [3]), или какъ по словамъ Посошкова, помѣщики, не хотя возвратить, кому слѣдуетъ пришлыхъ людей, «потопляли ихъ въ водѣ, или инако какимъ случаемъ умерщвляли» [4]), или какъ отдавали крестьянъ, какъ цѣнную вещь, чиновникамъ въ подарокъ, или вмѣсто взятки, и т. п. [5]). При такомъ положеніи крестьянъ помѣщичьихъ, очень естественно, что многіе изъ нихъ недовольны были помѣщиками, ожесточались противъ нихъ, поднимали бунты или бѣжали отъ нихъ. Такъ въ 1713 году взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ крестьяне Царя Арчила Вахтангеевича, нижегородскаго уѣзда села Лыско-

---

1) Тамъ же, т. II, №№ 750 и 799.

2) Тамъ же, т. V, № 3294. Посошкова гл. VII о крестьянствѣ, стр. 182—183.

3) Кошихинъ стр. 114.

4) Посошкова о скудости и богатствѣ стр. 85.

5) Записки артиллеріи маіора М. В. Данилова, Москва. 1842 г. стр. 34.

ва, Ростовскаго архіерея ростовскаго уѣзда села Порѣчья, иноземца Вахромея Меллера верейскаго уѣзда Вышгородской волости, и бобыли села Вознесенскаго воскресенскаго монастыря, что на Истрѣ,—«учинились, какъ сказано въ именномъ указѣ вышеписаннымъ владѣльцамъ своимъ ослушны, и отъ нихъ отложились» [1]). Выходя изъ терпѣнія крестьяне часто нападали на домы помѣщиковъ, разоряли ихъ имѣнья, и убѣгали [2]). Еще въ самомъ началѣ появленія раскола, именно въ 1658 г. Царь Алексѣй Михайловичъ жаловался, какъ мы выше видѣли, что многіе крестьяне замосковныхъ дворянъ—помѣщиковъ, ограбя ихъ имѣнья, сожигая ихъ домы и не рѣдко самихъ помѣщиковъ своихъ съ семействами убивая, убѣгали въ понизовые, приволжскіе и заволжскіе города и села [3]). При Петрѣ Великомъ, бѣглые крѣпостные люди, соединяясь съ другими бѣглыми—крестьянами, рекрутами и солдатами, цѣлыми вооруженными станицами нападали на имѣнія помѣщиковъ. «Нынѣ по всѣмъ вѣдомостямъ и доношеніямъ въ Коллегію Юстиціи, читаемъ въ Сенатскомъ указѣ 1712 года Августа 12, изъ Новгородскаго, изъ Можайскаго и Мещевскаго уѣздовъ о разбойникахъ тѣхъ показано, что они по 100 и по 200 человѣкъ и больши верхами, вооруженною рукою, съ порядкомъ регулярнымъ, не токмо въ тѣхъ вышеозначенныхъ уѣздахъ, но и у многихъ помѣщиковъ и у вотчинниковъ многолюдныя деревни разграбили пріѣздомъ своимъ деннымъ и все до конца пожгли и людей и крестьянъ вырубили» [4]). Вслѣдствіе такихъ неустройствъ и было между помѣщичьими крестьянами много такихъ, которые будучи недовольны своими помѣщиками и тяготясь крѣпостнымъ состояніемъ, охотно присоединялись къ раскольническимъ общинамъ, и увеличивали ихъ составъ и усиливали оппозицію. Расколъ открывалъ убѣжище всѣмъ недовольнымъ крѣпостнымъ состояніемъ. Оттого въ старообрядческихъ селеніяхъ, лѣсныхъ скитахъ и обителяхъ, раскольники большею частію были «пришлые дворовые, синодальные и помѣщичьи крестьяне» [5]). Такъ и на Вѣткѣ много было помѣщичьихъ крестьянъ, какъ видно изъ Высочайше утвержденнаго доклада Сената 1735 г. 4 Сент. [6]). Такъ въ Стародубскихъ слободахъ, по донесенію управителя черниговскаго полка Халкидонскаго, крестьяне, «никогда раскольниками не бывшіе, только для единой вольности, укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записывались». Такъ въ Выгорѣцкихъ лѣсахъ — средоточіи безпоповщинскихъ скитовъ весьма много было бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ [7]). А въ бунтахъ Разина и Пугачева, какъ извѣстно, раскольники изъ помѣщичьихъ крестьянъ чрезвычайно свирѣпствовали противъ помѣщиковъ, не своихъ только, но и всѣхъ вообще.

---

[1]) П. С. З. т. V, № 2668, п. 24.
[2]) Тамъ же, т. IV, № 1820, п. 11, 12, 19, 20, № 2310, т. V, № 3414.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 445.
[4]) П. С. З. т. XV, № 205.
[5]) П. С. З. т. V, № 3415, п. 1.
[6]) Тамъ же, т. VII, № 4162.
[7]) Тамъ же, т. IX, № 6802.

Если, съ одной стороны, гражданскіе начальники и помѣщики своими притѣсненіями отталкивали народъ отъ православнаго общества и невольно заставляли его уклоняться въ расколъ, то, съ другой стороны, многіе гражданскіе начальники и помѣщики изъ-за корыстныхъ видовъ потворствовали расколу, и тѣмъ способствовали его распространенію. Во первыхъ, расколу часто потворствовали разныя начальствующія лица, особенно въ областяхъ. Почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда укрывались раскольники, преслѣдуемые церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ, они, къ сожалѣнію, находили между неблагонамѣренными мѣстными управителями и чиновниками покровителей и помощниковъ, особенно по украйнамъ Россіи, напримѣръ въ Сѣверномъ Поморьѣ, въ Сибири, въ Заволжскомъ краю, гдѣ вообще слабъ былъ надзоръ начальства. Такъ напримѣръ, когда расколоучитель попъ Козма бѣжалъ изъ Москвы послѣ 1667 года съ 20 единомышленниками въ Стародубскій край: «бяше ему на той часъ, — какъ говоритъ исторіографъ поповщинской секты Иванъ Алексѣевъ, — стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гаврила Ивановичь, его же въ нѣкіихъ напастѣхъ укрываше. Полковникъ, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа, и на прошенія ихъ написа листъ, посла ихъ ко атаману Курковскому Лаллакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, нарицаемое Понуровку, и тамо вси пришедшіе съ Козмою числомъ 20 поселишася при рѣкѣ Ревкѣ въ лѣто 7173» [1]). Пользуясь такимъ покровительствомъ своего друга — полковника, попъ Козма положилъ основаніе знаменитымъ въ исторіи раскола 17 Стародубскимъ слободамъ, тѣмъ самымъ проложилъ путь раскольникамъ на Вѣтку. Были и послѣ покровители Стародубскихъ раскольниковъ между гражданскими начальниками. Напр. въ 1737 году кіевскій архимандритъ Иларіонъ приносилъ жалобу, что Стародубскіе раскольники, поселившись на монастырской землѣ въ двухъ слободахъ, обижали и грабили прочихъ монастырскихъ крестьянъ. Маіору Хрипунову велѣно было произвести слѣдствіе, и онъ окончилъ дѣло въ свою пользу и въ пользу раскольниковъ. Въ Олонецкомъ краю, въ первое время распространенія раскола, ему покровительствовали и воеводы и земскіе старосты. Извѣстные уже намъ страннопріимцы и покровители бѣглыхъ раскольниковъ нѣкто Іероѳей и супруга его Евдокія своею услужливостію такъ умѣли задобрить всѣхъ мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ, что когда, наконецъ потребованы были къ суду за поддержаніе и распространеніе раскола, то, по словамъ Денисова, «вси градожители, простіи и славніи, начальницы и подначальніи ходатайствовали за нихъ предъ воеводою, и воевода уступилъ многонародному прошенію» [2]). Равнымъ образомъ, когда въ 1693 году раскольники, въ числѣ болѣе 209 человѣкъ, подъ руководствомъ какого-то чернеца, силою распространяли свое ученіе въ Обонежской пятинѣ, нападая на священниковъ пудожскаго погоста, — то земскій

[1]) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Л. 1. об.
[2]) Виноградъ Россійскій: о Іерофеѣ и Евдокіи.

староста пудожскаго погоста Семенъ Леонтьевъ Журавицкій «отъ такихъ воровъ и раскольниковъ никакой обороны и помощи не учинилъ, и прямо отказалъ имъ, когда они просили у него защиты; а онъ староста Семенъ съ ними раскольниками былъ вмѣстѣ въ томъ же расколѣ»[1]). Какъ иногда сильно и многозначительно было корыстное потворство и покровительство раскольникамъ со стороны областного начальства, особенно можно судить по жалобамъ нижегородскаго епископа Питирима, извѣстнаго поборника противъ раскола въ первой четверти XVIII вѣка. Въ то время, какъ Питиримъ ревностно подвизался въ обращеніи къ православію нижегородскихъ раскольниковъ, губернскіе управители, городскіе начальники, волостные прикащики и старосты, подкупленные раскольниками, держали сторону послѣднихъ: начали преслѣдовать самого Питирима и посылаемыхъ отъ него для увѣщанія заблуждающихъ православныхъ священниковъ; запрещали ему входъ въ домы раскольниковъ, а православнымъ священникамъ возбраняли учить раскольниковъ правовѣрію. Вотъ какъ доносилъ объ этомъ епископъ Питиримъ Петру Великому: «Вашего Величества по указу и по благословенію Преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго и Муромскаго съ прошлаго 1707 года въ Балахонскомъ и Юрьевецкомъ уѣздахъ велѣно мнѣ богомольцу Вашему обращать и въ соединеніе ко святѣй церкви приводить раскольниковъ. И помощію Божіею по прошлой 1714 годъ духовнаго и мірскаго чина обоихъ половъ изъ раскола обратились и пришли въ соединеніе ко святѣй церкви болѣе 2000 человѣкъ. А нынѣ тѣ вышеозначенные города и съ уѣзды опредѣлены правленіемъ въ нижегородскую губернію; и отъ градскихъ начальниковъ и отъ волостныхъ прикащиковъ и отъ старостъ тому обращенію стало быть препятіе и остановка крайняя, что уже къ тѣмъ раскольникамъ въ кельи и въ домы и входъ мой тѣ начальники отняли, да и священникамъ учить возбраняютъ, и тѣмъ вмѣсто благія помощи учинили раскольникомъ и пущее къ развращенію дерзновеніе безстрашное. Отъ чего тѣ замерзѣлые раскольщики, видя себѣ такое попущеніе, въ душепагубную свою глупую прелесть души простыхъ людей отъ согласія св. церкви отторгиваютъ непрестанно; и тѣмъ, по закоснѣлому своему безстрашію, между простымъ народомъ чинятъ великій развратъ. И такіе противники паки множатся, которыхъ и такъ зѣло много [2])». Послѣ этого не удивительно, что въ нижегородской епархіи въ 1719 году раскольниковъ считалось до 86,000; и въ однѣхъ Чернораменскихъ скитахъ до 40,000 душъ, когда умноженію ихъ такъ содѣйствовало само мѣстное гражданское начальство. На поблажку раскольникамъ начальниковъ въ нижегородскомъ краю жаловался и самъ Петръ Великій. Въ именномъ указѣ, данномъ въ Октябрѣ 1718 года, читаемъ, что капитанъ поручикъ гвардіи Ржевскій, которому поручено было переписать и положить въ окладъ раскольниковъ нижегородской губерніи (Керженской, Друковской и друг. волостей), съ тѣми людьми, которые за знатными людьми жили, поступалъ слабо, чего

---

[1]) А. И. т. V, № 223.

[2]) Исторія нижегородской іерархіи — архимандрита Макарія стр. 46—47.

ему велѣно было беречься и дѣлать прямо по указу [1]). Въ казанской губерніи раскольникамъ потворствовалъ губернаторъ Волынскій. Такъ митрополитъ казанскій Сильвестръ въ 1730 г. доносилъ Святѣйшему Сvноду: «Въ прошломъ 1729 году въ казанской губернской канцеляріи симбирскаго уѣзда, вотчины князя Василья Петрова сына Хованскаго села Вехтамы крестьянка раскольница Ѳедосья Евдокимова дочь на допросѣ показала: вѣдаетъ де она въ казанской губерніи въ разныхъ лѣсахъ со многими мужеска и женска пола людьми три скита, въ которыхъ и она съ ними общежительство и равновѣрство имѣла, а именно: первый въ... (въ рукописи пропущено) поповщинскій; второй въ симбирскомъ уѣздѣ по рѣчкѣ Терсѣ въ лѣсу: третій въ лѣсу же въ вотчинѣ Богородицкаго монастыря въ свіяжскомъ уѣздѣ близь деревни Харины. И живучи де въ тѣхъ скитахъ Св. Таинъ, какъ Восточная церковь по преданію св. Апостолъ и богодухновенныхъ отецъ повелѣваетъ, не пріобщалась, а причащалась де и молитву творила, живучи въ тѣхъ скитахъ по ихъ раскольническому ученію, о которыхъ ея къ церкви святѣй и прочихъ въ тѣхъ скитахъ живущихъ противностяхъ оный Волынскій не слѣдовалъ, и о всемъ завѣдомо умолчалъ, въ духовную команду къ намъ по указу, для подлиннаго отъ раскола направленія и вышесказанныхъ скитовъ изысканія, ту жену не прислалъ, отъ котораго его губернаторскаго попущенія и пущую раскольникамъ свободу подаетъ, на что взирая и болѣе такихъ суевѣровъ и скитовъ умножаться будетъ, понеже за ними раскольники въ скиты посылки не было и уничтожено все за знаемо» [2]). При такомъ потворствѣ раскольникамъ областныхъ правителей въ началѣ распространенія раскола, нечего и говорить, какъ успѣшно долженъ былъ распространяться расколъ. Разумѣется, не нужно было и преслѣдовать, притѣснять раскольниковъ, но не слѣдовало и потворствовать распространенію суевѣрія.

Весьма много также способствовало распространенію раскола корыстное потворство раскольникамъ помѣщиковъ, промышленниковъ на заводахъ и ихъ управляющихъ и прикащиковъ. Раскольники, чтобы жить свободно въ помѣстьяхъ, старались угождать помѣщикамъ. Зажиточные крестьяне — раскольники исправно выплачивали оброкъ, а богатые раскольники охотно платили даже лишняго оброку, лишь бы имъ жить было льготно, свободно въ помѣстьяхъ ихъ господъ. Потому помѣщикамъ выгодно было имѣть въ своихъ владѣніяхъ такихъ раскольниковъ, и вотъ они потворствовали имъ, а иногда и сами придерживались раскола. «Великій грѣхъ есть и нетерпящій молчанія духовныхъ, читаемъ въ Духовномъ Регламентѣ, — что нѣцыи мірстіи господа, въ своихъ областяхъ вѣдая раскольщиковъ, покрываютъ для мзды, имъ подаемой». И такъ дѣлали не только свѣтскіе помѣщики, но и духовные вотчинники [3]). Господа эти, какъ сказано въ Регламентѣ, сильно не допускали священниковъ къ приходамъ тѣмъ, гдѣ были раскольники, или и посланныхъ архіерейскихъ

[1]) П. С. З. т. V, № 3232.
[2]) Доношеніе Сильвестра — въ спискѣ чин. въ библіот. Каз. Д. Академіи.
[3]) П. С. З. т. VI, стр. 342.

сыскивать и обличать раскольниковъ, въ вотчинѣ ихъ пребывающихъ» [1]. Пользуясь такимъ покровительствомъ помѣщиковъ, раскольники, не стѣсняясь, умножали свою общину за вѣдомо отъ своихъ помѣщиковъ, прикащиковъ, старостъ сельскихъ. Управители помѣщичьи, посадскіе бурмистры и прикащики, кажется, еще больше помѣщиковъ потворствовали раскольникамъ. Бурмистры даже были иногда предводителями раскольниковъ, а иногда и сами раскольники выбирались въ бурмистры. «Хотя по именному Его Царскаго Величества указу, Февраля 17 числа 1718 года состоявшемся, — читаемъ въ докладѣ Святѣйшаго Сѵнода, поданномъ Царю въ 1721 году (Ноября 19), — какъ въ городѣхъ, такъ и въ селахъ, въ бурмистры и во всякія службы повсягодно исповѣдающихся, и со свидѣтельствомъ отцевъ ихъ духовныхъ, выбирать велѣно, а неисповѣдающихся запрещено; однакожъ въ нѣкоихъ мѣстахъ обывательми такое чрезъ духовниковъ свидѣтельство, до архіерейскихъ приказовъ надлежащее, и не требуется, и реэстры выбираемымъ во службу людямъ, къ такому свидѣтельству во оные приказы не присылаютъ; отъ чего дается сумнѣніе, не употребляются ль въ оные службы и неисповѣдающіеся; а наипаче не бываютъ ли и въ расколѣ подозрительные, ибо обрѣтаются въ разныхъ службахъ многіе съ бородами, что не малымъ есть къ расколу подозрѣніемъ» [2]. Но всего болѣе раскольники пользовались потворствомъ и содѣйствіемъ со стороны тѣхъ помѣщиковъ, которые были сами раскольники. А такихъ въ первое время распространенія раскола было не мало. Напр. въ нижегородской губерніи весьма многіе помѣщики были раскольники, и потому въ 1718 г. капитанъ-поручикъ гвардіи Ржевскій спрашивалъ у Государя, какъ поступать съ раскольниками — помѣщиками, и Государь въ своемъ именномъ указѣ повелѣлъ ему всѣхъ раскольниковъ, кто бы какого званія ни былъ, переписать и положить въ окладъ [3]. Промышленники также держали на своихъ заводахъ раскольниковъ. Имъ нужны были рабочіе, и вотъ они принимали всякаго рода бѣглыхъ и пришлыхъ, въ томъ числѣ и раскольниковъ. Скопище раскольниковъ на заводахъ много увеличивалось еще отъ того, что старосты и управляющіе на нихъ часто сами были раскольники. Такимъ образомъ раскольниками наполнены были особенно заводы уральскіе и сибирскіе, казенные и частные, какъ это мы уже видѣли въ другихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія.

Вообще, надобно замѣтить, что все разсматриваемое нами время распространенія раскола, въ помощникахъ и покровителяхъ раскольниковъ не было недостатка во всѣхъ сословіяхъ православныхъ. «Мнози суть, — жаловался преосвященный Питиримъ нижегородскій, обращаясь съ бесѣдою къ раскольникамъ, — мнози суть, иже вами противниками прельщеніи въ домы своя васъ пріемлютъ и радоватися вамъ глаголютъ и тако всѣмъ вашимъ злымъ дѣломъ пріобщаются. Иніи же не разсужіи неточію въ

---

[1]) Тамъ же, т. VI, стр. 342.
[2]) П. С. З. т. V, стр. 458.
[3]) Тамъ же, № 3232.

домы своя пріемлютъ и радоватися глаголютъ, но и укрываютъ и снабдѣваютъ отъ имѣній своихъ. Не диво убо сіе о онѣхъ, тако творящихъ, иже вашему злому ученію неразумнѣ вняша и послѣдуютъ: но сіе наипаче насъ удивляетъ, яко иже суть сынове святыя Восточныя и Великороссійскія Церкве ученію вашему злому не вникаютъ и вамъ не послѣдуютъ, но точію сквернаго ради своего прибытка помогаютъ вамъ, защищаютъ и укрываютъ васъ безумнѣ: и весьма таковы объюродѣвше (ихъ же умная очеси ослѣпишася златомъ, сребромъ и различныхъ вещей дароношеніемъ) спомогатели безумніи сообщаются всѣмъ вашимъ дѣломъ злымъ [1]). Многіе «всякихъ чиновъ люди, какъ видно изъ указныхъ статей о раскольникахъ, держали у себя раскольниковъ, творя къ нимъ милость, а сами прелестнаго ихъ ученія не держались, а вѣдая про нихъ не извѣщали, и видя въ нихъ раскольство и церковную противность, не поимали и не приводили, или отъ того съ нихъ имали взятки какіе, или нѣкоторые приходили про нихъ провѣдывать или приносить питье или яству, или приносили отъ кого какія либо письма подсылкою, а по розыску въ томъ, что они того прелестнаго ученія не держались, очищались» [2]). При такомъ укрывательствѣ и потворствѣ, какимъ пользовались раскольники отъ самихъ православныхъ, очевидно, расколъ по необходимости долженъ былъ весьма усилиться и умножиться.

Говоря о корыстномъ потворствѣ раскольникамъ областнаго начальства и помѣщиковъ, не можемъ умолчать и о томъ, какъ часто укрывали раскольниковъ переписчики при производствѣ народныхъ переписей. Тутъ помѣщики и областные управители также участвовали. Не говоримъ уже о подворныхъ переписяхъ второй половины XVII вѣка, какъ тогда помѣщики и писцы, подкупаемые ими, утаивали при переписяхъ множество народа въ томъ числѣ и раскольниковъ [3]). При Петрѣ Великомъ, когда введена была правильная система переписей, ревизія душъ, долженствовавшая сообщать Правительству подробныя и точныя свѣдѣнія о числѣ и движеніи народонаселенія, и при Петрѣ Великомъ народныя переписи производились, однакожъ, въ высшей степени неисправно. Во-первыхъ, производились онѣ чрезвычайно медленно, такъ что много народу могло уклоняться отъ переписи въ самый промежутокъ времени, когда производилась перепись. Далѣе, ревизскія сказки долго не представлялись правительству. «Указныхъ сказокъ о душахъ мужескаго пола, жаловалось правительство въ 1719 году,—не токмо по первосостоявшемуся именному Его Царскаго Величества и печатными листами еще въ Генварѣ сего настоящаго года публикованному во всѣхъ губерніяхъ указу, но потомъ и по третьямъ въ Апрѣлѣ, въ Сентябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ посланнымъ въ подтвержденіе указамъ (въ которыхъ, а именно въ двухъ послѣднихъ, это съ такимъ прещеніемъ объявлено, ежели вскорѣ оныя въ Санктпетербургъ не будутъ присланы съ подъячими или особо съ тѣми, на кого

[1]) Пращица. л. 9, печ. 1725. Спб.
[2]) П. С. З. т. II, стр. 650.
[3]) См. напр. А. Э. IV, № 14, 21, П. С. З. т. II, № 847, 1073, 1175 и др.

то дѣло положено, которыхъ велѣно выслать и за карауломъ, то взыскано будетъ яко на преступникахъ жестоко, по Его Царскаго Величества указу), однакожъ и за такимъ прещеніемъ ни откуда присылки нѣтъ и по сіе время, кромѣ что изъ немногихъ мѣстъ присланы, и то явились больше не исправные; а въ такое великое время, котораго отъ Генваря по нынѣшній Декабрь мѣсяцъ прошло уже 10 мѣсяцевъ и взятіемъ, присылкою и отдачею помянутыхъ сказокъ въ Санктпетербургъ бригадиру Зотову, давно уже бы исправитися было можно каждой губерніи, заблаговременно, но того во оныхъ не сдѣлано, и толикое время отъ управителей губернскихъ упущено, оставя въ презрѣніи Царскіе указы» [1]). И тѣ вѣдомости, какія на первый разъ были представлены, оказались весьма неполными, съ большими пропусками и утайкой. Именнымъ указомъ 1720 г. въ Февралѣ мѣсяцѣ предписано было собрать дополнительные сказки и выслать въ Санктпетербургъ къ бригадиру Зотову къ 20 Іюля того же года; о чемъ до срока еще неоднократно было подтверждаемо: въ то же время велѣно было къ тѣмъ пополнительнымъ сказкамъ присовокупить особыя росписки о попахъ и діаконахъ. «А по поданнымъ въ сенатъ онаго бригадира Зотова доношеніямъ явилось, что тѣхъ пополнительныхъ уѣздныхъ и градскихъ сказокъ изъ многихъ городовъ и понынѣ не прислано, а именно градскихъ» [2]). Переписчики брали взятки, и большое число людей исключили изъ переписи. Такъ напр. читаемъ въ именномъ указѣ, объявленномъ отъ Сената Октября 16, 1720 года о розыскѣ по дѣламъ объ утайкѣ душъ въ ревизскихъ сказкахъ: «понеже Его Царскаго Величества публикованными въ народѣ въ прошломъ 1719 и въ нынѣшнемъ 1720 годахъ указами повелѣно, въ губерніяхъ и провинціяхъ брать сказки о дворцовыхъ, патріаршихъ и архіерейскихъ и монастырскихъ и помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянахъ и о всѣхъ подданныхъ ихъ, которые живутъ въ деревняхъ, и о прочихъ, безъ всякой утайки, съ такимъ подтвержденіемъ, что ежели отъ кого въ томъ какая утайка явится: то за тое утайку учинена будетъ прикащикамъ и старостамъ и выборнымъ смертная казнь, и отнятіе всего, что утаено будетъ, а прочіе жестокіе штрафы... однакожъ, не смотря на помянутыя сказанныя казни и штрафы, чрезъ нѣкоторыя доношенія явилась въ тѣхъ сказкахъ утайка» [3]). «Нынѣ, — сказано въ докладныхъ пунктахъ генералъ-маіора Чернышева, поданныхъ Царю въ Генварѣ 1723 года,—нынѣ при свидѣтельствѣ являются изъ гражданскихъ чиновъ такіе, которые посланы были изъ городовъ отъ воеводъ для взятія пополнительныхъ о душахъ мужескаго пола доношеній, и по согласіи въ вотчинахъ съ попами и старостами, утайку чинить велѣли сами, и за то брали взятки, въ чемъ по разспросамъ и винились» [4]). Особенно помѣщики скрывали отъ переписи многихъ своихъ крестьянъ [5]). Въ именномъ указѣ 1723 года

---

[1]) П. С. З. т. V, № 3460.
[2]) П. С. З. т. IV, № 3707.
[3]) П. С. З. т. VI, № 3660.
[4]) Тамъ же. т. VI, №№ 4145 и 4520.
[5]) — т. VII, № 4267.

Ноября 5 сказано, что въ прежнихъ сказкахъ оказались «многія приписныя и утаенныя души, которыя помѣщики умышленно сами таили и прикащикамъ и старостамъ своимъ велѣли утаивать, и неточію такихъ прописныхъ и утаенныхъ и на указные сроки не объявляли, но и отъ нынѣшняго ихъ генералитета и штабъ-офицеровъ свидѣтельства укрывали» [1]). Въ Нижегородской губерніи помѣщики «сказки сами сочиня, подавали, и въ тѣхъ сказкахъ своихъ и свойственниковъ крестьянъ таили, а подателями писали заочно, тѣхъ свойственниковъ своихъ и съ крестьянъ, а не сами себя и не своихъ крестьянъ» [2]). Вообще, утайка душъ при переписяхъ производилась въ огромныхъ размѣрахъ. Изъ указа 15 Марта 1721 года видно, что число прописныхъ превышало 20,000 душъ.—При такомъ укрывательствѣ, допускавшемся производителями народной переписи, очевидно, раскольники весьма легко могли укрываться отъ взоровъ правительства, и въ тайнѣ все болѣе и болѣе умножались. И они всѣхъ болѣе подкупали переписчиковъ, чтобы совершенно выключиться изъ списка православныхъ и избѣжать подушной переписи и податей. Не даромъ переписчики, которымъ правительство поручило переписывать въ разныхъ мѣстахъ раскольниковъ, весьма долго не представляли переписныхъ вѣдомостей о раскольникахъ, или если представляли, то съ большими пропусками и утайкой. Такъ напр. въ 1715 г. Петръ Великій жаловался на переписчиковъ, которымъ поручено было переписать раскольниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и чернецовъ и черницъ: «въ прошломъ 1714 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ посланъ къ вамъ указъ, дабы раскольщиковъ, какъ мужеска пола, такъ и женска, переписать, и переписавъ положить на нихъ окладъ противъ настоящего платежа (почему купечество съ посадовъ, а крестьяне съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ); вдвое а которые по описи явятся вдвое, а прежде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ обложить примѣняясь къ тому жъ, а женска пола вдвое и дѣвокъ противъ онаго вполы, а что по тому указу учинено, о томъ не пишете» [3]). Въ половинѣ XVIII вѣка, по донесенію поручика Халкидонскаго, — «управитель стародубскихъ раскольническихъ слободъ, ассессоръ Морозовъ, находясь 8 лѣтъ въ раскольническихъ слободахъ, въ ревизіи не написалъ многое множество раскольниковъ, для своего собственнаго прибытка» [4]). По причинѣ утайки старообрядцевъ при переписяхъ, много было раскольниковъ потаенныхъ, освобожденныхъ отъ платежа податей и вовсе невѣдомыхъ раскольнической конторѣ [5]). Такіе раскольники, вовсе невѣдомые Правительству, въ тайнѣ распространяли свое ученіе.

Въ заключеніе замѣтимъ, что самыя гражданскія мѣры противъ раскола, какія употреблялись во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, не столько уничтожали расколъ, сколько иногда еще

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 4343.
[2]) — № 4707.
[3]) П. С. З. т. V, № 2996.
[4]) П. С. З. т. XV, № 11,205.
[5]) Тамъ же, т. VIII, № 6149, п. II.

болѣе способствовали его усиленію и распространенію. Жестокія преслѣдованія и гоненія только вынуждали раскольниковъ на самосожженіе. Такъ напр. въ 1760 г. въ оренбургской губерніи, въ исетскомъ острогѣ, въ деревнѣ Кузиной сгорѣло ихъ 150 душъ. А почему? Предъ самосожженіемъ раскольники прямо говорили: «что де предаютъ себя сгорѣнію отъ присылаемыхъ командъ грабительства и разорѣнія, для того, что де многіе между раскольниками безвинные взяты въ Тобольскъ, и въ заключеніи претерпѣваютъ голодъ и мученіе, и никому де свободы нѣтъ, при которомъ де сгорѣніи собравшись многіе обыватели и во многихъ мѣстахъ сгорѣнію себя приведутъ; а между тѣмъ де дошло извѣстіе, что изъ Тобольска паки слѣдуетъ команда не малая, человѣкъ до 100, и ежели де паче чаянія какая команда туда пришлется, то де и спору, чтобъ въ руки не даться, учинить не кѣмъ, ибо де крестьяне и разночинцы всѣ стоятъ въ великомъ страхѣ и многіе домы учинились послѣ того сгорѣнія пустые» и проч. [1]). Не говоря о жестокихъ гражданскихъ казняхъ, которымъ подвергали раскольниковъ, и которыя только сильнѣе раздражали, озлобляли, ожесточали ихъ, и тѣмъ еще болѣе усиливали оппозицію раскола,—самая ссылка раскольниковъ не мало способствовала распространенію раскола. Въ самомъ началѣ, какъ только открылся расколъ, Царь Алексѣй Михайловичъ «многихъ раскольниковъ послалъ во оземствованіе и въ темницы заточи» [2]). Многіе изъ этихъ сосланныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ мѣстахъ ссылки и заточенія, какъ извѣстно, были первыми расколоучителями. Многіе раскольники ссылаемы и заточаемы были въ монастыри: и здѣсь они, какъ сказано въ актахъ, притворствомъ и лукавымъ ухищреніемъ выманивались, и уходя изъ монастырей въ иныя мѣста, чинили противность горше перваго [3]). Въ 1683, въ 1702 году сосланы были зараженные расколомъ стрѣльцы въ Южную Россію и на Яикъ: отъ нихъ здѣсь заразились расколомъ донскіе и яицкіе казаки [4]). А ссылка раскольниковъ въ Сибирь такъ много способствовала распространенію раскола въ этой странѣ, что въ 1722 году Петръ Великій по этому поводу и по ходатайству епископа нижегородскаго Питирима, издалъ указъ о прекращеніи ссылки раскольниковъ въ Сибирь и о посылкѣ ихъ, вмѣсто Сибири, въ Рогервикъ на вѣчную работу [5]). По силѣ этого указа, тогда же назадъ возвращены были отправленные въ Сибирь съ капитаномъ Сверчковымъ раскольники, между которыми находился тогда «злой раскольникъ и учитель» Василій Власовъ. «И впредь, сказано было въ указѣ, раскольниковъ въ Сибирь не посылать: ибо тамъ и безъ нихъ раскольниковъ много, а велите ихъ посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новый гаванъ». По той же причинѣ Правительство признало неумѣстною ссылку или переселеніе въ южнорусскую Украйну. «На Украйнѣ при украинской линіи раскольниковъ

[1]) П. С. З. т. XV, № 11,277.
[2]) Предислов. къ увѣщ. дух. л. 360 об.
[3]) А. И. т. IV, № 284.
[4]) Чтен. моск. общ. истор. кн. 4, стр. 81.
[5]) П. С. З. т. VI, № 4109.

селить не разсуждается, — сказано въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Сената (1737), — для того, что около тѣхъ мѣстъ находятся казаки донскихъ городковъ, изъ которыхъ многіе склонны къ расколу, отъ чего опасно, дабы тѣ вновь поселившіеся раскольники не могли тыхъ казаковъ паче въ расколъ привести, или и за границу перейти, сему явной примѣръ, что многіе изъ раскола великимъ числомъ людей ушедъ въ турецкую границу, живутъ тамъ и понынѣ другимъ въ пристанище служатъ» [1]).

[1]) П. С. З. т. IX. № 6802. стр. 574.

Земство и расколъ [1]

I

Земская рознь великорусскихъ областныхъ общинъ, въ смутное время, по согласію всѣхъ мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ, кончилась общимъ рѣшеніемъ ихъ — *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи;* кончилась, слѣдовательно, земско-областной федераціей. Результатомъ федераціи областей и взаимнаго согласія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ былъ *соборъ всей земли, сходъ всѣхъ городовъ* подъ Москву. Вѣнцомъ, результатомъ общаго согласія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ, схода всѣхъ городовъ, сбора всей земли подъ Москву, былъ *совѣтъ всей земли, земскій соборъ* 1613 года. На этомъ соборѣ избранъ былъ царь *всею землею, по записи, какова уложена была по совѣту всей земли.* «И возрадовались — по словамъ государственной книги о земскомъ соборѣ 1613 года — и возрадовались всякихъ чиновъ люди московскаго государства, и выборные, и не выборные, всѣ земскіе люди, отъ мала до велика, что у всѣхъ Богъ вложилъ въ сердца одну мысль».

Къ прискорбію народному, недолго продолжалась эта радость земская. Черезъ пять лѣтъ обнаружилась *скорбь конечная.* Общинно-областной челобитный голосъ народный скоро дошелъ до слуха новоизбраннаго царя и побудилъ его, въ 1619 году, созвать соборъ для обсужденія различныхъ вопросовъ *о земскомъ устроеньи и о многихъ статьяхъ, чтобъ въ государствѣ многія статьи поправить къ покою и къ строенью людямъ.* На этомъ соборѣ самъ царь изобразилъ печальное состояніе народа въ такомъ видѣ: «Судьбами божіими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, московское государство разорилось и запустѣло; а подати всякія и подмоги ямскимъ охотникамъ берутъ съ однихъ по писцовымъ книгамъ: однимъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, которые послѣ московскаго разоренья посланы были по городамъ, дозирали и писали по дружбѣ, за иными легко, а за другими, по недружбѣ, тяжело. *И отъ того всякимъ людямъ московскаго государства скорбь конечная...* Изъ нѣкоторыхъ заукрайныхъ городовъ

[1] Напечатано отдѣльною брошюрой подъ такимъ же заглавіемъ. Спб. 1862, in-16, стр. 162. Цензурное дозволеніе отъ 10 октября 1862 г.

посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ; а иные многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловать велѣть отъ сильныхъ людей оборонить». Такимъ образомъ, тяглые земскіе люди, на первой же порѣ, послѣ избранія царя, почувствовали скорбь и тяготу отъ тягла *государевой казны*, отъ злоупотребленій государевыхъ чиновниковъ, писцовъ и дозорщиковъ, отъ насилія бояръ. На первой же порѣ они подали и голосъ свой объ этомъ. Мощь, энергія юной, кипучей, свободной жизни народа не терпѣла насилія, произвола и сдержки. А избраніе царя волей народа, всею землею, по записи совѣта всей земли, жизненная народная потребность новаго соединенно-областнаго *земскаго строенья*, на свободныхъ, излюбленныхъ самимъ народомъ началахъ любви, совѣта и соединенія, естественное, жизнью народною требуемое и выработанное, право на мѣстные земскіе совѣты и на общіе земскіе соборы, наконецъ изстаринное, жизненно-народное право общинно-областной земской челобитной гласности передъ правительствомъ — все это, естественно, неотъемлемо уполномочивало областныя общины смѣло вопіять къ избранному народомъ царю, протестовать противъ произвола, насилія и стѣсненій; представлять различные интересы и потребности мѣстной областной жизни; сообщать мѣстно-областные, жизненно-народные матеріалы для законодательства; подавать мѣстно-областные совѣты общему земскому совѣту и царю; требовать на живые, свободные, прямые вопросы жизни прямыхъ, свободныхъ, живыхъ отвѣтовъ царя, правительства.

И вотъ, областныя общины, втеченіи всего XVII столѣтія, неумолчно и смѣло вопіяли къ царю въ своихъ общинныхъ, земскихъ челобитныхъ. Смѣло и неумолчно высказывали онѣ всѣ разнообразныя, земско-областныя неустройства, разладицы свободы земства съ приказнымъ произволомъ, свободы земскихъ *животовъ и промысловъ съ запросами и прибылью государевой казны*, льготы съ тягломъ, свободы торговли съ таможенными сборами и заставами, и проч. Всѣ великорусскія областныя общины по изстаринному, выработанному общинною жизнью принципу земско-областной, общинной гласности и требовательности, смѣло и откровенно высказывали въ своихъ земскихъ, общинныхъ челобитныхъ всѣ неудовольствія, страданія, протестаціи, нужды и просьбы, сообщали правительству мѣстно-жизненные матеріалы для земскаго строенія. По временамъ, голосъ земства смѣло раздавался и на земскихъ соборахъ.

При обиліи и разнообразіи вопросовъ новаго соединенно-областного земскаго строенія, и самыя земско-областныя челобитныя были почти безчисленны и повсемѣстны, и вопросы, ими поднимаемые, чрезвычайно разнообразны, какъ разнообразны были мѣстныя особенности и интересы областныхъ общинъ. Повсюду, въ областяхъ, волостные и городскіе люди, тогда еще жившіе земско-общинною жизнію, по изстаринной колонизаціонной связи, по нераздѣльности и свободной выборности городского или сельскаго поселенія и промысла, по общинности и тожественности быта и интересовъ — повсюду, говоримъ, въ областяхъ, городскіе и волостные люди, посадскіе и крестьяне, вмѣстѣ сходились на земскіе совѣты въ

города. Здѣсь они составляли общинно-областныя челобитныя, выбирали излюбленныхъ, довѣренныхъ ходоковъ *во всѣхъ мѣсто*, и посылали ихъ съ челобитными въ Москву, къ царю. Акты XVII вѣка наполнены этими общинно-областными челобитными, такъ же, какъ ими наполнены были московскіе приказы, и въ особенности, нарочно для того устроенный въ XVII вѣкѣ *Челобитный Приказъ*. И сколько въ этихъ земскихъ челобитныхъ высказалось энергіи народной жизни, смѣлой протестаціи и требовательности, жизненной правды и прямоты народной думы, наконецъ, практической способности областныхъ общинъ къ представительству своихъ мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, къ подачѣ практическихъ, жизненныхъ совѣтовъ правительству въ дѣлѣ земскаго устроенія. Вотъ, напримѣръ, ямскіе охотники, поселившіеся отъ Перми до Верхотурья, для отправленія государственной ямской гоньбы, для перевозки припасовъ, колонистовъ и приказныхъ людей въ Сибирь, безпрестанно шлютъ къ царю челобитныя *во всѣхъ мѣсто*. Они сильно протестуютъ противъ неправильнаго распредѣленія ямовъ, пространства ямскихъ разгоновъ, противъ несообразности ихъ съ мѣстными топографическими условіями, откровенно выставляютъ правительству на видъ его несообразительность съ мѣстными областными условіями и даже совершенное незнаніе этихъ мѣстныхъ особенностей; раскрываютъ правительству, какъ лучше, удобнѣе, сообразнѣе съ мѣстностью устроить отправленіе ямской гоньбы; чрезвычайно изобразительно описываютъ неисправность, неудобства дорогъ и мостовъ, жалуются на крайнюю обременительность и разорительность для нихъ ямской гоньбы, вопіютъ, что она «не въ мочь имъ и ихъ лошадямъ, которыя на дорогахъ издыхаютъ», что, просто, имъ остается только *брести врознь*. Вотъ, земскіе люди древней вольной новгородской колоніи, земли важской, шлютъ въ Москву съ земско-областной челобитной мірскихъ посыльщиковъ «*во всѣхъ важанъ* — шенкурской, кокшенской, подвинской и верховажской чети — *крестьянъ мѣсто*». Жалуются, протестуютъ они противъ того, что царскіе приказчики и ихъ тіуны завели у нихъ на Вагѣ никогда небывалую прежде пошлину, не даютъ имъ свободно ѣздить въ Холмогоры съ хлѣбомъ, сермяжными сукнами, съ овчинами и съ масломъ, а назадъ не даютъ свободнаго проѣзда съ солью, — берутъ съ нихъ, съ хлѣба, съ скотины и со всѣхъ товаровъ пошлину на Вагѣ, во всѣхъ четвертяхъ и по волостямъ, и оттого-де у нихъ и промыслы стали; никто, затѣмъ, ни откуда, ни съ какими товарами къ нимъ не ѣдетъ, и имъ остается только всѣмъ *брести врознь*. А тамъ, другія областныя общины шлютъ къ царю челобитныя на воеводъ и приказныхъ людей, прямо протестуютъ противъ приказнаго управленія, во имя земскаго самоуправленія и самосуда. Они, сожалѣя о старинномъ правѣ излюбленнаго самоуправленія, требуя возстановить его, пишутъ царю, что у нихъ, въ областяхъ, до московскаго разоренья, приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судьи, и жалуются, что съ тѣхъ поръ, какъ стали у нихъ быть приказные люди, имъ отъ тѣхъ приказчиковъ причиняются большіе налоги, убытки, въ посулахъ и кормахъ продажи страшныя — и отъ тѣхъ посуловъ, налоговъ и насильствъ отъ приказныхъ людей они,

посадскіе и крестьяне, оскудѣли, не имѣютъ чѣмъ платить царскихъ податей и *хотятъ брести врознь*. Областныя общины готовы были ежегодно платить казнѣ откупу отъ приказныхъ властей рублей по 1,000 и болѣе; только требовали, чтобъ царь освободилъ ихъ отъ приказнаго начальства и предоставилъ имъ право излюбленнаго мірскаго выборнаго самоуправленія и самосуда. А вотъ еще областныя общины шлютъ челобитныя къ царю, протестуютъ противъ приказно-правительственной писцовой отписи или приписи одной мѣстной общины къ другой, для совокупнаго отправленія государственныхъ податей и повинностей, требуютъ земской територіальной и мірской, общинной особности и самораспорядительности мірскими розметами и розрубами; выставляютъ правительству на видъ мѣстную географическую несообразность, неестественность, неудобность писцовой описи или приписи; жалуются, что такая насильственная припись или отпись нарушала изстаринный, естественно-историческій жизненно-народный колонизаціонный строй областной общины, и т. п. И безчисленное множество подобныхъ общинно-областныхъ челобитныхъ оглашало слухъ царя въ XVII вѣкѣ. Всего же чаще, общинныя областныя челобитныя были протестаціей земства противъ воеводъ и другихъ приказныхъ властей, и воплемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ и нуждъ противъ централизующей, всепоглощающей прибыли государевой казны. Вопіяли, вопіяли такимъ образомъ земскія общины, и въ концѣ каждой своей челобитной, какъ-бы стращая государя, прибавляли: «и оттого земскіе люди *обнищали и оскудали до конца, домы свои бросаютъ и бредутъ врознь*».

Вопія разнообразными областными челобитными, земскія общины, по временамъ,—какъ мы сказали,—выражали свои протестаціи и требованія на земскихъ соборахъ. Такъ на земскомъ соборѣ 1642 года, выборные отъ нихъ громко, сильно вопіяли противъ приказныхъ царскихъ дьяковъ, разбогатѣвшихъ на счетъ посуловъ, взятокъ съ народа, построившихъ на счетъ жалованныхъ имъ земель и деревень «палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя»; вопіяли противъ *лежачей домовой казны* патріарховъ, митрополитовъ, архіереевъ и монастырей; вопіяли противъ царскихъ дворовыхъ приказчиковъ, разбогатѣвшихъ, въ ущербъ тяглымъ людямъ, отъ жалованныхъ вотчинъ, отъ приказныхъ службъ, отъ разныхъ поборовъ съ народа; вопіяли противъ всѣхъ привилегированныхъ чиновъ, разбогатѣвшихъ и *отяжелѣвшихъ* отъ богатства, на счетъ жалованныхъ имъ земель и крестьянскихъ деревень. Вопіяли общинно-областные выборные на земскомъ соборѣ противъ всѣхъ этихъ жалованныхъ привилегированныхъ властей и чиновъ, и требовали, чтобы и на нихъ на всѣхъ наложены были государственные сборы, наравнѣ съ тяглымъ земствомъ. Далѣе, земскіе выборные вопіяли на соборѣ и противъ безпрестанныхъ и разныхъ приказныхъ службъ городовыхъ, отвлекавшихъ торговыхъ и промышленныхъ людей отъ торговъ и промысловъ; вопіяли противъ разныхъ обременительныхъ сборовъ и повинностей, противъ разныхъ казенныхъ работъ и дѣлъ, и почти отказывались отъ новыхъ ратныхъ сборовъ; вопіяли противъ безотчетнаго употребленія и расточенія на мѣстѣ народныхъ податей

и сборовъ, и требовали мѣстнаго контроля надъ казной выборными отъ тяглыхъ земскихъ людей.

Наконецъ, особенно сильно вопіяли на соборѣ гости всѣхъ сотень и торговые люди всѣхъ городовъ противъ воеводскаго управленія въ городахъ, противъ ихъ вреднаго вмѣшательства въ дѣла торговли и промысловъ; прямо говорили царю: «а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ; а торговые люди, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ торговыхъ промысловъ, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ, торговъ своихъ отбыли». Протестуя противъ воеводъ, выборные отъ городовъ напоминали царю про свое прежнее городовое право самоуправленія и самосуда, говорили: «а при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты; а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было». Вопіяли, вопіяли такимъ образомъ на земскомъ соборѣ тяглые земскіе люди, и въ заключеніе своихъ рѣчей, опять говорили вслухъ царя: «и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ служебъ и сборовъ всякіе тяглые люди *оскудѣли и обнищали* до конца, и отъ той большой бѣдности многіе тяглые люди *разбрелися розно, и дворишки свои бросаютъ*». И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII вѣка, бѣглыхъ, гулящихъ людей, избылыхъ отъ тягла, бродившихъ врознь, обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца въ великорусской землѣ стало множество. Акты этого времени наполнены грамотами *о сыскѣ бѣглыхъ*, также какъ ими наполнены были и Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и Приказъ Разбойный.

На земскомъ соборѣ 1648 года выборные отъ областныхъ общинъ еще разъ подали царю земскую челобитную. Въ челобитной этой они сильно протестовали противъ экономическаго неравенства, розни между тяглыми и льготными классами земства; требовали равенства государственно-экономическихъ правъ для всего земства; требовали, чтобъ «всякіе торговые и промышленные люди — и владычни, и боярскіе, и княженецкіе, и кабацкіе откупщики — всѣ были въ тяглѣ и въ свободахъ или льготахъ *вмѣстѣ равно* съ тяглыми черными общинами, — чтобъ *во всемъ народѣ мятежа и розни не было.*

На вопль земскихъ общинно-областныхъ челобитныхъ, на голосъ земскихъ соборовъ вторили тоже и частные люди, помышлявшіе о земскомъ устроеніи, о недостаткахъ и потребностяхъ земства. И они заступались за права и потребности массы народной. Такъ напр., въ *Словѣ о правдѣ*, приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича, протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «Если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣностно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ до самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы*: отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; *а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ.* Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена: то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ

царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ; также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; *на ямскіе расходы много серебра выходитъ.* Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры-писаря ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то *отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врознь,* и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. *Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію — отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами;* ибо владѣютъ большими прибытками. *Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ.* Такимъ образомъ всякій *мятежъ земскій* умалится и *писаря уменьшатся, сборы сократятся и взятокъ не будетъ»* [1]). Извѣстно также, въ какомъ поучительномъ видѣ изобразилъ состояніе Московскаго государства Котошихинъ. Извѣстно, равнымъ образомъ, и замѣчательное политико-экономическое сочиненіе «О Московскомъ государствѣ» Юрія Крыжанича, въ которомъ онъ подробно изобразилъ недостатки и потребности всего земства — торговцевъ, посадскихъ и крестьянъ; смѣло говоритъ, между прочимъ, о *поправленіи тиранства и злаго владѣнія;* указываетъ средства для этого въ политической свободѣ, или, какъ онъ выражается, *въ слободинахъ,* то-есть въ льготахъ и вольностяхъ народныхъ; сильно нападаетъ на *лакомость* или *людодерство* приказнаго начальства, жившаго, — по его словамъ, — *отъ продаванія правды,* и проч.

И дѣйствительно, нельзя было не вопіять земскимъ людямъ въ XVII вѣкѣ, особенно со второй половины этого столѣтія. Московская централизація начинала сильно поглощать, сдавливать, стягивать областную жизнь. Повсюду въ областяхъ введено было воеводское управленіе, вмѣсто прежняго выборнаго самоуправленія и самосуда. Вольнонародная колонизація и свободное самоустройство городскихъ и сельскихъ общинъ окончательно замѣнились приказно-правительственной, преимущественно военно-стратегической колонизаціей, казеннымъ *городовымъ дѣломъ, указнымъ* устройствомъ городовъ, остроговъ, и т. п. Равноправное, свободное экономическое саморазвитіе земства сильно подрывалось несправедливымъ, вопіющимъ разъединеніемъ земства на тяглыя и льготныя общины; неравныя государственныя условія экономическаго состоянія общинъ и частныхъ людей порождали вопіющее экономическое неравенство въ народѣ: порождали множество *голутвенныхъ, обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца людей* рядомъ съ *отяжелѣвшими* отъ богатства привилегированными людьми. Экономическіе интересы земства поглощались интересами и прибылью государевой казны; доходы народные стягивались тягломъ, податями, или тяглыми и разными сборами въ государеву казну. Сильно развивалась монополія казны, напр. въ кабацкихъ откупахъ, во многихъ промыслахъ, особенно

---

[1]) Та же цитата приведена въ рѣчи „Голосъ древней русской церкви".
В. С—въ.

сибирскихъ и поморскихъ. Господствующимъ мотивомъ, принципомъ казны въ распоряженіи земскими доходами стало правило: *какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе.* Истязательность, запросливость казны доходила до такого воззванія къ земскимъ людямъ: «хотя нынѣ промысловъ своихъ убавьте, да дайте денегъ казнѣ». Народъ, недовольный кабацкими откупами и сборами въ пользу казны, переставалъ иногда пить царское вино, такъ что кабацкіе головы и цѣловальники, по причинѣ малыхъ кабацкихъ сборовъ, доносили царю: «а въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ питуховъ мало»; а царь строго упрекалъ воеводъ за недостатокъ кабацкихъ сборовъ въ такомъ, напримѣръ, тонѣ: «вамъ бы гдѣ искать передъ прежнимъ прибыли, а вы кабаки хотите отставить, чего прежде не бывало». Началась, дальше, сословно-записная, или сословно-разъединительная систематизація и разсортировка земства. Вольныя народоправныя *черныя волости*, къ концу XVII вѣка, окончательно раздѣлены были на классы крестьянъ—помѣщичьихъ, казенныхъ и дворовыхъ. Систематически совершалось сословное и хозяйственно-бытовое раздѣленіе; различіе между горожанами и поселянами, между городами и селами, между городскимъ торгово-ремесленнымъ и сельскимъ земледѣльческимъ трудомъ. Крестьяне окончательно прикрѣплялись къ сельской государевой и помѣщичьей землѣ, посадскіе—къ посадской, городской землѣ. Крестьянамъ запрещалось имѣть осѣдлость въ городахъ, на посадахъ, устраивать, покупать и нанимать лавки въ рядахъ, и позволялось только *наѣздомъ* продавать свои товары, съ возовъ и струговъ, на гостиномъ дворѣ. Крестьянъ, свободно, самовольно селившихся въ городѣ, на посадѣ, для промысла или торга, велѣно *свозить* въ деревни; посадскихъ, свободно, самохотно селившихся въ селахъ и деревняхъ, велѣно *свозить на посады*, кто гдѣ жилъ. Вмѣстѣ съ начаткомъ постояннаго, регулярнаго войска, начало организоваться и военное сословіе, солдатство. Вслѣдствіе признанія преступленіемъ прежняго свободнаго поставленія въ попы и дьяконы земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ, вслѣдствіе строгихъ указовъ о ставленникахъ и «записныхъ книгъ новоставленнымъ попамъ и дьяконамъ» совершалось сословное прикрѣпленіе духовенства къ церкви, систематическое отдѣленіе, обособленіе его отъ земства, какъ особой сословной касты. Вслѣдствіе раздѣленія земскаго и церковнаго элемента духовенство теряло нравственную силу и вліяніе на земство, нравственно падало; земство отдѣлялось, обособлялось отъ духовенства, предавалось больше умственному и религіозному вліянію своихъ народныхъ грамотниковъ, чѣмъ попамъ [1]) и монахамъ. Наконецъ, образовалось особое сословіе служилаго и приказнаго городоваго дворянства. Бояре, дѣти боярскіе и приказные люди въ приказныхъ службахъ и въ помѣстьяхъ владычествовали надъ народомъ, обогащались на счетъ народа; боярство стремилось пріобрѣсти перевѣсъ надъ земствомъ. Московскіе знатные бояре дѣлались временщиками при дворѣ царя. «Царь молодой —

[1]) Срв. въ рѣчи „Голосъ древней русской церкви“ замѣчаніе объ упадкѣ нравственнаго вліянія духовенства XVIII вѣка. *В. С—въ.*

говорили тогда нѣкоторые земскіе люди — смотрѣлъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго». Такимъ образомъ, *земское устроенье къ покою людямъ*, обѣщанное царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ на соборѣ 1619 года, не ладилось, или ладилось большею частью не въ духѣ земства. Произошло даже раздѣленіе между *государевымъ*, *царственнымъ* и народнымъ, *земскимъ дѣломъ*,—раздѣленіе офиціальное, высказанное самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Этотъ царь не далъ и той записи, какова учинена была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; по словамъ Котошихина, «государство свое правилъ по своей волѣ, и того ради писался *самодержцемъ*; въ его волѣ, чего хотѣлъ, то и могъ сдѣлать». Издавъ «Уложеніе», онъ дозволилъ выборнымъ земскимъ, въ числѣ 315 человѣкъ, только выслушать его, да подписать. Въ «Уложеніи» (скажемъ словами графа Завадовскаго) написаны были законы не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ; кнутъ, избранное орудіе во исправленіе судей и тяжущихся и ко извлеченію по дѣламъ истины, полагаемъ, былъ дѣйствительнѣйшею принадлежностью суда. Для поддержанія суевѣрія установлены тамъ нелѣпыя предписанія, и для праздныхъ людей и обитающихъ въ печальныхъ изувѣрства убѣжищахъ, узаконены за учиненную ими самомалѣйшую обиду пени, часто приводившія въ нищету неимущихъ и обогатившія отрекшихся отъ міра». Неудивительно послѣ этого, что до 160-ти человѣкъ протестовали противъ «Уложенія» и заточены были въ Соловецкій монастырь.

Вмѣсто *земскаго строенья*, въ духѣ народномъ, по волѣ, по общинно-областнымъ, земскимъ челобитнымъ народнымъ, царь Алексѣй Михайловичъ *всякія дѣла, великія и малыя* — по словамъ Котошихина, — *по своей мысли учинялъ, какъ хотѣлъ*; первый, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ — московскихъ государей, сталъ вводить, какъ тогда говорили, *иноземскія измѣненія, нѣмецкіе обычаи и поступки, нѣмецкіе чины иночиновны, нѣмцевъ и прочіе языки; яко благодѣевъ, принималъ и честію веліею почиталъ*. Это *учиненіе по мысли и волѣ* царя Алексѣя Михайловича, безъ *совѣта съ земскими думными людьми*, вопреки естественно-историческимъ, жизненно-народнымъ, изстариннымъ началамъ *земскаго строенья*, — это *учиненіе* чиновъ и судовъ и обычаевъ иночиновныхъ, нѣмецкихъ, сильно возмущало земскихъ людей. Они не были врагами собственно-иностранцевъ, европейцевъ; напротивъ, гости, торговые русскіе люди сами ѣздили въ XVII вѣкѣ за границу, въ Голландію и Англію; немного спустя, даже между расколо-учителями были ученые иноземцы, хорошо знавшіе *люторскую вѣру*, французскій и нѣмецкій языки. Но русскіе земскіе люди возмущались этимъ *нѣмецкимъ учиненіемъ* русскаго *земскаго строенья*, не *сочинявшагося отвлеченно*, а создававшагося жизнью всего народа, цѣлаго земства, своеобразно развивавшагося изъ духа народнаго. Вотъ почему, — по словамъ одного хронографа, — въ 1665 г. къ царю Алексѣю Михайловичу приходилъ какой-то *мужъ мудрый* и совѣтовалъ ему «не вводить, не учинять въ гражданствѣ иноземскіе обычаи, чины и суды иночиновны».— «Что будетъ въ гражданствѣ?» спросилъ его царь. «Въ гражданствѣ, — отвѣчалъ *мужъ мудрый*: — будутъ тайныя похищенія скипетровъ людей; вельможныхъ будетъ постигать, какъ естественная, такъ и напрасная смерть.

Затѣмъ послѣдуютъ великія молвы, смущенія и *различныя постановленія уряду городскаго, послѣдуютъ ненавистныя, въ поношеніе и укоризну учиненныя, законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзкихъ прозябенія.* А изъ-за этого, будутъ великія скопища, сходы многонародные *чувствительные.* Богъ да избавитъ, чтобъ не выскочило оттуда какое-нибудь зло опредѣленное. Тогда вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубно будетъ; гдѣ будетъ судъ и правда, тамъ и бранямъ не будетъ конца! Подданные возстанутъ противъ правителей *за то, что сердца ихъ сильно опечалены и тоскою наполнены.* Хотя нѣкоторые вельможи и помыслятъ объ упокоеніи уставительномъ, и всяку жилу натянутъ, чѣмъ бы колеблимый народъ могъ успокоиться, но мало помогутъ. Притомъ, будутъ сборища, казна истощится, и мучители, которые сильно возсвирѣпѣютъ, погибнутъ».

Наконецъ, въ добавокъ къ общимъ мотивамъ недовольства, простой народъ отягощенъ и раздраженъ былъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, повышеніемъ акцизной пошлины на самую жизненную потребность — на соль. Безсовѣстные чиновники, въ родѣ главнаго судьи въ Земскомъ приказѣ, Плещеева, и управляющаго Пушкарскимъ приказомъ, Траханіотова, страшно обижали и притѣсняли простой народъ до крайняго разоренья. Бояре задерживали народныя челобитныя. Въ приказахъ судныхъ не было правосудія, а къ царю простой народъ не допускали.

Все это вызывало громкій челобитный вопль земства, а за воплемъ — недовольство, раздраженіе и возстанія. Вопіяли, вопіяли, такимъ образомъ, земскіе люди и на земскихъ соборахъ, и въ общинно-областныхъ, земскихъ, и въ частныхъ челобитныхъ. Не услышали они жалованнаго слова; не получили успокоительнаго отвѣта на свои челобитныя; не получили правильнаго, цѣльнаго и прочнаго земскаго строенья. И вотъ, вслѣдствіе разъединенія, раздѣленія *государева и земскаго* дѣла, вслѣдствіе нестройности, неладности земскаго устроенья, — въ земствѣ произошелъ разладъ и расколъ. Начались народныя движенія, бунты, ознаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича и почти всю вторую половину XVII-го столѣтія. Весьма многіе земскіе люди съ этого времени часто «государеву указу и повелѣнію учинялись противны, и, преступя его крестное государево цѣлованье, про него, великаго государя, износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали...» А тамъ, далѣе, ужъ глухо слышалось страшное слово: «Антихристъ!»

Взбунтовались сначала въ Москвѣ земскіе люди *всею землею.* «1648 года мѣсяца мая въ 25-й день—сказано въ дворцовыхъ разрядахъ, — грѣхъ ради нашихъ учинилося междоусобство отъ земскихъ людей: просили у государя Земскаго приказа судью Леонтья Степановна сына Плещеева, и государь указалъ имъ Леонтья Плещеева по ихъ прошенью отдать, и они междоусобствомъ учинялись быть въ непослушаньѣ, а Леонтья Плещеева убили, и Посольскаго приказа думнаго дьяка Назарья Чистаго убили, и домы ихъ разграбили, и иные многіе боярскіе домы, и стольниковъ, и гостиные разграбили. И на завтрея, мая въ 26-й день учинилась большая смута, и учали *всею землею* просить у государя убить окольничаго Петра Траханіотова. И Петра Траханіотова велѣлъ государь имъ отдать, и они на пло-

щади Петра казнили.» Разъяренный народъ останавливалъ самого государя на поѣздѣ, схватывалъ за узду его лошадь, держалъ царя за пуговицы, и кричалъ: «На кого же намъ надѣяться, какъ не на тебя, царь!» Отъ разъяренности массы, — по словамъ Котошихина, — «и царица, и царевичи, и царевны запершися сидѣли въ хоромѣхъ въ великомъ страху и боязни».

Вслѣдъ за московскимъ бунтомъ — бунтъ коломенскій, бунтъ въ Псковской землѣ, бунтъ въ Новгородской землѣ, бунтъ въ Устюгѣ, бунтъ въ Сольвычегодскѣ... Словомъ, *міръ весь закачался*, — какъ говорилъ тогда одинъ изъ бунтовщиковъ. Бунты произошли во многихъ городахъ. По словамъ одного акта, «учинилась на Москвѣ *и по городамъ* брань междоусобная, и донынѣ *по городамъ* мятежъ».

По географической раздѣльности областей, по разрозненности мотивовъ, разрозненные мѣстные бунты не могли объединиться въ одну общую оппозицію недовольнаго земства. Потому они скоро, одинъ за другимъ, были прекращены... И, казалось, настало безмятежное, мирное время.

Въ это время, въ тиши, на московскомъ книгопечатномъ дворѣ, возникаетъ первый толкъ, первое согласье *раскола*.

Никто тогда не думалъ, не гадалъ, что это будетъ могучая, страшная общинная оппозиція податнаго земства, массы народной противъ всего государственнаго строя — церковнаго и гражданскаго. Никто тогда не думалъ, что этотъ расколъ возникъ для объединенія, для обобщенія всѣхъ бывшихъ дотолѣ и будущихъ разрозненныхъ мѣстно-областныхъ народныхъ движеній въ одно общее оппозиціонное согласіе недовольнаго земства, для обобщенія всѣхъ неудовлетворенныхъ, челобитныхъ воплей, желаній, стремленій, недовольствъ, антипатій, протестацій и вѣрованій массы народной въ одну оппозиціонную *общинно-согласную*, церковно- и гражданско-народную доктрину, съ подраздѣленіемъ только на разные частные толки и согласія. Тогда многіе недовольны были только тѣмъ, что, напримѣръ, Никонъ исправилъ по *греческимъ* церковнымъ книгамъ своеобразныя *великорусскія* мѣстно-областныя разногласія, особенности въ славяно-русскихъ церковныхъ книгахъ и въ старинныхъ народныхъ религіозныхъ обычаяхъ. Равнымъ образомъ, многіе негодовали на то, что царь Алексѣй Михайловичъ вводитъ въ старинное великорусское земское строеніе — *иноземное, нѣмецкое учиненье, нѣмецкіе обычаи и чины*. Но никто тогда не зналъ, что съ тѣхъ поръ, со времени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича, расколъ будетъ вѣковымъ отрицаньемъ греко-восточной, *никоніанской* церкви и государства, или имперіи Всероссійской, съ ея иноземскими нѣмецкими чинами и установленіями. Наконецъ, никто тогда не думалъ и не зналъ, что со времени раздѣленія *государева* и *земскаго дѣла*, расколъ возьметъ на себя *земское дѣло* продолжать, развивать, по мѣрѣ возможности, помимо *государева дѣла*, великорусское *земское строенье* новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ своенароднымъ началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды.

А изъ малаго зерна началось развитіе раскола. Сначала небольшое согласье *великорусскихъ, московскихъ* протопоповъ и поповъ возбудило клерикально-іерархическое, *поповщинское* движеніе противъ *греко-кіевскаго* испра-

вленія старыхъ *великорусскихъ* церковныхъ книгъ и противъ суроваго, строгаго патріаршества Никона. Многіе попы, дьяконы, дьячки, особенно такъ называемые *тяглые*, съ радостью приняли новое *поповщинское* ученіе.

Вопросъ о старыхъ церковныхъ книгахъ, по которымъ народъ издревле учился грамотѣ въ своихъ земскихъ училищахъ, которыя предки завѣщевали дѣтямъ, скоро сталъ вопросомъ народнымъ, земскимъ. Это тѣмъ скорѣе, что изстари вопросы и дѣла церковныя на Руси считались столько же земскимъ дѣломъ, сколько и церковнымъ. Областныя общины, какъ, напримѣръ, въ смутное время, сами собою, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ, дѣлали религіозныя распоряженія, постановленія. Даже сельскія общины, *по мірскому уложенью*, сами собою устанавляли для себя религіозныя *заповѣди*, узаконенія; новгородско-поморскія общины, вмѣстѣ съ псковскою, особенно отличались этимъ общиннымъ земскимъ вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла. На этомъ основаніи, и вопросъ, поднятый расколомъ, сталъ вопросомъ земскимъ. И тѣмъ болѣе онъ получилъ земское значеніе, что расколъ скоро представилъ передъ народомъ царя Алексѣя Михайловича—Антихристомъ; отвергъ «Уложеніе», по многимъ узаконеніямъ тяжкое для земства, и сталъ за изстаринные великорусскіе земскіе обычаи противъ иноземскихъ, нѣмецкихъ нововведеній. При томъ же, одинъ изъ сильныхъ расколоначальниковъ, духовникъ царя, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ,—какъ мы видѣли,—заступался за массу земства, за крестьянъ, защищалъ ихъ отъ вельможей, бояръ, писцовъ, ямскихъ сборовъ и расходовъ.

Проникнувъ въ массу земства, вопросъ, поднятый расколомъ, глубоко затронулъ грамотниковъ народныхъ. Начались *толки* грамотниковъ и стали появляться разные *толки* раскола, комбинируясь, обобщаясь въ согласья. Грамотниковъ этихъ, какъ своихъ народныхъ учителей, съ полной вѣрой слушалъ весь простой народъ: слушали земскіе люди, гости, купецкіе и посадскіе люди, крестьяне, стрѣльцы, казаки, и обращались въ согласья раскола. И сталъ расколъ, такимъ образомъ, *ученьемъ, толкомъ, согласьемъ* земскимъ, народнымъ, жизнью и исторіей массы народной. *Старина* религіозная и мірская, гражданская, была основой этого ученья.

Изъ Москвы, изъ столицы древняго *московскаго государства, царства*, расколъ быстро распространился по всѣмъ великорусскимъ областямъ и сталъ принимать *областное* направленіе и устройство. Онъ сталъ осѣдаться, установляться, путемъ новой колонизаціи пустынныхъ мѣстъ, лѣсовъ—въ новые областные скиты, общины *поморскія: стародубскія, донскія, керженскія, казанскія, сибирскія, саратовскія*, и т. д. по изстаринному обычаю, называя московскую раскольничью общину *Москвою*. Главнымъ центромъ и исходнымъ пунктомъ децентрализаціи, областности, мѣстнаго земско-общиннаго, религіознаго и гражданскаго саморазвитія раскола, была *Поморская область* — древняя колонія вольнаго Великаго-Новгорода, боярскихъ фамилій, боровшихся съ Москвою за областную свободу, колонія вольныхъ казаковъ и бобылей, средоточіе народоправныхъ *черныхъ волостей*. Въ ней возникло демократическое ученье — *не молиться за московскаго государя-царя*. Въ поэзіи поморскаго раскола изображается борьба Поморья съ Москвой.

Изъ московской клерикально-іерархической *поповщины*, проникнувъ въ массы земства, въ городскія и сельскія общины, сдѣлавшись, помимо поповъ, *безъ поповъ*, толкомъ грамотниковъ народныхъ, расколъ скоро сталъ *безпоповщиной*. И это направленіе онъ выразилъ опять прежде всего тамъ же, на сѣверѣ, въ Новгородско-поморской области, гдѣ давно стали появляться безпоповщинскія ученія; гдѣ земскіе люди изстари привыкли жить *безъ поповъ*, ограничиваясь мірскою *часовенною* религіозностью; почему въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вѣка постоянно означались *дворы поповы пусты*. Притомъ, поморскія черныя волости изстари имѣли псковско-новгородскую привычку къ мірскому общинному самораспоряженію церковными дѣлами, и кромѣ того, съ XVI-го вѣка находились подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, шведскихъ перебѣжчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавшись великорусскимъ народнымъ ученьемъ, расколъ сталъ отрицаньемъ *грецизма*, или того, что называется *византизмомъ*. Это потому, что съ XV-го вѣка, со времени паденія Византіи, въ Великороссіи стали ненавидѣть, гнать грековъ. Извѣстна печальная участь ученыхъ грековъ, начиная отъ Максима Грека и до Арсенія Грека, противъ котораго московскіе расколоначальники особенно вооружились, такъ же, какъ и противъ *малороссійскихъ* кіевскихъ ученыхъ, такъ что въ имени Арсенія Грека, вмѣстѣ съ именами Никона и царя Алексѣя Михайловича, находили число антихристово—666. По словамъ одного раскольничьяго сочиненія, про грековъ въ половинѣ XVII-го вѣка даже простой народъ съ насмѣшкою говорилъ, что имъ же нужно учиться у русскихъ, а не учить русскихъ.

Съ того момента, какъ расколъ сталъ толкомъ, ученьемъ массы народной, во всѣхъ классахъ ея появились расколоучители. Богатые гости, купецкіе и посадскіе люди, не только сами распространяли расколъ, но и своими капиталами поддерживали, усиливали и устроивали раскольничьи общины, согласья. Таковъ, напримѣръ, былъ великолуцкій купецъ Иванъ Дементьевъ, ученикъ главнаго расколоучителя псковскаго и новгородскаго, протопопа Варлаама. Разъѣзжая по торговымъ дѣламъ по Новгородскому краю, купецъ этотъ,—по словамъ Денисова,—«всебогатый, преизобильный плодъ усугубилъ не въ тридесять токмо и шестьдесятъ, но и во сто прозябаемый, яко и во градѣ, и въ селахъ, и въ весяхъ, и во всѣхъ предѣлахъ новгородскихъ нелѣпостно слово простираше. Откуду убо пребогато показа подвизаніе свое. Колики убо утверди въ древне-православномъ стояти благочестіи! Колики научи новопреданныхъ блюстися догматъ! И не простіи токмо люди, но и честныя и благородныя персоны, и фамильныя и славныя лица въ древнемъ благочестіи всекрѣпко утверди быти». Таковъ точно былъ новгородскій купецъ Лаврентій, «иже—по словамъ Денисова—харчевыми припасами куплю дѣяше: аще и неученъ бяше книгамъ, но книги въ дому имѣя, отовсюду собираше человѣки на книгочтеніе и спасительныя о словесѣхъ божіихъ бесѣды». Таковъ же былъ въ Олонцѣ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, «имѣніемъ—по словамъ Денисова—изобильный и многихъ утвердившій въ благочестіи, откуда слава о ревности онаго происхождаше». И множество, во всѣхъ городахъ, явилось подобныхъ купецкихъ и посадскихъ людей-расколоучителей.

Крестьяне, въ родѣ восхваляемыхъ Андреемъ Денисовымъ, Василья Лисицына, изъ села Крестецкаго, Евсевія Простаго, каргопольскаго Леонтья и другихъ, также «свободнымъ языкомъ похваляли древнюю вѣру, аще въ бесѣдахъ, аще на торжищахъ, во градѣ, въ селахъ, или гдѣ случалось, ясно разглагольствовали, и прочихъ сосѣдовъ и окрестножителей всежелательно и братолюбно, доброревностно научали новинъ и Никоновыхъ новоправленій весьма отбѣгать».

Дошло до сельскихъ грамотниковъ сильно распространившееся тогда мнѣніе, «яко бы по тысящѣ лѣтъ Римъ отпаде, яко же книга о вѣрѣ глаголетъ, а по 600 лѣтѣхъ Малая Русь отступи къ Риму, а по 60 лѣтѣхъ и Великая Русь превратися въ разныя нечестія и пестроты многи; послѣднее отступленіе третіяго Рима при Никонѣ подвижеся». И вотъ сельскіе, крестьянскіе грамотники по своему взяли это мнѣніе въ толкъ, будто «вѣра отпадала триста лѣтъ и, наконецъ, въ ихъ время, отпала». И стали они измышлять свою, новую, русскую *крестьянскую* вѣру, такъ какъ и греческая вѣра прежде въ актахъ часто называлась *крестьянскою вѣрою*. Христіанства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ преданіяхъ, крестьяне большею частью не знали, да и знать не могли, потому что они,—по словамъ псковскаго архіепископа Маркелла,—какъ «люди зѣло простые», отъ временъ Владиміра и до XVII вѣка научились только именамъ: Христосъ, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и произносили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнью, «елико кто что умѣюще». Притомъ, самая большая часть великорусскаго народа была не что иное, какъ крещеная, обрусѣлая Чудь, Финны; слѣдовательно, эта половина крестьянскаго населенія еще менѣе могла познакомиться съ христіанствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ книгамъ. По этимъ причинамъ, нѣкоторые изъ раскольниковъ при допросахъ на судѣ прямо сознавались: «прямаго-де христіанскаго ученья, какъ проповѣдуетъ восточная Церковь, и отъ рожденья своего они не слыхали». И вотъ, зная только имя Христа, да слыша изъ апокрифическихъ народныхъ сказаній, будто Христосъ иногда ходитъ по землѣ, является людямъ даже на поляхъ, нѣкоторые крестьяне стали искать Христа, чтобъ онъ показалъ имъ себя видимо.

Сіяла вѣра много лѣтъ
И стала вѣра отпадать
И отпадала триста лѣтъ.
И изъ тѣхъ людей—были люди умные,
И, соединясь между собою тѣсно,
Послали людей на святое мѣсто.
И пришли тѣ люди
Подымать стали руки на небо,
Сзывать Бога съ неба на землю:
„Господи, Господи, явися намъ,
Въ крестѣ или въ образѣ
Было бъ чему намъ молиться и вѣрити“.
И бысть имъ гласъ изъ-за облака:
„Послушайте, вѣрные мои:
Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю,

Изберу я плоть пречистую и облекусь въ нее,
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу Богъ.
Приму я распятый крестъ,
Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильницы желѣзныя,
Пролью слезы горючія.
Станете ли ко мнѣ въ темницы приходить,
И узы съ меня снимать,
Десятую денежку подавать?"

И вотъ, какъ легко въ XVII вѣкѣ демократизмъ массы *разъигрывался игрой* въ самозванцы-цари, такъ точно, простой крестьянинъ Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Иванъ Тимоѳеичъ Сусловъ, явился религіознымъ самозванцемъ, антропоморфически назвалъ себя Господомъ-Христомъ. И съ тѣхъ поръ самозванцевъ-Христовъ явилось нѣсколько.

Сошелъ Господь съ неба на землю
И рожденье ему было въ стародубской сторонѣ,
А житіе его было въ бѣлокаменной Москвѣ,
Спознали про него Іудеи на землѣ,
Предали его на муку, на страданье [1]).

Нельзя видѣть въ этомъ религіозномъ самозванцѣ грубаго богохульства. Скорѣе тутъ выразился миѳологическій антропоморфизмъ. Въ то время, когда вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ помѣщиковъ и съ появленіемъ *иночиновныхъ званій, отличій и чиновъ*, съ усиленіемъ вельможества, *боярства*, личность крестьянина теряла свободу и старинное юридическое равенство съ высшими городскими классами земства, какое неотъемлемо принадлежало свободнымъ крестьянамъ до XVI-го вѣка,—въ то время расколъ, во имя религіознаго и гражданскаго характера своего, возвышалъ личность крестьянъ. Расколъ прославлялъ, возвеличивалъ *простыхъ поселянъ, невѣждъ въ поселянахъ*, въ родѣ Евсевія Простаго; возводилъ ихъ въ святые, такъ же, какъ до XVII вѣка, дѣти крестьянъ, наравнѣ съ дѣтьми князей и бояръ, достигали самаго высокаго почета, прославлялись святыми, чего съ XVII, и особенно съ XVIII столѣтія, крестьяне не сподоблялись. Только расколъ возводилъ личность крестьянъ до апотеозы. Впослѣдствіи, когда личность крестьянская сильно была подавлена, порабощена крѣпостнымъ правомъ, окончательно нарушено было старинное юридическое равенство крестьянъ съ высшими городскими классами земства; когда народныя ученія назывались *дурацкимъ расколомъ*, слово *мужикъ* и *дуракъ* стали синонимическими и образовалась поговорка: *мужикъ-дуракъ*; когда, вообще, простой народъ назывался *подлымъ народомъ*—тогда это религіозное самозванство *христами-искупителями*, такъ называемыя *христовщины*, выражали не что иное, какъ миѳическую, религіозно-антропоморфическую персонификацію крестьянскаго народовластія, миѳическое возвышеніе нравственнаго человѣческаго достоинства

---

[1]) Сусловъ былъ пойманъ, для разспросовъ и пытокъ привезенъ въ Москву къ патріарху Никону и князю Одоевскому, и посаженъ въ тюрьму.

крестьянской личности, миѳическое возведеніе ея до апотеозы. Эта мысль выражена въ слѣдующемъ народномъ стихѣ:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики.
Какъ и эти дураки,
Словно съ медомъ бураки;
Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ.

Расколъ затронулъ, возбудилъ своеобразную, русскую простонародную фантазію и мыслительность. Вездѣ, по городамъ, селамъ и деревнямъ, на улицахъ, на торжищахъ, въ хоромахъ купецкихъ, въ избахъ крестьянскихъ шли толки *о послѣднемъ времени.* Словно наступала новая эпоха въ жизни, въ судьбѣ массъ. Сходились на пиръ, на бесѣду, и здѣсь толковали о послѣднемъ времени. И было, впрочемъ, о чемъ толковать, когда началось страшное гоненіе на расколъ.

Какъ у насъ было на семъ свѣту—во святой Руси,
Во славной матушкѣ—каменной Москвѣ,
Во мѣщанской третьей улицѣ,
Не два солнышка сокатилися—
Тутъ два гостя ликовалися:
Гость Данило Филиповичъ,
Гость Иванъ, сударь, Тимоѳеевичъ.
Въ одно они мѣсто съединилися,
Другъ другу они поклонилися.
Поклоняется Иванъ Тимоѳеевичъ
Дорогому гостю богатому,
Данилѣ Филиповичу:
„Ты добро, сударь, пожаловать
Въ мою царскую палатушку!
У меня все, сударь, приготовлено,
И столы, сударь, разставлены,
На столахъ скатерти накрытыя,
Изготовлены яствы сахарныя
Со нивами со медвяными.
Добро, сударь, пожаловать,
Хлѣба съ солью покушати!
И я радъ твоихъ глаголовъ слушати
Про твое время послѣднее
И про твой божій престрашный судъ“.

Начались гоненія на расколъ. Стали раскольниковъ вездѣ отъискивать и ловить.

И когда то времячко пришло,
То до праведныхъ дошло.
Стали праведныхъ ловить,
Въ города возить стали и ковать,
Вязать, въ земляны тюрьмы сажать,
Караулы приставлять.

Богатые гости, купцы не щадили денегъ на выкупъ своихъ единомышленниковъ изъ тюремъ и изъ темницъ.

Ужъ какъ по морю, по морю, по синему морю,
По Хвалынскому и житейскому,
Плыли, выплывали гости корабельщики,
Изъ дальнихъ городовъ—израильскихъ родовъ.
Приплывали гости
Къ Ерусалиму граду—каменной Москвѣ,
Приходили они къ земляной тюрьмѣ:
„Ай вы, гой еси, караульщики!
Что̀ это у васъ за темницы стоятъ?
Что̀ въ темницахъ за невольники сидятъ?
Про что вы ихъ бьете, про что мучаете?
Что̀ на нихъ пытаете, чего спрашиваете?"
Тутъ отвѣтъ держатъ караульщики:
„Ахъ вы, братцы, корабельщики!
Ихъ про вѣру бьютъ божью истинную,
На нихъ спрашиваютъ самого Бога Христа."
Стали гости между собою оглядываться,
Выкупать стали, выручать,
И на волю выпущать.

Между тѣмъ, какъ въ земствѣ усиливался расколъ, то-есть отпаденіе земскихъ людей, какъ тогда говорилось, *отъ государева московскаго государства,* и началась энергическая, рѣшительная борьба раскола съ силой правительственной, на югѣ, въ степяхъ Донской Украйны, на Волгѣ, собирались народные борцы—казаки и всѣ недовольные царствованіемъ Алексѣя Михайловича. Собирались всѣ тѣ *обнищалые, оскудѣлые до конца и разбродившіеся врозь люди,* которые такъ долго, неумолчно и напрасно вопіяли, въ своихъ земскихъ общинно-областныхъ челобитныхъ; противъ государственно-экономическаго неравенства земскихъ общинъ и людей. Собирались тѣ голутвенные, обнищалые люди, которые протестовали противъ исключительной привилегированности и льготы отъ тягла однихъ богачей, обогатѣвшихъ отъ жалованныхъ имъ вотчинъ, на счетъ тяглаго земства; *отяжелѣвшихъ* богатствомъ многимъ отъ лежачей домовой казны и построившихъ на посулы, на счетъ жалованныхъ крестьянскихъ деревень, на счетъ служебнаго приказнаго кормленья, *каменныя палаты, такъ что неудобь сказаемыя.* Собрались всѣ эти *голутвенные люди* на Донскую Украйну, выбрали атаманомъ Стеньку Разина, и пошли съ этимъ могучимъ предводителемъ вверхъ по Волгѣ, противъ Москвы. И стали они избивать князей, бояръ, воеводъ, всѣхъ приказныхъ людей, всѣхъ богачей, разжившихся на счетъ льготъ и привилегій. Стенька Разинъ объявилъ массамъ: «Я не хочу быть царемъ, а иду только избить всѣхъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, и хочу сдѣлать васъ всѣхъ равными!»

Тутъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, расколъ явился ужъ объединяющей силой, душой движенія. Бунтъ Стеньки Разина былъ уже вмѣстѣ и бунтомъ раскола, первымъ явнымъ народнымъ движеніемъ его, такъ какъ донское казачество тогда уже обратилось въ раскольничью общину и воз-

водило даже свои казачьи *рады*, *круги* до религіозной санкціи въ образѣ религіозныхъ *радъ* или *радѣній* и *святыхъ круговъ*. Въ честь своего вождя-освободителя отъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей донскіе казаки въ своемъ кругу воспѣвали пѣснь:

Ай у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому,
Ходитъ съ нами
Во святомъ онъ во кругу.

Взбранный воевода, нашъ сударь, батюшка!
Плыветъ по Сладимъ-рѣкѣ да царскій корабль,
Вокругъ царскаго корабля легки лодочки,
Во лодочкахъ вѣрны царски дѣтушки,
Пловцы, бѣльцы, стрѣльцы, донскіе казаки!

Древнее астраханское царство Стенька Разинъ хотѣлъ сдѣлать, въ противоположность Москвѣ, московскому государству, царствомъ казачества и раскола, къ чему и послѣ, со второй половины XVIII столѣтія, стремились раскольники, особенно *бѣгуны*. Въ религіозно-общинномъ раскольничьемъ духѣ, Стенька Разинъ свирѣпо убилъ астраханскаго архіепископа и также покушался поступить и съ астраханскимъ воеводой.

Изъ Украйны Донской, изъ царства казачества, росколо-казачье движеніе отозвалось въ Сѣверно-Поморской области, въ средоточіи религіознаго и гражданскаго раскола. Тамъ казаки-раскольники, вмѣстѣ съ монахами соловецкими,—по словамъ митрополита тобольскаго Игнатія—«начали быть во всемъ противны не только хулами св. церкви, но и благочестиваго царя не захотѣли признать своимъ государемъ». «Воры-сотники—читаемъ далѣе, въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ,—про великаго государя говорили такія слова, что не только написать, но и мыслить страшно». Соловецкій бунтъ былъ раскольничьимъ протестомъ, антагонизмомъ Поморской области противъ Москвы. Потому онъ и изображается въ одномъ раскольничьемъ стихѣ, какъ борьба Поморья съ Москвою, съ московскимъ государствомъ.

Бунтъ Стеньки Разина, бунтъ соловецкій, также какъ и поморскія пудожскія движенія Емельяна Иванова, Власки «лихаго вора» и другихъ, были прекращены... Но расколъ остался и живучъ и силенъ. Въ бою казачьемъ, въ бунтахъ народныхъ онъ еще больше укрѣпился, закалился, такъ-сказать, слился съ кровью массъ.

Между тѣмъ горе народное скоплялось все больше и больше. «Сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены». Недаромъ къ XVII столѣтію относятъ многознаменательную народную повѣсть *о горѣ-злочастьѣ*. Съ XVII столѣтія, въ одно время съ умноженіемъ голытьбы кабацкой, простой народъ особенно позналъ горе-злочастье и выразилъ его въ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ челобитныхъ. Ото всего онъ разбродился врознь, убѣгалъ, но отъ горя-злочастья, по словамъ пѣсни, не могъ укрыться «ни въ чистомъ полѣ, ни въ лѣсахъ темныхъ, ни въ синемъ морѣ».

«Въ лѣто 1682—читаемъ въ хронографѣ—во время зимнее, начали люди сильно тужить по причинѣ неправдъ и нестерпимыхъ обидъ. Особенно начали злобиться на временщиковъ, главныхъ судей, за то, что они мздоимствомъ ослѣпили себѣ очи. Повсюду тогда, не только между мужчинами, но и между женщинами, шли рѣчи объ обидахъ, о неправомъ рѣшеніи дѣлъ. А тѣ, ближніе предстатели царя, только вымышляли мниморазумное сами собой, а не на совѣтѣ многихъ людей, презирая людей искусныхъ, мудрыхъ и старцевъ, покусились вводить въ государствѣ всякія новыя дѣла, въ гражданствѣ—чины для дарованія чести и суды иночиновные, подражая обычаямъ иноземскимъ. Забыли они писанное, что отнюдь не слѣдуетъ вдругъ вводить вновь иностранные обычаи, чины предсѣдательства, отличія, почести, званія, неслыханныя въ своемъ государствѣ, также перемѣну въ одеждахъ, въ обувяхъ, въ пищѣ и питьѣ, и—въ совѣтъ о государственныхъ дѣлахъ не пущать иноземцевъ, потому что отъ перемѣнъ и необычныхъ дѣлъ въ государствѣ бываютъ большія и страшныя смуты... Не для того не слѣдуетъ принимать иноземцевъ въ думу или въ совѣтъ, чтобъ отнимать у нихъ честь, или чтобъ ихъ ненавидѣть, но для того, чтобы по совѣту иноземцевъ не произошли въ государствѣ перемѣны по обычаямъ и дѣламъ ихъ страны, перемѣны несогласныя съ нуждами государства. Больше же всего надобно беречься того, чтобъ отъ обычаевъ иноземныхъ не произошли въ житьѣ народномъ, т. е. въ яствахъ и платьѣ, проторы и убытки. Ибо если какое дѣло скоро входитъ въ государство, и за то дѣло примутся люди, то уже большое происходитъ зло, а затѣмъ слѣдуютъ страшныя ненависти, является жадность къ чужому имѣнью. А когда эта жадность дотронется до чужихъ животовъ, тогда не будетъ единомыслія и любви между житейскими людьми. Тутъ ужъ происходитъ въ государствѣ смута и мятежъ».

«Вотъ и въ это время—продолжаетъ хронографъ—голосъ народа такой раздавался: какъ можетъ быть въ мірѣ многое множество людей, когда въ судахъ нѣтъ правосудія, и, если правосудія не будетъ, то, конечно, въ государствѣ предстоитъ переворотъ... Ибо вотъ уже, въ царствующемъ городѣ началъ возгораться гнѣвъ Божій отъ налоговъ начальническихъ и неправедныхъ судовъ, а отъ того и мысли у людей начали возмущаться... Огонь ярости на начальниковъ, на обиды, налоги, притѣсненія и неправосудіе больше и больше умножался, и гнѣвъ, и свирѣпства воспалились».

Такъ было до 15 мая 1682 года.

Мрачный и бурный былъ этотъ день въ Москвѣ. Сильный вѣтеръ подулъ съ страшнымъ воемъ и визгомъ. Все небо подернулось темными тучами. Загремѣла гроза... И, въ это время, раздался ударъ въ большой кремлевскій колоколъ. Забили въ набаты и барабаны. Стрѣльцы взбунтовались. Поднялись полки всѣхъ приказовъ, вмѣстѣ съ бутырскими солдатами, и двинулись въ Кремль, «воинскимъ строемъ», съ знаменами и барабанами, съ мушкетами, съ бердышами и съ копьями и даже съ нѣсколькими пушками, сбивши съ Ивановской площади боярскія кареты вмѣстѣ съ лошадьми... Начались стрѣлецкіе бунты, ознаменовавшіе конецъ московскаго государства и начало всероссійской имперіи.

Расколъ и тутъ поднялъ свое знамя. Онъ воодушевлялъ, возбуждалъ всѣ стрѣлецкіе бунты. Стрѣльцы, какъ и казаки, большею частью были раскольники. «Тогда объявились въ стрѣльцахъ—пишетъ Матвѣевъ въ своихъ запискахъ—многіе раскольники, и, получа своему зломыслію удобное время, начали совѣтовать, какъ бы имъ расколъ свой вновь утвердить и противную имъ православную церковь разорить. Для того избрали они себѣ предводителемъ Никиту - роспопа, прозваньемъ Пустосвята». Въ Грановитой Палатѣ, гдѣ нѣкогда бывали и земскіе соборы, въ присутствіи правительницы Софьи, на соборѣ высшей и низшей іерархіи церковной, всего царскаго синклита, бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, стольниковъ, дворянъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ полковъ, расколъ, вооруженный силою стрѣльцовъ, въ послѣдній разъ торжественно объявилъ борьбу и споръ съ верховною властью и съ архіереями грекороссійской церкви. Въ послѣдній разъ, въ челобитной своей на соборѣ, онъ торжественно провозгласилъ свой догматъ, съ тѣхъ поръ неизмѣнный: «цари изнемогоша, архіереи падоша!» Далѣе, стрѣльцы, подобно казакамъ, возстали, подъ знаменемъ раскола, во имя равенства, противъ князей, бояръ и начальныхъ людей. По собственнымъ словамъ ихъ, они шли казнить бояръ и вельможъ, уничтожать чины, званія и отличія. Раскольничьи попы съ образами ободряли имъ въ этомъ движеніи. Наконецъ стрѣльцы, вмѣстѣ съ расколомъ, возстали противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній: они шли взять слободу нѣмецкую, истребить ее до тла, передушить и перерѣзать иностранцевъ. Всѣ эти движенія стрѣлецкія расколъ сдѣлалъ движеніями народными. По словамъ Крекшина и Матвѣева, раскольники, «видя стрѣлецкое смущеніе въ государствѣ, начали простой народъ возмущать, подговорили въ свой совѣтъ много народу, купцовъ, посадскихъ людей, промышленниковъ и чернь, и возжегся едва не весь народъ»...

И стрѣлецкіе бунты, наконецъ, были подавлены, и самые даже стрѣльцы были уничтожены. Но расколъ остался живучъ и силенъ, и сталъ еще сильнѣе.

Въ то время, когда въ Москвѣ совершалась надъ стрѣльцами страшная казнь въ восьмидневныхъ кровавыхъ актахъ мучительнѣйшихъ побоищъ, отъ 10-го до 31-го октября 1698 года... въ то время въ Сѣверномъ Поморьѣ, въ области древняго вольнаго Новгорода, собирается новое народное согласіе раскола. Оно возводитъ въ догматъ: «не молиться за царя и быть всѣмъ равными». Это—согласіе поморское, выгорѣцкое, даниловское. Съ тѣхъ поръ на вопросъ: «Кто вы?» послѣдователи этого согласья даютъ отвѣтъ вопрошающимъ: «Мы христіане евангельскаго проповѣданья... священства не имѣемъ и бѣглыхъ поповъ не пріемлемъ... За царя Бога не молимъ... всѣ равны и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ... единаго же согласія Данилова поморскаго».

Какъ живучъ былъ въ стрѣльцахъ, до послѣдней капли крови, духъ возстанія, какъ въ кустахъ обезглавленныхъ тѣлъ стрѣлецкихъ на кремлевской площади,—по словамъ очевидца Корба,—долго трепеталась жизнь въ ужаснѣйшей агоніи, такъ живучъ былъ жизнью раскола стрѣлецкій духъ демократическаго антагонизма. Онъ пережилъ самихъ стрѣльцовъ.

Бѣглый стрѣлецъ Филиппъ основалъ новое религіозное и гражданское согласье, доселѣ живущее. Это согласье, гораздо упорнѣе, рѣшительнѣе Даниловцевъ, возвѣстило догматъ—не молиться за царя, отрицать всѣ повелѣнія и установленія власти; лучше сожигаться, чѣмъ покоряться Антихристовой волѣ. Изъ-за этого собственно догмата стрѣлецъ Филиппъ и основалъ свое особое согласье.

Такимъ образомъ, изумительно, загадочно и многознаменательно, какое «непостоянство большое», по выраженію русскихъ людей XVII вѣка, совершилось въ образѣ мыслей большей части массы народной, въ Москвѣ и по всѣмъ областямъ, послѣ всенароднаго согласья на земскомъ соборѣ 1613 года. Во второе десятилѣтіе XVII вѣка избранъ былъ царь по согласію всей земли, а съ послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка стали возникать и сильно распространяться въ массѣ народной противоположныя согласья,—началось непризнаніе, отрицаніе царя...

Такъ кончилась древняя Россія. «Здѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо, отъ сего часа, на горшая измѣненія будетъ превосходити Русь царьми неблагочестивыми». Съ такой печальной, панихидной рѣчью расколъ шелъ за старою Россіею, на кровавыхъ похоронахъ ея, совершавшихся Петромъ Первымъ.

Непрерывнымъ рядомъ народныхъ бунтовъ ознаменовался конецъ старой московской и земско-областной народной Россіи. Ужасами кровавой народной борьбы отмѣтилось въ лѣтописи народной введеніе старой народной Россіи во Всероссійскую имперію. Первому новоизбранному всею землею царю народъ мирно, громогласно высказалъ въ своихъ общинно-областныхъ челобитныхъвсю свою правду, всѣ вопросы жизни; далъ всѣ жизненно-народные, общинно-областные матеріалы для земскаго строенья, для реформъ. Громко сталъ высказывать онъ то же и второму царю новоизбранной династіи. Но когда царь Алексѣй Михайловичъ не далъ записи, какова учинена была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; когда рѣшенье вопросовъ народной жизни и земское строенье пошло по *его одной волѣ*,—какъ говоритъ Котошихинъ,—и по иночиновному учиненью, а не по народнымъ земско-областнымъ челобитнымъ; когда *сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены*, когда появилось *горе-злочастье*, тогда вспыхнули бунты городовые, особно-областные, угрожавшіе было новою рознью областей, и земскіе люди учинились сильны и непослушны государю, явился Стенька Разинъ и пошелъ противъ царя Алексѣя Михайловича, и противъ князей, бояръ, воеводъ и всѣхъ приказныхъ людей — явился расколъ и возопилъ: «Антихристъ!..» Кровь старой народной Россіи полилась рѣкою... Расколъ все недовольство народное, все *горе-злочастье* [1]), всѣ элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласья, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ, воплотился въ живучую, неумирающую, вѣковую оппозицію раскола.

[1]) Потому поэзія раскольничья исполнена стихами о горѣ-злочастьѣ: любимый, постоянный мотивъ ея вдохновенія—*горе, грусть, плачъ, рыданіе.*

И чѣмъ такъ изумительно-живуча, могуча, энергична была старая народная Россія, когда богатырски, героически умирала въ Москвѣ съ Стенькой Разинымъ, когда была вѣшана, рѣзана, изрубляема, сжигаема, распинаема... въ эту адскую годину стрѣлецкихъ побоищъ, и все-таки осталась живою въ расколѣ? Что хотѣла завѣщать намъ, воспитанникамъ новой, петровской Россіи, старая народная Россія, когда послала по всѣмъ концамъ, по всѣмъ областямъ свою могучую, живучую пропаганду религіозныхъ и граждански-народныхъ согласій? Какое добро или зло она завѣщала низшимъ массамъ земства — крестьянству, мѣщанству, купечеству, солдатству, когда завѣщала расколу уловлять въ свои согласія эти массы народа и, по началамъ изстариннаго земскаго строенья, развивать въ согласіяхъ братство, совѣты, сходы, соборы, выборное самоуправленіе, принципъ сводныхъ браковъ, общиннаго употребленія капиталовъ и проч.? Что дорогаго, святаго было для огромной массы народа въ старой Россіи, когда она въ расколѣ возвела до святыни, до апотеозы старину, и, подъ знаменемъ раскола, подняла вѣковую народную оппозицію, «брань съ Антихристомъ»?

Теперь намъ не рѣшить всѣхъ этихъ вопросовъ, пока расколъ самъ не раскроетъ свою таинственную, заколдованную, мистико-апокалипсическую тайну, завѣсу, которою прикрыто его полножизненное, горькодумное, горько-слезное прошедшее и невѣдомое будущее. А если бы разрыть могилы — архивы старой народной Россіи; еслибы разгадать, чего хотѣлъ, что закладывалъ, слагалъ въ своемъ свободномъ земскомъ строеньи въ былыя вѣчевыя времена, что пережилъ и что дважды хоронилъ и подъ конецъ съ горемъ-злочастьемъ схоронилъ земскій великорусскій міръ—народъ въ своей старой народной земско-областной Россіи, то, бытьможетъ, поняли бы мы отчасти эту могучесть, энергію и жизненность борьбы народной, выразившейся въ расколѣ. Видно, много ужъ неволи и горя прожилъ народъ, когда онъ читалъ въ XVII вѣкѣ повѣсть о горѣзлочастьѣ, когда сталъ обращаться въ расколъ. Сначала онъ лишился самородныхъ принциповъ, зачатковъ особно-областной свободы и федеративнаго устройства, мірскаго и вѣчеваго самоуправленія и саморазвитія, послѣ вѣковаго богатырскаго труда колонизаціоннаго самоустройства среди Чуди, *Лопи дикой,* среди черныхъ *дикихъ лѣсовъ.* Потомъ лишился онъ зачатковъ свободнаго, соединенно-областнаго, федеративнаго саморазвитія и самоуправленія *въ любви и въ совѣтѣ,* лишился свободныхъ мірскихъ сходовъ по селамъ и волостямъ, свободныхъ людскихъ собраній или сходовъ на думы по городамъ, свободныхъ сходовъ городскихъ волостныхъ людей вмѣстѣ или областныхъ земскихъ совѣтовъ и земскихъ соборовъ — и лишился всего этого онъ въ самой первоосновѣ, закладкѣ — въ эпоху появленія постоянныхъ указовъ, въ эпоху учрежденія до 100 приказовъ, до 40 воеводствъ, а тамъ—въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія— и губерній. Наконецъ, лишился онъ, ни за что, многихъ талантливыхъ, удалыхъ и добрыхъ молодцовъ, сложившихъ головы за народное, земское дѣло... И вотъ, позналъ онъ въ XVII вѣкѣ горе-злочастье, и пошелъ *со голытьбою со кабацкою* за Стенькой Разинымъ, а со старинной народной—

въ расколъ... И съ тѣхъ поръ великорусскій расколъ также плакалъ и плачетъ о *мірскомъ смущеніи*, или о разстройствѣ великорусскаго земства, міра, о великорусской старинѣ, о старинныхъ уставныхъ правахъ городскихъ, и старинныхъ соборахъ, какъ Украйна плакала надъ своей «розрытой могилой» исторической. Расколъ, вспоминая старину, вопіялъ и вопіетъ:

Не могу быть безъ рыданья.
Страхъ Антихристовъ *міръ* устрашилъ,
Милость съ лестію въ міръ пометалъ,
Законы градскіе всѣ истребилъ,
Временны соборы въ конецъ низложилъ...
Вѣрныхъ соборы истреблены,
Сонмы мерзостей умножены.
Неокентавры завладѣли нами.
Въ сластолюбіи которые,—тѣхъ почтили всѣхъ,
На сѣдалищахъ первыми учинили,
А соборъ нищихъ возненавидѣли...
Лихоимцы всѣ грады содержатъ,
Немилосердые—въ городахъ первые.
На мѣстахъ злые приставники...
Ко обычаямъ странъ поганыхъ всѣ преклонилися...
Взирай, душе, къ горамъ, равно облакамъ,
Постизай *соборъ малъ оставшихъ христіанъ*...

Какъ бы ни была дорога большей части народа старая Россія, прошла и она, похоронена Петромъ Первымъ. Но расколъ остался, и живучъ и силенъ, и по своему встрѣчалъ XVIII столѣтіе.

II

Непривѣтлива, безотрадна была для большей части народа встрѣча новаго столѣтія. На площадяхъ и улицахъ Москвы еще свѣжи были слѣды крови народной. Ужасные стрѣлецкіе розыски, аресты, тюрьмы, допросы, пытки, дыбы, костры, висѣлицы, кнуты, клещи, колеса, плахи, кучи смрадныхъ труповъ... Повсюду, по городамъ, по селамъ, въ домахъ, на улицахъ, въ кабакахъ, въ харчевняхъ, въ монастыряхъ, даже въ далекихъ, темныхъ лѣсахъ, страшное, постыдное—*слово и дѣло*! И все новыя и новыя жертвы Преображенскаго приказа и Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи; безпрестанныя жертвы застѣнковъ, пытокъ и казней... Таковы были знаменія реформы Московскаго государства во Всероссійскую имперію. «Пытки и казни — выразимся словами Карамзина — служили средствами нашего славнаго преобразованія государственнаго».

Мрачно и грустно встрѣчали новый 1700-й годъ въ самой Москвѣ и по городамъ купецкіе люди, посадскіе, оставшіеся въ живыхъ и разосланные по провинціямъ стрѣльцы, старожилы-старики и всѣ, кто любилъ русскую старину. Съ самаго начала 1700 года разнеслась молва, будто съ новаго года «настали лѣта сатанины, «Антихристово время», будто Москва—падшій Вавилонъ!» Весь тотъ годъ ходили въ низшихъ слояхъ народа какіе-то недобрые, зловѣщіе, мрачные, мистическіе слухи про царя

Петра Алексѣевича. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ народѣ стала ходить молва о какихъ-то бунтовскихъ листахъ и тетрадкахъ. Разыскивали виновника...

Въ одной изъ глухихъ улицъ Москвы, на Кисловкѣ, въ бѣдныхъ хоромахъ, почти постоянно сидѣлъ въ это время у стола мрачно-задумчивый *книгописецъ*. Передъ нимъ на столѣ лежали «бытейскія и пророческія книги» и какіе-то листы, столбцы и тетрадки. На другомъ концѣ стола сидѣлъ его племянникъ и переписывалъ ему «Письма о послѣднемъ времени и объ Антихристѣ». Взялъ онъ бытейскія книги, лѣтописи и хронографы, и по нимъ «считалъ московскихъ царей». И что же? По его счету выходило, что «государь Петръ Алексѣевичъ осьмой царь и Антихристъ!..» Утвердившись въ этомъ убѣжденіи, книгописецъ сталъ писать на столбцахъ и тетрадкахъ письма: «Настало-де нынѣ послѣднее время, и Антихристъ въ миръ пришелъ, а Антихристомъ, — въ томъ письмѣ, ругаясь, писалъ великаго государя, также и иныя многія статьи ему, государю, въ укоризну писалъ, и народамъ отъ него, государя, отступить велѣлъ и слушать его, государя, не велѣлъ, а велѣлъ взыскать князя Михаила, чрезъ котораго хочетъ быть народу нѣчто учинить доброе... А князь-Михайлово имя въ томъ своемъ письмѣ писалъ онъ для того: которые-де стрѣльцы разосланы по городамъ, и какъ государь пойдетъ изъ Москвы на войну, и они стрѣльцы собрався будутъ въ Москвѣ, чтобъ они выбрали въ правительство боярина князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, для того, что онъ человѣкъ добрый».

Написавъ эти письма «въ тетрадкахъ и столбцахъ», книгописецъ сталъ читать и раздавать своимъ друзьямъ и знакомымъ, и распространять въ народѣ «для возмущенія бунту». Жадно ихъ у него покупали, списывали, читали и слушали. На домъ къ нему приходили слушать эти бунтовскіе листы и тетрадки люди всякаго званія — и попы, и роспопы, и дьяконы, и пономари, и посадскіе — кожевники, иконники, садовники, крѣпостные люди и прочіе. Онъ самъ хаживалъ съ своими тетрадками и столбцами ко всѣмъ этимъ людямъ, и къ монахамъ въ Чудовъ монастырь, въ мѣщанскую слободу, за курскія ворота, къ иконнику Ивашкѣ Савину, къ садовникамъ, къ портнымъ мастерамъ, и проч. Вездѣ онъ «чолъ свои письма и тетрадки о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ, и объ Антихристѣ, и въ разговорѣ говорилъ: «нынѣ-де послѣднее время пришло, и Антихристъ народился, а приводомъ называлъ государя Антихристомъ, а сказывалъ отъ бытейскихъ и пророческихъ книгъ: «въ апокалипсисѣ-де Іоанна-Богослова въ 17-й главѣ написано: «Антихристъ будетъ осьмой царь,» и считалъ московскихъ царей, и говорилъ: «а по нашему-де счету осьмой царь онъ, государь, и Антихристомъ его, государя, называлъ». Въ хоромахъ у книгописца жили стояльцы—подьячій патріаршей площади съ женой. Подьячій этотъ сказывалъ про книгописца: «слышалъ-де отъ него про государя всякія непристойныя слова, чего и слышать невозможно, да онъ же рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣзавъ хочетъ печатать тетради, а напечатавъ бросать въ народъ. И уже вырѣзалъ онъ двѣ доски, а на тѣхъ доскахъ сталъ печатать листы... тѣ

листы сталъ раздавать народу безмездно». Но тутъ его схватили въ Преображенскій приказъ...

Это тотъ виновникъ подметныхъ бунтовскихъ листовъ, котораго отыскивали въ Москвѣ въ 20-хъ числахъ іюня 1700 года. Это былъ извѣстный раскольникъ, Григорій Талицкій. Онъ, какъ было сказано, вычиталъ въ апокалипсисѣ, что восьмой царь будетъ Антихристъ. Потомъ онъ читалъ русскія лѣтописи, и по нимъ *считалъ московскихъ царей*, начиная съ Ивана III-го и съ сына его, Василья Ивановича, который, — по словамъ лѣтописи, — первый повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ польскихъ грамотахъ и *въ исторіяхъ*, и принялъ на себя *областные титла*. Талицкій началъ свой счетъ московскихъ царей съ тѣхъ страницъ областныхъ лѣтописей, гдѣ изображается трагическая, кровавая борьба областей съ Москвою, съ московскими царями, за земскую самобытность и вѣчевую свободу. На этихъ грустно-трогательныхъ страницахъ областные лѣтописцы сами смотрѣли на московскихъ царей, завоевателей, централизаторовъ областей, съ такою же злобою и антипатіей, и съ той же точки зрѣнія, какъ современники Талицкаго, раскольники, смотрѣли на императора всероссійскаго Петра Перваго, устроителя новой политико-географической, петербургско-губернской централизаціи областей. Въ Псковской лѣтописи, выразившей энергическій протестъ противъ московскаго завоеванія, Талицкій читалъ разсказъ о завоеваніи Пскова московскимъ царемъ, читалъ трогательный плачъ Пскова о лишеніи вѣчевой свободы, и за нимъ, — слѣдующую апокалипсическую жалобу псковскаго лѣтописца: «Занеже писано въ апокалипсисѣ, глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси скиѳскаго острова; его бо именуетъ шестый, а седьмый потомъ еще, *а осьмый Антихристъ*. Се бо приде на ны зима. Сему бо царству расширитися, и злодѣйству умножитися. Охъ, увы!» Прочитавши такое предсказаніе въ великорусской, областной, народной лѣтописи, что восьмой царь изъ московскихъ государей будетъ Антихристъ, Талицкій пересчиталъ по московскимъ лѣтописямъ московскихъ царей и убѣдился, что государь Петръ Алексѣевичъ, какъ восьмой царь, по его счету, Антихристъ. И вотъ, онъ хотѣлъ поднять разосланныхъ по областнымъ городамъ стрѣльцовъ противъ Москвы, какъ противъ царства Антихристова. И для этого,—какъ сказано въ одномъ указѣ 1701 года,—«ради возмущенія людей, писалъ онъ письма о пришествіи Антихристовѣ съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, каковому его ученію многіе послѣдовали». Съ этого времени, ученіе раскола объ Антихристѣ окончательно получило историко-политическій смыслъ и во всей полнотѣ выразилось въ раскольничьемъ сочиненіи «Объ Антихристѣ, еже есть Петръ І-й». Такимъ образомъ, какъ въ первыхъ московскихъ царяхъ, централизаторахъ, завоевателяхъ, собирателяхъ великорусскихъ земель, областей, царствъ и государствъ, разрушителяхъ особно-областнаго земскаго строенья и общинновѣчеваго самоуправленія великорусскихъ областей, областныя общины, особенно сильныя сознаніемъ вѣчевой самобытности, свободы, видѣли предшественниковъ государя-Антихриста, такъ точно въ Петрѣ Первомъ, разрушителѣ, уничтожителѣ созданной област-

ными общинами въ смутное время на мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ и на общемъ земскомъ соборѣ 1613 года соединенно-областной федераціи и земскихъ соборовъ, уничтожителѣ общинно-областной челобитной совѣщательности, гласности передъ правительствомъ, нововводителѣ губернскаго и провинціальнаго росписанія областей, великомъ централизаторѣ земско-областной администраціи, экономіи мѣстныхъ рабочихъ силъ, и проч. — въ Петрѣ Первомъ расколъ призналъ давно предсказаннаго областными лѣтописями московскаго государя-Антихриста.

Согласно съ Талицкимъ, всѣ земскіе люди, недовольные реформами Петра, утвердились въ томъ убѣжденіи, что съ 1700 года окончательно утвердился въ Великороссіи, въ лицѣ Петра I-го, Антихристъ; что Москва стала падшимъ Вавилономъ; что нужно бѣжать въ пустыни, въ лѣса изъ царства Антихристова и основывать свои новыя согласья и общины. Вездѣ— въ Москвѣ, въ областныхъ городахъ, въ селахъ, въ домахъ, на улицахъ, на торжищахъ, въ лавкахъ, въ кабакахъ, по дорогамъ, въ далекихъ дремучихъ лѣсахъ, вездѣ шелъ говоръ, что царь Петръ Алексѣевичъ—Антихристъ. Вотъ, въ Москвѣ, идетъ солдатъ Розстригинъ съ званымъ гостемъ, служилымъ человѣкомъ Левинымъ. домой и дорогой говоритъ о Петрѣ: «Я не знаю что дѣлать, хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь: онъ Антихристъ».—«Я давно знаю,—отвѣчаетъ Левинъ:— что онъ не прямой царь, а Антихристъ». Вотъ духовникъ князя Меншикова, крестовый попъ, прозваньемъ Лебедка, того же убѣжденія, о томъ же ведетъ разговоръ съ Левинымъ и другими знакомыми: «Петръ — Антихристъ, онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ: знамо, что государь его убилъ»... Солдаты говорили Левину, что «привезены изъ-за моря клеймы, чѣмъ людей клеймить Антихристовымъ клеймомъ, и самъ государь по нихъ ѣздилъ и привезены въ Котлинъ» Особенно самъ этотъ Левинъ, до болѣзненной экзальтаціи и энтузіазма, до умопомѣшательства убѣжденъ былъ и вездѣ и всѣмъ проповѣдывалъ, что Петръ—Антихристъ. Въ Пензѣ, въ церкви, онъ кричалъ народу: «Послушайте, православные христіане! Слушайте! Нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ!.. Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубитъ!.. будетъ пятнать ихъ и станутъ они въ его вѣровать!» Въ пустынѣ Жадовской игумену онъ говорилъ тоже: «Нынче послѣднее время, Антихристово пришествіе... Привезены въ Санктпетербургъ печати... хотятъ людей печатать... Государь—Антихристъ!» На базарѣ, толпѣ народной, онъ кричалъ: «Послушайте, христіане, послушайте!.. Въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а Антихристъ!.. Антихристъ!.. И весь народъ мужеска и женска пола онъ будетъ печатать... Бойтесь этихъ печатей, православные! бѣгите, скройтесь куда-нибудь!.. Послѣднее время... Антихристъ пришелъ!.. Антихристъ!..» Тамъ, далеко, въ лѣсахъ керженскихъ, тоже шелъ разговоръ о Петрѣ-Антихристѣ. «Куда-де какую притчу сказываешь ты про Петра?» — говорилъ насмѣшливо раскольникъ Кузьма Павловъ на рѣчи казака Левшутина: — «въ книгахъ писано, что онъ, Антихристъ, лукавъ... А чолъ ты тетрадь учителя Кузьмы Андреева? Лихо на него Петра въ тетрадкѣ по-

казано». Раскольникъ Никита Никифоровъ привелъ на это доказательство:—«Нынче былъ у насъ съ Починокъ человѣкъ, былъ въ Петербургѣ, сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ-де онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ человѣкъ съ двѣсти, и поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Эко стало нынѣ христіанамъ поругательство! Да что, полно говорить; страшно; называемъ его Антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу? Видите вы и сами, какое смятеніе и между нами». Тутъ перебилъ рѣчь другой: «Что мотаться! Антихристъ онъ, да и все тутъ!» и т. д. шли разговоры. Такъ говорили многіе, и весьма многіе, во всѣхъ концахъ Россіи, и поминали Талицкаго...

И вотъ, многочисленныя массы земства, движимыя убѣжденіемъ, что въ Великороссійскомъ государствѣ, въ губерніяхъ и провинціяхъ, вновь росписанныхъ по указу, изъ «ближней канцеляріи, изъ кабинета царскаго величества», царствуетъ богоборный Антихристъ-Петръ, отшатнулись отъ имперіи и пошли во *оземствованіе*, въ пустыни, въ горы, въ лѣса, устроять для себя новыя, свободныя отъ власти Антихриста, области. На основаніи убѣжденія, что православныя городскія и сельскія общины, росписанныя Петромъ на губерніи, провинціи и уѣзды, повинующіеся Антихристу и приставникамъ его,—губернаторамъ и прочимъ властямъ,—суть области царства Антихристова, расколъ сталъ развивать, на новыхъ мѣстахъ, свои народныя общины, не раздѣляя ихъ на города и села. По общинному значенію ихъ, расколъ называлъ ихъ *согласіями*, сообразно съ сельскими *мірскими согласіями*, какъ назывались крестьянскіе *мірскіе сходы* (напримѣръ, писалось въ первой половинѣ XVIII вѣка: *по описи по мірскому согласію* отдали и т. п.). Какъ демократизмъ донскихъ казаковъ возводилъ до религіознаго значенія, освященія, казачьи *рады*, *круги*, такъ великорусскій расколъ, расколъ массы земства облекъ въ религіозно-демократическую форму крестьянскія *мірскія согласія*. По мѣрѣ развитія раскола, согласія разнообразились и умножались. Такъ, при Петрѣ, пастухъ или скотникъ даниловскаго согласія, при Андреѣ Денисовѣ, основалъ *пастухово или адамантово согласіе*, которое учило, что воцарившійся Антихристъ даетъ свою печать наипаче въ паспортахъ, посему должно отрицать паспорты, — прикрѣпленность къ мѣсту или къ согласію. Это ученіе приняли всѣ согласія раскола, такъ какъ всѣ они отрицали припись, прикрѣпленность къ Антихристову мѣсту или къ сословію. Всѣ они уже при Петрѣ-Первомъ, несмотря на страшныя препятствія и полную гражданскую безправность, стали стремиться къ выходу изъ Антихристовыхъ областей и къ новому свободному территоріальному, земскому, колонизаціонному устройству. Каждое согласіе стремилось основать свою область или федерацію, союзъ нѣсколькихъ мѣстныхъ общинъ. Такъ въ общихъ чертахъ началось колонизаціонное общинно-областное самоустройство раскола во время гоненія и бѣгства старовѣровъ изъ Антихристова царства въ лѣса, пустыни и горы.

На сѣверѣ, въ Новгородско-Поморской области, въ 1705 году возникаетъ новое согласіе—ѳедосѣевское—и также учитъ, что царь Петръ Алексѣевичъ—Антихристъ, что отнюдь не должно признавать его власти надъ собой. Вслѣдствіе такого ученія,—по свидѣтельству раскольничьей Выгов-

ской Лѣтописи,—постоянно собирались въ Поморье отъ гоненья Антихристова старовѣры, отовсюду приходили всякаго рода люди, и поморскій расколъ стремился къ завладѣнію всею древнею *Поморскою областію*, или Сѣвернымъ Поморьемъ, къ самостоятельному, общинно-областному самоустройству, экономическому и народному саморазвитію и къ общинному выборному самоуправленію. Въ царствованіе Петра, въ Сѣверномъ Поморьѣ образовалась уже федерація изъ 13-ти скитовъ, или становъ, общинъ, наподобіе старинныхъ посадовъ, или селъ, гдѣ селились мужчины и женщины, и свободно занимались торгомъ, пашнею, рыболовствомъ и разными промыслами. Колонизаціонная связь и совокупность всѣхъ поморскихъ скитовъ и примыкавшихъ къ выгорѣцкому общежительству по рѣчной системѣ Выга и по расколу погостовъ, образовала одно цѣлое федеративное или союзное согласіе, наподобіе одной волости или области. Раскольничья колонизація Поморья была сильная: отовсюду бѣжали туда крестьяне, посадскіе, бобыли, солдаты, казаки и всякихъ чиновъ люди. Тамъ искали спасенія отъ Антихриста. Къ 1729 году поморскій расколъ завладѣлъ большею частью олонецкихъ волостей, которыя встарину были новгородскими *черными*, народоправными. Въ этомъ году число поморско-олонецкихъ раскольниковъ дошло до 12,448 человѣкъ.

Въ то же время, въ Псковско-Новгородской области распространилось ученіе, что Антихристъ пришелъ въ міръ уже въ 1688 году и живетъ онъ «духовнѣ по дѣйству» въ Велико-Россіи. Въ связи съ новгородско-поморскою раскольничьею областью и псковскія, и новгородскія общины выразили свою мѣстную религіозную автономію, антагонизмъ Москвѣ, какъ царству Антихристову. Въ царствованіе Петра, новгородско-поморскіе раскольничьи исторіографы, въ укоризну Москвѣ и наперекоръ московскому собору 1667 года, внесли въ свою исторію сѣвернаго, псковско-новгородско-поморскаго раскола извѣстную, любимую раскольничью, повѣсть *«О новгородскомъ бѣломъ клобукѣ»*, и въ историческомъ сборникѣ своемъ поставили ее на ряду съ «Исторіею объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ», въ числѣ которыхъ были псковскіе и новгородскіе страдальцы, и вмѣстѣ съ знаменитою «Соловецкою челобитною». Достойно также замѣчанія, въ этомъ отношеніи, что въ 1722 г. посланный отъ синода монахъ Неофитъ, для разглагольствія съ выговцами о церковномъ несогласіи и устроеніи, обратилъ вниманіе на древнюю самобытную жизнь Сѣверно-Поморской области, до покоренія ея Москвѣ, до XVI вѣка, когда Сѣверное Поморье было независимо отъ Москвы, московской епархіи и московскаго православія, когда св. Софія Новгорода и Соловецкій монастырь, независимо отъ Москвы, распространяли тамъ христіанство и когда Сѣверно-Поморская область отличалась своеобразнымъ, преимущественно мірскимъ, часовеннымъ религіознымъ устройствомъ. Неофитъ спрашивалъ поморцевъ: «До царя Ивана Васильича православную ли имѣли вѣру?»—«Всѣ православные Россіяне, — отвѣчали поморцы: — отъ начала крещенія и до царя Ивана Васильича, яко же о семъ многія исторіи засвидѣтельствуютъ».

Изъ Поморской области, а отчасти изъ московско-волжскихъ городовъ, религіозно-гражданское ученіе объ Антихристѣ распространилось въ *Низо-*

вомъ краю, въ Поволжьѣ. Тамъ въ темной, дремучей глуши лѣсовъ керженскихъ, за трясинами и болотами, въ скитахъ и починкахъ лѣсныхъ, около 1713 года, училъ новопришельцевъ мужичокъ Кузьма Андреевъ. Онъ проповѣдывалъ, что «царь Петръ Алексѣичъ—Антихристъ, отъ гданова колѣна, архіереи—еретики, а господа всѣ, которые при милости государевой,—Антихристовы слуги!»... Утверждая такое вѣрованіе, Кузьма Андреевъ заботился о распространеніи новой раскольничьей области въ керженскихъ лѣсахъ, въ противоположность Антихристовымъ населеннымъ мѣстностямъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, учрежденныхъ Петромъ. Онъ увлекалъ жителей изъ окрестныхъ городовъ и селъ и увѣщевалъ новопришельцевъ оставаться у нихъ въ лѣсной общинѣ, гдѣ ужъ много было всякихъ чиновъ людей. «Внѣ лѣсовъ — говорилъ онъ — нынѣ царство Антихристово... Я шлюся на божественное писаніе. Слушайте! Нынче уже въ мірѣ Антихристъ есть, и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ, христіанамъ, а которые нынче живутъ въ мірѣ, помрутъ!»... И дѣйствительно, при Петрѣ была сильная раскольничья колонизація Нижегородской лѣсной области — лѣсовъ керженскихъ, поломскихъ, каменскихъ, салавирскихъ, лысковскихъ, дорогучинскихъ, гнилицкихъ и другихъ. Въ этихъ лѣсахъ уже тогда насчитывалось до 94-хъ скитовъ, которые съ починками образовали федерацію, союзъ разсѣянныхъ въ лѣсахъ дворовъ и келій. Въ началѣ XVIII-го столѣтія въ трехъ только уѣздахъ: Балахнинскомъ, Семеновскомъ и Макарьевскомъ, считалось около 30,000 раскольниковъ, что составляло гораздо больше трети тогдашняго общаго населенія тѣхъ уѣздовъ. Въ 1719 году раскольниковъ въ Нижегородскомъ краю считалось уже 86,000 обоего пола, такъ что на каждую тысячу жителей приходилось 283 раскольника.

Въ древнемъ Астраханскомъ царствѣ, уже послѣ 1698 года, распространилось раскольничье ученіе о Петрѣ, какъ объ Антихристѣ. Здѣсь Петра называли «Антихристомъ», «неочесливымъ» и не желали ему здоровья. Стрѣльцы и казаки, подъ знаменемъ раскола, снова замышляли идти противъ Москвы. Атаманъ Носовъ, заводчикъ астраханскаго бунта, раскольникъ, говорилъ посадскому Бородулину и его товарищамъ: «Идите и управляйтесь съ князьями и боярами, а въ городахъ съ воеводами; а на весну и мы къ вамъ будемъ». Астраханская раскольничья пропаганда находилась въ связи съ донскою.

Точно также, ученіе о пришествіи и воцареніи въ Великороссіи Антихриста въ лицѣ Петра I-го распространилось въ лѣсахъ стародубскихъ, въ Оренбургскомъ краю, по всей Уральской области и за Ураломъ въ Сибири. И въ эти области бѣжали тысячи вѣрившихъ ученію о Петрѣ-Антихристѣ, бѣжали изъ царства Антихриста, и основывали, въ лѣсахъ и въ горахъ, новыя общины, согласія; стремились собраться, сосредоточиться въ новыя вольнонародныя, религіозно-гражданскія областныя общины. «Когда въ Великороссіи, — читаемъ въ исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, — что день, то умножались гоненія на старовѣрцевъ, тогда многіе народы, оставляя свои природныя мѣста, сродниковъ и друзей, текли въ Стародубскую область и тамъ населяли пустыни: такъ населился Бѣлый-

Кладязь, Синій-Кладязь, Замшнево, Шеломы Слободы. Такъ населили они 17-ть богатыхъ, промышленныхъ слободъ, образовавшихъ особую, въ XVIII-мъ вѣкѣ, хорошо-устроенную раскольничью федерацію. «И тѣ слободы, по словамъ одного указа, разселены, какъ превеликіе города, гдѣ премногое число бѣглыхъ изъ разныхъ городовъ богатыхъ купцовъ». На Уралѣ, около частныхъ заводовъ, въ лѣсахъ, собирались Олончане, Туляне, Нижегородцы и другіе великорусскіе люди; устроялись въ пустыни, и мало-по-малу завладѣвали уральскими заводами и мануфактурами—жестяной, проволочной, стальной, укладной и прочими. Богатые промышленные раскольники на заводахъ уральскихъ, пермскихъ и оренбургскихъ нарочно дорого платили рабочимъ изъ раскольниковъ, чтобъ перезвать отовсюду какъ можно больше приверженцевъ своихъ согласій, общинъ для колонизаціи Уральской области, для независимаго, самобытнаго территоріальнаго общинно-областнаго само-устройства и самоуправленія. И вольные охочіе люди изъ дальнихъ мѣстъ приходили къ нимъ. Въ Сибири тысячами душъ выѣзжалъ народъ изъ правительственныхъ городовъ и изъ тяглыхъ слободъ въ пустыни, оставляя дворы, животы, скотъ и хлѣбъ; устроялся въ новыхъ, вольныхъ слободахъ, въ родѣ Утяцкой слободы, и стремился устроить новую, самостоятельную, свободную область по рѣкѣ Тоболу съ притоками, устроить свое общинное самоуправленіе и свободное общинное экономическое саморазвитіе.

Короче сказать, мысль о воцареніи Антихриста въ Великороссіи со времени Петра, мысль о мірскомъ смущеніи отъ *страха Антихристова* такъ была нестерпима для бо̀льшей части народа, такъ мутила духъ народный, что многочисленныя массы земства забывали всѣ свои страдальческіе, вѣковые историческіе труды, работы въ великомъ дѣлѣ первоначальной древней колонизаціи, обстройкѣ Россіи городской и сельской: оставляли свои города и села, и шли въ лѣса, въ горы, въ пустыни, снова устроять, колонизовать свою любимую Россію по плану стараго земскаго строенія. Словно рай потерянный искали они свою *старую Россію въ пустыняхъ, въ лѣсахъ*. Недаромъ съ XVIII-го вѣка любимѣйшими стихами раскольниковъ были стихи о прекрасныхъ пустыняхъ, о скитахъ и общинахъ въ лѣсахъ, на крутыхъ горахъ, и т. п. А сколько труда положилъ, какую богатырскую, страдальческую, или именно, какъ говорили наши предки, *страдомую* работу совершилъ нашъ простой народъ въ древней Россіи, когда шелъ, проторгался черезъ всѣ лѣса и рѣки Великорусской земли съ своимъ топоромъ, косой и сохой; поставлялъ, путемъ торга, такіе цвѣтущіе встарину города, какъ Славно-Торгъ или Великій-Новгородъ, Новый-Торгъ и Торжокъ, Вологда и Холмогоры; поставлялъ, путемъ гостьбы въ Чуди, въ Лопи, погосты; посажалъ на черномъ дикомъ лѣсу починки, деревни, села и черныя, народоправныя общины; путемъ этихъ безчисленныхъ *ивашковыхъ починковъ, сенькиныхъ сѣдьбій*, и потомъ, въ-добавокъ, несъ на себѣ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, до народогубительной постройки Петербурга, тяжелую повинность *городоваго дѣла*. Древнія писцовыя книги, всѣ изукрашенныя, испещренныя, наполненныя именами мужичковъ-колонизаторовъ, строителей, культоровъ Русской земли, служатъ нагляднымъ памятникомъ этой вели-

кой исторической работы и заслуги древне-русскихъ гостей, купцовъ, посадскихъ и особенно крестьянства. И теперь всѣ эти труженики, строители древней Россіи, городской и сельской, считая грѣхомъ быть записанными не въ писцовыя старыя книги, а въ подушную *переписную книгу* Петра I-го, въ книгу ревизіи душъ, притяженія, прикрѣпленія личности, души царю, отвлеченной идеѣ государства, оставляютъ свое старое земское строенье подвергаются доброхотно *оземствованію*, бѣгутъ въ лѣса, въ горы и въ пустыни, чтобъ спасти души отъ Антихриста и вновь колонизовать области, устроить посады, слободы вольныя, свободныя, на началахъ свободнаго общиннаго самоустройства и общиннаго самоуправленія. По собственнымъ словамъ ихъ, *страхъ Антихристовъ возвѣялъ на міръ*, произвелъ *мірское смущенье*, побуждалъ ихъ бѣжать изъ міра въ пустыни. И вотъ почему, пустыня, въ Антихристовы лѣта гоненья, была для гонимыхъ старовѣровъ прекрасною матерью, любезною дружиною. Вотъ одинъ изъ любимѣйшихъ ихъ стиховъ:

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ язъ тебя соглядати.
Потщися мя воспріяти,
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго міра пріими мя,
Со усердіемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.
Поставлю въ тебѣ малую хижу,
Полезное въ ней азъ увижу.
Кокушка въ тебѣ воскокуетъ,
Умильный гласъ испущаетъ,
И та мене поучаетъ.
Пойду язъ въ лѣса разгуляться,
Плодовитыя древа соглядати,
И тѣ мнѣ пользу показуютъ,
Труды любить прообразуютъ.
На которомъ деревѣ плода нѣту,
И тѣ мене поучаютъ.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ смутнаго міра прими мя,
Аще изъ тебя и погонятъ,
Прекрасная мати пустыня,
Любезная, не изжени мя.
Не знаю себѣ, чтò и быти,
Да гдѣ мнѣ главу подклонити,
Понеже Антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти,
Хотятъ они насъ уловити,
Антихристу покорити,
А вѣру Христову перемѣнити.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ сего лукаваго изми мя,
Потщахся въ тебе убѣжати.

И такъ одинъ за другимъ сбѣгались старовѣры въ пустыни, и мало-по-малу заселяли ихъ. По собственнымъ словамъ, стекались они въ пустыни. на новыя мѣста, «изволяюще странствіе, оземствованіе паче утѣшенія своими мѣстами, отъ которыхъ отступались, и сицевыми народами пустыя мѣста и звѣропаственныя населяхуся, и вмѣсто деревъ, людей умноженіе показася, трава и терніи растущія въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашася населеніемъ человѣкъ». И все это стремленіе ихъ къ новому колонизаціонному, общинно-экономическому самоустройству проистекало изъ одного убѣжденія, что въ прежде населенныхъ городахъ и селахъ великорусскихъ, въ имперіи, водворился «Антихристъ, иже есть Петръ І-й». Это внутреннее, непреодолимое убѣжденіе твердило имъ, вопіяло въ нихъ: «Удалятися и бѣгати намъ подобаетъ во Антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна-Богослова, въ главѣ 12-й, писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи рабы Христовы, побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти останокъ Русіи, своя новыя умыслы уставляя... Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите изыдите люди моя изъ Вавилона!»

Что жъ, однако, какая магическая сила увлеченія была въ этомъ убѣжденіи раскола? Ужели тутъ мотивировало массы одно отвлеченно-религіозное, религіозно-фантастическое или мистико-апокалипсическое вѣрованье? Нѣтъ, не думаемъ, да и нельзя думать такъ. Народъ русскій до того практиченъ, до того склоненъ къ реализму, къ положительности, до того неспособенъ оторваться отъ *земли* за облака, что *землю* взялъ за основу всего своего общиннаго устройства, соціальную гражданственность назвалъ *земскимъ строеньемъ*, людей называлъ *земскими людьми*, ихъ собранія и думы *земскими совѣтами, земскими соборами*, статистическія таблицы *землянымъ дѣломъ*; единицы измѣренія и исчисленія у него были непосредственно-натуральныя, напримѣръ: стрѣляніе лука, выть, обжа, вода и т. п. Естественность воззрѣнія до такой степени была въ духѣ народномъ, что, вотъ, только-что возникшее новое *согласье* раскола—*пастухово*, учитъ, что должно ходить по простой землѣ, а не по мостовой каменной: мостовая-де каменная Антихристова выдумка. Такъ точно и всѣ массы раскола, крѣпко держась, по старинѣ, за *землю*, за *земство*, за *земское устроенье* и, подвергшись, въ Антихристово время, *оземствованію*, пошли на новыя земли, въ лѣса и горы, искать новаго колонизаціоннаго и матеріально-хозяйственнаго свободнаго земскаго устроенья. Если тутъ есть что-нибудь мистико-идеалистическое, такъ это только идеальное умосозерцаніе и исканіе свободнаго соціальнаго, народоправнаго самоустройства, саморазвитія и самоуправленія, по реальной идеѣ крестьянскаго *міра, мірскаго согласья, мірскаго схода* и крестьянской общины.

Какіе же, однако, были эти реальные, практическіе, положительные, непосредственно-жизненные мотивы эмиграціи, *оземствованія* раскола и стремленія къ новому самостоятельному, независимому земскому устроенію? Поищемъ, спросимъ, не скажетъ ли намъ объ этомъ кто-нибудь изъ самихъ раскольниковъ или изъ современниковъ Петра, а потомъ и всѣ

согласія раскола петровской эпохи. Поищемъ въ архивахъ собственныхъ раскольничьихъ сочиненій, ихъ историческихъ сказаній о состояніи народа во времена Петра. Въ то же время письменность раскольничья получала широкіе размѣры и самое либеральное направленіе. У раскольниковъ же были талантливые писатели, въ родѣ исторіографовъ Денисовыхъ. У нихъ были свои библіотеки, и даже ужъ возникали первыя въ Россіи книжныя лавки. «Въ Москвѣ—читаемъ еще въ соборномъ актѣ 1681 года—всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ, и на листахъ и въ столбцахъ выписки, именуя отъ книгъ божественнаго писанія и продаютъ у Спасскихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданныя святой церкви книги является многая ложь; а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истину, и выростаетъ оттого на святую церковь противленіе». Мысль, ученіе раскола такъ были жизненны, полны вопросовъ, что и слово его изливалось обильно. Въ царствованіе Петра раскольничья литература сильно распространилась и получила не только противоцерковный, но и гражданско-демократическій смыслъ. Многое бы можно было узнать изъ этой раскольничьей письменности петровскаго времени, еслибъ перечитать ее. Къ сожалѣнію, гоненія, тогда воздвигнутыя на раскольничьи книги и рукописи, истребили ихъ. Петръ Первый, указомъ 1701 года января 31, запретилъ монахамъ держать по кельямъ чернила и бумагу. А съ 1720 года, октября 5-го, является у насъ *цензура*, или предварительный просмотръ рукописей, по слѣдующему поводу: «Содѣлалось извѣстнымъ — говоритъ указъ — что въ типографіяхъ черниговской и свято-троицкой-ильинской и въ кіево-печерской печатаются *со многою противностью* восточной церкви, напримѣръ, въ первой изъ нихъ напечатанъ *учебный часословъ* съ ересью *раскольническою и книга богомыслія*, гдѣ явилась многая лютеранская противность. Вслѣдствіе того, указано не печатать въ этихъ типографіяхъ ни одной книги *безъ дозволенія духовной коллегіи*». Затѣмъ слѣдовалъ указъ 1721 г. марта 20, которымъ воспрещалось продавать въ Москвѣ изображенія духовнаго содержанія и книги писанныя и печатныя *безъ дозволенія, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія*. Затѣмъ, въ 1724 г., указомъ Синода предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольничьи рукописныя книги. Такимъ образомъ, выходятъ справедливыми слѣдующія слова недавно вышедшей раскольничьей «Церковной Исторіи»: «Староверы говорятъ, кому неизвѣстенъ духъ Петра I-го, какой былъ ненавистникъ древности. Всѣ, со временъ Алексѣя Михайловича, памятники истреблены при Петрѣ! Впрочемъ, хотя многіе современные памятники вѣчному забвенію преданы, и старообрядцамъ въ Россіи, подъ строгимъ наказаніемъ, отъ лѣтъ Никона, да и до нынѣ совершенно уста заключены писать о церковныхъ перемѣнахъ; но, однако, у старовѣровъ малыя нѣкія тетрадныя изъ рукъ въ руки переписки влекутся».

Воспользуемся и мы этими «тетрадными переписками», какія есть подъ руками, для того, чтобъ хоть сколько-нибудь уяснить тайные, сокровенные мотивы земскихъ стремленій раскола съ XVIII-го столѣтія. Но напередъ, попытаемся, не найдемъ ли какое-нибудь *подметное письмо* отъ

сторонниковъ земства и раскола противъ Петра и его нововведеній. Подметныхъ же писемъ, послѣ Талицкаго, являлось множество. Самъ Петръ писалъ въ именномъ указѣ 1715 года января 25: «Многія являются подметныя письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольническихъ вымышленій, которыми подъ видомъ добродѣтели ядъ свой изливаютъ». Въ этомъ же, 1715 году, въ Петербургѣ, у симеоновской церкви, одинъ старикъ подкинулъ противное Петру письмо, «не для чего иного, только соболѣзнуя о народѣ, *къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей*». Потомъ, въ Москвѣ, приходскій попъ Авраамъ бралъ у того же старика какія-то «сочиненныя имъ воровскія о возмущеніи народа противъ царскаго величества тетради, бралъ ихъ на домъ, читалъ и держалъ больше недѣли». Потомъ, возвращая эти письма старику, попъ говорилъ, «что то онъ дѣлаетъ хорошо». Что это за «воровскія письма въ *возмущеніи народа* противъ его величествія писанныя *къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей?*» Не найдется ли въ нихъ чего-нибудь для объясненія раскольничьяго ученія о *послѣднемъ времени* и объ *Антихристѣ, еже есть Петръ I-й,* для объясненія этого неудержимаго бѣгства многочисленныхъ массъ народа, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣсныя согласія, отъ «даней многихъ и новшествъ» Петра? И кто сочинялъ и подкидывалъ всѣ эти письма? Поищемъ и разсмотримъ.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ 1718 г., въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, недалеко отъ Сухаревой башни, въ деревянномъ домѣ, въ бѣдной палатѣ своей, сидѣлъ съ листомъ въ рукѣ, старикъ, глубоко задумавшись. Передъ нимъ на столѣ разбросана была кипа тетрадей. Въ одной тетрадкѣ, въ четвертую долю, на 18 страницахъ, «выписано вкратцѣ изъ книги св. отца Григорія Богослова, *ко признанію мужа характира, дѣло гражданина,* при смѣшеніи судіи и законоположника: послѣдняго чиномъ, перваго же дѣломъ таинственнаго измета ученіе». Въ концѣ этой тетрадки — приписка старика о *характерѣ, о дѣлѣ гражданина,* съ намекомъ на характеръ Петра I-го: «а той образъ такой же внезапу найде на насъ» приписалъ старикъ, сказавши «о злыхъ и горькихъ многихъ видахъ того характера». Возлѣ лежали выписки изъ *апокалипсиса,* изъ псалмовъ Давида, изъ другихъ библейскихъ книгъ и изъ твореній Григорія Богослова и Григорія Назіанзина. Далѣе, въ четвертой тетрадкѣ, кромѣ выписокъ изъ Григорія Богослова, приписано самимъ старикомъ въ началѣ какое-то «моленіе къ велиціимъ господіемъ, сопрестольніимъ судіямъ и вождямъ», а въ концѣ — «къ архипастыріемъ всея вселенныя, великія Россіи учителіемъ». Въ концѣ такая, между прочимъ, приписка старика: «написалъ сіе мнѣніемъ своимъ или чьимъ свыше повелѣніемъ *отъ многой туги и скорби своей видѣлъ озлобленіе и претkновеніе израилевыхъ людей,* за ревность и жалость дому святаго и душъ христіанскихъ неповинно влекущихъ, но молю стократно вашу святыню... у земнаго царя прилежно упросите, чтобъ онъ *за великимъ страхомъ своимъ* не повелѣлъ вамъ мя предати духовной казни». И много другихъ бумагъ лежало на столѣ.

Старикъ держалъ въ рукѣ письмо, которое начиналось текстомъ такъ: «Божественное писаніе глаголетъ, слушателіе православные; что есть че-

ловѣкъ, яко помниши его... Славою и честію вѣнчалъ еси его, поставилъ еси его надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ еси подъ нозѣ его, ничто же остави ему непокорена, покорена ему суть всяческая, сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовластну повелѣно быти». Подлѣ, на столѣ, лежалъ особый листъ, на которомъ написанъ былъ отдѣльно этотъ же текстъ. На глубокія и вмѣстѣ грустныя думы наводилъ старика этотъ стихъ, которымъ начиналось письмо. Онъ думалъ о высокомъ достоинствѣ человѣка, о его естественномъ правѣ на личную свободу, на полное самоуправленіе, даже на покореніе себѣ природы. И потомъ, вдругъ послѣ этой думы, старческій лобъ его нахмуривался, напрягался глубокими морщинами, какъ бы нависая надъ глазами, а глаза нѣсколько вкатывались, впадали въ глубь подлобья. И мрачная туга, скорбь, грустная дума отражались въ эту минуту на лбу старика. Отъ идеала текста мысль его переносилась къ мрачной, грустной дѣйствительности въ судьбѣ русскаго человѣка. Отъ высокаго идеала текста старикъ перенесся къ печальному состоянію всего русскаго народа, въ то тяжелое время казни стрѣльцовъ, жестокихъ рекрутскихъ наборовъ, безпрерывнаго увеличенія налоговъ и сборовъ съ міру, безчеловѣчныхъ правежей, гибели посылаемаго народа тысячами въ Петербургъ, жестокаго гоненія раскола, и проч. Отъ идеала текста дума старика пронеслась по всей широкой землѣ Великорусской, по всѣмъ городамъ и селамъ, по всѣмъ хижинамъ горя-злочастья, и даже по лѣсамъ заповѣднымъ... И вдругъ, морщины на лбу у него сгладились, глаза сверкнули огнемъ, и тяжелая туга души, боль сердца облегчилась восторженной, твердой рѣшимостью... И пятидесятисеми-лѣтній старикъ, бывшій подьячій въ Артиллерійскомъ Приказѣ, старообрядецъ Докукинъ, рѣшился прибить въ Петербургѣ, на площади у Троицкой церкви, возлѣ дворца Петра, сочиненное имъ возмутительное письмо, которое онъ держалъ въ рукахъ. Изъ этого-то письма мы узнаёмъ, что тогда, кромѣ многаго другаго, мутило, *раскалывало* пополамъ земство, не только разъединяло, расщепляло его на сословія, но и отторгало, отщепляло отъ него огромную массу народа въ расколъ. Какъ многочисленныя массы земства бѣжали, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣса и пустыни, отрекались отъ государства по тому убѣжденію, что настало послѣднее время Антихристово, такъ и Докукинъ хотѣлъ взбунтовать народъ, также «признавая, яко бы *нынѣшнее послѣднее время*».Съ этой точки зрѣнія онъ раскрылъ намъ многія жизненныя причины, побуждавшія народъ бѣжать въ лѣса и пустыни, для новаго самоустройства и торгово-промышленнаго обзаведенія. Вотъ то письмо, которое Докукинъ хотѣлъ прибить у Троицкой церкви:

«Божественное писаніе глаголетъ, слушателіе православные: что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣческій, яко посѣщаеши его, умалилъ еси его малымъ чѣмъ отъ ангелъ, славою, честію вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ еси ему подъ нозѣ его, ничто же остави ему не покорено, покорена же суть ему всяческая, но сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовластну ему повелѣно быти.

«Что смѣемъ отвѣщать противу слова сего, мы, отъ новаго Израиля и Іерусалима, живущіе во Христовѣ вѣрѣ царствующаго града Москвы и прочихъ россійскихъ градовъ жительствующіе? речемъ ли что противу силы онаго божественнаго писанія, или оставимъ? Если *нынѣ* вѣрно намъ слово сіе, или *ни отвѣщаемъ ли что, или положимъ устомъ своимъ хранило, понеже стако противу рожна прати*...

«Но зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, како мы... здѣсь живущіе на землѣ, отъ онаго божественнаго дара многіе отрѣзаеми и свободной жизни лишаеми, гоними изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ... и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія, и градскихъ и древле уставленныхъ законовъ лишились; о суетныхъ своихъ дѣлахъ и въ лестныхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и званія нашего славянскаго языка и платья перемѣнили, главы и брады обрили и персоны свои ругательски обезчестили; нѣсть въ насъ вида и доброты разнствія съ иновѣрными языки... послѣдуемъ ихъ нравамъ и законамъ... Смѣшашася языкомъ и дѣломъ ихъ навыкоша, а свои христіанскіе обѣты опровергоша... и правый путь у насъ исчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша... и неудобной и стремнинной путь себѣ многими трудами и потами пріобрѣтоша, свободныя власти и чести отпадоша, по оному божественному писанію намъ дарованныя, видимъ дѣломъ совершаемо, а не письму сему послѣдуемъ. Древеса самыя нужныя въ дѣлахъ нашихъ повсюду заповѣданы быша, рыбныя ловли и торговые и завоцкіе промыслы отняты многіе и вездѣ бѣдами погружаемы, на правежехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и не... оброковъ налагаемыхъ, гладомъ истаеваеми и многіе отъ того умерщвляеми, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обетшали, древодѣлей и каменосѣтцевъ отгнали, плинѳы на созиданія церквей и домовъ дѣлать заказали, на воздухъ пути намъ къ жизни не указали и сами себѣ тамошняго пути не сыскали, а пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ восприняли и всѣми благами ихъ наградили, а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правежахъ и съ податей своихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили и отечество наше пресловущіе грады... опустошили. И что́ иное рѣщи! И писанія неудобно изнести: удобнѣе устномъ своимъ ограду положить. Но вельми сердце ми болитъ, видя опустошенія новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами»...

Вотъ какіе горькіе мотивы, между прочимъ, двинули многочисленную массу земства въ расколъ, въ лѣса... Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ и подумаемъ...

Люди старой вѣры, вмѣстѣ съ Докукинымъ, вопіяли при Петрѣ, вопервыхъ, противъ *лишенія свободной жизни*, и многіе отъ того бѣжали въ расколъ. Этотъ вопль былъ не только выраженіемъ естественнаго права народнаго, но и проистекалъ изъ историческихъ, изстаринныхъ воспоминаній приверженнаго къ старинѣ народа. Встарину всѣ земскіе люди, гости посадскіе и крестьяне, пользовались полнымъ правомъ житейской

свободы, жили *на всей своей волѣ*. Горожане назывались *вольными мужами*; крестьяне тоже—*вольными, охочими людьми*. Свобода была основой земскаго, территоріальнаго устройства народной жизни. Принципомъ свободнаго перехода земскихъ людей было правило: *вольнымъ воля*. Въ самомъ названіи усадьбы, осѣдлости, ассоціаціи вольнаго, свободнаго труда выразилась идея свободы: свободное торгово-промышленное поселеніе называлось *слободой*—отъ слова *свобода*; писалось: *ослободилъ слободу поставить*. Вслѣдствіе сильной, несдержимой, полной воли развился въ народѣ могучій колонизаціонный духъ, широкій разгулъ, просторъ воли. Новгородскій *ушкуйникъ* и волжскій *бѣгунъ, бѣглецъ* древней Россіи—вотъ типы этой воли и свободнаго колонизаціоннаго духа. Вслѣдствіе исконной, естественной свободы жизни, земскіе люди привыкли къ свободному выбору поселенія—на посадѣ, или въ селѣ, или въ лѣсномъ починкѣ; привыкли къ свободному выбору труда—торга, промысла, ремесла или земледѣлія: не знали какихъ-нибудь ратушныхъ стѣснительныхъ ограниченій и условій, кому торговать и промышлять при какихъ условіяхъ; не знали паспортовъ—прикрѣпленности къ мѣсту или сословію, цеховой корпоративной замкнутости и крѣпостности, и т. п. И вотъ, когда появилось первое ограниченіе воли, прикрѣпленіе къ мѣсту, вмѣстѣ съ государственнымъ тягломъ; когда настало прикрѣпленіе крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ къ посадской—земскіе люди постоянно *избывали отъ тягла*, стремились *жить на льготѣ, на волѣ, не хотя быть въ тяглѣ, чинились сильны и государеву указу непослушны*, бѣжали на волю, самохотно селились въ льготныя, свободныя торгово-промышленныя слободы. Въ XVII вѣкѣ образовался такимъ образомъ огромный классъ народонаселенія такъ называемыхъ *вольныхъ гулящихъ людей* и *избылыхъ отъ тягла*. Эти *вольные гулящіе люди* саможизненно, фактически выразили реакцію, протестацію противъ правительственнаго *лишенія* народа *свободной жизни*. Точно также, вслѣдствіе естественнаго стремленія земства, вольныхъ, охочихъ людей къ свободному колонизаціонному и экономическому самоустройству, въ XVII-мъ столѣтіи, во всѣхъ областяхъ, около всѣхъ городовъ, заселились большія богатыя торгово-промышленныя *слободы*. Развиваясь на льготѣ, на свободѣ, эти слободы легко богатѣли, процвѣтали торговлей и промышленностью, тогда какъ рядомъ съ ними тяглыя, несвободныя общины постоянно *бѣднѣли, оскудали и разорялись*. «Нынѣ (читаемъ въ актахъ про свободныя слободы) на Москвѣ и около Москвы и по городамъ, на посадахъ и около посадовъ, заведены слободы... а въ тѣхъ слободахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и дворники торговые крестьяне, и всякими промыслами и торгами большими на Москвѣ и въ городахъ торгуютъ и промышляютъ, и многими лавками и амбарами и соляными варницами посадскими владѣютъ... а живутъ они всегда во льготѣ». Это свободное, колонизаціонное, самоустройство слободъ выразило жизненно-народную реакцію противъ указно-правительственной колонизаціи, противъ лишенія свободной жизни въ казенныхъ, тяглыхъ общинахъ; выразило естественное стремленіе народа къ свободному общинному самоустройству. А это живое экономическое процвѣтаніе свободныхъ торгово-промышленныхъ слободъ, въ противоположность *обѣднѣнію, обнищанію* несвободныхъ тяглыхъ общинъ, выразило

естественный результатъ, законъ свободнаго экономическаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло живой, фактическій протестъ противъ всякаго стѣсненія народной торгово-промышленной жизни. Отсюда видно, что сама жизнь народа естественно просилась къ свободному территоріальному самораспредѣленію и экономическому саморазвитію. А какъ во второй половинѣ XVII-го вѣка и въ царствованіе Петра, съ развитіемъ всеобщей, всенародной крѣпостности и повинности государству, и свободныя торгово-промышленныя слободы дѣлались *государевыми*, казенными, и классъ вольныхъ гулящихъ людей уничтожался, то, естественно, это должно было вызвать реакцію со стороны всѣхъ этихъ вольныхъ гулящихъ людей и свободныхъ слободъ. Вольные *слободскіе люди*, привыкшіе жить въ своихъ слободахъ на льготѣ, на свободѣ, несмотря на всѣ запретительные указы съ 1648 по 1710 годъ, упорно продолжали жить въ слободахъ, не платя тягла. А когда Петръ сталъ ихъ сильно преслѣдовать и принуждать нести тягло и службы вмѣстѣ съ тяглыми посадскими людьми, многіе изъ нихъ бѣжали въ лѣса, къ раскольникамъ, въ Малороссію, въ Сибирь, и тамъ заселяли и основывали новыя *раскольничьи слободы*. Къ нимъ туда съ охотой бѣжали и изъ тяглыхъ посадовъ купцы и посадскіе, жаждавшіе свободной жизни. Точно также поступали и вольные гулящіе люди. Петръ Первый указомъ 1 іюня 1722 года рѣшительно уничтожалъ классъ свободныхъ, вольныхъ гулящихъ людей: они должны были идти въ солдаты, а если въ военную службу не годятся, то искать другихъ службъ, или поступать въ полные холопы къ частнымъ лицамъ; они уже не могли оставаться безъ службы, или, въ противномъ случаѣ, ссылались, какъ празднoшатающіеся, на галерную работу. Несмотря на этотъ указъ, вольные гулящіе люди оставались и послѣ Петра. А при немъ отъ военной службы, отъ холопства и отъ галерной работы они бѣжали въ расколъ. Пока не было еще согласія *бѣгуновъ*, они приставали ко всякой странствующей пропагандѣ раскола, и въ расколѣ, по старинѣ, оставались вольными гулящими людьми, привольно бродили отъ Польши до тобольскихъ раскольничьихъ слободъ, отъ поморскихъ скитовъ до керженскихъ лѣсовъ.

При Петрѣ всѣ лишались свободной жизни. Ревизія 1719 года каждую душу отъискивала, записывала въ «переписную книгу», дѣлала крѣпостною государству. Паспортъ прикрѣплялъ къ мѣсту или сословію. Фискалы на каждомъ шагу слѣдили за гражданами, тайно подслушивали подъ окнами ихъ домовъ, привязывались къ зажиточнымъ крестьянамъ и посадскимъ, къ богатымъ купцамъ. Каждый, дворянинъ ли, крестьянинъ ли, купецъ ли, долженъ былъ то-и-дѣло ждать «жестокой приказной присылки» изъ Губернской Канцеляріи, изъ Губернскаго Приказа. Вдругъ наѣзжали солдаты, сковывали и «за пустую справку приказную» отрывали отъ семьи, отъ работы, волокли со всякою отповѣдью въ городъ, за 500, за 600 верстъ, недѣль на 10. Молодой крестьянскій парень только-что женился, а тутъ вдругъ наѣзжали офицеры съ командой, сковывали его, въ цѣпяхъ, въ страшную распутицу, вели въ городъ забрить въ рекруты и сажали въ тюрьму или въ острогъ. А крестьяне, въ силу крѣпостнаго состоянія, лишались даже и права жениться безъ дозволенія помѣщика.

Плачется, напримѣръ, и «бьетъ челомъ государю своему Ивану Прокофьевичу крестьянишко его Панька Кузминъ: волею Божіею женишка у меня умерла, а послѣ ее остались трое робятъ; и я, сирота твой, другой годъ не женатъ, а въ чужихъ барщинахъ не даютъ, за выводъ прошаютъ рубля по три за дѣвку; и ты пожалуй меня крестьяниномъ по старому, есть въ твоемъ государевомъ помѣстьѣ, въ деревнѣ Полутицѣ, дѣвка у Мишки Абрамьева; и ты пожалуй меня, сироту твоего, Иванъ Прокофьевичъ, *ослободи* меня на той дѣвкѣ жениться. А Мишка Абрамьевъ жеребей земли свой совсѣмъ покинулъ, могуты его пахать не стало, а онъ, Мишка, и съ дѣвкою хочетъ брести изъ твоего государева помѣстья прочь». Точно также и посадскимъ людямъ запрещено было жениться на волостныхъ дѣвкахъ и выдавать замужъ дочерей своихъ безъ увольнительныхъ видовъ. Такіе бзправные, даже и въ семейномъ отношеніи, посадскіе и крестьяне охотно бѣжали въ скиты раскола, гдѣ и браковъ вовсе не было, а была «любовь Христова», женщины были эманципированы расколомъ, или бракъ основывался только на взаимномъ согласіи, на любви, да много-что иногда на благословеніи родителей. Крестьяне, признавая несвободный бракъ, или союзъ мужчины съ женщиной, не истиннымъ, сами отправляли дочерей своихъ въ раскольничьи скиты, какъ напр. говорилъ одинъ поморскій крестьянинъ: «нынѣ-де истиннаго брака нѣтъ; а нынѣ-де онъ большую дочь свезъ въ Выгорѣцкое общежительство, да и младшую дочь хочетъ туда же отдать». Равнымъ образомъ туда же, въ мірскія согласья раскола, бѣжали и крестьяне, которыхъ тогда,—по словамъ указа Петра, 15 апрѣля 1721 года,—*продавали какъ скотовъ, врозны*! Бѣжалъ въ расколъ всякій, кто тяготился угнетенностью, порабощенностью личности, желалъ свободнаго исхода, свободной жизни. Расколъ всѣхъ принималъ. Онъ возвышалъ въ своихъ ученіяхъ нравственное, человѣческое достоинство простыхъ людей; возводилъ ихъ въ почетныя выборныя должности, въ бородѣ видѣлъ образъ и подобіе Божіе, знакъ естественнаго равенства всѣхъ людей. Расколъ, хотя и самъ подвергался при Петрѣ жесточайшимъ гоненіямъ, но былъ оппозиціей за свободу жизни и равенство правъ. Это направленіе его особенно обозначится со второй половины XVIII столѣтія.

Далѣе, Докукинъ въ листѣ своемъ вопіялъ: «Гоними изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ лишились... Рыбныя ловли и торговые и заводскіе промыслы отняты». Дѣйствительно, если только вспомнить, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и въ царствованіе Петра крестьянъ и посадскихъ постоянно *сводили, вывозили, перевозили* съ мѣста на мѣсто, съ посада на посадъ, изъ деревни въ деревню, или изъ селъ на посады, съ посадовъ въ села, иногда за нѣсколько сотъ, даже тысячъ верстъ, то можно себѣ представить, ка́къ крестьяне и посадскіе, въ самомъ дѣлѣ въ этой постоянной litoвознѣ и передвижкѣ лишались торговъ и промысловъ, земледѣлія и рукодѣлій. Посадскіе и крестьяне, по естественному стремленію къ благосостоянію, по старинному праву свободнаго перехода, искали себѣ мѣстъ, гдѣ было жить льготнѣе, свободнѣе, промышлять или торговать выгоднѣе. И только-что

укоренялись они въ такихъ мѣстахъ, обзаводились торгами или промыслами, начинали на льготѣ разживаться, какъ наѣзжали сыщики, воеводы съ солдатами и вывозили ихъ на прежнія, покинутыя ими, мѣста; или «бивъ кнутомъ нещадно по торгамъ, ихъ ссылали въ Сибирь на Лену», съ корнемъ разоряли. Между тѣмъ крестьяне и посадскіе, естественно, желая жить, торговать, промышлять свободно, не имѣя *могуты* или *не хотя платить государевыхъ доходовъ*, и *презрѣвъ всѣ прежніе великихъ государей указы*, опять неудержимо бѣжали. Въ 1682 г. всѣ помѣщики и вотчинники въ общей челобитной своей жаловались царямъ Іоанну и Петру, что «*ихъ крестьяне*,—подымаючи ихъ на дальнія службы и платя великаго государя всякія подати,—отъ нихъ многіе разбѣжались». Опять жестокіе сыски, перевозы крестьянъ съ мѣста на мѣсто. Тѣ же сыски, отвозы да перевозы крестьянъ, по указамъ 1683, 1698, 1706 и 1707 годовъ—и постоянно крестьяне лишались торговъ и промысловъ. Лишая крестьянъ свободно-выбранныхъ ими мѣстъ жительства, пахотныхъ земель, рыбныхъ и другихъ промысловъ, не давали имъ и въ городахъ свободно жить и торговать. Указомъ 1700 года 11-го марта предписано было: крестьянъ, жившихъ въ городахъ и платившихъ тягло, *взять* въ посады; а которые изъ нихъ въ посады не хотѣли, тѣмъ запрещалось вовсе и жить въ городахъ и торговать: запечатывали и конфисковали ихъ лавки, кожевенные и другіе заводы, и продавали. Князь Щербатовъ, хотя рѣзко, но справедливо выразился о такихъ поступкахъ съ крестьянскими промыслами, что «худо поступили съ крестьянами, когда вдругъ лишали ихъ промысловъ городскихъ». Далѣе, указомъ 29 октября 1707 года, крестьяне были лишены права брать на откупъ таможенные и кабацкіе сборы потому только, что они вѣдались не въ ратушѣ и изъ нихъ, въ это время, набирались въ драгуны, солдаты и рекруты. Между тѣмъ многіе промыслы, прежде принадлежавшіе крестьянамъ, теперь отдавались на откупъ заводамъ и другимъ монополистамъ, напримѣръ, рыбныя ловли въ Архангельской губерніи. Крестьяне уходили артелями на заработки, наприм. въ низовые города и въ другіе—кормиться красильнымъ промысломъ или другимъ какимъ-либо, торговать, и ихъ по причинѣ правежей съ міра тягла, отрывали отъ заработковъ и промысловъ, тащили на тѣ мѣста, гдѣ они были приписаны. Въ плакатѣ 1724 года іюня 26 предписано было отпускать крестьянъ на работу съ паспортами не далѣе какъ на 30 верстъ отъ ихъ мѣстожительства. Между тѣмъ сколько народу сгоняли на казенныя работы и промыслы за тысячи верстъ!! Для постройки Петербурга пригоняли ежегодно, втеченіи многихъ лѣтъ сряду, изъ самыхъ дальнихъ областей, до 40,000 работниковъ! Для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ также тысячи народа вызывались изъ губерній: указомъ 16-го января 1712 года требовалось 3,000 работниковъ; въ 1714 году требовалось въ Петербургъ и на Котлинъ—«къ городовымъ дѣламъ»—34,000 человѣкъ! Тысячи народа сгонялись въ Азовъ; для прорытія Ладожскаго канала на 104 версты, на казенные заводы. Устроивъ болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, Петръ приписалъ къ нимъ тысячи крестьянъ! Смотрители заводскіе наживались, въ ущербъ самой коронной казнѣ, а крестьяне изнурялись отъ заводской

работы, безъ домашняго хозяйства. Всѣ эти работы, очевидно, отрывали народъ отъ торговъ, ремеслъ, заводскихъ и другихъ промысловъ. Докукинъ жалуется, что *древодѣлей и каменосѣчцовъ отгнали*. И точно, съ 1712 года по 1718 постоянно переводили, сгоняли въ Ингерманландію каменьщиковъ, кирпичниковъ, мастеровыхъ людей и ямщиковъ, и такимъ образомъ лишали крестьянскія волости нужныхъ людей; плотники изъ дворцовыхъ волостей были наряжаемы въ 1716—18 годахъ для заведенія русскихъ слободъ около мызы Сари. Въ 1702 году даже изъ Кунгура,—по указу правительства,—высылали плотниковъ для строенія города Затона, а кузнецовъ на Таганъ-Рогъ! Такія казенныя отлучки и работы естественно отрывали крестьянъ отъ заработковъ, промысловъ и ремеслъ, да и крестьянскія волости лишали хорошихъ каменьщиковъ, кирпичниковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ людей. Затѣмъ Докукинъ жаловался, что земскіе люди «на правежѣхъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и оброковъ, съ голоду помирали и до основанія разорялись; что на правежѣхъ ихъ били нещадно»! Все это вопіющая истина, которую изображалъ Посошковъ, въ которой сознавался самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ. Въ именномъ указѣ сенату въ 1717 году онъ самъ писалъ: «Господа Сенатъ! Я слышу по стороннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ несносные правежи чинятся». Правежи тиранили народъ, подати и безчисленные и разнообразные поборы не только поземельные и подушные, но и хомутейные. прикольные, посаженные, мостовые, пчельные, банные, кожные, покосовшинные, съ подводчиковъ десятые и тому подобные вымышленные сборы просто разоряли народъ, или причиняли *людямъ трубацію великую*,—какъ выразился Посошковъ. Оттого расколъ и возсталъ противъ *даней многихъ*.

Какъ крестьянъ, такъ и торговыхъ людей отрывали отъ торговли. Напримѣръ, изъ городовъ Европейской Россіи посылали купцовъ на службу, въ головы и цѣловальники, въ отдаленные сибирскіе города. Кромѣ того, многіе гости всѣхъ сотень, купецкіе, посадскіе и промышленные люди всѣхъ черныхъ сотень, *отъ волокитъ и притѣсненій приказныхъ людей вовсе отбыли своихъ торговъ и промысловъ*,—какъ писалъ самъ Петръ въ указѣ 30 января 1699 года. Далѣе, Бергъ-Коллегія и Мануфактуръ-Коллегія, централизуя въ казенное вѣдомство мѣстнообластные естественные матеріалы и условія народной промышленности и раздавая привилегіи большею частью однимъ иностранцамъ, лишали тысячи народа вольныхъ ремеслъ, заводскихъ и рукодѣльныхъ промысловъ! Между тѣмъ и для видовъ самого правительства, Мануфактуръ-Коллегія—по словамъ Щербатова—«разными злоупотребленіями не только полезна, но и вредна учинилась». Затѣмъ, были цѣлые разряды людей, напримѣръ, служилые, которымъ рѣшительно воспрещались какіе бы то ни было торговые промыслы. Наконецъ, за одно брадобритіе, за старую вѣру, лишали права на подряды, отрывали отъ домовъ, отъ торговъ и промысловъ, везли въ застѣнки Преображенскаго приказа и Тайной Канцеляріи, ссылали въ Рогервикъ, въ Сибирь. Отрывая отъ собственныхъ промысловъ, гнали ихъ на работу въ казенные заводы. Отъ этого гоненія старообрядцы оставляли свои домы и промыслы и разсѣевались по лѣсамъ. Такъ было, напр., послѣ 1702 года

когда выговцевъ заставили работать на желѣзныхъ заводахъ повѣнецкихъ. «И отъ того времени—говоритъ лѣтописецъ ихъ—Выговская пустынь быти нача подъ игомъ работы у повѣнецкихъ заводовъ, а вѣдома на петровскомъ заводѣ. И начаша людіе съ разныхъ городовъ,—старовѣрства ради,—отъ гоненія собиратися и поселятися по блатамъ, по лѣсамъ, между горами и вертепами и между озерами, въ непроходимыхъ мѣстахъ скитами и собственно келіями, гдѣ возможно». Во внутреннихъ великорусскахъ областяхъ, старовѣры скитались изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, изъ села въ село, чтобъ только укрыться отъ гоненія. «Многіе раскольники—читаемъ въ сенатскомъ указѣ 1722 года—не хотя себя объявить, кроются, переходя живутъ по городамъ, селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ сколько тѣмъ укрывательствомъ прожить возможно. И для того укрывательства наймуютъ земли, дворы и прочія жилища, дабы познаваемы не были». Безпрестанные доносы и строгіе розыски также заставляли старообрядцевъ скитаться изъ мѣста въ мѣсто. Напримѣръ, когда въ Поморьи попъ Космозерскаго села донесъ отпиской въ Олонецъ, что «изъ Выговской пустыни соловецкіе старцы для ученія народа ходятъ по волостямъ и изъ оныхъ старцевъ одного, именемъ Питирима, поймали и послали за карауломъ въ Олонецъ», это происшествіе возбудило дѣятельные и строгіе розыски. «И бысть въ то время всѣмъ старовѣрамъ страхъ велій и въ Суземскѣ бысть страхъ всѣмъ боящимся гонителей, и всякому жителю пустынному бѣжащу отъ своихъ келій»—говоритъ «Исторія Выговской пустыни». Даніилъ Викулинъ, за которымъ послана «погоня и сыскъ», принужденъ былъ скитаться по пустыннымъ мѣстамъ, по островамъ въ Онежской Комсогубѣ, скрываясь въ шалашахъ у рыбаковъ. На Саро-озерѣ раскольникъ Харитонъ сжегъ келію «того ради, дабы слухъ прошелъ, яко бы людіе гониміи сгорѣша». Толпа испуганныхъ раскольниковъ скиталась всю весну въ чащахъ лѣсныхъ. Точно такъ было въ стародубскихъ лѣсахъ, когда стародубскому полковнику приказано было тамошнихъ раскольниковъ обращать въ православіе. «Таковому указу разгласившуся—повѣствуетъ историкъ бѣглопоповщинскій—ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разліяшася; гоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ». На Дону то же было при Петрѣ. Казачій атаманъ Некрасовъ, съ товарищами своими: Гавриломъ Чернецомъ, Иваномъ Дранымъ, Козьмою и Савельемъ Вориновыми, набралъ на Дону кружокъ людей, и, разграбя селенія около Царицына, Дмитріевска и Саратова, ушелъ съ ними на Кубань, отдавшись въ подданство крымское, въ 1708 году. Къ нему туда толпами побѣжали гонимые въ Россіи раскольники, оставляя домы и промыслы, побѣжали казаки съ Дону, изъ Голубинской, Чирской и другихъ станицъ. Тамъ всѣ эти бѣглые раскольники поселились цѣлыми слободами между станицъ казачьихъ.

Вслѣдствіе такихъ гоненій, по причинѣ разоренія многихъ купеческихъ, посадскихъ и крестьянскихъ домовъ, торговъ, сельскаго хозяйства, ремеслъ и заводскихъ промысловъ, естественно многочисленныя массы

должны были искать новыя, свободныя отъ гоненій и запрещеній, мѣста поселенія, вновь заводить торги и промыслы. И вотъ, раскольничьи скиты и слободы, несмотря на всѣ гоненія, уже при Петрѣ мало-по-малу обстроивались въ лѣсахъ новыми *починками*, расчищали изъ-подъ лѣсовъ пашни и огороды, обзаводились торгами и промыслами. Съ *починковъ* начиналась раскольничья колонизація въ лѣсахъ, какъ и въ древней Россіи было, при первоначальной колонизаціонной расчисткѣ и обстройкѣ Великорусской Земли. Такъ въ керженскихъ лѣсахъ *починками* назывались первоначальныя раскольничьи поселенія, состоявшія изъ одного двора или изъ одной кельи. Какъ въ древней Россіи,—по словамъ одного памятника XIV вѣка,—земледѣлецъ *паче дому любилъ пустыню*, сначала одинъ забирался въ темный, дремучій лѣсъ, и *посажалъ починокъ на лѣсу*, потомъ къ нему приходили другіе вольные, охочіе люди и ставили новые починки, такъ и при Петрѣ, одинокій старецъ углублялся въ лѣса, ставилъ *хижу* или келью, «пахалъ пашню кочерюгою и сѣялъ подъ гарью». Потомъ къ нему приселялись другіе, третьи и т. д. Лѣсная скитская колонизація и культура раскольничья совершалась точно также, такъ въ древней Россіи шла колонизація и культура, подъ вліяніемъ монастырей и пустынь. Вотъ напримѣръ, пришелъ въ Сѣверное Поморье, около 1691 года, старецъ Корнилій, сынъ земледѣльца изъ Тотьмы. Долго скитался онъ изъ пустыни въ пустыню; наконецъ, поселился на рѣкѣ Выгѣ, въ особомъ скитѣ, на верховскихъ лѣсахъ. Около него приселился скитникъ, старецъ Сергій, съ молодою дѣвушкою, сестрою своею, и помогалъ въ работахъ старцу Корнилію. Слухи объ отшельникѣ старцѣ-Корниліѣ распространились въ Поморьѣ.

«И начали людіе—говоритъ «Исторія Выговской пустыни» — къ отцу Корнилію приходити отъ градовъ и волостей отъ гоненія; онъ же ихъ учаше древле-церковное благочестіе хранити, а отъ Никоновыхъ новинъ бѣгати и удалятися». И вотъ стали къ нему собираться выходцы изъ онежскихъ погостовъ, изъ нижегородскихъ лѣсовъ, изъ Москвы и изъ другихъ мѣстностей Россіи, гонимые преслѣдованіемъ старой вѣры, поселились по р. Выгѣ, на рѣчкѣ Ковжѣ, у Таго-озера, около погоста Маселги, у Воло-озера, у Тамбичь-озера, у Кодо-озера, у Викмозера. Пришелъ въ пустыню Выговскую и знаменитый въ исторіи раскола Андрей Денисовъ, изъ Повѣнца, и поселился съ товарищемъ своимъ Иваномъ Бѣлоутовымъ, между озерами Таго и Бѣлое. «Въ чащехъ лѣса скитающеся—такъ разсказываетъ «Исторія Выговской пустыни» о первоначальномъ поселеніи Андрея Денисова—богородное оное и самоизлюбленное начинаютъ житіе: ни стѣны, ни покрова отъ зимнія студени имуще, огненнѣй точію преcѣдяще нудіи и отъ принесенныхъ съ собою потребъ мало вкушающе. Зимнему же пришедшу времени и весеннимъ солнцемъ озаряемымъ днемъ начинающимся, келію себѣ малу сограднша, между двѣма езерами, ею же едино Тагозеро именуется, другое же Бѣлое нарекается. На таковомъ пустомъ вселившеся мѣстѣ, гору точію сожительницу и ручей себѣ сосѣда избраша». Потомъ, соединившись въ одинъ скитъ съ Даниломъ Викулинымъ, Андрей Денисовъ съѣздилъ домой, увезъ отъ отца своего «вещь честну же и тяжко-

цѣнну, сестру свою любезнѣйшую дѣвицу Соломонію». Начались въ кружкѣ собравшейся братіи новые труды: постройка жилищъ, расчистка лѣса подъ пашню. Услышалъ объ этомъ неподалеку жившій скитникъ Захарій Степановъ и явился къ нимъ на лыжахъ приглашать къ себѣ. Этотъ скитникъ удалился съ отцомъ своимъ, матерью и сестрами въ пустыню «отъ гонительнаго мученія и мірскаго смущенія» еще въ 1691 году. Онъ былъ житель прежде Толвуйской волости. Мѣсто на р. Выгѣ, гдѣ поселился Захарій, было покрыто густо лѣсомъ: сосною и ельникомъ по обѣимъ берегамъ рѣки. Весною они обрубили сучья у деревьевъ по берегу на значительное разстояніе и зажгли; время было сухое, лѣсъ разгорѣлся, деревья повалились, и новые жители на огневищѣ начали хлѣбъ сѣять, мѣшая рожь съ ячменемъ. Захарій перезвалъ къ себѣ все общество Данилы Викулина. «И собрашася всѣ на мѣсто—говоритъ Выговская Лѣтопись,—и помолившеся Богу и пѣша молебенъ на мѣстѣ и начаша бревенъ сѣщи вальнягу, около того мѣста». Началась въ широкихъ размѣрахъ обстройка Выговскаго общежительства. Данила Викулинъ былъ «собиратель братству». «И поживши зиму и лѣто—продолжаетъ та же лѣтопись—труждахуся и на осень начаша бревны сѣщи... И начаша къ нимъ люди приходити изъ разныхъ мѣстъ и градовъ и оные же отцы Даніилъ и Андрей принимающе ихъ съ любовью и учаше... Но въ то время еще весьма скудно живуще, нужнымъ и скуднымъ пустыннымъ житіемъ... и съ волостей къ нимъ въ пустыню тогда еще не было дорогъ,—на лыжахъ съ керехами хождаху. И потомъ пріидоша два мужа съ Москвы вѣдущая писанія: единъ именемъ Прокопій Макарьевъ, другій Василій, иже послѣди въ иноческомъ чину Варлаамъ наречеся и изъ другихъ мѣстъ иныя многія... начаша къ нимъ людіе приходити и умножатися, и пашни пахати по крежамъ и по лѣсамъ, суки сѣщи и палы прятати и хлѣбы не одни по кряжамъ имающе и кормящеся съ великою скудостью и нуждою пашнею своею, и начаша скотъ держати и дворы скотскіе поставили: конской дворъ на братской сторонѣ, а коровей на другой сторонѣ у сестеръ... И бысть въ то время гладъ и хлѣбный недородъ и частыя зябели и годы зеленые не соспѣвали, и бысть у нихъ велія хлѣбная скудость и гладъ. И поставиша на Выгу мельницу, отъ монастыря за шесть поприщъ вверхъ рѣки, мелею и толчею, и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку, и начаша хлѣбы соломянные ясти, точію растворъ ржаной, а замѣсь весь соломянной муки; хлѣбы въ кучи не держалися, помеломъ изъ печи пахали властяжные бураки и коробки, и начаша такой хлѣбъ ясти, и такова скудость бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что, многажды и безъ ужина жили. И бысть велія скудость и нужда. Того ради и обрали тогда у всѣхъ въ братствѣ, что у кого съ собою изъ міру принесено было, деньги и серебряныя монисты и платья, и послаша Андрея Денисіева и съ нимъ своихъ людей, для промыслу хлѣбнаго въ Нижній, по Волгѣ, понеже въ то время тамо вельми хлѣбъ дешевъ былъ,—четверть въ двѣ гривны, тамо промышляюще хлѣбъ чрезъ добрыхъ людей въ милостыню просили и водою привезоша въ Бадоги, изъ Бадогъ перевезоша на Вытегру, а съ Вытегры въ Пигматку лѣтомъ на суднѣ,

а изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ въ крошняхъ на себѣ носити въ монастырь и носящіе рожь паренную ядяху. И бысть въ то время въ монастырѣ велія скудость и нужда хлѣбная и всякихъ потребъ, а братство убо умножашеся уже числомъ, до полуторыхъ сотъ человѣкъ и больше было мужеска пола и женска и малыхъ ребятъ, съ отцами и съ матерьми изъ міру приведенныхъ». Такъ сначала Выговская община была бѣдна и неустроена, а потомъ все болѣе и болѣе устроялась. Она называлась *монастыремъ* по старинному обычаю, когда *монастырями* назывались и погосты новгородскіе, какъ извѣстно изъ писцовыхъ книгъ». Въ существѣ же, Выговская община имѣла характеръ чисто-мірскаго согласія, похожа была на раскольничьи *слободы* — стародубскія, сибирскія и другія. Обитатели ея — по словамъ Выговской Исторіи—*житейскимъ житіемъ* жили. И дѣйствительно, уже въ началѣ XVIII-го столѣтія весь матеріальный бытъ общины имѣлъ мірское житейско-хозяйственное устройство. Въ Выговской обители были особыя кельи или строенія для «работныхъ людей», особое мѣсто, гдѣ «лучину щепати и дровни дѣлати», особая «келья чеботная швальня», особыя больницы — «немощнымъ людямъ и старымъ», особая «портнымъ швалямъ швальня», особое помѣщеніе для мастеровыхъ людей мѣдниковъ. Было скотоводство, и конскіе скотные дворы. Были кирпичные заводы. Женскій скитъ, устроенный въ 26-ти верстахъ отъ выгорѣцкаго, на рѣкѣ Лексѣ, хотя былъ «съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ въ общемъ питомствѣ», но имѣлъ и свое хозяйство, свои пашенныя и луговыя поля, своихъ работниковъ человѣкъ съ 30. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше устроялась Выговская община въ экономическомъ быту. Въ голодные годы, въ случаѣ хлѣбнаго недорода, Выговцы, какъ древніе Новгородцы и Поморцы, съ общаго совѣта, посылали надежныхъ людей на Низъ и въ другія мѣстности промышлять хлѣбъ и деньги. Андрей Денисовъ съ братомъ поѣхали въ Нижній и въ Москву, другіе поѣхали въ Новгородъ, въ Псковъ, въ низовые города, въ Архангельскъ, другіе поѣхали на Мурманскій берегъ на рыбный промыселъ, закортомили выгорѣцкія рыбныя ловли и въ другихъ озерахъ... Въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Чаженкѣ, взяли въ оброкъ пашенную землю, мѣрою шестнадцать верстъ во всѣ стороны. Промышленность развилась, и Выговцы стали богатѣть. У нихъ не только не было недостатка въ хлѣбѣ, но они стали продавать его. Андрей Денисовъ неутомимо путешествовалъ по дѣламъ торговымъ, пріобрѣлъ кредитъ, занималъ «на торгъ» деньги, закупалъ хлѣбъ и отсылалъ для продажи въ Петербургъ. На петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ Выговцы имѣли свои постоялые дворы и амбары и «своихъ людей держаша для торгу и пріѣзду всѣхъ».

Такъ уже въ первое десятилѣтіе XVIII-го вѣка, несмотря на всѣ гоненія и невзгоды пустыня стала богатѣть. Такъ точно и другія раскольничьи общины, скиты и слободы, мало по малу получали экономическое благоустройство. Но цвѣтущее саморазвитіе ихъ начинается собственно съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда капиталы и торговопромышленное процвѣтаніе раскольничьихъ общинъ пріобрѣтаютъ даже перевѣсъ надъ экономическимъ благосостояніемъ многихъ православныхъ общинъ. Объ

этомъ въ свое время будетъ рѣчь. А теперь обратимся къ тому, на что еще роптали люди старой вѣры при Петрѣ.

Лишаясь многихъ торговъ и промысловъ въ городахъ и селахъ, народъ лишался при Петрѣ и многихъ естественныхъ матеріаловъ для промышленности. Казенное строительство имперіи развивало казенную монополію въ пользованіи естественными произведеніями. Такъ Докукинъ вопіетъ къ народу, что *древеса самыя нужныя въ дѣлахъ народныхъ повсюду заповѣданы быша.* Это вопль земскихъ людей противъ лѣсныхъ законовъ Петра. Петръ Первый, какъ извѣстно, называя государство «своимъ, великаго государя, государствомъ», смотрѣлъ на лѣсъ, какъ на матеріалъ для «своихъ государевыхъ дѣлъ» и преимущественно для кораблестроенія. Отсюда появились *заповѣдныя* государевы лѣса, и все вниманіе Петра обращено было на сбереженіе этихъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Отсюда появилась строгая запретительная система, на которой основанъ цѣлый рядъ указовъ о лѣсахъ. Въ 1703 году Петръ велѣлъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса, отъ большихъ рѣкъ въ сторону на 50 верстъ, а отъ малыхъ, сплавныхъ, впадающихъ въ большія рѣки, на 20 верстъ. И вышло, такимъ образомъ, какъ найдено было по смерти Петра Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, что если пространство заповѣдныхъ лѣсовъ опредѣлить въ натурѣ, то, по близкому разстоянію рѣкъ между собою, едва ли находилось мѣсто, гдѣ бы не было заповѣдныхъ лѣсовъ. Дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ, карачагъ, лиственицу, сосну въ 12 вершковъ и больше запрещено рубить всѣмъ безъ исключенія и за всякое вырубленное дерево, кромѣ дуба, опредѣленъ штрафъ въ 10 рублей. За дубъ же, даже за одно дерево, и за большую порубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ, назначена смертная казнь. Лишаясь, такимъ образомъ, самыхъ нужныхъ въ хозяйствѣ деревъ, народъ естественно былъ недоволенъ указомъ Петра, потому что онъ не былъ нисколько сообразенъ съ хозяйственными потребностями и обычаями народа; во многихъ случаяхъ народъ не могъ обходиться безъ дуба и другихъ заповѣдныхъ деревъ; крестьянину нужны на телѣги, сани, оси, полозья, обручи къ большимъ чанамъ — дубъ, кленъ, вязъ, карачагъ, лиственица. И вотъ народъ рубилъ эти лѣса, несмотря на то, что они были заповѣдные. Зато — смертныя казни, кнуты, вырыванія ноздрей, и проч. Упорное нарушеніе закона ясно показывало, что законъ шелъ въ разрѣзъ съ жизненными хозяйственными потребностями народа. Но законъ о лѣсахъ шелъ-таки дальше. Наконецъ, издана была Петромъ подробная вальдмейстерская инструкція, въ которой сведены всѣ прежніе указы о заповѣдныхъ лѣсахъ, опредѣлены и заклеймены заповѣдныя породы деревъ, опять самыя нужныя для хозяйства народнаго, распредѣлены для храненія заповѣдныхъ лѣсовъ вальдмейстеры по рѣчнымъ системамъ; заповѣдные лѣса раздѣлены на звенья, къ нимъ приставлены драгуны и солдаты, а если ихъ не было, пригонялись крестьяне для стороженья заповѣдныхъ лѣсовъ, и проч. Результатомъ всего этого были стѣсненіе и недовольство народа. Многіе заповѣдные лѣса стояли безъ всякаго употребленія корабельнымъ адмиралтействомъ, а народу строго запрещено было ими пользоваться. Вальдмейстеры и ихъ подчиненные, получая жалованье изъ штрафныхъ

денегъ, бравшихся за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ, притѣсняли народъ и назначали часто большіе штрафы за такія порубки, за которыя по инструкціи вовсе не слѣдовало взыскивать. Самое запрещеніе рубить лѣса безъ разрѣшенія вальдмейстеровъ, вело къ притѣсненіямъ народа, потому что крестьяне, въ случаѣ нужды въ лѣсѣ, должны были бросать свои работы и ѣхать къ вальдмейстерамъ; а вальдмейстеры своими проволочками вводили крестьянъ только въ убытки. Вотъ почему и люди старой вѣры, люди народа, горько жаловались на то, что деревья самыя нужныя въ хозяйственныхъ постройкахъ и дѣлахъ повсюду были заповѣданы. Старовѣрамъ просторъ дремучихъ, темныхъ лѣсовъ и свободный входъ въ нихъ тѣмъ болѣе былъ нуженъ, что ихъ въ то время гнали, имъ нужно было снова, какъ было встарину, идти въ лѣса съ топоромъ, косой и сохой, снова сажать, «поставлять починки на лѣсѣхъ».

Лишаясь свободной матеріальной жизни, земство съ XVII вѣка, и окончательно при Петрѣ, лишалось свободнаго земскаго самоуправленія— городскаго и сельскаго. На это указывалъ Докукинъ народу, когда писалъ, что *издревле уставленныхъ градскихъ законовъ лишились, свободныя власти и чести отпадоша*. Это вопль о тѣхъ старыхъ временахъ, когда областныя общины, дѣлясь, на колонизаціонномъ основаніи, по городамъ жили и развивались, вмѣстѣ съ волостями, *на всей своей волѣ*, напримѣръ, *нравы свои отеческіе и законы и обычаи новгородскіе сохраняли*, когда—по словамъ лѣтописи — *Новгородцы изначала, и Смольняне, и Кіевляне, и Полочане и вся власти, яко же на думу, на вѣча сходились*, когда *вѣчевыя записи и грамоты, мірскія уложенья и заповѣди* были народными законами. Далѣе, вопль Докукина, вопль народный о *свободныхъ властяхъ* — это грустное воспоминаніе о свободныхъ выборныхъ земскихъ властяхъ, о выборныхъ посадникахъ, объ излюбленныхъ головахъ и старостахъ, о выборныхъ земскихъ судьяхъ. Наконецъ, вопль объ *издревле установленныхъ градскихъ законахъ* есть, въ частности, вопль о тѣхъ *уставныхъ грамотахъ*, какія въ XVI-мъ вѣкѣ выпросили себѣ областныя общины, по которымъ онѣ свободно управлялись и *судились межъ себя* своими выборными головами, старостами и судьями, «кого сами межь себя излюбили и выбирали», управлялись такъ, какъ *люба была справа всей ихъ землѣ*. Съ тѣхъ поръ какъ не стало этихъ уставныхъ грамотъ въ городахъ, а повсюду управляли воеводы, съ тѣхъ поръ торговые и посадскіе люди съ сожалѣніемъ вспоминали про прежнюю свободу городскаго самоуправленія. Говорили самому царю: «Прежде въ городахъ твоихъ государевыхъ воеводъ не бывало, а посадскіе люди судилися сами межъ себя». Въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го торговые, и посадскіе люди еще больше должны были вспоминать о древнихъ уставныхъ грамотахъ, потому что съ умноженіемъ приказовъ они терпѣли много бѣдъ и убытковъ отъ разныхъ приказныхъ властей и вѣдомствъ. Самъ Петръ писалъ въ указѣ 1699 года января 30-го, учреждая Бурмистрскую Палату: «Вѣдомы они, гости и купецкіе и промышленные люди, купецкими расправными всякими дѣлами, и его, великаго государя, окладными доходами и иными сборами въ разныхъ приказахъ, и извѣстно великому государю учинилось, что имъ, гостямъ и гостиной сотни и всѣмъ посадскимъ и купецкимъ

и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ, отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разореніе, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали». При такихъ страданіяхъ отъ приказныхъ властей и учрежденій купецкіе и посадскіе люди поневолѣ должны были сожалѣть о старыхъ уставныхъ грамотахъ городскихъ, о своихъ свободныхъ выборныхъ властяхъ. И вотъ почему расколъ, устрояя новыя мірскія, общинныя согласья, слободы и скиты, по стариннымъ народнымъ обычаямъ, по образцу сельскихъ мірскихъ согласій и сходовъ, организовалъ у себя свободное, выборное самоуправленіе и самосудъ. Въ согласіяхъ раскольничьихъ были «по выбору старосты и выборные съ перемѣною ежегодно», выборные излюбленные наставники, выборные всѣ должностныя лица, были сходы, на которыхъ всѣмъ согласіемъ «сдумавше межь собою», установляли что-нибудь. Въ важныхъ случаяхъ, въ раскольничьихъ согласіяхъ были общіе *соборы* или *общіе совѣты*. Все это внутреннее устройство самоуправленія уже слагалось при Петрѣ Первомъ и въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, несмотря на то, что въ это время раскольничьи общины подвергались часто разореніямъ. Для примѣра послушаемъ разсказъ выговскаго лѣтописца о выговскомъ раскольничьемъ совѣтѣ, бывшемъ въ 1738 году по случаю самаринской коммиссіи: «И составиша совѣтъ между собою... и собрашася со всего Суземска лучшіе люди во общежительство, начаша думати, чтó сотворити, овію и ко страданію глаголаша готовитися... огню предаватися, а которые не хотятъ страдати, тѣмъ разбѣжатися, а въ руки имъ (слѣдователямъ) не даватися, кои еще хотяху пожити, а овію лучшіе людіе о семъ начаша отъ писанія разсуждати и препятствовати, что страдати не за что, и начаша въ писаніи расматривати, и розыскивати, и читати всѣмъ вслухъ... и уговаривати, чтобъ не безсловесно страдати и упрямствовати, а въ чемъ можно отвѣтствовати и показати о своемъ житіи ясно, какъ кое мощно оправдатися, чтобъ не навести на себя и на прочихъ старовѣрцевъ безсловеснаго отъ ея императорскаго величества и напраснаго гнѣва прежде времени, и начаша думати и условишася всѣ лучшіе старцы Ѳеодосій, Варлаамъ и Іосифъ грамотные и писанія вѣдущіе Симеонъ Діонисіевъ, Трифонъ Петровъ и проч., и березовцы Иванъ Ивановъ, иконникъ Алексѣй, Ѳедоръ Семеновъ и проч., и желтопорожскіе Ефремовы, Ѳедоръ Леванидовъ, Ѳедоръ Петербурхской, и проч., и боровскіе жители Иванъ Давыдовъ, Венедиктъ Петровъ, Василій Даниловъ и проч., и салатозерскіе... и Ладожскаго скита Наумъ и Севастьянъ и прочіе многіе выборные и десятскіе, и изъ простыхъ грамотные и неграмотные жители, и положиша, что и въ тропаряхъ и въ стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ ея императорское величество поминать по нынѣшнему обыкновенію, хотя у первыхъ отцовъ се просто было, что о томъ нужды не было до сего времени, и о томъ не спрашивалось ни отъ кого, а въ нынѣшнее время нужда позвала, о семъ по клеветамъ спрашиваютъ и истязуютъ, что тѣми клеветами хотятъ всѣхъ старовѣрцевъ искоренити, того ради и писанія искати и почитати и творити, дабы церкви не вредити и на христіанъ на всѣхъ не навести напраснаго и без-

словеснаго гнѣва и конечнаго всѣмъ разоренія и искорененія, и гонительства, и мучительства... И положиша у всѣхъ, что написати къ ея императорскому величеству челобитная, и отписати все свое житіе, какъ въ сей пустыни первые отцы завелися жити... дабы было за что и страдати. Тое всѣмъ пустыннымъ жителямъ было любо». На совѣтѣ этомъ всѣ Выговцы общимъ приговоромъ *заповѣдаша* постъ и молебны всѣмъ жителямъ, также какъ встарину бывало, *староста и всей волости крестьяне*, на мірскомъ сходѣ, *обговорися сами промежь собою, учиняли заповѣдь*, напримѣръ, три года въ воскресенье «не дѣлать никакого дѣла чернаго, ни угодья въ воскресенье не угадовати, ни бѣлки не лѣсовати», и т. п.

Наконецъ, Докукинъ въ письмѣ своемъ къ народу жалуется на то, что *слова и званія нашего славянскаго языка измѣнили*, и упрекаетъ современное, петровское поколѣніе, въ *лестныхъ ученіяхъ*. Это прежде всего нападки на иностранныя, нѣмецкія названія чиновъ при Петрѣ, а потомъ и вообще на тогдашнюю порчу русскаго языка нѣмецкими и латинскими словами и оборотами. На русскій слухъ, въ самомъ дѣлѣ, дико звучали всѣ эти бергъ-коллегіи, мануфактуръ-коллегіи, ратгаузы, магистраты, регламенты, табели о рангахъ, губерніи съ провинціями и губернаторами, ланд-гевдинги, оберкоменданты, оберланд-рихтеры, камергеры, ландраты, ланд-секретари, бухгалтеры, вальдмейстеры, ланд-рентмейстеръ, ланд- и обер-фискалы, ланд-мейцы, профоссы, ланд-шрейберы, кирхшпильфохты, и т. д. Кромѣ того, самый языкъ указовъ Петра—словно копія или переводъ съ нѣмецкаго—тяжелъ, теменъ, совершенно отличенъ отъ языка не только живаго народнаго, но и отъ языка грамотъ и указовъ XVI и XVII столѣтій: то былъ языкъ точный, выразительный. Не даромъ при Петрѣ и авторъ «Тріязычнаго Лексикона», Поликарповъ, жаловался на примѣсь къ славяно-русскому языку множества иностранныхъ словъ.

А что касается до вопля Докукина противъ *лестныхъ ученій*, то это нападки на то ученіе, къ которому Петръ Первый принуждалъ нѣкоторые классы народа. Это нападки не одного Докукина, а бóльшей части народа. Отъ ученья при Петрѣ и дворяне многіе бѣжали въ расколъ. Весьма важно, однакожъ, узнать причины, почему народъ не сочувствовалъ самому главному благу, какое хотѣлъ ему дать Петръ — ученію, просвѣщенію. Народу, кромѣ свободныхъ правъ ничто такъ не нужно было, какъ ученье, просвѣщенье. По причинѣ отсутствія науки, просвѣщенія, разумной сознательности въ древней Россіи, и многіе жизненнонародные, плодотворные, зиждительные зачатки земскаго строенья не получали раціональной, опредѣленной организаціи, просвѣщенной, сознательной осмысленности, выясненности и выражались въ грубыхъ формахъ. Таковы, напримѣръ, принципы вѣчей, мірскихъ сходовъ, земскихъ совѣтовъ, земскихъ соборовъ, земскихъ училищъ, земскаго значенія вопросовъ религіозныхъ, областной автономіи и федераціи, общинно-областной гласности, писцовой окладной системы, излюбленнаго выборнаго самоуправленія и самосуда, круговой поруки, суда въ присутствіи *судныхъ мужей* и выборныхъ отъ міра, и т. п. Выразивши такой самородно-зиждительный архитектоническій тактъ въ земскомъ строеньи, земскій міръ, народъ—нуждался въ научномъ просвѣ-

щеніи и осмысленіи своего непосредственно-натуральнаго жизненнаго творчества. А вотъ онъ бѣжитъ въ расколъ отъ науки Петра. Почему же. однако? Взглянемъ, хоть бѣгло, на школы Петра.

Петръ Великій, какъ геніальный государь, основатель имперіи, смотрѣлъ на науки чисто съ государственно-устроительной точки зрѣнія, какъ на средство для уясненія, распространенія и осуществленія его идей объ имперіи, о разныхъ его нововведеніяхъ и учрежденіяхъ для имперіи. Онъ не заботился собственно объ образованіи народа, земства для его частной и общественной жизни, а заботился объ образованіи искусныхъ слугъ имперіи, исполнителей его идей. Онъ не заботился о просвѣщеніи, образованіи русскаго *человѣка*, а ему нужно было образовать себѣ изъ русскаго прежде всего *служилаго* человѣка, напр. инженера, морехода, мастера, дьяка, служащаго церковника, медика, счетчика, и т. д. — всѣхъ для службы. Съ этою цѣлью имъ основаны были всѣ элементарныя школы: *духовныя*—для образованія церковниковъ *въ надежду священства*, для *службы* церковной; *инженерная школа*, основанная въ 1712 г. въ С.-Петербургѣ для образованія изъ дворянскихъ дѣтей инженеровъ; *цифирныя школы* для обученія «цифири и нѣкоторой части геометріи дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьячихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцовъ», для образованія служилыхъ счетчиковъ, бухгалтеровъ и чиновниковъ; *навигаціонныя школы*—для образованія моряковъ; *медицинскія и хирургическія школы*—для образованія медиковъ, преимущественно военныхъ, полковыхъ. Для изученія этихъ же наукъ, и съ тѣми же служебными государственными цѣлями, Петръ посылалъ молодыхъ людей за границу.

Утѣшаясь строительствомъ кораблей на Балтійскомъ морѣ и пированьемъ въ нѣмецкихъ платьяхъ, Петръ мечталъ о будущемъ переселеніи всѣхъ наукъ въ Россію. «Кто бы могъ подумать, братцы — говорилъ онъ въ 1714 году въ Ригѣ, осушая чару вина на новоспущенномъ кораблѣ — кто бы могъ думать назадъ тому 30 лѣтъ, что вы, русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ, строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ платьяхъ? Историки — прибавилъ онъ — полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи: оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но необразованность нашихъ предковъ помѣшала имъ проникнуть дальше Польши, хотя и поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ нѣмцы, и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ... Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ вѣрится, что онѣ опять когда-нибудь покинутъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію».

Между тѣмъ какъ Петръ мечталъ о далекомъ, несбыточномъ будущемъ, въ свое время, для образованія русскаго народа, собственно массы народной, нужно правду сказать, онъ ничего не сдѣлалъ. Учредивъ школы по городамъ, и то не по всѣмъ, для образованія только церковниковъ въ надежду священства, для образованія касты духовной, да дворянъ и дьяковъ для образованія касты дворянской, военно-служилой, чиновничей, Петръ

не основалъ школъ по селамъ или волостямъ, не основалъ школъ грамотности народной, школъ для разсѣянія въ народѣ миѳологическихъ суевѣрій, византійско-восточныхъ понятій семейныхъ и общественныхъ, для распространенія въ массѣ народной элементарныхъ, общечеловѣческихъ, естественныхъ и гуманныхъ понятій. Умственная жизнь массы народной прошла черезъ всю петровскую эпоху совершенно тою же, какою была въ XVII вѣкѣ. Европейски-просвѣтительное вліяніе Петра нисколько не существовало и не существуетъ для огромной массы крестьянства, мѣщанства и даже бо̀льшей части купечества. Въ этомъ отношеніи вполнѣ справедливы слѣдующія слова Тургенева о Петрѣ: «Il fit peu pour l'instruction populaire, et l'on ne voit pas qu'il se soit beaucoup occupé d'etablir des écoles de differents degrés destinées à l'enseignement des masses».

Вслѣдствіе этого, и народъ не сочувствовалъ школьному ученію Петра. Главныя причины этому были двѣ. Во-первыхъ, не давши народу свободныхъ правъ матеріальнаго обезпеченія, отрывая его отъ торговъ и промысловъ на казенныя работы и службы, обременяя податями и разными сборами, Петръ хотѣлъ силой заставить учиться цифири, нѣкоторой части геометріи, и т. п. Онъ велѣлъ брать въ школы дѣтей отъ 10 до 15-ти лѣтъ, безъ всякаго согласія родителей, черезъ военный приказъ. Если родители противились, то ихъ сажали подъ караулъ, либо въ тюрьмы, заковывали въ кандалы, а дѣтей съ солдатами отправляли въ школы. Положимъ, что при грубомъ невѣжествѣ народа, эти слишкомъ крутыя мѣры при Петрѣ могли казаться неизбѣжными. Однакожъ, справедливость требуетъ и то сказать, что жизнь народная была правѣе Петра: родители часто не отдавали своихъ дѣтей въ школы просто по естественной невозможности, по крайней бѣдности. Крестьянинъ Посошковъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» начерталъ намъ печальную картину тогдашней бѣдности народа, когда громадныя реформы Петра поглощали у него и доходы и рабочія силы. Самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ изображалъ въ самомъ жалкомъ видѣ экономическій бытъ народа, особенно при тогдашнемъ ненасытимомъ корыстолюбіи и грабительствѣ приказнаго начальства. При бѣдности народной, естественно, не всегда-то сносно было родителямъ лишаться лишнихъ рабочихъ силъ, отдавая дѣтей безъ пользы въ школы. Вотъ почему, напримѣръ, въ 1720 г. посадскіе люди Вологды, Устюга, Каргополя, Калуги и многихъ другихъ мѣстъ представляли Сенату, что отбираніе дѣтей изъ круга семейнаго подрываетъ торговлю, останавливаетъ успѣхи въ промышленности и разрушаетъ благосостояніе домовъ дотолѣ богатыхъ и цвѣтущихъ, а бѣдныхъ лишаетъ и послѣднихъ силъ добывать содержаніе семействъ.

Другая причина безплодности петровскихъ школъ для народа та, что система ученія въ нихъ была отвлеченна отъ жизни, отъ живыхъ, насущныхъ потребностей народныхъ. Главное: ученіе въ нихъ было военное, да чиновничье; если и преподавались «нужныя механическія хитрости», такъ преподавались не для собственно-хозяйственной жизни народа, а главнымъ образомъ для видовъ государства, правительства. Казенность правительственнаго школьнаго образованія отталкивала отъ него земскихъ людей.

Казенная корпоративная раздѣльность, замкнутость и отвлеченность школъ отъ жизни, тоже не располагали къ нимъ народъ. Потомъ, во всѣхъ этихъ училищахъ преподавался съ особеннымъ предпочтеніемъ латинскій языкъ, *какъ языкъ единоначальствія*, *lingua Imperii*, по словамъ Поликарпова. Между тѣмъ, до 1721 года, въ школахъ петровскихъ не было грамматики не только русскаго народнаго языка, но и славянскаго; значитъ, непочему было и грамотѣ учиться. Только въ 20-ыхъ годахъ Петръ велѣлъ издать, хотя старую, славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго. Издатель ея, Поликарповъ, такъ говорилъ въ предисловіи о причинахъ неуспѣховъ народнаго обученія: «Оставляя премудрымъ о пользѣ, силѣ и дѣйствѣ грамматическаго художества витійствовати, нынѣ вины отъ многихъ пѣнія сего новопечатнаго грамматическаго изданія вкратцѣ простымъ словомъ изъявляю вашему любомудрію. Первая, понеже непостижимымъ промысломъ Создателя нашего Бога, изволился любомудрѣйшему всероссійскому нашему монарху Петру, того имене и высокихъ дѣлъ первому, чрезъ неусыпное его царскаго величества тщаніе, преславное и православное свое государство, якоже и *иными военными* высокими науками и всякими нужными механическими хитростями украсити и обогатити, тако и *седьми свободныхъ наукъ еллиногреческа и латинска* діалектовъ училищами наполнити. *А славянская грамматика* въ тѣхъ училищахъ *не преподаяшеся* за оскудѣніемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависитъ учащимся не малая. Вторая: яко любомудрыхъ россійскихъ отроковъ мнози нынѣ различныхъ ученій цвѣты, изъ нихъ же бы могли себѣ и прочимъ оныхъ желателямъ на словенскомъ діалектѣ сотъ, переводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ, представити, но основательнаго къ переводу орудія (грамматики) лишающеся, и *сами множицею того не получаютъ* и иныхъ не удостоятъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти» и проч. Изъ этихъ немногихъ словъ издателя грамматики при Петрѣ можно судить и о томъ, почему народъ, съ своимъ простымъ, богатымъ, естественнымъ, живымъ языкомъ, не могъ вовсе и грамотѣ учиться по такимъ обветшалымъ, ненароднымъ, славянскимъ грамматикамъ, какъ Смотрицкаго, и притомъ въ такомъ тяжеломъ, варварскомъ по языку изданіи Поликарпова.

Народъ сочувствовалъ своему, народному. Не сочувствуя казеннымъ, правительственнымъ школамъ Петра, народъ сочувствовалъ ученью живому, своимъ однокровнымъ, доморощеннымъ грамотникамъ. Расколъ былъ живымъ народнымъ ученьемъ, и многочисленныя массы народа отъ всего сердца предавались ему. Въ то время какъ Петръ основывалъ школы только для духовенства, да для дворянства, расколъ сталъ живымъ, повсемѣстнымъ училищемъ для огромной массы простаго народа — для крестьянства, мѣщанства, купечества и солдатства, взялъ на себя миссію, пропаганду учительства народнаго. И путь ученья, избранный расколомъ, самый естественный, прямо направленный и какъ нельзя болѣе споспѣшествующій цѣли — путь странствующей миссіи учительства, разсылка наставниковъ по всѣмъ областямъ, по городамъ и селамъ. И эти странствующіе грамотники, наставники раскола, несравненно съ бо́льшимъ успѣхомъ распространяли въ массѣ народной и грамотность, и свое ученье, чѣмъ пра-

вительственные учители казенныхъ, замкнутыхъ, корпоративныхъ школъ, потому что они сами выходили изъ того же самаго народа, который учили, были плоть отъ плоти, кровь отъ крови. Потомъ ученье ихъ было прямо жизненно, симпатично для массы народной, говорило прямо въ пользу ея. Оно возводило въ доктрину не отвлеченно-нѣмецкія идеи, а горькія данныя, опыты современной народной жизни и участи подъ гнетомъ реформъ. Оно хотя въ то же время поддерживало суевѣрія, занимало народъ пустыми религіозно-обрядовыми вопросами, но все это въ ученьи раскола получало своеобразную народную переработку. Расколъ развивалъ свою догматику, допускалъ полную свободу мнѣній, толковъ, согласій. Онъ не чуждался и западно-европейскихъ идей и ученій: у него были расколоучители иноземные. Таковъ, напримѣръ, нѣкто Вавило, о которомъ Денисовъ писалъ: «бысть родомъ иноземецъ, вѣры лютерскія, глаголати и писати учися довольновремено въ славнѣй парижстѣй академіи, искусенъ бысть въ реторикѣ, логикѣ, философіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій и славянскій». Расколъ будилъ, вызывалъ своеобразную народную мыслительность. Въ то время какъ въ православныхъ общинахъ весьма мало было грамотныхъ, въ раскольничьихъ общинахъ рѣдкій былъ неграмотный. Много было грамотныхъ женщинъ и дѣвицъ. Въ то время какъ православный мужичокъ мало думалъ, почти ничего не зналъ, не писалъ, не сочинялъ, мужички-раскольники работали мыслью, учили, писали, сочиняли, хоть что бы тамъ ни было на первый разъ. Въ высшей степени многозначительный фактъ въ народной исторіи, что расколъ возвышалъ, поднималъ нравственное человѣческое достоинство мужичковъ нашихъ; возводилъ ихъ на степень учителей, наставниковъ, писателей въ то время, когда у нихъ отнимали прежнія права, продавали поодиночкѣ, отрывая отъ семействъ. Точно такъ же и женщинъ расколъ возводилъ, равноправно съ мужчинами, въ достоинство *наставницъ*. Расколъ далъ имъ знать, въ лицѣ многихъ своихъ наставниковъ, что богатыя, могучія дарованія, таланты, или, какъ говоритъ народъ, *самородки* нашего крестьянства и всего простаго народа просились къ проявленію своихъ силъ, и нигдѣ не находили простора, исхода, кромѣ раскола, и что вообще въ массахъ нашихъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ глуши, въ захолустьяхъ широкой имперіи, подъ гнетомъ житейскимъ и государственнымъ, гибло множество Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, которые только въ расколѣ и находили себѣ хоть какую нибудь дѣятельность: недаромъ и самъ Ломоносовъ, преобразователь умственной жизни Россіи, создатель русской науки и литературы, «родитель» перваго русскаго университета — московскаго, борецъ съ Нѣмцами въ россійской академіи, и Ломоносовъ съ молода былъ въ расколѣ.

Взявъ на себя миссію учительства народнаго, раскольничьи согласія, по возможности, учреждали у себя и школы. Напримѣръ, въ «Исторіи Выговской Пустыни» читаемъ: «И начаша къ нимъ люди приходити съ разныхъ мѣстъ и городовъ, а оные же отцы Даніилъ (Викулинъ) и Андрей (Денисовъ) принимающе ихъ съ любовію, и учаще, и наказующе... *молодыхъ и дѣтей обоего пола учаху грамотѣ*». Въ Выговской же пустынѣ была школа искусныхъ писцовъ для списыванія и распространенія раскольничьихъ

книгъ, школа пѣвцовъ для снабженія ими раскольничьихъ часовень и молитвенныхъ домовъ, школа искусныхъ живописцевъ и богатое собраніе старыхъ, письменныхъ и печатныхъ, учительныхъ и историческихъ, книгъ, лѣтописей, сборниковъ, и т. п. Всѣ эти способы ученія—библіотеки и разныя школы — особенно стали развиваться у раскольниковъ со второй половины XVIII-го и въ первой половинѣ XIX-го столѣтій. Въ согласіяхъ, скитахъ, слободахъ раскольничьихъ на первой же порѣ появилось много людей *искусныхъ писанью*, весьма даровитыхъ, начитанныхъ, самородныхъ, своеобразныхъ народныхъ писателей. Были свои богословы, какъ напримѣръ, протопопъ Аввакумъ, смѣло и своеобразно разсуждавшій о Троицѣ, народнымъ, крестьянскимъ языкомъ писавшій свои догматическія письма. Были свои полемики, какъ московскій архимандритъ Спиридонъ (ск. 1655 г.), попы Лазарь и Никита, соловецкій келарь Азарій и черный попъ Геронтій и другіе. Были свои историки, какъ Андрей и Семенъ Денисовы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и богословами и полемиками; Иванъ Филипповъ—авторъ «Исторіи Выговской Пустыни». Были даже свои поэты. И нужно сказать, что въ XVIII-мъ столѣтіи народная поэзія только у однихъ раскольниковъ почти и развивалась. И послѣ пѣсень казачьихъ и разбойничьихъ, въ которыхъ тоже есть старовѣрскіе элементы, пѣсни раскольничьи — самыя поэтическія пѣсни. У меня подъ руками есть нѣсколько раскольничьихъ стиховъ, которые современемъ будутъ [1]) напечатаны. Съ 1655 года до Петра Перваго и даже до половины XVIII-го вѣка, въ раскольничьей письменности преобладаетъ религіозно-полемическое направленіе, вмѣстѣ съ историческимъ-повѣствовательнымъ. Со второй же половины XVIII-го столѣтія, когда раскольничьи согласія получаютъ территоріальную сосредоточенность, осѣдлость, начинаютъ немного свободную гражданскую жизнь, и ученіе раскола становится на жизненно-народную почву, изъ нея развивается и получаетъ жизненныя данныя и силы; отвлеченно-религіозный элементъ ослабѣваетъ, и вырабатывается чисто-политическое направленіе, только подъ формами религіозно-символическими. *Но объ этомъ послѣ.* А теперь, для характеристики раскольничьихъ писателей первой половины XVIII столѣтія, петровскаго времени, приведемъ слова выговскаго лѣтописца, Ивана Филиппова, о заслугахъ и достоинствахъ Андрея Денисова: «Все житіе свое въ сей пустынѣ препроводя въ добродѣтеляхъ богоугодно, изучивъ божественнаго писанія, прошедъ философское и риторское ученіе, и велій сказатель бысть словесъ божіихъ безъ книги изъ устъ, свободнымъ уча гласомъ всю братію: и толь сладостно бѣ ученіе его, яко всѣ послушающе прилежно внимаху. На праздники же всѣ по совершеніи всенощныхъ пѣній, простираше праздничная златоструйная словеса ученія, яко хитрориторски преизобильно украшаше и все богатно свѣтлыми словесы и дивными обогащаше. Все ученіе его достойно было бы писанію предати. Егда же о праздницѣхъ краснослав-

---

[1]) Срв. выше обѣщаніе автора говорить о перевѣсѣ съ 80-ыхъ гг. XVIII в. многихъ раскольничьихъ общинъ надъ экономическимъ благосостояніемъ общинъ православныхъ. *В. С въ.*

ная и пресладкая сотворши бесѣды: тогда наконецъ прилагаше нравоученіе преизрядное... Ими же всякій умъ жестокій, всякую нечувственную и каменную душу къ Богу возводя, тѣмъ же и языкъ его пресладкій чуднѣйшій орѳеовы баснословляемыя цѣвницы показася, небо, горы и каменіе привлачаше къ себѣ, но каменно-сердечные человѣки отъ земли на небо славно влечаше: воспоминаше бо въ нравоученіяхъ своихъ вся страсти человѣческія и учаше, какъ подобаетъ праздновати и каковымъ быти христіанамъ, яко не именемъ именоватися точію достоитъ, но и житіемъ украшатися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалятися, отъ грѣхопадныхъ мѣстъ отпадати, покаяніемъ же себѣ очищати и чисто и цѣломудренно жити, блуда бѣгати, сквернъ плотскихъ удалятися, и тако ученіемъ своимъ всѣхъ слушающихъ въ плачъ приводя и въ умиленіе влагая и на покаяніе согрѣшающіе понуждая: толико бо хитръ и сладостенъ бѣ словомъ, яко никто инъ таковъ обрѣтается въ нынѣшнихъ христіанѣхъ... яко и впредь не чается таковъ быти... Въ юности же своей, егда ѣздяше въ Москву и въ Санктпитербурхъ и въ Кіевъ, тогда тамо изучися добрѣ грамматическому и риторскому ученію, также и прочихъ учаше, брата своего Симеона и Трифона Петрова и иконника Даніила и Никифора Симеонова и прочихъ, иже изучишася отъ него тому же художеству, кійждо по силѣ своей, чтобъ право писати и добрѣ глаголати, знати силу святаго писанія и догматы церковные и укрѣпляти и прочихъ и братію въ православной христіанской вѣрѣ... Того (Андрея) всѣ сладцѣ славяху и дивляхуся и гражданскія персоны и отъ внѣшнихъ славніи мужи ритори похваляху и въ славѣ словесъ прелюбезно восхваляху и бесѣдовати съ нимъ желаху: и нѣкогда въ бесѣдѣ высокія персоны другъ съ другомъ послѣ смерти Андреевой бесѣдоваша объ немъ и восхваляюще и вопрошающе у прилучившагося ту общежителя Андреевой киновіи: «Еще ли у васъ другой Андрей остался таковъ, въ разумѣ и въ книжной премудрости и въ ученьи? И сами другъ другу отглаголаша: негдѣ взять и не сыскать и во всѣхъ старовѣрцахъ, и нѣтъ и впредь не будетъ!»

Земство и расколъ

II

Бѣгуны [1])

Формы имперіи, какія далъ народному и государственному складу Россіи Петръ великій, радикально измѣняли на все послѣдующее время внутренній, историческій, созданный свободнымъ бытомъ народнымъ составъ и строй русскаго земства. При Петрѣ возвелось до апотеозы московское единодержавіе. «Росписаніе Россіи на губерніи и провинціи изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета Петра великаго», разрушило естественную, колонизаціонную, историко-этнографическую основу федеральнаго областного земскаго строенія и дѣленія. Учрежденіе высшихъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ окончательно уничтожало гражданскую и духовную юридическую самобытность областей, слабые признаки которой еще сохранялись отчасти и въ XVII вѣкѣ. Изданіе регламентовъ, инструкцій и уставовъ сглаживало все разнообразіе и стѣсняло, исключало всякую свободу естественнаго, юридическаго, экономическаго, умственнаго и нравственнаго саморазвитія областного земства, установляя для него, безъ всякаго отношенія къ разнообразію мѣстныхъ условій, однѣ общія нормы или регулы. Ревизія душъ была завершительнымъ актомъ разложенія исторической организаціи земскаго міра и сословнаго, бюрократическаго, централизаціоннаго строя государства, въ формѣ имперіи всероссійской. Она, во-первыхъ, каждую личность прикрѣпляла къ имперіи, записывая каждую душу въ государственную «переписную книгу»; во-вторыхъ, раскалывала такъ сказать цѣльный общинный составъ, организмъ земства на сословныя касты, крѣпостныя, служилыя и податныя, военно-духовно-гражданскія. Вотъ главныя начала, которыя по волѣ Петра великаго, въ самыхъ основахъ преобразовывали земство на разныя сословія

[1]) Напечатано въ журналѣ „Время" за 1862 г. № 10, стр. 319—363 и № 11. стр. 251—297 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ: № 10-го—отъ 11 окт., за № 11-го—отъ 12 ноября того же года; редакція М. Достоевскаго). Статьи о бѣгунахъ, какъ и нѣкоторыя другія работы Щапова, появились въ искаженномъ цензурою видѣ, въ каковомъ перепечатываются и въ настоящемъ изданіи за неимѣніемъ рукописнаго оригинала. *В. С—въ.*

имперіи, и которыя потому во многихъ отношеніяхъ болѣзненно отозвались въ земствѣ на все послѣдующее время. И вотъ причины, почему общинно-демократическія согласія раскола, поднявши народную оппозицію противъ реформъ Петра великаго, оппозицію недовольнаго земства противъ шведско-нѣмецкихъ формъ тогдашней имперіи, съ самаго начала возстали и доселѣ возстаютъ главнымъ образомъ противъ всѣхъ указанныхъ началъ государственности. И съ тѣхъ поръ и донынѣ свою историко-догматическую полемику они ведутъ обыкновенно со времени Петра I, такъ что каждое историко-обличительное сочиненіе федосѣевцевъ, бѣгуновъ начинается или все наполняется обыкновенно бранью «антихриста, еже есть Петра I» и отрицаніемъ всѣхъ его государственныхъ учрежденій: сената, синода, регламентовъ, ревизіи душъ, подушной подати, раздѣленія человѣкъ на чины или табели о рангахъ и т. д. Изъ этихъ основныхъ началъ народно-бытовой оппозиціи демократическія общины раскола развивали все свое историко-оппозиціонное ученіе.

Ревизія душъ была камнемъ преткновенія или главнымъ разъединяющимъ началомъ для земства, и потому сопровождалась особеннымъ развитіемъ раскола въ земствѣ. Эпоха первыхъ двухъ ревизій, 1718 и 1742 года, характеризующаяся тяжолой для народа постройкой имперіи, была временемъ самаго болѣзненнаго и напряженнаго хаотическаго движенія податныхъ, служилыхъ и крѣпостныхъ массъ народа. Въ это время въ нихъ сильно развивался духъ отрицанья, и выражался хаотическимъ, безпокойнымъ броженіемъ и бѣгствомъ отъ службы, отъ податей, отъ крѣпостного рабства, бѣгствомъ изъ самой имперіи, заграницу. Эпоха слѣдующихъ двухъ ревизій, 1762 и 1782 годовъ, когда начался поворотъ къ установкѣ, къ образованію русскаго сословно-разъединеннаго общества, ознаменовалась въ исторіи массъ народныхъ сильными, энергическими агитаціями крѣпостного, служилаго и податного земства. Въ этихъ агитаціяхъ преимущественно выразился тотъ духъ недовольства, который наболѣлъ въ сердцахъ податныхъ и крѣпостныхъ массъ народа въ первой половинѣ XVIII столѣтія и который тогда выражался бѣгствомъ и разбойничествомъ. Основной мотивъ всѣхъ этихъ движеній и физическихъ и нравственныхъ силъ податного, крѣпостного и служилаго народа составляла — месть за угнетенье и жажда воли. Въ это время, подъ знаменемъ раскола, грянула пугачевщина. Въ это время пророкъ людей божіихъ, освободитель и искупитель душъ крестьянскихъ, съ мистическимъ предчувствіемъ, въ мифическихъ образахъ, возвѣщалъ идею свободы, освобожденія, искупленія душъ народныхъ, возвѣщалъ «отъ странъ иркутскихъ до сѣверной страны питерской». Въ это же время, подъ знаменемъ безпоповщинскаго раскола, явились бѣгуны. Въ бѣгунахъ преимущественно выразилось отрицанье ревизской, военно-служилой и податной прикрѣпленности душъ, личностей къ имперіи и великороссійской церкви и порабощенности ихъ властямъ и учрежденіямъ той и другой.

Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ сказать главнымъ образомъ о происхожденіи и значеніи въ народной исторіи согласья бѣгуновъ, касаясь впрочемъ отчасти и прочихъ согласій раскола.

I

Съ тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія до пугачевщины почти не слышно, не видно на сценѣ исторіи огромныхъ массъ провинціальнаго народа. А горемычные, — онѣ тогда страшно стонали. Но отдаленный стонъ народный, по словамъ Щербатова, не былъ внушаемъ и слышенъ средп роскошей столичныхъ. Тогдашнее правительство не знало народа, надъ которымъ держало строгую, деспотическую опеку. Народъ не зналъ правительства и только испытывалъ кругомъ вопіющія злоупотребленія администраціи и судопроизводства, крѣпостного права и проч. «Россія, говоритъ тотъ же историкъ и публицистъ екатерининскаго времени, — Россія не какъ другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ ихъ токмо тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ; самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и неудовольствіи, иногда и понапрасну. Желающіе научиться способу не имѣютъ. Размышленія остановлены. Ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибка ошибкою и зло зломъ, якобы для исправленія, умножаютъ». Въ половинѣ XVIII столѣтія правительство было въ самомъ печальномъ невѣдѣніи народа, а народъ передъ нимъ былъ самый жалкій, peuple des esclaves, по выраженію англійскаго посланника того времени, Сирлея. Императрица Екатерина II такъ описывала, въ какомъ положеніи нашла имперію, когда вступила на престолъ: «Я нашла сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованья неполучившую. Въ статсъ-конторѣ именные указы на выдачу 17,000,000 рублей не выполненные. Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи 100 мильоновъ, изъ которыхъ 40,000,000 почитали вышедшими изъ имперіи вонъ и натурою отправленными, понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ лицамъ въ монополію. Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два мильона. 60,000,000, кои остались въ имперіи, были 12 разныхъ вѣсовъ серебряныя деньги отъ 82 пробы по 63, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудѣ. Внутри имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Правительствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ апеляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и чтеніе дѣла о выгонѣ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли приказаніе сената, что въ пословицу вошло говорить: ждутъ третьяго указа, понеже по первому и второму не исполняли. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи, а къ каждой провинціи были приписаны окружные города, въ коихъ находились вое-

воды и воеводскія канцеляріи. Оныя не получали жалованья, и дозволено имъ было кормиться отъ дѣла, хотя взятки строго запрещены были. Сенатъ опредѣлялъ воеводъ, но числа городовъ въ имперіи не зналъ. Когда я требовала реестры городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ, даже карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ въ сенатѣ, послала пять рублей въ академію наукъ, чрезъ рѣку отъ сената, и купленный тамъ кириловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату. По восшествіи моемъ на престолъ, сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходамъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16,000,000. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписывались разъ по семи съ каждымъ воеводой, наконецъ сочли 28 мильоновъ. При коронаціи моей было у меня три секретаря, у каждаго изъ нихъ было по 300 прошеній, итого 900... Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1763 года поѣхала я въ сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ, и требовали отъ меня повелѣніе нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безчетныя воинскія команды; считали, что менѣе 800,000 рублей ревизія не станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ, о побѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ, объ ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи, почитая однакожъ всѣ ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все, что говорили господа сенатъ, наконецъ уставъ говорить замолчали. Тогда я спросила, на что таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны. Нельзя ли инако? Мнѣ сказали: такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а мнѣ кажется вотъ такъ, — публикуйте по всей имперіи, чтобы каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобы канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ сенатъ. Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляли мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями многое множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: — простите всѣхъ доднесь прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донынѣ внести въ нынѣшнія ревизіонныя сказки. (Далѣе разсказываетъ Екатерина о томъ, какъ сенаторы стали было горячиться, и едва конченъ былъ разговоръ о ревизіи, по мысли императрицы). Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генералъ-майоры князь Александръ Алексѣичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибиковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей, но не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже гороблагодатскіе заводы за двумильонный казнѣ долгъ графа Петра Шувалова возвращены въ коронное управленіе, также воронцовскіе, чернышовскіе, ягужинскіе и нѣкоторые иные заводы по таковымъ же причинамъ паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошолъ отъ самовластной раздачи сенатомъ

заводовъ сихъ со приписными къ онымъ крестьянами. Щедрость сената тогда доходила до того, что мѣднаго банка трехмильонный капиталъ почти весь розданъ заводчикамъ, кои умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя отъ казны деньги въ столицѣ».

При такомъ правительствѣ каково было жить горемычнымъ податнымъ, крѣпостнымъ, рабочимъ, служилымъ массамъ народа?.. Въ глуши провинцій, невѣдомо для правительства, стонали они подъ игомъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій, подъ игомъ начальниковъ губерній, въ родѣ Тутолминыхъ, Гудовичей, Трескиныхъ, подъ игомъ ландратовъ, ландрихтеровъ, ландкомиссаровъ, комендантовъ, оберъ-комендантовъ оберъ-ландрихтеровъ, исправниковъ, засѣдателей, становыхъ. И вѣковымъ путемъ тяжко-прожитыхъ опытовъ стали они невольно доходить мало-помалу до того фактическаго, болѣзненно-прочувствованнаго отрицанья, какое несдержимо и однажды навсегда выразилось въ демократически-отрицательной оппозиціи всѣхъ федосѣевскихъ согласій раскола и въ особенности въ согласіи бѣгуновъ. Всѣ массы земства тяжко испытывали горько-жизненное недовольство, и вотъ, во всѣхъ слояхъ его, недовольные доходили до такого отрицанья... Взглянемъ хоть бѣгло, въ частности, на бытъ податного, крѣпостного и служилаго народа, на бытъ купечества, мѣщанства, крестьянства и солдатства, въ эпоху появленія и распространенія согласія бѣгуновъ и передъ ней.

Былинный эпосъ и пѣсни народныя воспѣваютъ богатство и веселый, широкій разгулъ гостей новгородскихъ и купцовъ богатыхъ. Не то совсѣмъ представляетъ историческая, грустная дѣйствительность. Рабская забитость, крайній недостатокъ духа иниціативы, предпріимчивости, недостатокъ просвѣщенной раціональности при здравомъ, практическомъ русскомъ смыслѣ, вотъ печальные результаты историческаго воспитанія нашего купечества и вообще торгово-промышленнаго класса. По происхожденію сродное крестьянству, неохотно и медленно отрываясь отъ коренныхъ историческихъ обычаевъ селъ, наше купечество туго поддается и европейскимъ понятіямъ и формамъ быта, указаннымъ Петромъ великимъ. Оно образуетъ какую-то соціально-оппозиціонную реакцію, могучую, плотную, сдерживающую силу, посредствующую между сельскимъ крестьянствомъ и городскимъ дворянствомъ, крѣпко, свято, самоупорно охраняющую коренныя начала самобытнаго, народно-крестьянскаго историческаго творчества. Тутъ, въ этой бытовой, тяжко-прожитой самовыдержанности не все самодурная рутина, а нельзя не обратить вниманія на эту вѣковую, исторически-развившуюся и окрѣпшую силу воли, самостоятельность быта. Большая часть купечества и посадства или мѣщанства, вмѣстѣ съ крестьянами, со временъ царя Алексѣя Михайловича и императора Петра I, пошла въ старообрядство, въ расколъ, и доселѣ упорствуетъ въ немъ. Тутъ, въ этомъ расколѣ не все застой, а есть жизнь, движеніе, поддерживается и воспитывается духъ народнаго саморазвитія, свободной самодѣятельности, самораспорядительности, самостоятельности, самоустройства, самоуправленія. Доказательство на это представляютъ между прочимъ московскія

и петербургскія старообрядскія народныя собранія XIX вѣка. Не говоримъ покуда о политической письменности старообрядческой. Со временъ Петра великаго большая часть купечества и посадства признала лучшимъ устроить, на основѣ старообрядства, свое, хоть и крѣпко замкнутое, но самобытное, безсословное, братское, богатое общество, съ соборно-общиннымъ и выборнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ соединиться, слиться съ православнымъ обществомъ, разъединеннымъ кастально-сословнымъ антагонизмомъ, управляемымъ какъ машина не своими общественными силами. Къ тому невольно вела купцовъ и посадскихъ историческая обстановка, политическій, общественный бытъ и положеніе ихъ.

На земскомъ соборѣ 1642 года посадскіе, торговые и промышленные люди, во имя стариннаго обычая, излюбленнаго общиннаго самоуправленія, выразили протестъ противъ воеводскаго самоуправства и желаніе собственнаго суда посредствомъ своихъ выборныхъ. Голосъ ихъ не былъ уваженъ. Недовольство торгово-промышленныхъ городскихъ классовъ, также какъ и крестьянское, излилось бунтами по всѣмъ городамъ. Но приказно-государственная сила воспреобладала надъ земскими стремленіями. И въ девятидесятыхъ годахъ XVII вѣка, гости, купецкіе и промышленные люди были уже безгласными жертвами приказнаго произвола. Самъ Петръ великій, сожалѣя объ *оскудѣніи и разореніи торговыхъ и посадскихъ людей*, и о томъ, что «его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ недоимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы»; самъ Петръ писалъ: «что имъ гостямъ и гостиной и суконной сотни и всѣмъ посадскимъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренье, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали». Ни комерцъ-колегіи и мануфактуръ-колегіи, ни учрежденіе бурмистрской палаты, московской ратуши и городовыхъ земскихъ избъ, съ ихъ приказно-купеческимъ чиновничествомъ, съ президентами ратушей, оберъ-инспекторами и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, подъячими, надсмотрщиками, сборщиками и расходчиками, купецкими фискалами, — ни одно изъ этихъ учрежденій не улучшило торговли и промышленности купцовъ и посадскихъ, не замѣнило для нихъ самоуправляемой, самосудной свободы торга и промысла. Напротивъ, инструкціями всѣхъ этихъ учрежденій, торговыми и ремесленными уставами до крайности стѣснено было свободное торгово-промышленное развитіе. Купцы и ремесленники попрежнему были рабы и жертвы казны, бурмистровъ ратушныхъ, бурмистровъ таможенныхъ, кабацкихъ и проч., да воеводъ, дьяковъ и подьячихъ. Не охранялъ ихъ отъ безправія, грабежа и обидъ и верховный контроль надъ правосудіемъ юстицъ-колегіи. Въ уставѣ главнаго магистрата такъ показано ихъ положеніе: «хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ въ смотрѣніи и въ вѣдѣніи подлежатъ въ юстицъ-колегіи, однакожъ, понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо въ какомъ презрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній неслыханныхъ едва не всѣ разорены, отчего ихъ весьма умалилось, и уже

то есть не безъ вящшаго государственнаго вреда». Точно также мало благоустроивали бытъ купцовъ и ремесленниковъ главный магистратъ съ его регламентомъ и городовые магистраты, учрежденные съ цѣлью предоставить купцамъ нѣкоторыя права самосуда и самоуправленія, чтобъ обезпечить ихъ доходы для обезпеченія доходовъ казны. Вмѣсто предоставленія купечеству и ремесленнымъ классамъ свободнаго торгово-промышленнаго саморазвитія тогдашнее правительство по нѣмецкому образцу дѣлило да подраздѣляло ихъ на гильдіи и цунфты или цехи, подчиняло опекѣ альдерменовъ, старостъ. Какъ матерьяльно и нравственно вредны гильдіи, объ этомъ будетъ рѣчь дальше. Вмѣсто свободнаго выбора промысла, правительство подробно опредѣляло самые стѣснительные, кастально-корпоративные способы пріобрѣтенія регулярнаго гражданства, торговаго и ремесленнаго состоянія. Напримѣръ, въ родѣ такихъ правилъ: «тотъ изъ мастеровыхъ людей, кто не запишется въ цехъ, лишается права на свободное отправленіе ремесла; безъ предъявленія цеховому альдермену и безъ клейма, ремесленникъ не имѣетъ права продавать свое издѣліе», и т. п. Такой приказно-магистратскій, корпоративно-крѣпостной или замкнуто-сословный видъ самоуправленія былъ нисколько не легче и не лучше приказно-административнаго управленія. Да и тотъ былъ уничтоженъ при преемникахъ Петра. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ главнаго магистрата въ Петербургѣ городовые ратуши и магистраты подчинены были губернаторамъ и воеводамъ. И послѣ, когда были возстановлены, не выходили изъ-подъ контроля губернаторовъ и секретарей. Какъ деспотствовали надъ купечествомъ начальники губерній и разныя присутственныя мѣста, желающихъ знать это отсылаемъ къ «Запискамъ Державина» и къ «Запискѣ о Сибири», напечатанной въ «Чтеніи общества исторіи и древностей россійскихъ» за 1859 г. Вслѣдствіе этого и самыя выборныя общественныя учрежденія—магистраты, а послѣ и думы не имѣли почти никакой самостоятельности, самораспорядительности, по причинѣ преобладанія губернскихъ бюрократическихъ канцелярій и властей. Равнымъ образомъ и выборныя должностныя лица, президенты магистратовъ, головы думъ и проч., вслѣдствіе преобладанія приказнаго элемента надъ земскими интересами, становились истыми чиновниками-деспотами. Ужасно читать, какіе были во второй половинѣ XVIII столѣтія президенты городовыхъ магистратовъ, избиравшіеся иногда изъ военныхъ. Напримѣръ, московскій генералъ-губернаторъ графъ Салтыковъ доносилъ отъ 17 ноября 1763 года: «Орловскаго магистрата президентъ Дмитрій Дубровинъ купечеству дѣлалъ великія притѣсненія, грабежи и смертоубійства, также и казнѣ похищенія, за что главнымъ магистратомъ и былъ отрѣшенъ отъ присутствія; но несмотря на то правилъ ту должность своевольно. Во время сего нахальнаго правленія фабрика купца Кузнецова товарищами его разграблена и разорена, а бывшіе на оной работники отчасти разогнаны, избиты и переувѣчены, и просилъ онъ, Кузнецовъ, въ сенатской конторѣ, отъ которой и посланъ указъ къ находящемуся тамъ кирасирскаго полка полковнику Давыдову, коимъ велѣно ему, обще съ орловскимъ воеводой и съ опредѣленнымъ отъ главнаго магистрата депутатомъ, все по самой справедливости изслѣдовать, а Дубровина съ со-

общниками взять подъ караулъ, для пресѣченія непорядковъ и для возстановленія тишины разставить въ городѣ частые пикеты, почему онъ, Дубровинъ, и взятъ подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ въ походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и понынѣ такъ, какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними не согласны» (и такъ далѣе идетъ разсказомъ о дѣяніяхъ президента магистрата и его сына). И не только провинціальные, городовые магистраты, но и петербургскій главный магистратъ во второй половинѣ XVIII столѣтія былъ страшно неустроенъ. Онъ больше притѣснялъ торговыхъ людей, особенно торгующихъ крестьянъ, чѣмъ заботился о безпрепятственномъ развитіи торговли; больше грабилъ купцовъ, чѣмъ поощрялъ и облегчалъ народную торгово-промышленную производительность. Щербатовъ въ «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи» писалъ о главномъ магистратѣ: «Сіе мѣсто, долженствующее бы быть защитою и подпорою купечества и мѣщанства, учинилося вертепъ разбойниковъ, гдѣ ихъ грабятъ и утѣсняютъ другихъ подданныхъ. Сему я нѣкоторые примѣры предложу. Повелѣно, чтобъ всѣ мастеровые были записаны въ цехи; а состояніе россійскаго государства требуетъ, чтобъ благородные имѣли въ домахъ своихъ мастеровыхъ (при существованіи крѣпостного права) изъ собственныхъ своихъ людей, которыхъ нельзя удержать, да и нельзя имъ запретить, дабы они и на другихъ не работали, а нужнаго и сходственнаго съ симъ обстоятельствомъ учрежденія нѣтъ. Запрещено крестьянамъ торговать, а великая часть купцовъ ихъ деньгами торгуютъ, или прибыль отъ нихъ получаютъ; исключить ихъ изъ торговли, тѣмъ потеряется великое число денегъ, которыя нынѣ въ обращеніи и въ торгу, а не исключить, то купечество разоряется; законы старые пребываютъ, новые печатаются, другіе невѣдомые указы именные магистрату о семъ даются. Не лучше ли бы порядочно сіе разсмотрѣть, и чего неможно запретить, то съ нѣкоторыми выгодами для купцовъ позволить (и крестьянамъ торговать). Въ магистратѣ судятся вексельныя дѣла и дѣла о банкрутахъ, а полнаго вексельнаго уставу нѣтъ, а банкрутскаго и не бывало; два или три были сочинены, всѣми мѣстами апробованы, на конфирмацію поданы, но безъ конфирмаціи остались. Послѣдній былъ сочиненъ комиссіей о комерціи, по долгомъ лежаніи пересматриванъ сенатомъ, то-есть мѣстомъ, ненавидящимъ комиссію о комерціи; ибо князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, сіе мѣсто ненавидитъ за то, что оно часто сопротивляется его несходственнымъ съ правилами торговли предпріятіямъ, какъ поелику онъ имѣетъ наблюденіе и о доходахъ государственныхъ. Самъ сенатъ учиня токмо малыя переправки, сей уставъ о банкротахъ апробовалъ за подписаніемъ своимъ и комиссіи о комерціи императрицѣ въ 1774 году подалъ. Но какъ она въ кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи сдѣлать новое пространнѣйшее уложеніе, то сего уставу не апробовала, а между тѣмъ временемъ государство и торговля терпитъ».

Въ нравственно-юридическомъ отношеніи купцы и мѣщане много терпѣли обидъ въ судахъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Они много зла терпѣли отъ бюрократическаго канцеляризма, несмотря на ослабленіе его во второй половинѣ XVIII вѣка. «И нынѣ—жаловались купцы во второй половинѣ прошлаго столѣтія—и нынѣ тоже всѣми тѣми монархами (Петромъ, также Анною и Елисаветою, возстановившими учрежденія петровы) купечество отъ канцеляріевъ почти несовсѣмъ отрѣшено, однакоже великое претерпѣваетъ отъ оныхъ притѣсненіе и обиды, которыхъ избѣгнуть никакъ не можно, кольми же паче когда совсѣмъ канцеляріямъ отдано подъ власть будетъ; тогда купцамъ останется дѣлать только то, чтобъ никуда отъ домовъ не отлучаясь, оберегать домы и домашнихъ своихъ, всѣхъ торговъ лишиться и придти въ отчаяніе». По чрезмѣрной алчно-придирчивой, корыстолюбивой истязательности, чиновники чрезвычайно медленно вели купеческія дѣла, пока не получали взятки, или запутывали и рѣшали неправильно. На судъ таскали купцовъ и мѣщанъ насильно, безъ всякихъ предварительныхъ повѣстокъ. Лукавые судьи формальными допросами запутывали ихъ на судѣ. Военнослужащіе купечеству причиняли обиды и побои; за забранные товары не отдавали денегъ. Дворянство съ презрѣніемъ смотрѣло на купеческихъ дѣтей, какъ «въ грубости рожденныхъ», за то, что они попадали въ дворянство. «Чрезъ это—по словамъ князя Щербатова—*чины уподлялись*, а служащій *корпусъ дворянскій огорчался*». Словомъ, купечество, по словамъ его депутатовъ комиссіи 1767 года, находилось «въ крайнемъ презрѣніи», такъ же какъ и мѣщанство. Недаромъ поэтому представители купечества и мѣщанства въ этой комиссіи, созванной для сочиненія проекта новаго уложенія, представляли между прочимъ: 1) о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ; 2) о нечиненіи военно-служащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побоевъ и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; 3) о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества; 4) объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей; 5) о незабираніи насильно изъ суда въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; 6) объ избавленіи купечества отъ службы при сборѣ казеннномъ, отъ ежегодныхъ выборовъ къ откупщикамъ для пріема и отдачи вина, такъ какъ это купечество считало самою большою «конфузіей для себя», и т. п.

Въ коммерческомъ отношеніи купечество и вообще торгово-промышленный классъ страдалъ отъ монополіи казны. Уже въ XVII вѣкѣ, особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича, стало государственно-экономическимъ принципомъ: «какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе». Петръ великій, перестроивавшій московское государство въ имперію, неусыпно хлопоталъ о доходахъ и прибыли казны, и потому о «денежныхъ сборахъ» старался особенно «присматриваться», такъ что все, даже и самыя губерніи учреждалъ главнымъ образомъ съ финансовою цѣлью. При немъ впрочемъ казенная монополія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ отношеніи къ фабричной и заводской промышленности и производительности, была поучительнымъ для народа примѣромъ или образцомъ. Но правительство и послѣ Петра великаго не только не ослабляло, а еще годъ отъ году

усиливало систему казеннаго монополизма, такъ что къ концу XVIII и къ началу XIX столѣтія монополія возрасла до крайности и стала однимъ тяжелымъ стѣсненіемъ для торговли и промышленности. Мордвиновъ признавалъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ разстройства финансовъ въ Россіи и обѣдненія торговаго класса. «Казна присвоила себѣ единоторжіе, писалъ онъ: а) Чрезъ отстраненіе торговаго класса людей отъ казенныхъ поставокъ. Симъ отстраненіемъ и посылкою, въ замѣнъ того, во всѣ мѣста казенныхъ чиновниковъ для закупки вещей изъ первыхъ рукъ, ослаблена необходимая для общественнаго благосостоянія взаимная связь между производителями, торгующими и потребителями; б) чрезъ ослабленіе въ торговцахъ охоты вступать въ подряды и поставки казенныя. При маломъ числѣ подрядовъ и поставокъ, предоставляемыхъ казною торговому классу людей, самое даже производство на оныя торговъ до безмѣрности затруднено, какъ обрядами самаго производства ихъ, такъ и мѣрами обезпечивающими исправность поставокъ: ибо требуются залоги (не беззатруднительные обыкновенно для торгующихъ) нетолько по такимъ обязательствамъ, кои для выполненія своего требуютъ довольнаго времени, но даже и на работу, которая съ перваго дня начатія ея, сама по себѣ составляетъ уже залогъ. Къ сему присовокупить должно и ослабленіе самой охоты въ торговыхъ людяхъ вступать въ обязательства съ казною, во-первыхъ чрезъ разнообразныя имъ чинимыя притѣсненія, и именно: чрезъ неточное соблюденіе казною контрактовъ, съ ними заключенныхъ, чрезъ медленный платежъ денегъ, чрезъ тягостное продолженіе расчетовъ съ ними и т. п.; и во-вторыхъ чрезъ примѣры появленія многихъ казенныхъ поставщиковъ въ разоренномъ и самомъ нищенскомъ состояніи». Таковъ былъ экономическій гнетъ казны надъ торговымъ сословіемъ.

Въ экономическомъ отношеніи осебенно жалко было положеніе безземельныхъ мѣщанъ. Указомъ отъ 14 марта 1746 года окончательно нарушено всенародное, всесословное значеніе земли, или землевладѣніе. Купцамъ и цеховымъ ремесленникамъ — пасадскимъ, мѣщанамъ запрещено, наравнѣ съ дворянами, покупать земли нетолько съ деревнями, но и безъ деревень. Такимъ образомъ привилегировано было на крѣпостное землевладѣніе одно дворянство, а купечество и мѣщанство, такъ же какъ и крестьянство, лишено свободнаго права на землю. Отсюда послѣдовало нетолько юридическое, но и поземельное разъединеніе земства, нарушена поземельная общность, связь, и свободная, взаимная, обоюдная переходность изъ купеческаго и мѣщанскаго состоянія въ сельское, земледѣльческое, и обратно. Лишеніе земли особенно вредно стало для мѣщанства. Неся всѣ крестьянскія повинности и подушныя подати, не имѣя правъ свободнаго промысла, мѣщане лишены были и главнаго источника обезпеченія и дохода—земли. Оттого большая часть изъ нихъ стала представлять самыхъ несчастныхъ тружениковъ, бобылей, нищихъ, чернорабочихъ, прислужниковъ и т. п. Недаромъ въ XVIII вѣкѣ села, по указамъ, весьма неохотно обращались въ города, и крестьяне, не желая быть безземельными мѣщанами, недаромъ упорно отстаивали свои старинныя земли.

Такимъ образомъ и торговый, и ремесленный классъ, и купцы и мѣщане терпѣли несносныя стѣсненія и лишенія въ самыхъ насущныхъ источникахъ жизни. «Всѣ знаменитѣйшіе народы древнихъ и настоящихъ временъ,—скажемъ словами Мордвинова,—содѣлались богаты отъ торговли и промысловъ. Одна Россія, занимающая половину Европы, сковывала доселѣ свою торговлю и свою промышленность, и правительство ея, ожидая отъ народа великихъ доходовъ, само поражало то, отъ чего и народъ и казначейство могли бы стяжать великія богатства». Оттого и города въ Россіи не процвѣтали. Щербатовъ въ свое время замѣтилъ: «города нетокмо въ лучшее состояніе приходятъ, но паче ослабѣваютъ за недостаткомъ купечества, а которое остается, то вящшую тягость должно нести». И удивительно ли послѣ этого, если какой-нибудь безземельный мѣщанинъ, труженикъ горемычный, не находя въ городѣ ни работы хорошей, обезпечивающей житье-бытье, ни покою, а только одно горько-слезное горе-злосчастье, оставлялъ городъ и шелъ куда-нибудь въ бѣгуны, грустно утѣшаясь словами ихъ ученья: «града настоящаго не имамы, но грядущаго взыскуемъ...» У бѣгуновъ же была по крайней мѣрѣ надежда, было стремленье основать гдѣ-нибудь на русской же землѣ свой городъ, свою область.

Изъ города пойдемъ по селамъ. Вотъ средневолжскія села. Въ XI и XII вѣкахъ, когда была вольнымъ воля на великорусской землѣ, они большею частью только еще устроялись, заселялись вновь, путемъ добровольнаго свободнаго перехода вольныхъ охочихъ людей, крестьянъ, путемъ мирной земледѣльческой культуры, куда ходилъ топоръ, коса и соха, по слѣдамъ мирныхъ хозяйственныхъ *путей, ухожаевъ и становъ*. Тутъ отовсюду перезывались и сами приходили добровольные *приходцы*. Тутъ жили мирные *жилецкіе люди*—крестьяне. До половины или до конца XVI вѣка тутъ не было бѣгства, бродяжничества: только *калики перехожіе* ходили по монастырямъ, да по православному міру съ духовными стихами. До конца XVI или до начала XVII столѣтій тутъ, какъ и по всей сельской Руси, былъ въ обычаѣ добровольный, свободный переходъ... Но вотъ уничтоженъ мало-по-малу, съ тяжкимъ вѣковымъ трудомъ, свободный переходъ крестьянскій. Вслѣдствіе вѣкового систематическаго прикрѣпленія крестьянъ къ сельской, землевладѣльческой и казенной землѣ, а посадскихъ людей—къ городамъ, къ посадамъ, — началось повсюду, по всей землѣ великорусской, вмѣсто свободнаго перехода, неудержимое, непрерывное, вѣковое бѣгство и бродяжничество крестьянъ и посадскихъ. Стало и здѣсь, въ этихъ средневолжскихъ селахъ такое же бѣгство, бродяжничество. Втеченіе полутораста лѣтъ, правительство энергически преслѣдовало бѣглыхъ и бродягъ: во второй половинѣ XVIII столѣтія бѣгство стало униматься, но не останавливалось. И вотъ въ этихъ средневолжскихъ селахъ ярославской, владимірской и костромской губерніи, вмѣсто свободнаго перехода и вмѣсто бѣгства и бродяжничества, являются *бѣгуны, странники*, особое общинно-демократическое оппозиціонное согласіе, которое принципъ бѣгства возводитъ въ догматъ, бѣгству придаетъ религіозную санкцію, въ бѣгствѣ указываетъ *путь спасеный*. Исходный пунктъ его—село Сопѣлки, хотя осно-

ватель его былъ солдатъ изъ мѣщанъ. Такимъ образомъ, вмѣсто старинныхъ хозяйственныхъ путей и ухожаевъ средневолжскихъ областей, здѣсь бѣгуны указываютъ народу путь бѣгства, и составляютъ свои маршруты, путевые указатели, куда нужно бѣжать. Эти маршруты будутъ дальше приведены. Вмѣсто старинныхъ осѣдлыхъ *старожиловъ* и *жилецкихъ* или *мірскихъ людей* являются такъ называемые *жиловые* или *мірскіе бѣгуны*, т.-е. осѣдлые и пристанодержатели, укрыватели странствующихъ бѣгуновъ. Вмѣсто старинныхъ *становъ* и *мѣстъ дворовыхъ* являются и у бѣгуновъ свои пристанища, которыя также называются *станомъ* и *мѣстами*. Такой историческій переворотъ произошолъ въ одной области селъ! И изъ этой средневолжской области бѣгуны быстро распространились по селамъ почти во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ и въ Сибири. Основанное бѣглымъ солдатомъ изъ мѣщанъ, согласье бѣгуновъ скоро охватило большую часть крестьянства. Что-же за причины, отчего крестьяне стали обращаться не только въ согласіе филиповцевъ, федосѣевцевъ, поморцевъ, но и въ согласіе бѣгуновъ? Вѣрно, что-нибудь да тяготило ихъ и побуждало, вмѣсто бѣгства, къ бѣгунству и странничеству...

Или: тамъ, въ понизовомъ заволжьи, пролегала въ первой половинѣ XVIII столѣтія, черезъ степь саратовскую, къ Уралу путь — тропа, которую преданіе называетъ *сиротскою дорогою*. Чрезъ все XVIII столѣтіе по ней шли, пробирались въ саратовскія степи, въ юговосточное приуралье и за Уралъ гонимые старовѣры. Между ними большая часть была бѣглые солдаты и крестьяне, преимущественно крѣпостные. На пути этомъ многіе изъ нихъ селились на хлѣбородныхъ земляхъ саратовской губерніи и въ концѣ XVIII столѣтія основали вновь нѣсколько селъ, каковы, между прочимъ, Березовую-луку, Острую-луку, Красный-яръ, Ивантѣевку, Хворостянку и многія другія, а также весьма значительно заселили города: Хвалынскъ, Волгскъ, Кузнецкъ, Балашевъ, Аткаръ, Сердобъ и самый Саратовъ, и пробирались далѣе за Яикъ и за Уралъ... Куда шли эти бѣглые крестьяне? Что гнало ихъ съ родного мѣста-жительства? Чего искали они—воли или земли?

Не доходимъ до Урала. Тамъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, задвигались, забунтовали заводскіе крестьяне. Что-то и ихъ тяготило!.. Да куда бы путникъ XVIII столѣтія ни пошелъ по Великороссіи, по селамъ, вездѣ что-то было неладно въ крестьянскомъ міру. Съ 1729 года по 1772 или вплоть до пугачевщины почти не утихали бунты: то здѣсь, то тамъ вспыхивали взрывами, предвѣщавшими страшное вулканическое движеніе — пугачевщину. Прошла гроза пугачевская. Въ 1797 г. опять начались крестьянскія движенія... Что же возмущало крестьянъ? чѣмъ они были недовольны? Чего хотѣли? Посмотримъ хоть бѣгло на тогдашнее положеніе крестьянъ.

Страшное, тяжелое было время для крестьянъ въ 1718—1725 г., когда происходила первая формальная поголовная перепись или ревизія душъ. По указу 1719 года января 22 повсюду разъѣзжали по Россіи разсыльщики и офицеры съ командами для отобранія сказокъ. О крестьянахъ дворцовыхъ, патріаршихъ, монастырскихъ, однимъ словомъ, не помѣщи-

чьихъ, они отбирали сказки отъ того, кто ихъ вѣдаетъ: отъ приказчиковъ, старостъ, выборныхъ, за ихъ руками; о помѣщичьихъ крестьянахъ сказки отбирались отъ владѣльцевъ и старостъ, также за руками. Послѣ того происходила повѣрка сказокъ, и гдѣ оказывался излишекъ въ душахъ противъ сказокъ, тамъ этотъ излишекъ въ душахъ, съ причитающеюся на нихъ землей, обращался въ пользу открывателя, или доносчика. И помѣщики, и крестьянскія общины, въ лицѣ представителей, строго наказывались за утайку душъ. «Смертныя казни, безъ всякой пощады», конфискаціи, цѣпи, «розыски» или слѣдствія съ пытками—вотъ что принесла съ собой первая ревизія. Сколько земли отошло къ расписчикамъ, офицерамъ, доносчикамъ, за открытіе утайки душъ! Сколько тысячъ крестьянъ должны были перемѣнить владѣльцевъ, и вышедши изъ-подъ власти законныхъ, изстаринныхъ, природныхъ, попасть въ руки новыхъ, нежданныхъ владѣтелей! И несмотря на такую строгость, крестьяне упорно утаивались отъ ревизіи, и ревизія втеченіи восьми лѣтъ не была кончена. Такъ страшно-нелюба, противна была народу поголовная перепись! Многіе переходили въ расколъ изъ-за ревизіи, говоря: «творите съ нами что хотите, но въ книги законопреступныя писаться не будемъ, и другимъ не совѣтуемъ, ибо мы записаны въ книги животныя небеснаго царя» и т. п. Многіе бѣжали, и скрывались въ лѣсахъ.

Крестьяне привыкши къ прежнимъ общиннымъ, мірскимъ подворнымъ переписямъ, въ которыхъ они и посадскіе разсматривались какъ люди свободные, съ перваго разу увидѣли, что новая ревизія совершалась помимо крестьянъ, помимо міровъ, помимо ихъ выборныхъ. Они хорошо поняли, что ревизіей ихъ хотѣли прикрѣпить къ волѣ помѣщика, безъ собственнаго полноправнаго владѣнія землею. Крестьяне почувствовали, что правительство посредствомъ ревизіи передаетъ ихъ во власть помѣщиковъ, отъ лица государства, и на томъ же правѣ безграничнаго господства, на которомъ государство владѣло крестьянами, какъ своими подданными. Изъ помѣстья, въ которомъ записаны крестьяне, они также не могутъ выходить свободно, какъ подданные изъ предѣловъ государства; отъ власти помѣщика такъ же не могутъ освободиться своею волей, какъ жители страны отъ правительства. На основаніи ревизіи помѣщикъ получилъ право, обезпеченное силой закона, воспрещать крестьянамъ и выходъ изъ его помѣстья, и свободный выборъ промысла, и вступленіе въ бракъ, или избраніе холостой жизни. Въ этомъ-то смыслѣ, первая ревизія составляетъ истинное начало крѣпостного права, и явившись разъ, это право не могло не отразить своего вліянія на всѣхъ сторонахъ народнаго быта. Какую власть получили помѣщики относительно своихъ крестьянъ, такую же власть должны были пріобрѣсть крестьянскія общины относительно своихъ сочленовъ. Отвѣчая за ихъ состоятельность въ исполненіи повинностей, стали и онѣ воспрещать какъ свободный выходъ изъ общины, такъ и выборъ занятія: то и другое стало зависѣть отъ паспортовъ, отъ разныхъ обезпеченій на случай рекрутства и т. д. (1). Эта сдержанность, прикрѣпленность крестьянъ и къ имперіи въ

(1) Имуществ. и личн. права, по указамъ Петра В., г. Лешкова „Русск. Вѣстн." Дек. 1861 г.

качествѣ подданныхъ, и къ помѣщикамъ въ качествѣ крѣпостныхъ, и къ общинамъ по паспортамъ и т. п., страшно тяготила крестьянъ, и многихъ выводило изъ терпѣнія. И вотъ, бѣгуны возвѣстили свободу отъ ревизіи, и бѣгство изъ имперіи, или отъ правительства, бѣгство изъ крѣпостного состоянія, бѣгство изъ общины, даже бѣгство изъ семьи и т. д.

Прикрѣпивши крестьянъ къ власти помѣщиковъ, ревизія предала ихъ всѣмъ злоупотребленіямъ крѣпостного права. Помѣщики стали насильно прикрѣплять себѣ и свободныхъ людей, какъ свидѣтельствуетъ находящаяся у насъ подъ руками рукописная челобитная одного заслуженнаго служилаго человѣка времени Петра. Уже при Петрѣ по всей силѣ обнаружился произволъ помѣщиковъ. Въ одномъ указѣ самъ онъ писалъ: «Есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго житья, вотчины свои нетокмо не снабдѣваютъ и не защищаютъ ни въ чемъ, но разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и оттого крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка.» Сплошь и рядомъ были такіе помѣщики, которые не давали крестьянамъ на себя работать, и просто грабили ихъ. Крестьянинъ Посошковъ видѣлъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свое время, и между прочимъ вотъ что писалъ: «есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ одного дня, чтобы имъ на себя что сработать. Такъ пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, то положенное заберутъ, да и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету повергаютъ; и который крестьянинъ начинаетъ мало-по-малу посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И такъ крестьянъ пустошатъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковой нужды крестьяне домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ понизовыя мѣста, иные же и въ украинныя, а иные и въ зарубежныя: такъ чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ.» Такимъ образомъ и крѣпостное право вынуждало къ бѣгству, воспитывало въ народѣ склонность къ бѣгству, и слѣдовательно задолго приготовляло къ бѣгунству.

Въ эпоху второй ревизіи, 1742 года, еще болѣе усилилось бѣгство крестьянъ. Въ это время, по словамъ бѣгуновъ, погибла церковь, и сохранялась только въ бѣжавшихъ отъ ревизіи. Послѣ второй ревизіи увеличилась и тягость крѣпостного права. Теперь и свободный бѣднякъ-крестьянинъ, *по закону*, долженъ былъ ужъ самъ искать себѣ господина, долженъ былъ просить, какъ милости, чтобы кто-либо изъ привилегированныхъ удостоилъ его принять въ число крѣпостныхъ, съ обязанностью платить за него подушную подать. Помѣщики уполномочены были закономъ — по своему произволу ссылать крестьянъ въ Сибирь, или куда угодно, отдавать въ солдаты, торговать ими, какъ товаромъ, продавать въ рекруты, если находили выгодныхъ покупщиковъ, отдѣляя дѣтей отъ родителей. Крѣпостные

крестьяне постепенно теряли право собственности. Указомъ 14 февраля 1761 года крестьянамъ запрещено обязываться векселями и вступать въ поручительство, да и подъ заемныя письма имъ дозволялось брать неиначе, какъ съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ помѣщиковъ. Крестьянамъ запрещалось прежнее свободное право торга въ селѣ ли, или на посадѣ. Уже въ указѣ Петра отъ 27 сент. 1723 г. было постановленіе: «которые крестьяне не похотятъ въ посады, и имъ никакими торгами не торговать, ни промысловъ никакихъ держать, и въ лавкахъ не сидѣть.» Помѣщичьи крестьяне неиначе могли отправиться для своихъ нуждъ въ ближніе торги, какъ съ дозволенія приказчика и подъ надзоромъ десятскаго или выборнаго. Крестьяне не могли, по прежнему свободному нраву, вступить въ купечество безъ увольнительнаго письма помѣщика. Указомъ 3 января 1762 г. повелѣно главному магистрату и его конторѣ «накрѣпко подтвердить, чтобы оныя мѣста дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ безъ указныхъ отпускныхъ и увольнительныхъ отъ властей и помѣщиковъ писемъ въ купечество отнюдь не записывали.» Понятно, какъ все это было стѣснительно для торгующихъ крестьянъ. Помѣщикъ, вродѣ даже Татищева, при своемъ несносно-отеческомъ опекунствѣ, лишалъ крестьянъ всякой воли и домашней самораспорядительности, морилъ крестьянина трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ осмѣлился продать лишніе или ненужные ему курицу или поросенка; помѣщикъ требовалъ, чтобъ у крестьянина на дворѣ было столько-то коровъ, лошадей, овецъ, оловяныхъ ложекъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отдавалъ его въ батраки, безъ платежа денегъ за работу. Не говоримъ уже о тѣхъ варварскихъ ужасахъ крѣпостного права въ XVIII столѣтіи, про которые едва вѣрится въ эпоху освобожденія крестьянъ. Подобное крѣпостное состояніе крестьянъ хуже было военной, солдатской службы. Почему крѣпостные дворовые люди и крестьяне, въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, уходили отъ помѣщиковъ и сами добровольно просились въ солдатскую службу, «согласясь немалымъ собраніемъ и порознь», подавали самой императрицѣ челобитныя о запискѣ ихъ въ военную службу. И зато бѣднягамъ, по словамъ указа 2 іюня 1742 г., «учинено имъ на площади съ публикою жестокое наказаніе, а именно: которые подавали челобитныя немалымъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ, а изъ нихъ пущіе къ тому заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно», и проч.

Говорить ли о жалкомъ, угнетенномъ положеніи заводскихъ крестьянъ? Этотъ особый классъ несчастныхъ, безхозяйственныхъ работниковъ, рабовъ фабричныхъ и заводскихъ, создалъ Петръ I, указомъ 18 января 1721 года, прикрѣпивъ крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. А потомъ ужъ сами управители заводовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ въ оренбургской, по своему произволу приписывали крестьянъ къ заводамъ. «Изъ чего произошло, — замѣчаетъ кн. Щербатовъ, — что когда большая часть волостей была приписана къ заводамъ, работники часто должны были ходить работать отъ близкаго завода къ другому по 700 верстъ, и крестьяне были разными пронырствами заводчиковъ разоряемы, такъ что при началѣ цар-

ствованія императрицы Екатерины повсюду бунты и неудовольствія отъ крестьянъ оказались.» Потомъ сенатъ, какъ мы видѣли изъ словъ Екатерины, самовластно и щедро раздавалъ крестьянъ заводчикамъ, «кои, умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ.» Вслѣдствіе такого злоупотребленія крестьяне въ половинѣ XVIII столѣтія стали бунтовать на заводахъ гороблагодатскихъ графа Шувалова, на воронцовскихъ, чернышевскихъ, ягужинскихъ и многихъ другихъ. Крестьянъ унимали оружіемъ и даже пушками.

При такомъ безправіи крестьяне естественно должны были выходить изъ терпѣнія и не на заводахъ только. Съ 1719 по 1773 г. въ разныхъ мѣстахъ они начинали уже волноваться. Таковы напримѣръ были крестьянскія движенія: въ февралѣ 1729 года по поводу распущеннаго въ народѣ небывалаго указа о волѣ отъ 19 февраля 1728 г., движенія 1741 и 1742 г., когда обнаружилось стремленіе крестьянъ *записываться въ вольницу*, движенія въ 1758 г. въ тамбовскомъ и козловскомъ уѣздахъ, въ Царицынѣ и по Волгѣ, когда обнаружилось стремленіе крестьянъ къ вольному самоустройству на новыхъ, ими самими выбранныхъ мѣстахъ; движеніе въ 1760 г. въ арзамазскомъ уѣздѣ и въ галицкой провинціи и т. п. Отрицаніе крѣпостного права крестьяне попрежнему выражали бѣгствомъ, исканіемъ вольнаго поселенія. Въ указѣ отъ 13 января 1758 г. читаемъ: «Сенату отъ 13 ноября 1757 года донесено по жалобамъ помѣщиковъ изъ тамбовскаго и козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оные бѣглые, собравшись въ Царицынѣ и переправясь чрезъ Волгу и порывъ землянки, живутъ и принимать будутъ впредь всякихъ прихожихъ людей. А нѣкоторые крестьяне явнымъ образомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ побѣгѣ, что они идутъ на поселеніе въ Царицынъ и Камышенку къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ якобы опредѣленъ майоръ Паруберъ». Военныя команды, отправлявшіяся для усмиренія крестьянъ, дѣйствовали съ непростительною неосторожностью, безчеловѣчно. Отправлялась военная команда съ офицеромъ и съ пушками, сама путемъ незная куда, въ которую деревню, начинала экзекуцію, несмотря ни на какія представленія отъ крестьянъ, что они вовсе не того помѣщика, что они послушны своему владѣльцу и онъ на нихъ никогда не жаловался; стрѣляла и рубила несчастныхъ крестьянъ и не слушала никакихъ убѣжденій; а послѣ оказывалось, что крестьяне дѣйствительно правы, что команда должна была идти въ другую деревню, а вовсе не въ ту, которую разорила и опустошила. Манифестъ императора Петра III о вольности дворянства, изданный 18 февраля 1762 года, окончательно обратилъ крестьянъ въ полную собственность помѣщиковъ. Услышавъ о дворянской грамотѣ, крѣпостные люди и особенно крестьяне ждали и себѣ воли отъ службы помѣщикамъ. Они убѣждены были, что помѣщики ихъ временные владѣльцы. Еще крестьянинъ Посошковъ говорилъ: «Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, они владѣютъ ими временно». Такъ думали и всѣ крестьяне. И вотъ, услышавъ о дворянской грамотѣ, крестьяне думали, что

и они тогда же получатъ свободу. Носились слухи, будто новый государь, даровавшій свободу отъ службы дворянамъ и повелѣвшій на фабрикахъ и заводахъ производить работу вольнонаемными людьми, готовилъ указъ о свободѣ крестьянъ и вообще всѣхъ крѣпостныхъ людей. Слухи эти тотчасъ повели ужъ и къ тому, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне явно отказались повиноваться помѣщикамъ, ссылаясь на эти слухи (Манифестъ 19 іюня 1762 г. П. С. З., № 11,577).

Такъ словно тучи передъ грозой скоплялись элементы крестьянскаго недовольства и повременамъ глухо ужъ взрывались движеніями, предвозвѣщая страшный громовой грохотъ пугачевщины. И ложные указы о волѣ ужъ пророчили про манифестъ Пугачева, обѣщавшій надѣлить народъ «и волей, и землей, и рѣкой, и травами, и морями, и провіантомъ, и порохомъ, и свинцомъ...»

Между тѣмъ и крѣпостное право самой черной, градобойной тучей проходило по землѣ русской, по сердцамъ народнымъ чрезъ все XVIII столѣтіе и глубоко отмѣтился слѣдъ его, даже на новыхъ генераціяхъ. Оно много побило, подавило умственныхъ силъ въ народѣ, много причинило деморализаціи энергическому, твердому, богатырскому характеру, широкой, кипучей, богатой натурѣ русскаго народа, буйной, размашистой, сбойчатой волѣ его, много испортило крови въ немъ. Оно выразилось вредно не только матерьяльно, въ хозяйственномъ и общественномъ быту народномъ, но и нравственно. Оно отмѣтилось не только въ исторіи народной, нетолько въ житейскихъ общественныхъ и домашнихъ обычаяхъ, понятіяхъ, фамильныхъ преданіяхъ и народныхъ легендахъ, но и въ языкѣ русскомъ, въ пѣснѣ народной...

Не лучше было положеніе и вольныхъ казенныхъ крестьянъ. Во-первыхъ, правительство въ XVIII вѣкѣ, щедро раздавая земли вельможамъ и иноземцамъ, своихъ государственныхъ крестьянъ обдѣляло землей. Въ южныхъ, напримѣръ, областяхъ удобныя земли оставались во власти у короны, многія лежали впустѣ, а другія отдавались въ наемъ для паствы, тогда какъ тысячи государственныхъ крестьянъ не имѣли и по осьминѣ на работника высѣять. Казенные крестьяне были тѣ же крѣпостные рабы казны и сельскихъ управъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ими заправляли больше десяти разныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Начальство это было тогда не въ мочь тягостно для крестьянъ, какъ докладывали императрицѣ Екатеринѣ I Меньшиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ: «Нынѣ надъ крестьянами — писали они въ своемъ общемъ мнѣніи — развѣ десять и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ, начиная отъ солдата до штапа и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ... мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, комиссаровъ и однихъ командировъ, кольми же паче страшны правежъ и экзекуція, о которыхъ уже и такъ доносятъ, что крестьянскихъ пожитковъ въ платежъ тѣхъ податей недостаетъ, и что крестьяне не только

скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей своихъ закладываютъ, а иные и врознь бѣгутъ». Самые выборные крестьянскіе головы, старосты, сотскіе и т. п., невольно усвояя подъ вліяніемъ приказнаго, капральскаго значенія всякой службы, стали больше міроѣдами, придирчивыми приказными притѣснителями крестьянъ, чѣмъ ихъ излюбленными общинными попечителями. Новое раздѣленіе сельскихъ общинъ при Екатеринѣ II на волости, почти съ одинаковымъ для всѣхъ волостей, арифметически опредѣленнымъ числомъ жителей, введеніе въ сельское управленіе исправниковъ, засѣдателей, становыхъ, писарей — все это были новые, нестолько благоустроительныя, сколько стѣснительныя и даже вредныя для крестьянства мѣры администраціи. Скоро волостныя начальства—исправники, засѣдатели, становые, секретари сильно надоѣли крестьянамъ и возбуждали между ними ропотъ. Негодованіе, раздраженіе противъ сельскаго чиновничества и судовъ до того накипѣло въ сердцѣ крестьянъ со второй половины прошлаго столѣтія, что стало изливаться въ письменности простонародной вопіющими, раздражительными сатирами. Особенно раскольники любили составлять такія сатиры. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ крестьянской сатирической «просьбы на исправника», находящейся въ старообрядческихъ сборникахъ:

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!
Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Однодворцы и экономическіе крестьяне,

О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда нераздѣлены были мы на волости,
И всякому крестьянину была свобода;
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души выходило,
2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту.
По наукѣ ихъ головы и сотскіе воры
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно...
Прежде тиранили, ненавидя христовой вѣры,
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
3) Суди насъ, владыко, по человѣчеству;
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ христовъ-день куринаго яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать кросна

Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ празднымъ,
Съ каждаго домишку
Берутъ по полупуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Сбираютъ по полуфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку и нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они въѣзжаютъ,
То плутъ-десятской съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которые помоложе,
Да ужъ и говорить о томъ не пригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидны,
Тебѣ, владыко нашъ, самому очень видны.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки —
Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки,
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда;
Избавь насъ, господи, отъ земскаго суда.

Въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія казенное крестьянство находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Мордвиновъ такъ изобразилъ «крайнее обиженіе земледѣльческаго сословія» въ это время: «Въ Россіи 18 мильоновъ мужескаго пола душъ сѣютъ хлѣбъ, чтобъ прокормить 2 или 3 мильона остальныхъ затѣмъ жителей... Дабы при такихъ мрачныхъ обстоятельствахъ, земледѣльческое наше сословіе (каково почти и во всѣхъ государствахъ есть самое бѣднѣйшее) могло какъ ни есть разживаться, то долженствовали бы по крайней мѣрѣ облегчать оное всячески въ казенныхъ поборахъ; напротивъ того, сословіе сіе обремененное у насъ болѣе другихъ, и казенными налогами, и личными повинностями, и рекрутскими наборами, и дальне-срочнымъ служеніемъ въ полкахъ. Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселянъ, то великая площадь, занимаемая въ россійскомъ государствѣ 12 мильонами сихъ мужскаго и женскаго пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяйства, не можетъ не оставаться надолго въ дикомъ и скудномъ состояніи. Тамъ, гдѣ сохою скребутъ землю не глубже, какъ на 4 пальца, гдѣ работаетъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ урожаи даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или много 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ мякинный, конечно, владыкѣ сихъ 12 мильоновъ душъ достаточнаго стяжанія отъ нихъ ожидать не можно. Нѣтъ на семъ великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго россійскаго государства и могущемъ вмѣстить нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадьбъ, ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни рукодѣльныхъ заведеній, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія иного, кромѣ крестьянскаго, *ни лицъ, могущихъ управлять, ни лицъ, могущихъ просвѣщать, нѣтъ и начальныхъ даже учрежденій къ возрожденію впредь благоустройства.* Какое *нелѣпообразное* великой части имперіи состояніе. Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 мильоновъ пахарей и

пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, *оставляемы будутъ* безъ всякаго урядства и просвѣщенія ихъ во всемъ, что потребно къ благоденствію народному». Таково было положеніе крестьянства въ теченіи всего XVIII столѣтія. Въ началѣ XVIII столѣтія, именно въ 1713 году, самъ Петръ Великій сознавался: «что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ приобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительство, а тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а *наипаче крестьяне приходятъ въ разорѣнье и бѣдность.*» Въ началѣ XIX столѣтія Мордвиновъ изображалъ въ такомъ же видѣ «крайнее обѣдненіе земледѣльческаго сословія». Въ статьѣ о *налогахъ*, онъ тоже замѣчалъ: «въ Россіи земледѣльческое и мѣщанское, сіи два величайшія сословія, на коихъ лежатъ подати, составляющія главныя статьи государственнаго дохода, наиболѣе прочихъ сословій стѣснены и лишены способовъ къ обогащенію». При такомъ уровнѣ бѣдности, при этой равной изобиженности, безправности крестьянъ и мѣщанъ очень естественно равенство ихъ и въ понятіяхъ и въ стремленіяхъ. Крестьянинъ и солдатъ изъ мѣщанъ, мѣщанинъ и солдатъ изъ крестьянъ— это братья-близнецы, которые сразу поймутъ другъ друга и равно способны на одну и ту же инціативу. Удивительно ли послѣ этого, если какой-нибудь солдатъ изъ мѣщанъ переяславскихъ и крестьянинъ пошехонскій идутъ вмѣстѣ по костромскимъ лѣсамъ, думаютъ одну думу, живутъ въ одной кельѣ, и вмѣстѣ основываютъ и распространяютъ одно согласье бѣгуновъ, и въ ихъ согласье бѣгутъ толпы братій ихъ, и крестьянъ, и мѣщанъ, и солдатъ, и всѣ равно увлекаются новымъ ученіемъ! Стало, у всѣхъ на сердцѣ что-то одно...

Плоть отъ плоти, кровь отъ крови крестьянства,—солдатство, не менѣе крѣпостного народа, тяготилось своимъ крѣпостнымъ положеніемъ въ службѣ царской! [1]) Теперь народъ уже попривыкъ къ рекрутчинѣ. Да и то, надобно быть въ отдаленной деревнѣ, въ наборъ, чтобъ слышать не въ домахъ только, а по всѣмъ улицамъ раздающійся плачъ и рыданье надъ живымъ погребаемымъ молодцомъ... Что же было въ ту пору, когда въ первый разъ вышелъ страшный указъ о рекрутскомъ наборѣ, указъ 20 февраля 1705 года о наборѣ съ двадцати дворовъ по рекруту, когда народная семейная жизнь была еще замкнутѣе, самоуглубленнѣе, патріархальнѣе, чѣмъ теперь? Легко представить этотъ стонъ, вопли, рыданія и даже проклятія, какія изливались въ слезныхъ причитаньяхъ надъ рекрутами на учредителя рекрутчины. И тѣмъ болѣе народъ раздражался тогда рекрутскими наборами, что они были слишкомъ часты и разорительны для семействъ крестьянскихъ и посадскихъ, и поглощали самое лучшее, молодое, здоровое, могучее рабочее поколѣніе земства, продерживая его въ солдатствѣ подъ палочной дисциплиной, въ казарменной удушливой средѣ, лѣтъ двадцать пять и болѣе. Если не ошибаемся, при Петрѣ ужъ было

---

[1]) По выраженію Меншикова, Остермана, Макарова и Волкова, „солдатъ съ крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата“.

всѣхъ наборовъ, мѣстныхъ и общихъ, до сорока, въ томъ числѣ однихъ повсемѣстныхъ—до пяти. Тутъ поглощено было народу, по крайней мѣрѣ, до 180,000 человѣкъ на одно регулярное войско, что́ очень немаловажно по тогдашнему числу всего народонаселенія. Только съ 1719 г. по 1725, втеченіи шести лѣтъ, взято въ рекруты болѣе 70,000 человѣкъ. А съ 1718 года, втеченіи слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, рекрутчина поглотила въ одной великой-Россіи до 1,132,000 рекрутъ, т.-е. шесть человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ. Потомъ, въ какія-нибудь первыя пять лѣтъ царствованія Екатерины II, въ семь наборовъ, рекрутчина забрала до 327,044 человѣка, кромѣ церковныхъ причетниковъ. А какъ набирали рекрутовъ и везли въ полки! «А именно, читаемъ въ указѣ, данномъ изъ военной колегіи 20 октября 1719 года: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведчи въ городъ, держатъ въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не по малу времени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ, и потомъ отправятъ, не разсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человѣкъ была, и съ нужнымъ пропитаніемъ, къ тому-жъ поведутъ, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни, и помираютъ безвременно, а всего злѣе, что многія безъ покаянія; другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ домахъ, пристаютъ къ воровскимъ компаніямъ... Отчего такія великія въ государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ такихъ бѣглецовъ. Другіе, хотя бы и съ охотою хотѣли въ службу идти, но видя сначала такой надъ своею братіею непорядокъ, въ великой страхъ приходятъ.» Послѣ Петра, и даже во второй половинѣ прошлаго столѣтія такъ же дурно обращались съ рекрутами. Вмѣсто того, чтобы этихъ бѣднягъ, и безъ того безутѣшно изобиженныхъ разлукой съ роднымъ семействомъ и проч., утѣшать человѣколюбивымъ обхожденіемъ съ ними, ихъ еще обирали «тягостными корыстными приметками и употребляли въ партикулярныя работы». Во время набора, до подготовки квартиръ, забритые рекруты въ большомъ множествѣ стояли зимой, въ стужу, на дворѣ, а ночь проводили въ торговыхъ баняхъ въ жару, и т. п. Отрадно ли было родителямъ видѣть въ такомъ положеніи своихъ дѣтей, братьямъ—братьевъ? Пріятно ли, сносно ли было несчастнымъ рекрутамъ, еще до службы царской, претерпѣвать такое мученье? Да, не даромъ вѣрно, въ народномъ эпосѣ сложились особыя молодецкія рекрутскія пѣсни, какъ сложились они и про все, что только тяжко пространалъ народъ нашъ на своемъ историческомъ вѣку. Вотъ, напримѣръ, одна изъ старыхъ рекрутскихъ пѣсенъ:

„Попила, головушка, пила, погуляла,
За батюшкины, за матушкины, буйны-головы,
За братьины и за невѣстины легкія работы.
Со радости, со весельица кудерюшки вьются,
Со печали русыя сѣкутся,
Послышали кудерюшки надъ собой невзгоды:
Невзгоды, мои кудерюшки, большое солдатство,

Вечоръ-то меня, молодца, вечоръ поимали,
Рѣзвы ноженьки во желѣзы сковали,
Бѣлы рученьки назадъ завязали,
Посадили добраго молодца въ легкія сани,
Повезли-то меня, добраго молодца, по большой дорогѣ,
По большой дорогѣ въ симбирскую губернію,
Поставили добраго молодца на мірскую фатеру,
Поутру добраго молодца рано поднимали,
Повели-то добраго молодца меня ко пріему,
Поставили подъ казенную мѣру.
Я подъ мѣрушку добрый молодецъ не вышелъ,
И только вышелъ русыми кудрями, черными бровями".

Служба солдатская нелегче была въ прошломъ столѣтіи рекрутскаго набора. Но при Петрѣ великомъ солдаты ясно понимали свои подвиги и заслуги въ походахъ Петра, и въ то же время такъ смотрѣли на многія его учрежденія, какъ только сама горькая жизнь, практика народная взвѣшивала ихъ, какъ прочувствовали, прострадали, перенесли реформы Петра на плечахъ своихъ податныя, крѣпостныя, рабочія и служилыя массы народа, и какъ должна объ нихъ сказать правдивая, чисто-народная исторія, оцѣнивая ихъ неотвлеченно, не по предзанятымъ идеямъ, а по чувствамъ, по страданіямъ перенесшаго ихъ на себѣ народа, современнаго Петру. Приводимъ здѣсь цѣликомъ замѣчательное «подметное письмо» солдатъ петровскаго времени, напечатанное въ «Чтеніяхъ общ. истор. и древн. росс.» за 1860 г. во II книгѣ:

«Уже тому пятнадцать лѣтъ, какъ началась война со шведомъ, нигдѣ мы худо не сдѣлали и кровь свою не желѣючи проливали, а и понынѣ себѣ не видимъ покою, чтобъ отдохнуть годъ или другой, жонъ и дѣтей не видимъ, насъ какъ нарочно мучатъ, кругомъ обводятъ Москву, что чрезъ Москву ближе было итътить въ Питербурхъ нежели чрезъ Псковъ. Сравняли насъ съ посохою; уже пришелъ изъ конъпани, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день и ночь упокою намъ нѣтъ; и деньги, старой окладъ, отнимаютъ, и впредь намъ добра ждать нечего; хоть кого и отъ службы отставятъ, однакожъ не покой, тажъ служба. И въ Питербурхѣ: уже мы вѣдаемъ, то неоднова говорено, что дамъ отдохнуть, а именно послѣ турецкой акци и полтавской батали, а правды нѣтъ. Вить, мы не аньгели, что пятьнадцать лѣтъ служи безъ отдыху. Мы на службѣ грѣшимъ, а жоны наши дома иные уже замужъ вышли. Будетъ то, какъ насъ, гдѣ ни есть, въ мори потопитъ, или гдѣ взойдетъ чрезъ воды и всѣхъ поберутъ. Уже вить двѣ причины было въ перьво нарьвенскомъ походѣ, въ другой — въ турецкую акцыю, смотри и третей причины, либо полонъ дворъ, либо корень вонъ; уже чрезъ мѣру лѣто и осень ходилъ по морю, чево неслыхано въ свѣтѣ, а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и съ холоду помираютъ. А государство свое все разорилъ, что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы. Чево больши отъ Бога хотѣлъ, что въ Помераніи и славу велію показали, тако-жъ и въ другихъ мѣстахъ завоевали; потомъ было отдохнуть и Богу благодареніе

воздать, и царство свое управить, развести всякія неправды, утолить сирыхъ нашихъ, въ томъ бы угодно Богу и слава во всѣ страны произошла; а то, хотя и была фортуна на пятьнадцать лѣтъ, а иногда сдѣлается въ пятьнадцать минутъ худо и слава вся пройдетъ: въ одной фортунѣ человѣкъ не можетъ жизнь свою изжить. Уже починъ есть: сдѣлаемъ мы такъ: смолвимся человѣкъ 1000 или 2000; хотя и не похотятъ которые дворянчики, а иные есть на нашу руку, а въ другихъ полкахъ мы со многими говаривали, всѣ готовы, такожъ и черный народъ, и они такожъ говорятъ; отъ такова распорятьку и чрезмѣрной такой войны быть намъ въ великой скудости: по такихъ-де, щастливыхъ побѣдахъ, не далъ отдохнуть; таперь пошло, и невѣдамо докуль, одно воевать только и вытержено. А хотя, де надъ нами нещастье будетъ, то мы и пошли прямо въ швецкія войска: коли-де, онъ неумѣетъ нами владѣть, что уже и мы видимъ, какъ гдѣ служатъ и муку терпятъ, а надъ нами уже такъ дѣлаютъ, что не можно человѣку вытерпить. Вить мы не какъ стрѣльцы, не придемъ съ повинною, примутъ насъ вездѣ съ ружьемъ служить. Какъ такъ, что пятнадцать лѣтъ, и уже отдыху нѣтъ! Вить мы не постриглись въ монастырь! Что говорятъ: «умная голова, умная голова!» Коли-бъ умная голова, могъ бы такую человѣческую нужду разсудить: какъ такъ долго служить, и безъ грѣха прожить, и что будетъ на томъ свѣтѣ за такой грѣхъ отвѣчать. Такъ приводитъ, чтобы изъ нашихъ душъ не было ни малаго христіанства. Только полюбился Питербурхъ, развѣ тово ждать, какъ въ тюрьму посадитъ? Уже въ Питербурхѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей, напрасною смертію, человѣкъ больше мильону. Вотъ смотри, такъ сдѣлаетъ надъ нами: какъ шведъ зашолъ въ руки и все свое потерялъ, такъ и насъ гдѣ-нибудь заведетъ, либо въ морѣ потопитъ, или заведчи гдѣ въ камнехъ съ голоду поморитъ; а ужь намъ Котлинъ адъ злой? Во гдѣ мы мудрость ево всю видимъ? Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ, учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть у одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволокитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ, въ кампаніе ты-бъ ихъ небралъ», и проч.

И послѣ Петра великаго втеченіи всей первой половины XVIII столѣтія, да нѣсколько и позднѣе, все горька, тяжела была для рекрутъ и солдатъ служба. Да съ чего-нибудь да сложились же эти горемычныя солдатскія пѣсни, которыя пѣлись особенно бѣглыми солдатами...

Бѣглые солдаты и въ наше время есть у насъ какъ и вездѣ. Намъ доводилось читать одно въ высшей степени любопытное современное дѣло о бѣгломъ солдатѣ-раскольникѣ. Доводилось и слышать многое о бѣглыхъ солдатахъ. Но никогда бѣглыхъ солдатъ не было столько, сколько ихъ было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, особенно при Петрѣ великомъ, какъ увидимъ дальше. Главной причиной ихъ бѣгства очевидно было дурное положеніе солдатства.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народа, со времени реформъ Петра великаго и въ эпоху развитія, происхожденія и распространенія согласія бѣгуновъ. Все

мутило ихъ, возбуждало недовольство и располагало къ бѣгству — единственному спасенію въ безвыходно-тяжеломъ, стѣсненномъ, крѣпостномъ положеніи. И бѣгство въ XVIII вѣкѣ было непрерывное, неудержимое, повсемѣстное, особенно на юговостокѣ и на западной границѣ. Бѣжать тогда было какою-то роковой необходимостью для податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ сословій. Бѣгство составляло путь спасенія, единственный способъ совершеннаго и рѣшительнаго отрицанія всего, что не нравилось, что тяготило въ мірѣ. Только и оставалось явиться учителю-бѣгуну, чтобъ возвести бѣгство въ доктрину, въ догматъ, назвать спасенымъ путемъ. Бѣгство вдохновляло пѣсню народную и выразилось особымъ цикломъ пѣсней, въ молодецкомъ, разбойничьемъ и солдатскомъ народномъ эпосѣ. И какой-то широкій, необъятный, неудержимый, богатырскій разгулъ, просторъ воли выразился въ этихъ пѣсняхъ. Жажда гулялыная, несдержимое стремленіе куда-нибудь въ степь саратовскую, въ степь моздокскую, жажда летать соколомъ, жажда все съ кѣмъ-то сразиться въ чистомъ полѣ — вотъ что выливается въ молодецкой, разгульной пѣснѣ. Изъ Сибири добрый молодецъ рвется въ великую Россію, поетъ:

Не пора-то ли мнѣ доброму молодцу
Ѣхать во Росѣюшку гулять...

И здѣсь попадается въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ поетъ пѣсню «про сокола во поимани».

Съ молоду закалялась въ крови молодецкая жажда гулянья, склонность къ бѣгству. Про мальчугу пѣсня поетъ:

Вотъ отколь, отколь мальчуга!
Онъ изъ родины бѣжалъ,
Онъ оставилъ мать-старуху
И отца-старика.

Давно рвались, бѣжали удалые буйные молодцы, вольные, гулящіе люди всякаго чина, внизъ по Волгѣ, на тихій Донъ казачій, въ степь саратовскую, на Яикъ и въ Приуралье. Горькое, злобное недовольство Москвой, государствомъ гнало ихъ туда въ XVII вѣкѣ. Пронеслась кровавая борьба съ Москвой буйнаго Стеньки Разина и утихла; только тихій Донъ оглашался съ тѣхъ поръ богатырскимъ, вѣковѣчнымъ народнымъ эпосомъ про Степана-свѣта Тимофеевича, и пѣсни эти вторились на тысячи голосовъ, на разнообластныя варіаціи и мотивы черезъ все XVIII столѣтіе: и въ тяжолую петровщину, и въ страшно-кровавую бироновщину, и въ буйную, могучую, страшно-грозную пугачевщину. Только вмѣсто сподвижниковъ Стеньки Разина — казаковъ, эти разгульныя пѣсни прилагались къ бѣглымъ солдатамъ, къ бѣглымъ рекрутамъ, буйнымъ молодцамъ, да къ разбойникамъ. Затихъ казачій тихій Донъ послѣ Стеньки Разина. Но сквозь всѣ сдержки, положенныя Петромъ, молодецкая, разгульная, буйная удаль все прорывалась и на тихій Донъ, и въ степь саратовскую, и въ оренбургское Приуралье. Какъ ни преслѣдовали Петръ великій и его преемники стародавнихъ *вольныхъ гулящихъ людей*, а они все-таки разгуливали по чисту полю южно-волжскому. И пѣсня недаромъ слагалась про бѣглыхъ молодцовъ, зашагавшихся, загулявшихся и съ грудью прострѣленною.

Не былинушки въ чистомъ полѣ зашаталися,
Зашатался, загулялся доброй молодецъ
На своемъ ли на добромъ конѣ богатырскіимъ.
Его бѣла грудь прострѣлена,
Миткалиная рубашечка вся кровью забрызгана.
Прикачнулся добрый молодецъ, привольнулся,
Привольнулся къ тиху Дону и проч.

Рекруты, по словамъ Петра великаго, бѣжали изъ полковъ, и боязь явиться домой, шли въ «воровскія компаніи». А другіе буйные, удалые молодцы бѣжали въ южныя степи, куда въ XVIII вѣкѣ обыкновенно сбѣгались всякаго рода бѣглые люди. И не рекрутчина только могла гнать въ XVIII вѣкѣ въ дикую степь. Мало ли могло быть горечи житейской, семейной, когда бытъ народа вообще былъ жалокъ, бѣдственъ, печаленъ. И Ломоносовъ въ то время оставилъ свою родную избушку, отца, мать, и бросился въ путь-дорогу далекую, невѣдомую, — и еслибы не обозъ, тоже могъ бы гдѣ-нибудь замерзнуть зимой, или погибнуть какъ-нибудь. И стало-быть много погибало молодцовъ въ дикой степи, когда про нихъ сложились особыя, народныя пѣсни. Напримѣръ, вотъ пѣсня «про смерть молодца въ степи».

Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается:
Подымалися гуси, лебеди,
Гуси, лебеди, утки, сѣрыя.
Не сами собою они подымалися,
Яснаго сокола они испужалися,
За ёмъ летитъ старъ сизой орелъ,
Закричалъ онъ, возгаркнулъ
Своимъ громкіимъ голосомъ:
Ужъ ты стой, постой младъ ясенъ соколъ!
Я не бить лечу, я спросить хочу:
Ужъ и гдѣ ты былъ, гдѣ погуливалъ?
Я гулялъ-погулялъ во дикой степѣ,
Во дикой степѣ во саратовской;
Налетали мы на диковинку,
Тамъ диковинка не малая:
Лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, молодецкое.
Не убитъ лежитъ онъ, неизрѣзанный,
Вострымъ копьецемъ онъ весь исколотый.
Кругъ его вьются три ласточки:
Первая ластушка — родной батюшка,
А вторая ластушка — родная матушка,
А третья ластушка — молодая жена.
Гдѣ отецъ плачетъ, тутъ ключи текутъ,
А гдѣ мать плачетъ — Волга матушка прошла,
А гдѣ жена плачетъ — роса утренняя;
Солнышко взойдетъ, вся роса спадетъ.

Послѣ къ бѣгунамъ бѣжали и такіе молодцы, бѣжали сыновья и дочери отъ отцовъ и матерей. Пристанодержатели бѣгуновъ скрывали ихъ у себя также гостепріимно, какъ и разбойниковъ. Разбойники—это особый,

многознаменательный въ народной исторіи типъ бѣглыхъ. Отъ мифическихъ богатырей, не чуждыхъ тѣни разбойничества, отъ новгородскихъ ушкуйниковъ, соединявшихъ въ себѣ съ разбойничьимъ характеромъ типическое новгородское отличіе, пролагателей путей колонизаціи, торговли и промышленности, отъ Стеньки Разина и его сподвижниковъ казаковъ, которые называли себя не ворами, не разбойниками, а Стеньки Разина помощниками — до разбойничества XVIII столѣтія и до пугачевщины много перемѣнъ совершилось въ духѣ народномъ, также какъ много перемѣнъ произошло въ бытѣ народномъ, отъ вѣчевой воли до государственной сдержанности, до ревизской, паспортной и т. п. крѣпостности. Разбойничество XVIII столѣтія было уже новымъ, своеобразнымъ характеристическимъ явленіемъ въ народной исторіи. Оно истекало изъ историческаго положенія крѣпостныхъ, служилыхъ и чернорабочихъ массъ народныхъ въ XVIII вѣкѣ. Особенно порождали его солдатчина, крѣпостное право и деспотизмъ областного начальства. Разбойничество XVIII столѣтія было какимъ-то злобнымъ, свирѣпымъ мщеньемъ, большею частью направленнымъ на богачей, на дворянъ-помѣщиковъ, на начальниковъ. Часто оно было и какимъ-то дикимъ, безразборнымъ разгуломъ могучей физической силы, жаждавшей простора, кипѣвшей какимъ-то неопредѣленнымъ, несознаннымъ злобнымъ чувствомъ мщенія. Но и оно заключало въ себѣ тѣ элементы, которые послѣ вызвали согласье бѣгуновъ и пугачевщину. Въ разбойничествѣ первой половины XVIII столѣтія выражалась какая-то свирѣпо-мстительная народная реакція, такимъ звѣрскимъ явленіемъ, какъ, напримѣръ, бироновщина. И разбойничество отчасти тоже было грубымъ, дикимъ отрицаніемъ противо-свободныхъ, противо-народныхъ элементовъ въ государствѣ. Оно было, такъ сказать, дикимъ, лѣснымъ бѣгунствомъ. «Воровскія разбойничьи компаніи» первой половины XVIII столѣтія, — это лѣсныя согласія бѣгуновъ, основанныя не на ученіи, не на доктринѣ, а просто проникнутые разгуломъ, разбойническимъ мщеніемъ и грабежомъ. Оттого послѣ и пристанодержатели бѣгуновъ были въ согласіи съ разбойниками, держали ихъ въ своихъ «пристаняхъ» или «мѣстахъ».

Вообще въ XVIII столѣтіи, во внутреннемъ состояніи земства, много было мотивовъ къ бѣгству всякаго рода. Ревизія душъ, раздѣливъ земство поголовною переписью на военно и гражданско-служилыхъ дворянъ, на духовно-служилыхъ церковниковъ, обязанныхъ учиться «въ надежду священства», на гильдейско-цеховыхъ торговоремесленныхъ людей, на помѣщичьихъ крѣпостныхъ и на казенно и дворцово-крѣпостныхъ людей и крестьянъ, вмѣстѣ съ табелью о рангахъ, съ казеннымъ чиновно-служебнымъ раздѣленіемъ школъ, окончательно произвело сословное раздѣленіе земства. Отсюда уже неизбѣжно развивался сословный антагонизмъ, дошедшій въ половинѣ XVIII столѣтія до полнаго развитія, до открытой непріязненности сословій. Вслѣдствіе кастально-сословнаго разъединенія земства, вслѣдствіе отнятія молодыхъ, здоровыхъ, мощныхъ, лучшихъ рабочихъ силъ земства, крестьянства и мѣщанства, отъ мирнаго производительнаго труда, отъ своей земли и общины, для службы отвлеченнымъ, общимъ, непонятнымъ для массы народной интересамъ имперіи, казны, —

естественно пришли въ хаотическое смущеніе и броженіе земскія общины. Вѣковымъ сочиненіемъ и постояннымъ измѣненіемъ табелей губерній, вѣковой перестановкой, перепиской областныхъ общинъ изъ одной провинціи въ другую, изъ уѣзда въ уѣздъ, черезполосно, нарушена была самая федеративно-территоріальная областная стройность, цѣльность, естественно-историческая привычная расположенность земства, данная всѣмъ вѣковымъ бытомъ, свободнымъ колонизаціонно-хозяйственнымъ земскимъ самоустройствомъ и самораспредѣленіемъ народа, опредѣленная физико-географическими, мѣстнобытовыми и этнографическими условіями. Вѣковымъ *оземствованіемъ*, ссылками, переселеніями, гоненіями перемѣшанъ сложившійся на исторической почвѣ строй и составъ общинъ, міровъ, произведена насильственная хаотическая смѣсь въ составѣ ихъ населенія. Однимъ словомъ, въ земствѣ происходилъ *расколъ*, и кастально-сословный, и политико-географическій или земско-областной, и даже этнографическій. Вслѣдствіе этого раскола, разобщенія разрозненія въ земствѣ, и расколъ старообрядства, расколъ церковно и земско-демократическій развивался еще сильнѣе, и возсталъ противъ раздѣленія человѣкъ на чины или на сословія, противъ ревизіи душъ, противъ самой перепутаницы земли русской, и сталъ питать пуризмъ этнографическій, антагонизмъ къ иновѣрцамъ и къ православнымъ мірянамъ, убѣгалъ *изъ міра*, боялся *оміряценія*. Вслѣдствіе того же раскола, разобщенія, разрозненія въ земствѣ неизбѣжно происходила эта расплывчивость, расходчивость въ земствѣ. Такимъ образомъ произошло въ земствѣ бродяжничество и бѣгство. Бѣжали земскіе люди отъ міра, изъ земской общины, потому что, по выраженію раскольниковъ, духъ антихристовъ возвѣялъ на міръ, помутилъ міръ, согласье, разрознилъ членовъ общинъ, сдѣлалъ общины съ ихъ выборными представителями служебными орудіями имперіи. Бѣжали земскіе люди отъ рекрутчины, потому что она убивала лучшія производительныя рабочія силы, въ самой свѣжей ихъ мощи и жизненности, отрывала отъ труда, матерьяльно, существенно полезнаго и для дома и для другихъ, отрывала отъ семьи родной, для войнъ, пользы которыхъ на себѣ вовсе не испытывалъ народъ, а только несъ одинъ ущербъ. Бѣжали земскіе люди отъ налоговъ, отъ податей и повинностей, потому что они въ первой половинѣ XVIII вѣка были особенно несносны, притомъ подрывали частное благосостояніе земства, земское экономическое самоустройство и самораспоряженіе. Бѣжали далѣе земскіе люди отъ крѣпостного ига, потому что не было мочи жить подъ помѣщичьимъ деспотизмомъ. Бѣжали отовсюду, изъ городовъ, изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. Бѣжали горемычныя церковническія дѣти изъ бурсъ семинарскихъ, потому что больно-тяжело было ихъ, по выраженію духовнаго регламента «жестокостное, инокамъ подобное житіе». Бѣжали и потому еще, что безвыходно было положеніе ихъ и по окончаніи курса; напримѣръ, горемычные студенты александроневской семинаріи, въ 1747 году, такъ вопіяли о своемъ безвыходномъ положеніи по выходѣ изъ бурсы, по случаю вышедшаго въ то время указа о поставленіи въ священники никакъ не ранѣе тридцати лѣтъ: «Гдѣ намъ нижайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или сро-

дниковъ? Но тѣхъ большое насъ число не имѣетъ. Рукодѣліемъ кормиться? Но того не обучались. Куплями ли промышлять? Но и на двѣ лепты почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другого изъ насъ и родитель сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣетъ: какъ же кормить толь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такія лѣта надѣется помощи, станетъ. При семинаріи уже ни сякъ ни такъ оставаться и тридесяти лѣтъ дожидаться вовсе немочно. Ибо и такъ уже бѣдственное школьническое житіе паче мѣры наскучило, внѣ котораго можетъ быть давно уже иные честное себѣ заслужили прокормленіе. Итакъ мы, нижайшіе, вмѣсто чаямаго за труды дванадесятилѣтніе награжденія, богъвѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ; въ священники, безъ всякаго изъятія, по тридесяти лѣтъ требуется; въ дьяконы желаемаго прихожаны голосу недостаетъ; въ дьячки же и пономари стыдно и весьма обидно, и кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ, и наипаче отъ тѣхъ, которые за тупостію къ ученію или другимъ коимъ недостаткамъ отставлены отъ семинаріи, и давно по мѣстамъ таковымъ опредѣлены, и живутъ себѣ благополучно, въ совершенномъ житья станѣ, больше нѣтъ чего надѣяться. Отчего и тѣмъ, которые въ классахъ обучаются, уповательно, что охота къ ученію крайне ослабѣетъ». При такомъ положеніи духовныхъ бурсаковъ, удивительно ли что въ XVIII столѣтіи множество изъ нихъ предавалось бѣгству изъ бурсъ. Въ учительскихъ каталогахъ первой половины прошлаго столѣтія часто отмѣчалось: semper fugitiosus. Если и въ наше время еще сильно было въ обычаѣ такъ называемое въ классическихъ журналахъ «нахожденіе въ бѣгахъ», то можно себѣ представить, что было въ прошломъ столѣтіи. Неудивительно также и то, что во второй четверти XVIII столѣтія церковники, вмѣстѣ съ крѣпостными людьми, поднимали бунты за то, что и ихъ прикрѣпляли къ помѣщикамъ или отдавали въ солдаты.

Короче скажемъ, бѣжали и бѣгали по бѣлу свѣту всякихъ чиновъ люди, но всѣхъ болѣе податные, крѣпостные и служилые. И собирались эти бѣглые въ разныя компаніи, согласья, скопища. Одни, могучіе физическими силами, собирались въ «воровскія и разбойничьи компаніи большія», и чинились по словамъ Петра великаго, вмѣсто его царскаго величества подданныхъ, злодѣи всему государству, сбирались больше полустолѣтія, чтобъ произвести наконецъ *пугачевщину*. Другіе, обладая нравственными силами, движимые религіозно-политическими ученіями, бѣжали въ лѣса, въ горы, въ степи, тайно отъ правительства, основывали свои вольно-народныя колоніи, общины, въ противоположность приказно-государственной, преимущественно военной колонизаціи XVIII столѣтія, собирались въ свои мирныя общины, въ *согласья*, стремились къ особно-областному самоустройству и самоуправленію. Первые, во имя Стенекъ Разиныхъ, во имя Пугачевыхъ, собираясь въ *воровскія и разбойничьи компаніи*, или въ *многолюдныя и вооруженныя станицы бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, рекрутъ* и казаковъ, и соединяясь съ бѣглыми крѣпостными и разночинцами, домогались, въ пугачевщину, поколебать существующій порядокъ. Вторые во имя стараго вольнонароднаго земскаго устроенія, подъ знаме-

немъ религіозно-обрядовой старины, стремились наибольше путемъ мирной пропаганды основать вездѣ по областямъ свои общины, согласья, привести ихъ всѣ, по выраженію федосѣевскаго собора 1751 года, *въ любовь и соединенье*, и образовать изъ всѣхъ согласій общій совѣтъ или соборъ. Во второй половинѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, зачатки федераціи старообрядческихъ общинъ, зачатки мѣстныхъ и общихъ совѣтовъ или собраній уже обнаруживали значительное развитіе.

Въ первой же половинѣ XVIII столѣтія расколъ только охранялся, спасался и пропагандировался путемъ бѣгства. Жестокое преслѣдованіе бѣглыхъ и разбойниковъ, жестокое гоненіе раскола, бироновщина усиливали бѣгство и разбойничество, ускоряли появленіе пугачевщины, озлобляли и усиливали расколъ. Крѣпкія тюрьмы, желѣзныя оковы не исправляли разбойниковъ, не вырывали изъ сердецъ ихъ накипѣвшей закоснѣлой злобы. Они и въ тюрьмѣ пѣли о лѣсахъ и станахъ своихъ, какъ гласитъ старинная пѣсня:

Вы лѣса ли наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе,
Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые,
Вы друзья ли наши, братцы, товарищи!
Лѣса наши всѣ порублены,
А кусты наши всѣ поломаны,
Всѣ станы наши разорены,
Всѣ друзья наши товарищи переловлены.
Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны.
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки,
Никуды-то намъ, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.
Ты возмой, возмой туча грозная,
Ты разбей-ко, разбей земляны тюрьмы,
Чтобы разбойнички-друзья разбѣжалися.

Точно также не искоренялся, а только закалялся и крѣпъ расколъ отъ гоненій. Лѣтописи старообрядческія ужасными чертами изображаютъ страшное время бироновщины. Въ раскольничьей книгѣ, недавно вышедшей заграницей, подъ заглавіемъ «церковная исторія», читаемъ, напримѣръ, такое сказаніе «о мучительствѣ въ станицахъ донскихъ казаковъ».

«Въ царствованіе россійской императрицы Анны Іоанновны, посланный полномочный чиновникъ, прибывъ въ станицы донскихъ казаковъ для приведенія ихъ всѣхъ безъ изъятія къ новопреданнымъ церковнымъ догматамъ, и когда отнюдь не находилъ въ нихъ склонности, принялъ самыя жестокія мѣры, начиналъ отъ верхнихъ станицъ, перебирая по единому каждое семейство разными мучительными пытками, и ничтоже успѣвъ, наконецъ каждому семейству повелѣлъ выходить на брегъ Дона и избирать изъ двухъ едино—или присягать къ принятію новопечатныхъ книгъ въ соединеніе съ великороссійскою церковію, или на висѣлицѣ умирать,

и всѣ согласились умереть. Неизъяснимымъ ужасомъ преисполнено было зрѣлище, когда изъ каждаго дома отецъ съ матерью и дѣтьми, съ неизъяснимымъ воплемъ и рыданьемъ на брегъ Дона торжественно шли за вѣру умирать, и другъ друга объемлюще, отецъ сына, а мать дщерь, утопали въ слезахъ. Мучитель подавалъ лишь знакъ,—и вдругъ вздергивались на висѣлицу и умирали, а по умертвіи мучитель повелѣвалъ тѣла бросать въ рѣку, да тѣмъ пловущими мертвецами возвѣстить и прочимъ нижнимъ станицамъ, какова постигнетъ и тѣхъ година. Сіе дѣялось первѣе ближе съ пріѣзда объ одной сторонѣ Дона, а между тѣмъ прочія станицы, подъ командою мудраго и къ преданіямъ святоотеческимъ всеревностнаго атамана Игнатія Некрасова съ елико-возможною поспѣшностью и легкостью, въ одну ночь свелись и *поднялись въ бѣгство всего 40,000* самыхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми, оставя на мѣстѣ все свое домовое заведеніе и прочее тяжелое имущество, хотя у многихъ отняты были и самые конскіе табуны; но и изъ нихъ многія семейства только съ тѣломъ и душой присовокупились. Тако сей благочестивый народъ, подъ предводительствомъ своего богомудраго атамана Некрасова, единственно направлялся промысломъ божіимъ съ немалымъ препятствіемъ, однако наконецъ благополучно перешелъ Дунай въ турецкіе предѣлы. О таковомъ жалостномъ послѣдствіи, сверхъ рукописныхъ исторій, между рукъ старовѣрцевъ находящихся, свидѣтельствуютъ со стороны даже самихъ гонителей подлинныя слова изъ печатнаго изданія, подъ названіемъ историческій, политическій и литературный журналъ Сынъ Отечества».

Вслѣдствіе такихъ гоненій, отъ мучительства биронова, по словамъ Болтина, бѣжало заграницу не менѣе 250,000 д. муж. пола. Въ той же старообрядческой «церковной исторіи» сказано:

«Здѣсь по крайней мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленныя очи свои и пробѣжимъ общимъ взглядомъ нетокмо по россійскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частью и Азіи для чувствительнаго понятія, како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя овцы, что наполнились ими горы и холмы и непроходимыя дебри. Населились отъ вѣковъ ненаселяемыя отдаленныя сибирскія и кавказскія горы. Умножились россійскимъ народомъ области: малороссійская, бѣлорусская, польская и бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція, европейская и азіятская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И все таковое безчисленное множество россійскаго народа, единственно по причинѣ невозможности внутрь Россіи содержать древне-церковныхъ чиновъ и уставовъ подъ жестокимъ притѣсненіемъ и казнью, вынуждено было оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ и искать прибѣжища и свободы вѣры въ чужихъ предѣлахъ».

И въ началѣ второй половины XVIII вѣка бѣглыхъ было множество. И причинъ къ бѣгству было также много. Въ первые годы царствованія Екатерины II графъ Петръ Ив. Панинъ исчислялъ слѣдующія причины побѣговъ въ Польшу: «Обстоятельства, дѣлающія донынѣ поползновеніе къ побѣгамъ изъ Россіи въ Польшу, примѣчаются быть слѣдующія: 1) стро-

гость духовенства и разные какъ отъ оныхъ, такъ и отъ свѣтскихъ корыстныя градоначальническія приметы къ затвердѣвшимся людямъ въ раскольничьемъ суевѣріи; 2) поборы въ рекруты изъ ближнихъ къ границамъ имѣній, причемъ и заведшее поползновеніе въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія, какъ огорченія, такъ и разоренія остающимся ихъ семьямъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ жоны мужей, а отцы дѣтей своихъ за взятье на убійство и на всегдашнее отъ нихъ отлученіе. 3) Весьма худое и нетолько нерачительное содержаніе рекрутъ до отправленія въ полки, но и случающіяся къ нимъ, какъ по многимъ слѣдствіямъ извѣстно, тягостныя корыстныя приметки, такъ что вмѣсто чтобъ имъ, огорченнымъ людямъ чрезъ отлучку отъ семейства своего, дѣлать всякое къ службѣ приласканіе, нестрашились приметками ихъ обирать и употреблять въ партикулярныя работы, да и въ самыхъ резиденціяхъ зимою прежде рекрутъ набирывали, нежели имъ квартиры приуготовляли, слѣдуя обыкновенному порядку полиціи, чтобъ напередъ именной списокъ при доношеніи въ нее вступилъ, а потомъ опредѣленіе и билеты на асигнаціи квартиръ послѣдовали, между тѣмъ же ежедневно въ множествѣ набираемые рекруты принуждены были зимою на дворѣ въ стужѣ, а ночью въ торговыхъ баняхъ въ жару къ новой службѣ приласканіе получать; остающемуся же ихъ семейству было горестнѣйшимъ то зрѣлищемъ и примѣромъ на будущіе для дѣтей ихъ поборы. 4) Ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходятъ примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ сносности человѣческой. 5) Возвышеніе цѣнъ безъ уваженія ближняго заграничнаго примѣру соли, безъ коей никто питаться не можетъ, и вину, къ которому подлый русскій народъ неотвращенную уже привычку имѣетъ; а при продажѣ первой большія для поселянъ трудности, распространяющіяся до взятокъ; а строгость во взысканіи вольной винной продажи, употребляемая безъ уваженія же близости границъ, гдѣ въ томъ всякой свободную волю имѣетъ. 6) Донынѣ по великому несчастію распространившееся, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, отъ зловреднаго вкоренившагося лихоимства неправосудіе и нерадѣніе безъ корысти никакимъ общимъ дѣламъ и попеченіямъ. 7) Бывшее употребленіе въ выборѣ городскихъ начальниковъ для пользы посылаемыхъ туда персонъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ градоначальствъ и дѣлъ».

По такимъ причинамъ много народу бѣжало въ Польшу, въ Австрію и даже въ Турцію. Въ Польшу старообрядцы малороссійскихъ стародубскихъ слободъ часто переводили бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ, казаковъ. Вслѣдствіе указа 14 декабря 1762 года, дозволявшаго всѣмъ бѣглымъ заграницу безпрепятственно возвращаться на мѣста, отведенныя въ Сибири и на юго-востокѣ Великороссіи,—многіе изъ бѣглыхъ, и въ томъ числѣ старообрядцы, выходили изъ Польши и снова пускались въ странствованіе, въ южное заволжье.

Въ августѣ 1772 года пробирался между толпой бѣглыхъ, изъ-за польской границы бѣглый казакъ, раскольникъ, средняго росту, долголицый, сухощавый; волосы на головѣ русые, борода черная съ просѣдью, глаза каріе, выразительные; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи шрамъ. На вопросъ: кто? онъ назвался раскольникомъ и бывшимъ прежде пензенскимъ купцомъ Емельяномъ Ивановымъ. На пограничномъ форпостѣ онъ заявилъ желаніе идти на Иргизъ: ему дали паспортъ и велѣли явиться въ симбирской провинціальной канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой находился Иргизъ. Казакъ прошелъ прямо. Тамъ,—гласитъ старообрядческая пѣсня:

Монастырь верхней издавна стоитъ на крутой горѣ
Во прекрасной ли во пустынюшкѣ, во зеленой во дубравушкѣ,
Какъ прекрасенъ садъ, при рѣкѣ древа,
При древахъ этихъ мелки пташечки.
Они райскія поютъ пѣсенки,
Утѣшаютъ же они иноковъ монастырскіихъ и всѣхъ трудниковъ.
Что возговоритъ имъ игуменъ рѣчь,
Наставляя всѣхъ ко спасенію:
Вы отцы святыи соборныи
Вы послушайте моего гласу,
Что и надо намъ признаватися,
Какъ мы жизнь истеряли
Всю и во многомъ во смятеніи.
Возведемъ очи свои къ вышнему,
Поліемъ слезы, какъ источники,
Мы просить будемъ самого творца,
Чтобъ наставилъ насъ ко спасенію,
Онъ управилъ бы жизнь полезную.
Вы пѣвцы мои златострунные,
Воспѣвайте пѣсни пресладкія какъ архангелы.
Воспѣвайте, аки громъ гремитъ въ удареніяхъ...
Мы игумену покоряемся,
Какъ древа вси преклоняемся.
А мы вышли вси во долинушку,
Во зеленую во дубравушку.
А мы смотримъ вси во зеленой садъ,
Какъ при той ли, да при пустынушкѣ, при долинушкѣ,
Протекла рѣка пребогатая;
Отъ нея же мы всѣ питаемся,
Рыболовствомъ всѣ занимаемся.
Какъ при той же, да при рѣчушкѣ,
Молодые всѣ вышли иноки,
И при правныхъ всѣ при лодочкахъ,
Рыболовшички всѣ держатъ неводы.

Это былъ монастырь иргизскій. Бѣдный путникъ въ немъ остановился, и былъ принятъ ласково игуменомъ Филаретомъ, который не преминулъ дать ему наставленіе въ духѣ старообрядства.

Гостя въ монастырѣ иргизскомъ, странникъ ходилъ по окрестнымъ селамъ; особенно часто ходилъ въ мечетную слободу малыковской волости, гдѣ крестьяне были раскольники, и знакомился съ крестьянами. Игуменъ иргизскій и не зналъ, какъ и куда потомъ дѣвался незнакомый пришлецъ.

Любопытно вообще, какъ тогда, въ эпоху появленія бѣгуновъ, бѣглые расхаживали по бѣлу-свѣту. Но этотъ бѣглецъ былъ особенно загадоченъ.

Въ ноябрѣ 1772 года, его видѣли съ раскольникомъ мечетной слободы Семеномъ Филипповымъ, въ яицкомъ городкѣ, въ домѣ отставного казака Дениса Пьянкова. Тутъ разъ хозяинъ спросилъ его, по поводу ходившаго на Яикѣ слуха:

— Что будто бы въ Царицынѣ явился государь Петръ Федоровичъ!

Бѣглый незнакомецъ съ особенно-утвердительнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Это правда, и онъ подлинный царь Петръ Федоровичъ, и хотя его въ Царицынѣ поймали, да онъ ушелъ, а вмѣсто его замучили другого.

— Какъ этому можно статься! Вѣдь Петръ Федоровичъ умеръ! съ сомнѣніемъ возразилъ Пьянковъ.

— Неправда, отвѣчалъ бѣглецъ: — онъ также спасся и въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьянковъ, опасаясь бѣды, не захотѣлъ дальше любопытствовать, и замолчалъ. Но бѣглецъ былъ очень заинтересованъ разговоромъ, и послѣ непродолжительнаго молчанія, самъ завелъ такой разговоръ:

— Какъ вамъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно, что вы терпите такое притѣсненіе въ вашихъ привилегіяхъ!

— Чтожъ дѣлать-то? отвѣчалъ Пьянковъ:—такъ видно тому и быть.

— Да не лучше ли вамъ выйти съ Яику, заговорилъ бѣглецъ: — выйти съ Яику въ турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ даю денегъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей.

При этомъ бѣглецъ прихвастнулъ, что будто у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ товару.

— Если же, прибавилъ онъ: — яицкое войско согласится бѣжать, то изъ своихъ денегъ буду оное коштовать.

Пьянковъ съ сомнѣніемъ возразилъ на это:

— Да гдѣ ты таки деньги возьмешь, и что ты подлинно за человѣкъ?

— Я, отвѣчалъ бѣглецъ: — я заграничный торговый! и сталъ дальше говорить на ту же тему:

— Когда вы выйдете заграницу, то всѣхъ васъ съ радостью встрѣтитъ турецкій паша: онъ, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходъ, то дастъ еще хоть и до пяти мильоновъ рублей.

Пьянковъ не сталъ дальше слушать, и велѣлъ ему больше не говорить такихъ рѣчей. Отъ Пьянкова бѣглецъ каждый день ходилъ на базаръ, и все толковалъ что-то съ народомъ.

Потомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1773 года, видѣли этого таинственнаго бѣглеца, какъ пробирался онъ ужъ изъ тюрьмы казанской на Узени, въ Камышъ-Самору. Мѣсто это тогда было непроходимое: кругомъ лѣсъ, а въ лѣсу трясины и болота. Тутъ скрывались бѣглецы. Тутъ и вокругъ незнакомаго бѣглеца собралось человѣкъ семь бѣглыхъ казаковъ, да семь же человѣкъ раскольничьихъ старцевъ. Тутъ они держали совѣтъ, склонить на свою сторону яицкихъ казаковъ, во время плавки рыбы, и съ помощью ихъ взять яицкій городокъ, побить всѣхъ старшинъ и потомъ идти на Оренбургъ...

Затѣмъ видѣли незнакомаго бѣглеца въ половинѣ іюля: онъ ѣхалъ въ Жаловицкій уметъ, отстоящій отъ яицкаго городка въ 50-ти или 60-ти

верстахъ, ѣхалъ одинъ въ кибиткѣ, запряженной парой лошадей, въ мужичьемъ платьѣ; при немъ было ружье, котелъ мѣдный и мѣшечекъ съ сдобными лепешками. По прiѣздѣ въ уметъ, содержателю его, пахатному солдату симбирскаго уѣзда, Степану Максимову Оболяеву, по народному прозванью—Ереминой-курицѣ, онъ сказался пензенскимъ купцомъ Иваномъ Ивановымъ: «былъ де онъ въ яицкомъ городкѣ за покупкой рыбы, и тамъ оставя свой обозъ, велѣлъ оному за собой ѣхать, а самъ напередъ поѣхалъ было въ Пензу, но на дорогѣ лошади, взбѣсясь, разбили телѣгу»; а потому и просилъ уметчика пробыть у него, пока дождется свой обозъ, обѣщая ему за то заплатить. Уметчикъ пустилъ пожить. Бѣглый незнакомецъ принялся за промыселъ: сталъ стрѣлять по степи сайгановъ, и ими самъ питался и кормилъ уметчика. Уметчикъ былъ радъ жильцу промышленному, особенно когда увидѣлъ, что жилецъ старообрядецъ,—крестится двуперстнымъ знаменiемъ. Такъ недѣлю пробылъ бѣглый незнакомецъ у уметчика, высматривалъ, да выпытывалъ его, не переметчикъ ли. Черезъ недѣлю онъ наконецъ рѣшился откровеннѣе заговорить съ нимъ:

— Что ты, Степанъ Максимычъ, знаешь: вѣдь я тебя обманулъ, что сказался пензенскимъ купцомъ, а я вѣдь не купецъ, но дубовскiй казакъ, и не Иваномъ меня зовутъ, а Петромъ Ивановымъ.

Уметчикъ Еремина-курица почти и не обратилъ вниманiя на эти слова жильца, а заботился главнымъ образомъ объ обозѣ, разсчитывая вѣроятно поживиться отъ него.

— Такъ поэтому ты и объ обозѣ-то солгалъ? только и спросилъ онъ.

Ловкiй бѣглецъ, смекнувъ тотчасъ корыстолюбiе уметчика, и не желая вдругъ оказаться обманщикомъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это я не солгалъ, а правда: я на сихъ дняхъ его сюда ожидаю.

Уметчикъ Еремина-курица этому и повѣрилъ, и обходился съ жильцомъ дружно. А этотъ, узнавши простоту его и снисходительность къ бѣглецамъ, рѣшился наконецъ открыть ему свой замыселъ. Черезъ двѣ недѣли, по прiѣздѣ, былъ онъ въ банѣ съ хозяиномъ, и послѣ бани, заведя разговоръ стороной, спросилъ уметчика:

— Что, Степанъ Максимычъ, давича ты былъ со мной въ банѣ, примѣтилъ ли ты на мнѣ царскiе знаки?

А уметчикъ съ усмѣшкой и равнодушно отвѣчалъ:

— Какiе знаки? я ихъ отроду не только не видывалъ, да и не слыхивалъ.

Бѣглецъ теперь совсѣмъ убѣдился, что простотѣ-уметчику можно все говорить.

— Этакая ты простая курица, сказалъ онъ:—ужъ царскихъ знаковъ не слыхивалъ! я тебѣ ихъ когда-нибудь при яицкихъ казакахъ покажу.

— Что же это, Петръ Иванычъ, спросилъ тутъ уметчикъ, затронутый нѣсколько любопытствомъ:—къ чему ты это говоришь? какимъ на тебѣ быть царскимъ знакамъ?

— Эдакой ты безумный, отвѣчалъ бѣглецъ:—ужъ того-то не догадался,

къ чему я это говорю! Вѣдь я не купецъ и не казакъ, такъ какъ тебѣ сказался, а государь вашъ Петръ Федоровичъ!

Тутъ уметчикъ Еремина-курица испугался, что онъ принималъ жильца за простого человѣка, однакожъ, осмѣлился еще спросить:

— Да какъ же это я слышалъ, что государь померъ?

— Врешь, сказалъ бѣглецъ: — Петръ Федоровичъ живъ, а не умеръ: ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я былъ за моремъ и пріѣхалъ въ Россію прошедшаго года. И услыша, что яицкіе казаки приведены всѣ въ разоренье, такъ нарочно для нихъ я сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, если Богъ допуститъ, опять вступить на царство.

Уметчикъ тутъ сталъ кланяться и просить прощенья, что обращался съ нимъ попросту. Спустя нѣсколько дней, къ уметчику пріѣхалъ знакомый казакъ, Закладновъ, попросить лошади. Когда Закладновъ сѣдлалъ за плетнемъ лошадь, уметчикъ подошелъ къ нему, и указывая на бѣглеца, который виднѣлся изъ сарая, спросилъ полушепотомъ:

— Что, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ? какой онъ человѣкъ?

— Почему я могу знать, что̀ онъ за человѣкъ, отвѣчалъ Закладновъ.

— Вишь, объяснялъ дальше уметчикъ съ какою-то таинственною торжественностью:—вишь это государь Петръ Федоровичъ. Онъ говоритъ, что имѣетъ на себѣ царскіе знаки и нарочно сюда на выручку къ вамъ пріѣхалъ. Онъ приказалъ тебѣ сказать, чтобъ ты открывалъ о немъ войсковой руки надежнымъ казакамъ.

Закладновъ содрогнулся. Тутъ бѣглецъ-самозванецъ вышелъ изъ сарая и сказалъ самъ уже Закладнову:

— Что, Гриша, слышалъ ты отъ Ереминой-курицы обо мнѣ?

— Слышалъ, государь! поклонясь отвѣчалъ Закладновъ.

— Ну смотри же, Гриша, говорилъ бѣглый самозванецъ:—разсказывай обо мнѣ дома надежнымъ людямъ войсковой руки, да смотри объясняй по тайности, такъ чтобы и жены ваши не знали, и берегитесь старшинской руки, чтобы какъ не провѣдали обо мнѣ. Пришли ко мнѣ сюда отъ войска человѣкъ двухъ нарочитыхъ людей: я съ ними поговорю и скажу имъ, что надо сдѣлать.

Накормя Закладнова на дорогу завтракомъ, самозванецъ еще разъ провожая его сказалъ:

— Смотри же, Гриша, не забудь, пришли ко мнѣ казаковъ, и самъ съ ними пріѣзжай. Да проворь скорѣе!

— Хорошо, сударь, слышу! отвѣчалъ Закладновъ, и взялся за пропаганду пугачевщины.

Такіе между прочимъ бѣглецы скрывались въ прошломъ вѣкѣ въ массѣ бѣглыхъ, и потомъ мало-по-малу выдвигались на отчаянные подвиги или самозванства, или разбойничества, или религіозно-политической пропаганды. И вотъ выдвинулся изъ толпы такихъ бѣглецовъ, прошелъ черезъ скиты старообрядческіе знаменитый бѣглый казакъ зимовейской станицы, раскольникъ вѣтковской и иргизской, *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*. И съ какимъ демократическимъ тактомъ началъ онъ свое отчаянное дѣло! Изъ

Польши, откуда вышелъ и первый самозванецъ, идетъ онъ прямо въ приуральское заволжье, въ этотъ необъятный, вѣковой притонъ, омутъ сброднаго народа, куда стекались въ XVIII вѣкѣ самые отчаянные бѣглые, послѣдніе вольные, гулящіе и голутвенные люди цикла и закалу Стеньки Разина, гдѣ скоплялись всѣ элементы, вся накипь, наболь народнаго недовольства, и раскольничьяго, и крѣпостного, и заводскаго, и проч. Бѣглецъ съ могучей натурой идетъ къ своимъ же сброднымъ бѣглецамъ, къ яицкимъ казакамъ, въ которыхъ тоже еще не охладѣлъ закалъ Стеньки Разина, закалъ, поддерживаемый теперь еще расколомъ. Давно эти сбродные, удалые, буйные молодцы старой повольничьей, ушкуйничьей породы сбѣжались на Яикъ. Сначала они тоже, подобно вольницамъ, дружинамъ Ермака Тимофѣича или Степана Разина, удальствомъ и разбоями промышляли по Каспійскому морю и по Волгѣ. Потомъ, натѣшившись вдоволь удалыми разбоями, въ волю нагулявшись по широкому раздолью степи саратовской, по Волгѣ и морю, рѣшились наконецъ основать вольную осѣдлую общину: «собравсь учинили совѣтъ» и предались подъ власть Россіи при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ. Имъ дана была «жалованная грамота на рѣку Яикъ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими угодьи отъ вершинъ той рѣки до устья». Они набрались бѣглыми всякаго рода, вольными, гулящими людьми и образовали военно-демократическую общину. Демократическая воля въ нихъ до того была сильна, необуздана, что съ 1721 года, когда они подчинены были вѣдѣнію военной колегіи, до 1770 года, они непрерывно вели открытую, неуступную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства. Борьба эта достигла высшей степени разгара, когда въ яицкій городокъ пришелъ Пугачевъ. Казаки раздѣлились тогда на двѣ партіи: на *несогласныхъ*, или казаковъ *войсковой руки*, и на *согласныхъ*, т.-е. сторонниковъ старшинъ и правительства, или *старшинной руки*. Пугачевъ сразу понялъ силу и значеніе первой чисто-демократической партіи, и съ нею-то пошелъ въ походъ. И зашевелился, задвигался весь юго-восточный край имперіи, зашевелились русскіе и инородцы, затряслось все южное приволжье и заволжье, затряслись уральскіе заводы и зауральская Сибирь. Полетѣли возмутительные листы, манифесты, не многоглаголиво-краснорѣчивые, а затрогивающіе самое сердце и всѣ вѣковые помыслы, желанія и ожиданія народа: «дарю волей и землей и рѣкой, и травами, и морями, и хлѣбнымъ провіантомъ, и крестомъ, и бородою, и свинцомъ, и порохомъ». И слова эти, какъ самая горючая, пламенная искра, просто производили пожаръ въ сердцахъ народныхъ. И пламя пугачевщины пылало. Крѣпостныя, тяжко-податныя, рабски-служебныя, тяжко-чернорабочія основы имперіи заколебались. А буйные, давшіе волю физической силѣ казаки говорили»: то ли еще будетъ, такъ ли еще тряхнемъ Москвой», т.-е. государствомъ. И ужаснулось правительство. «Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится!» говорила Екатерина. «Зло превелико, ужасно», писалъ ей Бибиковъ: «ухъ, дурно!.. Не Пугачевъ важенъ и не воры казаки, а *важно общее негодованіе*».

Въ самый разгаръ пугачевщины разъ стоялъ въ Москвѣ на часахъ молодой солдатъ и пѣлъ такую пѣсню:

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчье хорошее,
Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на жолтымъ пескѣ,
На жолтымъ пескѣ, разсыпчатымъ,
На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ.
Да первая рѣчушка течетъ Самарушка,
Другая рѣчушка — Яикъ рѣка,
Третья рѣчушка — Уралъ рѣка.
По Уралѣ рѣкѣ живутъ казаченьки,
По Самарушкѣ живутъ татарушки,
По Уралу гулялъ генералъ-Пугачъ.
Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
„Не даютъ-то мнѣ, доброму молодцу,
Волюшку во Ленбурхъ сходить,
Во Ленбурхъ сходить, *Пугача убить*".

Но въ то время, какъ этотъ солдатъ, вѣрный царю и отечеству до капли крови, или просто жаждавшій только дать волюшку, разгулъ молодецкой силѣ, удали, съ такимъ порывомъ зарился Пугача убить, въ то самое время толпы солдатъ убѣгали съ часовой службы, изъ полковъ, даже изъ крѣпкихъ тюремъ. Издавна, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началась въ Россіи рекрутчина, скиты и слободы старообрядческія, глухія провинціальныя захолустья, даже помѣщичьи имѣнья наполнены были бѣглыми солдатами и рекрутами. Полное собраніе законовъ первой половины и особенно первой четверти XVIII вѣка наполнено указами о бѣглыхъ солдатахъ и рекрутахъ. Въ первой четверти прошлаго столѣтія изъ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ и рекрутъ образовались многочисленныя «вооружонныя компаніи», къ которымъ приставали бѣглые и крѣпостные люди. Солдатъ по сто, по двѣсти и больше, верхами, съ ружьями, въ регулярномъ порядкѣ разъѣзжали по многимъ уѣздамъ и грабили помѣщичьи имѣнья. Лѣса наполнены были большими скопищами бѣглыхъ солдатъ, гдѣ они приставали иногда и къ «разбойничьимъ компаніямъ». Тамъ, въ темной чащѣ лѣсовъ, свѣтились по ночамъ огни: вкругъ нихъ сидѣли солдаты бѣглые, безпашпортные. Или собирались они, «сходилися на полянушку, на широкую». И старая, гремучая, завѣщанная бойцами Стеньки Разина пѣсня раздавалась по лѣсамъ:

Ты взойди-ко, взойди солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Солдатъ бѣглыхъ, безпашпортныихъ".

II

Въ началѣ осьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка пробирались по галицкимъ лѣсамъ Костромской губерніи трое бѣглыхъ: солдатъ съ крестьянкой и крестьянинъ. Идя по лѣсу, они толковали что-то о пришествіи

и царствѣ антихриста, о гоненіи на христіанъ, о новой ревизіи 1782 года, о *спасеномъ пути*, о бѣгствѣ отъ антихриста. Солдатъ говорилъ, а спутники больше слушали и тяжело вздыхали да крестились.

Крестьянинъ былъ бѣглый изъ пошехонскаго уѣзда. Его звали Егоромъ Егоровымъ. Но откуда и зачѣмъ шелъ въ лѣсъ этотъ солдатъ бѣглый, что за спутница съ нимъ шла и чему онъ наставлялъ бѣглыхъ странниковъ? спросимъ старожиловъ-старовѣровъ, и они скажутъ намъ.

То былъ основатель согласья *бѣгуновъ*, Евфимій, бѣглый солдатъ изъ переяславскихъ мѣщанъ.

Тогда во всѣхъ волжско-камскихъ и сѣверо-поморскихъ городахъ мѣщанамъ, посадскимъ, какъ мы отчасти видѣли, житье было худое, трудное. Безземелье, рекрутчина и подать, цеховая замкнутость и стѣсненность труда — все это сильно, горько тяготило мѣщанство. Не имѣя мочи переносить это горе, негодуя на свое жалкое, податное и цеховое устройство, мѣщане, вмѣстѣ съ крестьянами и купцами, тоже по большей части происхожденцами изъ мѣщанства и крестьянства, мѣщане, говорю я, поневолѣ уклонялись въ расколъ, составляли помимо цеховъ свои свободныя, трудовыя, общинныя согласья. Дѣти ихъ съ раннихъ лѣтъ воспитывались такимъ образомъ ужъ въ духѣ раскола, тѣмъ болѣе, что при отсутствіи правительственныхъ училищъ и учителей для простого народа старообрядческіе граматники, наставники были почти единственными учителями молодыхъ податныхъ поколѣній, ближе всѣхъ стояли къ умственнымъ потребностямъ и понятіямъ массы народной. Вотъ и Евфимій, сынъ переяславскаго мѣщанина, съ раннихъ лѣтъ научился безпоповщинскому толку отъ федосѣевскихъ наставниковъ. Разъ возбужденная, затронутая грамотой, ученьемъ, душа Евфимія ужъ не могла успокоиться на начаткахъ мысли, знанія; жаждала больше, рвалась дальше. Евфимій чувствовалъ неопреодолимое влеченіе бѣжать. Такова участь большой части русскихъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ самородковъ, начиная отъ Ломоносова до Кольцова. Недаромъ и старообрядческій стихъ выражаетъ эту жажду удовлетворенія умственныхъ потребностей:

Душа своей пищи дожидается,
Душѣ надо жажду утолить.
Потщися душу свою гладну не оставить.

Вотъ и Евфимій съ жаждой уясненія затронутыхъ въ душѣ вопросовъ, въ порывѣ пытливости, любознательности, въ молодомъ увлеченьи и экзальтаціи религіознаго энтузіазма, бѣжитъ изъ дома отеческаго, изъ Переяславля Залѣсскаго, приходитъ въ Москву и скрывается у старцевъ филиповскаго согласья, въ то время только-что появившагося въ Москвѣ. Старцы его вновь окрестили и назвали Евстафіемъ, научили его не молиться за государей, не повиноваться никакимъ властямъ, ни гражданскимъ, ни воинскимъ, ни духовнымъ, отвергать всякую, какъ гражданскую, такъ особенно солдатскую службу и проч. Въ Москвѣ Евфимія поймали и отправили назадъ въ Переяславль. Мѣщанское общество отдало его въ солдаты. Но солдатская служба была не только тягостна для

Евфимія, но и противна его совѣсти. Онъ зналъ, какъ тысячи въ его время уклонялись отъ рекрутчины, бѣжали отъ солдатской службы. Онъ зналъ и ученье такого раскольничьяго согласья, которое основано было бѣглымъ солдатомъ, зналъ ученье филиповскаго толка, что солдатская служба — есть служба антихристу. И вотъ, Евфимій бѣжалъ изъ солдатской службы, опять пришелъ къ своимъ въ Москву. Федосѣевская община преображенскаго кладбища въ то время составляла центръ управленія для самой большой части областныхъ, мѣстныхъ безпоповщинскихъ общинъ, управлялась своими выборными попечителями; развивала, устраивала, чрезъ своихъ агентовъ-наставниковъ, областныя, мѣстныя общины. Въ этой общинѣ Евфимій нашелъ пріютъ, постригся въ иноки и скоро назначенъ былъ наставникомъ въ поморской скитъ филиповскаго согласья. Здѣсь-то, въ Москвѣ онъ взялъ съ собою послѣдовательницу филиповскаго же толка, бѣглую крестьянку Тверской губерніи, Ирину Федорову. И вотъ она-то была его спутницей повсюду. Съ ней Евфимій прибылъ въ поморскій скитъ. Здѣсь въ то время настоятелемъ былъ бѣглый сержантъ, нѣкто Адріанъ. Въ бытность свою въ Ярославлѣ, онъ взятъ былъ полиціей, какъ безпашпортный, и лишенъ монашеской одежды; но потомъ какъ-то увернулся отъ полиціи и пришелъ въ поморской скитъ. Евфимій съ нимъ не поладилъ и разсорился за то, что онъ скрывалъ отъ братіи бывшій съ нимъ въ Москвѣ случай. Ссора дошла до того, что Евфимій написалъ на Адріана жалобу старцамъ московскаго согласья. Тѣ приказали ему повиноваться Адріану, какъ настоятелю поморскаго согласья. Тогда огорченный Евфимій ушелъ съ своей Ириной изъ поморскаго скита опять въ Москву для личнаго объясненія съ старцами преображенской общины. Наконецъ, когда и здѣсь не нашелъ согласья съ своимъ мнѣніемъ объ Адріанѣ, крайне огорчился и отправился съ Ириной Федоровой въ Ярославскую губернію. Въ это-то время, послѣ всѣхъ страннических переходовъ, въ душѣ Евфимія окончательно созрѣла мысль — начать въ народѣ свое ученіе, устроить свою пропаганду странствующихъ наставниковъ, основать новое согласье бѣгствующихъ, странниковъ, бѣгуновъ. Онъ сталъ проповѣдывать, сначала въ самомъ городѣ Ярославлѣ, а потомъ и переходя изъ села въ село, что со времени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича зародился въ великороссійской земли антихристовъ порядокъ, что Петръ I есть главный, послѣдній рогъ двурожнаго звѣря, главный нововводитель антихристова порядка: ревизіи душъ, раздѣленія людей на чины и сословія, неравномѣрнаго раздѣленія земли между людьми и проч., что съ 1742 года, со второй ревизіи истинная христіанская община сохранилась только въ бѣглыхъ отъ ревизіи; что воинскія и гражданскія власти образы звѣря, обладающіе человѣческими душами и т. д. «Бѣгство, странство, выводилъ отсюда Евфимій, — вотъ одинъ спасеный путь отъ звѣря-антихриста, отъ его властей, отъ всего его царства. Бѣжать и бѣжать остается христіанамъ не только отъ всякой службы, отъ податей, отъ ревизской записи въ списокъ подданныхъ антихриста, но и отъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и сродниковъ! Такія начала религіозно-политическаго отрицанія, сѣмена новаго согласья, посѣялъ Евфимій въ городѣ Ярославлѣ, въ деревнѣ Малы-

шевой Ярославскаго уѣзда, и особенно въ селѣ Сопѣлкахъ, въ четырехъ верстахъ отъ деревни Малышева. Такимъ образомъ положилъ начало пропаганды бѣгуновъ, пріобрѣлъ нѣсколько странствующихъ наставниковъ, и самъ, съ крестьянкой Ириной Федоровой и съ крестьяниномъ Егоромъ Егоровымъ, пошелъ показать на дѣлѣ примѣръ бѣгунства, странства.

Вотъ кто былъ тотъ бѣглый солдатъ, что съ двумя спутниками пробирался по галицкимъ лѣсамъ Костромской губерніи. Онъ шелъ съ странницей Ириной Федоровой, и съ пошехонскимъ крестьяниномъ въ галицкіе лѣса для того, чтобы тамъ основать скитъ, убѣжище для новаго согласья, и буде можно, положить начало прочному устройству общины бѣгуновъ. Тамъ они расчистили изъ-подъ лѣса мѣсто, поставили общую келью и поселились въ ней. Тамъ въ тиши Евфимій обдумывалъ основныя мысли своего «лицевого апокалипсиса» и «цвѣтника».

Такъ тихо, невѣдомо для правительства, для вельможества екатерининскаго времени, для архипастырей, желавшихъ уничтожить расколъ, для полиціи, жестоко и обирательно преслѣдовавшей его, такъ неслышно, невидимо возникали новыя и еще болѣе, чѣмъ прежде, демократически-оппозиціонныя согласія раскола. Въ глуши провинціальныхъ захолустьевъ, въ глуши лѣсовъ, бѣглые солдаты и крестьяне думали свою думу, по мѣркѣ, по кругозору своего практическаго и религіознаго смысла. Такъ возникало и согласье бѣгуновъ. Сейчасъ мы изложимъ основныя начала ученья Евфимія, а затѣмъ — и всѣхъ бѣгуновъ. Но пока Евфимій пребываетъ въ лѣсу и обдумываетъ свой «цвѣтникъ», дума наша невольно останавливается и углубляется въ общій смыслъ народныхъ событій, ознаменовавшихъ семидесятые и восьмидесятые годы прошлаго столѣтія.

Въ то время какъ въ высшемъ, образованномъ классѣ народа, невѣдомо для крѣпостныхъ и податныхъ массъ, замышлялась аристократическая попытка Панина и Дашковой, и подготовлялась или начиналась уже борьба мистико-идеалистическаго направленія Новикова и его общества съ матерьяльно-отрицательнымъ направленіемъ, въ то время и въ массахъ простого, податнаго народа видимъ тоже двоякаго рода движенія. Одно движеніе, могучей физической силы, вышедшей изъ терпѣнья, непосредственно-натуральное буйное движеніе накипѣвшаго, наболѣвшаго въ сердцахъ народныхъ антагонизма и недовольства, — это просто рьяный, сбойчатый, мятежный порывъ несносно-сдержанныхъ могучихъ силъ народа къ выходу изъ-подъ вѣкового гнета: это *пугачевщина*. Другое движеніе тихое, духовно-нравственное, мистико-идеалистическое. Это болѣзненное выраженіе угнетеннаго, наболѣвшаго сердца, духа народнаго, выраженіе страдальческихъ чувствъ народа крѣпостного, порабощеннаго, оставленнаго самому себѣ, безъ просвѣщенія, безъ цивилизаціи; экзальтація больныхъ сердецъ, мечтанія и грезы больныхъ, разгоряченныхъ, экзальтированныхъ фантазій. Это общество *людей божіихъ, селивановщина*, и вообще всѣ такъ-называемыя мистическія *пророчествующія* секты.

Въ Петрѣ III, какъ мы уже сказали, крѣпостные крестьяне ждали почему-то своего искупителя, освободителя отъ крѣпостного ига. Разносились въ то время даже толки, будто Петръ III ужъ и далъ указъ о

свободѣ, да его скрываютъ отъ народа, и что народъ самъ долженъ начать дѣло освобожденія, и тогда указъ будетъ объявленъ. Движенія и начались въ 1762 году. Но ничѣмъ и кончились. Послѣ Петра III вступила на престолъ Екатерина II, а манифеста о свободѣ крѣпостного народа не бывало. Вмѣсто того вышла при Екатеринѣ жалованная грамота только о вольности одного дворянства. Надежды массъ народныхъ на Петра III, на свободу и льготы жестоко обманулись...

Но угнетенныя, крѣпостныя массы народа не отчаялись въ своихъ надеждахъ и мечтаніяхъ. Скоро явились между ними, подъ именемъ Петра III, свои, самозванные провозвѣстники свободы. Одни мечемъ возвѣстили о народномъ ожиданіи воли и льготъ; другіе мистико-идеалистической пропагандой пророчили про искупленіе, освобожденіе народныхъ душъ. Пугачевъ, назвавшись Петромъ III, поднялъ общее движеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народныхъ. А рядомъ съ пугачевщиной, подъ тѣмъ же знаменемъ, совершалось другое движеніе къ искомой, вожделѣнной свободѣ, движеніе духовнонравственное. Кондратій Селивановъ, или по другимъ извѣстіямъ, Ивановъ, крестьянинъ Орловской губерніи, также подъ именемъ Петра III шелъ за свободу, но не съ мечемъ, а съ пророчественной проповѣдью объ *искупленіи, освобожденіи душъ* народныхъ. Онъ не обѣщалъ народу матерьяльныхъ благъ, земель, водъ и т. д., не давалъ въ руки, какъ Пугачевъ, «пороху и свинцу», но призывалъ къ открытому возстанію. Отрицая церковно-библейскій буквализмъ и православно-восточную обрядность, онъ, сообразно съ естественно-миѳологическою настроенностью народнаго міросозерцанія, шелъ путемъ миѳической мистико-идеалистической пропаганды, въ символическихъ образахъ возвѣщалъ свободу духа, совѣсти, человѣка, народа. Проповѣдуя о *воскресеніи душъ*, онъ ободрялъ духъ народный, забитый, деморализированный, — будущимъ оживленіемъ его во времена свободы, внушалъ вѣру въ это оживленье, ожиданіе его, стремленіе къ нему. Возвѣщая *искупленіе, освобожденіе душъ*, Селивановъ внушалъ вѣру въ свободу, которая рано или поздно должна настать для рабскаго народа, возбуждалъ стремленіе къ ней. Вмѣсто вооруженной силы; вмѣсто «конныхъ и пѣшихъ полковъ», онъ собиралъ по всѣмъ странамъ *кавалерію духовную*, общество его послѣдователей, готовившихся къ будущей свободѣ, воодушевлявшихся мистико-идеалистической экзальтаціей въ коммунистическихъ собраніяхъ, безотчетными, беззаботными, даже веселыми пророчественными пѣснями объ искупленіи, освобожденіи и воскресеніи душъ. Самъ онъ считался *полковникомъ* этой духовной кавалеріи, которая иначе называлась *кораблемъ духовнымъ*, въ которомъ онъ былъ *кормчимъ*. Въ миѳическомъ образѣ богатыря или полковника силы духовной представляетъ Селиванова пѣсня людей божіихъ:

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужъ на той колесницѣ огненной

Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой божій законъ.
Подъ нимъ бѣлый храбрый конь,
Хорошо его конь убранъ
Золотыми подковами подкованъ.
Ужъ и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ.
А гривушка позолоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная.
Во очахъ его камень маргаритъ.
Изо-устъ его огонь-пламя горитъ.
Ужь на томъ ли на храбромъ на конѣ
Искупитель нашъ покатываетъ,
Онъ катаетъ со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ,
По инымъ землямъ французскіимъ,
Французскіимъ и иркутскіимъ,
Набиралъ полки премудрые--
Кавалерію духовную.
А теперь то, други милые,
Прикатилось красно солнышко,
Во сѣверну сторонушку,
Во сѣверну, во питерскую.
При батюшкѣ искупителѣ,
При второмъ спасителѣ
Душамъ нашимъ воскресеніе.
Ужъ сталъ нашъ батюшка родной
Государь нашъ полковникъ дорогой
Своими полками полковать, и проч.
. . . .
Спѣшитъ батюшка, катаетъ
Онъ со страшнымъ судомъ,
Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
Со златыми со трубами
Съ богатырскими конями.
. . . .
Не помогутъ мои други
Сего свѣту вамъ князья,
И цари-то всѣ земные
Пойдутъ они подъ землю,
И накроетъ ихъ земля.
Что горючія каменья
За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье.
Ваша воля, ваша власть,
Что угодно, то устрой.

Глубоко задумаешься, и разгадать не можешь, что за тайна русскаго народа, судьбы народной высказалась въ этихъ странныхъ историческихъ метаморфозахъ или персонофикаціяхъ народнаго духа. *Снизу, изъ массъ народныхъ*, выходили, цѣлыя полтора столѣтія, *самозванцы-цари*, по характеристическому выраженію лѣтописи XVII вѣка, *играли царемъ*, и во имя свободы, льготъ матерьяльныхъ, житейскихъ, магически увлекали массы громко заявляли о массѣ народной передъ всей Россіей, будили, пугали

всѣхъ, сильно занимали царей и правительство; податныя, крѣпостныя, служилыя массы крестьянства, которыхъ почти вовсе невидно, не слышно было въ исторіи со временъ Стеньки Разина, вдругъ и громко выступаютъ на сцену исторіи, ворочаютъ цѣлымъ краемъ имперіи, идутъ съ своимъ самозваннымъ царемъ — бѣглымъ казакомъ-раскольникомъ, и ужасаютъ правительство! Съ другой стороны, опять почти цѣлое столѣтіе, являются другіе самозванцы—христы, пророки, искупители, освободители, пастыри, учители и проч., и отрицая многія библейскія книги, византійскія или православно-восточныя преданія, отрицая великороссійскую церковь съ ея іерархіей, священниками, съ таинствами, проповѣдуютъ свои свободныя религіозныя мнѣнія, распространяютъ демократизмъ и религіозный и гражданскій, подъ знаменемъ религіи христовой, православной и также сильно затрогиваютъ церковь православную и духовное правительство! Да, что-нибудь да значатъ въ исторіи народной, въ развитіи духа и міросозерцанія, стремленій и идеаловъ народныхъ что-нибудь значатъ такія чудовищныя явленія, какъ пугачевщина, христовщина, селивановщина, самозванство политическое и самозванство религіозное...

Въ то время какъ массы находились въ такомъ хаотическомъ движеніи, когда и пугачевщина не завоевала имъ воли, и мистико-идеалистическая, миѳически-пророчественная селивановщина не облегчала земной, ежедневной, деннонощной, злой неволи, — въ это время возникло согласье бѣгуновъ. Оно не заносилось, какъ селивановщина, за седьмыя небеса, не носилось на колесницахъ огненныхъ по облакамъ, не мечтало о таинственномъ воскресеніи и искупленіи душъ, какъ мистическія, пророчественныя секты. Оно прямо и твердо стало на землю, даже говорило о *владѣніи землями, рѣками и усадьбами* — въ пользу народа. Оно указывало податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ путь спасенія не отвлеченный, не мистическій, а чисто *земной*, и притомъ ужъ указанный народной исторіей путь *бѣгства, странничества, скрытія*. Бѣгство и скрытіе было уже фактическимъ, дѣйствительнымъ самоосвобожденіемъ отъ всякихъ сдержекъ и тягостей житейскихъ и политическихъ, домашнихъ и общественныхъ; было не словеснымъ и не мистико-созерцательнымъ, а реальнымъ, практически-жизненнымъ, дѣятельнымъ, демократически-оппозиціоннымъ отрицаніемъ всякой крѣпостности и помѣщичества, и ревизской и казенно-податной и церковной; было фактическимъ, дѣйствительнымъ самоисключеніемъ изъ списка подданныхъ крѣпостныхъ, податныхъ и служилыхъ рабовъ имперіи и сыновъ церкви. Равнымъ образомъ, не надѣясь, подобно пугачевщинѣ, разомъ тряхнуть Москвой, ниспровергнуть ненравившійся политическій и церковный порядокъ, согласье бѣгуновъ возвѣстило принципъ постепеннаго и постояннаго, личнаго и общесогласнаго отрицанія этого порядка бѣгствомъ отъ него, принципъ постепенной подготовки простого народа къ политической борьбѣ, посредствомъ странствующей пропаганды, странствующихъ наставниковъ массъ народныхъ. «Браться подобаетъ съ антихристомъ, говорили бѣгуны, но до времени открытой брани съ нимъ браться нельзя, а подобаетъ только браться противленіемъ его волѣ и неисполненіемъ его законовъ; а когда придетъ

время открытой брани, тогда всякъ, иже убіенъ будетъ, получитъ вѣнецъ, какой не получалъ никто изъ мучениковъ». Таковы главныя, общія стремленія бѣгуновъ.

Съ такимъ ученіемъ выступилъ на путь пропаганды и самъ Евфимій, основатель согласья бѣгуновъ. Своими сочиненіями онъ первый положилъ основаніе и догматикѣ ихъ. Черезъ два года Евфимій съ Ириной Федоровой возвратился изъ костромскихъ лѣсовъ въ Ярославль, и снова началъ распространять и утверждать свое ученіе и согласіе. Въ то же время, для руководства, изложилъ основные пункты своего ученія въ письменныхъ сочиненіяхъ. Въ 1784 г. онъ издалъ *лицевой апокалипсисъ* съ картинами и съ своими толкованіями. Въ картинахъ этихъ онъ наглядно для простого народа изобразилъ свое ученіе: *антихристъ съ короной* у него означалъ верховную власть, *лжепророки антихристовы*, изображенные въ лицахъ, означали духовную и гражданскую власть, служащую антихристу. Незадолго передъ смертью Евфимій написалъ *Цвѣтникъ*. Здѣсь онъ довольно подробно изложилъ свое ученіе—сущность и основаніе согласья бѣгуновъ. Въ 1792 году Евфимій умеръ въ Ярославлѣ, въ домѣ купчихи Пастуховой, и похороненъ былъ по странническому обычаю, въ ямскомъ лѣсу. Съ тѣхъ поръ послѣдователи согласья бѣгуновъ каждый годъ, въ день смерти Евфимія, служатъ панихиду за упокой его души.

Изложимъ теперь сущность ученія Евфимія, на основаніи его «Цвѣтника».

Съ 1666 года, училъ Евфимій, настало въ россійскомъ государствѣ царство антихриста. Патріархъ Никонъ лжепророкъ антихриста, имя его Никита, или по гречески *Никитос* (50, 8, 20, 8, 300, 10, 70, 200=666) [1], означаетъ число звѣрино 666, знаменующее имя антихриста. Съ 1666 года священнослужители суть демоны, демонскія тѣлеса, уста звѣрины; духовная власть служитъ антихристу; новопечатныя книги, какъ-то псалтырь, евангеліе, соборное дѣяніе, жезлъ, скрижаль, увѣтъ, пращица и другія, суть ученіе дьявольское.

«Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ далѣе Евфимій, былъ первымъ рогомъ двурожнаго звѣря, послѣднимъ же рогомъ былъ сынъ его Петръ I». На Петра I Евфимій, какъ и всѣ другіе расколо-учители федосѣевскіе, филиповскіе и другіе, излилъ всю горечь своего недовольства и ученья. «Петръ I, пишетъ онъ, воцарился антихристомъ въ россійскомъ государствѣ. На римскомъ языкѣ *императоръ* пишется *иператоръ* и заключаетъ въ себѣ число звѣрино. Въ семъ гордостномъ князѣ міра сего заключается быть первый тейтанъ, презлѣйшій и преисподній бѣсъ. Всѣ повинующіеся императору антихристу заклеймены его печатью, отрицаются Христа и предаются дьяволу. Петръ I есть чувственный антихристъ. Всѣ его повелѣнія ложны, законопреступны и богопротивны. Обложивъ денежнымъ окладомъ православныхъ, онъ записалъ ихъ въ еретики. Чувственные бѣсы, посланные антихристы учинили народную перепись, назвали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежнымъ

[1]) Вычислено по славянскому численному значенію буквъ.

окладомъ [1]). Бѣсовскіе полки воинскія и гражданскія власти исполнили царскіе указы отъ 8 февраля 1716 и 2 марта 1718 годовъ».

Особенно достойны вниманія нападки Евфимія на слѣдующія реформы и нововведенія Петра I. «Онъ, говоритъ Евфимій, уничтожилъ до конца древніе остатки благочестивыхъ обычаевъ, возобновилъ, на мѣсто ихъ, языческіе поганскихъ вѣръ обычаи, какъ-то: бритье бороды, народныя переписи, раздѣленіе человѣкъ на разные чины, размежеваніе земель, рѣкъ и усадьбъ, завѣщая каждому наблюдать свою часть, а другому не давъ ничего; учрежденіе цеховъ и гильдій и введеніе разныхъ богопротивныхъ изъ латынскихъ и нѣмецкихъ странъ установленій, чѣмъ возстановилъ онъ междоусобную брань, сваръ и бой.

Со времени Петра I, училъ далѣе Евфимій, царская власть—икона сатаны; всѣ, повинующіеся царской власти, кланяются иконѣ сатаны. Воинскія и гражданскія власти антихриста нынѣшняго времени суть образъ звѣря, чувственные бѣсы, иконы сатаны, обладающія душами человѣческими, принуждающія въ погибельную ересь, укрѣпляемую царями и князьями вѣка сего».

Изъ всего этого взгляда и ученія Евфимій выводитъ свой основной, главный догматъ о необходимости спасаться бѣгствомъ отъ антихриста и всѣхъ его властей и порядковъ. Проклятіями грозилъ онъ тому, кто не будетъ противиться власти антихриста и спасаться отъ нея бѣгствомъ.

Малосодержательно, голословно и даже пустословно ученіе бѣгуна Евфимія, но и оно послужило плодотворнымъ сѣменемъ для послѣдующаго развитія историко-демократической догматики бѣгуновъ. Съ тѣхъ поръ оно породило нѣсколько религіозно-политическихъ сочиненій бѣгуновъ, которыя дальше будутъ разсмотрѣны по порядку. Какъ ни пустословно было ученіе Евфимія, но для массы народной оно было вполнѣ достаточно, убѣдительно. Умы и сердца народныя оно за живое затрогивало. Массѣ не нужно было многословное изложеніе близкихъ ея сердцу и опыту предметовъ, ненуженъ равнымъ-образомъ и тонкій, отвлеченно-теоретическій анализъ. Массѣ, въ насущныхъ вопросахъ въ жизни, нужны только положенія, указанія. Нужно только задѣть, указать, выставить на видъ тѣ вопросы или факты, которые народъ на себѣ испыталъ, тяжко прочувствовалъ, прострадалъ, — и этого достаточно, чтобъ увлечь массу народную. Таково было и ученіе Евфимія бѣгуна. Однимъ основнымъ догматомъ о бѣгствѣ отъ всего тяготящаго въ государствѣ, объ отреченіи отъ всѣхъ властей и ихъ предписаній и требованій, о самоисключеніи, самоосвобожденіи посредствомъ бѣгства изъ списка подданныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, служилыхъ имперіи, — однимъ этимъ всеобъемлющимъ догматомъ Евфимій магически увлекалъ народъ, и безъ того склонный къ бѣгству отъ разныхъ тяготящихъ условій, замыкающихъ, удушливо-тѣснящихъ обстановокъ горемычнаго быта.

Услышавъ такое, за-живое затрогивающее ученіе, крестьяне, мѣщане, купцы, солдаты, недовольные своимъ бѣдственнымъ угнетеннымъ

[1]) Указъ 1715, 16 и 18 гг. п. с. з. т. V, №№ 2889, 2991, 2996 и 3232.

положеніемъ, толпами устремились въ бѣгство, въ согласье бѣгуновъ. Горько-думная житейская искушенность, горько прочувствованныя, горько прожитыя тяготы, горе жизни, несвободнаго труда, труднаго семейнаго прокормленія, подати, рекрутчины, фабричной и заводской безхозяйственной замкнутости, помѣщичьяго ига, чиновничьихъ нападокъ, обидъ и грабительствъ, цеховой и гильдейской закрѣпленности, безземельнаго тяжелаго пріобрѣтанья средствъ жизни и казенныхъ уплатъ, — все это разомъ затронуто было ученіемъ Евфимія и согласья бѣгуновъ. Все это и прежде такъ и наводило само собою на мысль, что бѣгство, отрицаніе на дѣлѣ всего того, что тяготитъ жизнь,—единственный путь спасенья и свободы. Крестьянинъ, съ котораго вымучивали подушную подать, или котораго тѣснилъ помѣщикъ, становой, — шелъ въ бѣгуны. Сынъ крестьянина, молодой, работящій парень, только-что хотѣвшій жениться или ужъ и женившійся, только-что обзаведшійся избушкой, хозяйствомъ, и вдругъ, наѣздомъ военной команды, отторгнутый отъ дома, забритый въ рекруты, бѣжалъ въ бѣгуны. Мѣщанинъ, записной замкнутый рабъ цеха, едва кормившійся своимъ кругомъ стѣсненнымъ ремесломъ, только-что едва смогшій уплатить выдавленную подушную подать, и ждавшій рекрутчины, бѣжалъ въ бѣгуны. Купецъ, своимъ потовымъ трудомъ нажившій капиталецъ, изъ крестьянъ записавшійся въ купцы, въ гильдію, кругомъ испытывавшій придирчивое обирательство, сверхъ пошлинъ, придирчивое насильственное закрытіе лавокъ, торга, безгласный въ шестигласной думѣ, рабъ гильдіи и чиновничества, до освобожденія купечества отъ рекрутства долженствовавшій за себя поставить рекрута, терпѣвшій отъ начальниковъ и военнослужащихъ чиновъ ругательства, побои и проч., купецъ этотъ записывался въ бѣгуны *мірскіе жиловые* и становился самъ покровителемъ, *пристанодержателемъ* странствующихъ бѣгуновъ, помощникомъ ихъ пропаганды. Солдатъ, оторванный отъ родины, отъ жены и дѣтей, изъ далекой губерніи, солдатъ бѣжалъ въ бѣгуны. Однимъ словомъ, согласье бѣгуновъ возвѣстило, открыло широкій, просторный путь для всѣхъ угнетенныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, чернорабочихъ и служилыхъ классовъ народа.

А какой просторъ открыло согласье бѣгуновъ молодымъ кипучимъ натурамъ, удалымъ буйнымъ молодцамъ! Все, что сдерживало жизнь, давило широкую грудь молодца — все бѣгунство сбрасывало. Изъ душной мастерской или фабричной онъ бѣжалъ бѣгуномъ въ лѣсъ отдохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Я сокроюсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрями,
Тамъ я стану жить...
Тамъ пріятный — воздухъ чистъ,
И услышу птичій свистъ.
Нѣжны вѣтры тамо дышутъ
И токи водъ журчатъ.

Крушило горе, давила кручина молодца, — онъ бѣжалъ бѣгуномъ въ пустыню.

Съ горя, со кручины,
Я пойду же разгуляюсь,
Во прекрасной во пустынѣ.
Моя матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Пріими меня пустыня
Со премногими грѣхами,
Со горячими слезами...
Принимаетъ же пустыня
На свои-то бѣлы руки,
Яко мати свое чадо...
И отвѣщаетъ мать-пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
И охъ ты, гой еси, младой юношь!
Тебѣ въ кельѣ не сожити,
Черна платья не сносити.
У меня же во пустынѣ
Нѣту сладкіе-то пищи,
У меня же во пустынѣ
Нѣту питія медвина,
У меня ли во пустынѣ
Нѣту свѣтнаго-то платья.
У меня ли во пустынѣ
Нѣту свѣтлыя палаты,
У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться.
Что возговоритъ младый юношь:
Охъ ты матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Прими меня къ себѣ жити
Мнѣ-ка сладкая-то пища
Мнѣ гнилая-то колода,
Мнѣ-ка питія медвина
Мнѣ горька вода болотная,
Мнѣ-ка цвѣтное-то платье
Эта черна схима,
Мнѣ-ка свѣтлая палата
Эта мала хата,
Мнѣ-ка слово-то промолвить
Съ тобою же пустыня.
Я пойду же, разгуляюсь
По зеленой по дубравѣ.
Отвѣщаетъ мать-пустыня
И архангельскимъ своимъ гласомъ:
Ой, ты юношь, какъ стоскуешься, младой,
Придетъ тогда весна красна,
Налетятъ тогда съ моря пташки,
Горемычныя кукушки.
И онѣ станутъ куковати,
Жалобы станутъ причитати,
А ты станешь слезно плакать...

Не утѣшила юношу пустыня. Тяжело, несносно было молодому юношѣ сидѣть въ темной, душной кельѣ монастырской. Тяжелъ, противенъ былъ монашескій, послушничій подрясникъ. Несносенъ былъ отеческій деспотизмъ игумена. Молодой инокъ сбрасывалъ черный подрясникъ, и бѣжалъ бѣгуномъ изъ монастыря.

Една сосенка стоитъ,
А подъ сосенкой при той
Молодой инокъ лежитъ,
Ничего не говоритъ.
Токмо плачетъ какъ рѣка,
Что пришла къ нему бѣда, бѣда не малая,
Что игуменъ гнѣвъ имѣлъ,
И соборомъ онъ смирялъ...
Не нечаянно пришла
Нестерпимая бѣда.
Куда же мнѣ и дѣтися,
Ой лучше разгулятися.
Какъ, идти мнѣ въ монастырь?
И прощенія просить?
Не хочу я у нихъ жить...
Пріѣзжали къ судьямъ,
Объявили мой побѣгъ,
Что я тайно у нихъ убѣгъ.
Вы прощайте, мои други,
Пѣвцы славны-крылошане.
Не хочу я у васъ жить,
Со всѣми съ вами я прощусь
И на вѣки разлучусь.
Прощай, славный монастырь,
Не хочу я въ тебѣ жить!..

Находился человѣкъ въ состояніи мистической экзальтаціи, мучилъ его страхъ смерти и отвѣтственности за грѣхи: онъ бѣгуномъ предавался подвигу странства. Онъ пѣлъ:

„Ничто же можетъ воспретити,
Отъ странства мя отлучити.
Пищи тако не алкаю,
Странствоваться понуждаюсь.
Не такъ жаждою смущаюсь,
Скитатися понуждаюсь.
Всему міру въ смѣхъ явлюся,
Токмо странства не минуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай спѣшно Сіона.
Тецы путемъ къ горню граду.
Плачи, душе, о томъ времѣ,
О грѣховномъ своемъ бремѣ,
Како будешь отвѣщати,
На судѣ страшномъ предстати.
Уже часъ дне сокращается,
Смертный часъ приближается...“

И не только давало исходъ всѣмъ недовольнымъ согласье бѣгуновъ, но и возводило въ демократическій догматъ горьковатые выводы народной горемычной жизни и вѣковой искушенности и практики. Подданныя, крѣпостныя, служилыя массы народа, горькимъ опытомъ своимъ, путемъ своей вѣковой жизненной практики невольно сами собой доходили до тѣхъ жизненныхъ выводовъ и ученій, до какихъ и лучшіе, просвѣщеннѣйшіе умы того времени доходили путемъ науки, теоріи, раціональныхъ соображеній и идей. Такимъ практическимъ, саможизненнымъ путемъ, по непосредственному опыту, массы дознавали многія политико-экономическія истины, и саможизненно, фактически, страдальческимъ исповѣдничествомъ, путемъ горькихъ протестацій, выразили эти истины, основали особыя согласія, пропаганды для уясненія, дальнѣйшаго развитія и распространенія этихъ истинъ. Ихъ самородки-наставники, даровитые начитанные грамотники, только откликнулись на горько-жизненный вопль и стонъ податныхъ, крѣпостныхъ, рабочихъ и служилыхъ массъ, и пошли проповѣдниками многихъ такихъ идей, которыя въ то время зрѣли и въ наукѣ, и въ лучшихъ государственныхъ умахъ. Укажемъ для примѣра двѣ-три такихъ идеи Евфимія бѣгуна.

Вотъ, напримѣръ, Евфимій возсталъ противъ *учрежденія цеховъ и гильдій*. А кто изъ образованныхъ людей не знаетъ, что противъ цеховъ вооружался и такой знаменитый государственный человѣкъ, какъ Тюрго! А у насъ не вооружался ли противъ цеховъ и гильдій знаменитый Мордвиновъ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ: «Узаконяемое гдѣ-либо отъ правительства раздѣленіе упражненій человѣческихъ во всѣ времена и отъ всѣхъ народовъ, опытами дознаваемо было за главнѣйшую препону къ народному обогащенію, да и въ самомъ дѣлѣ дозволять одному промышлять тѣмъ, другому другимъ, не есть ли тоже самое, что предписывать предѣлы уму и дѣятельности человѣческой: учреждать частную каждаго пользу, ему одному могущую быть извѣстною, тѣснясь волею, обстоятельствами измѣняемую и зависящую отъ обладаемыхъ каждымъ способомъ дѣйствія, содѣлывать постоянными частныя упражненія, когда все вокругъ человѣка измѣняется и не удерживается въ постоянствѣ ни естественнымъ ходомъ вещей, ни правительственными законоусиліями? Не есть ли тоже самое, что дозволять одному употреблять ноги свои, другому руки, третьему умъ, и подвергать наказанію за малѣйшее отступленіе отъ узаконеннаго разряда, сколько бы онъ ни стѣснителенъ былъ для личныхъ каждаго пользъ. Въ Россіи раздѣленіе на гильдіи учрежденно было между-прочимъ съ намѣреніемъ извлечь изъ того казенный доходъ; но какъ по приведеннымъ здѣсь основаніямъ, всякое раздѣленіе останавливаетъ успѣхи народнаго обогащенія, то можно утвердительно сказать, что доколѣ у насъ торговля и внутренняя промышленость не получатъ совершенной свободы съ предоставленіемъ заниматься оными всѣмъ сословіямъ народа, безъ всякаго различія и безъ всякаго со стороны правительства участія и притязанія, до тѣхъ поръ Россія не достигнетъ цвѣтущаго состоянія» и т. д. Мордвиновъ доказываетъ вредъ для торговли, промышлености раздѣленія на цехи и гильдіи торговцевъ и ремесленниковъ. Въ статистикѣ Кольба

тоже справедливо сказано о нашихъ цехахъ и гильдіяхъ: «Цеховыя учрежденія въ Россіи обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ... Ремесленныя управы для усиленія ремесленныхъ сборовъ простирали свои требованія о запискѣ въ цехи не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заведенія, снабженныя льготными свидѣтельствами и даже непризнанныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно размножали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нисколько несходныя производства [1]) не только ремесленныя, но и фабричныя, стараясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкій фабрикантъ, попавшій однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерею времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ явнымъ неудовольствіямъ и спорамъ... Гильдіи имѣютъ не только матерьяльно, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. Ограничивая размѣрами объявленнаго капитала дѣятельность каждаго торговца, опредѣляя ими ихъ право и значеніе, онѣ, во-первыхъ, удаляютъ многихъ честныхъ и способныхъ людей съ торговаго поприща, закрывая, напримѣръ для нихъ заграничную торговлю; во-вторыхъ, пріучаютъ купца смотрѣть на свое ремесло только какъ на средство добывать всѣми возможными путями деньги; подрываютъ всякія нравственныя основы въ этомъ сословіи и всякую сословную гордость и честь; дѣлаютъ изъ купца, по выраженію «Вѣстника промышленности», «мѣшокъ съ золотомъ», которому воздаются почести до тѣхъ поръ, пока на немъ есть ярлыкъ, свидѣтельствующій о богатствѣ этого мѣшка; притомъ почести, сообразныя съ цифрою, выставленною на ярлыкѣ. Наконецъ, гильдіи, по крайней неравномѣрности налога, стѣсняютъ чрезмѣрно мелкихъ торговцевъ и чрезмѣрно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Отсюда происходитъ неравномѣрность: купецъ, торгующій по 3 гильдіи съ капиталомъ 3,000 р. и получающій на него 20% (600 р.), отдаетъ 1/4 или 25% своего дохода; тогда какъ купецъ 1 гильдіи, торгующій на 300,000 р. и получающій дохода 10% или 30,000 р. с., платитъ съ него только 2%.

Далѣе бѣгунъ Евфимій возстаетъ противъ *раздѣленія человѣкъ на разные чины*. Это нападки на *табель о рангахъ* или на чиновную іерархи-

---

1) Въ 1850 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при с.-петербургской ремесленной управѣ, между-прочимъ, поименованъ цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клеёночнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный занесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный, помадное, горчичное и ваксильное производства; въ цехъ шорный, ватное и прядильное. Подобное же причисленіе самыхъ рознородныхъ производствъ къ разнороднымъ цехамъ было въ Москвѣ, въ числѣ 24 цеховъ.

ческую градацію и раздѣленность народа, и вообще на *сословное разъединеніе земства.* Если въ наше время начала гуманности и реформы уничтожили безконтрольность и самовластіе, то не такъ было въ то смутное время. Податныя, крѣпостныя и вообще простыя массы такъ называвшагося въ прошломъ столѣтіи *подлаго народа*, испытали весь гнетъ, все стѣснительное преобладаніе надъ собой высшихъ сословій—военнаго офицерства и генералитета, духовнаго сословія — церковной іерархіи и чиновничества. Печальный результатъ сословнаго устройства — антагонизмъ сословный, въ эпоху Евфимія-бѣгуна, выразился болѣзненно и страшно въ пугачевщинѣ.

При Екатеринѣ II, въ то время когда жилъ бѣгунъ Евфимій, началось и генеральное размежеваніе земель, но производилось дурно и чрезвычайно медленно. Народу, не терпѣвшему въ то время ревизіи душъ, народнаго описанія, и межеваніе, расписаніе русской земли казалось нарушеніемъ его изстаринныхъ земскихъ правъ.

Въ ревизіи душъ народъ сразу понялъ нарушеніе права общинъ въ дѣлѣ народныхъ переписей, прикрѣпленіе свободныхъ крестьянъ и общинъ не только къ государству, но и къ личности помѣщиковъ, понялъ лишеніе крестьянъ воли [1]). Въ старой Россіи, право землевладѣнія было общенародное, общинное и личное. Не только крестьяне и сельскія общины, служилые люди, но и гости или купцы и посадскіе, монастыри, церкви, владыки, священно и церковно-служители, всѣ имѣли право владѣть землею. Съ XVIII вѣка, когда земля окончательно обращена была въ крѣпостную собственность имперіи, короны и дворянства, для прочихъ классовъ народа чрезвычайно затруднено и даже невозможно стало землевладѣніе. И купить земли не всѣ имѣли право. Отсюда произошли разные безземельные классы народа: мѣщане, литераторы, художники, ученые и т. п. Если они не принадлежали къ высшему дворянству и были безъ средствъ и связей,— имъ крайне трудно и даже невозможно было пріобрѣсти землю, хотя бы они тоже были личные дворяне. Отсюда большая часть городскихъ жителей, не имѣя постояннаго, вѣрнаго источника жизненныхъ средствъ, съ трудомъ могла пріобрѣтать насущное обезпеченіе. Въ особенности, какъ мы видѣли, мѣщане страдали и донынѣ страдаютъ отъ безземелья. Понятно послѣ этого, почему именно бѣглый мѣщанинъ Евфимій возсталъ противъ лишенія земли.

III

Основанное Евфиміемъ согласье бѣгуновъ быстро распространилось почти по всѣмъ великорусскимъ губерніямъ и въ Сибири. Оно открыло податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ народа новый, широкій путь противо-церковной и противо-правительственной оппозиціи, стало своеобразнымъ и сложнымъ наростомъ и скопленьемъ новыхъ, народныхъ

[1]) Бѣгунъ Евфимій въ своемъ „Цвѣтникѣ" отрицалъ и поголовныя народныя переписи или ревизію душъ, такъ же какъ отрицаютъ и другіе старообрядцы. Объ этомъ будетъ рѣчь дальше, при разборѣ другихъ сочиненій бѣгуновъ.

оппозиціонныхъ элементовъ. Перечисляя первыхъ послѣдователей согласья бѣгуновъ, мы видимъ въ немъ, какъ и во всѣхъ прочихъ согласьяхъ раскола, опять все крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, преимущественно происходившихъ изъ крестьянъ, или бывшихъ съ ними въ родственныхъ, либо торговыхъ связяхъ, и солдатъ-дезертировъ.

Исходными пунктами согласья бѣгуновъ были—село Сопелки, на берегу Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ г. Ярославля [1]), и деревня Малышева, въ четырехъ верстахъ отъ Сопелокъ. По смерти старца Евфимія, ученица его Ирина Федоровна поселилась въ Сопелкахъ, у крестьянина Петра Семенова Крайнева, и вмѣстѣ съ нимъ продолжала дѣло Евфимія. Сначала она окрестила въ странническое согласье самого Крайнева, переименовавъ его Севастьяномъ, и родственника его ярославскаго купца Полетаева, происходившаго изъ крестьянъ села Сопелокъ и женившагося на дочери Крайнева. Потомъ окрещены были Ириной Федоровой жители села Сопелокъ—крестьянинъ Яковъ Яковлевъ и купецъ Филипъ Курочкинъ съ матерью и женой, проживавшій въ селѣ Сопелкахъ. Въ 1812 году бѣжалъ изъ Ярославля, по наученію Крайнева, мѣщанинъ Михайло Федоровъ Чагринъ, поселился въ селѣ Сопелкахъ у Крайнева и былъ имъ перекрещенъ въ согласье бѣгуновъ, подъ именемъ Мокея. Этотъ Чагринъ странствовалъ впродолженіи двадцати-пяти лѣтъ, въ 1836 году былъ пойманъ въ деревнѣ Исакова, въ вотчинѣ графа Киселева, и по суду приговоренъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край за непризнаніе царя, за дерзкія выраженія противъ церкви и правительства и за бродяжничество. Но обманомъ вывернулся изъ острога, и снова сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ ученія Евфимія. Онъ, Егоръ Егоровъ, ученикъ Евфимія, и Севастьянъ Крайневъ стали главными распространителями толка бѣгуновъ въ Ярославской губерніи. Скоро явилось и много другихъ наставниковъ по обѣимъ сторонамъ Волги.

Подъ вліяніемъ этихъ и другихъ учителей страннический толкъ распространился въ самой большой части ярославскихъ селъ. Напримѣръ, въ приходѣ села Сопелокъ это ученіе принято было въ деревнѣ *Ярцевѣ*—вотчинѣ Кокошкина и въ деревнѣ *Алексѣевой*—Арнаутова. Изъ Сопелокъ, по правой сторонѣ Волги, ученіе бѣгуновъ распространилось преимущественно въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ Мятлевой, что въ восьми верстахъ отъ села Сопелокъ, въ деревняхъ: *Голенищевѣ*, *Кочаевѣ*, *Тимохинѣ*, *Борисовѣ* и *Телищевѣ*, гдѣ оно смѣшалось съ федосѣевскою сектою, во всемъ *кра-*

[1]) Село Сопелки прежде принадлежало помѣщику фонъ-Мертенсъ. Теперь жители его свободные хлѣбопашцы и управляются выборными изъ своихъ крестьянъ. Промышленностью особенной они никакой не занимаются; только семейства Пановыхъ, Гурьяна Степанова и нѣкоторыхъ другихъ имѣютъ свои суда и торгуютъ хлѣбомъ и лѣсомъ. Несмотря на то, всѣ крестьяне села Сопелокъ зажиточны. Двое изъ крестьянъ, Курочкинъ и Полетаевъ, записались въ купечество и очень богаты. Жители Сопелокъ всѣ безъ исключенія придерживаются страннического согласья, и всѣ занимаются пристанодержательствомъ. До 1850 года, т.-е. до начала дѣйствій слѣдственной коммиссіи о бѣгунахъ, скрывалось, въ Сопелкахъ до ста человѣкъ бѣглыхъ раскольниковъ и въ томъ числѣ до двадцати военныхъ дезертировъ.

сносельскомъ приходѣ, въ которомъ господствующая секта—филиповщина. Село Красное находится близъ границъ Костромского и Нерехтскаго уѣздовъ, въ сорока-пяти верстахъ отъ г. Ярославля. Въ приходѣ этомъ появились бѣгуны въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ графа Киселева—*въ селѣ Красномъ*, въ деревняхъ: *Исаковѣ*, *Лобастовѣ* и *Усковѣ*, въ вотчинѣ графа Мамонова—въ деревняхъ: *Юрьевской*, *Петраковѣ*, *Гридинѣ*, *Мигачевѣ*; въ вотчинѣ Хомутова и Лукьянскаго, въ деревняхъ: *Ченцовѣ*, *Кстовѣ*, *Ивановской*, въ вотчинѣ Толбучина, въ деревнѣ *Мячковѣ*, въ приходѣ села Новаго, въ вотчинѣ Ольхиной, въ деревняхъ: *Гашкахъ*, *Дубкахъ*, *Борисовѣ*, *Тимоновѣ*, и въ приходѣ села *Туношны*—въ вотчинѣ графа Воронцова. Группа деревень, находящихся на правой сторонѣ отъ дороги изъ села Туношны въ городъ Нерехту, и составляющихъ приходы селъ *Высоцкаго*, *Сеславина* и *Михайловскаго*, представляютъ особый пунктъ сопелковской пропаганды бѣгуновъ. Въ этой мѣстности странническое ученіе особенно распространено въ вотчинѣ генерала Кокошкина, въ деревнѣ *Торговцовой* и князя Юсупова, въ деревнѣ *Облезцовѣ*, въ которыхъ всѣ жители занимаются пристанодержательствомъ; точно также въ деревнѣ *Измайловой*, вотчинѣ того же князя Юсупова, въ деревнѣ *Федоровой*—вотчинѣ Кокошкина, въ деревняхъ *Погорѣлкѣ* и *Мутовкѣ*, вотчинѣ Сорохтина, въ деревнѣ *Скородумкѣ*, вотчинѣ Хомутова, въ деревнѣ *Шарупиной*, вотчинѣ Осокина, въ селѣ *Сеславинѣ*, Комаровскаго, въ селѣ *Бурмакинѣ* и въ деревнѣ *Щипцовѣ*, вотчинѣ Воронцова. Наконецъ, по той же линіи, ученіе Евфимія распространилось въ казенной кобыльской волости, преимущественно въ деревняхъ: *Дудкинѣ*, *Харловѣ*, *Докукинѣ*, *Жилинѣ*, *Рыковѣ*, въ селѣ *Вышеславскомъ*, въ деревнѣ *Прошенинѣ* и др.—По лѣвой сторонѣ Волги ученіе сопелковской секты распространилось въ Ярославскомъ уѣздѣ до самыхъ границъ Даниловскаго и Романоборисоглѣбскаго уѣздовъ, въ деревняхъ прусовскаго прихода, находящихся противъ села Сопелокъ, на противоположномъ берегу Волги—въ деревнѣ *Филимоновѣ*, вотчинѣ Перепелкина, въ деревнѣ *Терентьевской*, вотчинѣ Патрикѣева и *Семеновой*, вотчинѣ Ханыкова, въ вотчинахъ Васильева и Власьевой, въ деревняхъ прихода Городицъ: *Боркахъ*, *Невѣровѣ*, *Ивановской* и *Бичетниковѣ*, въ вотчинѣ Кутайсовой, въ приходѣ села Печелокъ, особенно въ деревняхъ *Вахрушевѣ* и *Игнашинѣ*, наконецъ, въ деревняхъ казенной григорьевской волости и въ вотчинѣ графа де-сантъ-Антуанъ-Обрѣзкова, преимущественно въ деревняхъ *Дудкинѣ*, *Скомороховѣ*, *Бычковѣ*, *Островкахъ*, *Аграфенинѣ*, въ селѣ *Гавшинкахъ*, въ дер. *Юркинѣ* и другихъ.

Такъ въ одномъ Ярославскомъ уѣздѣ, въ первомъ станѣ до восьмидесяти-трехъ селъ и деревень стали пріютомъ согласья бѣгуновъ. Судя по этому, можно отчасти представить степень распространенія его и въ другихъ уѣздахъ и станахъ Ярославской губерніи.

Изъ того же села Сопелокъ ученіе бѣгуновъ проникло въ Костромскую губернію. Начатки его тамъ посѣяны были уже отчасти самимъ Евфиміемъ. Потомъ около 1812 г. прибыли въ село Сопелки изъ села Краснаго, Костромского уѣзда, вотчины князя Вяземскаго, бѣглые раскольники филиповской секты—Родіонъ Михайловъ съ отцомъ своимъ Михайломъ Тихоновымъ, и были крещены и приняты въ согласье бѣгуновъ

Мокѣемъ Федоровымъ. Въ 1824 г. прибылъ въ Сопелки изъ Костромской губерніи крестьянинъ села Сидоровскаго, Кинешемскаго уѣзда, по отцѣ Андріановъ, былъ крещенъ наставникомъ Родіономъ Михайловымъ и по начитанности скоро самъ сдѣлался наставникомъ. Спустя нѣсколько времени туда же прибыли изъ костромского села Краснаго двѣ женщины, Авдотья и Анна, для узнанія ученія Евфимія. Послѣ бесѣды и совѣщанія съ сопелковскими старцами онѣ пригласили къ себѣ въ Костромскую губернію наставника Михайла Андреева. При помощи этого учителя, въ короткое время, онѣ увлекли въ странническое согласье много селеній около села Краснаго, что въ тридцати-пяти верстахъ отъ Костромы, и около заштатнаго города Плеса: цѣлыя семейства, поголовно, сманивали онѣ въ въ новое согласье. Такимъ образомъ, ученіе Евфимія быстро распространилось по уѣздамъ Костромскому, Нерехтскому и Кинешемскому.

Изъ Нерехтскаго уѣзда согласье бѣгуновъ проложило себѣ дорогу во Владимірскую губернію. Здѣсь оно преимущественно распространилось въ Шуйскомъ уѣздѣ и дошло до знаменитаго села Иванова. Далѣе, ученіе Евфимія простерлось внизъ по Волгѣ, въ Нижегородскую губернію, въ Балахнинскій уѣздъ, въ Казань, въ Симбирскъ. Есть извѣстія, что сопелковская пропаганда пріобрѣла послѣдователей въ Алатырскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, въ селѣ Іевлевомъ, въ которомъ расколъ въ высшей степени развитъ; въ селѣ удѣльнаго вѣдомства — Кладбищѣ, въ жигулевскихъ горахъ Сызранскаго уѣзда. Далѣе ученіе бѣгуновъ простерлось въ Самару и въ Саратовъ. Усердный приверженецъ его, сопелковскій купецъ Курочкинъ и одинъ изъ сыновей купца Полетаева часто проживалъ въ городѣ Самарѣ; другой же сынъ Полетаева — на пристани села Майны. Купцы эти, крестьянинъ Гурьянъ Степановъ и другіе изъ жителей села Сопелокъ ежегодно отправляли свои суда въ тѣ губерніи за хлѣбомъ, и на этихъ судахъ, особенно на коноводныхъ машинахъ, перевозили бѣглыхъ раскольниковъ. Въ Саратовъ, впрочемъ, ученіе бѣгуновъ проникло еще до двадцатыхъ годовъ. Въ 1815 г. прибылъ изъ Саратова крестьянинъ Ярославскаго уѣзда, деревни Симоновской, нѣкто Симеонъ Шубникъ. Познакомившись съ сопелковскими бѣгунами, онъ сталъ имъ описывать всѣ удобства жизни въ Саратовѣ, возможность укрывательства въ садахъ, и предложилъ Иринѣ Федоровой, Доминикѣ Андреевой, дочери ярославскаго мѣщанина Душина, перекрещенной еще самимъ Евфиміемъ, Родіону Михайлову и его отцу Сергѣю Тихонову перейти на жительство въ саратовскіе сады. Тѣ согласились и ушли. Ирина Федорова и Доминика нашли пристанище въ саду купца Григорья Яковлева Крюкова, а Родіонъ Михайловъ и отецъ его скрывались въ буеракахъ у филиповцевъ. Тамъ они скрывались восемь лѣтъ. Наконецъ, Ирина Федорова и Родіонъ Михайловъ рѣшились возвратиться въ Ярославль и вновь явились въ Сопелки; Доминика же и Симеонъ отправились изъ Саратова въ Астраханскую губернію, гдѣ поселились въ камышахъ на берегу Каспійскаго моря. Тамъ они были пойманы: Симеонъ сосланъ въ Закавказскій край, а Доминика въ Сибирь на поселенье, гдѣ, по освобожденіи изъ тобольскаго острога, долго бродяжничала и, наконецъ, поселилась на жительство въ кельѣ, въ кійской волости,

въ Томской губерніи. Всѣ эти бѣгуны занесли ученіе Евфимія въ понизовый, прикаспійскій край.

Въ области верхней Волги, въ Тверской губерніи ученіе Евфимія-бѣгуна распространилось преимущественно съ 1835 года. Первымъ проповѣдникомъ его здѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ Кочевскаго уѣзда, деревни Завражья, вотчины Васильчиковой, Степанъ, по перекрещеньи Иванъ Кононовъ. Онъ, по возвращеніи изъ Ярославской губерніи, проповѣдывалъ сопелковское ученіе въ казенныхъ деревняхъ Калязинскаго уѣзда: Лебзинѣ, Клетинѣ, Костинѣ, селѣ Кимрѣ, деревнѣ Луканинѣ, Бобакиной и другихъ. Кононову помогалъ въ распространеніи ученія крестьянинъ казенной деревни Клетина Осипъ Федоровъ. Въ 1842 году тверскіе бѣгуны, крестьяне Корчевскаго уѣзда, нарочно съѣздили въ Сопелки и пригласили къ себѣ въ наставники Ермогена Кузьмина, жившаго въ то время въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кетовѣ, у крестьянина Якова Батыева. Ермогенъ Кузьминъ, сдѣлавшись наставникомъ тверской паствы, сталъ уже дѣйствовать систематически, пріобрѣлъ много пристаней или *мѣстъ*, по выраженію бѣгуновъ, въ Корчевскомъ и Калязинскомъ уѣздахъ. Въ то же время онъ распространялъ сопелковское согласье и въ Московской губерніи. Сюда онъ приглашенъ былъ богатымъ крестьяниномъ Дмитровскаго уѣзда, села Рогачева, Прохоромъ Григорьевымъ, который построилъ ему на свой счетъ двѣ кельи: одну въ своемъ домѣ, а другую въ деревнѣ Каменкахъ у знакомой женщины.

Въ Москвѣ евфимово или сопелковское ученіе распространилось съ самаго начала его появленія въ Ярославской губерніи. Въ Москвѣ преимущественно усвоили его тѣ купцы и мѣщане, которые происходили изъ крестьянъ Ярославской губерніи, или были въ родственныхъ связяхъ съ ярославскими сектаторами. Вліятельныхъ пропагандистовъ согласья бѣгуновъ до 1850 г. въ Москвѣ было до двѣнадцати человѣкъ.

Въ области сѣверной рѣчной системы ученіе бѣгуновъ проникло въ первые годы настоящаго столѣтія, а быть можетъ и ранѣе, еще при Евфимiѣ. Въ Новгородской губерніи оно распространилось въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія до 1808 года, и послѣ. Тамъ бѣгуны основали свою первую общину въ колотиловскомъ лѣсу, Устюжскаго уѣзда. Наставникомъ ихъ былъ старецъ шестидесяти лѣтъ, нѣкто Яковъ Яковлевъ, не объявлявшій своего рода. Отсюда они выходили на пропаганду по окрестностямъ. Въ ноябрѣ 1808 г. поймано было въ колотиловскомъ лѣсу двадцать девять человѣкъ, скрывавшихся въ кельяхъ. Исключая шести покаявшихся и прощенныхъ, всѣ прочіе вмѣстѣ съ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, послѣ заточенія въ устюжскомъ острогѣ, наказаны были кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ на каторжную работу. Изъ Устюжскаго уѣзда ученіе бѣгуновъ распространилось въ чаромскую волость Череповецкаго уѣзда, въ деревню Назарово.

Около 1813 года бѣглый раскольникъ филиповскаго согласья, изъ села Краснаго, Костромского уѣзда, Василій Петровъ, перекрестивъ самъ себя и переименовавшись Иваномъ, пошелъ съ проповѣдью ученія о бѣгствѣ и странствѣ въ Вологодскій уѣздъ. Здѣсь онъ успѣлъ основать

общину бѣгуновъ въ домшинской волости. Именитый учитель бѣгуновъ, Никита Семеновъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ Ярославской губерніи, не только утвердилъ и умножилъ общину домшинскую, но и распространилъ сопелковское ученіе по всей окрестной вологодской сторонѣ. Преимущественно оно укоренилось здѣсь въ двухъ деревняхъ казенной устиновской волости — Вахрушевой и Елданкахъ, и въ четырехъ деревняхъ домшинской волости, въ Вотеркахъ, Черневой, Матьковой и Микулинѣ.

Вслѣдствіе странствованія и проповѣди Никиты Семенова ученіе евфиміево или сопелковское перешло изъ Вологодской губерніи въ Олонецкую, въ Каргопольскій уѣздъ, и въ архангельскіе предѣлы. Сюда это ученіе занесено было кѣмъ-то еще прежде. Потому-что самъ Никита Семеновъ впервые усвоилъ его въ пустынѣ Архангельской губерніи, на Топьозерѣ, гдѣ досталъ «цвѣтникъ» Евфимія и самъ себя окрестилъ въ странство. Теперь, прибывши въ сѣверное поморье въ другой разъ, Никита Семеновъ самъ посѣялъ здѣсь новыя сѣмена согласья бѣгуновъ.

Въ Сибирь евфиміево ученіе внесено было ссыльными: новгородскимъ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, ученицей Евфимія, ярославской мѣщанкой Домникой Душиной и другими послѣдователями этого ученія. По водвореніи на поселеніе ссыльные бѣгуны обыкновенно опять уходили въ странство, клейма вытравливали разными средствами, иногда высасывали ртомъ, и съ фальшивыми видами ходили по западной Сибири. Иногда еще на пути въ Сибирь бѣгуны имѣли возможность разсѣивать свой толкъ, какъ, напримѣръ, Яковъ Яковлевъ, который дорогой видѣлся и бесѣдовалъ съ ярославскими вождями согласья — Мокѣемъ Федоровымъ и Ириной Федоровой. Кромѣ того, многіе бѣгуны и сами бѣжали въ привольную Сибирь и на дорогѣ устрояли пристани. Такимъ образомъ они посѣяли ученіе Евфимія и устроили пристани, напримѣръ, въ Курганѣ, Пермской губерніи, въ Кунгурѣ и особенно въ Тюмени, Тобольской губерніи, также на златоустовскихъ и топлинскихъ заводахъ. Тюмень стала даже исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ мѣстной, сибирской пропаганды согласья бѣгуновъ. Далѣе, въ западной Сибири, бѣгуны преимущественно распространялись въ Томской губерніи, въ кійской, боготольской и дмитріевской волостяхъ. Здѣсь они строили кельи въ горахъ по рѣкѣ Кіѣ, иногда въ глухихъ лѣсахъ или тайгахъ, и селились. Есть извѣстія, что бѣгуны сибирскіе даже со всѣми удобствами устраивають свои кельи въ лѣсу: имѣютъ свои поля, огороды, лошадей, однимъ словомъ, полное хозяйство. Странствующіе бѣгуны кормились и кормятся подаяніями богатыхъ поселенцевъ сосѣднихъ селъ и деревень, а лѣтомъ уходятъ на золотые пріиски. По недостатку наставниковъ сибирскіе странники часто перекрещиваются сами, почему въ народѣ называются *самокреванцами* или *скрытными*, по главному догмату согласья, повелѣвающему скрываться.

Такъ изъ исходнаго пункта — села Сопелокъ, путемъ бѣгства и странства, распространилось евфиміево или сопелковское согласье бѣгуновъ по большей части великорусскихъ губерній и въ Сибири. Сообразно съ такимъ географическимъ распространеніемъ и съ основнымъ догматомъ согласья бѣгуновъ, развивалось его внутреннее устройство и опредѣлился внутренній составъ.

Существенный догматъ согласья бѣгуновъ—бѣгство, странство и скрытіе. Это по ихъ ученію единственный путь спасенія отъ антихриста, единственный путь рѣшительнаго, фактическаго, дѣятельнаго и всежизненнаго, всецѣлаго отрицанья всякой государственной крѣпостности, крѣпостности правительственной, ревизской, паспортной, подушно-податной, служебной, помѣщичьей и церковно-іерархической. Отсюда первая обязанность всѣхъ пропагандистовъ, наставниковъ согласья бѣгуновъ, ходить, странствовать по Россіи и научать прежде всего бѣгству, странству и скрытію. Первая обязанность каждаго вступающаго въ согласье бѣгуновъ или странниковъ — обречься на странство. Эта обязанность такъ важна въ ученіи бѣгуновъ, что въ 1812—1813 г. между ними шли жаркіе споры о томъ, крестить ли вступающихъ въ ихъ согласье до выхода ихъ въ странство. Ревностные послѣдователи Евфимія упорно настаивали на томъ, что до выхода въ странство не должно крестить. При такой строгой обязательности странства и необходимости его для распространенія ученія бѣгуновъ, также обязательно и необходимо было, съ другой стороны, и скрытіе странствующихъ бѣгуновъ. Отсюда неминуемо вытекала необходимость убѣжищъ, пристаней для укрывательства странниковъ. И вотъ согласье странниковъ или бѣгуновъ раздѣлилось на два равно необходимые разряда: на странниковъ или бѣгуновъ *жиловыхъ*, *мірскихъ*, пристанодержателей, и на бѣгуновъ *странствующихъ*, бѣгствующихъ. Первые преимущественно выполняли обязанность *скрытія*, укрывательства и покровительства, вторые—обязанность *странства* и странствующей миссіи, пропаганды согласья бѣгуновъ.

Бѣгуны *мірскіе* или *жиловые*, большею частію богатые купцы и зажиточные мѣщане и крестьяне, живутъ въ городахъ и селахъ, вмѣстѣ съ православными въ своихъ домахъ. Для исполненія завѣтнаго догмата евфиміева о странствѣ они или только съ самаго начала, до перекрещенія въ странническое согласіе, предаются недолговременному и недалекому странству, или на старости лѣтъ передъ смертью просто только переселяются изъ дома въ домъ. Странство, бродяжничество для нихъ — одна только формальность. Главную же, священную обязанность ихъ составляетъ скрытіе и пристанодержательство. Почти всѣ жиловые или мірскіе бѣгуны—пристанодержатели странствующихъ бѣгуновъ, или бѣглыхъ странниковъ. Поэтому они особенно строятъ свои дома, приспособительно къ пристанодержательству. Сохраняя во всей наружности домовъ общій и старинный архитектурный типъ русскихъ построекъ, пристанодержатели бѣгуновъ обыкновенно устраиваютъ въ подизбицахъ, въ подпольяхъ, въ подклѣтяхъ или подгорницахъ, подъ сѣнями, иногда на чердакѣ особыя кельи и клѣти, въ которыхъ и проживаютъ бѣглые раскольники, странствующіе бѣгуны. Для удобства укрывательства ихъ въ домахъ сдѣлано нѣсколько тайныхъ входовъ, выходовъ, отверстій, лазеекъ, такъ что во время самаго обыска бѣгунъ можетъ незамѣтно увернуться, либо быстро перебѣгая изъ клѣти въ клѣть черезъ сокровенныя дверки въ заборахъ и стѣнахъ, либо живо приподнимая половицу и спускаясь подъ полъ. Иногда клѣти устраиваются на дворѣ или въ огородѣ, или въ садахъ, какъ,

напримѣръ, въ саратовскомъ и астраханскомъ краю, а иногда и въ полѣ. Усердные и богатые пристанодержатели, занимающіе удобную, просторную усадьбу, настраиваютъ иногда по нѣскольку клѣтей въ своихъ домахъ или около нихъ. По старинному писцово-крестьянскому обычаю клѣти эти называются *мѣстами*. Если странники говорятъ, что въ такомъ-то селеніи *есть мѣсто*, это значитъ незанятая келья или клѣть. Тѣ мѣстности, селенія или города, гдѣ жили извѣстные постоянные пристанодержатели, гдѣ находились средоточія мѣстъ, называются *пристанями* или станами. Такихъ пристаней и пристанодержателей много на всѣхъ путяхъ странствованія бѣгуновъ. Мы могли бы исчислить большую часть и селъ и городовъ, гдѣ до 1852 года были пристани бѣгуновъ, могли бы исчислить много и купцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ пристанодержателей, но считаемъ это излишнимъ и утомительнымъ для читателя. Укажемъ общими цифрами число пристаней и пристанодержателей въ разныхъ мѣстахъ до 1852 года. Въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ 1-мъ станѣ, въ 83 селахъ и деревняхъ считалось до этого года 248 пристанодержателей; во 2-мъ станѣ, въ норскомъ посадѣ, въ 5 деревняхъ 9 пристанодержателей; въ г. Ярославлѣ 27; всего въ 89 поселеніяхъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ обоихъ станахъ 284 пристанодержателя. Въ Романо-борисоглѣбскомъ уѣздѣ, въ 29 деревняхъ 72 пристанодержателя, да въ самомъ городѣ Романовѣ 2. Въ пошехонскомъ уѣздѣ, въ 40 деревняхъ 74 пристанодержателя, да въ городѣ Пошехоньѣ 3. Въ Даниловскомъ уѣздѣ, въ 9 деревняхъ 17 пристанодержателей и 1 въ г. Даниловѣ. Въ Рыбинскомъ уѣздѣ, въ г. Рыбинскѣ 3, въ одной деревнѣ (Кишкинѣ) 2. Въ г. Угличѣ 2, да въ селѣ Заозерьи 3 пристанодержателя. Въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Угодичи 1 крестьянинъ. Въ *Костромской губерніи*, въ 96 поселеніяхъ 122 пристанодержателя. Именно: въ Костромскомъ уѣздѣ, въ 16 деревняхъ 20 пристанодержателей; въ Кинешемскомъ уѣздѣ, въ 31 деревнѣ 30 пристанодержателей; въ Нерехтскомъ уѣздѣ, въ Плесѣ, заштатномъ городѣ, 14 пристанодержателей, да въ 48 селахъ и деревняхъ 57; въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, въ ячменской казенной волости 1 извѣстный. Во *Владимірской губерніи*, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановѣ, извѣстно было до 1852 года 10 пристанодержателей. Въ *Нижегородской губерніи*, въ Балахнинскомъ уѣздѣ, въ 3 селахъ 7 пристанодержателей. Въ *Московской губерніи*, въ самой Москвѣ извѣстно было 12 пристанодержателей — купцовъ и мѣщанъ; въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 8 деревняхъ 17 пристанодержателей. Въ *Тверской губерніи*, въ Корчевскомъ уѣздѣ, въ 17 деревняхъ 25 пристанодержателей. Въ *Вологодской губерніи*, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ 2 деревняхъ казенной устиновской волости—Вахрушевой и Елданкахъ 7 пристанодержателей; въ домшинской волости того же уѣзда, въ 4 деревняхъ до 5 пристанодержателей. Въ деревнѣ Вахрушевой главная пристань Никиты Симеонова. Въ *Тобольской губерніи*, въ Тюмени 4 пристанодержателя: у купца Якова Михайлова Опрокидникова, нынѣ умершаго, мѣсто для странниковъ устроено было при мыльномъ заводѣ, а другого купца за городомъ въ полѣ выстроенъ особый флигель исключительно для странниковъ. Далѣе, въ западной Сибири пристанодержатели находились въ Томскѣ, въ бывшемъ селѣ Кій (нынѣ городъ), гдѣ пристанодержате-

лемъ былъ донской казакъ, тамошній поселенецъ; около села Кій по р. Кіѣ лѣса и въ нихъ кельи бѣгуновъ. Наконецъ, есть пристанодержатели: 1) въ Дмитровской волости; 2) около златоустовскихъ заводовъ; 3) топлинскихъ заводовъ; 4) въ г. Красноярскѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. На Алтайскихъ горахъ, на Камнѣ издавна селились бѣгуны всякаго рода и званія, извѣстные подъ названіемъ *каменьщиковъ*. Столько намъ извѣстно о пристанодержателяхъ до 1852 года; разумѣется, остается множество неизвѣстныхъ.

Бѣгствующіе странники, или бѣгуны-бродяги имѣли свѣдѣнія о всѣхъ этихъ пристаняхъ и пристанодержателяхъ. У нихъ были свои маршруты или путники. Приведемъ для образца одинъ маршрутъ по Сибири, въ какую-то азіятскую, невѣдомую страну, и при маршрутѣ пригласительное письмо [1]): «На Екатенбурхъ, на Томскъ, на Барнаулъ, вверхъ по рѣкѣ Катурнѣ на красной Яръ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устба. Во Устбѣ спросить страннопріимца Петра Кирилова, зайти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Снѣговыя горы: оныя горы на 300 верстъ, отъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня; въ той деревнѣ часовня; настоятель схимникъ инокъ Іоаннъ. Отъ той обители есть ходъ 40 дней съ роздыхомъ, чрезъ Кижискую землю, потомъ четыре дни ходу къ Татанію, тамъ восѣонское государство; живутъ въ губѣ океяна моря: мѣсто называемое бѣловодіе и озеромъ Ловѣ, а на немъ 100 острововъ, а одинъ островъ есть . . . верстъ, а на нихъ горы, а въ горахъ живутъ о Христѣ подражатели христовой церкве, православные христіане. И съ тѣмъ прошу желающихъ православныхъ христіанъ; прямымъ образомъ, безъ всякой лести васъ увѣряемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, желающихъ послѣдовать стопамъ христовымъ. А тамъ не можетъ быть антихристъ, и не будетъ. И во ономъ мѣстѣ лѣса темные, горы высокія, разсѣдлины каменны; а тамъ народъ именно, варварствъ никакихъ нѣстъ и не будетъ, а ежели бы всѣ китайцы были христіане, то бъ и ни едина душа не погибла... Любители христовы, градите вышеозначенною стезею!.. Отъ пана гоними изъ своея земли, отлучилися пять сотъ лѣтъ и прискивали имъ мѣсто два старца, церквей сирскихъ (асирскихъ) . . . сущихъ христіанскихъ... Россійскихъ церквей 44, и христіанскіе у нихъ митрополиты занялись отъ сирскаго патріарха, и отлучилися

[1]) Напередъ замѣтимъ, что этотъ маршрутъ какой-то странный, и указываетъ онъ дорогу въ какую-то мифическую, баснословную страну. Между тѣмъ у раскольниковъ есть маршруты другого рода, съ вѣрными топографическими указаніями, съ точнымъ названіемъ городовъ и мѣстностей, съ подробнымъ адресомъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, живущихъ на дорогѣ, у которыхъ путникъ можетъ просить ночлега или пріюта. Таковъ, напримѣръ, находящійся у меня подробный маршрутъ, кажется, бѣглопоповщинскій — дорога отъ г. Хвалынска (Сарат. губ.) чрезъ Москву, чрезъ Черниговскую губернію и т. д., чрезъ Днѣстръ, въ Молдавію, къ Некрасовцамъ. Любопытно какъ въ Россіи, въ эпоху распространенія и развитія раскола, образовались у старообрядцевъ свои особыя пути-дороги, помимо трактовыхъ, общихъ, въ родѣ дорогъ, указанныхъ въ расколньичьихъ маршрутахъ, или въ родѣ такъ-называемой *сиротской дороги*, проложенной въ XVIII вѣкѣ бѣглыми гонимыми старовѣрами по саратовской степи къ Уралу.

отъ своихъ мѣстъ отъ численія Никона патріарха, а приходъ былъ отъ Зосимы и Савватія, святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ, кораблями чрезъ ледовое море. И такимъ образомъ, отцы посылаеми, проискивали отъ Изосимы и Савватія. Сей же памятникъ писалъ самъ, тамо былъ, и писалъ имъ свое многогрѣшное иное Михаилъ своею рукою, и о Христѣ съ братіею своею писалъ вамъ».

Запасаясь на дорогу такими маршрутами, бѣгуны иногда запасаются и фальшивыми, самодѣльными паспортами. Нѣкоторые пристанодержатели спеціально занимались составленіемъ поддѣльныхъ, своеобразныхъ бѣгунскихъ паспортовъ. Паспорты эти имѣютъ различныя формы, иногда даже исполнены фантастическаго и юмористическаго содержанія. Нѣкоторые бѣгуны имѣютъ паспорты, начинающіеся такъ: «Господь покровитель и спаситель мой, кого ся убою? Данъ сей паспортъ изъ града бога вышняго, изъ сіонскаго правленія, изъ вольной полиціи» и т. д. Бѣгуны собственно отрицаютъ паспорты и всякій письменный видъ, считая ихъ печатью антихристовою, но свои поддѣльные паспорты, составленные въ духѣ ихъ ученія, считаютъ необходимыми для безопасности странствованія, или для показанія земской полиціи въ случаѣ поимки, что они ее и ея паспортовъ и знать не хотятъ, а знаютъ только *вольную полицію сіонскаго правленія, и паспорты изъ града бога вышняго*, т.-е. въ сущности никакой полиціи и никакихъ паспортовъ не признаютъ. Точно также для охраненія себя отъ всякихъ напастей на далекомъ пути-дорогѣ, бѣгуны иногда берутъ съ собой въ рукописныхъ тетрадкахъ, или заучиваютъ наизустъ, по простонародному обычаю, особые народные заговоры или молитвы *въ путь идущимъ* и *назадъ идущимъ*. Молитвы эти употребительны и у раскольниковъ и у православныхъ. За неимѣніемъ подъ руками мифическихъ путевыхъ заговоровъ, приведемъ для примѣра двѣ молитвы. Молитва *въ путь идущимъ:* «Господи Боже нашъ, въ путь шествовати угоднику своему Якову устрои его, рабу своему (имя рекъ) сопутствуй, раба своего владыко изми отъ искушенія, разбойника, разбойства, всякаго навѣта, и въ ширѣ и близко пространства. Устави прежде всякаго творища промыслъ по заповѣдемъ твоимъ, исполни житіе небесныхъ благъ, бывши тамо, возвратиться благоволи: яко твое есть царство, сила и слава, отца и сына и святаго Духа. Аминь». *Молитва назадъ идущимъ:* «Господи владыко, Боже отецъ нашихъ, тя просимъ, тебя съ милосердіемъ, якоже бѣ изволилъ самъ взыти со угодникомъ твоимъ Моисеемъ во свѣтѣ. Люди твоя избра, израильтяне извѣда въ земли чуждой, такожде и нынѣ самъ иди съ рабомъ твоимъ, (имя рекъ), самъ, своихъ сохрани, ихъ день и нощь, якоже укрѣпилъ Іисуса Навина, образомъ и крестомъ съ молитвою»...

Сообразно съ географическимъ распространеніемъ ученія бѣгуновъ и съ топографическимъ распредѣленіемъ ихъ главныхъ пристаней развивалось внутреннее своеобычное, юридическое самоустройство ихъ согласья. Село Сопелки, какъ исходный пунктъ развитія всѣхъ областныхъ, мѣстныхъ пристаней бѣгуновъ, какъ средоточіе наибольшаго страннического населенія, естественно образовало центръ, средоточіе всего союза, или согласья великорусскихъ и сибирскихъ пристаней. А совокупность

всѣхъ этихъ областныхъ, мѣстныхъ общинъ, или пристаней, великорусскихъ и сибирскихъ, образовала федерацію, или цѣлый союзъ согласья бѣгуновъ, концентрированный около села Сопелокъ. Вслѣдствіе такого союзнаго устройства, каждая областная пристань составляла самобытную, самоуправляемую паству или общину, имѣла свой *совѣтъ* и *судъ*. Такъ, напримѣръ, особыя мѣстныя пристани представляли Москва, заштатный городъ Плесъ въ Костромской губерніи, деревня Вахрушева для вологодскаго сословья бѣгуновъ, Тюмень — для западно-сибирскихъ бѣгуновъ, и т. д. Всѣ вмѣстѣ областныя или мѣстныя пристани бѣгуновъ *тянули* судомъ и совѣтомъ къ своему исходному пункту и центру — къ селу Сопелкамъ, такъ какъ изъ него онѣ были насаждены. Здѣсь былъ, въ случаяхъ нужныхъ, общій главный сходъ, совѣтъ и судъ бѣгуновъ. Сюда сходились обыкновенно изъ всѣхъ мѣстныхъ пристаней для изученія подлиннаго ученія Евфимія и для перекрещенія. Здѣсь былъ общій судъ бѣгуновъ, когда кто-либо провинялся въ какомъ-нибудь важномъ проступкѣ противъ цѣлаго согласья. Сюда же стекались изъ разныхъ великорусскихъ и сибирскихъ пристаней главные наставники мѣстныхъ общинъ, для рѣшенія споровъ догматическихъ. Таковъ, напримѣръ, былъ сходъ и совѣтъ въ селѣ Сопелкахъ въ 1842 году, на который стеклось до пятнадцати мѣстныхъ, главныхъ учителей, и въ томъ числѣ изъ Тюмени. Не только такія ближнія паствы бѣгуновъ, какъ, напримѣръ, костромская или московская, но и отдаленная тюменская паства находилась въ непосредственныхъ и довольно частыхъ сношеніяхъ съ селомъ Сопелками. Наставники ея, вродѣ бѣглаго казака Овчинникова и Дементьяна Михайлова, ѣздили въ Сопелки для совѣщанія съ здѣшними старцами, вывозили съ собой много книгъ, въ томъ числѣ, для украшенія согласья и связи съ сопелковцами, брали у нихъ для руководства своей паствѣ *цвѣтникъ* Евфимія.

Каждая областная группа пристаней или отдѣльная мѣстная паства бѣгуновъ имѣла своихъ выборныхъ наставниковъ и управителей. Такъ, сопелковскою общиною управляли, до слѣдственной комиссіи 1850 года, слѣдующіе наставники: 1) Иванъ Степановъ, изъ крестьянъ Мышкинскаго уѣзда; 2) Михайло Андреевъ Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ, съ фабрики Яковлевыхъ; 3) Семенъ Григорьевъ, бѣглый солдатъ, родомъ Ярославскаго уѣзда, деревни Семеновой; 4) Яковъ, по перекрещеніи Фока Максимовъ, бѣглый солдатъ, родомъ Борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской. Кромѣ этихъ наставниковъ принимали участіе въ судѣ и въ совѣтѣ, въ качествѣ главнѣйшихъ сектаторовъ: 1) Иванъ, по перекрещенью Федоръ Ивановъ Кривой, бѣглый кантонистъ, родомъ Костромского уѣзда, деревни Шелкова; 2) Алексѣй, по перекрещенью Василій Петровъ Горбунчикъ, изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда, деревни Когаева, и еще девять человѣкъ, изъ которыхъ шесть были бѣглые солдаты, одинъ отставной унтеръ-офицеръ и два крестьянина. Сѣверною группою пристаней или паствъ управлялъ главный наставникъ, наиболѣе почитаемый между учителями и управителями бѣгуновъ, Никита Семеновъ. Въ паствахъ Пошехонскаго, Романо-борисоглѣбскаго и Даниловскаго уѣздовъ наставниками были: 1) Димитрій Егоровъ, въ странствѣ Василій Яковлевъ, бѣглый солдатъ, родомъ Дани-

ловскаго уѣзда, изъ дворовыхъ людей; 2) Марко Яковлевъ Большой, изъ крестьянъ Ярославской губерніи; 3) Петръ Тимофѣевъ Чумакъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ Пошехонскаго уѣзда, деревни Скрылева, и еще двое — одинъ изъ крестьянъ, другой неизвѣстнаго происхожденія. Точно также имѣли своихъ выборныхъ и управителей паствы и пристани: костромская, тверская, олонецкая, тюменская и другія.

Согласіе бѣгуновъ, какъ и нѣкоторыя другія безпоповщинскія общины, эманципировали простонародную женщину изъ рабскаго, замкнутаго, исключительно рабочаго положенія. Бѣгуны уважали женщинъ начитанныхъ и возводили ихъ, наравнѣ съ мужчинами, въ достоинство наставницъ. Такъ изъ начитанныхъ странницъ сопелковскаго согласія слѣдующія женщины были болѣе уважаемы и около 1850 года выбраны для служенія въ малыхъ собраніяхъ: 1) Татьяна, по перекрещенью Марья Васильева, крестьянка Ярославскаго уѣзда, деревни Вахрушевой; 2) Елизавета Алексѣева, крестьянка изъ деревни Борковъ, Ярославскаго уѣзда; 3) Екатерина, по перекрещенью Фіонія Львова, крестьянка изъ деревни Дудкина, Ярославскаго уѣзда; 4) Александра Ильина, Ярославскаго уѣзда, деревни Голенищева; 5) Марія Ильина, изъ деревни Нещерки, Ярославскаго уѣзда; 6) Елизавета, по перекрещенью Лукерья Васильева, изъ крѣпостныхъ крестьянокъ Романо-борисоглѣбскаго уѣзда; 7) Авдотья Петрова, Пошехонскаго уѣзда, деревни Рыжково; 8) Афанасія Фокина, дочь наставника Фоки Максимова, Романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской; 9) Варвара, по перекрещенью Меланья Васильева, изъ деревни Ивашева.

Изъ сочинителей и грамотниковъ-мужчинъ, болѣе начитанныхъ, занимавшихся перепиской книгъ, духовныхъ стиховъ и проч., были болѣе извѣстны, до слѣдственной комиссіи 1850 года: 1) Михаилъ Андреевъ Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ съ фабрики Яковлевыхъ, бывшій однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей быстраго развитія сопелковскаго согласія, увлекшій въ него, кромѣ множества посторонних, свое семейство—мать, пять братьевъ, сестру и двухъ дочерей; 2) Василій Петровъ Горбунчикъ, крестьянинъ изъ деревни Когаева, Ярославскаго уѣзда. По начитанности, этотъ наставникъ постоянно считался членомъ главнаго совѣта старцевъ сопелковскаго согласья. Онъ имѣлъ постоянную пристань и занимался книгами въ селѣ Сопелкахъ у крестьянина Федора Иванова Савелова, у котораго при обыскѣ лѣтомъ 1852 года найдены въ тайникахъ всѣ книги Василія Петрова, между прочимъ, весьма любопытныя рукописи, и въ числѣ ихъ подлинныя сочиненія основателя согласья бѣгуновъ Евфимія; 3) Никита Семеновъ, изъ крестьянъ, Ярославской губерніи, вотчины графа Мамонова. Сначала онъ обучался въ Москвѣ портному мастерству, но потомъ бросилъ это занятіе. Будучи еще только шестнадцати лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ларіономъ Ивановымъ бѣжалъ и поселился въ пустынѣ Архангельской губерніи, на Топьозерѣ. Тамъ Никита досталъ «цвѣтникъ» Евфимія, основателя толка бѣгуновъ, рѣшился послѣдовать его ученію, самъ себя окрестилъ въ странство и, прибывъ въ село Сопелки, для знакомства и бесѣды съ ярослав-

скими старцами, былъ принятъ ими въ согласье. Потомъ онъ удалился въ Романо-борисоглѣбскій уѣздъ и, поселившись въ деревнѣ Голубенкахъ, люнѣевской волости, у послѣдовательницы согласья бѣгуновъ, дѣвицы Варвары Дмитріевой, далъ ходъ своимъ дарованіямъ. Отселѣ съ необыкновеннымъ успѣхомъ сталъ онъ проповѣдывать сопелковское ученіе и писать въ пользу его. Своими дарованіями, начитанностію, даромъ преподаванія и сочинительства онъ почти затмилъ память объ Евфиміѣ. Весьма замѣчательно его сочиненіе: «*На тридцать ересей*». Въ немъ Никита Семеновъ обличаетъ всѣ старообрядческія согласія, особенно поповщинскую общину, за тѣ уступки, какія она сдѣлала православной церкви и православному правительству, поучаетъ ихъ строгой выдержанности религіозной и гражданской оппозиціи, увѣщеваетъ всѣ согласія раскола къ примиренію для дружнаго, совокупнаго противодѣйствія православной церкви и православному правительству. Кромѣ исчисленныхъ нами сочинителей и наставниковъ бѣгунскихъ, еще извѣстны были до 1852 года: Федоръ Ивановъ Кривой, Василій Яковлевъ, Кузьма Абрамовъ Бурловъ, Афанасій Григорьевъ, Меркурій Григорьевъ, Иванъ Васильевъ Грозный изъ московскихъ мѣщанъ; Иванъ Васильевъ Шумиловъ изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда, села Прусова; Агафонъ, по перекрещенью Савва, Степановъ, изъ крестьянъ, Пошехонскаго уѣзда, деревни Телешина; Семенъ Григорьевъ, изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда, деревни Терентьевской; Емельянъ Григорьевъ, по перекрещенью Мефодій изъ крестьянъ Романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Киселева; Филипъ Никифоровъ изъ дворовыхъ людей, Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда.

Подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ ученіе Евфимія развивалось и послѣ него. Въ существенныхъ догматахъ оно совершенно согласовалось съ общей безпоповщинской догматикой, особенно федосѣевской, и потому находило въ ней много готовыхъ, развитыхъ началъ. Попрежнему камнемъ преткновенія для старообрядческаго общества были реформы Петра великаго, до самой сердцевины коснувшіяся стариннаго, естественно-историческаго земскаго народнаго строенья. Потому, со второй половины XVIII вѣка, въ письменности старообрядческой, особенно въ безпоповщинской, усилилась историко-политическая протестація противъ преобразованій Петра, особенно тяжко налегавшихъ на бытъ народной массы. Такъ во второй половинѣ XVIII вѣка разносилась по городамъ и селамъ тетрадка, подъ заглавіемъ: «*челобитная объ антихристѣ еже есть Петръ I*». Это всенародная, окружная протестація раскола противъ реформъ Петра I. *Челобитная* эта сочинена какъ бы въ ироническій укоръ Петру великому, который первый не сталъ лично принимать и слушать народныя челобитныя; уничтожилъ, вмѣстѣ съ челобитнымъ приказомъ, самый принципъ земской, общинно-областной, челобитной гласности и представительности народа предъ правительствомъ, какая была въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вотъ отрывокъ изъ этой челобитной: «Мы смотряюще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666 конецъ пріяша пророчествія, а совершенное же вся злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи

отъ святой православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ и нача превозноситися паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сиречь помазаниковъ, и нача величатися и славитися предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови, уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовати, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкве россійскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія; въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ 1 день января мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: виватъ, виватъ новый годъ! Отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повелѣ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ 1 день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріятъ за императора августѣйшаго, сиречь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ господнія лѣта истреблени, а сатанины извѣщены; воистинну исполнися здѣсь тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней, да поклонятся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна богослова во главѣ 12 писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истиніи раби христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ; тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, исчисляя вся мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми веліими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребова. Егда же той императоръ или монархъ, сиречь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизіею или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа спаса научихомся законъ и заповѣди его сохраняти и вѣру святую блюсти, и таковому лже-Христу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами, что хотите, ибо есьмы христіане единаго

исповѣданія у вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе; того исповѣданія и мы держимся, и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есьмы въ книги животныя у царя небеснаго, понеже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Русіи благочестивые цари Иванъ Васильевичъ, Федоръ Ивановичъ и Михаилъ Федоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите человѣцы, и вонъмите, и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтахъ жительствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами, ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуетъ книга: «кабинетъ Петра великаго», ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра великаго. Петръ великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ I, и прочіи по немъ такожде именуются, и паки именовася божествомъ Русіи, яко свидѣтельствуетъ книжка, «кабинетъ Петра»: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Тамъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите, люди моя изъ Вавилона».

По всѣмъ мыслямъ, и особенно по взгляду на бѣгство, какъ на спасительный путь, это сочиненіе «*объ антихристѣ, еже есть Петръ I*», едвали не можетъ быть приписано бѣгунамъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ вполнѣ выразилось основное ученіе бѣгуновъ. Поэтому мы разсмотримъ его здѣсь. Для того чтобы понять взгляды всѣхъ безпоповцевъ и въ особенности бѣгуновъ на учрежденія Петра, нужно разсматривать ихъ съ народно-исторической точки зрѣнія, такъ какъ расколъ держится между прочимъ на старинѣ народной.

Бѣгуны и вообще безпоповцы протестуютъ, во-первыхъ, противъ того, что Петръ I «*императоръ наречеся*, сиречь *монархъ* или единовластитель, *не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его себѣ превысочайшею главою*». Въ этомъ протестѣ ихъ выразилось изстаринное русское народное воззрѣніе на единодержавную власть царя. Вопросъ *о самодержцѣ* сталъ сильно занимать мыслящихъ русскихъ людей съ того времени, когда московскіе цари стали называться *самодержцами*, т.-е. съ XVI столѣтія, когда «великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ (отецъ Грознаго) *повелѣлъ* писать себя *самодержцемъ* и въ посольскихъ грамотахъ и въ исторіяхъ». Лѣтопись отмѣтила это, какъ фактъ, знаменательный въ народной исторіи. И вотъ, вслѣдствіе историческаго развитія такого образа мыслей о самодержавіи, когда Петръ I не только не призналъ народосовѣтія, но и *наречеся императоръ* и издалъ *правду воли монаршей*, расколъ грянулъ проклятіемъ: «антихристъ!» И съ тѣхъ поръ стало развиваться въ расколѣ, и у бѣгуновъ достигло высшаго развитія историко-демократическое ученіе объ антихристѣ, еже есть Петръ I. Съ

тѣхъ поръ многія безпоповщинскія согласія, и въ томъ числѣ бѣгуны, стали вовсе отрицать и отрицаютъ императорскую власть, находя въ самыхъ именахъ императоровъ со времени Петра I звѣрино число 666. Нѣкоторые, впрочемъ, царей благовѣрныхъ признаютъ, а императоровъ не признаютъ. Напримѣръ, одна безпоповщинская раскольница-странница въ показаніи своемъ говорила: «за благовѣрнаго царя, который дѣлаетъ благія дѣла Богу, молюсь, но за императора и весь императорскій домъ Богу не молюсь и въ молитвахъ своихъ не упоминаю». Другіе бѣгуны въ показаніяхъ своихъ, какъ увидимъ далѣе, вовсе отрицаютъ и царскую и императорскую власть. Мало того, они возстаютъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто молится за царя, «собираются, говорятъ бѣгуны, въ свое богомерзкое собраніе, за него Бога молити, и молятъ за богоотступника, антихриста молебны и читаютъ тропарь: «Господи, спаси державнаго царя нашего, и подаждь ему побѣду на сопротивныя». Зрите, богоотчужденные! о какой побѣдѣ молитесь!.. На тѣхъ, кои, по св. писанію, кроются въ горахъ, въ вертепахъ и земляныхъ пропастяхъ отъ лица его, *и нейдутъ къ нему подъ присягу*, и не даютъ ему *свои души и душевный окладъ* и оброкъ въ смущенную, жидовскую церковь. О нихъ вы и молитеся, чтобы ихъ побѣдилъ, плѣнилъ и въ свою область присовокупилъ къ вашему богоотчужденному собранію». (Разглагольствованіе тюменскаго странника, и объ антихристѣ еже есть Петръ I).

Далѣе бѣгуны и всѣ раскольники протестуютъ противъ того, что Петръ «*устави сенатъ и синодъ*». Это протестъ противъ централизаціи народныхъ дѣлъ, гражданскихъ и церковныхъ. Русскіе земскіе люди, изстари привыкшіе *жить на всей своей прежней волѣ, по старинѣ и по пошлинѣ*, вѣрные отеческимъ преданіямъ старины, хотѣли мѣстнаго, земскаго самоуправленія и *самосуда межь себя*, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ религіозныхъ. Старожилы, коренные, *прироженные* русскіе люди, приверженцы отчей и дѣдней старины, старообрядцы помнили, по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ, и читали въ старыхъ лѣтописяхъ про старинные юридическіе земскіе обычаи, *про мірскіе сходы* и согласья въ волостяхъ, про городскія *людскія собранья* или *сходы на думу на вѣча*, про сохранившіеся еще въ первой половинѣ XVII вѣка *областные земскіе сходы и совѣты*, наконецъ, про московскіе *земскіе соборы*. Помнили и въ старыхъ лѣтописяхъ читали они, какъ предки ихъ, или старинныя городовыя вѣча, напримѣръ, псковское и новгородское, и сельскіе мірскіе сходы сами рѣшали даже дѣла церковныя, религіозныя. Помнили они, какъ прежде посадскіе и крестьяне *судилися сами межь себя*. И вотъ, когда въ Петербургѣ устроены были сенатъ и синодъ, когда часто стали тянуть ихъ сюда по разнымъ дѣламъ, они возопили противъ Петра за то, что *устави сенатъ и синодъ*. Тяжкія истязанія, какія претерпѣвали старообрядцы въ сенатѣ и синодѣ, по дѣламъ старовѣрства и по дѣламъ житейскимъ, особенно укрѣпили въ нихъ предубѣжденіе и протестацію противъ обоихъ высшихъ, центральныхъ правительствующихъ вѣдомствъ. Недаромъ даже солдаты при Петрѣ великомъ протестовали противъ сената и его злоупотребленій. «Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ,—роптали они въ своемъ подметномъ письмѣ,—учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть

у одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволокитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ». Безпорядки, какіе господствовали во внутреннемъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ сената и синода въ XVIII вѣкѣ, также усиливали въ расколѣ чувство оппозиціи противъ нихъ. Недостатки эти громко высказывались просвѣщенными людьми второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Напримѣръ, кн. Щербатовъ о сенатѣ писалъ: «почтеніе къ сенату упадаетъ, да и подлинно пристрастія и пороки въ сенаторахъ есть, но недовольно, что ихъ охулятъ за оное, надлежало бы проникнуть ихъ начало. Сенаторы, бывъ уже люди чиновные, бывъ въ столь узкихъ границахъ, властью генералъ-прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для государственнаго управленія надлежащую. Симъ самымъ показуется, что сіе высшее правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; сенаторы впадаютъ въ пристрастія и неправосудіе, и тако можно сказать, что сенаторы повреждаютъ сенатъ, а сенатъ повреждаетъ сенаторовъ». О синодѣ XVIII вѣка Щербатовъ писалъ: «равное сенату правительство есть синодъ для духовныхъ дѣлъ. Но разсмотримъ и сіе самое, такъ ли учреждено, какъ бы надлежало для достиженія до желаемаго конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко безпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человѣкъ небольшого чина и по большей части не случайный при государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться?» Точно также императрица Екатерина II, а при Александрѣ I Сперанскій, Мордвиновъ и графъ А. Воронцовъ, изображали неустройство и безпорядки сената. Послѣдній даже пришелъ къ такому заключенію о сенатѣ: «ежели сенатъ оставить такъ, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, то кажется понапрасну и имѣть оный, и чинить на него издержки». (Прим. на нѣк. ст. кас. до Россіи). Если государственные умы, по своимъ просвѣщеннымъ юридическимъ и административнымъ идеямъ и наблюденіямъ, сознавали недостатки высшихъ, центральныхъ правительственныхъ учрежденій, то простые люди, старообрядцы доходили до предубѣжденія противъ сената и синода путемъ горькаго опыта и разорительно-страдальческаго дѣлохожденія.

Потомъ безпоповцы и бѣгуны возстаютъ противъ новыхъ законоположеній Петра, противъ составленія «*многихъ регламентовъ*» по духовному и по гражданскому расположенію, и противъ многихъ указовъ, разосланныхъ по всей Россіи, «съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ». Это прежде всего протестъ народный противъ строгой обязательности и санкціи самодержавныхъ императорскихъ указовъ. Встарину, до уложенія 1649 года, не разсылались вдругъ по всей Россіи общіе, строго-обязательные нововводительные законы, указы и уставы, а отдавались только царскіе указы и грамоты мѣстныя, по мѣстнымъ нуждамъ. И притомъ эти указы и грамоты не навязывались областнымъ общинамъ насильно, противъ воли народа, а всегда издавались и присылались въ

области, вслѣдствіе мѣстныхъ, общинно-областныхъ народныхъ челобитныхъ. Народъ такимъ образомъ посредствомъ общинно-областного челобитнаго представленія своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей какъ бы участвовалъ въ изданіи указовъ и грамотъ. Это участіе особенно замѣтно было въ изданіи, напримѣръ, уставныхъ грамотъ объ излюбленномъ самоуправленіи. Теперь же, при Петрѣ, было совершенно иначе. Вдругъ и строго предписываются народу до 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій, болѣе 2,900 указовъ съ 1700 по 1725 годъ. И всѣ эти регламенты и указы вдругъ радикально измѣняютъ на совершенно новый, искуственно-чуждый ладъ все естественно-историческое, вольно-народное земское строенье, весь вѣковой, самобытный, обычный складъ народной жизни. И система регламентаціи потомъ ростетъ до чрезмѣрности, до крайняго стѣсненія народной дѣятельности и производительности многосложными кодексами регулъ. Въ XVIII вѣкѣ только старообрядцы протестовали противъ регламентаціи Петра Великаго. А въ первой четверти XIX столѣтія и такой просвѣщенный и знаменитый государственный человѣкъ, какъ Мордвиновъ, такимъ образомъ писалъ объ излишествѣ регламентаціи: «Еще въ правительствѣ нашемъ съ нѣкотораго времени до излишества воздѣйствовалъ духъ предразсужденія, *что можно частную пользу управлять регламентами* или *уставами*. Но по уставу самой природы никакой торгъ, никакое ремесло, ни художество не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ, и свобода единственное есть достовѣрное и надежное руководство къ успѣхамъ дѣятельности народной. Уставы, нерѣдко содержа въ себѣ противорѣчія и недоразумѣнія, требуютъ многихъ толкованій и поясненій, коими и самое основаніе учрежденія часто совсѣмъ ниспровергается; вообще же, они множествомъ и обширностью своею служатъ не къ сокращенію, а къ умноженію поводовъ къ злоупотребленіямъ. Правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и производствами частныхъ людей, ибо сіе значило бы тоже, что и принимать на себя учреждать необъятность видовъ частной пользы», и проч. (О причин. разстр. финанс. въ Россіи).

Еще бѣгуны и другіе безпоповцы протестуютъ противъ поголовнаго народнаго описанія или *ревизіи душъ*. Народъ сразу и очень хорошо понялъ значеніе нововведенной Петромъ подушной переписи. Онъ искони не любилъ поголовнаго *числа*, какъ знака дани. При главномъ, преобладающемъ значеніи въ древнемъ быту народномъ *земли*, *земскаго строенья*, при всенародной и общинной принадлежности земли, какъ самаго перваго и общаго, естественнаго даннаго источника *животовъ* и *промысловъ*, въ старой, допетровской Россіи народъ выработалъ поземельную писцовую перепись и окладную систему, и привыкъ къ поземельной цѣнности и дани. Потомъ онъ привыкъ и къ подворной переписи, все-таки не касавшейся собственно личности и не нарушавшей общины. Но когда Петръ I ввелъ подушную перепись, народъ возопилъ. Онъ возсталъ противъ ревизіи душъ, во-первыхъ, потому, что она, внося каждую душу, каждую личность въ «*переписную книгу*», прикрѣпляла такимъ образомъ каждую душу, каждую личность къ государству: во-вторыхъ, на земляхъ служило-вотчинныхъ при-

крѣпляла каждую душу, каждую личность къ власти помѣщика, и такимъ образомъ завязывала крѣпкій узелъ крѣпостного права; въ-третьихъ, расписывая души или личности по родамъ ихъ службы и занятій, систематически дробила народъ на сословія и закрѣпляла ихъ внутреннюю, корпоративную, или кастальную раздѣльность подушнымъ, поголовнымъ росписаніямъ. Притомъ ревизія душъ производилась не общинами, не выборными отъ народа, а исключительно приказными чиновниками съ военными командами. Наконецъ, подушная перепись или ревизія душъ несогласна была съ народнымъ понятіемъ потому, что брала критеріумомъ податной оцѣнки и сбора душу, неподлежащую цѣнѣ. Вотъ причины, по которымъ не только старообрядцы, но и нестарообрядцы протестовали противъ ревизіи душъ. Такъ Посошковъ писалъ: «во исчисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быть; душа — вещь неосязаемая, и умомъ непостижимая, и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны чаю тысячъ десятка два-три истощилось; обаче чаю я, что она вся пропала». Волынскій, въ инструкціи, данной крестьянамъ въ 1724 году, также возстаетъ противъ *поголовщины*, отстаивая систему писцовыхъ, окладныхъ книгъ. Бѣгуны возстаютъ противъ подушной переписи, какъ знака приписи или прикрѣпленности къ государству или «къ смущенной жидовской церкви антихриста», какъ они выражаются.

Точно въ такомъ же смыслѣ бѣгуны и другіе безпоповцы возставали и возстаютъ противъ *подушной подати и даней многихъ*. Разумѣется, одною изъ главныхъ причинъ этого протеста была тягость для податного народа подушныхъ податей и сборовъ, особенно при Петрѣ и въ XVIII вѣкѣ. И теперь, сплошь и рядомъ, можно слышать вопль о тягости податей и разныхъ земскихъ сборовъ, особенно отъ бѣдныхъ крестьянъ и безземельныхъ мѣщанъ. Но бѣгуны главнымъ образомъ возстаютъ противъ подушной подати опять, какъ противъ явнаго знака подданства, порабощенія душъ антихристу. «Антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ», говорятъ они. Ропотъ ихъ на то, что и *съ мертвыхъ дани востребова*, намекаетъ, кажется, на существующій и доселѣ платежъ подати живыми членами податного семейства за умершихъ, до новой ревизіи.

Около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сочинено бѣгуномъ Василіемъ Москвинымъ «Разглагольствіе тюменскаго странника». Въ этомъ сочиненіи изложены тѣже основные догматы, что и въ «Цвѣтникѣ» Евфимія и въ рукописи «Объ антихристѣ, еже есть Петръ I». Весь міръ, по ученію тюменскаго странника, раздѣляется на два царства: на *міръ божій* и *міръ сатанинъ* или *титановъ*. Въ первомъ господствуетъ духъ божій, истинный, животворящій, во второмъ — духъ ложный, противный и убивательный. Въ мірѣ божіемъ находится градъ небесный, Сіонъ, гдѣ пребываютъ бѣгуны; въ мірѣ сатанииномъ — великій градъ темный Вавилонъ, гдѣ обрѣтаются зловѣрные, злочинные, пустопопы, кони сатанины; въ первомъ праздники торжественные, во второмъ праздники табельные, табачные.

Въ «Вавилонѣ (т.-е. въ Россіи), по личному мнѣнію тюменскаго странника, управляетъ всѣми людьми антихристъ, который господствуетъ не

духовно, а тѣлесно и видимо, а именно съ 1666 года, когда исполнилось число имени его, или 666. Воплотился антихристъ въ началѣ въ образѣ беззаконной троицы: царя Алексѣя Михайловича, и Никона, и справщика книгъ Арсенія Грека. Послѣ того антихристъ постоянно обновляется въ верховныхъ властяхъ. Русское правительство, по ученію тюменскаго странника, есть собраніе слугъ антихриста, который въ первомъ своемъ обновленіи (въ лицѣ Петра I) устроилъ *иносказательный духовный судъ*, и въ немъ поставилъ «богоотчужденное нѣкое зерцало», а въ зерцалѣ написалъ богопротивный человѣкъ, сирѣчь Петръ I, ихъ законовѣдецъ и пастырь, и новый Христосъ, сирѣчь антихристъ». «Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, — говоритъ тюменскій странникъ, — *судятъ и распоряжаютъ по своей похоти, по злату и сребру, по мѣшкамъ и по штофамъ*, и между судей пребываетъ и распоряжается противникъ божій, отецъ ихъ дьяволъ».

Русскіе законы тюменскій странникъ называетъ *кривосказательными книгами* [1]), святѣйшій синодъ — *жидовскимъ синедріономъ*, правительствующій сенатъ — *антихристовымъ совѣтомъ*. Въ словѣ *сенаторы* бѣгуны усиливаются отыскать число звѣрино 666, почему пишутъ не сенаторы, а *сенатрі*, и такъ вычисляютъ: $с = 200 + е = 5 + н = 50 + а = 1 + т = 300 + р = 100 + і = 10 = 666$.

Все ученіе бѣгуновъ есть всецѣлое, рѣшительное, дѣятельное или фактическое отрицанье всѣхъ основныхъ началъ и учрежденій имперіи, всей государственной системы. Такъ тюменскій странникъ, какъ и всѣ бѣгуны, отрицаетъ *присягу*, отвергаетъ *ревизію душъ*, отвергаетъ *подати и оброки*: «ибо антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ». Укоряя раскольниковъ другихъ толковъ, платящихъ государственныя подати, тюменскій странникъ пишетъ: «мнятся службу приносити Богу, а сами не зрятъ, кое время достигли, у кого во области находятся, и сами себѣ въ область предаша, клятвою и присягою обложишася и души своя отдаша, сирѣчь душевный окладъ и оброкъ въ смущенную жидовскую церковь: овъ тридесять рублей, овъ 60 рублей, овъ 100 рублей». Противъ присяги бѣгуны и вообще непризнающіе верховной власти раскольники тѣмъ болѣе протестовали, что ихъ часто насильно принуждали присягать. Такая присяга сама себя уничтожала, не имѣя нравственнаго основанія въ совѣсти, въ убѣжденіяхъ присягавшаго принужденно. *Паспорты* и всякій *письменный видъ* странникъ считаетъ печатью антихриста, толкуя по своему слова апокалипсиса: «дастъ имъ начертаніе на деснѣй руцѣ ихъ или на челахъ ихъ, да никтоже возможетъ ни купити, ни продати, токмо кто имать начертаніе, или имя звѣря, или число имене его» (апок. XIII, 16, 17). Подъ числомъ имени его бѣгуны разумѣютъ императорскій титулъ, употребляемый въ плакатныхъ паспортахъ; начертаніе видятъ въ государ-

[1]) Это сознавала сама великая законодательница Екатерина II, когда, изображая вообще недостатки законовъ XVIII вѣка, между прочимъ, замѣтила въ манифестѣ 1766 года: *„страстные толки часто затмѣвали прямой разумъ законовъ“* и проч. Щербатовъ также *охулялъ* законы (Оправд. моихъ мыслей и проч. Библіогр. Зап. за 1859 г. № 13).

ственномъ гербѣ. Изображеніе государственнаго герба, въ видѣ двуглаваго орла съ распущенными крыльями и лавровыми вѣнками въ лапахъ, толкують такъ: «Орелъ отъ тяжкихъ людскихъ беззаконій крылья свои опустилъ, и держитъ онъ не скипетръ и державу, крестами увѣнчанные, какъ прежде, во времена благочестія, а змѣй антихристовыхъ». Апокалипсическое выраженіе, что безъ начертанія никто не возможетъ ни купить, ни продать, странникъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что безъ купеческаго свидѣтельства, безъ свидѣтельствъ гильдейскаго и цехового и безъ паспорта нельзя торговать, ни продавать, ни покупать [1]). Стѣснительность паспортной системы, а равно и гильдейско-цеховыхъ свидѣтельствъ теперь чувствуется всѣми. Отрицая всѣ аттрибуты или условія государственнаго вѣрноподданства, странникъ отвергаетъ и рекрутскую повинность, и военную службу. Въ защиту бѣгства изъ солдатской службы странникъ приводитъ слова писанія: «на немъ же аще мѣстѣ воя соберутъ, не иди тамо, уклонися же и измѣни, не уснутъ бо аще зла не сотворятъ; отъимется сонъ отъ нихъ, и не спятъ» и проч. (Притч. IV, 15—17). Поэтому бѣгуны охотно принимали въ свое общество бѣглыхъ солдатъ, да и согласье ихъ основано бѣглымъ солдатомъ, и между наставниками ихъ много бѣглыхъ солдатъ. Рекрутскій наборъ тюменскій странникъ также отвергаетъ. Укоряя раскольниковъ другихъ согласій, онъ говоритъ: «дѣтей ему своихъ въ полки бѣсовскіе провожаютъ и снаряжаютъ, какъ и прежде языки, незнающіе Бога». И практическимъ путемъ горькаго опыта податный народъ дознавалъ, ощущалъ, тягостно переносилъ зло рекрутскаго набора.

Наконецъ, тюменскій странникъ, согласно съ Евфиміемъ, говоритъ, что слѣдуетъ или брань творить съ антихристомъ (апок. XII, 7), или бѣжать въ горы и пустыни отъ него (Матѳ. XXIV, 16; апок. XII, 14), и пророчитъ про открытую борьбу съ антихристомъ. «Браться съ антихристомъ открытою силою, — говоритъ [2]) странникъ, — до времени нельзя; но когда придетъ время, тогда всякой, записанный въ книги животныя, долженъ ополчиться на антихриста, и если кто въ этой борьбѣ будетъ убитъ, тотъ получитъ такой мученическій вѣнецъ, какого еще никто изъ христовыхъ мучениковъ не получалъ». Въ ожиданіи этой борьбы бѣгуны утверждаютъ, что скоро спаситель придетъ съ неба *на бѣломъ конѣ*, сотворитъ брань съ антихристомъ, что тогда всѣ бѣгуны будутъ въ рядахъ воинства его, и затѣмъ наступитъ царство ихъ, откроется для нихъ давно искомый или грядущій городъ, новый Іерусалимъ при Каспійскомъ морѣ. Оттого-то бѣгуны туда, въ Астраханскую губернію и другія прикаспійскія мѣста и стремились преимущественно.

Таковы существенные, общіе догматы бѣгуновъ. Кромѣ этихъ основныхъ началъ проявлялись и проявляются нѣкоторые оттѣнки и особенности въ ученіи частныхъ наставниковъ. Напримѣръ, Василій, по перекре-

[1]) Въ этомъ образѣ мыслей бѣгуны тѣмъ болѣе утверждались, что начальство, особенно въ прошломъ столѣтіи, часто притѣсняло купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ въ выдачѣ имъ паспортовъ на отпускъ для торговли и промысловъ. (См., напр., донесеніе Державина, въ Архивѣ Калачова, 1859 г. кн. 2, XIV, 21—22).

[2]) Срв. подобную цитату выше. *В. С—въ.*

щеньи Иванъ Петровъ, крестьянинъ изъ села Краснаго, Костромского уѣзда, учившій въ домшинской волости Вологодскаго уѣзда и въ Пошехонскомъ уѣздѣ, проповѣдывалъ своеобразный соціализмъ: воспрещалъ собственность и обращалъ личное имущество странниковъ въ пользу всей общины. Кромѣ того, онъ запрещалъ принятіе денегъ, какъ заклейменныхъ антихристовою печатью. Другіе учителя нападали на греко-россійскую вѣру. Напримѣръ, очень даровитый и начитанный ярославскій мѣщанинъ Мокей Федоровъ говорилъ: «Греко-россійская вѣра есть вѣра гражданская, мірская, не на правомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, но служащая правительству для поддержанія порядка и богопочтенія къ земной власти».

Нравственный характеръ и бытъ бѣгуновъ вполнѣ сообразенъ съ ихъ ученіемъ. Основной догматъ ихъ о спасительности странства, бѣгства совершенно расторгаетъ между ними семейную замкнутость, возвѣщаетъ эманципацію членовъ семейства и свободный выходъ изъ дома на всѣ четыре стороны. Тогда какъ въ православномъ купечествѣ, напримѣръ, по домостроевскимъ понятіямъ и обычаямъ, господствуетъ крѣпкая семейная заключенность, и дѣти находятся почти въ крѣпостной зависимости отъ деспотической власти отцовъ, у бѣгуновъ, напротивъ, свободно расторгается семья: не только сынъ, но и дочь уходитъ съ любимымъ бѣгуномъ куда-угодно. Примѣры бѣгства дочерей изъ отеческихъ домовъ съ бѣгунами-любовниками въ исторіи странниковъ повторялись нерѣдко. Напримѣръ, съ бѣгуномъ сибирскимъ, бѣглымъ казакомъ Овчинниковымъ, находилась въ странствѣ дочь тюменскаго купца Опрокидникова, Надежда Яковлева. Въ него же влюбилась и съ нимъ странствовала дочь сопелковскаго крестьянина Ивана Егорова Панова, Марья. Вообще, рѣдкій наставникъ бродяжничалъ безъ любовницы. Намъ доводилось читать любопытную исповѣдь одного наставника бѣгуновъ, какъ онъ съ своей любовницей наслаждался поэзіей любви въ лѣсахъ, подъ тѣнью деревъ и проч. Иногда эти любовницы проявляли рыцарскій героизмъ. Напримѣръ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ извѣстный наставникъ бѣгуновъ, Василій Горбунчикъ, былъ пойманъ въ Ярославлѣ и по судебному рѣшенью сосланъ въ закавказскій край. Любовница его, странница Марья Васильева, съ соучастіемъ бѣглаго раскольника Афанасія Григорьева, освободила его съ неимовѣрною смѣлостью. На парѣ лошадей она догнала этапъ, въ которомъ шелъ Василій Петровъ Горбунчикъ, близъ Переяславля. Марья Васильева пѣшкомъ провожала Горбунчика. Они отстали отъ этапа, оставаясь подъ надзоромъ одного конвойнаго, не подозрѣвавшаго злонамѣренности со стороны добродушныхъ, повидимому сострадательныхъ людей. Марья Васильева и Афанасій Григорьевъ воспользовались безпечностью конвойнаго, выхватили у него ружье, бѣглецы съ арестантомъ бросились въ телѣгу, и хотя за ними погнались верховые, но смѣлые раскольники успѣли ускакать и спрятаться въ лѣсу. Тамъ они переодѣлись и, бросивъ лошадей, возвратились къ своимъ пристанодержателямъ.

Многое можно бы сказать о замѣчательныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ избранныхъ бѣгуновъ. Это необыкновенная смѣлость, энергія, удаль, нерѣдко богатырская, эта хитрая, ловкая вывертливость

и находчивость въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, эта изумительная смѣтливость, изобрѣтательность и удаль, съ какою бѣгуны освобождаются изъ остроговъ и тюремъ, эти похожденія, исполненныя борьбы и разнообразныхъ приключеній: все это могло бы составить сборникъ любопытнѣйшихъ и характеристическихъ былинъ и народно-физіологическихъ очерковъ. Но для этого нужны особыя изысканія и очерки. Въ настоящемъ очеркѣ мы отмѣтимъ два-три факта, изображающихъ нравственный характеръ бѣгуновъ. Въ высшей степени поразительна эта закаленная, твердая, упорная выдержанность отрицанья, какую обнаруживали бѣгуны на судѣ. Напримѣръ, бѣгунъ крестьянинъ Емельянъ, по перекрещенью Мефодій, Герасимовъ, на допросѣ передъ слѣдователями, такъ смѣло и прямо говорилъ въ своемъ показаніи: «Отъ лѣтъ Никона патріарха цари за благочестивые не почитаю, а за богоотступники, сопротивники, антихристы; гражданская власть — такожде антихриста слуги; духовная власть — ложные пророки и еретики; за царя я Бога не молю и молить не буду, и власть его надъ собою не почитаю, но токмо надъ собою къ душевному спасенью власть признаю царя небеснаго; а церковь великороссійскую за святую не признаю и у еретиковъ на духу отъ роду не бывалъ, потому я не почитаю за святое». Содержавшійся въ корчевскомъ тюремномъ замкѣ въ 1840 году бѣгунъ, крестьянинъ Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда, деревни Завражья, Стефанъ, по перекрещеньи Иванъ Кононовъ, по манифесту, состоявшемуся въ 1841 году, былъ освобожденъ; потомъ, послѣ вторичнаго побѣга, опять былъ пойманъ, и при слѣдствіи объявилъ, что онъ христіанскаго исповѣданія, государя и всѣ установленныя имъ власти считаетъ раскольниками, что хотя онъ освобожденъ по манифесту, но манифестъ этотъ за милость не признаетъ, потому что благодѣяніе дано государемъ не по душѣ, а по плоти». Въ 1841 году былъ пойманъ въ Нижнемъ-Новгородѣ бѣгунъ, крестьянинъ Кинешемскаго уѣзда, села Вичуги, Прокофій Васильевъ Царевъ. При допросѣ онъ объявилъ, что государя императора, учрежденныхъ имъ властей, законовъ духовныхъ и гражданскихъ, судебныхъ мѣстъ и самыхъ помѣщиковъ не признаетъ и не повинуется имъ, объясняя при этомъ, что на небеси есть царь царствующихъ, а на землѣ онъ самъ себѣ царь и іерей». Бѣгунъ Дементій Петровъ, выдерживая твердость подобныхъ отвѣтовъ передъ судомъ, отвергалъ всякую пищу, довелъ себя до чахотки и умеръ. А вотъ показаніе женщины, бѣгунши, хотя и не отличающееся рѣзкостью отрицанья, но также достойно вниманія по прямотѣ отвѣта и для дополненія характеристики женщинъ-странницъ или бѣгуншъ: «Матрена (а по христіанскому наименованію Улита) Тимофеева Ширяева, отъ роду имѣю сорокъ лѣтъ, грамотна, христіанка; на исповѣди и у святого причастія не бывала, что такое значитъ исповѣдь и святое причастіе — понятія не имѣю; церковь божію признаю за истинную, православную, но молиться въ оную не хожу, потому что служители ея крестное знаменіе творятъ щепетью, не соблюдая святой троицы, и богослуженіе производятъ противъ солнца; за благовѣрнаго царя, который дѣлаетъ благія дѣла, Богу молюсь; но за императора и весь императорскій домъ Богу не молюсь и въ молитвахъ своихъ не

упоминаю; мощи святыхъ угодниковъ не признаю; что̀ такое именуется мощами — не знаю: нигдѣ о таковыхъ въ книгахъ исповѣдываемой мною христіанской вѣры не читывала; христіанкою себя именую по тому, что Христосъ пострадалъ за родъ человѣческій и умеръ на крестѣ... Назадъ тому лѣтъ двѣнадцать была судима за семилѣтній побѣгъ изъ мѣстожительства своего для богомолья въ лѣса и уклоненіе въ поморскую секту; но по данной правительству подпискѣ быть попрежнему въ правовѣріи — оставлена отъ дѣла свободною. Послѣ освобожденія изъ кунгурскаго тюремнаго за́мка за первый побѣгъ я проживала семь лѣтъ въ домѣ родителей своихъ, ходила въ православную церковь молиться Богу; но святыхъ таинъ не приобщалась и побуждаема къ тому не была, а какъ зная, что истинная христіанская вѣра соблюдается въ лѣсахъ, и исполнители оной отъ міра бѣжатъ, то назадъ тому три года, передъ праздникомъ Ильи пророка, изъ дому отца своего скрылась вторично; скитаясь по лѣсу, пришла на ключъ, впадающій въ рѣку Березовку, и отыскавши удобное мѣсто, основала земляную келью... куда пришла ко мнѣ дѣвица Марфа Маракулина; по окончаніи кельи мы именовали себя христіанскими именами: я называлась Улитой, а дѣвица Марфа — Анной... Обратиться попрежнему въ православіе не желаю, потому что, совращаясь дважды въ расколъ, не смѣю надѣяться болѣе на покровительство закона. На всѣ данные мнѣ вопросы отвѣтствую по чистой совѣсти, справедливо, въ томъ собственноручно и подписуюсь. Къ симъ отвѣтамъ крестьянская дѣвка Матрена Ширяева по упрямству своему руки не приложила и приложить таковую никому не довѣрила».

Въ заключеніе, для дополненія характеристики ученія и религіозно-политическаго характера бѣгуновъ, приведемъ *полемическое сочиненіе противъ странниковъ*, неизвѣстно кѣмъ написанное — православнымъ или бѣглопоповцемъ. Сочинитель пишетъ: «Можетъ быть скажетъ намъ странникъ, что отъ царей тогда такъ (христіанами странники) названы были, однако сего утвердить не можно, чтобы и сами такъ никогда не нарицались... Мы не дерзаемъ возставлять крамолу на властей, якоже странники... Отъ того, еже злорѣчится нынѣ христіаномъ раскольниками, яко отъ небывалаго нѣкоего и внезапнаго клича ужаснены будучи странники, нарушили всякое благочиніе и вѣчный законъ христовой церкви, и поставя сіе довольною причиною не точію непокоренія властемъ, но единственною виною погибели христовой церкви, и составили новый странническій сонмъ, все растерзали и попрали въ церкви. Сія ихъ дерзость второкрещенья и верхъ всякаго ихъ законоположенія совершенно ихъ отчуждали отъ всякаго вѣрныхъ присвоенія... Я не знаю, претерпѣвала ли когда церковь отъ хулителей своихъ такія хулы и укоризны, каковыя сѣмя ея терпитъ нынѣ отъ сихъ христіано-хулителей — странниковъ. Не вѣмъ, тщился ли кто такъ отъ еретиковъ разсѣвать свою прелесть, какъ сіи. Они праздны будучи и бездѣльны и невостягнуты никакими законами, успѣшно исполняютъ, какъ мнятъ, дѣло проповѣданія истины. И въ малое, какъ извѣстно намъ, время, отъ лѣта 7332, аки вины преткновенія ихъ, день отъ дня вяще и вяще умно-

жаются въ количествѣ. Яко болѣе 500 нынѣ быти числу ихъ какъ сами сказываютъ...

Странники не только что отвергаютъ *повиновеніе свѣтской власти, но и всѣхъ оной повинующихся,* аще и въ тѣлесныхъ, *облагаютъ судомъ отступничества и погибелью*... Вопроси странника: кто основалъ вашу церковь? Не должны ли будутъ рещи, яко отецъ Евфимій? Странники церкви и истинному крещенію ругаются, перекрещиваются, ибо прежде начальникъ ихъ Евфимій крещенъ былъ истиннымъ крещеніемъ, но потомъ наругался тому самокрещеніемъ и прочимъ показалъ примѣръ». Далѣе обличитель называетъ странниковъ разбойниками: «разбойники суть, понеже виновны бываютъ погибели не только душевной, но и тѣлесной, за непризнаніе надъ собою человѣческой власти и за непокорство въ тѣлесныхъ; крамольники суть, понеже крамолу на властей выдвизаютъ; отступники суть, понеже отступили отъ православной христовой церкви, и не хотятъ выдавать власти даней, уроковъ, чести и страха, якоже и ересеначальникъ ихъ; ибо не только странники удаляются, отступаютъ мѣста отечества ихъ, елико отеческаго права, ибо во всѣ времена никто не узаконивалъ, чтобъ всѣмъ бѣгать и удаляться домовъ своихъ... Развѣ токмо самая праздность учитъ ихъ обходить всюду грады и веси и всѣхъ развращать своимъ ученіемъ. Самъ Христосъ нижайшее состояніе рабства себѣ избра: отъ самаго рожденія своего вписанъ рабъ быти и данникъ Кесаря; власти Кесаря и Пилата ни въ чемъ не противился. Развѣ только скажутъ на сіе странники, что не своею волею Христосъ въ рабѣхъ кесаревыхъ написася, а по силѣ повелѣнія, но и сіе мнѣніе несогласно евангелію... Наши же изумленные странники обвиняютъ насъ и всю церковь, которая во всѣ гонительныя времена не отверглась ярма рабства, даней и властей мірскихъ... Какой извѣтъ непослушанія своего дадутъ странники? Если скажутъ, что власти тогда были не таковы, какъ нынѣ; но властей въ то время, когда апостолы поучали повиноваться властямъ предержащимъ, во всемъ мірѣ не бѣ православныхъ, но вси идолослужители, даже до Константина великаго... «По ученію странническому нигдѣ же нѣсть въ мірѣ неодолѣемой церкви, повсюду то ересями, то гоненіями есть одолѣна, даже и въ самой Россіи, отъ временъ Петра I и бывшей отъ него второй ревизіи и записанія ради въ расколъ одолена и погибла, якоже увѣряютъ они насъ въ томъ своими тетрадями; наипаче же и самымъ дѣломъ доказалъ то начальникъ ихъ Евфимій: основалъ на себѣ новую бѣгствующую церковь. И если о себѣ скажутъ, что они потомки древнихъ россійскихъ христіанъ, не писавшихся въ ревизіи, то и сіе лжа есть, ибо Евфимій нигдѣ не нашелъ незаписанныхъ въ расколъ по 2-й и по 3-й ревизіи; а если же кто и былъ отъ укрывающихся, то отъ записанныхъ не раскалывались. Бѣгуны говорятъ, что погибла церковь во вторую ревизію, бывшую въ 1744 году, и что до 1782 года, въ теченіи 38 лѣтъ, отъ второй ревизіи до самокрещенія евфиміева, церковь укрывалась гдѣ нибудь».

Умственныя направленія русскаго раскола [1]

Въ то время когда наше мыслящее меньшинство начинаетъ задумываться, по примѣру европейскихъ умовъ, надъ будущностью рабочихъ народныхъ силъ, надъ этимъ великимъ вопросомъ, стоящимъ теперь, по ходу идей и по логикѣ событій, на очереди историческаго рѣшенія, — думаетъ ли хоть какую нибудь думушку о своемъ рабочемъ житьѣ-бытьѣ огромная масса нашего простого, рабочаго народа? Масса, чернь, — говорятъ одни ревнители новаго будущаго,—это тяжелый, несворотимый тормазъ на пути прогресса, это страшная, темная сила, враждебная меньшинству лучшихъ, новыхъ генерацій, враждебная наукѣ и развитію. Масса, народъ, — говорятъ другіе, — это свѣжая, непочатая почва для цвѣтущаго развитія, вѣчный родникъ новыхъ, свѣжихъ, самостоятельныхъ силъ національнаго прогресса, источникъ своеобразныхъ коренныхъ началъ и основъ самобытной, національной гражданственности. Что же такое, въ самомъ дѣлѣ, масса простого, рабочаго народа въ дѣлѣ прогресса? Есть-ли въ ней самой хоть какіе-нибудь зачатки движенія? Заглянемъ въ индустріальную и умственную лабораторію нашего простого, рабочаго народа, въ область его работы и мысли, и посмотримъ, есть ли тамъ хоть какое-нибудь интеллектуальное движеніе.

Въ промышленной и рабочей лабораторіи нашего народа, въ сферѣ его труда мы мало замѣчаемъ признаковъ умственнаго движенія. Рабочій вопросъ, такъ разносторонне и глубоко разработанный на западѣ и вызвавшій тамъ уже разнообразныя и могучія ассоціаціи народнаго труда и самообразованія, — этотъ вопросъ нимало не занимаетъ умы нашего рабочаго народа, нисколько не возбуждаетъ его мысли. У насъ еще крайне мало развитъ, даже въ численномъ отношеніи, тотъ промышленный классъ народа, въ которомъ обыкновенно прежде и болѣе всего, чѣмъ въ осталь-

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Дѣло“ за 1867 г. № 10, стр. 319—348, № 11, стр. 138—168 и № 12, стр. 170—200 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 12 октября, 16 ноября и 19 декабря 1867 г.; редакція Н. Шульгина). Примѣчаніе духовнаго цензора на стр. 331 журнала здѣсь пропущено за его ненадобностью; оно попало въ свое время въ статью Щапова, надо полагать, ради ея спасенія отъ крайностей изуродованія текста. *В. С—въ.*

ной массѣ народа, пробуждается интеллектуальная жизнь,—именно классъ фабрично-заводскій и ремесленный. У насъ еще только 1 фабричный рабочій приходится на 112 человѣкъ жителей, тогда какъ во всей Европѣ приходится, среднимъ числомъ, на 30,5 чел. жителей, а, въ частности, въ Англіи 1 фабричный приходится на 8,3 чел. жителей, въ королевствѣ саксонскомъ на 14,4, въ Швейцаріи на 15,8, въ Бельгіи на 17 чел.; жителей, во Франціи на 25, въ Пруссіи на 26, въ Нидерландахъ на 32, въ Австріи на 53, въ Италіи на 61 чел.; даже Испанія и та въ этомъ отношеніи можетъ посоперничать съ нами, у ней 1 фабричный рабочій приходится на 69 чел. жителей. Такъ же мало у насъ простыхъ ремесленниковъ по отношенію къ общей цифрѣ населенія. По приблизительнымъ вычисленіямъ Гауснера, 1 ремесленникъ приходится, среднимъ числомъ, для всей Европы, на 23 чел. жителей; въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Пруссіи, Нидерландахъ, Баваріи, Саксоніи и др. 1 ремесленникъ приходится почти на 15 чел. жителей; въ Швейцаріи, Австріи, Германіи, Даніи, Испаніи на 39 и менѣе, въ Португаліи на 50 чел., въ Норвегіи и Греціи — почти на 60 чел., — а въ Россіи на 75 чел., т.-е. число ремесленниковъ почти въ 4 раза меньше средняго числа ремесленниковъ для всей Европы, и въ 5 разъ меньше общаго числа ремесленниковъ въ Англіи, Франціи, Бельгіи и т. п. [1]). При такой неразвитости промышленныхъ силъ Россіи вопросъ труда и общественнаго его значенія для рабочаго класса остается вопросомъ темнымъ; а это отражается и на застоѣ нашей такъ называемой черни; потому что вездѣ и всегда городскіе фабрично-ремесленные классы стояли во главѣ умственнаго движенія простого народа. «Городскія, промышленныя общины, говоритъ Риль, суть сила соціальнаго движенія, а земледѣльческія общины — сила соціальной инерціи, застоя. Въ тѣхъ проявляется самосознаніе, а въ этихъ дѣйствуетъ больше инстинктивность. Старыя легенды, старыя суевѣрія у нихъ сохраняются дольше». [2]) «Города, — говоритъ Туккеръ, — менѣе благопріятны для здоровья, но болѣе знаютъ средствъ для обезпеченія здоровья; они расширяютъ поле для добродѣтели и порока; они споспѣшествуютъ всякаго рода нововведеніямъ, какъ добрымъ, такъ и худымъ. Любовь къ свободѣ въ земледѣльческой массѣ сильнѣе и крѣпче, но за то между городскими классами она раціональнѣе, умнѣе и энергичнѣе» и проч. [3]). И у насъ, наибольшее интеллектуальное развитіе, и притомъ между самыми суевѣрными классами народа, замѣчается только въ тѣхъ городахъ, гдѣ наиболѣе развиты промышленность и ремесленность, тогда какъ рядомъ въ земледѣльческихъ уѣздахъ господствуетъ во всемъ упорствѣ суевѣріе. Такъ, напр., въ Казани, городскіе раскольники, промышленники и ремесленники, вѣрятъ въ медицину и въ болѣзняхъ призываютъ докторовъ, а раскольники — не городскіе медицину считаютъ какою-то чертовщиною, даже избѣгаютъ прививать оспу, не смотря

[1]) Дѣло, № 3-й: Производительныя силы Россіи, 117—118 стр.

[2]) Riehl's, Bürgerliche Gesellschaft s. 39. Его-же Land und Leute s. 144: Land und Stadt-gemeinden entsprechen dem Doppelzug in der Bürgerlichen Gesellschaft der Mächten des „socialen Beharrens“ und der „socialen Bewegung“.

[3]) Ibid. § 54.

на страшныя и явныя послѣдствія такого упорства; городская, торгово-промышленная раскольничья молодежь почитываетъ ужъ и книги свѣтскаго содержанія, а уѣздные сельскіе раскольники обучаютъ свое юношество еще попрежнему—только по своимъ старымъ церковнымъ книгамъ; городскіе, и именно казанскіе раскольники — купцы и жены ихъ, — не только носятъ европейскій костюмъ, но и бываютъ въ театрѣ, дочери ихъ учатся иностраннымъ языкамъ и музыкѣ, а сельскіе раскольники все это считаютъ бѣсовскою выдумкою, антихристовымъ новшествомъ [1]). Раскольники посада Клинцы, Черниговской губерніи, владѣя многочисленными фабриками, заводами и мастерскими, — всего до 150, — не довольствуясь первоначальнымъ обученіемъ, заявляютъ потребность учредить у себя реальное, техническое училище, гдѣ бы преподавались физика, химія, механика и географія. А уѣздная земледѣльческая масса черниговскихъ раскольниковъ училища считаетъ негоднымъ новшествомъ [2]). Притомъ у насъ и въ мануфактурно-промышленныхъ рабочихъ классахъ, даже въ городахъ, съ восточнымъ тщеславіемъ выставляющихся торгово-промышленными центрами, промышленная интеллигенція, по большей части, до того жалка, что какое-нибудь допотопное, рутинное, патріархальное домашнее хозяйство и самые безъискусственные промыслы еще вполнѣ преобладаютъ надъ всякою ремесленностью, ведущею къ умственному прогрессу и требующею болѣе или менѣе развитой мысли и знанія. Напр., въ Иркутскѣ, который, въ памятной книжкѣ на 1865 г., съ такимъ восточнымъ самохвальствомъ выставленъ умственно-прогрессивнымъ городомъ, до сопоставленія даже съ Петербургомъ,—въ Иркутскѣ изъ числа 69,6% лицъ, занимающихся частною дѣятельностью, приходится на занимающихся торговлею 5,9%, ремеслами 11,7%, *домашнимъ хозяйствомъ*—28,2%, на прислугу, *поденщиковъ и чернорабочихъ*—15,7%, на занимающихся частными умственными занятіями—8,2% [3]). Такимъ образомъ изстаринное патріархальное, восточно-обрядовое домашнее хозяйство въ Иркутскѣ, состоящее въ допотопно-рутинномъ, строго-обрядовомъ выполненіи, въ урочное время года, мѣсяца и дня, обычныхъ домашнихъ привычекъ, въ родѣ такъ называемыхъ капустокъ, или въ родѣ обряда суевѣрнаго окуриванія хозяйками съ лихими бабами вѣдуньями отелившихся и нездоровыхъ коровъ и т. п.,—такое домашнее хозяйство занимаетъ въ иркутскомъ промышленномъ обществѣ самое наибольшее число умовъ и рукъ, преобладаетъ надъ всѣми другими экономическими занятіями—ремесленными, фабрично-заводскими, народо-образовательными и т. п., и даже исключаетъ возможность развитія многихъ ремеслъ и въ большинствѣ подавляетъ всякіе умственные, мыслительные интересы. Или въ томъ же Иркутскѣ, отличающемся несравненно больше восточно-купеческою чванною роскошью, чѣмъ умственными интересами, какихъ нибудь каретниковъ больше 200 (рабочихъ 200, мастеровъ 13, учениковъ 44), или извозщиковъ до 130,

---

1) Казанская губ., 472—473.

2) Журналъ мин. нар. прос. 1864 г. ч. CXXI, отд. 111, стр. 86—87.

3) Памятная кн. на 1865 г. ст. 19.

иконописцевъ до 20; а слесарей только 6, ткачей, мастеровъ каменныхъ дѣлъ и т. п. — ни одного [1]). Вообще, крайняя малочисленность нашихъ рабочихъ классовъ, ихъ взаимная разрозненность, изолированность, поодиночность и грубая эгоистическая взаимная нетерпимость, исключающая раціональную конкуренцію, цеховая, гильдейская и регламентарная стѣсненность и подавленность, вотъ главныя причины малоразвитости, неподвижности нашихъ рабочихъ классовъ. Занимаясь обыкновенно разными ремеслами и промыслами по наслѣдству отъ прадѣдовъ, дѣдовъ и отцовъ, а не по наученію и руководству науки, — наши рабочіе классы большею частію не знаютъ никакого выхода изъ этого заколдованнаго круга рутинной промышленной наслѣдственности и традиціи. При крайней умственной неразвитости они не въ состояніи не только изобрѣтать и развивать, на основаніи естествознанія, новые виды и отрасли труда, но и не могутъ сознательно дѣйствовать, опознаться въ рутинной сферѣ старыхъ промысловъ, додуматься до того, какъ выйти изъ этой гнетущей рутины. Слышится иногда изъ среды нашихъ рабочихъ классовъ глухой ропотъ и вопль противъ тяготы, невыгодныхъ условій и разносторонней эксплуатаціи труда. Но ропотъ этотъ вызывается вовсе не сознаніемъ лучшаго положенія при другихъ условіяхъ труда, а механическимъ стѣсненіемъ силъ, даромъ истрачиваемыхъ на рутинные пріемы производства. Такъ, напр., плавая въ прошлое лѣто на пароходѣ «Енисей» въ туруханскій край, мы слышали, на задней баржѣ парохода, такую жалобу рабочихъ—енисейскихъ мѣщанъ: «совсѣмъ безпользительна и не лучше каторжной наша работа. Впередъ вытаскали на себѣ изъ баржей тысячъ до 20 пудовъ, да назадъ перетаскали на баржи до 25,000 пудовъ. А дрова-то таскаешь? Надо идти далеко, сажень съ 200, съ полверсты и болѣе надо подниматься въ гору, на яръ, лѣзть въ чащу-трущобу такую, что едва стрѣла пройдетъ. Тащишь вдвоемъ-то на своихъ плечахъ пудовъ 10 или 12 дровъ, плечи веревкой изрѣжешь да изотрешь, руки измозолишь да исцарапаешь. И сколько возни-то съ дровами: кладешь ихъ изъ полѣнницъ на носилки, съ носилокъ сбрасываешь въ шитикъ, въ шитикѣ укладываешь, потомъ сбрасываешь съ шитика на баржу, на баржѣ складываешь въ полѣнницы, потомъ опять съ баржи въ шитикъ и на пароходъ. И изъ-за чего вся эта каторжная работа? Все лѣто убьешь, и 50 рублей не заробишь. Ну, жалованья 15 рублей, въ 3 мѣсяца, значитъ, 45 рублей, да еще за 10 дней—всего выходитъ 50 рублей. Да всѣ они давно забраны. «Я забралъ, напр., 57 рублей, говорилъ одинъ: значитъ, не только ничего не заробилъ, не унесу домой, а еще долженъ хозяину 7 рублей». Другой говоритъ: «я остался долженъ рубля 3», третій: «я — 10 рублей» и т. д. Нѣтъ, что и говорить: совсѣмъ безпользительна эта наша плавка. А отъ хозяина какая милость? «Э, работаютъ», — говоритъ онъ, лежа на боку. А кормить-то какъ? Въ контрактѣ было ряжено, чтобы каша была 2 раза въ недѣлю—въ четвергъ и воскресенье, а мы ее и въ глаза вовсе не видимъ; говядины было ряжено 1½ фунта на человѣка, а даютъ только по 1 фунту

[1]) См. ту же „Памятн. книжку Иркутск. губ.“

говядина такая, что за 2, за 3 сажени нельзя подойти къ ней, а поѣшь ее, такъ отъ тебя заходомъ пахнетъ; теперь и получше говядина, такъ даютъ только по 1 фунту, по полфунту крадутъ, вѣрно наши-то крохи копятъ своимъ дѣтямъ. Въ первые годы былъ чай, а нынѣ только когда отправились изъ Енисейска, раза 2 дали чаю, а теперь его вовсе не видимъ. По всему этому, невольно, въ дорогу-то заберешься, у него же и издержишься кое на пищу, кое на чаишко и на одежу. Онъ же намъ продаетъ, насупротивъ прочихъ, дороже: какія-нибудь рукавицы въ 1 руб. 50 коп. намъ ставитъ въ 2 рубля, сапоги въ $1^1/_2$ и 2 рубля отдаетъ рабочимъ за 4 руб. 20 коп. И рукавицы-то тутъ же, на его жъ работѣ издорявишь, и сапоги-то тутъ же износишь. Въ первые годы хоть съ прикладомъ ходили: насаливали себѣ рыбы пудовъ 10, икры пуда 2 или около. А теперь изъ 50 рабочихъ человѣкъ 15 или 16 только везутъ немного рыбки-то, кто пудъ, кто $1^1/_2$, кто 2 пудика. Остальные—ни фунта, ни косточки не вывезутъ». [1]). И эти же енисейскіе граждане, рабочіе, на слѣдующее лѣто, опять наймутся къ тому же хозяину, забравши у него въ зиму по 3, по 5, по 16 руб. и т. д., рублей до 50 и больше. Нѣкоторые изъ нихъ уходятъ на пріиски, въ тайгу енисейскую. И оттуда выходятъ потомъ съ такимъ же глухимъ ропотомъ. Такъ, напр., на маклаковской станціи, въ 85 верстахъ отъ Красноярска, одинъ выходецъ съ пріисковъ енисейскихъ намъ разсказывалъ: «на пріискахъ народъ хуже скота живетъ, вольная каторга. Казармы—съ землянымъ поломъ; печка въ нихъ, въ родѣ котла, испаряетъ вонючую, удушливую прѣль; нары полны грязи. Завалитъ рабочаго землей, — пишутъ: померъ божіею волею. Болѣзни — цынга, водянка и проч. валятъ рабочихъ. Рабочіе — все народъ сердитый. Ну, какъ и не быть сердитымъ? Не выспятся, не наѣдятся хорошенько. Утромъ рано, въ 2 часа, звонокъ будитъ ихъ на работу, и работаютъ они до 8 часовъ. Ѣдятъ одни щи изъ соленой говядины, по 1 фунту говядины въ день. Потомъ—народъ все сбродный изъ разныхъ мѣстъ, разнокалиберный, оттого ссорятся и дерутся между собою и проч. И по выходѣ изъ этой «вольной каторги», весной, рабочіе опять идутъ и нанимаются на пароходъ, а многіе опять и на слѣдующее лѣто идутъ на ту же «вольную каторгу». Такъ бьются наши рабочіе, какъ рыба объ ледъ, вслѣдствіе своей умственной неразвитости, ненаходчивости и недодумчивости. Когда мы сказали рабочимъ на баржѣ: «вы бы подумали, нельзя ли вамъ, путемъ сбереженія, составить складчину и артель и самимъ на судахъ плавать на низъ Енисея за рыбой и пушниной?» «Гдѣ?» сказали рабочіе въ одинъ голосъ: «никакъ не приходится намъ это дѣло; первое, намъ нечѣмъ начать, нечѣмъ заводъ завести, а второе, ты видишь, между нами нѣтъ никакого согласія, видишь, какъ мы то и дѣло ссоримся, да бранимся изъ за пустяковъ». И дѣйствительно, рабочіе на баржѣ частенько ссорились и ругались между собой. Вообще все сознаніе нашихъ здѣшнихъ рабочихъ вся ихъ дума о невыгодномъ и неблагодарномъ трудѣ, о рутинной сжа

[1]) Изъ моихъ путевыхъ записокъ.

тости его, о горемычной безъисходности рабочаго житья-бытья ограничивается тупымъ, безсознательнымъ недовольствомъ и ропотомъ.

Итакъ, *въ области нашего промышленнаго труда, рутина и разрозненность силъ составляютъ отличительныя черты застоя.* Заглянемъ же теперь въ сферу его умственной жизни.

Здѣсь прежде всего замѣтно какое-то темное броженіе, замкнутое въ кругу старыхъ, унаслѣдованныхъ съ вѣками понятій и вѣрованій. Въ массѣ простого, рабочаго народа безпрерывно развиваются разнообразныя ученія и составляются все новыя и разнообразныя умственно-общинныя согласія. Каждое ученіе, каждое согласіе имѣетъ свой отличительный, индивидуальный умственный типъ и выражаетъ одно какое-нибудь умонастроеніе простого, рабочаго народа. И всѣ они, въ совокупности, повидимому, доискиваются одного какого-то умственнаго и соціальнаго идеала, общаго для всѣхъ ремесленныхъ рабочихъ общинъ, всѣ болѣе или менѣе исполнены «общаго упованія», ожиданій, надеждъ на свое новое, лучшее будущее. Загадочны и весьма любопытны эти умственныя блужданія, поиски, идеалы и стремленія раскольничьихъ рабочихъ согласій.

Вотъ, напр., такъ называемое «Общее Ученіе» и рабочее согласіе или братство «Общихъ», возникшее въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Саратовской губ. и особенно распространившееся въ Закавказьѣ, основанное молоканами Евсигнеевымъ, Яковлевымъ и Михаиломъ Акинфіевымъ Поповымъ. Въ этомъ «Общемъ ученіи», изложенномъ въ «Уставѣ упованія общаго ученія» Михаила Акинфіева Попова, и въ этомъ рабочемъ союзѣ или согласіи «Общихъ» выразился замѣчательный, своеобразный, общинно-устроительный умственный тактъ нашего простого, рабочаго народа. Здѣсь мы укажемъ только на основныя черты этого «Общаго ученія», отлагая подробности до особаго очерка секты «Общихъ». Каждая слобода, по этому ученію, есть особая община. Каждая партія, на которую подраздѣляется союзъ «Общихъ», или каждый домъ составляетъ какъ бы домашнюю церковь. Дома для жительства каждой партіи строятся міромъ единомышленниковъ одной свободы. Имѣнья, движимыя и недвижимыя, и доходы съ нихъ, принадлежатъ братскому общему союзу, по изравненіи каждаго, не разбирая, кто, гдѣ, въ какой странѣ или деревнѣ находится; личной же собственности, ни движимой, ни недвижимой, ни у кого нѣтъ. Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земли, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, однимъ словомъ—все сельское хозяйство и промышленность находятся въ распоряженіи партій, принадлежатъ цѣлой слободѣ, въ которой партіи находятся, и доходы со всего этого имущества составляютъ общую сумму общины. У «Общихъ» въ каждой слободѣ одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно общее хлѣбопашество и полеводство. Изъ общей кассы, также изъ общаго имущества, отпускаются части въ партіи поголовно, на число душъ, по изравненію. Такимъ образомъ распредѣляются по партіямъ скотъ, всѣ хозяйственныя потребности, одежда, обувь и проч. А въ каждой партіи выбирается домашній или земскій распорядитель, сохраняющій все мужское верхнее платье и обувь партіи, домашняя или земская распорядительница, распо-

ряжающаяся женщинами партіи; распорядительница надъ пищею обязана смотрѣть, чтобъ хлѣбъ былъ хорошо испеченъ, пища хорошо сварена, и раздавать хлѣбъ и пищу, уравнивая ихъ; наконецъ, всеобщая распорядительница завѣдуетъ принадлежащимъ партіи всѣмъ бѣльемъ, холстомъ, нарядами, женскими сарафанами, платками, занавѣсками, холодниками и проч. Слободы управляются также выборными чинами—судьею, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, жертвенникомъ, распорядителемъ, видѣтелемъ, молитвенникомъ, словесникомъ, членомъ, тайникомъ, мысленникомъ. Всѣ работы, полевыя и домашнія, производятся общими трудами, по наряду общинныхъ чиновъ и домашнихъ распорядителей. Въ каждой слободѣ учреждены общія училища, въ которыя обязаны отдавать своихъ дѣтей всѣ родители «Общаго упованія»: книги и бумаги, потребныя для школъ, покупаются на общественную сумму. «Ученіе Общее» всѣмъ рабочимъ проповѣдуетъ братство, символомъ котораго служитъ общее взаимное лобызаніе — *соборное*, на общихъ соборныхъ сходахъ всей слободы, *домашнее*—между членами каждой партіи и *единотѣльное*, при входѣ другъ къ другу въ дома. Бракъ у общихъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію молодой четы, и по засвидѣтельствованію предъ народомъ. Таковы главныя, основныя начала «Общаго ученія».

Или вотъ другое, не менѣе оригинальное ученіе, возникшее въ средѣ простого народа, именно такъ называемое ученіе *немоляцкое*, распространенное, въ 30-хъ годахъ, донскимъ казакомъ Гавриломъ Зиминымъ. Въ этомъ ученіи преимущественно выразилось своеобразное умонастроеніе нашего простого, рабочаго народа — и, въ частности, размашистое вольнодумство казачьихъ умовъ. Такъ какъ въ этнологическій составъ донского казачьяго войска вошло много родовъ калмыцкихъ, татарскихъ и турецкихъ,—то и неудивительно, что на этой этнологической почвѣ возникло такое хладнокровное отрицаніе всѣхъ церковныхъ и гражданскихъ учрежденій въ Россіи, какое представляетъ ученіе «немоляковъ». Внѣшнее, церковное богослужебное моленіе, по ученію немоляковъ, съ 1666 года будто бы прекратилось, и теперь настало время «умнаго поученія и ума дѣланія», церкви или храмы православные — суть простые дома. Посты, а также праздники, немоляки совершенно отвергаютъ; пищу употребляютъ во всякое время, какую хотятъ, не различая постныхъ и скоромныхъ дней. Брачный союзъ заключается у немоляковъ безъ всякихъ чиноположеній и молитвъ, а по одному только обоюдному согласію жениха съ невѣстою и родителей; другъ друга же, безъ всякихъ причинъ, нарушающихъ вѣрность супружества, оставлять не должны. Умершихъ немоляки погребаютъ безъ всякихъ пѣній и молитвословій, но какъ можно въ самомъ простѣйшемъ видѣ, толкуя, что умершій есть трупъ, земля, и потому поминовенія объ умершихъ никакого не дѣлаютъ. Второе пришествіе Христово и страшный судъ, а также царство небесное, рай и адъ немоляки тоже отрицаютъ. Наконецъ, немоляки судятъ, что всѣ власти и учрежденія, какъ основанныя яко бы на незнаніи о временахъ вѣка, не могутъ быть дѣйствительными, почему и уклоняются отъ надлежащаго повиновенія имъ. Будучи проник

нуты такими понятіями, немоляки и всякую присягу отвергаютъ. Вслѣдствіе такихъ убѣжденій немоляки уклоняются отъ точнаго исполненія гражданскихъ законовъ, толкуютъ такъ: въ службу государственную, какого бы рода она ни была, хотя и можно поступать, но только при неизбѣжныхъ обстоятельствахъ, именно, если правительство опредѣлитъ понудительными мѣрами; но если бы случилось имъ (немолякамъ) стать противъ непріятеля съ оружіемъ, то, по ихъ ученію, отнюдь не должно вооружаться.

Или вотъ, еще странное общество рабочихъ, — такъ называемыхъ «людей божіихъ и скопцовъ»—общество «*плотничковъ и купцовъ русскихъ*», какъ воспѣваютъ себя въ пѣсняхъ скопцы. Въ этомъ обществѣ оригинально выразился преимущественно восточный умственный складъ великорусскаго рабочаго народа. На «сборищахъ» этого общества рабочіе люди, «плотнички и работнички божіи» ищутъ прежде всего разгадки и познанія своей «*общей и частной судьбы*», посредствомъ восточнаго финско-русскаго шаманства, облеченнаго въ форму восточнаго *лжепророчества*. Простодушные рабочіе люди божіи отъ души вѣрятъ, что самъ

Милосердый ихъ отецъ,
Всѣхъ пророковъ избираетъ,
На святой кругъ поставляетъ,
Духа въ нихъ вселяетъ,
Судить судьбу благословляетъ.

Угнетенные, подавленные вѣковымъ крѣпостнымъ рабствомъ, — «плотнички», по своему восточному умонастроенію, съ востока ждутъ своего искупителя и рѣшенія «общей судьбы».

Красно солнышко засвѣтитъ,
Теплой воздухъ разольется,
То нашъ батюшка страдатель,
По сырой землѣ катаетъ,
Своихъ вѣрныхъ собираетъ
Изъ всѣхъ четырехъ странъ,
Не убоясь черныхъ вранъ,
Тюрьмы, остроги отворяетъ
На себѣ все вподымаетъ,—
Всѣ печали и труды.

На сходбищахъ рабочаго согласія людей божіихъ и скопцовъ,—собираются все больше простые рабочіе—«*плотнички*», и думаютъ думу.

Сидятъ *плотнички* московскіе,
Московскіе, петербургскіе.
Они думу думаютъ за едино:
Ужъ какъ намъ быть,
По синю морю плыть
Супротивъ волны . . .

Пѣснѣ доревенской, простонародной, какую поетъ рабочій людъ на работѣ и по праздникамъ, на веселыхъ игрищахъ и сборищахъ, пѣснямъ и

хороводнымъ пляскамъ «дѣвицъ»,—рабочее согласіе людей божіихъ и скопцовъ даетъ религіозную санкцію.

Добрымъ молодцамъ лжепророчица, какъ ворожея, предсказываетъ:

Будешь батюшкинъ пѣвецъ,
Будешь на разные голоса распѣвать . . .

Обремененные повседневною необходимостію—въ потѣ лица вырабатывать хлѣбъ, и, наконецъ, лишенные такихъ общественныхъ удовольствій, какими наслаждается и экзальтируется высшее, не рабочее общество,—«плотнички», рабочіе люди божіи ищутъ въ своихъ собраніяхъ духовнаго утѣшенія и увеселенія. Собравшись вмѣстѣ съ «дѣвицами» и сплетшись въ дружный хороводный кругъ,—они все поютъ и поютъ, да пляшутъ, вдохновляясь надеждою узрѣть какого-то своего батюшку искупителя.

Но эта странная, экзальтированная, шаманско-лжепророчествующая секта нашего простого народа въ то же время преисполнена, какъ сейчасъ увидимъ, самыми мрачными заблужденіями, порожденными восточнымъ вліяніемъ.

А что это еще за круги мужчинъ и женщинъ въ поляхъ, подъ открытымъ небомъ, среди зелени, цвѣтовъ и лѣса? Это—собраніе духоборческое. И тутъ все одни рабочіе, и преимущественно земледѣльцы и садоводы [1]). Отрицая храмы и всю церковную внѣшность, они поютъ псалмы и пѣсни духовныя въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, въ храмѣ природы. Духоборческая община, также какъ и согласье «общихъ» — это община рабочихъ людей [2]). Въ запискѣ о духоборцахъ, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ», написанной, вѣроятно, Лопухинымъ въ 1805 г., такъ изложена сущность ученія и внутренняго устройства духоборческой общины на Молочныхъ водахъ: «наиболѣе уважаемая, по ученію и въ жизни духоборцевъ, добродѣтель, есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности, но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ. По переселеніи ихъ на Молочныя воды, они доказали это и на самомъ дѣлѣ: ибо они сложили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ что теперь у нихъ тамъ одна общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазина; каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ему ни понадобится.

«Въ обществѣ ихъ нѣтъ никакихъ старшинъ, которые бы управляли и распоряжали обществомъ; но общество управляетъ всѣмъ и каждымъ. Письменныхъ постановленій и правилъ также нѣтъ у нихъ никакихъ. Судя по обыкновенному духу простого народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы, кажется, быть разногласіе и безпорядокъ; однакожъ такого безпорядка никогда еще у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ водахъ, до

---

[1]) Поселенные на Молочныхъ водахъ, духоборцы преимущественно занимаются земледѣліемъ: они особенно любятъ его.

[2]) „Общіе" и „духоборцы" основываютъ свою общину на ученіи, заключающемся въ Дѣяніи гл. 2 ст. 44 и 45: „и имяху вся обща, и стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху всѣмъ, его аще кто требоваше".

трехъ и даже до пяти многолюдныхъ семействъ, уживаются въ одной большой избѣ. Духоборцы общительны и дружелюбны между собой. Они дѣлаютъ у себя собранія, приглашая къ себѣ собратій. И если такое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ угостить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему нужную къ ужину пищу, или иногда приносятъ ее съ собой. Пришедши въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга—мужчины мужчинъ, а женщины женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь троекратно: рука за руку берутъ въ знакъ союза любви, благовѣщанія и познанія разума. Страннопріимство также не послѣдняя между ними добродѣтель: съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія они не берутъ ничего — ни за постой, ни за пищу. Для проѣзжающихъ у нихъ на Молочныхъ водахъ построенъ былъ особый общественный домъ. Къ ближнему духоборцы сострадательны: само мѣстное начальство, при всѣхъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовало предъ высшимъ начальствомъ, что они въ нуждахъ оказываютъ ближнимъ пособіе и великія благотворенія; они жалостливы даже къ домашнему скоту: ибо почти никогда не бьютъ его. Наказаній между братьями нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенья изъ общества, и это исключенье бываетъ за самыя явныя преступленія. Бракъ они не почитаютъ таинствомъ, и совершается онъ у нихъ по одному взаимному согласію молодой четы. Такъ какъ между духоборцами нѣтъ никакого предпочтенія по богатству и по знатности фамилій, то родители у нихъ вовсе не вмѣшиваются въ браки. Церемоній и обрядовъ при томъ также никакихъ не бываетъ: достаточно для брака согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ: тогда объявляютъ они родителямъ и братіи, и живутъ вмѣстѣ. Какъ скоро мужчина познаетъ дѣвицу, будетъ съ нею въ тайномъ союзѣ,— то онъ уже не можетъ отказаться имѣть ее и своей женой: въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Этому же наказанію подвергаются и прелюбодѣи, если бы они случились между ними. Разводъ, въ намѣреніи вступить въ новый бракъ, у нихъ никогда не бываетъ: ибо это считается уже прелюбодѣйствомъ. Но если бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для чистоты, то это конечно зависитъ отъ нихъ самихъ. Женщины у нихъ призваны на учительство: ибо, говорятъ они, и женщины имѣютъ разумъ, *а свѣтъ въ разумѣ* [1]). Относительно ученія духоборцевъ, Лопухинъ, въ выпискѣ своей о духоборцахъ, составленной имъ при первомъ его донесеніи императору Александру I изъ Харькова отъ 12 января 1801 года, между прочимъ, сообщаетъ: «Царское достоинство приписываютъ единому токмо Богу, впрочемъ разумнѣйшіе изъ нихъ признаютъ за нужное для развращенныхъ людей на землѣ власть верховную, не отличая оной отъ прочихъ человѣковъ, и государю дотолѣ токмо повиноваться должно, доколѣ повелѣнія его согласны съ истиною и съ волею Высочайшаго Существа; почему и всѣ духовныя ихъ пѣсни составлены изъ

---

[1]) Лѣт. Литер. 1859 г. отд. III стр. 5—19; нѣкоторыя черты объ общинѣ духоборцевъ—записка 1805 г.

псалмовъ, болѣе относящихся къ единству Бога и къ верховному его правительству надъ вселенною. Подать давать и защищаться отъ непріятеля считаютъ за должное; но всякое нападеніе, хотя бы то было по повелѣнію начальниковъ, отвергаютъ» [1]).

И много еще есть других, не менѣе оригинальныхъ умственныхъ оттѣнковъ въ разныхъ отрасляхъ русскаго раскола. Въ настоящее же время расколъ представляетъ два основныхъ корня, изъ которыхъ развились и развиваются всѣ новыя умственныя направленія и оттѣнки разнообразной раскольничьей мыслительности. Безпоповщинское, поморское согласіе представляетъ основной корень, изъ котораго развиваются главнымъ образомъ секты отрицанія, секты, которыя и теоретически, ученіемъ, и фактически, въ жизни, отрицаютъ общепринятый существующій порядокъ Таковы, напр., секты — нѣтовщина, бѣгуны, немоляки и т. п. Молоканско-духоборческое ученіе, возникшее отчасти подъ вліяніемъ западныхъ мистико-соціальныхъ идей, характеризуется главнымъ образомъ положительнымъ, общинно-устроительнымъ умственнымъ направленіемъ, и потому служитъ источникомъ сектъ и ученій общинно-устроительныхъ. Такъ изъ этого ученія развилось «Общее ученіе» и «Согласье общихъ».

Вообще же, умственное движеніе русскаго раскола представляетъ четыре главныя характеристическія направленія. Во-первыхъ, *азіатско-великорусское*, шаманско-пророческое умонастроеніе, господствующее въ сектѣ такъ называемыхъ людей божіихъ и скопцовъ; во-вторыхъ, *западно-великорусское*, или духовно-общинное направленіе, выразившееся въ сектахъ духоборческихъ и особенно въ такъ называемой сектѣ «Общаго ученія» или «Общихъ»; въ-третьихъ, *византійско-великорусское*, церковно-грамотническое умонастроеніе, преобладающее въ поповщинѣ и во многихъ сектахъ безпоповскихъ, особенно въ поморской; и, наконецъ, въ *мистико-скептическій образъ мыслей*, проявившійся, напр., въ сектѣ «немоляковъ». Въ настоящемъ очеркѣ мы разсмотримъ историческое развитіе и умственный складъ общества людей божіихъ и скопцовъ.

Секта людей божіихъ и скопцовъ

I

Историческое развитіе восточно-великорусскаго, шаманско-пророческаго міросозерцанія русскаго раскола представляетъ два періода: періодъ собственно *кудеснический* и *шаманскій*, продолжавшійся до появленія волхвовъ расколо-учителей (до конца XVII вѣка), и періодъ *пророческій*, начавшійся со времени появленія пророковъ людей божіихъ — этихъ новыхъ *великихъ волхвовъ*, какъ называлъ ихъ православный народъ.

Въ первый періодъ финско-славянское кудесничество и шаманство подготовило изъ восточно-азіатскихъ элементовъ обильную почву для развитія шаманско-пророческой секты людей божіихъ.

---

[1]) Чт. Общ. Выписка о духоборцахъ стр. 47—48.

Славяне, распространивши свою колонизацію по всему финскому сѣверо-востоку, среди разныхъ чудскихъ племенъ, повсюду здѣсь встрѣтили сильно-развитое финское кудесничество. По всему финскому сѣверо-востоку славились своимъ обаятельнымъ владычествомъ надъ народными умами финскіе волшебники, кудесники, кебуны, арбуи, въ родѣ прославляемыхъ доселѣ въ лапландскихъ легендахъ волшебниковъ Пэйвіэ (Paiwiö), Торагаса (Toragas), Каркіаса (Karkias), и т. п. [1]) Славяне, вслѣдствіе колонизаціоннаго, сожительно-бытового и, наконецъ, физіологическаго смѣшенія съ финскими племенами, мало-по-малу неизбѣжно подчинились умственному обаянію этихъ могучихъ финскихъ волшебниковъ. И такимъ образомъ, какъ путемъ физіологическаго смѣшенія славянскаго племени съ чудскими племенами слагался физико-этническій великорусскій типъ, такъ, вслѣдствіе умственнаго смѣшенія славянскихъ миѳическихъ суевѣрій съ суевѣріемъ финскихъ кудесниковъ, развивался смѣшанный, азіатско-великорусскій финско-славянскій умственный типъ, и образовалось смѣшанное чудско-славянское, волшебно-кудесническое міросозерцаніе. Финско-славянскіе волхвы, кудесники стали во главѣ умственной жизни огромной массы великорусскаго народа. Они были единственными *вѣдунами*, *знахарями* всѣхъ тайнъ природы, вѣдунами всѣхъ тайнъ царства минеральнаго, растительнаго и животнаго.

Первоначально, появленіе вѣдунства, въ историческомъ развитіи первобытнаго младенческаго міросозерцанія финскихъ и славянскихъ племенъ, не смотря на его большею частью мрачный, вредный, умственно-омрачительный характеръ, все-таки представляло,—скажемъ словами Кастрена,— Fortschritt in sich Protest gegen die blinde Gewalt der Naturmächte über den Menschen Geist, хотя протестъ этотъ еще вовсе не могъ имѣть въ основѣ никакой высшей идеи, какая свойственна уже современному, европейскому, естествоиспытующему генію [2]). «Тогда какъ въ настоящее время, — говоритъ Розенкранцъ, — человѣкъ сознаетъ свою свободу, въ противоположность внѣшнему міру, — въ религіи естественной — это чувство свободы, въ противоположность внѣшней природѣ, проявляется преимущественно, какъ волшебство, какъ Lauberei. Народы, живущіе въ естественной религіи, правда, отчасти превозмогаютъ природу, но только настолько, насколько ихъ побуждаетъ къ тому поддержаніе собственнаго бытія. Они занимаются звѣроловствомъ, рыболовствомъ, пасутъ стада, воздѣлываютъ

---

[1]) На финскомъ сѣверѣ, въ Эстляндіи, Финляндіи и особенно въ Лапландіи и доселѣ большая часть народныхъ легендъ состоитъ изъ разсказовъ о древнихъ славныхъ финскихъ волшебникахъ и шаманахъ. Die meisten Erzählungen, — говоритъ Кастренъ, enthielten eine Schilderung von Thaten ausgezeichneter Schamanen, und in den meisten Erzählungen wurde besonders die Eigenschaft bei den Schamanen der Vorzeit gepriesen, dass sie sich in jede beliebige Gestalt verwandeln konnten. Der Glaube an eine solche Kraft bei den Schamanen ist ehemals weit verbreit gewesen, so wohl in Finnland als auch insbesondere in Lappland, und noch heut zu Tage ist dieser Aberglaube nicht vollkommen bei den Lappen ausgerottet etc. Castren's Reiseerinnerungen 1838--1844. s. 29. Самое слово волхвъ, по словамъ филологовъ, сродно съ финскимъ Volhe.

[2]) Kastren's, Reiseerinnerungen s. 1, 4.

землю, но въ этихъ занятіяхъ своихъ они впервые сосредоточиваются въ самихъ себя, впервые приходятъ къ сознанію своей субъективной свободы только тогда, когда природа противопоставляетъ ихъ стремленіямъ и цѣлямъ такія рѣзкія, рѣшительныя противодѣйствія, что обыкновенная дѣятельность становится недостаточною. Тогда, если небо отказываетъ въ дождѣ, если бурный, стремительный потокъ волнъ разрушительно устремляется противъ человѣка, если стада подвергаются мору, если въ умирающемъ жизнь уступаетъ смерти,—тогда затронутое въ человѣкѣ чувство собственнаго индивидуальнаго существованія возмущается, приходитъ въ волненіе, и выражается въ заговорѣ, въ заклинаніи природы. Она имъ создана. Онъ ея господинъ и владыка, его *слово* можетъ заставить ее снова стать въ тѣ границы, въ какія онъ хочетъ поставить ее. Облака должны излить задержанныя воды, наводненія опять должны возвратиться въ свои прежніе источники, моръ долженъ прекратиться, смерть исчезнуть,—такъ какъ онъ этого хочетъ. Такъ чувство свободы есть источникъ всякаго волшебства» [1]).

Вслѣдствіе такого необычайнаго и важнаго значенія волхвовъ, вѣдуновъ въ историческомъ развитіи первобытнаго народнаго міросозерцанія,— самое рожденіе ихъ, также какъ впослѣдствіи и рожденіе первыхъ, главныхъ пророковъ людей божіихъ, — сопровождалось, по народному міросозерцанію, знаменьями и чудесами — потрясеніемъ и движеніемъ всей природы. Когда подъ вліяніемъ финскихъ кудесниковъ у славяно-русскихъ племенъ усилилось господство волхвовъ, вѣдуновъ, когда въ Кіевѣ родился вѣщій Волхвъ Всеславьевичъ,—тогда во всей природѣ произошло великое движеніе:

А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Какъ бы молодой Волхвъ Всеславьевичъ:
Подрожала сыра земля,
Сотряслося славно царство индѣйское,
А и синее море сколебалось
Для ради рожденья богатырскаго,
Молода Волхва Всеславьича:
Рыба пошла въ морску глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи куницы по островамъ [2]).

Развившись подъ вліяніемъ финскаго кудесничества, вслѣдствіе физіологическаго и умственнаго объединенія славянскаго племени и чуди,— чудско-славянское кудесничество стало во главѣ умственной жизни огромной массы сѣверо-восточнаго, великорусскаго народонаселенія. Во первыхъ, кудесники, какъ главные вѣдуны и представители финско-сл

[1]) Rosenkranz: Naturreligion, die Wissenschaft der slawisch. Mythus s. 451.
[2]) Древн. рус. стих. стр. 45.

вянскаго, народнаго міросозерцанія, всегда поддерживали въ народѣ естественную національно-языческую антипатію къ церковно-византійскому христіанскому ученію. До XIII вѣка они, какъ извѣстно, на сѣверо-востокѣ русской земли производили открытыя народныя возстанія противъ проповѣдниковъ церковно-византійскаго міросозерцанія. А по украйнамъ, гдѣ чудь преобладала надъ русскимъ населеніемъ, чудскіе кебуны и кудесники возставали противъ проповѣдниковъ христіанства и въ XVI вѣкѣ, и послѣ. Когда Стефанъ пермскій пришелъ просвѣщать финскія племена пермяковъ и зырянъ, — то противъ него возсталъ главный кудесникъ пермской земли, начальникъ всѣхъ тамошнихъ волхвовъ, старѣйшина всѣхъ чародѣевъ, волшебствомъ своимъ управлявшій всею пермскою землею [1]). Онъ говорилъ новокрещеннымъ пермякамъ: «люди и братья Пермяне! Почто оставляете своихъ отеческихъ боговъ и вѣру? Зачѣмъ перестаете приносить богамъ жертвы, какъ приносили отцы ваши? Кого слушаете: человѣка ли изъ Москвы пришедшаго? Можетъ ли намъ изъ Москвы быть какое добро, и женамъ нашимъ, и дѣтямъ нашимъ? Не оттуда ли намъ были тяготы многія и насильство безмѣрное, тіуны частые, доводчики и приставы? Тяжко, братья, житье наше будетъ». Въ преніи съ Стефаномъ пермскій кудесникъ, между прочимъ, говорилъ: «вѣра наша многимъ лучше вашей — христіанской вѣры, потому что у васъ христіанъ одинъ Богъ, а у насъ много боговъ и много помощниковъ: они даютъ намъ ловлю, все, что въ водахъ—рыбы, въ воздухѣ—птицъ, и все, что въ болотахъ, борахъ, лугахъ, въ поросляхъ, въ чащахъ, въ березникахъ, въ ельникахъ, въ соснягѣ и въ раменьи и въ прочихъ лѣсахъ — бѣлокъ, соболей, куницъ, рысей, и прочая ловля наша отъ нихъ, отъ боговъ нашихъ и до васъ доходитъ: нынѣ нашею ловлею и ваши князья и бояре обогощаются и одѣваются, ходятъ и гордятся опушками на подолахъ своихъ шубъ» и проч. [2]). Извѣстно также, какія страданія претерпѣлъ Трифонъ печенгскій, просвѣтитель кольскихъ лопарей, въ борьбѣ съ ихъ кебунами-кудесниками: «народъ, омраченный невѣдѣніемъ, — говоритъ жизнеописатель Трифона, — а паче кебуны ихъ спорили съ нимъ, и ярились какъ звѣри, за волосы его терзали, о землю метали, били и пихали, называя его незнаемымъ странникомъ и юродомъ, кричали на него: «если онъ не выйдетъ изъ ихъ страны, то горькою мукою и самою смертію угрожали ему, и говорили между собой: пойдемъ, убьемъ его, ибо поноситъ насъ паденіемъ въ беззаконіе» [3]). И послѣ такой открытой оппозиціи

[1]) „Пріиде, — говоритъ жизнеописатель Стефана пермскаго, — нѣкто волхвъ, чародѣйный старецъ и мечетникъ, нарочитъ кудесникъ, волхвомъ начальникъ, обаянникамъ старѣйшина, отравникамъ большій, иже въ волшебной хитрости всегда упражняясь, кудесному чарованію теплый помощникъ былъ: имя ему Памъ. Сего же древніе пермяне некрещеніи имяху паче всѣхъ чаровниковъ, наставника и правителя его нарицающе себѣ, и глаголаху о немъ, яко того волшебствомъ управленѣ быти Пермстѣй землѣ, и яко того утвержденіемъ утверждается идольская вѣра“.—Памятн. старин. русск. литер. вып. IV, стр. 138.

[2]) Пам. стар. рус. лит. вып. IV, с. 138: Прѣніе волхва. Лепехина, путешест. IV, 402.

[3]) Житіе Триф. Печенгск. ркп. Солов. библ. № 172.

противъ христіанскихъ учителей, — кудесники и волхвы постоянно старались отвлекать массу народную отъ усвоенія христіанской вѣры и снова обращали ихъ къ языческому идолослуженію. Великій пермскій волхвъ и чародѣй Памъ, по словамъ жизнеописателя Стефана пермскаго, «ненавидя вѣры христіанскія и не любя христіанъ, некрещеннымъ пермякамъ не веляше креститися, хотящимъ же вѣровати возбраняше, запрещаше; увѣровавшихъ же и крестившихся снова развращаше своимъ ветхимъ ученіемъ» [1]). Между прочимъ, особенно усердно поддерживалось кудесническое вліяніе въ той чудской странѣ, гдѣ впослѣдствіи особенно привилась секта людей божіихъ и скопцовъ, именно въ Вотской пятинѣ, въ предѣлахъ нынѣшней с.-петербургской губерніи. Новгородскій архіепископъ Макарій писалъ въ 1532 г. духовенству Вотской пятины: «въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане съ женами и дѣтьми своими заблудились отъ христіанской православной вѣры, въ церкви не ходятъ, а молятся по своимъ мольбищамъ, древесамъ и каменьямъ... а на кануны свои призываютъ арбуевъ (волхвовъ, кудесниковъ), и тѣ арбуи смущаютъ христіанство своимъ нечестіемъ, и по ученію ихъ тѣ христіане заблудивъ, многія злочинія творятъ и до сего дне» [2]). Для большей части народа волхвы и кудесники замѣняли православныхъ священниковъ. «Многіе люди, — читаемъ, напримѣръ, въ одномъ указѣ Алексѣя Михайловича, — забывъ Бога и православную вѣру, въ городахъ и уѣздахъ бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхвованіемъ: волхвовъ, чародѣевъ и богомерзкихъ бабъ въ домы къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія всѣхъ православныхъ христіанъ отлучаютъ» [3]). Такимъ образомъ подъ вліяніемъ волхвовъ и кудесниковъ, въ большей части народа, а особенно по украйнамъ, гдѣ преобладало населеніе обрусѣлое изъ новокрещенныхъ чухонцевъ, лопарей, чувашъ, черемисъ, мордвы вотяковъ, и т. п. до самаго появленія сектъ пророчествующихъ, — поддерживалась старая, языческая антипатія и холодность къ православной церкви и богослуженію [4]). Мало того: древнерусскіе, чудско-славянскіе, волхвы и кудесники поддерживали въ массѣ народной даже и тѣ элементы языческаго богослуженія, какіе потомъ вошли въ составъ моленій и радѣній людей божіихъ. Именно, они поддерживали такъ называемыя церковными учителями-ригористами «идольскія сборища», «зарекали соборы», т.-е. сзывали старыя религіозно-

[1]) Паш. стар. р. лит., в. IV, 138.

[2]) Дополн. къ А. И. т. I, № 28.

[3]) А. И. IV № 35, стр. 124 и 125. А. А. Э. т. III № 264.

[4]) Акты XVII вѣка исполнены жалобами духовенства на эту холодность народа къ церкви—уклоненіе отъ богослуженія и предпочтеніе „ему“ бѣсовскихъ сборищъ и игрищъ,—неуваженія къ священникамъ и преданность волхвамъ и проч. Смотри, напр. А. А. Э. III, № 264. IV, № 188 и 321. А. И. IV, № 151-й V, № 152-й. Доп. у А. И. V. стр. 115, 117, 413, 461, 468 и др. П. С. З. Т. I. стр. 246. Уже вслѣдствіе одной такой холодности къ православной церкви и богослуженію весьма возможно было возникновеніе полуязыческаго, кудесническаго, пророческаго богослуженія людей божіихъ.

увеселительныя собранія народныя. На этихъ сборищахъ идольскихъ, по словамъ тѣхъ же духовныхъ писателей, быша «*радость*» бѣсовская, происходили плесканія и плясанія мужчинъ и женщинъ, жены и дѣвы пѣли «пѣсни бѣсовскія, мірскія и пріязныя», плескали и плясали и главами качали, кликали коледы, овсеня и плуга, и тутъ же ѣли (жраху) обѣды жертвенные и, наконецъ, «тутъ же совершалось мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ замужнымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе» [1]). Такимъ образомъ въ массѣ народной искони поддерживалась привычка къ сборищамъ и къ оргіямъ, къ сборищамъ, сопровождавшимся пѣснями, хороводными плясками, мірскими обѣдами или братскими складчинами и пиршествами и даже «свальнымъ грѣхомъ». Сектѣ людей божіихъ оставалось только дать всѣмъ этимъ религіозно-языческимъ сборищамъ догматическую форму и санкцію своихъ моленныхъ сборовъ и радѣній.

Во-вторыхъ, волхвы и кудесники, считавшіеся единственными вѣдунами, знахарями всѣхъ тайнъ природы, всѣхъ тайнъ царствъ минеральнаго, растительнаго и животнаго, являлись предъ народомъ единственными пророками его судебъ, физическихъ и нравственныхъ; вѣдунами, накликателями, заклинателями и прорицателями физическаго и нравственнаго добра и зла. И здѣсь сначала надобно замѣтить, что въ древней Россіи вѣдуны, знахари были отчасти единственными доморощенными распространителями самыхъ первыхъ, младенческихъ зачатковъ естествознанія. Дознавая по своему и для своихъ цѣлей природу,—знахари иногда дѣлали кое-какія физическія открытія. Такъ знахарь бобыль Калина Артемьевъ, державшій у себя разные волшебные предметы, открылъ въ Олонецкомъ уѣздѣ рѣку, въ которой водился жемчугъ [2]). Травники, составлявшіеся знахарями и вѣдунами и переходившіе изъ рукъ въ руки въ спискахъ, были первыми доморощенными зародышами ботаническихъ знаній на Руси. Во второй половинѣ XVII в., когда въ Москвѣ заводились уже нѣмецкія аптеки и понадобилось фармакологическое знаніе травъ и кореньевъ,—самъ царь Алексѣй Михайловичъ обратился къ русскимъ знахарямъ. Въ 1674 г., по его указу, велѣно было въ Якутскѣ «всякихъ людей спрашивать, кто знаетъ о лекарственныхъ травахъ, которыя бы пригодились къ болѣзнямъ, въ лекарство человѣкамъ». Знахарь, служилый человѣкъ, Сенька Екимовъ взялся «сыскивать въ поляхъ лекарственныя травы». «И я, холопъ твой,—писалъ онъ въ челобитной своей къ царю,—не вдалекѣ отъ Якутска въ поляхъ, которые знаю лекарственные травы и коренья и сѣмена, сыскалъ, и водки изъ тѣхъ травъ сидѣлъ, и отъ какихъ болѣзней человѣческихъ тѣ травы и водки годны, и какъ тѣмъ травамъ и кореньямъ имена,—о томъ писано въ моей росписи... А около, государь, Якутска лекарственныя травы родятся не по вся годы, а родятся лекарственныя травы: бронецъ чернокрасной, воронецъ, изгоны, излюдень, жабные и разные травы по Ленѣ не близко и по стороннимъ рѣкамъ, на Собачьей рѣкѣ, у моря многія; а такихъ

[1]) Доп. къ А. И. I, № 22, № 28. А. Э. III, № 264. А. И. III, № 96. IV, № 35.
[2]) Доп. VIII, № 29.

лекарственныхъ травъ, которые ростутъ по тѣмъ мѣстамъ, въ русскихъ городахъ нѣтъ». Въ травникѣ своемъ этотъ знахарь описалъ 21 видъ лекарственныхъ травъ и кореньевъ, съ обозначеніемъ ихъ отличительныхъ, характеристическихъ признаковъ лекарственнаго употребленія и топографическаго распредѣленія или мѣстонахожденія, при водахъ, при озерахъ, промежъ горъ въ ручьяхъ, въ лугахъ и проч. [1]). Для характеристики знахарскихъ ботаническихъ изысканій и свѣдѣній мы выпишемъ изъ «росписи» знахаря Екимова описанія нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. «Трава, имя ей — колунъ, цвѣтъ на ней бѣлъ, горковата, растетъ при водахъ не во всѣхъ мѣстахъ, и сѣмя той травы красно; а годна та трава: будетъ у мужскаго пола или у женскаго нутряная застойная болѣзнь, переломъ, моча нейдетъ... Трава, имя ей—елкій, растетъ при озерахъ не во всякихъ мѣстахъ, а родится въ той травѣ сѣмя, цвѣтомъ коричное, что какъ русской макъ; а годно то сѣмя къ лекарству: будетъ у мужескаго пола или у женскаго бываетъ внутри порча, грыжа, или иная какая нутряная болѣзнь; и то сѣмя положить въ скляницу, и налить добраго горячаго вина или ренскаго и дать стоять дней 11 или 13, а что стоитъ то сѣмя подъ тѣмъ питьемъ долѣ, то и лучше; и послѣ тѣхъ урочныхъ дней—велѣть тому больному человѣку принимать не ѣдчи, не по одно время, чарки по двѣ, и сухое то сѣмя ѣсть велѣть, а малому въ ростѣ, дѣтямъ, давать то сѣмя въ коровьемъ молокѣ, отъ тѣхъ же грыжныхъ болѣзней; и то сѣмя грыжное и иныя болѣзни исцѣляетъ и гортань очищаетъ; а травы измятой 26 золотниковъ»... Описавши много другихъ травъ, знахарь заключаетъ: «да онъ же знаетъ около Якутскаго въ озерахъ, не во всякомъ озерѣ, родится масло ростомъ круто, что яблоко большое и малое, ходитъ живо, а живетъ въ глубокихъ озерахъ... (далѣе описывается его лекарственное употребленіе), а ловятъ то масло объ одну пору осенью, по льду неводятъ и куюрствомъ» [2]). Многія знахарскія описанія травъ дышутъ неподдѣльною свѣжестью воззрѣній на природу. Напримѣръ: «трава вездѣ ростетъ по пожнямъ и по межникамъ и по потокамъ; листье разстилается по землѣ, кругомъ листковъ рубежка, а изъ нея на серединѣ стволикъ тощій прекрасенъ, а цвѣтъ у него жолтъ, и какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкой, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки, а въ корнѣ и въ листу и въ стволикѣ, какъ сорвешь, бѣленько. Есть *спунь* трава, ростетъ по лугамъ, при лугахъ, при холмахъ, и ростетъ какъ гречка, а цвѣтъ какъ у щавеля, а ростетъ въ колѣно и ниже, а столпица коленьями, межъ коленцами брюшки, а листъ у ней какъ зогзицынъ кукушкинъ цвѣтъ, трава долга, а въ ночи стоитъ вяла, листъ виснетъ, какъ солнце сядетъ, а какъ солнце взойдетъ, листъ стоитъ, а сама трава черна» [3]). Но такое практическое, реальное познаніе и описаніе природы далеко не составляло общую для всѣхъ знахарей точку міросозерцанія. Напротивъ, общій взглядъ на природу все-таки былъ таинственный, мистико-панте-

[1]) Доп. къ А. Истор. VI, № 117, стр. 361—364.
[2]) Доп. къ А. И. VI, № 117, стр. 361—364.
[3]) Бусл. о нар. слов. 37—38.

истическій и пневматологическій. Незнаніе силъ и законовъ природы, а воображеніе вмѣсто нихъ и волшебствомъ вопрошаемые духи открывали вѣдунамъ и чародѣямъ—тайны природы, тайны благотворныхъ и злотворныхъ силъ и дѣйствій въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Въ томъ же царствѣ растительномъ, къ тому или другому растенію и корню чародѣй приступалъ не смѣло, не съ раціональнымъ знаніемъ ихъ химико-физіологическихъ свойствъ, а съ суевѣрнымъ страхомъ и благоговѣніемъ, чтобы не оскорбить пребывающаго въ травахъ и кореньяхъ демона, и чрезъ то не лишить ихъ чародѣйской силы,—и приступалъ не во всякое время, а ждалъ урочнаго дня и часа. «Траву *детлевину* — учатъ волхвы, чародѣи,—надобно рвать между купальницею и петровымъ днемъ, какъ брать ее, очертись кругомъ куста, и говори: «есть тутъ матка травамъ, а мнѣ надобѣ». А брать траву *полотая нива*, надобно кинуть золотую или серебряную деньгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было, а какъ будешь рвать ее, и ты пади на колѣно, да читай молитвы, да стой на колѣнѣ, хватай траву ту, обвертѣвъ ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую: а беречь ту траву отъ смертнаго часу; а хочешь идти на судъ или на бой, никто тебя не переможетъ» [1]). Вода, такъ же какъ и растительность, въ мистико-пантеистическомъ міросозерцаніи вѣдуновъ-волхвовъ, преисполнена была чародѣйныхъ волшебныхъ тайнъ. Извѣстно, что славянскія и финскія племена боготворили воду. У русскихъ славянъ были особенныя «*моленія рѣчныя и кладязныя*», релегіозныя сборища и умыканье дѣвицъ совершались «*у воды*» [2]). Совершая у воды «кладезныя и рѣчныя моленья»,—въ водѣ подслушивали таинственные, вѣщіе голоса, прорицанія о судьбѣ, надъ водой гадали; *нося ее въ рѣшетѣ*, надъ водой волховали, наговаривали, взывали къ ней такимъ, напр., молебнымъ образомъ: «Матушка вода! обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлъ горючъ камень своей быстрой и золотой струей: обмой-ка ты, съ раба божьяго всѣ хитки и притки, уроки и призоры, щипоты и ломоты, злу худобу... Будьте мои слова крѣпки и лѣпки» [3]). Волхвы въ особенности обладали тайнами воды, такъ же какъ и растительности. По суевѣрію народному, они чародѣйствовали не только надъ водой, но и въ рѣкахъ. Грамотные предки наши даже въ XVII в. разсказывали съ полной вѣрой — старую легенду, какъ будто бы старшій сынъ миѳическаго Словена назывался *Волхомъ*, чародѣйствовалъ въ р. Волховѣ, и залегалъ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись [4]). Далѣе, волхвы могли приводить въ движеніе воздухъ, давать волшебное, чародѣйское направленіе вѣтрамъ, *вѣдунствомъ своимъ по вѣтру лихо насылали*, и однимъ дуновеніемъ своимъ производили разныя сверхъестественныя дѣйства — исцѣляли больныхъ, приводили въ

[1]) Бусл. 11, 37.

[2]) Слово о постѣ въ Прав. Собес. 1858 г. январь стр. 165--166. О поклоненіи водѣ финскихъ племенъ см. подробности у Кастрена: Wassergottheiten vorleiunger über die Finnische Mithologie s. 68—85.

[3]) Рум. сб. 1754 г. Бусл. 1,482. Архивъ 1853, VI, 51. Пам. стар. р. лит. Ш, 167.

[4]) Бусл. 11, 8.

сознаніе *обмершихъ*, и т. п. [1]). Насылка по вѣтру состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда-угодно своими заговорами, производилъ вѣтеръ, потомъ бросалъ по вѣтру пыль и примолвлялъ, чтобъ такъ по вѣтру понесло пыль на такого-то человѣка, чтобы его корчило, мяло, раздувало, сушило, и проч. и проч. [2]). Даже цари московскіе боялись этого волшебнаго напуска по вѣтру; въ подкрестныхъ запискахъ на вѣрность царю вѣрноподданный присягалъ, «чтобъ вѣдуновъ и вѣдуней недобывати, ни вѣдомствомъ по вѣтру никакихъ лихъ не насылати» [3]). На сѣверѣ особенно страшны были своимъ вѣдунствомъ—*дуновеніями и насылками* по вѣтру финскіе кудесники. Наконецъ, волхвы обладали миѳической тайной урожаевъ и неурожаевъ, изобилія или недостатка рыбныхъ, звѣриныхъ и другихъ промысловъ. Поэтому, когда случался голодъ, они выступали на сцену, истолковывали, сообразно съ старыми языческими понятіями, причины голода и указывали средства къ прекращенію его. Такъ въ 1024 г., по разсказу лѣтописца, въ суздальской области народъ умиралъ съ голода, волновался и производилъ мятежи. И вотъ встаютъ, говоритъ лѣтопись, волхвы или кудесники въ Суздалѣ и раздуваютъ пламя. Они ходятъ съ мѣста на мѣсто и доказываютъ, что виноваты въ голодѣ извѣстные имъ люди, а именно: «*старыя женщины и безполезная старая прислуга*», *чадь или челедь*, яко си держатъ гобино» [4]).

Въ 1070 г., разсказываетъ лѣтописецъ, «бывшей, единою, скудости въ ростовской области, вста два волхва отъ Ярославля, глаголюще: мы знаемъ, кто обилье держитъ,—и пойдоша по Волгѣ. Гдѣ придутъ въ погосты, ту же нарицаху лучшія женщины, глаголюще, яко си жито держатъ, си рыбу, а си медъ, — а си скору. И привожаху къ нимъ сестры своя, матери и жены своя: они же, въ мечтѣ, прорѣзавше за плечомъ, вынимали либо жита, либо рыбы, и убивали многи жены, а имѣнье ихъ отымали себѣ» [5]). Усвояя себѣ власть надъ естественной экономіей жизненныхъ средствъ человѣка, волхвы, по общей вѣрѣ народной, умѣли заколдовывать всякіе промыслы, такъ что кому заколдуютъ, тотъ не добудетъ ничего. «1661 года, сентября 24 дня, на Тюмени, въ съѣзжей избѣ кречатый помощникъ Дмитрій Головинъ сказалъ словесно воеводѣ: «въ прошломъ году онъ, Митька, не добылъ кречета потому, что на него *хвалили* кречатьи помощники Ѳедка Онохинъ съ братомъ съ Иваномъ меньшимъ, и говорили ему, «что тебѣ не добыть кречета» и надъ нимъ Миткою Ѳедка съ братіею *вѣдовали*; да кто подлѣ нихъ и рыбу ловитъ, и тотъ ничего не добудетъ» [6]). Поэтому промышленные и торговые русскіе люди, отправляясь на промыслы и торги,

[1]) Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи сказано, что Февронія, когда была еще вѣщей дѣвой въ рязанскихъ предѣлахъ, однимъ дун ніемъ своимъ на кисляждь или нѣкое квасно дѣлала цѣлебными эти жидко Бусл. 1,290.

[2]) Костомар. 191.

[3]) А. А. Э. 11, 58. Костомар. 191.

[4]) Лавр. лѣт. 63, 64. Лешкова, рус. народъ и госуд. 453.

[5]) Лавр. 75.

[6]) Архивъ 1852 г. стр. 57.

подобно самоѣдамъ, остякамъ и др. финскимъ племенамъ, просили напередъ волхвовъ пошаманить: «въ ловы идуще или на куплю отходяще, чародѣяньемъ и кобми ходили сихъ искати» [1]). Наконецъ, волхвы усвояли себѣ сверхъестественное вѣдѣніе судебъ людскихъ. Матери призывали чародѣевъ, и они волхвовали надъ младенцами, узнавали и опредѣляли ихъ судьбу [2]). И взрослымъ также они предсказывали судьбу. Въ одномъ сборникѣ XVIII в., гдѣ сохранилось длинное исчисленіе разныхъ суевѣрій и предразсудковъ, какіе омрачали умственную жизнь нашихъ предковъ въ XVI, XVII и даже XVIII в., между прочимъ сказано, что многіе волхвы и бабы-кудесницы волшебствуютъ и ложное вѣщаютъ, а народъ имъ вѣритъ. И пророки людей божіихъ также ложное вѣщали, и народъ имъ вѣрилъ. Вообще всѣ указанныя здѣсь волшебныя свойства кудесниковъ и чародѣевъ, какъ увидимъ далѣе, почти всецѣло унаслѣдованы были потомъ и лжепророками людей божіихъ.

Съ распространеніемъ церковной грамотности въ народѣ, въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ, велико-русское, чудско-славянское кудесничество и шаманство стало все болѣе и болѣе преобразовываться въ секту волшебно-расколоучительную, шаманско-пророческую. Церковно-книжное ученіе замѣтно усилилось въ народѣ въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ, такъ что духовные ревнители церковно-византійскаго ученія не разъ издавали списокъ «*книгъ истинныхъ, чести преданныхъ, ихъ же подобаетъ чести, и ложныхъ, отреченныхъ, ихъ же не внимати, ни чести не подобаетъ*». Въ это время и между знахарями и волхвами появилось не мало грамотниковъ, которые читали и *преданныя* для чтенія церковныя книги, но еще болѣе того отреченныя. Нѣкоторые волхвы и знахари поступали даже въ монашество, чтобы своему колдовству и ворожбѣ придать высшую религіозную санкцію. Одинъ земледѣлецъ, по разсказу житія Никиты переяславскаго, промышлялъ въ своемъ селѣ ворожбою: потомъ постригся въ монахи въ монастырѣ св. Никиты и былъ сдѣланъ пономаремъ. Но и въ этомъ новомъ званіи не оставилъ своего прежняго обычая и тайно продолжалъ колдовать. Изъ города и деревень многіе съ больными приходили въ монастырь, чтобы получить исцѣленіе; этотъ же чернецъ-волхвъ говорилъ имъ: «что понапрасну тратитесь?» Приходите лучше ко мнѣ. Когда я еще въ міру жилъ, многія болѣзни врачевалъ, нечистыхъ духовъ своимъ волшебствомъ прогонялъ, не только человѣкамъ, но и скотамъ помогалъ» [3]).

Лихія бабы-кудесницы, знавшія колдовство чудскихъ арбуевъ, поступали въ просфирни и, по просьбѣ суевѣрныхъ христіанъ, «надъ просфорами, и надъ кутьями, и надъ свѣщами, также и надъ богоявленской водой, волхвовали и приговаривали, *яко же арбуи въ Чюди* [4]). Подъ вліяніемъ церковно-книжнаго и чернокнижнаго ученія, подъ вліяніемъ *истинныхъ и ложныхъ* или *отреченныхъ книгъ* грамотные книжные волхвы и знахари

[1]) Буслаевъ 11, 44 о народной поэзіи.
[2]) Костомар. 186.
[3]) Бусл. 11 51.
[4]) Стоглавъ, 11 вопр. глава 5.

стали сами сочинять новыя, двоевѣрныя, христіанско-миѳологическія ученія, книги и обряды. Такъ они сочинили, напр., отреченныя книги: *Волховникъ*,—о волхвованіи птицами и звѣрями, о таинственной, миѳической предзнаменательности разныхъ примѣтъ; *Чаровникъ*, въ нихъ же суть 12 главизнъ—стихи двоенадесяти опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птицъ; *Волхвовніе различное Путникъ* — книга, въ ней же есть писано о срѣчахъ и коби всякія еретическія; *Звѣздочтецъ*, ему же имя Стоднецъ,—«въ нихъ же безумніе люди вѣрующе волхвуютъ ищуще дней рожденій своихъ, урока жизни и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и казней, и въ службахъ, и въ купляхъ, и въ ремеслахъ призываютъ бѣсовъ на помощь, не вѣдуще Божіихъ судебъ» [1]). Старое, языческое, финско-кудесническое міросозерцаніе, грамотные волхвы и чародѣи облекали въ формы церковно-книжнаго ученія. Такъ, своимъ волшебнымъ, кудесническимъ заговорамъ и заклятіямъ они придавали формы церковныхъ молитвъ, и сочинили по словамъ списка истинныхъ и отреченныхъ книгъ, «на пакость невѣждамъ, попамъ и дьяконамъ» льстивые сельскіе сборники, худые номоканунцы но молитвенникамъ у неразсудныхъ поповъ, лживыя молитвы о трясавицахъ,—о нежитехъ и о недузѣхъ» [2]). Языческую, финско-славянскую космогонію они, въ видѣ апокрифическихъ разсказовъ, вносили въ христіанское, народное міросозерцаніе и въ такія апокрифическія произведенія, какъ стихъ о голубиной книгѣ, бесѣда трехъ святителей и т. п. И доселѣ масса народная пробавляется ихъ космогоническими преданіями. Въ преданіяхъ этихъ сильно отразился финскій элементъ.

Наконецъ, когда сталъ возникать расколъ, волхвы и чародѣи, шаманы и кудесники стали обращаться въ пророковъ и расколоучителей. Такъ какъ повсюду въ великорусскихъ областяхъ и селахъ населеніе большею частью было смѣшанное, чудско-славянское, состояло изъ обрусѣлой и крещеной чуди, веси, мери, мордвы, чухонцевъ, чувашъ, черемисъ, зырянъ и другихъ финскихъ племенъ, крайне преданныхъ шаманству, то повсюду въ этихъ волостяхъ и селахъ чудско-славянскіе волхвы, шаманы, кудесники и кудесницы, подъ вліяніемъ церковно-книжнаго ученія, прикрывали свое шаманство и кудесничество христіанскимъ обличьемъ пророковъ и пророчицъ и старому кудесническому шаманству придавали видъ христіанско-пророческій. «По погостамъ, и по селамъ, и въ волостяхъ, — какъ свидѣтельствовалъ еще Стоглавъ, — лживые пророки и пророчицы, мужики и женки, и дѣвки, старыя бабы тряслись, падали, коверкались, бились, и сказывали о разныхъ явленіяхъ, пророчили будущее». «По случаю морового повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ Россіи въ 1656 году, во время исправленія церковныхъ книгъ, также явилось много пророковъ, знахарей, особенно между расколоначальниками, которые, подобно кудесникамъ XI вѣ «повинныхъ творили моровому повѣтрію, овъ сего, овъ инаго, лживо вопія.

[1]) Сборн. Солов. библ. № 913. Щапова, рус. старообрядчество, стр. 415—452. Буслаевъ, очерки I, 485—486.

[2]) Сборн. Сол. биб. № 913. Щапова р. стар. стр. 451—452. Буслаевъ, очерки 485—486.

къ людямъ: видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ, и извѣщая: се и сіе пріяхъ отъ Бога, и ложная пророчествовали» [1]).

Въ концѣ XVII в., по единогласному свидѣтельству Игнатія митрополита тобольскаго и Дмитрія ростовскаго, «въ пути нѣкоемъ отъ града Вологды, въ Каргополѣ, къ морю явился, аки бы учитель нѣкій, *волхвъ и чародѣй* и примысли себѣ имя пустынника, и многіе поселяне послѣдовали за нимъ, имуща его себѣ учителя и наставника». Этотъ волхвъ и чародѣй, сверхъ разныхъ чудесъ и волшебствъ, училъ, между прочимъ, совращать въ расколъ посредствомъ порошка, сдѣланнаго изъ высушеннаго и истолченнаго сердца новорожденнаго младенца. «И аще васъ послушаютъ или не послушаютъ, — говорилъ этотъ волхвъ-расколоучитель своимъ ученикамъ,—вы отъ сего даннаго истолченія младенческаго сердца, тайно влагайте имъ въ брашно или въ питіе или въ сосудъ, гдѣ у нихъ бываетъ вода въ дому, или въ кладязь: егда отъ того вкусятъ, тогда къ намъ обратятся и имутъ вѣру словесамъ вашимъ» [2]). Другіе расколоучители, по словамъ Дмитрія ростовскаго, совращали православныхъ въ расколъ «волшебнымъ причастіемъ, давая ягоды дѣланныя изъ нѣкія муки, подобныя клюквѣ» и т. п. [3]).

Такъ, чудско-славянское кудесничество заключало въ себѣ всѣ элементы для развитія кудесническо-пророческой секты людей божіихъ, и, подъ вліяніемъ двоевѣрнаго, христіанско-миѳологическаго книжнаго ученія, постепенно, само собою преобразовывалось въ чародѣйно-расколоучительную и волшебно-пророческую секту. Отъ волхвовъ-пророковъ и чародѣевъ-расколоучителей и черницъ и дѣвокъ-раскольницъ, кудеснически бившихся о землю до галлюцинаціоннаго видѣнія отверстыхъ небесъ и т. п., оставался одинъ шагъ до христіанство-шаманствующихъ пророковъ и пророчицъ людей божіихъ и до *«великаго волхва и пророка надъ пророками»*, Селиванова. И вотъ въ концѣ же XVII и въ началѣ XVIII в. Данило Филиповъ и Иванъ Тимофѣевъ Сусловъ положили начало сектѣ людей божіихъ, а во второй половинѣ XVIII столѣтія Селивановъ возродилъ ее въ секту скопцовъ и довелъ до высшаго развитія. Не вдаваясь здѣсь въ хронологическую исторію секты людей божіихъ [4]), которая исполнена миѳологическихъ вымысловъ и басней, особенно до пророка Прокопія Лупкина († 1732 г.),— мы раскроемъ, изъ какихъ именно элементовъ чудско-славянскаго, языческо-кудесническаго міросозерцанія, сложилась секта людей божіихъ, что привзошло въ нее изъ эпоса и міросозерцанія славянскаго и изъ обрядовъ и суевѣрій финскихъ, чѣмъ водоизмѣнилась или дополнилась она изъ другихъ этнологическихъ источниковъ, и какимъ образомъ, наконецъ, получила восточно-великорусскій, шаманско-пророческій типъ, преобразившись въ секту скопцовъ.

---

[1]) Окружное посл. патр. Никона по случаю моровой язвы: см. начертаніе жизни Никоновой—Аполлоса стр. 129—132.

[2]) Розыскъ ч. III, гл. 12. Посланія Игнатія м. тоб. въ 2 части Православнаго Собесѣдника за 1855 г. посл. III.

[3]) Розыскъ ч. III, гл. 12.

[4]) Объ истор. происхожд. и развитіи секты людей божіихъ, см. Прав. Соб. 1858 г. март. стр. 334—364.

Изложенiе всѣхъ этихъ вопросовъ покажетъ намъ, сколько всякаго мрака въ умственной жизни нашего темнаго народа, и какъ безотлагательно необходимо скорѣйшее, всеобщее, всенародное естественно-научное просвѣщенiе его.

II

Приступая къ анализу составныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась секта людей божiихъ, мы намѣрены раскрыть эти элементы во всей ихъ подробности. Во-первыхъ, самыя свойства дѣйствiя лже-пророковъ и лже-пророчицъ людей божiихъ, наиболѣе характеризующiя ихъ пророческое самозванство, суть ничто иное, какъ только высшее проявленiе главныхъ аттрибутовъ чудско-славянскихъ волхвовъ, кудесниковъ и шамановъ. Не даромъ, православный народъ русскiй, очень хорошо знавшiй волхвовъ и кудесниковъ, главныхъ пророковъ людей божiихъ называлъ *волхвами*. Такъ родоначальниковъ людей божiихъ, Данилу Филипова и Селиванова, народъ положительно признавалъ «*великими волхвами*». «Взяли меня, — говоритъ Селивановъ въ своемъ посланiи, — и великiй допросъ чинили, и ротъ мнѣ драли, и въ ушахъ и подъ носомъ смотрѣли и говорили: глядите вездѣ! у него есть гдѣ нибудь отрава; глядите тутъ и тутъ! Дѣлали великiя пытки и допросы и *великимъ волхвомъ* меня называли, и отданъ былъ строгiй приказъ,—чтобъ близко ко мнѣ не ходили и кушанье близко не подносили, хлѣбъ подавали на шестѣ, а кушанье на длинной ложкѣ, сдѣланной аршина въ полтора, и говорили: кормите его, да бойтесь; подавайте, а сами прочь отворачивайтесь, чтобы ни на кого *не дунулъ* и не *взглянулъ!* Вѣдь *онъ великiй волхвъ* и прелестникъ, чтобъ не прельстилъ и насъ къ себѣ не привратилъ: онъ хоть кого прельститъ; онъ и царя можетъ прельстить, а не только насъ; и *называли великимъ волхвомъ*, такъ какъ и Господа прежде называли» [1]). И дѣйствительно, всѣ мнимо-чудотворныя и пророческiя обаянiя «великихъ волхвовъ»—пророковъ людей божiихъ отличались чертами чародѣйными, волшебными и шаманскими. Какъ въ языческой древности появленiе волхвовъ и вѣдуновъ ознаменовывалось потрясенiями во всей физической природѣ, такъ и появленiе новыхъ великихъ волхвовъ—лже-пророковъ людей божiихъ обставляется въ ихъ пѣсняхъ знаменьями и чудесами. Селивановъ говоритъ о себѣ: «а рожденiя и появленiя сына божiя, по пророчеству, давно ожидали, о чемъ и было возвѣщено: какъ народится сынъ божiй и приметъ крещенiе чистоты, *въ то время явится звѣзда съ хвостомъ*, и тогда послѣдуютъ за нимъ многiя тысячи всякаго колѣна людей... И когда онъ облекся въ чистоту сына божiя, то дѣйствительно *тогда же явилась на небѣ звѣзда съ хвостомъ*, мiръ тому не мало дивился» [2]). И въ пѣсняхъ своихъ люди божiи поютъ про появленiе Селиванова:

---

[1]) Посл. въ Чт. 81.
[2]) Посланiе стр. 89.

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужъ на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой, божій законъ.
Подъ нимъ бѣлый, храбрый конь,
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ.
Ужъ и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченная,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная,
Въ очахъ его камень маргаритъ,
Изо-устъ его огонь-пламя горитъ.
Ужъ на томъ ли на храбромъ, на конѣ
Селивановъ нашъ покатываетъ,
Онъ катаетъ со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ;
По инымъ землямъ французскіимъ,
Французскіимъ и иркутскіимъ...
Набираетъ онъ полки премудрые,
Кавалерію духовную...
. . . .
Спѣшитъ батюшка, катаетъ
Онъ со страшнымъ судомъ,
Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
Со златыми, со трубами,
Съ богатырскими конями [1]).

Какъ волхвы и чародѣи знали разныя *приворотныя* средства, чтобы расположить и привлечь къ себѣ чье-либо сердце, довѣріе, любовь и проч.,— такъ и пророки и пророчицы людей божіихъ «подносятъ иногда пришедшимъ къ нимъ людямъ какого-то волшебнаго настоя, въ видѣ краснаго вина, послѣ чего выпившій чувствуетъ, говорятъ, какое-то непонятное, особенное влеченіе къ ихъ сектѣ» [2]).

Далѣе, какъ волхвы и кудесники однимъ дуновеніемъ своимъ могли обморочить и возстановить человѣка, а заговорами своими избавлялись отъ меча и ружья, свергали желѣзныя оковы, отпирали замки и выходили изъ темницъ, — такъ и «великіе волхвы» — пророки людей божіихъ будто бы обладали всѣми этими чародѣйными силами. Тотъ же Селивановъ о себѣ говоритъ: «въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица пророчица, по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла камень, такъ и окаменѣла у нея рука... А еще братъ ея хотѣлъ

[1]) Срв. выше, въ статьѣ „Земство и расколъ—бѣгуны“. *В. С—въ.*

[2]) Замѣтки о скопцахъ свящ. А. Георгіевскаго, въ запискахъ И. Рус. Географическаго общества, по отдѣлу этнографіи т. I, стр. 536.

меня застрѣлить изъ ружья, когда я ходилъ на праздникъ изъ села въ Тулу: то каждый праздникъ, когда я приду, онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ; но ружье, по промыслу божьему, не выстрѣлило ни одного разу... Въ одно время, первая и главная пророчица въ кораблѣ матушки моей, Акулины Ивановны, Анна Романовна, взявши меня въ особую горницу, сказала, что я давно съ тобою хочу побесѣдовать: садись возлѣ меня! И посадя, схватила крестъ и хотѣла привести меня, и говорила: приложись ко кресту! А я взялъ отъ нея и сказалъ: Дай-ко, я приведу тебя снова самую!.. И тутъ *накатилъ на нее мой духъ*, и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ... Взялъ я, *подунулъ на нее своимъ духомъ,* и она какъ отъ сна пробудилась, встала и, перекрестившись, сказала: «О, Господи! что такое случилось? О, куды твой Богъ великъ!..» Приведши меня въ Тулу, посадили на стулѣ, подпоясали поясомъ желѣзнымъ, фунтовъ пятнадцать, и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги; на часахъ стояли четыре драгуна... *Возжелалъ я сойти со креста, и только-что сіе подумалъ*, то все желѣзо съ шеи, съ рукъ и съ ногъ свалилось, а драгуны тогда всѣ заснули, и я вышелъ вонъ и гулялъ по двору» и проч. Про чародѣйныя и волшебническія дѣйствія Данилы Филипова и Ивана Тимоѳеева Суслова у людей божіихъ сохраняются подобныя же легенды и миѳы. Далѣе, мнимо-сверхъестественный даръ таинственнаго предвѣденія и предсказанія урожаевъ или неурожаевъ, удачи и неудачи разныхъ промысловъ и мнимо-сверхъестественная власть однимъ даровать изобиліе и урожай,—а другихъ—лишать, все это аттрибуты, завѣщанные великимъ волхвамъ и волшебницамъ—пророкамъ и пророчицамъ людей божіихъ финско-славянскимъ кудесничествомъ. Мы видѣли, какъ въ древней Россіи, «въ ловы идуще или на куплю отходяще—чародѣяніемъ и кобми ходили сихъ искати». Видѣли также, какъ древніе чудско-славянскіе кудесники истолковывали причины неурожаевъ. Извѣстно также, что всѣ финскія племена — самоѣды, мордва, чуваши, черемисы, вотяки, остяки и проч. и доселѣ предъ началомъ всякихъ промысловъ прибѣгаютъ къ шаманству, и шаманы — самоѣдскіе тадибеи, черемискіе корты, вотяцкіе тоны и вѣдины или вѣдуны и проч., вопрошая своихъ боговъ и духовъ, предсказываютъ, по вдохновенію ихъ, объ изобиліи или недостаткѣ урожаевъ, меда, рыбы, звѣрей, скота и проч. Такъ точно и пророки и пророчицы людей божіихъ, подобно древне-русскимъ волхвамъ и финскимъ шаманамъ, присвояли себѣ сверхъ-естественную власть—распоряжаться жизненными произведеніями природы: «Пророчица Анна Романовна,—говоритъ Селивановъ,—узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она прославилась: и знавши это, многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ: ѣздить ли ловить или нѣтъ? И если она кому велитъ сѣять хлѣбъ или ловить рыбы, то много въ тотъ годъ хлѣба уродится и рыбы поймаютъ; а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ и не уродится хлѣбъ [1]). Самая таин-

[1]) Списокъ отреч. книгъ въ моей книгѣ о раск. стр. 451.

ственность и строгая замкнутость традиціоннаго, преемственнаго обученія тайнамъ пророчества вполнѣ соотвѣтствуетъ столь же сокровенной и въ тѣсномъ кругу замкнутой наслѣдственной передачѣ тайнъ кудесничества и шаманства. Извѣстно, что въ старину чудско-славянскіе волхвы и кудесники и бабы кудесницы подъ строгимъ секретомъ передавали своимъ родственникамъ или самымъ ближайшимъ людямъ свои завѣтныя тайны, свое знахарское искусство—колдовское и пророческое. «*Невѣжды* держали у себя лживыя молитвы, заговоры и заклинанія, волховники и чаровники «отъ отецъ и прадѣдъ» [1]). И доселѣ знахари обыкновенно передаютъ свое званіе только въ глубокой старости, или при смерти, близкимъ своимъ родственникамъ, *какъ наслѣдство.* Шаманы или кудесники финскихъ племенъ также строго соблюдаютъ таинственную наслѣдственную передачу своего шаманскаго искусства. «Преимущество свое предъ простымъ народомъ, говоритъ, напр., Лепехинъ о самоѣдскихъ шаманахъ—тадибеяхъ,—и безпрерывное преемство своего художества опредѣляютъ и заключаютъ тадибеи единственно въ своемъ родѣ; потому всегда отъ восходящей линіи предковъ переходитъ къ нисходящимъ потомкамъ знаніе и отправленіе ихъ чина, въ которомъ непосредственное обученіе, по мнѣнію самоѣдовъ, отъ самихъ тадебціевъ невидимо пріемлютъ, съ помощію однакожъ старыхъ тадибеевъ, которые молодымъ своимъ братьямъ споспѣшествуютъ своими совѣтами подобающимъ образомъ обходиться съ тадебціями» [2]). Точно также и у пророковъ и пророчицъ людей божіихъ всегда былъ самый тѣсный и таинственный кругъ наслѣдственной или традиціонной преемственности ихъ шаманско-пророческихъ секретовъ. У людей божіихъ обыкновенно наслѣдуютъ званіе пророческое дѣти, рожденныя отъ свальнаго грѣха пророка и пророчицы и всего корабля мужчинъ и женщинъ. Такія дѣти воспитываются обыкновенно и учатся тайнамъ шаманскаго пророчества: мужескій полъ у пророковъ, а женскій у пророчицъ, и впослѣдствіи заступаютъ ихъ мѣсто въ обществѣ людей божіихъ [3]). Въ 1828 году старшая пророчица людей божіихъ, Анна Скочкова, крестьянка Саратовской губерніи, при допросѣ раскрыла тайну выбора пророковъ и пророчицъ у хлыстовъ. «Въ Турціи, говорила она, среди бѣжавшихъ туда гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ, хлысты имѣютъ главнаго настоятеля своей секты, отъ него получаютъ всѣ нужныя книги. Тамъ были строго испытываемы и утверждаемы пророки и пророчицы хлыстовъ. Оттуда выдавалась имъ въ даръ книжка, похожая на молитвенникъ; книга эта была напечатана русскими красными словами, но разобрать и понять ее было невозможно. Только пророки и пророчицы могутъ ее читать очень скоро, отъ лѣвой руки къ правой. Главная пророчица обязана была двухъ или трехъ дѣвочекъ, по усмотрѣнію, предварительно познакомить съ сею грамотою, а пророкъ столько же мальчиковъ, но не иначе какъ секретно, дабы, въ случаѣ ихъ смерти, изъ оныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ могли быть избраны

[1]) Этногр. сбор. вып. V, бытъ крестьянъ Курской губ. стр. 87.
[2]) Путешеств. Лепехина изд. 1772 г. ч. VI стр. 221—222, также 203.
[3]) Православный собесѣдникъ 1858 г. іюнь стр. 401.

пророчица и пророкъ. Прочимъ же сей грамотѣ учиться не дозволяется»[1]). По мнѣнію симбирскихъ, алтырскихъ скопцовъ, для того чтобы сдѣлаться пророкомъ, даже скопецъ «*большой печати*», т.-е. вполнѣ оскопившійся и приведшій въ скопчество 12 учениковъ, долженъ быть хоть разъ при смерти одного изъ скопческихъ пророковъ—*воспріять въ себя душу пророка*[2]). Наконецъ, подобно всѣмъ кудесникамъ и шаманамъ, пророки и пророчицы людей божіихъ пользовались простотою необразованнаго и суевѣрнаго народа для наживы. Сусловъ обогатился на счетъ «золотой казны» суевѣрныхъ «гостей-корабельщиковъ», завелъ свой домъ въ Москвѣ и спокойно прожилъ въ немъ 30 лѣтъ подъ именемъ *темнаго богатины* Ивана Тимофеевича Суслова. Въ 1735 г., когда сборище людей божіихъ было открыто въ Москвѣ правительствомъ, по доносу разбойника Караулова, и въ Петербургѣ наряжена была слѣдственная комиссія для изслѣдованія ихъ ученія и дѣйствій,—пророки и пророчицы людей божіихъ прямо сознавались передъ комиссіей, что они простотою и безусловнымъ повиновеніемъ грубыхъ невѣждъ пользовались къ своему обогащенію[3]). Въ разсказахъ Селиванова про лже-пророчицу Акулину Ивановну говорится, что она была «великая милліонщица». И самъ Селивановъ, кажется, тоже былъ не прочь наживать богатство. «Явное богатство,—говоритъ онъ,—не вредитъ умному человѣку». Людямъ божіимъ предсказывалъ онъ обогащеніе, если они будутъ соблюдать чистоту. Когда онъ былъ на соборѣ лже-пророчицы Анны Романовны, «она велѣла выдвинуть на средину собора какой-то сундукъ и, сѣвши на него крѣпко вмѣстѣ съ Селивановымъ, сказала ему: «ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары». Самъ Селивановъ говоритъ о себѣ: «когда я пошелъ въ Иркутскъ, у меня было товару только за одною печатью, а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію,—тогда вынесъ товару за тремя печатьми»[4]).

Во-вторыхъ, богослуженіе людей божіихъ есть ничто иное, какъ смѣсь библейско-христіанской санкціи съ финско-славянскими языческими сборищами и моленіями и славянско-финскимъ шаманствомъ. Древне-языческія, чудско-славянскія, такъ называемыя церковными іерархами «идольскія сборища и мольбища», преобразовались въ сектѣ людей божіихъ и скопцовъ въ такъ называемые *божьи соборы и моленья*. Такъ переименовалъ ихъ Селивановъ: «именуйте, писалъ онъ, свои собранія *божьими соборами*: первый — есть соборъ отца вашего искупителя, другой — матушки нашей Акулины Ивановны, а третій соборъ—возлюбленнаго моего сыночка Александра Ивановича, четвертый же соборъ всѣхъ вѣрныхъ праведныхъ»[5]). Всѣ существенные аттрибуты старыхъ чудско-славянскихъ идольскихъ сборищъ, какъ-то: хороводы, пляски, скаканья, плесканья и т. п., пѣсни мірскія, даже самый свальный грѣхъ—«великое прельщеніе и паденье мужамъ

---

[1]) Запис. свящ. саратов. тюремн. замка Н. Вазерскимъ. Прав. Соб. 362—363.

[2]) О скопцахъ Симбирской губ. въ Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи т. 1, стр. 511.

[3]) П. С. З. т. IX, № 6613.

[4]) Посл. 68, 76, 80.

[5]) Посл. 90.

и отрокамъ», женамъ замужнимъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе,—все это существенно вошло въ составъ радѣній и бесѣдъ людей божіихъ и только приняло въ нихъ новую, сектаторскую форму. Вообще, вслѣдствіе вѣкового физіологическаго и умственно-бытоваго смѣшенія славянскаго племени съ разными финскими племенами,—и въ мнимо-богослужебныхъ соборахъ и радѣньяхъ людей божіихъ выразилась смѣсь славянскихъ и финскихъ элементовъ. Въ первой половинѣ радѣній преобладаетъ элементъ славяно-русскій, а во второй—финско-шаманскій. Такъ называемое круговое, хороводное радѣнье, въ которомъ мужчины и женщины, присутствующіе на соборѣ божьемъ, становятся въ круги, подобно какъ въ обыкновенныхъ простонародныхъ русскихъ хороводахъ, очевидно, есть религіозная санкція древне-русскихъ языческихъ хороводовъ, которые въ XIV в. относились къ числу отреченныхъ суевѣрій и бѣсовскихъ радостей. Всѣ богослужебныя пѣсни людей божіихъ суть ничто иное, какъ передѣлка русскихъ простонародныхъ пѣсенъ въ духѣ мистическаго ученія людей божіихъ. Самый напѣвъ ихъ религіозныхъ пѣсней есть напѣвъ простонародныхъ русскихъ пѣсенъ—протяжно-заунывныхъ, хороводныхъ и плясовыхъ. Кромѣ того, въ составъ богослужебныхъ пѣсней людей божіихъ вошли и нѣкоторые древне-русскіе духовные стихи, какъ, напр., стихи объ Іоасафѣ царевичѣ, объ Іосифѣ прекрасномъ, стихъ о Голубиной книгѣ и др. [1]). Самъ Селивановъ въ одно время былъ калѣкой перехожимъ, по собственнымъ словамъ его, «въ нищенскомъ образѣ ходилъ по ярмаркамъ и пѣлъ стихи» [2]). Наконецъ, моленье людей божіихъ передъ чаномъ, наполненнымъ свѣжей водой, и гадательное слушаніе изъ-подъ чана таинственныхъ, предвѣщательныхъ голосовъ и т. п., это моленье предъ водой есть ничто иное, какъ остатокъ древне-языческаго моленья и гаданья нашихъ предковъ у воды, или такъ называвшагося тогда моленья «рѣчнаго и кладязнаго». Съ другой стороны, въ составѣ богослужебныхъ радѣній людей божіихъ, особенно въ обрядѣ пророчества, весьма замѣтно отразилось не только славяно-русское кудесничество, но и финское шаманство. Секта людей божіихъ особенно распространилась въ предѣлахъ рѣчной системы Волги и Оки, тамъ, гдѣ преимущественно сосредоточено финское населеніе, гдѣ сплошь и рядомъ въ цѣлыхъ деревняхъ и даже волостяхъ живутъ крещеные и обрусѣлые чуваши, черемисы, мордва, вотяки и проч., и гдѣ русское населеніе, большею частію, представляетъ сплошную смѣсь славянскаго элемента съ финскимъ. Эта секта также распространилась среди чухонцевъ С.-Петербугской губерніи — племени тоже финскаго. Возникши въ такой этнографической средѣ, среди крещеныхъ и некрещеныхъ, обрусѣлыхъ и полуобрусѣлыхъ финскихъ племенъ, секта людей божіихъ очень естественно многое отъ нихъ заимствовала. Та огромная масса русскаго православнаго народа, которая была ничто иное, какъ давно обрусѣлая чудь, меря, мордва, или состояла изъ обрусѣлыхъ чухонцевъ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и пр., въ XVII и въ XVIII в. далеко не вся отстала отъ стараго финскаго шаман-

[1]) Прав. Собесѣд. 376. Посл. Селив. 78.
[2]) Посл. 74.

ства. И вотъ вышедшие изъ этой массы или появившiеся среди ея книжные и учительные люди, въ родѣ Данилы Филипова, Суслова и Селиванова, внесли въ основанную ими секту финскiй шаманизмъ, придавъ ему наружно-христiанскiй видъ пророчества. Въ сущности же, и подъ видомъ этого пророчества, во всей ясности проглядываютъ всѣ существенныя черты финскаго шаманства. Мы проведемъ здѣсь поподробнѣе параллель между финскимъ шаманствомъ и пророчествомъ людей божiихъ, для того чтобы показать, какъ глубоко напечатлѣлся въ массѣ русскаго народа восточный, финскiй и, притомъ, самый грубый, шаманскiй умственный складъ, и какъ онъ, въ XVIII в., въ этотъ великiй вѣкъ разума и философiи, отвлекалъ и доселѣ отвлекаетъ нашъ бѣдный, темный народъ отъ свѣта въ самый мрачный заколдованный кругъ восточно-финскаго изступленiя и суевѣрiя. Главнымъ образомъ финское шаманство глубоко отпечатлѣлось на пророчествѣ людей божiихъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно доселѣ особенно сохраняется у самоѣдскихъ племенъ. У мезенскихъ самоѣдовъ, какъ свидѣтельствуетъ миссiонеръ отецъ Венiаминъ, тадибей или шаманъ съ вечера возвѣщаетъ, что на другой день будетъ производиться самбадава—*битье кудесъ*, въ такомъ-то чумѣ. По-утру изъ всѣхъ окрестныхъ чумовъ собирается народъ. Мужчины садятся по правую, а женщины но лѣвую сторону. За ними входитъ тадибей и начинаетъ шаманить. Когда тадибей ударитъ въ пензеръ, — самоѣды, подъ звуки его, сперва припѣваютъ тихимъ голосомъ, а потомъ громко кричатъ: гой! гой! гой! Этимъ однообразнымъ распѣвомъ и крикомъ они выражаютъ внутреннее желанiе, чтобъ тадебцiи услышали воззванiя и молитвы тадибея. Къ концу самбадавы тадибей является изступленнымъ, восторженнымъ и восклицаетъ: «Нясъ-то, пришли товарищи, тадебцiи!» Впавъ въ изступленiе, тадибей начинаетъ разговаривать съ духами и пророчествовать. Именно, онъ предсказываетъ или объ излеченiи отъ болѣзни того, по просьбѣ котораго бьетъ кудесы, или объ отогнанiи волковъ отъ стада оленей, или объ успѣхахъ промысла, на который сбираются самоѣды, или о напущенiи и отвращенiи какого-либо несчастiя и т. п. [1]). Сибирскiе самоѣды, именно тазовскiе осамоѣдившiеся остяки, точно также, по назначенiю тотеба или шамана, собираются въ одинъ чумъ, а зимой въ землянку, и при этомъ закрываютъ войлоками всѣ отверстiя въ чуму и ледяныя окна въ зимнихъ землянкахъ. Потомъ, усѣвшись въ кругъ,—мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ, начинаютъ пѣть. Шаманъ-тотебъ запѣваетъ и за нимъ всѣ самоѣды-остяки поютъ громко: экы-хонъ, эки-хонъ, эки-хонъ, и т. п. Иногда во время пѣнья, а иногда по окончанiи, находитъ на тодэба и даже на остяковъ *лусъ*—духъ божiй, и начинаетъ по-очередно каждому остяку предсказывать, кто про что спрашиваетъ: кому про удачу или неудачу промысла звѣринаго или рыбнаго, кому про болѣзнь, кому про благополучiе или несчастiе какое-нибудь и т. п. Не тоже ли, въ сущности, бываетъ и въ пророчествахъ людей божiихъ и скопцовъ? Совершенно также люди божiи и скопцы со

[1]) Вѣстникъ Географическаго общества 1855 г. ч. XIV отд. I, 118—119. Лепех IV, 220—221.

бираются въ одинъ домъ, и также всегда по предварительному извѣщенію пророка и пророчицы, и въ молельной комнатѣ закрываютъ всѣ окна. Мужчины также садятся по правую сторону, а женщины по лѣвую. Затѣмъ, когда пророкъ и пророчица и всѣ люди божіи или скопцы, подобно черемисскимъ молельщикамъ, одѣнутся въ бѣлыя рубашки и зажгутъ восковыя свѣчи,—начинается общее пѣнье. Сначала, подобно самоѣдамъ, поютъ тихимъ, протяжно-плачевнымъ голосомъ: «сошли намъ, Господи, духа святаго» и пр. Потомъ начинаютъ пѣть скорымъ голосомъ, напоминая самоѣдское *гой*: «гой духъ святый — духъ, гой духъ — святый духъ». Къ концу пѣнія пророкъ, подобно крику самоѣдскаго тадибея: «нясъ-то»,—вдругъ восклицаетъ: «вотъ катитъ! вотъ катитъ! духъ святой катитъ! накатилъ, накатилъ!» Это значитъ, что, подобно самоѣдскому лусу или тадебцію, на пророка сошелъ *духъ*. Тогда начинается пророчество, какъ у финской чуди шаманство. Какъ у всѣхъ финскихъ племенъ шаманы, во время пророчествъ, обыкновенно всячески кривляются, бьютъ себя въ грудь, и забалтываютъ и кричатъ до изступленія, бѣшенства и обморока, такъ и у людей божіихъ и скопцовъ пророкъ, во время своего пророческаго шаманства, всячески кривляется и мечется, бьетъ себя въ грудь кулакомъ и по лядвеямъ ладонью, болтаетъ и кричитъ до изступленія: отъ изступленія и болтовни онъ утомляется до того, что почти всегда у рта его появляется пѣна и нерѣдко онъ падаетъ въ обморокъ [1]). Подобно тому, какъ у самоѣдовъ тадебціи или лусы возвѣщаютъ предсказанія о погодѣ, о разливахъ водъ, объ уловѣ рыбы и звѣря, о болѣзняхъ и т. п.,—и у скопцовъ, по ихъ выраженію, «духи поютъ черезъ пророковъ», или «духъ въ кругѣ возвѣщаетъ чрезъ пророчески уста» также о воздушныхъ перемѣнахъ, о дождѣ, о градѣ, объ урожаяхъ, о болѣзняхъ и т. п. [2]). Какъ для самоѣдовъ, остяковъ, черемисъ, послѣ вопроса о здоровьѣ или болѣзни и смерти, первыми насущными вопросами были вопросы о средствахъ жизни, объ урожаяхъ и неурожаяхъ хлѣба, объ изобиліи или неудачѣ промысловъ рыбныхъ, звѣриныхъ, пчеловодныхъ и другихъ, и они, съ этими животрепещущими вопросами, прибѣгали къ шаманству тадибеевъ, кортовъ и т. д.: такъ и русскій простой народъ, мучительно тревожась жизненнымъ вопросомъ объ урожаѣ или неурожаѣ хлѣба въ предстоящемъ году, о благополучіи или неудачѣ рыбнаго и всякаго другого промысла, тоже невольно шелъ къ пророку, какъ своему шаману, чтобъ тотъ попророчествовалъ или пошаманилъ ему на столь животрепещущіе вопросы жизни. Когда разнеслась молва, что пророчица Анна Романовна хорошо пророчила про урожаи и неурожаи и про другіе промыслы, то, по словамъ Селиванова, «многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также объ рыбѣ: ѣздить ли ловить или нѣтъ? И она, созывая свой соборъ, состоявшій изъ 80 человѣкъ, «ходила въ словѣ» и пророчествовала, въ какой годъ и у кого уродится много хлѣба, и рыбы изловятъ много, и въ какой годъ будетъ неурожай и неуловъ рыбы и проч.

[1]) Православный собесѣдникъ 375, 395.

[2]) О скопцахъ—св. Георгіевскаго въ зап. Геогр. общества 531.

знать такія жизненныя тайны для народа бѣднаго, въ хозяйствѣ своемъ всецѣло зависящаго отъ физическихъ силъ естественной экономіи,—знать такія насущныя, животрепещущія тайны — для него было такою мучительно-тревожною потребностью, что ему какъ будто необходимы были пророки или пророчицы, на подобіе самоѣдскихъ тадибеевъ, и т. п. Если ихъ не было, а были близко финскіе шаманы, то многіе православные мужики и бабы не прочь были сходить и къ этимъ шаманамъ и попросить ихъ пошаманить, какъ уродится нынѣшній годъ хлѣбецъ,—цѣлъ ли будетъ въ лѣто скотъ отъ звѣря, какой будетъ въ немъ приплодъ, не захвораетъ ли кто изъ ихъ семьи и т. п. На низу Енисея одинъ русскій крестьянинъ въ 1863 г. даже самъ шаманилъ вмѣстѣ съ юрацкимъ шаманомъ, и въ своемъ шаманскомъ изступленіи они порѣшили живою загрести въ землю 8-лѣтнюю дѣвушку. Но вотъ, на мѣсто финскихъ шамановъ, въ угоду насущнымъ потребностямъ темнаго народа, явились пророки и пророчицы людей божіихъ и скопцовъ,—и вотъ масса народа устремилась къ нимъ на соборы послушать ихъ лже-пророческаго шаманства о своемъ житьѣ-бытьѣ. И тѣмъ охотнѣе народъ собирался на моленья и пророчества людей божіихъ, особенно народъ обрусѣлый изъ вотяковъ, чувашъ, черемисъ, мордвы и т. п., въ моленьяхъ людей божіихъ онъ во многомъ видѣлъ возстановленіе и освященіе своихъ прежнихъ, отцовскихъ и прадѣдовскихъ моленій и обрядовъ. Напримѣръ, православному обрусѣлому вотяку или происхожденцу изъ вотяковъ сродно было самое названіе: *люди божіи*, потому что вотяки и сами въ язычествѣ называли себя *удъ-мортами*—людьми божіими; близки, сродны были его сердцу и самые молельные дома «людей божіихъ», потому что и вотяки-язычники имѣютъ для моленья такіе же «моленные дома» — *будшинъ-коалы*, моленныя избы, гдѣ тона или утиссъ-шаманъ молитъ инмара «послать имъ теплый дождикъ, урожай хлѣба, надѣлить ихъ дѣтками, скотомъ, медомъ, счастьемъ, добрыми людьми, кротостью и прогнать отъ скота ихъ хищныхъ звѣрей» [1]; наконецъ, православному, обрусѣлому изъ вотяковъ, знакома и эта общественная коробка людей божіихъ, хранящаяся въ ихъ моленномъ домѣ, потому что и у вотяковъ въ срединѣ избной стѣны, гдѣ совершалось моленье, хранилась точно такая же общественная коробка съ деньгами и другими приношеніями и называлась *вордъ-шудъ* [2]). Точно также и православный, происшедшій отъ предковъ-черемисъ, и особенно недавно крещеный и обрусѣлый черемисянинъ тѣмъ болѣе сроднялся и освоялся съ сектой людей божіихъ, что на моленьяхъ ихъ духъ, воспѣваемый въ пѣсняхъ людей божіихъ, живо, наглядно напоминалъ ему его прежняго, праотеческаго набольшаго бога Юма; въ воспѣваемой людьми божіими Божіей матери онъ видѣлъ живое воплощеніе своей языческой божіей матери Юмани-аба (божья матерь); а бѣлыя рубашки, какія надѣваютъ люди божіи предъ своими моленьями, и восковыя свѣчи, какія они за-

---

[1]) Георгіевскій, I, 55—56.

[2]) Вѣстникъ Географ. общ. 1859 г. ч. XXVI, II, стран. 100; опис. в. глаз. уѣзда.

жигаютъ въ началѣ радѣнья, — въ употребленіи и у некрещеныхъ черемисъ на ихъ моленьяхъ, особенно, въ праздникъ новаго хлѣба (наремъ у киндинъ), или наканунѣ новаго года [1]).

Наконецъ крещеные, православные чуваши и мордва могли привнести въ богослуженіе людей божіихъ и свою долю молельныхъ обычаевъ; потому что и у тѣхъ, и у другихъ есть опять сходство въ моленьяхъ. Напр., извѣстно, что люди божіи, собравшись по обычаю въ одинъ домъ человѣкъ до 50 или болѣе, приносятъ съ собою хлѣбъ, чай, сахаръ, медъ, сласти или съѣстные припасы, изъ которыхъ варятъ обѣдъ, если моленье бываетъ утромъ, или ужинъ. Потомъ зажегши восковыя свѣчи, начинаютъ свое моленье. Наконецъ, послѣ заключительной молитвы о благополучномъ возвращеніи по домамъ, всѣ садятся за столъ по мѣстамъ и угощаются обѣдомъ или ужиномъ.

Точно также бываетъ и у чувашъ и мордвы. Лепехинъ говоритъ: «многіе изъ крещеныхъ чувашъ и мордвы и понынѣ не оставляютъ нѣкоторый родъ своихъ богомольныхъ обрядовъ. Они, собравшись въ пространный домъ, вносятъ въ избу нарочно сдѣланный для того новый столъ, ставятъ на него хлѣбъ, соль, говядину, пиво, медъ и, засвѣтивъ передъ образомъ свѣчки, совершаютъ свое моленье. Старшій изъ сборища или іомзе—шаманъ, отошедъ къ дверямъ, кланяется и читаетъ свои молитвы; потомъ, подошедши къ столу, указываетъ рукою на все, что на столѣ поставлено, порознь. Повторивъ сей обрядъ разъ съ шесть, затворяютъ двери, садятся за столъ и ѣдятъ оную пищу» [2]). Какъ у людей божіихъ въ пророческое званіе избираются лица обоего пола, и потому бываютъ пророки и пророчицы,—такъ и у мордвы и у чувашъ—іомзя или ихъ пророки-шаманы тоже бываютъ обоего пола.

Наконецъ, въ мистико-пантеистическомъ міросозерцаніи людей божіихъ и скопцовъ весьма ясно отразился фетишизмъ финско-славянскаго язычества, прикрытый только церковно-византійскимъ спиритуализмомъ. Скопцы представляютъ всю природу одухотворенною: къ небу, солнцу, звѣздамъ, лунѣ, землѣ, горамъ, рѣкамъ, озерамъ, лѣсамъ, звѣрямъ, и даже къ змѣямъ и червямъ, они также обращаются съ покаянной молитвой, какъ и къ ангеламъ, архангеламъ, херувимамъ, серафимамъ и всей небесной силѣ. Каждый новообращенный въ скопчество долженъ произносить на скопческомъ соборѣ, по наученію скопца-пророка, такое молитвенное заклинаніе: «Прости меня, Господи, пресвятая Богородица, ангелы, архангелы, херувимы, серафимы, и вся небесная сила; *прости небо, земля, солнце, луна, звѣзды, озера, рѣки, горы и всѣ стихіи небесныя и земныя»* [3]). Или: «прости меня, батюшка родимый, на кругѣ катающійся, *прости солнце и луна, небо и звѣзды, и матушка сырая земля, и пески и рѣки, и звѣри и лѣса, и змѣи*

[1]) Вѣстникъ Геогр. общ. 1856 г. кн. IV, отд. I, стр. 282—289: о религіи некрещ. черем. Каз. губ. протоіерея Вишневскаго.

[2]) Дневн. зап. Леп. изд. 1793 г. ч. I, стр. 165; см. Пр. Саб. 1858 г. іюль, стр. 375—396.

[3]) О скопцахъ Симбир. губ. г. Крыжина. Зап. Имп. р. Геогр. общ. по отд. этногр. ч. I, стр. 507.

и черви» [1]). Такое отношеніе къ природѣ есть живой остатокъ языческаго финско-славянскаго міросозерцанія. Всѣ финскія племена также относятся къ физическому міру. Общее всѣмъ альпійскимъ народамъ вѣрованіе,—говоритъ Кастренъ,—рисуетъ себѣ силы природы, какъ существа жизнью и душою одаренныя; почти каждый предметъ, каждое явленіе въ природѣ оживлены такимъ существомъ. Духи деревъ, камней, гладкаго озера и тихаго ручья внемлютъ его молитвамъ и принимаютъ отъ него жертвы. Коли удастся ему расположить къ себѣ змѣю, медвѣдя, волка, лебедя, то и въ нихъ онъ имѣетъ вѣрныхъ хранителей, ибо въ нихъ сокрыты сильные духи. И есть много людей, особенно въ сѣверной Сибири, которые молятся предметамъ природы, въ ихъ матеріальномъ видѣ, и поклоняются имъ такъ же, какъ солнцу, небу, огню, водѣ и другимъ силамъ природы. Шаманы финскіе основываютъ все свое ученіе на томъ вѣрованіи, что вся природа населена духами, которые имѣютъ и доброе и злое вліяніе на всѣ людскія предпріятія [2]). Такое же воззрѣніе на природу господствовало и у славянъ-язычниковъ: перуны, хорсы, дажбоги, русалки, дивы и проч. наполняли и одушевляли небо, солнце, мѣсяцъ и звѣзды, землю, воду, лѣса, и т. п. Даже въ христіанскія времена, какъ видно, напр., изъ «слова отъ видѣнія Павла» солнце, мѣсяцъ и звѣзды, море и рѣки, земля и вообще вся природа представляются живыми существами, наблюдающими за нравственностью людей и угрожающими имъ за беззаконный блудъ, давленіе дѣтей, разбой, татьбу и всякія неправды [3]). И вотъ это-то финско-славянское воззрѣніе на природу отразилось въ міросозерцаніи скопцовъ. Они повсюду въ природѣ видятъ живаго Бога, Духа Божія. «Батюшка царь небесный,—говорилъ намъ одинъ туруханскій скопецъ,—не велѣлъ намъ даже козявки раздавить: онъ вездѣ живой Богъ». Отсюда проистекаютъ всѣ эти мистико-пантеистическіе символизмы, которыми характеризуются всѣ пѣсни людей божіихъ, воспѣвающихъ, напр., сизыхъ голубей—скопцовъ, солнце красное-Селиванова и т. п. Въ частности, воззрѣніе скопцовъ на солнце, какъ на могучую, животворную, а для грѣшниковъ—грозную мать небесную, и на землю, какъ на такую же могучую мать землю, есть также остатокъ древне-языческаго, финско-славянскаго міровоззрѣнія. Новообращенный въ скопчество долженъ давать слѣдующее заклятіе, которое у скопцовъ называется присягою: «про сіе дѣло святое никому не провѣдывать ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени; а буде провѣдаю, *не подержи меня, матушка сырая земля, не дай матушка-красное солнышко свѣту бѣлаго»* [4]). Такое скопческое заклятіе солнцемъ и землею, очевидно, заимствовано изъ языческаго, финско-славянскаго міросозерцанія. Славяне, въ язычествѣ, поклонялись солнцу, сначала какъ существу женскаго пола, какъ богинѣ, а потомъ какъ богу — хорсу, дажбогу, боготворили также *и*

---

[1]) Записки о скопцахъ Калужск. губ. св. А. Георгіевскаго, стр. 529.

[2]) Vorlesung über die Finnische Mytholog. s. 197—198: Götterbilder und heilige Naturgegenstände.

[3]) Буслаев. II, 127—128.

[4]) Ibid, стр. 529.

святую землю, олицетворяя, называли ее *матерью сырой землею*. Землѣ, какъ божеству, каялись и исповѣдывались. Въ одномъ духовномъ раскольничьемъ стихѣ поется:

Ужъ какъ *каялся молодецъ сырой землѣ*:
„Ты покай, покай, матушка сыра земля!
Есть на душѣ три тяжки грѣха,
Да три тяжкіе грѣха, три великіе...“
Какъ спроговоритъ матушка сыра земля;
„Въ первомъ грѣхѣ тебя Богъ проститъ.
Хоть бросилъ отца съ родной матерью,
Втоды глупой былъ. да неразумный сынъ:
И въ другомъ грѣхѣ тебя Богъ проститъ,
Хоть и жилъ со кумой со хрестовой,
Хоть прижили отрока младого,—
Втоды холостъ былъ. да неженатый человѣкъ.
А въ третьемъ-то грѣхѣ не могу простить,
Какъ убилъ въ полѣ братенку хрестоваго,
Порубилъ цѣловальница хрестоваго“ [1]).

Всѣ финскія племена также боготворили и большею частію доселѣ боготворятъ солнце и землю: финны поклонялись солнцу, подъ именемъ Päiнä, что значитъ солнце и богъ солнца [2]). Въ частности «мордва и чуваши, говоритъ Лепехинъ, солнце и луну не только за божества почитаютъ, но и приносятъ жертву солнцу, въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а лунѣ въ новомѣсячье; мордва молилась солнцу: вышнее солнце свѣтитъ на все царство, свѣти и намъ и на нашъ міръ». Енисейскіе остяки не только боготворятъ солнце, но и подобно скопцамъ, представляютъ его существомъ женскаго пола, матерью людей, или дѣвицей, раздѣляющей пополамъ съ небеснымъ богомъ, Ессомъ, управленіе міромъ. Точно также финскія племена боготворили, и боготворятъ большею частью доселѣ, землю.

Удержавъ такое языческое, финско-славянское вѣрованье въ *святую мать сырую землю*, скопцы, подобно древне-русскимъ стригольникамъ, исповѣдуются землѣ и вѣрятъ, что мать сыра земля можетъ передавать тайны. Селивановъ говоритъ: «отъ нѣкоторыхъ дѣтушекъ слезы доходили ко мнѣ *по подземелью* въ Иркутскъ и обжигали мои ноги; я ихъ спрашивалъ, и они сказывали, чьи онѣ» [3]). Только тайны скопчества нельзя было исповѣдывать сырой землѣ. Новопришедшій въ скопчество давалъ клятву: «Дай Богъ мнѣ огонь и пламя, и кнутъ и Сибирь претерпѣть, сіе дѣло не отложить, чтобы ни кому, ни роду, ни племени, *ни сырой землѣ* не сказать» [4]).

Вѣрованье въ исповѣдь землѣ было и у славянъ, напр., у сербовъ и болгаръ. Такъ, въ сербской сказкѣ о Троянѣ совѣтуется одному мальчику, узнавшему тайну про Трояна: «ступай за-городъ въ поле, вырой яму,

---

[1]) Сборникъ дух. стих. сост. Варенцовымъ, стр. 161.
[2]) Fin. Mytholog. s. 53 и слѣд.
[3]) Посл. 85.
[4]) О скопцахъ А. Георгіевскаго, 529.

уткни въ нее голову и трижды исповѣдуй свою тайну землѣ и потомъ закопай яму» [1]).

Самая апотеоза пророковъ, идея самозванства ихъ христами, богами-саваоѳами, проистекала изъ восточно-азіятскаго, чувственно-образнаго умонастроенія темной массы народа и была совершенно въ духѣ восточнаго, финско-славянскаго міросозерцанія. Во-первыхъ, антропоморфическая апотеоза людей, особенно *вѣщихъ*, каковы волхвы и богатыри, весьма обыкновенна какъ въ славянской, такъ въ особенности въ финской и даже отчасти въ татарской миѳологіи. По языческому вѣрованію восточныхъ славянъ, вѣрившихъ въ оборотней всякаго рода, всякій великій волхвъ могъ «*сѣсть въ боги*», и невѣгласи, т.-е. невѣжды съ полной вѣрой баснословили даже въ XVII вѣкѣ, будто старшій сынъ миѳическаго Словена *сѣлъ въ боги*, сталъ богомъ — громомъ, перуномъ. Еще сильнѣе была вѣра въ вочеловѣченіе боговъ у восточныхъ, финскихъ племенъ, которые, крестясь и русѣя, вносили съ собой эту вѣру и въ массу православнаго русскаго народа. Всѣ боги финской Калевалы, въ позднѣйшихъ народныхъ представленіяхъ, сходятъ на землю и принимаютъ образъ человѣческій. Не чужда идея вочеловѣченія боговъ и тюрко-татарскимъ племенамъ, по крайней мѣрѣ, сибирскимъ татарамъ. Такъ, по представленію послѣднихъ, ихъ божественный духъ айна (Aina) часто принимаетъ на себя образъ человѣка [2]). Словомъ, вочеловѣченіе боговъ и обоготвореніе людей самая обыкновенная идея въ восточной миѳологіи [3]). И вотъ, когда восточныя финскія племена стали мало-по-малу принимать христіанскую вѣру и путемъ постепеннаго физіологическаго смѣшенія входить въ составъ славяно-русской народности, — они внесли эту антропоморфическую идею вочеловѣченія боговъ и обоготворенія людей и въ свое новое міросозерцаніе. Подъ вліяніемъ церковно-византійскаго книжнаго ученія, финско-славянская идея миѳической апотеозы выдававшихся надъ толпой вліяніемъ и подвигами людей получила новое, высшее развитіе. Народный стихъ о Егоріѣ храбромъ, прикрытый канвой церковно-византійскаго сказанія о Георгіѣ побѣдоносцѣ, въ различныхъ варіантахъ, является постепеннымъ историко-литературнымъ развитіемъ и выраженіемъ той идеи, какая потомъ выразилась, въ своемъ окончательномъ проявленіи, въ духовныхъ стихахъ и пѣсняхъ людей божіихъ и скопцовъ о «пророкѣ надъ пророками» — Селивановѣ. Въ одномъ варіантѣ, представляющемъ самую древнюю, языческую формацію народнаго міросозерцанія, стихъ о Егоріѣ храбромъ, подъ обликомъ христіанскаго святаго Георгія побѣдоносца, воспѣваетъ, миѳическаго божественнаго богатыря, творца міра, устроителя финско-русской земли, подобнаго финскому вѣщему Вейнемейнену. Какъ финскій Вейнемейненъ, по изображенію рунъ Калевалы, передѣлываетъ природу своими чарами,

---

1) Бусл. 1, 386.

2) Кастренъ, 303.

3) Ibidem 307—300. Nichts ist auch—замѣчаетъ Кастренъ,—in den heidnischen Religionsformen gewöhnlicher, als dass die Götter so umgestaltet und Menschen werden... Noch mehr Beweise für das Menschwerden der Götter liefert uns der Orient.

такъ и Егорій храбрый устроялъ финско-русскую землю силою своихъ вѣщихъ словъ:

Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Зараститеся вы, лѣсы,
По всей землѣ свѣтло-русской...
Ой—вы—еси, рѣки быстрыя,
Рѣки быстрыя, текучія!
Потеките вы, рѣки, по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ,
По темнымъ лѣсамъ, по дремучіимъ...

Во второмъ варіантѣ, стихъ о Егоріѣ храбромъ изображаетъ этого христіанскаго героя въ образѣ просвѣтителя финско-русской земли и искупителя ея отъ татарскаго ига и такимъ образомъ представляетъ уже готовою, созрѣвшею ту идею апотеозы, какая потомъ выразилась въ апотеозѣ Селиванова. Егорій храбрый говоритъ:

Ой—все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ка врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта-храбраго!
Пріѣхалъ Егорій свѣтъ-храбрый,
Пріѣхалъ къ горамъ высокіимъ:
Полноте-ко, горы, врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго...
Охъ ты, птица, птица, лети въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей...
Охъ ты, мечъ, мечъ самосѣкъ,
Сѣки буйну голову у татаровей.

Наконецъ, въ третьемъ варіантѣ, Егорій храбрый изображется уже въ стихѣ, какъ Селивановъ, искупителемъ женщинъ отъ ига татарскаго гарема и очистителемъ отатарившихся русскихъ женщинъ. И надобно замѣтить, что этотъ варіантъ стиха записанъ г. Максимовымъ въ Орловской губерніи, близъ того села, гдѣ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, была родина Селиванова. Въ этомъ стихѣ Егорій говоритъ:

Пойду я къ бусурманищу,
Да стану за вѣру христіанскую.
Тамъ стада пасли красныя дѣвицы,
Краснымъ дѣвицамъ Егорій проглаголуетъ:
Вы сойдитесь-ко на Кіянъ-море,
Вы обмойте шерсть басурманскую,
На васъ станутъ тѣла христіанскія,
А вѣруйте самому Христу, Царю небесному,
Еще матери Богородицѣ.

И Селивановъ пошелъ, какъ увидимъ дальше, на востокъ и даже къ туркамъ и татарамъ—пошелъ проповѣдывать свою *чистоту*.

Далѣе при восточномъ, чувственно-образномъ умонастроеніи, вслѣдствіе тысячелѣтняго непосредственно-натуральнаго воспитанія однихъ внѣшнихъ чувствъ, безъ всякаго развитія высшей, теоретической мыслительности,—финско-русскій умъ никакъ не могъ возвыситься до отвлеченной, метафизической идеи божества, безъ непосредственно-натуральнаго, чувственнаго видѣнія его лицомъ къ лицу, или въ какомъ-либо видимомъ, осязаемомъ, чувственномъ образѣ. «Самоѣды и другіе алтайскіе, финскіе народы, говоритъ Кастренъ, считаютъ даже безполезнымъ возсылать молитвы къ небеснымъ и другимъ могущественнымъ богамъ потому, что они далеко, далеко живутъ отъ людей, невидимы, неосязаемы и неприступны. Поэтому они обыкновенно просятъ шамановъ—воплотить, изобразить имъ невидимаго, отвлеченнаго небеснаго Бога въ какомъ-либо видимомъ, осязаемомъ, чувственномъ образѣ, сдѣланномъ изъ дерева или камня, большею частію въ антропоморфической формѣ, на подобіе фигуры человѣка. Шаманы, въ свою очередь, вопрошаютъ боговъ или духовъ небесныхъ, въ какой формѣ имъ угодно народное богопочитаніе, изъ какого дерева долженъ быть сдѣланъ антропоморфическій образъ ихъ, изъ какой кожи должна быть сшита на нихъ одежда и проч. Боги или духи вселяются въ шамана и возвѣщаютъ ему, въ какой формѣ или въ какомъ образѣ угодно имъ воплотиться и принимать народное моленіе [1]). Этого мало: по представленію финскихъ племенъ, когда люди не знаютъ никакой вѣры, Богъ самъ долженъ явиться имъ въ какомъ-нибудь видимомъ и осязаемомъ образѣ, чтобы имъ наглядно, во-очію *увидѣть*, кому имъ молиться, и отъ собственнаго голоса божія *услышать*, какъ или какія совершать ему моленья, обряды и жертвы. По одной черемисской легендѣ, когда умножились люди на землѣ, раздѣлились на племена и не знали, кому и какъ имъ молиться,—то родоначальники племенъ собрались на одно мѣсто, и передъ ними явился въ видимомъ образѣ юма—*сѣдой богъ* или *набольшій* и лично роздалъ разныя вѣры, показавъ, какому племени какъ вѣровать и молиться юмѣ. Родоначальникъ черемисскаго племени опоздалъ явиться за вѣрой на мѣсто собранія своихъ собратій и мучился вопросомъ: кому же ему вѣровать? Встрѣтился ему родоначальникъ другого племени и возвѣстилъ, что юма уже показалъ и роздалъ вѣры. «Такъ какой же мнѣ держаться вѣры?» спросилъ съ изумленіемъ родоначальникъ черемисскій. Тогда явился ему въ чистомъ полѣ, въ видѣ селезня, слетѣвшаго съ березы, кереметь, меньшій братъ юмы. «Мнѣ кланяйся! Самъ юма велѣлъ тебѣ кланяться мнѣ»,—такъ сказалъ кереметь родоначальнику черемисъ. И съ тѣхъ поръ черемисы молятся кереметю, въ чистыхъ мѣстахъ, въ рощахъ, у деревъ, приносятъ въ жертву утокъ и гусей, и береза, у которой явился кереметь, имѣетъ священное употребленіе при жертвоприношеніяхъ [2]). Вотъ точно также возникла и въ финско-русской массѣ нашего народа вѣра въ высшихъ духовъ людей бо-

---

[1]) Kastren's Finnisch. Mytholog. III, s. 193—236: Götterbilder und Heilige Naturgegenstände. Здѣсь Кастренъ подробно раскрываетъ это восточное, чувственно-образное умонастроеніе финскихъ племенъ. Смот. особ. s. 193—196, 215, 227, 229 и другіе.

[2]) Вѣстникъ Географ. общества 1848 г. ч. XVII, от. I, стр. 283.

жіихъ. Когда расколъ возвѣстилъ, что истинная вѣра погибла на землѣ и, растерявшись въ сотнѣ толковъ, дошелъ до нѣтовщины, до отчаянія и недоумѣнія, какъ найти истинную вѣру, когда было, по выраженію одного духовнаго писателя,—«что мужикъ — то вѣра, что баба,—то толкъ», тогда въ темной, неразвитой, двоевѣрной финско-русской массѣ православнаго великорусскаго народа, по старому преданью, многимъ стала приходить въ голову мысль — молить чрезъ лучшихъ выборныхъ людей самого Бога, чтобы онъ, подобно тому, какъ юма явился родоначальникамъ разныхъ финскихъ племенъ для показанія вѣръ, также явился имъ видимымъ образомъ и показалъ во-очію, наглядно, кому и какъ вѣровать и молиться. И вотъ, дѣйствительно, «изъ тѣхъ людей нашлись люди умные», и стали объ этомъ молить Бога.

И вотъ, пользуясь такимъ чувственно-образнымъ и легковѣрнымъ умонастроеніемъ темной, полуязыческой массы народной, какой-нибудь корыстолюбивый расколоучитель—волхвъ и чародѣй объявлялъ себя мессіей, посланникомъ свыше. И полуязыческая финско-русская масса православнаго и раскольничьяго населенія легкомысленно и простодушно вѣрила, что дѣйствительно Богъ внялъ моленью «умныхъ людей» и явилъ себя, вмѣсто креста или образа, въ живомъ, видимомъ и осязаемомъ образѣ человѣка. И тѣмъ легче эта темная масса могла поддаться такому антропоморфизму, что для нея еще не кончился миѳологическій періодъ міросозерцанія. Въ славяно-русскомъ язычествѣ антропоморфизмъ только-что началъ развиваться, и выразился въ поклоненіи идоламъ, потомъ незамѣтно смѣшался съ полу-христіанскими вѣрованіями. По грубому, чувственно-образному умонастроенію,не только чувашину или мордвину, а и многимъ кореннымъ русскимъ православнымъ людямъ казалось лучше и удобнѣе облекать свои религіозныя понятія въ живыхъ лицахъ и образахъ, чѣмъ созерцать ихъ въ отвлеченномъ богомысліи и вѣрованіи. При вѣковомъ воспитаніи однихъ внѣшнихъ чувствъ, подъ вліяніемъ непосредственныхъ предметныхъ впечатлѣній природы, при крайней неразвитости отвлеченнаго и теоретическаго мышленія, это міровоззрѣніе имѣло глубокое вліяніе на нравственное воспитаніе сектъ. Достаточно было самаго нелѣпаго и изувѣрскаго ученія, обставленнаго чувственными представленіями, возбуждавшими дикое воображеніе массы, чтобы увлечь ее на путь сектаторской пропаганды. Вслѣдствіе этого вѣкового воспитанія народа и въ сектѣ людей божіихъ и скопцовъ этотъ восточный умственный складъ до того отпечатлѣлся, что и они все невидимое, небесное стали воплощать въ видимыя, земныя формы, или, какъ они выражаются, *показывать въ натурѣ*.

И надобно замѣтить, что вся внѣшняя, чувственно-образная обстановка и обаятельность скопческихъ радѣній невольно увлекала и экзальтировала массу. Радѣнья скопческія, хороводныя и круговыя, скорѣе похожи были на торжественныя народныя игрища, или на театральныя народныя представленія. чѣмъ на богослуженіе. Представьте, напр., соборное радѣнье, какое бывало до 50-хъ годовъ въ г. Алатырѣ, въ домѣ тамошнихъ знаменитыхъ пропагандистовъ и меценатовъ скопчества, мѣщанъ Милютинскихъ. За заставой города, среди огромнаго и густого сада, за высо-

кимъ и глухимъ заборомъ, въ большомъ молельномъ домѣ собирались, напр., въ ночь на первый день пасхи или сошествія св. Духа болѣе 100 мужчинъ и женщинъ. Чинно, благоговѣйно собравшись въ сборную моленную, тихо, молчаливо разсаживались люди божіи по диванамъ, по обѣимъ сторонамъ молельной комнаты. Всѣ они въ бѣлой одеждѣ: мужчины въ бѣлыхъ длинныхъ рубашкахъ садились съ одной стороны, а съ другой стороны садились женщины въ бѣлыхъ носкахъ, въ ситцевыхъ платьяхъ или сарафанахъ и бѣлыхъ рукавахъ, покрываясь большимъ бѣлымъ платкомъ. Наконецъ, когда всѣ усаживались и водворялась благоговѣйная тишина,—торжественно входилъ на соборъ самъ Милютинскій съ дочерью, а на другихъ скопческихъ соборахъ—пророкъ. Расположившись въ переднемъ углу, на высокомъ подмосткѣ, на креслѣ,—Милютинскій привѣтствовалъ наклоненіемъ головы все собраніе скопцовъ, которые вставъ съ своихъ мѣстъ и обращаясь лицомъ къ Милютинскому, низко кланялись ему. Спустя нѣсколько минутъ, по знаку Милютинскаго, все собраніе скопцовъ начинало пѣть: «Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше играя: людіе же божіи святіи образовъ сбытіе зряще, веселимся божественнѣ, яко воскресе Христосъ, яко всесиленъ». Послѣ этого общій хоръ заунывно тянулъ начальную скопческую пѣсню:

Отъ бѣлой зари, съ утра ранняго,
Отъ востока, отъ Иркутскова,
Выкатало къ намъ наше солнышко,
Красно солнышко, сударь батюшко,
Сударь-батюшко, Кондратій-свѣтъ!.. и т. д.

Заунывный, но торжественный напѣвъ этой пѣсни приводилъ сборище въ восторженное состояніе; начинались пляски, и пѣсни хоровыя не умолкали, и т. д. [1]).

Возникши главнымъ образомъ на почвѣ народной финско-славянской, а не церковно-византійской, какъ поповщина и безпоповщина поморская, ѳедосѣевская и проч., община людей божіихъ приняла въ себя и нѣкоторыя другія этнологическія вліянія и оттѣнки, кромѣ великорусско-славянскаго и финскаго. Кромѣ финскихъ племенъ, славяно-русское племя смѣшивалось еще мало-по-малу съ тюрко-татарскими племенами. Татары не только наполняли казанское и астраханское поволожье, Крымъ, большую часть восточнаго Пріуралья и пр., но и входили въ составъ населенія многихъ великорусскихъ городовъ и уѣздовъ, особенно въ области рѣчной системы Оки, Волги, Дона и Камы [2]). Множество мурзъ и «рядовыхъ татаръ» находилось въ русской

[1]) См. подробности въ статьѣ г. Крыжина о симбирск. скопцахъ и въ Пр. Собесѣд. объ обществѣ людей божіихъ.

[2]) Наприм., въ 1678—1681 г. въ Касимовскомъ уѣздѣ было „за новокрещеными и за мурзами и за татарами 350 дворовъ; въ Шацкомъ уѣздѣ за новокрещеными 49 дворовъ, за мурзами и татарами 385 дворовъ; въ Инсарскомъ уѣздѣ за мурзами и татарами 76 дворовъ; въ Арзамасскомъ уѣздѣ за мурзами и князьями татарскими 229 дворовъ; въ Керенскомъ уѣздѣ за мурзами и татарами 177 дворовъ; въ Кадомскомъ уѣздѣ за мещеряками и новокрещеными 46, за мурзами и татарами 642 дв.; въ

службѣ: татарами наполнены были полки солдатъ и стрѣльцовъ [1]). Татары были у русскихъ въ рабахъ [2]). Не мало находилось среди русскаго населенія и турокъ. Военно-плѣнные турки водворялись цѣлыми колоніями, какъ, напр., въ 1788—1791 и 1809—1812 годахъ существовала колонія турецкихъ военно-плѣнныхъ между Дмитріевскомъ и Христофоровкою въ Херсонской губерніи [3]). Съ другой стороны, русскіе селились между татарами, въ татарскихъ деревняхъ, какъ, напр., въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ с. Багаево, Арасланово, Б. Меми и многихъ другихъ [4]). Вслѣдствіе такого сближенія русскаго народа съ тюрко-татарскимъ племенемъ происходили между ними и взаимная физіологическая помѣсь и умственное общеніе. Въ Сибири русскіе служилые и жилецкіе люди, сжившись съ татарами, забывали правила православной вѣры, во всемъ сообщались съ татарами и съ некрещеными татарками жили, какъ съ законными женами [5]). Особенно въ южно-русскомъ казачествѣ много было примѣси татарской и турецкой крови. О донскихъ казакахъ еще Котошихинъ замѣтилъ: «люди они породой москвичи и новокрещеные татары» [6]). «Донскіе казаки доставали себѣ женъ,—говоритъ Георгій,—по татарскому обычаю, увозомъ отъ своихъ сосѣдей-татаръ, смѣшивались съ послѣдними и составили одно общество. Большая часть донскихъ казаковъ имѣютъ видъ смѣшанный съ русскимъ и татарскимъ, безъ сомнѣнія отъ матерей или праматерей татарокъ» [7]). Смѣшиваясь такимъ образомъ съ славяно-русскимъ племенемъ, турки и татары принимали православную христіанскую вѣру и русѣли [8]). Съ другой стороны, и многіе русскіе, смѣшиваясь съ турками и татарами, принимали магометанскую вѣру. Въ восточныхъ провинціяхъ московскаго государства нѣкоторые русскіе, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣщаніями своихъ хозяевъ и принимали татарскую вѣру [9]). Многіе, по татарскому обычаю, увлекались многоженствомъ, имѣли по двѣ жены или вновь женились при жизни первыхъ женъ, держали наложницъ [10]). А казанскіе раскольники, живущіе среди татаръ и невольно подвергающіеся ихъ вліянію, заводили у себя даже татарскіе или турецкіе гаремы: «У зажиточныхъ раскольниковъ,—говоритъ г. Лаптевъ въ описаніи Казанской губерніи,—на задахъ избъ, на дворахъ или огородахъ, ставятся особыя кельи для сбора женщинъ и молодыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ грамотныя читаютъ

Темниковскомъ уѣздѣ за мещеряками и новокрещеными 34 дв.; за мурзами и татарами 1061 дворъ; въ Саранскомъ уѣздѣ за новокрещ. мурзами и татарами 42 дв. Доп. у А. И. VIII стр. 129—130.

[1]) Ibidem стр. 32.

[2]) Коллинсъ 11.

[3]) Вѣстн. Геогр. Общ. 1859 г. ч. 26, ст. V, стр. 59.

[4]) Казанской губ. 476.

[5]) Собр. Гос. Грам. III, № 60.

[6]) Котошихинъ, IX, 7.

[7]) Опис. народ. 1799, и IV, 200—201.

[8]) Доп. VIII, № 89; акты, относ. до обращен. въ христ. вѣру татаръ.

[9]) А. Э. 1, 438.

[10]) Р. Дост. 91, А. И. III, 43. А. А. Э. IV, ст. 62, 146, 492, 498. П. С. З. 1, стр. 254. Грам. и акты Рязан. губ., стр. 131. Древн. Россійск. Вивліоѳ. ч. XV, стр. 384—386.

въ праздники духовныя книги. У очень зажиточныхъ раскольниковъ изъ такихъ келій *образуются просто гаремы*, гдѣ происходятъ часто оргіи, куда зазываютъ народъ для кутежа и совращенія въ расколъ. У поморцевъ въ Казани предводитель секты имѣлъ молельную въ зданіи бывшаго стекольнаго завода. Тутъ у него содержалось много молодыхъ дѣвицъ, подъ названіемъ келейницъ, и здѣсь же творились раскольничьи оргіи, напр. мужчины и женщины собирались въ одной общей темной банѣ и въ потьмахъ, не разбирая кровнаго родства, братъ сходился съ сестрой, отецъ съ дочерью... Заведеніе это закрыто, но, по всей вѣроятности, тайно существуютъ другія, имѣющія подобный характеръ» [1]). Множество раскольниковъ, особенно гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ бѣжали въ Турцію. «Многіе изъ раскольниковъ,—какъ гласитъ докладъ сената 1737 года,—великимъ числомъ людей ушедъ въ турецкую границу, живутъ тамъ, и понынѣ другимъ въ пристанище служатъ» [2]). И вотъ изъ этихъ-то тюрко-татарскихъ родовъ русскаго населенія, или изъ отуречившихся русскихъ раскольниковъ, выходили «*турчанины родомъ*» и, пользуясь, для своего обогащенія, простотой и невѣжествомъ необразованнаго народа, особенно той массы православнаго народа, которая представляла новокрещеную смѣсь тюрко-татарскаго и финскаго племени, они еще объявляли себя пророками, на подобіе Магомета, пророками-саваоѳами и христами. Если не о первомъ, то объ одномъ изъ самыхъ первыхъ пророковъ-христовъ людей божіихъ св. Димитрій Ростовскій замѣчаетъ: «*сказуютъ того лжехриста родомъ быти турчанина*» [3]). И есть другое достовѣрное свидѣтельство, что русско-турецкіе раскольники изъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, проживающіе въ турецкихъ владѣніяхъ, имѣли большое вліяніе на секту людей божіихъ и хлыстовъ. Именно, въ показаніи одной лжебогородицы людей божіихъ, Анны Ѳедоровой Скочковой, крестьянки Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, записанномъ въ 1828 г. священникомъ саратовскаго тюремнаго замка Вазерскимъ, сказано: «секта хлыстовъ происходитъ отъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, жившихъ въ Россіи и послѣ бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія. Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля сей секты въ видѣ христа, отъ него получаютъ себѣ всѣ нужныя книги. Когда нужно имъ избрать богородицу и пророка-богомольщика, то они, утвердивъ избраніе своеручнымъ подписаніемъ, посылаютъ съ нимъ помощника къ настоятелю. Тамъ пророкъ живетъ годъ и болѣе для узнанія обрядовъ, дознанія въ поведеніи и твердости въ вѣрѣ. Послѣ настоятель, утвердивъ сей приговоръ, посылаетъ съ помощникомъ предписаніе, а богородицѣ-богомольницѣ сорочку и вербу... Потомъ, избравъ другую, которая навсегда должна быть дѣва непорочная, благообразной наружности и лучшаго ума, опять тѣмъ же порядкомъ посылаютъ предписанія, сорочку и вербу. Сія Анна Ѳедоровна отъ настоятеля турецкаго имѣла предписаніе, сорочку и вербу. Сверхъ сего ей была послана отъ него въ даръ книжка, похожая на молитвенникъ,

---

1) Матеріалы для стат. и географ. Каз. губ. стр. 471.

2) П. С. З. т. IX, № 6802, стр. 574.

3) Розыскъ ч. III, гл. XVIII въ ст. о христовщинѣ.

печатанная отъ правой руки къ лѣвой, красными буквами» [1]). Подъ вліяніемъ такихъ-то. «*турчаниновъ родомъ*» или турецкихъ раскольниковъ, гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ,—секта людей божіихъ и хлыстовъ, въ южной и юговосточной украйнѣ Россіи, получила сначала довольно явственный тюрко-татарско-казачій оттѣнокъ. Въ составъ ея общества вошло не мало турецкихъ и татарскихъ родовъ казаковъ запорожскихъ и донскихъ; потому что эти казаки, изъ среды которыхъ вышли и турецкіе хлысты, были большею частію турецкаго и татарскаго происхожденія. «Черкасы, или запорожцы,—говоритъ Коллинсъ,—татарскаго племени» [2]). «Въ донской казачій родъ,—говоритъ г. Котельниковъ въ историч. запискѣ о куртоярской станицѣ,—вошли нѣкоторыя калмыцкія, *татарскія*, греческія и *турецкія* племена и чрезъ смѣшеніе измѣнились въ русскій родъ». На такой тюрко-татарской этнологической почвѣ казачества, легко было съ особеннымъ успѣхомъ привиться сектѣ турецкихъ раскольниковъ—бѣглыхъ единоплеменниковъ запорожскихъ, гребенскихъ и донскихъ казаковъ.

Вслѣдствіе такого развитія, на тюрко-татарской этнологической почвѣ казачества, въ сектѣ людей божіихъ и хлыстовъ сначала весьма замѣтно отразился оттѣнокъ запорожско-казачьихъ привычекъ и восточнаго гарема. Запорожскіе казаки, по свидѣтельству Коллинса, страстно преданы были пляскамъ, колдовству, которымъ занимались у нихъ и женщины высшаго сословія, и управлялись избранными имъ самими полковниками.

И вотъ все это перенесено было ими и въ секту людей божіихъ и хлыстовъ,—а званіе полковниковъ усвоено предводителямъ-пророкамъ людей божіихъ; какъ видно, напр., изъ словъ пѣсни людей божіихъ: «какъ и сталъ онъ *полковникъ* полковой, *красныхъ дѣвушекъ полкомъ полковать*». Казачьи роды и круги обратились въ религіозно-коммунистическіе гаремы—въ круги и радѣнья людей божіихъ. Вообще, возникши отъ «турчаниновъ родомъ» и отъ турецкихъ раскольниковъ татарскаго, запорожскаго и гребенскаго рода, секта людей божіихъ до Селиванова вовсе не имѣла печати скопчества, а напротивъ скорѣе была религіозной пропагандой восточной, гаремной общины. До Селиванова она вполнѣ представляла религіозно-оргическій, восточный, гаремный коммунизмъ. Самъ первый лжепророкъ «турчанинъ родомъ», по словамъ св. Димитрія Ростовскаго, «водилъ съ собою дѣвицу краснолицу, родомъ русскую», и 12 учениковъ ходили по селамъ и деревнямъ и преимущественно увлекали въ его сборище бабъ [3]). Въ донесеніи петербургской слѣдственной комиссіи 1734 года, по поводу открытія гаремныхъ сборищъ людей божіихъ, сказано: «послѣ богослужебныхъ собраній, гдѣ происходили пляски, еретики рѣдко расходились по своимъ домамъ, обыкновенно же ночевали въ домахъ этихъ собраній, въ которыхъ устроено было множество кроватей для приходившихъ на моленье: здѣсь мужчины и женщины предавались гнусному разврату» [4]). По словамъ

---

[1]) Прав. соб. 1858 г. марта 362—363.

[2]) Коллинсъ 12.

[3]) Розыскъ ч. III гл. XVIII, стр. 599.

[4]) П. С. З. IX, № 6613.

Селиванова, родоначальника скопцовъ, до него люди божіи страстно занимались *женскою лѣпостью*, т.-е. увлекались женской красотой. «Ходилъ я,—говоритъ онъ,—по всѣмъ кораблямъ и поглядѣлъ, но всѣ женскою лѣпостью перевязаны, то и наровятъ только, чтобы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть» [1]). Какъ всѣ татарскія стихотворенія, мюрребы или четырехстишія, всѣ татарскія пѣсни имѣютъ темой женщинъ и любовь, такъ и многія пѣсни людей божіихъ дышутъ подобными мотивами.

И послѣ, когда Селивановъ возсталъ противъ гаремныхъ соборовъ людей божіихъ и, по словамъ скопческой пѣсни, самъ сталъ онъ «полковникъ полковой красныхъ дѣвушекъ полкомъ полковать»,—старый, тюрко-татарско-казачій гаремный отпечатокъ все-таки сохранился на соборахъ и радѣньяхъ людей божіихъ и скопцовъ. Такъ называемый свальный грѣхъ, по общему сознанію самихъ людей божіихъ, совершался почти на всѣхъ радѣньяхъ; въ нѣкоторыхъ корабляхъ свальный грѣхъ бываетъ почти на каждомъ чрезвычайномъ собраніи [2]). Всякій разъ какъ людямъ божіимъ удается обратить въ свою секту, напр., 15 или 16-лѣтнюю дѣвушку,—такъ бываетъ на радѣньи и свальный грѣхъ. Дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особенно устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: «поплясохомъ, покатохомъ на сіонскую гору». Пляска дѣлается живѣе и живѣе и скоро переходитъ въ истое бѣшенство; вдругъ, свѣчи гаснутъ, и начинается та сцена, которая называется свальнымъ грѣхомъ. Именно, послѣ бѣшеной пляски люди божіи, погасивши свѣчи, валятся на полъ и любодѣйствуютъ, не разбирая ни возраста, ни родства [3]), или, по словамъ одной пѣсни скопцовъ, «отъ страстей на бокъ валятся». Пѣсни строгихъ селивановцевъ-скопцовъ исполнены жалобъ на то, что люди божіи и послѣ Селиванова сильно предавались «женской лѣпости». Напр. въ одной пѣснѣ поется:

У насъ батюшки не стало
И теплота у насъ отстала.
А духъ на кругѣ возвѣщаетъ
Чрезъ пророчески уста:
Избранныя мои дѣти...
Приказъ мой не исполнили
И чистоту свою замарали,
Слабость, *лѣпость* возлюбили,
Вы во внѣшности всегда жили,
И плотямъ своимъ уважали, и проч.

И кромѣ гаремнаго разврата, въ сектѣ людей божіихъ и хлыстовъ, подъ вліяніемъ учителей ея, «турчаниновъ родомъ» и турецкихъ выходцевъ запорожскихъ казаковъ,—выразились и другіе тюрко-татарскіе оттѣнки. Основные догматы Корана: *вѣра въ пророковъ*, которыхъ у могометанъ считается болѣе 100,000, и *вѣра въ предопредѣленіе, въ судьбу* вполнѣ согласо-

[1]) Посл. 79.

[2]) Объ обществѣ людей божіихъ въ Правосл. Собесѣдн. стр. 405.

[3]) Объ обществѣ людей божіихъ. Прав. Собесѣдн. стр. 405—406.

вались и съ вѣрой людей божіихъ и скопцовъ въ своихъ пророковъ и въ такъ называемую *общую и частную судьбу*. Какъ у магометанъ вѣра въ судьбу создала болѣе 100,000 пророковъ,—такъ и у людей божіихъ вѣра въ рокъ, желаніе знать общую и частную судьбу вызвали сотни пророковъ и пророчицъ. «Што рокъ — то пророкъ», — такъ гласитъ одна бѣлорусская пословица. Далѣе, до Селиванова, люди божіи на своихъ соборахъ, по его словамъ, по татарски—«*не ходили*». Наконецъ, самая идея скопчества, эта дикая, варварская, анти-физіологическая идея, вредная вездѣ, а тѣмъ болѣе въ холодномъ сѣверномъ климатѣ,—эта идея занесена въ Россію и заронена въ голову людей, подобныхъ Селиванову, съ востока, изъ Турціи. Природная родина скопчества тамъ, на востокѣ, гдѣ и родина полигаміи, многоженства. Скопчество и на востокѣ явилось, какъ фанатическая реакція, оппозиція противъ восточнаго любострастія, многоженства и наложничества. Подъ вліяніемъ востока и въ Греціи и Римѣ, во времена язычества, въ противоположность апотеозѣ фаллоса и поклоненію венерѣ, возникло восточно-евнушеское служеніе богинѣ цибеллѣ. Въ Греціи и Болгаріи, въ противоположность турецкому многоженству и гарему, скопчество особенно стало развиваться съ XIV в., какъ видно изъ житія Ѳеодосія терновскаго, писаннаго константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ [1]). Изъ Турціи и Греціи идея религіознаго скопчества занесена въ Россію главнымъ образомъ отуречившимися или «турчанинами родомъ»—запорожскими и гребенскими казаками, жившими въ Турціи. И она привилась тѣмъ легче, что, по восточному умонастроенію финско-русскаго народа требовалось, какъ мы видѣли, чтобъ *все было показано въ натурѣ*,—чтобъ для нравственнаго самоусовершенствованія отсѣкать грѣхъ, такъ сказать, *въ натурѣ же*, нагляднымъ и ощутительнымъ образомъ, вмѣсто того чтобы вдаваться въ отвлеченныя толкованія о самоотверженіи, самовоздержаніи и пр. И вотъ, когда одинъ изъ первыхъ лжепророковъ, и «турчанинъ родомъ», и многіе турецкіе расколоучители изъ запорожскихъ или гребенскихъ казаковъ водворили на соборахъ людей божіихъ восточно-турецкій гаремъ, — тогда, напротивъ, Кондратій Селивановъ, крестьянинъ Орловской губерніи, пошелъ распространять въ людяхъ божіихъ восточно-турецкое евнушество, скопчество. И Селивановъ, поэтому, является преобразователемъ, обновителемъ секты людей божіихъ и хлыстовъ. Онъ возсталъ противъ «женской лѣпости» — противъ тюрко-татарскаго гаремнаго любострастія и основалъ новую скопческую секту. Скопчество, такимъ образомъ, является какъ бы реакціей или оппозиціей противъ тюрко-татарскаго гаремнаго характера, какой приняли было соборы людей божіихъ до Селиванова. И Селивановъ покушался распространить его не только въ русскомъ народѣ, но и по всему востоку и между татарами. Татарское многоженство онъ постоянно называлъ *зміемъ лютымъ*, подобно тому, какъ въ одной древне-русской богатырской былинѣ и вся татарская орда изображалась подъ образомъ *змѣя Тугарина* [2]). Селивановъ

---

[1]) 1354—1364 г. Чт. М. общ. исторіи 1860 г. 1, матеріал. глав. 1—12.

[2]) Бусл. I, II.

далъ себѣ задачей, идучи въ Иркутскъ, «побѣдить на востокѣ змѣя лютова, поѣдающа всѣхъ на пути идущихъ на востокъ людей божіихъ и стать во главѣ разныхъ народовъ и племенъ» [1]). И дѣйствительно, послѣдователи Селиванова успѣли распространить скопчество и между нѣкоторыми татарами. Поэтому, когда Селивановъ, на пути въ Сибирь, сталъ было раскаяваться въ томъ, что оскопилъ многихъ, и въ томъ числѣ татаръ,—одинъ сибирскій татаринъ или турокъ сильно озлобился на него за то, что онъ скопилъ и ихъ татаръ, и турокъ. «Ѣхавши я дорогою,—говоритъ Селивановъ, — и помыслилъ: напрасно я людей скоплялъ, оскопилъ бы я самъ себя, и спасалъ бы душу! Гдѣ ни взялся турка, схватилъ съ моей головы престолъ и внесъ въ канаву, я за нимъ гнаться и говорю: «Отдай, турка, да отдай же! а если не отдашь, то *разорю всю лѣпость* на землѣ, и мѣста ей нигдѣ не дамъ, и голову срублю. Тогда турка взялъ, самъ на голову мою надѣлъ и сказалъ: на вотъ, *только насъ не трогай*» [2]). Но всего болѣе Селивановъ старался искоренить турко-татарскій гаремъ и «женскую лѣпость на соборахъ и корабляхъ людей божіихъ». Такое возстаніе Селиванова противъ *лѣпости женской* и противъ *старыхъ учителей и пророковъ* сначала сильно вооружило противъ него всѣхъ людей божіихъ. Въ темныхъ массахъ народа зашевелилось чувство недовѣрія къ нововводителю, и затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ гоненій, которыя въ концѣ концовъ придали Селиванову значеніе гонимаго учителя. Но о гоненіяхъ Селиванова мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

---

[1]) Посл. 86.
[2]) Посл. 82.

III

Селивановъ въ продолженіе своей дѣятельности не разъ встрѣчалъ противодѣйствіе въ средѣ своихъ послѣдователей. Они даже неоднократно покушались убить его. Такъ одна дѣвица лже-пророчица хотѣла убить его камнемъ, а братъ ея до 6 разъ стрѣлялъ въ него ружьемъ, но не могъ застрѣлить. «А послѣ онаго, — пишетъ Селивановъ, — возстали на меня всѣ божьи люди, *возненавидѣли чистоту* мою, и жаловались учителю своему, пророку Филимону, который ходилъ въ словѣ бойко, и онъ про чистоту мою въ духѣ пѣлъ, а такъ *ненавидѣлъ,* и, призвавши меня, говорилъ: «*на тебя всѣ жалуются, что ты людей отъ меня отвращаешь*»; а я ничего не говорилъ и все молча былъ, но онъ сказалъ: «вишь какой ты, даромъ, что молчишь; смотри опасайся!» А мнѣ въ то время пристать было негдѣ, потому *что всѣ меня погнали. А на крестъ меня отдали іудеямъ божіи люди*» [1]). Но, несмотря на такія гоненія, Селивановъ мало-по-малу одержалъ верхъ надъ всѣми лже-пророками и лже-пророчицами, и всѣхъ *привелъ* къ себѣ, къ своему ученію, и такимъ образомъ восточный гаремъ людей божіихъ преобразовался въ восточную, турецко-евнушескую секту скопцовъ. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ, какъ онъ ходилъ по всѣмъ соборамъ и кораблямъ людей божіихъ и *приводилъ* ихъ. въ свою скопческую секту: «По сырой землѣ странствуя ходилъ я, и чистоту свою всѣмъ явилъ, на колокольню всходилъ, и одной рукой во всѣ колокола звонилъ, а другой избранныхъ своихъ дѣтушекъ манилъ, въ трубушку трубилъ, и имъ говорилъ: Пойдите мои вѣрные, изобранные со всѣхъ четырехъ сторонушекъ, идите на звонъ и на жалостный гласъ мой трубный, выходите изъ темнаго лѣса, отъ лютыхъ звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй, бѣгите отъ своихъ отцовъ и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей, возьмите съ собою только однѣ души, плачущіяся въ тѣлѣ вашемъ! На сей мой жалостный гласъ и на колокольный звонъ нѣкоторые стали отъ сна пробуждаться, и головы изъ гробовъ поднимать, и изъ моря на верхъ выплывать, и изъ лѣсу ко мнѣ приходить; а я тогда имѣлъ нужду по всѣмъ городамъ ходить, потому что не могъ нигдѣ головушки своей приклонить, ходилъ въ нищенскомъ образѣ и часто перемѣнялъ платья на себѣ. Однажды, не пивши и не ѣвши, сидѣлъ трое сутокъ въ ямѣ, гдѣ бросали всякую падаль; да во ржи былъ я десять сутокъ, отчего, очення утомившись, легъ и заснулъ; а проснулся, то увидѣлъ, что возлѣ меня лежитъ волкъ, и на меня глядитъ; но я сказалъ: поди въ свое мѣсто! и онъ послушался меня и пошелъ. А потомъ я доживалъ въ соломѣ двѣнадцать сутокъ, и пища была со мною только

---

[1]) Т. е. они выдали его въ руки полиціи. Посл. 75.

одинъ маленькій кувшинчикъ водицы, которую употреблялъ я по ложечкѣ въ сутки. Но послѣ онаго перешелъ я къ божьему человѣку, но и тутъ на меня доказали, и пришли за мною съ обыскомъ; меня же тогда спрятали и завязали въ пеньковый снопъ; а которые искали, сказали хозяину: что у тебя энто какой большой снопъ? А я велѣлъ хозяину пробѣжать позади двора, въ полѣ лечь. Послѣ того еще меня искали, а я былъ въ другомъ мѣстѣ, тожь у божьяго человѣка; мнѣ дѣваться было некуда, велѣлъ покрыть себя свинымъ корытомъ; и тутъ меня отецъ мой покрылъ, и не нашли. И еще когда я ходилъ въ Тулѣ въ нищенскомъ образѣ, и вздумалось мнѣ итить въ село Тифинь, на ярмарку, и стихи пѣть, а братъ мой, Мартинушка, меня не пущалъ, и говорилъ Мартинушка: смотри, братъ, встрѣчай меня! И пришелъ я на ярмарку, а на оной стоялъ полкъ солдатъ, и у меня было три сумки: двѣ я набралъ, да хотѣлъ набрать и третью, а самъ себѣ думаю: тутъ-то меня братъ мой встрѣтитъ съ большою добычею; и пошелъ къ солдатамъ просить милостыни: но они меня схватили, и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали и крѣпко караулили, а начальникъ имъ говорилъ: не вѣрьте, онъ уйдетъ, и остригите ему половину головы! Тутъ солдаты остригли мнѣ половину головушки! Наступила ночь, и солдаты всѣ полегли вокругъ меня, а я шибко захрапѣлъ, будто бы уснулъ, а солдаты промежду себя и говорятъ: Этакъ старичокъ намаялся, тотчасъ уснулъ; потомъ и они всѣ заснули, а я, взявши, головушку свою тряпочкой обвязалъ, и чрезъ нихъ перепрыгнувши, и ушелъ въ рожь, а они меня хватились и закричали: Бѣжалъ! бѣжалъ! да и негдѣ взять; только, однако, было: гдѣ я бѣжалъ, тамъ рожь шаталась, а они и говорятъ: если пѣшкомъ бѣжать, не догонишь, а на лошади ѣхать, то всю рожь поломаешь; а бѣжалъ я двадцать пять верстъ, все рожью да рѣчками, и еслибы я вышелъ на большую дорогу, то меня бы тамъ схватили, потому что у меня полголовы было острижено; и такъ я стороною бѣжалъ къ братцу своему, Мартинушкѣ, и постучался подъ окошкомъ, а онъ выскочилъ, обнялъ меня крѣпко и сказалъ: о, братецъ, братецъ, говорилъ я тебѣ, чтобы ты не ходилъ! А я ему сказалъ: о, что же? я славу Богу!—А гдѣ же тебѣ полголовы остригли? Но я ему отвѣчалъ: я тебѣ сказалъ, что прійду, а волосы выростутъ, объ этомъ не тужи. Но онъ меня весьма крѣпко любилъ и во всемъ берегъ, я былъ молчаливъ и несмѣлъ: такъ куды мы съ нимъ пойдемъ, и гдѣ намъ дадутъ блинковъ, то онъ меня все кормилъ, и подкладалъ, и говорилъ: На, ѣшь, да ѣшь же! а я молчалъ, кушалъ, и мы съ нимъ ходили по божьимъ людямъ. Въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица пророчица, по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла, такъ и окаменѣла у нея рука; а я пошелъ и легъ въ ясли, и лежалъ въ оныхъ трое сутокъ, и не пилъ и не ѣлъ, а крѣпко плакалъ и просилъ Отца Небеснаго: о, Отецъ мой Небесный! заступись за меня сироту, и поддержи подъ своимъ покровомъ! И Отецъ мой за меня вступился, и она видѣла во снѣ, что ее ангелы наказывали жезлами, и всю ее избили, и велѣли просить у меня прощенья, и сказали: если онъ тебя не проститъ, то все будетъ тебѣ такое мученіе. Тогда она у меня просила прощенья, и говорила: прости меня

что я дерзнула поднять на тебя камень, и видѣла я во снѣ, что меня ангелъ жезломъ наказывалъ, и всѣ кости у меня изломаны и болятъ, и онъ велѣлъ мнѣ у васъ просить прощенія; если вами прощена не буду, то все такое мученіе принимать стану; тутъ я ее простилъ. А еще братъ ея хотѣлъ меня застрѣлить изъ ружья, когда я ходилъ на праздникъ изъ села въ Тулу; въ каждый праздникъ, когда я прійду, то онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ, но ружье, по промыслу Божію, не выстрѣлило ни одного разу. А послѣ онаго возстали на меня всѣ люди божьи... Тогда я пошелъ стороною, лѣсомъ, къ божьему человѣку, Аверьяну, и, пришедши къ нему, говорилъ: любезный Аверьянушка! не оставь меня, сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестры своей; чтобъ никто не зналъ; пусти меня въ житницу, за что тебя Богъ не оставитъ; и онъ меня призрѣлъ и ходилъ ко мнѣ тихонько отъ своихъ, и я ему объявилъ о чистотѣ; но онъ сказалъ: боюсь, чтобъ не умереть. Но я ему говорилъ: Не бойся, не умрешь, а паче воскресишь душу свою, и будетъ тебѣ легко и радостно, и станешь какъ на крыльяхъ летать, духъ къ тебѣ преселится, и душа твоя обновится; пойди къ учителю своему, пророку Филимону, и онъ тебѣ то же пропоетъ и скажетъ, что въ твоемъ домѣ тайно самъ богъ живетъ, и никто объ ономъ не знаетъ, кромѣ тебя; который и пропѣлъ ему все то самое, что я ему говорилъ. И тутъ онъ мнѣ повѣрилъ, пришелъ и поклонился, и принялъ мою чистоту, и, по приказанію моему, объявилъ посестрѣ своей, что я у нихъ живу, и сказалъ ей, какъ учитель ихъ обо мнѣ въ словѣ провѣстилъ, что самъ богъ живетъ у насъ въ домѣ тайно, и я его принялъ. Еще въ одно время былъ я въ кораблѣ у матушки своей, Акулины Ивановны, у которой было вольныхъ людей тысячу человѣкъ; у нея была первая и главная пророчица, Анна Романовна; она узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она прославилась; и знавши объ ономъ, многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ? а также объ рыбѣ: ѣздить ли ловить, или нѣтъ? И если кому она велитъ сѣять хлѣбъ, или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ; а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ, не уродится хлѣбъ. А какъ я вступилъ въ соборъ, и она тогда ходила въ словѣ, и людей было восемьдесятъ человѣкъ: вдругъ вся встрепенулась и, оборотясь ко мнѣ, говорила: самъ богъ пришелъ; теперь твой конь бѣлъ и смиренъ. Взявши крестъ, ходила по порядку по всѣмъ въ соборѣ людямъ, давала каждому въ руки, дошла до меня послѣдняго, потому что я садился завсегда у самаго порогу и за порогомъ, былъ нѣмъ и не слышенъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ, и отдала мнѣ, и говорила потомъ пророкамъ: Ступайте на округу, и угадайте, у кого богъ живетъ! Тогда пророки пошли и искали по себѣ и по другимъ богатымъ, и у первыхъ людей ни у кого не нашли, а на меня и не подумали. Тогда Анна Романовна сказала: для чего-жъ вы меня, бога, не нашли, гдѣ я пребываю? Взяла у меня крестъ и показала всѣмъ: вотъ гдѣ богъ живетъ! и всѣмъ оное сдѣлалось противно и злобно. Потомъ велѣла она выдвинуть на середину собора сундукъ, и сѣла на оный

крѣпко, и меня возлѣ себя посадила и говорила: ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя оные спрашивать, но ты никому не давай и не показывай, и сиди крѣпко на своемъ сундукѣ, а теперь же тебя хотятъ всѣ предать; но хотя ты будешь и сосланъ далеко, и наложатъ на тебя оковы на руки и на ноги, но, по претерпѣнiи великихъ нуждъ, возвратишься въ Россiю, и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками. Но въ одно время, взявши она меня въ особую горницу и сказала: Что, я давно съ тобою хочу побесѣдовать: садись возлѣ меня! и посидя, схватила крестъ и хотѣла привести меня, и говорила: приложись ко кресту! А я взялъ отъ нея и сказалъ: дай-ко я приведу тебя снова самое! Но она, не слышавши отъ меня словъ, удивясь оному, сказала: ахъ, и ты говоришь! Что мы никогда не слыхивали, чтобы ты съ кѣмъ говорилъ? И тутъ накатилъ на нее мой духъ, и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ, и я испугался, будто бы богъ мой ничего не знаетъ; взялъ, подунулъ на нее своимъ духомъ, и она, какъ отъ сна, пробудилась, встала и, перекрестившись, сказала: О, Господи! что такое съ мною случилось? О, куды твой богъ великъ! Прости меня! взяла и приложилась ко кресту и говорила: Ахъ, какъ, что я про тебя видѣла! А я сказалъ: что такое видѣла? Скажи, такъ и я тебѣ скажу! И тогда она мнѣ стала разсказывать, что отъ меня птица полетѣла по всей вселенной всѣмъ провѣстить, что я богъ надъ богами, пророкъ надъ пророками. Тутъ я ей сказалъ: это правда; смотри же; никому объ ономъ не говори, а то плоть тебя убьетъ. Но всего моего похожденiя, и страдовъ не можно перомъ описать, скажу вамъ о возлюбленномъ сыночкѣ Александрѣ Ивановичѣ, который былъ мнѣ вѣрный другъ и великiй помощникъ, что нѣтъ мнѣ нынѣ такова помощника, и нигдѣ не могу избрать, ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ, и ни въ другихъ городахъ; много есть у меня добрыхъ людей, но все нѣтъ такого, каковъ былъ онъ; онъ, по благословенiю моему, пошелъ въ ночь озарить тьму темничнымъ заключенiемъ и страданiемъ; а я, по благословенiю Отца своего Небеснаго, пошелъ на востокъ, освѣтить всю вселенную и истребить въ божьихъ людяхъ всю лѣпость, и побѣдить змѣя лютова, поядающа всѣхъ на пути идущихъ моихъ дѣтушекъ. И когда я пошелъ въ Иркутскъ, тогда у меня было товару только за одною печатью; и какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россiю, тогда вынесъ товару за тремя печатьми. И тутъ мнѣ стали говорить и просить: Покажи намъ товаръ свой! но я имъ отвѣчалъ, что не покажу, сами догадывайтесь! Я товаръ свой добывалъ все трудами своими, свѣчи мнѣ становили по плечамъ и по бокамъ все дубинками, а свѣтильники у нихъ были воловыя жилы, а на крестъ меня отдали iудеямъ божьи люди, а я жилъ тогда у жены грѣшницы, Ѳедосьи Iевлевны, въ домѣ; она меня приняла, а свои люди не приняли, и доказали и привели въ домъ ея солдатъ; однако она не оробѣла; и приходили къ ней два раза, и не нашли меня, а я уже былъ спрятанъ въ подполье; а послѣ этого мои людишки и сказали солдатамъ и офицеру: пойдемте въ третiй разъ и найдемте его, и отдадимъ вамъ въ руки на

муки; и, приведши ихъ, говорили: берите! онъ здѣсь, въ подпольѣ; которые и выломали полъ и вытащили меня за волосы. И тутъ меня били всѣ, кто чѣмъ попало, безъ всякой пощады, поясокъ и крестъ съ меня сняли, и руки назадъ связали, и назадъ гири привязали, и повели меня съ великимъ конвоемъ, шпаги обнаживши, и со всѣхъ сторонъ ружьями примкнувши, однимъ ружьемъ въ грудь, другимъ сзади и съ обоихъ боковъ, такъ что чуть не закололи; привезши въ Тулу, и посадили меня на стулѣ, подпоясали поясомъ желѣзнымъ, фунтовъ пятнадцать, и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить; на часахъ стояли четыре драгуна, а въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое, которые на меня доказали, и которыхъ поутру хотѣли бить плетьми», и т. д.

Такъ мраченъ этотъ восточно-азіатскій лабиринтъ, гдѣ заблуждалась и доселѣ заблуждается темная масса такъ называемыхъ людей божіихъ, хлыстовъ и скопцовъ, а съ ними и большая часть народа. И пусть бы только простой народъ вступалъ въ это дикое общество, но въ немъ принимали участіе и лица высшаго сословія, получившіе образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ напр., въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по слѣдствію открылось, что въ обществѣ симбирскихъ скопцовъ участвовали, между прочимъ, статскій совѣтникъ Еланскій, маіоръ Ефимовъ, капитаны Самойловъ и Степановъ, штабсъ-капитаны Сазоновичъ и Невѣровъ и многіе другіе. Тьма непроглядная обступала это общество, и неоткуда было пробиться въ его среду ни одному свѣтлому лучу разума.

Отвсюду съ востока, и отъ финскихъ племенъ, и отъ тюрко-татарскихъ народовъ, и изъ Византіи, нахлынула мгла суевѣрій и заблужденій на нашъ бѣдный, темный народъ. Не съ запада, а съ востока онъ ожидалъ свѣта жизни...

Селивановъ пошелъ на востокъ—обратить въ скопчество разныя племена и народы. И скопцы вѣрятъ и теперь, что родоначальникъ ихъ придетъ съ востока, съ иркутскихъ горъ въ Россію, расположится въ Москвѣ, «въ мощной силѣ, на бѣломъ, духовно-разсуждающемъ конѣ, *въ главѣ разныхъ народовъ и племенъ скопцовъ*, и пойдетъ распространять скопчество даже на западѣ, по всѣмъ землямъ французскіимъ» [1]). И чего же дождутся эти темные люди съ востока? И кто же и когда же обратитъ ихъ къ свѣту запада? Наша неподвижная исторія, вѣроятно, еще долго не отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Но прошедшая исторія нашего народа давно ясно доказала, отчего онъ такъ страшно заблуждался, чего онъ искалъ, ищетъ и не можетъ найдти, и заблуждается въ мрачномъ восточно-азіатскомъ лабиринтѣ, и гдѣ его искомое, и въ чемъ оно состоитъ.

Во-первыхъ, исторія ясно доказала, что народу нужно знаніе законовъ природы, нуженъ ключъ къ естественной экономіи. Для этого-то ему и нужны были сначала вѣдуны, волхвы, знахари, которые бы знали

---

[1]) О великорусскихъ беэпоповщ. раскол. въ закавк. соч. В. С. Толстова въ Чт. Общ. Ист. ст. 52

и открывали ему всѣ тайны природы и жизни. Прежде всего народу особенно нужно было знаніе метеорологическихъ условій русской земли, такъ какъ онъ почти исключительно занимался земледѣліемъ, повсюду водворялъ земледѣльческую колонизацію, «куда, по его словамъ, ходилъ топоръ, ходилъ плугъ, ходила коса и соха». Многовѣковая, часто горькая, *страдомая* практика земледѣлія показала ему, что значитъ природа въ дѣлѣ земледѣлія. И монахъ тревожно отмѣчалъ въ лѣтописяхъ русской исторіи тѣ метеорологическія явленія, которыя особенно ощутительно отзывались на народномъ хозяйствѣ. До XVI вѣка лѣтописцы, по случаю неурожаевъ, записали въ лѣтописяхъ до семи страшныхъ засухъ, когда, по ихъ словамъ, «было ведро вельми, изгарала земля, многіе боры изгарались сами, ключи и болоты высыхали», до тринадцати несвоевременныхъ морозовъ и снѣговъ въ лѣтнее время; до четырехъ случаевъ необыкновенныхъ проливныхъ дождей, лившихъ въ теченіе цѣлаго лѣта, когда крестьяне «ржей не сѣяли, и хлѣбъ въ поляхъ и трава сгнивала»; нѣсколько страшныхъ бурь, срывавшихъ хоромы и деревья съ кореньевъ, и даже будто бы уносившихъ людей и животныхъ; нѣсколько градобитій большихъ и обширныхъ. Были годы поразительные въ метеорологическомъ отношеніи. Напримѣръ, въ 1303 году «зима,—говоритъ лѣтописецъ—была тепла, не было снѣга во всю зиму, и не добыли люди хлѣба». «Въ лѣто 1485 года, говоритъ лѣтописецъ,—съ осени палъ снѣгъ на талую землю, и потомъ были морозы, и зима вся бяше тала, и по мхамъ и по болотамъ грязи люты, и подъ снѣгомъ подпрѣлъ корень ржаной, и по велицѣ дни (послѣ Пасхи) было ведро и солнечно, а потомъ студенно и мокро, слякоть съ морозомъ, и померзъ вышедшій ржаной корень, и бысть черна земля, и потомъ не бысть дождя до Петрова заговѣнья» [1]). Какъ же народу земледѣльческому не дорого было знать всѣ эти метеорологическія условія русской земли? Отъ нихъ приходилось общимъ числомъ по 14 большихъ неурожаевъ на каждое столѣтіе, считая лишь только записанные въ лѣтописяхъ неурожаи. А темный народъ, между тѣмъ, не зналъ этихъ метеорологическихъ тайнъ природы,—и вотъ ему нужны были вѣдуны, знахари, которые обманомъ своимъ замѣняли для него научное знаніе и морочили его предсказаніемъ тѣхъ или другихъ, важныхъ въ земледѣльческомъ отношеніи, атмосферическихъ перемѣнъ—дождя, засухи, града, ранняго или поздняго инея, урожая или неурожая хлѣба и т. п.

Во-вторыхъ, народу крайне нужно было знаніе природы человѣческой, знаніе условій здоровья и болѣзней. Практически, жизненно необходимы были всѣ существенныя знанія физіологическія, анатомическія, гигіеническія, медицинскія и проч., потому что его часто одолѣвали, мучили и губили разныя болѣзни. Моровыя повѣтрія, эпидеміи страшно опустошал[illegible] уѣзды и волости: изъ 200 дворовъ совершенно вымирали жители 90 [illegible] 100 дворовъ. Часто страдалъ народъ отъ болѣзней гемороидальныхъ, у[illegible] минаемыхъ въ старину подъ разными наименованіями: головной бо[illegible] теченія крови, запоровъ, боли въ спинѣ и т. п. Нерѣдки были нервн[illegible]

[1]) Исторія Гос. Рос. Карамзина IV, 200, прим. 158, 159.

болѣзни—эпилептическія, каталептическія, истерическіе припадки, которые приписывались большею частію порчѣ и вліянію таинственныхъ силъ, и носили разныя народныя имена, какъ напримѣръ: камчюгъ, френьчугъ, болѣзнь умомъ, бѣснованіе, разслабленіе, трясеніе, икота и т. п. Какъ особенные болѣзненные случаи упоминаются въ старину: каменная болѣзнь, отека, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, нѣмота, слѣпота, шелуди и проч. [1]). Какъ же, опять, народу не дорого было знаніе свойствъ всѣхъ этихъ болѣзней, способовъ ихъ леченія, знаніе силы травъ, кореньевъ и другихъ лекарственныхъ произведеній природы, которыми бы онъ могъ излечиваться отъ своихъ губительныхъ недуговъ. А онъ не имѣлъ этихъ жизненныхъ знаній,—и вотъ ему нужны были знахари, вѣдуны, нужны были ихъ зелейники, травники, лечебники, заговоры и заклятія. Словомъ, народу крайне нужно было знаніе законовъ природы внѣшней и законовъ природы человѣческой. А у него и тѣни этихъ знаній не было. И вотъ онъ вѣрилъ вѣдунамъ, знахарямъ, и даже финскимъ кудесникамъ: у нихъ искалъ онъ разрѣшенія мучившихъ его вопросовъ жизни и природы. Но не удовлетворили и вѣдуны, знахари — этого инстинктивнаго умственнаго запроса народной пытливости. Народъ сталъ даже примѣчать обманъ и шарлатанство въ ихъ предсказаніяхъ, сталъ иногда не вѣрить имъ, потому что они не раскрывали ему тѣхъ таинственныхъ силъ и законовъ, которые такъ могущественно владычествовали надъ его жизнью и смертью и надъ его скуднымъ хозяйствомъ. Тайна воздуха, дождя, града, снѣга, инея, засухи, мороза, урожая и неурожая для него попрежнему оставалась тайной. Голодъ отъ неурожаевъ по прежнему губилъ народъ. Въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по прежнему, часто бывали убійственныя засухи, и въ томъ числѣ 6 или 7 засухъ было необыкновенныхъ, почти повсемѣстныхъ. Градъ по-прежнему непредвидѣнно опустошалъ поля. Въ 1843 году, начиная съ мая мѣсяца и до сентября, было 326 градобитій въ 250 уѣздахъ разныхъ губерній. Въ 1844 году опять случилось 215 градобитій, которые уничтожили всходы, посѣвы и самую солому хлѣбовъ на пространствѣ 181,035 десятинъ. Въ 1845 году опять былъ градъ въ 34 губерніяхъ и истребилъ въ теченіе мая, іюня, іюля и августа почти всѣ произраставшіе злаки и растенія на пространствѣ 118,222 десятинъ. Въ 1851 году градъ въ 16 губерніяхъ обратилъ въ безплодную пустыню пространство въ 40,000 десятинъ, засѣянныхъ хлѣбомъ. И страшныя для народа извѣстія о неурожаяхъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ были чаще, чѣмъ прежде. Наприм. въ XV столѣтіи насчитывается до 18 неурожаевъ, въ XVI—до 11, въ XVII—до 12 неурожаевъ, а въ XVIII столѣтіи до 34; въ XIX столѣтіи, въ одну первую половину, было до 39 неурожаевъ. Такъ, благодаря газетамъ, страшныя для народа извѣстія о неурожаяхъ увеличивались и быстро распространялись, а знаніе окружавшей его природы и естественныхъ явленій по прежнему оставалось недоступнымъ для народа [2]).

---

[1]) Костомаровъ о великор. народѣ. 101.

[2]) Историч. и статистич. обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи, въ трудахъ Географ. Общ. кн. III, стран. 465—496.

Болѣзни также, по прежнему, одолѣвали народъ. Появлялись даже новыя, страшныя и опустошительныя болѣзни, какъ наприм. сифилитическія [1]). Въ XVIII столѣтіи сифилитическая зараза—какъ говоритъ императрица Екатерина въ своемъ «Наказѣ»,—заражала и опустошала цѣлыя деревни и волости. Однимъ словомъ, природа такъ непредвидѣнно и жестоко карала темный народъ почти на каждомъ шагу его жизни и хозяйства, что ему нужна была особенная раціональная предусмотрительность; необходимо было предварительное естествоиспытательное предузнаніе всего того, что можетъ быть и что будетъ въ природѣ; необходимо было такое знаніе физическихъ силъ и законовъ, на основаніи котораго онъ могъ бы математически вычислять и предузнавать всѣ неизбѣжныя явленія въ природѣ, такъ ощутительно и ежедневно отзывающіяся на его здоровьи и благосостояніи. А такое знаніе и немыслимо было для народа. И вотъ ему нужны стали пророки или пророчицы, новые вѣдуны, знахари тайнъ природы. Не нашелъ онъ въ прежнихъ языческихъ вѣдунахъ и знахаряхъ инстинктивно искомаго знанія, разувѣрился въ ихъ способности предвидѣть, предсказывать и предотвращать разныя физическія бѣдствія и, въ частности, матеорологическія условія урожаевъ или неурожаевъ, физическія причины удачи или неудачи промысловъ, болѣзней и т. п.—и пошелъ къ новымъ, христіанскимъ волхвамъ, вѣдунамъ и шаманамъ,—къ пророкамъ людей божіихъ и скопцовъ; онъ думалъ у нихъ найти этотъ даръ метеорологическаго всевѣдѣнія, даръ пророчественнаго естествознанія. И пророки людей божіихъ и скопцовъ—эти новые «великіе волхвы», такъ же обманываютъ темный народъ, какъ и прежніе вѣдуны, волхвы и знахари; также морочатъ его, предсказывая ему, когда будетъ засуха, дождь, градъ, снѣгъ, иней, морозъ, родится или нѣтъ хлѣбъ, здоровый ли будетъ годъ для скота и для людей, и не будетъ ли какого морового повѣтрія и болѣзни и т. п.

Въ частности народу крайне необходимо было знаніе, какъ физіологіи человѣческой природы вообще, такъ въ особенности физіологіи брака, гигіены половыхъ отношеній и т. п. Незнаніе физіолого-гигіеническихъ законовъ половыхъ отношеній было причиною того, что въ народѣ нашемъ искони господствовала, и доселѣ большею частію господствуетъ вопіющая неправильность въ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, и развратъ часто принималъ самыя противоестественныя формы и проявленія. Напримѣръ, сплошь и рядомъ бываютъ браки самые негигіеническіе: больные разными заразительными и наслѣдственными болѣзнями, въ родѣ сифилиса, золотухи, чахотки, съумасшествія, и т. п., вступаютъ въ бракъ, заражаютъ другъ друга, и порождаютъ болѣзненное, чахлое, гнилое, идіотическое поколѣніе. А прежде, при восточномъ затворничествѣ невѣстъ до брака, какъ часто заключались браки между лицами съ разными физическими недостатками и уродливостями. Передъ появленіемъ секты людей божіихъ и скопцовъ, въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, да и послѣ,—половыя отношенія сплошь и рядомъ были до возмутительности не

[1]) Съ XIX вѣка.

естественныя и антигигіеничныя, даже помимо разнообразныхъ проявленій содомства, онанизма: женились, напримѣръ, весьма рано, на 12 и 13 году, женились въ близкихъ степеняхъ родства [1]), или, по словамъ московскаго патріарха Филарета, «поимали за себя въ жены въ сродствѣ, сестры свои родныя и двоюродныя, а иныя и на матери своя и на дочери блудомъ посягали, и женились на дочеряхъ и на сестрахъ» [2]). Невѣжество причиняло женщинамъ страшный вредъ при самомъ дѣторожденіи, и тѣмъ многихъ изъ нихъ отталкивало отъ замужества и заставляло предпочитать скопчество. Напримѣръ, одинъ казанскій городской врачъ говоритъ: «повивальная бабушка, или грязное, отвратительное корыстолюбіе — одно и то же». И въ самомъ дѣлѣ, чтобы напиться чаю или съѣсть чужой обѣдъ, бабушка не посовѣстится изуродовать женщину и ожидаемаго младенца, а быть можетъ и все поколѣніе, могущее быть въ послѣдствіи; обыкновенно, эксплоатація, особенно перворождающей, начинается съ того, что бабушка послѣ перваго изслѣдованія дѣтородныхъ органовъ говоритъ, что матка не на мѣстѣ, слѣдовательно является необходимость ее править и длинная перспектива жить на чужой счетъ и за свою вредную работу получить еще сверхъ того вознагражденіе. Вслѣдствіе частаго правленья грубыми мозолистыми руками обыкновенно бываютъ преждевременные роды. Но это еще ничего не значитъ въ сравненіи съ варварскими операціями во время самыхъ родовъ. Въ числѣ операцій, наиболѣе замѣчательныхъ и наиболѣе употребляемыхъ въ этомъ родѣ, извѣстны двѣ: 1) бабка становится на животъ роженицы и мнетъ его ногами; 2) когда это не поможетъ, то бабка беретъ роженицу за ноги, кладетъ ихъ себѣ на плечи, и начинаетъ трясти бѣдную женщину внизъ головою, чтобы такимъ образомъ высвободить младенца. Обыкновенныя послѣдствія такого обращенія влекутъ за собою болѣзни половой сферы и часто безплодіе послѣ первыхъ родовъ. Что подобные случаи не рѣдкость, не несчастная случайность, достаточно сказать, что въ теченіе 8 мѣсяцевъ пять такихъ случаевъ были извѣстны городовому врачу небольшаго города въ Казанской губерніи [3]). Далѣе, вслѣдствіе физіологической аномаліи въ половой сферѣ и въ половыхъ отношеніяхъ, господствовали въ нихъ и нравственная неправильность и крайняя недостаточность, неразвитость умственнаго самообладанія въ половыхъ влеченіяхъ. До Петра Великаго браки заключались, обыкновенно, безъ взаимнаго согласія жениха и невѣсты, по деспотическому произволу родителей и нерѣдко даже по приказанію начальства и высшихъ чиновъ,—и оттого въ семействахъ происходили разладъ, развратъ и безнравственность. Въ 1693 г. патріархъ Адріанъ свидѣтельствовалъ, что браки заключаются безъ согласія вступающихъ въ бракъ, «отъ чего житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно». Церковные нравоучители, начиная съ XI вѣка, и осебенно въ XVII столѣтіи, вопіяли

---

[1]) Древн. росс. Вивліоѳика ч. XV, стр. 384—386. Грам. и акты Ряз. кр. 131. А. Э. IV, стр. 62 и др.

[2]) Собр. Госуд. Грам. ч. III, № 60.

[3]) Казан. губ. стр. 189.

безпрерывно и громко, что по праздникамъ происходилъ особенно возмутительный и грязный развратъ, на игрищахъ совершалось обыкновенно «и мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе, женамъ замужнимъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе» [1]). Мужчины и женщины не стыдились ходить публично нагими, а женщины нахально дотрогивались до молодежи и возбуждали ихъ страсть словами самыми пошлыми, сальными, грязными [2]). Все это не могло не возмущать естественнаго и нравственнаго чувства и въ самомъ простомъ народѣ. И вотъ, удивительно ли, что многіе, вслѣдстіе того, пустились въ другую, столь же неестественную и безнравственную крайность — въ скопчество. Ересь скопческая, въ этомъ отношеніи, является уродливой, неестественной, антифизіологической реакціей противъ уродливыхъ, неестественныхъ, антигигіеничныхъ и безнравственныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ. Она проповѣдуетъ удаленіе мужескаго пола отъ женскаго, и даже уничтоженіе, истребленіе самой физіологической способности взаимнаго влеченія, совокупленія и плодородія обоихъ половъ. Когда мы спросили въ Туруханскѣ одного сосланнаго туда, довольно начитаннаго скопца, родомъ новгородца: «для чего скопцы скопятся?» онъ отвѣчалъ: «а скопимся мы потому, что дѣти грѣха умножились, что мужья и жены, мужчины и женщины находятся въ неправильныхъ отношеніяхъ между собою. Мужъ съ женой не знаютъ одного, опредѣленнаго времени для совокупленія, тогда какъ и у животныхъ есть въ этомъ случаѣ опредѣленность. При недостаткахъ происходитъ между ними разладъ, ссоры, и т. п. Похоть плоти, во взаимныхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, порождаетъ нравственный хаосъ. Молодость отъ нея вѣтренна, нисколько не владѣетъ собой. Сѣмяистеченіе порождаетъ нечистоту. Наконецъ, венерическая болѣзнь съѣдаетъ свѣжую молодость, порождаетъ болѣзненное, гнилое потомство, возбуждаетъ отвращеніе. При оскопленіи ничего этого не бываетъ, и человѣкъ къ труду прилежнѣе и въ трудѣ не разсѣянъ. При скопцахъ и женщинамъ легче. При евнухахъ турецкихъ,—женамъ турецкихъ шаховъ и хановъ легче. При оскопленіи совѣсть чиста, не обуреваютъ страсти, труда больше». Откуда проистекаетъ такой противо-естественный, анти-физіологическій взглядъ на половыя отношенія? Очевидно, главнымъ образомъ отъ незнанія физіологіи и гигіены этихъ отношеній. Не зная физіологіи зачатія и рожденія человѣка, скопцы думаютъ, что человѣкъ есть плодъ самыхъ нечистыхъ, грязныхъ веществъ. Селивановъ говоритъ: «душа человѣка взята отъ сердецъ самаго Бога Саваофа, а взятъ человѣкъ изъ самаго гнуснаго сѣмени и непроходимой грязи» [3]). Такія мысли внушали народнымъ грамотникамъ и древнія церковныя поученія. Напримѣръ, въ одномъ древне-русскомъ словѣ о постѣ и составѣ человѣческаго тѣла сказано: «то помыслите и разгадайте, чего

---

[1]) А. А. Э. III, № 264 и мн. др.

[2]) Олеарій говоритъ: Nous avons vü a Moscou des hommes et des femmes sortir des etuves publiques tout nuds de s'aprrocher de notre feunesse, et exciter leur passion par des mots sales et lascifs... Voyages p. 214, Кошихинъ стр. 44. 92.

[3]) Посл. 87.

въ нашемъ тѣлѣ нѣтъ—огнь, зима, глисты, черви и проч.» [1]). Не зная великаго закона естественнаго подбора, не безъ цѣли создающаго и женскую красоту, и по словамъ Дарвина, даже въ животномъ царствѣ обусловливающаго половой подборъ, половыя симпатіи къ тѣмъ или другимъ физическимъ качествамъ или своеобразнымъ формамъ половой красоты, не зная физіологическихъ законовъ и условій усовершенствованія и вырожденія человѣческаго рода,—скопцы въ женской красотѣ видятъ нечистую, сатанинскую силу, а не существенный аттрибутъ и служебную силу естественнаго подбора природы и физическаго усовершенствованія человѣческаго организма. Селивановъ училъ людей божіихъ: «ненавидитъ душа моя *женской лѣпости*, какъ лютаго змѣя. Храните дѣвство и чистоту, а чистота есть прежде всего удаленіе отъ женской лѣпости. Удаляйтесь *злой лѣпости* и не имѣйте братья съ сестрами, а сестры съ братьями, праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отчего происходитъ уже лѣпость: ибо оная, какъ камень магнитъ, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близь находящееся желѣзо, такъ и женская лѣпость, по врожденному свойству своему, каждаго, близко обращающагося брата съ сестрою, привлекаетъ къ себѣ и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и поядаетъ всю добродѣтель» [2]). Вслѣдствіе такого понятія, въ закавказскомъ краѣ скопцы для богомолья сходятся отдѣльно отъ скопчихъ, считая грѣхомъ самомалѣйшее прикосновеніе, даже нечаянное, скопца къ скопчихѣ, такъ что если скопецъ обращается за-просто съ своею женою, съ другою скопчихою, или съ постороннею женщиною, то подвергается упреку, выражаемому словомъ «*лѣпость*». Въ подтвержденіе обязанности удаленія скопцовъ отъ скопчихъ приводятъ изъ священнаго писанія стихъ: «*стоять будутъ на Сіонѣ горѣ 144 тысячи, иже съ женами не осквернишася*» [3]). На просьбу пояснить слова писанія «плодитеся, множитеся и наполняйте землю»,—скопцы говорятъ, что подъ словомъ «плодитеся» подразумѣвается «скопляйтеся», а «множитеся и наполняйте землю» значитъ, чтобы скопцы умножались до того, чтобъ могли наполнить землю. О пресѣченіи рода человѣческаго скопчествомъ, скопцы полагаютъ, что люди, рожденные отъ грѣха, не могутъ принять всѣ скопчество, а одни предназначенные, избранные самимъ Богомъ; поэтому родъ человѣческій никогда не можетъ пресѣчься, потому что мало кому дано быть скопцемъ [4]). Наконецъ, не понимая той простой истины, что весь корень зла и неправильности половыхъ отношеніи лежитъ вовсе не въ половой сферѣ человѣческой, а въ неразвитости головного мозга, въ неразвитости мозговой, умственной силы нравственнаго самообладанія,—скопцы фанатически смотрятъ на самую половую сферу человѣка, какъ на органы сатанинскіе, нечистые. Отсюда-то и проистекаетъ этотъ ужасный, фанатическій, противо-естественный актъ скопленія, или, какъ скопцы говорятъ, *обѣленія*, которое у нихъ

---

[1]) Прав. собесѣд. 1858 г. январь ст. 154.
[2]) Посл. 67—69.
[3]) Толстова, въ Чт. 58—59.
[4]) Ibidem 64—65.

иногда совершается дважды и бываетъ полное и неполное,—по ихъ выраженію, *большая и малая печать* [1]). И какая варварская дичь, какое сумасбродство и сумашествіе въ этомъ фанатическомъ обрядѣ скопцевъ! Представьте, напримѣръ, ночное собраніе скопцовъ и скопчихъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, съ зажжеными свѣчами, хоть одно изъ тѣхъ собраній, которыя бывали до 50-тыхъ годовъ въ г. Алатырѣ, въ домѣ мѣщанина Милютинскаго. При дико-вдохновенномъ, восторженномъ пѣніи, вводятъ на соборное моленье новобранца—*израиля*, и затѣмъ, когда радѣнія скопцовъ доходятъ до изступленія, когда самъ *израиль* приходитъ въ ненормальное, паталогическое состояніе, его выводятъ, среди скачки скопцовъ и заунывнаго пѣнья, въ сосѣднюю комнату и тамъ совершаетъ оскопленіе какой-то старикъ. Затѣмъ кладутъ оскопленнаго на кровать среди комнаты и скопцы и скопчихи, цѣлуясь съ нимъ, привѣтствуютъ его: Христосъ воскресе. Многіе не выносили этой операціи, совершенной ножемъ или бритвою, умирали вскорѣ послѣ оскопленія, а служившіе у Милютинскаго хоронили трупы за садомъ, въ полѣ. Еще болѣе отвратителенъ этотъ уже чисто каннибальскій, антропофагическій обрядъ оскопленія 15 или 16 лѣтнихъ дѣвушекъ, у которыхъ отрѣзанныя груди даже съѣдались на радѣньи [2]). И сколько есть еще нелѣпаго, противоестественнаго въ скопчествѣ. Вотъ, напримѣръ, чтобы мужчинѣ сдѣлаться пророкомъ, онъ долженъ, между прочимъ, *съѣсть высушенное сердце умершаго пророка*, а чтобы скопчихѣ заслужить званіе *мироносицы*, она должна обмыть умершаго пророка, *этою же водою обмыться сама и выпить остатки воды* [3]).

Дикая, антифизіологическая секта скопцовъ какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуетъ, до чего можетъ заблуждаться темная масса, удаляясь отъ природы, нарушая физическіе законы, въ непроходимой дали отъ свѣта естествознанія, и какъ вообще опасно, вредно лишать молодыя простонародныя поколѣнія свѣта естественнаго ученія. Изувѣрская эта секта свидѣтельствуетъ о страшномъ извращеніи человѣческой природы въ приверженцахъ турецко-евнушеской кастраціи. Вообще, всѣ мистико-идеалистическія доктрины суть ничто иное, какъ патологическія, болѣзненныя проявленія нервной системы человѣка. А эта дикая, противоественная восточно-евнушеская секта есть уже рѣшительное умопомѣшательство. Недаромъ скопцы физически наказываются за свой тяжкій грѣхъ противъ природы. Посмотрите на скопца—это жалкій мертвецъ. Цвѣтъ лица его блѣдный, или желто-синеватый, подъ глазами синія пятна, кожа на тѣлѣ морщинистая, все тѣло вялое, дряблое. Въ тѣлѣ скопцовъ недостаетъ надлежащаго количества теплоты, и они чрезвычайно зябки даже лѣтомъ. Голосовой аппаратъ у скопцовъ недоразвитъ или изуродованъ, вокализація ихъ какая-то уродливо-женственная, характеризующаяся высокими нотами, какъ обыкновенно бываетъ у кастратовъ. Вообще, этотъ уродливый, анти-

[1]) О первомъ и второмъ оскопленіи, о самомъ процессѣ скопленія, о леченіи ранъ при скопленіи, а также о лицахъ производящихъ оскопленіе, см. у Толстова въ Чт. общ. ист. 60—62.

[2]) См. въ Правосл. Собесѣдникѣ объ общ. людей божіихъ.

[3]) Крыжина, о скопцахъ Симбир. губ. стр. 509—512.

физіологическій типъ людей служитъ урокомъ, что уклоняться отъ природы безнаказанно нельзя. Иногда подумаешь, дикарь сибирской тайги и тундры безмѣрно превосходитъ ихъ по развитію естественнаго чувства—чувства природы. Когда мы были въ Турханскѣ, къ намъ сошлись разъ двое скопцовъ и пятеро тунгусовъ. Какъ типично, наглядно представился тогда намъ рѣзкій контрастъ дѣтей природы, лѣсовъ и горъ тунгузскаго хребта и этихъ враговъ природы—исчадій турецкаго лже-аскетизма. Тунгусы простодушно говорили намъ своимъ отъ природы мягкимъ, плавнымъ голосомъ, съ легкими жестами рукъ, раскрывая свои думы о природѣ, свои вѣрованія въ нее.

Когда тунгусы, со свойственнымъ имъ дѣтскимъ простодушіемъ, раскрывали намъ свои думы о природѣ,—одинъ скопецъ всталъ, прервалъ ихъ рѣчь, и заговорилъ гордымъ, напыщенно-догматическимъ тономъ: «вѣдь они идолопоклонники, а по нашему надо блюсти—нести чистоту въ небесную высоту». «Пойдемъ, братъ»,—сказалъ другой скопецъ, и оба *посолонь* повернувшись, вышли. Когда они ушли, тунгусы, переглянувшись другъ съ другомъ, улыбнулись, и самымъ простосердечнымъ, естественнымъ юморомъ смѣялись надъ скопцами. «Какой это народъ,—говорили они,—прежде ихъ не было здѣсь. Мы боимся ихъ, какъ бы насъ не стали класть (скопить). Если бы такой народъ пришелъ на наши чумы,—бѣда бы была». Такъ и дикимъ дѣтямъ дикой сибирской породы кажется смѣшнымъ, дикимъ и страннымъ такое мрачное явленіе въ жизни русскаго народа—цивилизатора азіатскихъ дикарей, какъ велико-русское скопчество. Да и съ свѣтомъ-то естествознанія, кажется, легче подойти къ этимъ дикимъ дѣтямъ природы, чѣмъ къ какимъ-нибудь скопцамъ. Потому что тѣ гораздо ближе къ природѣ, обращаются въ непосредственной ея сферѣ, живутъ прямо по внушеніямъ природы, вѣруютъ въ природу, благоговѣютъ передъ природою. Солнце, каменный утесъ, гигантская сибирская рѣка—вотъ предметы ихъ благоговѣнія, а не скопцы-христы и лже-пророки людей божіихъ. Слѣдовательно, съ дикимъ сыномъ сибирской природы придется прямо толковать о природѣ, о солнцѣ, о каменномъ утесѣ, о рѣкѣ, о звѣряхъ и т. п., а скопецъ заговоритъ съ вами текстами и непремѣнно вступитъ въ догматическій туманный споръ.

Но ужели же все въ скопчествѣ мрачно и дико? Ужели не живитъ его ни одно естественное, человѣческое чувство? Да, чуть, чуть только проглядываетъ въ немъ тусклая идея свободы и лучшей соціальной жизни. Массѣ народной столько же нужно было и улучшеніе ея гражданской, соціально-экономической участи, сколько и знаніе тайнъ природы. Не одна природа подавляла, угнетала народъ своими физическими бѣдствіями—засухами, градобитіями, неурожаями, моровыми повѣтріями, и т. п. Надъ нимъ гнетущимъ образомъ тяготѣла и его крѣпостная забитость. А потому, и въ соціальномъ отношеніи, ему нужны были свои демагогическіе пророки-искупители, которые бы раскрыли ему его горемычную долю, *судьбу*. Въ XVIII вѣкѣ, когда крѣпостное рабство достигло крайняго предѣла и произволъ грубой силы дошелъ до забвенія всякихъ человѣческихъ отношеній,—масса крѣпостнаго народа судорожно волновалась то тамъ, то

здѣсь, и чаяла искупленія. И вотъ, когда Петръ III-й далъ дворянству грамоту о вольности, и крѣпостной народъ ждалъ и себѣ такой же грамоты о вольности, и когда уже ходили въ народѣ слухи, будто Петръ III-й начерталъ эту грамату о вольности,—тогда явился, въ одно время съ Пугачевымъ, и также подъ именемъ Петра III-го, Селивановъ. Масса одинаково пошла за тѣмъ и другимъ, чая отъ обоихъ искупленія. «Повезли меня въ Сибирь,—говоритъ Селивановъ, въ то самое время, какъ и Пугачева везли, и онъ мнѣ встрѣтился на дорогѣ: его провожали полки полками, и также везли подъ великимъ конвоемъ, а меня везли вдвое того больше, и весьма строго, и тутъ которые его провожали, за мной пошли, и которые меня везли, за нимъ пошли» [1]). Селивановъ былъ не только проповѣдникомъ скопчества, но выдавалъ себя за покровителя низшей братьи. По словамъ его, онъ избралъ себѣ самаго низкаго рода убогихъ подъ свою руку, и возвелъ ихъ на высокую степень, а себя облекъ въ нищее одѣяніе и былъ яко убогій человѣкъ [2]). Онъ училъ: «я всѣхъ равно почитаю, какъ богатаго, такъ и нищаго, и нищій да Бога сыщетъ» [3]). Бѣднымъ классамъ народа онъ обѣщалъ обогащеніе, «тогда мои дѣтушки,—говорилъ онъ, были люди бѣдные, но я имъ сказалъ: только храните вы чистоту, то всѣмъ будете довольны, тайнымъ и явнымъ (богатствомъ), всѣмъ васъ Отецъ мой небесный наградитъ» [4]). Вообще секта людей божіихъ и скопцовъ, хотя въ странной, мистико-фантастической формѣ, но отчасти выразила на себѣ отпечатокъ тѣхъ грезъ и чаяній, какія въ XVIII вѣкѣ волновали крѣпостное крестьянство. Самозванство простыхъ мужиковъ христами-искупителями, а бабъ богородицами есть повидимому ничто иное, какъ мистическая апотеоза или религіозно-мистическое выраженіе надеждъ униженнаго крѣпостного сельскаго населенія, крестьянина и сельской бабы-крестьянки, грубое, дикое, своеобразное признаніе ихъ человѣческаго достоинства и гражданскихъ правъ. Эту мысль такъ выражаетъ одна пѣсня скопцовъ:

„Дураки вы, дураки,
Деревенскіе мужики!
А и эти дураки
Словно съ медомъ бураки,
А и въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ."

Такъ часто и картинно изображаемый въ пѣсняхъ скопцовъ судъ, на который будто бы явится Селивановъ судить,—судъ этотъ есть ничто иное какъ созданіе грезъ и мечтаній несвободнаго народа о будущемъ рѣшеніи и улучшеніи его участи. Такъ мечталъ и грезилъ темный крѣпостной народъ, когда ему было особенно тяжко и жутко. Тогда ему нужны были свои лже-христы-искупители. Наконецъ, послѣ вѣковой крѣ-

[1]) Посланіе 83.
[2]) Посланіе 69.
[3]) Посланіе 71.
[4]) Посл. 82.

постной деморализаціи, послѣ тяжкой *страдомой* работы, крѣпостнымъ рабочимъ людямъ нужно было хоть по временамъ вздохнуть свободно, оживиться, возбудиться хотъ какой-нибудь моральной надеждой. Англійскія рабочія ассоціаціи съумѣли устроить для своего оживленія и развлеченія клубы, ассамблеи вечернія. А нашъ рабочій народъ ничего этого не зналъ. И вотъ онъ искалъ моральнаго оживленія и возбужденія въ соборныхъ радѣньяхъ людей божіихъ и скопцовъ. Здѣсь, въ многолюдныхъ собраніяхъ мужчинъ и женщинъ, въ торжественныхъ оргіяхъ на ихъ радѣньяхъ, въ хороводныхъ пляскахъ и пѣсняхъ, въ успокоительныхъ пророчествахъ «духа-утѣшителя чрезъ пророчески уста»,—во всемъ этомъ сектаторы искали себѣ самое возбудительное моральное оживленіе, или, какъ говорятъ скопцы, *душамъ своимъ воскресеніе и веселіе.* Стало быть, было же что то соблазнительное и привлекательное въ этихъ скопческихъ собраніяхъ, когда въ нихъ вступали и полковники, и капитаны и штабсъ-капитаны. Многихъ, конечно, завлекали на вечернія и ночныя собранія людей божіихъ и скопцовъ эти веселыя гаремныя оргіи, часто кончавшіяся «свальнымъ грѣхомъ», несмотря на скопческій ригоризмъ и пуризмъ Селиванова. *Женская лѣпость* брала верхъ надъ *чистотой* Селиванова.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли по возможности со всѣхъ сторонъ одну изъ самыхъ мрачныхъ сектъ въ Россіи, по преимуществу выразившую восточный умственный складъ русскаго народа. Какой же выводъ изъ всего этого? Одинъ только,—именно тотъ, что изолированное, безпомощное умственное состояніе темной массы народа, при восточномъ умственномъ складѣ ея, при возбужденной расколомъ предразсудочной народной мыслительности, доводитъ темный народъ до дикаго восточнаго шаманизма и антропоморфическаго идолопоклонства, до анти-физіологическаго турецко-евнушевскаго кастратства. Съ другой стороны, въ самыхъ мрачныхъ заблужденіяхъ темной массы, порожденныхъ вліяніемъ восточнаго шаманства и пророчества, въ этихъ шаманско-пророческихъ вѣщаніяхъ о физико-метеорологическихъ и патологическихъ вліяніяхъ на жизнь людскую, о такихъ явленіяхъ природы, какъ морозъ, тепло, засуха, дождь, градъ, снѣгъ, иней, здоровье, болѣзнь, урожай или неурожай, изобиліе или недостатокъ звѣрей, рыбы, разныхъ минеральныхъ продуктовъ и т. п.; въ этихъ громкихъ, восторженныхъ скопческихъ вызываніяхъ пророческаго духа истины,—высказалось инстинктивное стремленіе знать тайны или законы природы, и судьбы или законы жизни; высказалась насущная, жизненная потребность разъясненія тѣхъ силъ и законовъ природы, которые управляютъ народнымъ хозяйствомъ, здоровьемъ и благосостояніемъ. Значитъ что же нужно? Нужно, во-первыхъ, чтобы вмѣсто шаманско-пророческихъ собраній народныхъ, скорѣе заводились народо-образовательныя учебныя собранія—реальныя училища; и вмѣсто шаманствующихъ пророковъ и учителей народныхъ, скорѣе выходили бы въ эти народныя учебныя собранія люди раціональнаго естествознанія и естествоиспытанія, которые бы скорѣе разъясняли народу тѣ силы и законы природы, которые дѣйствуютъ на народное хозяйство, здоровье и благосостояніе и своею таинственностью вызываютъ въ народѣ шаманизмъ. Нужно, чтобы вмѣсто

лечебниковъ, травниковъ, громовниковъ и молниковъ, сочиненныхъ простонародными знахарями, скорѣе издавались раціональные, естественно-научные народные громовники—популярныя физико-метеорологическія книги, приспособленныя въ особенности къ сельскому народному хозяйству; раціональные, естественно-научные народные травники—популярныя ботаническія и агрономическія сочиненія, преимущественно о полезныхъ въ хозяйствѣ и культурныхъ растеніяхъ; раціональные естественно-научные лечебники—популярныя гигіеническія и медицинскія руководства; и вообще, книги о природѣ, наиболѣе приспособленныя къ физіологическимъ, умственнымъ и хозяйственнымъ потребностямъ народа. Въ такихъ мрачныхъ заблужденіяхъ нашего простого, рабочаго народа, какъ заблужденія скопческія, развивается много элементовъ вредныхъ, противо-естественныхъ, анти-физіологическихъ, враждебныхъ природѣ, враждебныхъ здоровому физіологическому развитію и совершенствованію человѣческой природы, враждебныхъ самому соціальному принципу. И тѣмъ, значитъ, скорѣе нужно спасать молодыя рабочія поколѣнья отъ этихъ опасныхъ и вредныхъ заблужденій, тѣмъ болѣе, что въ секту, напримѣръ, скопцовъ, какъ видно изъ слѣдственныхъ и другихъ дѣлъ объ нихъ, всего болѣе попадаетъ молодыхъ, неопытныхъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ сыновей и дочерей, и послѣ они раскаяваются, но уже поздно. Въ восточномъ умственномъ складѣ нашего народа слишкомъ много раскольничьей наклонности къ умственному отщепенству отъ просвѣщенія, къ удаленію и уклоненію отъ свѣта добрыхъ идей, знаній и открытій. И тѣмъ, значитъ, настоятельнѣе необходимость—скорѣе воспитывать въ молодыхъ рабочихъ поколѣніяхъ новый, высшій, европейскій интеллектуальный типъ, воспитывать то умственное доброе направленіе, какое вырабатывается въ рабочихъ ассоціяхъ труда и самообразованія. Иначе, большая часть темной массы погрязнетъ или въ восточномъ шаманизмѣ и турецкомъ евнушествѣ, какъ скопцы, или въ буддизмѣ, какъ немоляки, или въ мертво-обрядовомъ китаизмѣ, какъ бѣгло-поповщина. И тогда она можетъ стать впослѣдствіи опаснымъ тормазомъ и сильной массивной реакціей противъ юныхъ ростковъ русско-европейской мысли, противъ всѣхъ лучшихъ стремленій нашего мыслящаго меньшинства. Надобно скорѣе, дружнымъ голосомъ и дружной помощью всѣхъ образованныхъ классовъ, отвѣчать крестьянамъ, начинающимъ заявлять на земскихъ собраніяхъ потребность гимназическаго образованія крестьянскихъ дѣтей. И земскимъ собраніямъ, въ этомъ отношеніи, предстоитъ великая и насущная задача реальнаго, естественно-научнаго просвѣщенія рабочаго земства и чрезъ то естественно-научнаго раціонализированія народнаго хозяйства и возвышенія народнаго благосостоянія. Наконецъ, подъ вліяніемъ раскола, возбудилась народная мыслительность, но мыслительность большею частію предразсудочная, суевѣрная, мистико-фантастическая,—и расколъ все болѣе и болѣе эксплоатируетъ ее, увлекаетъ отъ заблужденія къ заблужденію, и большею частію совершенно отдаляетъ ее отъ знанія дѣйствительной народной жизни. Нужно, значитъ, скорѣе дать новую, лучшую, настоящую пищу возбужденной расколомъ народной мыслительности, оторвать ее отъ восточныхъ мистико-фантасти

ческихъ лжеумствованій, дать ей реальное направленіе, ввести ее въ область природы и естествознанія, дать ей въ руководство книгу о природѣ и раціональномъ общежитіи и т. под.

Вообще, чтобы избавить народъ отъ всякихъ мрачныхъ, противо-естественныхъ вымысловъ, чтобы освободить его отъ обмана и лжи шаманствующихъ пророковъ и расколоучителей,—скорѣе нужно дать молодымъ рабочимъ поколѣніямъ реальное, положительное образованіе—естественно-научное и соціально-экономическое. Въ сектахъ пророчествующихъ, такъ же какъ и вообще въ сектахъ раскольничьихъ, грамотность наиболѣе распространена, чѣмъ въ православной массѣ народа. Но у нихъ только одна книга для чтенія—библія. И они ее читаютъ и перечитываютъ отъ доски до доски, отъ книги бытія и до апокалипсиса, и не будучи приготовлены къ правильному ея пониманію, теряются въ объясненіи сущности дѣлъ, и доходятъ до умопомѣшательства, не имѣя твердой, положительной основы мышленія. Чтобы отвлечь, спасти молодыя рабочія поколѣнія отъ подобныхъ заблужденій,—имъ скорѣе нужно дать въ руки народную, популярную книгу о природѣ, человѣкѣ и обществѣ, такую книгу, которая бы удобопонятно разъясняла, раскрывала народу, при помощи живописныхъ рисунковъ, окружающую ихъ жизнь. Но у народа доселѣ не было и нѣтъ такой книги о природѣ, которою бы онъ увлекся такъ же, какъ своими травниками и лечебниками;—и вотъ онъ, за неимѣніемъ подъ руками живописной книги о природѣ, пробавлялся и пробавляется одной *старинкой—книгой голубиной*, гдѣ вмѣщена вся его космологическая дума, все его міросозерцаніе. И въ эту миѳическую книгу голубиную доселѣ вѣрятъ не только такіе темные люди, какъ скопцы, но и духоборцы. Когда извѣстный скопецъ—инженеръ Ал. Ив. Шиловъ вошелъ на соборъ скопческой лже-богородицы Акулины Ивановны,—то пророкъ этого собора привѣтствовалъ его такимъ завѣщаніемъ: «поди-ка, братъ, молодецъ, я давно тебя дожидалъ: ты мнѣ, богу и духу святому надобенъ. Вотъ тебѣ отъ самого сына божія мечъ, и много будешь грѣхи сѣчь, и дается тебѣ *книга голубина* отъ божія сына, и отъ васъ много народу народится, знать опять *старинка* хочетъ явиться» [1]). И что же темный народъ почерпалъ изъ этой миѳической книги? Вся мудрость, заключающаяся въ ней, резюмируется въ стихѣ о голубиной книгѣ такимъ образомъ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія,
Солнце красное отъ лица Божія,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его,
Звѣзды частыя отъ ризъ божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Господніихъ,
Зори утренни отъ очей Господніихъ,
Вѣтры буйные отъ свята Духа...
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ,
У насъ міръ—народъ отъ Адамія,
Кости крѣпкія отъ камени,
Тѣлеса наши отъ сырой земли,

[1]) Послан. 78.

Кровь-руда наша отъ черна-моря...
Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати...
На трехъ китахъ земля основана.
Какъ китъ рыба потронется,
Вся земля восколеблется и пр.

Вотъ и все міросозерцаніе книги голубиной. Между тѣмъ, и умъ скопца, несмотря на все его извращеніе, не довольствуется этой темной стариной—книгой голубиной. И онъ невольно, инстинктивно порывается иногда къ самосостоятельной реальной мыслительности. Безъ книги о природѣ онъ пускается въ самостоятельныя умствованія о природѣ. Такъ, вышеупомянутый туруханскій скопецъ-новгородецъ высказалъ намъ такое свое умствованіе о движеніи нашей планеты: «я представляю землю,—говорилъ онъ,—огромной овальной равниной, дѣлающей, отъ нажима или напора волосяно-слоистыхъ массъ воздуха, кругъ въ 365 разъ—малыхъ, суточныхъ оборотовъ,—по 180 круговъ въ каждой половинѣ линіи или пути своего годоваго круга или хода, по 90 круговъ въ каждой четверти своего хода. По мѣрѣ приближенія къ югу, къ солнцу,—бываетъ тепло и лѣто, а по мѣрѣ удаленія къ сѣверу, отъ солнца—холодъ и зима. Воздухъ заставляетъ землю кругообразно двигаться по горизонтально-круговой линіи. Воздухъ состоитъ изъ незамѣтныхъ для нашего глаза тончайшихъ волосяныхъ слоевъ, и онъ постоянно движется и заставляетъ землю двигаться въ опредѣленномъ кругѣ, стѣсняя ее со всѣхъ сторонъ. Что такое это видимое небо, пространство небесное съ солнцемъ и звѣздами—это все міры». Объясняя вращеніе земли около своей оси, скопецъ въ то же время наглядно показывалъ его, дѣлая посолонь большой кругъ, изображавшій у него годовой ходъ планеты, и въ то же время оборачиваясь ступнями, тоже посолонь, 365 разъ, или дѣлая ногами малые круги, обозначавшіе у него суточное обращеніе земли. О громѣ скопецъ умствовалъ тоже по своему крайнему разумѣнію: «громъ,—говоритъ онъ,—это дѣйствіе солнечной теплоты на земную испарину, подымающуюся вверхъ: въ воздухѣ, отъ солнечной теплоты и земной мокроты, происходитъ нѣчто въ родѣ чихоты или взрывъ паровъ». «Такъ я думаю,—замѣтилъ при этомъ скопецъ,—дохожу своимъ умомъ, своимъ размышленіемъ, безъ всякихъ книгъ». И такъ,—подумалъ я,—заблуждается народный умъ, внѣ свѣта раціональнаго естествознанія, безъ руководящей книги о природѣ. Выслушавши физическія умствованія скопца, я невольно вспомнилъ слѣдующій, весьма справедливый отзывъ одного изъ глубокомысленнѣйшихъ и наиболѣе наблюдательныхъ западныхъ путешественниковъ по Россіи, Ермана, объ умственныхъ наклонностяхъ нашего простого, рабочаго народа. «Все интеллектуальное образованіе торговыхъ и промышленныхъ классовъ русскаго народа,—говоритъ Ерманъ,—ограничивается тѣмъ, что они издавна выражаютъ греческимъ словомъ: «грамотный» или «грамоту знаетъ». Это знаніе, пріобрѣтаемое большею частію единственно собственнымъ усердіемъ, безъ всякаго школьнаго ученія и воспитанія, служитъ потомъ имъ къ ревностному и внимательному изученію священныхъ книгъ, въ чемъ они полагаютъ все достоинство своего харак

теристическаго благочестія. Къ этому побуждаетъ ихъ, особенно купцовъ, и образъ жизни ихъ, беззаботный и въ то же время приводящій ихъ въ многостороннія столкновенія съ внѣшнимъ міромъ, а также частыя и нерѣдко дальнія путешествія, и потому эти промышленные люди почти всегда имѣютъ большую наклонность къ чтенію. Но къ сожалѣнію, эта живая потребность большею частію только случайно и мало удовлетворяется русской литературой, хотя и многосторонней, но еще ни въ какой отдѣльной отрасли послѣдовательно не развившейся. Тотъ русскій писатель могъ бы по истинѣ пріобрѣсти себѣ безсмертную заслугу, который, воспользовавшись большею частію чрезвычайно прямымъ здравымъ смысломъ, рѣдкою легкодоступностью и богатымъ языкомъ этихъ классовъ народа, составилъ бы для нихъ цѣлесообразно-изложенную *энциклопедію*, и такимъ образомъ быстро поднялъ бы и поставилъ ихъ на прямую и непрерывную ступень къ дальнѣйшему образованію. Со стороны религіознаго отчужденія отъ высшаго образованія, нельзя ждать препятствія такому предпріятію иноспѣшествованію въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ можно было прежде думать. Напротивъ, видно, что, несмотря на природную привязанность къ догматизму, эти народные классы постоянно склонны хотя и къ необразованному, неразвитому, но самостоятельному, творческому мышленію, какъ это доказываетъ большое многоразличіе существующихъ между ними религіозныхъ сектъ» [1]).

Съ реальнымъ образованіемъ, съ книгой о природѣ, обществѣ и экономіи народной надобно подходить къ массѣ реальнымъ же, практическимъ путемъ. Какъ ни уносятся раскольничьи массы въ свой заоблачный міръ мистическихъ бредней, какъ ни заняты они, по выраженію одного раскольничьяго писателя, Павла Любопытнаго, «горячимъ догматизмомъ», но они такъ же горячо, если еще не болѣе, любятъ пріобрѣтать богатство и преданы промышленности и торговлѣ. Раскольники весьма усердно устраиваютъ у себя фабрики и заводы, и мало-по-малу вводятъ въ свои операціи уже и паровыя машины. Въ XVIII столѣтіи раскольники явились едва ли не главными основателями уральскихъ желѣзныхъ заводовъ, или, по крайней мѣрѣ, дали имъ главную массу рабочихъ силъ. Въ 1736 году Татищевъ доносилъ правительству: «что раскольниковъ въ тѣхъ мѣстахъ умножилось, а наипаче на партикулярныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ; прикащики едва не всѣ, да и сами промышленники нѣкоторые—раскольники, и ежели оныхъ выслать, то и заводы держать некѣмъ и въ заводахъ казенныхъ будетъ не безъ вреда; ибо тамъ, при многихъ мануфактурахъ, яко жестяной, проволочной, стальной, укладной, и почитай всѣ харчами и потребностями торгуютъ олончане, туляне и керженцы—все раскольники» [2]). Московскія и подмосковныя фабрики были, какъ извѣстно, даже училищами и разсадниками раскола. Поморскіе, даниловскіе скиты имѣли заводы кирпичный, кожевенный, лѣсопильный [3]). Въ

[1]) Adolph Erman's Reise 1, 95—96.
[2]) П. С. З., т. X, № 7663.
[3]) Опис. Олон. губ. Бергштрессера 49.

Нижегородской губерніи раскольники, занявъ по обѣимъ сторонамъ берега Волги, на пространствѣ 265 верстъ, и берега Оки, на пространствѣ 170 верстъ, въ числѣ болѣе 46,000 душъ,—завладѣли не только судоходствомъ по этимъ рѣкамъ, но и всею торговлею и издѣльною мѣстною промышленностью,—каковы: судостроеніе, дѣланье посуды, пряденье льна, металлическое производство и проч. Они были главными промышленными дѣятелями въ такихъ важнѣйшихъ пунктахъ нижегородской торговли и промышленности, каковы: Городецъ, въ Балахнинскомъ уѣздѣ, Горбатовъ—торговый уѣздный городъ съ прядильными заводами, знаменитыя торговыя и промышленныя села—Павлово, Лысково и др. Жители великорусскихъ старообрядческихъ селъ Мглинскаго, Новозыбковскаго и Стародубскаго уѣздовъ Черниговской губерніи также извѣстны своею промышленностью и торговлею. Они завели у себя на посадѣ въ Клинцахъ до 150 мастерскихъ, до 22 суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрикъ, изъ которыхъ семь дѣйствуютъ парами. Даже скопцы, повидимому, больше другихъ сектантовъ уносящіеся въ мистико-фантастическій міръ,—даже и они народъ промышленный и ремесленный. Богатство и промышленность были, кажется, идеаломъ самого Селиванова, о которомъ пророки людей божіихъ пророчили: «и отдадутся ему всѣ иностранные товары, и дастся образъ спасительный—*вилы, цепъ и пила*»—орудія земледѣльческой и плотничьей работы. Въ пѣсняхъ скопческихъ воспѣваются «все скопцы-купцы русскіе, милліонщики знаменитые», да «плотнички московскіе и петербургскіе». Въ Симбирской губерніи, по словамъ г. Крыжина, между совратившимися въ скопчество крестьянами становилось замѣтно улучшеніе въ ихъ хозяйственномъ быту; они перестроивали дома въ болѣе обширномъ видѣ, одѣвались чище, жили опрятнѣе своихъ односельцевъ, и нѣкоторые начинали вести мелочную торговлю. Многіе и въ скопчество поступали изъ-за одной потребности обогащенія, тѣмъ болѣе, что скопческія пророчицы предсказывали каждому: «будешь золотомъ владѣть и за батюшкою пѣть». У главнаго скопца симбирскаго, алатырскаго мѣщанина Милютинскаго, на поясной фабрикѣ, говорятъ, обезпечены были работой до 200 женщинъ и дѣвокъ. Даже на крайнемъ сѣверѣ, въ туруханскомъ краю, скопцы вмѣстѣ съ духоборцами были главными распространителями ремесленности: они, между прочимъ, ввели тамъ въ употребленіе незнаемую дотолѣ пилу продольную и поперечную, самопрялку, которую потомъ усвоили и остяки, улучшили лодочное мастерство, были лучшими кузнецами и снабжали своими кузнечными издѣліями жителей на пространствѣ болѣе 300 верстъ. На станкѣ Костинскомъ, въ 70 верстахъ отъ Туруханска, гдѣ всего 4 дома, семь скопцовъ живутъ, подъ именемъ братьевъ по Богѣ, въ одномъ большомъ, хорошо устроенномъ домѣ: у нихъ устроена особая лодочная мастерская, особая кузница и слесарная, особая плотничья и столярная комната, и между ними есть даже часовой мастеръ. Всѣ они чрезвычайно трудолюбивы. Однимъ словомъ, раскольники всѣхъ сектъ весьма любятъ заниматься ремесленностью и устраивать фабрики и заводы; поэтому они и богаче православныхъ. Они сами съ гордостью говорятъ: «держащіеся старой вѣры живутъ гораздо богаче держащихся новой

вѣры» [1]). При такой наклонности раскольничьихъ сектъ къ ремесленности, къ фабрикамъ и заводамъ, естественно, къ нимъ или къ дѣтямъ ихъ лучше всего подходить съ реальнымъ образованіемъ чрезъ ихъ мастерскія, чрезъ ихъ фабрики и заводы. По религіознымъ убѣжденіямъ своимъ, большею частью упорно отвергая европейскія знанія, какъ новшество и колдовство,—по фабрично-заводскимъ дѣламъ своимъ раскольники начинаютъ понимать важность и пользу реальныхъ знаній. Такъ, недавно раскольники, жители посада Клинцы, Черниговской губерніи, владѣя многочисленными фабриками, заводами и мастерскими, всего до 150, и въ томъ числѣ до 13 суконныхъ фабрикъ,—не довольствуясь первоначальнымъ обученіемъ, заявили потребность болѣе серьезнаго, реальнаго образованія для своихъ дѣтей. Общество выразило желаніе открыть училище, необходимое въ торговомъ и промышленномъ быту, не называя его ни уѣзднымъ, ни приходскимъ, и дозволивъ ученикамъ носить такую одежду, какую хотятъ родители, а не форменную. Желаніе общества, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ, формулировано въ оффиціальномъ представленіи такимъ образомъ, чтобъ устроить трехклассное училище, въ которомъ преподавались бы: русскій языкъ, ариѳметика, географія, исторія, и, послѣ того, въ первомъ классѣ: краткія физико-химическія понятія, необходимыя въ примѣненіи къ ремесламъ и производствамъ; а во второмъ и третьемъ классахъ совмѣстно: краткій обзоръ механическихъ производствъ—суконнаго, чулочнаго и т. д. механическихъ фабрикацій: мыловаренной, свеклосахарной, стекляной и другихъ. [2]) Практическіе уроки, наглядные примѣры, представляемые хорошо устроенными на европейскій манеръ фабриками и заводами, лучше всякихъ назиданій искореняютъ старовѣрскія предубѣжденія раскольниковъ и невольно просвѣтляютъ умственный взглядъ ихъ на вещи, невольно заставляютъ ихъ усвоять и осуществлять новыя понятія и знанія. Такъ, раскольникамъ Кемскаго поморья, рыбопромышленникамъ, правительство предложило въ 1866 г. производить лекарственный тресковый жиръ норвежскимъ способомъ. Предложеніе правительства сначала вовсе не нашло между промышленниками желающихъ устроить заводы для такого производства; тутъ старовѣры-промышленники стали въ тупикъ передъ словомъ: «машинное» производство, какимъ оно извѣстно между ними въ Норвегіи. Видя, что никто не берется за машинное производство лекарственнаго жира,—г. Шатковъ рѣшился попробовать построить такой заводъ въ одномъ изъ становищъ мурманскаго берега. «И что же,—говоритъ онъ,—я долженъ былъ производить постройку среди дикаго любопытства и насмѣшекъ промышленниковъ. Окончивъ незатѣйливую постройку, я приступилъ къ опыту производства жира; но и тутъ встрѣтилъ столь же непріятное равнодушіе. Не смотря на то, я имѣлъ въ виду одну цѣль: утвердить значеніе завода постояннымъ производствомъ жира, чтобы доказать моимъ недоброжелателямъ ошибочность ихъ мнѣній. Въ нынѣшнемъ году я производилъ жиръ

---

[1]) Истин.-древн. цер. I, 277.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1864 г. ч. CXXI. отд. III, стр. 87. Училища народн. образ. въ Черниговской губ.

для медицинскаго департамента военнаго министерства, и это не только замкнуло рты моимъ противникамъ, но нѣкоторые изъ нихъ просили дозволить имъ грѣть жиръ въ моихъ аппаратахъ, и я дозволилъ, не упоминая о прежнихъ ихъ преслѣдованiяхъ. Они, разумѣется, остались очень довольны результатами своего нагрѣванiя, и какъ чистый жиръ довольно цѣнный въ сравненiи съ отстойнымъ, называемымъ сыроткомъ, то одни выразили желанiе и впередъ грѣть этимъ способомъ, а другiе просили или уступить имъ заводъ, или помочь своими наставленiями въ постройкѣ новаго. Заводъ мой, возбуждавшiй постоянные толки между промышленниками, имѣлъ и болѣе хорошiя послѣдствiя: въ нынѣшнемъ году, по примѣру моему, доказавшему возможность существованiя заводовъ, выстроенъ такой же заводъ однимъ изъ торгующихъ лицъ, въ другомъ отъ меня концѣ мурманскаго берега» [1]). Такъ наглядное, практическое приложенiе новыхъ утилитарныхъ знанiй переламываетъ и самыя упорныя старовѣрскiя предубѣжденiя. Тамъ же въ кемскомъ поморьи чувствовалась особенная потребность учебно-рукодѣльнаго образованiя женщинъ, такъ какъ женщины въ поморьи имѣютъ преобладающее влiянiе въ семейной жизни,—и пока не было женскаго училища въ г. Кеми, дочерей раскольничьихъ учили грамотѣ старухи старовѣрки. Но вотъ увидѣли раскольники на опытѣ, что въ Кеми въ новооткрытомъ (въ 1864 г.) женскомъ училищѣ хорошо обучаютъ дѣвицъ элементарнымъ наукамъ и рукодѣльямъ,—они съ большой охотой и съ полнымъ довѣрiемъ стали отдавать туда своихъ дочерей. «Въ этомъ училищѣ, говоритъ г. Шатковъ, дѣвочки въ одинъ учебный годъ достигаютъ въ наукѣ такихъ успѣховъ, какихъ ученики кемскаго уѣзднаго училища достигаютъ только въ два, три года. Зато жители Кеми изъявляютъ учительницѣ, г-жѣ Никитиной, живѣйшую признательность и полное довѣрiе, которое особенно выразилось въ томъ, что, несмотря на новость такого явленiя, какъ женское училище, и на отвергающiй все новое духъ старообрядчества, въ которомъ состоятъ всѣ жители, въ первый же годъ открытiя училища поступило въ него въ разное время до 30 дѣвочекъ, а въ началѣ втораго года ихъ было уже 56» [2]). Наконецъ, чтобы прiохотить кемскихъ раскольниковъ къ интеллектуальному научному саморазвитiю и разсѣять въ нихъ предубѣжденiе противъ наукъ, г. Шатковъ справедливо признаетъ необходимымъ примѣнить преподаванiе въ кемскомъ шкиперскомъ училищѣ къ мѣстнымъ практическимъ нуждамъ промышленниковъ-раскольниковъ, именно обучать ихъ дѣтей практическому мореходству и товаровѣдѣнiю. «Для дальнѣйшаго образованiя,—говоритъ онъ,—и не иначе какъ только въ интересахъ края, небходимо расширить кругъ преподаванiя въ шкиперскомъ училищѣ съ введенiемъ краткаго курса товаровѣдѣнiя. Тогда смѣло можно надѣяться, что окончившiе и неокончившiе курсъ ученiя при постоянномъ занятiи необходимѣйшими въ ихъ жизни предметами кораблевожденiя и товаровѣдѣнiя, неизбѣжно и незамѣтно за-

---

[1]) Учено-литерат. прибавл. къ Бирж. Вѣдомостямъ, дек. 1866 г.: Поморье кемскаго уѣзда, промышл. и торг. его на мурманск. берегу съ Норвегiей, стр. 12.

[2]) Ibidem стр. 16.

нимались бы и другими предметами, способствующими развитію умственныхъ способностей; а какъ вся масса народа, усвоивъ одинаковыя начала образованія, имѣла бы одинаковое направленіе мнѣній, то питаемое нынѣ къ шкиперскимъ ученикамъ отчужденіе не имѣло бы мѣста, и образованіе скоро и прочно утвердилось бы въ народѣ, изъ котораго, не какъ изъ ограниченнаго числа учениковъ, скорѣе явились бы ученые шкиперы, какъ равно торговля и промышленность скорѣе вышли бы изъ настоящаго дурного состоянія уже потому только, что образованный народъ правильнѣе можетъ смотрѣть на пользы свои и общественныя, и скорѣе съумѣлъ бы обратить на разныя нужды вниманіе правительства, которому не всегда возможно видѣть несообразности положеній, направленныхъ къ этимъ пользамъ и приносящихъ вмѣсто того вредъ. Я говорю объ этомъ съ такою увѣренностью потому, что уже и теперь ученики шкиперскаго училища, по окончаніи курса, выходятъ съ образовавшимся характеромъ и съ сознаніемъ самостоятельнаго труда, отличаясь вѣрностью взгляда и понятій, словомъ, усвоивъ тѣ образовательныя начала, при которыхъ дальнѣйшее совершенствованіе въ наукѣ переходитъ въ потребность; ученики же кемскаго уѣзднаго училища остаются совершенно безграмотными» [1]). Такъ и раскольничьи дѣти, и даже сами отцы ихъ могутъ мало-по-малу полюбить, и уже начинаютъ понемногу любить свѣтъ западной науки,—лишь бы только умѣть раскрывать имъ этотъ свѣтъ въ его прямомъ, практическомъ и плодотворномъ приложеніи къ пользамъ и потребностямъ народной жизни, народнаго труда и благосостоянія.

---

[1]) Ibidem, стр. 15.

Великорусскія области и смутное время [1])

(1606—1613 г.)

Въ настоящее время, кажется, ужъ утвердилось убѣжденіе, что въ исторіи главный факторъ есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Эту идею начали ужъ проводить и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, на которое еще не обращено должнаго вниманія въ нашей исторической наукѣ: начало провинціализма, *областности*, если можно такъ выразиться. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое-то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи. Всѣ особенности, направленія и факты областной исторической жизни подводились подъ одну идею правительственно-государственнаго, централизаціоннаго развитія. Съ эпохи утвержденія московской централизаціи, въ нашихъ исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ провинцій; но не раскрываются въ частности разнообразныя историко-этнографическія, экономическія, юридическія, вообще бытовыя особенности каждой отдѣльной области или группы однородныхъ территоріальныхъ округовъ, мѣстныхъ общинъ; не изображаются въ надлежащей мѣрѣ мѣстныя, политическія, моральныя и физико-географическія условія ихъ внутренняго развитія и быта. Мѣстное саморазвитіе, внутренняя жизнь областей остаются въ сторонѣ, или ставятся на второмъ планѣ; а, вмѣсто того, на первомъ планѣ рисуется политическая дѣятельность правительства, развитіе централизаціоннаго устройства и быта Россіи, біографіи царей и проч. Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ несвойственно, неприложимо подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго. Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть по преимуществу исторія областей, разнообразныхъ ассоціацій провинціальныхъ массъ народа—до централизаціи и послѣ централизаціи. Съ этой точки зрѣнія, даже вся русская исторія представляетъ не что

[1]) Напечатано въ журналѣ „Отечественныя записки“ за 1861 г. № 10, стр. 579—616 и № 11, стр. 79 — 118 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ отъ 20 окт. и 20 ноября того же года; редакторы-издатели А. Краевскій и С. Дудышкинъ).

иное, какъ историческое развитіе и видоизмѣненіе разнообразныхъ областныхъ общинъ въ двухъ послѣдовательно-преемственныхъ формахъ.

Первичная, древняя форма — *особно-областная.* Характеристическія черты ея областности очевидны: первоначальное, вольно-народное, колонизаціонное самоустройство каждой областной общины на особой рѣчной системѣ или на отдѣльномъ волокѣ; общее стремленіе областныхъ общинъ къ особности, къ локализаціи; мѣстное, большею частію разноплеменное историко-этнографическое самообразованіе каждой областной массы населенія; мѣстное вѣчевое самоуправленіе, *земско-совѣтіе*; самобытно-мѣстное, федеративное взаимодѣйствіе и мѣстно-удѣльная междоусобная борьба областныхъ общинъ. Эта основная историческая форма земско-областной жизни естественно сложилась вслѣдствіе колонизаціонно-территоріальнаго стремленія всѣхъ областныхъ общинъ быть *особно.* Тутъ до эпохи собиранія, централизаціи русской земли, исторія необходимо должна говорить главнымъ образомъ о внутреннемъ, мѣстномъ самоустройствѣ и саморазвитіи каждой областной общины въ особенности, и потомъ о федеральномъ взаимно-отношеніи всѣхъ мѣстныхъ общинъ.

Вторая историческая форма—*соединенно-областная.* Установленіе этой новой формы историческаго строя областныхъ общинъ также было мѣстно-областное. Оно окончательно совершилось послѣ великой *розни* областныхъ общинъ и совокупнаго рѣшенія ихъ въ смутное время на мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ — *быть въ соединеньи.* Областной элементъ положенъ былъ въ основу и этой соединенно-областной формы; областныя общины, обособляясь по старымъ удѣльно-областнымъ городамъ, порѣшили на своихъ мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи,* слѣдовательно—въ значеніи земско-областной федераціи.

Потомъ мѣстно-областное начало жизненно выражалось, въ теченіе всего XVII вѣка, въ многочисленныхъ и разнообразныхъ общинно-областныхъ челобитныхъ, подававшихся обыкновенно областными выборными ходоками «во всѣхъ мѣсто», т.-е. отъ цѣлыхъ областныхъ общинъ. Въ этихъ общинно-областныхъ челобитныхъ выражалась общинно-областная совѣщательность и иниціатива, общинно-областная протестація противъ областныхъ приказныхъ властей и учрежденій, наконецъ мѣстно-областное вліяніе посредствомъ этихъ почти повсемѣстныхъ челобитныхъ на развитіе общаго законодательства, такъ какъ царскіе указы и грамоты, сведенные послѣ въ Уложеніи, были прямымъ отвѣтомъ на общинно-областныя челобитныя.

Далѣе, областная жизнь выражалась еще въ XVII вѣкѣ въ участіи мѣстныхъ общинъ на земскихъ соборахъ. Принципъ прежней территоріальной или земской цѣлости и разграниченности провинцій удерживался въ старинномъ дѣленіи областей, воеводствъ и даже многихъ центральныхъ, московскихъ приказовъ по древнимъ главнымъ удѣльно-областнымъ городамъ. Точно также попрежнему области назывались *землями, государствами, царствами,* и т. п. Равнымъ образомъ о живости стариннаго особно-областнаго начала въ сознаніи самого московскаго правительства XVII в. свидѣтельствуетъ предположеніе царя Ѳеодора Алексѣевича снова раздѣ-

лить русскую землю въ церковно-епархіальномъ отношеніи по стариннымъ удѣльнымъ княжествамъ и областямъ. Затѣмъ, мѣстная, особная областная жизнь выражалась въ XVII в. въ такъ-называемомъ въ актахъ *счетѣ городовъ* и въ прежнемъ стремленіи многихъ областныхъ общинъ къ финансовой, тягловой особности, самораспорядительности. Наконецъ, жизненность областныхъ народныхъ силъ, антипатій и стремленій многозначительно проявилась во второй половинѣ XVII столѣтія въ разнообразныхъ мѣстныхъ, областныхъ событіяхъ, народныхъ и инородческихъ. Слѣдовательно, до XVIII столѣтія, исторія должна слѣдить, въ самой соединенно-областной формѣ историческаго быта общинъ, за проявленіемъ всѣхъ исчисленныхъ нами и другихъ подобныхъ областныхъ началъ въ каждой земской общинѣ, за самодѣятельностью областныхъ общинъ въ сферѣ и внѣ круга воеводствъ и центральныхъ приказовъ московскаго государства.

Съ XVIII вѣка соединенныя областныя общины преобразовываются въ однобразную форму губерній и провинцій. Мѣстная самодѣятельность и самоуправительность ихъ окончательно подчиняется центральному правительству и губернскимъ учрежденіямъ. Несмотря на то, и съ этого времени, исторія все-таки не должна терять изъ вида основоположительной канвы исторической — областности. Централизація -- пришедшій вновь элементъ для внѣшняго устройства, для обобщенія областности, а областность — коренное, непреходящее, только внутренно-видоизмѣняющееся начало народнаго историко-географическаго самораспредѣленія и мѣстнообщиннаго саморазвитія. Со времени учрежденія губерній, исторія должна слѣдить за внутреннею, мѣстною жизнію областныхъ массъ въ губерніяхъ. Она должна раскрывать, во-первыхъ, мѣстные народно-жизненные результаты предписаннаго «изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета» Петра Великаго росписанія Россіи на губерніи и провинціи, раскрывать вліяніе въ мѣстномъ народномъ быту, длившееся чрезъ все XVIII столѣтіе, преобразованія разнообразныхъ областныхъ общинъ въ однообразную политико-географическую и военно-административную форму губерній. Далѣе, исторія должна слѣдить *единственно* за внутреннимъ поземельнымъ самоустройствомъ, за экономическимъ, общественно-юридическимъ, народно-образовательнымъ, этнографическимъ и духовно-нравственнымъ саморазвитіемъ или застоемъ самихъ провинціальныхъ народныхъ массъ, по возможности, въ каждой губерніи или провинціи въ частности, только подъ формами губернскихъ учрежденій и политико-географической, административной, законодательной, экономической и народно-образовательной централизаціи. Если, въ эпоху централизаціи, областныя общины не обнаруживали энергической, прогрессивной самодѣятельности и жизненнаго саморазвитія, то исторія должна слѣдить за постепеннымъ историко-физіологическимъ процессомъ разнообразнаго мѣстнаго измѣненія самодѣятельнаго духа, жизненныхъ силъ областныхъ общинъ. Исторія должна раскрывать общія и мѣстныя причины упадка или неразвитія въ областныхъ общинахъ духа мѣстной инициативы, самодѣятельности, и развитія въ нихъ, вмѣсто того, привычки во всемъ полагаться на инициативу, заботливость и опеку центральнаго правительства.

Въ частности, по областно-историческому принципу, предметами историческаго изслѣдованія должны быть, напримѣръ, слѣдующія явленія областной жизни: областная колонизація и ея мѣстныя физико-географическія, этнографическія, административныя условія, средства и ходъ въ каждой колонизующейся провинціи; напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ, въ Казанской, Оренбургской, Саратовской и Сибирскихъ губерніяхъ, въ каждой отдѣльно. Этнографическая характеристика, жалобы, безпорядки, внутреннее состояніе подъ русскимъ владычествомъ каждаго провинціальнаго инородческаго племени въ частности. Напримѣръ, страданія татаръ въ первой половинѣ XVIII вѣка отъ военныхъ командъ, въ родѣ изображаемыхъ въ находящейся у насъ рукописи 1741 года, подъ заглавіемъ: «Экстрактъ объ обидахъ новокрещенымъ», или волненія въ первой половинѣ XVIII вѣка башкирцевъ, тептерей, калмыковъ въ Оренбургской губерніи, или нападенія бурятъ на первыя русскія колоніи по Ленѣ и т. д. Успѣхи или задержки внутренняго саморазвитія и благоустройства областныхъ общинъ въ той или другой губерніи въ частности, при томъ или другомъ губернаторѣ, напримѣръ, въ Сибири—при Чичеринѣ, при Трескинѣ, въ Олонецкой губерніи — при намѣстникѣ Тутолминѣ, въ Тамбовской — при Гудовичѣ, въ Калужской—при Лопухинѣ и т. д. Общественныя заслуги или злоупотребленія выборныхъ должностныхъ лицъ въ провинціяхъ, отношенія ихъ къ губернскому начальству; напримѣръ, протестаціи ихъ противъ распоряженій губернскихъ властей, въ родѣ протестаціи въ 1827 году саратовскаго градскаго головы Петра Матова, отъ лица городского общества, противъ неудобнаго для общества распоряженія саратовскаго губернскаго правленія объ исключительныхъ выборахъ въ головы думы однихъ православныхъ, съ желаніемъ равноправности въ городскихъ выборахъ всѣхъ капиталистовъ безъ различія вѣроисповѣданій—и православныхъ, и старообрядцевъ, и католиковъ, и лютеранъ, и мухаммеданъ, для облегченія общественной городовой служебной повинности. Взаимныя отношенія сословій въ той или другой провинціи; въ частности мѣстный бытъ дворянства, духовенства, купечества, мѣщанства и крестьянства въ каждой провинціи, экономическій бытъ и промышленныя особенности каждой провинціи и мѣстности; состояніе и движеніе народнаго образованія въ каждой провинціи. Происхожденіе и развитіе мѣстныхъ, областныхъ типовъ и особенностей; развитіе областной народной словесности и областныхъ нарѣчій (напримѣръ, разнообразныя областныя легенды русскія, легенды инородческія — зырянскія, лопарскія и вообще финскія, и проч.), мѣстные варіанты однѣхъ и тѣхъ же русскихъ легендъ въ Сибири, въ разныхъ великорусскихъ губерніяхъ, мѣстныя пѣсни русскія, татарскія, финскія и т. д. Мѣстное происхожденіе и распространеніе въ той или другой области раскольничьихъ ученій, мѣстное видоизмѣненіе и вліяніе ихъ въ той или другой областной общинѣ, развитіе въ областныхъ городахъ раскольническихъ общинъ, согласій, мѣстно-историческія причины отличій областныхъ раскольничьихъ партій, напримѣръ, поморскихъ, московскихъ, донскихъ, сибирскихъ. Стремленіе областныхъ раскольническихъ общинъ къ особно-областному самоустройству, напри-

мѣръ, въ Астраханской губерніи, около Каспійскаго моря, въ Сибири, и— къ общинному самоуправленію, въ родѣ, напримѣръ, попытки старообрядческихъ обществъ, въ 1818 году, въ пермской, екатеринбургской, тобольской и другихъ сосѣднихъ сибирскихъ мѣстностяхъ, основать свое общинное самоуправленіе изъ выборныхъ попечителей и т. п. Разнообразный взглядъ областныхъ общинъ на областныя преобразованія правительства; напримѣръ, взглядъ сибиряковъ на брадобритіе при Петрѣ Великомъ, или малороссіянъ на крѣпостное право, или въ родѣ того, какъ, по поводу обращенія при императрицѣ Екатеринѣ II болѣе 200 селъ въ города, жители Устьсысольска возстали противъ распоряженія объ устройствѣ изъ села Устьсысольскаго города, а жители города Владиміра по случаю обращенія во владимірское намѣстничество, въ 1788 году, многихъ селъ и слободъ въ города, выразили восторгъ въ прологѣ «Торжествующій градъ Владиміръ», и проч. Такимъ образомъ, и въ самую эпоху централизаціоннаго устройства Россіи, предметомъ исторіи будетъ не развитіе централизаціонной государственности, а разнообразіе областной, мѣстно-общинной исторической жизни русскаго народа и сожительствующихъ съ нимъ инородческихъ племенъ.

Русская исторія, основанная на одной идеѣ централизаціи, исключающая идею областности, есть то же, что отрицаніе существеннаго, жизненнаго значенія областныхъ общинъ, какъ разнообразныхъ органовъ, въ составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма всего народа. А кто не знаетъ, что безъ знанія устройства и отправленій отдѣльныхъ органовъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма? Такъ точно и безъ знанія разнообразной историко-этнографической организаціи, характера, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народныхъ въ теченіе ихъ мѣстной исторіи невозможно полное и отчетливо-ясное пониманіе исторіи всего русскаго народа. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ многосложенъ и разнообразенъ историко-этнографическій строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей. Не будемъ говорить о разноплеменномъ составѣ многихъ провинцій, о сплошныхъ массахъ инородческихъ, пестрѣющихъ на этнографической картѣ Россіи. Все ли общее между одноплеменными провинціями, напр., между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ? Много ли общаго между Одессой, Камчаткой и Кавказомъ, архангельской областью и казанскимъ краемъ, и т. д.? А разнообразныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый цѣлый словарь? А эти юмористическія присловья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другой? А областныя пѣсни про разныя областныя мѣстности, напр., про Ярославль, про Ленбурхъ-городъ или Оренбургъ, про саратовскій край, про нижегородскія села Павлово, Лысково, Юркино, про донскихъ казаковъ и проч.? А существованіе территоріальныхъ округовъ, совершенно независимыхъ отъ округовъ административныхъ, отличныхъ нравами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ нашу обширную Россію во всемъ историко-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей! И

въ наукѣ русской исторіи доселѣ не было обстоятельно, исторически объясняемо, отчего образовались такія типическія областныя особенности, какое онѣ имѣли значеніе въ исторіи, какое значеніе онѣ имѣли или не имѣли, или могутъ имѣть въ примѣненіи къ законодательству, къ администраціи, къ народному матеріальному и нравственному развитію, и т. д. Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, лучшіе государственные люди, какъ Мордвиновъ, графъ Воронцовъ, сознавали и оффиціально высказывали то убѣжденіе, что *должно обращать полное вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую Имперію*, что законодательство должно вполнѣ соотвѣтствовать *всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ*, населяющихъ эти области, что самое учрежденіе о губерніяхъ *нейдетъ къ многимъ, особливо къ вновь-присоединеннымъ и завоеваннымъ нами провинціямъ, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или къ азіатскимъ, по пространству земель ихъ и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей.*

Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо уяснять исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности областныхъ массъ народныхъ. Въ высшей степени желательно, чтобъ у насъ, по возможности, въ каждой провинціи возникала своя историческая, самопознательная литература, и обогащалась областными сборниками, въ родѣ «Пермскаго», историко-статистическими описаніями губерній и провинцій, въ родѣ, напр., описанія оренбургскаго края Черемшанскаго, и под., изданіемъ областныхъ памятниковъ и актовъ, въ родѣ изданія актовъ малороссійскихъ, казанскихъ, воронежскихъ, рязанскихъ, владимірскихъ и др., изданіемъ областныхъ журналовъ, въ родѣ южно-русской «Основы». Областные сборники, историко-этнографическія и статистическія описанія провинцій могутъ служить не только руководствами нашего областного самопознанія, но и органами возбужденія въ провинціальныхъ массахъ идеи политическаго самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государственнаго союза.

Въ настоящее время одинъ изъ самыхъ отрадныхъ результатовъ великаго вопроса освобожденія крѣпостного народа представляетъ начинающееся сознаніе необходимости пробудить провинціальную жизнь къ мѣстной самодѣятельности, къ мѣстному саморазвитію. Теперь и въ провинціяхъ уже допускается мѣстная инціатива. Первые, отрадные зародыши, признаки провинціальной инициативы и самодѣятельности видимъ мы въ открытіи воскресныхъ школъ почти во всѣхъ провинціяхъ, въ образованіи областныхъ обществъ распространенія грамотности, въ дѣятельности провинціальнаго дворянства по устройству областныхъ земскихъ банковъ, и т. п. Для возбужденія въ провинціяхъ общественнаго, нравственнаго, юридическаго, экономическаго и умственнаго самосознанія, для наиболѣе энергической и просвѣщенной инціативы и самодѣятельности, необходимо всестороннее самопознаніе. Слѣдовательно, необходимо и мѣстно-областное историческое самопознаніе.

Съ мыслью о важномъ значеніи провинціализма, областного начала въ исторической и современной жизни русскаго народа, предлагаю чита-

телямъ «Отечественныхъ Записокъ» на первый разъ общій очеркъ политической самодѣятельности великорусскихъ областныхъ общинъ въ смутное время (1606—1613 г.). Потомъ намѣренъ я сообщить историческіе очерки областной жизни въ теченіе всего XVII вѣка и эпизоды изъ исторіи нѣкоторыхъ провинцій въ XVIII столѣтіи. Предварительно считаю нужнымъ сказать объ историческомъ значеніи и устройствѣ областныхъ общинъ *до* смутнаго времени.

I

До образованія московскаго государства, обширная русская земля представляла многосложную федерацію областей, разнообразную въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Форма общественной жизни славяно-русскаго народа и различныхъ инородческихъ племенъ, частію слившихся съ нимъ, частію примыкавшихъ къ нему по географическому единству земли, форма *земскаго устроенья,* до развитія государственной политико-географической централизаціи, была, какъ мы уже сказали, особно-областная. Главный характеристическій признакъ ея—стремленіе областей волжско-камской федераціи къ удѣльной особности, а областныхъ общинъ новгородской или полярно-балтійской федераціи къ общинно-вѣчевой, или народоправной особности, съ сохраненіемъ колонизаціонно-федеративной связи.

Всѣ великорусскія области первоначально образовались путемъ славяно-русской колонизаціи преимущественно по рѣчнымъ системамъ и волокамъ, частью среди дремучихъ *черныхъ лѣсовъ,* частью среди разныхъ финскихъ и тюрко-татарскихъ народностей. Эта колонизаціонная, географическая и этнографическая основа областей была первоначальною, естественно-историческою основою, закладкою всего областного строя Великой Россіи. Славяно-русскія колоніи усѣдались, распредѣлялись въ такіе территоріальные округи, какіе условливало географическое очертаніе, водное разграниченіе и этнографическая связь, или взаимное племенное тяготѣніе и сосредоточеніе народныхъ элементовъ. По рѣчнымъ системамъ и волокамъ, областныя общины группировались въ формѣ земско-областныхъ федерацій, объединяясь географическою и колонизаціонною связью.

Вотъ полярно-балтійская озерно-рѣчная система очерчивается, отдѣляется отъ волжско-камскаго бассейна естественною раздѣлительною чертою—сѣверными увалами. Увалы эти, какъ извѣстно, длинной грядой простираются, то возвышаясь, то склоняясь, отъ Урала до валдайскихъ возвышенностей, и здѣсь смыкаются съ олонецкими горными отпрысками Скандинавскаго хребта. Отсюда всѣ воды текутъ на сѣверъ, образуя особую цѣльную гидрографическую область, озерно-рѣчную. Отсюда начинается территорія, замѣтно отличающаяся отъ территоріи, лежащей по сю сторону уваловъ, отъ территоріи волжско-камской. Начинается обширная область, характеризующаяся особеннымъ обиліемъ озеръ, рѣкъ, рѣчекъ и стоячихъ водъ, особымъ климатомъ, влажнымъ и къ сѣверу постепенно холоднымъ, или, какъ говорили древніе новгородцы, «морознымъ и студё-

нымъ», отъ сѣверныхъ вѣтровъ и по причинѣ влажнаго и болотнаго грунта, особой почвой, нехлѣбородной, большею частью болотистой, каменистой и песчаной. По всему этому широкому полярно-балтійскому бассейну, до прихода славянъ, обитали финскія племена: собственно *чудь*, съ одной стороны по рѣкѣ Лугѣ до Чудскаго озера, съ другой—отъ Ильменя по Мстѣ и по всему сухоно-двинскому заволочью, *водь* и *ижоряне* (ingrikot) между Наровой и Волховомъ до Финскаго залива, Невы и Ладожскаго озера, *лопь* или *лопари* вокругъ Онежскаго озера и на сѣверѣ вмѣстѣ съ *карелами* по всему поморью. Земля, заселенная этими финскими племенами, простирающаяся отъ рѣчной системы Чудскаго озера, Финскаго залива, Ильменя, Волхова и Ладожскаго озера до системы Сѣверной Двины, съ юга отдѣляющаяся волокомъ и увалами отъ рѣчной системы Волги и на сѣверѣ замкнутая моремъ, эта земля, съ своею озерно-рѣчною системою, представляла естественно-цѣльную, связную, округленную географическую область, для образованія одной, цѣльной, колонизаціонно-федеративной земской общины. И вотъ колонизаціонно-территоріальное устройство поселившагося здѣсь между финскими народцами славянскаго племени отлилось въ эту географическую форму, въ означенныхъ территоріальныхъ очертаніяхъ. Такимъ образомъ, говоря языкомъ историческихъ актовъ, *по землѣ и по водѣ*, путемъ постепенной славянской колонизаціи, основалась область новгородская, и по единству, по цѣльности земли, называлась *землею новгородскою*, а по народно-вѣчевому, политическому самовластію—*государствомъ новгородскимъ*. Это, по лѣтописямъ новгородскимъ, *земля святой Софіи и Новгорода*, т.-е. территорія, которая естественно, по землѣ и по водѣ, по связности озерно-рѣчной системы, вслѣдствіе церковной колонизаціи св. Софіи и вольно-народной колонизаціи земскихъ людей Новгорода, неоторжимо тянула къ Новгороду.

Образуя, по географической цѣльности и связности, и по колонизаціонному взаимно-дѣйственному саморазвитію, одно цѣлое, новгородская областная община, какъ единый цѣлый историко-политическій организмъ, въ своемъ дальнѣйшемъ послѣдовательномъ историко-географическомъ саморасширеніи путемъ колонизаціи, естественно развѣтвилась на нѣсколько отдѣльныхъ мѣстныхъ общинъ. Первоначальная область *пятинъ* или пяти *рядовъ*, послѣдовательно колонизовавшаяся сначала изъ *Славно-Торга*, починка Великаго Новгорода, путемъ торгово-промышленныхъ, *гостиныхъ становъ* и поселеній—*погостовъ* и *рядковъ*, *въ чуди*, *въ лопи*, *межи родовъ карельскихъ* и проч., по озерно-рѣчной, ильменской, ладожской и онежской системамъ, потомъ колонизовавшаяся изъ постепенно-образовавшихся пяти концовъ Новгорода, изъ Словенскаго конца, изъ Неревскаго конца и такъ далѣе, путемъ вольной, земской колонизаціи пяти-конечныхъ жителей Новгорода и церковной колонизаціи св. Софіи—эта область пятинъ естественно тянула къ пяти концамъ Новгорода, такъ что и всѣ погощане, *поземщики*, по словамъ писцовыхъ книгъ, *тянули* въ какой-либо изъ пяти концовъ, напримѣръ, *въ Неревскій конецъ*, *въ Словенскій конецъ*, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, область пятинъ составляла особую, цѣльную федерацію погостскихъ округовъ или общинъ, колонизаціонною и озерно-рѣч-

ною связью внутренно-сплоченныхъ и соединенныхъ непосредственно съ Новгородомъ [1]). Рядомъ и въ федеративной связи съ областью пятинъ, образовались, путемъ колонизаціонно-территоріальнаго подраздѣленія, другія, внутренно-самобытныя мѣстныя федераціи. И тутъ опять основа подраздѣленія была естественная, географическая и этнографическая. Какъ вся географическая площадь новгородской земли, смыкаясь рѣчными системами въ одно географическое цѣлое, подраздѣлялась на болѣе или менѣе мелкіе географическіе округи по отдѣльнымъ, побочнымъ рѣчнымъ системамъ, такъ и колоніи Новгорода—отдѣльныя мѣстныя общины колонизовались и распадались по отдѣльнымъ, побочнымъ рѣчнымъ водораздѣламъ и волокамъ, и также назывались *землями*. Такъ, напримѣръ, по рѣкѣ Двинѣ и ея мелкимъ притокамъ колонизовались гостями, промышленниками, боярами, боярскими рабами, монастырскими поселеніями и разными *повольниками* и *сбойчатыми людьми* такъ-называемая въ актахъ и лѣтописяхъ *Земля Двинская*, состоявшая изъ пяти городовъ; иначе эта областная община по рѣкѣ называлась просто *Двиною*. По рѣкѣ Вагѣ, впадающей въ Двину и образующей съ своими притоками особую рѣчную систему, основана была, среди чуди, область *Вага*, или иначе *Земля Важская*, колонизованная новгородцами, преимущественно бывшими новгородскими посадниками Своеземцовыми, разными переселенцами-боярами, заселившими по рѣкѣ Вагѣ до тринадцати волостей-*боярщинъ*, и разными промышленниками—выходцами новгородскими, онежскими и заволоцкими. Область эта простиралась до *ростовскихъ межъ* и состояла изъ пяти становъ: Шенкурскаго, Подвинскаго, Ровдинскаго, Вельскаго, Верховажскаго, Ледцкаго, Паденги, Кокшенги, Слободы Великой. По рѣкѣ Вычегдѣ и ея притокамъ, Выми и Сысолѣ съ Ужгою, среди зырянъ, колонизовались города Соль-вычегодскъ, Вымь, Устьсысольскъ и волость Ужгинская или Ужга, частію изъ Новгорода, но ближайшимъ образомъ изъ Двины, Вологды и Устюга, и образовали особую территоріальную группу или область, называвшуюся *Вычегодскою и Вымскою Землею*: основаніе поземельной, территоріальной особности и взаимной связи этихъ общинъ—рѣчная система Вычегды и колонизаціонное единство. Федеративная связь ихъ выражалась во взаимной общинно-областной помощи. Въ грамотѣ 1636 года связь эта характеризуется такъ: «*Соли вычегодской* посадскимъ же и уѣзднымъ людямъ *помогаютъ вымичи* и *сысольцы*, и во всемъ межъ себя считаются». Въ сѣверной, обонежской оконечности Новгородской Земли, всѣ рѣки, какъ извѣстно, впадаютъ въ Бѣлое море, совпадая истоками своими съ истоками рѣкъ, впадающихъ въ Онежское и Ладожское озера. Эта черезполосность, особность сѣверо-поморской рѣчной системы была естественной основой и территоріальной особности бѣломорскихъ новгородскихъ колоній. Поселенія эти, первоначально составлявшія такъ-называемыя *страдомыя деревни*—колоніи *боярскихъ насельниковъ рабовъ*, потомъ умножившіяся заселеніями соловецкаго монастыря и разныхъ новгородскихъ выходцевъ, бобылей и

[1]) О колонизаціи новгородской земли, также какъ и волжско-камской мы намѣрены въ скоромъ времени представить особое изслѣдованіе.

казаковъ, располагались по поморью, по озерамъ, по рѣкамъ, вытекающимъ изъ озеръ и впадающимъ въ море, и отчасти по волокамъ, и назывались всѣ по рѣкамъ и озерамъ. Совокупность всѣхъ этихъ поморскихъ, околоозерныхъ и рѣчныхъ поселеній, связуясь въ одно цѣлое озерно-рѣчною поморскою системою, естественно образовала особую федеративную ассоціацію, называвшуюся *Поморскою Областью* или *Сѣвернымъ Поморьемъ*. Въ актахъ даже XVII вѣка Сѣверное Поморье часто представляется какъ бы совершенно особою отъ московскаго государства землею, въ родѣ особаго государства. Географическое, территоріальное очертаніе Поморской Области въ актахъ обозначалось такимъ выраженіемъ: *все Поморье до Холмогоръ*.

Всѣ поименованныя и другія мѣстно-областныя, территоріальныя общины, первоначально образовавшіяся путемъ новгородской колонизаціи, потомъ окончательно установившіяся, опредѣлившіяся путемъ мѣстнаго, самостоятельнаго колонизаціоннаго самоустройства, каждая на особой рѣчной системѣ, составляли самобытныя, свободныя земли. А такъ какъ всѣ эти земщины первоначально все-таки были колоніи Новгорода, основались на землѣ св. Софіи и Новгорода, въ географической чертѣ одной сѣверной рѣчной системы, связывавшей въ одно цѣлое всю Новгородскую Землю, то всѣ онѣ были соединены органическою, федеративною связью съ Новгородомъ, назывались *волостями и пригородами святой Софіи и Новгорода*. Конфедеративное взаимодѣйствіе ихъ съ Новгородомъ выражалось во всей новгородской исторіи до эпохи московской централизаціи. По причинѣ такого федерально-колонизаціоннаго единства, во всѣхъ этихъ областяхъ текла одна жизнь и кровь новгородская, развивался новгородскій духъ народной воли, общиннаго самоуправленія, практической дѣятельности и промышленной предпріимчивости, отважнаго *повольничества* и порывчатой, *сбойчатой* стремительности, устойчивости, самовыдержанности. По причинѣ конфедеративнаго союза Новгорода съ его мѣстными общинами, разнообразными по естественнымъ богатствамъ волостями и пригородами, вслѣдствіе федеральнаго обобщенія мѣстныхъ силъ и богатствъ, Новгородъ былъ, въ средніе вѣка, и могучъ, и богатъ, былъ другъ западной Ганзы, daraus, по словамъ ганзейскихъ купцовъ, wie aus einem Brunquell alle andere Contors geflossen, und auf derselben Handlung gleichsam fundiret und gegründet — чего не удостоилась Москва съ своимъ особеннымъ общеніемъ и складомъ. По причинѣ федеративной связи Новгорода съ колоніями — съ энергическою мощью и жизненностью возбуждался, потрясался весь организмъ вольной новгородской общины, при малѣйшемъ покушеніи московскихъ князей порвать федеративную связь Новгорода съ его волостями. Чуть отторгалась отъ метрополіи какая-нибудь часть, напримѣръ, Двина, сейчасъ новгородцы, бояре и черные люди, богатые и убогіе, отъ мала до велика сбирались на вѣче и порѣшали: «пойдемъ или головы свои положимъ за землю св. Софіи и Новгорода, или найдемъ волости и пригороды св. Софіи и Новгороду».

При всемъ стремленіи Новгорода прикрѣпить къ себѣ прочною связью свои колоніи, мѣстныя самобытныя земщины—стремленіи, особенно обнаружившемся въ XIV вѣкѣ, въ эпоху колоніальныхъ войнъ съ Москвой за

сухоно-двинскія волости, федерализмъ новгородскій, однакожъ, нисколько не заключалъ въ себѣ элементовъ противоестественной централизаціи. Напротивъ, вслѣдствіе свободнаго, естественно-историческаго, федеративно-колонизаціоннаго самоустройства каждой отдѣльной земщины, вслѣдствіе начала рѣчной и вообще географической систематизаціи, сгруппировки областныхъ общинъ, мѣстныя, особно-рѣчныя земщины постоянно стремились къ территоріальной самостоятельности и къ мѣстному экономическому общинному самоустройству. И вольный Новгородъ, простирая свои колоніи все дальше и дальше, не силился нарушать свободнаго развитія мѣстныхъ общинъ на особыхъ рѣчныхъ системахъ. И въ самихъ мѣстныхъ общинахъ стремленіе къ территоріальной самобытности и къ мѣстному хозяйственному самоустройству такъ было обычно и живуче, что онѣ и послѣ, въ эпоху московской централизаціи, долго отстаивали свою мѣстную самобытность. Такъ, Кеврола и Мезень основались на особой рѣчной системѣ, отдѣльной отъ рѣки Двины, но подъ вліяніемъ новгородско-двинской колонизаціи. По единству колонизаціи и смежности, Двинская Земля не прерывала федеративной связи съ Кеврольскимъ и Мезенскимъ станами; федеративное единство этихъ становъ съ своею землею двиняне выражали такъ: «та земля Кеврола и Мезень *одна съ нами*... Кеврола и Мезень съ Двиною *одна земля*». Но по особности, отдѣльности рѣчной системы и по независимости дальнѣйшаго колонизаціоннаго самоустройства, Кеврола и Мезень стремились къ мѣстной самобытности, къ свободному общинному самораспоряженію, противились государственно-экономической писцовой приписи къ Двинѣ, отбивались отъ стрѣлецкихъ сотниковъ, отъ городоваго дѣла вмѣстѣ съ двинянами и просили царя «быть особно». Это стремленіе мѣстныхъ общинъ къ особности было непрерывное. Тѣ же станы, Кевропьскій и Мезенскій, въ совокупности съ пинежанами Большой Пѣнеги и Малой Пѣнежки, съ Закольской и Пильегорской волостями, въ 1607 г. просились на особицу отъ Двины, отъ Холмогоръ, на томъ основаніи, что они живутъ отъ холмогорскаго города за 300 и за 400 и за 500 верстъ и больше, и счету имъ съ двинянами и холмогорцами ни въ чемъ не бывало, а считались они *опроче, межъ себя всѣми своими волостями*. Въ области новгородскихъ пятинъ, также еще въ XVII вѣкѣ обнаруживалось изстаринное стремленіе волостей, *выставокъ*, или погостскихъ колоній, къ особности и мѣстному хозяйственному самоуправленію. Такъ, напримѣръ, въ Обонежской пятинѣ, еще въ первой четверти XVII-го столѣтія, Оштинскаго погоста выставка, волость Шимоозера съ своими выставками — выселками просилась распоряжаться своими *мірскими розметами особно*, *опроче Оштинскаго погоста*, «для того, что та волостка отъ Оштинскаго погоста 50 верстъ, а выставки за 70 и больше, и стали за мхами и за болотами, да имъ же Оштинскаго погоста отъ старостъ и отъ цѣловальниковъ и отъ праветчиковъ въ податяхъ и въ мірскихъ розметахъ продажи великія». Точно также Важенскаго погоста выставка—волость Святозерская хлопотала о томъ, чтобъ относиться въ казну въ Великій Новгородъ *собою, одною своею волосткою, а въ Важенскій погостъ не тянуть* и отписаться отъ него «для того, что та волостка отъ Важенскаго погоста 120 верстъ

стала за мхами и за болотами, да имъ же отъ старостъ и отъ цѣловальниковъ Важенскаго погоста продажи великія». Такимъ образомъ, новгородскія волости-выставки, постепенно колонизуясь, расширяясь посредствомъ своихъ выселковъ, новыхъ выставокъ, стремились къ самобытной жизни, къ дальнѣйшему территоріальному саморазвитію посредствомъ колонизаціи и къ самостоятельному земскому самоустройству. Это стремленіе волостей и большихъ выставокъ новгородскихъ погостовъ къ самостоятельности, къ обособленію, изстари прежде всего утверждалось на территоріальной, географической, колонизаціонной основѣ, и потомъ на естественномъ стремленіи мѣстныхъ общинъ къ земскому самоуправленію и хозяйственному самоустройству. Обширность мѣстной территоріи, отдѣльность, особность рѣчной системы, черезполосность и другія топографическія причины, наконецъ взаимная неурядица и разладъ были естественными и главными побужденіями къ отдѣленію одной мѣстной общины отъ другой—напримѣръ, большихъ выставокъ, колоній отъ погостовъ, метрополій ихъ.

Области пріуральскія, хотя также первоначальную основу получили отъ Новгорода, но по совершенной отдѣльности рѣчной системы и по особенности племенного состава и историко-этнографическаго самообразованія, рано обособились отъ новгородскаго федеративнаго союза. Здѣсь главная рѣчная система, какъ извѣстно, вятско-камская. Главныя финскія племена, здѣсь обитавшія, пермяки, зыряне, вогуличи, вотяки, черемисы, и проч., составляли особую отличительную отъ чудскихъ племенъ новгородской земли группу, съ примѣсью болгарскихъ и тюрко-татарскихъ элементовъ. Слитіе ихъ съ новгородскою, ростовско-суздальскою или московскою, вообще славяно-русскою народностью естественно развивало особый этнографическій типъ великорусской народности. Вслѣдствіе такихъ географическихъ и этнографическихъ особенностей, общины, устроившіяся на рѣчныхъ системахъ Камы и Вятки, естественно образовали двѣ особыя области—*Пермскую Землю* и *Вятскую Землю*. Пермская Земля, по причинѣ особности своей обширной камской системы, отдѣленной отъ сѣверо-двинской системы увалами, по причинѣ особности, отдѣльности обширной пріуральской территоріи, естественно обособилась отъ новгородской земли путемъ постепенной колонизаціи изъ разныхъ мѣстностей новгородскихъ, сухоно-двинскихъ, вычегодскихъ и ростовско-суздальскихъ или волжскихъ, вслѣдствіе своеобразной историко-этнографической организаціи населенія изъ смѣси туземной своеобразной зырянско-пермякской и отчасти вогульской стихіи съ разнообластными славяно-русскими колонистами. Изстаринная земская самобытность пермской области выражалась въ собственномъ туземномъ управленіи. Въ Пермской Землѣ, до окончательнаго присоединенія ея къ московскому государству, были свои туземные князья, вѣроятно, изъ пермскаго племени, которыхъ лѣтопись насчитываетъ до тринадцати. Воспоминаніе о самобытности Пермской Земли такъ было живуче въ нѣкоторыхъ пермскихъ поколѣніяхъ, что еще во второй половинѣ XVII-го вѣка выразилось въ появленіи самозванца, подъ именемъ велико-пермскаго князя. Вятская Земля, древняя колонія Новгорода, еще

въ XII вѣкѣ образовала особую область, по рѣчной системѣ Вятки и вслѣдствіе своеобразнаго колонизаціонно-этнографическаго склада изъ смѣси новгородско-двинскаго, *ушкуйничьяго*, *повольничьяго* населенія съ туземною черемисско-вятскою народностью. О земскомъ обособленіи и общинномъ самоуправленіи Вятской Земли въ хлыновской лѣтописи такъ сказано: «начали вятчане общежительствовать, самовластвуя, управлялись и владѣлись своими жителями, и нравы свои отеческіе и законы и обычаи новгородскіе сохраняли много лѣтъ, до обладанія великихъ князей русскихъ, и прозвались вятчане по рѣкѣ Вяткѣ. Самовластны были 278 лѣтъ».

Такъ какъ вятско-камская рѣчная система и пріуральская территорія сѣверными увалами совершенно отдѣлялась отъ сѣверо-двинской системы и отъ всей новгородско-поморской территоріи, то Земля Пермская и Земля Вятская, естественно, образовали новую, отдѣльную отъ новгородской федеративной системы, пріуральскую областную федерацію. Этотъ союзъ ихъ выражался во взаимной общинно-областной помощи. Въ вышеупомянутой грамотѣ 1636 года онъ изображается такъ: «Въ иныхъ городахъ въ отпускахъ городъ городу помогаютъ: *Соли Камской* посадскимъ и уѣзднымъ людямъ помогаютъ *чердынцы, да кайгородцы, да къ Соли же Камской* даютъ на ямъ въ подмогу *вятчане* по 500 рублевъ на годъ». Но при этомъ федеративномъ взаимодѣйствіи, и въ пріуральской федераціи, такъ же какъ и въ новгородской, отдѣльныя, мѣстныя общины стремились къ особности, къ самостоятельности. Каждая индивидуальная, мѣстная община и волость этой федераціи имѣла свой самобытный кругъ общинной дѣятельности, на основаніи поземельной обособленности одною рѣчною системою. Въ такомъ случаѣ, общины или группировались по нѣскольку вмѣстѣ, или каждая считалась особно. Такъ Обвинскій и Иньвинскій станы, изстари тянувшіе къ Перми, вслѣдствіе обилія «пашней великихъ и земель родимыхъ, хлѣбу, и меду, и хмѣлю, и мѣстъ теплыхъ» отовсюду привлекавшіе много поселенцевъ, стремились къ особности отъ Перми и Чердыни, по причинѣ особнаго положенія по рр. Обвѣ и Иньвѣ.

Средняя полоса Великой Россіи, колонизовавшаяся на системѣ верхней и средней Волги, путемъ ростовско-суздальской колонизаціи естественно-исторически образовала особую область, или особую федерацію городскихъ и сельскихъ общинъ. Тутъ первоначально обитало одно финское племя *меря*. Вслѣдствіе новгородской и преимущественно южно и западно-русской колонизаціи, оно отчасти обрусѣло, но большею частью оттѣснено было въ общее сѣверо-восточное убѣжище финскихъ племенъ, въ Пермско-зырянскую Украйну и на юго-востокъ. Послѣ того, какъ въ этой полосѣ, рядомъ съ финскимъ городомъ Ростовомъ, основаны были предками Юр[illegible] Долгорукаго первые славянскіе города Суздаль, Ярославль и Владиміръ-[illegible] Клязьмѣ, Юрій Долгорукій, неутомимый устроитель *польской и залѣсск[illegible]* московско-суздальской земли, основалъ почти всѣ прочіе города, наход[illegible]щіеся нынѣ на этой полосѣ, начиная отъ Москвы и Коснятина (въ в[illegible]ховьи Волги) и оканчивая Костромой. Дѣти и внуки его только дострои[illegible] крайніе города въ пограничныхъ предѣлахъ ростовско-суздальской ко[illegible]

низаціи и территоріальныхъ владѣній Юрьева рода: Всеволодъ III—Тверь въ 1182 году, Юрій Всеволодовичъ—Нижній Новгородъ въ 1221 году. Изъ всѣхъ этихъ верхне и средне-волжскихъ городовъ князья, бояре, владыки и монастыри выводили по *бортнымъ*, *пашеннымъ*, *рыболовлимъ*, *сокольничьимъ*, *солянымъ* и другимъ хозяйственнымъ *путямъ*, *ухожаямъ и станамъ* свои *починки*, *села и волости бортничьи*, *рыболовли*, *сокольничьи*, *пашенные*, или, какъ иначе они назывались, *хлѣбные*, и т. д., по своимъ *уѣздамъ*, *по кое мѣсто чей былъ уѣздъ*, по выраженію актовъ. Совокупность около городовъ всѣхъ колонизаціонно-хозяйственныхъ городовыхъ путей, ухожаевъ и становъ съ селеніями при нихъ, въ тѣхъ предѣлахъ, *по кое мѣсто были эти* обще-городовые хозяйственные *уѣзды*, совокупность эта образовала территорію городовъ—общіе городовые *уѣзды и станы*, которые первоначально имѣли хозяйственно-промышленное значеніе, и впослѣдствіи уже получили правительственный характеръ. Рядомъ съ городовыми, землевладѣльческими, хозяйственными колоніями, въ уѣздахъ и станахъ городовыхъ, вольные, *охочіе* люди, *садясь на черномъ лѣсу*, *посажая*, *поставляя починки и деревни на лѣсѣхъ* и ширясь по мѣрѣ того, *куды ходилъ топоръ*, *коса и соха*, постепенно, цѣлыми общинами, *поговоря со всѣмъ міромъ*, заселяли *черныя волости*. Совокупность всѣхъ верхне и средне-волжскихъ городовъ съ ихъ уѣздами, станами и волостями составляла одну, нераздѣльную областную федерацію общинъ, по причинѣ основанія всѣхъ этихъ городовъ однимъ княжескимъ родомъ, вслѣдствіе федеральности, общинности колонизаціи, по которой колонисты свободно переходили изъ одной области въ другую, постоянно перезывались въ каждое княжество *изъ иныхъ княженій и волостей*, и, наконецъ, вслѣдствіе распространенія по всей системѣ верхней и средней Волги одной, соединительной колонизаціи—московско-суздальской: княжеской, боярской, владычней и монастырской. Кромѣ того, область всѣхъ этихъ городовъ съ ихъ уѣздами и волостями, область ростовско-суздальскаго колонизаціоннаго строительства Юрьева цикла, естественно смыкала и опредѣляла рѣчная система верхней и средней Волги до впаденія въ нее Оки, или до Нижняго Новгорода включительно. На западѣ границей ея были притоки Москвы-рѣки, на сѣверѣ—верховье Волги, на востокѣ—верховья Шексны, Костромы, Унжи и Ветлуги, на югѣ—южные притоки Оки. При Юріи Долгорукомъ, вся эта средняя полоса Великой Россіи, по рѣчной системѣ и по единству колонизаціи, естественно представляла нераздѣльное цѣлое и образовала особую новую областную федерацію мѣстныхъ общинъ, въ формѣ *Ростовско-Суздальскаго княжества*, или иначе, *Ростовской и Суздальской Земли*. А потомъ, особенно послѣ Всеволода III или Великаго, вслѣдствіе общаго средневѣковаго стремленія городскихъ и даже сельскихъ общинъ къ особности, къ дробленію, а княжескихъ земель къ удѣльности, почти всѣ города ростовско-суздальской федераціи обратились въ удѣльные. Но и тутъ федеративная связь между ними нисколько не прерывалась, напротивъ, крѣпко поддерживалась, сплочалась географическою связью, единствомъ рода удѣльныхъ князей, колонизаціонною общинностью и, въ частности, обще-соединительною сѣтью церковной московско-суздальской ко-

лонизаціи, охватившей всю область верхней и средней Волги съ ея притоками и стягивавшей ее къ Ростову, Суздалю, Владиміру и главнымъ образомъ къ Москвѣ. Вслѣдствіе этой-то колонизаціонно-географической связи, между прочимъ, и успѣли московскіе князья положить начало государственной централизаціи прежде всего въ средней полосѣ велико-русской земли и такимъ образомъ нарушилось историческое развитіе федеративнаго устройства Россіи. Земская территоріальная особность Московской области, въ собственномъ, тѣсномъ значеніи средневѣковой *Московіи*, равноправность и равнозначительность ея съ прочими областями общей велико-русской федераціи, до образованія Московскаго государства и «собиранія русской земли», выражалась въ собственномъ, индивидуальномъ названіи ея *Московскою Землею*—названіи, равнозначительномъ тогдашнимъ областнымъ наименованіямъ: Земля Новгородская, Земля Двинская, Земля Пермская, и т. д. Древнее начало децентрализаціи, земской особности, такъ крѣпко вкоренилось въ историческую основу всего велико-русскаго областнаго строя, что еще въ XVII вѣкѣ Московская область обозначалась въ своихъ первоначально-составныхъ, особныхъ территоріальныхъ частяхъ, дѣлилась на *государство Володимірское и государство Московское*, такъ же какъ и всѣ другія русскія и инородческія области представлялись раздѣльными *царствами* и *государствами*; писалось, напримѣръ: «Царство Сибирское, Царство Астраханское, Государство Новгородское, Государство Псковское, и всѣ великія царства и государства великаго Московскаго царствія».

Наконецъ, о земско-исторической особности Юго-восточной Украйны, присоединенной къ общей велико-русской землѣ уже въ эпоху московской централизаціи, нечего и говорить. Она естественно образовала особую область или федерацію городскихъ и сельскихъ общинъ, и по историко-этнографическимъ и по географическимъ условіямъ. Юго-восточное заволжское и за-камское Приуралье составляетъ особый географическій округъ, и рѣкою Камою и ея притокомъ Чусовой естественно отдѣляется отъ сѣверо-восточнаго пермскаго Приуралья, образовавшаго по камско-вятской системѣ особую область, а начиная отъ рѣки Свіяги и этнографически совершенно обособляется отъ древне-московской земли. Съ XIII вѣка на этомъ пространствѣ основалось особое царство татарское, сложилось изъ отличительныхъ, инородческихъ національностей—финскихъ и тюрко-татарскихъ. Эти народности до XVI вѣка имѣли свою самобытную исторію, сами собой организовали и въ теченіе всей древней исторіи почти во всей цѣлости сохраняли свою національность. Изстаринная коренная земская особность Юго-восточной Украйны и на офиціальномъ московскомъ языкѣ до конца XVII столѣтія выражалась старымъ отличительнымъ названіемъ юго-восточнаго татарскаго края *Казанскимъ Царствомъ и государствомъ*. Весь край въ правительственно-географическомъ отношеніи дѣлился по туземнымъ *дорогамъ*, напримѣръ, *по зюрейской дорогѣ*, по *алатской дорогѣ*, и т. д. Однимъ словомъ, *татарщина* всецѣло преобладала въ этомъ пространствѣ или краѣ.

Такимъ образомъ, всѣ велико-русскія области представляли нѣсколько особныхъ, самостоятельныхъ, федеративныхъ группъ, образовавшихся пу-

темъ колонизаціоннаго самоустройства, большею частію по рѣчнымъ системамъ. Каждая федерація, и въ ней каждая мѣстная община стремились къ территоріальной особности, не прерывая федеративной связи между собою, основанной на колонизаціонной общности, союзности. Вслѣдствіе первоначальнаго земскаго самообразованія путемъ колонизаціи на отдѣльныхъ рѣчныхъ системахъ, областныя общины стремились къ земско-народной самобытности, къ дальнѣйшему территоріальному саморасширенію, къ земскому общественному самоустройству и самоуправленію. Каждая область продолжала сама-собой дальнѣйшую колонизацію своей территоріи, путемъ «поставленья, посаженья новыхъ починковъ и деревень на лѣсѣхъ», путемъ такъ-называемыхъ *выставокъ* или выселковъ изъ большихъ старыхъ поселеній. По принципу поземельной общинности, всѣ члены областныхъ общинъ давали земли *всѣмъ міромъ*, или *поговоря съ своею братьею и съ всею волостью, съ сусѣдами съ волостными*. Народъ въ областяхъ до XV вѣка пользовался полнымъ земскимъ самоуправленіемъ, выражавшимся въ формѣ *вѣчей, земскихъ совѣтовъ*, сельскихъ *мірскихъ сходовъ*, остатки которыхъ сохранялись еще въ XVI и отчасти XVII столѣтіяхъ. Общинный, народный составъ и полноправность областного вѣча выражались, напримѣръ, въ такой формулѣ: «и владыка новгородской, и посадникъ, и тысяцкой, и бояре, и житейскіе люди, и купцы, и весь господинъ Великій Новгородъ дали грамоту жалованную на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ». Всякое важное земское дѣло совершалось по совѣту *со всей землей*. Вятчане, напримѣръ, и въ послѣдній часъ земско-областной свободы, когда ужъ принуждены были 64,000-ю ратью московскою цѣловать крестъ великому князю, и тогда еще отвѣчали на требованіе московскихъ воеводъ—выдать измѣнниковъ и крамольниковъ: «дайте намъ, господа, сроку до завтра; мы это ваше слово *скажемъ всей землѣ вятской*». Живя самобытною жизнію въ федеративномъ взаимно-отношеніи, почти всѣ главныя великорусскія области имѣли свои лѣтописи, въ которыхъ выражалась ихъ самостоятельная, мѣстная жизнь, въ связи съ другими соприкасавшимися съ ними областями. Такъ, напримѣръ, велись лѣтописи псковскія, лѣтописи новгородскія, лѣтопись суздальская, лѣтопись двинская, лѣтопись поморская, лѣтопись кожеезерская, лѣтопись хлыновская.

Вслѣдствіе образованія путемъ славяно-русской колонизаціи среди финскихъ и другихъ инородческихъ племенъ, и вслѣдствіе вѣковаго стремленія къ земской особности и самобытности, областныя общины естественно получали разнообразную этнографическую организацію и составность. Въ этомъ отношеніи основная идея всей физіологической исторіи великорусскаго народа есть идея послѣдовательнаго историко-этнографическаго областного самообразованія, разнообразной мѣстной организаціи, постепеннаго нарожденія, наростанія велико-русской народности, посредствомъ принятія въ составъ ея, въ различныхъ областяхъ, разныхъ инородческихъ элементовъ — финскихъ, тюрко-татарскихъ, монгольскихъ и другихъ, вслѣдствіе постепенной славянской колонизаціи среди этихъ областныхъ народностей. Тогда какъ съ XVI вѣка, со времени направленія великорусской колонизаціи въ казанское и сибирское царства, этотъ исто-

рико-этнографическій процессъ нарожденія, наростанія великорусской народности совершался въ этихъ странахъ, претворяя въ массу ея тюрко-татарскія и монгольскія народности—до XVI столѣтія, онъ совершался почти исключительно на сѣверо-востокѣ, въ финскихъ областяхъ. Вслѣдствіе такого, историко-этнографическаго процесса, великорусская народность въ большей части этихъ областей не представляетъ чистый славянскій элементъ, а организовалась изъ слiянія славянскаго элемента съ финскими народностями, изъ претворенія ихъ въ русскую народность. Обитавшія въ IX вѣкѣ, въ Восточной Россіи, разныя финскія племена не исчезли, какъ обыкновенно говорится, а переродились въ русскихъ, обрусѣли, и такимъ образомъ въ разныхъ областяхъ привносили въ составъ велико-русской народности элементы областныхъ особенностей. Процессъ слiянія ихъ съ велико-русскимъ народомъ, перерожденія въ русскихъ совершался обыкновенно путемъ колонизаціи, поселенія среди нихъ русскихъ, посредствомъ взаимныхъ торговыхъ, промышленныхъ, общежительныхъ сношеній и браковъ, посредствомъ принятія финскими племенами русской вѣры, русскихъ костюмовъ, нравовъ и обычаевъ, и, наконецъ, посредствомъ усвоенія русскаго языка. Земско-городовыя и церковныя власти, бояре и другіе землевладѣльцы, пріобрѣтая власть, или *волость* надъ разными инородцами, такимъ образомъ основывали свои *волости*. Потомъ инородцевъ крестили въ русскую вѣру. А это обращеніе инородцевъ, посредствомъ крещенія въ *христіанъ*, или по тогдашнему словоупотребленію въ *крестьянъ*, на тогдашнемъ языкѣ было тождественно съ обращеніемъ ихъ въ *крестьянъ*. Такъ, напримѣръ, въ сѣверномъ поморьѣ, лопари сначала пріобрѣтались въ вотчинное владѣніе подъ собственнымъ именемъ: напримѣръ, волость Кемь отдавалась съ лѣшими озерами и съ *лопари*. Потомъ эти лопари, по словамъ игумена соловецкаго, Досиѳея, *быша христіане*. А въ слѣдующихъ грамотахъ, грамотахъ конца XVI вѣка, эти же самые лопари уже называются *крестьянами*. Такъ было вездѣ. Браки съ русскими довершали обрусѣніе инородческихъ генерацій. Почему во многихъ областяхъ прозвища крестьянскія были инородческія, заимствовались отъ отцовъ и дѣдовъ—инородцевъ. Только неподчинявшіяся славяно-русскому вліянію чудскія племена вытѣснены были натискомъ славянской колонизаціи на Украйны, и тамъ, однакожъ, не избѣжали общей участи, постепенно русѣли. А остатки ихъ въ разныхъ украинныхъ сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ областяхъ и донынѣ мало-по-малу русѣютъ. Напримѣръ, въ области поморской, новгородская колонизація распространялась главнымъ образомъ между двумя финскими племенами—лопарями и карелами, подраздѣлявшимися, въ XV вѣкѣ, на нѣсколько родовъ, каковы, напримѣръ, карельскіе роды: курольцы, ровкульцы, вымольцы, тиврульцы, валдеинскій родъ и другіе. Куда дѣвалась большая часть этихъ древнихъ жителей бѣломорскаго прибреж[...] Извѣстный финологъ Кастренъ, хорошо изслѣдовавшій историческія судь[...] финновъ, говоритъ, что финская народность по берегамъ Бѣлаго мо[...] слилась съ русскою, претворилась въ русскую національность. «Что русс[...] поселились здѣсь мирно (прибавляетъ онъ), приняли въ себя народнос[...] финскую, а не искореняли ее, то доказывается и нечистотою языка арх[...]

гелогородцевъ, наполненнаго финницизмомъ, и финскимъ обличiемъ, безпрерывно попадающимся подъ русскою шляпою». Да и на памяти исторiи, какъ бѣломорскiе инородцы, мало-по-малу русѣя и обращаясь въ русскихъ крестьянъ, постепенно и медленно усвояли русскiй языкъ. Въ концѣ XV или въ началѣ XVI столѣтiя, игуменъ соловецкiй Досиѳей объ нихъ писалъ: «тамъ, близъ моря и вокругъ острова Соловецкаго живущiе народы—*чудь, лопь и ижера—мало свѣдующiе россiйскаго языка*». Потому и въ купчихъ и данныхъ грамотахъ соловецкихъ XV и XVI вѣка языкъ русскiй чрезвычайно нечистый, исковерканный непонятными словами и неправильными или своеобразными оборотами и сочетанiями словъ, чуждыми языку новгородскихъ лѣтописей и актовъ. Въ Вотской пятинѣ обитавшiя нѣкогда финскiя племена водь, лопь и ижора также не исчезли, а мало-по-малу сливались съ новгородцами. Новгородцы жили съ ними мирно съ тѣхъ поръ, какъ подчинили ихъ своей власти, допускали туземцевъ финскихъ въ общинные старосты, и такимъ довѣрiемъ привлекали ихъ къ своей народности. Вотскiе инородцы, однакожъ, долго, до XVI и даже XVII столѣтiя сохраняли свой типъ, свои племенныя вѣрованiя и обычаи: покланялись, какъ и всѣ финны, деревьямъ и камнямъ, приносили имъ въ жертву пищу и питье; мертвыхъ клали въ лѣсахъ по курганамъ, арбуи давали младенцамъ имена финскiя, почему въ писцовыхъ книгахъ часто встрѣчаются между жителями имена все не-русскiя, чудскiя. Погосты новгородскiе, и по писцовымъ книгамъ XVI вѣка, числились *въ чуди*; села и деревни были еще сплошь и рядомъ населены чудью. По лѣсамъ всюду находились чудскiе священные камни и деревья: отъ финскихъ *сейдъ* получилъ названiе и погостъ *Сейдовскiй*. Точно также въ областяхъ, населенныхъ преимущественно новгородцами, среди *Веси Бѣловодской* на Бѣлоозерѣ и чуди, жившей на рѣкахъ Вологдѣ, Сухонѣ и Югѣ, долго сохранялись оттѣнки финской народности, особенно идiотизмы языка. Такъ, еще въ XVI вѣкѣ, Герберштейнъ писалъ о жителяхъ Бѣлозерской области, гдѣ русскiй элементъ смѣшался съ Чудскою Весью: «Hujus loci indigenae proprium habent idioma, quamvis nunc ferme omnes ruthenice loquantur». То же онъ замѣчаетъ о жителяхъ области Вологодско-устюжской: «idioma proprium, quamvis ruthenico magis utuntur». Недаромъ и въ присловьяхъ народныхъ эти области доселѣ называются *Чудью бѣлоглазою*. Новгородско-русское населенiе каргопольской мѣстности также образовалось изъ слiянiя съ мѣстными чудскими племенами, которыя назывались въ древнихъ памятникахъ *сыроѣдцами*; почему въ присловьяхъ областныхъ доселѣ говорится: «каргопольцы сыроѣды—чудь бѣлоглазая». Въ Закубеньи, въ Заволочьи, гдѣ были *чудь-сыроѣдцы*, еще въ XVII в. вся мѣстность называлась *сыроѣжкина земля*. Въ Тверской Карелiи, гдѣ и геогностико-археологическiй характеръ края сохраняетъ много слѣдовъ отдаленнаго финскаго быта, несмотря на вѣковое сильное влiянiе славянскаго населенiя—тверскаго, новгородскаго, ростовско-суздальскаго и отчасти литовско-русскаго, и нынѣ еще сохраняется между русскимъ населенiемъ финскiй народецъ—карелы. Онъ составляетъ или отрывокъ отъ онежско-бѣломорскаго племени кареловъ, оттѣсненный въ Весьегонскiй и Бѣжецкiй уѣзды первоначальнымъ

движеніемъ новгородской колонизаціи, или колонію Соловецкаго монастыря изъ Поморской Кареліи, такъ какъ у этого монастыря были колоніи и между Поморской Кареліей и въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Этотъ тверской народецъ карелы весьма туго подвергается обрусѣнію, доселѣ отличается многими своебразными нравами, ни въ чемъ непохожими на русскіе; еще и нынѣ есть селенія, въ которыхъ не всякая женщина умѣетъ говорить по-русски, въ которыхъ вѐрхомъ оскорбительной брани считается «*рушкій*». Не говоримъ уже объ этнографической сложности, составности и физіономической и лингвистической особенности русскаго населенія въ Вятской и Пермской областяхъ—въ этихъ новгородскихъ колоніяхъ среди финскихъ зырянъ, пермяковъ, вогуличей, вотяковъ и черемисъ, остатки которыхъ донынѣ еще существуютъ въ этихъ областяхъ и постепенно русѣютъ. Въ никоновской лѣтописи области Двинская, Вычегодская, Пермская и Вятская въ концѣ XIV в. еще назывались «*иноязычными странами и землями*». Слѣды иноязычности ихъ, привносившей здѣсь въ великорусскую народность свою долю областной своебразности, долго были цѣлы и явственны. Напримѣръ, подслѣповатые жители Вычегодской области, обитающіе по рѣкѣ Вычегдѣ, которые, по преданію, со времени Стефана Пермскаго, и доселѣ называются *слѣпыми*, суть не что иное, какъ обрусѣлые зыряне. Въ Пермской Землѣ еще въ началѣ XVI вѣка туземцы далеко не обрусѣли вполнѣ, не усвоили себѣ обычаевъ славяно-русской народности, жили по своенародному, или, какъ писалъ московскій митрополитъ Симонъ, «*по ветхому и по татарскому обычаю*». Даже въ XVII в. пермскіе крестьяне плохо говорили по-русски. Въ наказной памяти 1643 года торговому человѣку гостиной сотни Онофрѣеву о нихъ замѣчено: «деревенскіе пашенные крестьяне пермяки *иные мало* и *порусски говорятъ*» (А. Э. III, № 320). Въ Вятской Землѣ было то же, какъ можно видѣть изъ посланія московскаго митрополита Іоны: здѣсь также и въ XVII вѣкѣ русскіе постоянно были даже еще не въ ладу съ инородцами, особенно съ черемисами.

Не входя въ дальнѣйшія историко-этнографическія подробности, замѣтимъ вообще относительно этнографической организаціи велико-русской народности въ разныхъ областяхъ, что въ этомъ отношеніи особенно рѣзко различаются между собой массы населенія сѣверо-восточныхъ и средневолжскихъ областей. Не говоримъ уже объ этнографическомъ характерѣ юго-восточнаго края. Сѣверные увалы, раздѣляющіе рѣчныя системы сѣверо-двинскую и волжско-камскую и составлявшіе въ древней нашей исторіи разграничительную черту въ ходѣ и направленіи новгородской и московской колонизаціи—сѣверные увалы образовали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и этнографическую границу областей. Къ сѣверу за ними еще и нынѣ ясно видны были слѣды финскаго населенія. Финское племя, нѣкогда господствовавшее за увалами, не осталось безслѣднымъ въ историко-этнографической организаціи русскаго населенія этихъ областей: рыжіе волосы, маленькіе глаза, широкія лица говорятъ ясно, что финны составляли когда-то главное населеніе Заволочья, и, утративъ свой языкъ, свои обычаи, сохранили физическія особенности и наложили ихъ даже на славянъ-гостей въ этой сторонѣ. Но по сю сторону уваловъ, въ областяхъ верхне-волж-

скихъ, начинаетъ преобладать болѣе или менѣе чистый славянскій типъ, особенно въ женскихъ физіономіяхъ. Впрочемъ, и въ самой Ростовско-Московской области не вдругъ исчезъ древній *чудско-мерьскій* элементъ. До XIII столѣтія, ростовцы, какъ видно изъ житія Аврамія Ростовскаго, *живяху чудски*, и Ростовъ, по племенному и религіозному антагонизму, дѣлился на два конца: *Славянскій* и *Чудскій*. Слѣды чудско-мерьскаго обличья не вдругъ, конечно, изгладились и въ городѣ Галичѣ-Мерьскомъ, въ селахъ московскихъ, называвшихся по имени *мери*, и въ тѣхъ многочисленныхъ селеніяхъ Московской, Ярославской, Владимірской, Костромской и другихъ губерній, въ которыхъ нѣкогда господствовалъ народъ чудскій, и которыя отъ него сохранили названія: Чудь, Чудины, Чудскія, Чудиново, и т. д. Независимо отъ финской стихіи, Московское Государство съ XVI вѣка представляло смѣсь, амальгаму всякихъ другихъ народностей. Въ смутное время, новгородцы въ своей стокгольмской грамотѣ такъ, напримѣръ, характеризовали его этнографическую разносоставность: «Московскаго Государства всякихъ чиновъ люди, царевичи разныхъ государствъ, князи и мурзы, атаманы и казаки, новокрещеные и татарове, и литва, и нѣмцы», и проч. Населеніе Рязанской Земли представляло смѣсь славяно-русскаго населенія съ мордовскою и мещерскою стихіею. Нѣкоторые погосты Рязанскаго Княжества еще въ XIV вѣкѣ удерживали прежнее этнографическое названіе—мордовское и мещерское; напримѣръ, были *погосты мордовскіе, станы мещерскіе*. Въ числѣ бояръ рязанскихъ, въ XIV вѣкѣ, были люди инородческаго происхожденія, въ родѣ Софонія Алтыкулачевича.

Кромѣ историко-этнографическаго разнообразія и особности, разносоставности, велико-русскія областныя общины имѣли нѣкоторыя отличительныя особенности въ духовно-нравственномъ и матеріально-бытовомъ характерѣ народонаселенія. Напримѣръ, населеніе Рязанской, украинской области, сложившееся изъ бѣглыхъ и добровольныхъ выходцевъ изъ разныхъ русскихъ областей, жаждавшихъ степнаго простора и битвы съ «погаными», какъ тогда говорили, закаленныхъ въ постоянномъ бою сперва съ половцами, потомъ съ татарами, мордвою, крымцами, ногаями и съ Москвою, населеніе рязанское отличалось суровымъ, храбрымъ, воинственнымъ, отважнымъ характеромъ: по выраженію Герберштейна, было «gens audacissima, bellicosissimaque». Напротивъ, жители сосѣдней Московской области, боровшейся съ Рязанью, собранные въ Московскую область большею частью силою великихъ князей и находившіеся въ ихъ сильной волѣ, частію собранные подъ сѣнію московскихъ монастырей и церковныхъ властей, жители Московской области, по свидѣтельству лѣтописи, отличались смиреніемъ и упованіемъ на Бога. Эти отличительныя черты рязанскаго и московскаго населенія лѣтопись XIV вѣка отмѣтила такъ: «рязанцы люди суровы, свирѣпы, высокоумны, горды, отважны, людища, какъ чудища, говорятъ другъ другу: не берите съ собой ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни копьевъ, ни сабель, ни стрѣлъ, а берите только съ собой одни веревки, ременья, да ужища и станемъ вязать москвичей. А москвичи смиреніемъ и воздыханіемъ уповали на Господа Бога, и Господь увидѣлъ смиреніе

москвичей, и вознесъ ихъ». Мѣста около Оки и за Окой, гдѣ въ 1565 году построенъ былъ городъ Орловъ при впаденіи рѣки Орлика въ Оку, издавна были притономъ для разбойниковъ и *воровскихъ людей*. И вотъ орловцевъ изстари прозвали «проломленные головы», или по другой старинной поговоркѣ: «Орловъ да Кромы — старинные воры; Ливны, всѣмъ ворамъ дивны; Елецъ—всѣмъ ворамъ отецъ». Жители Ростовской области еще въ XII вѣкѣ, во время борьбы стараго, финскаго города Ростова съ новымъ, младшимъ, чисто-славянскимъ городомъ Владиміромъ, называли жителей Владимірской области *каменьщиками и древодѣлями*, черты, которыми и доселѣ характеризуются владимірцы. Въ Ярославскомъ уѣздѣ, во многихъ селахъ жили все «хамовники и дѣловцы, промышлявшіе *скатертнымъ и убрусньмъ дѣломъ*» (А. Э. III, № 280). Новгородцы, по нехлѣбородности своей земли и по обилію лѣса, по привычкѣ къ плаванію по рѣкамъ и озерамъ, съ самаго начала поселенія своего на Сѣверѣ, стали заниматься дѣланьемъ лодокъ, которыя сбывали на Югъ, и вообще плотничествомъ: въ самомъ Новгородѣ былъ особый *Плотничій конецъ*; въ Вотской пятинѣ по берегу Волхова у нихъ было нѣсколько деревень, которыя назывались *плотничими*. Въ Вотской же пятинѣ, въ Корельскомъ уѣздѣ, въ бо̀льшей части погостовъ, жили плотники, которые ходили «*для промыслу плотничнаго дѣлу* въ Москву, въ Новгородъ, въ Вологду, на Бѣло-Озеро и въ другіе города, артелями человѣкъ отъ 10 до 200» (А. Э. III, № 127). По этой чертѣ, жителей новгородской области еще въ X и XI столѣтіяхъ характеристически называли *плотниками*. Жители псковской области, находившіеся подъ вліяніемъ западныхъ началъ, отличались бо̀льшею мягкостью нравовъ, бо̀льшею гуманностью (humanioribus, по отзыву Герберштейна), чѣмъ москвичи, которыхъ областныя лѣтописи, напр., ростовская и псковская, прямо обличаютъ въ «*насиліи*». Только въ эпоху московской централизаіи, съ усиленіемъ московскаго вліянія въ областяхъ, псковскіе нравы утратили свою отличительную особенность, воспринявъ многія черты московскихъ нравовъ: «unde factum, говоритъ Герберштейнъ, ut pro *cultivioribus* atque adeo *humanioribus plescoviensеum moribus* corruptiones in omnibus fereribus moscoviensium mores sint introducti». Какъ новгородцы, смѣлые, предпріимчивые искатели земель, колонизаторы, образовали особый типъ *ушкуйниковъ*, *молодцовъ*, *сбойчатыхъ людей*, такъ жители Двинской приморской земли, изстари имѣя дѣло съ моремъ, занимаясь ловлей морскихъ звѣрей, *веснованьемъ*, выработали особый промышленный типъ — *юровщиковъ*, *весноѕальниковъ*, типъ, который характеристически изображается въ разнообразныхъ поморскихъ легендахъ о мѣстныхъ святыхъ XVII вѣка. Такъ точно и другія областныя общины чѣмъ-нибудь да отличались одна отъ другой [1]). Предполагая въ особыхъ «Очеркахъ исторіи народнаго просвѣщенія и міросозерцанія» изложить подробную историческую характеристику отличительныхъ особенно-

[1]) Даже предметы производства имѣли мѣстныя особенности, различались по мѣстамъ работы, напримѣръ, были особыя *сани кляземскія* и сани *владимірскія*, пищали *устюжскаго дѣла*, безмѣны *костромскіе*, мыло костромское, братинки *корѣльскія*, блюдья и братинки *колужскія*, и т. д. (А. Э. III. № 241, 291. А. И. 1, № 158).

стей областнаго міросозерцанія, областныхъ легендъ, нарѣчій и проч., здѣсь мы отмѣтимъ только еще одну черту — религіозную, также характеризующую въ нѣкоторой степени мѣстную особность, раздѣльность, отличительность моральной жизни областей. Почти каждая область имѣла своего мѣстнаго святого, одного или нѣсколькихъ, и признавала ихъ особенными защитниками, патронами, *стражами* своей мѣстности и своего населенія, почитая въ то же время святыхъ всей русской церкви. Въ одной рукописи XVI вѣка объ этомъ читаемъ такое свидѣтельство: «Кіевъ блажитъ Антонія и Θеодосія печерскихъ чудотворцевъ; московское царство блажитъ Петра, Алексѣя и Іону и Максима; Псковъ же и Великій Новгородъ блажатъ Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради; Смоленскъ блажитъ князя Θеодора; Ростовъ блажитъ Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія. *Каждая область своихъ блажитъ*. И мы, устюжане, блажимъ Прокопія Устюжскаго; сѣверная страна по Двинѣ-рѣкѣ, Вага-рѣка, на которой городъ Сенкурія (Шенкурскъ)—и тѣ блажатъ Георгія юродиваго Христа ради, Соловецкій же островъ и все поморіе блажатъ Савватія и Зосиму. Мы, устюжане, Прокопія имѣемъ у себя стражемъ и хранителемъ отчизны нашей, Устюга». Точно такъ и всѣ другія великорусскія мѣстныя общины чтили своихъ туземныхъ патроновъ, стражей-святыхъ, напр., Пермь—Стефана Пермскаго, Вятка — Николая Великорѣцкаго, волость Сійская — Антонія Сійскаго, и проч. Въ смутное время, когда области разрознились, каждая область въ перепискѣ съ другими областями напоминала о своемъ святомъ. Напримѣръ, вологжане писали къ своимъ сосѣдямъ вычегодцамъ: «а у насъ здѣся на Вологдѣ преподобный Димитрій (вологодскій) милость свою явилъ, обѣщался съ нами на враговъ стоять»; казанцы уповали и въ перепискахъ своихъ ссылались на своихъ мѣстныхъ святыхъ—Гурія, Варсаноѳія и Германа казанскихъ, а москвичи — на Петра, Алексія и Іону московскихъ чудотворцевъ, и т. д. Подобно мѣстнымъ святымъ, въ каждой области были мѣстные патрональные храмы, напр., въ Новгородѣ—св. Софія, въ Псковѣ—св. Троица, въ Твери—св. Спасъ, во Владимірѣ—Успенская Богородица владимірская, въ Поморьи—*домъ* св. Спаса и Зосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ [1]). Такая церковно-религіозная локализація была какъ бы освященіемъ начала областности, общаго стремленія областей къ нѣкоторой особности. Наконецъ, отмѣтимъ еще одну областную особенность, характеризующую духовно-нравственное различіе населенія областей московскихъ отъ населенія областей новгородскихъ, сѣверо-поморскихъ. Въ новгородско-поморской области—средоточіи *черныхъ волостей*, народоправныхъ общинъ, которыя до XV вѣка не были оброчными волостями великихъ князей московскихъ, а были вольными общинами, въ колоніи новгородскихъ боярскихъ фамилій, боровшихся съ московскими царями за вѣчевую свободу, напр., Марѳы Посадницы, въ колоніи вольныхъ

---

[1]) Въ иконописи также отразилась областность: были областные, мѣстные пошибы, напр., новгородскій, устюжскій, пермскій или строгоновскій, суздальскій и московскій.

казаковъ, бобылей и всякихъ охочихъ выходцевъ—въ новгородско-поморской области населеніе отличалось духомъ вольнымъ, упорнымъ: казаки, разгуливавшіе, переходившіе изъ волости въ волость, поддерживали этотъ духъ независимости, народной вольности. По причинѣ слабаго распространенія въ поморьи приверженности къ церковной обрядности, по исключительному господству во многихъ мѣстахъ мірской *часовенной* религіозности, наконецъ—по новгородско-псковской привычкѣ къ мірскому общинному самораспоряженію церковными дѣлами, въ новгородско-поморскомъ населеніи развивался и духъ церковной особности, который отчасти поддерживался и шведскими перебѣжчиками-протестантами. Напротивъ, въ московсковолжскихъ областяхъ, гдѣ сосредоточивался духъ греко-восточной церкви, гдѣ монастыри, исходя изъ Москвы, изъ Сергіевой лавры, распространились по всѣмъ московско-волжскимъ областямъ и вмѣстѣ съ своими вотчинными колоніями вездѣ распространили свое церковно-грековосточное вліяніе, въ московско-волжскихъ областяхъ населеніе отличалось, если можно такъ выразиться, своеобразнымъ *московско-грековосточнымъ* типомъ, церковнымъ обрядолюбіемъ, духомъ приверженности къ іерархизму. При такомъ историческомъ направленіи и различіи духовно-нравственнаго характера населенія московско-волжскихъ и новгородско-поморскихъ областей понятно, почему въ первыхъ во второй половинѣ XVII вѣка возникъ расколъ *поповщинскій*, клерикально-іерархическій и просто *старообрядческій*, а въ новгородско-поморскихъ областяхъ—*безпоповщинскій*, расколъ *церковно- и гражданско-демократическій*. Далѣе, жители новгородско-поморскихъ областей, при всемъ обиліи своеобразныхъ миѳологическихъ суевѣрій, склонны были *собственнымъ умомъ*, *мыслью* уразумѣвать многія истины, склонны были къ простому натурально-религіозному міросозерцанію. «Вотъ поселяне (читаемъ въ одной соловецкой рукописи XVI вѣка о яренгскихъ чудотворцахъ): вотъ поселяне, то-есть живущіе тутъ въ веси Яренгѣ, *смысломъ* научаются мудрости: видятъ солнце, познаютъ присносущный свѣтъ; видятъ небеса, разумѣваютъ творчую славу: землю разсматриваютъ, внимаютъ владычнему величеству; море видятъ, познаютъ силу владѣющаго; примѣчая доброчинное измѣненіе временъ, чудятся лѣпотѣ строящаго міръ; смотря звѣздное теченіе и лико-учиненіе, возносятся къ добротѣ сочетавающаго то; смотря на луну, удивляются сіянію положившаго ее». Не даромъ стригольники, это своеобразное порожденіе псковско-новгородскаго духа, отрицая внѣшнюю церковность, проповѣдывали какой-то натуралистическій, или, частнѣе, ураническій деизмъ, созерцали будто бы невидимаго Бога въ видимомъ небѣ. Напротивъ того, жители московско-волжскихъ областей болѣе жили *вѣрою* въ положительныя преданія и обрядосозерцаніемъ; по характеристическому выраженію царя Ивана Грознаго, «подобнѣ царстѣй власти церковью и гробницею и покровомъ почитались». Московскій митрополитъ Фотій, представитель и выразитель православно-грекороссійскаго духа, обличая стригольниковъ, писалъ къ псковичамъ: «тіи стригольницы, отпадающе отъ Бога, *на небо взирали тамо отца себѣ нарицаютъ*; а понеже бо самыхъ тѣхъ истинныхъ евангельскихъ благовѣстій и преданій апостольскихъ и отеческихъ невѣрующе, то како смѣ-

ютъ *отъ земли къ воздуху зряще*, Бога Отца себѣ нарицающе, и како убо могутъ отца себѣ нарицати?.. Тіи стригольницы *къ Божіимъ церквамъ, къ господу земному* не имутъ быти прибѣгающе».

Такимъ образомъ, кромѣ колонизаціанно-географической, мѣстно-областной особности, великорусскія области много имѣли разнообразія историко-этнографическаго и особенностей духовно-нравственныхъ. Вслѣдствіе такого историко-географическаго и этнографическаго разнообразія, вслѣдствіе вѣковой особности, раздѣльности, разрозненности великорусскихъ областей, понятно, что онѣ не вдругъ могли поддаться централизаціи и образовать одно политическое тѣло. И дѣйствительно, дальнѣйшая исторія областныхъ общинъ, какъ Восточной, такъ и Западной Россіи, большею частію показала именно такія явленія и результаты.

Въ Великой Россіи всѣ самостоятельныя области долго боролись съ Москвою, упорно противодѣйствовали московской централизаціи. Борьба эта всѣмъ извѣстна изъ русской исторіи. Областныя лѣтописи, памятники самостоятельной жизни, мѣстнаго саморазвитія областей, органы областной, общинной, земско-народной думы, областныя лѣтописи, и отдѣльно, и въ московскихъ сборникахъ или сводахъ, подробно передали намъ исторію борьбы областныхъ общинъ съ московскою централизаціею. Борьба эта длилась почти съ половины XIII вѣка и до половины XV или даже до XVI столѣтія. Области верхней и средней Волги, связанныя съ Москвою ближайшею колонизаціонно-федеративною, удѣльно-родовою, церковною и политическою связью, эти области большею частію легко были присоединены къ Москвѣ; но и онѣ иногда сожалѣли о своей земской самобытности. Напримѣръ, лѣтопись передаетъ намъ въ такихъ чертахъ положеніе Ростовской земли, прежде другихъ областей присоединенной къ Москвѣ, и такъ изображаетъ при этомъ жалобы: «Когда настало насиліе большое, то-есть великое московское княженіе досталось великому князю Ивану Даниловичу, вмѣстѣ съ тѣмъ и ростовское княженіе Москвѣ. Увы! Увы! тогда городу Ростову, особенно же князьямъ его! Отнялись отъ нихъ власть и княженье, и имѣнье, и честь, и слава, и все прочее. И потянули его къ Москвѣ, вышло повелѣніе великаго князя Ивана Даниловича, и посланъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ какъ воеѳода-какой одинъ вельможа, именемъ Василій, по прозванью Кочевъ, и съ нимъ Миней. Когда вошли въ городъ Ростовъ, то причинили большую нужду городу и всѣмъ жителямъ его и большое гоненіе умножили на него. И многіе ростовцы принуждены были отдавать свое имѣніе москвичамъ, а сами, кромѣ того, съ укоризнами претерпѣли раны на тѣлѣ... И что много говорить! столько насилія сдѣлали надъ Ростовомъ, что и самаго епарха городского, старѣйшаго боярина ростовскаго, именемъ Аверкія, стремглавъ повѣсили, возложили на него свои руки и чуть живого оставили. И былъ страхъ большой на всѣхъ слышащихъ. Это было не только въ городѣ Ростовѣ, но и во всѣхъ его предѣлахъ, и въ волостяхъ и въ селахъ». Области Рязанская и Тверская составляли крайнія, болѣе отдаленныя вѣтви московской федераціи, имѣли больше колонизаціонно-территоріальной самостоятельности и

этнографической своеобразности, особности, и вотъ борьба ихъ съ Москвою за областную самобытность, всѣмъ извѣстная изъ удѣльной русской исторіи, была особенно упорна и продолжительна. Потомъ, когда московскіе князья, охвативъ уже почти всю колонизаціонно-федеративную систему областей верхней и средней Волги, стали простирать централизацію въ предѣлы сѣверо-двинской новгородской колонизаціонно-территоріальной федераціи областей, начались вѣковыя, кровавыя колоніальныя войны Новгорода съ Москвой. Съ какимъ единодушіемъ возстали новгородцы, когда услышали, что московскій князь обольстилъ ихъ колонію, Двину, отложиться къ Москвѣ, обѣщая ей областную земскую самобытность. «Собрались новгородцы (говоритъ лѣтописецъ новгородскій), и пошли къ владыкѣ своему Ивану: *не можемъ такого насилія терпѣть* отъ великаго князя Василія Димитріевича, что отнялъ у св. Софіи и Великаго Новгорода пригороды и волости, наши отчины и дѣдины, что пошло изначала, и мы, господине, хотимъ поискать св. Софіи пригородовъ и волостей, отчины своей и дѣдины. И цѣловали крестъ заедино, какъ имъ св. Софія и Великому Новгороду пригородовъ и волостей поискать[1]). И били челомъ владыкѣ посадники, и бояре, и дѣти боярскіе, и житейскіе люди, и купцы, и всѣ вои новгородскіе, и говорили: «Благослови, господинъ владыко, поискать намъ св. Софіи пригородовъ и волостей, *да или найдемъ свою отчину къ св. Софіи и къ Великому Новгороду, или головы свои положимъ за св. Софію и за Великій Новгородъ* [2]). И собрался весь Великій Новгородъ, отъ мала и до велика, отъ богатыхъ, убогихъ и нищихъ» — пошли отмстить за свои волости и, на этотъ разъ, еще спасли на недолгое время волости и пригороды св. Софіи и Великаго Новгорода отъ московской централизаціи. А разсказъ псковскаго лѣтописца «О псковскомъ взятіи, како взялъ его великій князь Василій Ивановичъ» дышитъ самымъ сильнымъ, энергическимъ чувствомъ областной гражданской свободы и самобытности. Сначала онъ вспоминаетъ минувшую общинно-вѣчевую свободу псковской области: «отъ начала русской земли симъ городомъ Псковомъ никто изъ русскихъ князей не владѣлъ, но на своей волѣ жили обитавшіе въ немъ люди. Прежнія удѣльныя княжества взялъ князь великій московскій подъ свою область ратью, не въ одно время, но порознь, какъ лѣтописная книга пишетъ: сперва суздальскаго князя Симеона покорилъ себѣ, потомъ Новгородъ, потомъ Тверь взялъ и прочія области. Псковъ городъ твердъ стѣнами, а потому не нашелъ на нихъ (псковитянъ) ратью, боялся,

---

[1]) Населеніе тверской области, кромѣ ростовско-суздальскаго, новгородскаго и чудско-карельскаго элемента, заключало въ себѣ еще примѣсь литовско-русскаго: были цѣлыя селенія, населенныя литовцами. Въ славяно-русскомъ населеніи рязанской земли была примѣсь элементовъ татарскаго, мещерскаго и мордовскаго. То и другое населеніе отличалось большею, противъ москвичей, свободою духа.

[2]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что полный демократическій составъ древняго новгородскаго вѣча точнѣе, чѣмъ въ вышеприведенной нами формулѣ, опредѣляется такъ: „посадникъ степенный Вел. Новгорода и старые посадники, тысяцкой-степенный и старые тысяцкіе, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, и весь Великій Новгородъ, вольные мужи".

чтобъ не отступили въ Литву, и потому *льстилъ имъ лукавствомъ злымъ,* и миръ держалъ съ псковичами, и псковичи крестъ ему цѣловали. Князь же великій посылалъ къ нимъ князей своихъ, *по ихъ прошенію: кого восхотятъ, того и пошлетъ.* И когда посылалъ своихъ намѣстниковъ въ Псковъ по своей волѣ, кого захочетъ, а не по ихъ волѣ, и тѣ намѣстники насиловали, и грабили, и предавали ихъ поклепами и судами неправедными. А жители города Пскова и пригородовъ посылали къ великому князю посадниковъ своихъ жаловаться на намѣстниковъ. И такъ было много разъ». Потомъ лѣтописецъ въ слѣдующихъ энергическихъ словахъ разсказываетъ о взятіи Пскова: «Пріѣхалъ въ Псковъ Великій князь Василій Ивановичъ и обычай псковскій перемѣнилъ, и старину нарушилъ, забывъ слова и жалованья и крестныя цѣлованья къ псковичамъ отца своего и дѣдовъ, да уставилъ свои обычаи и пошлины. Отчины отнялъ у псковичей, и два намѣстника уставилъ и дьяка Мисюря, и 300 семей псковичъ въ Москву свелъ, и въ то мѣсто привелъ своихъ людей, да изъ стараго застѣнья вывелъ псковичей, да тутъ велѣлъ жить приведеннымъ гостямъ, а въ застѣньѣ было 6,500 дворовъ. И былъ въ Псковѣ плачъ и скорбь великая, разлученья ради. Да и въ Новгородѣ изымалъ и засадилъ жалобщиковъ 300 человѣкъ псковичей же. А все писалъ Пскову мягко: «я-де и князь великій Василій Ивановичъ отчину свою хочу жаловать по старинѣ, а хочу только побывать у св. Троицы, управу вамъ хочу учинить». А все то за наше согрѣшенье, такъ Богъ повелѣлъ быть. Вотъ и Христосъ въ Евангеліи сказалъ: да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ, ни въ субботу. Вотъ уже пришла на насъ зима. Ибо это царство расширится, и злодѣйства умножатся. Охъ! Увы!... Вотъ спустили вѣчевой колоколъ, и начали псковичи, на колоколъ смотря, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ. И тогда отнялась слава псковская, и былъ онъ плѣненъ не иновѣрными, а своими единовѣрными людьми. И кто объ этомъ не восплачетъ и не возрыдаетъ? О, славнѣйшій городъ Псковъ Великій! почто сѣтуешь и плачешь? И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи? *Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, исполненный крылъ, львовыхъ ногтей,* и взялъ отъ меня три кедра ливанова, и красоту мою и богатство и чадъ моихъ восхитилъ... И землю нашу опустошили, и городъ нашъ разорили, и людей моихъ плѣнили, и торжища мои раскопали, а иныя торжища конскимъ каломъ заметали, и отцевъ и братій нашихъ развели», и проч.

Съ такимъ воплемъ, съ такой упорной борьбой подчинялись иныя великорусскія области московскому государству. Только вѣковая взаимная разрозненность ихъ при изстаринномъ и постоянномъ стремленіи къ особному, мѣстному земскому самоустройству, племенной антагонизмъ во многихъ областяхъ, при разнообразной этнографической составности ихъ, разновременность, разъединенность, поодиночность ихъ борьбы съ Москвой— вотъ главныя внутреннія причины, почему области не выдержали вѣковой борьбы съ московской централизаціей и не отстояли своей самобытности. Съ другой стороны, постепенная и энергическая централизаціонная политика московскихъ князей, безпощадное употребленіе силы, постепенное

скопленіе, отбираніе изъ областей въ руки московскихъ князей большихъ матеріальныхъ средствъ, фаворитство и содѣйствіе орды, наконецъ сильное нравственно-соединительное и колонизаціонно-географическое централизаціонное содѣйствіе московскимъ князьямъ (за вотчины и льготы) московской іерархіи и всѣхъ московскихъ, подмосковныхъ, приволжскихъ и заволжскихъ монастырей во всѣхъ областяхъ волжско-камской системы— вотъ главныя внѣшнія причины, почему великорусскія области побѣдоносно были завоеваны и присоединены великими князьями и царями къ московскому государству. И вотъ, съ тѣхъ поръ въ титулѣ царскомъ выразилось символически торжество централизаціи надъ вѣковою земскою самобытностью и самоуправленіемъ отдѣльныхъ областей. Народная лѣтопись отмѣтила первоначальное происхожденіе областныхъ титлъ царя, какъ фактъ, существенно-ощутительный и знаменательный для областной жизни. Въ одномъ рукописномъ хронографѣ, за сообщеніе котораго считаю долгомъ изъявить благодарность В. И. Григоровичу, читаемъ: «Великій государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ (отецъ Грознаго) повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ посольскихъ грамотахъ и *въ исторіяхъ*; а званіемъ симъ, *таковымъ самодержательствомъ никто отъ роду не писался, какъ сей самодержецъ*. Титла же его *областныя* такія: Божіею милостію, царь и великій князь Василій Іоанновичъ владимірскій, московскій, новгородскій и псковскій, казанскій, государь тверской и ростовскій, ярославской и вологодской, пермской и вятской, черниговской и рязанской, и прочая».

Такимъ образомъ, всѣ великорусскія области, мало-по-малу, были собраны, централизованы въ одно московское государство. Но понятно, что послѣ вѣковой привычки областныхъ общинъ къ земской особности, самобытности, къ земскому самоустройству и самоуправленію, послѣ вѣковой ожесточенной борьбы съ московской гегемоніей, не скоро могло погаснуть въ областныхъ массахъ средневѣковое стремленіе къ земской, территоріальной особности, къ быту *на всей своей волѣ и по старинѣ*, не скоро могла возникнуть, развиться и окрѣпнуть внутренняя органическая связь областей съ Москвою. Такъ, дѣйствительно, и было. И въ давно присоединенныхъ къ Москвѣ удѣльныхъ областяхъ не скоро единодержавіе московскихъ царей укоренилось прочно, спокойно, не вдругъ примирилось съ духомъ удѣльнымъ, областнымъ. Его то-и-дѣло колебали въ областяхъ разные «безлѣпичные рѣчи и слухи». Оно было опасливо, подозрительно. Въ XVI вѣкѣ часто шли дѣла и распросныя рѣчи на-счетъ безлѣпичныхъ рѣчей про государя. Въ то время, какъ великій князь Василій Ивановичъ мало-по-малу старыхъ удѣльныхъ князей «слугъ своихъ поукрѣпляетъ себѣ гораздо» и первый принимаетъ *областныя титла самодержца*, въ то время и отживающій удѣльный князь еще съ злобой говоритъ: «любо великаго князя Василія Ивановича уморю, или самъ отъ государя за то въ гнѣву буду, а одному-де и тому быти ужъ такъ». Удѣльность не выходила изъ головы московскихъ вельможъ и бояръ, потомковъ удѣльныхъ князей, до конца смутнаго времени.

Въ самихъ областныхъ массахъ, особенно въ областяхъ сѣверо-поморской, полярно-балтійской системы, новгородской колонизаціонной се-

дераціи, видимъ внутренній разладъ съ Москвой. На первой же порѣ, всякій актъ, всякое тягло, всякое учрежденіе московскаго, центральнаго правительства встрѣчали въ областныхъ массахъ народныхъ протестъ, сопротивленіе и даже открытую оппозицію. Напримѣръ, по старой привычкѣ къ свободной земской локализаціи и особности, областныя общины постоянно протестовали противъ приказной административно-финансовой писцовой приписи или отписи своихъ земель, когда она нарушала ихъ естественное, географическое положеніе, напримѣръ, не по землѣ и не по водѣ приписывала одну общину къ другой, когда между ними *земля и вода были въ раздѣлѣ* и они изстари *считались съ своими волостями особно, опроче*. Изстаринная привычка областныхъ общинъ къ самоуправленію такъ была живуча, что онѣ, при первомъ же усиленіи правительственнаго начала въ областяхъ, обнаружили открытую оппозицію противъ приказнаго областного начальства и приказно-правительственнаго элемента и живое стремленіе къ самоуправленію. Это особенно обнаружилось въ областяхъ полярно-балтійской, новгородской федераціи, гдѣ болѣе былъ развитъ и живучъ псковско-новгородскій духъ общиннаго самоуправленія. Псковичи первые, почти тотчасъ же по уничтоженіи у нихъ вѣча, вытребовали себѣ право общиннаго самораспоряженія и самосуда по дѣламъ душегубнымъ, татинымъ и разбойнымъ. При Грозномъ вытребовали себѣ излюбленнаго выборнаго самоуправленія: нѣсколько сельскихъ общинъ Бѣлозерскаго уѣзда, въ 1549 году, Важская Земля въ 1552 году, посадъ или слобода переяславскихъ рыболововъ въ 1555 году, Усецкія и Заецкія волости Устюжскаго уѣзда въ томъ же году, Двинская Земля въ 1556 году. Въ общинно-областныхъ челобитныхъ своихъ, областныя общины единогласно изображали въ самыхъ мрачныхъ чертахъ царскихъ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, высказали противъ нихъ свою оппозицію, доходившую до безпощаднаго убійства ихъ, и просили у царя права «отставить намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ и на мѣсто ихъ выбрать самимъ изъ своихъ посадскихъ и волостныхъ лучшихъ людей старостъ и головъ, *кого они межъ себя излюбятъ и выберутъ*». Царь Иванъ Грозный безпрекословно уступалъ такое право самоуправленія областнымъ общинамъ. По поводу постоянныхъ жалобъ областныхъ общинъ, городскихъ и волостныхъ вмѣстѣ, на намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ, онъ издалъ даже уставную грамоту о повсемѣстной замѣнѣ приказно-правительственнаго областнаго управленія общиннымъ, земскимъ выборнымъ «излюбленнымъ» самоуправленіемъ. Въ этой грамотѣ, какъ бы давая отчетъ всему областному земству, онъ писалъ: «что напередъ сего, мы жаловали бояръ, князей и дѣтей боярскихъ, города и волости давали имъ въ кормленіе, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованья указу, причиняютъ имъ продажя и убытки большіе; а отъ намѣстниковъ и волостелей и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ много докуки и челобитья, что посадскіе и волостные люди имъ подъ судъ и на поруки не даются, бьютъ ихъ, и оттого между ними поклепы и тяжбы большія... И мы, жалуя крестьянство, намѣстниковъ, волостелей и правет-

чиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили. А для того, чтобы крестьянству продажъ и убытковъ не было, и намъ бы отъ посадскихъ и волостныхъ людей челобитья и докуки не было на намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ, мы велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею». Такъ живучъ, силенъ, неугомоненъ былъ въ областныхъ общинахъ духъ протестаціи своенравной требовательности, духъ антагонизма, оппозиціи противъ приказно-московской системы областнаго управленія, что онѣ самоуправно не давались подъ судъ царскимъ намѣстникамъ, волостелямъ и тіунамъ, безпощадно били ихъ, и своими *безпрестанными докуками* самого Грознаго царя вынуждали отвязываться отъ нихъ, дѣлать имъ полныя уступки. Кромѣ того, въ Псковѣ и Новгородѣ еще такъ былъ живучъ старый духъ вѣчевой вольности, что не только въ XVI, но и въ XVII вѣкѣ въ нихъ долго не проходило «старое дурно», какъ выражались намѣстники.

Между тѣмъ, московское государство еще завоевывало новыя области. Во второй половинѣ XVI столѣтія къ нему силой присоединены были обширнѣйшія иноплеменныя земли: Царство Казанское, Царство Астраханское, Царство Сибирское, населенныя преимущественно тюрко-татарскими, монгольскими и, отчасти, финскими племенами. Народонаселенія въ Россіи было такъ мало (не болѣе 10 мильоновъ), что новозавоеванныя царства нѣкѣмъ было заселять, и славяно-русская колонизація ихъ въ XVI и XVII вѣкахъ была самая слабая, незначительная. Иноплеменныя народности, особенно татарскія племена Казанскаго и Астраханскаго Царствъ, не могли забыть временъ Золотой Орды и недавней политико-географической особности и совершенной національной самобытности своего татарскаго царства, готовы были возстать противъ московскаго правительства и русской народности при первомъ удобномъ случаѣ. Не даромъ московскіе цари сводили татарскихъ и сибирскихъ царевичей въ Москву, татарскихъ и мещерскихъ князей, мурзъ, сейтовъ, улановъ и новокрещеновъ испомѣщали вдали отъ Казанскаго Царства, въ новгородской землѣ. Равнымъ образомъ, они, по необходимости, должны были колонизовать юго-восточный край стрѣльцами, пушкарями и затинщиками, и обводить засѣками, острогами, военно-стратегическими сторожевыми линіями. И не только въ Казанскомъ Царствѣ, но и въ Пермской Землѣ инородцы, движимые духомъ недовольства русскимъ правительствомъ, тяготившіеся русской колонизаціей, выходили изъ повиновенія, возмущались противъ русскаго правительства и противъ русскихъ колоній. Во второй половинѣ XVI вѣка разные юго-восточные инородцы — черемисы, остяки, вотяки, вогуличи и ногаи еще слишкомъ были некрѣпки московскому государству, то-и-дѣло бунтовали и нападали на новоустроенныя русс[illegible]я колоніи. Царь Грозный велитъ поселенцамъ пограничныхъ областей «ж[illegible]ь съ великимъ береженьемъ, бережно и усторожливо». Въ 1572 году че[illegible]мисы, остяки, башкирцы и буинды приходили войною на Каму и поб[illegible]и пермичей, торговыхъ людей и ватащиковъ. Чусовскіе вогуличи мѣш[illegible]и Строгановымъ распространять колоніи по р. Чусовой. Въ 1580 г. они [illegible]

ходили съ пелымскимъ княземъ войною на ихъ поселенія и остроги, «жгли и повоевали слободки и деревни на Колинѣ, а крестьянъ съ женами и дѣтьми въ полонъ поймали». По собственнымъ словамъ царя Ивана Грознаго: «черемиса, остяки, вотяки и ногаи ему измѣнили, отъ него отложились». Онъ опасался даже измѣны со стороны Строгановыхъ, знаменитыхъ колонизаторовъ пермской, пріуральской земли, подозрѣвалъ ихъ въ замыслѣ воспользоваться измѣной инородцевъ и «задоромъ сибирскаго султана для отдѣленія отъ московскаго государства пермской земли». «Сентября въ 1 день 1580 года (писалъ Грозный Строгановымъ), собрався Пелынскій князь съ сибирскими людьми и съ Вогуличами, проходилъ войною на наши пермскія мѣста, и къ городу Чердыни и къ острогу приступалъ, и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людямъ починили, и то сдѣлалось вашею измѣною: вы Вогуличь и Вотяковъ и Пелынцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ сибирскимъ салтаномъ ссорили насъ, а волжскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ, наняли въ свои остроги безъ нашего указу; а тѣ атаманы и казаки прежъ того ссорили насъ съ ногайскою ордою», и проч. Однимъ словомъ, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка между юго-восточными инородцами, по словамъ актовъ, была *шатость великая*.

Такимъ образомъ, связь старыхъ и новыхъ великорусскихъ областей съ московскимъ государствомъ долго оставалась ненадежною, *чистовнѣшнею*. При первомъ удобномъ случаѣ, она могла порваться, и области разрозниться. Поводъ этотъ и представился, когда въ московскомъ государ ствѣ прекратились Рюрикова династія «собирателей русской земли»—въ Москвѣ не стало царя. И вотъ въ смутное время произошла *рознь* всѣхъ областей. Не вдаваясь въ описаніе всѣхъ событій смутнаго времени, мы въ слѣдующей статьѣ изобразимъ только эту рознь великорусскихъ областныхъ общинъ.

II

Было страшное время для Россіи въ 1603 году. Казалось, сама природа напередъ пророчила что-то печальное, бѣдственное для народа. За годъ передъ смутнымъ временемъ, въ одной Москвѣ погребено было болѣе 500,000 человѣкъ, погибшихъ отъ страшнаго голода и мора. Люди, терзаемые голодомъ, валяясь на улицахъ, подобно скотинѣ, лѣтомъ щипали траву, а зимой ѣли сѣно. Отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей, дѣти—своихъ родителей, хозяева—гостей; мясо человѣческое продавалось на рынкахъ за говяжье; путешественники страшились останавливаться въ гостиницахъ. Они видѣли въ Москвѣ бѣдныхъ, истомленныхъ голодомъ женщинъ, которыя, проходя по улицѣ, схватывали зубами собственныхъ дѣтей, бывшихъ у нихъ на рукахъ, и пожирали. Народъ едва силою могъ отнять младенцевъ и спасти [1]). Еще не успѣли убрать съ улицъ

[1]) Сказанія эти заимствуемъ у иностранныхъ писателей—Петрея, Буссова и др. Въ нихъ, конечно, есть преувеличеніе.

всѣхъ труповъ человѣческихъ, какъ начались страшныя знаменія, явленія. По ночамъ видѣли огненные столбы на небѣ, которые свѣтили подобно мѣсяцу и, сталкиваясь другъ-съ-другомъ, представляли сраженіе войскъ. Иногда, казалось, всходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ. Выли страшныя бури и низвергали городскія башни и колокольни. Женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ. Рыбы исчезали въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ. Волки и псы страшно выли въ той сторонѣ, которая примыкала къ Москвѣ съ запада, и стадами рыскали по полямъ, такъ что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ самой Москвѣ появилось безчисленное множество лисицъ, такъ что ихъ руками ловили, и никто не могъ придумать, откуда онѣ брались. Люди находились въ страшномъ смущеніи. Въ 1604 году, во второе воскресенье послѣ Троицы, въ самый полдень, явилась на небѣ комета. Народъ смотрѣлъ на нее съ ужасомъ. Царь Борисъ Годуновъ, смущенный явленіемъ кометы, призвалъ къ себѣ одного старика, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшаго изъ Германіи, и спрашивалъ: «къ-чему явилась новая звѣзда?»—«Богъ посылаетъ такія знаменія (отвѣчалъ старикъ) въ предостереженіе великихъ государей: тамъ, гдѣ эти знаменія случаются, обыкновенно бываютъ великіе перевороты». Потомъ старикъ, вздохнувъ, пророчески сказалъ царю: «тебѣ грозитъ великая опасность». Зловѣщія слова его сбылись. Въ сентябрѣ того же года собралось на русской границѣ до 6,000 казаковъ. Съ ними быстро, стремительно подвигался къ Москвѣ первый самозванецъ; городъ за городомъ ему сдавался. Годунову все измѣняло: пораженный отчаяніемъ, Борисъ 13 апрѣля 1605 года скончался. Пронесся слухъ, будто онъ принялъ яду.

Въ маѣ и въ началѣ іюня, въ Москвѣ все было страшно-тревожно, безпокойно. Всѣ ждали чего-то необычайнаго, переворота ужаснаго. Старики говорили, что не къ добру явилась еще въ прошломъ году яркая комета, въ полдень, во второе воскресенье послѣ Троицы. Страшные вихри и бури, поднимаясь по-временамъ, сламывали крыши у домовъ и куполы у колоколенъ. Народъ говорилъ: «быть бѣдѣ!» Въ домахъ бояръ, *чиноначальниковъ*, что-то было особенно таинственно, молчаливо, загадочно. Въ Москвѣ начиналось уже смятеніе. Народъ замутился отъ пронесшагося по всей Россіи слуха, будто царевичъ Дмитрій Углицкій живъ и идетъ изъ Польши въ Москву. Доносили уже, что въ отдаленныхъ сѣверскихъ областяхъ разсылаются грамоты царевича, въ которыхъ онъ обѣщается быть въ Москвѣ «какъ на деревѣ станетъ листъ разлистываться». Надъ Москвой повисла грозная туча.

Въ это время, въ царскихъ дворцовыхъ палатахъ, въ одномъ верхнемъ отдаленномъ теремѣ, не разъ показывалась у косящатаго окна молодая [illegible] ревна страшно-печальная. Ей было не болѣе 16 лѣтъ. Росту она бы[illegible] средняго. Черты лица чрезвычайно красивыя, выразительныя. Возвышенн[illegible] лобъ выражалъ природныя умственныя дарованія. Черные, довольно больш[illegible] выразительные глаза, пріятно окаймленные черными бровями, по отзы[illegible] современниковъ, какъ-бы блистали ясностію, свѣтлостію природнаго ум[illegible] Густые, черные волосы кудрявыми прядями волновались по плечам[illegible]

Вообще вся организація ея физіономіи и стана была стройна и гармонична. Дѣвица была блѣдна, и на лицѣ ея выражалась глубокая грусть, тоска. Тò была царевна Ксенія Борисовна, прелестная дочь Годунова. Бурныя волны смутнаго времени, забушевавшія уже съ 1605 г. и сломившія крѣпкую, могучую натуру отца прекрасной Ксеніи, готовы были унести и ее, «непорочную агницу», какъ называли ее современники. Послѣ смерти отца, грустная дума постоянно навѣвала на грудь Ксеніи какую-то мрачную печаль. А тутъ, зловѣщее предчувствіе особенно крушило ея нѣжное, воспріимчивое, обильное чувствительностью сердце. Передъ воображеніемъ ея предносился зловѣщій мрачный образъ *Ростриги* и темной кельи. Все существо ея содрогалось. На этотъ разъ она не могла даже стоять у окна и ходить по терему, сѣла у стола, гдѣ лежали ноты духовныхъ стиховъ, которые она обыкновенно любила пѣть. Тутъ и стихъ духовный ей не пѣлся, не утѣшалъ ея впечатлительной, воспріимчивой души. Она сама теперь была вся воодушевлена элегической настроенностью. Сердце ея уже переполнилось грусти, и живыя струи заунывной, плачевной пѣсни просились къ изліянію. На глазахъ ея блеснула слеза. Кто изъ современниковъ видѣлъ ее когда-либо плачущею, тому она въ это время казалась неземной красоты. «Когда въ жалости слезы изъ очей испущала (говоритъ одинъ современникъ), тогда она особенно чудною блистала свѣтлостью». Такою она была и теперь. Вотъ заунывная, жалобная пѣсня, въ которой изливалась грусть Ксеніи по отцѣ и мрачное предчувствіе злой судьбы отъ самозванца:

Сплачется мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои малыя дѣти побити,
Меня пелепелку поймати.
Сплачется на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова.
Охти мнѣ молоды горевати!
Что идетъ къ Москвѣ измѣнникъ
Ино Гриша Отрепьевъ рострига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Чернеческой чинъ наложити.
А мнѣ постритчися не хочетъ,
Чернеческаго чина не сдержати;
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити.
Ино, охъ, милыи наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ свѣта Бориса Годунова!
Ахъ милыи наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова.

Въ то время, когда въ царскихъ дворцовыхъ палатахъ происходила такая трагическая сцена, на улицахъ Москвы начинались ужъ народныя движенія смутнаго времени—начиналась *игра царемъ*. Москвичи ждали перваго самозванца. Буйная толпа вторглась въ палаты царскія; по приказанію самозванца, все семейство Бориса Годунова отведено было въ прежній боярскій домъ его. Прекрасный, умный сынъ Годунова, Θедоръ Борисовичъ, только-что вступившій на престолъ и подававшій большія надежды, былъ безчеловѣчно умерщвленъ вмѣстѣ съ матерью, а Ксенія сохранена до прибытія... самозванца въ жертву его любострастію и потомъ для заключенія въ темной келіи. Вотъ и онъ—Лжедимитрій I, торжественно вступаетъ въ Москву. Какъ только въѣхалъ онъ на площадь черезъ Московскій мостъ и Водяныя Ворота, поднялся такой страшный вихрь, что всадники и кони едва не попадали; пыль взвилась столбомъ и всѣхъ ослѣпила. Москвичи перепугались и, сотворивъ крестное знаменіе, говорили другъ другу: «Господи, спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію...»

И точно, бѣда для московскаго государства была неминуема: смуты росли и росли. Не къ добру что-то удалые добрые молодцы, стрѣльцы и казаки, давно уже, съ самаго начала весны, рвались на весновую службу, на широкую Волгу. Давно въ Москвѣ раздавалась пѣсня:

Бережечекъ зыблетца
Да песочекъ сыплетца,
Ледочикъ ломитца,
Добры кони тонутъ,
Молодцы томятся.
Ино Боже, Боже,
Сотвори же, Боже,
Весновую службу.
Не давай ты, Боже,
Зимовыя службы:
Зимовая служба —
Молодцамъ кручинно,
Да сердцу надсадно.
Ино дай же, Боже,
Весновую службу;
Весновая служба —
Молодцамъ веселье,
Сердцу утѣха.
И емлите, братцы,
Яровы весельца,
А садимся, братцы,
Въ ветляны стружечки,
Да грѣнемъ же, братцы,
Въ яровы весельца!

На Волгѣ ужъ собирались демократическіе борцы—казаки; готовы бы[illegible] замутиться и юго-восточные инородцы, какъ въ самой Москвѣ вспыхну[illegible] мятежъ. Москвичи скоро не взлюбили самозванца за его пристрастіе [illegible] полякамъ, къ католицизму и иноземнымъ обычаямъ вообще—пристраст[illegible] преувеличенное недовольными, во главѣ которыхъ стоялъ князь Васил[illegible] Шуйскій. Пѣсня народная отмѣтила эту нелюбовь къ самозванцу:

Владыко Царю Вседержителю!
Да за что ты на насъ, Господи, прогнѣвился?
Послалъ намъ, Господи, прелестника,
Тово ли Гришку Отрепьева!
Онъ прельстилъ, собака, цѣлы три орды:
Перва ȯрда — проклята Литва,
А друга ȯрда — хана крымскова,
Третья ȯрда — басурманы запорожскіе.
Онъ взмутилъ, собака, православну Русь:
Не успѣлъ онъ, собака, воцаритися,
Захотѣлъ собака женитися;
Не у насъ-то онъ, братцы, беретъ въ каменной Москвѣ,
Онъ беретъ же, братцы, въ проклятой Литвѣ,
У тово ли у Юрія пана Сендофорсково,
Ту ли Маринку дочь Юрову.
Онъ и дѣлатъ свадьбу не въ удобной день —
На тотъ ли на праздникъ на Николинъ день.
Всѣ князья, бояре къ заутрени пошли,
А Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;
Всѣ князья, бояря отъ заутрени идутъ,
А Гришка съ Маринкой изъ бани идетъ.
На Гришкѣ одежа чернова соболя,
На Маринкѣ одежа рытово бархата.
Онъ восходитъ, собака, на красенъ крылецъ,
Онъ вскрикнетъ, собака, громкимъ голосомъ:
Ишша если у меня кухури и повары?
Стряпали бы постно и скоромное;
Пріѣдетъ ко мнѣ незваной гость,
Незваной гость любимой тесть.
Всѣ князья и бояре испужалиса,
Во чудовъ монастырь побросалиса
Къ той ли нашой государынѣ:
Ужь ты, матушка наша государыня,
Православная Олена Михайловна!
Твой-атъ сынъ на царство сѣлъ,
А ведетъ сея не по царскому.
Тутъ заплакала государыня горючи слезы:
Ужь вы, глупые бояря неразумные,
Мой-атъ сынъ на Угличѣ убитъ:
Лежатъ ево мошши въ каменной Москвѣ,
Въ тѣмъ ли соборѣ Михаила Арханьела.

17 мая 1606 г. вспыхнулъ сильный народный мятежъ въ Москвѣ, и самозванецъ, черезъ 11 мѣсяцевъ своего царствованія, лишился и короны и жизни. Вмѣсто него, *помимо земскаго собора*, провозглашенъ былъ царемъ Шуйскій—и съ этой-то минуты собственно настало во всемъ разгарѣ смутное время.

Извѣстно, что на смутное время у насъ историки смотрѣли различно. Карамзинъ краснорѣчиво разсказалъ трагедію самозванства и междуцарствія. Г. Устряловъ съ приторнымъ патріотизмомъ изображалъ торжество православія и единодержавія, и восхищался мнимою, корыстною любовью народа къ царю. Г. Соловьевъ систематически слѣдитъ въ смутное время

окончательную борьбу государственнаго наряда съ родовымъ, противо-государственнымъ началомъ, выставляетъ на первомъ планѣ торжество государственной централизаціи надъ родовою Русью и спасеніе, очищеніе московскаго государства, во имя православія. Не знаю, какъ смотрятъ на смутное время гг. Костомаровъ и Погодинъ. Осмѣливаюсь выразить свой взглядъ на это замѣчательное въ исторіи великорусскихъ областей время. Я смотрю на него какъ на раздѣлительную грань между древней особно-областной и новой соединенно-областной, централизаціонной Россіей. Въ смутное время, областность, разнообразная областная жизнь народа, еще разъ выразила реакцію противъ централизаціи; еще разъ вскрылась, обнаружилась старая, естественно-историческая особность, рознь областныхъ общинъ. Обнаружилась рознь этнографическая: возстали и забунтовали области инородческія, юго-восточныя—поднялись татары, чуваши, черемисы и другіе инородцы. Обнаружилась рознь юридическая: во всѣхъ областяхъ открылось мѣстное народосовѣтіе, открылись разрозненные областные *земскіе совѣты*. Обнаружилась рознь моральная, нравственная: области были недовѣрчивы одна къ другой, долго не давали одна другой помощи; жители одной области порицали, упрекали, бранили жителей другой. Наконецъ, обнаружилась и рознь земская, географическая: обозначилась территоріальная, колонизаціонная особность областей. Словомъ, смутное время, какъ нельзя болѣе, характеристично названо въ актахъ историческихъ самими современниками: *рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго московскаго царствія*.

Ближайшимъ мотивомъ къ мятежу и разрозненію областныхъ общинъ была недовѣрчивость ихъ къ Москвѣ и ненависть къ боярской олигархіи. Областныя общины протестовали противъ исключительныхъ указовъ Москвы и противъ исключительныхъ притязаній боярства. Народъ, жившій въ разныхъ областяхъ, разрознился, забунтовалъ, потому что Шуйскаго избрали царемъ одною Москвою, безъ совѣта съ прочими областными городами. Въ этомъ состояла сущность главнаго спора областнаго народа съ московскими приверженцами централизаціи. Областныя общины стояли за свое земское право участія въ устройствѣ правленія и въ выборѣ царя, потому что это дѣло касалось интересовъ всего земства и всѣхъ областныхъ общинъ, а не одной Москвы и не однихъ московскихъ бояръ. Главнымъ образомъ духовенство, этотъ исконный, часто льстивый другъ византійскаго единодержавія, духовенство поддерживало принципъ московской централизаціи и, во имя византійской апотеозы самодержавія, обличало народное возстаніе противъ царя Шуйскаго. «На царя-то возстаніе таково было (взывалъ патріархъ Гермогенъ ко всему русскому народу, увѣщевая его присягнуть царю Шуйскому): начали читать грамоту, писанную *ко всему міру* изъ литовскихъ полковъ *отъ русскихъ людей*: *князя-де Василія Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а другіе-де города того не вѣдаютъ*, и князь Василій-де Шуйскій *намъ на царствѣ не любъ*. И мы (Гермогенъ) противъ того имъ говорили: *дотолѣ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни которые городи не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ*». Итакъ, отсюда ясно, что въ смутное время

былъ вопросъ и шла рѣчь о равенствѣ земскихъ избирательныхъ правъ всѣхъ областныхъ городовъ съ Москвой, о правѣ контроля областныхъ городовъ указамъ Москвы, что отвергали приверженцы московской централизаціи.

Сколько ни стояли приверженцы московскаго «собиранія русской земли» за первопрестольное право и значеніе Москвы, имъ ужъ не утушить было вспыхнувшей розни областей. Какъ причины розни заключались въ самой историко-этнографической организаціи областныхъ общинъ, такъ и начала ихъ новаго возсоединенія должны были органически развиться извнутри ихъ самихъ, а не по указу Москвы. И этотъ тяжелый, болѣзненный процессъ новой конфедераціи не могъ совершиться дотолѣ, пока въ организаціи и взаимнодѣйствіи различныхъ областныхъ общинъ не улягутся, не успокоятся всѣ разрознившіеся областные элементы розни и борьбы. А этихъ началъ розни было слишкомъ много. Старая, особно-областная Русь еще разъ заявила борьбу съ новою централизаціонною Россіею. Для насъ не важенъ исходъ этой борьбы, не важно то, что областныя общины снова соединились съ Москвой. Но для насъ важенъ самый фактъ разрозненія областей. Многозначительно то, что областныя общины, и въ эпоху централизаціи, громко заявили права своей самобытности, внутренней самоопредѣляемости и самодѣятельности. Грубо, дико, бурно, хаотически сказался въ смутное время областной элементъ—но сказался, заявилъ свое историческое значеніе и въ новой государственно-союзной Россіи. Посмотримъ, какъ онъ проявился въ смутное время.

Въ первой четверти XVII в., въ Москвѣ сложилась и пѣлась такая пѣсня, записанная въ путевыхъ запискахъ англичанина Джемса въ 1619 году:

«А не сильная туча затучилася; а не сильніи громы грянули: куда ѣдетъ собака крымской царь? А ко сильному царству московскому. А нынѣча мы поѣдемъ къ каменной Москвѣ, а назадъ мы пойдемъ, Рѣзань возьмемъ. А какъ будутъ они у Оки-рѣки, а тутъ они станутъ бѣлы шатры разставливать. А думайте вы думу съ цѣла ума: кому *у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ*, а кому *у насъ въ Володимерѣ*, а кому *у насъ сидѣть въ Суздалѣ*, а кому *у насъ держать Рѣзань старая*, а кому у насъ въ *Звѣнигородѣ*, а кому у насъ сидѣть въ *Новѣ-Городѣ*. Выходитъ Диви-Мурзы сынъ Улановичъ. А еси государь нашъ крымской царь! А тебѣ, государь, у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ, а сыну твоему въ Володимерѣ, а племяннику твоему въ Суздалѣ, а сродичу въ Звѣнигородѣ, а боярину конюшему держать Рѣзань старая, а меня государь пожалуй Новымъ-Городомъ: у меня лежатъ тамъ свѣтъ добры дни батюшко Диви-Мурза сынъ Улановичъ».

Чрезвычайно-характеристично выразилась въ этой исторической пѣснѣ вспышка доселѣ скрытаго, но живучаго татарскаго антагонизма къ русской народности и старой татарской притязательности. Ясно выразилась также и старая удѣльно-областная рознь городовъ и народностей въ смутное время. Въ это время, не только обнаружилась старая земско-областная разрозненность прежнихъ главныхъ удѣльно-областныхъ горо-

довъ, но и татары еще разъ покушались снова раздѣлить велико-русскую землю на удѣлы, и между кѣмъ же? Между своими татарскими князьями—мурзами! Такъ татарское національное право еще сильно боролось съ славяно-русскимъ, московскимъ преобладаньемъ. При этой жизненности татарскаго элемента и непрочности федеративной связи юго-восточныхъ и сибирскихъ инородческихъ провинцій съ Москвой, понятно, почему въ смутное время зашевелились, забунтовали почти всѣ инородцы и юго-восточные, казанскіе и сибирскіе. Шерть или присяга, которую дали московскому царю инородцы казанскіе и сибирскіе, въ смутное время рушилась. «И тѣ люди (читаемъ въ актахъ историческихъ), которые въ московскомъ государствѣ, и татары, и черемисы, и ногаи, и чуваши, и вотяки, и мордва, и сибирцы, и остяки и многіе невѣрные народы и дальнія государства, которыя въ царской державѣ Василія Ивановича Шуйскаго, нынѣ, забывъ страхъ Божій, отложились, скопясь разбойнически, сговорясь съ ворами казаками, нашли на Рязанскую землю и на прочіе города». Въ Ярославской области возмутились переведенцы татары, насильно поселенные московскими царями въ Романовѣ. Солигаличане извѣщали тотмичей и устюжанъ: «черемисы у насъ луговой пришло въ Галичъ 5,000, а горная сбирается головами». На югѣ, въ казанскомъ краю, въ горной сторонѣ и въ понизовыхъ городахъ, возмутились горные чуваши, мордва и черемисы, а съ ними вмѣстѣ и всякіе сборные люди. *Черемисскіе городки отложились* отъ Москвы. Въ Козмодемьянскомъ, Санчурскомъ, Яранскомъ, Царевококшайскомъ, Чебоксарскомъ, словомъ, во всѣхъ уѣздахъ казанскихъ инородцы взбунтовались противъ русскаго господства и громили восточныя великорусскія области. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1609 г. луговые черемисы громили Вятскую область, распространяли въ ней между инородцами бунтовскіе листы, безпощадно воевали города и волости, оскверняли и разоряли церкви, обдирали окладные образа и колокола, мужчинъ били, а женъ и дѣтей позорили. Русскіе поселенцы восточныхъ областей были въ страшномъ смущеніи, то-и-дѣло ждали нападенія взбунтовавшихся инородцевъ. Между тѣмъ, инородцы все болѣе и болѣе скопляли силы для разгрома городовъ и волостей московскаго государства. Объ этомъ жители великорусскихъ восточныхъ областей съ тревожнымъ безпокойствомъ переписывались. Въ августѣ 1610 г. пермичи, по отпискѣ казанцевъ, писали къ вятчанамъ: «пришли-де на заставу въ Кушумору волость выходцы черемисы, а въ распросѣ имъ сказали: «собралось-де въ Санчурскомъ уѣздѣ въ Юшь-волости воровъ, санчурскихъ черемисъ, тысячи съ двѣ, а голова-де у нихъ черемисской сотникъ Юшской волости Елпай Токшейковъ; а въ Царевогородскомъ уѣздѣ, въ Хозяковой волости, собралось воровъ черемисъ царегородскихъ съ 1000 человѣкъ, а подъ воровскихъ казаковъ собрали 1000 подводъ; а изъ Козмодемьянскаго-де пришелъ черемисской сотникъ Ветлужской волости Аникѣй Кошаковъ, а съ нимъ козмодемьянскихъ черемисъ 700 человѣкъ, а сходиться-де сговорились всѣ воры въ Царевогородскомъ уѣздѣ въ Хозяковой волости, а на какія волости хотятъ идти, то невѣдомо; а скоро нужно ждать ихъ прихода на Вятскую Землю». За Ураломъ забунтовали сибирскіе инородцы: остяки и вогуличи отказа-

лись отъ шерти московскому царю Шуйскому; вогуличи замыслили возстановить сибирское царство Кучумово, а инородцы Восточной Сибири не хотѣли и знать, кто въ Москвѣ царемъ.

Такимъ образомъ, весь инородческій міръ въ смутное время находился въ хаотическомъ движеніи. Главной причиной возмущенія инородческихъ племенъ, кромѣ памяти о недавнемъ насильственномъ присоединеніи къ московскому государству, была тягость московскаго владычества. Правительство московское, какъ было сказано, насильно переводило татаръ и ихъ мурзъ на новыя поселенія, въ центральныя и сѣверныя области, обращало татаръ и черемисъ въ служилыхъ людей—въ *вожей*, пушкарей, затинщиковъ и т. п., неудовлетворительно испомѣщало ихъ за службу, отбирало татарскія, черемисскія и чувашскія земли, поселяло тамъ русскихъ воеводъ, стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, обременяло инородцевъ налогами, оброками и повинностями. Потомъ, царскіе воеводы, русскіе городовые служилые люди и русскіе вотчинники съ инородцами обращались большею частью безчеловѣчно; наконецъ, духовенство насильно обращало ихъ въ свою православную вѣру. Все это вооружало татаръ и черемисъ противъ московскаго правительства, противъ русскихъ пришельцевъ-колонистовъ и противъ сосѣднихъ великорусскихъ областей. Долго не умретъ въ инородцахъ этотъ національный антагонизмъ къ русскому господству. Онъ еще разъ отзовется въ XVII в. въ бунтѣ Стеньки Разина, въ XVIII в. въ бунтахъ башкирскихъ и въ движеніяхъ пугачевщины, когда въ духѣ инородцевъ подъ гнётомъ государственной силы, снова накипитъ чувство вражды къ русскому правительству и воспрянетъ духъ національной оппозиціи.

Между тѣмъ, какъ въ областяхъ юго-восточныхъ поднялись въ смутное время бунты инородческіе, что происходило въ самыхъ великорусскихъ провинціяхъ? Полная демократія и рознь! Передъ вами не рисуется теперь, на исторической сценѣ, на первомъ планѣ первопрестольная Москва со всѣмъ ея чиннымъ, чваннымъ, византійско-государственнымъ этикетомъ: передъ вами на первомъ планѣ являются дѣйствующими, въ разрозненной отдѣльности, однѣ областныя общины, сами между собой. Вы видите въ это время на сценѣ исторической дѣятельности пермяковъ, вятчанъ, устюжанъ, вологодцевъ, костромичей, ярославцевъ, рязанцевъ, Государство Владимірское, Государство Новгородское, Государство Псковское, польскихъ и литовскихъ людей, малороссійскихъ казаковъ—словомъ, всю земско-областную Русь. Не слышно царскихъ указовъ изъ Москвы — слышенъ только шумъ по областямъ, на площадяхъ главныхъ городовъ. Вся распорядительная власть теперь сосредоточивалась въ самыхъ областныхъ общинахъ. Онѣ ясно выражаютъ свое мѣстное *господство*, или автономію, и взаимное *братство*, или равенство. Онѣ сами пишутъ грамоты другъ другу, какъ равныя къ равнымъ, называя другъ друга *господами-братьями*.

Любопытное, характеристическое зрѣлище представляли великорусскія области въ эту эпоху разрозненности и самодѣятельности. Областныя массы народныя, послѣ развитія московской централизаціи, послѣ такъ-

называемаго собранія русской земли, никогда не проявили столько энергической, напряженной политической самодѣятельности, какъ въ смутное, безгосударное время. И было въ нихъ столько внутренняго моральнаго самообладанія и столько сознанія необходимости общественнаго порядка и устройства, что въ страшную эпоху всеобщей розни, шатости и разоренія, онѣ сами собой и въ самихъ себѣ нашли силы и средства взаимной, союзной политической дѣятельности. Многознаменательны въ исторіи нашихъ провинцій, въ лѣтописяхъ народной общинной думы и политической самодѣятельности областей, эти мѣстные *земскіе совѣты*, происходившіе въ смутное время, отъ 1606 по 1613 годъ. По всей великорусской землѣ, на площадяхъ главныхъ областныхъ городовъ, собирались земскіе люди, горожане и волостные крестьяне со всего уѣзда, *всею своею землею*, и думали думу земскую, объ интересахъ своей области. Повсюду гнались гонцы, шли ходоки и приставы съ областными отписками, съ вѣстью, что̀ гдѣ дѣлалось, что̀ думала и предпринимала та или другая область. Одна областная община, порѣшивъ на своемъ мѣстномъ земскомъ совѣтѣ, посылала отписку другой областной общинѣ—извѣщала о своемъ состояніи, о своихъ намѣреніяхъ, объ отпискахъ изъ другихъ областей, и спрашивала: «что̀ ваша мысль? хотите ли съ нами держать совѣтъ крѣпкой?» и т. п. Пріѣзжіе люди и гонцы привозили отвѣтныя отписки другихъ областныхъ общинъ, и отписки эти читались всенародно, на площади, гдѣ происходили земскіе совѣты. Выслушавъ вѣсти изъ какого-либо города, каждый областной земскій совѣтъ посылалъ объ нихъ отписку другой сосѣдней области, извѣщалъ *о здоровьѣ* жителей своей области, спрашивалъ у сосѣдней области совѣта: «что̀ ея мысль», или спрашивалъ о томъ, *за кѣмъ московское государство стоитъ*. И въ этомъ-то областномъ земскомъ народосовѣтіи сказались, во-первыхъ, полное равнодушіе, некрѣпость областей къ московскому государству; во-вторыхъ—рознь областей между собою.

Было уже около полутора столѣтія, какъ всѣ области собраны были въ одну державу. Не судомъ только, но и тяжкимъ тягломъ тянули онѣ къ Москвѣ въ эти полтора столѣтія—писцовыми приписями прикрѣплены были къ землѣ московскаго государства; воеводами и разными приказными государевыми людьми принуждаемы были служить царю московскому; приписаны были къ приказамъ московскимъ; словомъ, централизація всякими узами и тяглами стягивала области къ Москвѣ. Казалось бы, въ полтора столѣтія должна была окрѣпнуть связь областей съ Москвою; механическое, насильственное притяженіе ихъ къ Москвѣ должно было закрѣпиться тяжелыми оковами, цѣпями централизаціи. Не то было въ дѣйствительности. При появленіи первыхъ двухъ самозванцевъ, многія области отпали отъ московскаго государства, цѣловали крестъ самозванцу; другія оставались равнодушными, кто бы ни сидѣлъ тамъ на московском престолѣ. Внѣшнее собираніе областей, прикрѣпленіе ихъ къ Москвѣ пр рвалось, по недостатку внутренней органической связи съ нею и вслѣдстві вѣковаго стремленія областныхъ общинъ къ земскому самоустройству самоуправленію. Украйныя — сѣверскія, южныя и крайнія восточн области не признавали царемъ Шуйскаго, избраннаго одною Москво

Шуйскій прибѣгаетъ къ ласкательствамъ передъ народомъ, предоставляетъ областямъ право *«всѣмъ вмѣстѣ совѣтовать, смотря по тамошнему дѣлу»*, усиливается привлечь къ себѣ областныя общины «жалованнымъ словомъ» и обѣщаніемъ большихъ милостей и льготъ, *какъ имъ прежъ того и на умъ не всходило*, разсылаетъ похвальныя грамоты тѣмъ областямъ, которыя соглашались цѣловать крестъ ему. Въ грамотахъ этихъ истощается все краснорѣчіе для того, чтобы какъ можно трогательнѣе изобразить бѣды и опасности, какія угрожали русской землѣ, «крестьянской» вѣрѣ и домашнему семейному благосостоянію всѣхъ русскихъ людей отъ смутъ самозванства, отъ польскихъ, литовскихъ и всякихъ воровскихъ людей. «И вы бы (обращается онъ къ отпавшимъ отъ Москвы областнымъ общинамъ), и вы бы однолично, безъ всякаго сумнѣнія, собрались со всѣми людьми и шли къ намъ къ Москвѣ, и службу бы свою и радѣнье совершили; а мы васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ: васъ, помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ, пожалуемъ большою денежною и помѣстною придачею, велимъ васъ испомѣстить и наше жалованье дать; а васъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, пожалуемъ льготою на многія лѣта, торговать велимъ вамъ безпошлинно, и во всемъ велимъ васъ отарханить; да и сверхъ-того пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ, и всякія ваши разоренія и нужды велимъ пополнить и службу всѣхъ васъ учинимъ во вѣки памятну». Немногія областныя общины сдавались на эти льстивыя обѣщанія. Большая же часть преравнодушно выслушивала ихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ соглашались лучше присягнуть тушинскому самозванцу, заявлявшему себя царемъ *снизу, изъ массъ народныхъ*, чѣмъ Шуйскому, провозглашенному царемъ одной Москвой и притомъ изъ родовъ боярскихъ и *одними боярами*. Въ 1606 г. Вятская Область и Пермская Земля измѣнили Шуйскому—не дали ратныхъ людей для спасенія Москвы; ратные люди ихъ произвели мятежъ; вятчане—какъ сказано въ историческихъ актахъ—стали говорить *измѣнное слово* и *царское имя поносить*, и *начали величать вора*, который назывался Димитріемъ царевичемъ *за то, что онъ Москву взялъ, и въ кабакѣ за него чаши пили* новгородцы, со всѣми пятинами и пригородами, казанцы и всѣ южныя и восточныя областныя общины рѣшительно измѣнили Шуйскому, считавшемуся законнымъ царемъ, цѣловали крестъ тушинскому самозванцу и обослались между собой крестоцѣловальными записями въ пользу самозванца.

Въ то время, какъ однѣ областныя общины, не желая видѣть на престолѣ Шуйскаго изъ рода бояръ, вообще ненавистныхъ народу, присягали самозванцу, въ то время другія областныя общины, повидимому, вовсе не хотѣли признавать никакого царя, и если присягали самозванцу, то нерѣшительно. Многія области оставались упорно-равнодушными къ бѣдствіямъ московскаго государства, не слушались ни указовъ Шуйскаго, ни укорительныхъ увѣщаній другихъ областей, стоявшихъ за Шуйскаго. Долго шла самая разногласная переписка между областными общинами. И въ этой-то перепискѣ высказалась чрезвычайно-характеристично рознь областей. Одна областная община увѣщеваетъ, укоряетъ, обличаетъ другую. Напримѣръ, въ 1609 г., сольвычегодцы отписывали пермичамъ о посылкѣ

ратныхъ людей и военныхъ снарядовъ въ Ярославль, съ приложеніемъ двухъ отписокъ ярославцевъ и устюжанъ о приходѣ къ Ярославлю литовскихъ людей, и съ упрекомъ увѣщевали ихъ: «Вамъ бы, господа, прося у Бога милости, государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи порадѣть и ратныхъ людей тотчасъ собрать, и всякаго городоваго наряду, и зелья, и селитры и свинцу государю на помощь въ Ярославль къ государевымъ воеводамъ съ ратными людьми тотчасъ одноличнo послать. А прежде сего мы къ вамъ много разъ писали о томъ государевомъ ратномъ дѣлѣ... И вы Бога не боитесь, и *государя не слушаете*, и вы то дѣлаете не гораздо, *государевымъ ратнымъ дѣломъ не радѣете*, и вамъ то отъ Бога и отъ государя не пробудетъ». Несмотря на всѣ эти угрозы, пермичи не хотѣли дать помощи московскому государству. Они такъ были упорны, что другимъ областнымъ общинамъ стоило много хлопотъ и переписокъ, чтобы убѣдить ихъ въ интересахъ своихъ, мѣстныхъ, дать московскому царю ратныхъ людей для очищенія великорусскихъ областей отъ общихъ враговъ—польскихъ и литовскихъ людей. Въ августѣ 1609 г. устюжане пишутъ къ пермичамъ о немедленной присылкѣ денежнаго сбора съ сохъ на помощь ратнымъ людямъ: «И вамъ бы, господа, одноличнo того дѣла въ оплошку не поставить: государевы деньги и съ сохъ въ прибавку отпустить тотчасъ, незамѣшкавъ: да и то, господа, вамъ помнить слѣдуетъ, только отъ васъ къ государю и службы, что всего 80 человѣкъ въ Ярославлѣ; а потому, если только нынѣ вы къ нему государю его государевой казны не отпустите и въ прибавку денегъ сбирать не станете и ратныхъ людей не прибавите, и вамъ отъ государя впередъ какой милости ждать? Вся русская земля, грѣхъ ради всего православнаго крестьянства, съ государемъ страждетъ. И вамъ бы, господа, помня Бога и свои души и крестное цѣлованье, на чемъ государю души дали, одноличнo о государевомъ и о земскомъ дѣлѣ порадѣть». И тѣ областныя общины, которыя, опасаясь нападенія польскихъ и литовскихъ людей на свои мѣста, убѣждали сосѣднія области дать помощь и силы для спасенія московскаго государства отъ общихъ враговъ, и эти областныя общины сами пережидали, куда вѣсы потянутъ, вели между собой двусмысленную переписку, и находились такимъ образомъ въ колебательномъ положеніи. Устюжане, увѣдомляя вычегодцевъ о присылкѣ въ Устюгъ изъ Вологды крестоцѣловальной записи на вѣрность Лжедимитрію, въ отпискѣ своей отъ 30 ноября 1608 года, между прочимъ, спрашивали совѣта сольвычегодцевъ, упрекая ихъ за упорное молчаніе: «А мы пишемъ къ вамъ всякія вѣсти и совѣтъ свой о всякомъ государевомъ дѣлѣ и земскомъ, а вы къ намъ ничего совѣту своего не пишете. *Да и то-бъ вамъ помыслить*... буде услышимъ то, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю русскую землю, *ино еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинной послать*... Пожалуйте, *помыслите съ міромъ* крѣпко, и *не спѣшите креста цѣловать: не угадать на чемъ совершится*».

Такимъ образомъ, чрезвычайно медленно шли земскіе совѣты во всѣхъ великорусскихъ областяхъ въ пользу московскаго государства. Главный интересъ областей, въ безгосударное время, съ 1607 по 1611 годъ, состоялъ

не столько въ радѣньи о государевомъ дѣлѣ, сколько о земскомъ, мѣстномъ. Защита *своихъ мѣстъ*—вотъ что̀ сначала составляло главный предметъ переписокъ областныхъ общинъ, вопросы областныхъ земскихъ совѣтовъ. Области, какъ видно изъ ихъ отписокъ, главнымъ образомъ совѣтуются *объ обереганьи своихъ мѣстъ*. Каждая область, когда угрожала ей опасность отъ воровскихъ людей, обращалась за совѣтомъ къ сосѣднимъ областямъ, большею частію къ тѣмъ, которыя были одного происхожденія съ нею—образовались однимъ путемъ колонизаціи. Вологжане, напримѣръ, получивъ вѣсть изъ Новгорода, отписываютъ устюжанамъ или вычегодцамъ. Устюжане, выслушавъ на совѣтѣ, при всемъ народѣ, вологодскія или другія вѣсти о томъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ и въ сосѣднихъ съ ними городахъ, отписываютъ къ сольвычегодцамъ, своимъ однопоселенцамъ, испрашивая у нихъ *отвѣстья и совѣту*: «помыслить имъ *у Соли Вычегодской со всею. Усольскою Землею: что ихъ мысль*? хотятъ ли они съ устюжанами стоять крѣпко заодно, и *совѣтъ съ ними крѣпкой держать ли?* И просятъ послать выборныхъ для совѣту». Сольвычегодцы, въ свою очередь, пишутъ къ соликамцамъ и къ пермичамъ. Всѣ переписывались о взаимномъ, совокупномъ обереганьи своихъ мѣстъ. И въ этомъ отношеніи, въ своихъ мѣстныхъ интересахъ области также невполнѣ сходились, долго разрознивались. Напримѣръ, вологжане, въ январѣ 1609 года, пишутъ къ вычегодцамъ, между прочимъ увѣдомляя ихъ о томъ, что Новгородъ со всѣми пятинами и пригородами цѣловалъ крестъ самозванцу: «да здѣсь происходитъ смута большая отъ тотмичей и пишутъ къ Вологдѣ и къ воеводамъ съ бранью на раздоръ, а не на единомысліе. И вамъ бы, господа, свѣстясь съ устюжанами, отписать къ тотмичамъ, чтобъ они на смуту и на раздоръ къ Вологдѣ не писали бездѣльно». Къ устюжанамъ вологжане пишутъ также съ упрекомъ: «а намъ, господа, въ томъ сумнѣнье, что вы къ намъ *о совѣтѣ* не пишете». Вычегодцы, января 20-го 1609 года, отписываютъ упорнымъ пермичамъ съ упрекомъ: «И вы къ намъ пишете словомъ, что вы стоять съ нами заодно единомысленно рады во всемъ, а дѣломъ съ нами ничего не дѣлаете; а слухомъ мы слыхали, что въ верховьѣ которые города, Переяславль, Ростовъ и Ярославль, и рязанскіе города, и Сѣверская Украйна *межъ собой не совѣтовались и другъ за друга не стояли*, и вотъ они сами въ разореньѣ стали». Потому они побуждаютъ пермичей наблюдать свой мѣстный земскій интересъ, чтобъ литовскіе люди и русскіе воры не прошли черезъ Галичъ и мимо Вологды на Сухону и въ ихъ вычегодскія и въ пермскія мѣста, и чтобъ, прибавляли вычегодцы, «всѣмъ намъ, господа, своею оплошкою также отъ воровъ въ разореньѣ не быть, какъ и верховскіе городы». Рознь, особность областей въ смутное время доходила иногда до смѣшной перебранки. Сколько разъ бѣдные вятчане, страдавшіе отъ нападеній черемисъ съ казаками, ни писали къ упорнымъ пермичамъ о скорѣйшей помощи, тѣ не слушались ихъ просьбъ и упрековъ: напротивъ, еще совѣтовали имъ дѣйствовать заодно съ государевыми измѣнниками, взбунтовавшимися инородцами и волжскими казаками. Наконецъ вятчане вышли изъ терпѣнія и въ декабрѣ 1609 года такъ отписывали къ пермичамъ: «Писали мы къ вамъ много разъ, чтобъ вамъ при-

слать къ намъ на Вятку ратныхъ людей, для того, что государевы измѣнники, волгскіе казаки и разныхъ городовъ стрѣльцы и черемиса въ Котельничѣ многихъ людей до основанья разорили, а въ Яранскомъ у тѣхъ воровъ большое собранье, а вы къ намъ нынѣ писали самою глупостью, а не только что глупостью, пьянствомъ: видите надъ нами отъ воровъ разоренье великое и у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а къ Вяткѣ ихъ не пришлете, а которыхъ было ратныхъ людей къ Вяткѣ и послали, и вы ихъ съ дороги воротили, а къ намъ пишете, велите ссылаться съ государевыми измѣнниками. И мы на вашу глупость не смотримъ, съ измѣнниками не ссылаемся, а надъ ворами промышляемъ и противъ воровъ стоимъ, какъ насъ милосердый Богъ вразумитъ и сколько номочи подастъ. А вы надъ собою милость Божію и пречистой Богородицы и государево царево крестное цѣлованье и его государево жалованье забыли, рады крестьянскому кровопролитью и разоренью: Вятскую Землю ворамъ въ разоренье напрасно предаете, ратныхъ людей къ намъ не пришлете и съ нами на воровъ не стоите, и вы сами себѣ предатели, и по своей вамъ глупости погибнуть. И напередъ сего къ вамъ посланы были два государева измѣнника, а велѣно ихъ вамъ казнить смертью: и вы надъ тѣми ничего не сдѣлали. Смотрите на то, какъ служатъ и прямятъ государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи устюжане и Соль Вычегодская: прислали къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей, и велѣно имъ быть на Вяткѣ по та мѣста, какъ и Яранскъ очистится. И вы-бъ, господа, глупость свою покинули: одноличнο-бъ къ намъ для обереганья прислали ратныхъ многихъ людей тотчасъ, чтобы Вятской Землѣ помочь и ворамъ не выдать, да и самимъ бы вамъ отъ враговъ не быть въ разореньѣ. А что вамъ сказывалъ Василій Тырковъ, и вы тому плутанью вѣрите, а нашему письму ничему не вѣрите: и вамъ бы самимъ таковымъ пьянымъ всегда быть, каковъ пьянъ былъ на Вяткѣ Василій Тырковъ». Пермичи, въ отпискѣ своей вятчанамъ, въ отвѣтъ на ихъ любезности, отпираются отъ своего невниманья къ Вяткѣ, складываютъ вину на воеводъ, будто они не велѣли присылать въ Вятку ратныхъ людей, воротили ихъ съ дороги: «и та, господине, смута учинилась отъ князя Михаила Охтомскаго, да Василья Иванова, и у насъ тѣ ратные люди, по отпискѣ князя Михаила и Василья, были роспущены».

III

Когда рознь великорусскихъ областей, недостаточность, неразвитость въ нихъ союзности навлекала общую опасность русской землѣ, угрожала, вмѣсто московской, польско-литовской централизацiей, когда выказалась наружу вся нестройность внутренней организацiи областныхъ общинъ, тогда началось въ областномъ народосовѣтiи новое, лучшее направленіе. Открылась необходимость наибольшаго усиленія въ областныхъ общинахъ союзнаго духа, или, какъ говорили сами русскіе люди въ то время, необходимость *любви, союза, совѣта и соединенья*, какъ внутри каждой областной общины, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ областей —

сознана была необходимость расширенія круга областнаго народосовѣтія. И земскія общины начали въ этомъ союзномъ духѣ взаимную переписку о распространеніи сферы областныхъ совѣтовъ, о собраньи, соединеньи всѣхъ областныхъ земщинъ на общій, *единомысленный* земско-областной совѣтъ. Поворотнымъ мотивомъ къ такому областному общинному согласію была именно сейчасъ указанная нами общая земская опасность, угрожавшая всѣмъ великорусскимъ областямъ со стороны польско-литовскаго завоеванья. Первый призывъ къ соединенью, къ соглашенью областныхъ земскихъ совѣтовъ подали области центральныя, особенно московская и нижегородская. Теперь, въ эпоху междуцарствія, когда не было царя, Москва ужъ не указывала, не предписывала областнымъ городамъ царскимъ, повелительнымъ тономъ, не предписывала собрать, соединить областныя силы для спасенія московскаго государства. Теперь она братскимъ воззваніемъ призывала, умоляла областныя общины, во имя всенароднаго спасенья и спокойствія дать ей свой *добрый совѣтъ*, показать къ ней братскую любовь и собрать силы для освобожденія ея отъ польско-литовскаго ига, одинаково угрожавшаго всѣмъ областямъ. Внѣшнее, механическое, насильственное собраніе, прикрѣпленіе, тяготѣніе областей къ Москвѣ теперь оказалось совершенно недостаточнымъ, несостоятельнымъ. Москва, смиренная, наказанная отпаденіемъ отъ нея разрознившихся областей, призывала теперь ихъ къ новому органическому, братскому союзу съ нею, во имя духовно-нравственнаго единства. Признавая мѣстное *господство* или автономію областей и федеральное равенство или *братство* ихъ съ собой, она называла всѣ прочіе областные города *господами братьями* своими: «Господамъ братьямъ нашимъ всего московскаго государства (такъ взывали москвичи къ областнымъ общинамъ), братья мы и сродники, пишемъ мы къ вамъ православнымъ крестьянамъ, общимъ всѣмъ народамъ московскаго государства. Пишутъ къ намъ братья наши, разоренные плѣнные, которые отцовъ, матерей, женъ и дѣтей своихъ лишились, до послѣдняго оскудѣнія дошли и не имѣютъ, гдѣ главы подклонить, пишутъ, какъ намъ, всему крестьянскому народу, такъ и вамъ, не для чего иного, только для единаго Бога всемогущаго, видя наконецъ погибель, постигшую всѣхъ насъ, *утвердить совѣтъ*, какъ бы намъ, всѣмъ православнымъ крестьянамъ не погибнуть отъ враговъ всего православнаго крестьянства, литовскихъ людей. Что къ намъ писали братья, и мы ту грамоту къ вамъ послали. И мы не слухомъ только слышимъ, до насъ самихъ въ Москвѣ конечная погибель доходитъ. Бога ради, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданья: будьте *съ нами обще, заодно*, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ, *помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?* Здѣсь образъ Божіей Матери, вѣчной заступницы христіанской, Богородицы, которую евангелистъ Лука написалъ, и великіе свѣтильники и хранители Петръ и Алексѣй и Іона чудотворцы. Ужели вы, православные христіане, то ни во что поставите? Объ этомъ говорить и писать страшно. Только, если не будете съ нами сообща заедино страдать, сколько силы, сколько милосердый Богъ помощи дастъ и Богородица и великіе чудотворцы помогутъ: никто не думай и

не вѣруй никакому льстивому и соблазнительному слову, чтобы быть пощаженнымъ. Писали къ намъ истину братья наши. И нынѣ мы сами видимъ вѣру христіанскую перемѣнену въ латынство, и церквамъ Божіимъ разореніе; а о своихъ головахъ что и писать вамъ много! Сами правду знаете, что во всѣхъ тѣхъ городахъ сдѣлалось, гдѣ литовскіе люди владѣютъ св. церквами и надъ иконами образа Божія: не вездѣ ли разорено и поругано? И вы, ни одинъ не думайте, что вамъ не будетъ того же. Пощадите насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ душами и головами, станьте съ нами обще противъ враговъ креста Христова», и проч. Такъ смиренно и слезно, и во имя всѣхъ своихъ византійско-православныхъ святынь, Москва призывала всѣ великорусскія области къ союзу и соединенью на помощь ей!

Замѣчательно, что теперь, въ критическомъ положеніи своемъ, Москва отказывается отъ усиленной, централизаціонной иниціативы въ новой федераціи областныхъ общинъ, и предоставляетъ эту иниціативу областному народосовѣтію, суду и волѣ областныхъ массъ народа. Кто въ самой основѣ изучалъ русскую исторію, для того вполнѣ ясно, почему Москва избрала для всеобщаго земскаго соединенья и народосовѣтія три совершенно разъединенные, областные города: Новгородъ-Великій, Вологду и Нижній-Новгородъ. Извѣстно, что всѣ великорусскіе города, на основаніи колонизаціонной сгруппировки, дѣлились на три разряда: на города верховые, понизовые и поморскіе. Новгородъ-Великій, Вологда и Нижній-Новгородъ были главными и древнѣйшими средоточіями колонизаціи всѣхъ этихъ городовъ, съ ихъ уѣздами и волостями, колоніями ихъ. Вотъ почему Москва, вѣрная старинѣ, предоставляетъ этимъ тремъ городамъ, какъ посредствующимъ органамъ, иниціативу въ организаціи предварительныхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ о новомъ возсоединеніи, о новой федераціи областныхъ общинъ въ одинъ великій политическій союзъ. Въ нихъ должны были предварительно сосредоточиться народно-совѣщательные голоса, или, по выраженію историческихъ актовъ, *договоры и добрые совѣты*, для составленія всеобщаго земскаго совѣта. Новгородъ-Великій, Вологда и Нижній-Новгородъ — центральные и исходные пункты верховыхъ, понизовыхъ и сѣверныхъ поморскихъ городовъ, должны были собрать народно-совѣщательные голоса, земскіе совѣты всѣхъ областныхъ общинъ, каждый городъ въ своемъ краю, въ группѣ городовъ и волостей своего *разряда* или *чети* [1]). Здѣсь, какъ въ средней областной инстанціи великаго земскаго народосовѣтія, должны были собраться, приготовиться элементы для всеобщаго земскаго совѣта, должны были организоваться и сосредоточиться мѣстные земскіе совѣты для окончательнаго развитія и составленія всенароднаго земскаго собора, или совѣта, въ Москвѣ. «Бога ради положите (взывала Москва ко всѣмъ областнымъ общинамъ—господамъ братьямъ своимъ всего московскаго государства), Бога ради положите крѣпкій совѣтъ между собой: пошлите въ Новгородъ и въ Вологду и въ Нижній нашу грамоту

[1]) Извѣстно, что, на историко-колонизаціонномъ основаніи, ассоціаціи или группы городовъ великорусскихъ и сибирскихъ дѣлились на *разряды* и *чети*.

списавъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо всею землею—обще стать, покамѣстъ еще свободны, а не въ рабствѣ и въ плѣнъ не разведены».

Такимъ образомъ, Москва должна была сзывать и соединять на сборъ и на совѣтъ города околомосковные, поволжскіе и залѣсскіе, города, лежавшіе на системѣ верхней и средней Волги, въ области ростовско-суздальской колонизаціи, или въ предѣлахъ древняго московскаго княжества. Новгородъ-Великій долженъ былъ собирать города и волости въ области своей территоріи и колонизаціи, во всѣхъ пятинахъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ брата Пскова. Вологда, старшая колонія Новгорода въ Чуди Заволоцкой, свободная, самобытная и самая цвѣтущая въ торговомъ отношеніи въ средніе вѣка изъ всѣхъ новгородскихъ колоній на сухонодвинской системѣ, средоточный средне-вѣковой пунктъ столкновенія и борьбы новгородской и московской колонизаціи, исходный пунктъ колонизаціи большей части сухонодвинской, угольской или вычегодской, вятской и пермской земли, Вологда должна была созывать для совѣту и соединенья города сѣверо-двинскаго поморья и вятской и пермской земли. Нижній-Новгородъ, старшая московская колонія въ низовой землѣ, въ южномъ Поволжьѣ, переходный пунктъ юго-восточной, понизовой колонизаціи, Нижній долженъ былъ собирать для земскаго совѣту и сединенья всѣ юго-восточные и понизовые города съ ихъ волостями и уѣздами. Такимъ образомъ областной земскій совѣтъ, развѣтвляясь на три главные центра, сообразно съ земско-исторической, колонизаціонной основой дѣленія великорусской земли, естественно и удобно долженъ былъ охватить всѣ великорусскія области, и потомъ черезъ «выборныхъ добрыхъ людей» изъ всѣхъ чиновъ, изъ всѣхъ областей, выразить свое окончательное рѣшенье, свою всенародную волю, думу, *совѣтъ и договоръ*, на всенародномъ земскомъ совѣтѣ въ Москвѣ.

И въ такомъ дѣйствительно порядкѣ началась новая областная переписка о всеобщемъ земскомъ совѣтѣ и соединеньи. Теперь главнымъ и сильнымъ внутреннимъ мотивомъ великаго земскаго народно-областнаго движенья были два главныя начала: во-первыхъ, сознаніе всенароднаго права на земскій совѣтъ, сознаніе равноправности всѣхъ областныхъ городовъ, какъ *господъ братій*, въ дѣлѣ возстановленія московскаго государства; во-вторыхъ, сознаніе земскаго народнаго единства, сознаніе федеративнаго единства и общности всей исторической жизни народной и всей русской земли, при всей географической и этнографической розни областей. Движимыя этими двумя началами, великорусскія областныя общины, хотя и медленно, но мало-по-малу сговорились въ своихъ земскихъ перепискахъ *стоять заодно, быть въ любви, въ союзѣ, въ совѣтѣ и въ соединеньи*. Сознаніе всенародности права на земскій совѣтъ, потребность всеобщаго земскаго народосовѣтія побудили областныхъ земскихъ людей идти на всенародный земскій совѣтъ противъ исключительныхъ притязаній и затѣй боярства. Прокопій Ляпуновъ, начавшій національное движеніе въ Рязанской области, въ сѣверскихъ и и украинныхъ городахъ, гдѣ началось и антицентрализаціонное противо-

государственное движенiе, Ляпуновъ отъ имени всей Рязанской и Сѣверской Украйны взывалъ въ «преименитый Новгородъ Нижнiй всему христiанскому народу: Мы, господа, про то знаемъ подлинно, что на Москвѣ всему христоименитому народу гоненье и тѣснота большая *отъ бояръ* и отъ польскихъ и литовскихъ людей. И мы боярамъ московскимъ давно отказали, и къ нимъ о томъ писали, что они, прельстясь на славу вѣка сего, приложилися къ западнымъ и жестокосердымъ, на своихъ людей (овецъ) обратились. И на томъ, господа, мы, сославшись съ калуженскими и съ тульскими и съ михайловскими и всѣхъ сѣверскихъ и украинныхъ городовъ со всякими людьми, давно крестъ цѣловали, чтобъ намъ за московское государство съ ними и со всею землею стоять всѣмъ за одинъ и съ литовскими людьми биться до смерти... *Да бояре*, господа, *пишутъ изъ Москвы* въ Тулу, *чтобъ туляне къ намъ не приставали*, а къ намъ на Рязань они (бояре) шлютъ войною пана Сапѣгу да Струса со многими людьми литовскими, и *туляне боярамъ*, господа, *потому же отказали и ту боярскую грамоту къ намъ прислали*. А Володимеръ, господа, и другiе города съ нами одномысленны. И мы, господа, послали къ вамъ для всякаго договору и для добраго совѣту стряпчаго Ивана Иванова Биркина, да дьяка Степана Пустынника, съ дворянами и всякихъ чиновъ людьми». Далѣе, Ляпуновъ, отъ лица всего рязанскаго и сѣверскаго народа, проситъ преименитый Нижнiй-Новгородъ дать свой совѣтъ и отписать во всѣ понизовые города, а также въ Вологду и во всѣ поморскiе города. На это возванiе рязанскаго и украинскаго народа всѣ областныя общины отозвались единогласно *отказывать боярамъ*, противъ *бояръ всѣмъ стоять другъ за друга*.

Если сознанiе всеобщности земскаго народно-областнаго права побуждало областныя общины противодѣйствовать исключительной, олигархической притязательности бояръ московскихъ, то, съ другой стороны, сознанiе земскаго и нравственнаго единства, сознанiе единства и цѣлостности русской земли и исторiи побуждало областныя общины подумать всею землею объ очищенiи русской земли отъ польскихъ и литовскихъ людей, о конфедерацiи разрознившихся областей и объ устройствѣ всею землею всеобщаго, верховнаго правительства, въ которомъ бы объединялись и находили контроль разнообразные интересы всѣхъ областныхъ общинъ. Смутное время было для русскаго народа горниломъ искушенiя, очищенiя. Во время пятилѣтней или шестилѣтней розни областей, русскiе люди ясно увидѣли, чего недоставало для полнаго, всецѣлаго единства русскаго народа, для органическаго союза областныхъ общинъ, для правильной организацiи народосовѣтiя: недоставало *любви, совѣта и соединенья*. Земскiя общины сами говорили, что онѣ наказались *за свой земскiй грѣхъ, за недостатокъ любви, совѣта и соединенья*. И вотъ, во вторую половину смутнаго времени, особенно съ 1611 года, всѣ земскiе люди заговорили о любви. Въ историческихъ актахъ смутнаго времени, среди областныхъ переписокъ, находимъ, между прочимъ, длинную грамоту, въ которой, какъ въ словѣ поучительномъ, читаемъ пространное поученiе *о любви*, на основанiи священнаго писанiя. Слово это было разослано по всѣмъ областямъ и живо отозвалось въ сердцахъ народа. Началась многознаменательная переписка

областныхъ общинъ о любви, совѣтѣ и соединеньи. Не насильственной московской централизаціи хотѣли областныя массы народа—нѣтъ, вся сущность, весь смыслъ, все историческое значеніе смутнаго времени, розни областей, именно и заключается въ энергически-жизненной, хотя и инстинктивной реакціи областнаго начала противъ московской централизаціи. Не къ централизаціонному союзу, а къ полюбовной, излюбленной земской союзности, къ федераціи стремились областныя общины. Онѣ полагали начала такой федераціи, которая бы не нарушала ихъ географической, территоріальной и этнографической цѣлостности и самобытности, а основывалась единственно *на совѣтѣ и любви*, такой федераціи, въ которой бы отдѣльныя части, находясь въ федеративной связи, въ составѣ цѣлаго политическаго организма всеобластнаго союза, свободно совершали всѣ свои внутреннія, жизненныя, органическія дѣйствія, сообразно съ мѣстными географическими, этнографическими и другими условіями. Въ такомъ смыслѣ областныя общины начали свою замѣчательную переписку «*о любви, союзѣ, совѣтѣ и соединеніи*», о сборѣ земско-областныхъ народносовѣщательныхъ и ратныхъ силъ въ Москву, для организаціи всеобщаго великаго всенароднаго, всерусскаго земскаго совѣта.

Областные города или общины, находившіеся около Москвы, образовавшіеся въ одно время съ нею и однимъ и тѣмъ же путемъ колонизаціи, раньше другихъ привыкшіе къ союзу съ Москвой, по причинѣ ранняго присоединенья къ ней — эти средневолжскіе города первые отозвались на братскій призывный голосъ Москвы и согласились быть съ нею въ любви, совѣтѣ и соединеньи. Затѣмъ, другіе волжскіе города—Нижній-Новгородъ, Кострома, Ярославль, Владиміръ, Суздаль, вслѣдъ за Москвою, пишутъ къ сѣверо-восточнымъ украиннымъ городамъ о добромъ совѣтѣ и соединеньи.

Если центральныя областныя общины, лежавшія около Москвы въ верхнихъ и среднихъ частяхъ волжской системы, скоро и легко согласились быть въ союзѣ и въ совѣтѣ съ Москвою, по причинѣ ихъ земской, колонизаціонной связи и внутренней однородности, зато не скоро, не вдругъ могли согласиться на совѣтъ, союзъ, любовь и соединенье съ Москвою украинныя областныя общины, особенно государство новгородское съ сухоно-двинскими областями, Казанское царство и Пермская Земля.

Прежде всего сѣверно-поморскія области, находящіяся на особой, полярно-балтійской рѣчной системѣ, образовавшіяся путемъ особой новгородской колонизаніи, жившія много вѣковъ особною, отдѣльною жизнію, области, лежащія за сѣверными увалами, не вдругъ могли согласиться на любовный союзъ съ Москвою и съ верховскими и низовыми городами, лежащими на противоположной волжско-каспійской системѣ и образовавшимися путемъ другой, ростовско-московской колонизаціи. Тамъ, въ сѣверныхъ новгородскихъ областяхъ, весь строй городовъ и волостныхъ общинъ напоминалъ средневѣковую, общинную свободу, мѣстное самоустройство и народоправленіе. Еще незадолго до смутнаго времени, во второй половинѣ XVI вѣка, какъ мы видѣли, всѣ сухоно-двинскія общины

вытребовали себѣ право общиннаго земскаго самоуправленія. Здѣсь же, въ областяхъ волжской системы, все проникнуто было началами московской централизаціи и московскаго византизма: меньше было внутренней общинной самодѣятельности. По причинѣ такой противоположности географической и земско-бытовой, средневолжскимъ городамъ стоило хлопотъ и переписокъ, чтобъ убѣдить сѣверо-двинскія областныя общины къ союзу и совѣту съ ними и съ Москвою. Чтобъ склонить всѣ сѣверо-двинскіе города къ союзу съ волжскими городами, нужно было склонить главный сѣверо-двинскій городъ — Вологду. И нижегородцы, костромичи и ярославцы писали вологжанамъ нѣсколько грамотъ о любви, совѣтѣ и соединеньи. Въ февралѣ 1611 года нижегородцы пишутъ «о согласіи и соединеньи» въ Вологду, извѣщаютъ вологжанъ о союзномъ движеніи всѣхъ низовыхъ и окольныхъ городовъ къ Москвѣ, для освобожденія ея отъ польскихъ и литовскихъ людей, общихъ враговъ всѣхъ великорусскихъ областей, и просятъ немедленно прислать ратныхъ людей во Владиміръ для соединенія съ княземъ Рѣпнинымъ, который шелъ изъ Нижняго съ ополченіемъ низовыхъ и всѣхъ окольныхъ городовъ. Въ февралѣ же 1611 года, костромичи, по поводу только-что полученной ими нижегородской призывной грамоты о любви и совѣтѣ, отписывали также къ вологжанамъ о немедленной присылкѣ довѣренныхъ лицъ, добрыхъ людей всякихъ чиновъ для совѣта. Всѣ костромичи били челомъ господамъ вологжанамъ, всѣмъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ: «Писали къ намъ, въ Кострому, изъ Нижняго-Новгорода, февраля въ 7-й день, о добромъ совѣтѣ, и къ вамъ, въ Вологду и въ Вологодскій уѣздъ, писали такія же грамоты о добромъ совѣтѣ, чтобъ намъ стоять за домъ пречистой Богородицы, за чудотворцовы мощи и за святыя Божіи церкви и за православную крестьянскую вѣру. И вы, господа, къ намъ, на Кострому, для добраго совѣту не присылывали. А изъ Галича къ намъ, на Кострому, для добраго совѣту прислали дворяне и дѣти боярскія дворянина Захарья Перфирьева, а отъ посадскихъ людей посадскаго человѣка, Поліевкта. И вамъ бы, господа, по нашему совѣту съ нами стоять и въ одномъ совѣтѣ быть. Да къ намъ же, господа, въ Кострому, писалъ изъ Суздаля Ондрей Захарьевичъ Просовецкій о добромъ же совѣтѣ, и мы съ той суздальской грамоты списавъ списокъ слово-въ-слово и подклѣя подъ сію отписку, послали къ вамъ... И вамъ бы также отъ себя писать на Бѣло-озеро и въ другіе города, а вамъ бы насъ не выдавать, стоять вмѣстѣ за одинъ». Въ тотъ же годъ и мѣсяцъ, ярославцы писали къ вологжанамъ, убѣждали ихъ стоять въ одномъ совѣтѣ съ ними и со всею землею, очистить русскую землю отъ польскихъ и литовскихъ людей, увѣдомляли ихъ о военныхъ дѣйствіяхъ Ляпунова, о разбитіи литовскихъ людей Просовецкимъ при Владимірѣ, и проч. При отпискѣ своей, ярославцы приложили крестоцѣловальную запись о единодушномъ рѣшеніи: креста не цѣловать польскому и литовскому королю, противъ польскихъ и литовскихъ людей стоять заодно, не дѣлать никакихъ скоповъ и заговоровъ, которые бы могли нарушить спокойствіе всѣхъ областныхъ общинъ и разстроить всенародный земскій совѣтъ. «А кого намъ (прибавляли ярославцы) на московское го-

сударство и во всѣ города и во всѣ государства россійскаго царства Богъ дастъ государя, и намъ ему, государю, служить, прямить и добра хотѣть во всемъ въ правду. А буде по кого пошлютъ изъ Москвы бояре, а велятъ, поймавъ, привести въ Москву, или по какимъ-нибудь городамъ разсылать, или какую-либо пеню и казнь велятъ учинить, и намъ за тѣхъ людей стоять другъ за друга всѣмъ единомысленно и ихъ не выдавать, покамѣстъ Богъ намъ дастъ на московское государство государя».

Въ мартѣ 1611 года солигаличане писали къ тотмичамъ: «Въ нынѣшнемъ году писали мы къ вамъ о добромъ совѣтѣ и о ратныхъ людяхъ много разъ, и какія грамоты къ намъ приходили, мы къ вамъ посылали съ нихъ списки, а вы къ намъ ни о чемъ не отписывали и своего совѣту къ намъ не присылывали... И вы-бъ, господа, послали-бъ тотчасъ ратныхъ людей, которые у васъ есть въ сборѣ, подъ Москву къ воеводамъ; а какія грамоты присланы въ Галичъ, мы съ тѣхъ грамотъ написавъ списки, послали къ вамъ въ Тотьму; а вы-бъ, господа, съ тѣхъ грамотъ списавъ же списки, и послали бы ихъ на Устюгъ, и въ поморскіе города, и къ Вологдѣ, и въ Новгородъ-Великій, и къ намъ бы пожаловали отписать тотъ же часъ про свой совѣтъ подлинно, и мы вашъ совѣтъ отпишемъ къ воеводамъ».

Эту грамоту солигаличанъ тотмичи отправили къ устюжанамъ, а устюжане, съ приложеніемъ своихъ и другихъ областныхъ отписокъ, отправили къ пермичамъ, сообщая имъ свою мысль и свой совѣтъ.

Въ волжско-камской системѣ областей не скоро согласились быть въ любви, совѣтѣ и союзѣ съ прочими областными общинами и съ Москвой Казанское Царство и Пермь-Великая. И очень естественно.

Выше было сказано, какъ въ первую минуту смутнаго времени Казанское Царство взбунтовалось противъ московскаго государства, по причинѣ вѣковой исторической и этнографической особности, какъ татары, чуваши, черемисы и мордва поднялись противъ русскихъ. Понятно, что этотъ этнографическій, національный духъ антагонизма къ Москвѣ не могъ скоро перемѣниться въ тотъ духъ любви, совѣта и соединенья, о которомъ теперь твердили всѣ великорусскія областныя общины. Притомъ, крайнія юго-восточныя области казанскаго государства такъ были далеки отъ Москвы, а главное, такъ неорганически были присоединены къ ней, что естественно не сочувствовали ея сердцебіенію и страданіямъ. Нужны были посредствующіе соединительные органы — болѣе близкія области, черезъ которыя могли бы отозваться въ дальныхъ украинныхъ областяхъ болѣзненныя, кровавыя страданія московскаго государства. Ярославцы, костромичи, владимірцы и нижегородцы, такъ много убѣждавшіе отдаленныя сѣверно-поморскія областныя общины къ любви, совѣту и соединенью, и на юго-востокѣ явились посредниками московскихъ областей въ отношеніи къ казанскому государству. Ярославцы пишутъ въ *царствующій преславный градъ* Казань ко всѣмъ людямъ *казанскаго государства*: «Казанскому народу ничего того невѣдомо, что здѣсь, подъ Москвою, дѣлается, потому что Казань отъ Москвы мѣсто дальнее», и извѣщаютъ казанцевъ, что *бояре прельстились для удѣловъ, хотятъ раздѣлить русскую землю на*

удѣлы и воцарить польскаго короля въ Москвѣ, и что Москва и около-московскіе города ужъ всѣ между собой согласились и учинили совѣтъ, пошли къ Москвѣ освободить московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей, и избавить народъ, областныя общины отъ ига боярской удѣльности. Костромичи побуждали казанцевъ къ общему совѣту, любви и соединенью также этимъ общимъ союзомъ городовъ Нижняго, Владиміра, Мурома, Суздаля, рязанскихъ и украинскихъ городовъ и своимъ собственнымъ совѣтомъ и соединеньемъ съ городами Галичемъ, Ярославлемъ, Романовымъ и со всѣми подмосковными городами, единомысленно согласившимися въ своемъ совѣтѣ со всѣми собравшимися подъ Москвой городами. Прокопій Ляпуновъ, отъ лица всего собравшагося подъ Москвой областнаго народа, писалъ жителямъ Казанскаго Царства: «И вамъ бы всѣмъ, *обще со всею землею*, попещись о земскомъ дѣлѣ, чтобъ со всѣми нами въ общемъ единомысліи и совѣтѣ быть... А какой, господа, у васъ о земскомъ дѣлѣ совѣтъ будетъ, и вы бы, господа, тотчасъ отписали». Наконецъ, особенно сильно и возбудительно было воззваніе Авраамія Палицына. Описавъ бѣдствія самозванства, междоусобія и междуцарствія, Палицынъ призывалъ, во имя земскаго единства, къ любви, совѣту и союзу всѣхъ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ жителей казанскаго государства и его пригородовъ. Во время розни областей ясно сказалось, что въ такихъ дальнихъ отъ Москвы провинціяхъ и такъ разноплеменныхъ по населенію, какъ Казанское Царство, много было, по выраженію актовъ, *недоволовъ*, то-есть недовольства и антипатіи къ Москвѣ. Палицынъ, намекая на это, писалъ къ казанцамъ, князьямъ, мурзамъ, служилымъ татарамъ и чувашамъ и черемисамъ и вотякамъ, такъ же, какъ и всѣмъ русскимъ поселенцамъ казанскаго края: «Сами знаете, что всякому дѣлу одно время бываетъ, безвременное же начало всякаго дѣла пусто и бездѣльно бываетъ; хотя буде и есть въ вашихъ предѣлахъ которые *недоволы*, Бога ради, отложите то на время, чтобъ объ одномъ всѣмъ вамъ съ нами положить подвигъ свой... Смилуйтесь и умилитесь, не медля сдѣлайте это дѣло: о томъ много и слезно всѣмъ народомъ вамъ челомъ бьемъ».

Получивъ столько призывныхъ, увѣщательныхъ грамотъ объ общемъ совѣтѣ и соединеньи, казанцы, наконецъ, послушались, порѣшили на своемъ земскомъ совѣтѣ присоединиться къ общему союзу и совѣту. Въ іюнѣ 1611 года они ужъ отъ себя писали въ Пермь-Великую о томъ, чтобъ пермичи были съ ними въ любви, совѣтѣ и соединеньи.

Пермь-Великая также долго не соглашалась на областный совѣтъ и союзъ въ пользу московскаго государства, по причинѣ этнографическаго разнообразія и особаго колонизаціоннаго самообразованія. Въ Пермской Землѣ также, по словамъ историческихъ актовъ, *были недоволы*. Потому пермичи могли согласиться только на призывъ своей братьи, областныхъ общинъ, а отнюдь не на призывъ Москвы. Казанцы, отъ имени всѣхъ людей всего казанскаго государства, били челомъ пермичамъ: «Во всѣхъ грамотахъ изъ-подъ Москвы, изъ полковъ и изъ городовъ пишутъ, чтобъ намъ быть *со всею землею* въ любви, и въ совѣтѣ и соединеньи и, собравъ казанскихъ ратныхъ людей, идти подъ Москву, въ сходъ къ боярамъ и *ко всей землѣ*,

очищать московское государство отъ враговъ, отъ польскихъ и литовскихъ людей. И мы, господа, всею землею казанскаго государства цѣловали крестъ по записи, которая къ намъ прислана изъ полковъ отъ всей земли, чтобъ намъ быть со всею землею въ любви, въ совѣтѣ и соединеніи... Да и въ Свіяжскѣ и въ Чебоксарахъ и въ понизовыхъ городахъ по той же записи крестъ цѣловали, чтобъ и имъ съ нами быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи и идти на земскую службу подъ Москву, ко всей землѣ. А по которой, господа, записи мы и вся земля казанскаго государства, и въ Свіяжскомъ и въ Чебоксарахъ и во всѣхъ понизовыхъ городахъ крестъ цѣловали, и мы съ той записи прислали къ вамъ списокъ подъ сею грамотою; да и съ володимірской, и съ ярославской, и съ костромской грамотъ, которыя къ намъ прислали бояре изъ полковъ и вся земля, списавъ списки, послали къ вамъ въ Пермь съ сею отпискою вмѣстѣ, запечатавъ въ листъ печатью Царства Казанскаго. И вамъ бы, господа, по той записи, по которой мы въ казанскомъ государствѣ всею землею крестъ цѣловали и къ вамъ послали, крестъ цѣловать, буде вы по ся мѣста крестъ не цѣловали, и быть бы вамъ съ нами въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи». Въ крестоцѣловальной записи своей казанцы-мурзы, служилые-новокрещены, и татары, и чуваши, и черемисы, и вотяки и всѣ люди казанскаго государства, между прочимъ, обязывались стоять въ своемъ совѣтѣ всѣ заодно противъ бояръ.

Пермичи согласились на эту увѣщательную грамоту и на крестоцѣловальную запись казанцевъ, и, въ свою очередь, отписали къ своимъ сосѣдямъ, вычегодцамъ, извѣщали ихъ о своемъ согласіи быть, вмѣстѣ съ казанцами, въ общемъ совѣтѣ и союзѣ, на общемъ земскомъ совѣтѣ и сборѣ, и спрашивали совѣта у вычегодцевъ. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что въ смутное время областныя общины такъ стояли за общіе, всенародные, земскіе интересы, за интересы *всей земли*, что не только не терпѣли исключительныхъ олигархическихъ замысловъ боярства, какъ было сказано выше, но и единодушно шли противъ исключительныхъ демократическихъ притязаній казачества. Напримѣръ, казанцы, 30 августа 1611 года, согласно съ отпиской нижегородцевъ, писали къ пермичамъ, съ приложеніемъ грамоты Ермогена о непризнаніи сына Марины Мнишекъ государемъ: «И мы, господа, выслушавъ съ патріаршей грамоты списокъ, приговорили... со всею землею казанскаго государства, что отнюдь не хотѣть на царство проклятаго панкина, маринкина сына; а *буде казаки станутъ выбирать на московское государство того маринкина сына, или другаго кого, по своему произволу, не согласясь со всею землею, и намъ того государя на московское государство не хотѣть, и противъ него стоять всѣмъ казанскимъ государствомъ единодушно;* а выбрать бы намъ на московское государство государя, *сославшись* со *всею землею*... И вамъ бы, господа, быть съ нами въ совѣтѣ и въ соединеньи и въ любви, и стоять бы намъ за такое великое дѣло... всѣмъ заодно, а по казачью выбору того проклятаго панкина маринкина сына на государство не хотѣть».

Наконецъ, исходилъ уже 1611-й годъ. Города понизовые, сѣверскіе, украинные и большая часть верховыхъ городовъ, находившихся въ системѣ верхней Волги, мало-по-малу сговорились «на любовь, совѣтъ и

соединенье». Только сѣверные и поморскіе города, принадлежавшіе къ сухоно-двинской и полярно-балтійской системѣ, къ системѣ новгородской колонизаціи, еще не совсѣмъ согласны были съ понизовыми и около-московскими городами на совѣтъ и соединенье. Въ псковскомъ и новгородскомъ государствахъ обнаруживалось даже стремленіе отдѣлиться отъ Москвы, образовать особыя государства, избрать своихъ царей; въ Псковѣ явился новый самозванецъ, Сидорко, называясь Дмитріемъ царевичемъ, и многіе ему цѣловали крестъ. Въ то время, какъ Дмитрій Пожарскій собиралъ представителей городовъ на земскій совѣтъ въ Ярославль, и призывалъ, въ томъ числѣ, полномочныхъ посланниковъ отъ Новгорода, новгородцы вели переговоры съ шведскимъ королемъ, Карломъ IX. Они, по словамъ актовъ, «всѣ соединясь, приговорили и избрали на новгородское государство одного изъ двухъ сыновей Карла шведскаго, который любъ— королевича-принца Густава-Адольфа, или принца Карла-Филиппа». Наконецъ, выборные представители Новгорода прибыли на общій земскій совѣтъ въ Ярославль. Здѣсь, на совѣтѣ и договорѣ съ воеводами собравшагося въ Ярославлѣ земскаго ополченія, выборные посланники новгородскіе, между прочимъ, ясно высказали первоначальную причину розни областей, особенно рязанскихъ, сѣверскихъ и украинныхъ городовъ, говорили, что смуты самозванства въ областяхъ были выраженіемъ областного протеста противъ выбора на престолъ Шуйскаго немногими городами, а не всею землею: «На московскомъ государствѣ учинился государемъ царемъ великій князь Василій Ивановичъ Шуйскій всея Русіи *по избранію немногихъ городовъ, а иные многіе украинные города его себѣ государемъ не хотѣли и въ послушаньи быть не почали*, а учали себѣ избирать воровскихъ царевичей, Петрушку и иныхъ, и тѣми именами московскому государству много зла учинили». Потомъ, выборные новгородскіе на ярославскомъ земскомъ совѣтѣ, отъ лица всего Новгорода, призывали земское ополченіе быть съ ними «въ совѣтѣ, и въ любви и въ согласіи» относительно избранія королевича шведскаго. Новгородцы не только не хотѣли присоединиться къ Москвѣ, но и Москву со всѣми прочими областями хотѣли присоединить къ новгородскому совѣту, и такимъ образомъ устроить новгородское государство. «И Великій-Новгородъ весь, преосвященнный митрополитъ Исидоръ, и бояре, и воеводы, и всякихъ чиновъ люди служилые и земскіе, по вашей присылкѣ и по доброму совѣту, прислали насъ къ вамъ (договариваться) о томъ, чтобъ вы всѣ между собой договоръ учинили, похотѣли быть съ Великимъ-Новгородомъ въ общей любви и въ добромъ совѣтѣ, и похотѣли бы всѣ на государство московское и на всѣ государства россійскаго царствія государя нашего, пресвѣтлѣйшаго и великаго князя Карла-Филиппа Карловича: и вѣдомо вамъ самимъ, что Великій-Новгородъ отъ московскаго государства никогда отлученъ не былъ, ни въ какое время, и нынѣ бы вамъ также, общій совѣтъ учиня, быть съ нами въ любви и въ соединеньи подъ рукою одного государя». Представители московско-ярославскаго земскаго совѣта не соглашались съ послами новгородскими призывать на новгородское государство шведскаго королевича и подтверждали ту мысль, что «искони», какъ учали быть государи на россійскомъ

государствѣ, Великій-Новгородъ отъ россійскаго государства отлученъ не бывалъ; и нѣчто бы и нынѣ то видѣть, чтобъ Новгородъ съ россійскимъ государствомъ былъ попрежнему; только уже мы въ томъ искусились: не такъ бы нынѣ учинилось, какъ при выборѣ польскаго и литовскаго короля». Такимъ образомъ, представители московскаго земскаго сбора и совѣта выражали опасеніе, чтобъ въ россійскомъ государствѣ не произошелъ *расколъ*, Новгородъ не отпалъ бы отъ Москвы, избравъ себѣ королемъ шведскаго принца, и потому настаивали на томъ, чтобъ не избирать его не только въ московское государство, но и въ новгородское. Послы новгородскіе, однакожъ, продолжали настаивать на своемъ, говорили, что послѣ смерти Карла шведскаго, супруга его—мать королевича, и братъ его уже отпустили въ Новгородъ Карла-Филиппа, что новгородцы уже со-дня-на-день ждутъ его прибытія, и что «той статьи, какъ учинилъ надъ московскимъ государствомъ литовскій король, новгородцы не чаютъ отъ свѣйскаго королевича». Стольникъ и воевода князь Пожарскій, представитель московскаго государства и земскаго московскаго ополченія, говорилъ въ отвѣтъ новгородскимъ посламъ: «Мы всѣ единомысленно у милосердаго, въ Троицѣ славимаго Бога нашего, милости просимъ и хотимъ того, чтобъ какъ всѣмъ людямъ россійскаго государства въ соединеньи быть, и обрѣсть бы на московское государство государя царя и великаго князя, государскаго сына, только бы былъ въ православной крестьянской вѣрѣ греческаго закона, а не въ иной которой. А какъ королевичъ придетъ въ Новгородъ и будетъ въ нашей православной крестьянской вѣрѣ греческаго закона, и мы тотчасъ отъ всего россійскаго государства съ радостью выбравъ честныхъ людей, которые къ тому великому дѣлу будутъ годны, и дадимъ имъ полномочный наказъ о государевыхъ и о земскихъ добрыхъ дѣлахъ говорить и установлять, *какъ государствамъ быть въ соединеньи*».

Такимъ образомъ, новгородскіе выборные выражали готовность Новгорода образовать отдѣльное новгородское государство и разсуждали, согласно съ приговоромъ и полномочными грамотами всего Новгорода, о томъ, «*на какихъ мѣрахъ* шведскому королевичу *быть государемъ на новгородскомъ государствѣ* и всякія дѣла править, и какъ Новгороду быть съ Свѣйскимъ Королевствомъ»; а Пожарскій, представитель московскаго государства, московскаго земскаго совѣта, все-таки стоялъ за общій союзъ, шелъ противъ отдѣленія, отлученія Новговода отъ московскаго государства, поднималъ вопросъ для обсужденія на земскомъ совѣтѣ, «*какъ государствамъ россійскаго царства быть въ соединеньи*». Слѣдовательно, новгородскіе послы, выразители общаго земскаго совѣта вольнаго Новгорода, разошлись въ мнѣніяхъ и рѣчахъ съ Пожарскимъ и его товарищами, представителями земскаго совѣта, и сошлись только въ одномъ, «чтобъ за истинную христіанскую вѣру стоять, а не-греческой вѣры государя на государство не хотѣть». Однакожъ, и москвичи, и новгородцы *наплакались* за эту долговременную рознь. Шведскіе нѣмцы, сѣтовавшіе о неудачѣ своихъ переговоровъ, надоѣли и новгородцамъ. Одна историческая пѣсня смутнаго времени такъ отмѣтила это:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А росплачютца гости москвичи:
А тепере наши головы загибли,
Что нестало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съѣжалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
Мьстиславской князь, Воротынской,
И межу собою онѣ слово говорили,
А говорили слово усмѣхнулися.
Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.
А росплачютца свѣцкие нѣмцы,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
Побѣжали нѣмцы въ Новъ-городъ,
И въ Новѣ-городѣ заперлися,
И многой міръ народъ погубили.
И въ латынскую землю превратили.

Кромѣ новгородцевъ, еще мѣшкали присоединиться къ общему союзу московско-волжскихъ городовъ, понизовыхъ и верховыхъ сухоно-двинскіе и поморскіе города, и во главѣ ихъ Вологда. Нижегородцы настоятельно призывали и эти города быть въ любви, совѣтѣ и соединеньи съ московскими городами. Они писали къ вологжанамъ: «Всѣ города московскаго государства, сослався межъ себя, утвердились на томъ крестнымъ цѣлованіемъ, что быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и въ соединеньи и прежняго междоусобія не зачинать, и московское государство отъ враговъ польскихъ и литовскихъ людей очищать неослабно, до смерти своей, и грабежей нашему православному христіанству отнюдь не причинять, и своимъ произволомъ на московское государство государя, безъ совѣту всей земли, не обирать... И вамъ бы, господа, вологжанамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и стрѣльцамъ и всякимъ ратнымъ людямъ помнить *общее свое*, на чемъ мы всѣ совѣтуя крестъ цѣловали... Будетъ, господа, вы опасаетесь отъ казаковъ какого налогу, или другихъ какихъ воровскихъ людей, и вамъ бы однолично того не опасаться, какъ будемъ *всѣ, верховые и понизовые города, въ сходу*, и мы *всею землею* о томъ *совѣтъ учинимъ* и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ... А однолично-бъ *вамъ съ нами быть въ одномъ совѣтѣ*... и учинимъ совѣтъ о всякомъ земскомъ дѣлѣ, утвердимъ крестнымъ цѣлованіемъ... Да и *во всѣ бы вамъ поморскіе города отъ себя писать* о утвержденіи и о совѣтѣ, чтобъ по всѣмъ городамъ всякіе люди отъ нашего совѣту не отставали... а какъ будемъ всѣ понизовые и верховые города въ сходѣ вмѣстѣ, и мы всею землею выберемъ на московское государство государя, кого намъ Богъ дастъ». Вслѣдствіе такихъ увѣщательныхъ грамотъ, наконецъ, согласились на общій союзъ и совѣтъ и поморскіе города.

Послѣ такихъ продолжительныхъ договоровъ и переписокъ, наконецъ, всѣ областныя общины согласились быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи, и послали своихъ выборныхъ отъ всякихъ чиновъ на *великій*

московскій и *земскій соборъ* или совѣтъ 1613 года. Всѣ города, по выраженію актовъ, явились *въ сходъ подъ Москву* и составили *земскій соборъ* или *совѣтъ всею землею.*

Мы разсмотрѣли далеко еще не всѣ областныя переписки. Но здѣсь остановимся, и сообразимъ общія историческія начала второй половины смутнаго времени. Невольно рождаются вопросы: что выразилъ духъ народный въ этомъ всеобщемъ требованіи областными общинами *любви, совѣта и соединенья?* Почему областныя общины, во время этой семилѣтней, политической самодѣятельности, не организовали постоянныхъ, народноправительственныхъ учрежденій, институцій народосовѣтія и народоправленія изъ своихъ областныхъ земскихъ совѣтовъ и изъ всеобщаго, всенароднаго, центрально-федеративнаго московскаго земскаго совѣта? Наконецъ, почему и въ какомъ смыслѣ избрали областныя общины царя всею землею, на всенародномъ земскомъ соборѣ?

Прежде всего повторимъ тотъ выводъ нашъ изъ подлинныхъ сказаній русскаго народа въ смутное время, что вовсе не централизаціи хотѣли областныя общины, когда переписывались между собою о любви, совѣтѣ и соединеньи. Напротивъ, онѣ инстинктивно выразили этимъ естественную потребность самостоятельно-выработаннаго союза, *соединенья*, и свободной земско-областной, общинной самодѣятельности, мѣстнаго общиннаго саморазвитія, самоустройства, *во взаимной любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи*, то-есть въ федеративномъ союзѣ. Эту естественную потребность свою они выразили, говоримъ, безсознательно, инстинктивно, въ самой жизни и дѣятельности своей во время междуцарствія, во всѣхъ своихъ перепискахъ «о любви, совѣтѣ и соединеньи». Областныя общины, въ самой колонизаціонной основѣ и земской общинной организаціи своей заключавшія естественно-историческія начала мѣстной самобытности, внутренно, существенно не согласовались съ насильственно-собирательной, московской централизаціей [1]). Весь историко-географическій и этнографическій строй ихъ внутренно не гармонировалъ съ завоевательной московской централизаціей XV и XVI столѣтій и съ той уничтожительной для областной жизни централизаціей, какая окончательно развилась до того времени. И великая рознь областей въ смутное время была, такъ—сказать, земско-областнымъ переворотомъ древней Россіи, была естественной, послѣдовательно-исторической, необходимой реакціей областныхъ общинъ противъ насильственной централизаціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженіемъ потребности добровольной, самимъ народомъ созданной союзности, федераціи областныхъ общинъ, основанной на *договорѣ, на любви, совѣтѣ и соединеньи.* Жизненную, естественную потребность и принципъ мѣстной, земско-областной, общинной самодѣятельности и совѣщательности, мѣстнаго самоуправленія и самоустройства областныя общины ясно выразили въ своихъ *областныхъ земскихъ совѣтахъ,*

[1]) Объ организаціи нашихъ общинъ мы будемъ говорить въ „Отеч. Запискахъ“ подробно въ одной изъ слѣдующихъ статей. *Прим. автора.*

несмотря на всю первоначальную нестройность ихъ организаціи. Потребность соединительнаго начала, федераціи, союзности, общинности, общей земской совѣщательности—провинціальныя общины выразили въ *великомъ всенародномъ земскомъ совѣтѣ московскомъ*. Естественно, послѣдовательно, изъ самой жизни и потребностей областныхъ общинъ, изъ ихъ семилѣтнихъ мѣстныхъ совѣтовъ о любви, совѣтѣ и соединеньи развивалась такая организація и форма ихъ союзности. Прослѣдите переписку областей въ смутное время отъ первоначальной розни ихъ до такъ называемаго въ актахъ *схода всѣхъ городовъ* подъ Москву: вы примѣтите послѣдовательный процессъ развитія общаго, всенароднаго земскаго совѣта изъ разрозненныхъ мѣстныхъ, областныхъ земскихъ совѣтовъ, примѣтите жизненно-практическій процессъ организаціи великаго земскаго собора 1613 года. Сфера земскаго народосовѣтія постепенно расширялась посредствомъ взаимныхъ договоровъ и взаимнаго соединенія, соглашенія разрознившихся мѣстныхъ совѣтовъ. Изъ малыхъ круговъ мѣстныхъ совѣтовъ постепенно ширилось, увеличивалось пространство областнаго народнаго совѣта и въ объемѣ предметовъ и въ степени общинной союзности, совѣщательности. Сначала союзный духъ областныхъ общинъ комбинировалъ земскія, мѣстныя, посредствующія инстанціи всенароднаго совѣта, обобщая мѣстные общинные интересы. Потомъ, отъ мѣстныхъ, областныхъ, частныхъ интересовъ сфера областнаго народосовѣтія расширилась до взаимныхъ, общихъ интересовъ всѣхъ областныхъ общинъ, и, наконецъ, въ исходѣ 1612 года, возрасла до интересовъ всенародныхъ, всерусскихъ, до выраженія земскаго единства. Такимъ образомъ, сначала каждая область, на своихъ мѣстныхъ совѣтахъ, какъ мы видѣли, заботилась только о своихъ интересахъ, или, по выраженію историческихъ актовъ, только *своихъ мѣстъ оберегала*. Потомъ областныя общины стали между собою совѣщаться, спрашивать одна другую: «что ея мысль, какой ея совѣтъ, будетъ ли та или другая область держать съ нею одинъ крѣпкій совѣтъ». Въ это время областнаго народосовѣтія, мы видѣли, во-первыхъ, земскіе совѣты, исключительно мѣстные, въ предѣлахъ каждой области, производившіеся городскими и уѣздными жителями; во-вторыхъ, земскіе совѣты, составлявшіеся изъ выборныхъ, посылаемыхъ или вызываемыхъ одною областною общиною въ другую. Наконецъ, результатомъ областныхъ общинныхъ совѣтовъ, результатомъ взаимнаго, постепеннаго соглашенія всѣхъ областныхъ общинъ между собою быть въ любви, совѣтѣ и соединеньи—было сознаніе необходимости такъ характеристично названнаго въ актахъ *схода всѣхъ городовъ*, *сбора всей земли*. Окончательнымъ результатомъ, выводомъ мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ и сбора, *схода городовъ* подъ Москву—былъ *великій московскій земскій совѣтъ* 1613 года.

Какъ ни смутно было бурное, хаотическое броженіе земскихъ элементовъ народосовѣтія въ замутившихся и разрознившихся областяхъ, но и въ этомъ хаосѣ, повторяемъ, нельзя не замѣтить естественнаго, инстинктивнаго стремленія областныхъ общинъ къ земскому народосовѣтію, нельзя не замѣтить естественной закладки, естественнаго самообразованія областныхъ земскихъ началъ народосовѣтія. Хоть и не стройна, груба была организація, нескладна форма мѣстныхъ совѣтовъ и развившагося изъ нихъ

общаго федеративнаго земскаго совѣта, какъ и все въ древней Россіи, было грубо; но эта организація мѣстнаго, областнаго и общаго, конфедеративнаго совѣта проистекала изъ духа народнаго, изъ естественной жизни и потребностей областныхъ массъ народа. Она такъ была естественна, заключала сама въ себѣ столько благоустроительной силы, что мирила, соглашала, уравновѣшивала самые нестройные, хаотическіе, разрозненные элементы и силы областныхъ общинъ, останавливала ихъ взаимную борьбу, водворяла порядокъ внутри области въ самое смутное время. Въ эпоху междуцарствія, пока областныя общины еще не согласились всѣ избрать царя всею землею, въ нихъ господствовало полное самоуправленіе и самостоятельная общинно-административная распорядительность. Вся иниціатива въ дѣлахъ и предпріятіяхъ земско-областныхъ, все обсужденіе мѣстныхъ вопросовъ, интересовъ, способовъ и направленія областной дѣятельности принадлежала мѣстнымъ земскимъ совѣтамъ. Только въ вопросахъ, касавшихся всей русской земли, какъ вопросъ объ изгнаніи поляковъ и литовцевъ, или объ избраніи царя—въ такихъ вопросахъ распорядительная власть каждаго земско-областнаго совѣта основывалась на федеративномъ совѣщаніи съ другими областными общинами, взаимно согласившимися быть въ любви, совѣтѣ и соединеньи. Земскій совѣтъ поморской области даже имѣлъ самостоятельныя сношенія съ шведскимъ королемъ Карломъ IX, самостоятельно и *единомышленно* рѣшилъ въ 1611 году не избирать на московскій престолъ шведскаго королевича, а избрать кого-нибудь изъ *прирожденныхъ* бояръ. Въ Новгородѣ, во время междуцарствія, земской самодѣятельности и мѣстнаго самоустройства, земское правительство самостоятельно заботилось о колонизаціи новгородской области, начертывало наказы мѣстнымъ властямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1612 году, правительство *новгородскаго государства*, въ наказѣ приказчику Нехорошему-Вельяшеву, старостамъ и цѣловальникамъ, предписывало: «На Олонцѣ и въ заонежскихъ погостахъ крестьянъ на пустыя выти называть и погосты полнить; а буде которые крестьяне, отъ отцевъ дѣти и отъ братьи братья и отъ дядь племянники и бобыли, и иные какіе вольные люди похотятъ взять пустые выти въ жило и на льготу: и Нехорошему тѣхъ людей на пустыя выти, на пашню, въ жило и на льготу сажать, а льготу имъ давать на годъ и на два, и на три, смотря по пустотѣ и по землѣ, и по угодью; брать на тѣхъ крестьянахъ въ дворовомъ поставленьи и въ земляной роспашкѣ крѣпкія поруки съ записьми; а старыхъ крестьянъ изъ тѣхъ погостовъ никуда не выпущать и возить ихъ никому не давать, а за государя (если онъ будетъ выбранъ) въ тѣ погосты крестьянъ ни изъ-за кого не возить же, опричь вольныхъ людей» и проч. Даже въ такія областныя общины, которыя представляли самую хаотическую, безсвязную комбинацію разнородныхъ этнографическихъ элементовъ, въ такія общины, гдѣ совершалась рознь и борьба племенныхъ интересовъ — мѣстные общинные земскіе совѣты вносили нѣкоторыя начала общественнаго единства и порядка. Вотъ, напримѣръ, казанская грамота къ пермичамъ, въ которой выражается дѣятельность или распорядительность разно-составнаго казанскаго земскаго совѣта:

«Мы, всякіе люди, *вся земля казанскаго государства*, и князья, и мурзы, и татары, и чуваши, и черемиса, и вотяки, сослалися съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами повольскими, и горными, и луговыми татарами, и съ луговою черемисою, *положили* на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, и за московское, и за казанское государство стоять, и другъ друга не побивать и не грабить, дурна ни надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, и ему указъ учинить съ приговору, смотря по винѣ; и воеводъ, и дьяковъ, и головъ, и всякихъ приказныхъ людей въ города не пущать, и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ попрежнему; и казаковъ въ городъ не пущать, и стоять на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, кого намъ дастъ Богъ на московское государство государя, а выбрать бы намъ на московское государство государя всею землею россійской державы, а буде казаки начнутъ выбирать государя по своему изволенью, не сославшись со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣть. А что, господа, ваша мысль, и что у васъ какихъ вѣстей будетъ, изъ Новгорода-Великаго, и съ Вологды, и съ Устюга, или изъ иныхъ какихъ городовъ— и вамъ бы насъ безъ вѣсти не держать, писать намъ о томъ почасту; а что у насъ про московское государство какихъ вѣстей будетъ, и мы о томъ будемъ къ вамъ писать потому же». Такъ и мурзы, и татары, и черемисы, и вотяки, и русскіе, всѣ, на казанскомъ земскомъ совѣтѣ уладились между собой и положили одни общія начала политическаго дѣйствованія.

Почему же, однако, областныя общины не удержали за собою права мѣстнаго народосовѣтія послѣ избранія царя, и не видно мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ послѣ 1613 года? Нельзя сказать рѣшительно, чтобъ послѣ смутнаго времени въ областяхъ вовсе не было земскихъ совѣтовъ. Слѣды ихъ замѣтны почти до самаго XVIII-го вѣка. Всѣ эти многочисленныя областныя челобитныя XVII-го вѣка, подававшіяся царямъ отъ имени цѣлыхъ областныхъ общинъ, *во всѣхъ мѣсто*, по обычному выраженію актовъ, то-есть отъ лица всѣхъ жителей области—всѣ эти областныя челобитныя, что такое были, какъ не результаты и рѣшенія мѣстныхъ, областныхъ земскихъ совѣтовъ? Въ нихъ многозначительно выразились элементы областнаго народосовѣтія, принципы мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ: это мы подробно раскроемъ въ другой статьѣ. Потомъ, видимъ въ областныхъ общинахъ *мірскіе сходы*, распоряженія *всѣмъ міромъ*.

Иной вопросъ: почему областные земскіе совѣты, въ эпоху политической самодѣятельности областныхъ общинъ, въ эпоху междуцарствія, не получили такой крѣпкой организаціи, такой прочной, опредѣленной формы постоянной, юридической и административной институціи въ областяхъ, чтобъ навсегда заявить право на свое земское значеніе и неприкосновенность, чтобъ потомъ государственная централизація не могла разрушить ихъ формъ? Причина этому была не одна. Первая причина та, что въ областныхъ общинахъ не развито было юридическое сознаніе. Форма земскихъ совѣтовъ естественно вылилась, какъ мы сказали, изъ непосредственно-натуральныхъ, инстинктивныхъ потребностей областной общинной жизни. Но, что вызываетъ, создаетъ естественная жизнь, исторія народа, то требуетъ, по закону общественной цивилизаціи, осмысленія, разумно-

сознательнаго, раціональнаго благоустройства, улучшенія, требуетъ гармонической, стройной, правильной организаціи. А въ нашихъ областныхъ общинахъ XVII-го вѣка не было такого раціональнаго, юридическаго смысла, такта, сознанія, чтобъ данной непосредственною жизнію формѣ земскихъ совѣтовъ дать стройную, прочную, раціонально-юридическую организацію постоянной институціи... Русскіе люди первой половины XVII-го вѣка еще не знали началъ европейской, юридической жизни, руководились непосредственностью. Другая причина слабаго развитія областныхъ земскихъ совѣтовъ и неустойки ихъ противъ централизаціонныхъ учрежденій заключалась въ недостаткѣ нравственнаго единства между членами областныхъ общинъ. Иностранцы Маржеретъ, Буссовъ, русскій писатель Палицынъ, акты смутнаго времени и лѣтопись о мятежахъ изобразили намъ самыми мрачными красками тотъ раздоръ, тѣ несогласія, ту страшную своекорыстность и недовѣрчивость брата къ брату, какія господствовали въ великорусскихъ общинахъ въ эпоху смутнаго времени. Недостатокъ союзнаго духа между членами областныхъ общинъ еще болѣе увеличился отъ того разлада и борьбы городского и сельскаго элемента, начавшихся со времени присоединенія крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ—къ посадской, отъ того хаотическаго смѣшенія и броженія народонаселенія, какое произошло вслѣдствіе взаимнаго разлада и розни тяглыхъ и нетяглыхъ общинъ, тяглыхъ и *избылыхъ* людей, вслѣдствіе неравенства правъ и состоянія. Вся эта недостаточность общинной союзности и моральнаго единства между членами областныхъ общинъ, естественно, препятствовала полному, цѣльному и гармоническому строю и развитію областныхъ земскихъ совѣтовъ, даже разлагала ихъ въ самой основѣ. Наконецъ, нечего и говорить о томъ, какъ мало гармонировала съ цѣльностью и стройностью областныхъ земскихъ совѣтовъ безсвязная смѣсь и рознь этнографическихъ, племенныхъ элементовъ, славяно-русскаго и инородческихъ, особенно въ южныхъ, восточныхъ и сѣверо-восточныхъ областныхъ общинахъ. Тутъ и племенной антагонизмъ вносилъ въ областные земскіе совѣты начала несогласія, безсовѣтія—слѣдовательно, непрочность и разладъ.

Остается послѣдній вопросъ: почему и въ какомъ смыслѣ областныя общины избрали царя, и избрали по совѣту всей земли на всенародномъ земскомъ соборѣ 1613 года? Во-первыхъ, потому же, почему не признали царемъ Шуйскаго. Областныя общины, какъ мы знаемъ уже изъ ихъ переписокъ, не терпѣли никакихъ исключительныхъ, избирательныхъ правъ, крѣпко держались начала всеобщаго земскаго выбора, всенародной воли. Принципъ выборнаго земскаго начала, принципъ *излюбленнаго* выбора, былъ такимъ священнымъ закономъ воли народной, что народъ простиралъ его на самого царя... Шуйскаго признали царемъ немногіе города, и всѣ прочія областныя общины, недовольныя притомъ усиленіемъ при немъ власти бояръ, не цѣловали ему креста, отвергли его. Бояре, крамольничавшіе и враждовавшіе между собой, во время междуцарствія, домогались захватить въ свои руки верховную власть и раздѣлить Россію на удѣлы: областныя общины, особенно нетерпѣвшія боярской олигархіи, возстали противъ ихъ исключительной притязательности, и въ областныхъ

перепискахъ своихъ о взаимномъ совѣтѣ писали: «а бояръ намъ не хотѣть, противъ бояръ стоять намъ вмѣстѣ за-одинъ». Казаки покушались подставить, въ свою пользу, своего самозванца-царя: областныя общины возстали и противъ казаковъ, и переписались между собой: «а буде кого казаки станутъ выбирать на московское государство, по своему изволенью, не сославшись со всею землею, и того государя намъ не хотѣть». Далѣе, по словамъ одного сыскного дѣла первой четверти XVII-го вѣка, многіе *воцаривались* и большими деньгами подкупали народъ, чтобъ собрать голоса о признаніи кого-либо изъ нихъ царемъ. И для устраненія этихъ притязаній необходимо было избраніе царя всею землею, по совѣту всей земли. Наконецъ, юному государству русскому все-таки угрожала опасность новаго распаденія на части. Не только инородческія провинціи, но и многія старыя области могли еще отпасть отъ общаго союза. Притомъ же, поляки, литовцы и шведы угрожали разорвать Россію на многія части. Все это побуждало областныя общины, сильныя сознаніемъ любви, совѣта и соединенья, образовать прочный союзъ, или союзное государство, и для общаго посредничества и контроля избрать одного общаго царя. И вотъ на великомъ земскомъ совѣтѣ 1613 года избранъ былъ *всею землею* царь Михаилъ Ѳедоровичъ — избранъ на полномъ земскомъ выборномъ правѣ всего народа. Въ государственной книгѣ объ этомъ *земскомъ соборѣ* читаемъ: «Лѣта 1613, московскаго государства бояре, воеводы и всякихъ чиновъ всякіе люди, которые въ то время были въ Москвѣ, писали во всѣ города всего великаго россійскаго государства къ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ и ко всему освященному собору, и къ боярамъ, и къ воеводамъ, и къ дворянамъ, и къ гостямъ, и къ посадскимъ, и ко всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, чтобъ изо всѣхъ городовъ всего великаго россійскаго царства, изо всякихъ чиновъ, послали въ Москву, для земскаго совѣта и для избранія государя, лучшихъ и разумныхъ людей, и съ ихъ бы земскаго совѣта выбрать государя, кого Богъ дастъ, на владимірское, на московское и на новгородское государства и на Царства Казанское, Астраханское и Сибирское и на всѣ великія россійскія государства. И изъ всѣхъ городовъ всего великаго россійскаго государства въ царствующій городъ Москву на совѣтъ съѣхались власти и всякой іерейскій чинъ соборнѣ, и государскія дѣти, цари и царевичи и мурзы разныхъ земель, которые служатъ въ московскомъ государствѣ, и бояре, и окольничіе, и дворяне, и дѣти боярскія, и гости, и всякіе служилые, и посадскіе, и уѣздные люди. И тѣ выборные лучшіе люди къ Москвѣ съѣхалися, договорясь въ городахъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей полныя грамоты». Выборные земскіе люди признали необходимымъ избрать царя для поддержанія между областными общинами федеративной связи или *любви, совѣта и соединенья*, на чемъ порѣшено было на областныхъ земскихъ совѣтахъ, для устраненія исключительныхъ удѣльно-олигархическихъ притязаній боярства и военно-демократическихъ стремленій казачества, для сохраненія русской земли отъ распаденія на части. «Безъ государя (говорили выборные земскіе люди), московскому государству быть не можно; безъ государя московское госуда

ство не строится и воровскими заводами на многія части распадается». Избравъ царя, выборные земскіе люди дали ему *запись, какая уложена была по совѣту всей земли.* Запись эта, по всей вѣроятности, опредѣляла самодержавіе и была обычная со временъ Грознаго до Алексѣя Михайловича. Котошихинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Вопросъ: для чего пишется *самодержецъ*? Отвѣтъ: какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство: и на нихъ были иманы письма, чтобъ имъ быть нежестокимъ и неопальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что, и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и съ думными людьми собча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать. А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича) выбрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому онъ наивысочайше пишется: *самодержцемъ*, и государство свое правитъ *по своей волѣ*; и съ кѣмъ похочетъ учинить войну и покой, и по миру что кому по дружбѣ отдать, или какую помочь чинить, или иныя всякія дѣла великія и малыя похочетъ по своей мысли учинить, то съ боярами и съ думными людьми спрашивается о томъ мало; въ его волѣ, что хочетъ, то и можетъ сдѣлать. А отецъ его, царь Михайло Ѳедоровичъ, хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего». И не только безъ боярскаго совѣта, но и безъ земскаго собора, новоизбранный царь Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ ни начать войны, ни назначить сбора на ратныхъ людей, и т. п. Выборные земскіе люди, избравъ царя *всею землею, по совѣту всей земли*, удержали за народомъ право на земскіе соборы и на общинно-областную челобитную гласность и представительность передъ правительствомъ. Великій земскій совѣтъ 1613 года удерживалъ за собою значеніе всенароднаго земскаго правительства около четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, пользовался полною государственно-распорядительною властью съ февраля до половины іюня...

О земскихъ соборахъ и объ общинныхъ или земскихъ областныхъ челобитныхъ XVII-го вѣка скажемъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

Земскіе соборы въ XVII столѣтіи

Соборъ 1642 года *)

Въ смутное время областныя общины наши выразили три великихъ принципа областной народной жизни. Во-первыхъ, выразили принципъ федеративной союзности: по собственному ихъ выраженію онѣ захотѣли быть между собою *въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи*. Во-вторыхъ, областныя общины выразили во время своей розни принципъ мѣстной областной совѣщательности. Это начало проявилось въ *областныхъ земскихъ совѣтахъ*, какіе составлялись тогда въ главныхъ областныхъ городахъ изъ городскихъ и уѣздныхъ жителей, изъ городовыхъ и волостныхъ сходовъ. Наконецъ,—народъ нашъ въ смутное время выразилъ, хотя инстинктивно, потребность всеобщаго, земскаго *народосовѣтія* черезъ *выборныхъ добрыхъ, лучшихъ и разумныхъ людей*, потребность *земскихъ соборовъ*. Результатомъ областныхъ, мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ, результатомъ совѣщательнаго рѣшенія областныхъ общинъ быть между собою въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи—былъ великій московскій земскій соборъ 1613 года, которымъ кончается рознь областей въ смутное время. Царь избранъ былъ по ограничительной *записи, какова была по совѣту всей земли*, блюстителемъ союзныхъ правъ и интересовъ всѣхъ вообще областныхъ общинъ. Вѣрныя своей земской думѣ, областныя общины начали, послѣ смутнаго времени, по своимъ принципамъ, новую государственно-союзную жизнь. Не прерывая федеративной связи, онѣ смѣло заявляли, во-первыхъ, свое право общественнаго земскаго народосовѣтія и областной челобитной гласности. Во-вторыхъ, избранному всею землею царю предлежало думать о народныхъ земско-областныхъ дѣлахъ и интересахъ, не только съ боярами и съ думными людьми, но и созывать земскіе соборы, созывать выборныхъ изъ всѣхъ областныхъ общинъ и изъ всѣхъ чиновъ, какіе въ то время были

Великій московскій земскій совѣтъ 1613 года удерживалъ за собо значеніе всенароднаго земскаго правительства около 4-хъ съ половино мѣсяцевъ, пользовался полною государственно-распорядительною власт съ февраля до половины іюня. Послѣ него, еще не разъ собирались зе

---

*) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г. въ № 11 (цензурное дозволеніе о 18 марта того же года; редакторъ-издатель Г. З. Елисеевъ).

скіе соборы. По изданному собранію государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ,—намъ извѣстны 6 земскихъ соборовъ, изъ которыхъ 4 были въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и 2 въ царствованіе Алексѣя Михайловича. 4 земскихъ собора созваны были по дѣламъ военнымъ и дипломатическимъ, 2 исключительно по дѣламъ земскаго устройства. Я считаю лишнимъ говорить подробно о каждомъ изъ этихъ соборовъ, а обращу вниманіе читателей только на важнѣйшіе изъ нихъ. Сначала нужно раскрыть общую организацію земскихъ соборовъ XVII вѣка.

Московскіе земскіе соборы созывались обыкновенно или по личному указу царя, или вслѣдствіе предварительнаго совѣта его съ духовными и свѣтскими чинами московскими, съ патріархомъ, съ низшимъ духовенствомъ, съ боярами всѣхъ степеней, съ гостями и черными людьми московскими. Въ первомъ случаѣ иниціатива и форма выборной организаціи земскаго собора въ актахъ выражалась такимъ образомъ: «и государь, царь и великій князь всея Русіи *указалъ быть собору*, а на соборѣ быть патріарху, митрополиту такому-то, архимандритамъ, игуменамъ и всему священному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и дьякамъ, и головамъ и сотникамъ стрѣлецкимъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ *изъ городовъ*, и гостямъ, и гостиныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и *всякимъ* служилымъ и жилецкимъ людямъ, и сказать всякимъ людямъ, для чего созывается соборъ: и они бы выбрали изъ всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, изъ середнихъ и изъ молодчихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ (предметѣ совѣщанія) говорить; а кого выберутъ, тѣхъ людей записать имена». Такъ составлялся земскій соборъ по царскому указу. Но былъ случай въ началѣ царствованія Михаила, что и самый земскій соборъ созывался не по личному указу царя, а по предварительному совѣту земскихъ людей московскихъ—духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Это было вскорѣ послѣ смутнаго времени, спустя 5 лѣтъ послѣ великаго московскаго земскаго совѣта 1613 года. Печально было тогда состояніе народа. Въ смутное время онъ чрезвычайно разорился и обѣднѣлъ, частію отъ опустошительныхъ грабежей казачьихъ, польскихъ и литовскихъ, частью отъ внутреннихъ междуусобій, частію отъ большихъ поборовъ на общее земское дѣло—на очищеніе московскаго государства отъ враговъ. Вслѣдствіе крайняго обѣднѣнія, народъ уклонялся отъ государственныхъ поборовъ; для избѣжанія податей многіе посадскіе и уѣздные люди *закладывались* въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей. Къ царю слались отовсюду изъ областей челобитныя, отъ цѣлыхъ областныхъ общинъ и отъ частныхъ лицъ, то съ жалобою на писцовъ, на неравномѣрную роспись и раскладку податей, то съ жалобой на обиды и насильства со стороны бояръ, то съ просьбой льготъ. И вотъ, вслѣдствіе такого бѣдственнаго положенія народа, въ 1619 году составленъ былъ въ присутствіи царя совѣтъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Собраны были бояре и духовные московскіе. На этомъ московскомъ думномъ совѣтѣ говорено было *о земскомъ устроеніи и о многихъ статьяхъ*, чтобъ въ государствѣ многія статьи

поправить къ покою и строенью людямъ. Но частный соборъ, изъ однихъ московскихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, не могъ дознать и обсудить всѣ интересы и нужды земскихъ и областныхъ общинъ. Интересы и требованія земско-областныхъ общинъ и частныхъ лицъ такъ были многочисленны, разнообразны и многосложны, что нуженъ былъ непремѣнно земскій соборъ, для обсужденія опредѣленій частнаго московскаго совѣта государя съ духовенствомъ и боярами. И въ началѣ іюля 1619 года разослана была царская окружная грамота по всѣмъ областямъ о присылкѣ въ Москву *выборныхъ*, для совѣта и составленія вновь окладныхъ книгъ и уравненія податей и повинностей, съ отчетомъ объ опредѣленіяхъ московскаго государева совѣта съ духовенствомъ и боярами. Вотъ, напр., окружная грамота, какая послана была 5 іюля въ Новгородъ, о присылкѣ въ Москву выборныхъ на земскій совѣтъ. «Судьбами Божіими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, московское государство разорилось и запустѣло, а подати всякія и подмоги ямскимъ охотникамъ берутъ съ однихъ по писцовымъ книгамъ: однимъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, которые послѣ московскаго разоренія посланы были по городамъ, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными, по недружбѣ, тяжело, и отъ того московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная; а изъ замосковныхъ и изъ украинныхъ городовъ посадскіе многіе люди, льготя себѣ, чтобъ имъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали въ Москву, живутъ на Москвѣ и по городамъ у племени и у друзей, а по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхать не хотятъ; а изъ иныхъ украинныхъ и разоренныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ, чтобъ имъ, для разоренья, во всякихъ податѣхъ дати льготы, а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею, съ посадскими и уѣздными людьми, не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ, а иные многіе люди намъ бьютъ челомъ, на бояръ и всякихъ чиновъ людей, въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловали велѣти отъ сильныхъ людей оборонить. И мы, великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми и со всѣми людьми московскаго государства, учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и землю устроить? И усовѣтовавъ, мы, великій государь, съ отцемъ нашимъ и съ богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими и со всѣми людьми московскаго государства, приговорили: изъ городовъ изо всѣхъ, вѣдомости и устроенья, указали есмя взяти къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка, добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды, и насильства, и разоренье, и чѣмъ московскому госу-

дарству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ велѣли быти въ соборной церкви Софіи премудрости Божіей архимандритамъ, и игуменамъ и всему освященному собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ, и всякимъ людямъ новгородскаго государства; а какъ сойдутся, и вы-бъ сю нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ людямъ вслухъ; а прочетчи сю нашу грамоту, велѣли-бъ естя духовнымъ людямъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрати изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ, изъ духовнаго чину человѣка или двухъ, а изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, изъ пятины по два человѣка, а изъ гостей и изъ посадскихъ людей по два человѣка, и выборные на нихъ списки дали за руками, и отпустили-бъ ихъ къ намъ къ Москвѣ, чтобъ намъ и отцу нашему и богомольцу Филарету Никитичу, Божіею милостію патріарху московскому и всея Русіи, всякія ихъ нужи, и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки были вѣдомы: а мы, великій государь, съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ съ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи совѣтовавъ, по ихъ челобитью, прося у Бога милости, учнемъ о московскомъ государствѣ промышляти, чтобъ во всемъ поправити, какъ лучше.

А выборныхъ бы естя людей, которыхъ выберутъ, отпустили-бъ къ намъ къ Москвѣ не мѣшкая, чтобъ намъ и отцу нашему и богомольцу о всемъ Новгородскомъ разореньи было вѣдомо, и выслушавъ отъ нихъ челобитья, учали-бъ есмя, прося у Бога милости, говорити и промышляти объ нихъ ко всему добру, чтобъ всѣ люди нашего государства, по Божіей милости и нашимъ царскимъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и въ радости».

Такимъ образомъ, по личному ли царскому указу, или по предварительному совѣту царя съ московскимъ духовенствомъ, съ боярами и думными людьми, окружными грамотами вызывались изъ всѣхъ областей въ Москву выборные, добрые и разумные люди изъ всѣхъ чиновъ, по человѣку, по два и болѣе изъ каждаго чина.

Число выборныхъ на земскихъ соборахъ было неопредѣленное и неодинаковое. Напримѣръ, на земскомъ соборѣ 1642 года всѣхъ выборныхъ было 182 челов., въ томъ числѣ стольниковъ 10, дворянъ 22, 4 стрѣлецкихъ головы, 12 жильцовъ, 115 дворянъ и дѣтей боярскихъ, выборныхъ изъ 42 областныхъ городовъ, и, наконецъ, 29 торговыхъ людей. А на Земскомъ Соборѣ 1648 года, созванномъ по поводу изданія уложенія, выборныхъ всѣхъ чиновъ, приложившихъ руки за себя и за другихъ, было до 315 человѣкъ. Когда областные выборные, земскіе представители съѣзжались въ Москву, тогда открывался земскій соборъ, или въ золотой большой грановитой палатѣ, или въ столовой избѣ, или въ отвѣтной палатѣ, или въ другой какой-нибудь большой царской палатѣ. Засѣданіе открывалось иногда рѣчью самого царя о предметѣ земскаго соборнаго народосовѣтія; или же думный дьякъ и печатникъ говорилъ или читалъ за царя рѣчь о предметѣ земско-соборнаго сужденія. Это было нѣчто въ родѣ тронной рѣчи. Списокъ съ нея раздавался выборнымъ людямъ всякихъ чиновъ при боярахъ, для подлин-

наго вѣдома и, вѣроятно, для предварительнаго обсужденія. Затѣмъ, по порядку чиновъ, говорили на Соборѣ земскіе выборные, излагали свои мнѣнія. Выборные земскіе люди одного чина или разряда, согласясь между собой предварительно, высказывали свои мнѣнія или требованія, сообразно съ своими интересами, всѣ сообща, общимъ голосомъ, черезъ одного какого-нибудь выборнаго гласнаго, заключая свою рѣчь обыкновенно такими словами: «то наша, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, мысль и сказка»; или: «то за нами гостишками и гостиной и суконной сотенъ людишекъ рѣчи», и т. п. У каждаго чина или однороднаго класса выборныхъ былъ дьякъ, и записывалъ ихъ мнѣнія, сказки, мысли и рѣчи. Иногда, одинъ членъ какого-либо разряда или чина выборныхъ, не довольствуясь объясненіемъ своей братіи, самъ отъ себя говорилъ исправительную или дополнительную рѣчь,—и его сказка принималась къ свѣдѣнію и записывалась. Изъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ разными земско-соборными выборными отъ общинъ, выводился общій результатъ, принималось общее рѣшеніе, заключеніе земскаго собора.—Такова общая формальная организація и значеніе земскихъ соборовъ XVII вѣка.

Такимъ образомъ мы видимъ, что земскіе соборы XVII в. созывались, хотя и по указу царя или по призыву частнаго московскаго собора, но, въ то же время, и вслѣдствіе мѣстнаго, самостоятельнаго рѣшенія *областныхъ земскихъ сходовъ, или совѣтовъ.* Выборные на московскіе земскіе соборы выбирались на мѣстахъ областными земскими совѣтами. «И какъ къ вамъ ся наша грамота (о выборныхъ на земскій соборъ) придетъ,— пишетъ царь въ окружной грамотѣ о присылкѣ выборныхъ въ Москву, — и вы-бъ велѣли быть въ *Соборной* церкви Софіи архимандритамъ, игуменамъ и всему священному Собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и *посадскимъ, и уѣзднымъ* и всякимъ людямъ *Новгородскаго государства,* а какъ сойдутся,—и вы-бъ, прочетши сію грамоту всѣмъ людямъ въ слухъ, велѣли-бъ духовнымъ людямъ, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ, и всякимъ людямъ выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ», и проч. Пусть эти областные земскіе совѣты, или сходы, и обще-союзные московскіе земскіе соборы были грубы, какъ всякое установленіе, непосредственно-натурально развивающееся изъ жизни народной. Но они были созданы жизнію самаго народа. Они требовали свободнаго развитія, просвѣщенно-юридическаго осмысленія, облагороженія, усовершенствованія.

И въ формахъ XVII столѣтія, земскіе соборы были вовсе не такъ грубы, какъ можно представить съ современной точки зрѣнія. Только мужиковаты были рѣчи, не имѣли современнаго образованнаго литературнаго колорита, но зато онѣ были кратки, точны, полномысленны и полножизненны. Здѣсь важенъ не столько принципъ земскихъ соборовъ, а эта живая, откровенная, правдивая выразительность и требовательность практическаго смысла и сознанія народнаго. Даже въ такой вѣкъ, какъ вѣкъ XVII, вѣкъ грубаго невѣжества и суевѣрія, народъ нашъ, наши земско-областныя общины практически способны были давать самые разумные и жизненно практическіе совѣты. Какъ практиче-

скій духъ народа, на основаніи земскаго устройства областныхъ общинъ, на основаніи многовѣкового опыта жизненной исторической практики, самъ собой создалъ принципъ земскаго народосовѣтія и выразилъ его въ формахъ областныхъ земскихъ совѣтовъ и московскихъ земскихъ соборовъ,—такъ этотъ же практическій смыслъ народа заключалъ въ себѣ природную способность къ земскому народосовѣтію. Вспомнимъ, напр., какъ высказывали правду земскіе люди, представители областей и разныхъ чиновъ, на Азовскомъ соборѣ 1642 года, и какіе умные давали совѣты. Дворяне и дѣти боярскіе, собранные изъ 16 городовъ говорили: «Твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ, и помѣстьями, и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ, неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, покупили многія вотчины и построили себѣ много домовъ, палаты каменныя такія, что неудобосказаемыя; при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было и достойно въ такихъ домахъ жить: вели, государь, съ ихъ вотчинъ и помѣстій взять ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, а противъ ихъ домовъ и пожитковъ, вели съ нихъ взять денегъ ратныхъ своимъ государевымъ людямъ на жалованье... А которые, государь, наша братія, не хотя тебѣ, государю, служить, отбываючи твоей государевой службы, писались по московскому списку и въ иные твои государевы чины, и будучи въ твоихъ государевыхъ городахъ, у твоихъ государевыхъ дѣлъ, отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатствомъ, а иные твоимъ государевымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами большими, и на то богатство накупили многія вотчины: вели, государь, съ тѣхъ ихъ помѣстій и вотчинъ взять даточныхъ конныхъ и пѣшихъ людей; а съ ихъ пожитковъ вели, государь, обложить ихъ деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. А дворовые твои государевы всякихъ чиновъ люди у тебя, государь, пожалованы помѣстьями и вотчинами, да имъ же ежегодное твое государево денежное жалованье, да они же бываютъ черезъ годъ и черезъ два на приказахъ въ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ великихъ селахъ, и наживаютъ большіе пожитки, а твоей государевой полковой службы не служатъ; а коли они бываютъ и на Москвѣ, то бываютъ у твоихъ же государевыхъ дѣлъ, и тѣхъ своихъ пожитковъ нигдѣ не проживаютъ: вели, государь, и съ нихъ въ счетъ даточныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, и съ ихъ помѣстьевъ вели, государь, взять денегъ въ твою государеву казну.... А буде тебѣ, государь, казны надобно будетъ скоро, сверхъ твоей государевой казны и того сбора, вели, государь, взять патріархову казну и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и епископовъ, и въ монастыряхъ *лежачую домовую казну*, для такой же скорой твоей государевой службы». Наконецъ, дворяне и дѣти боярскіе совѣтовали царю счесть приказныхъ людей, дьяковъ, подьячихъ и таможенныхъ чиновъ, по приходнымъ книгамъ, чтобъ государева казна безъ вѣдомости не терялась, и представить сборъ государевой казны гостямъ и земскимъ людямъ. Еще прямѣе высказывали свои мысли, и даже рѣшительно протестовали противъ ратныхъ повинностей и противъ воеводскаго управленія, «гости и гостиной и суконной сотенъ торговые люди». «Объ устройствѣ ратныхъ людей,—говорили

они,—и о записяхъ, о томъ, какъ тебя, государь, Богъ извѣститъ; а то дѣло служивыхъ людей, за которыми твое государево жалованье, вотчины многія и помѣстья есть; а мы, холопы твои, гостишки и гостиныя и суконныя сотни торговые людишки городовые, питаемся въ городахъ своими промыслишками, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, а службы твои государевы служимъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ всякой годъ, безпрестанно, и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинной деньги, что мы, холопы твои, давали тебѣ, государю, въ смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали до конца. А будучи мы, холопы твои, на твоихъ государевыхъ службахъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, сбираемъ твою государеву казну, за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью; гдѣ сбирались при прежнихъ государяхъ и при тебѣ, государь, въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, а нынѣ, государь, сбирается съ насъ и со всей земли нами же, холопами твоими, тысячъ по пяти и по шести и больше; а торжишки, государь, у насъ, холопей твоихъ, противъ прежнихъ годовъ стали гораздо хуже... А въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ нихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ, торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было». Наконецъ, сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ, и всѣ тяглые люди говорили на земскомъ соборѣ: «что касается до устройства ратныхъ людей и до запасовъ, о томъ, какъ тебя, государь, Богъ извѣститъ: а мы, сироты твои, черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки, и всѣ тяглые люди, нынѣ, по грѣхамъ своимъ, оскудѣли и обнищали отъ большихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ, государю, въ смоленскую службу, и отъ поворостныхъ денегъ, и отъ городоваго земляного дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничьихъ служебъ, которыя мы, сироты твои, въ твоихъ государевыхъ ратныхъ службахъ въ Москвѣ служили съ гостями и опричь гостей; а служитъ съ насъ, сиротъ твоихъ, въ государевыхъ разныхъ приказахъ всякій годъ по 145 человѣкъ цѣловальниковъ, да съ насъ же, сиротъ твоихъ, стоятъ на земскомъ дворѣ безпрестанно и безъ съѣзду 75 человѣкъ, ярыжныхъ, да извощики съ лошадьми, для ради грѣховнаго пожарнаго времени, и платимъ тѣмъ цѣловальникамъ, ярыжнымъ и извощикамъ ежемѣсячно кормовыя подможныя деньги большія, и отъ той большой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои бросаютъ».

Вотъ какъ выражался духъ народный на земскихъ соборахъ. Лицемъ къ лицу передъ единодержавіемъ, народъ являлся двоедушнымъ двусмысленнымъ, а въ сущности и тутъ оказывался онъ по натурѣ вѣрнымъ самому себѣ, демократомъ. Земскіе люди униженно называютъ себя холопами царя, людишками, гостишками, и т. п.; свои страдальческія занятія

называютъ промыслишками, торжишками и т. п.; то и дѣло повторяютъ въ своей рѣчи, чуть не за каждымъ словомъ: «государь, твои государевы холопы» и проч. А въ то же время напрямикъ отказываются служить нуждамъ и запросамъ государевой казны, въ ущербъ своихъ нуждъ и интересовъ, хотя на словахъ и выражаютъ свою готовность сослужить службу царскую. О службѣ царской народъ говоритъ государю: «о томъ, какъ тебя, государя, Богъ извѣститъ; а мы не можемъ, обнищали и оскудѣли отъ убыли своихъ промыслишковъ и торжишковъ, отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, и хотимъ брести врознь». Контрастъ этотъ ясно указываетъ, что духомъ народнымъ руководили не отвлеченность, а жизнь и практика. Выводы, начала, мысли, высказанные земскими выборными на Азовскомъ соборѣ, были выводами, началами народными, жизненными. Представители земства, во-первыхъ, совершенно основательно, по внушенію опыта, требовали справедливаго равенства въ раскладкѣ земскихъ податей и повинностей, требовали писцовой поземельной системы государственныхъ поборовъ, и экономической отчетливости въ распоряженіи народными доходами для нуждъ государства, совѣтовали устроить земскій, народный контроль надъ казенными сборами, контроль земскихъ людей добрыхъ, выборныхъ изо всѣхъ чиновъ человѣка по два и по три, требовали, «чтобъ и неслуживые съ неслуживыми въ *равенствѣ* были, никто-бъ въ избылыхъ не былъ». Ни дьяки, построившіе на счетъ народа такія каменныя палаты, что неудобьсказаемыя,—накупившіе на взятки богатѣйшія вотчины, да кромѣ того еще отъ царя пожалованные вотчинами и помѣстьями, ни патріархи, митрополиты, архіепископы и монастыри—съ ихъ *лежачей домовой казной*, ни *отяжелѣвшіе* богачи — вотчинники, ни *дворовые царскіе* вотчинники;—никто, по мыслямъ народныхъ выборныхъ, не долженъ уклонятъся отъ земскихъ податей и повинностей, въ ущербъ бѣднымъ тяглымъ людямъ, въ ущербъ торговымъ и промышленнымъ классамъ народа—самымъ главнымъ производительнымъ силамъ государства. Гости и гостиной и суконной сотенъ торговые люди жизненно прочувствовали, на опытѣ дознали, какъ вредно въ дѣлѣ свободной народной промышленности и торговли вмѣшательство, опека и контроль приказнаго начальства, воеводъ,—и потому такъ рѣшительно протестовали противъ воеводскаго управленія, противъ уничтоженія стариннаго посадскаго самоуправленія и самосуда. Наконецъ — люди черныхъ сотенъ и слободъ и всѣ тяглые люди сильно и громко протестовали противъ многочисленности и обременительности податей и повинностей, жаловались на свое обнищаніе и оскудѣніе отъ податей и повинностей, говоря, что они разбредутся врознь.

Земскій соборъ 1648—1649

и собраніе депутатовъ 1767 годовъ [1])

I

Извѣстно, что до московской централизаціи, въ эпоху земской самобытности областей, не было общаго положительнаго законодательства, а только выработывались изъ жизни народной, земско-областной и изрѣдка предавались письмени мѣстные юридическіе обычаи. Въ общинныхъ, народоправныхъ *черныхъ* волостяхъ выработывались изъ жизни крестьянской, мірской, неписанныя, но обычныя мірскія постановленія, или, такъ-называемыя въ актахъ, *мірскія уложенія* (А. Юр. № 358). Въ вотчинныхъ волостяхъ требовались волостными крестьянами и, по ихъ челобитью, съ ихъ *разсуженья*, составлялись вотчинныя *уставныя грамоты* (А. Э. 1, № 269, 258 и др.). Въ цѣлыхъ областяхъ выработывались земскою, мірскою жизнью, или съ конца XIV вѣка выдавались иногда князьями областныя *уставныя грамоты*. Таковы, напримѣръ, псковская судная грамота, двинская уставная грамата. Принципъ мѣстной областной уставности, мѣстнаго юридическаго самоустройства такъ былъ обыченъ въ областныхъ общинахъ, особенно въ сѣверныхъ, древне-новгородскихъ, что многія изъ нихъ, напримѣръ, важская земля, двинская земля, устьянскія волости, какъ читатели наши знаютъ уже, во второй половинѣ XVI вѣка вытебовали себѣ мѣстныя уставныя граматы на право излюбленнаго самоуправленія и самосуда. Царь Грозный далъ имъ эти уставныя граматы не по своей волѣ, а по ихъ челобитью и сильной протестаціи противъ царскихъ намѣстниковъ и волостелей. Въ самыхъ граматахъ царь только утвердилъ тѣ общія начала излюбленнаго, общинно-выборнаго самоуправленія и самосуда, какія опредѣлены были самими областными общинами. Дальнѣйшее развитіе этихъ общихъ началъ, примѣненіе ихъ къ мѣстному теченію жизни предоставлено было самимъ областнымъ общинамъ, предоставлено было имъ самимъ управляться такъ, *чтобъ управа люба была всей ихъ землѣ*.

[1]) Напечатано въ журналѣ „Отечественныя записки“ за 1862 г., № 11, стр. 1—43 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 28 ноября того же года; редакторы-издатели А. Краевскій и С. Дудышкинъ).

Но съ XVI вѣка все это были уже исключенія. Съ прекращеніемъ земской особности, самобытности областей, прекратилось и развитіе областной, мѣстной уставности. Только разнообразная мѣстная жизнь народная, попрежнему, хранила и вновь выработывала свои юридическіе обычаи, не получавшіе письменной опредѣленности и государственнаго значенія и утвержденія. Съ тѣхъ поръ, какъ московское государство централизовало всѣ областныя общины, съ тѣхъ поръ начала развиваться юридическая централизація, систематическое обобщеніе юридическихъ началъ земско-областной жизни. Эта систематизація мѣстныхъ, земско-областныхъ, юридическихъ принциповъ — правъ и обязанностей выразилась въ развитіи законодательной кодификаціи. Уже при царѣ Иванѣ III, когда такъ-называемое *собираніе русской земли* совершилось почти окончательно, составленъ былъ первый судебникъ, сводъ частію мѣстныхъ областныхъ уставныхъ грамать, частію новыхъ царскихъ грамать и указовъ. При Иванѣ Грозномъ составленъ былъ второй судебникъ, на основаніи перваго, съ присовокупленіемъ вновь изданныхъ царскихъ указовъ и грамать, съ соображеніемъ новыхъ опытовъ и данныхъ народной земско-областной жизни въ развивавшемся государственномъ союзѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка, сообразно съ новыми данными народной жизни и съ накопившимися вновь указами и граматами, составлены были дополнительныя статьи къ судебнику. Царствованіе Михаила Өедоровича особенно обильно было царскими граматами и указами; потому что областныя общины, согласившись, послѣ розни своей въ смутное время, быть между собой въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи по праву общинно-областной челобитной представительности и гласности, не давали новоизбранному всею землею царю покоя своими безпрестанными земско-общинными челобитными. Вслѣдствіе этихъ народныхъ челобитныхъ, царскихъ указовъ и грамать еще больше накопилось. Нужно было свести ихъ въ одну книгу, и обобщить юридическія начала народной земско-областной жизни согласно съ государственной централизаціей. И вотъ 16 іюля 1848 года, по указу царя Алексѣя Михайловича, созванъ былъ сначала соборъ изъ однихъ московскихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. По приговору этого частнаго собора, рѣшено было собрать всѣ прежніе царскіе указы и боярскіе приговоры, а недостающія статьи вновь составить. Далѣе, ужъ не этотъ частный соборъ, а самъ царь указалъ, кому заняться этимъ сводомъ прежнихъ законовъ и составленіемъ новыхъ. Дѣло поручено было пяти членамъ царскаго бюрократическаго правительства. Въ подлинной выпискѣ о бывшемъ въ Москвѣ, по указу царя Алексѣя, соборѣ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ для сочиненія новаго собранія законовъ, сказано такъ:

«Въ лѣто 1648, іюля 16 дня государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи самодержецъ, совѣтовалъ съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ московскимъ и всея Русіи, и съ митрополитами и съ архіепископами, и съ епископами и совсѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми боярами, и съ окольничими и съ думными людьми: которыя статьи написаны въ правилахъ св. апостолъ и св. отецъ, и въ градскихъ законахъ грече-

скихъ царей, а пристойны эти статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписали, и чтобъ прежнихъ великихъ князей россійскихъ, и отца его государева блаженныя памяти, великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи указы и боярскіе приговоры *на всякія государственныя* и на *земскія* дѣла собрать, и тѣ государскіе указы и боярскіе приговоры со старыми судебниками справить; а на которыя статьи въ прошлыхъ годахъ, въ судебникахъ прежнихъ государей указа не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, а тѣ бы статьи потому же написать и изложить по *его государеву* указу, *общимъ совѣтомъ*, чтобъ московскаго государева всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровно. И указомъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи, то все собрать и въ докладъ написать боярамъ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому, да дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву, да Ѳедору Грибоѣдову». Замѣчательно, что въ этомъ актѣ дѣла дѣлятся на *государственныя* и на *земскія*. Подъ государственными дѣлами разумѣется собственно государственное строительство, казенные и приказные порядки, и преимущественно интересы казны государевой, а подъ дѣлами земскими—всѣ дѣла собственно народныя, дѣла и интересы земскихъ областныхъ общинъ. Сообразно съ разграниченіемъ дѣлъ государственныхъ и земскихъ, и дѣйствовалъ государственный земскій соборъ 1648 года. По принципу государственнаго права и контроля, сборникъ законовъ составленъ, по указу царя, пятью членами правительственной бюрократіи. «И по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу — сказано въ соборномъ актѣ — бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами, выписавъ изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, и изъ старыхъ судебниковъ прежнихъ великихъ государей, и изъ указовъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи, и изъ боярскихъ приговоровъ, и которыхъ статей въ прежнихъ судебникахъ и въ указахъ прежнихъ государей и въ боярскихъ приговорахъ не написано, и изъ статьи написавъ вновь, къ государю принесли». По принципу земства, необходимъ былъ, въ дѣлѣ изданія уложенія, и земскій совѣтъ. Какъ не нарушала бюрократическая правительственная централизація принципъ земскаго народосовѣтія областныхъ общинъ, сколько ни присвоялъ царь Алексѣй Михайловичъ силы своей волѣ, своему указу и приказнымъ боярамъ, все же онъ еще не рѣшался, безъ земскаго совѣта, издать уложенія. Онъ признавалъ это дѣло сколько своимъ, *государевымъ и царственнымъ*, столько же и *земскимъ великимъ дѣломъ*. Потому, указавъ пяти лицамъ составить сводъ уложенія, царь рѣшилъ созвать земскій соборъ для дополненія его новыми статьями, для всенароднаго прочтенія и для земской скрѣпы. «А для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла — читаемъ, далѣе, въ соборномъ актѣ — указалъ государь, по совѣту съ патріархомъ, и бояре приговорили: выбрать изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ московскихъ, и изъ жильцовъ

изъ чину по два человѣка, также изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ взять изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку, а изъ меньшихъ городовъ по человѣку, а изъ гостей трехъ человѣкъ, а изъ гостиной и изъ суконной сотенъ по два человѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ городовъ съ посадовъ по человѣку, добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобъ *государево* его *царственное* и *земское* дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобъ всѣ тѣ великія дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенію, впредь были ничѣмъ нерушимы».

Вслѣдствіе этого указа, выборные къ октябрю собрались въ Москву. Судя по ихъ рукоприкладству въ спискѣ уложенія, всѣхъ выборныхъ было 315 человѣкъ, именно патріархъ Іосифъ, 2 митрополита, 3 архіепископа, 1 епископъ, 5 архимандритовъ, игуменъ, 15 бояръ, 10 окольничихъ, казначей, думный дворянинъ, печатникъ, думный дьякъ, благовѣщенскій протопопъ, духовникъ государя, 5 московскихъ дворянъ, 148 дворянъ городовыхъ, трое гостей, 12 выборныхъ отъ московскихъ сотенъ и слободъ, 89 выборныхъ посадскихъ изъ городовъ, и, наконецъ, 15 выборныхъ отъ 15 московскихъ стрѣлецкихъ приказовъ. Изъ этого перечня видно, что выборъ былъ неполный: не было выборныхъ изъ крестьянъ.

Что же, какую роль играли, какое участіе принимали въ обсужденіи земскаго дѣла уложенія эти 315 наличныхъ выборныхъ?... По оффиціальному акту, слушали «Уложеніе», да руки приложили къ нему грамотные за себя и за безграмотныхъ. Именно, въ сохранившемся до насъ соборномъ актѣ Уложенія читаемъ: «Въ нынѣшнемъ въ 1648 г. октября съ 3-го числа государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ московскимъ и всея Русіи, и съ митрополитами, и съ архіепископами и съ епископами, также и съ *своими государевыми* боярами, и съ окольничими и съ думными людьми того собранія слушалъ, и *выборнымъ людямъ*, которые къ тому общему совѣту выбраны въ Москвѣ *и изъ городовъ, чтено*, чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно. И указалъ государь то все Уложеніе написать на списокъ, и закрѣпивъ тотъ списокъ святѣйшему Іосифу, патріарху московскому и всея Русіи, и митрополитамъ, и архіепископамъ, и архимандритамъ, и игуменамъ, и всему освященному собору, и своимъ государевымъ боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ, и *выборнымъ* дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и торговымъ и посадскимъ людямъ московскаго государства и всѣхъ городовъ россійскаго царства, а закрѣпя то Уложеніе руками, указалъ государь списать въ книгу и закрѣпить ту книгу дьякамъ Гаврилѣ Левонтьеву да Ѳедору Грибоѣдову; а съ той книги для утвержденья, на Москвѣ во всѣ приказы и въ города напечатать многія книги, и всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію». Какъ приказалъ царь, такъ было и сдѣлано: всѣ выборные приложили къ уложенію свои руки. За выборными царскій приставникъ—бояринъ наблюдалъ. «А какъ уложеніе—сказано въ концѣ соборнаго акта — по государеву цареву и великаго князя Алексѣя

Михайловича всея Русіи указу, чтено (было) выборнымъ людямъ, въ то время въ отвѣтной палатѣ, по *государеву указу*, сидѣлъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, да съ нимъ выборные люди».

Если же, такимъ образомъ, по указу царя, составленіе уложенія поручено было только пяти лицамъ; если, далѣе, по указу царя, составленное пятью лицами уложеніе только читано было выборнымъ земскимъ людямъ, подъ предсѣдательствомъ, или подъ наблюденіемъ приставленнаго царемъ боярина-князя, то уже ли выборные земскіе люди были, какъ муміи, безгласны? Уже ли они ничего не говорили на соборѣ, а, какъ безгласные рабы, только выслушивали въ уложеніи законы, написанные, по выраженію графа Воронцова, «не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ». Нѣтъ, этого нельзя сказать! Во-первыхъ, извѣстно, что земскіе выборные подали на соборѣ особыя челобитныя, вслѣдствіе которыхъ составлены были новыя статьи и внесены въ уложеніе. Мы сейчасъ покажемъ, какого рода эти челобитныя. Потомъ, есть извѣстіе, что кн. Львовъ и съ нимъ до 120 человѣкъ осмѣлились выразить свое недовольство уложеніемъ и за то сосланы были въ соловецкій монастырь, и тамъ, спустя нѣсколько лѣтъ, подъ знаменемъ раскола, произвели бунтъ противъ царя. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, въ чемъ состояло ихъ недовольство уложеніемъ [1]). Затѣмъ, недаромъ нѣкоторыя демократическія согласія раскола отвергали и донынѣ отвергаютъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, называя его «богопротивною, антихристовою книгою». Это отрицаніе, вѣроятно, наслѣдовано ими отъ помянутыхъ оппонентовъ уложенія, возражавшихъ что-то противъ него и за то пострадавшихъ. Если неизвѣстно, что̀ возражали противъ уложенія 120 человѣкъ, сосланныхъ въ соловецкій монастырь, такъ зато сохранились двѣ челобитныя выборныхъ, слушавшихъ на соборѣ уложеніе. Эти челобитныя показываютъ, что хотя земскіе выборные и мало обнаружили вліянія и участія въ редакціи уложенія, однакожъ, полномочно воспользовались земскимъ соборомъ для рѣшенія двухъ важныхъ вопросовъ XVII вѣка. Въ одной челобитной выборные представляли объ отобраніи у патріарха, у монастырей и вообще у духовенства вотчинныхъ земель и объ употребленіи ихъ на жалованье безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ служилымъ людямъ. «Били намъ челомъ—читаемъ въ актахъ—стольники и стряпчіе, и дворяне московскіе, и изъ городовъ дворяне-жъ и дѣти боярскіе, и гости, и гостиныя гости и суконныя и черныхъ сотенъ и слободъ, и изъ городовъ посадскіе и всѣ выборные люди ото всея земли, и въ челобитьѣ ихъ написано: чтобъ государь указалъ у патріарха, и у властей, и у монастырей, и у поповъ вотчинныя земли взять на себя государя, которыя даваны съ восмьдесятъ осмаго году, послѣ указу и уложенья прежнихъ государей, блаженныя памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи... государя царя и вел. князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, и прежнихъ властей, которые съ ними государи въ то время были на соборѣ; а въ соборномъ дѣлѣ

---

[1]) „Сборн. архіер. грам. соловецк. библ.“ № 19; „Расколъ, обличаемый своей исторіей“, Муравьева.

уложенье написано, что съ тѣхъ мѣстъ въ монастыри вотчинныхъ земель отнюдь не давать, а власти-де къ тому приговору и руки свои приложили, что имъ и впредь, кто по нихъ иныя власти будутъ, никакихъ земель въ монастыри не имать; и велѣлъ бы тѣ земли, взявъ изъ монастырей, роздать по разбору служивымъ людемъ, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ» (А. Э. IV, стр. 49).

Въ другой, особенно важной для русскихъ людей XVII вѣка, челобитной, выборные земскаго собора 1648—1649 г. представляли о государственно-экономическомъ уравненіи всѣхъ людей, о небытіи льготныхъ слободъ около городовъ, въ ущербъ тяглымъ людямъ, и проч. Вотъ отрывокъ изъ этой челобитной: «Гости и гостиныя, и суконныя и черныхъ сотенъ и слободъ, и городовые торговые и посадскіе выборные люди великому государю били челомъ, а въ челобитной ихъ написано: блаженныя-де памяти при великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи и при государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, на Москвѣ и около Москвы по городамъ, на посадѣхъ и около посадовъ, патріаршихъ и митрополичихъ, и владычнихъ, и монастырскихъ, и боярскихъ, и княженецкихъ, и думныхъ дворянъ, и столниковъ, и дьяковъ, и ближнихъ людей слободъ со крестьяны и съ закладчики съ торговыми со всякими людми не бывало; а нынѣ-де на Москвѣ и около Москвы по городамъ на посадѣхъ дворы и около посадовъ заведены слободы патріаршии, и митрополичи, и владычни, и монастырскія, и боярскія, и княженецкія, и стольниковъ, и думныхъ и ближнихъ людей, а въ тѣхъ-де дворѣхъ и въ слободахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и дворники торговые крестьяне, и всякими промыслы и торгами большими на Москвѣ и въ городѣхъ торгуютъ и промышляютъ, и многими лавками и онбары и соляными варницами посадскими владѣютъ, и во всякихъ промыслѣхъ ихъ такіе заступные и торговые люди затѣснили и изобидили многими обидами; а съ промысловъ-де они съ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ съ ними не платятъ, живутъ всегда во лготѣ, и на Москвѣ-де и въ городѣхъ отъ нихъ заступныхъ людей въ торгѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится и межусобіе и ссоры болшіе. А на Москвѣ-де изстари за патріархомъ которыя слободки были, и въ тѣхъ-де слободкахъ жили патріарши бобыли и патріарша двора сторожи, повары, конюхи и мастеровые люди патріарша-жъ двора; а нынѣ-де на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ живутъ многіе торговые промышленные люди и кабацкіе откупщики. А въ Нижнемъ-де Новѣгородѣ на посадѣ въ одной Благовѣщенской слободѣ за патріархомъ торговыхъ и ремесленныхъ людей сверхъ писцовыхъ книгъ болши штисотъ человѣкъ, которые въ тое слободу сошлися изъ разныхъ городовъ и поселилися для своего промыслу и легости. Да изстари-жъ-де, до московскаго и послѣ московскаго разоренья, около Москвы, за Землянымъ городомъ, были животинные выпуски по всѣмъ дорогамъ, отъ города версты по три, и по четыре, и по пяти, а въ городѣхъ около посадовъ были животинные выпуски болшіе и въ лѣсы выѣзды по дрова; а ныне-де около Москвы и въ городѣхъ около посадовъ животинныхъ выпусковъ не стало, потому, изза-

няли бояре и ближніе люди и московскіе дворяне и дьяки подъ загородные дворы и огороды, а монастыри и ямщики тѣ животинные выпуски распахали въ пашню, и въ лѣсы-де выѣзду по дрова не стало. И великій государь пожаловалъ бы ихъ гостей и торговыхъ посадскихъ людей всего московскаго государства: на Москвѣ и около Москвы и во всѣхъ городѣхъ, на посадѣхъ и около посадовъ въ слободахъ никакимъ торговымъ и промышленнымъ людемъ за патріархомъ и за властьми, и за монастыри, и за бояры, и за ближними и думными и всякихъ служилыхъ чиновъ людьми, быти не велѣлъ; а велѣлъ бы великій государь на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ, и во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ по слободамъ, всякимъ торговымъ и промышленнымъ людемъ быть за собою великимъ государемъ въ тяглѣ и въ слободахъ съ ними вмѣстѣ равно, чтобъ-де никто въ избыли не былъ и чтобъ-де государскимъ милосердымъ воззрѣніемъ во всемъ народѣ мятежъ и ссоры и межусобія отъ тое розни ни въ чемъ не было, и опричь бы великаго государя тѣ торговые и промышленные люди ничьимъ имянемъ не назывались, и животинные выпуски около Москвы и въ городѣхъ около посадовъ и въ лѣсы для дровъ выѣздъ указалъ бы великій государь устроить попрежнему. И 157 году ноября въ 13 день, по тому челобитью столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и гостиныя и суконныя и иныхъ сотенъ и слободъ торговыхъ и городовыхъ посадскихъ людей, докладывали великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, да князь Семенъ Васильевичъ Прозоровской, окольничій князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконской, да дьяки Гаврила Леонтьевъ да Ѳедоръ Грибоѣдовъ» (А. Э. т. IV, № 32). Такую же челобитную подали всѣ выборные отъ дворянства.

Для того, чтобъ понять смыслъ этого представленія выборныхъ на земскомъ соборѣ, нужно вникнуть въ государственно-экономическій складъ и интересы земскихъ общинъ въ XVII вѣкѣ.

Государственная централизація, особенно экономическая, казенная, начала розни, неурядицы вносила въ городскія и сельскія общины. Центральное правительство взяло на себя народную, земскую заботу о благоустройствѣ областныхъ общинъ и цѣлаго народа, на счетъ народа. Вслѣдствіе крайняго разстройства государства послѣ смутнаго времени, по причинѣ чрезвычайнаго разнообразія мѣстныхъ, земско-областныхъ нуждъ, потребностей и интересовъ, на централизованномъ правительствѣ лежали огромныя, чрезвычайно разнообразныя и трудныя задачи. Оно само, вслѣдствіе централизаціи, вслѣдствіе уничтоженія народной, земско-областной самораспорядительности и инициативы, взяло на себя эти народныя задачи. А средствъ и силъ, между тѣмъ, у него не было, внѣ народа. И вотъ, центральное правительство налегло на народъ, на земско-областныя массы всею тяжестью государственныхъ запросовъ и обязательствъ. Нужно стало государево тягло и невыносимый правежъ тягла, такъ что въ XVII вѣкѣ постоянно заказывалось недоплатившихъ или вовсе неплатившихъ тягла, или какого-нибудь сбора, бить нещадно съ утра до вечера, а на ночь сажать въ тюрьму. Нужно стало, ради исправности и неупустительности

тягловыхъ повинностей, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ помѣщиковъ, посадскихъ—къ городскимъ тяглымъ посадамъ—прикрѣпленіе, доходившее въ XVII-мъ вѣкѣ до страшныхъ экзекуцій, сысковъ и переводовъ безконечныхъ съ мѣста на мѣсто: народонаселеніе, словно карты, тасовалось. Нужно стало приказно-воеводское управленіе въ областяхъ, варварски-деспотическое и рѣшительно противное духу областныхъ общинъ; нужны стали сборы на ратныхъ людей, ямскіе сборы, стрѣлецкіе сборы, и т. п., почти безконечно разнообразные и безчисленные поборы. Все это стало нужно не столько для истинныхъ потребностей благоденствія самого народа, сколько для прибыли и видовъ самого правительства, взявшаго на себя опеку надъ народомъ. И вотъ, эти-то начала централизующаго московскаго правительства были радикально противны анти-централизаціонному духу земско-областныхъ общинъ. Они-то и вносили въ земско-областныя общины начала розни, неравенства и разлада. Особенно рѣзкій разладъ производила въ земскихъ общинахъ государева казна — казенная система. Она существенно противорѣчила народнымъ экономическимъ интересамъ, централизировала земско-областныя производительныя силы и средства. Земскіе люди отъ тягла и разныхъ повинностей государственныхъ разбродились врознь, искали льготныхъ мѣстъ, а централизующее правительство, по своимъ казеннымъ видамъ, передвигало ихъ изъ льготныхъ общинъ въ тяглыя. Въ этой передвижкѣ народонаселенія прошло все XVII-е столѣтіе. Вслѣдствіе этого разлада народныхъ экономическихъ интересовъ съ интересами государевой казны, вслѣдствіе стремленія народа къ свободному льготному самоустройству, вопреки тягловаго прикрѣпленія его къ государственной службѣ и повинности, въ XVII-мъ вѣкѣ образовались цѣлые классы людей, такъ-называемыхъ *закладчиковъ за сильныхъ людей, избылыхъ отъ тягла, заступныхъ, вольныхъ гулящихъ людей* и т. п. Выбѣгая изъ тяглыхъ общинъ, эти люди селились на льготныхъ земляхъ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ вотчинниковъ. Такимъ образомъ, въ половинѣ XVII-го вѣка, около Москвы и около всѣхъ областныхъ городовъ, образовались цѣлыя свободно-промышленныя слободы, населившіяся закладчиками и избылыми людьми. Образованіе такихъ вольнопромышленныхъ слободскихъ общинъ, рядомъ съ государственно-тяглыми и служилыми общинами, съ одной стороны, выразило жизненный, фактическій протестъ народный противъ государственно-экономической разсортировки и централизаціи народонаселенія; съ другой стороны—вносило въ городскія и сельскія общины начала экономическаго неравенства и розни. Массы рабочаго народа, еще не отвыкшія отъ средневѣковаго обычая—свободнаго перехода и промысла, и не привыкшія къ московской системѣ государственно-экономической централизаціи—массы на опытѣ видѣли и дознавали все преимущество вольнаго, льготнаго поселенія и свободнаго промышленнаго труда передъ тяглымъ, стѣсненнымъ государственно-податнымъ бытомъ. Правительственная, государева экономія или казна постоянно руководилась однимъ принципомъ: «какъ бы никого и нигдѣ не было въ избылыхъ отъ тягла и повинностей, какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе». Потому все вниманіе правительства, въ XVII-мъ вѣкѣ,

обращено было на удержаніе народонаселенія въ тяглыхъ общинахъ. А промышленныя массы народа искали, гдѣ бы имъ было жить и промышлять лучше, прибыльнѣе, и, выбывая изъ тяглыхъ общинъ, населяли льготныя промышленныя слободы, гдѣ, дѣйствительно, по положительному свидѣтельству актовъ, на льготѣ, и промышляли прибыльнѣе и жили лучше. Съ другой стороны, это сильное стремленіе тяглыхъ людей *къ закладничеству за сильныхъ, къ избыванью отъ тягла*, изъ тяглыхъ общинъ въ льготныя, свободно-промышленныя слободы, доводило до крайняго разоренія и обѣдненія тяглыя общины, о чемъ безпрестанно и громко вопіютъ областныя челобитныя XVII-го вѣка, потому что вся тягость казеннаго тягла и повинности падала на однѣ тяглыя общины: при господствовавшей тогда общинной раскладкѣ податей и повинностей, неизбылые тяглые люди несли тягло и за избылыхъ, за закладчиковъ, за ихъ пустые дворы и земли. Когда почти при всѣхъ городахъ, и въ льготныхъ вотчинахъ сильныхъ людей — духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ населились большія слободы закладчиками и избылыми людьми, въ земскихъ общинахъ произошло крайнее неравенство государственно-экономическое, торгово-промышленное и даже юридическое. Это-то несправедливое неравенство было источникомъ бѣдствій народа. Оно заключало въ себѣ, противное духу земства, *начало* раздѣленія членовъ общинъ на крайне-бѣдныхъ и крайне-богатыхъ, и вызывало борьбу этихъ двухъ, противоположныхъ элементовъ общества. Вслѣдствіе государственно-экономическаго и юридическаго неравенства, появилось множество *обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца, голутвенныхъ людей*, то-есть голыхъ бѣдняковъ. И съ ними-то, какъ извѣстно, Стенька Разинъ, поднявши знамя противо-государственнаго бунта, въ то же царствованіе Алексѣя Михайловича, сталъ возвѣщать принципъ равенства и безпощаднаго грабежа богачей. Государственно-экономическое неравенство тяглыхъ и нетяглыхъ общинъ обрекало членовъ ихъ на вѣчную рознь и борьбу. Оно радикально нарушало органическую цѣльность и союзность земскихъ общинъ, полюбовно согласившихся между собой жить и развиваться въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи. Оно мутило государственно-союзный духъ областныхъ земскихъ общинъ, предавало самую большую часть ихъ въ жертву всепоглощающей государственной казны. Ужъ терпѣть иго государственнаго тягла, такъ терпѣть всѣмъ общинамъ сообща, не нарушая принципа внутренняго и взаимнаго равенства, *чтобъ вездѣ было все одно государство*, чтобы всѣ были въ тяглѣ и въ свободахъ или льготахъ *вмѣстѣ равно*, чтобъ *во всемъ народѣ мятежа и розни не было*, какъ говорили сами выборные въ своихъ челобитныхъ. Вотъ, во имя этого-то принципа государственно-экономическаго равенства земско-областныхъ общинъ, выборные земскіе, на соборѣ 1648 года, по поводу изданія уложенія подали ту челобитную царю, отрывокъ изъ которой мы выписали. Эт[illegible] челобитной своей, народъ русскій, за 200 лѣтъ до нашего времени, заяви[illegible] требованіе, чтобъ передъ государствомъ, передъ закономъ были всѣ равн[illegible] заявилъ принципъ уравненія государственныхъ условій для равномѣрн[illegible] и равноправнаго экономическаго развитія и благосостоянія всѣхъ общи[illegible] и людей.

II

Уложеніе 1649 года составляетъ окончательный, завершительный сводъ всѣхъ правительственныхъ юридическихъ понятій, какія выработало московское государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ первый опытъ народнаго законодательства — союзнаго, соединенно-областнаго, земскаго. Оно издано было на земскомъ соборѣ. Въ него внесены статьи, сочиненныя земскими выборными людьми. Наконецъ, оно чтено на земскомъ соборѣ, передъ всѣми выборными и скрѣплено ихъ руками, чтобъ впредь было *прочно* и *неподвижно*. Потому оно и названо *соборнымъ* уложеніемъ, а изданіе его — *великимъ земскимъ дѣломъ*. Какъ бы ни было ограничено самодержавной волей царя и приказнымъ законничествомъ дьяковъ вліяніе выборнаго земства на составъ и направленіе уложенія, какъ бы оно ни было несовершенно и стѣснительно для народа, но фактъ въ высшей степени многозначительный въ исторіи русскаго народа тотъ, что первое, болѣе полное государственное уложеніе было издано земскимъ соборомъ, и для того, чтобъ было *прочно* и *неподвижно*, скрѣплено руками выборныхъ изъ земства. Благодаря истинному принципу изданія — земско-соборному, благодаря народной, земской скрѣпѣ, уложеніе и дѣйствительно такъ было *прочно* и *неподвижно*, что, несмотря на всю его внутреннюю недостаточность и постепенное историческое отживанье, все послѣдующее законодательство, по справедливому выраженію Морошкина, было не что иное, какъ органическое нарожденіе уложенія; да и теперь еще оно не потеряло силы. Благодаря первому, довольно удачному опыту земско-соборнаго изданія уложенія, идея земскаго собора для сочиненія новаго уложенія не умирала въ теченіе всего тяжелаго XVIII столѣтія, хотя въ первой половинѣ этого вѣка неудачно осуществлялась.

До учрежденія императрицею Екатериною II въ Москвѣ знаменитой коммиссіи или земскаго собора 1767 г., всѣ попытки издать новое уложеніе и составить для этого земскій соборъ были неправильны, односторонни и потому неудачны. Въ 1700 г. Петръ Великій указалъ однимъ только *боярамъ*—въ своихъ государевыхъ палатахъ составить вновь уложеніе, пополнивъ старое именными указами и новоуказными статьями, которыя состоялись послѣ и сверхъ уложенія. Вмѣстѣ съ радикальной перестройкой коренныхъ основъ древне-русскаго земскаго міра и московскаго государства во всероссійскую имперію по нѣмецко-шведскимъ формамъ, и самое право народное влагалось въ рамки шведскаго уложенія и отчасти эстляндскихъ и лифляндскихъ правъ. Уже не выборные русскіе изъ всѣхъ русскихъ областей сообщали на земскомъ соборѣ живые вопросы и нужды разнообразной мѣстной жизни, настоящіе матеріалы и источники законовъ, не самъ народъ, на земскомъ соборѣ, составлялъ для самого себя, для своего благоустройства, такіе излюбленные законы, которые бы всѣми съ любовію исполнялись и скорѣе вели къ правдѣ и добру всенародному. А юстицъ-коллегія, учрежденная тоже на манеръ шведскихъ коллегій, переводила шведское уложеніе и учиняла сводъ россійскихъ законовъ съ шведскими.

Какъ вся жизнь русскаго народа теперь уже не развивалась изъ себя самой, своими силами, по своимъ природнымъ дарованіямъ и стремленіямъ, а *отвлеченно сочинялась* въ коллегіяхъ, и сочинялась не по европейскимъ, общечеловѣческимъ принципамъ, а по формамъ шведско-нѣмецкимъ—такъ точно Петръ хотѣлъ сочинить и законы для русскаго народа. Но дѣло не удалось. Въ концѣ 1719 года былъ указъ сенату о начатіи засѣданій для слушанія переводнаго шведскаго уложенія, съ 7 янв. 1720 года: «слушаючи оное, которые пункты покажутся несходны къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ стараго уложенія или новые пункты дѣлать. Тако-жъ, ежели покажутся которые въ старомъ уложеньѣ важнѣе, нежели въ шведскомъ, тѣ тако-жъ противу написать, и все то намъ къ слушанію изготовить. Для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣютъ, какъ у насъ». Этимъ слушаніемъ и сводомъ въ сенатѣ и вся попытка кончилась.

Достойно замѣчанія, ка́къ разсуждалъ при Петрѣ крестьянинъ Посошковъ о сочиненіи судебной книги, или законовъ, на земскомъ со́борѣ, *народосовѣтіемъ*, или *общесовѣтіемъ*. «Къ сочиненію тоя судебныя книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кои въ судебныхъ и во иныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои не го́рды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ иныхъ чиновъ, кои не высокоумны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кои во всякихъ дѣлахъ перебыли-бъ, кои и отъ солдатъ смышлены, и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кои за дѣлы ходятъ, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали-бъ, и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что и въ мордвѣ разумные люди есть, то какъ во крестьянехъ не быть людемъ разумнымъ?

«И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было.

«И сіе мое реченіе многіе вознепщуютъ, яко бы азъ его императорскаго величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякой человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узритъ каковую неправостную статью, то бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что̀ въ ней неправость, и ничего не опасаяся подалъ бы ко исправленію тоя книги, понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели во иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо ради и

дана свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того-то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было бы ненарушимо оно.

«Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобъ оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому же менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащи Богъ вѣщаетъ и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть; и того ради во установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ.

«И аще и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтіемъ учинена она будетъ, вскорѣ печатать ихъ не надлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако; а буде въ какой статьѣ явится нѣкакая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ее; и того ради не худо бы года два-три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И донележе тоя новосочиненная книга строится, многія бы статьи и опробились». *(Соч. Посошкова, стр. 76—78).*

Послѣ Петра I, въ слѣдующія 4 царствованія, до Петра III, было 4 попытки созвать соборъ для сочиненія новаго уложенія, но всѣ были неудачны. Правительство, во-первыхъ, не умѣло надлежащимъ образомъ взяться за дѣло. Оно, разсуждая главнымъ образомъ о томъ, дабы уложеніе *при довольномъ числѣ членовъ* сочинено было *съ поспѣшеніемъ*, только приказывало наскоро выслать выборныхъ, а не наказало напередъ въ каждой губерніи выборнымъ отъ всѣхъ городовъ и волостей точно разузнать, сообразить, обсудить свои мѣстныя нужды, собрать живые мѣстные матеріалы для общихъ законовъ, составить предварительно мѣстные, губернскіе, народные наказы или постановленія для обсужденія ихъ въ общемъ собраніи всѣхъ губернскихъ депутатовъ. Потомъ, выборныхъ правительство предписывало высылать только изъ офицеровъ, дворянъ, да иногда еще изъ купечества, всѣхъ за выборомъ отъ шляхетства. Притомъ выборные вызывались не изъ всѣхъ провинцій: при Петрѣ II не допускались къ участію въ сочиненіи законовъ выборные изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири. Избирателями были не сами областные жители, а губернаторы, «согласясь обще съ дворянами». И выходило отсюда, что областные жители смотрѣли на выборы для сочиненія уложенія, какъ на рабскую, приказную службу; способные уклонялись отъ выборовъ, и выбирались самые неспособные.

Да еслибъ и захотѣли умные земскіе люди взяться, какъ слѣдуетъ, за составленіе законовъ, на основаніи разнообразныхъ мѣстныхъ народно-бытовыхъ данныхъ, такъ ихъ московскіе или петербургскіе бюрократы—нѣмцы или шляхтичи не допустили бы до этого. Они нарочно выбирали для этого безсовѣстныхъ ябедниковъ. Татищевъ, въ своемъ «Напомнѣніи о высокихъ и нижнихъ, государственныхъ и земскихъ правительствахъ», такъ объ этомъ писалъ: «Законы, какъ въ уложеніи людьми ни малаго просвѣщенія ума науками не имѣющими, сочинено, такъ послѣдовавшими различными, ово въ дополненіе, ово въ исполненіе онаго изданными, въ наибольшее смятеніе судей, а судящихся къ коварствамъ и ябедамъ привело. Что его императорское величество съ великимъ сожалѣніемъ видя, повелѣлъ всѣ тѣ дополнительные указы собрать и вновь порядочное уложеніе сочинить и самъ почасту о томъ сенату изволилъ напоминать. Но какъ оное тѣмъ, которые обыкли съ большею ихъ пользою въ мутной водѣ рыбу ловить, было непріятно, и не имѣя инаго способа оному воспрепятствовать, избрали къ тому людей болѣе безсовѣстныхъ ябедниковъ, которые ово за расположеніемъ надъ потребность, ово за спорами время туне провождали, и какъ ни единаго нетокмо въ законѣхъ, но ни въ граматикѣ ученаго опредѣлено не было, такъ ихъ сочиненія противорѣчій и темностей, паче же противностей закону божію, избѣжать не могли, для котораго оное близъ тридцати лѣтъ безъ всякаго плода и надежды тянется, хотя бы оное искуснымъ въ годъ, а конечно не болѣе двухъ сочинить возможно».

Въ самомъ народѣ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, господствовала страшная запуганность и развивалось сильное недовѣріе къ правительству. Построенное по шведско-нѣмецкимъ формамъ, находившееся въ рукахъ нѣмцевъ и шляхетства, правительство было ненародно, непонятно для массы земства, ни по духу распоряженій и узаконеній, ни по самому языку указовъ. Народъ былъ отуманенъ, опѣшенъ этой длинной процедурой росписанія областей на губерніи и провинціи, этой обстановкой областей, по раскольничьему выраженію, какъ сѣтями антихристовыми, губернскими, провинціанальными и воеводскими канцеляріями, этимъ повсемѣстнымъ наплывомъ чиновничества—губернаторовъ, вице-губернаторовъ, комендантовъ, ландратовъ, ландрихтеровъ и проч., этимъ повсемѣстнымъ, крайне-разорительнымъ и обременительнымъ расположеніемъ полковъ, солдатства, набраннаго изъ крестьянства, чего прежде народъ не зналъ, этими повсемѣстными опустошительными и мучительными облавами военныхъ командъ, разсылавшихся по областямъ губернскими, провинціальными и воеводскими канцеляріями, постоянными рекрутскими наборами, жесточайшими истязаніями податей и недоимковъ, новой ревизіей душъ, и проч. и проч. Крестьяне, не терпя годъ отъ году усилившагося крѣпостного права, несносныхъ поборовъ, рекрутчины, бунтовали въ разныхъ провинціяхъ и уѣздахъ. Тысячи народа бѣжали за границу. При Аннѣ Іоанновнѣ, въ одинъ годъ двинулось разомъ 40,000 некрасовскихъ казаковъ, вслѣдствіе несноснаго мучительства за вѣрованія совѣсти. Отъ мучительства биронова бѣжало за границу не менѣе 250,000 душъ мужескаго пола, какъ полагаетъ Болтинъ. Среди варварства и тиранніи второй четверти прошлаго столѣтія,

въ народѣ невольно воспитывалось чувство глубокаго недовольства и недовѣрія къ правительству. Расколъ поддерживалъ, усиливалъ и распространялъ это недовѣріе, воспитывалъ въ массахъ злобный антагонизмъ къ нѣмецко-шляхетскому правительству. Духовенство въ своихъ проповѣдяхъ въ высокоторжественные дни то же недовѣріе внушало народу. Напр., архіерей новгородскій, Амвросій Юшкевичъ, въ словѣ въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, 18 декабря 1741 года, указывалъ народу на вредный наплывъ въ Россію иностранцевъ, при Минихѣ, Остерманѣ и Биронѣ, когда дворъ, коллегія, академія наукъ, гвардія, армія, флотъ, были въ распоряженіи ихъ: «Сіи — вопіялъ онъ къ народу — сіи внутренніе и сокровенные враги Россіи, людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили и разоряли, все искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей весьма любили, жаловали и награждали; только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали, всѣ сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, изъ Россіи за море высылали» и проч. Точно также громогласно вопіялъ въ своихъ проповѣдяхъ въ церкви, въ высокоторжественные дни, передъ народомъ, другой проповѣдникъ, ректоръ славяно-греко-латинской академіи, архимандритъ Кириллъ Флоринскій, вопіялъ противъ коварныхъ иноземцевъ, захватившихъ въ свои руки правительство русское, противъ ихъ тираніи, противъ давленія русскихъ людей «какъ мушекъ», противъ постоянныхъ ссылокъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ, и проч. Слушая такіе громогласные, торжественные вопли духовенства съ каѳедръ церковныхъ, народъ еще болѣе проникался недовѣріемъ къ тому правительству, которое такъ тиранически издѣвалось надъ нимъ во второй четверти прошлаго столѣтія.

И въ эти страшныя времена, изъ запуганнаго, изъ забитаго провинціальнаго народа, по указу, требовали и высылали выборныхъ въ сенатъ, чтобъ «сочинять и слушать въ сенатѣ всѣмъ собраніемъ» уложеніе. Да если народъ, въ провинціяхъ, въ провинціальныхъ, воеводскихъ канцеляріяхъ, боялся, какъ чумы, заразы, слишкомъ расплодившагося канцелярскаго чиновничества, бѣжалъ отъ него за границу, то можете представить, съ какой неохотой, съ какихъ страхомъ и трепетомъ ѣхали въ столицу, въ сенатъ, провинціальные выборные. Народъ по дѣламъ своимъ скоро дозналъ, что такое было тогда это центральное правительство. Недаромъ расколъ возсталъ ужъ противъ того, что Петръ I «устави сенатъ», и послѣ, въ своихъ сочиненіяхъ, постоянно съ злобой отзывался о сенатѣ. Массы провинціальнаго народа слышали этотъ раскольничій отзывъ о сенатѣ. Горько-слезныя, горемычныя дѣла народныя, рѣшавшіяся въ сенатѣ, еще болѣе укрѣпляли народъ въ предубѣжденіи противъ него. Вѣдь недаромъ же, послѣ, начиная съ Екатерины Великой до Сперанскаго, лучшіе государственные люди тоже нехорошо отзывались о сенатѣ. Поэтому понятно, что и земскія сословія первой половины прошлаго столѣтія уклонялись отъ выбора въ сенатъ, для засѣданія, вблизи неприступной, высшей начальственной бюро-

кратіи, зная, что они должны будутъ тамъ только сидѣть да слушать, какъ безгласные рабы, со страхомъ и трепетомъ.

И странное, своеобразное умопредставленіе развивалось въ массахъ нашего народа, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, да и послѣ, насчетъ чиновничества, и вообще присутственныхъ мѣстъ. Народъ вовсе не видѣлъ въ нихъ благоустроительныхъ, благопопечительныхъ учрежденій, а видѣлъ однѣ обирательныя заставы. Горькій, саможизненный опытъ горькослезнаго, мучительнаго, разорительнаго дѣлохожденія по всѣмъ этимъ присутственнымъ мѣстамъ—по губернскимъ, провинціальнымъ, воеводскимъ канцеляріямъ бироновской эпохи непоколебимо укрѣплялъ народъ въ такомъ представленіи о присутственныхъ мѣстахъ. Доказательства и результаты ихъ бюрократической благоустроительной попечительности о земствѣ народъ не только ближе всѣхъ видѣлъ во всѣхъ областяхъ и мѣстечкахъ, но и саможизненно испытывалъ самъ на себѣ, на своихъ рабочихъ силахъ, на своемъ капиталѣ, на своемъ тѣлѣ... Правосудіе канцелярскихъ судовъ онъ измѣрилъ во всей глубинѣ, взвѣсилъ на вѣсахъ своихъ денежныхъ и натуральныхъ проторей и исторей, и позналъ весь ненасытный адъ и скрежетъ зубовный чиновничьяго лихоимства. И вотъ, долготерпѣливо предаваясь на волю судьбы, отплачиваясь съ кряхтячимъ терпѣньемъ—податями, повинностями и разными непредвидѣнными поборами, отдѣлываясь рекрутчиной, казенной работой и проч., онъ желалъ отъ присутственныхъ мѣстъ одного только благодѣянья, чтобъ лишній разъ, по крайней мѣрѣ, не вмѣшивались въ его дѣла. Въ старину онъ могъ откупаться отъ приказнаго начальства, а въ XVIII столѣтіи и этого не могъ сдѣлать. Теперь одно спасенье для него было—кряхтячее терпѣніе, расколъ и бѣгство. И первая половина XVIII столѣтія въ исторіи народа особенно отмѣтилась фактами бѣгства. Народъ бѣжалъ отъ чиновничьяго управительства. Недаромъ графъ Н. И. Панинъ, въ началѣ царствованія Екатерины, къ числу причинъ, побуждавшихъ народъ къ побѣгамъ, отнесъ именно дурное управленіе градоначальствами, крайнюю безпеченность и своекорыстность городскихъ начальниковъ, и вообще страшное лихоимство и неправосудіе чиновниковъ.

И народъ былъ правъ въ своемъ антагонизмѣ къ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ первой половины прошлаго столѣтія. Въ особой статьѣ «О губернскихъ учрежденіяхъ» мы разсмотримъ, что такое въ самомъ дѣлѣ были эти тогдашнія присутствія—губернскія и провинціальныя канцеляріи. А здѣсь приведемъ отзывъ о нихъ императрицы Екатерины II: «Входя вновь во всѣ подробности внутренняго управленія имперіи—писала она во введеніи къ своему Учрежденію—нашли мы, во-первыхъ, что по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, онѣ недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми, что въ одном[illegible] и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо управленіе губерній, казенные доходы [illegible] счеты, обще съ благочиніемъ и полиціею, сверхъ того еще уголовныя дѣ[illegible] и гражданскіе суды отправляются; что таковымъ же неудобствомъ тѣ[illegible] же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержен[illegible] ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всяка[illegible] рода и званія.

«Происходящее оттого неустройство весьма ощутительно: съ одной стороны, медленность, упущенія и волокита суть естественныя слѣдствія таковаго неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣло одно другое останавливаетъ, и гдѣ опять невозможность исправить на единую воеводскую канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ, служить можетъ иногда и долгою отговоркою, и покрывать неисправленіе должности, и быть поводомъ страстному производству. Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще со многими пороками, ибо возмездіе за преступленіе и пороки производится не съ таковою поспѣшностію, какъ бы надлежало для укрощенія и въ страхъ продерзностнымъ. Въ иныхъ же мѣстахъ множество дозволенныхъ аппеляцій немалую причиняютъ правосудію остановку, какъ-то, напримѣръ, по торговымъ, купеческимъ и мѣщанскимъ дѣламъ, кто словеснаго суда рѣшеніемъ недоволенъ, тотъ можетъ съизнова просить въ городовомъ магистратѣ, на сей отзываться въ провинціальный магистратъ, изъ провинціальнаго перенесть въ губернскій магистратъ, изъ губернскаго въ главный магистратъ, а изъ онаго въ сенатъ» (Полн. Собр. Закон. № 14,392; Учрежд. для управл. губ.).

Если само правительство, спустя уже полстолѣтія, сознало, наконецъ, всю неудовлетворительность, тягость для народа прежнихъ губернскихъ учрежденій, то каково было самому народу, въ теченіе этого полустолѣтія, пережить, переиспытать, перестрадать, перенести на себѣ всѣ эти тяготы и недостатки губернскихъ учрежденій—и притомъ въ самую страшную, тяжелую, мрачно-памятную эпоху бироновскую. Каково было перенести, перестрадать народу все беззаконіе, весь произволъ провинціальныхъ властей въ то время, когда существовавшіе законы представляли арсеналъ для ябедъ, страшный хаосъ противорѣчій и запутанностей, а новое уложеніе сочиняли цѣлое полустолѣтіе и не могли сочинить, когда нравы были варварскіе. Жизнь народная все это терпѣливо перенесла, перечувствовала, а здравый смыслъ народа, и среди темнаго невѣжества постигавшій истину, все это взвѣсилъ, опредѣлилъ. На великомъ земскомъ собраніи коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, народные депутаты произнесли справедливый судъ о первой половинѣ XVIII столѣтія: «Когда мысленно воззримъ на минувшее время — говорили они въ рѣчи императрицѣ Екатеринѣ Великой—духъ въ насъ еще трепещетъ и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы нашу вѣру... союзъ общаго единомыслія и добронравія, подверженную презрѣнію и ругательству, яснымъ двумъ предзнаменованіямъ ея истребленія. Видѣли мы законы, общее житіе утверждающіе. и сохраняющіе, приведенные въ замѣшательство, противорѣчіе и неисполненіе, правосудіе, изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Не столпы только правленія колебались, но и самое онаго основаніе потряслося. Государственные доходы истощились, потеряна была довѣренность и угнетена торговля. Грабительство, лакомство, корысть, насильство и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ людей ободренные, возрастали съ гибелью для народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего и нако-

нецъ, вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку» (П. С. З. т. XVIII, № 12,978).

Зато, само это великое земское собраніе 1767 г. представляетъ самое отрадное, самое многознаменательное явленіе изъ всей народной исторіи прошлаго тяжелаго столѣтія. Обратимся теперь къ нему, и разсмотримъ главные факты этого знаменитаго собранія [1]).

Въ собраніи депутатовъ 1767 г. мы видимъ примиреніе своенародныхъ, естественно-жизненныхъ принциповъ старыхъ земскихъ соборовъ съ новою, западно-европейскою идеею представительства. Недаромъ императрица Екатерина II вспомнила о земскомъ соборѣ 1648 г. и почтила особеннымъ увѣковѣченіемъ памятникъ того собора—уложеніе 1649 г. Земскіе соборы старой Россіи были созданіемъ естественно-исторической жизни народа. Они естественно сложились вслѣдствіе московскаго собранія всей земли, изъ обычаевъ, изъ починковъ старыхъ областныхъ земскихъ вѣчей и совѣтовъ. Въ XVII вѣкѣ они сохранялись еще, какъ обычай народный, невозведенный на степень опредѣленнаго юридическаго учрежденія, на степень систематической государственной институціи: они составлялись безъ всякихъ особыхъ письменныхъ правилъ, обрядовъ и формальностей, просто по призыву областныхъ земскихъ сходовъ по соборнымъ церквамъ, и вслѣдствіе избранія выборныхъ безъ всякихъ избирательныхъ околичностей. Такимъ образомъ, земскіе соборы XVII вѣка были, такъ сказать, актомъ непосредственно-натуральной жизни народной, который не былъ осмысленъ просвѣщеннымъ юридическимъ самосознаніемъ народа, европейскими юридическими началами представительныхъ собраній. Оттого и обрядовая организація, и процессъ веденія ихъ были простые, незатѣйливые, и рѣчи выборныхъ тоже были простыя, мужиковатыя. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается земское собраніе, или коммиссія депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія 1767 г. Здѣсь уже просвѣщенное юридическое сознаніе, европейская идея представительства руководили и организаціей, устройствомъ собранія, и выборнымъ, избирательнымъ началомъ, и всѣми обрядами собранія. И сфера предметовъ сужденія была шире: много привзошло потребностей общеевропейскихъ. И общій составъ собранія былъ правильнѣе, стройнѣе, потому что немало было депутатовъ съ европейскимъ, научнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи.

Вслѣдствіе манифеста 14 декабря 1766 г., депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія велѣно было выслать изъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій по одному; отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, по одному дворянину; отъ жителей каждаго города—по одному; отъ пахатныхъ солдатъ и разныхъ служебъ служилыхъ людей и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждой провинціи по одному депутату; отъ государственныхъ крестьянъ изъ каждой провинціи по одному; отъ некочующихъ инородцевъ, какого бы они закона ни были, крещеныхъ или некрещеныхъ, отъ

[1]) См. прекрасный, богатый новыми матеріалами, разсказъ объ этомъ собраніи историка Соловьева, въ „Русск. Вѣстн.“ за 1861 г., № 10.

каждаго народа съ каждой провинціи по одному депутату; опредѣленіе числа депутатовъ отъ казацкихъ войскъ и отъ войска запорожскаго возложено на высшихъ командировъ ихъ. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкою по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества, сочиненный, по выбору, пятью избирателями.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, съ какимъ расположеніемъ принятъ былъ манифестъ Екатерины II, о собраніи коммиссіи въ разныхъ провинціяхъ разными классами общества и разными инородцами. Г. Соловьевъ, которому доступны были архивные матеріалы для исторіи знаменитой коммиссіи 1767 года, въ своихъ «Разсказахъ изъ русской исторіи» сообщилъ только извѣстіе изъ Малороссіи. Эти извѣстія характеризуютъ, ка́къ живучи были въ малороссійскомъ народѣ, особенно въ казачествѣ, по выраженію Екатерины, «умоначертанія прежнихъ временъ», или историческія преданія о вѣковыхъ героическихъ стремленіяхъ Украйны, Сѣчи Запорожской къ областной демократической автономіи и свободѣ. Генералъ-губернаторъ малороссійскій отъ 2 марта 1767 г. писалъ императрицѣ: «Новый проектъ уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйства и признанія вашего императорскаго величества благоволенія, не перемѣненія наклонности ихъ, ни разсужденія. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякой законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, отзывы же у всѣхъ одни: «зачѣмъ бы намъ и тамъ быть? наши законы весьма хороши, а буде депутатамъ быть конечно уже надобно, только развѣ-бъ искать правъ и привиллегій подтвержденія». Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добръ), пользуясь его простотою, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и правахъ, какъ о первоначальномъ всѣмъ искать надлежитъ». Шляхетство нѣжинскаго и батуринскаго повѣтовъ подало челобитную: «повелѣть вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи Запорожской—избрать гетмана». «Тщеславились они здѣсь много — доносилъ, между прочимъ, Румянцовъ—тѣмъ, что лифляндцы имъ единомѣрны въ удержаніи старыхъ своихъ правъ и вольностей». Неизвѣстно — охотно ли, и скоро ли выбрали и послали депутатовъ въ коммиссію эти лифляндцы, а равно эстляндцы и финляндцы. Но всѣ эти народы дѣйствительно крѣпко придерживались за свои историческія мѣстныя права. Напримѣръ, о лифляндскомъ народѣ кн. Щербатовъ писалъ: «Сей народъ пораженъ недовѣрчивостью на все то, что̀ къ нимъ изъ россійскихъ правительствъ идетъ, и упорствуетъ во всемъ, что̀ ихъ прежними обычаями утверждено». Точно также, по словамъ Щербатова, первобытные народы казанскаго царства — татары, чуваши, черемисы, мордва и вотяки, равнымъ образомъ, инородцы сибирскіе — братскіе, или буряты, самоѣды и проч. «въ разсужденіи политическаго состоянія не были доброжелатели Россіи и не могли быть толико преданы россійской державѣ, якобы сіе желательно было». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній и обо всѣхъ этихъ инородцахъ, ка́къ они взглянули на выборъ депутатовъ.

Какъ бы то ни было, депутаты съѣхались въ Москву изъ всѣхъ областей, въ числѣ 565 человѣкъ. Отъ присутственныхъ мѣстъ синода, сената, коллегій и канцелярій выбрано 28 депутатовъ. Московская губернія представила изъ 53 уѣздовъ 59 депутатовъ отъ дворянства; отъ 58 городовъ—63 депутата, изъ коихъ было 46 купцовъ; прочіе—разночинцы; отъ однодворцевъ Калужской и Тульской провинцій тогдашней Московской губерніи—3-хъ депутатовъ, отъ пахатныхъ солдатъ—4-хъ. Кіевская губернія представила только двухъ депутатовъ: отъ жителей г. Кіева, бургомистра Іосифа Гудыма, да отъ раскольничьихъ слободъ войсковаго обывателя Ивана Щапова. С.-Петербургская губернія представила: изъ 3-хъ уѣздовъ 3-хъ депутатовъ отъ дворянства, въ томъ числѣ графа Григорія Орлова отъ Копорскаго уѣзда и графа Романа Воронцова отъ Шлиссельбурга; изъ 3-хъ городовъ 4 депутата, отъ гражданства: двоихъ военныхъ, и между ними отъ С.-Петербурга гр. Алексѣя Орлова, двоихъ изъ купцовъ, изъ Кронштадта и Шлиссельбурга. Новгородская губернія представила изъ 15 уѣздовъ 21 депутата отъ гражданства, въ томъ числѣ 17 изъ купцовъ; двухъ депутатовъ отъ пахатныхъ солдатъ Тверской и Псковской провинцій, да 2 же депутатовъ отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ Олонецкаго и Каргопольскаго уѣздовъ. Новгородскій уѣздъ—замѣтимъ мимоходомъ—попрежнему дѣлился на пятины, и, по прежнему обычаю, представилъ отъ каждой пятины по депутату отъ дворянства. Казанская губернія представила: изъ 5 уѣздовъ 5 депутатовъ отъ дворянства; изъ 16 городовъ—17 депутатовъ, изъ числа которыхъ 15 были изъ купечества; изъ 5 провинцій—5 депутатовъ отъ однодворцевъ; изъ 4 провинцій—Пензенской, Казанской, Симбирской и Вятской—4 депутата отъ пахатныхъ солдатъ и разныхъ служебъ; отъ различныхъ иновѣрцевъ 13 депутатовъ, между прочимъ, изъ Пензенской провинціи, отъ татаръ, татарина—мурзу Аюна-Еникѣева, изъ Кунгурскаго уѣзда, отъ черемисовъ—черемисина Телени Денисова, изъ Пермской провинціи 1-го депутата татарина, изъ Казанской провинціи отъ вотяковъ—вотяка Векчентая Байтуганова, изъ Казанской же провинціи отъ некрещеныхъ чувашъ—чувашенина Анюка Ишелина, изъ Свіяжской провинціи, сверхъ татаръ, отъ ясашныхъ черемисъ—черемисина Чемекая Ишпаева, изъ Симбирской провинціи, отъ служилыхъ татаръ—татарина Бахтѣя Мурзу, князя Идебердѣева, изъ казанской Старой и Новой слободъ, отъ служилыхъ мурзъ и татаръ 1 депутатъ; изъ Казанскаго уѣзда ногайской, зюрейской, арской, алацкой и галицкой дорогъ, отъ приписныхъ къ адмиралтейству служилыхъ татаръ—2 депутата; изъ 5 провинцій, отъ новокрещеныхъ и ясашныхъ крестьянъ—14 депутатовъ, въ томъ числѣ, по депутату отъ мордвы, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и татаръ новокрещеныхъ и ясашныхъ крестьянъ; изъ провинцій Казанской, Вятской, и Пермской, отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ и отъ приписныхъ къ казеннымъ и демидовскимъ заводамъ—5 депутатовъ. Астраханская губернія представила отъ жителей г. Астрахани, отъ служилыхъ мурзъ, табунныхъ и головъ 1 депутата, Бій-Мурзу кн. Урусова; отъ гражданства изъ 7 городовъ, въ томъ числѣ и изъ Саратова, отъ татаръ, армянъ и русскихъ купцовъ—11 депутатовъ; отъ казацкихъ астра-

ханскихъ войскъ—12 депутатовъ, въ томъ числѣ 4 казаковъ, 1 войсковаго атамана, 4 походныхъ атамановъ; 1 крестьянина отъ черносошныхъ крестьянъ. Сибирская губернія представила 10 депутатовъ—купцовъ изъ городовъ: Тары, Томска, Екатеринбурга, Туринска, Тюмени, Верхотурья, посада, именуемаго Барнаульскій Заводъ, изъ Красноярска, Енисейска, Тобольска, по 1 депутату изъ каждаго города; 2 депутатовъ отъ казацкихъ войскъ, одного изъ кузнецкой и колыванской линіи, отъ крѣпостныхъ старшинъ и казаковъ, другого изъ 4 линій — иртышской, новотарской, ишимской и тобольской; 5 депутатовъ отъ иновѣрцевъ—бухарцевъ и татаръ; 4-хъ депутатовъ отъ государственныхъ крестьянъ. Иркутская губернія представила 9 депутатовъ отъ гражданства изъ 5 городовъ, именно: изъ Иркутска—купца Алексѣя Сибирякова-меньшаго, изъ кяхтинскаго форпоста—купца Антона Овсянникова, изъ Якутска—прапорщика Алексѣя Данилова, изъ Нерчинска — кн. Павла Гантимурова, изъ Селенгинска—купца Ивана Фридрихса; отъ нерчинскихъ хоринскихъ родовъ братскихъ, или бурятъ — Еренцея Аюшина, отъ селенгинскихъ братскихъ — Ламу Бандеда Комбо; отъ государственныхъ крестьянъ Иркутской провинціи—купца Андрея Алексѣева; отъ 5 подгородныхъ кочевныхъ якутскихъ улусовъ якутскаго вѣдомства — князца Сафрона Сыранова. Изъ Смоленской губерніи прибыло 5 депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, 5 отъ гражданства и 1 отъ однодворцевъ. Изъ Эстляндской губерніи, изъ 4 крейсовъ 4 депутата отъ дворянства, да 2 депутата изъ двухъ городовъ, Нарвы и Ревеля. Изъ Лифляндской губерніи, изъ 4 дистриктовъ выбрано было 5 депутатовъ отъ дворянства, 4 отъ гражданства. Изъ Выборгской губерніи прибылъ 1 депутатъ отъ уѣзднаго дворянства, 5 депутатовъ отъ гражданства, 4 отъ государственныхъ крестьянъ. Нижегородская губернія представила 4 отъ уѣзднаго дворянства, 7 депутатовъ отъ гражданства, изъ купцовъ разныхъ городовъ Нижегородской губерніи; 2 депутата отъ инородцевъ, 2 отъ пахатныхъ солдатъ, 1 отъ черносошныхъ крестьянъ. Малороссійская губернія представила 11 депутатовъ отъ шляхетства, изъ разныхъ повѣтовъ, полковъ и мѣстечекъ, 10 депутатовъ отъ гражданства, 2 депутата отъ Запорожской Сѣчи, 9 депутатовъ отъ казаковъ. Слободская Украинская губернія прислала 5 депутатовъ отъ дворянства, 6 депутатовъ отъ гражданства, 5 депутатовъ отъ войсковыхъ обывателей. Воронежская губернія представила 19 депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, 16 депутатовъ отъ гражданства, изъ купечества, 6 депутатовъ отъ однодворцевъ, 2 отъ новокрещенъ, 2 отъ иновѣрцевъ татаръ, 8 отъ казацкихъ войскъ. Бѣлогородская губернія представила 19 депутатовъ, отъ дворянства—изъ 19 уѣздовъ, 14 депутатовъ отъ гражданства, все изъ купцовъ, исключая двухъ — губернскаго секретаря и полковаго писаря, 3 депутатовъ отъ однодворцевъ, 2 отъ пахатныхъ солдатъ. Архангелогородская губернія, обнимавшая тогда и Вологду и Солигаличъ, представила 7 депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, 13 депутатовъ отъ гражданства, 3 депутатовъ отъ самоѣдовъ—самоѣдина Зиновья Ардѣева, Валембоя Водягова и лопаря Захара Петрова; 1 депутата отъ ясашныхъ крестьянъ, 2 отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. Оренбургская губернія представила 3 депутатовъ отъ дворян-

ства, 5 депутатовъ отъ гражданства, 11 депутатовъ отъ казацкихъ войскъ, 10 депутатовъ отъ иновѣрцевъ, отъ мещеряковъ, отъ татаръ, отъ башкирцевъ и тарханцовъ, отъ калмыкъ, 10 депутатовъ отъ новокрещенъ и ясашныхъ. Новороссійская губернія представила 21 депутата отъ шляхетства. Опекуны разныхъ иновѣрцевъ: тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Адамъ Олсуфьевъ, камер-юнкеръ и лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ Григорій Потемкинъ и прокуроръ князь Вяземскій.

Засѣданія коммиссіи, торжественно открывшіяся, были двоякаго рода: въ общемъ, или большомъ собраніи всѣхъ депутатовъ, и въ 19 частныхъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ большимъ собраніемъ. Занятія коммиссіи начались чтеніемъ знаменитаго наказа императрицы Екатерины и представленіемъ наказовъ, данныхъ депутатамъ отъ избирателей. «Изъ наказа императрицы, они болѣе половины изъ того, что было писано ею, помарали, и остался наказъ уложенія, яко оный напечатанъ». Взглянемъ же тетерь на то, что представляли депутаты.

Въ наказахъ, какіе даны были депутатамъ отъ ихъ избирателей, довольно ясно и характеристично высказались и нужды, и умоначертаніе провинціальныхъ обществъ, и главныя общественныя болѣзни XVIII вѣка. Не отличаются они ни особенно замѣчательными, широкими идеями, ни особенною политическою требовательностью со стороны провинцій. Въ нихъ высказались провинціальныя общества, сословія, такъ какъ спрошены были врасплохъ, неожиданно, вслѣдствіе манифеста 14 декабря 1766 года. Наскоро, второпяхъ, провинціальные избиратели изложили въ наказахъ депутатамъ прежде всего и главнымъ образомъ тѣ непосредственные вопросы, какіе больше всего наболѣли тогда въ жизни, въ сердцахъ, въ быту народа, и высказали ихъ въ такихъ рамкахъ, формахъ, какія создала уже вѣковая исторія, создало правительство.

Прежде всего, отмѣтимъ въ наказахъ депутатскихъ ненормальныя выраженія провинціальной, народной жизни. Невольно бросается въ глаза, въ представленіяхъ депутатовъ, во-первыхъ, эта исторически-образовавшаяся сословная раздѣльность, исключительность, сословный антагонизмъ. Собраніе депутатовъ не имѣло вполнѣ земскаго характера, вслѣдствіе давнишняго сословнаго разъединенія земства. Уже задолго до реформы Петра Великаго, первоначально цѣльное, безсословное земство русское распалось, разъединилось *на всякихъ чиновъ людей*. Эта разночиновность выразилась и на земскихъ соборахъ XVII вѣка. Съ начала XVIII столѣтія, вслѣдствіе ревизскихъ росписей народа по родамъ государственныхъ обязанностей службы, подати и повинности, вслѣдствіе раздѣленія школъ духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ и проч. всякихъ чиновъ, земскіе люди рѣшительно раздѣлялись на сословія, и постепенно замыкались въ сослов[illegible]ныя касты. Въ тридцатыхъ годахъ, впрочемъ, еще былъ спорный вопрос[illegible] о сословіяхъ. Татищевъ требовалъ точнаго, строгаго разграниченія наслѣд[illegible]ственнаго шляхетства или дворянства отъ *подлаго* или простого народа, от[illegible] гражданства или купечества и посадства и отъ духовенства. Волынск[illegible] желалъ уничтоженія, по крайней мѣрѣ, духовнаго сословія, какъ касты. [illegible] вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, ревизіями душъ, табелью о рангахъ, обра[illegible]

ваніемъ церковническихъ дѣтей въ особыхъ духовныхъ школахъ, только въ надежду священства, съ учрежденіемъ особыхъ артиллерійскихъ школъ и кадетскихъ корпусовъ, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ дворянства отъ *подлаго* народа и по языку и по образу жизни, вмѣстѣ съ усиленіемъ солдатства, военнаго сословія, сословныя касты окрѣпли въ наслѣдственности своихъ генерацій, въ своеобразности понятій и нравовъ и проч. Въ половинѣ XVIII столѣтія, когда дворянской грамотой Петра III шляхетство или дворянство еще болѣе обособлялось своею исключительною привилегированностью отъ всѣхъ прочихъ сословій, особенно отъ крѣпостного крестьянства, въ половинѣ XVIII ст. сословное разъединеніе земства достигло высшаго развитія. Обнаружилась уже сословная исключительность, замкнутость, разрозненность, и сказался сословный антагонизмъ. И вотъ, это-то исторически-наболѣвшее, развившееся зло неизбѣжно отразилось прежде всего на статьяхъ общественныхъ наказовъ, на представленіяхъ депутатовъ, составившихъ коммиссію 1767 года. Депутаты, раздѣлившись по сословіямъ, представили отъ лица своихъ сословій немало такихъ статей, въ которыхъ вполнѣ высказались ихъ исключительные, сословные интересы, ихъ сословная раздѣльность. Такъ, дворянство, какъ особое привилегированное, помѣстное сословіе, представляло о своихъ, исключительно-помѣщичьихъ интересахъ, въ духѣ крѣпостного права, напр. 1) о продажѣ дворянству экономическихъ деревень; 2) о дачѣ и продажѣ дворянамъ засѣкъ, дикихъ степей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель; 3) объ учрежденіи по городамъ школъ исключительно для дворянскаго юношества; 4) о бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи; 5) о запрещеніи тѣмъ, коимъ дворянскимъ правомъ пользоваться не велѣно, имѣть хутора, хлѣбопашество, мельницы; 6) о постановленіи къ удержанію крѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ строжайшаго закона и т. п. Точно также въ представленіи городскихъ жителей, и въ частности купечества, какъ особаго сословія, высказалась ихъ старинная нравственная черта—церковное обрядолюбіе, и также сословная исключительность, замкнутость. Они представляли, между прочимъ: 1) объ утвержденіи въ благочестіи христіанской вѣры; о предписаніи въ законѣ, какимъ образомъ сохранять тайны божіи, когда церковь во время службы внезапно загорится; о нечиненіи въ церкви божіей во время службы смятенія; 2) о постриженіи желающихъ въ монашескій чинъ; 3) о штрафѣ съ неисповѣдавшихся; 4) о построеніи церквей божіихъ и о писаніи на всякія церковныя вещи контрактовъ безъ всякія пошлины; 5) о пожалованіи въ построенныя церкви на иконостасы и на украшенія оныхъ денежной суммы, и проч. Впрочемъ, въ этихъ представленіяхъ выразился отчасти старинный хорошій земскій обычай: дѣлать мірскія земскія заповѣди и узаконенія о предметахъ религіозныхъ, церковныхъ, не считая ихъ исключительною принадлежностью церковной власти. При этой религіозно-обрядовой своеобычности, купечество, какъ замкнутое сословіе, представляло, между прочимъ, «чтобъ дворянству и другихъ званій людямъ торговать не дозволять, чтобъ госпиталямъ, сиропитательнымъ домамъ и школамъ быть единственно для одного купечества, а не для другого какого званія людей», и т. п.

Наконецъ, точно также, въ представленіи депутатовъ отъ присутственныхъ мѣстъ выразилась своеобычная особенность: чиновничья указная мелочность, ревность къ установкѣ въ рамки положительнаго узаконенія такихъ случаевъ или явленій въ жизни, которые закономъ не производятся и не могутъ быть вложены въ опредѣленныя нормы какого-нибудь устава. Напр., они представляли, между прочимъ: 1) «объ установленіи закона къ приведенію разнаго званія народа въ содружество», хотя закономъ едва-ли можно вынудить это содружество, безъ другихъ, болѣе существенныхъ условій для этого, и прежде всего — закономъ не уничтоживши разъединяющихъ разные народы началъ; 2) о ревизіи и отличеніи гражданъ добродѣтельныхъ; 3) объ истребленіи женщинъ, ведущихъ жизнь распутную; 4) о неимѣніи форейторамъ и верховымъ кнутовъ и плетей и т. п.

При всей, однакожъ, сословной разрозненности, замкнутости и исключительности, во всѣхъ прочихъ представленіяхъ депутатовъ предъявлены были правительству самыя живыя, насущныя, справедливыя народныя нужды и требованія. Представленія эти не отличаются особеннымъ рѣзкимъ политическимъ либерализмомъ, но въ нихъ вполнѣ высказалась народная, горько-опытная, жизненно-практическая критика самыхъ существенныхъ правительственныхъ учрежденій, ясно высказались истинныя гражданскія права и интересы земскихъ сословій, выразилась живая потребность полнаго народнаго контроля надъ администраціей и судомъ — однимъ словомъ, высказался не слишкомъ либеральный, но здоровый политическій тактъ, смыслъ народа. Земскія сословія, какъ только призваны были къ сочиненію новаго уложенія для себя, тотчасъ обнаружили стремленіе къ возстановленію своего вліянія въ дѣлахъ суда и расправы, въ вопросахъ и дѣятельности присутственныхъ мѣстъ, въ устроеніи своего экономическаго быта, просвѣщенія, образа жизни. Во-первыхъ, всѣ классы народа, не исключая и правительственныхъ депутатовъ, единодушно и единогласно высказали въ своихъ наказахъ живую потребность ученія, просвѣщенія, потребность училищъ, академій, университетовъ, потребность больницъ, сиропитательныхъ домовъ, аптекъ, лекарей и повивальныхъ бабокъ. Весьма важно то, что разрозненныя сословія сходились въ самомъ главномъ условіи ихъ будущаго сближенія — въ единогласной потребности просвѣщенія. Депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ представляли: «объ обученіи дѣтей катихизису, объ учрежееніи по городамъ училищъ для юношества и о непринимaніи въ домы учителей и учительницъ несвидѣтельствованныхъ». Дворянство представляло: 1) «объ имѣніи при церквахъ ученыхъ священниковъ на жалованьѣ, и чтобъ причетники обучали крестьянскихъ дѣтей грамотѣ; 2) объ учрежденіи по городамъ для дворянскаго юношества школъ». Городскіе жители требовали еще больше. Они подали записку «объ учрежденіи въ городахъ академій, университетовъ и школъ и объ обученіи въ оныхъ разнымъ языкамъ купеческихъ и разночинскихъ дѣтей и сиротъ». Въ частности, купечество представляло: «магистратамъ накрѣпко подтвердить о добромъ содержаніи школъ, паче же о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы они обучаемы были, сверхъ искуснаго понятія закона и письма, ариѳметикѣ и

бухгалтеріи; кто же будетъ отъ онаго дѣтей своихъ укрывать и въ школы не отдавать, таковыхъ отцовъ штрафовать, первой гильдіи по 50, второй по 25 рублей». Наконецъ, и однодворцы и хлѣбопашцы требовали: «опредѣлить для наукъ и наставленія богоугодныхъ дѣлъ духовныхъ и для утвержденія благосостоянія и знанія законовъ и добрыхъ поведеніевъ свѣтскихъ учителей».

Согласно съ общимъ желаніемъ народа, выраженнымъ въ наказахъ депутатскихъ, въ числѣ 19 частныхъ коммиссій депутатскихъ, учреждена была особая коммисія *объ училищахъ*. Она составила «Учрежденіе школъ нижнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ». Школы назначались при церквахъ по всѣмъ приходамъ, именно какъ первая насущная потребность всѣхъ прихожанъ. Ввѣрены онѣ были надзору епархіальнаго начальства и градоначальниковъ, которые должны были каждую треть года давать объ нихъ отчетъ синоду и особому главному опекуну земскихъ школъ. «Для сихъ школъ—сказано далѣе въ Учрежденіи коммиссіи объ училищахъ—св. синоду приложить стараніе, чтобъ сочинены были слѣдующія книги: 1) азбука церковной и гражданской печати; 2) краткій катихизисъ; 3) кратчайшее нравоученіе изъ правилъ естественныхъ; 4) для утвержденія сего естественнаго нравоученія и св. писанія заставлять дѣтей выучивать наизустъ книжку новоизданную подъ именемъ «Словеса св. писанія»; 5) академія сочинить имѣетъ самыя малыя двѣ книжки: первая содержала бы въ себѣ четыре части простой ариѳметики съ дробями и тройными правилами, а вторая—показаніе глобуса земнаго съ четырьмя частями свѣта на особливыхъ картахъ, приложа къ нимъ главнѣйшія государства. А въ сей географической книжкѣ означить столичные и знатнѣйшіе всѣхъ государствъ городы. Таковыя книги учители просмотря, сами для себя легко поймутъ и по возможности своего понятія дѣтямъ объяснять будутъ. Ежели ученики все вышеприписанное окончаютъ, тогда давать имъ читать новый завѣтъ, въ гражданскихъ же книгахъ Наказъ е. и. в. къ сочиненію уложенія, такожде Роленеву древнюю исторію. Всякія тѣлесныя наказанія ученикамъ вовсе запрещаются, а паче не бить по щекамъ, за волосы и за уши не драть... За обученіе азбуки, часослова, псалтири и катихизиса, отцы давать имѣютъ учителю по рублю, за письмо по полтинѣ, за книжку исторіи и географіи по полтинѣ, за истолкованіе катихизиса и надзираніе священника по полтинѣ. Сверхъ-того, оставляется на волю родителей давать и больше. При выпускѣ изъ школы долженъ родитель или въ чьей волѣ ученикъ состоитъ, давать въ кружку школьную по рублю, но исключаются изъ того самые бѣдные, которые по бѣдности не имѣютъ платить чѣмъ учителямъ, за тѣхъ выдавать изъ кружки половинную плату; но сіе неинако, какъ съ согласія общаго, то-есть попечителя, священника, дьякона, дьячка и *лучшихъ прихожанъ*». Главный, верховный надзоръ надъ всѣми приходскими школами поручался «главному опекуну градскихъ школъ», который долженъ былъ засѣдать въ совѣтѣ вмѣстѣ съ членами синодальными и рапортовать царю объ успѣхѣ земскихъ школъ.

Кромѣ училищъ, дворянство и городскіе жители требовали распространенія по гороъамъ сировоспитательныхъ домовъ, госпиталей, аптекъ и

лекарей. Дворяне требовали только аптекъ и лекарей, а городскіе жители представляли: «объ учрежденіи на казенномъ содержаніи больницъ и сиропитательныхъ домовъ, объ умноженіи по городамъ аптекъ, докторовъ, лекарей и повивальныхъ бабокъ». Въ частности, купечество, выразивши желаніе учредить исключительно для себя госпитали и сиропитательные домы, независимые ни отъ какихъ правительствъ и властей, представляло: «лекарямъ быть въ каждомъ губернскомъ и провинціальномъ большомъ городѣ, гдѣ купцы принять пожелаютъ, и пользовать купцовъ даромъ, довольствуясь жалованьемъ».

Самое тяжкое бремя для всѣхъ областныхъ жителей, какъ мы уже знаемъ отчасти, составляли присутственныя мѣста съ присутствующими въ нихъ, губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи, военныя полицейскія команды и проч. Деспотическій произволъ, вопіющее неправосудіе и мучительная и разорительная медленность судопроизводства и бумаговодства — вотъ главныя болѣзни областной администраціи, гноившія тогда здоровое благосостояніе областныхъ обществъ, тормозившія ихъ естественное, здоровое, правильное саморазвитіе. Вотъ и противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій присутственныхъ мѣстъ протестовали почти единогласно всѣ земскія сословія. Но такъ какъ главные производительные классы земства, городскіе жители, купцы, мѣщане и хлѣбопашцы, всѣхъ болѣе испытывали и тяжелѣе ощущали на себѣ весь гнетъ, всю безконтрольную, необузданную, деспотическую, жадную придирчивость присутственныхъ мѣстъ и присутствующихъ, всю несносную стѣснительность и разорительность дѣлохожденія, то эти классы народа всего болѣе и рѣшительнѣе требовали себѣ правъ надзора и контроля надъ присутственными мѣстами, надъ полиціей, надъ судами. Они требовали представительства своихъ депутатовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, требовали собственнаго гражданскаго и уѣзднаго суда и проч. Именно городскіе жители представляли: 1) «объ учрежденіи вновь городскаго суда; 2) о бытіи полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и ратушъ; 3) о подтвержденіи магдебургскаго права; 4) о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купечества; 5) о нечиненіи военнослужащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побой и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; 6) объ учрежденіи, вмѣсто формальныхъ, краткихъ словесныхъ, также и третейскихъ судовъ для всякихъ случающихся между купечествомъ съ разночинцами дѣлъ; 7) о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества; 8) о запрещеніи присутствующимъ слушанія и подписыванія дѣлъ на домахъ; 9) объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей; 10) о незабираніи насильно къ суду въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; 11) о небытіи въ городахъ особой сыскной команды, а о препорученіи оной магистратамъ». Въ частности, купечество, какъ сословіе, представляло: «купечеству между собою судимымъ быть во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ великихъ государственныхъ, въ городскихъ магистратахъ и ратушахъ». Такимъ образомъ, городскіе жители просили себѣ право

контроля надъ самыми тяжелыми для народа правительственными учрежденіями прошлаго столѣтія. И по праву: потому что управленіе ихъ интересами, заботы объ ихъ бытѣ, хозяйствѣ, благополучіи, охраненіе ихъ добра, по естественному праву, принадлежало и принадлежитъ имъ самимъ, а не какимъ другимъ, особенно непрошеннымъ приказнымъ опекунамъ. Точно также однодворцы и хлѣбопашцы представили: 1) «о непосылкѣ въ уѣздъ находящихся при городахъ служилыхъ людей съ указами, для публикованія оныхъ, а о разсылкѣ ихъ для того по церквамъ изъ духовныхъ правленій; 2) о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и объ опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ для скораго отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей, особливыхъ членовъ; 3) о бытіи для дѣлъ со стороны судящихся депутатамъ въ засѣданіи, въ присутственныхъ мѣстахъ; 4) о непритѣсненіяхъ однодворцамъ и прочимъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ самихъ присутствующихъ; 5) о словесныхъ судахъ; объ опредѣленіи для разбирательства между обывателями дѣлъ, командировъ или старшинъ по выбору изъ нихъ же и о небытіи имъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ подушнаго оклада, вѣдомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ».

Мало-того. Многія провинціальныя общины и ихъ депутаты просили, чтобъ въ Великороссіи и Сибири воеводы были выборные изъ самихъ провинціальныхъ жителей, или, по крайней мѣрѣ, по просьбѣ ихъ смѣняемы, а въ Малороссіи избираемы были вольными голосами народа гетманъ и старшины, и чтобъ малороссійскіе чины были уравнены съ великороссійскими и т. п. Такъ, однодворцы и хлѣбопашцы представляли, между прочимъ, «объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей отъ губерній и о выводѣ изъ малороссійскихъ городовъ россійскихъ воеводъ». Городскіе жители просили «о выборѣ малороссійскому народу гетмана и старшинъ вольными голосами и о бытіи казакамъ судимымъ отъ оныхъ старшинъ». Дворянство представляло: «о выборѣ воеводъ и товарищей баллотированіемъ изъ дворянъ своего уѣзда». Въ частности, депутатъ ярославскаго дворянства кн. Щербатовъ подалъ въ коммиссію слѣдующее мнѣніе о выборѣ уѣздныхъ дворянъ къ соучастію въ воеводскомъ управленіи: «великое пространство Россійской Имперіи, разныя правительства необходимо-нужныя, великое число людей, служащихъ въ военной службѣ и желающихъ еще и въ гражданской услуги показать, и многіе уже по истощеніи силъ своихъ вступаютъ въ гражданскую службу, яко въ нѣкое упокоеніе... Но по великому числу таковыхъ раздаваемыхъ мѣстъ не всегда обрѣталися право разумѣющіе законы и ихъ приложеніе, да и впредь сумнительно, чтобъ великое изобиліе въ таковыхъ могло быть, чтобъ имѣя и ясный уже законъ, чрезъ людей изъ дѣтскихъ лѣтъ прилежащихъ къ симъ дѣламъ, не могли сбиты и обмануты быть, каковы есть многіе приказные служители; сверхъ того, страсти, примѣшиваясь отъ сообщенія таковыхъ подлыхъ и привыкшихъ къ душевредству и мздоимству людей, принуждаютъ вымышлять способы и затмѣніе самой истины, такъ что мало-по-малу впадая въ преступленія, воеводы утѣсняютъ народъ, находя себѣ защитниковъ, не скоро наказаны бываютъ, а пороки продолжая путь свой, яко ядовитая болѣзнь, болѣе

нравы заражаютъ. И для предупрежденія такихъ слѣдствій, не соблаговолено-ль будетъ, чтобъ при воеводѣ были выбраны отъ уѣзду два или три депутата въ собраніи дворянства и опредѣлены безъ жалованья для засѣданія съ нимъ вмѣстѣ. Воевода, яко начальникъ, имѣлъ бы особливо на себя положенную должность, по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, яко сборамъ и прочіи, по которымъ бы и къ отвѣту явиться долженъ былъ; дворяне же имѣли бы участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до земскаго суда (хотя и по государственнымъ должныя вѣрныхъ подданныхъ предложенія воеводѣ имъ бы не запрещались)».

Относительно экономическаго быта и устройства провинцій, депутаты ихъ высказали также нѣсколько существенно-необходимымъ и полезныхъ требованій. При сильномъ и все болѣе и болѣе возраставшемъ развитіи экономической централизаціи въ XVIII столѣтіи, казна поглощала земскіе доходы, напримѣръ городскіе, употребляла ихъ безъ всякой отчетности предъ городскими жителями. По провинціальнымъ городамъ не было мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій, не только частныхъ земскихъ банковъ, но и казенныхъ, государственныхъ. Коммерцъ-коллегія и мануфактуръ-коллегія только обременяли своею бюрократическою централизаціею свободное движеніе и развитіе торговли и промышленности по областямъ, а не подвигали ее впередъ. Вмѣсто локализаціи экономическихъ силъ и отправленій, для наиболѣе свободнаго и равномѣрнаго распространенія и развитія ихъ по мѣстнымъ экономическимъ, торгово-промышленнымъ путямъ и средоточіямъ, эти центральныя коллегіи централизировали и ослабляли, стѣсняли свободное областное народно-экономическое саморазвитіе своимъ излишнимъ бюрократическимъ бумаговодствомъ. Въ торговлѣ и промышленности свирѣпствовала монополія, или, по выраженію Мордвинова, единоторжіе казны и казенныхъ откупщиковъ; въ подрядахъ также. На все это не могли не отозваться законными жалобами и требованіями прежде всего главные торгово-промышленные классы, городскіе жители. И вотъ, депутаты ихъ представили, между прочимъ, 1) «объ учрежденіи по городамъ для купеческой коммерціи и размноженія торговъ государственнаго банка; 2) объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ таможенъ; 3) о неотдачѣ въ монополію никакихъ промысловъ и товаровъ». Въ высшей степени законно слѣдующее представленіе купечества: «чтобъ принадлежащіе гражданству доходы оставить всѣ въ гражданскую пользу, а въ казну отдавать только по рублю пятидесяти копескъ съ души». Равнымъ образомъ вполнѣ сообразна съ требованіями всѣхъ податныхъ сословій просьба купечества о возстановленіи подворной ревизіи, вмѣсто подушной. Тогда народъ сильно уклонялся и бѣжалъ отъ ревизіи душъ. Поэтому купцы просили «объ уничтоженіи сочиняющейся нынѣ по душамъ ревизіи, а о бытіи оной попрежнему по дворамъ». Дворянство, кромѣ нѣсколькихъ своекорыстныхъ помѣщичьихъ экономическихъ представленій, между прочимъ, также хлопотало: 1) «объ учрежденіи по городамъ банковъ; 2) хлѣбныхъ магазиновъ и фабрикъ». Относительно крестьянъ, достойно вниманія представленіе или ходатайство дворянства: 1) о позволеніи крестьянамъ въ городахъ торговать продуктами ихъ въ розницу; 2) о позволеніи крестьянамъ

подрядовъ; 3) о бытіи крестьянамъ у купцовъ повѣренными въ лавкахъ и въ питейныхъ домахъ въ одно зимнее время, а въ лѣтнее, чтобъ возвращались къ земледѣлію; 4) о несборѣ съ крестьянства подводъ, а вмѣсто того объ учрежденіи почтовыхъ становъ; 5) о ненаряженіи крестьянъ на караулы и работы; 6) о сборѣ въ однихъ мѣстахъ вмѣсто фуража деньгами, а въ другихъ, гдѣ будетъ потребно, вмѣсто подушныхъ денегъ, провіантомъ и фуражемъ; 7) о поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, отъ коихъ бы крестьянство получило наставительный примѣръ къ лучшему домоустройству; 8) объ истребленіи, для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ, жженія золы и прочихъ заводовъ».

Наконецъ, отмѣтимъ и остальные, болѣе или менѣе тоже дѣльные вопросы и представленія депутатовъ. Депутаты отъ присутственныхъ мѣстъ представили, между прочимъ: «о вступленіи всякимъ чинамъ въ духовные, а изъ духовныхъ въ свѣтскіе, и освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ; о уменьшеніи свободныхъ дней отъ работъ; о учиненіи закона, какъ поступить въ случаѣ того, когда отъ побой помѣщиковъ случится людямъ смерть; о запрещеніи кулачныхъ боевъ; объ учиненіи монашескихъ недвижимыхъ имѣній коронными и объ установленіи къ пропитанію ихъ (то-есть монаховъ) и къ содержанію церквей—доходовъ; о пресѣченіи роскошей; о публикаціи отъ полиціи о всѣхъ происходящихъ новостяхъ; объ учрежденіи въ городахъ публичныхъ мѣстъ для увеселенія обывателей», и проч. Дворянство представило, въ числѣ другихъ пунктовъ: «о продажѣ церковныхъ земель; о заведеніи въ городахъ особыхъ слободъ для полковъ и о выводѣ ихъ изъ уѣздовъ; о запрещеніи на выгонныхъ городскихъ земляхъ сѣять хлѣбъ; объ умноженіи крестьянскаго безчестія (то-есть платы за безчестье) и объ умноженіи суммы оныхъ, кои пожелаютъ быть въ купечествѣ, и о незапискѣ въ посадъ по женамъ ихъ», и проч. Градскіе жители, между другими пунктами, подали: «о свободномъ отправленіи богослуженія другихъ законовъ людямъ; о содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи оному жалованья; о нетребованіи священникамъ, сверхъ указаннаго числа, за церковныя требы; о подтвержденіи казакамъ шляхетскаго права и объ оставленіи ихъ при прежней должности казачьей; о правѣ и преимуществѣ россійскаго купечества и о неназываніи онаго непристойными словами и дозволеніи первостатейнымъ носить шпаги; о пресѣченіи роскошей и о невыписываніи въ Россію никакихъ иностранныхъ вещей; о выключкѣ изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскихъ, купечества и разнаго званія людей и увольненіи отъ рекрутскаго набора; о снятіи съ подсусѣдковъ рублеваго оклада и о расположеніи онаго на тяглыхъ и земли имѣющихъ людей; объ учрежденіи цеховъ; объ учиненіи запрещенія, чтобъ никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ; о непринужденіи купечества къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья; о позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи раскольничьимъ попамъ, монахамъ и монахинямъ, въ часовняхъ и церквахъ отправлять по службы стариннымъ книгамъ». Однодворцы и хлѣбопашцы, между прочимъ, заявили «о постройкѣ для квартированія пол-

ковъ при городахъ штатныхъ дворовъ и свѣтлицъ; о защитѣ отъ проходящихъ полковыхъ служителей».

Такія покуда извѣстны намъ свѣдѣнія о наказахъ, какіе даны были народными избирателями депутатамъ знаменитой коммиссіи 1767 г., и о голосахъ, какіе подали черезъ нихъ почти всѣ провинціальныя общества. Если такъ разнообразны были простыя, основныя данныя, вопросы избирательныхъ классовъ Россіи, то уже по нимъ невольно предполагается, какъ много, должно-быть, высказано было депутатами о разныхъ матеріяхъ, во время самыхъ преній или разсужденій, на собраніяхъ общей коммисіи и на сходахъ частныхъ 19-ти коммиссій. Что-нибудь да было же говорено и дѣлано въ общихъ собраніяхъ коммиссіи, которая существовала съ лѣта 1767 г. и до 12 февраля 1769 г. Равнымъ образомъ что-нибудь да было же сказано и сдѣлано на собраніяхъ 19-ти частныхъ коммиссій, которыя продолжали свою дѣятельность до 1774 г. Для нашего времени покуда это тайна. Но въ высшей степени многознаменательно ужъ и то, что теперь извѣстно намъ изъ исторіи знаменитаго собранія депутатовъ. Прочитавши только наказы, данные отъ областей депутатамъ, мы опять приходимъ къ убѣжденію, что это знаменитое собраніе депутатовъ отъ всего русскаго народа и отъ всѣхъ племенъ инородческихъ представляетъ въ исторіи собственно народной, въ исторіи всѣхъ разнообразныхъ, разнородныхъ областныхъ массъ русской земли, самое великое, свѣтлое, отрадное, міровое историческое событіе. Это было событіе исторически-движущее, передовое, просвѣтительное. Недаромъ Западная Европа, услышавъ о собраніи депутатовъ въ Россіи, прославила Семирамиду Сѣвера похвалами философовъ, поэтовъ и всѣхъ знаменитостей того вѣка.

Великое народное собраніе 1767 г., во-первыхъ, подѣйствовало народно-просвѣтительно на европейски-просвѣщенный умъ самой великой законодательницы. Екатерина вынесла такое убѣжденіе о коммиссіи народныхъ депутатовъ, изъ ней же самой: «Коммиссія уложенія—говоритъ она—былъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты и военные поѣхали въ армію. Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правила и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ». Такимъ образомъ, собраніе депутатовъ озарило, просвѣтило отвлеченную идею государства, имперіи, идеей живого народа. Оно, послѣ темныхъ, тяжелыхъ, тираническихъ временъ первой половины XVIII-го столѣтія, послѣ почти совершеннаго забвенія народа среди частыхъ, бурныхъ государственныхъ переворотовъ, оно вдругъ дало свѣт верховному правительству, верховной власти, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, о комъ пещись должна, указало на народъ. Недаромъ съ этого тольк времени и для самого правительства все болѣе и болѣе становятся пре метомъ и цѣлью реформъ и учрежденій, не государство, а общество, народ

Затѣмъ, собраніе коммиссіи 1767 г. съ могучей силой и разомъ по двинуло впередъ развитіе законодательныхъ идей, вдругъ повернуло гос

дарство отъ застоя къ быстрому, живому и широкому историческому движенію, путемъ разнообразныхъ, всестороннихъ, радикальныхъ реформъ. Одни данные, необработанные матеріалы для новаго уложенія, доставленные и собранные коммиссіей 1767 года и 19-ю частными коммиссіями, подвинули на полстолѣтія впередъ законодательную дѣятельность, и послужили къ созданію всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыми болѣе всего прославилось царствованіе Екатерины и ознаменовались въ Россіи семидесятые и осьмидесятые года прошедшаго вѣка, до которыхъ при Екатеринѣ не явилось ни одного подобнаго памятника законодательства—и которые доселѣ составляютъ коренныя основы внутренняго устройства и мѣстнаго управленія въ имперіи. Таковы: учрежденіе для управленія губерній (6 ноября 1775 года), уставъ благочинія (8 апрѣля 1782 г.), указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ (7 сентября 1782 г.), городовое положеніе (21 апрѣля 1785 г.) и многіе другіе. Проекты всѣхъ этихъ законоположеній начертаны были коммиссіями депутатовъ. По окончаніи первой турецкой войны въ 1774 г., всѣ эти проекты были мало-по-малу извлекаемы изъ архива коммиссіи, и, подверженные пересмотру, дополненные, измѣненные, согласно съ видами петербургскаго правительства, уже подъ редакціей и прессомъ бюрократіи, приводились въ исполненіе. Главная же, существенная работа и заслуга въ составленіи всѣхъ этихъ законоположеній все-таки исключительно принадлежитъ общей коммиссіи 1767 г. и частнымъ коммиссіямъ. Мало того. Многія идеи депутатской коммиссіи 1767 года стали насущными вопросами XIX столѣтія, заняли лучшіе государственные умы. Напримѣръ, Мордвиновъ всѣми доводами доказывалъ необходимость учрежденія по городамъ частныхъ банковъ, чего требовали и депутаты коммиссій, по наказамъ избирателей. Городскіе жители въ депутатскомъ наказѣ своемъ требовали учрежденія университетовъ, академій по всѣмъ городамъ. Это вопросъ не только нашего, но еще и будущаго времени. Наконецъ, депутатская коммиссія 1767 года затронула и такіе вопросы первой важности, какъ, напримѣръ, о крѣпостномъ правѣ, которое тогда только еще достигало разгара, о значеніи именныхъ указовъ, въ случаѣ изданія собраніемъ депутатовъ новаго уложенія, и тому подобное. Основательно полагаютъ, что это-то именно поднятіе коммиссіею вопросовъ, признававшихся въ тотъ вѣкъ несвоевременными, и было главною причиною распущенія коммиссіи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ вообще о значеніи земскихъ соборовъ въ исторіи народной. Оглядывая бѣглымъ взоромъ всю прошедшую исторію русской земли, начиная отъ рюриковской закладки государства и до екатерининской первоосновы, организаціи общества—мы видимъ, что земскія собранія народа представляютъ двигательныя, осново-положительныя или земско-устроительныя явленія въ русской исторіи. Земскимъ собраніемъ и совѣтомъ начинается наша исторія, полагается закладка, первооснова государственнаго союза. Задолго до начала исторіи, по русской землѣ бродили все инородческія—финскія, чудскія племена. Вотъ приходятъ славяне, и изъ починка своего—Славно-Торга и изъ другого ростка своей исторіи—изъ чудскаго города Ростова, проводятъ, *по землѣ и по водѣ*, свою

гостиную или торгово-промышленную и земледѣльческую колонизацію, среди чудскихъ земель и племенъ, основываютъ славяно-русскія земскія общины, *области*, *земли*, *государства*. Не мечъ, а миръ, любовь, совѣтъ и союзъ принесли славяне инородцамъ. И вотъ, вступаютъ въ федеративный союзъ съ чудскими инородцами, и вмѣстѣ, дружно, единодушно начинаютъ исторію земскимъ собраніемъ и совѣтомъ 862 года. «Возстали славяне, и кривичи, и чудь, и меря на варяги, и изгнали ихъ за море, и начали сами собою владѣть и города ставить». При разложеніи родовыхъ общинъ, при слабости, неокрѣплости племеннаго федеративнаго союза—племенное земское самоуправленіе было нестройно и неблагоустроительно. Нужно было связать племена, для организаціи одного народа, болѣе прочнымъ, соединительнымъ началомъ. И вотъ, снова славяне, и кривичи, и чудь, и меря сходятся на земскій совѣтъ, и призываютъ князей-собирателей, соединителей племенъ въ одинъ народъ. Началась дальнѣйшая колонизаціонная обстройка областей, организація областныхъ земскихъ общинъ, въ федеративной связи—по землѣ и по водѣ. Стали возникать, путемъ вольно-народнаго, земско-областнаго самоустройства, починки областныхъ земскихъ совѣтовъ и вѣчей. Долго починки эти свободно росли и крѣпли, и въ корнѣ своемъ, откуда началось и федеративное соединеніе племенъ, и свободное самоустройство и саморазвитіе областей—въ Великомъ Новгородѣ—въ вѣчѣ новгородскомъ начинали уже разцвѣтать въ многознаменательныхъ своеобразныхъ формахъ. Но вотъ, по выраженію лѣтописи, настала *зима*, настало насиліе *большое московское*, прилетѣлъ многокрылый орелъ, исполненный крылъ и львовыхъ когтей—и зачатки земско-областныхъ, вѣчевыхъ міровъ были побиты. Только корень ихъ уцѣлѣлъ, неискоренимо хранился въ почвѣ народной—въ обычаяхъ народныхъ, особенно въ обычаяхъ сельскихъ міровъ. Едва только кончилось собираніе областей русской земли, какъ, въ силу внутреннихъ естественно-историческихъ и розно-этнографическихъ стремленій областей, произошла *великая рознь*, *великая шатость* всѣхъ областей—и русскихъ и инородческихъ. Земля русская зашаталась въ самомъ корнѣ, разрознилась въ составныхъ частяхъ: не стало, по словамъ Москвы, самаго *корени, основанія крѣпкаго, чѣмъ древо неподвижно*. Вмѣсто родовой и племенной розни IX вѣка, кончившейся земскимъ совѣтомъ славянъ и чуди 862 года, настала рознь государственная, земско-областная. Вмѣсто племеннаго федеративнаго союза, нужно было возстановить, или, лучше сказать, создать вновь излюбленную всею землею, всѣми областями государственную, земско-областную федерацію. И кто же совершилъ это великое земское дѣло? Опять новый, великій земскій соборъ русскаго народа и представителей инородческаго міра. Областные земскіе народные собранія и совѣты переписались, согласились быть между собою *въ любви, совѣтѣ и соединеньи*, то-есть въ земско-областной федераціи, созвали въ *сходъ всѣ города*, и на великомъ земскомъ соборѣ 1613 года, *по совѣту всей земли*, спасли Россію, создали государственную, земско-областную федерацію, вручили общее храненіе ея прав излюбленному головѣ всей земли—царю новой династіи. Послѣ первоначальнаго племеннаго земскаго собранія и совѣта славянъ, и чуди, и мери

въ 862 году—великій земскій соборъ и совѣтъ всей земли 1613 года представляетъ въ нашей исторіи второе, и уже не союзно-племенное, а государственно-федеративное земское собраніе выборныхъ представителей какъ русскаго, такъ и инородческаго міра вмѣстѣ.

Такимъ образомъ росла и возрасла жизнь племенъ до формъ областныхъ земскихъ общинъ; росла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и идея земскихъ собраній и совѣтовъ, и возрасла отъ формы племеннаго собранія и совѣта 862 года до принципа и формы государственнаго земскаго собора и совѣта. И съ тѣхъ поръ принципъ, идея государственныхъ земскихъ соборовъ не умирали въ нашей исторіи. Едва возстановилъ, устроилъ земскій соборъ 1613 года политическій федеративный союзъ областей, какъ новые земскіе соборы 1619 и 1642 года указывали правительству истинныя основы экономическаго *земскаго устроенья, къ покою людямъ, чтобы все пришло въ достоинство.* Оба эти земскіе собора полагали въ основу экономическаго быта и развитія народа принципъ равенства, принципъ уравненія всѣхъ въ земскихъ податяхъ и повинностяхъ въ отношеніи къ государственной казнѣ. А въ частности, земскій соборъ 1642 года указалъ правительству такія истинныя экономическія начала: 1) уничтоженіе непроизводительныхъ статей въ государствѣ, налегавшихъ только всею тяжестью оплаты и ущерба на земство—посредствомъ употребленія на казенныя, государственныя нужды лежачей домовой казны монастырей, архіереевъ, дьяковъ и царскихъ дворовыхъ прикащиковъ; 2) одинаковое, равное участіе въ покрытіи государственныхъ нуждъ со стороны всѣхъ, безъ исключенія, званій и чиновъ; 3) земскій, народный учетъ, контроль надъ казной, надъ народными взносами въ казну, посредствомъ выборныхъ изъ земства; 4) пресѣченіе произвола и насилій областнаго начальства—воеводъ, замѣной ихъ излюбленнымъ земскимъ самосудомъ; 5) облегченіе податнаго земства отъ бремени лишнихъ службъ, казенныхъ взносовъ и работъ, и тому подобное. Такіе экономическіе вопросы недаромъ поднимали земскіе соборы XVII вѣка. Недаромъ объ нихъ всего болѣе вопіяли, или болѣли въ тотъ вѣкъ и всѣ областныя земскія общины въ своихъ земскихъ челобитныхъ. Умноженіе въ народѣ бѣдности, *обнищалыхъ, оскудалыхъ до конца и разбродившихся въ розпь* голутвенныхъ людей не только было физически тягостно, несносно для народа и мѣшало его экономическому развитію, но оно мѣшало и умственному развитію народа. Далѣе, какъ земскій соборъ 1613 года окончательно собралъ въ государственный, политическій союзъ всѣ областныя земскія общины для федеративнаго, совокупнаго развитія ихъ въ любви, совѣтѣ и соединеньи, и какъ слѣдующіе земскіе соборы 1619 и 1642 года установляли, указывали начала экономическаго устройства и быта народа— такъ земскій соборъ 1648 года совершилъ важное земское юридическое дѣло—объединеніе всѣхъ правъ областныхъ общинъ, издалъ и утвердилъ уложеніе всей земли. Хоть и далеко несовершенно было это уложеніе, составленное въ уровень юридическимъ понятіямъ и потребностямъ своего вѣка, все же оно было, по скрѣпѣ земскаго собора, какъ мы уже сказали, *прочно* и *неподвижно* въ теченіе всего XVIII столѣтія, да и теперь еще не потеряло силы. Потомъ, по духу времени, въ высшей степени здраво,

истинно было требованіе земскаго собора 1648 года о государственно-экономическомъ уравненіи всѣхъ классовъ народа. Это существенно-необходимое условіе для возможно-равномѣрнаго экономическаго благосостоянія разныхъ разрядовъ народа.

Такимъ образомъ, хоть и грубъ, суевѣренъ, невѣжественъ былъ XVII вѣкъ, но и во тьмѣ его, на земскихъ соборахъ, виденъ и слышенъ былъ самъ народъ, на службу которому сложилось государство, правительство. И въ грубыхъ формахъ XVII столѣтія, на земскихъ соборахъ, высказывалась природная, здравая способность народа къ народосовѣтію. Въ земско-соборныхъ требованіяхъ народа выразилось здоровое, истинное стремленіе къ прогрессу народной жизни, высказалось правильное постановленіе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ народа и государства, народнаго труда и пріобрѣтенія и казеннаго налога и опеки надъ этимъ трудомъ, и проч. Если правительство не просвѣщалось, не руководилось этими жизненно-практическими уроками народа, и вообще мало и рѣдко прислушивалось къ народному голосу земскихъ соборовъ—это не народная вина, за которую московское государство и наказалось тяжко-народными бунтами и земскимъ расколомъ во второй половинѣ XVII вѣка. Но голосъ земскихъ соборовъ, какъ голосъ народа, все-таки остался въ исторіи народной поучительнымъ голосомъ исторически-искомой правды русской, народной. Оттого, слова народныя, сказанныя на земскомъ соборѣ XVII вѣка, въ грубыхъ формахъ понятій, требованій, обычаевъ и языка того времени—все-таки въ сущности, во внутреннемъ смыслѣ своемъ, являются истинными, живыми и дѣйственными и въ XIX вѣкѣ. И самыя земскія собранія и думы русскаго народа, въ эпоху его разгульной, неустановившейся юной, кипучей, жизни, какъ проявленія его природныхъ инстинктовъ и потребностей, какъ созданіе его своеобразной исторической идеи и такта—были, можно сказать, только тѣнью, прообразами его земскихъ собраній и думъ въ новомъ, зрѣломъ возрастѣ, когда массы его познаютъ просвѣщеніе.

Съ начала XVIII-го столѣтія и до 1767 года не слышенъ былъ больше голосъ народа, не было земскихъ соборовъ. Земля русская, означавшая на языкѣ народномъ міръ, народъ, земство, преобразовалась изъ московскаго государства во всероссійскую имперію. Въ формахъ губернскаго устройства не слышна, не видна стала жизнь областнаго земства—жизнь провинціальныхъ массъ. Ее заглушала, заслоняла исторія имперіи, двора и Петербурга, заглушали дурныя узурпаціи, перевороты и перемѣны, происходившія въ Петербургѣ. Противонародное, узурпаторское направленіе исторіи достигло высшаго проявленія въ *бироновщинѣ*. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ земли русской—міра, народа въ имперію, земство окончательно распалось, раздробилось на имперски-служебныя, податныя и крѣпостныя сословныя касты. Въ немъ окончательно развился *расколъ*. Бироновщинѣ народъ отвѣчалъ бѣгствомъ за границу, особенно усилившимся въ царствовані Анны Іоанновны и послѣ ревизіи 1741 года, отвѣчалъ крестьянскими бунтами въ разныхъ губерніяхъ, разбойничествомъ и, наконецъ, пугачевщиной. Въ умственномъ отношеніи, народъ спалъ крѣпкимъ сномъ невѣ жества и суевѣрія XVI и XVII столѣтій, и во снѣ, отъ тяжкой натуг

горько-слезнаго быта, которою *сердца народныя давно уже были сильно опечалены и тоскою исполнены*—во снѣ народъ страшно стоналъ, вопилъ, и ему грезилось: «будто Россія вавилонская блудница, будто въ ней воцарился антихристъ отъ лѣтъ царя Алексѣя Михайловича и наипаче отъ лѣтъ сына его, Петра I». И «отдаленный стонъ народный, по выраженію князя Щербатова, не былъ вкушаемъ среди роскошей столичныхъ...» По всему этому можно бы подумать, что въ такія темныя, тяжелыя времена XVIII-го столѣтія, представлявшія, по выраженію Карамзина, les saturnales de despotisme, въ массахъ русскаго народа долженъ былъ окончательно отупѣть, омрачиться природный здравый смыслъ, должна была погаснуть, погибнуть и та способность народосовѣтія, какая обнаружилась на грубыхъ земскихъ соборахъ XVII вѣка.

Но вотъ созывается новый земскій соборъ—знаменитое собраніе депутатовъ 1767 года. Вызываются депутаты не только изъ всѣхъ русскихъ областей, но и отъ всѣхъ инородцевъ. И этотъ политическій союзъ вдругъ обнаруживаетъ всѣ признаки полножизненности и здоровой самосохранности—народосовѣтнаго такта областныхъ массъ народныхъ. Отъ имени ихъ, земское собраніе депутатовъ, первымъ словомъ, произноситъ судъ, приговоръ надъ минувшими страданіями народа, надъ первой половиной XVIII-го столѣтія, произноситъ судъ не на слухахъ, не на преданіяхъ основываясь, а на самоопытномъ *видѣніи* и прочувствованіи минувшихъ злостраданій народныхъ. Непросвѣщенные, полу-суевѣрные выборные отъ народа—городскіе жители, купцы, первымъ долгомъ заявляютъ о народной потребности просвѣщенія, требуютъ основанія университетовъ, академій и школъ не въ однѣхъ столицахъ, а по всѣмъ городамъ, требуютъ образованія духовенства для учительства, для образованія народнаго. Забитые, запуганные, деморализированные губернскими, провинціальными и воеводскими канцеляріями первой половины прошлаго вѣка, городскіе и сельскіе люди требуютъ чрезъ собраніе депутатовъ выборнаго, депутатскаго народнаго контроля надъ присутственными мѣстами и надъ присутствующими; требуютъ земству право выбирать воеводъ, и т. д. Въ эпоху разгара и варварства крѣпостного права, въ рядахъ депутатовъ слышится, на земскомъ собраніи, голосъ объ уничтоженіи крѣпостного права, почти за 100 лѣтъ до дѣйствительнаго уничтоженія его, и проч., и проч. И подобныя идеи простыхъ людей—данныя и выводы не просвѣщенія, не наукъ, а непосредственнаго жизненно-практическаго опыта, грубаго, невѣжественнаго, но горько-думнаго, горько-слезнаго вѣкового быта народнаго—дѣйствуютъ просвѣтительно, руководительно на цѣлую эпоху, движутъ исторію, даютъ тонъ и направленія ея, даютъ матеріалъ для разнообразныхъ реформъ, вызываютъ рядъ такихъ учрежденій, которыя, несмотря на всю несовершенную бюрократическую обработку ихъ, до сихъ поръ все-таки представляли лучшія институціи, чѣмъ учрежденія первой половины прошлаго вѣка. Собраніе народныхъ депутатовъ 1767 года открыло свѣтъ новой русской исторіи, въ лицѣ представителей русскаго и инородческаго міра, указало правительству на забытый принципъ народностей, ожидающихъ новой жизни, человѣчнаго вниманія и улучшенія быта. Наконецъ, простыя, не-

затѣйливыя идеи земскаго собранія дѣйствуютъ народно-просвѣтительно на европейски-просвѣщенный государственный умъ самой законодательницы. Екатерина, выслушавши голосъ земскаго собранія депутатовъ, стала лицомъ къ лицу съ народомъ, познала всѣ русскія народности, познала то, что составляетъ живую сущность, самую жизнь государства, для чего существуетъ правительство. Изъ земскаго собранія депутатовъ 1767 года геніальная государыня вынесла глубокое, многознаменательное убѣжденіе: «Коммиссія—изрекла она—дала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія объ имперіи, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, о комъ пещись должны»...

Земство [1])

По старинному, народному принципу первоначальнаго *земскаго устроенья* великорусскихъ областныхъ общинъ, *земля* составляла основу всего народнаго бытового строя. Области назывались *землями*, люди назывались *земскими людьми*. Понятіе *земли* было тождественно съ понятіемъ *людства*, *земства*, *міра*. Отсюда выраженія: *управа люба была люба всей землѣ*, *по совѣту всей земли*, помыслить крѣпко *съ міромъ*, *всею землею* и т. п. При такомъ историческомъ земскомъ складѣ, при этой архитектонической народной постройкѣ русской земли, и при этомъ народномъ земскомъ міровоззрѣніи, земля, какъ общее, естественное, неотъемлемое достоянье для *сѣдѣнья* и *кормленья* всѣхъ и каждаго равно, была естественнымъ мѣриломъ или опредѣлителемъ равенства всѣхъ земскихъ людей, была объединяющимъ началомъ, связывавшимъ и уравнивавшимъ ихъ, какъ *вервью*, въ одинъ равноправный земскій міръ [2]). Отсюда все земство, по естественной поземельно-водной и общинно-колонизаціонной обязанности, по единству и согласью работы въ дѣлѣ первоначальной, основоположительной колонизаціи и культуры, представляло первооснову одного цѣлаго, нераздѣльнаго равноправнаго *людскаго собранія*, *людства*, *міра*, братства, или, по выраженію лѣтописи, *братьи*. Не было сословнаго разъединенія, неестественной росписанной систематизаціи земства, а было только естественное раздѣленіе труда, культуры и промышленности по свободному выбору земскихъ людей. До призванія князей, на чудскомъ сѣверо-востокѣ были только *славяне*, *старцы*, *лучшіе мужи*, то-есть, разумнѣйшіе и богатѣйшіе славянскіе люди, *гости*, ролейники или земледѣльцы, рыболовы, звѣроловы, повольники, молодцы, отроки, да чудь-финны безъ всякаго раздѣленія на сословія. Были, слѣдовательно, только, *людье*, *міръ*, съ естественнымъ под-

---

[1]) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г. въ № 7—8 отъ 11 марта.

[2]) Не даромъ, и въ народныхъ сказаніяхъ, *землѣ* придается высокое значеніе. Она сопоставляется такимъ, напримѣръ, образомъ: первая мати—мати божія, обща наша заступница о всѣхъ христіанахъ; другая мати—родившая всякаго человѣка, третія мати питаная вѣрныхъ и невѣрныхъ—*общая мати наша земля:* отъ нея питаемся и одѣваемся и согрѣваемся. Слѣдовательно, всѣ земскіе люди, какъ дѣти этой *общей матери земли*, естественно, равны между собою въ земскомъ отношеніи и значеніи.

раздѣленіемъ, по лѣтамъ и опытности, *на старцевъ, молодцевъ* и *отроковъ*, да по родамъ труда, занятія, на *гостей, дѣлателей нивъ* и т. п. Съ появленіемъ варяжскаго наряда *нарубленья* и византійскихъ *чиновъ* и уставовъ, въ составъ земства привходятъ чуждые раздѣлительные элементы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обозначаются въ земствѣ особые разряды и чины людей. Съ князьями пришли въ городскіе земскіе общины *мужи княжи, бояре*. У князей образовался *свой дворъ слугъ* — служилое сословіе или корпорація дружины, которая потомъ, кромѣ варяговъ, пополнялась выходцами изъ Венгріи, изъ Литвы, изъ Польши, изъ Мордвы, Мещеры, отъ половцевъ и другихъ инородцевъ. Съ этой дружиной, или, какъ чаще говорится въ лѣтописяхъ, *съ своими боярами* и слугами, *съ дворомъ своимъ*, князья ходили на войну (*на бой*). Отсюда дружинники, слуги князей стали называться *боярами* отъ слова *бой*, *дворянами*, какъ образовавшіе княжескій *дворъ*, и *слугами* или *служилыми людьми*. Точно также, съ церковью пришло духовенство (сначала частію византійское, частію болгарское) для службы церковной. Оно образовало духовный *чинъ* священно-церковно *служителей*. Вмѣстѣ съ тѣмъ привнесенъ былъ византійскій элементъ іерархизма, чиновности. До развитія московскихъ приказныхъ чиновъ, видимъ въ самобытно-областныхъ земскихъ общинахъ только *чинъ іерейскій*, да *чинъ монашескій* или *иноческій*. А послѣ, въ эпоху московскихъ приказныхъ *учиненій* или учрежденій, сообразно съ византійско-іерархическими церковно-служебными чинами, образовались чины и въ приказно-служилой московской іерархіи. И земство, вслѣдствіе того, раздѣлилось на *всякихъ чиновъ людей*. Въ сущности, впрочемъ, всѣ земскіе разряды населенія—гости или купцы, посадскіе и смерды или крестьяне разныхъ родовъ, какъ вотчинные, такъ и черные, по единству образа жизни, а большею частію и занятій, по общиннымъ отношеніямъ, по свободному переходу изъ одного состоянія въ другое, составляли еще одно цѣлое, нераздѣльное, равноправное земство, или *земское сословіе*, вплоть до окончательнаго опредѣленно-положительнаго образованія сословныхъ кастъ въ XVII столѣтіи. А два пришлыя, чуждыя славянамъ и чуди сословія—чинъ церковно-служилый и чинъ княжеско-служилый образовали чуждое, пришлое, особое отличительное *сословіе служилое*.

Несмотря, впрочемъ, на появленіе въ земствѣ этихъ чуждыхъ раздѣлительныхъ элементовъ, оно въ удѣльно-вѣчевую пору, въ эпоху свободнаго, естественно-жизненнаго земскаго строенія, могущественно превозмогало, поборало ихъ, даже отчасти претворяло въ свою плоть и кровь. Въ земствѣ столько было естественной своенародной самосохраняемости и энергіи, земской общинной объединительной силы, такъ могуче и саможизненно было стремленіе къ своеобразному земскому самоустройству и саморазвитію, что оно отчасти даже византійскіе чины и княжескихъ бояръ дѣлало *земскими* и своими. Такъ, напримѣръ, поповскій чинъ избирался изъ земства, *изъ земли*, изъ крестьянъ, даже изъ холоповъ, почему и въ XVI вѣкѣ ставленники изъ *мужиковъ* отговаривались въ своей неприготовленности къ поповству, ссылаясь на свою *землю*: «*земля*, господине, такова, не можемъ добыть, кто бы грамотѣ умѣлъ: вотъ и обругалъ *всю*

землю, будто нѣтъ человѣка *въ землѣ*, кого-бъ ставить въ священство». Сельскіе попы, въ старину избиравшіеся обыкновенно міромъ, имѣли земское значеніе, участвовали на сельскихъ мірскихъ сходахъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ погостахъ новгородскихъ, и собирались въ трапезѣ церковной. Попы писали, утверждали церковными печатями разныя мірскія записи и грамоты. Церковные дьяки были вмѣстѣ и *земскими дьяками*. Земскія вѣча избирали владыкъ, такъ же какъ и земскихъ бояръ вѣчемъ избирали въ посадники. Въ Новгородѣ иногда даже *простая чадь* сводила владыку изъ дому святой Софіи. Владыки въ вѣчевыхъ городахъ имѣли земское значеніе, сходились вмѣстѣ съ земствомъ, на вѣча, рѣшать земскія дѣла. Земскіе люди ихъ посылали исправлять земскія службы. Далѣе, земскіе люди, напримѣръ, міры сельскіе, вѣча псковскія и новгородскія, полноправно вмѣшивались въ церковныя дѣла, давали религіозныя установленія, судили и наказывали іерейскій и иноческій чинъ. Наконецъ, *сельскіе сборники и мірскія басни* выработывали, въ формѣ апокрифическихъ или отреченныхъ книгъ, своеобразныя миѳологическія или эпическія начала земскаго, народнаго міросозерцанія. Точно также и бояре мало-по-малу оземствовались, обращались въ составъ земства, были слугами земства. Они, наравнѣ съ гостями и повольниками, получали земли если не отъ князей, то по дачѣ вѣча, міра, земства. Такъ, напримѣръ, вѣче новгородское давало земли пришлымъ князьямъ, напр. во второй половинѣ XIV вѣка князю Патрикѣеву, или утверждало земли и воды за боярами-посадниками на Двинѣ, на Вагѣ, въ Поморьи. По землѣ, по земству, бояре, наравнѣ съ земскими людьми, стали *земскими боярами*, слугами земства, главнымъ образомъ, въ боевой службѣ.

Изстаринное правило: *вольнымъ воля*, господствовавшее въ эпоху колонизаціоннаго основанія областей до развитія великокняжеской гегемоніи на степень московскаго единодержавія, одинаково простиралось и на дружинниковъ княжескихъ и на всѣхъ вольныхъ охочихъ людей древней Руси. Вслѣдствіе этого правила, какъ вольный охочій человѣкъ, добровольно поряжаясь во крестьянство или на посадъ, становился самъ, по своей волѣ, крестьяниномъ или посадскимъ, такъ и дружинники-бояре постоянно *отъѣзжали*, переходили отъ князя къ князю, изъ одного двора княжескаго въ другой, изъ волости въ волость; у какого князя они поряжались служить, у того и земли получали въ жалованье; отъѣзжали отъ него—и земель лишались. Вслѣдствіе этой подвижности, неприкрѣпленности дружинниковъ-бояръ къ землѣ, естественно, они не могли образовать твердо-осѣдлую, наслѣдственно-родовую землевладѣльческую аристократію, такъ же какъ вольные охочіе люди—крестьяне, свободно переходя отъ одного землевладѣльца къ другому, или отъ землевладѣльца въ черную волость и обратно, не могли тогда образовать и не составляли крѣпостное сословіе. При свободномъ переходѣ, многіе роды дружинниковъ-бояръ невольно становились безземельными, изгоями своего рода, поступали въ ряды посадскихъ и крестьянъ. Такъ что не мало было такихъ земскихъ людей, которые въ старину происходили изъ роду бояръ, дворянъ, а въ XVII вѣкѣ были простыми посадскими и крестьянами. Таковъ, напримѣръ,

родъ посадскихъ Семена и Андрея Денисовыхъ Вторушиныхъ, происходящихъ изъ княжескаго рода. На Вагѣ и Двинѣ, многія старинныя новгородскія боярскія фамиліи, основавшія здѣсь свои колоніи — *боярщины*, въ XVIII вѣкѣ вошли въ составъ и крестьянства. При отсутствіи особенныхъ гарантій и установленій для охраненія и развитія родословнаго, генеалогическаго начала аристократіи, у насъ и все шляхетство въ первой половинѣ XVIII столѣтія не имѣло никакой опредѣленной, положительной, привилегированной отличительности отъ земскихъ сословій. Не даромъ Татищевъ, сѣтуя на эту *неотмѣнность* шляхетства отъ подлости, писалъ въ своей статьѣ о чинахъ: «есть разность чиновъ временная, но другая (разность) есть пребывающая и *наслѣдственная*, яко *шляхетство*, *гражданство* и *подлость*, а негдѣ четвертое счисляютъ духовенство. У насъ въ «Уложеніи» *нѣколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнено*, безъ основанія, недостаточно и неясно... О пресѣченіи сего *великаго безпорядка и оскорбленія* (шляхетства)—тѣмъ и преимущество государя—видится *забыто*».

Далѣе, исключительному развитію и земскому преобладанью боярско-родословной землевладѣльческой аристократіи препятствовало всеобщее равнозначительное, равноправное въ древне-русскомъ земствѣ начало личнаго поземельнаго владѣнія. Если во времена колонизаціонной постройки земства, городскихъ и сельскихъ общинъ, въ эпоху *воли вольнымъ*, бояре путемъ колонизаціи своихъ *займищъ* на дикомъ черномъ лѣсу сами устрояли свои волости, вотчины, и передавали ихъ изъ рода въ родъ, или, укореняясь въ волости одного князя, не переходя къ другому, постоянно изъ рода въ родъ владѣли жалованными отъ князей вотчинами и землями,— то и всѣ земскіе люди имѣли равное съ ними право, какъ общиннаго, такъ и личнаго землевладѣнія, до тѣхъ поръ пока не водворилось государственное правило, *чтобъ земля изъ службы не выходила*. Горожане, гости, житые люди, купцы, посадскіе, своеземцы—всѣ, наравнѣ съ боярами, пріобрѣтали и заселяли земли, имѣли свои *вотчины*. Изстаринное право горожанъ на поземельное владѣніе естественно проистекало изъ ихъ первоначальнаго хозяйственно-колонизаціоннаго самоустройства. Селясь въ городахъ, *садясь на посады*, они *уходили* или *уѣзжали* изъ городовъ, кто *по бортнымъ путямъ, ухожаямъ и станамъ*, кто *по пашеннымъ или хлѣбнымъ*, кто *по рыболовлимъ*, или *стольничу пути*, кто *по бобровымъ ухожаямъ и гонамъ*—каждый своеземецъ уѣзжалъ въ свое промышленное *займище, по какое мѣсто чей былъ уѣздъ*, или *куда ходилъ чей топоръ, коса и соха*, или *гдѣ въ старинныхъ ухожаѣхъ бобры ловили изстари* чьи *дѣды* и *отцы*, или куда шелъ чей *слѣдъ*, гдѣ чей былъ *бортный — ухожей* и т. п. Совокупность всѣхъ этихъ хозяйственно-промышленныхъ займищъ, путей, ухожаевъ, земель и водъ составляла *городскую землю, вотчину и дѣдину* города, какъ Новгородъ называлъ свои земли. Города у насъ изстари владѣли пахотными землями, такъ какъ они, до появленія приказно-правительственной системы *указнаго городоваго дѣла* по жизненно-народному, естественно-экономическому принципу, и развивались изъ селъ, путемъ торговъ и промысловъ, имѣли земледѣльческій характеръ. Еще в. к. Ольга говорила жителямъ древлянскаго города Коростеня: «вси *грады* ваши *дѣлаютъ нивы своя и земли своя*».

Какъ дѣти бояръ, такъ, наравнѣ съ ними, и дѣти всѣхъ прочихъ горожанъ наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ *отчины и дѣдины*, *куда пошли изстарины*, *докуда пахали отцы и дѣды*, и проч. Въ частности, купцы имѣли свои вотчины, деревни. Рядомъ съ *боярскими селами и волостями*, видимъ такъ-называемыя въ писцовыхъ книгахъ *отчины купцовъ*, *купецкія деревни*, *земли купецкія*. Посадскіе также имѣли равное съ боярами право владѣть землями. Они встарину имѣли пашни около городовъ. Въ Новгородѣ, у посадскихъ, поселившихся на славеньской сторонѣ, были свои села, которыя потому и называются въ лѣтописи *Славеньскими селами*. Въ писцовыхъ книгахъ нерѣдко замѣчается о землепашцахъ: *пашетъ съ посаду*, или *у посаду*. Даже еще и въ XVII вѣкѣ былъ цѣлый разрядъ такъ-называемыхъ *пашенныхъ городовъ*. Изъ актовъ города Шуи видимъ, что городскія общины обыкновенно дѣлили, какъ полные хозяева, общественную землю по тягламъ. Точно также, въ концѣ XV вѣка, напримѣръ, одинъ савво-сторожевскій житель, по имени Семянко, на судѣ говорилъ: «далъ мнѣ, господине, *дворьской и вся братія* селищо Суховерховско.... а язъ по старымъ межамъ *городскую землю* отведу, Суховерхова селища полосу. Да повелъ Семянко тіуновъ отъ рѣки доломъ, поперегъ хмѣльника, межи дву *овиновъ*, *по ржищу*, подлѣ болото; да пришедъ къ долу, къ орѣхову кусту ставъ Семянко передъ судьями, такъ рекъ: по тѣ, господине, мѣста *наша земля городская, моего двора выть*». (А. Ю. № 7).

Крестьяне также, наравнѣ съ боярами, имѣли право владѣть не только землями, но и вотчинами, населенными деревнями. И богатые крестьяне дѣйствительно имѣли села и деревни. Полное свидѣтельство объ этомъ представляетъ, напримѣръ, слѣдующая духовная крестьянина Прокопья Бородкина, въ которой завѣщатель пишетъ: «Се азъ Прокопей Марковъ сынъ Бородкинъ, Луской Пермецы Лоемской волости крестьянинъ, пишу по себѣ сію изустную память.... А что *есть у меня Прокопья деревни и дворы*, и дворовые хоромы, и внѣ двора, и сѣнные покосы, пожни и рыбныя ловли, и всякія деревенскія угодья, чѣмъ прежъ мой отецъ Марко и послѣ его азъ Прокопей владѣлъ по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, и что есть у меня хлѣба сухаго въ амбарахъ, и скота и коней и коровъ и всякаго житейскаго заводу, и тѣми вышеписанными деревнями и дворовыми хоромами, сѣнными покосами, и рыбными ловлями и всякими деревенскими угодьи, по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, и скотомъ и животомъ и всякимъ житейскимъ заводомъ... и по кабаламъ на комъ взять, и тѣмъ всѣмъ азъ Прокопей при смертномъ своемъ часу благословилъ и надѣлилъ сына своего Ѳедора Прокопьева съ женою своею Мариной» (Акт. от. до юрид. б. ст. 66). Или вотъ еще свидѣтельство жалованной грамоты в. к. Василія Ивановича 1524 года о занятіи дикихъ мѣстъ въ собственность, гдѣ крестьянамъ предоставляется право на занятыя земли сажать крестьянъ, устроять деревни и вообще хозяйничать какъ собственникамъ. Князь пишетъ: «Пожаловалъ есми двинянъ Наумку, Кобеля, Савина сына, да Давыдка Степанова сына.... Что ми били челомъ, а сказываютъ, что въ двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на

рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ.... И ожь будетъ такъ, какъ Наумка и его товарищи сказывали: и язъ князь великій пожаловалъ Наумку и его товарищей, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстахъ ключи соляные чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставить, и пашни пахать, и пожни чистить, и людей къ себѣ звать на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписьменныхъ, добрыхъ, а не татей и не разбойниковъ». (А. Э. I. № 385). Отсюда видно также, что если князья жаловали бояръ землями и вотчинами, то точно также, наравнѣ съ боярами, они жаловали и крестьянъ такими же землями и вотчинами.

Такимъ образомъ, по естественно-историческому праву, по жизненно-бытовому обычаю народному, все земство имѣло право владѣть землею. Не одни бояре, или дворяне, а всякій земскій человѣкъ, всякій отецъ семейства могъ имѣть свою поземельную отчину и передавать ее своимъ дѣтямъ, или кому хотѣлъ. Если же множество крестьянъ было безъ собственной земли, если эти крестьяне жили не на своей, а на боярской землѣ, то это зависѣло или единственно отъ ихъ доброй воли, какъ вольныхъ охочихъ людей, или отъ ихъ *немогуты*, отъ того, что они не имѣли средствъ, необходимаго *житейскаго завода*, чтобъ расчистить землю вновь изъ-подъ лѣсовъ и обзавестись хозяйствомъ, не имѣли денегъ купить готовыя, разработанныя земли, или населенныя вотчины. Тогда была вольнымъ воля и въ выборѣ земли, мѣста поселенія — въ городѣ и въ селѣ, и въ выборѣ труда — торга ли, рыболовства ли, звѣроловства ли, земледѣлія ли, или всѣхъ вмѣстѣ, смотря по способностямъ и достаткамъ, и, наконецъ, въ выборѣ самыхъ способовъ производства того или другого труда. *Лучшіе люди, вятьшіе житьи люди*, то-есть, богатѣйшіе и разумнѣйшіе, были ли то крестьяне, или купцы, наравнѣ съ боярами, расчищали и покупали много земли, по своимъ животамъ и достаткамъ, заселяли свои земли, и такимъ образомъ владѣли населенными вотчинами. *Меньшіе люди*, не такъ богатые, селились вмѣстѣ на особыхъ земляхъ, расчищая и заселяя ихъ по мѣрѣ того, куды ходилъ чей топоръ, коса и соха, всѣмъ міромъ владѣли землею, удѣляли новопришельцамъ-поселенцамъ участки, поговоря *съ братьею, со всѣмъ міромъ и съ сусѣдями* волостными. Это—общинное землевладѣніе. Наконецъ, люди бѣдные, не имѣвшіе необходимаго житейскаго завода, скота, земледѣльческихъ орудій, денегъ на хозяйственное домоустройство и обзаведеніе, добровольно рядились во крестьянство и селились на землю или личныхъ землевладѣльцевъ, богатѣйшихъ своеземцевъ, или переходили на общинную землю въ черныя волости; а когда разживались, дѣлались *житьими, житейскими*, богатыми *лучшими людьми*, обзаводились всѣмъ *житейскимъ* заводомъ, въ родѣ вышеупомянутаго крестьянина Прокофья Бородкина, то и сами, наравнѣ съ боярами и со всѣми лучшими людьми, дѣлались личными землевладѣльцами, имѣли не только земли, но и деревни и множество дворовъ для поселенія вольныхъ охочихъ людей. Такимъ образомъ, по естественно-историческому праву и жизненно-бытовому народному земскому міровоззрѣнію, родовая, генеалогическая землевладѣльческая монополія несовмѣстна съ свободной общенародной землевладѣльческой конкурренціей, съ земскимъ,

всеобщимъ правомъ или началомъ личнаго поземельнаго владѣнія. Доказательствомъ же принадлежности прежде земли всему народу, земству служитъ, между прочимъ, и тотъ историческій фактъ, что во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда издана была дворянская грамота, многіе купцы устремились въ дворяне, стали, наравнѣ съ ними, пріобрѣтать земли, деревни. Въ то же время, нѣкоторые горожане, напримѣръ, купцы устюжскіе и устьсысольскіе, даже силою удерживали и отстаивали за собою свои старинныя земли.

Сельская община [1])

Великимъ крестьянскимъ вопросомъ нарушенъ былъ спячій квіетизмъ, нарушена была монотонность, апатія нашей жизни. Мысль возбудилась къ политической работѣ. Мы лицомъ къ лицу обратились къ самой почвѣ нашего саморазвитія, къ народу. Преобразованіе быта огромнѣйшей массы провинціальнаго народонаселенія—крестьянства нарушило вѣковой застой и въ самой провинціальной жизни, гдѣ онъ былъ еще сильнѣе. Общее стремленіе къ дѣятельности кипитъ или по крайнѣй мѣрѣ проявляетя повсюду. А между тѣмъ, когда присматриваемся, видимъ, что дѣла-то собственно дѣлается вездѣ очень мало. Вездѣ больше словъ, больше теорій никуда непригодныхъ. Вообще дѣлается большею частью или не то или не такъ. Это зависитъ отъ того, что мы не умѣемъ сблизиться съ народомъ, не умѣемъ въ чистомъ родникѣ народной жизни изучить ея законныя требованія и стремленія и направить нашу дѣятельность сообразно этимъ вѣчно истиннымъ требованіямъ и стремленіямъ, а не произвольно измышляемымъ нами теоріямъ и утопіямъ. Намъ нужно меньше увлекаться отвлеченными отъ потребностей и характера русскаго народа теоріями чужихъ авторитетовъ, а прежде всего нужно всѣми силами литературы вызывать къ самодѣятельности, къ самооткровенію здравый практическій смыслъ, добрую волю и могучія силы самого русскаго народа. Можно сказать несомнѣнно, что 40 мильоновъ сельскаго народа и по крайней мѣрѣ 4 мильона городского населенія не примутъ нашихъ теорій. Жизнь народа вообще самозаконна, самоопредѣляема. А жизнь русскаго народа, кромѣ того, самоупорна, своенравна, своеобразна. Нужно только дѣятельно стремиться къ тому, чтобъ дать свободу самоопредѣленію и саморазвитію, а а тамъ ужъ она сама выработаетъ такіе способы и такіе принципы самообразованія и саморазвитія, какіе ей нужно по ея натурѣ, по ея природнымъ силамъ и дарованіямъ, да по внѣшнимъ физико-географическимъ условіямъ. Надо только дѣятельно стремиться къ тому, чтобъ жизнь народная сама сказала устами самого, всего народа, что ей нужно, по ея природной организаціи. Въ жизни, въ натурѣ русскаго народа есть бо-

[1]) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г. въ №№ 1—6 (цензурное дозволеніе отъ 17 февр. того же года; редакція Г. З. Елисеева).

гатыя, плодотворныя, жизненныя, истинныя начала, сѣмена, которыя ждутъ только свободнаго самовыраженія, свободнаго саморазвитія. Одно изъ отличительныхъ свойствъ русскаго народа — это жизненно-практическая, непосредственно бытовая, общинная, міровая выработка общихъ началъ, принциповъ житейской мудрости, общинно-народнаго саморазвитія. И литературное дѣло, какъ дѣло народное, должно быть общинное, міровое, всецѣло жизненно-народное, а не отвлеченно-теоретическое. Литературѣ родна наука, родны университеты. Что же доселѣ они выработали для русскаго народа? Великая заслуга нашихъ университетовъ уже та, что они произвели такъ-называемый образованный классъ народа, образованное меньшинство. Главная же заслуга ихъ до сихъ поръ была чисто-научная, преимущественное, господствующее направленіе ихъ было ученое: разработка и преподаваніе науки, какъ и теперь говорятъ многіе профессора университетовъ. Между тѣмъ, жизнь народная, все больше и больше нуждаясь въ руководительной помощи просвѣщенія, требовала живыхъ отвѣтовъ наукъ на живые вопросы практическаго быта народнаго. По практичности, по реальности русскаго ума, ему существенно-необходимо было примѣненіе выводовъ наукъ къ потребностямъ жизни. Этотъ именно путь практическаго, реальнаго жизненно-народнаго развитія и примѣненія наукъ указалъ русскому народу Ломоносовъ, первый родитель русскаго университета, такой геніальный самородокъ народный, въ которомъ живьемъ воплощался, можно сказать, тактъ, чутье, природный здравый смыслъ русскаго народа. Университеты, какъ голова, какъ разумъ въ организмѣ народномъ, должны были выработать за народъ всѣ основныя начала народнаго самосознанія и саморазвитія. Къ сожалѣнію, наши университеты до сихъ поръ сами не имѣли вполнѣ свободнаго внутренняго саморазвитія, и представляли казенныя, замкнутыя корпораціи, отвлеченныя отъ жизни народной, а не земскіе, народные храмы высшаго образованія. Профессора большею частію были ничто иное, какъ чиновники, а не общественные дѣятели-просвѣтители. Мало было такихъ высокихъ, симпатичныхъ личностей, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Мейеръ... Не диво послѣ этого, что и народъ до сихъ поръ недовѣрчиво смотрѣлъ на тѣхъ ученыхъ и профессоровъ, которые представляли абстрактно-ученые, нѣмецкіе типы. Про такихъ ученыхъ въ народѣ образовались даже особыя юмористическія присловья. Затѣмъ, наши университетскія корпораціи не только отвлеченны, изолированны были отъ народа, но, къ сожалѣнію, разобщены и между собою. Между профессорами и студентами не было тѣсной, внутренней органически-корпоративной связи, за рѣдкими исключеніями. Отсюда проистекла эта внутренняя, корпоративная борьба студентовъ съ профессорами, сопровождавшаяся обыкновенно непріятными, грустными исторіями. Честь и слава, однакожъ, нашему университетскому студенчеству: въ немъ всегда неугасимо и горячо теплилась святая, благородная искра будущаго Россіи, и въ послѣднее время стало обнаруживаться энергическое рвеніе провести въ народъ идеи университетскаго просвѣщенія. Воскресныя школы, можно сказать, по преимуществу разсадники университетскаго студенчества. Преобразованіе университетовъ—плодъ ихъ энергической, благородной

жажды свободнаго образованія. Ждемъ умноженія университетовъ на русской землѣ, свободнаго открытія ихъ для всѣхъ классовъ народа, какъ храмовъ всеобщей, всенародной потребности—просвѣщенія, науки. И надѣемся, что скоро университеты наши будутъ имѣть вполнѣ жизненно-народное значеніе, именно какъ головы, какъ разума въ организмѣ народномъ.

Старый, неумирающій, вѣковѣчный міръ крестьянскій, — твердыня всего русскаго міра, представляетъ первооснову и первообразъ для нашего саморазвитія. Въ давно-былыя времена вольнонароднаго самоустройства, народъ нашъ самъ собою, общими богатырскими силами построилъ земско-вѣчевой міръ, на общинно-народной основѣ земскаго народосовѣтія и народоправленія. Во времена этого самоустройства, онъ воспитался въ духѣ міра: міровой духъ сроднился съ его природой, проникъ весь его бытъ, сталъ жизненнымъ, зиждительнымъ прицинпомъ, творческой силой всего народнаго саморазвитія. И вотъ почему міръ такъ живучъ, вѣковѣченъ. Корень, основа, архитектоническая закладка вольно-народнаго, мірско-вѣчевого земскаго самоустройства—міръ остался, уцѣлѣлъ черезъ всѣ буреломныя эпохи нашей исторіи. Городскіе магистраты, съ магистратскимъ регламентомъ Петра Великаго, городовое положеніе Екатерины II-й смутили, разстроили міръ городской, преобразовавъ города въ гильдейско-цеховыя и административныя корпораціи. Но корень вольнонароднаго, земско-вѣчевого, самимъ народомъ созданнаго міра уцѣлѣлъ въ могучемъ крестьянскомъ мірѣ, въ сельской общинѣ. Народъ всячески охранялъ основу міра, какъ святыню, отъ всѣхъ буреломныхъ, сокрушительныхъ стихій. Когда, по раскольничьему ученью, настало мірское смущеніе, и страхъ антихристовъ возвѣялъ на міръ, помутилъ міръ, тогда народныя общины раскола, для наибольшаго охраненія и укрѣпленія въ духѣ народномъ принципа міра, возвели мірскія согласья до религіозной санкціи. А крестьянство свято, изъ родовъ въ роды, охраняло свой міръ не только во всемъ своемъ изстаринномъ коренномъ устройствѣ и бытѣ, но и во всѣхъ частныхъ, мелкихъ, житейскихъ обычаяхъ, въ пословицахъ, въ пѣсняхъ. Вторглись и въ эти частные обычаи не сродные, чуждые ему элементы, но не вытѣснили міра. Міръ и при нихъ былъ внутренно-самозаконнымъ, народоправнымъ хранителемъ завѣтныхъ національныхъ началъ русскаго народа. Въ одной свадебной пѣснѣ, напримѣръ, поется:

Ѣдетъ нашъ новобрачный князь
. . . .
Сужену взять, ряжену взять
По божьему велѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору.

Въ своихъ пословицахъ, въ этомъ кодексѣ нашего простонароднаго міросозерцанія и житейской мудрости, народъ нашъ такъ же запечатлѣлъ, выразилъ свое изстаринное, высокое юридически-соціальное представленіе о мірѣ. «Міра никто не судитъ», гласятъ пословицы: «міръ судитъ одинъ Богъ»; «міръ зинегъ, камень лопнетъ»; «на міру и смерть красна», и т. п.

Сельскій міръ, какъ излюбленный народомъ, вѣковой самородный корень—отростокъ вольнонароднаго вѣчевого міра на землѣ русской, представляетъ намъ естественно-историческую, завѣтную народную первооснову, или точку отправленія для новаго вольнонароднаго самоустройства и саморазвитія всего русскаго земскаго міра. Недаромъ исторія сохранила принципъ міра до нашего времени. Недаромъ съ міра сельскаго и начинается наше новое земское строенье. Какъ самъ народъ послѣдовательно, естественно организовалъ, созидалъ земско-вѣчевой міръ, такъ точно можетъ организоваться и новый земскій міръ, начинаясь сельскимъ міромъ и по его первообразу. Естественно-историческій процессъ вольно-народнаго самоустройства вѣчевого земскаго міра совершался въ такой послѣдовательности. Рядомъ, на одной землѣ и водѣ, въ колонизаціонно-географической и общинно-бытовой связи, сами собою, безъ всякихъ указовъ, устроялись, путемъ вольно-народнаго земскаго самоустройства, два первичныхъ міра, городской и сельскій, городъ и село. Именно: на черномъ дикомъ лѣсу, напримѣръ, посажался, поставлялся починокъ, разростался въ село. Изъ него выселялись или къ нему приселялись новые починки, деревни на новѣ, новыя сельца, приселья и т. п., и всѣ въ совокупности образовали уѣздъ или волость первоначальнаго села, почему въ актахъ писалось, напримѣръ: село такое-то съ уѣздомъ. Какъ въ отдѣльности это село и каждый его починокъ, каждая деревня составляли особые маленькіе міры, такъ въ совокупности все село со всѣмъ уѣздомъ, со всею своею волостью образовало цѣлый волостный міръ. Почему въ актахъ говорилось однозначительно: со всею волостью, со всѣмъ міромъ. Изъ первичныхъ, старѣйшихъ селъ или починковъ, внѣ княжескихъ, военно-стратегическихъ сторожевыхъ линій и городовъ, на почвѣ вольно-народнаго земскаго строенья, путемъ торга и промысла, постепенно развивались, устроялись посады или торгово-промышленные города, и образовали посадскіе или городскіе міры. Почему городскія общины такъ же назывались мірами, какъ и сельскія. Напримѣръ, о Новгородѣ, лѣтопись новгородская говоритъ, разсказавъ объ окончаніи одного вѣча: «и возрадовался весь міръ» (то-есть новгородскій). Въ актахъ смутнаго времени, въ областныхъ отпискахъ всѣ города такъ же называются мірами: жители одного города просятъ жителей другого города прочесть свои отписки всему міру. Въ Шуйскихъ актахъ XVII вѣка, напечатанныхъ въ 3-й книгѣ Чтен. Московъ. Истор. Общества за 1860 годъ, городъ Шуя называется міромъ, употребляются такія выраженія: «Запись шуянамъ, посадскимъ людямъ, всему міру; въ Шуѣ въ земской избѣ передъ міромъ». Даже въ эпоху начавшагося разложенія мірской организаціи городскихъ общинъ, во второй половинѣ XVII вѣка, самъ царь Алексѣй Михайловичъ Москву называлъ міромъ, когда по въѣздѣ въ нее спрашивалъ о здоровьѣ міра. Одна старинная пѣсня называетъ московскій народъ міромъ.

Какъ возвели князя на срубъ высокъ
На его мѣсто показано,
Онъ молился спасу чудному образу,
Онъ на всѣ стороны кланялся:

Ахъ! прости, прости, міръ народъ божій,
Помолитеся за мои грѣхи,
За мои грѣхи тяжкіе.

Какъ села съ ихъ уѣздами, съ починками и деревнями, образуя сельскіе или волостные міры, имѣли свои мірскіе сходы, такъ и города, образуя точно такіе же міры, имѣли свои людскія собранія или мірскіе сходы на думу, на вѣча. Таковъ первый кругъ мірскаго земскаго строенія. Далѣе, устроившись въ колонизаціонно-федеративной связи, связанные одною землею и водою, волостные и городскіе міры, по землѣ и по водѣ, естественно составляли одну землю, одинъ земскій областной міръ, и въ актахъ такъ и назывались то землями, то мірами. Такъ, во многихъ областныхъ отпискахъ смутнаго времени городскіе и уѣздные или посадскіе и волостные люди вмѣстѣ называются мірами, мірскими людьми: отписки адресуются цѣлому міру, городскимъ и уѣзднымъ или посадскимъ и крестьянамъ, и всѣмъ земскимъ людямъ, которые всѣ вмѣстѣ и называются въ нихъ мірами, мірскими людьми. Земскіе люди городскихъ и уѣздныхъ, или посадскихъ и волостныхъ міровъ, въ важныхъ случаяхъ, сходились вмѣстѣ и образовали областные мірскіе сходы, которые называются въ актахъ смутнаго времени земскими совѣтами. Во времена того же областнаго народосовѣтованія, въ междуцарствіе, областные міры, отписывая одинъ другому, совѣтывали, обыкновенно, городскимъ и уѣзднымъ, или посадскимъ или крестьянамъ волостнымъ всѣмъ вмѣстѣ помыслить крѣпко всею землею, чести грамоты всему міру, и отписать, куда нужно, свой земскій совѣтъ. Областные міры или земли и областные земскіе или мірскіе совѣты составляли второй кругъ въ сферѣ цѣлаго земскаго строенья, въ объемѣ цѣлаго русскаго земскаго міра. Наконецъ, совокупность всѣхъ областныхъ общинъ или, по словоупотребленію актовъ, земель образовала всю землю русскую, цѣлый земскій міръ, или, какъ онъ названъ въ одномъ актѣ смутнаго времени, весь міръ. Изъ совокупности всѣхъ областныхъ мірскихъ сходовъ или земскихъ совѣтовъ организовались общіе земско-міровые сходы или съѣзды, земскіе соборы, которые составляли, по выраженію соборнаго акта 1613 года, сходъ всѣхъ городовъ, совѣтъ всей земли. Земскіе сборы не были указнымъ созданіемъ. Въ эпоху московской централизаціи, когда и областные вѣчевые колокола свозились въ Москву, вслѣдствіе собранья русской земли, земскіе соборы естественно выработались, сложились изъ собранныхъ, такъ-сказать, обломковъ-зачатковъ, принциповъ прежней земско-вѣчевой, народосовѣтной жизни. Въ эпоху собранія русской земли, они естественно отлились въ формѣ совѣта всей земли, въ формѣ земскихъ соборовъ, изъ прежнихъ, самимъ народомъ созданныхъ, разрозненныхъ земскихъ, вѣчевыхъ и мірскихъ сходовъ и совѣтовъ. Что начала, принципы земскихъ соборовъ созданы самимъ народомъ—всею его прежнею, земско-вѣчевою, народосовѣтною жизнью, что обычай земскихъ соборовъ истекалъ изъ потребностей самого духа народнаго, былъ естественнымъ результатомъ всего склада земскаго строенья народнаго,—очевидное доказательство на это представляетъ земскій соборъ 1613 года. Соборъ этотъ,

какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, естественно устроился, во время междуцарствія, для избранія царя, самимъ народомъ, вслѣдствіе единомысленнаго, какъ сказано въ актахъ, согласья, совѣта и соединенья всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ, вслѣдствіе самонароднаго сбора всей земли, схода всѣхъ городовъ подъ Москву. Значитъ, въ духѣ народа былъ обычай земскихъ соборовъ, когда самъ народъ собрался всею землею, и, вслѣдствіе этого сбора всей земли, естественно составилъ земскій соборъ. Потому, не даромъ самородокъ народный, крестьянинъ Посошковъ, помышлялъ о народосовѣтованіи. Недаромъ также и народныя согласья раскола до послѣдняго времени совѣтывали объ упадкѣ временныхъ соборовъ. Все это показываетъ, что земскіе совѣты, соборы составляли потребность духа народнаго, были излюбленнымъ народнымъ обычаемъ.

Таковъ земско-устроительный принципъ міра, и таковъ полный циклъ мірового народнаго самоустройства. Міръ, начинаясь съ малыхъ круговъ, внутренно самобытныхъ и въ себѣ законченныхъ міровъ сельскихъ, связуя ихъ общиною, естественно-бытовою связью съ мірами городскими, также внутренно-самобытными и въ себѣ законченными, и смыкая тѣ и другіе, по землѣ и по водѣ, вмѣстѣ—въ самостоятельные земскіе областные міры, посредствомъ федеративной совокупности послѣднихъ, естественно возрастаетъ и расширяется, такимъ образомъ, во всенародный русскій земскій міръ. Мірской сходъ, начинаясь также съ малыхъ круговъ, съ безчисленныхъ сельскихъ и городскихъ мірскихъ сходовъ, внутренно самоустрояемыхъ и самоопредѣляемыхъ, и сводя, соединяя тѣ и другіе,—сельскіе и городскіе мірскіе сходы, въ предѣлахъ ихъ областныхъ земскихъ міровъ, вмѣстѣ—въ самодѣятельные, самораспорядительные областные сходы или земскіе совѣты, изъ совокупнаго выборнаго представительства послѣднихъ, то-есть областныхъ земскихъ совѣтовъ, собирается или выростаетъ, наконецъ, во всенародный земскій сборъ или совѣтъ. Хотя и грубы, неоконченны и не прочны были формы стараго русскаго мірового земскаго самоустройства, саморазвитія и самоуправленія, какъ грубы и необразованны формы сельскаго мірскаго сомоустройства и самоуправленія, но принципъ ихъ былъ истинный, зародышъ ихъ былъ самый естественный и полножизненный, такъ же, какъ полножизненъ и принципъ сельскаго мірового склада. Если намъ, русскимъ, любъ излюбленный нашимъ народомъ, освященный, оправданный вѣковымъ опытомъ народной жизни, сохраненный, какъ святыня, народнымъ преданьемъ, принципъ міра и мірскаго схода и народосовѣтованія, мірскаго самоустройства, саморазвитія и самоуправленія, если любъ намъ излюбленный народомъ міръ, какъ излюбленна люба была міровая управа въ прежнія времена всей землѣ: то, вотъ, передъ нами воскресаетъ и всѣхъ насъ теперь зоветъ къ міровому сближенію, объединенію сельскій міръ съ его мірскимъ сходомъ, съ мірскимъ народосовѣтіемъ.

А ничто такъ не нужно намъ, какъ именно духъ мірового объединенія, сближенія, примиренія, духъ мірской сходчивости и совѣщательности, духъ мірской инициативы и мірской круговой поруки. Пора, пора! Вмѣсто пустого разговорнаго, да журнальнаго изъявленія нашихъ сочувствій, къ

мужикамъ, къ великому крестьянскому вопросу, вмѣсто безплодныхъ схоластическихъ исканій почвы и отвлеченно-теоритическихъ разсужденій о разныхъ формахъ ассоціацій, мы, жители городовъ, должны дружно изыскивать способы дѣйствительнаго, жизненнаго мірового объединенія между собою, учиться у сельскаго міра практическимъ соціальнымъ принципамъ міра, усвоять себѣ и развивать, усиливать, усовершать духъ крестьянской мірской сходчивости и совѣщательности и мірской, дружной общинной инипіативы. Что нужды, что пока грубъ и невѣжественъ сельскій міръ? Зато онъ здоровъ и могучъ и физическими и нравственными силами. Соціальный принципъ міра полножизненъ и плодотворенъ. Намъ, разъединеннымъ сословными предразсудками и ненавистями, разрозненнымъ отвлеченными теоріями, другъ друга боящимся, подозрѣвающимъ въ двуличности, и физически и морально исхудалымъ, исчахлымъ, въ заперти кружковъ военныхъ, чиновничьихъ, сословно-кастальныхъ, учено-литературныхъ, и т. п., обращающимся въ смѣшные типы повѣстей и романовъ, намъ нуженъ освѣжительный, оживляющій, примиряющій духъ міра, мірской соціальной жизни, мірскаго соціализма... Намъ нуженъ крестьянскій мірскій тактъ, артельный духъ, мірскій умъ-разумъ и умѣнье въ устройствѣ, дѣловодствѣ нашихъ ассоціацій. Самый аристократическій духъ, нисколько не оскорбляясь, долженъ примиряться, даже сливаться съ сельскимъ мірскимъ духомъ, тѣмъ болѣе, что у насъ исторически не организовалась аристократія, и сельскій мірскій элементъ всегда преобладалъ надъ аристократическимъ началомъ. Въ Англіи исторически развилась аристократія, однакожъ, вступила въ союзъ съ сельскимъ духомъ. «Настоящимъ центромъ тяжести политическаго тѣла (говоритъ Леонсъ де-Лавернь), закваской, проникающею все общество и предохраняющею его отъ всякаго судорожнаго движенія, служитъ сельскій духъ: этотъ духъ, безъ сомнѣнія, очень благопріятенъ аристократіи, но онъ не составляетъ самой аристократіи; господство аристократіи возможно и безъ него, и, въ свою очередь, онъ можетъ существовать безъ нея. Британская аристократія вступила въ союзъ съ сельскимъ духомъ, и создала свою силу, аристократія французская отъ него отдѣлилась, и это причинило ея слабость». Купцы и мѣщане, со времени разложенія городскихъ міровъ, утратили духъ мірской союзности. Еще Посошковъ жаловался, что между купцами нѣтъ никакого союзства. Въ послѣднее время, намъ часто доводилось слышать жалобы самихъ купцовъ и мѣщанъ на недостатокъ единодушія между ними. Все это побуждаетъ купцовъ и мѣщанъ тѣмъ болѣе воспитываться въ духѣ мірскаго единства, мірской сходчивости и совѣтливости, что они большею частью сами произошли изъ сельскихъ міровъ, и вообще представляютъ сословіе, самое ближайшее къ крестьянству и по степени образованія, и по нравамъ и обычаямъ, и по торгово-промышленнымъ связямъ. Короче скажемъ: мировые посредники должны мирить съ крестьянскимъ міромъ не однихъ помѣщиковъ, но и всѣхъ горожанъ-чиновниковъ, ученыхъ, литераторовъ, купцовъ, мѣщанъ, и проч. Общее положеніе о сельскихъ мірахъ и мірскихъ сходахъ должно и насъ, городскихъ жителей, побуждать къ духу мірской сходчивости и совѣщательности, ко-

торый крайне нуженъ будетъ намъ... Потомъ, намъ особенно нужно учиться крестьянской мірской гласности и круговой порукѣ, чтобъ между нами вовсе не было, или, по крайней мѣрѣ, меньше было людей вредныхъ, двоедушныхъ, двуличныхъ, подлыхъ, чтобъ не упрекать русскій народъ въ исконной, изстаринной склонности къ доносамъ, какъ упрекалъ г. Щебальскій.

Только воспринявши въ свою общественную жизнь, въ свои нравы и обычаи начала міра, мірской сходчивости и совѣщательности, мірской круговой поруки, мірской общинной предпріимчивости, мы будемъ способны на всякую единодушную, энергическую общественную инниціативу, на всякій дѣльный общественный сходъ и толкъ. Будемъ понимать другъ друга такъ же легко и ясно, какъ мужички на мірскомъ сходѣ, въ кругу, оглядясь только межъ себя, понимаютъ другъ друга, а обговорясь межъ себя — ужъ поготово. Только при мірскомъ единодушіи, при мірской сходчивости и инниціативѣ, мы способны будемъ цѣлымъ міромъ, цѣлыми артелями или ассоціаціями, разомъ, дружно, смѣло и рѣшительно предпринимать на дѣлѣ то, что задумали, не на словахъ только изъ пустого въ порожнее переливать, а ужъ встать и идти, на самое дѣло. Былъ же въ младенческія даже лѣта русскаго народа, въ грубыя вѣчевыя времена, такой духъ мірской сходчивости, мірской энергической инниціативы, рѣшительности и предпріимчивости. Про новгородцевъ, напримѣръ, лѣтопись постоянно говоритъ: възвониша вѣче, въсташа и идоша... Да, намъ нужно снова возбудить, развить въ себѣ, посредствомъ мірской сходчивости, совѣщательности и инниціативы, тотъ энергическій, дѣятельный, живой духъ любви, совѣта и соединенья, съ которымъ, въ смутное время междуцарствія, предки наши, живя міромъ, сходились же единодушно, рѣшительно, энергически на мірскіе сходы, на областные земскіе совѣты—всѣ вмѣстѣ—и бояре, и гости или купцы, и посадскіе и волостные мірскіе люди, крестьяне, и думали думу крѣпко всею своею землею, и рѣшали земское дѣло. Намъ нужно снова такой же міровой духъ любви, совѣта и соединенья, съ какимъ тогда русскіе земскіе люди дружно, живо переписались между собою, сошлись на сходъ въ Москву, и составили земскій соборъ... Намъ нужно такіе же новые мірскіе сходы, земскіе совѣты, и такой же новый великій земскій соборъ...

Такіе соціальные принципы внушаетъ нашъ грубый, необразованный, но могучій сельскій міръ, начинающій новое саморазвитіе.

Сельскій міръ и мірской сходъ [1])

Вслѣдствіе общиннаго поземельнаго самоустройства, городскіе и сельскіе міры, естественно, полагали начала, развивали формы общиннаго «излюбленнаго» выборнаго самоуправленія и самосуда [2]). Въ волостяхъ, или сельскихъ общинахъ изстари устроялись *мірскіе сходы*, въ городскихъ общинахъ—*людскія собранія*, или *сходы на думу*, *на вѣча*. Изъ совокупности тѣхъ и другихъ, по потребностямъ времени, устроялись обще областные *земскіе совѣты*, когда нужно было *сказать слово всей землѣ*, т.-е. цѣлой областной общинѣ.

Міръ въ сельскихъ общинахъ, въ волостяхъ, былъ полноправный государь. Міръ, какъ законодатель, по словамъ актовъ, *чинилъ указы*, издавалъ постановленія, *заповѣди*, или заповѣдныя грамоты, разнаго рода записи. Постановленія міра назывались *мірскимъ уложеньемъ*. Міръ имѣлъ право вводить свои узаконенія, или заповѣди даже въ дѣлахъ религіозныхъ, или церковныхъ, такъ какъ въ старину вопросы и дѣла религіозныя имѣли земское значеніе, принадлежали столько же суду земства, сколько и духовному.

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Вѣкъ" за 1862 г., № 13—14 отъ 1 апрѣля.

[2]) Для поясненія общиннаго, мірскаго самоустройства волостей, укажемъ два—три факта. Каждая черная волость сама полноправно заботилась о своей дальнѣйшей обстройкѣ и о поземельномъ расширеніи. Она черезъ выборныхъ своихъ отводила пустопорожнія мірскія земли вольному новоприходцу на поселеніе и подъ пашню. Такъ, напр., въ одной отводной грамотѣ сказано: „далъ ту землицу объѣздъ на льготу на 10 лѣтъ я, Васюкъ Ворошиловъ, *поговоря съ своею братьею и со всею волостью Гороховскою*". Или вотъ другая льготная грамота на землю и на поселеніе, данная также по совѣту съ цѣлою волостною общиною: „се азъ Константинъ Симонской, поговоря съ Фролкомъ сотникомъ, *да съ сусѣдами волостными* съ Гороховскими, пожаловалъ Гаврилка съ братьею дубровою на рѣкѣ на Морткѣ, да съ лугомъ болоньею... да и со всѣмъ тѣмъ что къ той дубровѣ изстари потягло, а далъ льготы на 10 лѣтъ". Или въ одномъ судномъ спискѣ XV в., волостные крестьяне говорятъ передъ судьей: „а далъ намъ, господине, селище Драчково Аргуновской волости староста Митька Бердѣй и *вси крестьяне*". Заботясь о приращеніи дворовъ и селъ, каждая волостная община отводила участокъ лѣса подъ новые дворы, какъ видно, напр., изъ правой грамоты 1490 г., гдѣ крестьянинъ черной волости говоритъ: „мнѣ, господине, лѣсъ тотъ *дала волость, староста съ крестьяны*, и я избу поставилъ". (А. Ю. № 6).

Вотъ, напр., образчикъ, заповѣдной мірской грамоты: «се азъ староста Тавренской волости Антонъ Ивановъ сынъ, да Яковъ Ивановъ сынъ Ивашевъ, да Василій Юрьевъ сынъ, кузнецъ.... и *всѣ крестьяне* Тавренской волости, Ильинскаго приходу, *обговорились сами промежъ собою*, по благословенію отца своего духовнаго Ильинскаго священника Ефрема Иванова сына, и учинили заповѣдь на три годы... что намъ въ праздникъ Воскресенія Христова дѣла не дѣлати никакого чернаго, ни угодья въ Воскресенье Христово не уготовати, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не лѣсовати.... а въ пятницу ни толчи, ни молотити, ни каменья не течи, а проводити съ чистотою и любовію; ни женамъ въ Воскресенье Христово ни шити, ни брати. И кто въ нашей Тавренской волости сію заповѣдь нарушаетъ, и доведутъ его людьми добрыми, и на томъ заповѣди доправити соцкому, по мірскому уложенью, кто будетъ соцкой—въ Тавренской волости, восемъ алтынъ денегъ на церковное строенье». (А. Ю. № 358).

Міръ былъ полноправнымъ избирателемъ и судьею выборныхъ земскихъ головъ, старостъ, судей и проч. Выборное полномочіе міра опредѣлялось выраженіемъ: *нашъ мірской выборъ*, т. е. выборъ цѣлой волости, или: въ томъ ему мы старосты и мірскіе люди *міромъ* и выборъ сей дали и т. п. (А. отн. къ Юрид. 3. № 1—9).

Міръ, какъ мы уже сказали, распоряжался землями; участки *давали всѣмъ міромъ*, или *поговоря со всѣмъ міромъ*. Пеня съ виновныхъ въ волости бралась въ міръ. Крестьянинъ, поряжаясь въ волость на жребій земли, въ записи своей, между прочимъ, обязывался: «а покину я въ пустѣ землю въ той деревнѣ, или въ волости, не насѣю и жильца не посажу, и на мнѣ, по сей записи, взять старости въ *міръ* рубль». Міръ былъ полноправный хозяинъ земскихъ денегъ, сборовъ, пеней и проч. Отсюда были особыя, такъ называемыя, *мірскія сборныя деньги*. На міръ сбирались деньги съ волостныхъ деревень, міръ и распоряжался этими сборами. Потому писалось тогда: «тянутъ всякіе подати съ *міромъ* вмѣстѣ, въ *чемъ* міръ *обложитъ*, или: *по мірской верьвны*». И сборы потому назывались *мірскими* разметами, *мірскими* разрубами и т. п. Міръ зналъ, выбиралъ и назначалъ, къ какому дѣлу нужно мастера: «а намъ, говорили крестьяне, *міромъ* дать мастера».

Міръ получилъ религіозную санкцію: у церкви строились *мірскія избы*, а въ новгородской землѣ—на погостѣ, въ церковной палатѣ, бывали *мірскіе сходы*. Сельскій или волостной *міръ*,—въ черныхъ ли волостяхъ, или въ вотчинныхъ,—имѣлъ право непосредственно сноситься съ правительствомъ. Само правительство прямо относилось къ сельскимъ мірамъ, безъ посредства землевладѣльцевъ и волостей. И въ вотчинныхъ волостяхъ, такъ же какъ и въ черныхъ, міръ сельскій, или волостной дѣйствовалъ полноправно, самостоятельно, независимо отъ землевладѣльцевъ; *свѣщался межъ себя*, сносился съ разными волостями, съ городами, посылалъ свои мірскія грамоты, въ тѣ городы къ тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, которые въ тѣхъ городахъ и волостяхъ учинены у того дѣла въ головахъ. (А. А. Э. № 194).

Органами мірскаго самоуправленія и самосуда были: *излюбленные* головы, старосты, судьи, цѣловальники и другіе выборные люди, *кого межъ*

себя излюбляли и выбирали земскіе люди всѣмъ міромъ и, во главѣ всѣхъ— *мірскіе сходы*. Какъ *земля* была естественнымъ мѣриломъ и опредѣлителемъ юридическаго равенства земскихъ людей и *общинности* мірскаго земскаго самоустройства, самоуправленія и самосуда: такъ *голова*, лучшій здравый умъ, *старожилость*, *старѣйшинство*, естественно-житейская опытность, были естественными мѣрилами и опредѣлителями *выборности* общиннаго, мірскаго самоуправленія и самосуда. Изъ этого естественнаго принципа проистекалъ обычай выбирать излюбленныхъ *головъ* и *старостъ*, и на судѣ и даже на сходѣ давать большое значеніе *старожиламъ*. Съ тѣхъ поръ, какъ сложился сельскій міръ, основались *волости* вольно-общинныя, или льготно-общинныя,—съ тѣхъ поръ въ нихъ появились общинные выборные земскіе нарядники — *старосты*. Старосты эти были только излюбленные устроители земскихъ дѣлъ «во всѣхъ мѣсто» и со всѣмъ міромъ вмѣстѣ. Міръ ихъ наряжалъ выполнять свои земскія дѣла. Міръ, вмѣстѣ съ ними, и самъ дѣйствовалъ.

Со времени появленія князей на Руси и обычая давать волости въ кормленіе княжескимъ волостелямъ и тіунамъ, — волости, міры сельскіе, въ противоположность княжескимъ властямъ, выбирали своихъ *старостъ*. Во многихъ волостяхъ эти только старосты и были, безъ тіуновъ и волостелей приказныхъ. Такъ, въ Русской Правдѣ, дававшей законное значеніе и полноправность *верви*, *міру*, *людямъ* въ собирательномъ смыслѣ земства,— уже упоминаются *сельскіе старосты*, *ролейные*, или общинно-крестьянскіе, *княжи* и *боярскіе*, или вотчинно-крестьянскіе. Въ псковской землѣ были *губскіе старосты*, т. е. выборные въ губахъ, или волостяхъ псковскихъ пригородовъ. Старосты эти имѣли право голоса, равное съ приставомъ князя и посадника. Въ случаѣ, напр., вопроса о продажѣ имѣнія, оставленнаго крестьяниномъ въ господской вотчинѣ, по псковской судной грамотѣ, государь, т. е. вотчинникъ, долженъ былъ «у князя и у посадника взять пристава, *да* и *старостъ губскихъ позвать*» для рѣшенія вопроса. Господинъ даже не могъ требовать своей покруты или ссуды иначе, какъ только *въ закличь*, т. е. публично, во всеуслышаніе міра. Въ XV и XVI вѣкахъ, рядомъ съ мірами, повсюду въ волостныхъ общинахъ видимъ выборныхъ старостъ, не исключая и вотчинныхъ сельскихъ общинъ. Выборные старосты распоряжаются и управляютъ земскими дѣлами вмѣстѣ со всѣми волостными крестьянами.—По выраженію актовъ, распоряжается «*волость, староста съ крестьяны*» или *староста и всѣ крестьяне*, *тяжутся* за свой общій земскій интересъ тоже *староста и всѣ крестьяне*, и т. п.

Съ распространеніемъ власти московскихъ царей на всѣ областныя земли, въ волостяхъ началъ усиливаться приказно-правительственный элементъ.

Волостное мірское самоуправленіе и мірской самосудъ чрезъ излюбленныхъ выборныхъ старостъ и судей стали все больше и больше ограничиваться вмѣшательствомъ волостелей и ихъ тіуновъ. Право участія цѣлаго міра, цѣлой волости со старостою на судѣ, или въ другомъ какомъ-либо земскомъ дѣлѣ уже ограничивалось присутствіемъ однихъ выборныхъ старостъ, цѣловальниковъ, особыхъ *судныхъ* мужей и добрыхъ, или луч-

шихъ *людей*, въ качествѣ *сидячихъ мужей* на *судахъ* у волостелей, посельскихъ и другихъ приказныхъ судей-кормленьщиковъ. Хотя царскими судебниками не только возведено изъ обычая въ положительное установленіе— выборное волостное самоуправленіе, но и узаконено было, чтобъ и во всѣхъ тѣхъ волостяхъ, гдѣ прежде не было старостъ и цѣловальниковъ, чтобъ и тамъ непремѣнно были старосты и цѣловальники; однакожъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ волостяхъ усиливались приказно-правительственныя власти, и даже самыя выборныя земскія должности стали постепенно получать приказный характеръ. А кормленьщики царскіе-намѣстники, волостели и ихъ тіуны на первой же порѣ стали нарушать земское право мірскаго самосуда и самораспоряженьемъ стали страшно обижать сельскія общины. Нѣкоторыя общины жаловались, что «государевы даньщики и слободчики судятъ ихъ не по суду и земскимъ людямъ лучшимъ и середнимъ на судѣ быть у себя не велятъ, да въ томъ чинятъ продажи великія». (А. Э. I, № 196). Въ половинѣ XVI-го столѣтія, злоупотребленія намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ праветчиковъ и пошлинныхъ людей обнаружились во всей силѣ.

Зато, и въ областныхъ общинахъ и, въ частности, въ волостяхъ начался общій вопль, противъ царскихъ намѣстниковъ, волостелей, тіуновъ и пр., проявился энергическій духъ протестаціи противъ нихъ. Многія сельскія, волостныя общины, такъ же, какъ и городскія, при Грозномъ и послѣ, требовали себѣ полнаго, излюбленнаго, выборнаго самоуправленія и самосуда. Они сами, напередъ, «выбирали межъ себя излюбленныхъ старостъ, по двое и по одному на волость. Потомъ посылали съ выборными ходоками «во всѣхъ мѣсто» въ Москву, къ царю, на утвержденіе земскую, общинно-волостную челобитную объ отмѣнѣ приказныхъ волостелей съ ихъ братіей и о замѣнѣ ихъ своими выбранными уже излюбленными старостами, прилагая къ челобитной *излюбленные списки* именъ выборныхъ *старостъ*. Царь утверждалъ. Не излагая всѣхъ извѣстныхъ волостныхъ уставныхъ грамотъ объ излюбленномъ выборномъ самоуправленіи и самосудѣ сельскихъ общинъ, для примѣра, считаю не лишнимъ привести здѣсь, хоть въ отрывкахъ, составившуюся такимъ образомъ въ 1555 г. уставную грамоту для крестьянъ Усецкихъ и Заяцкихъ или Устьенскихъ волостей Устюжскаго уѣзда. По изначальному колонизаціонному принципу рѣчной систематизаціи и раздѣльности волостныхъ общинъ, села, деревни, починки и займища, сгруппировавшіяся по рѣкамъ — Усьи и Заячьи, естественно образовали одну связную, цѣльную общину, волость. Потому онѣ, по рѣкамъ, и писались: *Усьи и Заячьи рѣкъ волостные крестьяне*.

Всѣ 5 или 6 волостей Усьи и Заячьи рѣки, выбрали на своихъ мірскихъ сходахъ, каждая волость — по три излюбленныхъ, довѣренныхъ ходока, и послали ихъ въ Москву, къ царю съ челобитной объ утвержденіи выборныхъ или излюбленныхъ старостъ вмѣсто приказныхъ, правительственныхъ волостелей. Въ общинно-волостной челобитной своей, крестьяне писали: «Усьи и Заячей рѣки волостные крестьяне, лутчіе, середніе и молодчіе люди и всѣ крестьяне межъ себя выбрали излюбленныхъ старостъ,—кому межъ себя управу чинить, и волостелины доходы сбирать, и

къ царю на срокъ привозить,—изъ Усьи же и изъ Заячей рѣки, изъ волостныхъ крестьянъ лутчихъ людей: изъ Усицкой волости дву человѣкъ Василья Ильина сына Бестужева да Василья Онуфріева сына Батуру, а изъ прочихъ 5 волостей по одному человѣку», которые тоже поименованы.

Царь безпрекословно удовлетворилъ эту общинно-волостную челобитную, утвердилъ ихъ излюбленныхъ старостъ и далъ имъ уставную грамоту, согласно съ ихъ желаніемъ. Въ этой уставной грамотѣ царь не указывалъ волостнымъ общинамъ какихъ-нибудь своихъ подробныхъ стѣснительныхъ для волостнаго самоуправленія и самосуда правилъ и положеній, а начерталъ только общія начала самоуправленія и самосуда и то согласно съ самой же общинно-волостной челобитной, въ отвѣтъ на нее. Дальнѣйшее развитіе этихъ началъ, примѣненія ихъ къ мѣстнымъ условіямъ, къ теченью мѣстной волостной жизни, предоставлялось уже самимъ волостнымъ общинамъ, *межъ себя, кому и какъ у нихъ мочно, какъ ихъ землѣ управа ихъ будетъ люба* и проч. Дѣйствію этой мѣстной уставной грамоты и другихъ мѣстныхъ *губныхъ уставныхъ грамотъ* предоставлено полное юридическое значеніе. Только, въ общихъ государственныхъ отношеніяхъ, предписывалось судъ и управу чинить *по судебнику и по уставной грамотѣ, какъ уложена о судѣ во всей землѣ.*

Общія начала излюбленнаго земскаго самоуправленія и самосуда Усецкой и Заяцкой волостныхъ общинъ, въ ихъ уставной грамотѣ, изложены такъ: «кто у нихъ въ волостяхъ, пріѣзжихъ людей изъ иныхъ городовъ у волостного человѣка Усьи и Заечьи рѣки, или волостной человѣкъ Усьи и Заечьи рѣки у нородца, у пріѣзжаго человѣка, познаетъ поличное свое, лошадь, или платно, или иное что-нибуди, и имъ въ томъ на тѣхъ людей пристава давати и управа межъ ихъ чинити по судебнику-жъ и по уставной грамотѣ, объискивая всю правду, по нашему крестному цѣлованію, чтобы тѣ дѣла были не безуправны; а другу имъ и роду своему и племяни въ судѣ не наровити, а недругу не мстити и посуловъ и поминковъ не имати ни у кого, ни отъ чего, нѣкоторыми дѣлы, и того имъ беречи и сыскивати накрѣпко, чтобъ у ищей поклепу и ябедничества и у отвѣтчиковъ запиранья не было никоторыми дѣлы.... А въ разбойныхъ дѣлахъ волостныхъ людей судити и управляти губнымъ старостамъ, по ихъ губнымъ уставнымъ грамотамъ и по наказнымъ спискамъ. А цѣловальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣти и на розсылкѣ быти, и діаковъ земскихъ, кому у нихъ судныя дѣла писати, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давати и на судѣ ставити, старостамъ Василью Бестужаго, да Василью Батурѣ, да Власью Лосеву съ товарыщи, которые въ сей грамотѣ писаны по волостямъ, и всѣмъ Усьи и Заечьи рѣки волостнымъ крестьянамъ лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ, выбрати имъ у себя въ Усьѣ и въ Заечьѣ рѣкѣ въ волостяхъ, кого межъ себя излюбятъ въ волостные люди, кому бы у нихъ лично съ выборными старостами въ тѣхъ волостяхъ на судѣ быти, изъ Усьи-жъ и изъ Заечьи рѣки изъ волостныхъ людей: въ цѣловальники по два человѣка въ волость, да по дьяку земскому, да въ доводчиковъ мѣсто по одному человѣку, кому

у нихъ на поруки давати; да и къ цѣлованью ихъ у себя въ волостяхъ привести по записи, какова имъ запись дана; а кого выберутъ въ цѣловальники, и діаковъ земскихъ, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давати и имъ тѣхъ людей имяна написати на списки, да къ тѣмъ имъ излюбленнымъ спискамъ руки свои приложити, а которые грамотѣ не умѣютъ и въ ихъ мѣсто отцемъ ихъ духовнымъ къ тѣмъ спискамъ руки свои приложити, да тотъ имъ излюбленный списокъ прислати на Москву діаку нашему къ Угриму Львову. А оброкъ есмя, за волостелины доходы и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины, опричь мыта сухаго, на Усью и Заечью рѣку на всѣхъ на волостныхъ людей, которые судомъ и кормомъ даны были Усьи и Заечьи рѣки волостелемъ, велѣли положити на годъ деньгами по триста по осминадцати рублевъ и по четыре алтыны съ деньгою, да пошлины съ того оброку съ рубля по два алтына; а платити имъ тотъ годовой оброкъ и съ пошлиною въ нашу казну, на Москвѣ, діаку нашему Угриму Львову, въ годъ но одинъ срокъ, зимѣ на Срѣтеньевъ день ....; а діаки наши тотъ оброкъ емлютъ у нихъ безпосулно и съ Москвы ихъ отпущаютъ безволокитно. А сбирати имъ тотъ годовой оброкъ со всего своего присуда, съ Усьи и Заечьи рѣки съ волостей, по животомъ и промысломъ, какъ иные тягли межъ себя разводятъ; а лишка имъ, въ разводѣ того тягла, на деревни ни на чьѣ оброковъ не прибавливати никоторыми дѣлы .... А учнутъ тѣ выборные судьи судити и управу межъ крестьянства чинити прямо, по нашему уложенью по судебнику и по уставной грамотѣ, безволокитно и безпосулно, и оброкъ за волостелины доходы собирати и къ намъ на срокъ привозити сполна, и впредъ только намъ и землѣ управа ихъ будетъ люба, и мы съ ихъ деревень, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того ихъ пожалуемъ».

Такимъ образомъ пять волостныхъ народоправныхъ общинъ, сами собой, путемъ общинной мірской колонизаціи, устроившихся по одной системѣ Усьи и Заячьей рѣки, и связанныхъ такимъ образомъ рѣчною и колонизаціонно-федеративной связью, *согласясь межъ себя*, на общемъ волостномъ сходѣ *выбрали излюбленныхъ старостъ, кому межъ ихъ управу чинить*, и управлялись и судились сами межъ себя, по своей мѣстной уставной грамотѣ. Слѣдовательно 5 или 6 отдѣльныхъ *волостныхъ міровъ* и *мірскихъ сходовъ*, объединившись общимъ, союзнымъ, федеративнымъ сходомъ, или *свъстьемъ*, и общею уставною грамотой, образовали народоправную, федеративную волостную общину, земско-волостной міръ со своимъ излюбленнымъ самоуправленіемъ и самосудомъ. Такая закладка, первооснова, организація волостныхъ міровъ и общинно-волостнаго самоуправленія и самосуда, посреди своихъ выборныхъ и излюбленныхъ старостъ, по своей мѣстной уставной грамотѣ и по своимъ мѣстнымъ губнымъ уставнымъ грамотамъ, глубоко коренилась въ самомъ *земскомъ строеніи* всѣхъ вообще сельскихъ общинъ, была исконнымъ, естественно-историческимъ, жизненно-народнымъ росткомъ земскаго устройства всего нашего сельскаго міра. Вотъ почему, уставныя грамоты Усецкихъ и Заячьихъ волостей, утвержденныя послѣ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, стали общей нормой, образцемъ и ру-

ководствомъ для всѣхъ сельскихъ общинъ, гдѣ только было выборное излюбленное самоуправленіе. Еще во второй половинѣ XVII столѣтія волости, въ родѣ Дмитровской, *выбравъ* и *полюбивъ* кого-нибудь въ *выборные земскіе судьи и въ выборные земскіе цѣловальники къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ, въ выборной записи своей* обязывали, напр., излюбленнаго выборнаго земскаго судью: «а судить ему судьѣ въ волости насъ крестьянъ по челобитьямъ.... по соборному уложенью и *по государевымъ уставнымъ жалованнымъ грамотамъ, каковы государевы уставныя жалованныя грамоты даны въ Устьянскія волости всѣмъ крестьянамъ,* и по сему нашему мірскому выбору».

Послѣ того, какъ еще въ 1497 г. царскій судебникъ поставилъ непремѣннымъ закономъ, чтобы во всѣхъ волостяхъ непремѣнно были выборные старосты и цѣловальники,—мы видимъ въ областяхъ, кромѣ старостъ, различныхъ излюбленныхъ выборныхъ: судей, цѣловальниковъ разнаго рода, сборщиковъ дани, сторожей тюремныхъ и пр. Волостныя общины постоянно недовольны были приказными начальствами, часто жаловались на нихъ, и излюбляли и выбирали своихъ головъ, старостъ, судей, цѣловальниковъ и проч. Въ актахъ юридическихъ напечатано нѣсколько *выборовъ,* изъ которыхъ видно, что выборное право земства во времена вольно-народнаго самоустройства получало широкую основу, самую естественную, правильную организацію, и глубоко коренилось въ привычкахъ сельскихъ общинъ. Каждая сельская община, каждый *міръ,* а въ мірѣ каждое земское, мірское дѣло, каждая земская служба, каждый земскій разрядъ людей, каждый мірской, земскій интересъ, имѣли своего выборнаго, исполнителя, нарядника. Для примѣра, приведемъ нѣсколько выборовъ. Вотъ напр., выборъ 1666 года Дмитревой волости въ земскіе судьи и къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ: «се азъ староста церковный Дмитревской волости Леонидъ Клементіевъ Ипатовъ, да прошлой земской цѣловальникъ Данило Нефедовъ Паршина (всего 20 человѣкъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Дмитріевской волости, опроче Васка Романова Твертинова миропродавца, *выбрали есьми* и *полюбили* въ Дмитревской волости въ *выборные земскіе судьи* Ивана Ефремова Кошелева, да Дмитріевской же волости выбрали и полюбили *въ выборные земскіе цѣловальники* Ивана Инфантіева Аврамовъ къ нему судьѣ, да въ земскіе соцкіе выбрали и полюбили къ нему судьѣ Родіона Харитонова Рокотаго съ нынѣшняго 174 году Срѣтеньева дня Господня зимнего февраля 2 числа до 175 году до Срѣтеньева же дня февраля до 2 числа. *А судити ему судьѣ на стану въ Дмитревской волости насъ крестьянъ по челобитьямъ, и по кабаламъ, и по духовнымъ,* по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, управу межъ насъ крестьянъ чинить.... въ государевыхъ дѣлахъ и въ земскихъ по государеву указу, по сборному уложенію и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, каковы государевы уставныя жалованныя грамоты даны въ Устьянскіе волости всѣмъ крестьянамъ, и по сему нашему *мірскому выбору*», и проч.. Далѣе, въ выборной записи подробно обозначаются обязанности, какія міръ возлагалъ на выборнаго земскаго судью съ товарищами, относительно ихъ частнаго и общаго, мірскаго сыска про татиныя, разбойныя и душегубныя дѣла, относительно отправки въ Москву 1000 рубл. *въ прикащиковъ доходъ* (т. е. откупъ за само-

управленіе и самосудъ) съ посыльщики, кого изъ міру выберутъ, относительно тюремъ и сторожей, и проч. (Архивъ, изд. Калачевымъ, 1859, кн. III, критик., сент. 45—47).

Въ вотчинныхъ волостяхъ, такъ же какъ и въ черныхъ, «крестьяне всѣхъ селъ, деревень и починковъ, по словамъ актовъ, *межъ себя свѣстясь всѣ за одно*, учиняли себѣ прикащика въ головахъ, въ своихъ селахъ, и въ деревняхъ и въ починкахъ, выбравъ старостъ, и сотскихъ десятскихъ лучшихъ людей, которые были собою добры». По изстаринному земскому значенію самыхъ религіозныхъ дѣлъ, даже священникъ выбирался сельскимъ, или волостнымъ міромъ. Вотъ, напр., выборъ попа: «се азъ Пошехонскому уѣзду, Козмодемьянской волости, села Козьмодемьянскаго прихожане, Гордей Кондратьевъ, Ермолъ Ананьевъ, Андрей Васильевъ... (всѣхъ 28 человѣкъ) и всѣ прихожане села Козмодемьянскаго.... *посовѣтовавъ межъ собой на мірскомъ сходѣ, выбрали есьми излюбили* священника Самсона Михайлова къ церкви Козмы и Дамьяна, и всѣмъ намъ приходскимъ людямъ, онъ священникъ Самсонъ Михайловъ, любъ, потому что онъ человѣкъ доброй и смирной, и ни за какимъ плутовствомъ не ходитъ, и не пьяница, всякихъ недобрыхъ дѣлъ удаляется, и въ томъ мы мірскіе люди ему и выборъ дали». Въ другихъ выборахъ, мірской сходъ указывалъ выборному священнику его обязанности въ отношеніи къ міру. (А. отн. до юр. б. № 7).

Во второй половинѣ XVII-го вѣка, когда вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, усиленія казеннаго тягла и появленія солдатской службы,—въ священничество стало много уклоняться бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ и рабовъ, п. Никонъ разослалъ по областямъ «указъ о ставленникахъ, чтобы посадскіе люди, или *въ волостяхъ волостные люди* приносили *выборы* и челобитье за руками, а выборы писали бы, что онъ грамотѣ умѣетъ и смиренъ и церковному правилу искусенъ и отъ божественныхъ книгъ сказателенъ, и не пьяница, и не зернинъ, и не тать, и креста на судѣ не цѣловалъ, и въ боярскомъ судѣ въ холопахъ и крестьянахъ не бывалъ, и женатъ первымъ бракомъ, по закону на дѣвицѣ съ вѣнчаньемъ, а лѣты былъ бы въ 30 лѣтъ, а дьяконъ въ 25 лѣтъ». Точно также мірскіе сходы выбирали церковныхъ дьячковъ, мірскихъ или земскихъ дьячковъ, которые часто вмѣстѣ съ тѣмъ выбирались и въ церковные дьячки, выбирали пономарей, старостъ церковныхъ и проч. (А. Ю. №№ 285—287).

Для мірской службы, мірскіе сходы выбирали губныхъ старостъ, сельскихъ старостъ и цѣловальниковъ, головныхъ старостъ, земскихъ приставовъ, подсудныхъ цѣловальниковъ, тюремныхъ цѣловальниковъ, тюремныхъ сторожей, ямскихъ охотниковъ и проч. Вообще, выборное начало такъ широко и правильно развито было естественно-бытовою жизнью нашего народа, что мы считаемъ полезнымъ и для нашего времени сказать объ немъ особо въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ нашего журнала. А теперь докончимъ общія замѣтки о юридической самостоятельности міра и мірскаго схода.

Выборные волостные земскіе судьи имѣли мірское полномочіе контро-

лировать судъ приказныхъ, царскихъ судей, волостелей, кормленщиковъ. Мало того, міръ такъ дорожилъ своими мірскими, земскими людьми, что, кромѣ выборнаго земскаго судьи, на судъ кормленщиковъ—намѣстниковъ и волостелей посылалъ своихъ довѣренныхъ представителей — особыхъ *судныхъ мужей* и *добрыхъ*, или *лучшихъ* людей, въ качествѣ *сидячихъ* или *посажоныхъ и приговорныхъ мужей*. Судныя дѣла писалъ на судѣ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ тоже выборный отъ міра *земскій* дьякъ, и къ этимъ суднымъ спискамъ выборныя земскія власти—старосты и цѣловальники прикладывали свои руки. Въ волостяхъ землевладѣльческихъ также, на судѣ вотчинника, помѣщика, или ихъ прикащика, присутствовали выборные отъ міра старосты и лучшіе земскіе люди. Въ грамотахъ писалось, напр.: «судити прикащику, а съ нимъ быти въ судѣ священнику, да крестьянамъ пятма или шестма добрымъ и среднимъ» или: «у игумена и у соборныхъ старцевъ сидѣть въ судѣ *сельскимъ лучшимъ людямъ, кого сельчане излюбятъ*». Наконецъ—міръ контролировалъ своихъ собственныхъ выборныхъ судей, головъ, старостъ и цѣловальниковъ. Онъ и на судъ излюбленныхъ судей, такъ же какъ на судъ приказныхъ, правительственныхъ судей и землевладѣльцевъ, посылалъ волостныхъ лучшихъ крестьянъ. Міръ имѣлъ полное право *повелѣвать* своимъ излюбленнымъ судьямъ, прикащикамъ и, въ случаѣ вины, казнить ихъ. Такъ, напр., въ жалованной судной—грамотѣ, данной крестьянамъ Вохонской волости въ 1561 году сказано: «а учнутъ излюбленные судьи судити не прямо, по посуламъ, а доведутъ на нихъ то, и излюбленныхъ судей—въ томъ казнити смертною казнью, а животы ихъ велѣлъ имать, да отдавать тѣмъ людямъ, кто на нихъ доведетъ. А въ судѣ и у записки и у всякихъ дѣлъ у губныхъ и у излюбленныхъ судей—сидѣти волостнымъ лучшимъ крестьянамъ». (А. Э. I, № 257.). Міръ избиралъ излюбленныхъ судей, старостъ и головъ; міръ же имѣлъ полное право и свергать ихъ. По словамъ актовъ: «буде волостные крестьяне похотятъ своихъ судей перемѣнити,—и волостные крестьяне всѣ выбирали-бъ лучшихъ людей, кому ихъ судить и управа межъ ними чинить». Такимъ образомъ волостной міръ, чрезъ своихъ выборныхъ лучшихъ и добрыхъ людей, контролировалъ дѣйствія и суды и приказно-правительственныхъ властей—волостелей и другихъ, и землевладѣльцевъ, и своихъ собственныхъ *излюбленныхъ* головъ, старостъ, судей и проч. Волостной міръ, слѣдовательно, составлялъ верховное судилище. Его *разсужденью* подлежало обсужденіе всѣхъ дѣлъ земскихъ, мірскихъ людей. Міръ, называясь *волостью* и *землею*, имѣлъ власть, или *волость* надъ всѣми своими землями, волостными людьми. Потому, защита ихъ на судѣ, такъ же какъ и колонизаціонное, территоріальное, *земское устройство ихъ*, было его *земскимъ дѣломъ*.

Объединяясь единствомъ земли и колонизаціонно-территоріальнаго *земскаго устроенья* въ одно цѣлое, *въ обычину*, міръ, естественно долженъ былъ имѣть общее *земское дѣло*. Для того, чтобы *управа всей землѣ была люба*, необходимо было земское, мірское *разсужденье, совѣтъ всей волостной земли* объ общемъ *земскомъ дѣлѣ*. И вотъ—во всѣхъ волостяхъ—черныхъ и вотчинныхъ были естественнымъ, общинно-бытовымъ результатомъ—

мірскіе сходы. Если волость была небольшая, сосредоточенная въ одной общинѣ, староста повѣщалъ *сусѣдей волостныхъ,* или *міръ-народъ.* Земскіе, волостные люди, міряне собирались, сходились или въ особую *мірскую избу,* которая тоже называлась *мірскою, земскою, съѣзжею избою, судною избою,* или въ *трапезу* церковную, на погостъ, какъ было въ области пятинъ и погостовъ новгородскихъ, или—просто на улицѣ, на полянѣ, въ кругѣ. Если мірской сходъ собирался, по зову старосты, то староста *говорилъ міру,* собиравшимся *сусѣдямъ волостнымъ,* въ чемъ дѣло, или какое было челобитье истца-ли, новоприходца-ли на поселенье въ волость. Безъ доклада міру, безъ *говоренья съ міромъ,* или *съ сусѣдями волостными,* староста не могъ рѣшить ни одного важнаго земскаго дѣла, касавшагося всей *земли,* всей волости, или міра. Потому въ актахъ всякое дѣйствіе міра, всякое распоряженіе старосты, или образъ исполненія земскимъ старостою мірскаго приговора выражалися такимъ образомъ: «а язъ староста, *поговоря со всѣмъ міромъ,* или *поговоря съ сусѣдями волостными,* или, *посовѣтовавъ межъ собою* на *мірскомъ сходѣ,* сдѣлали то-то».

Если волость состояла изъ нѣсколькихъ, раздѣленныхъ значительнымъ разстояніемъ селъ, деревень и починковъ, то крестьяне, *межъ себя свѣстясь всѣ за одно,* сходились въ главное волостное село на мірскій сходъ. Иногда изъ главнаго волостнаго села *посылались биричи по деревнямъ,* съ повѣсткой на волостной мірской сходъ. Въ псковскихъ волостяхъ, на сходъ сзывали мірскихъ людей *позовники,* на погостъ. Такимъ образомъ всѣ частные, сельскіе и деревенскіе мірскіе сходы сосредоточивались, смыкались въ одинъ общій волостный мірской сходъ.

Таковы главныя начала сельскихъ мірскихъ сходовъ вольно-народнаго устройства. Не будемъ распространяться о томъ, по какимъ дѣламъ сходились волостные крестьяне на мірскіе сходы. Для насъ важно теперь только сохраненіе извѣковѣчнаго, жизнію крестьянскою созданнаго принципа мірскихъ сходовъ, важно новое призваніе ихъ къ самодѣятельности, самоуправленію и самосуду. Теперь у сельскихъ мірскихъ сходовъ много новыхъ дѣлъ, новыхъ вопросовъ, много будущности. Намъ остается только желать, чтобы отнюдь не вторгались въ сельскіе міры бюрократическіе порядки, книги исходящихъ бумагъ и т. под., какъ неразумно пожелали нѣкоторые мировые посредники. Это—горько-испытанныя міроѣдныя начала. Напротивъ, сельскому міру и мірскому сходу нужно какъ можно болѣе давать юридической самоопредѣляемости, самораспорядительности. Ужъ и прежде выработанные жизнью крестьянъ юридическіе обычаи представляютъ неисчерпаемый источникъ не только для крестьянскаго положенія и уставныхъ грамотъ, но и для всего нашего законодательства. Потому, на нихъ ученые и стали нынѣ обращать вниманіе, чего они давно вполнѣ заслуживаютъ, и ждутъ только дѣльныхъ, понимающихъ крестьянскій міръ изслѣдователей. Дайте только свободу юридической самодѣятельности сельскаго міра: крестьянскіе міры и мірскіе сходы осмыслятъ, возведутъ свои юридическіе, жизненные, бытовые обычаи въ свои *мірскія уложенія,* какія ужъ и начинали было вырабатывать крестьяне во времена свободнаго самоустройства сельскихъ общинъ. Потомъ, новая мірская жизнь,

дальнѣйшее саморазвитіе міровъ и мірскихъ сходовъ создадутъ, выработаютъ новые юридическіе обычаи. И будутъ развиваться такимъ образомъ сельскія, *мірскія уложенія*, законы, или уставныя грамоты,—какъ угодно, назовите. Вмѣсто *книги исходящихъ бумагъ* явится книга сельскаго юридическаго самоустройства, самоуправленія и самосуда. Простые тоже люди—старообрядцы, тоже изъ крестьянъ, да изъ мѣщанъ и купцовъ, вовсе неученыхъ. А живя долгое время самобытно, своебразною жизнію, они также организовали у себя конторы выборныхъ попечителей, совѣты, сходы. А съ начала нынѣшняго столѣтія обнаружили даже нѣкоторыя попытки дать юридическую опредѣленность этимъ совѣтамъ и сходамъ своимъ, о чемъ будетъ сказано въ свое время. Такъ и крестьяне могутъ со временемъ кодифицировать, или сводить въ одно органическое цѣлое, въ *Мірское уложеніе* свои юридическіе обычаи и постановленія. Намъ остается, повторяемъ, желать, чтобы сельскіе міры и мірскіе сходы имѣли, какъ можно, больше простора свободы въ своей самодѣятельности, въ своемъ саморазвитіи.

Далѣе, для наиболѣе успѣшнаго саморазвитія сельскихъ міровъ, намъ нужно, чтобы крестьянамъ, какъ можно, больше предоставлялось правъ свободнаго пользованія естественными матеріалами и источниками народнаго богатства—землями, лѣсами и т. д. Крестьянамъ нужна земля такъ же, какъ и свобода труда, не только для улучшенія матеріальнаго быта ихъ, но и для наибольшей производительности нашей земли. Крестьяне, какъ только вполнѣ почувствуютъ себя хозяевами своей свободы и земли,—съумѣютъ и научатся надлежащимъ образомъ съ надлежащею производительностью пользоваться естественными данными. Тутъ они скорѣе призовутъ на помощь и науку. Вспомнимъ, сколько богатырской земско-устроительной силы, мощи, энергіи, проявило наше крестьянство, когда только что еще устрояло русскую землю, слагало земскій міръ, посажало, поставляло починки и деревни на лѣсахъ. Даже въ эпоху начинавшагося прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, въ эпоху водворенія московско-государственнаго принципа, *чтобъ земля изъ службы не выходила*, въ эпоху сильно обнаружившагося деспотизма служилаго сословія намѣстниковъ, волостелей, праветчиковъ, тіуновъ-бояръ и дѣтей боярскихъ,—даже и въ эту пору крестьяне твердо, бодро шли впередъ, всюду отыскивали все еще непочатыя, бездоходныя, непроизводительныя, но богатыя производительными силами земли, воды. А какъ въ XVI в., когда московскіе писцы и дозорщики уже привязывались къ крестьянамъ по пустякамъ, «своего добытка смотря», крестьяне не имѣли правъ безъ спросу московскаго правительства занять и заселить и никѣмъ не занятыя, и никому не нужныя пустопорожнія земли,—то повсюду еще расхаживавшіе тогда крестьяне, нашедши пустопорожнія, но хорошія земли, лѣса, воды, то-и-дѣло слали въ Москву къ царю челобитныя. Въ челобитныхъ этихъ они здраво, умно и прямо къ пользѣ для культуры русской заявляли царю, что напрасно по-пустому безъ надлежащихъ доходовъ и производительности лежатъ гдѣ-нибудь въ пустѣ—лѣсъ ли дикой черный, земля ли, вода ли, или даже болотныя мѣста,—и просили эти бездоходныя мѣста себѣ въ оброчное владѣніе, чтобы сдѣлать ихъ доходными. Вотъ, для примѣра первая, попавшая подъ глаза напечатанная въ

Актахъ Юридическихъ оброчная крестьянину Первушки Иванову сыну Митюкову Кускіе волости на дикой пустой лѣсъ, за рѣкой за Унжею, вверхъ по Луху по Черному, отъ рѣчки отъ Побойшны и т. д.: «билъ онъ челомъ государю и великому князю, а сказалъ, что деи тотъ лѣсъ стоитъ пустъ и оброку де съ того дикаго лѣсу и съ угодья въ государеву казну не даютъ ничего и не владѣетъ деи имъ никто, а лежитъ впустѣ; да и въ обыску цѣловальникъ да двадцать человѣкъ крестьянъ сказали: по государеву крестному цѣлованью, про лѣсъ, что за рѣкою за Унжею вверхъ по рѣчкѣ по Луху по Черному отъ рѣчки отъ Побойшны да съ другую сторону отъ рѣчки отъ Юрвала да по обѣ стороны вверхъ по Луху по Черному по Луховскимъ верховинамъ, что того лѣсу верстъ на двадцеть на тридцеть, а бывалъ деи тотъ лѣсъ искони вѣкъ Кускіе волости, а въ помѣстьи ни въ вотчинѣ деи не бывалъ ни за кѣмъ, и оброку съ того лѣсу въ государеву казну ни медомъ, ни хлѣбомъ, ни иными никакими доходы нынѣ не даютъ ничего, а запустѣлъ деи тотъ лѣсъ лѣтъ съ сорокъ и съ пятдесятъ, и оброщиковъ деи старыхъ, кто тѣмъ лѣсомъ въ старину владѣлъ, побили въ старую войну Луговая Черемиса, а иные померли съ повѣтрія, а тѣмъ деи лѣсомъ не владѣетъ никто; и государю-бъ его Первушку Митюкова пожаловать, велѣти ему тотъ дикой пустой лѣсъ дать на оброкъ». Или вотъ другая челобитная къ царю троихъ крестьянъ Двинскихъ: «били намъ челомъ (в. к. Вас. Иванов. въ 1524 г.), а сказываютъ, что въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣчкою за Двиною, нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ, да отъ Кривца вверхъ по обѣ стороны рѣчки Юры и Смердево озерка; а дворы да и пашни на тѣхъ мѣстѣхъ не бывали отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за двадцать верстъ со всѣхъ сторонъ и угодья де къ тѣмъ мѣстомъ не пришли никоторыхъ волостей; и мнѣ бы Наумка и его товарыщовъ пожаловати, велѣти имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистити, и лѣсы сѣчи, и дворы ставити, и людей къ себѣ звати, да и пашни пахати отъ Кривца по обѣ стороны рѣчки Юры до рѣчки Смердьи и около Смердья озерка по рѣчкѣ по Смердьѣ до устья, да отъ усть Хороги до Гостилова устья да до Залазина ручья, и пожни по тѣмъ мѣстомъ чистити. И ожъ будетъ такъ, какъ Наумко и его товарыщи сказывали, и язъ князь великій пожаловалъ Наумку и его товарищевъ, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашни пахати, и пожни чистити, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста, ни тяглыхъ и неписменныхъ добрыхъ, а не ябедниковъ, и не татей, и не разбойниковъ, а письменыхъ тяглыхъ да и лихихъ людей, татей или разбойниковъ, или ябедниковъ, которые изъ которыхъ городовъ и изъ волостей выбиты, и тѣмъ имъ къ себѣ не принимати».

И теперь крестьяне, особенно въ густонаселенныхъ губерніяхъ, жаждутъ только земли, луговъ, да лѣсовъ.

Затѣмъ крестьянскимъ мірамъ необходима полная свобода не только сельско-хозяйственнаго, но и торгово-промышленнаго саморазвитія, необходимо, чтобы села сами собою, путемъ свободнаго экономическаго саморазвитія, выростали въ города, въ центры не только экономическаго, но

и умственнаго саморазвитія, самообразованія крестьянства. По естественно-историческому, народно-бытовому началу *земскаго устроенія*, изъ *починка* сельскаго, изъ села, путемъ свободнаго торга и промысла, долженъ былъ развиться и развивался городъ. Такъ, изъ *Славно-Торга*, перваго славянскаго починка-села на Волховѣ, развился могучій и богатый *великій государь Новгородъ*, или изъ трехъ торговыхъ починковъ на холмогорской возвышенности, путемъ свободнаго торга и промысла, выросъ цвѣтущій въ средніе вѣка торговый городъ Холмогоры, центръ Двинской Области; или, тоже цвѣтущій въ средніе вѣка городъ Вологда, главный новгородскій проводникъ сухоновычегодской колонизаціи и культуры, также выросъ въ городъ «*на великомъ лѣсу на среднемъ посадѣ изъ малого торжка*». *Село*, составлявшее колонизаціонную первооснову своей волости, имѣвшее *свой уѣздъ, посадъ* или славянорусское селеніе, *посаженное на лѣсу* или среди Чуди и другихъ инородцевъ, для торга и промысла, *слобода-ассоціація* вольнонароднаго, льготнаго свободнаго труда торгово-промышленнаго — вотъ были коренные русскіе, жизненно-народные, естественно-историческіе починки, первоосновы для организаціи городовъ. Село, путемъ свободнаго торга и промысла, само собой опредѣлилось возрости въ городъ, какъ, напримѣръ, въ XVI столѣтіи, изъ починка стало торгово-промышленнымъ городомъ село Грязовецъ, или въ XVII в., стремились, путемъ торга, стать городами села Коврово, Рогачево, и многія другія.

Изстаринный, жизненно-народный способъ образованія и развитія городовъ путемъ вольныхъ поселеній, торгово-промышленныхъ слободъ и посадовъ и донынѣ глубоко коренится въ житейскихъ правахъ въ торгово-промышленныхъ стремленіяхъ нашего народа. Богатыя села и выселки изъ нихъ, путемъ торговаго и промышленнаго развитія, постепенно возвышаются на степень городовъ, или посадовъ городскихъ. Напр., въ 1844 году почетный гражданинъ Семенъ Лепешкинъ купилъ у наслѣдниковъ московскаго купца Грачева ненаселенную землю, находящуюся при деревни Иконниковой и въ отхожихъ пустошахъ, именуемыхъ Михѣиха и Минѣева. Землю эту Лепешкинъ распродалъ по участкамъ разнымъ купцамъ и мѣщанамъ, оставивъ впрочемъ и за собою нѣкоторую часть. Въ 1845 г. владѣльцы сказанныхъ земель исходатайствовали разрѣшеніе владимірскаго губернскаго правленія на устройство слободы, подъ названіемъ Вознесенской. Черезъ 5 лѣтъ послѣ того, слобода заключала уже въ себѣ церковь, 10 фабрикъ и 26 домовъ, принадлежащихъ купцамъ, 83 мѣщанамъ, 2 казеннымъ крестьянамъ, всего 111 домовъ. Къ столь быстрому застроенію Вознесенской слободы содѣйствовало, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: слобода находилась въ смежности съ извѣстнымъ селомъ Ивановымъ, принадлежащимъ графу Шереметьеву, который дозволилъ иногороднимъ купцамъ и мѣщанамъ, построившимъ дома, фабрики и другія зданія на принадлежащей ему землѣ, владѣть ими только до тѣхъ поръ, пока эти лица сами проживаютъ въ селѣ. Съ переходомъ же въ другія мѣста на жительство, всѣ строенія ихъ или поступаютъ въ пользу помѣщика, или должны быть проданы тамошнему крестьянину. Такое ограниченіе права собственности побудило купцовъ и мѣщанъ, проживающихъ

въ селѣ Ивановѣ, пріобрѣтать ненаселенныя земли у сосѣднихъ помѣщиковъ въ полную и безусловную собственность. Вслѣдствіе сего, въ смежности съ селомъ Ивановымъ, основаны были мало-по-малу, кромѣ Вознесенской, еще и другія слободы: Дмитровская съ пустошью Ковригиной, Ильинская, Троицкая и Березина. Всѣ эти слободы построены также на земляхъ, купленныхъ богатыми купцами отъ помѣщиковъ, и распроданныхъ послѣ промышленникамъ отдѣльными участками. Купцы и мѣщане, проживающіе въ означенныхъ слободахъ, просили объ образованіи изъ этихъ поселеній *посада*, съ учрежденіемъ въ немъ особаго полицейскаго, общественнаго и судебнаго управленія. 9 декабря 1853 г. посадъ учрежденъ. И теперь въ немъ: населенія 1220 душъ обоего пола, доходовъ *обыкновенныхъ* — 2854 р., расходовъ *текущихъ* — 1335 р. 5 коп., капитала запаснаго 3106 р. 90 коп. Такъ выкупъ земель отъ помѣщиковъ и сколько-нибудь свободная торговля и промышленность быстро могутъ незначительный выселокъ обратить въ посадъ, несравненно болѣе богатый, чѣмъ многіе мелкіе города, учрежденные по указу. Не говоря о многихъ, подобнымъ образомъ основавшихся, посадахъ, — укажемъ хоть на то же село Иваново. Жители этого села такъ рады выходу изъ крѣпостного состоянія, доселѣ еще стѣснявшаго ихъ торгово-промышленное развитіе, несмотря на льготы помѣщика графа Шереметьева, и такъ увѣрены въ возможности возвести свое село путемъ свободнаго труда на степень цвѣтущаго города, что въ благодарственномъ адресѣ своемъ 30 апрѣля 1861 г. съ полною справедливостью могли сказать слѣдующія слова: «фабрикація наша, обязанная своимъ постепеннымъ развитіемъ предпріимчивости жителей, нынѣ будетъ процвѣтать болѣе и болѣе и поставитъ село Иваново, мы въ томъ увѣрены, на степень одного изъ лучшихъ городовъ всего промышленнаго міра». Такіе результаты обѣщаетъ свободное, естественное саморазвитіе селъ. Напротивъ, искуственно-административное *указное* возведеніе села или слободы въ городъ, не основанное на свободномъ саморазвитіи ихъ, на дарованіи жителямъ правъ свободнаго торгово-промышленнаго труда и общиннаго самоуправленія, такое возведеніе села или слободы въ городъ нарушаетъ, даже подавляетъ естественное, экономическое и юридическое саморазвитіе ихъ въ настоящій городъ, дѣлаетъ даже бѣднѣе, жалче многихъ селъ, какъ показали примѣры многихъ городовъ, созданныхъ указами Екатерины II изъ селъ и слободъ. Не то при свободномъ саморазвитіи села, главнаго въ волости. При дарованіи жителямъ его правъ свободнаго труда — торга и промысла, село это естественно, само собой, возрастетъ въ городъ и станетъ въ цѣлой волости центромъ, какъ экономическаго или торгово-промышленнаго, такъ и умственнаго или народо-образовательнаго движенія, станетъ исходнымъ пунктомъ живого развитія для цѣлой волости. Потому, что оно будетъ не только центромъ сельско-волостнаго мірскаго схода, но и центромъ высшаго, волостнаго училища, центромъ сельской литературы, крестьянской словесности и письменности, центромъ сельско-волостной библіотеки. Воспринимая въ свою жизнь изъ окружающихъ его селъ и деревень здоровые, жизненные соки, оно, въ свою очередь, само отъ себя будетъ удѣ-

лять этимъ селамъ и деревнямъ выработанные имъ элементы сельской культуры, сельскаго развитія. Постепенно богатѣя плодами свободнаго труда и возрастая въ городъ, волостное село естественно будетъ обогащать и развивать и прилежащія къ нему окрестныя деревни. Недаромъ изстари въ русской землѣ была органическая земская связь главнаго волостнаго села съ его волостью, съ его уѣздомъ, такъ что постоянно говорилось и писалось тогда такъ: *село съ уѣздомъ, село съ волостью*, село съ всѣми сельцами, деревнями, починками и займищами и т. под. Какъ первоначальное колонизаціонное мірское самоустройство волостей совершалось въ органической земской связи съ колонизаціоннымъ вольно-крестьянскимъ самоустройствомъ главныхъ, первичныхъ селъ въ волостяхъ, — такъ и внутреннее-матеріальное, или торгово-промышленное, юридически-благоустроительное, моральное, умственное или народно-образовательное саморазвитіе сельскихъ міровъ или цѣлыхъ волостей должно идти рядомъ, въ органическомъ взаимодѣйствіи, согласіи и равноправности съ саморазвитіемъ главныхъ волостныхъ селъ на степень городовъ. Тутъ только, въ этомъ свободномъ саморазвитіи богатыхъ волостныхъ селъ до степени центровъ сельскаго экономическаго и умственнаго движенія и при органическомъ взаимно-развитіи этихъ селъ съ ихъ волостными деревнями — тутъ только будетъ заключаться полно-жизненный ростокъ, залогъ самаго полнаго, могучаго, живого прогресса и проявленія разнообразныхъ сельскихъ народныхъ силъ и дарованій. Тогда только, взыщется въ захолустьяхъ русскихъ селъ и деревушекъ множество гибнущихъ теперь Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ и т. д., множество талантовъ, умирающихъ теперь въ глуши, отъ отсутствія училищъ и книгъ, талантовъ наукъ реальныхъ, практическихъ, и разнообразныхъ искусствъ и открытій.

Городскіе мірскіе сходы [1])

Естественная, свободно-бытовая исторія нашего народа представляетъ собственно одинъ путь происхожденія городовъ—путь вольно-народнаго, свободно-экономическаго самоустройства и саморазвитія ихъ изъ селъ, изъ слободъ, вслѣдствіе свободнаго торга и промысла. Это, и по времени, первичная, естественно-архитектоническая, излюбленно-народная форма образованія городовъ. *Великій Новгородъ* былъ первообразомъ, первоосновой, и главой, представителемъ этого вольно-народнаго, торгово-промышленнаго, земско-вѣчеваго самоустройства городовъ. Затѣмъ слѣдовалъ процессъ льготно-вотчиннаго, преимущественно-княжескаго строительства, *рубленья, поставленья, созданья* городовъ. Прототипомъ и представителемъ этого разряда формаціи городовъ является *Москва* со всѣми верхне- и средне-волжскими городами, вплоть до Нижняго включительно, построенными Юріемъ Долгорукимъ и его потомками. Эти города устрояли, рубили князья, даруя «людямъ и всѣмъ купцамъ *ослабу, свободу* и *льготу большую*» (Ник. IV. 38, Сл. Ник. III, 139, 191—192, Ник. IV. 82, 287—288 и 295, V. 115). Всѣ эти города были *удѣльно-вотчинные*, такъ что и самая Москва первоначально долго дѣлилась между велико-княжескими сыновьями, какъ вотчина, на вотчинные участки. Наконецъ, послѣдній циклъ, или способъ строительства, формаціи городовъ представляетъ система *указнаго городоваго дѣла.* По этой системѣ, по указу, въ XVI и XVII в. обстроена была городами и острогами — военностратегическими ассоціаціями стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ и т. п. вся южная степная Украйна (Котошихинъ насчитываетъ до 30 городовъ и пригородковъ). Окончательнымъ, самымъ полнымъ плодомъ и представителемъ этой указной системы городоваго дѣла является Петербургъ.

Между тѣмъ, извѣковѣчный, вольнонародный, естественный принципъ торгово-промышленнаго саморазвитія городовъ такъ глубоко и самосохранно коренился въ потребностяхъ естественной жизни народа, что пережилъ всю разрушительную московскую ломку земско-вѣчевыхъ городовъ. По нему вольные охочіе люди, помимо указанной системы городоваго дѣла, помимо царскихъ городовъ, остроговъ, засѣкъ XVI и XVII вѣка, устрояли сами собою

---

[1]) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ" за 1862 г., № 12 (цензурное дозволеніе отъ 25 марта того же года; редакція Г. З. Елисеева).

новыя вольно-народныя городскія ассоціаціи. Изъ соборнаго акта 1649 года видимъ, что повсюду въ московскомъ государствѣ, около старыхъ городовъ и посадовъ, устроивались вольно-народныя, торгово-промышленныя *слободы*—богатые зачатки свободныхъ, народныхъ городовъ, самонародныя городскія ассоціаціи вольнаго торга и промысла. Между тѣмъ въ томъ же, напр., году, царь Алекс. Мих. *указываетъ* воеводѣ построить городъ Олонецъ: воевода доноситъ, что крестьяне нейдутъ на поселеніе въ городъ, упорно отказываются. Въ XVIII столѣтіи—та же исторія. Напр., въ 1734 г. указано было построить городъ Оренбургъ. Башкирцы взбунтовались. Прошло 30 лѣтъ—и городъ плохо заселялся: купцы не хотѣли селиться. Губернаторъ Рейнсдорфъ въ 1770 г. писалъ въ своемъ донесеніи: «пріѣзжіе купцы, смотря на утѣсненіе здѣшнихъ гражданъ, прибыточные свои торги хотя и возстановили попрежнему, но, чтобы не подвергнуть себя равномѣрнымъ съ здѣшними гражданами трудностямъ, на *поселеніе обще съ ними никто не поохотился*. Сіе есть сущею причиною малолюднаго и по большей части бѣднаго гражданства». Стали указами обращать села въ города: такимъ образомъ воздвигнуто при Екатеринѣ до 216 городовъ. Естественно-промышленная жизнь народная и тутъ выразила реакцію, сопротивленіе. Напр., въ Устьсысольскѣ, въ градской думѣ, какъ сказывалъ намъ казанскій собиратель актовъ и статистическихъ свѣдѣній С. Е. Мельниковъ, есть цѣлое дѣло о возстаніи тамошнихъ жителей противъ распоряженія Екатерины объ устройствѣ изъ села Усть-сысольскаго города, въ которомъ прежде большая часть жителей имѣла собственныя крѣпостныя земли. Два раза пріѣзжали для увѣщеванія и для усмиренія намѣстникъ вологодскій и архіерей. Многіе села и города, хотя и приняли торжественно Городовое Положеніе, но вскорѣ, другъ за другомъ, требовали уничтоженія городскихъ думъ, магистратовъ, сиротскихъ и словесныхъ судовъ, съ оставленіемъ только ратуши. Побудительными причинами къ закрытію новыхъ учрежденій городоваго положенія общества купеческія и мѣщанскія выставляли малолюдство и обременительность содержанія лишнихъ присутственныхъ мѣстъ (см. город. посел. въ Рос. Имп. Т. I). Вообще, до послѣдняго времени, народъ нашъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на произвольное, насильное обращеніе земельныхъ селъ въ безземельные города. Такъ напр., было при преобразованіи въ 1836 г. слободы Царевки (нынѣ Астраханской губ.) въ городъ Царевъ. Жители Царевки, сознавая, что съ открытіемъ города, они должны будутъ обратиться въ безземельныхъ мѣщанъ и, волею или неволею, сдѣлаться торговцами и ремесленниками, въ чемъ они до того времени не имѣли никакой нужды, открыто стали сопротивляться учрежденію. Начальство не сочло нужнымъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе причинъ народнаго несочувствія къ мѣрамъ правительства и объявило Царевку городомъ. Недовольные жители рѣшились на странную мѣру: не продавать чиновникамъ съѣстныхъ припасовъ и, такимъ образомъ, голодомъ выжить непрошенныхъ гостей. Но ихъ признали бунтовщиками и посредствомъ военной команды заставили повиноваться.

Сопротивляясь, такимъ образомъ, указной системѣ городоваго устройства, народъ и въ послѣднія полтора столѣтія крѣпко держался принципа

вольно-народныхъ, жизненно-организующихся, свободныхъ ассоціацій земледѣльческаго или торгово-промышленнаго труда. Помимо городовъ онъ основывалъ свои богатыя, цвѣтущія *слободы*, которыя были тѣ же города, да и еще лучше и несравненно лучше многихъ указанныхъ городовъ. Такъ, въ половинѣ XVIII в. 14 слободъ стародубскихъ раскольничьихъ, по словамъ сенатскаго указа 1761 г., «разселены были, какъ *превеликіе города*» (П. С. З. XV. № 11, 205, 11,179), такъ же, какъ и въ старину, вслѣдствіе вольно-народнаго поселенія, торга и промысла, бывало «умножалися люди въ слободахъ, и быша тамъ торги и мастера всякіе: и *быша... слободы, яко грады великіе*». (Ник. III, 78). «Сицевыми народы, т. е. старообрядцами—по словамъ писателя исторіи о бѣгствующемъ священствѣ,—пустыя мѣста и звѣропаственныя населяхуся, и вмѣсто деревъ, людей умноженіе показася, трава и тернія въ вертограды и садовія обратишася, *гради вторіи показашася*». Такимъ образомъ, старообрядцы по старинному, вольно-народному принципу поселенія, первые во второй половинѣ прошлаго столѣтія положили основу городамъ южной степной Украйны: Хвалынску, Вольску, Кузнецку, Николаевску, Балашеву, Сердобу, Актару,—и самый Саратовъ возвели на степень очень замѣчательнаго города, такъ, что и въ нынѣшнемъ столѣтіи, до послѣдняго времени, тамъ первые богачи, капиталисты, все были раскольники.

Какъ излюбленно-народный, естественно-жизненный принципъ образованія городовъ составляетъ свободное торгово-промышленное самоустройство и саморазвитіе ихъ, изъ селъ и слободъ безъ всякаго вмѣшательства правительственнаго: такъ и естественный, жизненно-народный принципъ городского управленія и суда составляетъ излюбленное общинно-выборное самоуправленіе и самосудъ. До вмѣшательства чуждыхъ элементовъ—княжеской власти, служилаго сословія—кормленщиковъ и проч.,—сама естественная жизнь народа, какъ самобытный организмъ, развиваясь изъ себя самой, своими собственными внутренними силами и органами, вырабатывала, организовала, именно принципы излюбленнаго общиннаго самоуправленія и самосуда. Какъ города, посады, слободы—починки городовъ, колонизовались, устроялись посредствомъ добровольнаго *собранія людей отовсюду*, какъ первоначальныя городскія общины сообща, всѣмъ міромъ отводили слѣдующимъ новопришельцамъ участки городскихъ земель и черныхъ дворовъ (А. Ю. № 159.); такъ и въ дѣлахъ внутренняго городскаго самоустройства и самораспоряженія, въ дѣлахъ общинныхъ городскихъ вопросовъ и потребностей, такъ же естественно-общинная жизнь горожанъ необходимо создала и утвердила, своимъ извѣковѣчнымъ, жизненно-созданнымъ, общинно-бытовымъ обычаемъ, принципъ городскихъ *людскихъ собраній, или сходовъ на думу, на вѣча*. Естественный законъ общинной жизни, общинныхъ интересовъ, общинности земли, общинности правъ и пр., требовалъ и въ мірахъ городскихъ, такъ же, какъ и въ сельскихъ, общинной сходчивости, совѣщательности. Происхожденіе этихъ городовъ изъ селъ, приливъ и преобладаніе въ нихъ сельскаго, крестьянскаго, мірского элемента, тождество ихъ съ селами, служба крестьянъ въ городахъ,—тоже условливали въ городахъ такіе же мірскіе сходы, какіе были и въ сельскихъ мірахъ.

И вотъ до развитія княжескаго, и особенно московско-царскаго приказнаго элемента, кормленья, видимъ во всѣхъ городахъ людскія собранія, сходы на думу, видимъ вѣча. «Новгородцы бо изначала, говоритъ Лѣтописецъ, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (волости), якоже *на думу на вѣча сходятся* (Лавр. лѣт. стр. 160). Нѣтъ нужды исчислять всѣ упоминаемыя въ лѣтописяхъ, подъ разными годами, въ разныхъ городахъ вѣча. Замѣтимъ только, что въ 1261 г., по свидѣтельству новгородской лѣтописи, происходили *вѣча* на бесерменъ *по всѣмъ городамъ русскимъ*. (Новг. IV, стр. 39). Какъ принципъ естественно-жизненнаго, вольно-народнаго саморазвитія городовъ полнѣе проявился въ области новгородской колонизаціи: такъ принципъ вѣчей получилъ болѣе полную, цѣльную организацію и многостороннѣе проявился въ Великомъ Новгородѣ. А затѣмъ ужъ—въ младшемъ братѣ его—Псковѣ. Не вдаваясь въ подробное, спеціальное изображеніе древне-русскихъ городовыхъ вѣчей, мы отмѣтимъ только общія, существенныя начала, какія выразилъ въ нихъ духъ народный. Составляя земско-бытовой обычай народный, не получившій даже опредѣленно-положительной письменной уставности, письменнаго уложенія,—вѣча не имѣли постояннаго, единичнаго характера, твердой, однажды навсегда положенной, начертанной установленности. А какъ требовали событія общинной городовой жизни, когда и какъ нужно было,—такъ и сзывались вѣча. Была полная демократическая свобода самовыраженія народной жизни. Какъ *вольные мужи* новгородцы и *добровольные мужи* псковичи жили *на всей своей волѣ*, такъ и вѣча сзывались, устроялись на всей же ихъ волѣ. Общій составъ вѣча былъ земскій, всенародный. Полный общинно-демократическій составъ его опредѣлялся такъ: «посадникъ степенный великаго Новгорода и старые посадники, тысяцкой степенный и старые тысяцкіе, и бояре и житьи люди и купцы и черные люди, и весь великій Новгородъ, вольные мужи». Такимъ образомъ всѣ Новгородцы имѣли право быть на вѣчѣ, и былъ на немъ всякій, кто могъ и хотѣлъ. Потому въ лѣтописи иногда говорится: *сбрася весь градъ, людье*, шедше *весь народъ, вси Новгородцы* погадали *со всѣмъ вѣчемъ* и т. п. (Нов. I стр. 12, 83—84); или: *весь Псковъ* повелѣлъ намостити буевище (Псков. I, 202). Эти, конечно, гиперболическія выраженія показываютъ, что на вѣчѣ имѣли право сходиться всѣ земскіе люди Новгорода—и князь, и посадники, и бояре, и владыка, и игумены, и попы, и гости, или житьи люди, и купецкіе дѣти, и всѣ *вятшіе люди*, и всѣ *меньшіе люди, простая чадь*. Въ этомъ полномъ составѣ своемъ *Вѣче* называлось иначе *Людскимъ Собраніемъ* (Новг. I, 107—108). Никакое сословіе, никакой чинъ на общемъ новгородскомъ вѣчѣ не выдаются отдѣльно. Тутъ—*весь великій государь Новгородъ*. Тутъ государствуетъ *дума, гаданье, воля, хотѣніе* всего новгородскаго земства, самихъ новгородцевъ. Въ лѣтописи обыкновенно говорится: «*Новгородцы*, съ княземъ Мстиславомъ, и съ игумены, и съ попы сдумавше, *изволиша* (19); паки *Новгородцы*, съ княземъ Ярославомъ, и съ игумены, и съ софяны, и съ попы, *гадаша промежу себе* (21); и *сдумавше Новгородцы*, показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Андрееви по миръ *на всей волѣ своей* (15). *Новгородцы съзвониша вѣче* (61); *Новгородцы*, *съдумавъ* на Ярославлѣ дворѣ, и стали *вѣ*-

чемъ у святой Софіи (106). *Нагадавшеся псковичи* съ изборяны, подъяша всю область псковскую противъ нѣмцевъ (I. Псков. стр. 187, 189) и т. п. Свято, законодательно было Слово Вѣчевое для всѣхъ и каждаго, какъ слово своего великаго государя Новгорода. Ему всецѣло покорны, повинны были князья, бояре, воеводы; князь говорилъ на Вѣчѣ всѣмъ собравшимся новгородцамъ: *вы вольны въ князѣхъ* (I, 32). Новгородское и Псковское *вѣчевое слово* имѣло власть и силу надъ боярами и воеводами по всей землѣ новгородской и псковской. Напримѣръ, въ 1398 г., по словамъ лѣтописи, «воеводы новгородскіе и вси вои, по *своего господина по новгородскому слову*, челобитье пріяша Двинянъ, а нелюбье имъ отъяша (Новг. I, 99. *Слово Псковское*: Пск. I. 186). *Новгородъ*, такъ же какъ и Псковъ, имѣлъ собирательное значеніе *міра*, всенароднаго собранія, и потому глаголъ о Вѣчевомъ рѣшеніи, или словѣ, употреблялся во множественномъ, собирательномъ числѣ. Опальные двинскіе бояре—воеводы Гересимъ и Родивонъ въ 1398 г. «добиша челомъ своей *господѣ* Великому Новгороду, а *Новгородъ даша* животъ» (100).

Главные предметы вѣдомства общаго Вѣча, или людского собранія были слѣдующіе. Во-первыхъ, Вѣче избирало, судило, свергало князя, а виновнаго даже отдавало подъ стражу. «Въ лѣто 1137, говоритъ лѣтопись, новгородцы призваша псковичей и ладожанъ, и *сѣдумавша*, яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша въ епископль дворъ, съ женою, и съ дѣтьми, и съ тещею, и стражы стрежаху день и ночь съ оружіемъ, 30 мужъ на день, и сѣдѣ 2 мѣсяца, и пустиша изъ города 1-го іюля въ 15 день. *А се вины его творяху*: 1) не блюдетъ смердъ (не берегъ крестьянъ и вообще простой народъ); 2) чему хотѣлъ еси сѣти въ Переяславлѣ; 3) ѣхалъ еси съ полку переди всѣхъ». (Нов. I, 7). Въ 1270 г. начали новгородцы изгонять князя Ярослава изъ города, «*съзвонили вѣче* на Ярославлѣ дворѣ . . . и къ князю послали на городище, *исписавши* на грамоту всю *вину* его: чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячьими ловци? Чему взялъ еси Олескинъ дворъ Морткинича? Чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничѣ и на Романѣ Болдышкевичѣ и на Варфоломеѣ? а иное, чему выводишь отъ насъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ? А того много вины его: а нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ». Князь же умолялъ на Вѣчѣ *съ поклономъ*: «всего этого я лишаюся, а крестъ цѣлую на всей волѣ вашей». Новгородцы же отвѣчали: «княже, поѣди прочь, не хотимъ тебе, или идемъ весь Новгородъ прогонить тебѣ» (61). И такъ часто новгородцы, по обычному выраженію лѣтописи: *показывали путь князьямъ на всей волѣ своей*. Такимъ образомъ въ Новгородѣ излюбленный выборный князь вовсе не былъ самодержавнымъ и даже единодержавнымъ государемъ, а *государь былъ весь Великій Новгородъ*. Князь цѣловалъ крестъ *на всей волѣ новгородской* (Новг. I, стр. 44). Въ Псковѣ — тоже было (Пск. I, стр. 190).

Точно также Вѣче избирало, судило и низводило посадниковъ. Лѣтопись постоянно говоритъ: «*даша посадницать* такому-то, *отъяша* посад-

ничество у одного и даша другому или *выгнаша изъ посадничества.* Въ 1210 г., новгородцы, говоритъ лѣтопись, пришедши въ Новгородъ, *сотворили вѣче на посадника Дмитрія и на братію его*: потому что тѣ повелѣли брать съ новгородцевъ серебро, а съ волостей — брать куны, съ купцовъ — виру дикую и повозы возить... И цѣловали новгородцы крестъ между собою: «не хочемъ у себя держать дѣтей Дмитровыхъ, и заточили ихъ вмѣстѣ съ отцемъ». Въ случаѣ вины, Вѣче и казнило посадниковъ. (Нов. I, стр. 5—10, 12, 31, 55, 83, 87, 94 и мн. др.). Вообще, лѣтописи новгородскія и псковскія показываютъ, что вольно-вѣчевыя общины держали въ крѣпкихъ рукахъ своихъ посадниковъ. Выборные посадники и тысяцкіе были не болѣе, какъ излюбленные нарядники, исполнители велѣній Міра, Людства, Народа и Вѣча, были слугами Земства. Право избранія посадника и тысяцкаго неотъемлемо принадлежало всему Новгородскому вѣчу, всему *народу*, *людству*, *міру*. Князь не имѣлъ права избрать посадника вопреки волѣ народной: иначе ему самому показывали путь. Въ январѣ 1218 г., послѣ многократныхъ частныхъ вѣчей, «съидошася братья въкупѣ однодушно на общее вѣче. Князь же Святославъ призвалъ вои тысяцки на вѣче, и сказалъ: «не могу быть съ Твердиславомъ, и отнимаю отъ него посадничество». А новгородцы спросили: какая вина его? Онъ отвѣчалъ: «безъ вины». Тогда Твердиславъ сказалъ (обратившись къ Вѣчу): «тому радъ, что вины моей нѣтъ, *а вы, братья*, вольны въ *посадничествѣ* и въ *князьяхъ*». Новгородцы отвѣчали: «княже, если нѣтъ вины его, а ты къ намъ крестъ цѣловалъ — безъ вины мужа не лишить: а тебѣ кланяемся, а онъ нашъ посадникъ, и въ томъ себя не выдадимъ» (37).

Далѣе, Вѣче избирало и низлагало владыкъ, игуменовъ, и даже рѣшало религіозные, церковные вопросы (Новг. I, подъ 1193 г., стр. 21, IV, подъ 1299 г., стр. 45 и мн. др.). Иногда даже *простая чадь* своимъ вѣчемъ свергала владыку, какъ, напр., въ 1228 г. архіеп. Арсенія. Избравъ вѣчемъ новаго архіепископа, старому новгородцы говорили: «поиди, гдѣ ти любо» (37). Въ 1348 г., Новгородцы на своемъ вѣчѣ рѣшали религіозный вопросъ, предложенный шведскимъ королемъ Магнусомъ: «Владыка Василій, посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ и тысяцкій Аврамъ, и *вси новгородци, погадавше*, отвѣчали Магнусу: «аще хощеши увидѣти, коя вѣра лучше, наша-ли, ваша-ли, пошли въ Царь-градъ къ патріарху», такъ какъ мы отъ грековъ приняли вѣру, а съ тобою не будемъ препираться о вѣрѣ; а какъ будетъ обида между нами, о томъ шлемъ къ тебѣ на съѣздъ» (Новг. I, подъ 1348 г., стр. 83).

Вѣче принимало жалобы народныя на кого бы то ни было, защищало уѣздныхъ горожанъ и крестьянъ отъ насилія сильныхъ. Такъ, напр., въ 1384 г., «пріѣхали, говоритъ лѣтопись, городчане, орѣховцы и корѣльскіе съ жалобою къ Новгороду съ жалобою на князя Патрикія Наримонтовича, который прибылъ въ Новгородъ въ 1383 г., былъ ласково принятъ, даже получилъ въ кормленье пригороды — Орѣховъ, Корѣлу, Полъ-Копорья городка и Луское село, но безсовѣстно сталъ притѣснять жителей этихъ городовъ и мѣстъ. Вотъ изобиженные горожане и жаловались на него

великому господину Новгороду. Какъ ни старался крамольный князь Патрикѣй поднять Славно въ Новгородѣ и созвать вѣче въ свою пользу, но созвано было другое вѣче у св. Софіи, и, по словамъ лѣтописи, *отъяша у князя ты пригороды*» (Нов. I, 93).

Вѣче распоряжалось землями своей области. Къ вѣчу обыкновенно обращались колонисты, поселенцы, когда хотѣли занять какую-нибудь землю. И вѣче давало жалованныя грамоты на землю. Въ вѣчевыхъ жалованныхъ грамотахъ это выражалось въ такой формулѣ: «и владыка новгородскій, и посадникъ, и тысяцкій, и бояре, и житейскіе люди, и купцы и весь господинъ великій Новгородъ дали грамоту жалованную на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ». Вѣче завѣдывало общественными городскими постройками (напр. Псков., стр. 192, 202 и мн. др.). Наконецъ, въ порядкѣ внѣшнихъ отношеній, вѣча собирались: 1) въ случаѣ прибытія или отбытія велико-княжескаго посольства; 2) въ случаѣ прибытія иноземнаго посольства; 3) въ случаѣ объявленія войны, назначенія воеводы и отправленія рати въ походъ; 4) въ случаѣ заключенія мира съ непріятелемъ.

Въ исторіи древнихъ городовыхъ вѣчъ, и преимущественно въ исторіи вѣча новгородскаго, общинно-демократическаго, особенно замѣчательна борьба земства съ боярствомъ, *меньшихъ людей* съ *вятшими*. Въ эпоху первоначальнаго естественно-историческаго образованія, сложенія, установленія земства, міра, боярство, какъ чуждый пришлый княжеско-дружинный, и притомъ большею частью иноплеменный элементъ, очевидно, неловко, неестественно улегалось въ составъ земства, мутило, нарушало органическую цѣлостность, единство, равенство міра, неестественно, изчужа, со стороны налегало на земство тяжестью своей власти и кормленья. Особенно ощутительна была вся неестественность вторженія въ земство этихъ непрошенныхъ гостей въ новгородской общинѣ, гдѣ наиболѣе замѣтна внутренняя цѣльность, самобытность, самовыдержанность и мірская равноправность. Демократическая кровь новгородцевъ тотчасъ ощутила весь, разъѣдающій народный организмъ, ядъ чуждаго, пришлаго боярскаго аристократизма. Низшія массы земства, *черные люди*, съ перваго же сближенія съ боярами стали заклятыми врагами ихъ. Вражда эта усиливалась по мѣрѣ того, какъ «бояре творяху собѣ легко, а меньшимъ *зло*». Злоба земства къ боярству уже въ XII вѣкѣ достигла высшаго развитія, когда и лѣтописецъ, говоря, напр., о татарскомъ числѣ въ Новгородѣ, замѣтилъ: «навелъ Богъ изъ пустыни звѣри дикія ясти сильныхъ плоти и пити кровь боярскую» (Новг. I, 57). Этотъ-то неизбѣжный, естественный антагонизмъ низшихъ массъ земства къ боярству и выражался на вѣчѣ Новгородскомъ постоянной борьбой меньшихъ людей съ вятшими. Тогда меньшіе, черные люди еще не были безправны до такой степени, какъ стали послѣ, напр., въ XVIII столѣтіи. Въ нихъ кипѣла со всей пылкою горячностью, свѣжестью мощь, энергія демократической крови. Они были самовольны, самовластны, самоуправны. Они имѣли равное съ князьями и боярами право участвовать на общемъ вѣчѣ, на великомъ людскомъ собраньи. Мало того: они имѣли право созвать и часто сзывали свое

вѣче. При этой буйной волѣ, могучей силѣ, демократическая партія меньшихъ, черныхъ людей ни на шагъ не уступала аристократическимъ притязаніямъ боярства. Присутствіе и вліяніе, значеніе боярства въ новгородскомъ земствѣ было почти ничтожно. Демократизмъ массы всецѣло преобладалъ надъ аристократизмомъ боярства. И вотъ почему, всякій разъ, какъ случалась въ новгородскомъ вѣчѣ борьба меньшихъ и вятьшихъ людей, черни и боярства, — черные люди всегда выходили торжествующими, не смотря на то, что бояре часто поднимали противъ нихъ цѣлую сторону, хоть Софійскую. Уничтоженные, смиренные меньшими черными людьми, бояре называли ихъ *братьями* и, какъ у братьевъ, просили *мира*. Приведемъ хоть два примѣра борьбы меньшихъ, черныхъ людей — съ вятьшими. Въ 1255 г., новгородцы посадили у себя на княжескомъ столѣ Ярослава Ярославича, а Василья князя выгнали. Услышавъ объ этомъ, Александръ, отецъ Васильевъ, пошолъ ратью на Новгородъ. Новгородцы съзвонили вѣче и собрались *вятьшіе* на вѣче. *Меньшіе* съзвонили свое вѣче у св. Николы, и сказали на вѣчѣ: «братья, что, какъ скажетъ князь: выдайте моихъ враговъ? И цѣловали святую Богородицу меньшіе, какъ стать всѣмъ, либо животъ, либо смерть, *за правду новгородскую, за свою отчину*. И былъ въ *вятьшихъ совѣтъ золъ*, какъ бы побѣдить *меньшихъ*, а князя ввести на *своей волѣ*». Посадникъ Онанья былъ главнымъ коноводомъ и крамольникомъ въ этихъ замыслахъ вятьшихъ людей. *Меньшіе* хотѣли его свергнуть съ посадничества, и выбрать, вмѣсто него, Михаила Степановича. И какъ ни старался удержаться на посадничествѣ Онанья, — меньшіе одержали верхъ. Князь прислалъ на вѣче и требовалъ у вятьшихъ: «выдайте ми Онанью посадника, если не выдадите, я вамъ не князь, иду на городъ ратью». Князь твердо держался стороны меньшихъ. Вятьшіе люди послали къ князю владыку и Клима тысяцкаго: «поѣди, княже, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, а Онаньи гнѣва отдай и всѣмъ мужамъ новгородскимъ». Князь не послушалъ ихъ мольбы, опять послалъ съ требованіемъ: «если Онанья лишится посадничества, я вамъ гнѣвъ отдамъ». «И лишился — заключаетъ лѣтопись, посадничества Онанья, и взяша миръ на всей волѣ новгородской, злодѣи омрачишася, зане хрестьянамъ радость, и весь міръ радости исполнися». Посадничество дано было, какъ желали черные люди, Михаилу Степановичу. (Новг. I, 56). Черные люди съ буйной энергіей заступались предъ Вѣчемъ за каждую личность, чѣмъ-нибудь выдававшуюся и дорогую для нихъ. Вспомнимъ, напр., какъ въ концѣ XIV вѣка встали въ Новгородѣ черные люди за удальца Луку Варфоломѣева, который, «не послушавъ благословенія владыки, и подобравъ съ собою сбойчатыхъ людей», ушелъ на Двину, и тамъ основалъ колонію — Орлецъ. Услышали черные люди, что на Двинѣ Луку убили. Тотчасъ, съзвонили вѣче, и потребовали отвѣта у посадниковъ и бояръ: «вы послали его убить!» Посадники отъ страху убѣжали изъ Новграда на сѣверъ Вотской пятины. Черные люди вытребовали ихъ оттуда и, при увѣщаніи владыки, едва были удовлетворены. Вообще, чувство взаимнаго заступничества отъ насилія бояръ, такъ было живо и сильно въ демократической общинѣ новгородской, что каж-

дый рабъ, каждый угнетенный, даже самая слабая женщина — могли съзвонить и собрать вѣче на свою защиту. Напр., въ 1417 г., говоритъ лѣтопись, человѣкъ нѣкій Степанко, изымавши боярина Даніила Ивановича Божина внука и держа его, вопіялъ къ людямъ: господа! Пособите мнѣ на злодѣя этого! Люди, услышавъ его вопль, повлекли боярина къ народу, къ сонму людскому, на вѣче; «было и то дивно, добавляетъ другой лѣтописецъ, — или на укореніе богатымъ, обижающимъ убогихъ: жена нѣкая, отвергши женскую немощь, взявши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища, причинила ему, боярину, удары, укоряла его, какъ неистовая, вопіяла: «я изобижена имъ!» Народъ началъ звонить *вѣче* на Ярославлемъ дворѣ, — продолжаетъ лѣтописецъ, и собиралось людей множество. Виновнаго боярина ринули съ моста, «яко разбойника и зло дѣюща людямъ много». Изъ-за него начался страшный судъ оскорбленныхъ черныхъ, меньшихъ людей и надъ всѣми боярами. Чернь, въ неистовствѣ грабя домы обидящихъ народъ бояръ, грабя съ народа же собранное богатство, вопіяла: *здѣсь животы хрестьянскія* и *болярскія*». Въ день тотъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, въ лютую ту брань, былъ громъ страшный, и молнія блистала, шелъ сильный дождь и градъ. «И отъ возмущенья того великаго, встряссся весь градъ». Наконецъ явился владыка съ *своимъ съборомъ* къ *людскому собранію*, дѣло разсужено было особыми выборными *нарочитыми мужами*, и удовлетворенные черные люди, и вятьшіе и всѣ разошлись мирно по домамъ. (Новг. I., стр. 107—108; Новг. II., стр. 137).

Своеобразна была жизнь вольнаго Новгорода, своеобразно было и его вѣче. Свобода и естественность—главныя черты вѣчевыхъ собраній. Не было никакой регламентаціи, предписательности, заранѣе опредѣленныхъ формальностей и уставовъ вѣчевыхъ. Естественная жизнь только что слагала, организовала, развивала формы Вѣчей. До уставной, законоположительной организаціи, опредѣленности Вѣча еще не доросли. Естественное саморазвитіе и самоустановленіе жизни новгородской, на широкомъ просторѣ воли, энергіи юной, кипучей, богатырской, только что вырабатывало сообщало факты, матерьялы, данныя народнаго опыта. Выводы изъ этихъ фактовъ только что возводились въ *обычаи* Вѣча, и изрѣдка записывались въ вѣчевыя записи. Естественная, вольная, широкая, богатырская жизнь новгородская, не стѣсняясь никакими напередъ предпоставленными регламентами, свободно развивала формы вѣча, и только свято блюла отъ московскаго и татарскаго прикосновенія принципъ Вѣча, и безподушнаго Земства, Міра, какъ *правду* и *волю новгородскую*, какъ старину и извѣковѣчную *пошлину*. И если вникнуть ближе въ составныя части цѣлаго новгородскаго вѣча, то, при всей наружной хаотической разрозненности, безсвязности ихъ, можно примѣтить въ ихъ архитектонической постройкѣ, закладкѣ, самый естественный, правильный строй, самую связную послѣдовательную ткань составныхъ элементовъ. Какъ Новгородъ, въ своемъ органическомъ колонизаціонномъ самоустройствѣ, естественно раздѣлился на Славянскую сторону—средоточіе славянскаго земства, и на Софійскую сторону—средоточіе пришлыхъ, чуждыхъ элементовъ церковно-

и-княжеско-служилыхъ, и потомъ подраздѣлился на пять концовъ и множество улицъ: такъ и вѣче новгородское органически слагалось изъ такихъ же частей. Каждая улица, живя самобытною жизнію въ своей чертѣ и въ органической связи со всѣмъ Новгородомъ, имѣла своего посадника, и могла созвать свое вѣче. (Нов. I, 96, 97). Каждый конецъ могъ съзвонить вѣче и отдѣльно, самъ собою, и вмѣстѣ съ другими концами. «Въ 1359 году, говоритъ лѣтопись, отъяша посадничество у Ондрѣяна Захаріинича, *не весь* градъ, токмо словеньскій конецъ, и даша посадничество Селивестру Леонтьевичу» (Нов. I. 87). «Въ 1388 г., говоритъ та же лѣтопись, всташа *три конца* софійской стороны и възвониша *вѣче*». То възвонила вѣче отдѣльно вся Торговая, или Словенская сторона, то—вся Софійская (Нов. I, стр. 94). Такимъ образомъ, бывало иногда, по словамъ лѣтописи, «быша вѣчи во всю недѣлю» и по разнымъ концамъ, и на обѣихъ сторонахъ Новгорода. Всѣ эти частныя, *уличныя, пятиконечныя* и *онипoловичныя* или двустороннія вѣча представляли не что иное, какъ полуразвившіеся составные элементы, части, предварительные, частные мірскіе сходы для организаціи и состава цѣлаго новгородскаго вѣча, для полнаго людскаго собранья. При чрезмѣрной обширности древняго Новгорода, при чрезвычайномъ множествѣ въ немъ улицъ, и естественны и необходимы были отдѣльныя вѣча по улицамъ и концамъ. Важныя общественныя интересы и дѣла, прежде окончательнаго обсужденія и рѣшенія на общемъ вѣчѣ, требовали предварительнаго, частнаго соображенія и обсужденія *уличанъ* и *кончанъ*. А иныя дѣла и интересы и касались собственно той, или другой улицы, того, или другого конца въ частности. Но какъ всѣ концы и улицы составляли органическія, неразрывныя составныя части Новгорода, жили общею, нераздѣльною жизнью, такъ и всѣ частныя, пятиконечныя и уличныя вѣча, какъ отдѣльные органы цѣлаго политическаго организма—всего Новгорода и цѣлаго новгородскаго Вѣча, естественно и большею частію неминуемо тяготѣли къ цѣлому составу Вѣча, къ людскому сонму. Вотъ почему, почти всякій разъ, какъ собирались вѣча порознь, по концамъ и сторонамъ, дѣло кончалось тѣмъ, что всѣ уличныя конечныя и стороннія вѣча совокуплялись подъ конецъ въ одно общее вѣче на Ярославлѣ дворѣ, или у святой Софіи. По выраженію лѣтописи, сходились *братья вкупѣ* однодушно *на вѣчѣ* или — *сходились* въ *любовь*. Такъ напр., въ 1388 г., говоритъ лѣтопись, «въстали *три конца софѣйской* стороны на посадника Есипа Захаріинича и възвонили *вѣче у святой Софѣи*. И въста за него *торговая сторона вся*. И потомъ *снидошася* въ *любовь* и даша посадничество Василію Ивановичу» (94). Или въ 1318 г., говоритъ та же лѣтопись, «възвониша вѣче у св. Николы *онипoловици*, а Неревскій конецъ—у святыхъ 40... и *тако быша вѣча по всю недѣлю*... И наконецъ *съидошася братья въкупѣ однодушно на вѣчѣ*». На этомъ вѣчѣ новгородцы блистательно защитили отъ князя посадника Твердислава.

Таковы главныя начала древнихъ городовыхъ вѣчей, или мірскихъ, народныхъ сходовъ по городамъ. Грубы были формы ихъ, грубы, буйны, дики проявленія. Это чувствовали, сознавали сами древніе новгородцы. Называясь *братіею*, устроясь по принципу братства и равенства, они ви-

дѣли и главную причину нестроенья вѣчевого—въ недостаткѣ духа братства, въ *братоненавидѣніи* и *непокореніи другъ другу*. Въ то же время, въ бѣдствіяхъ физическихъ, въ карающихъ явленіяхъ природы, они читали вразумленіе, побужденіе къ духу братства и любви. Лѣтописцы нарочно, послѣ разсказа о буйныхъ вѣчахъ, указывали на физическія бѣдствія, какъ на кару Божью за *братоненавидѣніе* и *непокореніе другъ* къ *другу* и *зависть*. Значитъ, въ духѣ новгородскомъ въ то же время воспитывалась, неугасимо теплилась нравственная потребность самоусовершенствованія въ духѣ братства, мира. Слѣдовательно, нравственно-жизненны были и юные зачатки, ростки вѣчей. Въ нихъ самихъ заключались могучія, неистощимыя, свѣжія, здоровыя силы къ дальнѣйшему саморазвитію и самоусовершенствованію. Какъ ни буйны, какъ ни междуусобны были вѣча новгородскія, они всегда кончались миромъ и любовью. Новгородцы всегда подъ конецъ сходились въ любовь, брали миръ на всей волѣ новгородской, какъ братья. И лѣтопись всякій разъ оканчивала повѣсть о вѣчѣ словами: «И бысть миръ, и весь міръ радостью исполнился» и т. п. И какъ, повидимому, ни шатки были основы вѣчевыя, какъ ни хаотиченъ, нестроенъ складъ ихъ, но вѣча не разрушались, а все росли и крѣпли. Новгородцы все больше и больше воспитывались, укоренялись въ принципахъ вѣчей, и какъ святыню, какъ правду новгородскую, свято берегли отъ московскаго прикосновенія свой извѣковѣчный завѣтъ вѣчевой. Только вспомните разсказъ лѣтописей новгородскихъ, или псковскихъ, съ какимъ единодушнымъ, энергическимъ энтузіазмомъ гражданской, вѣчевой свободы новгородцы и псковичи боролись до послѣдней возможности съ Москвою за свои излюбленныя вѣча, съ какимъ героическимъ самоотверженіемъ головы свои полагали за свои вѣча. Только прочтите ихъ разсказы про вѣковую борьбу съ Москвою за вѣча, ихъ послѣдній плачъ передъ вѣчевыми колоколами. И вы убѣдитесь, что новгородцамъ и псковичамъ дороги, святы были ихъ принципы вѣчевые, какъ дорога была самая жизнь, свобода, правда новгородская, или псковская. «И былъ,—говоритъ, напримѣръ, псковскій лѣтописецъ,—въ Псковѣ плачъ и скорбь великая . . . Вотъ ужъ пришла на насъ зима. Ибо это царство расширится и злодѣйства умножатся. Охъ! Увы! . . . Вотъ спустили вѣчевой колоколъ, и начали псковичи, на колоколъ смотря, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ. И тогда отнялась слава псковская, и былъ онъ плѣненъ не иновѣрными, а своими единовѣрными людьми. И кто объ этомъ не восплачетъ и не возрыдаетъ? О, славнѣйшій городъ Псковъ Великій! Почто сѣтуешь и плачешь? И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи? *Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, исполненный крылъ, львовыхъ когтей,* и взялъ отъ меня три кедра ливанова, и красоту мою, и богатство и чадъ моихъ восхитилъ . . . И землю нашу опустошили, и городъ нашъ разорили, и людей моихъ плѣнили, и торжища мои конскимъ каломъ заметали, и отцевъ и братій нашихъ развели», и проч.

Зачѣмъ этотъ вопіющій, горькослезный плачъ надъ вѣчевыми колоколами, если бы свободная, естественная жизнь новгородская, или псков-

ская не цѣнила вѣчей, какъ своего дорогого, органическаго созданья? Зачѣмъ это вопіющее, ужасное предчувствіе всепобивающей *зимы*—московской политики, если бы вѣчевые принципы не были юными, весенне-жизненными ростками, зачатками естественной, общинной, соціальной жизни народной, если бы въ нихъ не было никакихъ зачатковъ широкаго, плодотворнаго саморазвитія, не было внутренней, полножизненности, и духъ псковскій, или новгородскій не чувствовалъ эту ихъ полножизненность? И, стало быть, могучая сила и жизненность заключалась и въ этихъ грубыхъ зачаткахъ вѣчей, когда обломки ихъ долго не могли окончательно сокрушиться. Грубы, преходящи, недолговѣчны были историческія, средневѣковыя формы вѣчей, но жизненно-народная идея ихъ, родившаяся и воспитавшаяся въ духѣ народномъ естественнымъ саморазвитіемъ жизни, принципы вѣчей истинны, естественны, вѣчно-жизненны, излюбленно-народны. Московское *насиліе большое*, по выраженію псковской лѣтописи, какъ *зима*, побивало самые юные ростки, зачатки вѣчевого организма. Но въ принципахъ вѣчевыхъ было столько народно-жизненной силы, самосохранности и саморазвиваемости, что они и въ московскую и даже въ петербургскую, или петровскую эпоху невольно проростали, такъ сказать, сквозь самыя приказныя бюрократическія формы, въ новые мірскіе сходы. Когда вѣчевыя права, такъ же какъ и титла областныя, сосредоточились въ державѣ московскихъ царей, и вѣчевые колокола были свезены въ Москву, или разбиты въ дребезги,—въ Москвѣ, изъ обломковъ, изъ элементовъ, изъ обычаевъ вѣчевыхъ, устроилась царская Земская Дума, или образовались частные Земскіе соборы, совѣты. Не только Грозный царь, но и въ XVII в. московскіе цари соблюдали обычай созывать частные московскіе земскіе соборы для совѣта, которые обыкновенно предшествовали великимъ, или общимъ Земскимъ соборамъ. Такъ напр., въ царской окружной грамотѣ 1619 г., читаемъ: «Великій государь, нашъ отецъ и святитель, патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій съ митрополитами, съ архіепископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ приходили къ намъ и совѣтывались съ нами... И мы, великій государь, царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Руси, съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Руси, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боярами, и съ окольничьими, и съ думными и со всѣми людьми московскаго государства, [1]) *учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и землю устроить.* И *усовѣтовавъ* .... приговорили: во всѣ городы, которые не были въ разореньѣ, послать писцовъ .... А изъ городовъ изъ всѣхъ, для вѣдомости и для устроенья указали есьми взять къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города, изъ духовныхъ людей, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренья, и чѣмъ московскому государству полниться и устроить бы мо-

[1]) Здѣсь подъ московскимъ государствомъ разумѣется, въ тѣсномъ смыслѣ, Москва, такъ же какъ Владиміръ, Новгородъ, Псковъ и другіе областные города назывались также *государствами* и въ XVII вѣкѣ.

сковское государство, чтобъ пришли всѣ въ достоинство». Такимъ образомъ въ Москвѣ, вокругъ царя, былъ земскій сходъ или соборъ собственно изъ чиновъ московскихъ, духовныхъ и мірскихъ. Этотъ московскій сходъ или соборъ уполномочивалъ и по всѣмъ областнымъ городамъ такіе же сходы, значитъ, признавалъ юридическое значеніе областныхъ городовыхъ сходовъ или земскихъ совѣтовъ, подобныхъ древнимъ вѣчамъ. Въ Новгородѣ, по старинному вѣчевому обычаю, сходъ назначался въ соборной церкви Софіи, въ другихъ городахъ—тоже въ соборныхъ церквахъ. «И какъ къ вамъ ся наша грамата прійдетъ—писалъ Михаилъ Ѳедоровичъ въ окружной грамотѣ во всѣ города—и вы бъ велѣли быть въ соборной церкви архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и всему освященному собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и посадскимъ и уѣзднымъ всякимъ людямъ галицкихъ (или другихъ какихъ) пригородовъ: и какъ *сойдутся*, и вы бы сю нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ людямъ вслухъ, и прочетчи, велѣли бъ духовнымъ людямъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ.... и соборные бъ на нихъ списки дали за руками и отпустили бы ихъ къ намъ къ Москвѣ» и проч. (А. А. Э. III № 105, Собр. Гос. Грам. IV). Такимъ образомъ самъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ, согласно съ старинными вѣчевыми обычаями народными, предписывалъ областнымъ городамъ составлять *сходы*, *сходиться* въ соборной церкви, и на сходахъ этихъ выбирать добрыхъ и разумныхъ людей на Земскій Соборъ, на общенародный съѣздъ. А Новгородъ, въ посланной къ нему окружной грамотѣ о сходѣ въ церкви святой Софіи, названъ даже, наравнѣ съ московскимъ государствомъ, *государствомъ Новгородскимъ*. Конечно, на оффиціальномъ языкѣ XVII в. это было одно пустое названіе, такъ же какъ и указные *городовые сходы* уже далеко не походили на древнія вольно-народныя вѣча. Но все же, и въ нихъ, какъ въ несомнѣнныхъ, очевидныхъ обломкахъ древнихъ вѣчевыхъ сходовъ, видна жизненность принципа городскихъ вѣчей, людскихъ собраній, мірскихъ сходовъ на думу на вѣча. Точно также, тотъ же принципъ вѣчевыхъ сходовъ или, по крайней мѣрѣ, оттѣнокъ ихъ, заключался и въ этихъ городовыхъ *земскихъ избахъ* XVII вѣка, гдѣ сходились выборные земскіе старосты и посадскіе. Напр., въ выпискѣ изъ Бѣлозерскихъ писцовыхъ книгъ 1674 г. сказано: «на площади *земская изба*, гдѣ сидятъ земскіе старосты *съ посадскими людьми*». (А. Ю. № 231). Въ актахъ города Шуи на такой же городовой мірской сходъ указываютъ выраженія: «въ земской избѣ, *передъ міромъ*». Впрочемъ, приказный элементъ мутилъ эти земскія начала мірскихъ городовыхъ сходовъ. Чрезмѣрное развитіе приказной системы, чрезвычайное умноженіе приказовъ въ Москвѣ и по областнымъ городамъ, ясно, никакъ не ладилось съ принципомъ вѣчевыхъ сходовъ. Не даромъ посадскіе, на земскомъ соборѣ 1642 г. жаловались царю: что они обнищали и оскудѣли до конца отъ воеводъ, а прежде воеводъ въ городахъ не бывало, а посадскіе судилися сами промежъ себя».

Учрежденіе бурмистерской палаты съ выборными бурмистрами, по указу 30 января 1699 г., учрежденіе Московской Ратуши (Ратгауза) съ

президентомъ, съ подъячими, съ оберъ-инспекторомъ и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, и, наконецъ, учрежденіе приказныхъ городовыхъ земскихъ избъ—окончательно уничтожили и въ приказно-правительственныхъ учрежденіяхъ послѣднюю тѣнь вольно-народныхъ, мірскихъ вѣчевыхъ сходовъ по городамъ. И Татищевъ, воспитанникъ Петра, напрасно видѣлъ въ городскихъ бурмистерскихъ палатахъ обломки вѣчевой вольности псковичей. «Я помню, говоритъ онъ, въ одномъ примѣчаніи къ своему своду древнихъ лѣтописей, я помню, какъ въ 1699 г. ихъ головы, или бурмистры судили и наказывали гражданъ, только для пытки и смертной казни отсылали къ воеводѣ; хотя въ гарнизонѣ было два полка стрѣльцовъ, но и граждане имѣли два полка и съ оными крѣпость содержали (охраняли), полковниковъ и прочихъ сами къ онымъ опредѣляли». Это были уже подновленные обломки храмины вѣчевой.

По указу 13 февраля 1720 г. учрежденъ былъ *Главный Магистратъ*, по образцу котораго предположено было учредить подобные же магистраты и въ прочихъ городахъ Россіи. Тутъ же вовсе не сходъ гражданъ завѣдывалъ дѣлами, а назначенъ былъ оберъ-президентъ бригадиръ и лейбъ-гвардіи капитанъ князь Трубецкой, и ему предписано было: «вѣдать всѣхъ купецкихъ людей судомъ и разсыпанную сію храмину паки собрать». Регламентъ Главнаго магистрата, изданный 16 января 1721 г., тоже ужъ вовсе не на сходы собиралъ земство городское, а «учинялъ форму магистратскаго правленія», да раздѣлилъ, разъединилъ, разсортировалъ земство на *регулярныхъ гражданъ* и *чернорабочихъ*, на *двѣ гильдіи* и на *цунфты* или *цехи*. Такимъ образомъ нѣмецкія городовыя формы не только окончательно искоренили принципы вѣчевыхъ сходовъ, но и уничтожили самую идею городскихъ *міровъ*, принципъ безраздѣльности, цѣлостности городского земства, неестественно дробя, сортируя его по средне-вѣковымъ нѣмецкимъ цехамъ и гильдіямъ. Въ XVII в. города наши назывались еще *мірами* и отчасти сохранили мірское значеніе. А теперь они окончательно стали бюрократически-гильдейско - цеховыми регламентарными учрежденіями. Вслѣдствіе этого *мірского смущенія*, недаромъ большая часть городского земства, купечества и мѣщанства обратилась при Петрѣ въ расколъ. И расколъ, недаромъ, возопилъ: «страхъ антихристовъ возвѣялъ на міръ и временныя соборя въ конецъ низложилъ». По городовому положенію 21 апрѣля 1785 г. учреждены были, на новыхъ основаніяхъ, городскія общества и городскія думы. Тутъ опять, прежде всего, произведено новое сословно-кастальное росписаніе, разсортированіе городского земства. Городскіе обыватели раздѣлены: 1) на именитыхъ гражданъ, 2) на вписавшихся въ гильдію, 3) на вписавшихся въ цехъ, 4) на иногородныхъ и иностранныхъ гостей, и 5) на посадскихъ. Для пріобрѣтенія каждаго изъ этихъ состояній начертаны дробные, многосложные параграфы правилъ и условій. Что касается до собранія городскихъ обществъ, то въ числѣ многихъ другихъ параграфовъ въ городовомъ положеніи начертаны слѣдующія правила: 1) городскимъ обывателямъ каждаго города дозволяется собираться въ своемъ городѣ, составлять общество городское и пользоваться предоставленными правами и выгодами, 2) городскіе обыватели собираются по *приказанію* и

дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для дозволенныхъ городскимъ обывателямъ выборовъ, такъ для выслушанія предложеній генералъ-губернатора или губернатора, 3) *отъ губернатора зависитъ дозволить* засѣданіе засѣдателямъ губернскихъ магистратовъ и засѣдателямъ совѣстнаго суда; 4) буде генералъ-губернаторъ, или губернаторъ обществу градскому учинитъ предлогъ, то общество градское беретъ оный въ уваженіе и чинитъ по случаю пристойные отвѣты; 5) сверхъ положенныхъ точно расходовъ, городовыя общества не могутъ сами собою издерживать денегъ городскихъ и дѣлать новыхъ издержекъ; но буде что усмотрѣно къ общей пользѣ, къ выгодѣ и къ украшенію города нужное, то представятъ пусть къ губернатору и ожидаютъ позволенія; 6) въ городовыхъ доходахъ и расходахъ, городовыя общества какъ губернатору подаютъ вѣдомости, такъ и въ казенную палату счеты свои посылаютъ и проч. и проч.

Вообще, читая городовое положеніе, мы видимъ въ немъ слѣдующіе главные недостатки, которые теперь чувствуется насущная потребность уничтожить. Во-первыхъ, городскія общества и ихъ собранія слишкомъ подчинены губернаторамъ. Каждое собраніе и каждое дѣйствіе городскаго общества зависитъ отъ *дозволенія и приказанія* губернаторовъ. Вслѣдствіе этого, общества городскія, купечество и мѣщанство, были безгласными рабами бюрократіи. Лѣтописи губернскихъ городовъ, хоть въ родѣ иркутскаго лѣтописца, исполнены самыми грустными фактами произвола губернаторовъ и страдальческой борьбы умныхъ и честныхъ городскихъ головъ съ губернаторами и губернскими правленіями. Теперь рѣдкій купецъ, мало-мальски мыслящій, не чувствуетъ необходимости сбросить съ городскихъ обществъ опекунство и попечительство бюрократіи. Теперь всякій разсудительный общественникъ хорошо понимаетъ, что общество единственный хозяинъ, глава и устроитель своихъ собственныхъ хозяйственныхъ интересовъ, что оно само и составляетъ городъ — предметъ и цѣль городского управленія и благоустройства, что оно пріобрѣтаетъ, копитъ городскіе доходы, чувствуетъ потребности, вырабатываетъ новые вопросы и способы жизни, живетъ само для себя своими собственными, внутренними силами; оно же, слѣдовательно, только и имѣетъ право хозяйничать своими капиталами, доходами, благоустроять свой собственный бытъ, свои публичныя заведенія и зданія, училища, магазины, улицы, мосты, водопроводы, водостоки и проч. и проч., изыскивать новые способы и средства для развитія и расширенія цивилизаціи, для просвѣщенія массъ простонародья городского и т. д. Контроль приказныхъ властей, тутъ вовсе не у мѣста. Только выбранные, излюбленные самими городскими обществами совѣты или правленья могутъ быть уполномочены обществомъ—завѣдывать дѣлами общественными. А эти правительства выбираетъ и устрояетъ правильно-организованный общественный городской сходъ, подобный сельскимъ мірскимъ сходамъ. Необходимость правильной организаціи по городамъ мірскихъ общественныхъ сходовъ, выборныхъ правительствъ, всесословныхъ, или лучше, безсословныхъ, земскихъ думъ, совѣтовъ, необходимость эта уже давно чувствуется. Особенно крайне необходимо ограничить власть губернаторовъ въ такихъ отдаленныхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ,

Сибирь, гдѣ произволъ доходитъ до послѣдней крайности. Нѣкоторые наши государственные люди уже предлагали эту необходимую мѣру еще въ царствованіе императора Александра I. Министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ въ своей оффиціальной запискѣ о Сибири писалъ: «Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ, скажу я кратко, что власть ихъ, какъ мнѣ кажется, должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную. Учрежденіе верховнаго сибирскихъ губерній правительства, совѣта, или коммиссіи изъ чиновниковъ, частью опредѣленныхъ отъ правительства, частью избираемыхъ отъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ ограничить власть начальника, который, яко предсѣдатель сего мѣста, имѣетъ токмо перевѣсъ, въ случаѣ равныхъ голосовъ.... Опыты многихъ лѣтъ доказали, что усиленіе власти магистратовъ, или городскихъ правительствъ въ образованной Европѣ не только послужили къ благоденствію народовъ, но, безъ сомнѣнія, и было основаніемъ образованности европейской», и проч. Да и не нужно много задумываться надъ организаціею выборныхъ городскихъ правленій. Нужно только допустить устроить въ городахъ правильные всесословные, земскіе, мірскіе сходы, или собранія, подобные сельскимъ мірскимъ сходамъ, или подобно тому, какъ и въ XVII вѣкѣ царь Михаилъ Өедоровичъ велѣлъ же по всѣмъ городамъ самимъ горожанамъ устроить *сходы* по соборнымъ церквамъ, для избранья выборныхъ на московскій земскій соборъ. Сходы эти уже изберутъ выборныхъ головъ, старостъ, или кого излюбятъ и найдутъ нужнымъ, и устроятъ, организуютъ городскія выборныя правленья. А мало-по-малу и самые городскіе сходы получатъ правильное, опредѣленное, органическое устройство. Если крестьяне способны къ сельскимъ сходамъ и къ выборному самоуправленію, то, безъ сомнѣнія, и горожане будутъ къ тому способны.

Съ ограниченіемъ власти губернаторовъ и съ расширеніемъ правъ гражданскихъ, очевидно, необходимо расширить и составъ городскихъ думъ. Теперешнія наши думы, какъ извѣстно, не соединяютъ въ себѣ представителей отъ всѣхъ городскихъ сословій, а только отъ купцовъ и отъ мѣщанъ. Вслѣдствіе этого, думы исключаютъ представительство общихъ интересовъ гражданства, всего городского міра, ограничиваясь выгодами и интересами одного торговаго и ремесленнаго сословія, исключаютъ изъ общаго городского правленія самый образованный классъ населенія—дворянъ, почетныхъ гражданъ, ученыхъ, литераторовъ, и другихъ разночинцевъ, которые только большею частію и служатъ представителями знанія и дарованій по разнымъ отраслямъ наукъ—реальныхъ, практическихъ и гуманныхъ, нравственныхъ, по разнымъ родамъ искусствъ реальныхъ и изящныхъ, по разнымъ сферамъ человѣческой, гражданской дѣятельности. Городскія думы должны быть сходомъ всего городского земства, мѣстомъ такъ необходимаго теперь уравненія и сліянія сословій въ цѣльные, равноправные городскіе міры. По принципу мірского саморазвитія русскаго народа, какъ въ селахъ возобновлены мірскіе безсословные, крестьянскіе сходы, такъ и въ городахъ должны быть возстановлены,

на тѣхъ же общихъ правахъ и основаніяхъ, такіе же мірскіе земскіе гражданскіе сходы.

Какъ бы то ни было, какова бы ни была прошедшая исторія нашихъ городовъ, но принципъ мірского экономическаго и юридическаго самоустройства, принципъ мірской сходчивости, совѣщательности и мірского выборнаго начала составляетъ коренную, естественно-жизненную, исторически-природную потребность русскаго народа. Въ организмѣ русскаго народа, еще юнаго, всемощнаго, крѣпкаго, течетъ та же самая кровь, какая билась въ немъ въ младенческія вѣчевыя времена. Организмъ народный тотъ же. Только тяжелыя обстоятельства историческаго воспитанія и роста его много крови испортили въ немъ, много охладили энергіи въ долгій періодъ его богатырскаго сна и государственнаго неподвижнаго положенія. И несмотря на всѣ разъѣдающія централизаціонныя, бюрократическія, кастально-сословныя, регламентарныя—начала разъединенія нашего земства, несмотря на нѣмецко-корпоративный военно-бюрократически гильдейско-цеховой строй нашихъ городовъ, несмотря на расколъ, происшедшій въ земствѣ,—въ крови народнаго организма сохраняется извѣковѣчная потребность мірской сходчивости и совѣщательности, мірской самобытной инициативы и самоуправительности. Ужъ какъ повидимому, ни забиты были массы нашего городского земства въ XVII и особенно въ XVIII ст., какъ бюрократія ни гнула, ни ломала ихъ на свой ладъ, какъ ни воспитывала въ нихъ привычку къ казенной опекѣ, казенно-приказному покровительству — городскія земскія общины упорно таили въ себѣ извѣковѣчныя, созданныя всею самобытно-историческою жизнью народною принципы мірского самоустройства, самобытныхъ мірскихъ сходовъ и распоряженій. Имъ и жалованная Екатериною грамота — о правахъ — неправая грамата. Въ 18-мъ № «Дня» напечатанъ любопытный фактъ изъ архива городской думы города Мологи, какъ жители этого города обнаружили замѣчательную попытку независимаго экономическаго самоустройства и независимыхъ, самобытныхъ сходовъ въ думу, вслѣдъ за полученіемъ городской жалованной граматы и Городоваго Положенія. «Получается указъ — читаемъ въ Днѣ — о вновь дарованныхъ граматою 1785 г. 21 апрѣля правахъ и преимуществахъ, объявляется жителямъ, торжественно, подъ руководствомъ начальства, открывается собраніе, назначаются городскіе чины, учреждается дума. Все въ порядкѣ. Но на другой же день, по открытіи думы, граждане собираются снова, уже не въ присутствіи начальства, и постановляютъ, безъ помощи баллотировки, единогласный приговоръ такого содержанія: «Въ § 42 Городоваго Положенія сказано, что независимо отъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, поступающихъ въ городскіе доходы и подлежащихъ распоряженіямъ на точномъ основаніи закона—обществу представляется право дѣлать добровольныя складки и собранными такимъ образомъ суммами распоряжаться по своему усмотрѣнію, не давая никому въ томъ отчета. Такъ какъ, напротивъ того, исчисленными городскими доходами общество распоряжаться не въ правѣ, и всѣ они могутъ быть расходованы только на указанные начальствомъ предметы, согласно

съ смѣтой, учреждаемой начальствомъ, и подлежатъ отчетности и контролю казенной палаты,—то и общество составляетъ свой собственный общественный капиталъ (первоначально въ нѣсколько тысячъ) съ тѣмъ, чтобы въ этотъ капиталъ уже никакое начальство не вступалось, чтобы распоряженіе этимъ капиталомъ было ввѣрено тому же градскому главѣ, и чтобы градской глава отдавалъ въ своихъ распоряженіяхъ отчетъ ежегодно, *одному* обществу, никому болѣе».

Это было въ 1786 году. Собранный капиталъ былъ записанъ въ особыя шнуровыя книги и сталъ возрастать быстро. Съ согласія общества, часть капитала раздавалась въ займы за 9 и за 10 процентовъ, и дѣлались другіе, выгодные для общества, обороты. Отчеты отдавались ежегодно. Въ распорядители избирались почти всегда градскіе головы. Расходы производились на предметы общественной потребности и благотворительности и съ необыкновенной точностью вносились въ книги. Городъ на эти деньги призрѣвалъ бѣдныхъ и содержалъ богадѣльни, о которыхъ въ оффиціальныхъ отчетахъ вовсе не значилось, выдавалъ денежное пособіе двумъ церквамъ въ уѣздѣ, связаннымъ какими-то историческими воспоминаніями съ городомъ, помогалъ уѣздному училищу, не скупился даже и на тѣ предметы внѣшняго благоустройства, которые входили въ число законныхъ статей расхода оффиціальныхъ городскихъ доходовъ. Напримѣръ: нужно вымостить топкое мѣсто въ срединѣ города: исчисляется расходъ оффиціальнымъ порядкомъ; губернское начальство присылаетъ, какъ слѣдуетъ, для повѣрки, инженернаго офицера, наконецъ разрѣшаетъ думѣ внести въ смѣту городскихъ расходовъ такую-то сумму на замощеніе топкаго мѣста. Переписка продолжается нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ топкое мѣсто уже давно замощено, безъ помощи инженеровъ, и замощено крѣпко, прочно, нерѣдко на сумму высшую противъ назначенной по смѣтѣ; эта сумма бралась изъ тайнаго общественнаго капитала.

Такимъ образомъ въ городѣ существовали двѣ думы, двѣ власти, два общества, состоявшія изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: дума, власть, общество,—какъ заведенія оффиціально-общественныя, и дума, власть, общество—какъ учрежденія свободныя, сами собой органически образовавшіяся. Въ то время, какъ городскихъ доходовъ показывалось по смѣтѣ не свыше 4 тысячъ, капиталъ общественный возросъ свыше 50 т. р. сер. и расходы изъ него на потребности города превышали расходы оффиціальные. Лѣтъ черезъ 20 послѣ открытія Думы, общество, желая упрочить такой порядокъ, опредѣлило построить, и построило, на этотъ *свой* общественный капиталъ пространный каменный гостинный дворъ, съ тѣмъ, чтобы доходы съ лавокъ (отдававшихся въ наймы членамъ того же общества) причислялись къ тому же общественному капиталу, не подлежащему оффиціальному контролю. Тогда не было такого дѣятельнаго вмѣшательства со стороны губернскаго начальства, какъ въ наше время, и гостинный дворъ выросъ, какъ изъ земли, безъ всякой помѣхи со стороны губернскихъ властей и строительныхъ коммиссій. Городъ обстроился». Такимъ экономическимъ самоуправленіемъ пользовалось свободное неоффиціальное мологское общество и его собраніе—дума съ 1786 г. по 1847 г., когда бюро-

кратія обратила общественную городскую собственность въ казенное достояніе.

А не тотъ же-ли изстаринный, жизненно-народный принципъ мірскихъ сходовъ и совѣтовъ отстаиваетъ до сихъ поръ расколъ—эта общинно-демократическая оппозиція земства противъ нѣмецко-бюрократическихъ формъ имперіи? Вопія противъ того, что страхъ антихристовъ возвѣялъ на земскій міръ, произвелъ мірское смущеніе и *временны соборы въ конецъ низложилъ*, демократическія общины раскола мало-по-малу организовали, по стариннымъ, народнымъ принципамъ, свои *сходы*, *соборы*, *совѣты*. Это юридическое саморазвитіе ихъ, равно какъ и колонизаціонное и экономическое самоустройство, особенно началось послѣ 1782 г., съ того времени, когда стали ослабѣвать крутыя мѣры и гоненія правительства и церкви противъ раскола. Вѣрныя изстаринному народному такту и міросозерцанію, старообрядцы не допускали и не допускаютъ у себя кастально-сословнаго разъединенія. Въ заповѣдномъ «отвѣтѣ вопрошающимъ», нѣкорыя согласія, напримѣръ, филипповское, положительно говорятъ: «мы всѣ равны, и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ». На языкѣ раскольничьемъ, *сословіе* значитъ то же, что общество, согласіе, *соборъ*, какъ называютъ себя, напримѣръ, петербургскіе старообрядцы. Вслѣдствіе такого безсословнаго значенія раскольничьихъ согласій, и сходы или совѣты въ нихъ получаютъ правильное, естественное юридическое саморазвитіе, и изъ обычая мало-по-малу начинаютъ возводиться даже въ письменную опредѣленность. Для примѣра приведемъ здѣсь общія юридическія правила взаимнаго совѣта или собранія московскихъ старообрядцевъ Федосѣева и Старо-Поморскаго согласій. Извлекаемъ эти правила изъ находящейся у насъ подъ руками рукописи, подъ заглавіемъ: «Дружескія Извѣстія».

«Неусыпныя соревнованія Федосѣева согласія и нашего согласія, по многимъ и труднымъ своимъ движеніямъ (въ дѣлахъ) защиты и покровительства разновидныхъ своихъ познаній, достигли нынѣ уже до предѣловъ рѣшительности въ своихъ разномысліяхъ... Любя истину и христіанское благочестіе, положено было оными сословіями: уничтожить взаимныя разногласія, распространить общую святую любовь и возстановить между собою многолѣтное спокойствіе.

1) Къ лучшему и точнѣйшему исполненію, по праву общей нашей обязанности, сего дѣла, такъ какъ оно производится взаимно нашими токмо сословіями, то слѣдуетъ составиться *собранію изъ обществъ нашихъ*.

2) Количество собранія не должно малостью ограничиваться. Потому что взаимныя противорѣчія, доселѣ въ насъ продолжавшіяся, коснулись весьма чувствительно цѣлыхъ нашихъ обществъ. А по сему и это дѣло имѣетъ отношеніе уже къ цѣлымъ нашимъ обществамъ, а не къ нѣкоторымъ только изъ нихъ. Поэтому надлежитъ собранію составиться, сколько отъ котораго сословія явиться къ нему расположительны, и сколько позволитъ пространство покоя.

3) А какъ все существо объясненія предположеннаго нами нынѣ дѣла относится по всему только къ нашимъ обществамъ, то кого изъ тѣхъ,

кои несогласны съ нашими сословіями, вамъ заблагоразсудится, мы согласны къ сему собранію допустить.

4) Самый внутренній кругъ онаго собранія долженъ составиться изъ десяти предсѣдателей, отъ каждаго сословія по пяти человѣкъ, въ сіе знаніе своими обществами удостоенныхъ. Прочіе-жъ да будутъ токмо слушателями.

5) Въ общемъ семъ собраніи должны быть введены полное спокойствіе, тишина и скромность отъ всѣхъ и каждаго, а всякое тому противное стѣсненіе отлучено.

6) Всякъ, возымѣвъ счастіе быть въ таковомъ собраніи, для вящаго познанія всѣхъ внушеній отъ чтенія проистекающихъ, непремѣнно, кто благоразуменъ и честенъ и страшится понести вѣчно титлы нескромности и безчинства, да благоволитъ, во все время чтенія, заняться въ себѣ самомъ непрерывнымъ своимъ молчаніемъ, да и другихъ ни къ какимъ переговорамъ нисколько даже да не возбуждаетъ.

7) *По довѣрію общественной воли* и взаимнаго согласія нашихъ сословій, въ собраніи семъ, предсѣдатели занимаютъ первенство, и равнымъ достоинствомъ получаютъ себѣ и каждый особенно полную власть наблюдательства въ ономъ тишины и спокойствія. Въ случаѣ же нарушенія сего, всякому изъ собравшихся, не снисходя и своему товарищу, творящему чтенію остановку и въ замѣшательство тишину приводящему,—на первое дерзновеніе каждый предсѣдатель или самъ собою, или чрезъ кого-нибудь, имѣетъ право сказать; «пріимите молчаніе»; на второе: «нескромность тишину не любитъ: она изъ оной исключается», а потомъ и можетъ оную выпроводить вонъ изъ собранія. А въ случаѣ сопротивленія, то и самъ хозяинъ, у кого собраніе, по праву хозяйственности и какъ любящій притомъ тишину, имѣетъ власть подать помощь къ успѣшному исключенію, а также можетъ попросить и сопроводить нескромнаго быть внѣ своего дому.

8) Каждая статья чтенія ни чѣмъ не должна въ собраніи семъ возражаться; поколику что сіе собраніе не для словопренія, а единственно токмо для сообщенія объясненій. Будетъ кто изъ предсѣдателей пожелаетъ которую статью повторить, то сіе да будетъ позволено, однакожъ не болѣе одного раза.

9) Нашего общества предсѣдатели, за собственнымъ подписаніемъ, вручатъ оныя объясненія вашимъ предсѣдателямъ, кои въ полученіи ихъ также пятеро должны росписаться.

10) Домъ для собранія да будетъ у согласнаго къ сему сочлена, но болѣе способный и ко взаимному спокойствію надежный.

11) Всякъ покровительствующій своимъ домомъ сіе наше общее собраніе, можетъ отъ сего получить безсмертный памятникъ великой пользы въ здѣшней и будущей жизни; потому что таковый домъ можетъ учиниться открытіемъ самыхъ занимательнѣйшихъ истинъ, текущихъ изъ необходимостей къ благоразумному и честному христіанскому состоянію.

12) Всякъ, принятіемъ въ свой домъ, къ сему общему собранію изъявляющій усердіе и желающій имѣть оное въ своемъ домѣ, да благоволитъ

извѣстить, какъ Преображенскаго кладбища, такъ и нашего общественнаго дома первенствующихъ, за собственноручнымъ подписаніемъ или таковою, или подобною сей запискою:

По наименованіи:

«Предположенныя нынѣ нашими сословіями мѣры къ вящему между нами взаимному благосостоянію я пріемлю въ уваженіе и почитаю оное соревнованіе христіанскою обязанностію. Для сего благаго дѣла предвозвѣщено было общему быть собранію, которое, по всѣмъ свойствамъ постановленныхъ статей, образующихъ сіе собраніе, я сердечно и всею моею любовію допустить въ мой домъ желаю, и оное къ себѣ прошу и пріемлю, а при томъ увѣряю, что оное собраніе ко вмѣщенію своему въ моемъ домѣ найдетъ удобность, да и къ спокойствію каждаго въ ономъ участвующаго приложу всемѣрное мое спомоществованіе, и проч.

13) День къ собранію долженъ назначаться взаимно отъ нашихъ сословій.

14) Обвѣстить къ собранію за два дня или ранѣе.

15) Начало собранія должно быть непремѣнно часъ по полудни».